САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С. И. ВАВИЛОВА РАН

Э. И. Колчинский, С. И. Зенкевич, А. И. Ермолаев,
С. В. Ретунская, А. В. Самокиш

МОБИЛИЗАЦИЯ И РЕОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Под общей редакцией Э.И. Колчинского

Нестор-История
Санкт-Петербург
2018

SAINT PETERSBURG BRANCH OF THE S. I. VAVILOV INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

E. I. Kolchinsky, S. I. Zenkevich, A. I. Ermolaev,
S. V. Retunskaya, A. V. Samokish

MOBILIZATION AND REORGANIZATION OF RUSSIAN SCIENCE AND EDUCATION DURING THE FIRST WORLD WAR

Under the general editorship of E. I. Kolchinsky

Nestor-Historia
Saint Petersburg
2018

УДК 570(47+430)«19»
ББК 63.3(2)(4 Гем)6:28.0
К61

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-111-00072, не подлежит продаже

К61 Колчинский Э. И., Зенкевич С. И., Ермолаев А. И. и др.
Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / Под общ. ред. Э.И. Колчинского. — СПб. : Нестор-История, 2018. — 672 с., ил.

ISBN 978-5-4469-1515-6

В книге предпринята попытка комплексного анализа влияния Первой мировой войны на мотивацию, структуризацию и самоидентификацию российского научного сообщества и его институтов. Трансформация научных и образовательных учреждений России под влиянием Первой мировой войны анализируется как процесс создания мобилизационной модели организации науки и связанной с ней перестройки системы взаимоотношений ученых с властью и обществом. Особое внимание уделено возрастанию роли научного сообщества в обеспечении фронта и тыла сырьем и продовольствием, в разработке оружия и военных технологий, в создании новых отраслей оборонной промышленности, в охране памятников науки и культуры, в рациональном использовании флоры и фауны. Дан целостный анализ изменения тематики исследований, трансформации соотношений прикладного и фундаментального знаний, естественных и гуманитарных наук, утверждения образа науки как фабрики знания, ставшего основой для планов формирования сети научно-исследовательских институтов. Принципиально новыми организационными формами взаимодействия власти, военных, ученых и промышленников стали Особые совещания, военно-промышленные комитеты, Химический комитет, Ученый комитет Министерства земледелия, а также научные общества при ИАН. Они положили начало организации научно-прикладных исследований в масштабах всей страны и обозначили необходимость перехода к государству главной функции финансирования исследований, их централизованного планирования и внедрения системы правительственных заказов в науке. Основной текст написал Э. И. Колчинский, редактировала С. И. Зенкевич, иллюстрации подготовили С. И. Зенкевич и С. В. Ретунская. А. В. Самокиш написала подраздел 7.3, А. И. Ермолаев — 7.4 и 14.5, С. И. Зенкевич — 11.1, С. В. Ретунская — 11.5. Именной указатель составили А. И. Ермолаев и Э. И. Колчинский. Перевод титульного листа и оглавления сделала А. С. Волкова.

ISBN 978-5-4469-1515-6

9 785446 915156

УДК 570(47+430)«19»
ББК 63.3(2)(4 Гем)6:28.0

© Коллектив авторов, 2018
© Издательство «Нестор-История», 2018

Kolchinsky E. I., Zenkevich S. I., Ermolaev A. I., Retunskaya S. V., Samokish A. V.
Mobilization and Reorganization of Russian Science and Education during the First World War / Under the general editorship of E.I. Kolchinsky. — Saint Petersburg: Nestor-Historia, 2018. — 672 p., il.

ISBN 978-5-4469-1515-6

The book attempts to analyze comprehensively the impact of the First World War on the motivation, structuring and self-identification of the Russian scientific community and its institutions. The transformation of scientific and educational institutions in Russia under the influence of the First World War is analyzed as the process of creating a mobilization model for organizing science and the associated reconstruction of the system of relations between scientists, the government and society. Special attention was paid to the increasing role of the scientific community in the front and rear supply with raw materials and food, developing military technologies, creating new branches of the defense industry, protecting the science and culture heritage and the rational use of flora and fauna. The book gives a complete analysis of changes in research topics, transformation of applied and fundamental knowledge ratio, natural and human sciences, acceptance of the image of science as a knowledge factory, which became the basis for plans to form a network of research institutes. The essentially new organizational forms of interaction between the authorities, the defense officials, scientists and industrialists were Special meetings, military-industrial committees, the Chemical Committee, the Scientific Committee of the Ministry of Agriculture, and the scientific societies inside the IAN. They marked the beginning of applied research across the country and identified the need to move the main function of research funding to the state, to the centralized planning of research, and to the introduction of a system of government orders in science.

The main text was written by E. I. Kolchinsky, edited by E. I. Kolchinsky and S. I. Zenkevich, illustrations prepared by S. I. Zenkevich and S. V. Retunskaya. A. V. Samokish wrote subsection 7.3, A. I. Ermolaev — 7.4 and 14.5, S. I. Zenkevich — 11.1, S. V. Retunskaya — 11.5. Index of names is made by A. I. Ermolaev and E. I. Kolchinsky. Translation of the title page and the table of contents is made by A. S. Volkova.

© Group of authors, 2018
© Publishing house “Nestor-Historia”, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ИСТОРИОГРАФИЯ 14

Часть 1
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Глава 1. Российская наука и власть на границе веков 43
1.1. Российская наука, власть и общество в конце XIX — начале XX в. 43
1.2. Начало политического противостояния академического сообщества и власти 46
1.3. «Бунтующие» университеты и Академический союз 51
Глава 2. Российская наука в предвоенное десятилетие 56
2.1. Хождение ученых во власть 56
2.2. Развитие государственной системы организации науки 58
2.3. Усиление связи науки и высшей школы 62
2.4. Разработка негосударственных форм организации науки 72

Часть 2
ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА И МОБИЛИЗАЦИЯ НАУКИ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ: (ИЮЛЬ 1914 — ФЕВРАЛЬ 1917 г.)

Глава 3. Патриотический порыв и дифференциация позиций 80
3.1. Национальное единение 80
3.2. Восприятие начала войны в научном сообществе 83
3.3. Германофобия и различные трактовки целей и задач войны 91
3.4. Об «академическом патриотизме» и повседневной жизни 98
Глава 4. Информационные войны и национально-государственная наука 103
4.1. «Война умов»: ее зачинщики и участники 103
4.2. Информационная война и научный интернационал 114
4.3. Суверенная наука 118
Глава 5. Смена ориентиров и перестройка международных сетей 124
5.1. Традиции немецко-русского сотрудничества 124
5.2. Академический саботаж разрыва русско-немецких научных связей 127
5.3. Несостоявшаяся научная «Антанта» 136
Глава 6. Адаптация фундаментальной науки к нуждам войны 145
6.1. Изменения кадрового состава и планы реорганизации Императорской Академии наук (ИАН) 145
6.2. Адаптация планов и трансформация структуры ИАН 151
6.3. Война и изучение Севера 157
6.4. Проект «Наука в России» 160
6.5. Мобилизация истории науки 161
6.6. Мобилизация метеорологии, гидрографии и геофизики 163

Глава 7. «Сражающиеся университеты» 169
7.1. Основные векторы мобилизации высшей школы 173
7.2. Главный университет столицы и его участие в мобилизации науки 191
7.3. Психоневрологический институт 202
7.4. В глубоком тылу: Казанский университет в годы войны 211
7.4.1. Организационные и благотворительные меры для помощи фронту 211
7.4.2. Образование в Казани Военно-промышленного комитета и его поворот к научно-техническим проблемам 217
7.4.3. «Мобилизация» деятельности физико-математического факультета ИКУ 221
7.4.4. Мобилизованная университетская медицина 228
7.5. Нарастающий кризис и высшая школа 231
Глава 8. Научные сообщества и закат негосударственной науки 236
8.1. Объединения экономистов и социологов в противоречивом поле взаимодействия власти и гражданского общества 236
8.2. Технические и физико-химические научные общества: мобилизация и потери 242
8.2.1. Императорское Русское техническое общество 242
8.2.2. Русское физико-химическое общество 247
8.3. Естественнонаучные общества и их упадок в годы войны 257
8.3.1. Общие векторы трансформации естественнонаучных обществ 257
8.3.2. Столичное общество естествоиспытателей 259
8.3.3. Естественнонаучные общества на периферии 269
8.3.4. Борьба за выживание естественнонаучных обществ Украины и Крыма 273
8.4. Академия наук и общероссийские естественнонаучные общества 278
8.4.1. Русское ботаническое общество 279
8.4.2. Русское физиологическое общество 282
8.4.3. Русское палеонтологическое общество 285
8.4.4. Ячейки гражданского общества или государственных структур 286
Глава 9. Институционализация мобилизационной науки 289
9.1. Правительственные и общественные органы мобилизационной науки 289
9.2. Организация КЕПС 299
9.3. Первые итоги деятельности КЕПС 307
9.4. Фонд А. П. Карпинского 317
Глава 10. Мобилизационная наука и промышленность 319
10.1. Возникновение химической оборонной промышленности 319
10.2. Создание оптического оружия 328
10.3. Симбиоз науки, власти, армии и промышленности 330
Глава 11. Санитарно-медицинское обеспечение войны 334
11.1. Благотворительность и дискурс периодической печати в первые дни войны 334

11.2. Участие ученых в создании и деятельности лазаретов и военно-санитарных поездов 340
11.3. Фронтовой опыт медицины 346
11.4. Наука — фронтовой медицине 350
11.5. Медицинские журналы Петрограда 352
Глава 12. Биология и мобилизация биоресурсов 356
12.1. Кадровая динамика 357
12.2. Институциональные изменения 367
12.3. Первая мировая война и реформы сельскохозяйственных наук 379
12.4. Мобилизация растительных ресурсов 387
12.5. Воздействие войны на фауну и попытки ее мобилизации 396
12.6. Охрана природы и рациональная эксплуатация биоресурсов 402
12.7. Коллекционная деятельность 407
12.8. Мобилизация почвенных и палеобиогеохимических ресурсов: почвы и биолиты 409
Глава 13. Сохранение исторического и интеллектуального наследия 417
13.1. Умножение культурного наследия и сохранение памяти о войне 418
13.2. Экстренные меры по охране исторических и культурных ценностей в первые месяцы войны 421
13.3. Комиссия об охранении исторических памятников и научных коллекций в районах военных действий 424
13.4. История и археология как орудие геополитики 431
13.5. Нереализованные планы по охране культурных и исторических памятников 432

Часть 3

РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И НАУКА

Глава 14. Февральская революция: надежды и разочарования 435
14.1. Наука и вузы накануне свержения самодержавия 435
14.2. Первая реакция: лояльность и сдержанность 445
14.3. «Медовый месяц»: «демократизация» Академии наук и высшей школы 456
14.4. От мобилизации науки к ее глобальной реорганизации 468
14.5. Мобилизованное время как элемент борьбы с экономическим кризисом 480
14.6. Демобилизация мобилизованной науки 488
14.6.1. Демобилизация тематики научных исследований КЕПС и КИПС 488
14.6.2. История науки и науковедение 492
14.6.3. Спасение культурного наследия в новых условиях 496
14.7. От реорганизации науки к ее эвакуации: разочарование и поиски выхода 501

Глава 15. От неприятия власти к диалогу и адаптации 518
15.1. Неприятие Октябрьской революции и расхождение позиций 518
15.2. В поисках сотрудничества 526

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ 534

ЛИТЕРАТУРА 546

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 607

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 609

TABLE OF CONTENTS

INTRODUCTION: FIRST WORLD WAR AND HISTORIOGRAPHY 14

Part 1

TRANSFORMATION OF THE NATIONAL SCIENCE AT THE END OF THE XIX — BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Chapter.1. Russian Science and Authority at the Turn of the Century 43
1.1. Russian Science, Government and Society in the late XIX — early XX century 43
1.2. Beginning of the Political Opposition of Academic Community and Government 46
1.3. "Rebellious" Universities and Academic Union 51
Chapter 2. Russian Science in the Prewar Decade 56
2.1. Scientists are Coming to Power 56
2.2. Development of the State System of Science Organization 58
2.3. Strengthening the Relationship between Science and Higher Education 62
2.4. Development of Non-state Forms of Science Organization 72

Part 2

PROTECTION OF FATHERLAND AND MOBILIZATION OF SCIENCE IN THE NAME OF VICTORY (JULY 1914 — FEBRUARY 1917)

Chapter 3. The Patriotic Impulse and the Differentiation of Positions 80
3.1. The National Unity 80
3.2. Perception of the Outbreak of the War in Scientific Community 83
3.3. Germanophobia and Various Interpretations of War Purposes 91
3.4. On "Academic Patriotism" and Daily Life 98
Chapter 4. Information wars and national-state science 103
4.1. "War of Minds": its Instigators and Participants 103
4.2. The Information War and International Scientific Community 114
4.3. Sovereign Science 118
Chapter 5. Changing the Reference Points and Restructuring International Networks 124
5.1. Traditions of German-Russian Cooperation 124
5.2. Academic Sabotage of the Breaking of Russian-German Scientific Relations 127
5.3. Failed Scientific «Entente» 136
Chapter 6. The Adaptation of Fundamental Science to the Needs of War 145
6.1. Personnel Changes and Reorganization Plans of the Imperial Academy of Sciences (IAS) 145
6.2. Adaptation of Plans and Transformation of the IAS Structure 151
6.3. War and Northern Studies 157

6.4. “Science in Russia” Project 160
6.5. Mobilization of the History of Science 161
6.6. Mobilization of Meteorology, Hydrography and Geophysics 163
Chapter 7. «Fighting» Universities 169
7.1. The main Vectors of Higher School Mobilization 173
7.2. The Main Capital University and its Participation in the Mobilization of Science 191
7.3. Psychoneurological Institute 202
7.4. Deep in the Rear: the Kazan University during the war 211
7.4.1. Organizational and Charitable Measures to Help the Front 211
7.4.2. The Formation of Military Industrial Committee in Kazan and its Turn to Scientific and Technical Problems 217
7.4.3. «Mobilization» of the Physics and Mathematics Faculty of the IKU 221
7.4.4. Mobilized University Medicine 228
7.5. The Growing Crisis and the Higher School 231
Chapter 8. Scientific Societies and the Sunset of Non-state Science 236
8.1. Associations of Economists and Sociologists in the Controversial Field of Interaction between Government and Society 236
8.2. Technical and Physico-Chemical Scientific Societies: Mobilization and Losses 242
8.2.1. Imperial Russian Technical Society 242
8.2.2. Russian Physical and Chemical Society 247
8.3. Natural Science Societies and their Decline during the War 257
8.3.1. General vectors of transformation of natural science societies 257
8.3.2. The Capital Society of Naturalists 259
8.3.3. Natural Science Societies on the Periphery 269
8.3.4. The Struggle for the Survival of Natural Science Societies of Ukraine and Crimea 273
8.4. The Academy of Sciences and All-Russian Natural Science Societies 278
8.4.1. Russian Botanical Society 279
8.4.2. Russian Physiological Society 282
8.4.3. Russian Paleontological Society 285
8.4.4. Cells of Civil Society or State Structures 286
Chapter 9. Institutionalization of Mobilization Science 289
9.1. Government and Public Bodies of Mobilization Science 289
9.2. Organization of CNPF (KEPS) 299
9.3. The First Results of CNPF (KEPS) Activities 307
9.4. Fund of A. P. Karpinsky 317
Chapter 10. Mobilization Science and Industry 319
10.1. The Emergence of Chemical Defense Industry 319
10.2. Making Optical Weapons 328
10.3. The Symbiosis of Science, Government, Military and Industry 330

Chapter 11. Sanitary and Medical War Support....334
11.1. Charity and the Discourse of Periodical Press in the First Days of the War....334
11.2. The Participation of Scientists in the Creation and Activities of Lazarets and Army Hospital Trains....340
11.3. Front-line Experience of Medicine....346
11.4. From Science to Frontline medicine....350
11.5. Medical Journals in Petrograd....352
Chapter 12. Biology and Mobilization of Bioresources....356
12.1. The Personnel Dynamics....357
12.2. The Institutional Changes....367
12.3. The First World War and Reforms in Agricultural Sciences....379
12.4. Mobilization of Plant Resources....387
12.5. The Impact of War on Fauna and Attempts to its Mobilization....396
12.6. Nature Conservation or Rational Exploitation of Bioresources?....402
12.7. Collectible Activities....407
12.8. Mobilization of Soil and Paleobiogeochemical Resources: Soils and Bioliths....409
Chapter 13. Preservation of Historical and Intellectual Heritage....417
13.1. Multiplying the Cultural Heritage and Preserving the Memory of the War....418
13.2. Emergency Measures for the Protection of Historical and Cultural Property in the First Months of the War....421
13.3. Commission for the Preservation of Historic Monuments and Scientific Collections in the Regions of Military Operations....424
13.4. History and Archeology as a Tool of Geopolitics....431
13.5. Unrealized Plans for the Protection of Cultural and Historical Monuments....432

Part 3

RUSSIAN REVOLUTIONS OF 1917 AND SCIENCE

Chapter 14. The February Revolution: Hopes and Disappointments....435
14.1. Science and Universities on the Eve of the Overthrow of the Autocracy....435
14.2. The First Reaction: Loyalty and Restraint....445
14.3. "Honeymoon": the "Democratization" of the Academy of Sciences and Higher Education....456
14.4. From the Mobilization of Science to its Global Reorganization....468
14.5. Mobilized Time as an Element of Struggle with the Economic Crisis....480
14.6. Demobilization of Mobilized Science....488
14.6.1. Demobilization of Research Topics of CNPF (KEPS) and CSTC (KIPS)....488
14.6.2. History of Science and Science of Science....492
14.6.3. Saving the Cultural Heritage in the New Conditions....496
14.7. From the Reorganization of Science to its Evacuation: Frustration and Ambivalence....501

Chapter 15. From Rejection of Power to Dialogue and Adaptation 518
15.1. The Rejection of the October Revolution
and the Differentiation of Positions.....518
15.2. Looking for the Cooperation 526

CONCLUSION: TRANSFORMATION VECTORS OF RUSSIAN SCIENCE.....534

REFERENCES 546

LIST OF ABBREVIATIONS.....607

INDEX OF NAMES.....609

ВВЕДЕНИЕ: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ИСТОРИОГРАФИЯ

До недавнего времени проблема «Наука и Первая мировая война», связанная с первыми попытками мобилизации науки, оставалась практически вне внимания российских и зарубежных историков науки, хотя само словосочетание «мобилизация науки» — это по сути дела клише того времени. Его постоянно использовали ученые в прессе, на научных заседаниях, в обращениях к власти[1]. При этом под мобилизацией науки в годы Первой мировой войны подразумевали не только интенсификацию исследований с целью развития оборонной промышленности, энергетического и транспортного обеспечения ее деятельности, снабжения сырьем и внедрения новых технологий для оснащения фронта боеприпасами, вооружением и военной техникой, но и разработку научных принципов организации промышленности, сельского хозяйства, военно-медицинской службы и использование природных ресурсов в военное время, а также идеологическую и политико-пропагандистскую деятельность для оправдания войны и сплочения населения, вовлечение ученых в различные благотворительные и общественные проекты ради воинов и членов их семей.

Но сам термин «мобилизация науки», а уж тем более его полисемантичность применительно к событиям Первой мировой войны в отечественной историографии оказался надолго забытым. Этот вопрос и по сей день остается мало разработанным, в том числе в литературе последних лет, посвященной главным образом изучению геополитических, социально-политических, экономических и культурологических аспектов Первой мировой войны.

В значительной степени это связано с тем, что в советской историографии долгое время не учитывали воздействие Первой мировой войны на последующие развитие и институционализацию отечественной науки за исключением работ, посвященных Комиссии по изучению естественных производительных сил России

[1] Примерно половина текста книги «Русская школа и университеты в мировой войне», изданной в 1929 г. в США Д. М. Одинцом и П. И. Новгородцевым с предисловием П. Н. Игнатьева в русской серии «Экономическая и социальная история Мировой войны», посвящена российским университетам и политехническим институтам: *Odinetz D. M, Novgorodtsev P.J.* Russian Schools and Universities in the World War. New Haven: Yale University Press, 1929. P. 131–239. Однако вышедшая в год «Великого перелома» книга эмигрантов не привлекла внимание советских историков науки и образования в силу понятных причин, а западным ученым, пытавшимся выжить в Великой депрессии, было не до прошлых событий далекой России. В итоге эта книга достаточно редко упоминается в литературе, хотя до сегодняшнего дня остается одной из наиболее удачных попыток дать коллективный образ науки и высшей школы в годы Первой мировой войны. В какой-то степени аналогичная попытка, но в меньшем масштабе и с основным упором на положение российской науки в последние годы Первой мировой войны и в последовавшей за ней Гражданской войне предпринята в коллективной монографии «Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки» (СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 306–335, 357–440).

(КЕПС) или Химическому комитету[2]. Да и в них, как правило, не рассматривали специально вопрос о роли российской науки в событиях Первой мировой войны и связанных с ней процессах трансформации отношений ученых с властью и обществом. Авторы обычно ограничивались кратким рассмотрением роли КЕПС или Химического комитета в жизни и творчестве ученых, принимавших активное участие в их создании и деятельности. Особо ценные сведения содержатся в монографиях об ученых, руководивших КЕПС[3].

Однако при этом фактически игнорировались многие другие формы мобилизации науки, например в учреждениях Министерства земледелия (бюро, промысловые экспедиции, опытные станции, ботанические сады и т. д.), в которых члены ИАН и других научных учреждений и высших учебных заведений искали ответы на вызовы времени и старались мобилизовать при помощи науки сельское хозяйство и биоресурсы для обеспечения победы. Практически не исследовались деятельность профессорско-преподавательского корпуса, направленная на нужды обороны, а также роль ученых и научных обществ в военно-промышленных комитетах, созданных по всей стране для координации деятельности власти, земства и промышленности[4]. Мало известно о деятельности ученых в созданных в 1915 г. по указу императора Николая II особых совещаниях, в состав которых их включали с правом совещательного голоса, наряду с военными и промышленниками[5]. Это представляется удивительным, так как еще в 1930 г., т. е. уже более 80 лет назад, один из главных теоретиков консервативной революции Э. Юнгер охарактеризовал Первую мировую войну как начало тотальной мобилизации всех стран и всех сторон их жизнедеятельности[6]. Эта оценка была воспринята мировой историографией, но долгое время фактически игнорировалась в отечественной литературе.

---

[2] *Кольцов А.В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. СПб.: Наука, 1999; *Трофимова Е.В.* Создание и деятельность Химического комитета при Главном артиллерийском управлении в годы Первой мировой войны. М.: Спутник, 2002.

[3] *Мочалов И.И.* В.И. Вернадский (1863–1945). М.: Наука, 1982. С. 202–220; *Перельман А.И.* А.Е. Ферсман. 1883–1945. М.: Наука, 1983. С. 34–46; *Соловьёв Ю.И.* Николай Семенович Курнаков. 1860–1941. М.: Наука, 1986. С. 86–94; *Строгонов Б.П.* Андрей Сергеевич Фаминцын (1835–1918). М.: Наука, 1996. С. 91–94.

[4] *Погребинский А.П.* Военно-промышленные комитеты // Исторические записки. Т. 11. М., 1941. С. 160–200; *Сергеева С.Л.* Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М.: [Б.и.], 1996; *Кюнг П.А.* 1) Судьба архивных фондов военно-промышленных комитетов // Отечественные архивы. 2007. № 2. С. 31–35; 2) Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М.: РГГУ, 2012.

[5] Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915–1918. Кн. 1–8 / Гл. ред. Л.Г. Бескровный. М.: Изд-во Института истории АН СССР, 1975–1979; Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918: В 3 т. / Сост. А.П. Корелин, А.С. Грузинов, М.К. Шацилло. М.: РОССПЭН, 2013.

[6] *Jünger E.* Die totale Mobilmachtung // Krieg und Krieger / Hrsg. E. Jünger. Berlin: Junker & Dünnhaupt, 1930. S. 10–30.

Вообще тема Первой мировой войны была не слишком популярной в советской историографии[7]. Основные работы, посвященные анализу российской промышленности в тот период, вышли в 1920-х гг.[8] Игнорируя тот факт, что Первая мировая война предопределила всю последующую историю России, советские историки отдавали приоритет событиям, последовавшим после Февральской революции, когда борьба за власть между различными политическими силами завершилась развалом российской армии и приходом к власти большевиков, фактически капитулировавших перед Германией на условиях Брестского мирного договора в марте 1918 г. По условиям договора, с которыми не мог согласиться даже нарком по иностранным делам Л. Д. Троцкий и против которых выступали как левые эсеры, так и значительная часть большевиков, Германия и ее союзники аннексировали огромные территории бывшей Российской империи. Для научного потенциала России особенно ощутимыми были потеря Польши, Прибалтики и Финляндии, где находились крупные университеты, а общий образовательный уровень населения был в целом выше среднего по стране. Из примерно 2,5 тыс. дореволюционных ученых и преподавателей высшей школы, оказавшихся за границей после Гражданской войны, не менее половины приходится на долю тех, кто остался вне пределов СССР в результате обретения независимости бывшими территориями Российской империи[9].

---

[7] В этом отношении противоположная картина складывалась в немецкой историографии, где практически сразу после Версальского мира появилось огромное количество работ, призванных осмыслить происшедшую катастрофу и выяснить ее причины. См., напр.: *Braun H.* Ostpreußen Chronik. Kriegsbilder aus den beiden Russen-Entällen 1914/1915. München; Leipzig: Nemrich, 1918; *Bischoff J.* Die letzte Front. Geschichte der Eiserner Division in Baltikum 1919. Berlin: Buch-und Tiefdr.–Ges., 1935; *Dwinger E. E.* Die letzter Reiter. Jena: Diederichs, 1935; *Dettmann L.* Ostfront. Ein Denkmal des deutschen Kampfes in Bildern und Tagebuchblättern. Berlin: Deutsch. Verl., 1938. Интерес к этой теме не иссякает и в XXI в.: *Liulevicius V. C.* Kriegsland im Osten. Erorberung Koloniesirung und Militärherrschsft im Ersten Weltkrieg. Hamburg: Hamburger, 2002. Только литература о русско-немецких взаимодействиях в годы военного противостояния, а также в 1917–1924 гг. насчитывает более тысячи названий; см.: *Koenen G.* Blick nach Osten. Versuch einer Gesamt-Bibliographie der deutschsprachigen Literatur über Russland und den Bolschevismus 1917–1924 // Deutschland und Rissische Revolution 1917–1924 / Hrsg. G. Koenen, L. Kopelew. München: Fink, 1998. S. 827–934; *Koenen G.* Der Russland Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900 bis 1945. München: Beck, 2005.

[8] *Горбачев И. А.* Хозяйство и финансы военно-промышленных комитетов. М.: Тип. т-ва Рябушинских, 1919; *Гриневецкий В. И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М.: Всерос. центр. союз потреб. об-в, 1919; *Клаус Р.* Война и народное хозяйство России. М.; Л., 1926; *Барсуков Е. З.* Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.: Штаб РККА, 1928; *Букшпан Я. М.* Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время Мировой войны. М.; Л.: Госиздат, 1929; *Шаров П.* Влияние экономики на исход мировой войны 1914–1918. М.: Госиздат, 1928; *Рудой Я.* Государственный капитализм в России во время империалистической войны. Л.: Прибой, 1925; *Иоффе Я.* Блокада и народное хозяйство в мировую войну. М.; Л.: Госиздат, 1929; *Шигалин Г. И.* Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). М.: Воениздат, 1956.

[9] *Колчинский Э. И.* Наука и эмиграция: судьбы и цифры // Зарубежная Россия. Кн. 2. 1917–1939. СПб.: Лики России, 2003. С. 165–169.

В большей части зарубежных исследований, посвященных проблемам мобилизации науки в период между Второй мировой и «холодной» войнами, остались в тени судьбы науки и ученых в 1914–1918 гг.[10] За последние 15 лет ситуация изменилась, особенно в связи со столетним юбилеем начала Первой мировой войны. Проведены десятки симпозиумов в разных странах, вышли сборники и монографии, посвященные отдельным отраслям науки, учреждениям и ученым разных стран. Появились первые попытки обобщить историографический опыт отечественных историков, исследующих различные аспекты Первой мировой войны[11]. В частности, показана определенная преемственность постсоветских исторических работ с дореволюционными и советскими традициями. Особое внимание постсоветских историков привлекали вопросы о причинах и характере войны (ее называли Великая, Вторая Отечественная, Империалистическая), о национальных интересах России и ее взаимоотношениях с союзниками, о роли внешних и внутренних факторов в проигрыше войны, об эволюции общественного сознания в восприятии целей и в оценке войны, о патриотизме, национализме и славянском единстве и т. п.[12] Но вот вопрос о роли российской науки в событиях Первой мировой войны обычно не поднимался.

Практически не затрагивался он и на крупном международном симпозиуме «Россия в Первой мировой войне» историков России, США, Великобритании, Германии, Франции, Финляндии, проходившем в Санкт-Петербурге 1–5 июня 1998 г.

---

[10] Это справедливо и для работ по истории немецкой науки, хотя раздел о Первой мировой войне обязательно присутствует во всех обобщающих сводках по истории главных научных и учебных заведений в Германской империи. См., напр.: Die Preußische Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1914–1945 / Hrsg. W. Fischer. Berlin: Akad.–Verl., 2000. S. 3–14; Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft. Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm / Max-Planck-Gesellschaft / Hrsg. R. Vierhaus & B. v. Brocke. Stuttgart: Dt. Verl.–Anst., 1990. S. 163–197. Но чаще всего проблему мобилизации науки скорее обозначали, чем раскрывали. Исключение составляют, насколько мне известно, лишь фундаментальные труды о лауреате Нобелевской премии создателе химического оружия Ф. Хабере: *Stoltzenberg D.* Fritz Haber. Chemiker, Nobelpreisträger, Deutscher, Jude: eine Biographie.Weinheim u. a.: Wiley–VCH, 1994. S. 223–350, и особенно: *Szöllösi-Janze M.* Fritz Haber. 1868–1934: eine Biographie. München: Beck, 1998. S. 256–488. Последнее исследование, основанное на огромном массиве архивного материала, совершенно в ином свете представляет деятельность Хабера и его взаимоотношения с властями, военными и промышленниками.

[11] *Козенко Б.Д.* Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27; *Самохина Г.А.* «Империалистическая» или «вторая отечественная»? Отечественные историки о характере Первой мировой войны для России // Вестн. Тамбовск. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (131). С. 145–150.

[12] *Писарев Ю.А.* Новые подходы к изучению истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 46–57; *Виноградов В.Н.* Еще раз о новых подходах к истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 65–74; *Сенявская Е.С.* 1) «Образ врага» в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 140–156; 2) Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. С. 62–72; Первая мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М.: Наука, 1998.

На нем обсуждали проблемы взаимосвязи войны и революции, поведение власти предержащей, политических партий и народных масс, психологии массового сознания военной эпохи, экономической трансформации России, развития национальных и межнациональных отношений[13]. Лишь в некоторых докладах и выступлениях, посвященных поведению российской интеллигенции и студенчества в годы Первой мировой войны, шла речь об ученых и в какой-то степени о науке, но отнюдь не о ее трансформации в этот период истории России[14].

Среди коммеморативных публикаций последних лет особенное место занимает фундаментальное трехтомное (5 книг общим объемом около 2000 с.) издание «Российская великая война и революция», вышедшее в США[15]. В нем около ста ученых из России, США, разных стран Европы и Японии пытаются дать беспристрастный и разносторонний анализ событий вековой давности, оказавших столь огромное влияние на судьбы человечества. Инициаторы проекта ставили цель привлечь новые архивные материалы и выработать новые подходы к изучению Первой мировой войны. Предпринята попытка вывести Первую мировую войну из тени последующих событий и не рассматривать ее лишь как прелюдию к Великой Российской революции. В последние годы она сама по себе стала полноправным субъектом изучения в рамках концепции, условно названной «непрерывным кризисом» (П. Холквист)[16]. Первая мировая война рассматривается не в качестве чего-то промежуточного между Российской империей и Советской Россией, что сыграло огромную деструктивную роль, но скорее как период интенсивной мобилизации, когда в ряде воюющих государств были созданы формы государственной власти, социального контроля и массовой культуры, которые обычно ассоциируются с тоталитарно-авторитарным управлением в период между двумя мировыми войнами и в годы «холодной войны». Такая практика включает национализацию экономики, жесткий контроль над всеми сферами общества, вплоть до вторжения в частную жизнь, националистически окрашенную идеологию, массовую пропаганду в поддержку построения утопий и т. д. Все эти аспекты активно обсуждались в публикациях, связанных со столетним юбилеем Первой мировой войны.

---

[13] Россия и Первая мировая война / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

[14] *Дьячков В. Л., Протасов Л. Г.* Великая война и общественное сознание: превратности индоктринизации и восприятия // Россия и Первая мировая война / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 58–67; *Смирнов Н. Н.* Война и российская интеллигенция // Там же. С. 257–270; *Колоницкий Б. И.* Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Там же. С. 271–288; *Моррисси С.* Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Там же. С. 288–302; *Носков В. В.* «Война, в которую мы верим»: начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России // Там же. С. 326–339.

[15] Russia's Great War and Revolution. Vol. 1–3. Bloomington: Slavica Publishers, 2014–2016.

[16] Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Vol. 3. Book 1: Russia Revolution in Regional Perspective / Eds. S. Badrock, L. G. Novikova, A. B. Retish. Bloomington: Slavica Publishers, 2015. P. XII.

В целом проект «Российская великая война и революция: 1914–1922» отражает новейшие тенденции в российской историографии, для которых характерна высокая степень международного сотрудничества. Для целей нашего исследования особый интерес представляет второй том этой серии — «Российский тыл в войне и революции: 1914–1922. Кн. 2: Опыт войны и революции»[17], где в разделе «Мобилизация российского общества» напечатаны две статьи о научных обществах России и статья об Академии наук в эти годы. Развитие отечественной науки в целом в этот переломный для нее и общества период и здесь не стало предметом комплексного и разностороннего анализа. Практически не рассматривалось оно и в рамках историко-сравнительных исследований науки в разных странах, получивших широкое распространение в современной историко-научной литературе[18].

Аналогичная ситуация наблюдалась и в отечественных коммеморативных научных мероприятиях и изданиях. За исключением докладов Э. Вишневски («Российские либералы в начале Первой мировой войны»), Т. М. Порховой («Министерство народного просвещения в эпоху Великих потрясений: 1914–1917 гг.») и В. В. Тихонова («Ученые и государственная власть в Российской империи в годы Первой мировой войны (на примере гуманитарных наук)») историко-научная тематика практически не затрагивалась на представительной и очень интересной международной конференции, состоявшейся в Москве в 2014 г.[19] Ее расширенные тезисы хорошо отражают современное состояние исследований первого в XX в. глобального вооруженного конфликта 1914–1918 гг., предопределившего дальнейшее развитие политико-экономического строения мира, всех сфер культуры, включая и российскую науку. Поднятые участниками вопросы о причинах происхождения войны, основных ее этапах и ее роли в истории мировой цивилизации важны также

[17] Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Vol. 3. Book 2: The Experience of War and Revolution / Eds. A. Lindenmeyr, Cr. Read, P. Waldron. Bloomington: Slavica Publishers, 2016.

[18] Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / Hrsg. D. Beyrau. Goettingen, 2000; Science and the Pacific War: Science and Survival in the Pacific, 1939–1945 / Ed. R. MacLeod. Dordrecht: Cluwer, 2000; Academia in Upheaval. Origins, Transfers, and Transformations of the Communist Academic Regime and East Central Europe / Eds. M. David-Fox, G. Péteri. Westpott; Connecticut; London: Bergin & Darvey, 2000; *Connelly J.* Captive University: The Sovetization of East German, Czech, and Polish Higher Education, 1945–1956. Chaptel Hill; London: University of North Carolina Press, 2000; Nature and Empire. Science and Colonial Enterprice / Ed. R. MacLeod. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2001. (Osiris. Vol. 15); За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки / Ред. М. Хайнеманн, Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002; *Schmiechen-Ackermann D.* Diktaturen im Vergleich. Darmstadt: Wiss. Buchges., 2002; Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003; Science and Ideology. Comparative History / Ed. M. Walker. London; New York: Routledge, 2003; Politics and Science in Wartime. Comparative International Perspectives on the Kaiser Wilhelm Institute / Eds. C. Sachse, M. Walker. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2005. (Osiris. Vol. 20).

[19] Первая мировая война — пролог XX века. Материалы международной научной конференции. Москва, ИВИ РАН — МГУ им. М. В. Ломоносова — МГПУ, 8–10 сентября 2014 г. Ч. 1 / Отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2014.

для понимания возникновения феномена мобилизационной науки[20]. К 100-летнему юбилею Первой мировой войны был приурочен ряд фундаментальных изданий; в некоторых из них исследуются и причины раскола в интеллектуальной элите Европы, получившего название «войны умов», его динамика и долгосрочное влияние на социально-культурную сферу и духовную судьбу европейской цивилизации[21]. Однако в большинстве коммеморативных конференций и изданий история науки осталась на периферии или даже вне исследовательского поля их организаторов и участников[22]. В лучшем случае внимание уделялось социально-политическим и экономическим воззрениям ученых.

В фундаментальном четырехтомном издании «Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918», содержащем тексты выдающихся представителей политической и интеллектуальной элиты того времени, наиболее точно отражены доминировавшие в научном сообществе воззрения на причины и цели войны, а также на пути послевоенного развития страны. В целом российские философы, экономисты и ученые, придерживавшиеся либеральных взглядов, не только дали комплексный анализ событий Первой мировой войны, но и смогли отразить ее влияние на все сферы общества, включая образование и культуру. Вместе с тем их вера в послевоенное возрождение России как демократического государства с модернизированной экономикой, предоставлявшей условия для раскрытия творческого потенциала каждого гражданина, не выдержала проверки временем, впрочем, как и предсказания их оппонентов.

В ноябре 2014 г. в Петербурге прошла крупная международная научная конференция «Первая мировая война и проблемы российского общества», посвященная 100-летнему юбилею Первой мировой войны[23]. В опубликованных материалах представлен широкий спектр взглядов на роль отдельных ученых, научных учреждений и обществ и отраслей знания в решении вопросов военного времени, а также о влия-

---

[20] *Романова Е.В., Фомин А.М.* Международная конференция «Первая мировая война — пролог XX века». URL: http://oaji.net/articles/2016/2690– 1459038917.pdf (дата обращения: 28.10.2016).

[21] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Ред. Л.С. Белоусов, А.С. Маныкин. М.: Изд-во МГУ, 2014. Даже в этом содержательном фундаментальном труде, дающем широкую панораму идеолого-политических, дипломатических, экономических, военных и других событий 1912–1920 гг., не нашлось места вопросу о науке в этот период, за исключением самых общих рассуждений на с. 94–100.

[22] Первая мировая война. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: Весь Мир, 2014; Война и мир. Первая мировая война и ее влияние на развитие общественного порядка и демократии / Под ред. В.С. Дубиной. М.: РОССПЭН, 2015; Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. Вып. 3 / Отв. ред. А.Ю. Павлов, А.В. Бодров, А.А. Малыгина. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. В последней книге есть две статьи о военно-техническом сотрудничестве России с Францией и Англией и статья о гидрометеорологическом обеспечении армии и флота России (с. 248–258, 270–278).

[23] Первая мировая война и проблемы российского общества: Материалы международной научной конференции 20–21 ноября 2014 г. / Отв. ред. А.С. Скаридов. СПб.: Изд-во ГПА, 2014.

нии войны на развитие самой науки[24]. Большинство статей написано с использованием архивного материала и редких литературных источников, но они все по объему невелики и зачастую лишь обозначают перспективное поле будущих исследований.

Теме «Наука и техника в Первой мировой войне» была посвящена XXXV Международная научная конференция Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, состоявшаяся 24–28 ноября 2014 г.[25] На пленарных заседаниях и 13 секциях было заслушано более 100 докладов, описывающих пути использования науки для решения технических, промышленных и сельскохозяйственных проблем военного времени. Многие доклады были посвящены вкладу разных отраслей естественнонаучного и технического знания, научных учреждений и обществ, высших учебных заведений, а также отдельных ученых, конструкторов и инженеров в обеспечение фронта оружием, боеприпасами и современной боевой техникой, в развитие отечественного авиастроения и судостроения и т. д. В них содержится важный фактический

[24] *Минина М.В., Митько А.В., Митько В.Б.* Действия военно-морского флота России в Первой мировой войне и зарождение морских информационных технологий // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 36–46; *Судариков А.М.* Развитие производства тротила на заводах Санкт-Петербурга накануне и в годы Первой мировой войны // Там же. С. 46–53; *Желобов А.П.* Издержки «почвенничества»: германский и русский этос в войне 1914 года глазами неославянинов // Там же. С. 67–70; *Корнилов С.В.* Первая мировая война и обоснование патриотизма в русской философии // Там же. С. 70–74; *Кузнецова О.Н.* Общественные инициативы в условиях Первой мировой войны и дороговизны // Там же. С. 74–78; *Москвитина О.А.* Русские психологи во время Первой мировой войны // Там же. С. 78–82; *Волошинова И.В., Гончар-Быш Н. Н., Фролов П.М.* Программа колонизации Севера Европейской России в годы Первой мировой войны // Там же. С. 104–108; *Кононенко С.В.* Исторические аспекты развития парашютизма в России (1910–1940 гг.) // Там же. С. 127–134; *Курёнышев А.А.* Московское общество сельского хозяйства и проблемы развития аграрного сектора экономики России в годы Великой войны (1914–1917 гг.) // Там же. С. 135–138; *Литвиненко С.В., Судариков А.М.* Первая мировая война и ведущие ученые Полярной комиссии Российской академии наук // Там же. С. 148–155; *Морозова В.В.* Полифонические иллюзии российского прогресса: Великая война // Там же. С. 155–158; *Хайрулин К.Ш., Махоткина Е.Л.* Создание Главного военно-метеорологического управления при Главной физической обсерватории. Первая мировая война // Там же. С. 193–196; *Алексеев Т.В.* Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны // Там же. С. 208–218; *Алексеева С.И.* Военные заказы Ремесленного училища цесаревича Николая // Там же. С. 218–222; *Захарова Т.Н.* Помощь раненым воинам в лазарете РУЦН в годы Первой мировой войны // Там же. С. 235–239; *Лосик А.В., Щерба А.Н.* Военно-технический прогресс России в годы Первой мировой войны // Там же. С. 259–261; *Федулов С.В., Лосик А.В.* Военно-техническое сотрудничество Российской империи и Великобритании в годы Первой мировой войны // Там же. С. 281–286; *Шугалей И.В., Илюшин М.А., Судариков А.М.* Химическое оружие. От создания к уничтожению // Там же. С. 286–292.

[25] Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXXV Международной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (24–28 ноября 2014 г.) / Ред.-сост. Б.И. Иванов, отв. ред. Э.И. Колчинский. Вып. XXX. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2014. (Далее: Наука и техника: Вопросы истории и теории. Год... Вып. ... С. ...).

материал для построения общей концепции мобилизационной науки. Особый интерес представляет попытка отразить в формализованном виде динамику военно-технического развития России в период Первой мировой войны[26]. В то же время весь корпус докладов показал, что еще предстоит огромная работа по поиску и анализу архивного материала для построения подробных концепций и их проверки в этой сфере исследований Первой мировой войны.

В целом за последние 15–20 лет ситуация с изучением Первой мировой войны, конечно, коренным образом изменилась, что показали и масштабные коммеморативные мероприятия 2014 г., и издания. Серьезный прогресс достигнут в области изучения развития промышленности и экономики, а также военно-санитарной службы в годы войны. С середины 1990-х гг. ежегодно выходят десятки статей и несколько монографий, освещающих различные ее стороны, в том числе прямо или косвенно касающихся российской науки того времени. Больше внимания уделяется проблемам развития военной промышленности в военные годы. Издан сборник документов по военной промышленности России в первые два десятилетия XX в., в котором центральное место занимают материалы по ее развитию в годы Первой мировой войны[27]. Вышла в свет монография В. В. Поликарпова, в которой детально проанализирован вопрос о том, как на самом деле шла модернизация российской военной промышленности и какие споры на эту тему велись в российской историографии с 1960-х гг.[28] В начале 1990-х гг. увидел свет труд Л. Б. Кафенгауза, в котором есть содержательные главы о промышленности России в годы предвоенного подъема (1908–1914), во время Первой мировой (1914–1917), в период революций и Гражданской войны (1917–1921) и восстановления промышленности (1921–1927)[29]. Несколько лет тому назад стала доступна книга бывшего царского генерала, а позднее помощника начальника Главного управления военной промышленности Высшего совета народного хозяйства В. С. Михайлова «Очерки по истории военной промышленности»[30]. Культивируемая в ней мысль о том, что

[26] *Батурин Ю. М.* Научно-техническая хронография Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 15–22.

[27] Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917) / Ред. Р. Ш. Ганелин. М.: Новый хронограф, 2004.

[28] *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индрик, 2008. С. 159–450.

[29] *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX века — 30-е годы XX века). М.: Эпифания, 1994. Кафенгауз занимал пост товарища министра промышленности и торговли во Временном правительстве, а в годы НЭПа возглавил Центральный отдел статистики Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР; также он был заместителем председателя Промышленно-экономического совета, преподавал в Московском университете. Его труд в 1930 г. был уже на стадии сигнала, но тираж не напечатали, так как Кафенгауза арестовали, и хотя в 1932 г. его освободили, реабилитирован он был посмертно, лишь в 1987 г.

[30] Генерал В. С. Михайлов. 1875–1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М.: РОССПЭН, 2007. Впервые эта книга была издана в 1928 г. в нескольких пронумерованных экземплярах под грифом «Секретно. Использовать только для военно-научных работ и служебных целей». Благодаря своей должности и связям с директо-

Россия в годы Первой мировой войны совершила гигантский индустриальный скачок, позволивший преодолеть кризис снабжения армии оружием и боеприпасами, создав предпосылки для окончательной победы, казалось, подтверждается известными словами У. Черчилля о жестокости судьбы к России, измолоченной «германским цепом» и подпавшей «под власть большевистской, или коммунистической, партии»[31]. «Разорение и потрясение, пережитые Россией, — продолжал легендарный политик, — сделали ее совершено непохожей на прежнюю»[32], и «Советская Россия была отгорожена от Западной Европы кордоном неистово ненавидевших большевизм государств, которые порвали с бывшей империей царей, принявшей теперь новую, еще более ужасную форму»[33]. Черчилль сокрушается: «Когда три или четыре могущественных правительства, выступая совместно, потребовали самых страшных жертв от своих народов, и эти жертвы были добровольно принесены ради общего дела, когда наконец долгожданный результат был достигнут, казалось разумным ожидать, что согласованность действий будет сохранена, хотя бы в наиболее существенном. Однако победители не смогли выполнить этого скромного требования, несмотря на всю свою мощь, цивилизацию, знания и науку. Они жили сегодняшним днем, без уверенности в будущем и от одних выборов до других, пока через каких-нибудь двадцать лет не прозвучал страшный сигнал, оповестивший о Второй мировой войне»[34].

Черчилль признавал, что Россия в годы Первой мировой войны находилась в числе стран, обладавших знаниями и наукой, достаточными для сокрушения противника. Между тем в трудах по военной промышленности, как правило, ничего не говорилось о роли ученых в разработке и внедрении новых технологий на предприятиях военно-промышленного комплекса, обеспечивавшего российскую армию военной техникой, оружием и боеприпасами и бурно развивавшегося в 1915–1916 гг. Более того, в самых последних трудах помимо традиционных суждений о стратегических военно-политических просчетах правящей элиты настойчиво проводится идея о невозможности для России противостоять индустриально развитой Германии и о ее фатально неизбежном поражении[35].

рами военных заводов В. С. Михайлов имел доступ к архивным источникам о деятельности оборонных предприятий в годы Первой мировой войны (многие из этих документов до настоящего времени не сохранились). Сам автор в мае 1928 г. был арестован, в 1929 г. расстрелян по обвинению в контрреволюционном заговоре, а книгу изъяли даже из ведомственного обращения.

[31] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1: Надвигающаяся буря. М.: ТЕРРА; Книжная лавка — РТР, 1997. С. 9.

[32] Там же. С. 11.

[33] Там же. С. 17.

[34] Там же. С. 19.

[35] *Поликарпов В. В.* Военная промышленность начала XX века в историческом разрезе // Политическая концептология. 2014. № 2. С. 182–213; *Фельдман М. А.* Военно-технический уровень армии России в годы Первой мировой войны в трудах В. В. Поликарпова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 4. С. 41–47.

Одной из причин этого отставания в 1990-х гг. нередко называли игнорирование властью либеральной общественности, включая и ученых, мало привлекавшихся к разработке планов развития промышленности и транспорта, к разработке и внедрению новых технологий, к обсуждению и решению ключевых вопросов преобразования общества. Это в известной степени стимулировало интерес историков науки к изучению роли мобилизационной науки в Первой мировой войне. Вышли статьи, посвященные отдельным отраслям науки, учреждениям и ученым[36]. Особый интерес сначала вызвала деятельность ученых-химиков, прежде всего В. Н. Ипатьева и А. Е. Чичибабина, исключенных из состава АН СССР в 1930-х гг. из-за их миграции и надолго забытых в отечественной историографии[37].

Повышенный интерес к персонифицированной истории науки был вполне оправдан, так как война породила совершенно новые формы взаимодействия науки, промышленности и власти. Появился новый тип ученого — предприниматель и организатор производства. Как показала деятельность химиков В. Н. Ипатьева, Н. С. Курнакова, А. Е. Чичибабина в России и Ф. Хабера в Германии, такие ученые брали на себя инициативу ускоренного поиска решения возникших проблем, преодолевая бюрократическую косность чиновников и находя понятные промышленникам доводы об исключительной экономической выгоде скорейшего внедрения новых технологий, важных для обороны страны. Не всегда эта деятельность была бескорыстной, напротив, нередко ученые, выступая как научные консультанты военных ведомств, лоббировали интересы тех или иных компаний[38]. В итоге подъем и процветание многих промышленных предприятий были не только результатом верной стратегии их руководителей в условиях войны, но и следствием усилий ученых, не забывавших при решении общенациональных задач и собственные цели, порой далеко не научные. Создатель химического оружия (“Vater des Gaskriegs”, как его обычно именуют в Германии) Ф. Хабер способствовал применению мер, разработанных в прикладной энтомологии для борьбы с вредителями хозяйственно-

[36] Помимо книг, упомянутых в сн. 1, см. также: *Елина О. Ю.* Мир, война и туковый вопрос (из истории производства минеральных удобрений в России. 1900–1920-е гг.) // ВИЕТ. 2001. № 3. С. 3–36; *Асаул А. Н.* Экономическая программа КЕПС и ее значение для возрождения экономики России и Украины. СПб.: Редакция журнала «Экономическое возрождение России», 2005; Бюро по прикладной ботанике в годы Первой мировой войны (Сборник документов) / Подг., вступ. ст. и комм. А. А. Федотовой, Н. П. Гончарова; отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб.: Нестор-История, 2014; *Федотова А. А., Гончаров Н. П.* Роберт Регель: Отдел прикладной ботаники, 1917–1918 гг. // ИБИ. 2015. Т. 7. № 4. С. 90–123.

[37] *Н. В. П.* Академик А. Е. Чичибабин // Новый журнал. (Нью-Йорк.) 1946. № 12. С. 281–286; *Кузнецов В. И., Максименко А. М.* Владимир Николаевич Ипатьев. М.: Наука, 1992. С. 37–62; *Волков В. А.* А. Е. Чичибабин и В. Н. Ипатьев — трагические судьбы // Российские ученые в эмиграции / Ред. В. П. Борисов. М.: Наука, 1993. С. 40–71; *Соловьёв Ю. И.* Невозвращенец. Трагическая судьба академика А. Е. Чичибабина // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 3. С. 516–523; Академик В. Н. Ипатьев: В 2 кн. / Ред. В. Д. Кальнер. М.: Кальвис, 2011.

[38] В этом отношении показательна роль Ф. Хабера в размещении правительственных заказов на Баденской фабрике по производству анилина и соды, которые стали основой превращения ее в гиганта химической промышленности, филиалы которого доминируют во многих странах и сейчас.

полезных растений и переносчиками возбудителей болезней, для тотального уничтожения солдат и офицеров вражеских армий[39]. Здесь «союз науки и капитала» ради прогресса общества, за который в те годы ратовали ученые всех стран, включая Россию, привел к первому эффективному переносу биотехнологий в сферу вооружения, как бы открывая эру разработки оружия массового уничтожения[40].

Существенно изменилась и ситуация с исследованиями высшего образования в годы Первой мировой войны, показавшими, что с начала войны высшая школа оказалась втянутой в выполнение срочных правительственных и общественных мероприятий, призванных нейтрализовать различного рода кризисы, поразившие армию и флот, а вскоре и всю страну, фронт и тыл, профессиональными кадрами, оружием, боеприпасами и сырьем, продовольствием, лекарствами, топливом, транспортом и т. д.[41] В ряде работ предпринимались первые попытки выяснить, в какой степени война послужила катализатором для реорганизации и модернизации высшей школы и насколько она способствовала политизации и радикализации студенчества и профессорско-преподавательского состава[42].

В последние годы стали обычными публикации, в которых показано, что патриотизм ученых чаще выражался в их личном участии в организации госпиталей, в благотворительных обществах, в информационной войне, чем в конкретных оборонных проектах. Особый интерес представляют работы, в которых анализируются не только научные проекты, порожденные военными потребностями,

---

[39] Вообще фигура Ф. Хабера, мало освещенная в российской истории науки, — одна из наиболее противоречивых в первой трети XX в. и предвещает появление нового типа ученого, фактически отринувшего принципы гуманизма ради интересов собственной страны. Если судить по зарубежной литературе, то существовало как бы два Хабера. Один из них — «хороший» Хабер, гениальный ученый, Нобелевский лауреат, работы которого по синтезу аммиака стали основой для решения продовольственной проблемы, основатель Фонда помощи немецкой науке, верный друг Р. Виллстэттера, М. Планка, А. Эйнштейна. Другой — это «плохой» Хабер, милитарист, немецкий националист (несмотря на еврейское происхождение), бессовестный инициатор «газовой войны» и военный преступник, к тому же бессердечный тиран в семье, сведший в могилу собственную жену.

[40] Именно на опыт Ф. Хабера в синтезе физико-химического, токсикологического и энтомологического знания опирался в 1920 г. его сотрудник, энтомолог, а впоследствии многолетний председатель Немецкого зоологического общества А. Хазе в своей программной статье «О технической биологии», в которой он доказывал необходимость дальнейшего развития биологии прежде всего как биотехнологии: *Hase A.* Über technische Biologie. Ihre Aufgabe und Ziele, ihre prinzpiele und wirtschaftliche Bedeutung // Zeitschrift für technische Biologie. 1920. No 8. S. 23–45. По мнению Р. Буда, это была одна из первых работ, где вводилось понятие «биотехнология» и были точно очерчены рамки этой новой области знания, необходимой для достижения максимальной свободы действий в улучшении жизни общества: *Bud R.* Biotechnology in the Twentieth Century // Social Studies of Science. 1991. Vol. 2. P. 415–457.

[41] *Иванов А.Е.* 1) Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М.: Институт истории СССР, 1991; 2) Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 108–128.

[42] *Morrissey S.K.* Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. New York: Oxford Univ. Press, 1998; *Носков В.В.* «Война, в которую мы верим». С. 326–339.

но и гражданская и политическая позиция ученых, эволюция их отношения к войне, ценностные ориентиры академического сообщества и профессорско-преподавательского корпуса[43]. В них показано, как менялось содержание публицистических текстов и выступлений преподавателей высшей школы в ходе войны, пройдя эволюцию от образа внешнего врага к поиску врагов внутренних.

Под руководством Т. Маурер был реализован масштабный международный проект исследования влияния Первой мировой войны на высшее образование в разных странах[44]. Его участники особое внимание уделили российским университетам, как оказавшимся в сфере боевых действий и даже на оккупированных территориях (Варшавский, Юрьевский), так и тыловым (Петроградский, Московский, Казанский), также пережившим немало катаклизмов в эти годы. Недавно вышел на русском языке сборник избранных работ Т. Маурер по немецким и русским университетам[45]. В нем целый ряд статей связан с Первой мировой войной и поднимает вопросы об особенностях «профессорско-студенческого патриотизма» в России и Германии и о конфликте между интернациональностью науки и национальными устремлениями ученых.

Появились первые обзорные труды, в которых предприняты попытки комплексного анализа изменений в системе взаимоотношений науки, общества и власти под влиянием Первой мировой войны[46]. В апреле 2003 г. в Санкт-Петербурге прошла международная конференция «Наука, техника и общество в Первой мировой войне», по материалам которой была подготовлена коллективная монография, построенная на сравнительном анализе развития науки в Германии и России[47]. В книге были рассмотрены различные аспекты влияния войны на организацию науки, на ее взаимодействие с военной промышленностью, на соотношение фундаментальных и прикладных исследований, на систему международных связей, на нормы и ценности научного сообщества. Была освещена деятельность новых организаций, возникших с целью мобилизации науки двух стран, а также

[43] *Смирнов Н.Н.* Война и российская интеллигенция. С. 257–270; *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Академический патриотизм: пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы в годы Первой мировой войны // ВИЕТ. 2014. № 3. С. 3–21.

[44] Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer: europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. T. Maurer. Stuttgart: Franz Steiner, 2006.

[45] *Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских университетов. М.: РОССПЭН, 2015.

[46] *Есаков В.Д.* От Императорской к Российской Академии наук в 1917 году // Отечественная история. 1994. № 6. С. 120–132; *Романовский С.И.* Российская Академия наук в годы Гражданской войны // Часовой. 1997. № 5. С. 113–127; *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 132–140; *Соболев В.С.* Для будущего России. СПб.: Наука, 1999. С. 52–57; *Kojevnikov A.B.* The Great War, the Russian Civil War, and the Invention of Big Science // Science in Context. 2002. Vol. 15. P. 239–275; Наука и кризисы. С. 291–334; 357–439; *Колчинский Э.И.* Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 159–174.

[47] Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Ред. Э.И. Колчинский, Д. Байрау; Ред.-сост. Ю.А. Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007.

трансформация социальных сетей и международных связей, в том числе и под влиянием «войны манифестов». Особое внимание было уделено изменениям тематики естественнонаучных исследований, обусловленным включением биологии, химии, медицины и других наук в оборонные исследования. Были показаны также пути изменения конфигурации отношений науки и власти, а также влияние военного времени на этику ученых, на их социальный статус и ценностные ориентации.

Ряд статей в книге посвящен трансформации Императорской Российской академии наук (ИАН) в связи с событиями, связанными с Первой мировой войной. Общий очерк истории Академии наук в эти годы дан в предисловии к четвертому тому «Летописи Российской академии наук», в которой на основе протоколов Общего собрания (ОС) и отделений ИАН / РАН, различных периодических изданий и современной исторической литературы воссоздана повседневная научная и научно-организационная деятельность академического сообщества и сложные пути обретения им новой идентификации в меняющихся социально-политических и экономических условиях[48]. Эти проблемы анализировались впоследствии в ряде статей и монографий[49]. Важные сведения о путях трансформации Академии наук в этот период содержатся в опубликованных за последние два десятилетия биографиях ее руководителей, их воспоминаниях и эпистолярном наследии[50]. Спустя

---

[48] *Колчинский Э.И.* Предисловие // Летопись Российской Академии наук. Т. IV: 1901–1934 / Отв. ред. Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина. СПб.: Наука, 2007. С. 14–32. (Далее: Летопись РАН).

[49] *Басаргина Е.Ю.* Императорская Академия наук на рубеже двух веков. Очерки истории. М.: Индрик, 2008; *Соболев В.С.* Нести священное бремя прошедшего: Российская академия наук. Национальное и культурное наследие. 1880–1930 гг. СПб.: Нестор-История, 2012; *Колчинский Э.И.* Первая мировая война и мобилизационная модель организации академической науки // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 3. С. 261–268.

[50] Назову только некоторые из них: *Стеклов В.А.* Переписка с отечественными математиками. Воспоминания / Сост. Е.П. Ожигова. СПб.: Наука, 1991. С. 280–286; *Соболев В.С.* Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. СПб.: Искусство-СПб., 1993. С. 21, 58–61, 75–79, 86–87; *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921, октябрь 1917 — январь 1920 / Ред. М.Ю. Сорокина, С.Н. Кижаев, А.В. Мемелов, В.С. Неаполитанская. Киев: Наукова думка, 1994. С. 11–52; Автобиография профессора В.А. Костицына // Вопр. истории. 2011. № 1. С. 82–100; *Басаргина Е.Ю.* Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 254–270; *Манойленко К.В.* Иван Парфеньевич Бородин. СПб.: Наука, 2005. С. 165–186; *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006. С. 65–80; Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.). 1911–1916 / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталев. М.; Прозаик, 2013. С. 325–398; 425–442; *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2014. С. 80–84; *Долгова Е.А.* Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы. М.: РОССПЭН, 2015. С. 3–47; *Манойленко К.В.* Андрей Сергеевич Фаминцын / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 161–171. Когда шла верстка нашей книги, увидел свет фундаментальный труд: Актуальное прошлое. Взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории: В 2 кн. / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. В нем большой раздел

четыре года в том же издательстве вышел сборник с аналогичным названием, но посвященный не науке в целом, а медицине[51]. В нем приведены важные исторические документы и свидетельства современников, а также результаты исследования военной медицины на разных этапах истории России. Среди них к Первой мировой войне непосредственно относится только часть материалов. Это воспоминания В. П. Ковтун-Шелепиной, Ф. О. Краузе, А. М. Рыкачёва, С. А. Сокольской, резолюция IX Пироговского съезда, а также две статьи о снабжении военно-медицинских учреждений и об организации помощи воинам в Орловской губернии[52]. В статье о социальной роли Пироговских съездов обсуждается и их значение в деле мобилизации медицины во время Первой мировой войны[53].

К сожалению, в современной библиографии и историографии по истории Первой мировой войны практически не отражены публикации по истории отечественной науки и ее трансформации в целях «тотальной мобилизации». Примером может служить указатель отечественных и зарубежных монографий, статей из журналов и сборников, рецензий, документальных и хроникальных материалов, посвященных Первой мировой войне и изданных в 1992–2011 гг.[54] В этом указателе, подготовленном по гранту РГНФ за 2013 г. и изданном как препринт Институтом научной информации по общественным наукам РАН, на 98 страницах убористого текста не нашлось места даже коллективным монографиям, подготовленным с участием ученых России, Германии и США и изданным также при поддержке РГНФ. Отсутствует в нем и подавляющее количество работ, упомянутых мною выше, включая широко цитируемые в литературе работы Е. Ю. Басаргиной, Ю. А. Виноградова, А. Н. Дмитриева, И. С. Дмитриева, О. Ю. Елиной, А. Е. Иванова, Т. Маурер, А. Б. Кожевникова, Ю. А. Лайус, В. С. Соболева, И. В. Тункиной, А. А. Федотовой и многих других. Подобные пропуски, вероятно, обусловлены целевой установкой составительницы, полагавшей, что в ее задачи не входили про-

---

посвящен деятельности Академии наук в годы Первой мировой войны (с. 856–950). Подробный анализ его содержания см.: *Колчинский Э. И., Зенкевич С. И.* Рецензия на кн.: Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории. СПб.: Реноме, 2018. Кн. I. 704 с. Кн. II. 642 с. (Серия «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки». Вып. 9) // Вестник РАН. 2019. Т. 89 (в печати).

[51] Наука, техника и общество во время Первой мировой войны: Медицина / Ред. Л. А. Булгакова. СПб.: Нестор-История, 2011.

[52] *Аранович А. В.* Система военно-врачебных заведений и обеспечение их интендантским довольствием накануне и в годы Первой мировой войны // Наука, техника и общество во время Первой мировой войны. С. 342–358; *Букалова С. В.* Помощь больным и раненым воинам в Орловской губернии в годы Первой мировой войны // Там же. С. 359–379. В целом последняя работа написана в русле сформировавшегося направления исследований организации военно-санитарной и военно-медицинской помощи солдатам и офицерам в разных городах и губерниях России.

[53] *Туманова А. С.* Пироговские съезды врачей о «недугах» социального развития России в начале XX века // Там же. С. 330–341.

[54] Россия в Первой мировой войне: Указатель литературы 1992–2011 гг. (Препринт) / Отв. ред. О. В. Большакова; сост. А. И. Слива. М.: ИНИОН РАН, 2013.

блемы истории науки в Первой мировой войне. Здесь она явно следует установившейся традиции не считать историю науки исторической дисциплиной, хотя та уже полвека входит в перечень специальностей, по которым присуждают ученые степени. Не исключено, что пропуск историко-научных работ в какой-то степени связан с состоянием информационно-биографической системы в нашей стране, где подавляющее большинство представителей гуманитарных наук не имели полноценного допуска к международным базам данных, а отечественный РИНЦ находится на младенческой стадии.

Вместе с тем указатель является исключительно полезным, так как прекрасно иллюстрирует динамику интереса к теме «Россия и Первая мировая война» среди отечественных и зарубежных исследователей. Если в 1992 г. из 7 книг на эту тематику только 2 были изданы в России, а пропорция статей соответственно 16, включая и переводы и иностранных авторов, и 14, то в 2011 г. соотношение совсем другое: у книг 13 и 1, у статей 26 и 5[55]. Пик интереса российских историков и издателей к Первой мировой войне был достигнут почему-то в 2000 г., вероятно, в связи с началом преодоления последствий дефолта 1998 г., и, разумеется, в юбилейном 2004 г.: в 2000 г. на 19 монографий, изданных на русском языке, пришлась лишь одна иностранная, а в 2004 г. соотношение было 21 к 2[56]. Однако вряд ли на этом основании можно делать вывод об угасании интереса к Первой мировой войне. Это свидетельствует прежде всего о том, что поступление зарубежных научных книг в Россию, и в первую очередь в библиотеку ИНИОН, к тому времени фактически прекратилось. Кроме того, издание 2011 г. по существу является продолжением указателя по Первой мировой войне, изданного ИНИОН в начале 1990-х, и в нем также нет работ по истории науки и об ученых в этот период[57]. Нет их и в только что изданной библиографии по Первой мировой войне, которая скорее представляет собой аннотированный каталог библиотеки Дома А. И. Солженицына, но ценна для российского читателя, так как содержит немало указаний на публикации последних лет[58]. Характерно, что в аннотированном библиографическом указателе журнальных статей за 1914–1918 гг., изданном Ленинградской областной универсальной научной библиотекой и охватывающем практически все стороны военного времени в тылу (финансы, промышленность, сельское хозяйство, транспорт, торговлю, культуру, религию, искусство, медицину и т. д.), нет не только специальных разделов, но и фактически ни одной статьи (общее их число 1002), посвященной проблемам науки или высшего образования[59]. Это скорее объясняется современным

[55] Россия в Первой мировой войне. С. 3–6, 95–98.

[56] Там же. С. 37–38, 57–59.

[57] Первая мировая война: Указатель литературы. 1914–1993 гг. / Сост.: В. Н. Бабенко, Т. М. Демина; отв. ред. В. А. Виноградов. М.: ИНИОН РАН, 1994.

[58] Первая мировая война: библиографический указатель / Сост. Е. А. Волкова; ред. Н. А. Егорова, А. Д. Зорина, Т. П. Митрофанова. М.: [Б. и.], 2016.

[59] Первая мировая война на страницах дореволюционных журналов из фонда ЛОУНБ: ретроспективный библиографический указатель статей 1914–1918 / Авт.-сост. Е. Г. Богданова, под ред. Л. А. Васильевой, Т. Н. Беловой; отв. ред. Л. К. Блюдова. СПб.: [б. и.], 2014.

отношением к науке, чем реальным отражением места науки в решении актуальных проблем во время Первой мировой войны.

В работах историков науки по Первой мировой войне основное внимание было уделено ИАН. И это понятно, ибо ей не только удалось сохранить статус главного научного учреждения страны и некоторые принципы дореволюционной организации, функционирования и этоса, но и, адаптируясь к новым социально-экономическим и идеолого-политическим условиям, с максимальной эффективностью использовать их для развития национальной науки, которая именно в годы СССР считалась второй в мире по значимости и достижениям. Прологом к этому также послужила деятельность многих членов академического сообщества (Н. И. Андрусова, В. И. Вернадского, И. П. Бородина. Б. Б. Голицына, В. Н. Ипатьева, А. П. Карпинского, А. Н. Крылова, Н. С. Курнакова, П. П. Лазарева и др.) во время Первой мировой войны, доказавших на практике, что фундаментальная наука имеет огромное прикладное значение. Трансформацию ИАН под влиянием вызовов военного времени, революций и Гражданской войны было вновь предложено трактовать как типичный пример формирования мобилизационной модели организации науки и связанной с ней перестройки системы взаимоотношений ученых с властью и обществом[60]. В полной мере эта модель заработала в 1930-х гг., и особенно ярко это проявилось во время Второй мировой и «холодной» войн, когда академическое сообщество играло важную, а порой и ведущую роль в мобилизации ресурсов и обеспечении фронта и тыла стратегическим сырьем, в разработке нового оружия и военных технологий, в научно-техническом и организационном содействии оборонным заказам, в создании новых отраслей оборонной промышленности[61].

Деятельность ученых в годы Первой мировой войны способствовала превращению науки в важнейший приоритет государственной политики, а в конечном счете — становлению в России «большой науки», утверждению образа науки как фабрики знания, к преобразованию соотношения прикладного и фундаментального знаний. Именно тогда в Академии наук были разработаны планы формирования сети научно-исследовательских институтов, которые были восприняты советским правительством, потребовавшим от научного сообщества в обмен на предоставление огромных финансово-материальных и людских ресурсов централизованного планирования и жесткого административного подчинения. Война сыграла важную роль в самоидентификации академического сообщества России как под влиянием

---

[60] Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 9–24, 184–206; *Колчинский Э. И.* Первая мировая война и мобилизационная модель организации академической науки. С. 261–268; *Kolchinsky E. I.* World War I and the Transformation of the Imperial Academy of Sciences // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Vol. 3. Book. 2. P. 173–200; *Колчинский. Э. И.* Академия наук в годы крупных потрясений // Вихревая динамика развития науки и техники. Россия / СССР. Первая половина XX века. Коллективная монография: В 2 т. Т. I. Турбулентная история науки и техники / Отв. ред. Ю. М. Батурин. М.: ИИЕТ РАН, 2018. С. 102–169.

[61] *Батурин Ю. М., Колчинский Э. И.* Мобилизация науки в годы Великой Отечественной войны // Вихревая динамика развития науки и техники. Т. II. Экстремальный режим развития науки и техники. С. 176–232.

изменения роли науки в государстве, так и в связи с крахом «интернационала ученых» и перестройкой традиционной системы международных связей.

Иная судьба была уготована многочисленным научным обществам, в том числе и огосударствленным «императорским», получавшим регулярную правительственную поддержку, финансирование крупных исследовательских проектов и находившихся под покровительством самого императора или членов императорской семьи. Хотя к началу Первой мировой войны они стали главными центрами интеграции ученых по профессиональным интересам и играли ведущую роль в консолидации их усилий в военно-технических комитетах, Всероссийском земском союзе и т. д., большинству из них не удалось вписаться в новые реалии. К концу 1920-х гг. их признали не соответствующими целям и задачам социалистического строительства и закрыли, а остальные были «прикреплены к государственным учреждениям и потеряли свою самостоятельность»[62]. Про закрытые общества, в том числе и наиболее массовые и влиятельные, историки постарались надолго забыть, чтобы лишний раз не дразнить власть, и о них вспомнили только в годы перестройки. Исследования же дошедших до наших дней обществ обычно начинались с 1917 г., когда шла их «советизация», завершившаяся тотальной огосударствленностью и установлением жесткого административно-политического контроля[63].

---

[62] *Синельникова Е. Ф.* Власть и научные общества Петрограда–Ленинграда в 1920-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбИИ РАН, 2013. С. 25.

[63] При этом долгое время главное внимание в изучении научных обществ уделялось их профессиональной ориентации. См., напр.: *Липшиц С. Ю.* Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования. Исторический очерк. М.: МОИП, 1940; *Костомаров В. М.* Из деятельности Русского технического общества в области машиностроения. М.: Машгиз, 1957; *Левит Г. О.* История энергетических обществ СССР. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1957; *Козлов В. В.* 1) Очерки истории химических обществ. М.: Изд-во АН СССР, 1958; 2) Всесоюзное химическое общество им. Д. И. Менделеева: 1868–1968. М.: Наука, 1971; *Бейлин И. Г.* Очерки по истории лесных обществ дореволюционной России. М.: Гослесбумиздат, 1962; Научно-технические общества СССР. Исторический очерк. М.: Профиздат, 1968; *Филиппов Н. Г.* Научно-технические общества в СССР. 1917–1941: Учебное пособие. М.: [Б. и.], 1977; *Ларина В. Г.* Всероссийское общество охраны природы. 1924–1941: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. *Баришпол И. Ф., Ларина В. Г. У* природы друзей миллионы. М.: Лесная промышленность, 1984; Впоследствии стали предприниматься попытки дать целостную их характеристику: *Коржихина Т. П.* Общественные организации СССР в 1917–1937 гг.: Учебное пособие. М.: МГМАМ, 1984; *Купайгородская А. П., Лебина Н. Б.* Добровольные общества Петрограда–Ленинграда в 1917–1937 гг. (тенденции развития) // Добровольные общества Петрограда–Ленинграда в 1917–1937 гг. / Отв. ред. А. П. Купайгородская. Л.: Наука, 1989. С. 5–16; *Измозик В. С., Павлов Б. В.* Научные и инженерно-технические общества в условиях новой экономической политики // Россия нэповская: политика, экономика, культура. Новосибирск, 1991. С. 244–247; *Брэдли Дж.* 1) Добровольные общества в Советской России. 1917–1932 гг. // Вест. МГУ. Сер. 8. История. 1994. № 4. С. 34–44; 2) Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012; *Bradley J.* Voluntary Association in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2009; *Туманова А. С.* Рецепция европейского права в формировании законодательных основ функционирования общественных

Впоследствии центр тяжести переместился на дореволюционную историю научных обществ в конце XIX — начале XX в., но их деятельность во время Первой мировой войны по-прежнему затрагивалась обычно по касательной[64]. Исключением стало фундаментальное исследование А. И. Тумановой, посвятившей целую главу анализу деятельности нескольких научных обществ во время войны и их взаимоотношениям с властью: Императорского Вольного экономического общества (ИВЭО), Московского общества сельского хозяйства (МОХС), Императорского Русского технического общества (ИРТО) и др.[65] Автор впервые показала их деятельность как важную часть сформировавшегося военного социума, стремящегося из патриотических побуждений мобилизовать гражданское общество и стать партнером государству, участвуя в укреплении оборонного комплекса, но оказавшегося втянутым в подрыв авторитета публичной власти, а в конечном счете и в ее крушение.

В значительной степени это произошло из-за того, что идея мобилизации российской науки для обороны отчизны искренне была принята учеными, но не стала приоритетной задачей для правительства, которое пресекало всякие их попытки выйти за пределы очерченной властью сферы деятельности того или иного общества. В результате научный потенциал членов обществ реализовался главным образом через разного рода правительственные структуры и военно-промышленные комитеты, при решении вначале сугубо естественнонаучных и технических проблем, которые, однако, тормозились общей социально-политической ситуацией. В рамках международного проекта «Российская великая война и революция: 1914–1922» А. С. Туманова также исследовала судьбу четырех крупных научных обществ в годы Первой мировой[66].

Дж. Брэдли, ранее подробно проанализировавший взаимодействие научных обществ дореволюционной России с властью в плане становления гражданского общества и воспитания академического патриотизма, остановился на процессах их реорганизации в первые годы существования Советской России, захватывая последние два года Первой мировой войны[67]. Аналогичную работу относительно

организаций в Российской империи // Гражданское право в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 32–36; и др. Обзор работ об обществах в СССР, включая научные, дан в книге: *Коржихина Т. П.* Общественные организации СССР. Материалы к источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1992. В последние 25 лет также появилось немало изданий, посвященных юбилеям обществ, в которых изредка упоминаются события Первой мировой войны: Очерки по истории С.-Петербургского общества естествоиспытателей. 125 лет со дня основания / Ред. Т. А. Гинецинская. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. (Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 91. Вып. 1).

[64] Общества естествоиспытателей при университетах дореволюционной России. К 125-летию начала деятельности (препринт) / Отв. ред. Е. В. Соболева. Л.: ЛО ИИЕТ, 1990.

[65] *Туманова А. С.* Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2014. С. 134–194.

[66] *Tumanova A. S.* Learned Societies in Russia during World War I: Creating a “Home Front” // Russia’s Home Front in War and Revolution, 1914–22. Vol. 3. Book 2. P. 109–135.

[67] *Bradley J.* Associations in Times of Political Tyrmoil: Science Societies and the Bolshevik Regime, 1917–22 // Ibid. P. 137–172.

естественнонаучных обществ на юге России в первой половине 1990-х гг. выполнил В. С. Савчук[68]. В книге «Империя наций: Этнографическое знание и создание Советского Союза» Ф. Хирш старалась показать, как концепции послевоенного устройства России, разработанные в 1905–1917 гг. отечественными этнографами и антропологами или при их активном участии, были инкорпорированы в национальную политику большевиков благодаря «революционному альянсу» власти и науки в первые послереволюционные годы[69]. Но большинство собственно научных обществ во время «великого перелома» и «культурной революции» были ликвидированы[70]. Лишь немногие из них сохранились, причем не в силу исключительной полезности, а лишь «благодаря безоговорочному подчинению власти»[71].

Первая мировая война, поставив под угрозу существование самого государства, потребовала от научного сообщества не только лояльности, патриотизма, но и максимальных усилий в достижении общенациональных целей. Ученые всех стран, в том числе России, были призваны активно участвовать не только в реализации военно-оборонных проектов, в создании новых технологий и техники, новых видов вооружения, но и в пропагандистском обеспечении внешней и внутренней политики[72]. Авторитарные традиции и огромный бюрократический аппарат России, не способный реагировать на вызовы времени и организовать адаптацию всех сфер жизни страны к военным нуждам, мешали включению разных групп населения, в том числе ученых, в мобилизацию всего общества[73]. В итоге именно на них нередко ложилась задача выдвижения и обоснования глобальных проектов, так как ученое сословие всегда считалось не только главным центром производства и распространения знания, но и инициатором мер по подъему экономики, образования и культуры. И на этот раз от различных научных учреждений и организаций ждали обоснованной стратегии мобилизации экономики для скорейшего удовлетворения разнообразных нужд военного времени. Война требовала от специалистов в области фундаментального знания быстро перейти к решению прикладных задач, к чему далеко не все были готовы.

В целом научное сообщество стремилось ответить на вызовы времени. Оно не только сумело адаптироваться к выполнению новых общенациональных задач, но и использовало сложившуюся конъюнктуру для реализации собственных целей и проектов, для решения своих организационных, административных и финансово-материальных задач. Мобилизация и реформирование науки России

---

[68] *Савчук В. С.* Естественнонаучные общества юга Российской империи; вторая половина XIX — начало XX в. Дніпропетровск: Вид-во ДДУ, 1994.

[69] *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005.

[70] *Синельникова Е. Ф.* Власть и научные общества Ленинграда на рубеже 1920–1930 годов // Вихревая динамика развития науки и техники. Т. I. С. 310–369.

[71] Там же. С. 368.

[72] *Geyer M.* Militarization of Europe: 1914–1945 // The Militarization of the Western World / Ed. J. R. Gillis. New Brunswick: Rutgers University Press, 1989. P. 75–80.

[73] *Holquist* P. Making War, Forging Revolution: Russian's Continuum of Crisis: 1914–1921. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2002.

в эти годы вели к изменению статуса ученых, к вовлечению их в общественно-политическую и научно-организационную деятельность, к модификациям тематики, а иногда даже и языка научных исследований, традиций и этики научного сообщества, к разрыву прежних и созданию новых международных научных связей, к возникновению новых форм диалога и сотрудничества научного сообщества и власти, к созданию новых научных институтов.

Исторический анализ институциональных, идеологических, социально-политических, экономических, военных и психологических факторов перестройки системы взаимоотношений науки, государства и общества в России в период Первой мировой войны позволяет лучше понять, как повлияли ее события на организацию науки в России XX в., отведя именно науке одно из главных мест в системе государственных приоритетов. Отныне правительство не только стало играть ведущую роль в финансово-материальном обеспечении научных исследований, но и пыталось диктовать их стратегию. Укрепление взаимоотношений науки и оборонной промышленности (химической, судостроительной, авиационной и др.), а также изменение соотношения между фундаментальными и прикладными исследованиями (в химии, биологии, медицине и др.) потребовало включения ученых как в принятие и проведение политических решений, так и в их идеологическое обоснование.

Особенно интересно исследовать, как создавались новые научные связи, как шла переориентация коммуникативных сетей, как складывались новые конфигурации науки и власти в ходе Первой мировой войны, как изменялся этос и ценностные ориентации научного сообщества. Сравнительный анализ институциональных изменений науки дает возможность выявить векторы трансформации науки в условиях глобального военно-экономического кризиса и роли научного сообщества в его преодолении. Активное участие ученых в поисках путей выхода из этой кризисной ситуации тех лет было обусловлено возросшей престижностью научных профессий и ростом социального статуса ученых. Однако это влекло снижение автономности научного сообщества в целом и его отдельных институтов, утрату независимого положения самих ученых, усиление их связей с государством. Изучение социальной истории российской науки в период Первой мировой войны позволяет выяснить степень сложности ломки психологических стереотипов научного сообщества, связанной с разрывом с учителями и друзьями в Германии и с переориентацией на новых партнеров в странах Антанты.

Первая мировая война явилась мощным стимулом к формированию современной системы организации науки, к определению ее места в обществе и к выработке моделей взаимодействия ученых, власти, общества и промышленности. Участие ученых в военных разработках, в создании учреждений, комитетов и обществ для мобилизации интеллектуальных и материальных ресурсов сыграло важную роль для преобразования науки в годы войны, для возрастания роли государства в определении научной политики, для укрепления связей науки с промышленностью и властью. Происшедшие в ходе Первой мировой войны изменения в производстве и применении научного знания, в его использовании для мобилизации всех сил и ресурсов воюющих стран, в формировании интеллектуальной элиты стали направляющими факторами развития науки в XX в. и предопределили ее роль в современном обществе.

Важны и вопросы о социокультурном контексте развития российской науки и о геополитической обстановке, сложившейся в результате франко-немецкой и русско-японской войн и обусловившей конкуренцию национальных центров и школ — прямое следствие формирования идеологии имперского национализма в странах, готовящихся к переделу мира. До войны на общеевропейском рынке доминировала немецкая модель организации науки, демонстрировавшая свою динамичность и эффективность в практическом применении фундаментального знания. При своеобразии образов науки в социокультурной среде Москвы, Петербурга, Берлина и других европейских столиц ученые разных стран верили в свою историческую миссию, в модернизацию и усовершенствование общества благодаря использованию достижений науки и техники. Этой цели служили международные ассоциации академий и обществ и международные конгрессы, демонстрировавшие миру возможности науки, ее реальные и мнимые успехи.

Проповедуя идеи научного интернационала, ученые стремились представить себя членами некоего международного сообщества, способными выйти за рамки узконациональных интересов. Особенно ярко это проявилось в России, где значительная часть элиты научного сообщества была политически ангажирована. Оставаясь частью государственной машины и получая деньги от правительства, ученые вместе с тем ощущали себя носителями прогресса в отсталой стране. Они считали царский режим не способным обеспечить научные исследования в масштабах, отвечавших потребностям страны, и высказывались за коренные социально-политические и экономические реформы, включая усиление государственной поддержки науки, создание сети научных учреждений и фондов, демократизацию и автономность высшей школы, укрепление связи фундаментальных исследований с промышленностью и сельским хозяйством, добивались мер, стимулирующих подготовку кадров.

В предвоенные годы ученые продолжали искать модели для подражания в Германии, что противоречило внешней политике страны, связанной союзническими обязательствами с Англией и Францией. Война заставила ученых включиться в идеологическую борьбу с недавними учителями и коллегами, проявившуюся в феноменах «войны манифестов» и «российского либерального империализма». Резко возросла публицистическая активность ученых, их роль в формировании в массовом сознании образа противника — «вечного варвара и агрессора», в дебатах об ответственности за развязывание войны, в организации комитетов по сотрудничеству и культурному сближению с союзниками. Главными партнерами для русских ученых отныне, по идее, должны были стать их коллеги из Англии, Франции, Японии и США, однако это не удалось осуществить.

Первая мировая война напрямую затронула мировое научное сообщество. Впервые наука и образование оказывались полностью подчинены оборонным целям. Распался интернационал ученых. Во всех странах они активно включились в идейно-пропагандистскую поддержку своих правительств, демонстрируя под флагом патриотизма и «защиты отечества» ненависть к коллегам из стран противника, оправдывая милитаризм, агрессивность и жестокость собственных правительств и армий высокопарными сентенциями о защите мировой культуры и общечеловеческих ценностей.

Война привела к формированию национально-государственных моделей организации науки, к усилению государственного участия в научной политике и финансировании исследований, созданию органов по координации научных исследований. В США это был Национальный исследовательский совет, в Великобритании — Комитет по научным и промышленным исследованиям, созданный при Тайном совете, в Германии — Отдел военного сырья и Фонд кайзера Вильгельма для военно-технических наук. В России такого органа создано не было. Только в 1915 г. эту функцию взяли на себя Особое совещание по обороне государства при военном министре, Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) во главе с А. И. Гучковым и Химический комитет, возглавляемый В. Н. Ипатьевым, при Главном артиллерийском управлении (ГАУ) и созданная по инициативе А. С. Фаминцына и В. И. Вернадского Комиссия по изучению производительных сил при ИАН (КЕПС). В сферах, связанных с оборонной промышленностью, наблюдалось форсирование изобретений и интенсификация работы патентных ведомств.

В октябре 1915 г. в условиях нараставшего дефицита продовольствия и сырья было сформировано Министерство земледелия (МЗ), главной задачей которого была координация деятельности различных отраслей сельского хозяйства, лесоводства и промыслов с учетом последних научных разработок[74]. Созданный при МЗ ученый совет, в который вошли ведущие специалисты в соответствующих отраслях прикладной биологии и почвоведения, руководил научными исследованиями в различного рода бюро, лабораториях и на опытных станциях, организовывал научно-промысловые экспедиции, составлял учебные планы и программы для подведомственных учебных заведений, вырабатывал научные рекомендации по планам развития земледелия и животноводства, по эффективной эксплуатации лесных угодий и водных ресурсов, по организации и регулированию рыбных и звериных промыслов, по оказанию агрономической помощи при проведении землеустроительных и мелиоративных работ, по использованию минеральных удобрений, новых сельскохозяйственных машин, технологий в винокурении, пивоварении и т. д. Существовавшие при МЗ Бюро по прикладной ботанике, Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики, Отдел земельных улучшений, Лесной специальный комитет, а также межведомственные комитеты по виноградарству, овцеводству, льняной, торфяной, хлопковый, Отдел рыболовства и научно-промысловых исследований и т. д. способствовали развитию отечественной сельскохозяйственной науки[75].

---

[74] *Китанина Т. М.* Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917). Л.: Наука, 1985; *Флоринский М. Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988; *Колчинский Э. И.* Министерство земледелия // Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Э. И. Колчинский; сост.: Э. И. Колчинский, А. А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 310–311; *Воронов И. И.* Министерство земледелия Российской империи: XIX — начало XX в. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 283–336.

[75] См. журналы: Известия министерства земледелия (1915–1917 гг.); Сельское хозяйство и лесоводство (1915–1918 гг.).

Высшая школа также активно включалась в оборонные исследования и в организацию производств, связанных с войной. Ее роль в мобилизации оборонных ресурсов, в обеспечении фронта и тыла стратегическим сырьем, в научно-техническом содействии выполнению оборонных заказов, в создании новых отраслей в промышленности, в охране памятников науки и культуры возросла. Соответственно менялись темы исследований, шла трансформация отношений фундаментальной и прикладной науки, гуманитарных и естественных наук. Утверждался новый образ науки как фабрики знания, сыгравший огромную роль в формировании системы научно-исследовательских институтов в России, дифференцированной вскоре на академическую, ведомственную и университетскую. Создатели КЕПС как новой формы организации и проведения комплексных научных исследований в масштабах всей страны использовали опыт Общества кайзера Вильгельма в становлении феномена коллективной и плановой научной работы.

Война сыграла важную роль в перестройке профессионального сознания и организации научной интеллигенции, в создании национальных специализированных научных обществ и новых журналов, в политическом размежевании научных сообществ, в обострении борьбы патриотов и диссидентов, «оборонцев» и пацифистов, в формировании образа науки как субститута имперской мощи, а также идеи об установлении диктатуры интеллектуалов. Для обеспечения единства политических и военных сфер стало характерным не только использование воюющими странами достижений науки и техники, но и, с одной стороны, формирование неразрывной связи между милитаризацией общественной жизни, науки и техники, а с другой — сциентизация и технологизация самой войны, что способствовало внедрению в практику организации и планирования в невиданных ранее масштабах. Признав впоследствии ответственной за поражение недостаточную мобилизацию людских и природных ресурсов, Германия и Советская Россия ответили на этот опыт войны установлением тоталитарных режимов, оказавших также огромное влияние на институционализацию науки после войны.

Но неудачный для России ход войны играл важную роль и в развенчании модели науки, патронируемой авторитарным государством. Всё более популярными становились либеральные программы реформирования российской науки. При Временном правительстве и большевиках в первой половине 1918 г. были даже сделаны попытки их реализации[76]. Реалии послевоенной разрухи заставляли ученых сотрудничать с новыми властями и участвовать в разработке и экспертизе правительственных проектов и планов по модернизации страны. Не принимая зачастую идеологию новых властей, они старались использовать большевиков для реализации собственных планов создания сети научных институтов при министерствах, а позже при наркоматах, Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ), РАН и университетах.

Военное поражение Германии завершилось перераспределением ведущих позиций в мировой науке, приведшим к потере немецкой наукой своего особого статуса. Из лидера мировой науки она стала ее «изгоем», так как ученые Антанты ввели политику бойкота науки Центральных держав. В послеверсальском устройстве

[76] Наука и кризисы. С. 385–394.

Европы особое место занимали русские ученые — «побежденные и победители» одновременно. Пойдя на сепаратный мир с Германией, Россия упустила «плоды» близкой победы, а российское научное сообщество как сообщество страны-союзника в странах Антанты не воспринимали. К тому же их правительства не могли простить ему принятие Брестского мира и сотрудничество с большевистскими властями. В итоге российские ученые к началу 1920-х гг. вместе с учеными Версальской республики находились в состоянии международной изоляции и обструкции[77].

Этим объясняется «брак по расчету» двух стран — организация совместных проектов, журналов, конференций, а также демонстративных мероприятий в виде недель немецкой науки в Москве и недель советской науки в Берлине в 1927–1932 гг.[78] и совместных экспедиций[79]. У этого научного сотрудничества еще недавно «заклятых врагов», а теперь «друзей по несчастью» было немало противников в обеих странах, и далеко не только по социально-политическим соображениям. «Война умов», в которой оппоненты старались побольнее оскорбить друг друга, ударяя по чувствительным точкам национального самолюбия, не прошла бесследно для членов двух научных сообществ. К этому прибавлялся и уникальный опыт русско-германского фронта. В течение нескольких лет десятки миллионов жителей Германии и России оказывались в зоне активных боевых действий или временной оккупации, подвергаясь жестокому насилию. Их переживания неизбежно вели к демонизации противостоящих сил, к восприятию области реального или потенциального взаимодействия как некоего апокалипсического пространства, где никакое сотрудничество в принципе невозможно, и к переносу негативного опыта на целые нации, что неизбежно способствовало правому радикализму, а в конечном итоге — расизму и национал-социализму[80]. В то же время для представителей левой профессуры на Западе пропагандируемый советскими учеными «союз науки и труда» казался очень привлекательным, и они охотно шли на контакты с ними, становясь добровольными адвокатами советской науки на Западе. И среди них было немало крупных ученых (Дж. Г. Мёллер, Дж. Хаксли, Дж. Б. С. Холдейн, О. Фогт, Ю. Шаксель, А. Эйнштейн и др.). Со своей стороны советское правительство стремилось использовать авторитетных и популярных на Западе ученых (Н. И. Вавилова, В. И. Вернадского, Н. К. Кольцова, И. П. Павлова) для создания благоприятного имиджа страны в зарубежных образованных слоях.

---

[77] Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб.: Наука, 2001.

[78] Там же. С. 207–248.

[79] Там же. С. 248–270.

[80] См.: *Luilevicius V. G.* Der Osten als apokaltptischer Raum. Deutsche Frontfahrung im und nach dem Ersten Weltkrieg // Traumland Osten; deutsche Bilder vom östlichen Europa im 20. Jahrhundert / Hrsg. G. Thum. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. S. 47–65. Не случайно в эти годы произошло превращение научного понятия «вредитель» в социально-политическую конструкцию, в которой армии противника стали восприниматься как некие орды «насекомых-вредителей», подлежащие массовому уничтожению химическим оружием. См. подробнее: *Jansen S.* “Schädlinge”. Geschichte eines wissenschaftlichen und politischen Konstrukts. 1840–1920. Frankfurt am Main; New York: Campus, 2003. S. 335–380.

Первые послевоенные годы позволяют лучше понять значение «военного поколения в науке» в формировании самодостаточных национально-государственных научных объединений, а также специфику влияния войны на осознание обществом парадоксов научного прогресса. Огромные материально-финансовые, экономические, людские и интеллектуальные ресурсы великих стран были подчинены военным целям, оказывая дезорганизирующее воздействие на все сферы общественной жизни. Более 70 млн самого трудоспособного населения было мобилизовано, а общие потери составили 10 млн убитыми и свыше 20 млн ранеными. В воевавших странах доминировали дикие формы национализма. Военная техника, созданная трудами ученых и инженеров, наносила ущерб воюющим сторонам в таких масштабах, какие боевые генералы не могли себе раньше и представить. Новое оружие не различало военных и мирных жителей. При бомбардировках, применении газов, торпедировании гражданских судов и артиллерийских обстрелах гибель не была избирательна. Не было различий между героями и трусами. Война окончательно теряла свой героический флёр, вела ко всеобщему озлоблению и деморализации, долго сказывавшихся и после ее окончания.

В итоге первые пятнадцать послевоенных лет были периодом перманентного кризиса. Само слово «кризис» стало неотъемлемым знаком духа времени. Интеллигенция беспрестанно говорила о кризисе основ мировоззрения и морали, о кризисе политики и всей западной цивилизации. Кризис в обществе и культуре оказался глубоко связан с кризисом познания. Социально-культурная и политическая среда прямо, а иногда в самых грубых формах воздействовала на науку во всех ее аспектах. Говорили о кризисе науки вообще и отдельных дисциплин в частности. Ученые чувствовали себя заброшенными в море социально-политической демагогии, оккультизма, мистицизма и теософии, процветавших в обществе. Они ставили под сомнение основополагающие принципы науки Нового времени: причинность, закономерность и рационализм. В образованных слоях доминировала атмосфера квазирелигиозных обращений из одной веры в другую, будь то вера философская или политико-идеологическая.

Агрессивная общественная среда неизбежно влияла на мировоззренческие и морально-ценностные основы научного сообщества, поколебленные еще во время «войны манифестов». Наука оказывалась прямо вовлечена в политическую борьбу и идеолого-философские дискуссии. От глобального кризиса ученые во всех странах страдали в первую очередь. Если промышленники, финансисты и политики заботились о себе сами, а рабочие отстаивали свои интересы в ожесточенной стачечной борьбе, то преподаватели вузов и сотрудники научных учреждений были беззащитны в противоречивой культуре и социально-политической жизни послевоенного периода.

Особенно тяжелые испытания выпали на долю ученых России и Германии. Обе страны, сражавшиеся до последней капли крови, вышли из этой войны побежденными, с социально-политическими революциями и потерями, поставившими под угрозу само существование их как целостных суверенных государств. Россия прошла еще Гражданскую войну, а Германия, хотя и избежала социалистической революции, несла на себе тяжести Версальского мира, который осознавался немецкими

учеными как национальная трагедия. Крах имперского сознания воспринимался столь же тяжело, как и огромные контрибуции, отобранные колонии и территории.

Новая власть в России и ее отношение к профессорско-преподавательскому корпусу несли русской науке болезненные метаморфозы в связи с ненавистью люмпенов, холодом, голодом, отсутствием элементарных условий для плодотворной работы. Одни из людей науки не выдержали испытаний и умерли, другие эмигрировали, третьи погибли во время погромов и бессудных расстрелов; бывали и случаи самоубийства. Лишь введение в годы НЭПа золотого червонца как-то стабилизировало ситуацию, но выживание ученых нередко зависело от привилегий, предоставляемых властями нужным для них специалистам за оказываемые экспертно-консультативные услуги. Процесс установления рабочих отношений между наукой и новой властью был непростым и приобретал порой трагический характер.

Инициативу диалога с большевиками взяли на себя руководители Российской академии наук (А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов), которые убеждали вождей революции, что научная работа должна стать важнейшей составляющей национального строительства. Как и при царском режиме, многие ученые полагали, что занятие наукой — их долг перед страной и народом, а не перед очередным правительством. Вот почему они становились экспертами правительственных ведомств, активно включаясь в их работу по экономическому и культурному возрождению страны, которое было невозможно без решения научно-технических проблем.

Диалог с большевиками российские ученые первоначально вели на базе общих представлений о практической ценности науки в служении народу, обществу и государству, о ее роли в выходе из кризиса, в развитии культуры, образования, промышленности и сельского хозяйства. Попытки ввести в диалог представления о классовом характере науки, ее партийности, философской и политической ангажированности не находили серьезного отклика в научной среде. Только с 1923 г. общие идеологемы всё чаще стали формулироваться на языке марксизма, наиболее понятном большевикам. К этому времени победитель в Гражданской войне определился, целостность страны, хоть и с существенными потерями, была восстановлена, и часть научного сообщества демонстрировала готовность принять коммунистическую идеологию. Наука должна была адаптироваться к правительству, провозгласившему своей целью строительство коммунизма. Если в довоенное десятилетие научное сообщество, несмотря на оппозиционность значительной своей части правительству, находилось всё еще в привилегированном положении — в качестве своеобразной интеллектуальной «субэлиты», то во время Первой мировой войны наметился переход широко образованного ученого, претендовавшего на общую компетентность, к типу ученого-эксперта. Ученый уже не работал в небольших учреждениях, определяя поле личной деятельности, свои социальные сети и коммуникации. Отныне он стал одновременно субъектом и объектом институционализации, специализации и профессионализации — как составных частей растущего разделения научного труда[81]. Такое развитие событий было ускорено классовым

[81] *Metzler G.* Internationale Wissenschaft und nationale Kultur. Deutsche Physiker in der internationalen Comminity, 1900–1960. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000.

определением ученых как «буржуазных специалистов», что обусловило жесткую и чисто служебную функционализацию сферы их деятельности.

Тяжелые потери понесло и научное сообщество Германии. К концу 1923 г. были закрыты почти все ее основные научные институты, у которых не было денег ни на зарплату сотрудникам, ни на тепло и электричество. Ни парламент, ни правительство не желали брать на себя ответственность за науку и тратить на нее бюджетные средства. Федеральное правительство сначала не желало заботиться о науке, успехи которой не предотвратили военное поражение и которая не могла себя прокормить во время кризиса, чьи масштабы в глазах значительной части общества были обусловлены ее же «достижениями». Как и их российские коллеги, ученые Германии должны были активно действовать, чтобы создать формы организации и финансирования своих исследований, удобные для них, а также приемлемые для правительства и привлекательные для рейхстага, финансово-промышленных кругов, военных и основных социальных слоев. Главными участниками в диалоге с новыми властями здесь также были академические ученые Ф. Хабер, А. Гарнак и М. Планк, имена которых служили символом блестящих достижений немецкой науки.

Налаживание отношений ученых России с новыми властями шло в другом социально-культурном контексте, но в обоих случаях научное сообщество в целом было настроено оппозиционно. Профессора высшей школы, составлявшие основу научного сообщества Германии, были, как правило, недовольны Веймарской республикой. Они не были ультраконсерваторами, но их не устраивала и реальная демократия. Более негативно новые порядки воспринимались студентами. Еще до Первой мировой войны немецкие ученые способствовали формированию идеологии национализма. Например, создатели социальной гигиены, не будучи откровенными расистами, были озабочены усовершенствованием качества германской нации путем роста рождаемости «высших» немцев и ограничения размножения носителей наследственных болезней. Их пугал низкий уровень рождаемости в Германии, ведущий к «расовому суициду», т. е. к подавлению немцев более плодовитыми расами. Расизм в немецкой биологии стал более экстремистским в Веймарской республике и довольно быстро набрал популярность, превращаясь в откровенный национализм, который становился характерным и для ученых.

К национализму их толкала не столько тоска по утраченной мощи, сколько чувство униженности от бойкота со стороны международного научного сообщества, исключившего их изо всех международных организаций. Предчувствуя дегенерацию общества, многие ученые связывали себя с зарождавшимся национал-социалистическим движением. Осознавая, что политико-экономические последствия поражения и репараций могут покончить с процветающей наукой, и стремясь преодолеть международную изоляцию, они ратовали за «национальную революцию», итогом которой станет установление сильной власти, призванной обеспечить «духовное возрождение немецкого народа».

С подобными настроениями должны были считаться власти в Веймарской республике, поскольку профессорско-преподавательский корпус оставался серьезной силой, хотя и не выступавшей самостоятельно на политической арене,

но существенно воздействовавшей на общественное мнение. В симпатиях ученых нуждались различные политические партии, лидеры которых стали понимать, что поддержка науки в вузах имеет долговременное значение. Они знали, что, хотя ученые не строят баррикад и их нищенское положение не влияет на политическую ситуацию сегодня, оно может сказаться позже посредством разочарования воспитанной ими молодежи, проходящей через университеты и технические вузы.

Для Германии в целом и для немецких ученых в первую очередь стало характерным представление о науке как о «заменителе силы», “Macht-Ersatz”. Доминировало убеждение, что «помимо прямой экономической, технической или военной выгоды, получаемой от лидерства в науке, сам факт того, что Германия является великой научной силой, оказывается качеством, в каком-то смысле конвертируемым в политический статус великой державы»[82]. Научные успехи и достижения, например, послевоенное присуждение Ф. Хаберу, М. Планку и Й. Штарку Нобелевских премий, воспринимали как некий реванш над странами Антанты, еще одно подтверждение того, что наука является “Macht-Ersatz”, т. е. источником и заменителем политической мощи. Культивировались идеи о том, что «немецкая наука — единственное, в чем мир еще завидует Германии, и ради ее сохранения необходимо выделить миллиарды из бюджета и заставить эти непродуктивные миллиарды снова работать для целей великой Германии»[83].

Таким образом, в результате Первой мировой войны весь мир, и прежде всего Германия и Россия, оказались в тисках многолетнего жесточайшего социально-политического кризиса, вину за который нередко возлагали на научный прогресс. В то же время именно с наукой продолжали связывать надежды на выход из кризиса и последующий реванш. Насколько оправданы были эти надежды в обеих странах, показала Вторая мировая война, закончившаяся страшным поражением Германии. Советская наука внесла огромный вклад в победу в этой войне и обеспечивала СССР в течение нескольких десятилетий военный паритет с США, но в итоге всё завершилось распадом Союза.

---

[82] *Forman P.* Scientific Internationalism and the Weimar Physicists: The Ideology and Its Manipulation in Germany after World War I // Isis. 1973. Vol. 64. P. 161.

[83] Ibid.

Часть 1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Глава 1

РОССИЙСКАЯ НАУКА И ВЛАСТЬ НА ГРАНИЦЕ ВЕКОВ

1.1. Российская наука, власть и общество в конце XIX — начале XX в.

Конец XIX — начало XX в. отмечены крупнейшими событиями в социально-экономическом развитии России. Реформы 1860-х гг. были обусловлены прежде всего поисками выхода из кризиса, связанного с поражением в Крымской войне и стагнацией общества в конце правления Николая I. В реформируемой России развитие науки долго определялось не столько деятельностью «шестидесятников», вышедших на сцену в период реформ, сколько предыдущим поколением, вошедшим в науку еще при Николае I (А. Н. и Н. Н. Бекетовы, В. Я. Буняковский, А. М. Бутлеров, К. Э. фон Бэр, К. С. Веселовский, Г. П. фон Гельмерсен, Н. И. Железнов, Н. Н. Зинин, К. Ф. Кёсслер. И. М. Ковалевский, Н. И. Кокшаров, Н. И. Костомаров, К. И. Максимович, А. Ф. Миддендорф, Ф. В. Овсянников, П. П. Пекарский, Э. Л. Регель, И. М. Сеченов, С. М. Соловьёв, И. И. Срезневский, О. В. Струве, А. С. Фаминцын, П. Л. Чебышев и многие другие). В пореформенной России сложились взгляды и интересы того поколения российских ученых (Д. Н. Анучин, И. П. Бородин, В. В. Докучаев, В. В. Заленский, Н. Е. Жуковский, А. П. Карпинский, Н. П. Кондаков, В. О. Ключевский, А. О. и В. О. Ковалевские, Р. Э. Ленц, Д. И. Менделеев, И. И. Мечников, И. П. Павлов, Г. И. Сенкевич), с которым связывают начало «золотого века» российской науки, закончившегося репрессиями 1930-х гг. В николаевское время были заложены основы структуры Императорской Академии наук, которая встретила Первую мировую войну.

От периода реформ 1860-х гг. до начала XX в. Россия характеризовалась устойчивым ростом науки. Множились научные общества, возникали новые журналы. Постоянное увеличение числа научных изданий и научных публикаций считается одним из параметров, отражающих положительную динамику науки. В России этот рост шел экспоненциально, причем провинциальные центры (вне Петербурга и Москвы) вносили значительный вклад в развитие русской науки. В то же время среди студентов столичных вузов, где воспитывался основной контингент будущих ученых, всё сильнее сказывались революционные настроения, создавались подпольные кружки, вспыхивали несанкционированные митинги, забастовки и волнения, вынашивались планы свержения правительства.

Убийство Александра II прервало нормальный ход реформ, что резко увеличило число недовольных среди интеллигенции и привело к формированию оппозиционных настроений среди значительной части уже научного сообщества и профессуры. Политическая реакция при Александре III повлекла отмену в 1884 г. университетской автономии (введенной в 1863 г.), но по существу мало сказалась на положении науки. Более того, национальная риторика в эту эпоху использовалась учеными в политических сражениях вокруг Академии наук, что привело к избранию в ее члены преимущественно русских ученых.

Начиналось противостояние науки и власти. Государственная машина вольно или невольно подавляла активность людей, уповавших на государство. Но российские ученые в те десятилетия всё сильнее ощущали себя не только государственными служащими, но и членами международного научного сообщества. Они входили в самые престижные зарубежные общества и академии, их труды печатались в ведущих журналах и получали широкое признание. Российская наука была неотъемлемой частью европейской, и ее развитие шло в унисон с основными направлениями научных исследований во всем мире. Постоянно шел обмен людьми и идеями между Россией и ведущими научными державами мира. Русские ученые проводили по несколько лет в университетах и лабораториях Великобритании, Германии, Франции, Италии, и многое из форм организации научной деятельности, сложившихся на Западе, включая взаимоотношения между учеными и властями, они стремились перенести на отечественную почву. Прежде всего это касалось германской модели организации науки. Как и в Германии, основной институциональной базой для развития науки становилась система государственных (императорских) университетов и специализированных вузов.

К началу XX в. в России было девять университетов и около шестидесяти специализированных высших учебных заведений, в том числе завоевавшие прочную международную репутацию Военно-медицинская академия, Горный институт, Московский и Петербургский институты инженеров путей сообщения, Технологические и Политехнические институты в Варшаве, Риге, Таллинне, Харькове, Санкт-Петербурге и Москве. Главные научные учреждения и университеты находились под патронажем императора, членов императорской семьи и других представителей высшей знати. Этот патронаж особенно сильно сказывался на деятельности Императорской Академии наук, Императорского института экспериментальной медицины, Императорского энтомологического общества, Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей и др. В то же время усиливающаяся профессионализация научной деятельности и дифференциация наук вели к созданию огромного числа научных обществ, к постоянному увеличению числа периодических изданий, к организации нескончаемых конференций и симпозиумов, к бурному развитию международной сети научных школ во вновь возникающих отраслях наук. Важной формой организации научного сообщества ученых стали всероссийские съезды естествоиспытателей и врачей.

Институционализация научной деятельности вела к созданию профессиональной культуры русских ученых. В своем поведении, языке, быте они практически не отличались от своих зарубежных коллег. Они были убеждены, что их деятель-

ность служит государству и народу, что без развития науки невозможен экономический и социальный прогресс. В своих публикациях они подчеркивали объективность своих исследований, их оригинальность и новизну. Всё это свидетельствовало о стремлении научного сообщества дистанцироваться от официальной идеологии, прежде всего от церкви и цензуры[84]. Как правило, ученые старались избегать идеологических, политических и социальных проблем в своих научных сочинениях, подчеркивая их независимость от социально-культурного контекста и делая упор на строго фактическую обоснованность.

Возникавшие профессиональные общества, в том числе и научные, обеспечивали свободное «гражданское» пространство своим членам и способствовали формированию в России гражданского сознания. Научные общества, объединявшие профессоров России на научно-дисциплинарных основаниях, играли здесь существенную роль. Ученые чувствовали себя настоящими экспертами, людьми с высокой профессиональной репутацией. Активная деятельность в обществах помогала им формировать самосознание. Возникал опасный разрыв между гражданским и профессиональным статусом членов ассоциаций и их положением «слуг правительства» в качестве профессоров вузов при политическом абсолютизме[85].

Этот разрыв резко усилился в годы реализации экономической политики С. Ю. Витте и аграрных реформ П. А. Столыпина, предопределивших бурный подъем отечественной промышленности и сельского хозяйства. Многочисленнее становилась интеллигенция, заполняя все поры государственного аппарата и претендуя на бóльшее участие в определении стратегии внешней и внутренней политики. Влиятельной частью столичной интеллигенции было студенчество, составляющее почти половину всех студентов России. Причем из 10 тыс. студентов столицы 4,5 тыс. обучались в Санкт-Петербургском университете. И среди них укреплялись антиправительственные настроения. Столичное студенчество становилось самой активной частью революционного движения.

Резко возросла практическая ценность научных исследований, и ученые всё больше убеждались в своей незаменимости и всё сильнее ощущали свою ответственность за будущее страны. Но реформы были непоследовательны и буксовали из-за сопротивления части правящей элиты и революционных потрясений в стране. В начале века Россия пережила два поражения в войнах — русско-японской (1904–1905) и Первой мировой (1914–1918) и три революции: 1905–1907 гг., Февральскую и Октябрьскую 1917 г. Они повлияли на состояние отечественной науки, предопределив все ее последующие «переломы» и «надломы».

---

[84] *Todes D. P.* Biological Psychology and the Tsarist Censor: The Dilemma of Scientific Development // Bulletin of the History of Medicine. 1984. Vol. 58. P. 529–544.

[85] *Kassow S. D.* Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley: University of California Press, 1989; *Эймонтова Р. Г.* Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М.: Наука, 1993.

1.2. Начало политического противостояния академического сообщества и власти

Важным моментом в истории российской науки были события 1905–1907 гг. Ученые, преимущественно университетские, сыграли в них значительную роль, и противоречие между профессиональным самосознанием и положением государственных служащих привело к кризису в их взаимоотношениях с властями. Российские профессора оказались вовлечены в политическую борьбу, так как многие из них отказывали режиму в способности обеспечить общественное развитие. Они считали себя активными носителями прогресса в отсталой стране и собственную карьеру связывали с реформами или свержением старого режима, всячески демонстрируя свою оппозиционность, выступая за свободу научного творчества и развитие народного образования.

В январе 1905 г. в газете «Наша жизнь» была опубликована «Записка о нуждах просвещения в России» — документ, получивший известность под названием «Записка 342 ученых»[86]. Ее подписали 16 академиков, 125 профессоров и 201 приват-доцент. Впоследствии под ней появилось много новых подписей, и общее число их достигло 1500. «Правительственная политика в области просвещения, — говорилось в “Записке”, — внушенная преимущественно соображениями полицейского характера, является тормозом в его развитии, она сдерживает его духовный рост и ведет государство к упадку». Ученые требовали «установления незыблемого начала законности и неразрывно с ним связанного начала политической свободы», воплощенного «в привлечении свободно избранных представителей народа к осуществлению законодательной власти и контролю над действиями администрации»[87]. Среди подписавших были академики Ф. Ф. Бейльштейн, Н. Н. Бекетов, И. П. Бородин, А. Н. Веселовский, К. Г. Залеман, В. В. Заленский, А. С. Лаппо-Данилевский, А. М. Ляпунов, А. А. Марков, Ф. В. Овсянников, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов, А. С. Фаминцын, Ф. Н. Чернышёв, А. А. Шахматов, И. И. Янжул. Позднее присоединил свою подпись и В. О. Ключевский. Однако это отнюдь не означало, что всё научное сообщество поддержало авторов записки. Единодушия не было ни в академическом корпусе, ни в научном сообществе в целом[88]. Среди не согласных с ней были члены-корреспонденты ИАН химик

---

[86] *Князев Г. А.* Порицание академикам за участие в «Записке 342 ученых» // Вестн. АН СССР. 1931. № 4. С. 14.–22; *Предтеченский А. В., Кольцов А. В.* Из истории Академии наук в период революции 1905–1907 годов // Вестн. АН СССР. 1955. № 3. С. 82–89; *Колчинский Э. И., Кольцов А. В.* Российская наука и революционные кризисы в начале XX века // Наука и кризисы. С. 291–334; *Басаргина Е. Ю., Кирикова О. А.* Противостояние Академии наук и власти в 1905 г. // Актуальное прошлое. Взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. С. 707–727.

[87] Нужды просвещения (Записка 342 ученых) // Наша жизнь. 1905. № 65. 20 янв. (2 февр.). С. 5.

[88] *Иванов А. Е.* В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов: Материалы Международного научного коллоквиума / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб.:

Д. И. Менделеев и филолог А. С. Будилович. 23 профессора Новороссийского университета выступили в прессе с протестом против вовлечения университетов в политическую борьбу[89]. Однако их аргументы скорее убедили многих ученых в необходимости объединиться ради высоких целей и соединить политику и академию.

Президент Академии наук великий князь Константин Константинович, возмущенный действиями академиков, обратился к ним с циркулярным письмом, упрекнув их в том, что они из науки делают «орудие политики», нарушают закон и побуждают студенчество «к беспорядкам»[90]. По мнению президента, прежде чем решать вопросы государственного значения, деятелям науки и преподавателям высших учебных заведений следовало бы «повинуясь закону, обратить исключительное внимание на служение науке и стремиться к усовершенствованию способов преподавания». Он напомнил академикам и об источниках их благополучного положения и о моральной ответственности «подписантов» перед правительством. «Не отвлекаясь рассуждениями о необходимости начала политической свободы, — выговаривал президент, — деятели ученых и высших учебных заведений должны были сперва освободиться от казенного содержания, коим пользуются от порицаемого ими правительства».

Подобное указание на этическую сторону происходящего явно обидело ученых. Они уже не желали слушать выговоры от начальства, даже уважаемого ими. Ботаник И. П. Бородин сразу же подал прошение об отставке. Математик А. А. Марков заявил, что не может «изменять своих убеждений по приказанию начальства», а кроме того, высшие учебные заведения не находятся в введении президента Императорской Академии наук и последнему вряд ли следует решать вопросы о способах преподавания математики[91]. Он также выразил готовность выйти в отставку, но не по требованию президента, а если это признает необходимым Общее собрание. 4 марта 1905 г. один из старейших академиков, создатель эволюционной физиологии растений и теории симбиогенеза А. С. Фаминцын писал великому князю: «Не подавать в отставку, а твердо бороться за свои взгляды, хотя бы с риском потерять занимаемый на государственной службе пост, представляется мне прямой обязанностью истинного гражданина»[92].

Обидевшись на обвинения в получении казенного содержания «от порицаемого правительства», зоолог В. В. Заленский в письме от 23 февраля 1905 г. подчеркивал, что деньги дает народ, а правительство лишь распределяет их, и за особые услуги правительству он денег никогда не получал[93]. Сходным образом

Дмитрий Буланин, 2003. С. 204; *Басаргина Е. Ю.* Общественно-политическая деятельность А. А. Шахматова. URL: http://ranar.spb.ru/files/visual/Shakhmatov%204.pdf (дата обращения: 24.09.2017).

[89] [Телеграмма от профессоров Новороссийского университета] // Новое время. 1905. № 10401. 18 февр. (3 марта). Раздел «С.-Петербург, 17 февраля». С. 2.

[90] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Далее СПбФ АРАН). Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 113–114.

[91] Там же. Л. 119.

[92] Там же. Л. 151.

[93] Там же. Л. 137–138.

на упреки президента отвечал 22 февраля 1905 г. и филолог А. А. Шахматов в обширном письме: «Это жалование дается не для того, чтобы мы не порицали правительство, а для того, чтобы мы работали на благо русского народа и русского государства»[94].

В ответах президенту ученые затрагивали вопрос, который стал поводом для составления «Записки», — правительственную политику в области науки и народного образования, восприятие которой академиками выразительно охарактеризовал геолог Ф. Н. Чернышёв 22 февраля 1905 г.: «В стране, где устройство научных институтов зависело еще недавно всецело от усмотрения министра финансов, — писал он, — наука была терпима для декорума, но не как тот стимул, без которого немыслим умственный прогресс народа. Кто не знает, что в России нередко бросались значительные суммы на бесполезные, но бьющие в глаза затеи, в то время как наши высшие школы и научные институты лишены возможности сделать самые необходимые затраты... В наших университетах с введением устава 1884 г. благодушествовали сплошь и рядом бездарные и отставшие от науки профессора и в то же время изгонялись талантливейшие люди, принужденные затем или окончательно бросить профессорскую деятельность, или читать лекции на чужбине»[95].

Старейший академик, физиолог Ф. В. Овсянников писал президенту 1 марта 1905 г.: «Если бы в России было обращено должное внимание на потребности народа в грамотности и в учении, дана была бы свобода слова и печати, она, несомненно, пользовалась бы в настоящее время спокойствием внутри, силою и уважением извне. Народ жил бы в большом достатке и довольстве»[96]. Его письмо отражает реакцию академиков на поражение отечества в войне с Японией. С пафосом он вопрошал: «Можно ли требовать от общества, исстрадавшегося, прожившего целые месяцы в тревоге, проливающего потоки крови и слез, чтобы оно спокойно взирало на горе страны и своим молчанием закрепило бы дальнейшую гибель отечества. Не только страдают те сотни тысяч народа, которые непосредственно потерпели от войны, кто — потерял друга, кто — сына, кто — брата, кто — кормильца; страдает всё общество, печалится и болеет весь русский народ». И хотя академики, как правило, подчеркивали общую лояльность, тон и содержание писем явно показали, что в начинавшейся революции значительная часть «первенствующего научного сословия» не на стороне правительства, а, напротив, готова предъявить ему счет за явные и мнимые упущения в научной политике и в организации высшего образования. За всё время существования Академии наук ее президент, назначаемый императором, впервые столкнулся со столь явной и последовательной оппозицией. Никто из академиков своей подписи под «Запиской» не снял и виновным себя не признал. Более того, устами А. С. Фаминцына они заявили, что «заслуживают не порицания, высказанного в циркулярном обращении, а полного сочувствия и уважения со стороны лиц, которым близки к сердцу судьбы нашего

[94] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Далее СПбФ АРАН). Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 128.

[95] СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 139–140.

[96] Там же. Л. 148.

отечества»[97]. Не менее резкая реакция на циркулярное письмо содержалась в письмах других академиков: Н. Н. Бекетова, С. Ф. Ольденбурга, В. В. Радлова, А. Н. Веселовского, А. М. Ляпунова, К. Г. Залемана, А. С. Лаппо-Данилевского[98]. Столкнувшись со столь твердой позицией академиков, августейший президент Константин Константинович вынужден был искать примирения[99].

Показательно, что непременный секретарь ИАН С. Ф. Ольденбург, директор Музея антропологии и этнографии В. В. Радлов и директор Зоологического музея В. В. Заленский протестовали против размещения полиции и войсковых частей в академических зданиях после расстрела демонстрации на Дворцовой площади 9 января в 1905 г.[100] Отмечались случаи столкновения академических сотрудников, недовольных нарушением нормальной работы своих учреждений, с офицерами и солдатами. Иногда ученые призывали последних не подчиняться преступным приказам.

Политическая активность и революционная романтика захватили многих членов научного сообщества, отодвинув в сторону интересы науки. Будущий академик Н. А. Максимов вспоминал те дни в лаборатории В. И. Палладина ИСПбУ так: «<...> конец 1904 г[ода], а тем более 1905 г[од] были очень мало благоприятными для научной работы. Надвигавшаяся революционная буря всё больше захватывала меня <...> А события 9 января 1905 г[ода], в которых я вместе со своими учениками-рабочими принимал непосредственное участие, и вызванное ими общественное движение заставили меня совсем забросить лабораторию, куда даже и проникать было затруднительно из-за полицейской заставы кругом Университета»[101].

В период октябрьской политической стачки 1905 г., когда в Императорском Санкт-Петербургском университете проходили крупные выступления студентов, в зданиях ИАН снова были размещены полиция и войска. На этот раз уже вице-президент П. В. Никитин, лично ничего не имевший против военных постоев, под давлением академиков вынужден был неоднократно обращаться к С. Ю. Витте с просьбами освободить академические здания от военных и полицейских[102]. Царский манифест от 17 октября 1905 г. о даровании основных гражданских свобод побудил академиков сплоченно действовать ради отстаивания своей позиции. Они требовали созвать экстраординарное Общее собрание (далее — ОС) для обсуждения данного вопроса[103]. Такое заседание состоялось 27 октября, и подавляющим большинством голосов было принято решение

[97] Там же. Л. 151.

[98] Приложение I. Академики и записка «Нужды просвещения» (Записка 342 ученых) / Публ. О. А. Кириковой // Актуальное прошлое. Взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. С. 737–768.

[99] См. подробнее: *Предтеченский А. В., Кольцов А. В.* Из истории Академии наук в период революции 1905–1907 годов. С. 82–89.

[100] СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 15, 19–21.

[101] «Тюремная автобиография» Николая Александровича Максимова / Публ., предисл. и комм. О. В. Максимовой // ИБИ. 2017. Т. 9. № 1. С. 80.

[102] СПбФ АРАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 289. Л. 3.

[103] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 28. Л. 56–57.

не допускать размещения «войсковых частей и полицейских нарядов» в академических зданиях, а в случае неисполнения генерал-губернатором этой просьбы — подать на него жалобу в Правительствующий Сенат[104]. И снова президенту пришлось вмешаться в ход событий с требованием от академиков «самого полного содействия полицейским властям, которые составляют органы правительства, так же как и все академические учреждения, содержимые на счет того же правительства и без него немыслимые»[105].

Всё чаще академики при обсуждении общеполитических вопросов сталкивались не только с президентом, но и непосредственно с правительством. В феврале 1905 г. Совет министров специальным постановлением обязал ИАН участвовать в просмотре книг, предназначенных цензурой к запрету. 11 мая 1905 г. экстраординарное ОС высказалось за свободу печати в России, за отмену цензуры. Академики заявили, что не согласны быть экспертами в политическом суде над книгой, всегда будут отстаивать ее право на существование и на освобождение от всяческих запретов. Дела же о запрещении книг академики рекомендовали решать в судебном порядке[106]. В результате утвержденное Николаем II постановление правительства оказалось невыполненным.

Академики активно участвовали и в обсуждении готовящегося устава о печати. Председателем Особого совещания по его подготовке был назначен член-корреспондент Д. Ф. Кобеко. И хотя Академия не была привлечена к его работе, ОС 5 февраля 1905 г. избрало специальную Комиссию под председательством С. Ф. Ольденбурга для составления доклада о нуждах печати. 24 марта 1905 г. доклад, составленный историками А. С. Лаппо-Данилевским и А. А. Шахматовым, был обсужден на экстраординарном ОС, которое постановило, не дожидаясь выработки новых законов о печати, устранить предварительную цензуру, уничтожить административные кары против печати, изменить порядок основания периодических изданий, освободить издателей от внесения залога и т. д.[107]

В феврале 1905 г. при рассмотрении вопроса об отмене стеснений украинской печати академики настаивали на том, чтобы предоставить украинскому народу право «говорить публично и печатать на родном языке». В докладе Комиссии, созданной для рассмотрения этого вопроса, звучит категорическое заявление: «Отнять у образованных людей право писать на родном языке — это посягать на то, что этим людям дорого так же, как дорога самая жизнь, это посягнуть на самую жизнь

---

[104] Протоколы заседаний Общего собрания Императорской Академии наук. С приложением перечня заседаний и алфавитного указания (Печатано как рукопись). 1905. § 216. Хранится в Секторе Библиотеки РАН при СПбФ ИИЕТ РАН. (Далее: Протоколы ОС ИАН с указанием соответствующего года).

[105] СПбФ АРАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 54. Л. 20.

[106] Протоколы ОС ИАН. 1905. Приложение к протоколу заседания экстраординарного ОС ИАН 11 мая 1905 г. С. 1–4.

[107] Протоколы ОС ИАН. 1905: 1) С. 2. § 104; 2) Заключение Императорской Академии наук по вопросу о свободе печати в России. Приложение I к протоколу заседания ОС ИАН 24 марта 1905 г. С. 1–2; 3) Доклад Комиссии по вопросу о свободе печати в России. Приложение II к протоколу заседания ОС ИАН 24 марта 1905 г. С 1–32.

народа, ибо в чем иначе выразиться, как не в слове, носителе мысли, выразителе чувства, воплощении человеческого духа?»[108]

Таким образом, с первых дней революции 1905–1907 гг. выявились резкие расхождения между академическим сообществом, принадлежавшим к элите, и политикой правительства.

1.3. «Бунтующие» университеты и Академический союз

Еще сильнее подобное расхождение правительства обозначилось со студентами и той частью профессорско-преподавательского контингента, которая придерживалась либерально-демократических убеждений. Правительство всегда с особым подозрением относилось к умонастроениям университетского сообщества, изначально формировавшегося в значительной мере за счет разночинцев[109]. Это отражалось в чередовании абсолютизма царской политики по отношению к университетам в XIX — начале XX в. с периодами относительного либерализма, иллюстрацией чего является введение и последующая отмена автономии университетов. Она была введена Александром I и ликвидирована после восстания декабристов. В 1863 г. университетская автономия восстанавливается.

Тяжелое положение студентов, строгий полицейский надзор практически за всеми сторонами их деятельности, запреты на создание студенческих организаций и т. д. не раз приводили к студенческим волнениям в 1860–1870-х гг. — в Медико-хирургической академии, в Земледельческом (Лесном) институте, в Казанском и Петербургском университетах. Зачинщиков и рядовых участников всегда строго наказывали. Власть не желала идти на уступки студентам, отказывала в требуемых послаблениях и ограничивала прием в университеты выходцам из малоимущих классов. В свою очередь это вызывало новые волнения, а студенческие требования иногда поддерживали часть профессоров, которые в силу своего происхождения сочувствовали им[110].

В 1884 г. университетскую автономию вновь отменили в связи с убийством царя в 1881 г. Но это не принесло успокоения. Антиправительственные настроения в университетах только усиливались: формировались кружки, участники которых вынашивали планы насильственного изменения существующего строя, убийства царя и членов его семьи[111]. Отсюда шли агитаторы в народ, студенты

---

[108] Протоколы ОС ИАН. 1905. Доклад Комиссии по вопросу об отмене стеснений малорусского печатного слова. Приложение к протоколу заседания ОС ИАН 18 февраля 1905 г. С. 22.

[109] *Кулакова И.П.* Спор о первородстве: 275 лет Санкт-Петербургскому университету? // ВИЕТ. 1999. № 3. С. 57–92.

[110] *Ольховский Е.Р.* Тайный арест академика Фаминцына (из истории изучения в 1878–1879 гг. причин волнений среди учащейся молодежи) // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Вып. VII. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. С. 132–145; *Манойленко К.В.* Андрей Сергеевич Фаминцын. С. 54–67.

[111] Убийство 3-х министров, тайного советника Боголепова, егермейстера Сипягина, статс-секретаря фон Плеве. СПб.: И. Балашов, 1906; *Ольховский Е.Р.* Студенческое движение

активно участвовали в формировании первых социал-демократических кружков, входили в боевые дружины социал-революционеров. Так, по данным специальной комиссии министров под председательством П. А. Валуева, из арестованных пропагандистов в народе с середины 1873 по январь 1877 г. было 523 студента (32,7% всех арестованных)[112].

За участие в антиправительственных движениях студентов изгоняли из вузов, ссылали, осуждали на каторгу, что, в конечном счете, не прибавляло авторитета правительству и лишь усиливало оппозиционные настроения[113]. На рубеже веков отдельные выступления и забастовки стали принимать характер общероссийского студенческого движения[114].

Естественно, с первых дней революции 1905 г. студенты были в авангарде антиправительственного движения, к которому всё чаще присоединялись и преподаватели[115]. Занятия в университетах надолго прерывались, а некоторые университеты, например Варшавский, были закрыты в течение нескольких лет. Высокую политическую активность проявляли студенты столичного университета[116]. После 5 января 1905 г. университет был закрыт, но на первой сходке после «Кровавого воскресенья», состоявшейся 7 февраля 1905 г., студенты вопреки призывам преподавателей «сохранить университет для науки» приняли решение его закрыть на то время, пока в стране царит произвол, предоставив тем самым «товарищам полную возможность направить всю свою энергию на пользу грядущей, неизбежно близящейся революции»[117]. 27 августа 1905 г. автономия университетов восстанавливается вместе с введением выборности ректора и деканов, расширением полномочий Совета университета и разрешением студенческих обществ. В сентябре занятия возобновились, но вскоре начались новые митинги и собрания с участием

на рубеже XIX–XX вв. Зарождение большевистской организации в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. VI. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 75–111.

[112] Материалы по истории студенческого движения в России. Вып. 1. Лондон; СПб.: Свободная мысль, 1906. С. 10–12.

[113] *Гусятников П. С.* Революционное студенческое движение в России. М.: Мысль, 1971; *Ганелин Р. Ш.* Петербургский университет и правительственная политика // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. VI. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 112–119; *Иванов А. Е.* 1) Высшая школа России в конце XIX — начале XX века; 2) Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М.: Новый хронограф, 2007.

[114] *Ганелин Р. Ш.* Февральские события 1899 г. в Петербургском университете и студенческое движение в Тарту // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Вып. VII. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. С. 146–162.

[115] *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции. М.: Наука, 1966; *Лейкина-Свирская В. С.* Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М.: Мысль, 1985.

[116] *Ростовцев Е. А., Андреева В. В.* 1) Петербургский университет 1905 г. в зеркале периодической печати // Клио. 2014. № 10. С. 3–14; 2) Кривое зеркало: университетская жизнь сентября–октября 1905 г. // Клио. 2015. № 7. С. 71–88.

[117] *Д.* [А. А. Дьяконов]. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. Сходки и митинги (хроника). Совет старост (очерк). [Б. м].: И. Балашова, 1907. С. 11.

уже не только студентов, но и преподавателей. 18 октября 1905 г. университет был снова закрыт и оцеплен войсками.

Выразителем настроений, взглядов и чаяний научной интеллигенции стал Академический союз — первая всероссийская профессиональная политическая организация, объединявшая деятелей науки, профессоров и преподавателей высших учебных заведений[118]. Решение о ее создании было принято незадолго до начала революционных событий 20 декабря 1904 г. на совещании профессоров в Петербурге. Инициаторами этого решения были члены «Союза освобождения», а «Записка о нуждах просвещения в России» стала политической программой деятельности союза.

25–28 марта 1905 г. в Петербурге состоялся Первый всероссийский делегатский съезд, положивший начало Академическому союзу. В его состав вошли 1550 человек, в том числе такие авторитетные ученые, как Г. В. Вульф, Н. К. Кольцов, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, И. П. Павлов, В. А. Стеклов и др. Ведущие позиции в Центральном бюро Академического союза занимали А. А. Бранд, В. И. Вернадский, И. М. Гревс, Д. С. Зернов, А. И. Каминка, П. И. Новгородцев, С. Ф. Ольденбург, С. С. Салазкин и др. В конце августа состоялся Второй всероссийский съезд Академического союза, проходивший в условиях нарастания революционного движения и ставший важной вехой в консолидации оппозиционных академических кругов. Они возлагали ответственность за поражение в войне с Японией на царское правительство. Анализируя социально-политические и экономические причины неудач российских войск, члены Академического союза требовали глубоких преобразований, вплоть до смены строя.

В мае Академический союз, вошедший в объединенную организацию отдельных союзов интеллигенции «Союз союзов», выступал против применения полицейскими насилия к участникам массовых выступлений, за материальную помощь бастующим, требовал создания независимой («вольной») высшей школы и усиления государственной поддержки науки. Лидеры Академического союза были активными земцами, их депутация во главе с С. Н. Трубецким 6 июня 1905 г. была принята Николаем II и высказала ему соображения о неотложности либерально-демократических реформ[119]. Академический союз поддержал всероссийскую октябрьскую политическую стачку, в целом положительно воспринял Манифест 17 октября 1905 г. К ноябрю 1905 г. в союзе числились 1800 человек, объединенных в 44 группы в 13 городах. Вне Академического союза оставалась только четверть профессорского корпуса, которых в те дни называли «академической правой»[120].

Разрыв между самосознанием ученых, считавших себя исторически ответственными за судьбы страны, и их реальной ролью в правительственной политике

---

[118] *Иванов А. Е.* Первая русская революция и профессура высших учебных заведений. Всероссийский Академический союз: идеология, политическая деятельность // Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России. Вып. 48. М.: [Б. и.], 1977. С. 102–126.

[119] *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 21. Берлин, 1934. С. 377–388.

[120] *Иванов А. Е.* В преддверии кадетской партии. С. 205.

в области науки и образования отразился в деятельности одной из первых политических партий России — Партии народной свободы (партия конституционных демократов). Ее предыстория связана с Академическим союзом, руководство которого полностью вошло в эту партию, а В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург и др. стали членами ее ЦК[121]. Это означало фактический выход Академического союза из состава Союза союзов, большинство членов которого, не удовлетворяясь обещаниями Манифеста, занимали более радикальные позиции.

Академический союз счел достаточным установление конституционно-парламентской монархии и дарованных свобод. Он выступил против забастовок в Петербурге и Москве в ноябре 1905 г., резко осудил декабрьское вооруженное восстание. «Ужасное время мы переживаем, — сетует математик А. М. Ляпунов в эти дни. — Всё приходит в полное расстройство <...>. Всюду хаос и ничего хорошего не предвидится в будущем»[122]. Либеральная оппозиция не только отмежевалась от радикалов, но приветствовала «умиротворяющие» действия правительства, поднимая тосты за армию, сохранившую «отечество и порядок». Еще в сентябре 1905 г. слова психиатра В. М. Бехтерева о том, что отсутствие «прав и свобод угрожает душевному здоровью нации», встретили взрыв воодушевления у участников съезда психиатров. Теперь в их сообществе возобладала точка зрения, что «массы не способны к созидательным действиям, апелляция к ним взрывоопасна»[123].

Взяв курс на реформы сверху, Академический союз участвовал в выборах в Государственную думу 1-го и 2-го созыва. Третий съезд Академического союза, собравшийся в январе 1906 г. в Петербурге, когда правительство начало контрнаступление, не смог выработать общую позицию по вопросу о возобновлении занятий в высших учебных заведениях.

Деятельность Академического союза, а также статьи его наиболее активных членов, например В. И. Вернадского, отражают и даже специально подчеркивают разрыв между политической реальностью Российской империи и самосознанием ученых в годы Первой русской революции[124]. Это нашло воплощение в программе конституционно-демократической партии, принятой 18 октября 1905 г. на Учредительном съезде в Москве: «свобода основания и содержания учебных заведений» признавалась одним из основных прав граждан. Там же провозглашались «децентрализация образования», уничтожение всех ограничений при получении образования, «связанных с полом, происхождением и религией», «свобода частной и общественной инициативы в открытии и организации учебных заведений всех типов»,

---

[121] Впоследствии эту партию часто называли профессорской. Это справедливо лишь отчасти. Действительно, из 54 членов ЦК кадетской партии первого созыва 22 (41%) были деятелями высшей школы, но в суммарном составе ЦК всех созывов до 1917 г. академической корпорации принадлежало только 32 места из 115, т. е. 28%. См.: *Иванов А. Е.* В преддверии кадетской партии. С. 203.

[122] *Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками. С. 124.

[123] *Сироткина И. Е.* Психопатология и политика: становление идей и практики психогигиены в России // ВИЕТ. 2000. № 1. С. 145.

[124] *Bailes K.* Sciences and Russian Culture in an Age of Revolutions. Vol. I. Vernadsky and His Scientific School, 1863–1945. Bloomington: Indiana University Press, 1990. P. 80–137.

«свобода преподавания» в них, «полная автономия и свобода преподавания в университетах и других высших учебных заведениях», «увеличение их числа», «уменьшение платы за слушание лекций», «свободная организация студенчества»[125].

Среди деятелей науки прочно укоренялись буржуазно-либеральные взгляды, преимущественно кадетские, а также октябристские и мирообновлеческие. Был здесь и весьма сплоченный и очень активный консервативный и даже черносотенный фронт, чьи взгляды в целом соответствовали потребностям двора[126]. Политику двора, естественно, разделял президент Академии наук великий князь Константин Константинович. К октябристам примкнули ее вице-президент П. В. Никитин, академики В. Р. Розен, К. Г. Залеман, но они вели себя политически достаточно пассивно. Кадеты — академики И. П. Бородин, В. И. Вернадский, А. Н. Веселовский, М. А. Дьяконов, А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Ольденбург, А. С. Фаминцын, А. А. Шахматов — напротив, были очень активны в общественно-политической жизни. Академик А. И. Соболевский также активно участвовал в русских националистических и монархических организациях, был товарищем председателя Союза русского народа, а Н. П. Кондаков — членом Киевского клуба русских националистов. Правительственую политику поддерживали академики, находившиеся на высоких государственных должностях, — Б. Б. Голицын, В. В. Латышев и Н. Я. Сонин. Последний до самой смерти в 1915 г. был председателем Ученого комитета МНП и членом Совета министра. Из академиков только математик А. А. Марков позиционировал себя левым, а вот среди академических служащих этнографы Л. Я. Штернберг и Д. А. Клеменц были революционерами-народниками.

Столь же велика была палитра и научного сообщества в целом. Среди ученых были видные функционеры и члены Всероссийского национального клуба, Киевского клуба русских националистов, Царского народного общества в Казани, а также приверженцы социал-демократических и эсеровских воззрений. Оплотом правых партий стали Киевский и Новороссийский университеты, где значительная часть профессорско-преподавательского корпуса симпатизировала черносотенным настроениям. Параллельно здесь культивировались украинские националистические настроения, выдвигался проект историко-филологического обоснования самостоятельной украинской нации, требующей собственной Академии наук, украиноведческих кафедр и т. д.

---

[125] Программа конституционно-демократической партии. URL: http://www.yabloko.ru/Themes/ History/kdprogr.html (дата обращения: 24.09.2017).

[126] *Басаргина Е. Ю.* Общественно-политическая деятельность А. А. Шахматова.

Глава 2

РОССИЙСКАЯ НАУКА В ПРЕДВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

2.1. Хождение ученых во власть

Революционные события 1905 г. и царский манифест принесли новую свободу слова и новую гласность (именно этим словом пользовались газеты того времени) русской интеллигенции. Однако на первых порах это никак не способствовало росту науки. Число новых журналов и научных публикаций в эти годы падает. Первый временный перелом экспоненциального роста научных изданий приходится лишь на пару лет после 1905 г. Революционные события и гласность, по-видимому, лишь отвлекали ученых от деятельности по организации научных журналов. Новые свободы в интеллектуальной сфере принесли плоды много позже, когда в связи с изоляцией во время Первой мировой войны русские ученые бросились организовывать журналы и научные общества, не имея политических препятствий, устраненных за десять лет до этого[127].

После того как революционное движение пошло на спад, власти для поддержания диалога с научным сообществом решили включить в состав Государственного совета, преобразованного в 1906 г. в Верхнюю законодательную палату, 6 выборных членов от Академической курии (Академия наук и университеты). Впервые идея корпоративного академического присутствия в законодательной деятельности была на практике реализована в высшем законодательном органе Российской империи. Тем самым как бы открывались принципиально новые формы диалога власти и ученого сословия, представители которого ранее в подготовке законов могли участвовать лишь в качестве экспертов, назначенных исполнительной властью[128]. В то же время, оставаясь на государственной службе, члены Академической курии, особенно университетские профессора, зависели от МНП, утверждавшего их на эти должности. События в Московском университете в январе 1911 г., когда ректор А. А. Мануйлов подал в отставку из-за действий министра образования Л. А. Кассо, а тот незамедлительно ее принял, служат наглядным примером. Вскоре Мануйлов был лишен депутатских полномочий, а вслед за ним В. И. Вернадский, подавший в отставку в знак солидарности с ректором. Он потерял также избирательные права от Академической курии, которые, правда, быстро восстановил, став 3 марта 1912 г. ординарным академиком. Это звание было пожизненным, что придало бóльшую самостоятельность и позволило вскоре вернуть кресло депутата. Бóльшая независимость действительных членов академии от власти обусловливала и их доминирование в академической группе, где слабо была представлена провинциальная профессура.

---

[127] *Александров Д. А.* Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 3–24.

[128] *Арчегов С. Б.* Академическая группа Государственного совета (1906–1917 гг.): историко-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 14.

Наиболее успешной деятельность академической группы была при обсуждении и принятии законопроектов, входивших в служебно-профессиональные интересы ученых и касающихся вопросов образования. По инициативе С. Ф. Ольденбурга была создана специальная Комиссия по делам народного просвещения[129], благодаря которой стало легче вносить поправки и дополнения в законопроекты. Вместе с тем академики-депутаты, как и их коллеги, университетские профессора, по словам В. И. Вернадского, не строили особых иллюзий о перспективах «“государственной” деятельности на этом поприще»[130]. Членами Госсовета становились и ректоры университетов в Петербурге и в Москве (И. И. Боргман, Д. Д. Гримм, А. А. Мануйлов и др.), которые также скоро убедились, что главная задача Государственного совета — блокировать демократические инициативы со стороны Государственной думы. 13 августа 1913 г. Вернадский писал Я. В. Самойлову: «В Государственном совете я увидел этих людей, нищих духом, — а в их руках власть»[131]. Позднее, пережив уже ужасы Гражданской войны и находясь в Париже, Вернадский вспоминал, что у большинства выборных и назначенных членов Государственного совета «не было ни esprit de corps, ни блеска знания и образования, ни преданности России, ни государственности. В общем, ничтожная и серая, жадная и мелкохищная толпа среди красивого декорума... И это отсутствие содержания сказалось в грозный час»[132].

Представители Академической курии в Государственном совете, примкнувшие к оппозиционному меньшинству (12–16 человек), были шокированы циничным нигилизмом остальных членов, их озабоченностью лишь личными делами. Осознание бесполезности сотрудничества с властями на законодательном поприще побудило ученых 20 февраля 1907 г. отказаться от звания членов Государственного совета. Деятельность вновь выбранных представителей Академической курии становилась всё более и более формальной.

Крах либерально-демократических и социалистических движений заставил задуматься о необходимости пересмотра прежних ценностей. О пагубности стремления интеллигенции к революционным преобразованиям ради торжества демократии было заявлено в сборнике «Вехи»[133], в котором участвовали в основном бывшие «легальные марксисты». Здесь констатировалось: «Русская революция развила огромную разрушительную энергию, уподобилась гигантскому землетрясению, но ее созидательные силы оказались далеко слабее разрушительных»[134].

Это сказалось и на науке. «В революционные дни опять повторилось гонение на знание, на творчество, на высшую жизнь духа <...>. До сих пор еще наша интеллигентная молодежь не может признать самостоятельное значение науки, философии,

---

[129] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия тринадцатая. Заседание 1–2. СПб.: Гос. тип., 1916. Стб 27.

[130] *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский. С. 154.

[131] Там же. С. 155.

[132] *Вернадский В. И.* Дневники 1921–1925 / Отв. ред., сост. В. П. Волков. М.: Наука, 1998. С. 170.

[133] Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Тип. В. Л. Саблина, 1909.

[134] *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Там же. С. 28.

просвещения, университетов...»[135] Авторы подчеркивали, что не только народ, но и сама интеллигенция чуждалась подлинного научного знания, если не видела возможности использовать его во зло царизму или во благо народа. Осуждалась и догматическая вера интеллигенции в народ. Большую популярность получил пассаж М. О. Гершензона, что интеллигенты не только не должны «мечтать о слиянии с народом, но бояться его пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»[136].

В конечном счете у научного сообщества были поколеблены многие иллюзии и абстрактные представления о реформах власти, о границах дозволенных ею изменений в области науки и образования. Но не осталось оптимизма и надежд на революционный порыв масс, разрушительная сила которых отчетливо проявилась во время ноябрьской забастовки и декабрьского восстания в 1905 г. Становилось ясно, что интеллигенция и формирующееся гражданское общество должны взять на себя заботу о дальнейшем развитии науки и образования, что для успеха требуются годы долгого кропотливого труда. И если в годы революции многим «было не до лабораторной научной работы», то «уже в 1907 г.» они, по словам Н. А. Максимова, почувствовали «непреодолимое стремление вновь взяться за экспериментальную работу»[137].

2.2. Развитие государственной системы организации науки

В условиях политических кризисов ученые особое внимание обращали на создание системы исследовательских институтов, в первую очередь государственных. Академия наук казалась им более надежной формой отношений науки и государства, и они ратовали за ее расширение. Показательно, что личный состав Академии наук пополнялся, как правило, учеными, оппозиционными к правительству, но настроенными на конструктивное сотрудничество с ним на базе постепенных реформ. Среди новых членов большинство составляли ученые с мировыми именами: математик В. А. Стеклов, химики П. И. Вальден и Н. С. Курнаков, геологи и палеонтологи Н. И. Андрусов и В. И. Вернадский, зоолог Н. В. Насонов, историки П. Г. Виноградов, Н. П. Дашкевич, М. А. Дьяконов и М. М. Ковалевский, филологи и литературоведы В. С. Иконников, В. М. Истрин, Н. А. Котляревский, В. Ф. Миллер, В. Н. Перетц, востоковеды В. В. Бартольд, П. К. Коковцов, Н. Я. Марр и др. В числе вновь избранных академиков находился первый российский лауреат Нобелевской премии И. П. Павлов. Революционные потрясения уменьшили зависимость академических выборов от внешних воздействий. В Академии наук состояли 44 действительных члена, представлявших цвет отечественной науки. Общая численность ее научных сотрудников достигла 220, а возглавлял Академию наук по прежнему вел. кн. Константин Константинович, который, учитывая столкновения с академиками в 1905 г., благодаря такту и высокому авторитету вел далее

[135] *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. С. 7.

[136] *Гершензон М. О.* Творческое самосознание // Там же. С. 92.

[137] «Тюремная автобиография» Николая Александровича Максимова. С. 82.

академическое сообщество без потерь и потрясений, находя общий язык и с вице-президентом, октябристом П. В. Никитиным, и с непременным секретарем, кадетом С. Ф. Ольденбургом.

Академические учреждения, как и прежде, испытывали постоянный недостаток средств, и ученые тратили много сил и энергии, чтобы «выбить» необходимые ассигнования. В июне 1912 г. академик князь Б. Б. Голицын писал: «Положение ученых учреждений и всего хозяйства Академии, ожидающей новых штатов уже пять лет, таково, что промедление даже на полгода введения этих штатов поставит Академию в безвыходное положение и задержит и затормозит ряд важных научных предприятий. В частности, положение вверенного мне Физического кабинета теперь таково, что покупка одного сколько-нибудь значительного прибора поглощает бюджет целого года»[138].

В июле 1912 г. был принят закон о новых штатах Академии, что несколько смягчило материальные затруднения ее учреждений. Бюджет Академии определялся в сумме 1 007 159 рублей (в масштабах цен того времени). Бóльшая часть средств выделялась на зарплату, на финансирование исследований оставалась небольшая сумма — 47 тыс. рублей в год[139].

Тем не менее деятельность Академии наук существенно расширилась. Создавались новые научные учреждения. Среди них был Пушкинский Дом (1905), выросший впоследствии в литературоведческий научный центр мирового значения. К 1914 г. в системе Академии наук, помимо библиотеки, Архива Конференции, типографии, словолитни и книжного склада, работали восемь музеев, пять лабораторий, две обсерватории, один кабинет и одна станция, а также шестнадцать академических и приакадемических комиссий, включая Международный союз академий и Бюро Международной библиографии[140].

Проблемы отечественной и всеобщей истории получили дальнейшее развитие в трудах П. Г. Виноградова, М. А. Дьяконова, В. С. Иконникова, М. И. Ростовцева и Ф. И. Успенского. Для современных исследований особое значение представляет труд А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908) и двухтомный труд А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» (1910–1913). Исследования В. В. Бартольда, К. Г. Залемана, П. К. Коковцова, С. Ф. Ольденбурга, В. В. Радлова, В. Р. Розена принесли Академии наук славу одного из крупнейших мировых центров в области востоковедения. С именами В. М. Истрина, Е. Ф. Карского, Н. А. Котляревского, Н. К. Никольского, В. Н. Перетца, А. А. Шахматова и других ученых связаны достижения в развитии палеографии, в изучении истории русского и украинского языков, русской литературы.

---

[138] Цит. по: История Академии наук СССР. Т. II. 1803–1917. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 461.

[139] Там же.

[140] Отчет о деятельности Императорской Академии наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1914 г., составленный и. о. Непременного секретаря академиком А. А. Шахматовым и читанный в публичном заседании 29 декабря 1914 г. Пг.: Тип. ИАН, 1914. С. 3–4 (Далее: Отчет о деятельности ИАН... с указанием соответствующего года).

Весьма плодотворной была деятельность и в области точных наук и естествознания. Мировую известность получили труды математиков В. А. Стеклова и А. Н. Крылова по математическому анализу, теории упругости, теории кораблестроения.

Продолжались работы по изучению Центральной и Средней Азии, Сибири и Крайнего Севера. А. П. Карпинский изучал проблемы палеонтологии и стратиграфии, тектоники и палеогеографии, петрографии и месторождений полезных ископаемых. Директор Геологического музея Ф. Н. Чернышёв продолжал систематическое изучение геологического строения территорий России. В. И. Вернадский, сменив Чернышёва на посту директора Геологического и Минералогического музеев, стал инициатором радиевых исследований, организовал несколько геолого-минералогических экспедиций. Крупнейшие достижения в развитии сейсмологии связаны с именем руководителя Николаевской главной физической обсерватории и президента Международной сейсмологической ассоциации Б. Б. Голицына. Проблемы морской и синоптической метеорологии, гидрологии, океанографии, земного магнетизма составляли содержание исследований его предшественника на посту директора Обсерватории М. А. Рыкачёва. Главным направлением географических исследований стало изучение территории Европейской России и Сибири по берегам Ледовитого океана, что объяснялось стремлением выяснить экономические возможности Северного морского пути. На грани двух веков ИАН организовала Русскую полярную экспедицию, которая под руководством барона Э. В. фон Толля в 1900–1902 гг. стала первым академическим предприятием России в Арктике, совершённым на собственном судне «Заря». Продолжались и исследования Центральной Азии и Дальнего Востока. Из экспедиций в Монголию и Тибет П. К. Козлов привез коллекции, украсившие лучшие музеи Санкт-Петербурга.

Много коллекций поступило в фонды музеев в конце XIX — начале XX в. Так, например, В. В. Радлову удалось объединить вокруг Этнографического музея плеяду ученых-энтузиастов и краеведов-любителей. Музей организовал экспедиции для сбора коллекций по этнографии народов Южной Америки, Африки, Индии и Цейлона. В 1913–1914 гг. блестящий поэт Н. С. Гумилёв собрал для музея коллекцию, характеризующую быт и ремесла ряда народов Эфиопии, и т. д. Активными собирателями были иранист М. С. Андреев, тюрколог А. Н. Самойлович, востоковед С. Ф. Ольденбург, этнографы Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз и многие другие ученые.

Руководители Зоологического музея В. В. Заленский и Н. В. Насонов стремились пополнить коллекции, сделать более совершенными экспозиции музея, которые с 1901 г. размещались в здании бывшего «Дома выставок» на Стрелке Васильевского острова. К 1913 г. коллекции музея увеличились почти в семь раз и насчитывали 2 228 958 экземпляров[141]. В 1911 г. было положено начало изданию многотомной серии «Фауна России и сопредельных стран».

---

[141] *Слепкова Н. В.* Развитие Зоологического музея Академии наук как центра исследований по систематике (1883–1932 гг.). Дис. ... канд. биол. наук. М.: ИИЕТ РАН, 2006.

Успешно продолжались исследования в других отраслях биологии. Проблемам анатомии и физиологии растений посвящены работы академика И. П. Бородина. Возглавив Ботанический музей, он осуществил издание «Флоры Сибири и Дальнего Востока». В. И. Палладин получил известность благодаря своим трудам по биохимии окисления и дыхания. В 1904 г. И. П. Павлов стал первым в России лауреатом Нобелевской премии, которая была присуждена ему за работы по физиологии пищеварения. Нобелевская премия за фагоцитарную теорию иммунитета была присуждена И. И. Мечникову в 1908 г.

Ученые стремились обеспечить рост научных исследований, повысить роль науки в экономическом и культурном развитии России. Проблемы совершенствования организационных форм исследований в соответствии с требованиями времени нашли освещение в трудах В. И. Вернадского, Н. К. Кольцова, С. Ф. Ольденбурга, В. А. Стеклова и других ученых. В организации исследований всё более отчетливо проявлялась тенденция, направленная на усиление интеграции различных областей знания.

В связи с наступившим в 1911 г. 200-летием со дня рождения М. В. Ломоносова В. И. Вернадский по поручению Академии наук подготовил ряд записок, в которых обосновывалась потребность в создании нового института[142]. В ней он напоминал правительству о роли науки в жизни страны. Необходимость создания такого института обосновывалась тем, что «от роста физико-химических наук в теснейшей зависимости находится и развитие техники с ее бесчисленными применениями к потребностям бытовым и государственным»[143]. В записке говорилось, что необходима «совершенно новая организация» и создание в России исследовательского института является уже давно назревшим делом. «Не имея его (института. — *Э. К.*), — сказано в записке, — русские ученые вынуждены делать или не всё то, что им было бы по силам, а то немногое, что им по средствам, или искать применение своим знаниям в заграничных ученых учреждениях»[144]. Пытался он воздействовать и на патриотические чувства правителей: «Такая великая страна, как Россия, — отмечалось в записке, — не может и не должна остаться чуждой тому напряженному соревнованию, которое на этом поприще проявляют народы Западной Европы и страны за океаном. Этого не допускает не только благородное чувство национальной гордости, но, насколько могут об этом судить люди науки, и сознание государственной пользы»[145]. От императора и правительства ученые требовали расширения учреждений Академии наук, увеличения ее финансирования, принятия нового Устава, укрепления международных связей, создания новых университетов и других вузов, приведения высшего образования в соответствие с нуждами экономики и его демократизации. Это вело к новым столкновениям с властью.

---

[142] *Вернадский В. И.* О Ломоносовском институте Императорской Академии наук // Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 226–241.

[143] *Ломоносов М. В.* Сборник статей и материалов. Т. VI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. С. 297.

[144] Там же.

[145] Там же.

Обычно правительство вяло реагировало на подобную риторику. Но в данном случае академики, движимые «сознанием государственной пользы», разработали программу деятельности нового института, его структуру. Проектируемый институт назвали Ломоносовским. Были подготовлены архитектурные проекты здания института; отведен участок земли для его строительства. Буквально накануне войны, 16 июля 1914 г., временно управляющий МНП чл.-корр. ИАН В.Т. Шевяков известил ИАН о выделении Советом министров средств в размере 2 671 000 руб. в течение 5 лет начиная с 1915 г. на постройку зданий Геологического и Минералогического музеев и Ломоносовского института[146]. Было принято также решение об отпуске средств на перестройку, расширение и оборудование Института гражданских инженеров, о пособии отделению химии Русского физико-химического общества (РФХО) при Санкт-Петербургском университете. Однако Первая мировая война помешала реализовать планы ученых.

Существенные изменения происходили с научными исследованиями вне Академии наук. Дальнейшее развитие получила деятельность Горного ученого комитета, что способствовало росту горнодобывающей промышленности в России. Изучением материально-сырьевых ресурсов страны занимался Геологический комитет. Проблемы развития сельскохозяйственного производства составляли содержание деятельности Ученого комитета Главного управления землепользования и земледелия (ГУЗиЗ). В 1912 г. был организован Докучаевский почвенный комитет при Императорском Вольном экономическом обществе, с деятельностью которого связаны достижения отечественного почвоведения. Всего к началу войны в научно-исследовательских учреждениях России работали 4,2 тыс. ученых[147].

2.3. Усиление связи науки и высшей школы

Резко возрастала роль высшей школы в научном потенциале страны. К началу войны в ней работали около 6 тыс. ученых, т. е. примерно 60% от общей численности научных и научно-педагогических кадров страны[148]. После возобновления занятий осенью 1906 г. начал интенсивно развиваться Санкт-Петербургский политехнический институт, основанный в 1902 г. А.Г. Гагариным и носящий с 1910 г. имя императора Петра Великого[149]. В 1914 г. более 6 тыс. студентов обучались в нем

[146] Протоколы заседания Отделения физико-математического наук Императорской Академии наук (далее: Протоколы заседаний ОФМН... с указанием соответствующего года). 1914. С. 211. § 533.

[147] Высшее образование в СССР. Статистический сборник. М.: ЦСУ при Совете Министров СССР, 1961. С. 79.

[148] *Иванов А.Е.* Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX — начала XX века: общественно-политический облик // История СССР. 1990. № 5. С. 74.

[149] Санкт-Петербургский государственный технический университет. СПб.: СПбГТУ, 1998; *Хозиков В.И.* Политех для России (1898–1949). Т. 1: Первые 50 лет Санкт-Петербургского государственного технического университета. СПб.: СПбГТУ, 1999; Книга памяти: к 100-летию со дня основания СПбГТУ / Сост.: С.А. Сироткина, Е.Ф. Тарасова. СПб.: СПбГТУ, 2000.

наиболее перспективным для России отраслям прикладной науки и техники, включая механику и электромеханику, прикладную химию, строительное дело, кораблестроение, металлургию. В 1909 г. здесь была открыта первая в России авиационная школа — курсы воздухоплавания, а в 1911 г. — первая в России автомобильная школа. В Политехническом институте были выполнены исследования Н. С. Курнакова по физико-химическому анализу[150]. Бурно развивавшейся многоотраслевой промышленности требовалось большое количество инженеров новой формации, специализировавшихся в определенных областях.

Создание новых политехнических и медицинских институтов оставалось приоритетом правительственной политики в высшем образовании. Многочисленные же инициативы открыть новые университеты в различных губернских городах оставались без «Высочайшего соизволения». Только благодаря поддержке премьер-министра П. А. Столыпина удалось в 1909 г. открыть в Саратове Николаевский университет, первым ректором которого стал хирург В. И. Разумовский[151]. В том же году в Новочеркасске был открыт Донской политехнический университет. Такой же институт планировали открыть в Самаре в 1914 г., но помешала война.

К 1914 г. в России имелось 11 университетов, включая Юридический лицей в Ярославле, и 54 государственных отраслевых вуза[152], где большинство профессорско-преподавательского корпуса вело интенсивную научную работу[153]. Однако правительство, памятуя уроки революции 1905 г. и поведение в ней университетской профессуры и студенчества, не горело желанием создавать новые учебные заведения — потенциальные очаги революционной заразы. По-прежнему их бóльшая часть находилась в Санкт-Петербурге и Москве, а подавляющее большинство — на европейской территории России. За Уралом бы только один университет — в Томске.

В то же время власть уже была не в состоянии контролировать процесс создания общественных и частных высших курсов, институтов и даже университетов. Среди них всё большую популярность получали частные вузы, в том числе и практикующие смешанное обучение мужчин и женщин. За десятилетие их число увеличилось как минимум в 4 раза по сравнению с четырнадцатью в 1905 г. Преподавали в них, как правило, профессора из тех же государственных вузов, а контингент формировался преимущественно разночинцами, окончившими реальные, технические, горные, сельскохозяйственные и коммерческие училища и нацеленными на прикладное знание. Такой вуз — Психоневрологический институт, ставший крупным центром комплексного изучения психологии человека и мозга, — в 1907 г. основал в столице

---

[150] *Соловьёв Ю. И.* Николай Семенович Курнаков.

[151] *Глыбочко П. В., Николенко В. И., Кочеткова Т. В.* Судьбоносный выбор российской университетской науки (150-летию со дня рождения В. И. Разумовского посвящается) // Саратовский научно-медицинский журнал. 2007. Т. 3. № 1. С. 109–111.

[152] *Беляев Е. А., Пышкова Н. С.* Формирование и развитие сети научных учреждений СССР: Исторический очерк. М.: Наука, 1979. С. 47; *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. С. 22–98.

[153] *Иванов А. Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны». С. 108.

физиолог и психолог В. М. Бехтерев[154]. При нем также был создан на частные пожертвования университет, сначала в форме курсов по программе высшей школы. На следующий год открылся Московский народный университет им. А. Л. Шанявского[155]. Оба университета обладали бóльшей свободой по формированию программ и приему студентов, чем государственные вузы. Например, в университет Психоневрологического института принимали мужчин и женщин, лиц любого вероисповедания, окончивших не только классические гимназии, но коммерческие и реальные училища, учительские институты и другие средние учебные заведения. Новый университет в Москве вообще был открыт для всех. У поступающих не спрашивали документа об образовании, достаточно было иметь удостоверение личности и желание учиться. Правда, не выдавались и никакие дипломы о прослушанных дисциплинах.

Бурно развивалось в столице сельскохозяйственное образование. К Стебутовским курсам, открытым в 1904 г. при Тенишевском училище, добавились в 1906 г. Петербургские сельскохозяйственные курсы, названные вскоре Каменноостровскими, а в в 1908 г были учреждены еще Вечерние агрономические курсы Общества народных университетов. Эти курсы готовили агрономов, зоотехников, землеустроителей и т. д. по программам, близким к требованиям высших учебных заведений, но не имели необходимой учебной базы, а летняя практика была добровольной и эпизодической. Благодаря научным обществам бурно развивалось и техническое образование. Перед войной Императорское русское техническое общество (ИРТО) курировало 60 технических школ с общим количеством учащихся в 8461 чел., а всего с момента образования первой школы подобного типа в 1870 г. среднетехническое образование в них получили около 138 тыс. чел.[156]

Наблюдался настоящий взрыв в институционализации женского высшего образования в области естественных и технических наук. В 1906 г. Общество для изыскания средств для технического образования женщин смогло учредить в Петербурге первые в Российской империи Высшие женские политехнические курсы, возглавляемые бессменным директором, знаменитым конструктором паровозов Н. Л. Щукиным[157]. В том же году в Петербурге были открыты Женские курсы высших архитектурных знаний Е. Ф. Багаевой и Л. П. Молас, высшие женские курсы проф. П. Ф. Лесгафта и т. д. Учреждения высшего образования для женщин по разным областям гуманитарных, естественных и технических наук создавались

---

[154] *Акименко М. А., Шерешевский А. М.* История института им. В. М. Бехтерева на документальных материалах. Ч. 1. СПб.: [Б.и.], 1999. Ч. 1; 2000. Ч. 2; *Самокиш А. В.* Естественно-исторический факультет Университета при Психоневрологическом институте В. М. Бехтерева в годы Первой мировой войны. От научного энтузиазма к политической активности // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Годичная конференция (2016). М.: Ленанд, 2016. С. 759–763.

[155] *Власов В. А.* Народный университет имени Шанявского // Известия Пензенского государственного педагогического института им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 527–532; *Фандо Р.* А. Университет им. А. Л. Шанявского на фоне смены эпох / Под общ. ред. Е. Б. Музруковой. М.: Акварель, 2018.

[156] *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России. С. 325.

[157] Первые женщины-инженеры. Л.: Лениздат, 1967.

в 1906–1914 гг. в Варшаве, Томске, Тифлисе, Харькове, Юрьеве, Новочеркасске, Вологде и т. п. С 1911 г. программы курсов признавались равными университетским, и их выпускницы имели право держать экзамены в государственном вузе, а в случае их успешной сдачи имели право занимать различные должности в государственных учреждениях и на казенных предприятиях.

Вплоть до начала Первой мировой войны власть относилась к женскому высшему образованию без энтузиазма, осуществляя преимущественно контролирующую и корректирующую функции. Наличие в штате таких курсов университетской профессуры, качество подготовки их слушательниц, материальная и финансовая база вынуждали правительство признать женское образование в технических и медицинских специальностях равнозначным мужскому.

Между высшими учебными заведениями, особенно частными, шла жесткая конкуренция за студентов и за привлечение частных средств. Это оказывало благотворное влияние на формирование профессорско-преподавательского корпуса, на оборудование лабораторий и аудиторий наглядными пособиями, на снабжение библиотек учебной и научной литературой и т. д., а конечном счете — на качество самого обучения. От всех этих компонентов зависели статус института и его привлекательность для студентов, получавших образование за деньги. Примерно четверть вновь учрежденных высших курсов не проходила испытания и закрывалась из-за недостатка средств. Тем не менее в негосударственном секторе высшего образования обучались более 50% студентов страны, и их доля в общем студенческом контингенте России увеличивалась.

Огромную роль в этом играло отсутствие жесткого административного контроля и перспективы быстрого роста для молодых и талантливых преподавателей. Как вспоминал будущий крупный историк и методист естествознания Б. Е. Райков, оказавшийся в университете Психоневрологического института перед Первой мировой войной 1913 г., «там собралось много людей разных научных и общественных взглядов, которые пользовались большой академической свободой и могли читать свои курсы в том духе и направлении, как считали нужным, без всяких административных вмешательств и коррективов»[158]. Действительно, профессорско-преподавательский коллектив этого института был не хуже, чем в лучших вузах страны. Здесь преподавали и вели исследования хирург А. Л. Поленов, гидробиологи К. М. Дерюгин и Н. М. Книпович, генетик Ю. А. Филипченко, эмбриолог П. П. Иванов, ботаник В. Л. Комаров, гистолог Д. И. Дейнека и др. Многие из этих ученых в то время лишь начинали свой путь в науке. Высоким уровнем обучения отличался и Университет Шанявского, особенно после того, как в него пришла группа профессоров и преподавателей, покинувших Московский университет из-за конфликта с министром просвещения Л. А. Кассо. Среди них были ученые с мировыми именами: геохимик В. И. Вернадский, экспериментальный зоолог Н. К. Кольцов, орнитолог М. А. Мензбир, биофизик П. П. Лазарев, физиолог растений К. А. Тимирязев, математик и механик С. А. Чаплыгин, минералог А. Е. Ферсман и т. д.

[158] *Райков Б. Е.* На жизненном пути. Автобиографические очерки. Кн. 1. СПб.: Коло, 2011. С. 561.

При недостатке средств в вузах Петербурга, привлекавшего жаждущих знания из всех губерний, существовало немало кафедр, лабораторий, лекционных курсов (кафедры гистологии, физиологии, общего языкознания, физический и пушкинский семинары) в ИСПбУ, курсы кристаллографии и учения о полезных ископаемых в Горном институте, курсы органической электрохимии и холодильного дела в Технологическом институте, курсы электрификации железных дорог, воздухоплавания, устройства аэропланов и дирижаблей в Институте инженеров путей сообщения и т. д.), полностью соответствовавшие состоянию мировой науки[159]. Новые исследовательские подразделения создавались и в вузах Москвы. В Московском университете стали функционировать Психологический институт (1912), ряд медицинских институтов, Кабинет эмбриологии (1913). Расширилась сеть исследовательских ячеек Московского технического училища; здесь были организованы Лаборатория внутреннего сгорания (1907), Строительная лаборатория (1908), Аэродинамическая лаборатория (1910), Холодильная лаборатория (1914)[160]. Важными центрами отечественной науки окончательно становятся Киевский, Казанский, Харьковский, Новороссийский и другие университеты России.

В 1959 г. в США была издана книга «Инженерное образование в России» (переведена на русский язык и вышла в нашей стране в 1996 г.). Автор книги — знаменитый специалист в области механики, член-корреспондент РАН С. П. Тимошенко, впоследствии иностранный член АН СССР. До отъезда в США он преподавал в Политехническом и Электротехническом институтах, Институте инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге, в Киевском университете и Киевском политехническом институте. Тимошенко высоко оценивал деятельность российской высшей школы как в области подготовки инженерных кадров, так и в сфере научных

[159] См. подробнее: *Павловский Е. Н.* Военно-медицинская академия Красной армии им. С. М. Кирова за 140 лет (1798–1938). Краткий исторический очерк. Л.: Воен.-мед. акад. Красной Армии, 1940; История Ленинградского университета. 1819–1969. Очерки. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969; Ленинградский горный институт им. Г. В. Плеханова. 1773–1973. М.: Высшая школа, 1973; 150 лет Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени технологического института им. Ленсовета. Л.: Химия, 1978; Ленинградский ордена Ленина Институт инженеров железнодорожного транспорта им. академика В. Н. Образцова. 1809–1959. М.: Трансжелдориздат, 1960; Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени инженерно-строительный институт (ЛИСИ). 1832–1982. Л.: Стройиздат, 1982; 100 лет ЛЭТИ. История Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина): Сб. статей. Л.: Лениздат, 1986. Юбилеи ряда ведущих вузов страны в конце 1990-х вызвали волну новых публикаций, в которых история ведущих вузов Петрограда в царское время освещалась с более объективных позиций, хотя в некоторых изданиях встречаются мифы уже постперестроечного времени: Санкт-Петербургский государственный университет. 275 лет. Летопись. 1724–1999 / Ред. Л. А. Вербицкая. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999; Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия. Страницы истории. 1803–2003. СПб.: Хромис, 2003; Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии, 1798–1998. СПб.: Наука, 1998; Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии. СПб.: ВМА, 2008; Первый электротехнический. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2011; и др.

[160] *Беляев Е. А.* Сеть научных учреждений и вузов Москвы: предпосылки формирования, динамика структуры // Москва научная. М.: Янус-К, 1997. С. 21–58.

исследований[161]. Широко распространенная предметная система обучения развивала способность к самостоятельным занятиям и давала возможность тщательно изучать материал[162]. Успех в подготовке студентов определялся и тем, что в вузах помимо уже названных имен работали В. М. Бехтерев, Н. Д. Зелинский, Н. И. Кареев, А. П. Карпинский, А. Н. Крылов, В. А. Стеклов, Д. И. Менделеев, А. П. Павлов, С. Ф. Платонов, А. Н. Северцов, Н. А. Умов, А. А. Шахматов и многие другие. Они каждодневно на собственном примере демонстрировали неразрывность фундаментальных исследований и университетского образования. Их блестящие лекции были популярны среди студентов, которых сразу приучали сочетать обучение с серьезной научной работой.

Примером плодотворности такого сочетания служит научная и педагогическая деятельность И. П. Павлова, неразрывно связанная с Медико-хирургической академией, Женским медицинским институтом, Императорским институтом экспериментальной медицины, а с 1901 г. и с ИАН, членом-корреспондентом которой он стал в 1901 г., а в 1907 г. — ординарным академиком. Во всех этих учреждениях сложились исследовательские коллективы, изучавшие под его руководством проблемы физиологии высшей нервной деятельности. По мнению большого знатока творчества Павлова Д. Тодеса, физиологу фактически впервые удалось создать подлинную фабрику по получению нового знания в области физиологии пищеварения[163]. В тексте его Нобелевского диплома отмечалось, что премия присуждена ученому «в знак признания его работ по физиологии пищеварения, каковыми он в существенных частях пересоздал и расширил сведения в этой области»[164]. Отчеты Физиологической лаборатории ИАН, возглавляемой И. П. Павловым, за 1908–1914 гг. показывают, сколь плодотворной была его деятельность в этот период. Именно тогда ученый выполнил многие исследования, ставшие основой его будущего труда «Двадцатилетний опыт изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных» (1923).

После своего избрания ординарным академиком ИАН В. И. Вернадский продолжил начатые в Московском университете исследования в области генетической минералогии и кристаллографии. Аналогичной была научная судьба его учителя А. П. Павлова. Ведущая роль в развитии физики принадлежала Московскому университету, где работали П. Н. Лебедев, Н. А. Умов и другие ученые. В ряде московских вузов были созданы основные труды А. Е. Чичибабина, в которых фундаментальная проблематика химии гетероциклов сочеталась с разработкой способов получения красителей, альдегидов, душистых веществ и т. д.[165]

---

[161] *Тимошенко С. П.* Инженерное образование в России. Люберцы: ПИК ВИНИТИ, 1996.

[162] *Струмилин С. Г.* Из пережитого 1897–1917 гг. М.: Госполитиздат, 1957. С. 242–245.

[163] *Todes D.* Ivan Pavlov. Russian Life in Science. Oxford: Oxford University Press, 2014.

[164] Первый в России исследовательский центр в области биологии и медицины: К 100-летию Института экспериментальной медицины. 1890–1990. Л.: Наука, 1990. С. 34.

[165] *Н. В. П.* Академик А. Е. Чичибабин // Новый журнал. 1946. № 12. С. 281–286; *Евтеева П. М.* А. Е. Чичибабин // Тр. ин-та истории естествознания и техники. Т. 18. История химических наук. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 206–256; *Кузнецов В. И., Максименко А. М.* Владимир Николаевич Ипатьев; *Волков В. А.* А. Е. Чичибабин и В. Н. Ипатьев — трагические судьбы. С. 40–71.

Вся дореволюционная научная и педагогическая деятельность В. Н. Ипатьева протекала в стенах Михайловской артиллерийской академии, где им были созданы фундаментальные труды по органическому катализу при высоких давлениях[166]. Для его исследований также была характерна теснейшая связь с промышленной практикой. В Московском сельскохозяйственном институте (МСХИ) Д. Н. Прянишников разрабатывал проблемы агрономической химии, азотного питания растений и применения минеральных удобрений, сочетая фундаментальные и прикладные исследования с чтением лекций в самом МСХИ, а также в Московском университете и на Голицынских высших женских сельскохозяйственных курсах[167]. Подобное удачное сочетание научной и педагогической деятельности было характерно и для сотрудников Зоологического музея Академии наук Л. С. Берга и Н. М. Книповича, профессора Петербургского университета В. М. Шимкевича и многих других.

В результате существенно расширялись источники финансирования научных исследований, к ним привлекались студенты, формировались многочисленные научные школы. Тем не менее научное сообщество не переставало требовать от правительства мер по приведению высшего образования в соответствие с нуждами бурно развивавшейся экономики. Ученые ратовали за увеличение числа специалистов, укрепление материальной базы вузов, введение новых курсов, создание новых вузов, за дальнейшую демократизацию высшей школы, за уравнивание в правах женщин и мужчин при поступлении во все вузы и при занятии преподавательских должностей и т. д.[168] Они добивались отмены различного рода постановлений, сужавших роль профессуры и студенчества в общественной жизни, настаивали на отмене всех искусственных лимитов, запретов и процентных норм, затруднявших прием в вузы талантливых студентов. Ограничения по признакам пола, сословной принадлежности, национальности и вероисповедания оценивалось ими как свидетельство отсталости системы государственного образования и науки в России.

В свою очередь, правительство требовало от профессуры лояльности и подчинения. Назначенный в 1910 г. министр народного просвещения монархист Л. А. Кассо запретил в вузах все собрания, кроме научных, и обязал проводить каждую лекцию под надзором пристава, который должен был подавать отчеты о посещаемости лекций студентами и об их благонадежности.

Широкую огласку получил конфликт в январе 1911 г., когда для подавления волнений студентов власти ввели в стены Московского университета отряды полиции, а Совет министров издал постановление, фактически ставившее избранное Советом университета руководство под контроль градоначальника Москвы. Ректор А. А. Мануйлов, его помощник М. А. Мензбир и проректор П. А. Минаков, протестовавшие против такого поворота событий, по приказу Л. А. Кассо были уво-

[166] *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика: Воспоминания. Т. 1–2. Нью-Йорк, 1945. Здесь и далее эти воспоминания цитируются без указания страниц по электронной версии: http://coollib.com/b/267705/read (дата обращения: 27.02.2017).

[167] *Писаржевский О. Н.* Прянишников (1865–1948). М.: Молодая гвардия, 1963.

[168] *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917–1925). Л.: Наука, 1984. С. 18.

лены. В знак протеста из Московского университета ушли более сотни ведущих преподавателей, в том числе В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, А. А. Кизеветтер, Н. К. Кольцов, П. П. Лазарев, П. Н. Лебедев, Д. М. Петрушевский, Я. В. Самойлов, К. А. Тимирязев, Н. А. Умов, Ф. Ф. Фортунатов, В. К. Цераский, С. А. Чаплыгин и другие крупные ученые[169].

Университет понес тяжелые кадровые потери, и в его защиту выступили студенты Императорского технического училища, Московских высших женских курсов, Комммерческого института, Московских высших женских сельскохозяйственных курсов, Московских педагогических курсов, бойкотировавшие занятия. Академик А. А. Марков 4 февраля 1911 г. направил С. Ф. Ольденбургу письмо[170], в котором указал, что в соответствии с уставом «Академия наук может входить во всё, касающееся до просвещения», и должна заботиться о «распространении просвещения вообще и о направлении его ко благу общему». В связи с этим и предлагал «возбудить немедленно ходатайство о возвращении в Московский университет уволенных профессоров» и обсудить это предложение на «ближайшем Общем собрании». Марков просил также сообщить содержание своего письма президенту Академии вел. кн. Константину Константиновичу. С. Ф. Ольденбург выполнил просьбу А. А. Маркова[171], и президент наложил следующую резолюцию: «Безусловно, не допускаю обсуждения вопроса, поставленного академиком Марковым»[172].

В литературе до недавнего времени оставались в тени московских событий многочисленные акции протеста против решения Л. А. Кассо и действий полиции, прошедшие в других университетских городах и особенно в Санкт-Петербурге и Казани. Между тем они имели не меньший отклик в разных структурах власти и общества. Университетскую фронду МНП, по мнению некоторых современных историков, возглавлял именно «столичный университет, долгое время жестко и публично полемизировавший с Министерством народного просвещения»[173].

В последних публикациях подчеркивается, что Л. А. Кассо сначала был доброжелательно встречен либеральным крылом профессорско-преподавательского корпуса, так как свою деятельность на посту министра начал отзывом из Государственной думы непопулярного проекта нового университетского устава и назначением своим заместителем бывшего университетского профессора, крупного зоолога,

---

[169] *Мочалов И. И.* В. И. Вернадский. С. 186–188; *Фандо Р. А.* Университет им. А. Л. Шанявского на фоне смены эпох. С. 108–115.

[170] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2–1911. Д. 2. § 63. Л. 2.

[171] Там же. Л. 1.

[172] Там же.

[173] *Ростовцев Е. А., Андреева В. В., Сидорчук И. В.* От Санкт-Петербургского университета к Петроградскому: столичная университетская корпорация в фокусе прессы (июль–сентябрь 1914 г.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6. Ч. 2. С. 98. См. подробнее: *Ростовцев Е. А.* 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Санкт-Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 473–507; *Ростовцев Е. А., Андреева В. В.* Кризис 1911 г. в Петербургском университете в зеркале российской прессы // Клио. 2013. № 10. С. 77–88 и др.

члена-корреспондента ИАН В. Т. Шевякова[174]. Однако сходки и демонстрации студентов в октябре и ноябре 1910 г. по случаю смерти видного деятеля кадетской партии С. А. Муромцева и знаменитого писателя Л. Н. Толстого вынудили Кассо, резко критикуемого консервативными кругами за попустительство радикалам, действовать жестко, вступив в конфликт и с руководством столичного университета, возглавляемого членом Государственного совета, известным юристом Д. Д. Гриммом. Состоявшееся 14 января 1911 г. совещание руководителей высших учебных заведений окончилось безрезультатно в силу специфики каждого вуза. Последовавшие 15 и 16 января 1911 г. революционные сходки студентов, протестовавших против отчисления и высылки студентов, вовлеченных в антиправительственную деятельность, обсуждались на заседании совета профессоров, которое выработало ряд мер по умиротворению студенчества, включая запрет сходок и допуска в университет посторонних, отмену годичного университетского акта и т. д.

Эти решения подлили масла в огонь бушующего студенчества, и кульминация волнений пришлась на 27 января — 13 февраля 1911 г., когда студенты не только требовали прекратить занятия, но и старались как-то наказать ослушников среди учащихся и даже профессоров, полиция пыталась их успокоить, а руководство и профессура метались между противостоящими силами, призывая студентов возобновить занятия во имя науки, а полицию уговаривая покинуть территорию университета со ссылками на его автономию. Информация о противостоянии полиции и студентов, о позиции МНП и руководства университета распространялась в обществе, как вести с фронта, вызывая активную реакцию, критику и противоположные суждения в Государственной думе, обществе и прессе в зависимости от политических пристрастий и уровня образования. В итоге полиции удалось взять обстановку под контроль. Студенческие забастовки солидарности с Московским университетом, проведенные по призыву Петербургского коалиционного комитета в столице и в других крупнейших городах России, были жестко подавлены.

Только из столичного университета были исключены 511 студентов (5,3% от общего числа), а часть из них выслана, а всего в Петербурге в январе–феврале 1911 г. было «арестовано 734 студента, переписано полицией 2374 студента и уволено 1860 человек»[175]. Однако это не принесло долгожданного мира и успокоения. Лавирование профессуры между МНП и революционным студенчеством привело к перманентному конфликту с министром просвещения. На просьбу восстановить отчисленных студентов Л. А. Кассо ответил отказом, а летом 1911 г. начался перевод петербургских профессоров в провинциальные вузы. За поддержку студентов директор Женского медицинского института С. С. Салазкин был снят с должности и выслан из столицы. В сентябре ушел в отставку Д. Д. Гримм, которого в 1913 г. также отправили в Харьков профессором местного университета. Вместе с ним университет покинули некоторые профессора юридического факультета, которых заменили назначенцами Кассо, что вызвало новые, на этот раз пассивные способы выражения студентами своего недовольства путем записи на курсы

[174] *Ростовцев Е. А., Андреева В. В.* Кризис 1911 г. в Петербургском университете... С. 84.
[175] Там же.

приват-доцентов. Новые проблемы пришлось улаживать новому ректору, историку Э. Д. Гримму, сменившему родного брата на этом посту.

Противостояние профессуры и МНП разворачивалось и в провинции[176]. В том же 1911 г. Киевский политехнический институт потерял около 40% своих профессоров, ушедших в отставку в знак протеста против увольнения трех деканов, в том числе крупного ученого в области механики С. П. Тимошенко, за несоблюдение ими 15%-ной нормы приема для студентов-евреев[177]. Противостояние профессуры и МНП в провинции всё чаще окрашивалось в национальные цвета под лозунгами развития национальных наук, национального научного языка, создание самостоятельных академий наук и т. д.[178]

Регулярно происходили трения между Казанским университетом и МНП. Так, правовед В. В. Ивановский, будучи сторонником конституционной монархии, навлек на себя недовольство МНП и в 1910 г. не был утвержден на должность декана факультета по причине «противоправительственного направления его административной и преподавательской деятельности, учебников по государственному и административному праву»[179]. В 1909 г. МНП не утвердило избрание профессора истории русского права Н. П. Загоскина на пост ректора и попросило Совет Казанского университета произвести новые выборы. Министерство обвинило Загоскина в том, что он, будучи ректором университета, не использовал свою власть для предупреждения и прекращения «незаконных студенческих сходок», на которых обсуждались политические вопросы и собирались пожертвования «на противозаконные цели, в пользу осужденных и на устройство побегов лиц, сосланных за государственные преступления». Кроме этого Загоскину инкриминировалось, что он не доносил об этих событиях «своевременно, с возможною полнотою» ни попечителю учебного округа, ни министру народного просвещения[180]. В Казани противостояние с МНП также обострилось после назначения министром Л. А. Кассо. В 1913 г. вынужден был просить об увольнении «по расстроенному здоровью» и уехал в Москву профессор зоологии Казанского университета Э. К. Мейер. Был уволен профессор богословия А. В. Смирнов, о котором в 1905–1906 гг. установилось мнение как о «казанском Гапоне»[181]. В 1914 г. были уволены профессор истории Н. Н. Фирсов и профессор механики Д. Н. Зейлигер.

---

[176] *Еремеева А. Н.* «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Платонов И., 2017. С. 19.

[177] *Тимошенко С. П.* Воспоминания. URL: http://detectivebooks.ru/book/44610085/?page= (дата обращения: 02.07.2017).

[178] *Дмитриев А. Н.* Академия наук, «малороссийский вопрос» и украинская интеллектуальная традиция в конце XIX — начале XX века // Академия наук в истории культуры России в XVIII — начале XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 423–453.

[179] *Емельянова И. А.* Юридический факультет Казанского государственного университета, 1805–1917 гг.: Очерки. Казань: Унипресс, 1998. С. 116.

[180] История Казанского университета: 1804–2004 / Ред. И. П. Ермолаев, М. Х. Салахов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 220.

[181] Впоследствии, в 1913 г., уже будучи депутатом Государственной думы, А. В. Смирнов выступил в защиту еврея М. Бейлиса, клеветнически обвиненного в убийстве в ритуальных целях русского мальчика А. Ющинского (см.: Камско-Волжская речь. Казань, 1913. 24 окт.).

В особенно громкое дело превратилась история с увольнением из университета Н. Н. Фирсова. Воспользовавшись исполнившимся 25-летием его научно-педагогической деятельности, автору многих работ, блестящему лектору, снискавшему искренние симпатии студентов и учеников, власти любезно предложили выйти в отставку в связи «с выслугой лет». Ему не могли простить выступлений в 1905 г. в защиту студенчества и резкую критику в адрес самодержавия и полиции. Совет историко-филологического факультета возражал против отставки Фирсова, студенты устроили в знак протеста вначале сходку, а затем забастовку и демонстрацию. Однако Л. А. Кассо был непоколебим в своем решении[182]. Только в 1916 г. Фирсов получил возможность вернуться в Казанский университет и продолжить свою научно-педагогическую деятельность.

Но вопреки распространенному мнению, в перманентном противостоянии МНП и университета вопрос о расширении автономии университета практически не поднимался. Его решение профессура нашла в создании негосударственных высших учебных заведений и научных обществ, где было меньше бюрократических препятствий для проявления гражданской активности и для реализации планов по либерализации и демократизации науки и образования.

2.4. Разработка негосударственных форм организации науки

Кризисы в отношениях университетских ученых и правительства, стремящегося ограничить введенную указом от 27 августа 1905 г. университетскую автономию, активизировали деятельность ученых по формированию негосударственных форм организации науки, частных и общественных вузов, научных институтов и общественных фондов, поддерживавших научные исследования. События в Московском университете послужили толчком для создания новых негосударственных исследовательских организаций. Одним из них стало Общество Московского научного института, который сформировался под руководством Н. М. Кулагина, П. П. Лазарева, Н. А. Умова, С. А. Чаплыгина, высказавшихся за «создание независимого и неприкосновенного убежища» отечественной науки после конфликта в Московском университете[183]. Общество ставило задачу организации сети научных институтов, финансируемых за счет частных средств. Это были в большинстве своем мелкие вклады (от 10 до 100 рублей в год). Крупные вклады внесли А. А. Бахрушин, С. И. Мамонтов и др.[184] Несмотря на незначительность таких пожертвований, в 1913 г. общество включало в свой состав до 200 человек, и его деятельность способствовала последующему созданию таких научных учреждений, как Институт экспериментальной биологии во главе с Н. К. Кольцовым, Физический институт во главе с П. П. Лазаревым.

---

[182] Подробно об этой истории см.: *Ермолаев И. П., Литвин А. Л.* Профессор Николай Николаевич Фирсов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 53–57.

[183] *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917–1922). М.: Наука, 1973. С. 73.

[184] Там же. С. 30–31.

Еще ранее, в 1909 г., было организовано «Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х. С. Леденцова», источником которого стали средства, завещанные крупным промышленником Х. С. Леденцовым. Главная задача общества заключалась в поддержке естественнонаучных исследований и технических изобретений. В состав совета общества входили Д. Н. Анучин, В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, Н. Е. Жуковский, И. А. Каблуков, Н. М. Кулагин, П. П. Лазарев, П. Н. Лебедев, Д. Н. Прянишников, Н. А. Умов, Л. А. Чугаев и др. В числе ученых, чьи исследования субсидировались Леденцовским обществом, были В. И. Вернадский, Н. Е. Жуковский, П. Н. Лебедев, И. П. Павлов и Л. А. Чугаев. По своим задачам и целям оно было аналогично Обществу кайзера Вильгельма в Германии.

В период промышленного подъема возникли первые частные научно-технические учреждения. Среди них должны быть упомянуты первое частное научное учреждение — петрографический институт "Lithogaea" В. В. Аршинова, построенный для него в 1905 г. отцом — купцом и меценатом В. Ф. Аршиновым, а также институт «Поверхность и недра» П. И. Пальчинского, Физико-техническая лаборатория А. Е. Феоктистова. На крупных промышленных предприятиях функционировали исследовательские лаборатории. В частности, в лабораториях Обуховского и Путиловского заводов в Петербурге работали выдающиеся ученые в области металловедения — Д. К. Чернов и А. А. Ржешотарский[185].

Дальнейшее развитие получили такие формы негосударственных организаций, как научные и научно-технические общества, которые вопреки всем стараниям и ограничениям со стороны власти зарекомендовали себя накануне войны наиболее свободной от регламентации и административного надзора формой организации науки в царской России. Это создавало благоприятные условия для развития творческой инициативы их членов. До этого создание обществ регулировалось в соответствии с Уставом Екатерины II от 8 апреля 1782 г., запрещавшим учреждать общества, товарищества и братства без ведома губернских властей и управ благочиния, т. е. без полицейского надзора[186]. Революция 1905 г. сделала бессмысленным разрешительный характер учреждения обществ, которые в массовом порядке (около тысячи в год) возникали во всех городах, а всего к началу войны их насчитывалось примерно 10 тыс.: в Петербурге их было 500, в Москве — 600, в Одессе — 100 и т. д.[187] По оценке Дж. Брэдли, перед войной Россия занимала первое место в мире по количеству добровольных объединений, среди которых особую роль играли общества, объединявшие людей, профессионально занимавшихся или интересовавшихся фундаментальными проблемами различных отраслей естественных и гуманитарных наук. Их деятельность регламентировалась «Временными правилами об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г., в которых была

[185] *Беляев Е. А., Пышкова Н. С.* Формирование и развитие сети научных учреждений СССР. С. 48–51.

[186] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXI. 1781–1783 гг.. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. № 15379. С. 467.

[187] *Брэдли Дж.* Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 79.

сделана попытка узаконить свободу организации обществ с учетом европейского опыта и российских реалий[188]. Однако в них образование новых обществ было обставлено такими оговорками, что по существу сохранялся разрешительный контроль, так как учредители могли получить «отказ в удовлетворении» и в регистрации устава[189]. Государство по-прежнему стремилось жестко контролировать создание общественных организаций, сохраняя патерналистские отношения с ними. Для успеха центральных обществ по-прежнему было важно убедить высокопоставленного чиновника или члена императорской семьи войти в число его почетных членов или даже номинально его возглавить, а тем более получить право называться Императорским.

Большинство научных обществ были своеобразной формой менее официальных способов взаимодействия власти и ученых, чем это предусматривалось традициями авторитарных способов управления научными учреждениями и высшими учебными заведениями. Тем не менее в них преобладали академики, профессора и чиновники, находившиеся на государственной службе и усвоившие чувство ответственности перед государством и народом. Их стремление к самоорганизации и к активному участию в общественных делах было пронизано глубокими чувствами «национальной идентичности, патриотизма, желания служить на пользу Отечества, развитию публичной сферы»[190]. Всё это предопределило их поведение в годы Первой мировой войны.

В то же время общества давали возможность ученым проявлять инициативу, объединяться и самоорганизовываться ради достижения общих целей, так как направление и содержание их деятельности определялись самими членами обществ в соответствии со спецификой их научных задач, географическим положением и социально-культурным контекстом. Хотя общества часто создавались при высших учебных заведениях, в их деятельности участвовали и люди со стороны, что позволило раскрыть таланты многих ученых-любителей. Учреждение фондов для долгосрочных научных проектов, экспедиций, организация музеев, просветительская деятельность, публичные лекции, в том числе систематические, открытие высших профессиональных курсов и университетов, подвижные музеи и выставки, экскурсии, краеведение, охрана памятников природы и археологии, создание первых заповедников, проведение юбилейных мероприятий, распределение премий и стипендий, информационно-издательская деятельность, печатание протоколов заседаний, организация периодических изданий, поддержка студентов, медицинская помощь, инновационная деятельность в области техники и т. д. — всё это составляло широкую сферу деятельности научных обществ.

К тому времени отношения власти и обществ становились всё более амбивалентными. С одной стороны, и общества, и правительство были заинтересованы в сотрудничестве. Ведь ученые были заинтересованы в стабильности социально-

---

[188] *Туманова А. С.* Рецепция европейского права в формировании законодательных основ функционирования общественных организаций в Российской империи. С. 32–36.

[189] Там же. С. 36.

[190] *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России. С. 46.

политической и экономической ситуации, в нормальных рабочих отношениях с государственными структурами и местными органами управления, в поддержке с их стороны. Власть также понимала, что распространение научного знания способствует процветанию экономики и повышению престижа страны. Источниками доходов обществ были не столько членские взносы, пожертвования, доходы от продажи изданий, от мероприятий, сколько субсидии правительства и органов местного самоуправления. Поступления от них порой определяли бюджет общества и тем самым диапазон его деятельности и степень его влияния[191]. В свою очередь, размер поддержки зависел от умения руководителей обществ найти общий язык с центральными и местными властями, заинтересовать их научно-исследовательскими и просветительскими проектами. Особенно восприимчивы к ним были губернские и уездные земские учреждения, в компетенцию которых, согласно указу Александра II от 1 января 1864 г., входил широкий круг вопросов экономики, образования и здравоохранения[192]. Тем самым деятельность научных обществ была патриотичной, так как велась во имя процветания отечества и распространения естественнонаучных, технических и сельскохозяйственных знаний с целью использования их для прогресса экономики.

Но, с другой стороны, они неизбежно создавали пространство общественного мнения и общественной самодеятельности, стремясь освободиться от бюрократической опеки и регламентации. Их члены способствовали укреплению ценностей, вступавших в противоречие с авторитарным правлением: инициативности, уверенности в своих силах, предприимчивости, стремления к усовершенствованию, сциентизма, демократизации знания и т. д. Общества вступали в некоторое противоречие и с традиционными формами российской науки, усиливая демократическое начало, так как все должности были выборными, руководство велось на общественных началах. Ученые, входившие в состав обществ, придерживались различных, часто аполитических взглядов, но правительство строго следило, чтобы во главе «огосударствленных» обществ стояли люди, лояльные государству. Идея служения монарху и государству в значительной степени была дискредитирована в академических кругах, охваченных мессианским желанием служить народу путем распространения знаний. Попытка прямого контакта с народом вызывала подозрение у правоохранительных органов и при выдвижении обществами либеральных программ к ним применяли административные меры вплоть до запрета собраний и изданий. Это видно на примере старейшего в России научного общества — Вольного экономического общества, поставленного в 1900 г. под контроль Министерства земледелия и государственных имуществ и лишенного статуса Императорского в 1905 г.; утверждения же нового Устава оно так и не дождалось. Характерно, что просветительская деятельность научных обществ вызывала и критику со стороны радикальных кругов, полагавших, что ученые отвлекают народ от главной цели, связанной со сменой государственного строя.

---

[191] *Савчук В. С.* Естественнонаучные общества юга Российской империи. С. 59–97.

[192] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XXXIX. 1864 г. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1867. № 40457. С. 1–13.

Тем не менее стремительно росла численность таких научных обществ, как Географическое, Минералогическое, Техническое, Вольно-экономическое, Любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Русское физико-химическое и др. Создавались всё новые общества. Только в Москве в предвоенное десятилетие появилось около 20 научных обществ: Общество любителей астрономии (1908), Московское общество воздухоплавания (1910), Русское общество испытания материалов (1911), Московское физическое общество им. П. Н. Лебедева (1911), Общество им. Александра Ивановича Чупрова для разработки общественных наук при Московском университете (1911), Энтомологическое общество (1913) и др.[193]

Эти общества способствовали координации в проведении исследований, укреплению связей науки, промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Регулярно созывались съезды этих и ранее созданных обществ, на которых подводились итоги исследований и определялись перспективы научного поиска. Таким образом, шел интенсивный процесс самоорганизации науки путем формирования сети негосударственных научных учреждений.

Одновременно многие общества стремились установить контроль над народным образованием. Например, в рамках ИРТО шло создание и управление техническими и профессиональными школами и классами, организовывались публичные лекции, обсуждались законопроекты о наемном труде, созывались съезды специалистов технического образования. Благодаря усилиям научной общественности под действием событий 1905–1907 гг. в Москве, Петербурге, Киеве, Баку, Риге, Тифлисе, Астрахани, Казани, Саратове, Томске и других городах было создано 36 народных университетов и других частных высших учебных заведений. Финансировались они за счет частных средств. Среди организаторов «вольного» университета (так называли университет им. А. Л. Шанявского) были В. М. Бехтерев, И. П. Павлов, К. А. Тимирязев, С. А. Чаплыгин. Университет им. А. Л. Шанявского функционировал 10 лет, став видным образовательным и научным центром, и был закрыт в 1919 г.[194] Всего в 1908–1913 гг. возникло еще 26 частных учебных заведений. Но многие из них вскоре закрывались, не выдерживая конкуренции.

Идея сочетания государственных ассигнований с привлечением общественных, прежде всего земских, капиталов была заложена в программу организации опытного дела в России, разработанной академиками, профессорами и земскими агрономами: В. В. Винером, В. В. Докучаевым, А. Г. Доренко, А. С. Ермоловым, П. А. Костычевым, Д. Н. Прянишниковым, И. А. Стебутом, В. В. Талановым, А. С. Фаминцыным[195]. Программа организации опытного дела, родившаяся

[193] Наука в России. Вып. 2. Справочный ежегодник. Москва. Данные на 1-е янв. 1918 г. 1917–1922. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1922.

[194] *Бутягин А. С., Салтанов Ю. А.* Университетское образование в СССР. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. С. 35–36; *Фандо Р. А.* Университет им. А. Л. Шанявского на фоне смены эпох. С. 134–226.

[195] *Елина О. Ю.* Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг.: Советский вариант реформы // На переломе: Советская биология в 20-х — 30-х годах. Вып. 1. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. С. 27–85.

в земской среде и поддержанная ГУЗиЗ и Государственной думой, была утверждена Николаем II в 1912 г. Она предполагала централизованное сельскохозяйственное районирование территории России, порайонное устройство опытных учреждений и объединение их в единую государственную сеть. В ней не предусматривалось какого-либо разделения между научной деятельностью и ее практическим применением. Более того, на базе опытных станций планировалось создать в дальнейшем «институты опытной агрономии», призванные разрабатывать проблемы общенаучного и методологического характера[196].

В 1917 г. в стране функционировало 298 научных учреждений, а количество научных и научно-педагогических кадров достигло 11 600[197]. Их бóльшая часть была сконцентрирована в 65 государственных и 59 общественных и частных высших учебных заведениях[198]. Причем последние существовали в условиях жестокой конкуренции, и в период с 1905 по 1914 г. около 30 общественных и частных вузов было закрыто. Научные учреждения и вузы испытывали хронический недостаток в средствах. Когда в 1910 г. МНП не удовлетворило ходатайство ИАН о представлении 800–1000 рублей на организацию экспедиции в Среднюю Азию для исследования месторождений радиоактивных минералов, В. И. Вернадский выступил на заседании Отделения физико-математических наук (ОФМН)[199], в котором указывал, что отказ в ничтожной сумме на важные исследования «необычайно резко выясняет ненормальность положения высшего ученого сословия» в России[200]. Несмотря на рост численности научных учреждений и обществ, увеличение среди них специализированных институтов, оснащенных соответствующим экспериментальным оборудованием, в стране по-прежнему преобладали небольшие лаборатории, опытные станции, краеведческие музеи, обсерватории и т. д. Даже И. П. Павлов в Академии наук имел лишь одного сотрудника, которому платил из собственных средств[201].

---

[196] Труды Совещания по реорганизации сельскохозяйственного опытного дела в России, происходившего при Главном управлении землеустройства и земледелия с 14 по 20 ноября 1908 года. СПб.: ГУЗиЗ; Деп. земледелия, 1909. С. 327–328.

[197] Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 60. В последнее время, правда, называют обычно меньшую цифру — в 10 000–10 200 человек, но неясно, насколько она соответствует действительности не только из-за статистической погрешности, но и из-за размытости понятий «высшая школа» и «научный работник».

[198] *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. С. 369–375.

[199] В Уставе Санкт-Петербургской Академии наук (1836) сказано, что академики избираются по нескольким разрядам, в том числе по «математическим и физическим наукам» (Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1974. С. 102). В дальнейшем в протоколах Академии наук его часто именовали «Отделением физики и математики». Но с 1917 г. его снова стали называть «Отделением физико-математических наук». Поскольку по архивам нам не удалось выяснить, когда происходили эти замены, мы на протяжении всей книги будем называть это отделение «Отделением физико-математических наук» (ОФМН), в том числе при ссылке на протоколы заседаний этого отделения.

[200] *Вернадский В. И.* Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 282.

[201] *Асратян Э. А.* Иван Петрович Павлов. М.: Наука, 1981. С. 40.

Государственные учреждения принадлежали к различным ведомствам (Министерству народного просвещения, Министерству торговли и промышленности, Министерству земледелия, Министерству почт и телеграфов, Министерству внутренних дел), что определяло значительную разницу в материально-финансовом обеспечении научных исследований. Сохранялись вузы, которые давали образование узкому кругу избранных. Это различного рода закрытые учреждения для потомственных дворян, например Александровский лицей, Учебное отделение восточных языков при МИД. Еще существеннее были различия в обеспеченности между государственными учреждениями и институтами и лабораториями, находящимися под общественным патронажем, которые создавались на промышленных предприятиях.

Создавая негосударственные научные учреждения и университеты, ученые не отказывались от усилий по увеличению финансирования науки со стороны государства. Они добивались дальнейшего развития сети государственных научных и высших учебных заведений. Однако Первая мировая война помешала реализации этих планов.

***

Таким образом, в сложные предвоенные годы довольно успешно шло становление новой для России системы организации науки, включавшей как государственные, так и негосударственные учреждения, финансируемые за счет частных средств. Несмотря на свою оппозиционность правительству, ученые активно сотрудничали с ним в решении важнейших экономических и оборонных вопросов. В конце XIX — начале XX в. российская наука завоевала высокий авторитет в международном научном сообществе. Это было достигнуто в результате напряженного творческого труда многих ученых, работавших в Академии наук, высшей школе, научных и научно-технических обществах, лабораториях промышленных предприятий. Как отмечал С. И. Вавилов, качество науки «за последнее десятилетие перед революцией было очень высоким»[202]. Анализируя исторический путь, пройденный РАН в течение 275 лет, академик Ю. С. Осипов указывал: «Говоря о роли Академии наук в системе российской цивилизации, необходимо подчеркнуть, что эту роль предопределяют выдающиеся личности, крупные ученые»[203]. Именно в эти десятилетия концентрация выдающихся ученых в относительно небольшом научном сообществе России достигла максимальных величин. Успехи в таких областях научного знания, как математика, физика, химия, астрономия, биология и почвоведение, обеспечили российским ученым прочное место в мировой науке[204]. Тем не менее для устойчивого роста не хватало квалифицированных научных кадров. За всё

[202] *Вавилов С. И.* Собр. соч. Т. III: Работы по философии и истории естествознания. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 738.

[203] *Осипов Ю. С.* Российской Академии наук — 275 лет: Речь на торжественном заседании в Государственном Кремлевском дворце 4 июня 1999 г. // Российская Академия наук. 1724–1999: Материалы юбилейных торжеств. М.: Наука, 1999. С. 14.

[204] *Graham L.* Science in Russia and the Soviet Union. A Short History. New York: Cambridge University Press, 1993. P. 80.

время присуждения «ученого достоинства» в российских университетах было защищено всего около 6 тыс. магистерских и докторских диссертаций по всем дисциплинам, включая естествознание, юриспруденцию, историю, филологию, медицину, ветеринарию, фармацию и даже богословие[205].

Бóльшую часть реформ, изложенных в сотнях планов, проектов, записок, докладных, резолюций, постановлений и т. д., не удалось осуществить как из-за непонимания властей, так и из-за состояния социально-политической неустойчивости, прерываемой лишь катастрофическими потрясениями типа проигранных войн и революций. Роль пускового механизма в этой цепи десятилетних пертурбаций в российской науке, приведших в конечном счете к созданию советской модели мобилизационной науки, сыграла Первая мировая война.

[205] *Иванов А.Е.* Ученое достоинство в Российской империи. XVIII — начало XX века. М.: Новый хронограф, 2017. С. 495.

Часть 2

ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА И МОБИЛИЗАЦИЯ НАУКИ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ (июль 1914 — февраль 1917 г.)

Глава 3

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОРЫВ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОЗИЦИЙ

3.1. Национальное единение

С угрозой начала мировой войны общество России, включая ученых, преподавателей и студентов, позабыло о своем недовольстве правительством и оказалось захвачено всплеском патриотизма, сплотившего в «общем порыве либералов, консерваторов, крайне правых, еще накануне находившихся в состоянии межпартийной и академической вражды»[206]. В какой-то степени этому способствовали незадолго до того прошедшие грандиозные и торжественные празднования 100-летия со дня победы в Отечественной войне 1812 г. и 300-летия царствования династии Романовых, поднявшие градус патриотизма во всех слоях общества. Сказывалась десятилетиями культивируемая идея о едином славянском мире и о России как защитнице интересов всех славян, а также православия.

Забыть в час испытаний «внутренние распри», укрепить «еще теснее единение Царя с Его народом» призвал подданных Николай II в Манифесте об объявлении войны. В донесениях французских и английских послов в Петербурге о реакции населения российской столицы особо отмечался патриотический подъем и чувство национального единения[207]. Огромные толпы манифестантов заполнили улицы Петербурга, переименованного вскоре в Петроград. Они протестовали перед посольствами Германии и Австро-Венгрии, молились в Казанском соборе и пели гимн «Боже, царя храни» на площади перед Зимним дворцом, когда 20 июля 1914 г. Николай II с балкона Зимнего дворца зачитывал Манифест об объявлении войны. Монархическими манифестациями, молебнами и пением гимна встретило начало войны и революционное студенчество столицы. Преклонив колени перед портретами императора, молодежь клялась отправиться на фронт и защитить российский престол.

---

[206] *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны». С. 109.

[207] *Paléologue M.* La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre. T. I. 20 Juillet 1914 — 2 Juin 1915. Paris: Plon-Nourrit, 1921. P. 45–47; *Buchanan G.* My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Vol. 1. London; New York; Toronto; Melbourn: Cassell, 1923. P. 207, 211–215.

Молебны нередко завершались погромами среди немецкого населения[208]. С началом боевых действий в Европе, летом 1914 г., столичная периодическая печать культивировала антигерманские настроения. Идея необходимости мощного ответа славянства на вызов со стороны Германии и Австро-Венгрии становится лейтмотивом публикаций в проправительственных газетах. Ведущая столичная «политическая, экономическая и литературная» газета «Свет», основанная монархистом В. В. Комаровым и редактируемая И. П. Азукюлем, в связи с возможным объявлением Австро-Венгрией войны Сербии предупреждала 7 июля 1914 г. в передовой статье: «Конечная цель натиска — унизить Россию и с нею всё славянство. Ведь каждый знает, что удар по Сербии есть удар и по России как покровительнице славян»[209]. Спустя два дня в той же газете напоминалось, что «мирно живущая Россия» — «могущественное славянское государство, к которому, естественно, стремятся взоры и симпатии славян всего мира»[210]. Между тем с большой теплотой «Свет» говорит о франко-русском союзе. Еще через неделю появляется статья «Великий час», в которой с удовлетворением отмечается, что «германство бросило вызов славянству», и этот вызов Россией будет принят[211].

После объявления Германией войны России власть стала предпринимать очевидные попытки укрепить в обществе патриотический настрой, вселить ощущение особой миссии России, общей для всех цели, устремленность к победе. С одной стороны, в прессе с оптимизмом сообщалось, например, об «историческом» заседании Государственной думы 26 июля 1917 г., на котором речь шла о необходимости консолидации сил без различия партий. С другой стороны, газеты за июль–август 1914 г. изобилуют метафорами, описаниями «надвигающейся грозы», «сгустившейся атмосферы», «предгрозовой наэлектризованности», «урагана войны» и при этом выражают уверенность в энтузиазме людей. Газеты особенно подчеркивали межклассовый характер схода демонстрантов, где престарелый генерал, пожилой рабочий и студент были охвачены едиными чувствами.

Казалось, на время исчезла политическая и классовая дифференциация. В правом лагере были забыты недавние германофильские и англофобские заявления. Объявленная Германией война России заставила русских консерваторов (П. Н. Дурново, Н. Е. Маркова, В. М. Пуришкевича и др.) спешно менять риторику и с особым упоением отстаивать лозунг «война до победного конца»[212]. Резко менял поведение и левый фланг. Вопреки недавней волне забастовок в Петербурге в связи с девятой

---

[208] Нередко погромы возникали в ответ на оскорбительные действия германских властей. Всеобщее негодование, закончившееся разгромом немецкого посольства, вызвало появление 22 июля сообщения о задержке немцами поезда вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая вынуждена была вернуться в Данию.

[209] Добро пожаловать! (С.-Петербург, 6 июля) // Свет. 1914. № 174. 7 июля. С. 1 (орфография и пунктуация современные).

[210] Тосты мира (С.-Петербург, 8 июля) // Свет. 1914. № 176. 9 июля. С. 1.

[211] Великий час (С.-Петербург, 15 июля) // Свет. 1914. № 183. 16 июля. С. 1.

[212] Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. Т. 2. Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / Отв. ред. А. В. Репников. М.: РОССПЭН, 2014. С. 18.

годовщиной Кровавого воскресенья рабочие и их вожди, казалось, забыли о непримиримой вражде к правительству и ратовали за социальный мир. Несмотря на летние каникулы, среди манифестантов было много студентов многочисленных столичных вузов, известных ранее антиправительственными настроениями.

Изменения произошли и в настроениях либеральной части академического и профессорского сообществ, еще недавно выступавшей против вмешательства России в австро-сербский конфликт и осуждавшей воинственную риторику националистов, октябристов и прогрессистов. Опасаясь революционных потрясений в случае поражения России, они буквально за день до начала войны призывали сделать всё возможное и невозможное, чтобы избежать столкновения с Тройственным союзом. Их главным рупором стала кадетская газета «Речь», закрытая за антимилитаристскую пропаганду 20 июля 1914 г., на следующий день после объявления Германией войны России, распоряжением верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича[213].

Однако лидеры кадетской партии заявили о полной солидарности с правительством, и издание их официального органа было возобновлено через день. В номере от 22 июля 1914 г. был опубликован Манифест о войне, а передовая статья призывала «отложить внутренние споры, когда внешний враг стоит у ворот». Отныне либералы и их сторонники в академическом сообществе и профессорско-преподавательском корпусе последовательно выступали за ведение войны с Германией и Австрией до победного конца и поддерживали территориальные притязания царского правительства[214]. Правда, у них, как и у их политических конкурентов, бытовали разные представления о том, что считать победным концом, каковы должны быть условия мира, продиктованные поверженному врагу, и как должно быть выстроено отношение интеллектуальной элиты к правительству. Если консервативный лагерь следовал провозглашенному курсу «священного единения» и демонстрировал доверие к власти до Февраля 1917 г., то для либералов война оценивалась как возможность давления на правительство и как потенциальный катализатор реформ[215]. Тем не менее в первые дни войны казалось, что патриотический подъем либеральной интеллигенции хорошо отражает название нового еженедельного журнала «Отечество», который выходил до 29 мая 1915 г. и в котором печатались многие видные писатели, поэты, публицисты.

На «исторической встрече» Николая II с членами обеих законодательных палат в Николаевском зале Зимнего дворца, где речь шла о необходимости консолидации национальных сил, один из лидеров оппозиции историк П. Н. Милюков, считавшийся левым, буквально братался с со своим заклятым врагом, лидером крайне правых, монархистом и черносотенцем В. М. Пуришкевичем. В те дни по-

[213] *Котов Б. С.* Газета «Речь» в дни июльского кризиса 1914 г. С. 14. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/gazeta-rech-v-dni-iyulskogo-krizisa-1914-g (дата обращения: 18.11.2018).

[214] *Шелохаев В. В., Соловьёв К. А.* Российские либералы о Первой мировой войне // Новейшая история. 2014. № 3. С. 194–195.

[215] *Иванов А. А.* «В своих предсказаниях правые оказались пророками». Русские монархисты о войне с Германией, перспективах либерализма и революции // Вест. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и политические науки. 2009. № 2. С. 15–18.

литическая оппозиция от кн. Г. Е. Львова до А. Ф. Керенского и Г. В. Плеханова поддерживала правительство, надеясь, что победоносный исход войны будет способствовать экономической и политической модернизации страны, ее культурному подъему и единению с демократическими странами Антанты. Их чувства разделяли многие естествоиспытатели. Буквально в тот же день президент Русского энтомологического общества В. П. Семёнов-Тян-Шанский писал: «Истинно великие дни переживает Россия. Озарившее душу всего населения гигантской страны, всех объединяющее и всё исцеляющее патриотическое чувство, поднявшееся навстречу безумно озверевшему врагу, развертывает перед глазами целого мира то, что представляет собою Россия...»[216]

Занявшись поисками «духовного смысла» войны, русская интеллигенция подхватила официальную ее трактовку как «Второй Отечественной» по аналогии с борьбой против французского нашествия 1812 г. Приват-доцент Московского университета И. А. Ильин, близкий к кадетам, писал о необходимости защищать свободу и самобытность. Вот почему «война эта, воистину духовная оправданная война, стала *войною народной*»[217]. Он заклинает: «...пусть же наша армия будет действительным, истинным авангардом нашей великой России, ее грядущего возрождения и духовного расцвета»[218]. Бóльшая часть интеллигенции молилась в церкви, благословляя на подвиги юношей, спешащих записаться в добровольцы, опасаясь, что не успеют принять участие в войне, которая виделась им благородным, коротким и захватывающим приключением.

3.2. Восприятие начала войны в научном сообществе

Академики и профессора большей частью были на летнем отдыхе или на полевых исследованиях, но часть из них поспешили в свои университеты, чтобы выразить верноподданнические чувства. Первыми оказались члены Императорского Московского университета, потерявшего за три года до этого во время конфликта с главой МНП Л. А. Кассо треть своей профессуры, включая ректора экономиста А. А. Мануйлова, придерживавшегося либеральных убеждений и замененного историком октябристом М. К. Любавским.

На экстраординарном заседании Совета университета, состоявшемся 23 июля 1914 г., клеймили «врагов России и славянства», варваров, международных разбойников, идолопоклонников крови и железу, поправших «международные права и соглашения» и тем самым «основы европейского общежития» и нанесших «сокрушительные удары всей многовековой европейской культуре, материальной и моральной»[219]. В единогласно принятом всеподданнейшем адресе к императору говорилось, что профессора, преподаватели и студенты университета молятся

[216] *Семёнов-Тян-Шанский А. П.* Великий залог // Новое время. 1914. № 13 (782). 26 июля. С. 13.

[217] *Ильин И. А.* Духовный смысл войны. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1915. С. 36.

[218] Там же. С. 48.

[219] *Andreev A. Ju.* Die gespaltene Universitätet. Die Moskaurer Gelehrten 1911–1917 // Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer. S. 170.

и повергают к стопам императора «чувства беспредельной любви и беззаветную готовность нести всяческие жертвы для святого дела защиты жизни, достояния, чести и достоинства русского народа, его братьев и союзников»[220]. Одновременно были приняты решения для оказания помощи раненым и больным воинам: передать военному ведомству и городскому управлению университетские клинику, больницу и ряд свободных помещений под госпитали; всем профессорам, приват-доцентам и служащим при клиниках университета приступить к работе 1 августа; на медицинском факультете отменить занятия и экзамены до 1 октября 1914 г.; ходатайствовать о предоставлении сотрудникам университета, подлежащим призыву, и 4–6-м курсам возможность «отправлять военно-медицинскую службу при клиниках и госпиталях». Совет призвал также сотрудников отчислять определенный процент с жалования в пользу раненых и больных, размещенных в клиниках и госпиталях.

Эту риторику подхватила профессура других университетов. Не блистали оригинальностью и принимаемые меры. Одними из первых откликнулись профессора Императорского Казанского университета, которых собрал на экстраординарное заседание 28 июля 1914 г. ординарный профессор, физик и либерал по политическим убеждениям Д. А. Гольдгаммер, не дожидаясь находившегося в отпуске ректора юриста Г. Ф. Дормидонтова. По мнению Гольдгаммера, Казанский университет не мог оставаться бездеятельным, «когда одна часть страны <...> уже проливает свою кровь на защиту чести, мощи и нераздельности России, а другая всеми средствами готова прийти на помощь жертвам начавшейся войны»[221]. Первым неотложным шагом по включению в общее дело ради победы стало обращение к управляющему Казанским учебным округом И. А. Базанову с той же просьбой «повергнуть к стопам Его Императорского Величества <...> выражения верноподданнических чувств и искренней, безграничной любви», а также безграничную веру в победу великой и могучей России и готовности Совета «принести всякие жертвы на благо отечества в его защите славянства и борьбе за правое дело»[222]. Одновременно декан медицинского факультета В. Н. Тонков проинформировал собравшихся о предложениях университета по мерам военно-санитарного ведомства.

В тот же день аналогичное решение принял Совет Лесного института в Петрограде, члены которого, возглавляемые директором, механиком и математиком А. П. Фан-дер-Флитом, просили, на этот раз Главнокомандующего землеустройства и земледелия А. В. Кривошеина, «повергнуть к стопам» императора опять же чувства «верноподданнической любви и преданности»[223]. Сходство слов и выражений создает впечатление следования некоторому спущенному сверху стандарту.

---

[220] Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1914 г. Ч. 2. [Б. м.: Б. и.], 1915. С. 204–211. URL: http://letopis.msu.ru/letopis/1914. (дата обращения: 10.01.2018).

[221] Протокол эстренного заседания Совета Императорского Казанского университета. Июля 28 дня 1914 года // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1915. Кн. 6–7. С. 283.

[222] Там же. С. 284.

[223] Цит. по: Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия. С. 268.

На следующий день состоялось заседание Совета столичного университета страны, на который прибыли 22 профессора. К ним обратился ректор Э. Д. Гримм с речью, которая по содержанию, форме и тону практически ничем не отличалась от выступлений председательствующих в Москве и Казани[224]. Здесь также звучали заверения в исконном миролюбии России, выражалась вера в конечную победу единого народа, сплотившегося вокруг «Державного вождя», готовность положить «все силы и средства, всё напряжение ума и воли на защиту Родины». Здравицы ректора в честь императора, армии и флота были встречены аплодисментами и криками «ура». Отличие от подобных мероприятий в других вузах состояло в том, что для выражения коллективных чувств было решено напрямую обратиться к императору, а для редактирования «верноподданнического адреса» избрали комиссию в составе философа А. И. Введенского, историков С. Ф. Платонова и С. В. Рождественского. Предложенный ими текст был принят с воодушевлением и единогласно[225].

Ректор Юрьевского университета математик В. Г. Алексеев 31 июля 1914 г. собрал на экстраординарное заседание Совета университета 21 из 55 членов[226]. Было решено телеграфировать в столицу о полной лояльности и поддержке трона в борьбе против врага.

На фоне массового принятия «верноподданнических адресов» удивительно, что такого рода обращений не приняла ИАН. Возможно, это связано с тем, что академики не посчитали нужным по этому поводу прерывать летние каникулы и свое первое Общее собрание провели только 15 сентября 1914 г., когда парад демонстративного патриотизма уже закончился: все остальные ученые сообщества не только отослали свои адреса, но и успели получить от царя ответные телеграммы со «всемилостивейшей» благодарностью «за выраженные чувства»[227]. Но, скорее всего, члену императорской семьи, вел. кн. Константину Константиновичу, возглавлявшему ИАН, не было необходимости демонстрировать свою преданность. Сам он начало войны встретил в Германии, преодолевая трудности при возвращении на Родину[228]. И издалека ему виделось только «единение общее, подъем духа небывалый, все партии позабыты»[229].

---

[224] Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. № 70. (Далее ПЗС ИПгУ № 70). Пг.: Тип. Б. М. Вольфа, 1916. С. 72–74.

[225] Там же. С. 74–75. 6 августа 1914 г. попечитель Петроградского учебного округа Н. К. Кульчицкий сообщил руководителям всех подведомственных ему учебных заведений, что император выразил благодарность за моления в честь победы русского оружия и за готовность «отдать все силы на служение Его Императорскому Величеству». А 15 сентября 1914 г. благодарность была объявлена ректору и Совету Петроградского университета.

[226] *Tamul S.* Die Bedeutung des Krieges für die Universität Juri'ev // Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer. S. 224–225.

[227] Такую телеграмму Совет Лесного института получил еще 2 сентября, ответив на нее еще одним «верноподданнейшим адресом» (Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия. С. 272).

[228] Дневник великого князя Константина Константиновича. С. 325–331.

[229] Там же. С. 330.

Во всяком случае на первом после объявления войны заседании академики обошлись без высокопарных патриотических речей. К тому же они уезжали из Санкт-Петербурга, а вернулись в Петроград, понимая, сколь странно и неэффективно начинать избавление России от вековой зависимости от Германии с переименования ее столицы, обретшей русское звучание в виде сложного словообразования древнегреческого «Петр» и используемого в обиходе обозначения атмосферных осадков.

Первоначальный патриотичный настрой членов ИАН отражает поздравительная телеграмма Верховному главнокомандующему генерал-адъютанту, вел. кн. Николаю Николаевичу в связи с победой русских войск над австро-венгерской армией в Галицкой битве 5 августа — 8 сентября, позволившей овладеть большей частью Галиции. Телеграмма была послана по решению ОС от 1 ноября 1914 г., когда масштаб победы стал очевиден, за подписями президента вел. кн. Константина Константиновича и вице-президента П. В. Никитина. Базируясь на военных сводках и газетах, академики в возвышенных, даже выспренних выражениях передавали: «Императорскому Высочеству всепреданнейшие поздравления с победами, одержанными следующим Вашему искусному водительству доблестным русским воинством. Академия твердо верит, что подготовляемое этими победами окончательное торжество русского оружия, завершив праведную борьбу с врагами России и славянства, откроет широкий простор согласному с русскими государственными интересами развитию русских национальных сил»[230].

Такие поздравления были призваны укрепить единение науки и власти в годину грозных испытаний, но не забыты были и цели научного сообщества, трактуемые как коренные интересы русских национальных сил и славянства в целом. В таком же духе звучал ответ вел. кн. Николая Николаевича. Поблагодарив ИАН за поздравления и «высказанные чувства», он выразил твердую веру, «что с помощью Божией мы окончательно сокрушим врагов Царя, Родины и всего славянства»[231]. Впоследствии еще несколько раз происходил обмен подобными телеграммами между руководством ИАН и верховным главнокомандующим, но после успехов российских войск в декабре 1914 — январе 1915 г. поводов для поздравлений становилось всё меньше и меньше. К тому же из-за внезапной кончины вел. кн. Константина Константиновича академикам стало сложнее ориентироваться в расстановке сил при дворе и определять, когда, кому и какие телеграммы уместно посылать.

В этом отношении показательна история с выдвижением верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича в почетные члены Академии. 2 мая 1915 г. ОС ИАН единогласно поддержало предложение академика А. М. Ляпунова просить его принять это звание[232]. Для выработки текста обращения была создана комиссия, в которую вошли непременный секретарь С. Ф. Ольденбург, а также представители трех отделений А. М. Ляпунов, Н. П. Кондаков и А. С. Лаппо-Дани-

[230] Протоколы ОС ИАН. 1914. С. 150. § 188.

[231] Там же. С. 157. § 203.

[232] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 77. § 93.

левский. Возможно, инициатива была продиктована желанием укрепить сотрудничество с военными властями и облегчить деятельность уполномоченных ИАН по охране исторических и научных памятников в зоне боевых действий, особенно на Юго-Западном и Западном фронтах, откуда Е. Ф. Шмурло в апреле был фактически выслан. Спустя два месяца (9 июля) был получен ответ заведующего двором его императорского высочества Николая Николаевича, в котором сообщалось, что великий князь с удовольствием примет звание почетного члена, но только с соизволения Николая II[233].

К тому времени президент ИАН скончался, и исполняющий его обязанности П. В. Никитин 21 июля 1915 г. обратился с соответствующим ходатайством к министру народного просвещения графу П. Н. Игнатьеву об «испрошении Высочайшего соизволения». Буквально на следующий день русская армия оставила Варшаву и Лодзь, взорваны были укрепления Бреста, готовилась эвакуация Риги. Николай II отстранил вел. кн. Николая Николаевича от командования всей армией и сам ее возглавил, отправив смещенного наместником на Кавказ. В этих условиях Игнатьев, видимо, не сразу дал ход ходатайству ОС. «Всемилостивейшее соизволение» на присуждение Николаю Николаевичу звания почетного члена ИАН было получено 24 февраля 1916 г., а 5 марта было решено выписать ему соответствующий диплом[234]. Но почему-то его нет в «Персональном составе РАН» в отличие от отца, вел. кн. Николая Николаевича (старшего), получившего это звание в 1855 г., в возрасте 24 лет, задолго до того, как он стал генерал-фельдмаршалом[235]. Скорее всего, это объясняется тем, что Николай Николаевич (младший) не успел попасть ни в один дореволюционный ежегодный справочник Академии наук. Эту несправедливость следовало бы исправить: ведь его заслуги перед российской наукой не менее весомы, чем у его отца. Достаточно вспомнить о его содействии ИАН в охране монументальных и архитектурных памятников, собраний книг и рукописей, а также научных коллекций в зоне боевых действий как на Западном, так и на Кавказском фронтах.

В отличие от ИАН столичный университет продолжал посылать приветственные телеграммы вел. кн. Николаю Николаевичу после того, как тот был отправлен на Кавказ командовать фронтом, считаясь одним из лидеров дворцовой оппозиции[236]. В апреле 1915 г. Совет Московского университета был официально уведомлен, что Николай Николаевич готов принять звание почетного члена университета как знак духовной связи между высшим источником знаний и нашей героической армией[237]. Телеграммы, адреса и заявления ОС ИАН, как и Советов университетов, в первый год войны носили подчеркнуто ритуальный характер, определяемый сильными выражениями о «патриотическом порыве», готовности «на подвиги

[233] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 118–119. § 132.

[234] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 48. § 59.

[235] Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 1. М.: Наука, 2009. С. 254.

[236] *Ростовцев Е. А.* Испытание патриотизмом: Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. Вып. 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. М.: Красанд, 2009. С. 315.

[237] *Andreev A. Ju.* Die gespaltene Universität. S. 171.

и жертвы для спасения Родины» и т. д.[238], что отнюдь не исключает искренности у единодушно принимавших их.

Подлинный энтузиазм и готовность принести жертвы во имя Отечества явили в те дни многие из российских ученых, демонстрировавших чаще всего резко критическое отношение к власти. Среди них был самый именитый русский академик, лауреат Нобелевской премии И. П. Павлов, который посвятил первые лекции учебного 1914/1915 г. войне. Павлов говорил, что, если бы не его возраст, он сам бы пошел на фронт. На фронт ушли два его сына — Владимир и Всеволод, и с тех пор каждый успех или неудача русской армии затрагивали самые глубины его души[239]. Не раз он заявлял своим коллегам, отклоняя приглашение о научных докладах, что сейчас весь поглощен событиями войны и не может думать о науке. Только осенью 1915 г. Павлов смог вернуться к обычной научной работе, хотя значительная часть его сотрудников была на фронте. К тому времени у него, как и у многих других ученых, стало формироваться впечатление, что царь проигрывает войну и на Россию накатывается катастрофа.

Аналогичные чувства испытывал В. И. Вернадский, который первоначально восхищался «тем спокойным и блестящим ходом мобилизации, который имел место по всей территории нашего Отечества», и полагал, что огромные ресурсы «жизненного быта» России, «ее размеры позволили вполне спокойно вести научную работу в момент величайшей войны, какая является уделом нашей страны за последние столетия»[240]. Однако вскоре и его стали тревожить не только «тяжелые вести с войны, но и не очень хорошие из Петрограда»[241]. В письме к А. С. Фаминцыну от 7 июля 1915 г. Вернадский писал: «Как-то там медленно приноравливаются к условиям жизни и не сознают серьезности переживаемого момента <...> вся эта смена министров, созыв Думы, борьба за созыв и чувствуется и переживается очень сильно. Конечно, удаление Маклакова, Сухомлинова, Щегловитова — хорошо — но этого очень мало»[242].

Лидеры отечественной ботаники академики А. С. Фаминцын и И. П. Бородин в революционные 1905–1907 гг. зарекомендовали себя последовательными критиками политики правительства в области науки и образования. Но война и их заставила забыть былые разногласия, когда «злой сосед всеми силами пытается помешать» строительству современной России[243]. Так писал Фаминцын в начале 1915 г., обосновывая необходимость создать КЕПС. В то же время ему как будто бы вторит его ученик И. П. Бородин в письме к дочери: «А какие страшные бои идут у нас! Кажется немцы прут с отчаяния и с голодухи. Несомненно, что дела их неважные...»[244]

---

[238] *Ростовцев Е. А.* Испытание патриотизмом. С. 312.

[239] *Todes D.* Ivan Pavlov. A Russian Life in Science. P. 367–368.

[240] *Вернадский В. И.* Краткий отчет о ходе исследований радиоактивных месторождений Российской Империи летом 1914 г. // Известия ИАН. Сер. VI. 1914. Т. VIII. С. 1353–1354.

[241] СПбФ АРАН. Ф. 39. Оп. 1. Д. 54. Л. 198 об.

[242] Там же.

[243] Записка акад. А. С. Фаминцына. Постоянная комиссия по изучению естественных производительных сил России, состоящая при Императорской Академии наук. Пг.: Тип. ИАН, 1915. С. 1.

[244] СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 6.

Патриотическим порывом были охвачены не только студенты и преподаватели государственных научных учреждений и вузов. Выступая 2 февраля 1915 г. в Актовом зале Психоневрологического института, его ректор психиатр В. М. Бехтерев указал на принципиальное отличие в умонастроениях интеллигенции по сравнению с восприятием недавней русско-японской войны. Если тогда многие требовали скорейшего мира даже в ущерб интересам и достоинству России, то теперь ситуация стала совсем иной. «Общий клич “довести войну до победного конца” прозвучал почти во всех общественных организациях и съездах России, ибо <...> в противном случае государства, подпавшие под гегемонию Германии, подвергнутся гибельным условиям милитаристического гнета, еще более тяжелого по сравнению с тем, какие они испытывали в течение последних десятков лет»[245]. Теперь он уверял слушателей: «...революция в известных условиях наступает неизбежно, как бы роковым образом, так и война при определенных международных взаимоотношениях столь же неизбежна»[246]. Благодаря победе, по мнению Бехтерева, можно будет создать новое мироустройство, базирующееся на высоких моральных ценностях и контролируемое авторитетной международной организацией, которая имела бы не только нравственную силу, но и материальные средства для предотвращения войны.

Достаточно разнообразным было выражение патриотического энтузиазма среди столичного студенчества, достигшее пика 8 октября 1914 г., когда студенты университета, Политехнического института и Института инженеров путей сообщения устроили многотысячные демонстрации с пением гимна и националистическими лозунгами в связи с отменой отсрочки по образованию и первым призывом студентов в армию. Среди них были те, кто готов был сражаться за «честь и родину», но выступал против «рабского патриотизма» и сохранял «условную лояльность по отношению к правительству»[247].

Но большинство студентов, как и большинство начинающих ученых, с воодушевлением восприняли войну как преддверие прекрасного будущего России. В. В. Оппель — сын выдающегося военного хирурга В. А. Оппеля — в подростковом возрасте ушел санитаром-добровольцем на фронт, а после войны стал одним из первых докторов медицинских наук в СССР, профессором кафедры биохимии ИВМА. В начале блестящих научных карьер добровольцами на фронт ушли все пять сыновей проректора столичного университета, профессора и будущего академика В. Е. Тищенко. Старший из них, историк Андрей Тищенко, героически погиб в самом начале войны 19 сентября 1914 г. Его имя сейчас, к сожалению, почти забыто, но тогда его смерть оплакивала вся научная элита Петрограда, включая ректора университета Э. Д. Гримма, вице-президента ИАН филолога П. В. Никитина, профессоров будущих членов ИАН зоолога В. М. Шимкевича, историков

[245] *Бехтерев В. М.* Моральные итоги великой мировой войны. Пг.: Тип. Кюгельген, Глич и К°, 1915. С. 6.

[246] Там же. С. 20.

[247] *Моррисси С.* Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 165–166.

Н. И. Кареева, А. А. Кизеветтера, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова, а также Ф. А. Брауна, С. Н. Валка, Г. В. Вернадского, П. Г. Любомирова, Е. Е. Святловского и др.[248] В конце войны, в феврале 1918 г., погиб младший сын В. Е. Тищенко — Евгений, поступивший, как его братья Владимир и Дмитрий, на естественное отделение физико-математического факультета ИСПбГУ, но перешедший юнкером в Константиновское училище. Тяжело был ранен Николай Тищенко.

И это трагические судьбы лишь одной из семей выдающихся ученых, чьи дети добровольцами ушли на фронт и сложили голову за отечество. В августе 1914 г., в возрасте 38 лет, талантливый экономист и публицист А. М. Рыкачёв (сын академика М. А. Рыкачёва), имея освобождение от воинской повинности, добровольцем ушел рядовым на фронт и вскоре погиб под Краковом[249]. И такие примеры можно бесконечно множить. Никто не приспосабливался и не прятал своих любимых сыновей от выполнения патриотического долга. Все пятеро сыновей президента ИАН вел. кн. Константина Константиновича и правнуков Николая I ушли на фронт. 29 сентября 1914 г. скончался от раны один из них — начинающий талантливый пушкинист, князь О. К. Романов. Гибель сына, наиболее близкого отцу «по умственному складу», привела к резкому ухудшению здоровья отца и его скорой кончине[250].

Многие будущие видные советские ученые, включая президента АН СССР С. И. Вавилова, лауреатов Нобелевской премии П. Л. Капицу и И. Е. Тамма, а также А. И. Берга, Г. Э. Лангемака, Г. С. Лансберга, Л. С. Термена, А. А. Фридмана и др., имели фронтовой опыт Первой мировой войны. Недавно опубликованный дневник С. И. Вавилова, находившегося в действующей армии с первых дней войны и до весны 1918 г., дал уникальную возможность из первых рук узнать восприятие будущим лидером советской науки реалий Первой мировой войны и эволюцию его взглядов на ее цели и задачи[251]. Будучи патриотом, Вавилов с первых дней отмечал кадровую, организационную и техническую неготовность к боевым действиям даже на австро-венгерском фронте.

В обстановке патриотического подъема большинство либеральной оппозиции и ее сторонники среди ученых активно поддержали царское правительство. Предполагалось на время отложить борьбу с остатками абсолютизма, пока шло «сражение с могущественным врагом, который в техническом отношении значительно превосходил нас. В этих условиях надо было сконцентрировать все наши усилия, всю волю народа ради достижения одной цели. Единство страны опре-

---

[248] *Емельянов А. Ю.* Вячеслав Евгеньевич Тищенко. Очерк жизни и деятельности. СПб.: Культ.-просвет. т-во, 2016. С. 143–146.

[249] *Хайлова Н. Б.* «Борец, чуждый ненависти и презрения»: штрихи к портрету А. М. Рыкачёва. URL: http://rusliberal.ru/books/RIKACHEV_A_M_statya_N_B_Hajlovoj_v_VOPROSAH_ISTORII.pdf. (дата обращения: 23.01.2017).

[250] Дневник великого князя Константина Константиновича. С. 352–360, 437, 472–481, 485.

[251] Сергей Иванович Вавилов. Дневники 1909–1951: В 2 кн. // Научное наследие. Т. 35 / Отв. ред. В. М. Орёл; сост. В. В. Вавилова; ред.-сост. Ю. И. Кривоносов. Кн. 1. М.: Наука, 2016. Во время пребывания на фронте, в 1914 г., Вавилов напечатал в Германии научную статью.

делялось не только патриотизмом народа, оно также в большой степени определялось внутренней политикой правительства. Массы были готовы проявить добрую волю и не вспоминать старое. Такое же желание оставалось проявить и монархии»[252].

На волне шовинистического угара «идейные пацифисты» надевали мундиры и шли на фронт: геофизики В. С. Абрамов, Н. П. Андреев, В. Ф. Бончковский и М. М. Рыкачёв, аэромеханики Г. Х. Сабинин и Б. Н. Юрьев, бактериолог С. С. Абрамов, патофизиолог П. П. Авроров, энтомолог А. А. Любищев, протозоолог А. В. Белицер, физиолог В. Н. Болдырев, лихенолог В. П. Савич, морфолог Б. М. Козо-Полянский, лесоводы Н. В. Третьяков, С. М. Токмачев, Б. А. Шустов, историки С. Н. Валк, А. В. Тищенко и др. Правда, ученых среди добровольцев и мобилизованных в России было меньше, чем в Германии, где на фронт шли даже профессора и Нобелевские лауреаты. Но война не щадила ученых ни на фронте, ни в тылу. Убиты были геоботаник М. Ф. Короткий и селекционер В. И. Андронаки, тяжело контужен альголог А. Г. Генкель, после ранения демобилизовался физиолог Г. В. фон Анреп, попал в плен и остался на Западе талантливый физиолог и биохимик растений Н. А. Безсонов и др.

3.3. Германофобия и различные трактовки целей и задач войны

Патриотизм некоторых членов «ученого сословия» имел шовинистический и верноподданнический оттенок, принимая демонстрационные формы в угоду общественному мнению и стимулируя создание разного рода ультрапатриотических организаций: «За Россию», «Общество 1914 года», «Экономическое возрождение России», «Самодеятельная Россия» и т. д. Последняя была призвана бороться с немецким засильем в сфере образования и культуры. Ряд обществ, где было много членов с немецкими фамилиями, закрылись, а в других резко изменился состав.

Немецкий язык запретили использовать в общественных местах, в рекламе, в делопроизводстве, даже в проповедях в лютеранских церквах и для преподавания в начальных школах немцев-колонистов. Профессор Петроградского университета, гистолог А. С. Догель, немец по национальности, уже 1 сентября 1914 г. призвал ученых не печатать труды на немецком языке и в немецких изданиях, разорвать научные связи с учеными Германии и ее союзниками и исключить немецких ученых из числа почетных членов университета[253].

Ему возразил зоолог В. М. Шимкевич, указав, что обсуждение данного предложения в «настоящий, всеми нами остро переживаемый момент, едва ли может привести к надлежащему решению»[254]. Приветствуя в целом идею об эмансипации отечественной биологии и медицины от Центральных держав, включая

[252] *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. URL: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kerenskij-aleksandr-fedorovich/rossiya-na-istoricheskom-povorote-memuari. (дата обращения: 26.09.2017).

[253] ПЗС ИПгУ № 7. 1916. С. 77–79.

[254] Там же. С. 79.

и отказ печататься в немецкоязычных журналах, Шимкевич считал, что это надо делать не путем деклараций и зароков, а налаживая производство собственных препаратов и медикаментов и учреждая русскоязычные журналы, которые у нас практически отсутствуют. Отверг он и исключение почетных членов как противоречащее законам и никогда ранее не применявшееся в России против ученых воюющих с нею стран, в том числе Англии и Франции, которые сейчас наши союзники. Шимкевич подчеркнул: «Война состояние временное, а научная работа — нечто постоянное и даже вечное»[255]. Согласившись, что вопрос действительно сложен, Э. Д. Гримм предложил отложить его решение и каждому члену Совета по собственному разумению выстраивать отношения с зарубежными коллегами.

Хотя инициатива А. С. Догеля не нашла отклика в университете, вскоре она обрела статус правительственного распоряжения, одобренного императором, и с разной степенью готовности была выполнена всеми научными учреждениями и вузами, хотя решалась каждым из них по-своему.

Германофобия затронула все аспекты жизнедеятельности учебных заведений, их программы, язык преподавания, дипломных работ, экзаменов. Распоряжением МНП от 3 сентября 1914 г. отстранялись от занятий студенты и преподаватели высших учебных заведений — германские и австрийские подданные, до перехода их в русское подданство, а 5 ноября 1914 г. было приказано все дипломные работы исполнять только на русском языке. В Университете св. Владимира в Киеве при защите забаллотировали докторскую диссертацию выдающегося палеонтолога Д. Н. Соболева «Наброски по филогении гониатитов» не столько из-за «еретических» взглядов на эволюцию живого, сколько из-за названия и резюме работы на немецком языке. Именно так киевский геолог В. И. Лучицкий объяснял причины провала А. П. Карпинскому, приводя в качестве доказательства случай с защитой диссертации В. Н. Чирвинским, которому по инициативе военных властей и предписанию попечителя учебного округа А. Н. Деревицкого накануне защиты пришлось вырезать из диссертации резюме на немецком языке и отпечатать новую обложку[256].

Воззвание немецких ученых «К просвещенному миру» усилило антигерманские настроения и вызвало верноподданническую отповедь ряда российских университетов, о которых будет подробно сказано далее. Но в целом российские ученые пассивно участвовали в «войне умов» и большинство из них, заглядывая в будущее, старались не запятнать себя хлесткими филиппиками против внезапно обретенного врага, к какому относились их недавние учителя и друзья[257].

Большинство естествоиспытателей стремились отделить патриотизм от национализма, исключавшего критическую оценку отечества и правительства, не поддались шовинистическому угару, указывая, что разрыв связей повредит россий-

---

[255] ПЗС ИПгУ № 7. 1916. С. 80.

[256] *Оноприенко В. И.* Владимир Иванович Лучицкий. М.: Наука, 2004. С. 68.

[257] *Maurer T.* Der Krieg der Professoren. Russische Reaktionen auf deutschen “Aufruf an die Kulturwelt” // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 2001. No 1. S. 231–247.

ской науке в не меньшей степени, чем немецкой (это И. П. Павлов, А. А. Марков, В. А. Стеклов, К. А. Тимирязев, В. М. Шимкевич и др.). По мнению физиолога растений К. А. Тимирязева, война у победителей вызывает «жадность к новым завоеваниям, вырождающуюся в манию всемирного владычества, а у побежденных растет сдавленная и тем более могучая злоба, воплощающаяся в давно знакомое слово 'revanche'. Нет, войны войной не уничтожают»[258]. Для И. П. Павлова война была «звериным способом решения жизненных трудностей»[259], хотя он и призывал эту войну с Германией вести «до победного конца». Сходной точки зрения на суть происходящего придерживался И. И. Мечников, работавший в Париже в Пастеровском институте. Начавшуюся войну он также оценил как победу «низшего» животного начала, постоянно присутствующего в человеке, но прикрытого тонким слоем культуры[260].

Со временем эти настроения в либерально-демократических кругах стали доминировать. Н. К. Кольцов постоянно публиковал в редактируемом им журнале «Природа» статьи о немецких ученых и правил переводы их сочинений. Д. В. Викторов перевел сочинение В. Вундта «Основы психологии», не обращая внимания на русофобские высказывания автора во время войны. В том же направлении действовали и некоторые представители гуманитарных наук. В разгар войны Петроградский университет выпустил сборник, посвященный российскому филологу немецкого происхождения Ф. А. Брауну, а в Москве под редакцией Д. М. Петрушевского издали статьи немецкого медиевиста Г. фон Бюлова, объединенные в книгу «Городской строй и городская жизнь средневековой Германии» (1915). Вторым изданием под редакцией М. С. Сергеева вышел перевод книги Э. Кон-Винера «История стилей изящных искусств» (1915). На протяжении всей войны искусствоведы В. К. Мальмберг и Д. С. Недович исследовали творчество А. Дюрера, продолжая начатые в Мюнхене работы И. Э. Грабаря и А. А. Сидорова.

Исследуя социально-психологические причины неожиданного единодушия ученых и властей, А. Е. Иванов справедливо отметил, что «внутренний мир» в вузах основывался на доброй воле либеральной профессуры, преобладавшей в высших учебных заведениях и внявшей призывам конституционных демократов отложить на время внутренние споры, чтобы не породить у врагов надежду воспользоваться нашими разногласиями[261]. Из недавнего опыта ученые усвоили, что поражение в войне чревато революцией, которая теперь пугала не только правую, но и либеральную профессуру. Революция, по словам Э. Д. Гримма, была бы равнозначна апокалиптическому взрыву «первобытных инстинктов,

---

[258] *Тимирязев К. А.* Наука и демократия: Сборник статей 1904–1919 гг. М.: Госиздат, 1920. С. 378.

[259] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 1. С. 17.

[260] *Россиянов К. О.* Метафора войны и проблема целостности в трудах И. И. Мечникова // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 310.

[261] *Иванов А. Е.* Отклики Первой мировой войны в высшей школе Российской Империи // Там же. С. 207–208.

дремлющих в человеке»[262]. Некоторые полагали, что война станет мощным фактором консолидации общества и властей, пробудит дремлющие в народе силы и приведет к обновлению нравственности и морали во всех кругах и сословиях. Но при этом прежние противоречия между взглядами либеральной и консервативной буржуазии на послевоенное устройство России сохранялись, хотя и отошли на второй план.

Либералы надеялись, что в благодарность за поддержку царское правительство передаст под их контроль не только организацию научных исследований и образования, но и дипломатические отношения, пути сообщения, экономику[263]. Война на стороне Англии и Франции, по мнению большинства российских ученых, укрепляла связи с либеральными академическими кругами этих государств и способствовала демократизации внутреннего строя империи[264]. В либеральной трактовке ученого сообщества «патриотический энтузиазм» содержал не столько геополитические соображения, сколько идеологическую установку, определившую их поведение в новых условиях в целом. Укоренилось убеждение, что в случае победы Россия станет ближе к отстаиваемым целям — торжеству идеалов конституционализма, либеральным реформам, расширению политических свобод и т. д. Для них было важно, что главными союзниками России были Англия и Франция — «образцовые» демократические государства Европы.

Эту мысль четко сформулировал П. Н. Милюков, указывая на «глубокий нравственный смысл, который приобретает мировая война благодаря участию в ней двух наиболее передовых демократий современного человечества»[265]. По его мнению, Россия вместе с другими странами Антанты осуществляет освободительную миссию, открывая путь к принципиально новой международной науке. С ним были согласны многие российские ученые, убежденные в том, что участие в войне «обеспечит нам полное достижение освободительных целей этой войны» и свободная Россия займет достойное место «в освобожденном ее усилиями человечестве»[266].

На протяжении войны в рамках либерализма оставались правовед Е. Н. Трубецкой, философы Н. А. Бердяев и С. Л. Франк, экономист П. Б. Струве, допуская,

---

[262] *Гримм Э.Д.* Пьяные илоты. Немецкие бесчинства и европейская культура // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 81.

[263] *Шелохаев В.В., Соловьёв К.А.* Российские либералы о Первой мировой войне. С. 194–195.

[264] Позднее не раз подчеркивался стратегический характер ориентации российских ученых на англо-французское научное и культурное сообщество, внедрение в практику перевода новейших работ в союзных странах, проведение совместных конференций и создание сети посредничающих институтов типа Французского института в Петербурге или Русского института в Париже: См.: *Кольцов Н.К.* 1) Отражение войны в научно-популярных журналах Англии и Америки // Природа. 1915. № 1. Стб 155–164; 2) Национальная организация науки // Природа. 1915. Июль–август. Стб 1018–1040; *Ростовцев М.И.* Международное научное общение // Русская мысль. 1916. Т. 34. № 3. С. 74–81.

[265] Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия III. Пг., 1915. Стб 51–52.

[266] Там же.

что после войны исторически сложившийся западноевропейский капитализм будет каким-то образом постепенно заменен более справедливым устройством общества[267]. Их выступления с оправданием России, вынужденной вступить в войну под давлением извне и защищавшей правду и справедливость, преследовали цель мобилизовать общественные науки во имя победы Родины и решения ею в союзе с либеральными странами Запада исторических задач (освобождение славянских народов и приобретение контроля над Босфором).

Несколько иной позиции придерживались славянофилы-философы В. В. Розанов, В. Ф. Эрн, С. Н. Булгаков и др., увидевшие в патриотической эйфории верный шаг к отказу от европейской цивилизации и возврату к исконным ценностям, включая укрепление самодержавия. Для них проявленная Германией жестокость по отношению к мирному населению противника была обусловлена общим духовным кризисом западной культуры, который в свою очередь был следствием преобладания в ней либерализма, рационализма и шовинизма.

В статьях 1914 г., изданных отдельной книгой, Розанов пытался осмыслить события первых месяцев как русское возрождение, наконец-то возникшее в ответ на культивирование в немецком сознании антирусской идеологии[268]. Ему кажется, что патриотический и национальный подъем, вызванный войной, и есть возрождение славянофильства. По мнению его единомышленника В. Ф. Эрна, Первая мировая война обнажила непреодолимый антагонизм западной и восточной культур и показала гибельность либерального и рационального движения от немецкой классической философии к современному обоснованию капитализма[269]. Этот путь он обозначил и проанализировал в знаменитой речи 1914 г. «От Канта к Круппу», произнесенной на публичном заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва 6 октября 1914 г. За два года до начала войны С. Н. Булгаков также резко критиковал европейскую культуру, зараженную идеями лжемессианства и мещанства с доминированием ценностей исторической миссии государства

[267] *Трубецкой Е., князь.* Смысл войны // Русские ведомости. 1914. № 181. 8 (21) авг. С. 2–3; *Бердяев Н.* Война и возрождение // Утро России. 1914. № 192. 17 (30) авг. С. 2; *Струве П.* 1) Суд истории // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14352. 4 (17) сент. С. 1; 2) Славянское призвание России и Запад // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14374. 15 (28) сент. С. 1; 3) Состояние умов в Германии // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14396. 26 сент. (9 окт.). С. 3; *Бердяев Н.* Империализм священный и империализм буржуазный // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14476. 5 (18) ноября. С. 2; *Струве П.* Национальное начало в либерализме // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14540. 7 (20) дек. С. 2; *Франк С.Л.* О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. Кн. 12. [Раздел 2]. С. 125–132; *Бердяев Н.* Эпигонам славянофильства // Биржевые ведомости. 1915. № 14678. 18 февр. (3 марта). С. 2; *Струве П.* Нравственный смысл войны // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. № 14684. 21 февр. (6 марта). С. 3; *Трубецкой Е.Н.* 1) Смысл войны. Вып. 1. М.: Путь, 1914; 2) Отечественная война и ее духовный смысл. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1915; 3) Война и мировая задача России. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1915; и др.

[268] *Розанов В.В.* Война 1914 г. и русское возрождение. СПб.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1914.

[269] *Эрн В.Ф.* 1) Меч и крест. Статьи о современных событиях. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1915; 2) Время славянофильства. Война, Германия, Европа, Россия. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1915.

и нации и связанной с ними морали, основанных на безграничной вере во всепобеждающее насилие[270]. По их суждениям, победа должна укрепить самодержавие, базирующееся на духовных ценностях.

На это надеялись и крайне правые, цели которых теперь частично совпадали с программой либералов. Они также призывали: к полному уничтожению германского империализма и милитаризма путем низведения Германии до прежнего союза государств; к освобождению от «тевтонского» ига славянских народов Германии и Австро-Венгрии с предоставлением им независимости, а России — территорий Турции вокруг Босфора, на Кавказе и в Палестине; к наложению на Центральные державы обязательств выплаты огромных контрибуций; к уничтожению германского флота и т. д.[271] Однако в отличие от либералов они подчеркивали, что не следует всецело доверять союзникам, а надо использовать прежде всего «развитие русского национализма и славянской идеи», на чем настаивал известный историк Д. И. Иловайский — автор пятитомной «Истории России» и многих учебников для гимназий, выдержавших 150 изданий. Еще больше было разногласий в определении внутренних целей. Война, по мнению Иловайского, должна была стать препятствием для либеральных реформ, сплотив Россию в решительной борьбе с «извечным врагом», к числу которых он причислял немцев, поляков, евреев, чуждые православию конфессии и т. д.[272]

Однако не только политические пристрастия определяли взгляды того или иного ученого на цели и задачи войны. Многое зависело от специальности. Как правило, к дискуссиям на эти темы были склонны в основном представители общественных и социально-политических наук. В уже упомянутой речи В. М. Бехтерев уверял, что сближение с французской культурой для России всегда определяло светлые страницы ее истории, в то время как с германской культурой — влекло за собой унижение и деградацию[273]. Характерно, что до войны сообщество психиатров было резко дифференцировано не только по политическим симпатиям, но и по вопросу о том, социальные или расовые причины предопределяют поведение личности и народа[274]. Дискуссии между психологами и психиатрами достигли апогея незадолго перед войной, во время рассмотрения дела еврея М. Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве русского мальчика Андрюши Ющинского. И тогда Бехтерев отвергал всякие расистские траковки национального поведения.

На этот раз аргументация В. М. Бехтерева совпадает с рассуждениями его извечного оппонента, выдающегося психиатра, профессора кафедры душевных и нервных болезней в Университете св. Владимира в Киеве И. А. Сикорского, который как эксперт поддержал обвинения с точки зрения «расовой психологии»,

---

[270] *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства / Отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. С. 382.

[271] Первая мировая война в оценке... Т. 2. С. 19.

[272] [*Иловайский Д. И.*] Великая освободительная война и задачи внешней политики // Кремль Иловайского. 1914. № 56–58. 30 декабря. С. 1–2. На первой странице дан и анонс «Исторических сочинений» Д. И. Иловайского.

[273] *Бехтерев В. М.* Моральные итоги великой мировой войны. С. 11.

[274] *Колчинский Э. И.* Биология Германии и России–СССР... С. 215–219.

объяснявшей особенности поведения разных народов их расовой принадлежностью. В начале войны Сикорский издал брошюру, в которой возникновение военных конфликтов объяснял извечными различиями в психической организации народов и рас[275]. Как значилось на титуле, вся выручка от продажи книжки предназначалась в «пользу семейств раненых».

С этой точкой зрения по существу солидаризировался крупнейший невролог и дефектолог Г. И. Россолимо — основатель и редактор журнала «Невропатология и психиатрия», — который в 1911 г. ушел из Московского университета в знак протеста против действий министра просвещения Л. А. Кассо и создал на собственные деньги Институт детской психологии и неврологии, где безвозмездно работали его коллеги и ученики. Несмотря на оппозицию правительству, он в мае 1915 г. откликнулся на заявление главнокомандующего немецкой армией на Восточном фронте генерал-фельдмаршала П. фон Гинденбурга, который заявил, что в этой войне «победит тот, у кого нервы крепче». Россолимо как эксперт-психиатр ответил, что с начала войны нет данных о слабости нервов у солдат русской армии, в то время как в германских войсках наблюдается резкое увеличение числа душевнобольных по сравнению с мирным временем[276].

И его позицию разделяли в те дни все коллеги независимо от их политических симпатий. Например, бывший ректор Варшавского университета, профессор судебной психопатологии на юридическом факультете ИСПбУ и старший врач Николаевского военного госпиталя П. И. Ковалевский в психологическом очерке «Немцы» уверял, что император Вильгельм II — неврастеник, представляющий собой лишь «наиболее резкое выражение общего немецкого духа, немецкой солдатчины», так как у него «в сердце ростовщик, в голове юнкерское самодовольство»[277]. Тем самым видные российские психиатры и некоторые историки активно включились в информационную войну по обезличиванию немецкого народа как вечного варвара и дикого животного и по демонизации его правителя.

Оригинальный вклад в теорию и практику политической пропаганды внес теоретик психологии масс С. С. Чахотин — ученый с необычайно широким диапазоном интересов, активно сотрудничавший с И. П. Павловым в эти годы[278]. Во время войны он был организатором и генеральным секретарем Центрального комитета военно-технической помощи (ЦКВТП) и пытался объяснить, как на базе теории условных рефлексов можно эффективно формировать склонность к радикальным идеям, воинственность, патриотизм, преданность политическим лидерам и правительствам. Позднее Чахотин подробно изложил зародившиеся тогда идеи в книге «Психическое насилие над массами путем политической пропаганды», вышедшей в 1939 г. в Париже и переизданной вскоре на английском языке в Англии, Канаде и США.

---

[275] *Сикорский И. А.* Современная всесветная война 1914 года. Причины войны и устранение их. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1914.

[276] *Россолимо Г.* О крепких нервах и победе // Русские ведомости. 1915. № 111. 16 мая. С. 5.

[277] Первая мировая война в оценке современников. Т. 2. С. 259.

[278] *Посудин Ю. И.* Биофизик С. С. Чахотин. Киев: Изд-во нац. аграрн. ун-та, 1995; *Сорокина М. Ю.* «В Каноссу», или Как Сергей Чахотин вернулся на Родину // Природа. 2007. № 3. С. 69–77.

3.4. Об «академическом патриотизме» и повседневной жизни

Патриотический подъем и порожденные им мифы о социальном и национальном единстве страны перед врагом, как и вера в героических и самоотверженных союзников, продержались недолго[279]. При знакомстве с архивами тех лет, дневниками и письмами отдельных ученых может сложиться впечатление, что война практически не затронула их повседневную жизнь. Это дало основание современным историкам усомниться в искренности чувств, декларируемых в «верноподданнических адресах» и публичных заявлениях, и заговорить даже о некоем «академическом патриотизме» как о ширме, скрывающей истинное отношение к войне как к чему-то чуждому и не нужному научной корпорации.

Но, вполне возможно, они уже были осведомлены об идущей тотальной перлюстрации писем и установившейся системе жесткого контроля над умонастроениями всех слоев общества и прежде всего над политической и интеллектуальной элитой[280]. В последующих воспоминаниях оставшиеся в России старались не заострять внимание на своих действиях и переживаниях во время «империалистической» войны, а для эмигрантов события Великой русской революции и последующей Гражданской войны также заслонили предшествовавшие им годы.

Историк биологии и методист естествознания Б. Е. Райков оставил воспоминания о своем жизненном пути, изданные полвека спустя после его смерти и насчитывающие около 2 тыс. страниц, из которых примерно 60 приходится на годы Первой мировой войны, совпавшие с одним из активнейших периодов его преподавательской, издательской и научно-организационной деятельности. О войне он вспоминает всего несколько раз буквально в нескольких словах для обозначения времени событий и лишь в одном месте уделяет полстраницы описанию чувства, которое испытывал, случайно оказавшись в 1915 г. в Туапсе под артиллерийским обстрелом с немецкого крейсера «Гебен»[281]. Создается впечатление, что война прошла мимо него, да и мимо Психоневрологического института, где он был в те годы проректором[282].

Просмотр протоколов заседаний Общего собрания ИАН и ее Отделения физико-математических наук (ОФМН) и Отделения исторических наук и филологии (ОИНФ) в 1914–1918 гг., а также протоколов заседаний Петроградского и Казанского университетов, Петроградского общества естествоиспытателей и некоторых других вузов и обществ показал, что о войне ученые вспоминали действительно редко и как правило тогда, когда надо было попросить у власти дополнительных ассиг-

[279] *Измозик В. С.* К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война. С. 165–166.

[280] *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1915–1921) в европейском контексте // Там же. С. 91–95.

[281] *Райков Б.* На жизненном пути. Кн. 1. С. 478.

[282] На самом деле всё обстояло ровно наоборот. Психоневрологический институт явил пример мобилизованной вузовской науки, что показано далее в специальном разделе, подготовленном А. В. Самокиш.

нований на исследования, экспедиции, публикации, командировки, мотивируя это потребностями военного времени. Нередко таким путем они старались компенсировать потери от секвестра бюджета, произошедшего в первые месяцы войны и поставившего крест на многих проектах. Аналогичная картина складывается при просмотре научных журналов того времени, включая медицинские.

Но нельзя забывать, что научные учреждения и учебные заведения, целью которых служит поиск «вечных истин», по своей сути не склонны к радикальным реформам. На ОС ИАН и советах университетов, как правило, обсуждались глобальные проекты, носящие порой декларативный характер. Реальная работа шла на кафедрах и на разного рода особых совещаниях, в комитетах, комиссиях, институтах, лабораториях, бюро, станциях и т. д., созданных для решения оборонных проблем и активно привлекавших к совместной работе членов Академии, профессоров университетов и других высших учебных заведений. И для представления о реальных успехах в мобилизации интеллекта необходимо исследовать весь корпус сохранившейся архивной информации, опубликованных литературных источников, воспоминаний и писем ученых того времени и т. д. Без этой колоссальной работы, рассчитанной не на одно десятилетие, выводы о реальной мобилизации науки и сути «академического патриотизма», преследовавшего исключительно цели самого́ научного сообщества, носят сугубо предварительный характер.

В равной степени это касается суждений об общей позиции творческой интеллигенции России, представители которой претендовали в те годы на роль «властителей дум», «пророков и учителей народных» и якобы не отозвались в должной степени на войну[283]. Суждения о том, что война практически не отразилась на творчестве писателей, поэтов, драматургов, художников, композиторов, что большинство ее даже не заметили, продолжая привычный образ жизни, и что военные якобы редко встречаются в их дневниках и письмах, требуют серьезной проверки. На самом деле не только левые поэты Анна Ахматова, Демьян Бедный и Сергей Есенин, которых война задела лично, откликнулись на нее несколькими стихотворениями, но также писатели из западных губерний, опаленных войной с ее разрушениями основ мирной жизни, боями, оккупацией, мародерством, изнасилованиями и т. д. Писатели и поэты различных эстетических взглядов и политических убеждений (Л. Андреев, К. Бальмонт, Н. Бруни, В. Брюсов, М. Волошин, З. Гиппиус, Н. Гумилёв, С. Городецкий, М. Зенкевич, Г. Иванов, Н. Клюев, В. Короленко, Ф. Крюков, Б. Лифшиц, Г. Ландау, О. Мандельштам, В. Мужель, Д. Мережковский, В. Нарбут, Я. Окунь, А. Ремизов, И. Северянин, Ф. Сологуб, А. Степанов, Ф. Степун, А. Толстой, С. Федорченко, А. Чеботаревская, С. Чёрный, И. Эренбург и др.), как и представители иных интеллектуальных профессий, конечно, не только заметили войну, но и выразили свое мироощущение во многих литературных и публицистических произведениях военных лет[284]. Многие из них имели боевой опыт, другие были

[283] *Дьячков В.Л., Протасов Л.Г.* Великая война и общественное сознание. С. 61.

[284] *Иванов А.И.* Первая мировая война и русская литература 1914–1918 гг.: этические и эстетические аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Ин-т мировой литературы

фронтовыми корреспондентами, третьи в тылу активно занимались благотворительностью, выступали и издавали книги для сбора средств для помощи раненым и семьям ушедших на фронт. В 1916–1917 гг. для поддержания общего «имперского дома» выходили антологии армянской, латышской, финской литератур.

Историки литературы и литературоведы в последние годы не раз отмечали, что комплексное исследование русской литературы 1914–1918 гг. по существу еще не началось. Это порождает соблазн судить о ней мимоходом, закрывая путь к постижению духовной атмосферы тех лет и роли творческой интеллигенции в формировании убеждений, ценностей, идей и идеологий, воздействовавших на восприятие войны учеными, мотивы их поведения и выбор ими позиции умеренного патриотизма. В целом их чувства соответствовали настроению, выраженному А. Ахматовой в стихотворении «Молитва» (1915). Все ученые, как и поэт, хотели для России

После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

И в этом суть их начинаний и действий. В научных проектах тех лет, конечно, можно увидеть лоббирование корпоративных интересов под лозунгом удовлетворения насущных потребностей военной промышленности, армии и флота, в чем явно преуспели организаторы Комиссии по изучению производительных сил России, особенно В. И. Вернадский, который благодаря КЕПС стал одним из наиболее авторитетных лидеров российской науки. Но сам успех столь грандиозного проекта, инициированного учеными ИАН и столичного университета и сотнями представителей других университетов, различных вузов, научных учреждений и обществ, бюро и лабораторий, обсерваторий и станций, министерств и департаментов и т. д., свидетельствует о том, что КЕПС, интегрируя интересы ученых, преподавателей, финансистов, транспортников, промышленников, военных и правительственных чиновников, с самого начала имела общенациональное значение. В ней интересы научного сообщества были созвучны интересам России. Доказывая необходимость создания КЕПС, старейший академик А. С. Фаминцын на первой странице своей знаменитой записки патетически заявлял: «Россия находится в настоящее время в опасности... Обязанность каждого гражданина — принесть свою посильную лепту на помощь нашему отечеству»[285].

им. М. Горького, 2005; *Герасимова И. Ф.* Художественно-философское осмысление Первой мировой войны в русской поэзии 1914–1918 гг. в историко-культурном контексте эпохи. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2013; *Биккулова И. А.* Феномен русской культуры Серебряного века. М.: Флинта, 2010; *Бердинских В.* История русской поэзии. Модернизм и авангард. М.: Ломоносовъ, 2013; *Бисько И. А.* Отражение событий Первой мировой войны в литературных произведениях современников // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 296–299; *Спиридонова В. А.* Образы войны: Первая мировая в поэзии Серебряного века // Там же. С. 306–313.

[285] Записка акад. А. С. Фаминцына. С. 1.

Расхождения во взглядах ученых на причины и цели войны сопровождались жесткой полемикой, свидетельствовавшей о том, что желанного «внутреннего мира» не наступило даже в интеллектуальных кругах. Война лишь отодвинула на второй план противоречия в академическом сообществе и профессорско-преподавательском корпусе, в котором существовали разные представления о политическом будущем России. Уже первые бои показали, что о послевоенном обустройстве мира еще рано думать. Война предстояла долгая и изнурительная, и ученому сообществу она принесла немало невзгод и страданий. Это стало ясно всем после тяжелых поражений 1915 г. 9 июля того года минералог и геохимик В. И. Вернадский писал ботанику А. С. Фаминцыну: «Война еще надолго и теперь более надолго, чем многие думали... А сколько еще придется переживать тяжелого после войны»[286]. Те же мысли он не раз повторял в выступлениях и трудах 1915 г. В августе 1924 г., находясь в Париже, Вернадский описал ощущение катастрофы уже летом 1915 г.: «...было ясно, что вокруг царя — пустое место <...> Я помню разговор свой с А. И. Гучковым, вернувшимся из армии в 1915 г. и нарисовавшим мне ужасающую картину катастрофы...»[287] По его словам, тяжелые испытания выпали на долю ученых в Первую мировую войну. «Наряду с возбуждением научной мысли и научного творчества война 1914–1915 гг. наложила свою тяжелую руку и на развитие науки. Она отвлекла средства, шедшие на мировую культурную работу, на долгие месяцы отбила от научной работы ее работников»[288].

В. И. Вернадскому вторил член-корр. ИАН, профессор столичного университета М. И. Ростовцев: «Нам, ученым, война дается особенно тяжело, в частности тем, поле которых — чистое, неприменимое к жизни знание. Привычная ежедневная работа, конечно, нарушена, явились новые заботы и новый общественный труд...»[289]. Хотя неясно, как война мешала ему в изучении Древнего Рима и эллинизма Причерноморья, и представители других слоев общества вряд ли согласились бы с тем, что хуже всего приходится ученым. И едва ли для них патриотично звучали его заверения, что «бросать совсем свою творческую научную деятельность и преступно, и антигосударственно»[290]. Но коллеги разделяли его оценки, так как с начала мобилизации и боевых действий ощутили трудности в проведении запланированных исследований. В предварительном отчете о наблюдениях экспедициями ГФО солнечного затмения 8 августа 1914 г. Б. Б. Голицын констатировал, что «условия военного времени не дали возможности осуществить обширную программу наблюдений над передачами радиотелеграфных сигналов» и выполнить ее «с той исчерпывающей полнотой, которая была намечена»[291].

---

[286] СПбФ АРАН. Ф. 39. Оп. 1. Д. 54. Л. 199.

[287] *Вернадский В. И.* Дневники 1921–1925. С. 170.

[288] *Вернадский В. И.* Начало и вечность жизни. С. 282.

[289] *Ростовцев М. И.* Международное научное общение. С. 74.

[290] Там же.

[291] *Голицын Б. Б.* Предварительный отчет о трех географических экспедициях, организованных Николаевской физической обсерваторией для наблюдений во время полного солнечного затмения 8/21 августа 1914 г. // Известия ИАН. Сер. VI. 1914. № 14. С. 988.

К тому же с первых дней войны ИАН, другие научные учреждения страны и вузы должны были включаться в разного рода мероприятия, чтобы как-то амортизировать тотальную неготовность страны, армии, флота, сельского хозяйства и промышленности к затяжной войне и смягчить разразившийся многовекторный кризис в армии (дефицит командных и медицинских кадров, вооружения, боеприпасов, химической защиты, отсутствие военной техники и технологий, медикаментов) и в тылу (нехватка продовольствия, топлива, сырья, промышленных мощностей, транспорта и т. д.). До этого никогда ученое сообщество России не было столь прямо вовлечено в масштабные мероприятия по спасению страны и никогда ему не приходилось играть столь важную роль в ее обеспечении.

И первое, с чем им пришлось столкнуться, — это распад «республики ученых», информационная война, получившая название «войны умов», и становление национальной государственной науки.

Глава 4

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУКА

4.1. «Война умов»: ее зачинщики и участники

Считается, что застрельщиками «войны умов» — обмена обвинительными заявлениями в адрес противника и декларациями о чистоте замыслов и планов правительств и армий собственных стран, — были немецкие ученые. На самом деле это не совсем так. Первые залпы информационной войны загрохотали в России уже в тревожные дни ожидания войны и превратились в подлинную канонаду после царского Манифеста об объявлении войны Германии. Конечно, немецкие ученые с бóльшим патриотическим воодушевлением, чем их российские коллеги, восприняли Первую мировую войну и готовы были свою жизнь и труды предоставить в распоряжение государства ради победы «немецкого дела». Однако немецкая наука фактически не была задействована в начале «Великой войны», которую власть и военные планировали как блицкриг[292]. Многие немецкие ученые и студенты, ликуя от предстоящего пожертвования своего таланта и жизни великой Германии, добровольно шли на фронт солдатами, младшими офицерами, полевыми врачами. Среди них было немало крупных ученых, включая профессоров. Лауреат Нобелевской премии 1907 г. биохимик Э. Бухнер был смертельно ранен. Боевой опыт имели будущие лидеры немецкой науки: Нобелевские лауреаты О. Г. Варбург, О. Ган, Г. Герц, Г. Домагк, Р. Кун, О. Ф. Мейергоф, В. Г. Нерст. Многие из них получили серьезные ранения. Университеты и научно-исследовательские институты опустели, лишившись студентов, младшего преподавательского состава и части профессуры. В некоторых университетах фронтовые потери составили более 25% от общей численности профессорско-преподавательского состава и студенчества на июль 1914 г.[293]

Особое значение для изменения самосознания российских ученых, ориентированных на германскую науку, имела деятельность тех немецких коллег, кто остался в тылу и поддерживал войну иным способом, составляя различного рода манифесты, в которых безоговорочно защищались военные цели и политика Германии. Как только заговорили пушки, «интернационал ученых» оказался в глубочайшем кризисе[294]. На берегах Рейна и Шпора в одночасье были забыты заветы Г. В. Лейбница, инициатора и идеолога создания академических сообществ в Германии и России, о космополитическом характере науки.

Почти все члены немецких академий, включая наиболее авторитетную из них Прусскую в Берлине, были охвачены воинствующим шовинизмом, хотя внешне начало войны никак не сказалось на их деятельности. Не было ни специальных заседаний, ни громогласных заявлений, в которых ученые выражали бы лояльность

---

[292] Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft: Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm. S. 164.

[293] Science and Ideology / Ed. M. Walker. New York: Routledge, 2003. P. 194.

[294] Die Preuβische Akademie der Wissenschaften zu Berlin. S. 318–349.

академического сообщества государству и монархии и призывали к сплочению все здоровые национальные силы перед лицом внешней угрозы. С началом военных действий выяснилось, что многие исследовательские проекты должны быть отложены или вообще прекращены, так как сотрудники призваны на военную службу. Инициатором развязывания информационной войны стал популярный в России биолог-эволюционист Э. Геккель, труды которого многократно переиздавались на русском языке[295].

Обращение Э. Геккеля к Прусской академии наук 18 августа 1914 г. о поддержке составленного им и Р. Ойкеном пламенного заявления о коварном Альбионе было отклонено секретарями философского и естественнонаучного классов Г. А. Дильсом и Г. В. фон Вальдейером-Гартцем. Гартц указал, что подобные акции должны исходить от отдельных академиков, а не от всего сообщества. Решение принять участие в «войне умов» (Krieg der Geister), как в Германии назвали обмен манифестами между академическими сообществами Англии, Германии и Франции[296], было принято месяц спустя, после консультаций со всеми академиями и университетами Германии[297].

Нельзя сказать, что немецких ученых против их воли втянули в «войну умов». Академии всех стран считали своим долгом поддержать военные усилия собственных государств. Большинство академиков не могли сделать это с оружием в руках, на полях сражений. Перья стали их оружием. Хронологически первыми «войну умов» объявили ученые Великобритании в так называемом заявлении Дома Веллингтона. Ответной реакции не пришлось долго ждать.

К тому времени уже российские газеты сообщили, что «ученые организации всего мира энергично протестуют против неслыханного вандализма германцев»[298], которые 25–27 августа подожгли и превратили в пепел Библиотеку Лёвена и почти весь бельгийский университетский город, а 20 сентября обстреляли Реймсский собор. По мнению стран Антанты, это провело границу между их собственной цивилизованностью и германской культурой. К протесту присоединились российские ученые, которых связывали с немецким научным сообществом особые отношения. В частности, эта ситуация стала поводом для обсуждения на Совете Императорского Петербургского университета возможных шагов по разрыву отношений с немецкими учеными, о чем мы подробнее поговорим в следующем разделе.

Нападки со стороны противника вызвали резкую реакцию немецкого профессорско-преподавательского корпуса, члены которого даже не пытались дистанцироваться от массовых настроений и привести веские научные обоснования необходимости войны. В «Воззвании к просвещенному миру» (“An die Kulturwelt”), составленном при участии филолога-эллиниста У. фон Виламовица-Мёллендорфа, нарушение нейтралитета Бельгии и варварское разрушение бельгийских городов

[295] *Kolchinsky E. I.* Russian editions of E. Haeckel’s works and evolution of their perception // Theory of Biosciences. 2019 (in print).

[296] *Kellermann H.* Der Krieg der Geister. Dresden: Weimar, 1915.

[297] Die Preußische Akademie der Wissenschaften zu Berlin. S. 4.

[298] Это гласила подпись под карикатурой на внутренней стороне первого номера еженедельника «Отечество» (1914, № 1), учрежденного в те дни.

было представлено как акт самообороны Германии. Его подписали 93 интеллектуала, в том числе естествоиспытатели, гуманитарии и деятели искусства[299]. Среди них были выдающиеся ученые, включая лауреатов Нобелевской премии: микробиологи и иммунологи Э. фон Беринг, А. П. фон Вассерман и П. Эрлих, анатом и гистолог Г. В. Г. фон Вальдейер-Гартц, физиолог М. Рубнер, биохимики Р. М. Вильштеттер и Г. Э. Фишер, зоолог Э. Геккель, химики А. фон Байер, В. Оствальд, Ф. Хабер и К. Энглер, математик Ф. Х. Кляйн, физики В. Вин, Ф. Ленард, В. Нерст, М. Планк, В. К. Рентген, археологи Ф. фон Дюн и К. Роберт, историки Г. Финке, К. Лампрехт, М. Ленц, Э. Мейер, М. Шпан, филологи Г. Морф, К. Фослер, А. Хойстер, философы В. Виндельбанд и В. Вундт, этнограф И. Я. де Грот и др. В обстановке шовинистического угара немногие решились отказаться от предложения подписать обращение, как это сделали члены Прусской академии наук математик Д. Гильберт и создатель теории относительности А. Эйнштейн[300]. В числе авторов были 9 человек из 56 почетных членов и членов-корреспондентов Императорской Академии наук — подданных Германии и Австро-Венгрии[301].

4 октября 1914 г. обращение было опубликовано в германской прессе. Шестикратным «это неправда» подписавшиеся отклонили обвинения в том, что Германия несет ответственность за войну, не уважает международное право и жестоко ведет военные действия. Подобные утверждения прославленные борцы за истину назвали «отравленным орудием лжи». Борьбу, которую враги Германии вели против немецкого милитаризма, они называли борьбой против немецкой культуры и заявляли, что «германская армия и немецкий народ — едины», а германский милитаризм развился из немецкой культуры с целью защиты ее от варваров. Уверяя, что бельгийское население само спровоцировало германское наступление своим коварным нападением, германские ученые пытались разрешить открывшееся противоречие между праведным автопортретом германских борцов и реальностью. Представляя свою страну жертвой нападения, они утверждали, что «на Востоке земля пропиталась кровью женщин и детей, зарезанных русской ордой».

Воззвание «К культурному миру» и последовавшая вскоре «Декларация преподавателей высшей школы Германской империи» с 4 тыс. подписей, а также опубликованный 20 июня 1915 г. «Манифест профессоров»[302], подготовленный особым комитетом во главе с профессором теологии Р. Зеебером, привлекли внимание во всем мире. В них оправдывали варварские действия немецких войск в зоне

---

[299] К культурному миру (воззвание немецких ученых в защиту Германии). Пг.: Тип. Б. М. Вольфа, 1914; Манифест 93 ученых, Манифест Германских университетов // Две культуры (К философии нынешней войны). Пг., 1916. С. 122–133.

[300] *Ungern-Sternberg J. und W.* Der Aufruf “An die Kulturwelt!” das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg. Stuttgart: Steiner, 1996; *Дмитриев А. Н.* Мобилизация интеллекта: Международное научное сообщество и Первая мировая война // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности / Отв. ред. Д. А. Сдвижков. М.: ИВИ, 2001. С. 296–335.

[301] СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1. Д. 196. Л. 2–3.

[302] Документ получил такое название, так как среди 1300 его подписавших (интеллектуалов, промышленников, банкиров и офицеров) было примерно 300 профессоров.

боевых действий и приводили исторические и правовые доводы в пользу аннексионистских претензий Германии. Свою апологию войны обнародовали и ректоры 19 университетов, а лауреат Нобелевской премии Ф. Ленард использовал начавшуюся кампанию для осуждения не только политики Англии, но и английской физики, призвав к критическому отношению к ней и к отказу от необоснованного восхищения английской наукой[303]. И этот призыв был поддержан в специальном письме 18 ведущих немецких физиков, призвавших своих немецких коллег к публикации своих работ преимущественно на немецком языке, к отказу от публикаций в английских журналах и от частого цитирования работ английских авторов[304]. Все эти воззвания, декларации и письма были предназначены для внутреннего потребления и подъема имперского духа у подданных Центральных держав. Но в странах Антанты они вызвали негодование, изменив отношение к научной элите Германии. Ее позиция была оценена как отказ от научного интернационализма в пользу немецкого национализма, очень похожего на борьбу с космополитизмом, развернувшуюся десятилетие спустя в СССР.

Одним из первых немецким ученым ответил лауреат Нобелевской премии по химии У. Рамзай[305], который также счел многие черты германской науки, культуры и даже народа «невыносимыми». В статье «Цели и амбиции Германии», ставшей не менее знаменитой, чем немецкое воззвание, знаменитый представитель английской науки демонстрировал столь же крайний национализм. Он указывал на принципиальные различия во взглядах англосаксов и германцев на государство и личность, на гуманизм, бизнес, цели и задачи и т. д. Досталось и немецкой науке за отсутствие оригинальности, беззастенчивое использование чужих открытий и достижений, внимание к деталям и т. д. По его утверждению, немецкие идеалы далеки от «свойственного истинному ученому понимания, а способы, которыми немцы пытаются достигнуть того, что считают благом для человечества, в глазах каждого благомыслящего человека отвратительны»[306]. Рамзай считал, что крах Германии никак не скажется на развитии науки, так как «избавление от тевтонов избавит мир от владычества посредственности», а своими достижениями в науке Германия обязана прежде всего евреям[307]. Немногие англичане поддержали подобные суждения и на страницах той же «Природы» (*Nature*) вскоре о немецкой науке уже говорили спокойно, помещая рецензии на новые книги и некрологи, посвященные немецким коллегам. В то же время ряду ученых, британских подданных, но уроженцев Германии, включая ученого секретаря Королевского общества Артура

[303] *Lenard Ph.* England und Deutschland zur Zeit des Grossen Krieges. Heidelberg: Winter, 1914.

[304] *Вольф Ш.* Физики в «войне умов»: возражения Вильгельма Вина против «аглицизма» // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 79–93.

[305] *Ramsay W.* Germany's Aims and Ambitions // Nature. 1914. Vol. 94. No 2346. P. 137–139.

[306] Ibid. P. 138.

[307] Рамзай смутно представлял себе, насколько в профессорской среде Германии были сильны антисемитские настроения. И большего оскорбления немецким ученым он не мог нанести.

Шустера, пришлось во время войны столкнуться с враждебностью, недоверием, а порой и травлей со стороны коллег[308].

Для русских ученых поведение немецких коллег стало настоящим шоком, ведь германская университетская система не просто считалась самой успешной в мире, но именно на нее ориентировались русские люди науки, получая в Германии образование и повышая квалификацию. Там было много их личных друзей и учителей. В России эти документы были оценены как доказательства шовинистической настроенности германских преподавателей высших школ с одной стороны и как развал международной республики ученых — с другой[309]. Русофобские суждения задели многих, и грубые нападки встретили резкие возражения во всей прессе[310]. Но если писатели, художники и педагоги практически сразу отреагировали на оскорбительные выпады немецкой интеллектуальной элиты[311], то ученые взяли паузу для обдумывания ответа. Только П. Н. Милюков в газете «Речь» практически сразу дал подробный и взвешенный анализ немецких воззваний[312], удержавшись от резких германофобских заявлений.

Прошло почти два месяца с момента их публикаций, когда почти одновременно появился протест более чем 250 российских ученых[313] и протест Петроградского университета, под которым поставили свои подписи около 350 преподавателей высших учебных заведений Петрограда и Москвы[314]. К тому времени на декларацию

---

[308] *Saltzman M. B.* Is science a brotherhood? The case of Siegried Ruhemann // Bull. Hist. Chem. 2000. Vol. 25. No 2. P. 116–121.

[309] *Маурер Т.* «Война умов» и общность европейцев. Размышления по поводу отклика русских ученых на воззвание их германских коллег // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 57–78.

[310] Ход дебатов за последние 15 лет не раз подробно анализировался: *Иванов А. Е.* 1) Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны». С. 108–127; 2) Отклики Первой мировой войны в высшей школе Российской Империи. С. 209–211; *Виноградов Ю. А.* Германские ученые — члены Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге и Первая мировая война // Петербургская Академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции / Отв. ред. Э. А. Тропп. Т. III. СПб.: СПбНЦ РАН, 1999. С. 40–55; *Dmitriev A. N.* La mobilisation intellectuelle (La communauté académique internationale et la Première Guerre mondiale) // Cahiers du Monde Russe, Sovietique et Post-Sovietique. Vol. 43. 2002. No 4. Octobre–décembre. P. 617–644; *Maurer T.* Der Krieg der Professoren. S. 331–247; *Басаргина Е. Ю.* 1) Вице-президент Императорской Академии наук П. В. Никитин. С. 259–269; 2) Императорская Академия наук на рубеже двух веков. С. 495–507; 3) Международные связи Академии наук в годы Первой мировой войны // Взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. С. 896–902; и др.

[311] От писателей, художников и артистов // Вестник воспитания. 1914. № 7 (октябрь). Хроника. С. 120–124.

[312] *Милюков П.* Германская интеллигенция и война // Речь. 1914. № 283 (2952). 20 октября (2 ноября). Раздел «Литературная неделя». С. 3.

[313] Протест представителей русской науки против неправомерного ведения войны Германиею и Австро-Венгриею // Новое время. 1914. № 13900. 21 нояб. (4 дек.). С. 3.

[314] Протест Университета // Вестник Европы. 1914. № 12. Раздел «Хроника. Вопросы внутренней жизни». С. 376–378.

немецких ученых последовал ряд «профессорских манифестов» из стран Антанты, а также нейтральных Швейцарии и США.

Понятно, что замедленная реакция столичных ученых отражает глубокие разногласия в их среде. Она свидетельствует о далеко не единодушном стремлении осудить немецких ученых даже в обстановке германофобии и эйфории шовинизма и патриотизма. Всё было, скорее, наоборот. Пожалуй, только в довольно поздней реакции профессуры Казанского университета речь идет о противопоставлении образу Германии как защитницы культуры образа России — исконной защитницы слабых, славянства и всей цивилизации[315]. Отвергая обвинения в развязывании войны, казанские ученые заявили твердо: «Россия обнажила меч в защиту Сербии». Ответы на «оскорбительные названия» опубликовали Военно-морская академия, Университет св. Владимира в Киеве и другие высшие учебные заведения России[316]. В большинстве же откликов было выражено согласие с умеренной оценкой П. Н. Милюковым немецких воззваний, и ответы были сформулированы во взвешенных тонах. Наиболее сдержанный из них опубликован от имени 56 педагогов Прибалтийских губерний[317].

Вопреки укоренившемуся в литературе мнению, Совет Императорского Петроградского университета не участвовал в параде верноподданничества и патриотизма, а тем более не был его инициатором[318]. Изначально Совет Университета попытался четко разграничить сферы науки и политики, еще 1 сентября 1914 г. отклонив предложение профессора А. С. Догеля о разрыве отношений с немецкими коллегами. И впоследствии Совет не принимал никакого ответа на немецкое воззвание «К культурному миру», содержащее обидное отнесение России к числу нецивилизованных наций. Более того, ректор Э. Д. Гримм, немец по происхождению, прекрасно знал настроение большинства членов совета, тесно связанных со своими немецкими коллегами и не желавших подвергать многолетнее сотрудничество угрозе в угоду политической конъюнктуре; он даже не пытался предлагать ответить осуждением немецкой профессуре, одобрившей преступления германского милитаризма и оскорбившей ученых других стран.

---

[315] Ответ германским ученым. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1915. С. 1. Эта брошюра содержит всего две страницы. Тот же текст был опубликован в «Ученых записках Императорского Казанского университета» (1915. Кн. 9. С. 1–2). Видимо, для того чтобы сильнее уязвить немецких коллег, казанские ученые напечатали свой текст на русском и французском языках.

[316] Ответ на воззвание «К культурному миру» представителей германской науки и искусства (От конференции Императорской военно-морской академии) // Речь. 1915. № 28. 29 янв. (11 февр.). С. 5; Ответ профессоров и преподавателей Университета св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям», опубликованное 93 германскими учеными и писателями по поводу настоящей войны. Киев: Тип. 2-й артели, 1915.

[317] От русских педагогов // Юрьевский вестник. 1914. № 37. 20 декабря. С. 1.

[318] *Ростовцев Е. А.* Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // Уроки истории — уроки историка: Сборник статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т. Н. Жуковская; отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 308–314.

Когда стало известно, что другие университеты готовят такие ответы, было решено от имени «группы профессоров» столичного университета подготовить проект всероссийского профессорского и академического манифеста, который отнюдь не был шовинистским, а укладывался в целом в рамки либерального ви́дения ситуации П. Н. Милюковым[319]. Поэтому под письмом стоят подписи некоторых членов кадетской партии. Однако его не подписали такие авторитетные члены Совета университета, как метеоролог и географ А. И. Воейков, историк и краевед И. М. Гревс, юрист-криминолог А. А. Жижиленко, философ И. И. Лапшин, математик В. А. Стеклов, историк А. А. Шахматов, зоолог В. М. Шимкевич.

Ученых Антанты возмутило то, что в немецких документах ответственность за развязывание войны возлагали на их страны, особенно на Россию, которую клеймили за неблагодарность по отношению к Германии, давшей ей науку и культуру. «Ученые-интернационалисты» в Германии славили ее высокую культурную миссию в борьбе с азиатскими ордами варваров из России. Войну с Францией немецкие интеллектуалы оправдывали неизбежностью борьбы немецкой культуры, «подлинно одухотворенной», против поверхностной культуры французов. При этом они пытались уверить окружающих, а порой и себя, что их солидарность с этой борьбой не имеет ничего общего ни с немецким национализмом, ни с монархическо-имперским верноподданничеством, а продиктована исключительно научной объективностью и приверженностью к общечеловеческим ценностям: справедливости, красоте и разуму.

Русские ученые были оскорблены прежде всего тем, что люди, которых они считали своими учителями, фактически предали их, презрительно отказались от них, обозвав варварами. Их чувства лучше всего выразил директор Химической лаборатории АН П. И. Вальден — латыш, воспитанный в немецкой культуре. По его мнению, в результате немецких воззваний у российских ученых были поколеблены представления и о самой немецкой культуре, и о немецких коллегах как носителях европейской культуры[320]. Кое-кто пытался понять и объяснить поведение немецких ученых, усматривая его причины в подавлении личности, абсолютизации государства, милитаризации школьного и университетского образования и т. д. В ходу были характеристики немцев как диких и озверевших варваров, современных тевтонов с новейшей технологией, дикарей с утонченно-садистской психологией и имплицированной жестокостью, невежественных Митрофанов и т. д.[321]

---

[319] Ответ германским ученым // День. 1914. № 347 (789). 21 декабря. С. 3.

[320] В тылу. Литературно-художественный альманах. Пг.: Книгоизд-во М. В. Попова, 1915. С. 141.

[321] *Адрианов С., проф.* Пророчества Ф. М. Достоевского // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14354. 5 (18) сент. С. 2; *Есипов В., проф.* Германская жестокость // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14354. 5 (18) сент. С. 1–2; *Н. С.* Dura lex, sed lex! (К вопросу о германских зверствах) // Утро России. 1914. № 217. 11 сент. С. 1; *Погодин А., проф.* Воспитание великих душ // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14420. 8 (21) окт. С. 2–3; Речь ректора [Казанского университета на собрании студентов 19 октября] // Казанский телеграф. 1914. № 6416. 21 окт. Раздел «В университете». С. 4; *Астахов М.* Радикальные Митрофаны // Московские ведомости. 1914. № 240. 16 (29) окт. С. 2; *Котляревский Н.* Кончина

О чудовищных преступлениях немцев против мирных жителей, включая стариков, женщин и детей, с леденящими кровь подробностями рассказывал в книге «Немецкие зверства» юрист, помощник военного прокурора Петроградского военно-окружного суда полковник А. С. Резанов, давший редкий образец информационной войны без правил, рассчитанной на разжигание самых низменных инстинктов[322]. В то же время изображение не всегда было плакатно вульгарным. Историк Р. Ю. Виппер писал о двух Германиях: старой — культурной и утонченной — до объединения, и современной милитаризованной империи, сформированной по прусскому образцу[323].

В связи с этим резкой критике подвергались немецкая биология с ее расовой антропологией, базировавшейся на учении о высших и низших расах с абсолютизацией нордической расы, с расовой и социальной гигиеной и т. д. Следы национального высокомерия немецких ученых были «выявлены» и «установлены» в гуманитарных науках. Член-корреспондент Академии наук историограф В. П. Бузескул показал, что в германской историографии и раньше доминировал культ силы, право бронированного кулака, презрение к слабым и к другим народам, национализм и шовинизм[324]. По мнению его коллеги Н. И. Кареева, политическое развитие Германии с 1860-х гг. привело к сужению политического кругозора и росту национализма в науке. Немецкие ученые не учитывали научные достижения других стран, чем и обусловлена их одиозная позиция в «войне умов»[325].

Всё это соответствовало тезису французского физика П. Дюгема о существовании национальных стилей в науке, противопоставлявшего в статьях военного времени рациональную и экспериментальную французскую науку немецкому «абстрактному геометризму»[326]. Идея о национальных науках приобрела особую популярность в послевоенное время, став основой для попыток создания различного

властной идеи? // Биржевые ведомости. 1914. № 14470. 2 (15) нояб. С. 3; *Трубецкой Е.* Что с ними сделалось? // Русские ведомости. 1914. № 277. 2 дек. С. 3; *Яблоновский А.* Отравленная душа // Киевская мысль. 1914. № 340. 10 дек. С. 3; *Сумцов Н. Ф., проф.* О германском национальном научном высокомерии // Южный край. 1914. № 13424. 7 дек. С. 8; *Боборыкин П. Д.* Высококультурная орда // Русское слово. 1914. № 297. 25 дек. (7 янв. 1915 г.). С. 3.

[322] *Резанов А. С.* Немецкие зверства. Книга, составленная по словам потерпевших и очевидцев, а также по официальным документам. Пг.; М.: А. Суворин, 1914. XXIV, 220 с. 2-е издание, вышедшее в 1915 г., было расширено вдвое и насчитывало уже 438 страницы. Странно, но в 1998 г., когда наши отношения с Германией были очень дружескими, выдержки из этой книги были опубликованы в престижном научном журнале, с комментариями А. В. Пронина: *Резанов А. С.* «Немецкая армия... может конкурировать с воинами каннибалов» // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 21–31.

[323] *Виппер Р. Ю.* Гибель европейской культуры. Сб. статей и публичных лекций. 1914–1918 гг. М.: Знание — сила, 1918. С. 26–47.

[324] *Бузескул В.* Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия. К происхождению современной германской идеологии. Пг.: Тип. М. М. Стасюлевич, 1915.

[325] *Кареев Н. И.* Мысли о русской науке по поводу теперешней войны // Чего ждет Россия от войны. Пг.: Прометей, 1915. С. 77–93.

[326] *Paul H.* The Sorcerer's Apprentice. The French Scientist's Image of German Science, 1840–1919. Gainesville: University of Florida Press, 1972. P. 54–76.

рода идеологически корректных наук в советской России, нацистской Германии, фашистской Италии и т. д.

Многие российские ученые подчеркивали необходимость дистанцироваться от национализма и шовинизма, предостерегая от попыток в патриотическом угаре искоренять всё заимствованное Россией из Германии и не желая простой замены знаков «плюс» на «минус», когда недавнее восхищение уступало бы место ненависти и проклятиям. Для них существенным было различие между русским патриотизмом и немецким национализмом. По мнению Е. Н. Трубецкого, первый означал лишь любовь к родине без проповеди национальной исключительности какого-либо народа в Российской империи, а второй был построен на ненависти и презрении к другим народам[327].

В целом российские ученые проявляли бóльшую сдержанность, чем немецкая сторона[328]. Они не отказывались от идеи транснационального характера науки; для них наука по-прежнему оставалась высшей ценностью, которая после войны снова сплотит ученых разных стран. Но в этом они не находили понимания ни у немецких ученых, ни у многих росийских коллег — антропологов и психиатров — сторонников биологической предопределенности национального характера.

В образованных кругах большой популярностью пользовался психологический очерк о немцах, написанный известным психиатром и историком П. И. Ковалевским — одним из главных идеологов русского национализма. Для него война была следствием естественного закона борьбы за существование, в котором наиболее ярко проявляются генетически обусловленные характер и нравственность нации. Ковалевский уверял: «Поскоблите немца, он и ныне окажется варваром, и притом варваром низшего сорта, без чести, правды и порядочности. Если немец нравственно опускается, то пределов его низости нет»[329]. Со ссылками на литературу и без них приводится целый набор отрицательных черт, якобы свойственных немецкому народу: цинизм, нахальство, наглость, бесстыдство, бесчеловечность, злобность, жестокость, бездушие, высокомерие, самомнение, завистливость, алчность, мрачность, тупость, банальность, чинопочитание и т. д. И здесь его подход по существу повторял аргументацию немецких ученых, только обращенную в адрес народов Антанты.

Как вынужденную оборону трактовали войну большинство немецких биологов. Лейпцигский профессор, создатель физиологической психологии В. Вундт считал Россию главным инициатором войны и утверждал, что российская наука всецело обязана Германии. Известный палеонтолог и эволюционист Л. Плате из Йены, объясняя позже свою ультрапатриотическую позицию в Первой мировой войне, заметил: «В политическом спектре я всегда находился справа»[330]. Всё сильнее

[327] *Трубецкой Е. Н.* Смысл войны. Вып. 1. М., 1914.

[328] *Виноградов Ю. А.* Германские биологи — члены Императорской Академии наук и Первая мировая война. С. 40–55.

[329] *Ковалевский П. И.* Немцы (психологический очерк) // Первая мировая война в оценке... Т. 2. С. 251.

[330] *Plate L.* Kurze Selbstbiographie // Archiv für Rassen-Gesellschaftsbiologie. 1935. Bd. 29. No 1. S. 86–87.

в выступлениях биологов и врачей звучали расистские мотивы. Ставший вскоре знаменитым расовый гигиенист Ф. фон Ленц закончил свою статью «Возрождение этики» прославлением взгляда Ж. А. де Гобино на «немецкий народ как последний бастион нордической расы»[331].

Особенно агрессивную позицию по отношению к странам Антанты занял предшественник Плате на посту директора Йенского университета Э. Геккель, обосновывая ее ссылками на эволюционную теорию, социал-дарвинизм и созданное им мировоззрение монизма[332]. Он объяснял, что сейчас Германия должна наконец-то осознать основной принцип жизни: «Борьба — отец и мать всего»[333]. Как всякая борьба в мире живого завершается вымиранием наименее приспособленных, так и война должна завершиться уничтожением врага, чтобы в послевоенном мире Германия могла безраздельно доминировать. Обращаясь к немецким солдатам, он призывал их не бояться смерти, которая, как и жизнь, является игрой случая, и нет высшей чести, чем отдать ее на поле боя ради своего народа, ибо только там достигается оптимальный баланс между альтруизмом и эгоизмом. Защищать отечество и погибнуть ради него, по Геккелю, есть долг каждого немецкого гражданина, который ради этого должен пожертвовать даже счастьем своих родных и близких.

Геккель не сомневался, что вся ответственность за развязывание войны лежит на Англии[334]. Это его особенно огорчало, так как он считал себя другом и последователем Ч. Дарвина, часто посещал Англию и в течение многих лет получал финансовую поддержку от английского правительства для обработки материалов экспедиции на судне «Челленджер». Для него война между Англией и Германией, принадлежащими к одной и той же расе, была историческим парадоксом. Более естественным с эволюционно-биологической точки зрения было бы их совместное доминирование в мире при разделе сфер влияния: Германия бы имела самую мощную сухопутную армию, а Англия — самый мощный военно-морской флот. Однако этот альянс, способный обеспечить процветание арийской расы и германской цивилизации, к его сожалению, остался неосуществимым. Причину этого Геккель усматривал в эгоизме, глубоко укоренившемся в английской нации, в ее стремлении эксплуатировать все народы мира. Он уверял, что надменный Альбион ненавидит и презирает все другие государства, поэтому ведет себя вероломно, демонстрируя полное пренебрежение ко всем международным договоренностям и моральным обязательствам. Англии досталось за террор против нейтральных государств, за нападения на их суда, за бомбардировку мирных городов, за создание империи лжи и т. д. Даже в отказе Англии принять десятичную систему измерений Геккель усматривал показатель порочности современной английской культуры.

Самым важным в этой геккелевской атаке на Англию была расовая интерпретация войны. В терминах, которые были бы более уместны в Третьем рейхе, чем

[331] *Lenz F.* Zur Erneurung der Ethik // Deutschland Erneurung. 1917. Bd. 1. S. 56.

[332] *Haeckel E.* Ewigkeit. Weltkriegsgedanken über Leben und Tod, Religion und Entwicklungslehre. Berlin: G. Reimer, 1917.

[333] *Haeckel E.* Weltkrieg und Naturgeschichte // Nord und Süd. 1914. Bd. 151. Hf. 481. S. 142.

[334] *Haeckel E.* Englands Blutschuld am Weltkriege // Das monistliche Jahrhundert. 1914. Bd. III. S. 538–548.

во Втором, Геккель восхвалял моральную, интеллектуальную и расовую чистоту Германии, ведущей борьбу против расово космополитичной Англии. Он возмущался тем, что армии Антанты состоят из разных рас, включая негров, папуасов, малайцев, а ее союзниками являются «узкоглазые японцы». Он предупреждал о гибели всей европейской цивилизации, если победу в войне над расово чистыми Германией и Австрией одержит чудовищная смесь низших рас и народов, из которых состоят армии стран Антанты. Россию он особо клеймил за варварство и «манию панславизма». Конечную цель войны Геккель видел в создании мощной Германской империи, в которую войдут многие территории Российской империи (Прибалтийские губернии, Польша, Малороссия и т. д.), чтобы обеспечить жизненное пространство (Lebensraum), а также создать буферную зону, охраняющую Германию от «варварской России на востоке»[335]. Эти идеи Геккеля, подкрепляемые ссылками на антропологию и эволюционную теорию, полностью соответствовали идеологии влиятельной в правящих кругах Пангерманской лиги, членом которой он вместе с другими биологами и физиками состоял с конца XIX в.

Аналогичные идеи высказывали авторы других статей третьего тома «Столетие монизма» (Das monistliche Jahrhundert), выпущенного созданной Э. Геккелем в 1906 г. Немецкой лигой монистов (Deutschen Monistenbundes). Они доказывали миролюбие Германии, ставшей невинной жертвой полуцивилизованных и отсталых народов. В статье «Война» автор, скрывшийся под буквами Ф. М., уверял: «...Россия и Сербия не входят в число цивилизованных наций. Это всё еще разбойные образования, состоящие из банд воров в облике государства»[336]. Следуя Геккелю, безымянный монист подчеркивал огромную опасность для будущего всей Европы попыток Англии ослабить Германию. По мнению М. Мауренбрехера, страшными бедствиями грозит мобилизация на европейский театр военных действий представителей «низших рас» с Востока (негров, японцев, индийцев, арабов и т. д.), так как она позволила им стать свидетелями раскола внутри самой европейской цивилизации, и в результате «негры видят войну, в которой белые убивают друг друга»[337].

После войны подобные высказывания, в которых с расистских позиций отождествлялись Германия и европейская культура, поставили многих немецких ученых в затруднительное положение и послужили поводом для их остракизма со стороны иностранных коллег. Однако если в первые военные месяцы лишь отдельные представители академического сообщества смогли удержаться от шовинистических выступлений, ход войны увеличивал число ее противников в академических кругах. Уже в 1915 г. против обращения профессуры к правительству вместе с Д. Гильбертом и А. Эйнштейном выступили крупные физики М. Планк и Г. Рубенс. Среди биологов, осуждавших войну, был ученик Э. Геккеля Ю. Шаксель, ставший в 1916 г. экстраординарным профессором Йенского университета. Война не изменила принципов профессора Гельдейбергского университета, протозоолога

[335] *Haeckel E.* Weltkrieg und Naturgeschichte. S. 147.

[336] *F.M.* Der Krieg // Das monistliche Jahrhundert. 1914. Bd. III. S. 592.

[337] *Maurenbrecher M.* Das neue Europa und die neue Kultur // Das monistliche Jahrhundert. 1914. Bd. III. N 40–41. S. 795.

и цитолога О. Бючли, воспитавшего целую школу российских зоологов, включая Н. К. Кольцова, В. Т. Шевякова и др. В условиях гонения на русских Бючли, рискуя собственным положением, добился того, чтобы все его ученики из России, оказавшиеся к началу войны в Германии, смогли выехать на родину[338]. Россиянин П. С. Эпштейн находился в Мюнхене под надзором полиции, но при этом обладал свободой передвижения по территории института А. Зоммерфельда (подписанта письма немецких физиков против «аглицизма»). Всё это — свидетельство того, что, несмотря на публичную враждебность и непримиримость, оставалась в силе установка на сохранение контактов с учеными враждебных стран как с товарищами по научному цеху. С пацифистских позиций была написана книга профессора медицины Берлинского университета Г. Ф. Николаи «Биология войны» (1918)[339]. Автор полагал, что война, влияя на мозг, выступает как мощный невротический фактор, разрушает привычные способы поведения и вызывает неустойчивость психики. Всё это способствует мифологизации сознания и созданию искаженного представления о мире под влиянием политической пропаганды. По мнению Николаи, на войне человек действует иначе, чем в обычной жизни: так, его роль одновременно и активна, и пассивна.

Особую роль среди немецких интеллектуалов в годы войны играли философы, социологи, юристы, близкие к левой социал-демократии или еврейской диаспоре, что часто совпадало (В. Беньямин, Э. Блох, Д. Лукач, Г. Радбрук). Они обычно эмигрировали в нейтральные страны, считая перспективу окончательной победы милитаристской Германии кошмаром, угрожавшим западной цивилизации в целом и науке в особенности, не меньшим, чем поражение от царской России. Тому, кто не эмигрировал по собственной воле, грозило изгнание из академического сословия. По инициативе историка-пангерманиста Г. фон Белова из Гейдельбергского университета был уволен историк В. Р. Валентин, вынужденный некоторое время работать телеграфистом за то, что не воспринял идею о «роковой вражде» между Германской империей и Великобританией.

4.2. Информационная война и научный интернационал

Включившись в навязанную «Войну умов», научное сообщество России продемонстрировало волю к победе в информационной войне и способность мобилизовать ради этого все интеллектуальные ресурсы. Но для этого требовалось переосмыслить базовые представления о «республике ученых», о «мировой науке» и ее соотношении с наукой национальной. Многие не спешили с конъюнктурным переосмыслением прежних представлений, что отразилось прежде всего в дебатах по поводу разрыва отношений с немецкими учеными в ИАН и Петроградском университете, которые мы рассмотрим в следующем разделе. Российские ученые, как и их немецкие оппоненты, также стремились продемонстрировать солидарность с пра-

[338] *Новиков М. М.* Бючли и его научная работа. Пг.: Научхимтехиздат, 1922. С. 20.

[339] *Николаи Г. Ф.* Биология войны (Мысли естествоведа). Л.: Переводчик, 1926; *Winter E.* Georg Friedrich Nicolai: Ein Kämpfer gegen Krieg // Forschen und Wirken. Festschrift zur 150. Jahr-Feier der Humboldt Universität zu Berlin. Berlin, 1960. Bd. 1. S. 461–466.

вительством и армией, ведущими войну за национальные интересы. Но, обвиняя противника и защищая собственную страну, они, по признанию Т. Маурер — немецкого историка науки и образования, — в начале XX в. были «более разумными и сдержанными, чем их немецкие коллеги»[340]. И в этом трудно с ней не согласиться, но хорошо, что такой вывод сделал зарубежный исследователь.

Знаменитый историк и социолог, член-корреспондент ИАН Н. И. Кареев, переживший ряд неприятностей в Германии после начала войны, продолжал настаивать, что национальные различия не играют никакой роли в науке, которая по своей природе была, есть и будет транснациональной[341]. По его мнению, в развернувшейся «войне умов» виноваты обе стороны. Немцы не должны были писать воззвания, а русским не следовало отвечать им, поддаваясь «дурному примеру» и известному принципу, мол, сам дурак. Признавая естественным желание победы своей стране, ученые, писатели и художники не должны были вступать в публичную перебранку, от которой лично Кареев испытывал чувство коллегиального стыда. С ним солидаризировался другой известный историк и социолог академик М. М. Ковалевский, который также более семи месяцев находился в австрийском плену для гражданских лиц. Он осуждал тот факт, что в информационной войне французы говорят о немцах как о новых гуннах, а немцы обзывают русских варварами. Ему обидно, что интеллектуальные элиты воюющих государств забыли об элементарных правилах межнационального общения[342]. Кареев призывал будущих победителей в войне соблюдать осторожность в патриотических порывах, чтобы не впасть в национализм и не сделаться односторонними в своем развитии, как это произошло с немецкой наукой после 1870 г.

Российские ученые соблюдали дистанцию по отношению к собственному правительству; несмотря на «внутренний мир», разногласия в военной публицистике оставались существенными. Различия не столько в политических взглядах, сколько в степени интегрированности в международное сообщество и в интенсивности научных контактов с учеными Германии и Австро-Венгрии определяли поведение того или иного ученого. Немалое значение имело и ощущение ими прочности своего социального положения и отсутствие формальных поводов для обвинения в антипатриотизме и германофильстве. Здесь особенно уязвимыми были российские ученые с немецкими фамилиями. Это ярко проявилось во время антинемецких погромов 26–29 мая 1915 г. в Москве. При попустительстве, а порой и прямом участии местных властей стотысячная толпа разгромила 475 торговых заведений, 207 квартир и домов[343]. Во время беспорядков погибли 5 человек, из них 4 женщины, а пострадавшими были признаны 113 немецких и австрийских подданных, а также 479 российских подданных с немецкими или похожими на немецкие фамилиями.

---

[340] *Маурер Т.* «Война умов» и общность европейцев. С. 76.

[341] *Кареев Н.* Пять недель в германском плену // В немецком плену. М.: Наши дни, 1915. С. 11–20.

[342] *Ковалевский М.* В плену // Невский альманах. Жертвам войны писатели и художники. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1915. С. 82–86.

[343] «Патриотическое» бесчинство // Русская народная линия. URL: http://ruskline.ru/history/2015/06/10/patrioticheskoe_beschinstvo/ (дата обращения: 20.10.2017).

В отличие от Германии, в России не был сформирован единый научный фронт против ученых враждебных государств, включая и тех, кто подписал оскорбительные декларации. В своих ответах ученые России продемонстрировали верность нормам и ценностям «республики ученых» и не стремились огульно рвать вековые связи из-за вспыхнувшей войны. Они прекрасно понимали, что война неизбежно закончится, и старались не создавать дополнительные препятствия для возобновления сотрудничества в будущем. Российские ученые, с одной стороны, осуждали своих оппонентов, а с другой — подчеркивали необходимость сохранения общих ценностей. Так, например, Н.К. Кольцов, анализируя отражение войны в английских и североамериканских престижных журналах «Природа» (*Nature*), «Знание» (*Knowlegde*) и «Научная Америка» (*Scientific American*) в 1914 г., призывал дистанцироваться от психоза первых месяцев и не предпринимать полного бойкота немецкой науки[344]. По его мнению, самым ужасным последствием войны будет то, что она «посеет рознь и злобу между народами», и обязанность «всякого ученого, к какой бы стране он ни принадлежал, применять все меры, находящиеся в его распоряжении, чтобы ослабить эту злобу и ненависть»[345]. Тем самым Кольцов практически буквально повторил слова биолога-эволюциониста Я. Лотси из нейтральной Дании, напечатанные еще 24 сентября 1914 г. Ученый секретарь Датского научного общества призывал ученых воюющих стран соблюдать спокойствие в обстановке психоза войны и ненависти, так как по окончании войны всё равно придется налаживать международные отношения, и в этом деле особенно велика будет роль науки[346].

Коллективные воззвания российских ученых с обоснованием прав и притязаний исторической миссии своей страны и культуры против устремлений и планов противника были одним из первых ярких пропагандистских эпизодов начавшейся войны. Другой формой «мобилизации интеллекта» стало участие российских ученых в различных сборниках и общественных комитетах. Они усвоили преподанный им урок о хрупкости научного интернационала и приступили к созданию науки, ориентированной прежде всего на национальные интересы и в бóльшей степени обладающей самодостаточностью и автономностью. Новые оценки научных партнеров, внезапно ставших врагами, базировались на сходной аргументации ученых России и союзных стран, что свидетельствовало об установлении новой системы международных отношений, где Германия теряла центральную роль.

Особенно ярко это проявилось в Международной ассоциации академий (МАА), созданной в 1899 г. и объединявшей к началу войны 24 академии разных стран как для реализации важных корпоративных проектов, так и для регулярных совместных заседаний[347]. Это была довольно рыхлая организация, которую составили академии стран, входящих в различные военно-политические блоки. Шесть из них находилось в Центральных державах, 10 — в нейтральных странах (Дания, Гол-

[344] *Кольцов Н.К.* Отражение войны... Стб 155–164.

[345] Там же. Стб 163.

[346] *Lotsy J.P.* Renunciation of Honorary Degrees // Nature. 1914. Vol. 94. No 2344. P. 88.

[347] *Grau C.* Die Preußische Akademie und die Wiederanknüpfung internationalen Wissenschaftskontakte nach 1918 // Die Preußische Akademie der Wissenschaft zu Berlin 1914–1945 / Hrsg. W. Fischer. Berlin, 2000. S. 279–315.

ландия, Испания, Норвегия, Швеция, Швейцария и др.), а остальные — в странах Антанты. Начало войны означало конец плодотворной работы МАА, как и большинства других международных научных ассоциаций и обществ. Осенью 1914 г. Прусская королевская академия, председательствовавшая в тот момент в МАА, предложила Амстердамской академии, расположенной в нейтральной стране, принять на время войны ее полномочия[348]. Амстердамская академия согласилась при условии поддержки такой передачи ведущими научными учреждениями Англии, Франции и России. Императорская академия наук в Петербурге согласилась, а Королевское общество в Лондоне и особенно Французская академия наук отказались поддерживать любые контакты с академиями Германии и Австро-Венгрии, и МАА де-факто перестала существовать. Более устойчивым оказался Международный совет по исследованию моря. К началу войны это была хорошо известная организация, объединявшая ученых девяти европейских стран и США и имевшая амбициозные планы совместных исследований, плавучих лабораторий и экспедиций. Хотя война и здесь разорвала международные связи, включая переписку ученых, российским специалистам удавалось получать информацию об океанографических исследованиях других стран благодаря посредничеству скандинавских коллег[349].

Вместо нее после войны страны-победительницы, но уже без России, в июле 1919 г. создали в Брюсселе Международный совет исследований в области естественных наук (МСИ), в котором ведущую роль играли академии Франции и Бельгии, а академии и общества стран, проигравших войну (Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии и Турции), в нее не допускались[350]. В отличие от МАА, занимавшейся только формальной координацией работ, выходящих за пределы компетенции национальных академий, и организацией конгрессов по отдельным дисциплинам, МСИ представлял собой сеть специализированных научных союзов в естественных науках[351]. Сходной была и организационная структура Международного академического союза, объединившего в 1919 г. научные ассоциации по гуманитарным специальностям, куда Россию также фактически не пустили, так как ее представляли там два историка-эмигранта, академики П. Г. Виноградов и М. И. Ростовцев. Таким образом, раскол научного сообщества в годы войны предопределил конфигурацию организации науки в международном масштабе сугубо по политическим соображениям. Это отражало переход от академического интернационализма к системе национально-государственной науки. Вместе с тем снижение потока информации, одним из показателей которого является цитируемость,

---

[348] Протоколы ОС ИАН. 1914. С. 159. § 209; 1915. С. 2. § 3.

[349] *Лайус Ю. А.* Международная кооперация. Рыбные ресурсы и развитие рыбохозяйственной науки в России накануне, во время и после Первой мировой войны // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 149–150.

[350] *Iaria A., Waldinger F.* International Knowledge Flows: Evidence from the Collapse of International Science in the Wake of WWI. July 8, 2015. URL: http://econ.as.nyu.edu/docs/IO/41100/waldinger2015.pdf. (дата обращения: 01.02.2017).

[351] *Дмитриев А. Н.* От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 32–56.

практически не связано с бойкотом. Недавно на обширной базе данных было показано, что главную роль здесь играли военные условия и сложности с получением новейшей литературы. Как только была восстановлена нормальная циркуляция работ, цитируемость и в победивших, и в побежденных странах установилась примерно на прежнем уровне.

4.3. Суверенная наука

Первая мировая война дала мощный толчок к освобождению российской науки от доминирующего немецкого влияния, ускорила процессы: образования национальных научных сообществ по отраслям знания; создания сети научных журналов на русском языке; построения сети научно-исследовательских институтов, охватывавших всю территорию России. Одним из оснований для действий в этих направлениях был тезис о том, что Западная Европа пребывает в кризисе, ее ученые ожесточены друг против друга, и Россия должна выбирать свой путь, сконцентрировавшись на задачах, имеющих государственное значение. Принципиально новая ситуация в научном сообществе Европы показывала, что здесь не должно сохраниться прежнее доминирование немногих государств. Как российский рынок должен был освободиться от засилья немцев и их посредничества в мировой торговле, так и русская наука должна была стать независимой от других стран, не тяготея ни к одной из национальных моделей. Война свидетельствовала, сколь велика роль науки в будущем, и выбор собственной модели для России представлялся актуальным.

Война подвергла серьезному испытанию идеалы бескорыстного и нейтрального научного исследования по ту сторону всех национальных и классовых границ, как и убеждение в возможности обеспечить международное право и справедливость в науке. Подорвана была даже вера в гипотетическую реализацию идеала интернационального научного сообщества в связи с коренной реконструкцией всей системы международных научных организаций и мероприятий, что с неизбежностью сказалось и на уровне и характере сотрудничества между странами. В ходе войны изменилась сама суть связи научных исследований с политическим и социальным развитием, а значит, и с национально-государственными факторами. Международная научная кооперация даже на личностном уровне в огромной мере стала зависеть от организационных систем сотрудничества и их государственного регулирования. Как правильно отметил Г. Поль, не использование науки и технологий в военных целях было новым в Первой мировой войне, но масштаб произошедших изменений превратил предшествовавшие отношения в некую доисторическую эпоху[352]. Беспорядочность сменилась институциализацией, случайность консультаций — регулярностью и постоянными запросами, а зависимость от прометеевских открытий — безостановочными улучшениями существующих технологий. Технологический прорыв Первой мировой войны был не чисто техническим, а институциональным и организационным. Конечно, столкновения интересов, борьба за научную гегемо-

[352] *Paul H.* From Knowledge to Power. The Rise of Scientific Empire in France, 1860–1939. Berkeley: California University Press, 1985.

нию и национально окрашенное соперничество (особенно в германо-французских и англо-французских отношениях) встречались и раньше[353]. Но для русских ученых западноевропейская наука казалась единой, и ее внезапное разделение на враждующие лагеря оказалось неожиданным и требовало коренного изменения собственных представлений о национальном и интернациональном в науке.

Одним из первых на этот вызов постарался ответить Н. К. Кольцов. Признавая, что наука принадлежит всему человечеству, Кольцов вместе с тем подчеркивал, что существует тесная связь «между естествознанием, с одной стороны, и государством и национальностью — с другой»[354]. Это связано с тем, что успехи науки зависят от ее организации, которая «за очень немногими исключениями носит национальный, государственный характер». Высоким социальным статусом науки в Германии, с ее надежной издательской базой и отлаженной системой библиографии, Кольцов объяснял высокую популярность немецких работ в мире. Особенно важным, по его мнению, было то, что все свои работы немецкие ученые печатают в основном на родном языке, не завися от иностранных, часто не очень доброжелательных редакторов и делая свои работы потенциально доступными для широкой общественности своих стран. Для него организационные причины отставания российской науки в значительной степени связаны с низким социальным статусом ученых, с их незащищенностью от всякого рода начальственных поползновений, с невозможностью быстро довести результаты своих исследований до отечественных коллег. Кроме того, это затрудняет выработку собственной терминологии и научного языка, делая отечественные труды недоступными для тех, кто не владеет иностранными языками.

Важным шагом к ликвидации отставания Кольцов считал создание материальной базы для издания научных книг и специализированных журналов на русском языке и пропаганду их достижений за рубежом. Сейчас же русский ученый вынужден свои работы печатать за рубежом, чтобы донести их до специалистов. Война, закрыв привычные каналы для печатания русских работ за рубежом, резко ускорила создание сети журналов на русском языке. Особенно преуспели в этом биологи и геологи, создав в течение двух-трех лет несколько первоклассных журналов: «Геологический вестник» (1914) под редакцией Н. И. Андрусова, «Журнал микробиологии» (1914) под редакцией Г. А. Надсона, «Вестник русской флоры» (1915) под редакцией Н. И. Кузнецова, «Гидрогеологический вестник» (1915) под редакцией П. В. Отоцкого и А. Д. Стопневича, «Русский архив анатомии, гистологии и эмбриологии» (1916) под редакцией А. С. Догеля, «Журнал Русского ботанического общества» (1916) под редакцией И. П. Бородина, «Русский зоологический журнал» (1916) под редакцией А. Н. Северцова, «Зоологический вестник» (1916) под редакцией В. М. Шимкевича и В. А. Догеля, «Вестник прикладной химии и химической технологии» (1916) под редакцией И. А. Тищенко, «Русский физиологический журнал им. И. М. Сеченова» (1917) под редакцией Б. И. Словцева и др.

[353] *Crosland M.* Science and Franco-Prussian War // Social Studies Science. 1976. Vol. 6. No 2. May. P. 185–214; *Crawford E.* The Universe of International Science, 1880–1939 // Solomon's House Revisited: The Organisation and Institutialisation of Science / Ed. T. Frängsmyr. Canton: Science History Publ., 1990. P. 251–269.

[354] Цит. по: *Кольцов Н. К.* Национальная организация науки. Стб 1017.

В создание новых журналов включились и гуманитарии. С 1917 г. в течение нескольких лет издавался «Русский исторический журнал» под редакцией В. Н. Бенешевича. МНП обещало с 1917 г. субсидировать и выпуск журнала «Мусульманский мир». Московский научный институт, начавший свою издательскую деятельность в 1916 г., даже предложил создать специальный съезд по организации на национальном уровне системы научной периодики в России.

На примере «Журнала микробиологии», который выходил с 1914 г., видно, сколь своевременным оказалось это начинание, продиктованное желанием облегчить русским ученым знакомство с трудами собственных коллег и снизить зависимость их публикаций от зарубежных изданий. Как отмечала редакция в первом номере, «зависимость эта неприятна вообще с точки зрения национального сознания и в практическом отношении может оказаться тягостной»[355]. Рецензируя первые пять выпусков нового журнала, профессор Лесного института, ботаник, физиолог растений Л. А. Иванов отмечал, что актуальность задач, поставленных редакцией нового журнала, с началом войны стала очевидной и для представителей других отраслей. Реальный объем журнала намного превысил первоначально планируемый (26 вместо 15 п. л.), а статьи уже охватывают широкий круг проблем, включая исторические исследования и обзоры современной литературы. По его мнению, для российских зоологов и ботаников «иметь научный журнал на родном русском языке значит не только осуществить свое право, но и исполнять свой долг»[356].

Правда, из-за начавшегося вскоре экономического кризиса эти журналы не выходили несколько лет, а издание других было недолгим. Например, журнал «Русский почвовед», первым редактором которого был приват-доцент Московского университета агроном и почвовед А. А. Ярилов, выходил менее трех лет (1916–1918). Но в целом независимая национальная издательская база для публикации отечественных работ была создана. Многие видели в этом возможность явить миру достижения российской науки в концентрированном виде. Так, знаменитый гистолог А. А. Заварзин, активно участвовавший в создании журнала «Русский архив анатомии, гистологии и эмбриологии», писал его основателю А. С. Догелю: «Теперь русская наука... не будет разбрасываться по задворкам заграничных изданий, и иностранцы научатся больше ее уважать»[357].

Эти идеи активно поддерживали и развивали представители гуманитарных наук. «Вспомним, — эмоционально писал М. И. Ростовцев, — как ничтожно у нас количество научных журналов. До сих пор, несмотря на все попытки, у нас нет ни одного научного исторического журнала, достаточно осведомленного и авторитетного. Наша гордость — востоковедение — разбрасывает свои статьи везде и всюду»[358]. Отсутствие таких журналов, издаваемых Академией наук, не позволяет заявить о себе молодым ученым, не приучает их к «необходимости постоянной научной

[355] Цит. по: *Иванов Л. А.* Журнал микробиологии, издаваемый под редакцией проф. Г. А. Надсона // Журнал микробиологии. 1914. Т. 1. № 1–5. Стб 483.

[356] Там же. Стб 484.

[357] Академик Алексей Алексеевич Заварзин / Отв. ред. В. Я. Бродский; сост. А. А. Заварзин, В. А. Отеллин. М.: Ин-т биологии развития РАН, 1994. С. 98.

[358] *Ростовцев М. И.* Международное научное общение. С. 80.

продуктивности», препятствует созданию обстановки постоянно действующего информационного пространства, обмена идеями, методами, трудами, рассчитанными на специальную аудиторию. Ратовал Ростовцев и за организацию научных съездов гуманитариев, доказавших свою эффективность в естественнонаучных дисциплинах. «Русская и всеобщая история, история искусства, философия, классическая филология, юриспруденция <...>, — писал он, — нуждаются в регулярном научном общении лиц, ими занимающихся. И это дело надо поставить на твердые основы. Только тогда мы в состоянии будем во всеоружии и с надлежащим весом выступить в качестве полноправных членов международной научной семьи»[359].

Естественники оказались лучше подготовлены к достижению обозначенных Н. К. Кольцовым и М. И. Ростовцевым целей. Интенсивно шел процесс институционализации национальной науки путем создания русских научных обществ при ИАН. Соответствующее решение было принято ОС 26 ноября 1915 г.[360] В течение нескольких месяцев было создано три крупных общества: Русское ботаническое общество (декабрь 1915), Русское палеонтологическое общество (январь 1916) и Русское физиологическое общество (апрель 1917). Всем им пришлось пережить многие драматические события в своей истории, познать годы и бурного подъема, и упадка, но, преодолев трудности и невзгоды, на протяжении десятилетий сохранить важнейшую интегрирующую функцию российской науки и отпраздновать в 2015–2017 гг. свои столетние юбилеи.

Далеко не всем учрежденным в те годы журналам была суждена долгая жизнь. Профессор Лесного института и вице-президент Докучаевского почвенного комитета ГУЗиЗ П. В. Отоцкий возглавлял также Гидрологическую комиссию Русского географического общества[361]. Вместе с А. Д. Стопневичем он в годы войны стал издавать «Гидрологический вестник», но столкнулся с большими трудностями. Только в апреле 1916 г. было получено разрешение военной цензуры на выпуск четырех отпечатанных номеров за 1915 г. Последний сдвоенный номер за 1916 г. был напечатан только в 1918 г., когда сам Отоцкий уже работал в Швеции.

Волна учреждения русскоязычных журналов и национальных научных обществ в первые годы войны свидетельствовала об изменении коммуникативной стратегии русских ученых, ускоренной разрывом контактов с ведущими научными государствами, традиционными партнерами российской науки. Это была не только враждебная Германия, но и союзная Франция. В Германии стало невозможно печатать статьи. Но и Франция была ненамного доступнее из-за сложностей с их пересылкой. Внезапность разрыва коммуникативных связей побуждала в ускоренном темпе отстраивать суверенное научно-исследовательское пространство на территории Российской империи. Предполагалось, что ученые станут действовать в рамках самодостаточных научных сообществ в большинстве дисциплин.

[359] Там же. С. 81.

[360] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 163–164. § 231.

[361] *Fedotova A., Hakkarainen J.-P., Hallberg L.* Additions to the Biography of Pavel Vladimirovič Otockij (Based on Archival Materials from Prague and Stockholm) // ИБИ. 2014. Т. 6. № 2. С. 57–61; *Самокиш А. В.* Новые документы о деятельности П. В. Отоцкого в Докучаевском Почвенном комитете // ИБИ. 2016. Т. 8. № 4. С. 112–117.

В названиях журналов и обществ подчеркнуто патриотично звучала их национальная принадлежность, но статьи в первых номерах печатались на английском и французском языках. Несмотря на изоляцию военного времени, русские ученые предпочитали печататься на иностранных языках, не желая сужать аудиторию своих читателей. Для создания самодостаточных сообществ требовалось время и определенная социально-экономическая среда, в которую были бы погружены ученые, а также постоянная читательская аудитория коллег и учеников. Для создания такой среды нужны были усилия всего общества на государственном уровне для координации работ и исключения конкуренции между вновь создаваемыми журналами и обществами. Хотя ученые и предполагали, что все проблемы могут быть решены на очередном съезде естествоиспытателей и врачей, вряд ли это действительно было возможно.

Уповая на новое восприятие соотношения транснационального и национального в науке, Н. К. Кольцов заклинал: «Великая национальная задача <...> выполнима лишь при единодушном сочувствии со стороны всех русских ученых. Настало время объединиться на этой далекой от узкого шовинизма задаче: поднять научную производительность нашей богатой природными силами страны и тем способствовать процветанию мировой науки»[362]. Но построение суверенной науки требовало серьезных финансовых затрат, в том числе на выписывание новых русских журналов, в то время как многие по-прежнему предпочитали тратить деньги на иностранные журналы, надеясь русские получать бесплатно. Да и с деньгами в условиях ухудшения продовольственного снабжения и усиления дороговизны становилось всё сложнее. По мнению Кольцова, все российские научные и образовательные учреждения «должны поставить на первый план правильную поддержку организованной русской научной издательской деятельности», а «национальную организацию русской науки» он считал «делом самой высокой важности», способным искупить великие потери в войне и обеспечить подъем русской культуры. При этом оставалось неясно, кто будет обеспечивать эту правильную организацию, и вообще кто сможет отделить правильную организацию от неправильной.

Тем не менее война способствовала становлению государственно-национальной науки. Отсутствие контактов с немецкоязычными коллегами вело к тому, что молодые ученые не идентифицировали себя с зарубежными научными сообществами, так как не имели возможности печататься в иностранных журналах. Из-за отсутствия зарубежных поездок падал уровень владения иностранными языками, что создавало трудности для общения в будущем. Даже представители биологических дисциплин, печатавшиеся до войны на немецком языке, как, например, Н. К. Кольцов и И. И. Шмальгаузен, были вынуждены переходить на отечественные журналы.

В целом борьба за суверенную науку укладывалась в общую тенденцию рассмотрения исторической роли войны для России как возможности «национального самоопределения» и осознания себя русской нацией и русским государством через освобождение от немецкого духовного гнета. Так думали в те годы многие либеральные историки, экономисты, юристы, философы: Б. П. Вышеславцев, Э. Д. Гримм,

[362] *Кольцов Н. К.* Национальная организация науки. Стб 1040.

С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой, П. Б. Струве и др.[363] Однако истеблишмент России, включая «властителей умов» и интеллектуальную элиту, не смог сплотить страну в «единую нацию» ради «священной войны», как это было в Германии и во Франции[364]. Россию, пережившую незадолго до того позор поражения в русско-японской войне и революции 1905 г., а затем реакцию и начало нового резкого противостояния власти и оппозиции в начале 1910-х гг., было невозможно мобилизовать на лишения и жертвы во имя традиционного официального лозунга «За Веру, Царя и Отечество». Не имели поддержки в обществе и культивируемые некоторыми оппозиционными кругами идеи русского империализма, апеллировавшие к историческому предназначению России для защиты славян и русской культуры от современных гуннов, для контроля над Царьградом, проливами и святынями православия.

Ученые и мыслители России не смогли сформулировать идеологическую концепцию или хотя бы идею общенационального значения, способную стать механизмом мобилизации разных слоев общества. Не удалось им создать эффективную систему агитации и пропаганды, так как гуманитарии оказались не готовы к информационной войне даже в своей среде, а доктрины официального патриотизма, русского национализма и национал-либерализма работали только до первых крупных неудач 1915 г. Правда, в отличие от русско-японской войны либеральная научная интеллигенция и после этих неудач не поддержала идеи пораженчества и даже после Октябрьской революции выступала против сепаратного мира.

Ультрапатриотический угар сменился демонизацией Германии и призывами к полной независимости от нее в научном и экономическом отношении[365]. Но и здесь научное сообщество было пассивно, опасаясь необратимости разрыва отношений со своими многовековыми учителями, коллегами и партнерами. Беспрецедентное сопротивление государственных научных учреждений и высших учебных заведений властям против исключения подданных враждебных государств из числа иностранных членов свидетельствовало, что идею научной независимости и самодостаточности сами ученые не воспринимали всерьез. Она не стала их внутренним императивом, а была взята на вооружение только в силу обстоятельств, неожиданно исключивших русскую науку из ее привычного немецкоязычного пространства и сделавших ненужным признание в нем как главный показатель персональных достижений. Декларируя национальную научную автаркию, российские ученые и прежде всего гуманитарии не были полностью уверены в ее возможности и бросились на поиски новых партнеров.

С весны 1915 г. в научной публицистике центральное место занимают задачи смены культурных ориентиров и установления научного сотрудничества с союзниками. На фоне углубляющегося социально-экономического кризиса всё актуальнее становилась задача обоснования исторической правоты российского империализма.

---

[363] *Носков В. В.* Первая мировая война и русская идея // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 25/2. С. 50–87.

[364] *Дьячков В. Л., Протасов Л. Г.* Великая война и общественное сознание. С. 59.

[365] *Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В.* Академический патриотизм. С. 20.

Глава 5

СМЕНА ОРИЕНТИРОВ И ПЕРЕСТРОЙКА МЕЖДУНАРОДНЫХ СЕТЕЙ

5.1. Традиции немецко-русского сотрудничества

На протяжении всей своей истории до Первой мировой войны российская наука развивалась в неразрывном единстве с наукой в немецкоязычных странах[366], хотя тесны были и связи с французскими учеными. Специфическими особенностями русско-немецких научных связей в предвоенный период были: а) их более чем двухвековая история теснейшего взаимодействия и практически единого развития в рамках общих школ и направлений; б) привнесение науки в Россию из Германии; в) двухвековое вхождение в состав России прибалтийских губерний, в которых преобладала языковая немецкая культура; г) широкое использование немецкого языка в научной литературе в России в XVIII и XIX вв. При этом особое значение имели персональные и дисциплинарные контакты, обусловливавшие общие направления исследований, обучение русских студентов в Германии и подготовку там же магистерских и докторских диссертаций, институциональные формы сотрудничества, членство в научных сообществах и академиях. На протяжении всего XVIII и значительной части XIX в. большинство членов ИАН составляли немцы, но их доля неуклонно снижалась. Если в XVIII в. из 113 академиков немцев было 62 чел. (54,8%), а русских — 29 (25,6%), то на протяжении XIX в. из 177 академиков немцев было 57 чел. (32%), а русских — 101 (57%). Были ученые из других стран Европы и подданные Российской империи других национальностей. Среди 38 академиков на день начала Первой мировой войны кроме русских и немцев были поляки, французы, шведы, украинцы и т. д., а среди сотрудников — армяне, греки, литовцы, грузины, евреи, сербы, финны, чехи и т. д.[367] К началу войны в составе Академии наук было 4 академика немецкого происхождения (10%), родившиеся в России (В. В. Бартольд, К. Г. Залеман, Ф. Е. Корш и сам непременный секретарь С. Ф. Ольденбург), и только один уроженец Берлина В. В. Радлов. В то же время немцы доминировали среди иностранных подданных ИАН (34,4%)[368]. Это означало, что зарубежная наука на треть была представлена германскими учеными, несмотря на то что уже с 1890-х гг. союзниками нашими были Франция, а затем и Англия.

---

[366] Deutsche im Zarenreich und Russen in Deutschland: Naturforscher, Gelehrte, Ärzte und Wissenschaftler im 18. und 19. Jahrhundert / Hrsg. D. von Engelhardt & I. Käsnter. Bde. 1–12. Aachen: Shaker, 1993–2005; Немцы в России. Вып. 1–14. СПб., 1997–2015; Русско-немецкие связи в биологии и медицине. Вып. 1–4 / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб., 2000–2003; Naturwissenschaft als Kommunikationsraum zwischen Deutschland und Russland im 19. Jahrhundert. International Tagung, Leipzig; 29.9.–1.10.2010 / Hrsg. O. Riha, M. Fischer. Aachen: Shaker, 2011.

[367] Памятная книжка Императорской Академии наук на 1914 г. Выпущена 20 марта 1914 г. СПб.: Тип. ИАН, 1914. С. 25–41.

[368] *Виноградов Ю. А.* Немцы Императорской Академии наук в годы «великой войны» // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 168–169.

Исторически это объясняется тем, что с XVIII в. в Россию охотно ехали немецкие ученые, которым нелегко было реализовать творческие замыслы на родине, так как стать доцентом или профессором в университетах было сложно. Пути немецких ученых в российскую науку были различны. Одни из них приехали в Россию как врачи, и лишь в России раскрылся их талант естествоиспытателей. Других с самого начала приглашали для научной работы. Были и такие, кто уже имел международное научное признание, был членом престижных научных обществ и академий и ехал в Россию, надеясь принять участие в широкомасштабных экспедициях в регионы, неизвестные тогдашней науке. Вхождение в Россию прибалтийских губерний, в которых преобладала немецкая культура, и наличие многих немцев на государственной службе облегчало адаптацию приезжавших иностранцев к русским условиям. Были и такие, кто или родился в России, или приехал сюда с родителями в столь юном возрасте, что Россия фактически была для них родиной. По-разному сложились их судьбы. Одни, несмотря на короткое пребывание в Петербурге, сумели выполнить ряд первоклассных исследований и, уехав из России, продолжали поддерживать постоянные контакты с ИАН. Деятельность других в России продолжалась десятки лет, и лишь незадолго до смерти они покинули ее. Для третьих Россия стала местом, где окончился их жизненный путь. Преобладание немцев в формирующемся научном сообществе обусловило широкое использование немецкого языка в естественнонаучной литературе, выпускавшейся в России, вплоть до начала XX в. И профессора немецкого происхождения составляли значительную часть преподавательского корпуса любого университета.

Наука, привнесенная из-за рубежа, вызывала подозрение и неприятие со стороны разных слоев российского общества, что с самого начала придавало ей сугубо государственный характер. Сами ученые считали науку важнейшим средством для достижения глобальных политических, военных, экономических и просветительских задач страны и убеждали в этом власть и общество. Но бóльшая часть духовенства и высшего дворянства не интересовалась естественными науками. Не сулила наука быстрой карьеры и выходцам из низших слоев[369]. Вместе с тем приезд в Петербургскую академию художеств и наук молодых естествоиспытателей, хорошо знавших состояние науки того времени, способствовал быстрому становлению в России различных отраслей знания и вхождению российских ученых в мировую научную элиту[370]. Они способствовали быстрому становлению Санкт-Петербургской академии как одного из главных центров мировой науки. Им удалось своим энтузиазмом «заразить» нескольких молодых россиян, как правило, выходцев из низших слоев, получивших благодаря таланту и непрерывному труду естественнонаучное образование и написавших первые научные работы на русском языке. Часто обучение и первые научные исследования шли одновременно, что способствовало быстрому созреванию творческого потенциала первых русских академиков-естествоиспытателей.

[369] *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук. Л.. Наука, 1977. С. 140–143, 188.

[370] Подробнее см.: *Колчинский Э.И.* Академия наук и становление естественной истории в России // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. С. 83–116.

Эти традиции продолжали культивироваться и развиваться на протяжении последующего времени вплоть до Первой мировой войны. Крупнейшие достижения в российской науке, включая труды С. Н. Виноградского, А. О. и В. О. Ковалевских, И. И. Мечникова, И. М. Сеченова, И. П. Павлова, А. С. Фаминцына и многих других, были так или иначе связаны с исследованиями их немецких учителей и коллег. Русско-немецкие научные связи осуществлялись благодаря постоянным контактам и сотрудничеству в проведении совместных экспедиций и конференций, в образовании и подготовке специалистов и т. д. Многие русские ученые, как и прежде, учились и начинали научную карьеру в Германии. Постоянно шел взаимный обмен идеями и методами в рамках отдельных направлений науки. Сотрудничество ученых, берущее начало в XVIII в., ширилось, укреплялось, захватывая всё новые сферы. Причем факторы социально-политического характера, связанные с территориальными изменениями, войнами, миграцией населения, различием в уровне развития науки, культуры и т. д., играли существенную роль в эволюции форм научного сотрудничества, прочно интегрируя российских ученых в мировую науку.

Ко времени начала Первой мировой войны российское научное сообщество считало науку Германии образцовой и было связано с ней сложной сетью социальных, образовательных и личностных связей. Помимо подражания немецкому эталону и личных контактов, университетские системы были схожи между собой тем, что высшие учебные заведения и большинство научных учреждений в обеих странах были государственными организациями с задачей образовательной подготовки будущих служащих. Обе системы развивались в сходных направлениях в плане дифференциации исследовательского поля, расширения социальной базы профессорско-преподавательского состава и студенчества, увеличения числа студентов, факультетов, институтов. Ученые Германии и России осознавали себя особым сословием, их этос, ценности и самоидентификация были более близки, чем, например, в сопоставлении с английскими или французскими учеными. Это выражалось в объединении всех ученых специальностей в одно понятие «наука» (Wissenschaft) и в квазирелигиозном преклонении перед нею.

Сложившиеся на протяжении двух веков социальные сети между учеными Австрии и Германии оказали огромное воздействие на развитие науки в России в предвоенные десятилетия, а немецкоязычные научные учреждения, общества и университеты традиционно оставались главными научными партнерами Академии наук, Санкт-Петербургского университета, Военно-медицинской академии и т. д.[371] Например, сотрудники ИАН (этнограф Б. Ф. Адлер, историк М. А. Дьяконов, востоковеды К. Г. Залеман, П. К. Коковцов, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов, зоолог Н. Я. Кузнецов, экономист И. И. Янжул и др.) накануне войны регулярно командировывались в Германию для «ученых занятий»: приобретения коллекций, сбора и фотографирования материалов, участия в международных конгрессах и т. д. Российские ученые участвовали в подготовке и праздновании юбилеев Берлинской академии наук, Гёттингенского ученого общества, Шлезвигского общества

[371] Летопись Российской Академии наук. Т. IV. С. 106, 108, 111, 112, 119, 124, 128, 136, 168, 169, 178, 201, 203, 214, 221, 224, 227, 239 и др.

отечественной культуры в Бреслау, Общества естествоиспытателей в Брауншвейге, Бреславского и Лейпцигского университетов, Университета Фридриха-Вильгельма в Берлине и т. д.

Велась работа по совместному изданию сочинений Л. Эйлера, по подготовке Конвенции о защите авторских прав, которую Россия предполагала заключить с Австро-Венгрией, Германией и Францией. Шло взаимное предоставление во временное пользование книг, рукописей и коллекций. Через издательства и книготорговые фирмы в основном Лейпцига (Б. Г. Тойбнер, О. Гаровиц, М. Вег, Г. Фок, В. Либих), а также Берлина (Р. Фриндлендер, В. Джунк), Йены (Г. Фишер) и других городов Германии шло распространение изданий Академии наук и закупка иностранной литературы. Фирма «Мендельсон и К°» способствовала оплате счетов различных немецких фирм и типографий, изготавливавших для ИАН инструменты, аппаратуру, фотографии, таблицы. Весной и летом 1914 г. на Международной выставке печатного дела и графики в Лейпциге был специальный Русский отдел[372].

Традиционно высоким оставался процент немецких ученых, избранных в 1901–1913 гг. в число иностранных членов-корреспондентов (29 из 98) и почетных членов (5 из 14) ИАН. Характерно, что от Англии за этот период было избрано только 2 почетных члена и 9 членов-корреспондентов, а от Франции соответственно 2 и 19[373].

Всё это свидетельствует, что академическое сообщество в предвоенные годы по-прежнему ориентировалось главным образом на связи с учеными Германии, а не со странами-союзниками по блоку Антанта. Вот почему ИАН и тесно связанные с нею профессора столичного университета воздержались от демонстративных верноподданнических действий, сохранили трезвость в шовинистическом угаре и дистанцировалась от той части университетской профессуры, которая призывала разорвать научные связи с учеными из Центральных держав и исключить их из числа почетных членов всех университетов, научных учреждений и обществ. В какой-то степени это была всё еще единая наука, с общей методологией исследований, с общими школами во многих отраслях знания, объединенных сложной сетью личностных связей, которые в одночасье разорвать было нелегко.

5.2. Академический саботаж разрыва русско-немецких научных связей

Инициатива официального разрыва русско-немецких связей была поддержана на уровне Совета министров, который 31 октября 1914 г. предложил императору Николаю II исключить подданных воюющих с Россией держав из состава союзов, обществ, правительственных и частных учреждений, включая Академию наук, Академию художеств, Военно-медицинскую академию, Императорскую Публичную библиотеку, Императорские университеты и т. д. Исключение предлагалось

[372] Сразу после объявления войны с Россией комиссары выставки решили закрыть русский, французский и английский отделы. По обвинению в шпионаже были арестованы генеральный комиссар русского отдела сенатор А. В. Бельгард и его сотрудники. Их несколько дней продержали в заключении, прежде чем разрешили вернуться в Россию.

[373] Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1. С. 496–525.

сделать только для лиц славянского, французского и итальянского происхождения, а также турецких подданных христианских конфессий[374]. Предложение было одобрено императором 19 ноября 1914 г., и всем главным начальникам ведомств было предписано дать соответствующие распоряжения, чтобы очистить свои организации от подданных неприятельских стран.

ИАН была научным учреждением, наиболее близким ко двору, хотя бы потому что ее отнюдь не номинально в то время возглавлял член императорской семьи. Выполняя распоряжение, она с 1 ноября 1914 г. перестала публиковать статьи на немецком языке в своих периодических изданиях. В то же время академики не спешили с исполнением данного распоряжения, хотя были не меньшими патриотами России, чем его инициаторы. У многих сыновья были на фронте, но, осуждая немецких коллег, они не хотели ставить под угрозу сложившуюся сеть международных отношений. Из-за того, что Общее собрание ИАН тянуло с исполнением одобренного императором распоряжения, в январе 1915 г. граф П. Н. Игнатьев дважды беседовал с ее руководителями — вице-президентом П. В. Никитиным и президентом вел. кн. Константином Константиновичем[375]. Последний, несмотря на неприятности, пережитые в Германии в первые дни войны, и гибель любимого младшего сына Олега, отнюдь не собирался поддаваться антинемецкой истерии. 5 ноября 1914 г. он писал в дневнике: «Меня раздражают газеты, затеянная в них травля немцев, издевательство над императором Вильгельмом и неизменные сообщения о германских зверствах. Везде и во всем преувеличения и обобщения. Нельзя, по-моему, огульно обвинять всех немцев за нетерпимые поступки некоторых из них. Издеваться над ещё не побежденным врагом невеликодушно, неблагородно и неумно. — Трудно добраться до правды: немецкие письма и газеты обвиняют нас в том же, в чем мы обвиняем немцев. Очевидно и с той, и с другой стороны много неправды. По-моему, война не должна переходить в ненависть»[376].

О царящих страстях, квасном патриотизме и психологической взвинченности в разных слоях общества по всему политическому спектру хорошо свидетельствует письмо И. П. Бородина к дочери в феврале 1915 г., в котором достается и социалистам, и либералам: «А какие наши левые-ослы-социал-демократы! “Новое время” и в особенности “Вечернее время” упорно травят нашу Академию за то, что мы не исключаем немецких почетных членов. Но в этом отношении нам подала прекрасный пример Парижская академия, да и Берлинская не исключила трех русских»[377]. От «охоты на ведьм» в своих рядах удалось, хоть и с трудом, удержаться Лондонскому королевскому обществу, вопреки кампании в прессе и давлению некоторых собственных членов[378].

---

[374] Приложение I к протоколу Экстраординарного ОС ИАН 14 марта 1915 г. (к § 64) // Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 46–47.

[375] *Соболев В. С.* Августейший президент. С. 76–78.

[376] Дневник великого князя Константина Константиновича. С. 364.

[377] СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 10 об.

[378] *Badash L.* British and American views of the German Menace in the World War // Notes and Records of the Royal Society of London. 1979. Vol. 34. No 1. P. 91–121.

Сопротивление требованиям властей и нагнетаемая в обществе атмосфера имели трагические последствия. «От волнения, — с горечью продолжал Бородин, — наши академики умирают один за другим: в прошлом году мы потеряли четверых, а в этом уже двоих — на днях хоронили Н. Я. Сонина (он был двумя годами моложе меня), а в Москве умер Ф. Е. Корш»[379]. Только 14 марта 1915 г. Общее собрание решило обсудить этот вопрос в отсутствие президента и непременного секретаря, видимо, не желая ставить их в неудобное положение в случае отказа выполнить распоряжение. В ответ на обращение временно управляющего МНП барона М. А. фон Таубе Общее собрание заявило, что «такая чрезвычайная мера, как лишение почетных званий, прежде ни в какие войны в качестве боевого средства не применявшаяся ни нашей Академией, ни другими, не имела бы никаких последствий для учреждения, ее применившего»[380]. По предложению математика А. А. Маркова, поддержанного его коллегами А. М. Ляпуновым и В. А. Стекловым, императорское предписание было отклонено 24 голосами из 25[381]. Не получило поддержки и предложение о временном (до конца войны) исключении всех номинальных членов. Против него проголосовал 21 академик; они ограничились резким осуждением тем почетным членам, которые подписали воззвание «К культурному миру», но и при этом лишь 15 из них посчитали, что подписавшие сделали невозможным для себя общение с ИАН, что скорее звучало как моральное порицание или осуждение, но не юридически правильно оформленное исключение[382].

К протоколу заседания были приложены подробная «Записка по вопросу об исключении из состава Академии наук всех неприятельских подданных, кроме лиц славянского, французского и итальянского происхождения» и «По вопросу об отношении Академии наук к своим почетным членам и членам-корреспондентам, состоящим в подданстве воюющих с Россией держав. Мнение академика А. А. Маркова», поддержанное его коллегами[383]. В «Записке» говорилось, что из иностранных подданных среди ординарных академиков состоит только филолог-славист И. В. Ягич, который как хорват не подпадает под предписание Совета министров. Академики осудили тех почетных членов из Германии и Австро-Венгрии, которые «в известном воззвании, полном голословных утверждений и бездоказательных обвинений, тщетно пытались перед собственным сознанием и культурным миром оправдать действия Германии, вызвавшей губительнейшую войну и варварски ее ведущей»[384]. Академики решительно осудили тех, кто подписал заявление о том, что союзники русских являются врагами европейской

[379] СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 10 об.

[380] Приложение II к протоколу экстраординарного ОС ИАН 14 марта (к § 64) // Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 50.

[381] Там же. С. 44.

[382] К тому времени это стало обычной практикой. Из химических обществ Англии, США и Франции были исключены нобелевские лауреаты А. фон Байер, В. Нерст и Р. Вилльштеттер. Так же действовали сообщества и академии Центральных держав.

[383] Приложение II к протоколу экстраординарного ОС ИАН 14 марта (к § 64) // Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 48–53.

[384] Там же. С. 48.

цивилизации, оклеветав тем самым народ, от которого до этого с благодарностью принимали почетные звания. Об остальных же почетных членах и членах-корреспондентах из Германии и Австро-Венгрии было сказано, что из-за войны с ними связаться нельзя, их позиция неизвестна и их дальнейшее пребывание в списках Академии наук вряд ли нанесет ей вред.

В особом же мнении А. А. Маркова говорилось, что Академия наук занялась этим делом лишь под давлением посторонних влияний и публикаций в газетах[385]. И нет никаких возможностей узнать, что побудило ряд почетных членов подписать оскорбительное воззвание. Но никогда ранее подданство не служило основанием для исключения из почетных членов и членов-корреспондентов Академии в предыдущие войны с Францией и Англией, когда она сохранила в своем составе П. С. Лапласа, Ж. Кювье, М. Фарадея, Дж. Ф. У. Гершеля, избранных за блестящие научные достижения. Нынешние ученые Германии и Австро-Венгрии, напоминал Марков, также попали в число почетных членов Академии наук за персональные научные заслуги, а не за коллективные действия. И поэтому неправильно исключить тех, кто эту записку не подписывал. В то же время ничего не известно о протестах среди немецких ученых по поводу этих заявлений, поэтому нельзя сказать, что они не разделяют его положения. Поэтому предлагалось с исключением не спешить и о каждом, кто «личными действиями покажет враждебное отношение к русским ученым и Академии, иметь особое суждение»[386]. Однако это предложение было отклонено подавляющим большинством голосов. Академики по-прежнему чтили вставанием память своих членов — подданных враждебных государств, ушедших из жизни, а наиболее выдающимся, например, зоологу Т. Бовери, зачитывался некролог на Общем собрании ИАН или заседании ОФМН[387].

9 января 1916 г. Академия наук аналогичным образом ответила на запрос директора канцелярии Финляндского генерал-губернатора[388]. И только 6 февраля 1916 г., спустя год с лишним после одобрения распоряжения Николаем II, требуемое решение было принято при 20 «за» и 11 «против», но и тогда было заявлено, что Академия наук оставляет за собой право «переизбрания отдельных лиц по окончании войны»[389]. Против такой формулировки выступили А. П. Карпинский, В. И. Вернадский, И. П. Павлов, Н. И. Андрусов, А. А. Шахматов, Н. А. Котляревский, В. Н. Перетц, В. В. Радлов, К. Г. Залеман, А. С. Лаппо-Данилевский и М. А. Дьяконов. Правда, в отпечатанных на правах рукописи протоколах этого собрания есть еще один лист с тем же параграфом и теми же номерами страниц, где конечная формулировка звучит более мягко. Здесь ИАН предоставляет

[385] В некоторых публикациях ИАН фактически приравнивалась к врагам Российской империи. Подробнее см.: *Мандрик М.В.* Академия наук и российская пресса в период Первой мировой войны // Актуальное прошлое. Взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. С. 941–948.

[386] Приложение II к протоколу экстраординарного ОС ИАН 14 марта (к § 64). С. 53.

[387] Протоколы заседаний ОФМН. 1915. С. 240. § 558.

[388] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 2. § 4.

[389] Там же. С. 33–34. § 43.

«себе по окончании войны иметь суждение о возможности восстановления исключаемых в указанных почетных академических званиях»[390]. На это расхождение, насколько мне известно, никто не обращал внимания, анализируя практически двухлетние перипетии и цитируя обычно вторую формулировку, которая как будто позволяла потом единым чохом восстановить всех исключенных, что и было сделано 6 ноября 1920 г.[391]

Российских академиков традиционно хвалят за то, что они якобы продемонстрировали «стране и миру приоритет сверхнациональных ценностей в науке»[392]. Однако трудно понять, при чем здесь интернациональные ценности и почему они мешали выполнить требование правительства, в верности и преданности которому ученые клялись ежедневно, ходатайствуя о поддержке и финансировании, не говоря уже о ежемесячном получении жалования. В намного более демократических странах, чем Российская империя (вспомним ту же Германию), профессора и преподаватели, находящиеся на государственной службе, вряд ли могли так вольготно в течение двух лет безнаказанно манкировать указами главы государства, постановлениями правительства и распоряжениями министра, не опасаясь в лучшем случае увольнения, а в худшем — и обвинения в предательстве. Возвращаясь к сильно различающимся формулировкам постановления Общего собрания, трудно принять одну из них за ошибку переписчика или составителя. Уж слишком различаются тексты одного и того же постановления в одной и той же книге, а соотношение голосов в обоих случаях одинаково: «за» — 20, «против» — 11. Правда, в одном случае голосование как бы тайное, а во втором поименное, но нет оснований считать, что какой-то вариант был результатом компромисса. Возможны два объяснения. Первое: Общее собрание изначально приняло два решения. Поскольку мягкое не вызвало возражений со стороны МНП и ультрапатриотических кругов, оно и осталось как официальное. В таком случае права Е. Ю. Басаргина, считающая, что председательствовавший на собрании П. В. Никитин проявил «дипломатическую и филологическую изобретательность»[393]. Второе: формулировка была ужесточена после того, как во время читки протокола 5 марта по требованию К. Г. Залемана были вставлены имена тех, кто голосовал за или против резолюции[394].

В конечном счете формально были исключены из Академии наук 52 здравствующих почетных члена и члена-корреспондента, подданных Австро-Венгрии и Германии. И здесь следует отметить, что ОС ИАН пошло дальше и Совета Петроградского университета, по существу проигнорировавшего предписание Совета министров, одобренное императором, и Парижской академии, исключившей из своего состава только тех немецких ученых, кто подписал воззвание «К культурному миру». Берлинская же академия, по инициативе физика М. Планка и египтолога А. Эрмана, не стала никого исключать, решив, что все вопросы,

[390] Там же.

[391] Летопись РАН. Т. IV. С. 392.

[392] *Басаргина Е. Ю.* Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. С. 507.

[393] Там же. С. 506.

[394] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 48. § 58.

касающиеся академий вражеских стран, не следует рассматривать до окончания войны[395]. Отчасти так же поступили петербургские академики, так как «забыли» перечислить исключаемых, что лишало постановление юридической силы, и оставили за собой право по окончании войны восстановить «исключенных». Характерно, что академики с немецкими фамилиями стремились показать себя особо ярыми сторонниками предписания. Запуганный, видимо, как и другие академики-немцы, К. Г. Залеман требовал внести в протокол голоса тех, кто голосовал за исключение. Просьба была отклонена, так как при тайном голосовании это было невозможно выяснить. Ограничились лишь публикацией общего списка голосовавших за принятие и отклонение резолюции[396]. Из-за затянувшегося решения вопроса о членстве подданных враждебных государств ИАН не издавала «Памятной книжки» Академии на 1915 и 1916 гг. Только 5 ноября 1916 г. было принято решение возобновить издание с января 1917 г. с публикацией только сведений о действительных членах Академии[397].

Под видом борьбы с немецким засильем в Академии наук были отмечены нелепые нападки на лингвистические принципы русского правописания, сформулированные Я. К. Гротом. Созданная в 1904 г. Комиссия по вопросу о русском правописании так и не решилась предложить реформу орфографии, так как четверть ее членов были из немцев и в условиях войны это могло вызвать новые нападки на академию. Тем не менее Академия наук не раз заступалась за коллег, ставших объектом несправедливой травли. 4 марта 1915 г. на заседании ОФМН был заявлен «решительный протест против искажения истины» в опубликованной в газете «Новое время» от 2 марта 1915 г. (№ 13999) статье «Какому Отечеству служат немцы — члены Российской Императорской академии наук», подписанной С. К.[398] В ней академик О. А. Баклунд, швед по происхождению, обвинялся в антипатриотизме и даже в шпионаже из-за того, что перед самой войной он якобы позволил вывезти в Берлин рукописи И. Кеплера, способствовал получению транспорта «Прут» для производства геофизических и гидрологических исследований профессора Потсдамского геодезического института А. О. Э. Геккера и что «Труды Обсерватории» продолжали выходить на немецком языке. Члены ОФМН «выразили академику О. А. Баклунду свое сочувствие и глубокое уважение» и постановили послать за подписью вице-президента П. В. Никитина опровержение для публикации в газете «Новое время»[399], а великий князь Константин Константинович сделал внушение министру просвещения П. Н. Игнатьеву за то, что тот поверил этой клевете[400].

Августейший президент не раз ходатайствовал об облегчении участи профессора Ф. И. Кнауэра, арестованного в Киеве и сосланного в Тобольскую губернию,

[395] Die Preußische Akademie der Wissenschaften zu Belin. 1914–1945 / Hrsg. W. Fischer. Berlin: Akademie Verlag, 2000. S. 6.

[396] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 48. § 58.

[397] Там же. С. 182–183. § 259.

[398] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 72. § 158.

[399] Там же. С. 73. § 158.

[400] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Д. 162. Л. 181.

и добился его перевода в университетской город Томск, где Кнауэр смог завершить подготовку к изданию санскритского текста, порученному ему ИАН[401]. 8 октября 1914 г. ОФМН поддержало предложение В. И. Вернадского, к которому присоединились А. П. Карпинский и Н. И. Андрусов, — просить МНП высказаться в пользу ходатайства профессора Рижского политехнического института Б. К. Досса о переходе в российское подданство, так как его отстранили от чтения лекций как иностранца[402]. Ни один сотрудник ИАН с немецкой фамилией не был уволен во время войны. 29 ноября 1914 г. членом-корреспондентом ИАН был избран российский подданный, но немец по национальности профессор Петроградского политехнического института минералог Франц Юльевич Левинсон-Лессинг.

Как правильно подметил Ю. А. Виноградов, всё это свидетельство того, что академики и руководители Академии не дали ходу германофобским настроениям и продолжали строить отношения с коллегами независимо от их национальной или конфессиональной принадлежности[403].

Не собиралась Академия наук отказываться и от немецкой периодики. На заседании Постоянной библиотечной комиссии, состоявшемся 12 декабря 1915 г., В. И. Вернадский подчеркнул необходимость выписывать главные научные журналы на немецком языке, что крайне важно не только для плодотворной исследовательской деятельности, но и для информации о достижениях в прикладных областях знания[404]. Это предложение было принято единогласно, и список журналов, составленный В. И. Вернадским, был утвержден Общим собранием без изъятий. Вместе с тем война отразилась на составе иностранных членов Академии. Вплоть до 1922 г. ни один немецкий ученый не был избран ее иностранным членом-корреспондентом. В 1914–1918 гг. в их число было выбрано 4 француза, 4 англичанина, 2 бельгийца, 2 норвежца и 1 чех[405].

В литературе укоренилось мнение, что в отличие от Академии наук профессура Петроградского университета заняла шовинистическую позицию по отношению к немецким коллегам. Недавно эта версия была подвернута серьезной ревизии[406]. Столичный университет не менее Академии наук стремился действовать осторожно, так как его связи с немецкой наукой также носили длительный и тесный характер, включая постоянные публикации профессоров в немецких научных журналах, работу в немецких библиотеках, архивах и лабораториях, стажировки студентов и преподавателей в немецких университетах и т. п. Российская профессура всегда приводила властям немецкие университеты в качестве образца для подражания и примера успехов науки при автономии и самоуправлении. Из 66 иностранных почетных членов Императорского Петербургского университета, избранных в период с 1830 по 1917 г., немецких ученых был 31 (47%),

[401] Летопись РАН. Т. IV. С. 257.

[402] Протоколы заседаний ОФМН. 1914. С. 251. § 629.

[403] *Виноградов Ю. А.* Немцы Императорской академии наук в годы «великой войны». С. 177.

[404] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 21.

[405] Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 1. С. 525–528.

[406] *Ростовцев Е. А.* Казус профессора фон Листа. С. 308–314.

в то время как французов 10 (15%), а англичан 7 (10,5%)[407]. Десятки немцев по происхождению были в профессорско-преподавательском корпусе, включая ректора Э. Д. Гримма. Они, правда, и здесь чаще всего оказывались наиболее последовательными патриотами.

Вопрос об исключении иностранных ученых впервые поставил гистолог А. С. Догель на заседании Совета университета 1 сентября 1914 г., на котором обсуждалось разрушение немецкими войсками Лувенского университета. Помня о немецких корнях, Догель стремился опередить возможный ход событий в разгорающейся кампании поиска внутренних врагов, позиционируя себя как ультрапатриота. Он предлагал объявить бойкот немецким коллегам за зверские поступки «варваров XX века — германцев» (не выписывать немецкие журналы, не покупать в Германии и Австро-Венгрии книги, приборы и препараты, не печатать научные труды на немецком языке), и вообще, воспользовавшись удобным моментом, избавиться от немецкой опеки в России. До этого Догель достаточно интенсивно взаимодействовал с немецкими учеными, неоднократно бывал в Германии и с удовольствием печатался не только в немецких журналах, но и издавал книги на немецком языке в немецких издательствах. Тем не менее в качестве первой меры он предложил исключить из почетных членов университета ученых Германии и Австро-Венгрии, «которые позорят и унижают науку»[408]. Против выступил декан физико-математического факультета В. М. Шимкевич, который едко заметил: «Прежде всего, задавшись какой-нибудь целью, надо считаться с тем, можно ли ее выполнить»[409]. Декан отметил, что, конечно, лучше не закупать у Германии и Австрии препараты и приборы, но «технологически это неосуществимо». Кроме того, он указал на временный характер всех войн, которые мы когда-либо вели с французами, англичанами и японцами, а теперь они наши союзники. Особенно резко Шимкевич выступил против исключения почетных членов.

Однако после одобрения Николаем II постановления Совета министров от 31 октября 1914 г. об исключении подданных государств, воюющих с Россией, пришлось вернуться к этому вопросу. Понимая, что вряд ли удастся добиться согласия Совета, Э. Д. Гримм предложил исключить профессора Берлинского университета Ф. фон Листа как подписавшего воззвание «К культурному миру». В дальнейшем же в отчетах просто не упоминались фамилии других почетных членов, подданных Германии и Австро-Венгрии, зато всячески рекламировался официальный патриотизм, избрание в почетные члены короля Бельгии Альберта, верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, председателя Государственной думы М. В. Родзянко. Ректор и Совет фактически проигнорировали правительственное требование об исключении «подданных вражеских стран» и в то же время в рамках либерально-патриотического дискурса продемонстрировали лояльность власти.

Иная ситуация сложилась в Московском университете, где либеральная профессура была изгнана еще в 1911 г. В обстановке германофобии там из числа по-

[407] *Ростовцев Е. А.* Казус профессора фон Листа. С. 308.

[408] Протоколы заседания совета Имп. Петроградского университета за 1914 г. № 70. С. 79–80.

[409] Цит. по: *Ростовцев Е. А.* Казус профессора фон Листа. С. 310.

четных членов исключили около 70 германских поданных[410]. Рижский, Юрьевский и Киевский университеты также исключили из числа почетных членов всех германских и австрийских подданных, а в некоторых случаях даже были приняты меры к изъятию ранее выданных почетных дипломов. Изгнание без дискуссий прошло на заседании Совета Лесного института 20 января 1915 г., единогласно проголосовавшего за исключение из числа почетных членов и членов-корреспондентов 9 немецких профессоров[411]. Увольнение порой касалось и немцев — подданных России, как это случилось с профессором кафедры сравнительного языкознания Киевского университета Ф. И. Кнауэром, обвиненным в том, что его дети сражаются в Германии, и арестованным по ложному навету. В опалу попал и доктор классической филологии И. Э. А. Лециус — директор Нежинского историко-филологического института князя А. А. Безбородко.

Поиск «врагов» не ограничивался исключением германских и австро-венгерских подданных из научных учреждений и университетов. Ученые участвовали в переименовании городов, улиц и площадей, носивших немецкие названия, изменяли названия научных обществ, члены которых были иностранцами из враждебных стран. В соответствии с распоряжением Совета министров все существовавшие в России союзы, собрания, клубы и общества, включавшие неприятельских подданных, подлежали закрытию, а на губернаторов была возложена персональная ответственность за его исполнение. В порыве патриотической мобилизации в январе 1915 г. была приостановлена деятельность Вольного экономического общества, а в декабре того же года Обществу русских врачей в память Н. И. Пирогова не разрешили проводить свой очередной съезд.

Академия стремилась компенсировать ущерб от разрыва российско-немецких контактов, обсуждая следующие проблемы: получение научных изданий, выходящих в Германии и Австро-Венгрии; перенесение центра закупки иностранной литературы из Лейпцига в Упсалу; передачу центра по руководству Международным союзом академий из Берлина в Амстердам и т. д.[412] Однако не все вопросы удавалось решить. Отказавшись от закупок иностранных журналов и книг через лейпцигского комиссионера, ИАН выяснила, что взявшийся его заместить шведский книготорговец Э. Грёнвалл не гарантирует снабжение Библиотеки ИАН и других академических учреждений книгами и журналами на английском и французском языках[413]. Иначе говоря, научная литература должна была поступать в основном на немецком языке, а с ее получением могли возникать трудности цензурного порядка. Вскоре, однако, по предложению академика Б. Б. Голицына было решено на время войны воздержаться от выписки книг и журналов, публикуемых в Австро-Венгрии и Германии, хотя В. И. Вернадский еще не раз поднимал вопрос о нехватке современной литературы[414].

---

[410] *Иванов А. Е.* Отклики Первой мировой войны в высшей школе Российской империи. С. 209.

[411] Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия. 2003. С. 272.

[412] Протоколы ОС ИАН. 1914. С. 159. § 209; Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 2. § 3.

[413] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 3. § 7.

[414] Там же. С. 20. § 35.

5.3. Несостоявшаяся научная «Антанта»

Взамен традиционных связей предпринимались попытки установить тесные научные отношения с Англией и Францией. Повод продемонстрировать дружеские чувства к союзникам представился быстро. Во время солнечного затмения 8 (21) августа 1914 г. директор Николаевской обсерватории в Пулкове академик О. А. Баклунд оказал радушный прием и всяческое содействие членам Королевской обсерватории в Гринвиче, за что заслужил благодарность посольства Британской империи в Петрограде, переданную в ИАН через МИД России[415]. Но не всегда всё шло так гладко. Возникали определенные трудности. Отказ от публикаций в академическом журнале статей на немецком языке привел к тому, что представленные к публикации в академические издания статьи на английском и французском языках были написаны с серьезными ошибками, которые не замечал С. Ф. Ольденбург, редактировавший многие издания[416].

Создание образа врага потребовало поиска новых друзей, в качестве одного из которых на передний план настойчиво выдвигалась Англия. Так, например, профессор Петроградского университета славист Н. В. Ястребов доказывал необходимость духовной переориентации России на «мир англо-саксонский»[417]. Курс на сближение ученых России с учеными союзных стран лежал в русле общей трансформации отношений на уровне широких слоев населения, актуальной для изменения имиджа России в глазах английского населения, которое ввиду отсутствия регулярного интеллектуального общения отличалось полным незнанием России, не говоря уже о русском языке. С конца 1914 г. в Англии началось движение за сближение с Россией на научно-культурной почве, первые акты которого были в основном частной инициативой и носили эпизодический характер. Обоюдное незнание языков и культур обеих стран затрудняло сближение. Для преодоления разобщенности в Англии открывали кафедры русского языка при университетах и классы русского языка при высших и средних учебных заведениях, курсы по изучению языка при литературных кружках и обществах, устраивали публичные лекции и тематические выставки. В авангарде этого движения шли Кембридж и Оксфорд, где прошли публичные лекции о России[418]. Оно было поддержано парламентариями. Под председательством спикера Палаты общин Дж. Лофтера 10 марта 1915 г. в Лондоне открылось «Общество России» (The Russian Society), лозунгом которого стало «Прочное единение и сближение Британской империи и России»[419]. Аналогичные цели преследовали также созданные в Англии общество «Россия», «Англо-Русское общество» и др.

---

[415] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 262–263. § 642.

[416] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 137. § 183.

[417] *Ястребов Н. В.* Великая Сербия как разрешение южно-славянского вопроса в великой войне 1914–1915 гг. // Вопросы Мировой войны / Ред. М. И. Туган-Барановский. Пг.: Право, 1915. С. 135–178.

[418] *Басаргина Е. Ю.* Международные связи Академии наук в годы Первой мировой войны. С. 904–910.

[419] *Вавилов Н. И.* Студенческие рукописи и письма. «Я всегда хотел идти вперед» / Авт.-сост. Т. Б. Авруцкая. М.: Акварель, 2014. С. 61.

Эти действия нашли отклик в образованных кругах России. Совместная борьба укрепила англофильские тенденции в России, что проявлялось и в общественных настроениях, и в печати. По инициативе образованных кругов создавались разного рода общества и курсы для изучения истории Англии, ее современного состояния, культуры и науки. Авторитетные ученые, как правило, возглавляли движения по учреждению обществ, способствующих укреплению связей между союзниками[420]. Их целью было «широкое ознакомление русского народа с союзной нам Англией и ее государственными и общественными учреждениями»[421].

Так, например, торжественное открытие Московского общества сближения с Англией состоялось 22 мая 1915 г. в зале Московской городской думы под руководством известного историка и социолога академика М. М. Ковалевского, который был избран первым председателем Общества. После его смерти общество возглавил попечитель Университета им. А. Л. Шанявского кн. В. М. Голицын. В Правление были избраны товарищами председателя бывший ректор Московского университета экономист А. А. Мануйлов и будущий ректор этого же университета биолог М. М. Новиков, а также юрист-правовед и философ П. И. Новгородцев, юрист Н. В. Давыдов, историки П. Н. Милюков и А. К. Дживелегов, начинающий агроном Н. И. Вавилов, ставший товарищем секретаря Общества, и др.[422] Вавилов со своей первой женой Е. Н. Вавиловой (Е. Н. Сахаровой) входили также в состав библиотечной и ревизионной комиссий Общества, и они же предоставляли свою квартиру для его редакционно-издательской деятельности[423]. В руководство Общества вошли также отец Н. И. Вавилова — И. И. Вавилов, муж его сестры — известный экономист, аграрник Н. П. Макаров. Вернувшись в 1917 г. в Россию, П. А. Кропоткин — знаменитый путешественник, натуралист и идеолог анархизма — активно участвовал в пропаганде целей Общества. Он был редактором единственного номера «Вестника Общества сближения с Англией», который вышел в 1918 г., когда оно уже прекратило свою деятельность в силу изменившихся отношений Англии и России. В ноябре 1915 г. в Петрограде председатель Государственной думы М. В. Родзянко открыл Общество английского флага, где основную роль играли политики и писатели, например К. И. Чуковский. 22 ноября 1915 г. в Московской городской думе проходило публичное собрание Общества английского флага, на котором присутствовали представители английского посольства и английской колонии. В подготовке этого заседания также активно участвовал Н. И. Вавилов. За короткий срок в обеих странах возникли десятки обществ, комитетов, фондов, стремящихся укрепить общественные и личные связи между странами, способствуя их взаимопониманию, взаимному обогащению их культуры и быта. Их поддерживали видные политические деятели разной политической ориентации: кадет Ф. И. Родичев, прогрессист А. И. Коновалов и др.

---

[420] *Колотовкина С. С.* Англо-русские общественные связи в годы Первой мировой войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

[421] Отчет о деятельности Общества сближения с Англией. 1-й год. 22 мая 1915 — 1 ноября 1916 г. М., 1917.

[422] *Ульянкина Т. И.* Михаил Михайлович Новиков. М.: Наука, 2015. С. 66–67.

[423] *Вишнякова М. А.* Друг, партнер, жена (Е. Н. Сахарова и Н. И. Вавилов) // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2012. Т. 16. № 3. С. 618.

Сближению двух стран активно способствовали ученые — члены кадетской партии (П. Н. Милюков, П. Б. Струве, П. Г. Виноградов, М. И. Ростовцев и др.). Летом 1916 г. в Кембриджском университете кадет А. С. Лаппо-Данилевский прочитал курс лекций по истории донаучного и научного знания в России начиная с Киевской Руси и кончая предвоенным периодом[424]. Анализируя главные тенденции развития науки в России и национальный состав ее научного сообщества, автор пришел к выводу о преобладании немецкого влияния на развитие русской науки, что сказывалось на стиле, методах и направлениях научных исследований.

По свидетельству М. И. Ростовцева, с самого начала войны группа ученых и общественных деятелей России неоднократно обсуждала возможности для научного сближения России с союзными странами и разрабатывала различные его проекты. Одним из них был проект создания сети российских институтов за рубежом и соответствующей сети иностранных институтов в Петрограде[425]. В качестве образца рассматривался Французский институт, существовавший в Петрограде с 1911 г. и возглавлявшийся во время войны славистом Жюлем Патуйе. Свое ви́дение реформы международных научных связей М. И. Ростовцев изложил в специальной статье, где предлагал расширить круг ведущих научных держав и языков соответственно[426]. По его мнению, война внезапно прервала сложный, противоречивый процесс, имевший целью «примирить национальные науки с идеалом науки общечеловеческой»[427]. При этом в силу ряда обстоятельств Германия играла доминирующую роль в мировом научном сообществе, а немецкий язык хоть и не стал языком «международного научного общения», но каждый ученый должен был знать его, чтобы следить за новейшей литературой. Публикации на немецком языке быстро становились достоянием мирового научного сообщества, и благодаря Германии индивидуальное творчество ученых превращалось в большую «научную фабрику» со всё нарастающей дифференциацией и специализацией. Близкие связи ученых России с учеными Германии, по мнению Ростовцева, в довоенные годы в какой-то степени препятствовали установлению контактов с научными сообществами Англии, Франции и Италии.

Ростовцев сформулировал программу сближения российских ученых с научными сообществами союзников. Во-первых, надо было ознакомить их с достижениями текущей российской науки, наладив изучение русского языка в этих странах и организовав ежегодные публикации на английском и французском языках обзоров состояния главных отраслей знания в России, написанных и отредактированных ведущими специалистами в данной области. Для этого он считал полезным в столицах союзных стран, включая Петроград, открывать финансируемые правительствами институты, где ученые этих стран работали бы вместе над подготовкой подобных обзоров. Во-вторых, осуществлять переводы во Франции, Англии и Италии наиболее важных книг и статей русских ученых. В-третьих, организовать регу-

[424] *Lappo-Danilevsky A. S.* The development of science and learning in Russia // Russian realities and problems / Ed. J. D. Duff. Cambridge: Cambridge University Press, 1917. P. 153–229.

[425] Скифский роман / Ред. Г. М. Бонгард-Левин. М.: РОССПЭН, 1997. С. 89, 464–465.

[426] *Ростовцев М. И.* Международное научное общение. С. 74–81.

[427] Там же. С. 75.

лярные поездки русских ученых в эти страны и соответственно зарубежных ученых в Россию для чтения курсов лекций в университетах, особенно провинциальных. В-четвертых, проводить конференции союзных стран по отдельным отраслям знания, а также съезды академий, на которых бы обсуждались принципиальные вопросы международного обмена и сотрудничества. По мнению Ростовцева, реализация этих целей позволила бы со временем сделать русский язык языком международного научного общения[428].

Наряду с частной инициативой в обоих государствах присутствовала и государственная заинтересованность. Убежденным сторонником сотрудничества России и Англии в области науки и просвещения был британский посол в России Дж. У. Бьюкенен. Его с конца 1914 г. беспокоили антианглийские настроения, особенно в правых кругах, близких ко двору. Поражения 1915 г., объясняемые бездействием Англии, усилили эту англофобию. Англию обвиняли в эгоизме, в попытках решить свои проблемы за счет России, в игнорировании ее национальных интересов, в навязывании ей неравноправных отношений и т. д.[429]. В прессе всё чаще появлялись статьи и памфлеты против Англии, которая готова воевать до последнего русского солдата и стремится в конечном счете превратить Россию в свою колонию. Большой резонанс имели оскорбительные отзывы об Англии издателя журнала «Российский гражданин», сторонника Союза русского народа юриста П. Ф. Булацеля[430]. Его статьи потребовали вмешательства короля Георга V и императора Николая II. Булацелю пришлось принести личные извинения британскому послу, но антианглийская кампания в прессе продолжалась[431].

Сложившая ситуация волновала и либеральные круги России, в которые входила значительная часть академического сообщества и столичной профессуры. Будучи членами кадетской партии, они противодействовали англофобской кампании в печати и критике Англии правыми депутатами Государственной думы[432]. В начале 1916 г. вопрос вышел на государственный уровень, а его обсуждение в научном сообществе приняло планомерный характер. 9 февраля 1916 г. министр народного просвещения П. Н. Игнатьев сообщил ИАН, что в Лондонском университете создается специальная славянская библиотека изданий русских научных учреждений и обществ, а также книг по истории, филологии, литературе и политике[433]. В связи с этим в российское посольство в Лондоне поступила просьба оказать содействие в формировании фонда библиотеки при помощи посольства Британии в Петрограде.

---

[428] Там же. С. 77–78.

[429] *Колоницкий Б. И.* Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны. С. 271–288.

[430] *Булацель П.* Борьба за правду. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 560–564.

[431] Там же. С. 18–20, 564–566.

[432] *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль–октябрь 1917). М.: Наука, 1966. С. 42–52; *Ковалева А. С.* О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны // Первая мировая война: История и психология. СПб.: Нестор, 1999. С. 106.

[433] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 56–57. § 78.

Месяц спустя, 13 марта 1916 г., в адрес П. Н. Игнатьева поступило письмо от Дж. У. Бьюкенена, которое товарищ министра В. Т. Шевяков 2 апреля переслал в ИАН с предложением рассмотреть на ближайшем заседании Общего собрания. В письме предлагалось расширить научные контакты между учеными двух стран. На Общем собрании 9 мая 1916 г. было решено создать специальную комиссию под председательством непременного секретаря С. Ф. Ольденбурга. Комиссии поручили выяснить меры, «которые при содействии Императорской академии наук, а также других ученых заведений Империи, могли бы быть приняты Министерством в видах создания прочной базы сотрудничества и взаимной поддержки деятелей обеих дружеских наций на научном поприще»[434]. В комиссию позднее вошли представители трех отделений ИАН — химик П. И. Вальден, византинист Н. П. Кондаков и медиевист П. Г. Виноградов.

Проект перспективного плана научного сотрудничества между Англией и Россией Комиссия рассмотрела 4 октября 1916 г. В его основу были положены соображения, сформулированные П. И. Вальденом в письме к С. Ф. Ольденбургу от 2 октября 1916 г.[435] В письме делался упор на то, что в Англии не представляют себе состояния науки в России, причиной чему часто служат российские университеты и научные учреждения, не занимавшиеся пропагандой своих работ за рубежом и даже не отвечавшие на различные запросы о статистических данных. В итоге в выпущенных английских справочниках по науке значатся всего три российских университета (Петроградский, Московский, Гельсингфорсский), а число специалистов по отдельным отраслям науки (химии, физике, математике) не превышает 10 человек, уступая в несколько раз маленькой Швейцарии. В связи с этим Вальден предлагал организовать регулярное взаимное информирование о проводимых исследованиях. Особенно важным делом он считал командировки ведущих российских ученых (академиков и профессоров) для чтения лекций в университетах Англии и молодых русских ученых (ассистентов, лаборантов, приват-доцентов) в английские научные центры для ознакомления с организацией учебного процесса, методикой преподавания, методами научного исследования и оборудованием лабораторий, а также стипендиатов высших учебных заведений для проведения исследований и подготовки магистерских и докторских диссертаций. Вальден подчеркивал также необходимость наладить обмен научными изданиями, организовать переводы английских книг на русский язык напрямую, а не через немецкие переводы, и создать условия для приобретения в Петрограде всех английских научных изданий. Эти соображения были структурированы Комиссией в виде пяти основных направлений для налаживания научного сотрудничества с Англией. Это: 1) взаимная информация о проводимых исследованиях, проектах и учреждениях, включая библиографические обзоры и хроники событий; 2) систематические обменные поездки выдающихся ученых для чтения лекций; 3) командировки молодых русских ученых для широкого международного общения, консультаций у выдающихся зарубежных специалистов, знакомства с английскими коллекциями

[434] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 78. § 108.

[435] Там же. С. 170–171.

и библиотеками; 4) взаимный доступ к новейшим научным изданиям, для чего необходимы на первых порах правительственные субсидии частным книжным фирмам; 5) организация совместных экспедиций[436].

План был одобрен на заседании Общего собрания 8 октября 1916 г., проходившем под председательством вр. и. о. вице-президента А. П. Карпинского[437]. По предложению А. С. Лаппо-Данилевского, в него было добавлено, что сотрудничество предполагает создание «совместных научных предприятий», в том числе и по истории России, действующих в Великобритании при участии российских ученых, а также издание «Истории России» на английском языке. Радужные планы несколько нарушил директор библиотеки А. А. Шахматов, который напомнил, что у Академии образовался большой долг за полученные английские книги и журналы[438].

Через неделю возникла идея о том, что сферу деятельности комиссии и ее задачи следует существенно расширить, укрепляя научные контакты с учеными не только Англии, но и других союзных стран. Председателем Комиссии для установления более тесных отношений с Англией, Францией и другими союзными странами на экстраординарном собрании 15 октября 1916 г. был назначен А. П. Карпинский[439], возглавлявший ИАН после смерти президента — вел. кн. Константина Константиновича и вице-президента П. В. Никитина. Помимо вышеназванных академиков в нее 5 ноября 1916 г. вошли также химик П. И. Вальден и математик В. А. Стеклов, историк Н. П. Кондаков и литературовед Н. А. Котляревский (позднее вместо него филолог-славист А. И. Соболевский), историки А. С. Лаппо-Данилевский, П. Г. Виноградов, а позднее и А. А. Шахматов[440]. В Комиссию пригласили также представителей университетов и ученых обществ Петрограда[441]. В декабре 1916 г. Дж. Бьюкенен был избран почетным членом Петроградского университета[442].

15 ноября 1916 г. состоялось заседание Комиссии по вопросу об установлении более тесных научных связей с союзными странами под председательством А. П. Карпинского с участием С. Ф. Ольденбурга, А. С. Лаппо-Данилевского, В. А. Стеклова, П. И. Вальдена и П. Г. Виноградова[443]. Участники отметили необходимость уточнить статус своей Комиссии, ее задачи и функции в свете возникновения Межведомственной комиссии, планируемой МНП с привлечением представителей высших учебных заведений. Первоочередную задачу Комиссия видела в налаживании обмена научной информацией с союзниками. При этом было указано, что вряд ли стоит создавать специальную комиссию по библиографии, учитывая наличие Бюро международной библиографии, уже составлявлявшего библиографию

[436] Там же.С. 168–169.

[437] Там же. С. 159. § 221.

[438] Там же.С. 160. § 226.

[439] Там же. С. 174. § 242.

[440] Там же. С. 190. § 277; С. 205. § 317.

[441] Там же. С. 174. § 242.

[442] *Ростовцев Е. А.* Испытание патриотизмом. С. 312.

[443] Протокол заседания Комиссии по вопросу об установлении более тесных научных сношений с союзными странами. 15 ноября 1916 г. Приложение III к протоколу XIII заседания ОС ИАН 3 декабря 1916 г. (к § 299) // Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 219–221.

по физико-химическим и математическим наукам. К ее работе было бы целесообразно привлечь представителей Русского физико-химического общества, чтобы сведения о российских публикациях не отставали бы значительно по времени от публикаций в англоязычных, немецкоязычных и франкоязычных журналах. Предполагали оперативно готовить критические обзоры и библиографию по физико-математическим и гуманитарным дисциплинам, которые должны выходить на русском и французском языках с целью пропаганды достижений русской научной мысли.

На Комиссии прозвучали принципиально новые предложения — создать многотомный труд на русском и французском языках под названием «Русская наука» (La Science Russe) по аналогии с двухтомной книгой «Французская наука»[444]. О значении этого проекта для укрепления концепции мобилизационной науки подробно говорится в гл. 12. Здесь отметим только, что его инициатором был либерал А. С. Лаппо-Данилевский, поддержанный академиками В. И. Вернадским, П. Г. Виноградовым и Н. П. Кондаковым, но действовавший также от имени Русского исторического общества и Исторического общества при Петроградском университете. Проект призван был преодолеть традиционное немецкое влияние в русской науке в свете новых геополитических реалий. Одним из средств к этому становилась саморефлексия русского научного сообщества в виде истории науки. Не случайно Комиссия по укреплению связей с союзниками рассматривала и одобрила проект «Русская наука», целью которого было дать «сведения о ходе развития и современного положения всей русской науки»[445]. История науки также мобилизовалась как для воспитания патриотизма, так и для смены научных партнеров.

Эти предложения были одобрены Общим собранием ИАН на заседании от 5 декабря 1916 г.[446] На нем же было принято предложение редакции *Revue générale des Sciences* об обмене публикациями с целью взаимного информирования о проводимых исследованиях[447]. Стратегический характер ориентации на англо-французское научное и культурное сообщество и связанные с ним рассмотренные проекты подтверждаются другими инициативами российских ученых, о которых М. И. Ростовцев рассказывал в специальном меморандуме, приложенном к письму А. В. Тырковой-Вильямс от 8 октября 1918 г. В нем также говорится о переводе новейших работ, о проведении конференций совместно с союзниками, а также о создании целого ряда посредничающих институтов в Париже, Лондоне и Петрограде[448].

В то же время Общее собрание порой выносило жесткие решения, когда от ИАН требовали односторонних усилий по налаживанию подобных контактов. Так было 5 декабря 1916 г., когда рассматривалось решение Постоянной библиотечной комис-

---

[444] *Есаков В. Д.* Неосуществленный проект Академии наук // Вестн. РАН. 1997. № 2. С. 129–139; *Тункина И. В.* К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний / Сост.: В. М. Орёл, Г. И. Смагина. СПб.: Наука, 2003. С. 637–659; Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (К столетию Комиссии по изданию сборника «Русская наука») / Отв. ред. Ю. М. Батурин; ред.-сост. В. М. Орёл, Г. И. Смагина. М.; СПб.: Перо, 2016.

[445] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 219–221. Приложение III (к § 299).

[446] Там же. С. 199. § 299.

[447] Там же. С. 197. § 290.

[448] Скифский роман. С. 464–465.

сии от 23 ноября 1916 г., принятое К. Г. Залеманом, А. А. Шахматовым, В. И. Вернадским, В. А. Стекловым, В. Н. Перетцем и М. А. Дьяконовым[449]. К тому времени в ряде университетов (Лондонском, Лидском и Ноттингемском) были учреждены кафедры и курсы русского языка, для библиотек которых требовались российские книги, журналы. В связи с этим В. Т. Шевяков просил оказать содействие в посылке в Англию академических изданий в качестве учебных пособий[450]. Указывалось на желательность получения «Словаря русского языка». В частности, товарищ министра народного просвещения А. К. Рачинский в письме на имя А. П. Карпинского от 5 октября 1916 г. сообщал, что ректор одного из крупнейших университетов Англии — Лидского, герцог Девонширский, обратился к русскому послу с просьбой предоставить на безвозмездной основе книги и журналы академического издательства, а также дублетные экземпляры других издательств[451]. Поступали заявки и от частных лиц, читавших лекции по русскому языку и русской истории. Однако эти просьбы были отклонены. Постановление звучало не очень дружелюбно: «...в Академической библиотеке свободных дублетов не имеется, а потому никаких изданий из дублетных собраний для русской библиотеки в Лидсе уступлено быть не может»[452]. Далее было добавлено, что при наличии свободных дублетов их прежде всего надо было бы передавать в академические учреждения и в библиотеки новых вузов. Более благоприятный ответ был дан на обращение Французской академии принять участие в Международной комиссии по восстановлению библиотеки университета в Лёвене. Отделения делегировали в Комиссию В. А. Стеклова, В. Н. Перетца и А. С. Лаппо-Данилевского[453].

В феврале под председательством В. Т. Шевякова было созвано Особое совещание по культурному сближению России с дружескими странами, куда от Академии наук направили А. П. Карпинского, В. И. Вернадского и А. С. Лаппо-Данилевского[454]. Накануне Февральской революции были предприняты шаги и с английской стороны. В частности, в конце февраля 1917 г в Лондоне было создано Русско-Британское братство, устраивавшее периодические собеседования о России для англичан и русских. На организованном обществом съезде преподавателей русского языка обсуждался поддержанный Лондонским королевским обществом проект организации в Лондоне специального Института для изучения России, который работал до конца 1921 г.[455]

В те годы российские ученые не пытались ссылками на национальные стили науки обосновывать необходимость смены научных ориентиров. Разговоры об особенностях стилей экспериментальной французской или спекулятивной немецкой науки стали популярны 30 лет спустя после Второй мировой войны[456]. В первые же

[449] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 222. Приложение IV.

[450] Там же. С. 181. § 256.

[451] Там же. С. 174–175. § 243.

[452] Там же. С. 200. § 304.

[453] Там же. С. 122. § 149.

[454] Протоколы ОС РАН. 1917. С. 60. § 80.

[455] Скифский роман. С. 466.

[456] *Paul H.* The Sorcerer Apprentice. P. 54–76; *Harwood J.* Styles of Scientific Thought. The German Genetic Community. 1900–1933. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1993. P. 138–180.

годы Второй отечественной войны всем был очевиден не столько геополитический, сколько социально-политический аспект намечаемой переориентации. Большинство российских ученых видели в ней возможность ускоренной демократизации российской науки, преодоления прежних политических или элитарных ограничений в академических и образовательных системах с целью мобилизации научных ресурсов страны. Не случайно в это время стали проводиться в жизнь реформаторские проекты П. Н. Игнатьева по расширению географической сети университетов и принятию нового, более либерального устава, а в рамках Академии наук была создана межведомственная Комиссия по изучению производительных сил (КЕПС).

Бурные события 1917 г. внесли коррективы в планы англо-франко-русского сотрудничества как некоей научной «Антанты», воспроизводящей в мировой науке геополитическую расстановку сил. И их дальнейшее обсуждение шло уже после Февральской революции 1917 г.

Глава 6

АДАПТАЦИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ К НУЖДАМ ВОЙНЫ

С первых дней войны перед академическим сообществом встала необходимость искать пути мобилизации фундаментальной науки на решение актуальных задач военного времени. Экономист А. И. Шингарёв полагал, что война требует интенсивного подъема производительных сил России, который возможен при максимальном использовании природных ресурсов, на базе которых будет создаваться новая промышленность. Для этого было необходимо повысить уровень образования в стране и привлечь науку, чтобы «выявить новые творческие силы народа, вооружить его техническими сведениями и научным опытом»[457]. С ним солидаризировался В. И. Вернадский, уверявший, что Первая мировая война открывает эпоху новой «величайшей научной революции», стимулируя развитие главным образом естественных и технических исследований, ориентированных на разработку новых типов вооружения, что неизбежно ведет к изменению системы знаний и его сути. Чтобы избежать превращения науки в исключительно антигуманную силу, требуется приступить к организации системы «охранительной работы научной мысли», объединив усилия научных организаций и отдельных ученых и нацелив их на «защитительную деятельность» против разрушительных сил войны. По мнению Вернадского, необходимо «противопоставить разрушительным созданиям человеческой воли и мысли такие технические средства, которые были бы нечувствительны для оружия или которые бы делали ничтожными и малочувствительными результаты разрушительной военной техники»[458]. Тем самым наука должна стать «мировой культурной» силой, способствующей как укреплению государства, так и поддержанию правовых международных отношений.

Эту функцию в какой-то степени пыталась взять на себя ИАН, которая в силу исторических традиций считалась наиболее авторитетным и привилегированным научным учреждением страны, объединявшим десятки ученых с мировой известностью. Но для выполнения военных задач требовались изменения в кадровом составе и структуре Академии, адаптация тематики ее научных исследований к нуждам военного времени.

6.1. Изменения кадрового состава и планы реорганизации Императорской Академии наук (ИАН)

На начало войны Академия наук включала в себя три отделения — физико-математических наук, исторических наук и филологии, русского языка и словесности — и проводила изыскания на широком предметном поле. Помимо библиотеки и архива в нее входило 19 лабораторий, станций и музеев, 21 комиссия, а также типография, словолитня и книжный склад. Общая численность Академии наук

---

[457] *Шингарёв А. И.* Финансы России во время войны. Пг.: Свобода, 1917. С. 27.

[458] *Вернадский В. И.* Война и прогресс науки // Чего ждет Россия от войны. Пг.: Прометей, 1917. С. 69–70.

достигала 220 человек, из них половина — научные сотрудники. Академия объединяла 39 академиков, среди которых были математики А. М. Ляпунов, А. А. Марков, В. А. Стеклов, астрономы О. А. Баклунд и А. А. Белопольский, геофизик М. А. Рыкачёв, химики П. И. Вальден и Н. С. Курнаков, геологи и минералоги Н. И. Андрусов, В. И. Вернадский, А. П. Карпинский, биологи и физиологи И. П. Бородин, Н. В. Насонов, И. П. Павлов и А. С. Фаминцын. В различных гуманитарных науках трудились историки А. С. Лаппо-Данилевский и Ф. И. Успенский, востоковеды В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов, языковеды и литературоведы В. М. Истрин, Н. А. Котляревский, Н. Я. Марр, А. А. Шахматов и др. Быть членом Академии наук по-прежнему было не только престижно, но и выгодно в финансовом отношении. Денежное содержание действительного члена ИАН по закону от 5 июля 1912 г. равнялось 5100 руб. в год, а после 10-летнего стажа — 6500, в то время как ординарный профессор в университете в соответствии с Уставом от 1884 г. получал в год только 3 тыс. руб.[459]

К тому времени ИАН постепенно превращалась во всероссийскую академию, так как ее учреждения всё чаще размещались в других регионах и даже странах. Это: Севастопольская биологическая станция (1871), Русский археологический институт в Константинополе (1894), Кавказский музей в Тифлисе (1913), Литературно-театральный музей им. А. А. Бахрушина в Москве (1913), Минусинский городской Мартьяновский музей (1913). Часть академиков постоянно проживали и работали в других университетских городах: в Москве, Киеве, Риге. Большинство из них были избраны в состав академии после революции 1905–1907 гг., во время которой они входили в Академический союз, призывавший к конституционным реформам и критиковавший правительственную политику в области науки и образования. Послереволюционные годы притушили их недовольство, хотя большинство академиков считали, что власть по-прежнему не желает прислушиваться к их рекомендациям в политико-экономических и образовательных сферах, а вследствие этого оказалась неспособна провести модернизацию, что и предопределило неудачи в первые месяцы войны. Многие из них в годы войны были в расцвете лет, полны сил и замыслов и готовности служить отечеству и народу. Особую общественную активность в эти годы демонстрировали С. Ф. Ольденбург, Н. И. Андрусов, И. П. Бородин, В. И. Вернадский, П. Г. Виноградов, Б. Б. Голицын, М. М. Ковалевский, Н. С. Курнаков, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. Я. Марр, В. А. Стеклов, А. А. Шахматов. Вопреки существующему мнению, далеко не все они были либералами, хотя некоторые действительно входили в ЦК партии кадетов. Среди академиков были сторонники других партий, включая крайне правые. Например, лингвист и палеограф А. И. Соболевский был товарищем председателя Союза русского народа. Убежденными монархистами были Б. Б. Голицын, В. Н. Ипатьев и А. Н. Крылов. Левый фланг политического спектра представлял среди академи-

[459] *Шипилов А. В.* Зарплата российского профессора в ее настоящем, прошлом и будущем // ALMA MATER. Вестник высшей школы. 2003. № 4. С. 38–39; *Арчегов С. Б.* Академическая группа Государственного совета (1906–1917 гг.): историко-правовое исследование. Дис. ... канд. юр. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 255.

ков математик А. А. Марков. Этнограф Л. Я. Штернберг был радикал-демократом. Как правило, консервативных и монархических взглядов придерживались ученые, связанные с правительственными ведомствами.

Война оказала воздействие и на изменение состава ИАН и ее руководства. После внезапной кончины 2 июня 1915 г. вел. кн. Константина Константиновича, тяжело переживавшего гибель на фронте своего младшего сына, обязанности президента чуть меньше года исполнял вице-президент П. В. Никитин, скоропостижно скончавшийся 5 мая 1916 г. Десять дней спустя по докладу министра народного просвещения П. Н. Игнатьева Николай II назначил временно исполняющим обязанности вице-президента академика, горного инженера и тайного советника А. П. Карпинского, который более 18 лет был директором Геологического комитета, а в тот момент — президентом Императорского Минералогического общества[460]. Об этом академики были извещены письмом П. Н. Игнатьева за № 1511 на экстраординарном ОС ИАН, состоявшемся 18 мая. Трудно судить, насколько обдуманно действовала власть при данном назначении, но век спустя оно представляется, наверно, наиболее дальновидным из последних назначений императора. Ведь Карпинскому предстояло возглавить Академию наук в самый трагический период ее истории и обеспечить адаптацию к послереволюционным реалиям. Вообще вся цепочка трагических смертей приобретает некое символическое значение. На смену блестящему представителю царствующего дома и классическому филологу и археологу назначается представитель естественных наук, с детских лет связанный с горным делом и геологией, приобретшими особое значение в годы Первой мировой войны[461]. Естественно предположить, что эта смена как-то обусловлена пониманием властями необходимости реформировать ИАН с целью более активного подключения к решению задач, обозначенных войной. Карпинский как один из инициаторов и активных членов КЕПС пользовался поддержкой академического сообщества, которое с одобрением встретило решение о назначении его вр. и. о. вице-президента.

С увеличением числа задач, поставленных перед ИАН военным временем, с усложнением ее социальных сетей и с перманентным созданием всё новых и новых комиссий для решения как локальных, так и глобальных проблем выяснилось, что непременный секретарь не может один выполнять все функции, возложенные на него Уставом. В связи с этим было решено изучить вопрос об учреждении также должностей академиков-секретарей в каждом отделении с передачей им части обязанностей непременного секретаря[462]. Для этого была создана Комиссия под председательством А. П. Карпинского. Из-за загруженности действительных членов ИАН нелегко было собрать кворум и даже порой половину списочного состава. Президент Константин Константинович председательствовал только на четырех

[460] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 114. § 127.

[461] *Соболев В. С.* Августейший президент; *Басаргина Е. Ю.* Вице-президент Императорской Академии наук П. В. Никитин; *Романовский С. И.* Александр Петрович Карпинский: 1849–1936. Л.: Наука, 1981.

[462] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 157–158. § 218.

заседаниях, прошедших с начала войны до его кончины. С. Ф. Ольденбург в то же время не присутствовал ни на одном заседании. Их функции, соответственно, исполняли вице-президент П. В. Никитин и А. А. Шахматов. На экстраординарном ОС 15 октября 1916 г., где, как выше уже говорилось, рассматривался вопрос о длительном научном сотрудничестве Англии и России, присутствовали 17 академиков, включая вр. и. о вице-президента А. П. Карпинского и С. Ф. Ольденбурга, из 37 действительных членов. Только выборы обеспечивали сбор необходимого количества членов собрания.

В первые два года войны ИАН потеряла не только своего августейшего президента вел. кн. Константина Константиновича и вице-президента П. В. Никитина, успешно проведших ИАН сквозь сложные испытания первых шестнадцати лет XX в., но также почти треть списочного состава: Ф. Ф. Фортунатова, И. И. Янжула, В. И. Ламанского, Н. Я. Сонина, Ф. Е. Корша, М. М. Ковалевского, П. В. Никитина, Б. Б. Голицына, О. А. Баклунда, К. Г. Залемана. Ушли из жизни почетные члены: граф С. Ю. Витте, А. А. Сабуров, Ф. Р. Остен-Сакен, И. И. Толстой, И. И. Мечников (второй и последний российский Нобелевский лауреат в области биологии), Г. И. Сенкевич, члены-корреспонденты В. П. Энгельгардт, М. Ф. Хандриков, А. А. Коротнев, В. И. Покровский, М. Ф. Владимирский-Буданов, А. И. Воейков.

Определенная тенденция прослеживалась в изменении состава академического корпуса. Умерших замещали в первую очередь более молодые члены, тесно связанные с мобилизацией науки, что особо подчеркивалось в представлениях на них. Так, представляя к избранию в ординарные академики по химии профессора Михайловской артиллерийской академии генерал-майора В. Н. Ипатьева, П. И. Вальден, Б. Б. Голицын и Н. С. Курнаков специально подчеркнули, что помимо признанных во всем мире его научных заслуг он, возглавив Комиссию по заготовке взрывчатых веществ для нужд флота, «проявлял свои организаторские способности устройством новых заводов, усовершенствованием существующих производств и введением новых синтетических способов в заводскую практику»[463]. Избрание Ипатьева 9 января 1915 г. сделало очевидной идущую интеграцию военных, предпринимателей, профессуры и академического сообщества для ответа на вызовы военного времени. Ипатьев служил олицетворением формирующегося ВПК, будучи единым в четырех ранее достаточно разобщенных сферах деятельности[464]. Сам Ипатьев, что характерно, прекрасно понимал, что потребность в химии побудила ИАН объявить выборы по прикладной и теоретической химии при отсутствии вакантных кафедр на ОФМН и при наличии двух блестящих химиков — академиков П. И. Вальдена и Н. С. Курнакова. Тогда же предполагалось избрание в члены-корреспонденты Л. А. Чугаева, но из-за несогласованности действий рекомендующих его кандидатура не баллотировалась.

Другим примером пополнения ИАН учеными, тесно связанными с военными проблемами и оборонной промышленностью, может служить профессор Николаевской морской академии, механик и кораблестроитель генерал-лейтенант флота

[463] Записка об ученых трудах профессора В. Н. Ипатьева. IV приложение к протоколу XI заседания ОС ИАН 28 ноября 1915 г. (к § 248) // Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 184.

[464] *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика.

А. Н. Крылов. В представлении Б. Б. Голицына, А. М. Ляпунова, В. А. Стеклова, О. А. Баклунда и М. А. Рыкачёва также содержится сакраментальная для военного времени характеристика. В рекомендации он представлен «не односторонним теоретиком, а человеком, ищущим вполне научно обоснованного применения физико-математических знаний к решению целого ряда вопросов, выдвигаемых современной техникой, в частности же задачами военного судостроения и военно-морского дела вообще. А. Н. Крылов является, кроме того, автором целого ряда специальных, в высшей степени остроумных, но секретных приборов, имеющих громадное значение в боевой обстановке при управлении кораблем и артиллерийским огнем»[465]. Здесь также в одном лице был соединен крупный ученый, преподаватель, военный и организатор оборонной промышленности. После избрания ординарным академиком 2 апреля 1916 г. Крылов возглавил Николаевскую главную физическую лабораторию, оставаясь консультантом Металлического, Балтийского, Адмиралтейского и Путиловского заводов по вопросам кораблестроения. В 1916 г. он стал и начальником Главного военно-метеорологического управления, участвовал в составе Следственной комиссии по выяснению причин взрыва и гибели линкора «Императрица Мария»[466]. Как ведущего специалиста в области кораблестроения и знатока военной промышленности его назначили руководителем группы инспекторов Путиловского завода, срывавшего оборонные заказы. После проверки Крылов был назначен председателем правительственного правления секвестрованного завода и сумел в короткий срок поднять производительность труда, обеспечив двукратное увеличение объема производства орудий, снарядов и их ассортимента. В целом математик и физик А. Н. Крылов, как и химики В. Н. Ипатьев и Н. С. Курнаков, зарекомендовал себя умелым организатором и руководителем военной промышленности.

Обдуманным шагом представляется одновременное с Ипатьевым избрание геолога и палеонтолога А. П. Павлова, если учесть, как остро перед ИАН стояла задача обеспечить в краткие сроки оборонную промышленность горючими ископаемыми, рудами и т. п. А. П. Карпинский, Н. И. Андрусов и В. И. Вернадский, рекомендуя к избранию своего коллегу, были уверены, что прекрасный геолог и воспитатель школы молодых ученых А. П. Павлов много сделает для «познания русской природы» и обещает «еще много дать русской геологической науке»[467]. Здесь явно слышны мотивы создания независимой отечественной науки о Земле.

В эпоху оценки войны как противостояния германской и славянской культур предсказуемо выглядело пополнение ОРЯС, куда были избраны филолог-славист и этнограф Е. Ф. Карский, литературовед Н. К. Никольский, историк-славист И. С. Пальмов. Так, например, академики А. И. Соболевский, В. М. Истрин, Н. П. Кондаков и Н. А. Котляревский в представлении на И. С. Пальмова настойчиво подчеркивали его заслуги в изучении и пропаганде славянских культур. Они указывали, что его труды касаются самых разнообразных и трудных вопросов сла-

[465] Записка об ученых трудах профессора А. Н. Крылова. Приложение II к протоколу II заседания ОС ИАН 6 февраля 1916 г. (к § 55) // Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 41.

[466] *Крылов А. Н.* Мои воспоминания. СПб.: Политехника. 2003. С. 212–242.

[467] Записка об ученых трудах профессора А. П. Павлова. Приложение III к протоколу XI заседания ОС ИАН 28 ноября 1915 г. (к § 247) // Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 177.

вянской истории, а он сам «принадлежит к числу лучших знатоков современного славянства <...> объездил все славянские земли <...> завел связи с славянскими учеными разных специальностей и до текущей войны находился с ними в живых сношениях. Лучшего знатока современного славянства, чем И. С. Пальмов, нет в России, а имя его хорошо известно каждому образованному славянину и пользуется во всех странах православного, католического и протестантского славянства полным уважением»[468].

Сходным образом академики В. Н. Перетц, А. А. Шахматов, Н. П. Кондаков, А. И. Соболевский и Н. А. Котляревский характеризовали другого претендента: «...в лице Н. К. Никольского русская наука имеет крупнейшего знатока и исследователя древнерусской литературы»[469]. Основатель белорусской лингвистики и филологии Е. Ф. Карский служил в Императорском Варшавском университете, вынужден был эмигрировать в Петроград в связи с отступлением русских из Варшавы, и ИАН поддержала своего члена-корреспондента, выбрав ординарным академиком. 9 января 1916 г. сверхштатные академики профессор Оксфордского университета медиевист П. Г. Виноградов, работавший в Англии и игравший важную роль в налаживании русско-английского сотрудничества, и византинист Ф. И. Успенский, лоббировавший в то время проект создания Палестинского института и уполномоченный ИАН по охране исторических и культурных ценностей на Кавказском фронте, также были избраны ординарными академиками ИФО по разряду историко-политических наук. И здесь очевидно, что избрание в военное время академиками лиц, работавших за рубежом и во фронтовой зоне, диктовалось дипломатическими и геополитическими соображениями войны.

В эти же военные годы были избраны почетными членами К. А. Поссе, Ф. Ф. Зелинский, а членами-корреспондентами В. К. Цераский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, В. Л. Комаров, Д. В. Айналов, И. Е. Евсеев, А. Н. Филиппов, С. А. Жебелёв, Б. В. Фармаковский, Н. И. Веселовский, С. К. Костинский, В. А. Богородицкий, В. А. Францев, П. И. Броунов, Н. К. Кольцов, В. Л. Омелянский, Н. И. Петров, Е. Ф. Будде, Е. В. Петухов, К. В. Харлампович, А. И. Малеин, С. П. Шестаков. Многие из них в 1920-х гг. определяли лицо советской науки.

Характерно, что от вновь избранных академиков уже не требовали постоянной службы в ИАН или хотя бы обязательных приездов в столицу для участия в ОС. Напротив, в Высочайших приказах по гражданскому ведомству специально указывалось, что новые ординарные академики утверждаются с оставлением в занимаемых ими должностях в военных ведомствах, университетах и т. д.[470] Тем самым как бы подчеркивалась особая ценность их внеакадемической деятельности.

---

[468] Записка об ученых трудах профессора И. С. Пальмова. Приложение III к протоколу V заседания ОС ИАН 9 мая 1916 г. (к § 124) // Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 92–93. Характерно, что утверждение И. С. Пальмова Высочайшим указом от 9 января 1917 г. ординарным академиком прошло с оставлением его заслуженным ординарным профессором Императорской Петроградской духовной академии. См.: Протоколы ОС РАН. 1917. С. 46 (§ 56).

[469] Записка об ученых трудах члена-корреспондента Н. К. Никольского. Приложение IV к протоколу V заседания ОС ИАН 9 мая 1916 г. (к § 124) // Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 102.

[470] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 77. § 105–106; С. 128. § 160 и др.

Большинству членов академического корпуса в то время было в среднем 50–60 лет, что позволяло им сочетать зрелость интеллекта и жизненного опыта с расцветом физических сил и жаждой активной деятельности в политике, экономике, промышленности и т. д. Они исповедовали культ науки, служащей России и народу. Помня уроки русско-японской войны и последующих революционных потрясений, они понимали, сколь необходимо в годы войны сохранять единство власти и общества, и делали всё для достижения победы, демонстрируя преданность отечеству, царю и обществу.

6.2. Адаптация планов и трансформация структуры ИАН

Вклад руководителей ИАН и ряда академиков в решение оборонных проблем нередко определялся активным участием в деятельности правительственных Особых совещаний и комиссий Государственного совета, в также в повседневной работе военно-промышленных комитетов, Главного химического комитета, Главного комитета по снабжению армии, Главного артиллерийского управления, Всероссийских земских и городских собраний, в охране культурных и исторических ценностей, в «войне умов» и т. д. Так, С. Ф. Ольденбург и В. Н. Ипатьев часто присутствовали на Особом совещании при военном министре. Важны были и усилия академиков по укреплению неправительственных связей с союзниками, о которых шла речь в предыдущем параграфе.

Несмотря на оппозиционные взгляды, академики активно участвовали в решении проблем снабжения армии необходимым вооружением, техническими средствами связи и защиты, продовольствием и медикаментами, в ликвидации сырьевой зависимости оборонной промышленности от импорта, охране культурных ценностей в районах боевых действий и т. д. Не только члены академии, но также научные сотрудники и лаборанты ИАН привлекались оборонными ведомствами для решения насущных проблем. Так, по настоятельной просьбе председателя Комиссии по заготовлению удушающих газов генерал-майора И. А. Крылова в его распоряжение на безвозмездной основе был откомандирован лаборант Г. И. Антонов как специалист по цианистым соединениям[471]. Над задачами учета ресурсов с целью обеспечения фронта и тыла стратегическим сырьем трудилась Комиссия по изучению естественных производительных сил России, на работе которой подробно остановимся ниже. Помимо КЕПС в Академии наук были созданы другие научные и вспомогательные учреждения: Постоянная полярная комиссия (1915), Постоянная лингвистическая комиссия (1915), Байкальская комиссия (1916), Комиссия по исследованию племенного состава населения областей, прилегающих к границам России (1917), «Наука в России» (1916) и др., а некоторые комиссии и учреждения из ранее существовавших, например Главная физическая лаборатория, переключились на активное обслуживание нужд войны и внесли весомый вклад в повышение боеспособности армии.

Особое внимание было уделено компенсации научных исследований, оказавшихся под угрозой в результате военных действий. И здесь власть и ИАН зачастую

[471] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 195. § 492.

действовали в унисон. Буквально накануне войны, 29 июня 1914 г., был одобрен закон о принятии в казну Русской зоологической станции в Виллафранке и утверждении ее положения и штата. Одновременно Государственный совет, куда входили представители ИАН, выразил пожелание о принятии правительством мер для создания «аналогичных станций для научно-практических целей типа существующей на Мурмане, в наших внутренних водах и морях»[472]. Об этом вице-президенту ИАН П. В. Никитину сообщил В. Т. Шевяков. Для обсуждения этого положения ОФМН 5 сентября создало комиссию в составе А. С. Фаминцына, В. В. Заленского, И. П. Бородина и Н. В. Насонова.

Академики А. П. Карпинский, В. И. Вернадский и Н. И. Андрусов быстро осознали, какую угрозу несет начавшаяся война научным коллекциям мирового уровня. 17 сентября 1914 г. на заседании ОФМН они зачитали записку о принятых ими срочных мерах для эвакуации уникальной северодвинской коллекции пермских звероподобных ящеров[473]. Эта коллекция, собранная В. П. Амалицким, принадлежала Академии наук и была передана для обработки первооткрывателю, который с 1908 г. работал в Варшавском университете. Понимая, что столица Польского царства быстро может оказаться в зоне боевых действий, начиная с 23 июля и сам Амалицкий, и академики начали хлопотать о скорейшей отправке ее экспонатов в Петроград. Несмотря на трудности военного времени и сумятицу первых дней перехода в новое состояние, удалось выбить два необходимых вагона, и уже 16 сентября 1914 г. в Москву была отправлена коллекция звероподобных ящеров, а год спустя большую ее часть передали в Геологический и Минералогический музей ИАН[474]. До сих пор она остается одним из главных украшений Палеонтологического музея РАН и является «национальным достоянием»[475].

Позднее ОС ИАН поддержало решение ОФМН об издании 600 экземпляров книги «Северо-Двинские раскопки профессора Амалицкого», которая стала одной из самых значимых книг по палеонтологии, опубликованных в России[476]. А вот МНП категорически отклонило до конца войны ходатайство директора Геологического и Минералогического музея В. И. Вернадского о выделении ежегодно в течение 10 лет начиная с 1915 г. по 13 560 руб. для продолжения палеонтологических раскопок на Северной Двине[477]. Характерно, что письмо подписал товарищ министра, чл.-корр. ИАН, блестящий зоолог В. Т. Шевяков. Он, конечно, прекрасно осознавал мировую научную значимость исследований В. П. Амалицкого, но как чиновник также понимал, что просить Высочайшего изволения на ассигнование средств для поиска костей ископаемых звероящеров, исчезнувших сотни миллионов лет назад, бесполезно, когда властители могучих империй обеспокоены глав-

[472] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1914. Д. 161. Л. 230 об; Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 212. § 535; Приложение II к протоколу X заседания ОФМН ИАН 3 сентября 1914 г. (к § 535) // Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 225–231.

[473] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 237. § 591.

[474] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 159. § 400.

[475] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Д. 162. Л. 224.

[476] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 198. § 294.

[477] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 280. § 681.

ным образом уничтожением десятков миллионов своих современников. Но и академики не собирались сдаваться, бомбардируя МНП всё новыми обращениями о необходимости выделения хотя бы меньшей суммы для проведения самых необходимых работ по консервации раскопок[478].

Пришлось вносить коррективы в планы научно-организационной деятельности, в том числе связанные с проведением международных конгрессов, заграничных командировок, совместных проектов. Уже в августе 1914 г. пришлось отменить проведение в Петрограде конгресса Международного астрономического общества и съезда Международной сейсмологической ассоциации[479]. На первом заседании ОФМН было объявлено, что Международный метеорологический конгресс, намеченный на 17 сентября 1914 г. в Венеции, переносится на весну 1915 г., впрочем, и потом он не состоялся[480]. Академия не смогла принять участие в проходившем 27–31 июля 1914 г. в Лионе VII Международном конгрессе по врачебной электрологии и радиологии[481]. Отменен был 9-й Международный конгресс по чистой и прикладной химии, который должен был собраться в мае 1915 г. в Петербурге и планировался как подтверждение лидирующих позиций отечественной химии в мировой науке[482]. Поэтому подготовка конгресса была взята под покровительство императора. Почетным председателем конгресса был назначен товарищ министра торговли и промышленности, известный химик Д. П. Коновалов, президентом — академик П. И. Вальден, вице-президентом — академик Н. С. Курнаков, а генеральным секретарем — В. Н. Ипатьев. Не состоялся и 3-й Метеорологический съезд, планируемый в Петербурге в декабре 1915 г.[483]

Ученый хранитель Геологического и Минералогического музея П. В. Виттенбург, командированный ИАН на три месяца на Кавказ, вынужден был вернуться из-за начала военных действий. Когда ИАН посчитала возможным продолжить геологические исследования, его вместе с помощниками в начале октября арестовали, как выяснилось, в связи с тем, что «производство геологических работ запрещено главным Кавказским начальством»[484]. В сентябре пришлось отменить заграничную командировку академика П. И. Вальдена в Париж для участия в работе Международной ассоциации химических обществ. Из-за сокращения ассигнований на исследовательскую и издательскую деятельность уже 20 сентября 1914 г. до особого распоряжения был задержан трехгодичный кредит на издание «Фауны России и сопредельных стран»[485].

С первых дней войны сотрудники Севастопольской биологической станции должны были принять меры для сохранения научных приборов, инвентаря,

---

[478] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 104–105. § 238.

[479] Отчет о деятельности ИАН. 1914. С. 8.

[480] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 214. § 541; Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 98. § 213.

[481] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 213. § 540.

[482] *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика. Т. 1.

[483] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 183. § 468.

[484] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 252–253. § 632.

[485] Там же. С. 244. § 602.

коллекций и аквариума[486]. Ее директор академик В. В. Заленский постоянно жил и работал в Петербурге, возглавляя одновременно Зоологический музей ИАН, а заведующий станцией С. А. Зернов был в отпуске, ожидая утверждения его профессором Московского сельскохозяйственного института, и фактически станцией в момент начала войны руководила зоолог Л. И. Якубова. Вопреки распоряжению администрации Севастополя, она отказалась спешно эвакуировать имущество станции и сотрудников, чтобы не создавать панику, но организовала упаковку библиотеки и наиболее ценных вещей, приготовив их к отправке в Москву. Нападение 16 октября 1914 г. немецкого броненосца «Гебен» на Севастополь не застало сотрудников станции врасплох, но была повреждена ее стеклянная крыша. Поскольку средств для отправки упакованных вещей в Москву не было, а вероятность повторного прорыва немецко-турецкого флота к Севастополю была невысока, Якубова приказала складировать книги и приборы в нижних этажах здания, приняв на всякий случай дополнительные меры для обеспечения пожарной безопасности. Далее в работе станции наступил «мертвый период», так как в условиях военного времени нельзя было думать о каких-либо интенсивных гидробиологических исследованиях на Черном море[487]. Ловля животных для исследований могла производиться только в незаминированных бухтах лицами, имевшими персональные пропуски, которые было нелегко получить.

Более чем вдвое были урезаны ассигнования на исследование месторождений радиоактивных минералов: первоначально выделенную сумму в 89 500 руб. на год урезали на 50 тыс. руб.[488] Это вызвало возражения В. И. Вернадского, который указал, что даже в годину великого напряжения сил «обычная культурная и творческая работа страны не должна прерываться», а напротив, ее следует даже вести в ускоренном темпе, «ибо в великой борьбе, нами переживаемой, победа в конце концов окажется за страной, которая сумеет сохранить ненарушенными свою культурную работу и хозяйственно-общественный быт»[489]. Академик убеждает, что в любом случае ее надо вести так, чтобы с завершением войны она могла быть выполнена во всем запланированном ранее объеме и «без ущерба для дела». Он полагает, что первоочередными остаются экспедиции в Фергану с целью составления геолого-картографических карт района Туя Муюна, а также в Забайкалье в пределах Нерчинского горного округа, где вырисовывается новая область монацитовых россыпей. Но все его увещания оказались тщетными, и на 1915 г. осталось финансирование в размере, утвержденном «Государственной росписью»[490].

Война поставила под угрозу, а затем и на годы затормозила многие амбициозные проекты, лоббируемые ИАН в течение долгих лет. Была задержана достройка здания для БАН, а также начало строительства Ломоносовского института

[486] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 267. § 656.

[487] *Виноградов К. А.* Очерки по истории отечественных гидробиологических исследований на Черном море. Киев: Изд-во АН УССР, 1958. С. 47.

[488] Приложение к протоколу XIII заседания ОФМН ИАН 29 октября 1914 г. // Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 274–276 (к § 652).

[489] Там же. С. 274.

[490] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 111. § 253.

и Геологического и Минералогического музея, под которые были выделены соответствующие субсидии и решены все вопросы с территорией[491]. Николаевской главной физической лаборатории пришлось отказаться от устройства аэрологических отделений при филиальных обсерваториях, а также от постройки Магнитной обсерватории в Никольске-Уссурийске.

Быстро выяснилось, что средств, выделенных на строительство здания для Ломоносовского института, не хватает. Архитектор А. А. Полещук представил новую смету строительства, превышающую исходную на 369 тыс. руб. ОФМН поручило А. П. Карпинскому, Б. Б. Голицыну, В. И. Вернадскому и др. оценить обоснованность повышения стоимости и в случае согласия подать соответствующее ходатайство в МНП[492]. Впоследствии не раз приходилось обращаться к этому проекту, претерпевшему за два года войны определенную трансформацию. Так, В. И. Вернадский, Н. С. Курнаков, П. И. Вальден, В. Н. Ипатьев и А. Н. Крылов 5 декабря 2016 г. представили записку в ОФМН[493]. В ней предлагали организовать при ИАН из представителей экспериментальных наук особый Ломоносовский комитет. В его задачу входила бы разработка программы организации, работ и функций будущего Ломоносовского института. В записке предусматривалось также обсуждение вопросов, связанных с созданием научно-исследовательских институтов в области экспериментальных наук в России, выяснение основных тем их будущих исследований, а также путей оказания реальной помощи экспериментальной работе как в пределах существующих академических учреждений, так и вне их. Для поиска ответов на поднятые вопросы решили создать Ломоносовский комитет в составе членов отделения, которые прежде всего должны были ходатайствовать об ассигновании 100 тыс. руб. в год начиная с 1917 г. Комитету дано было право издавать «Известия Ломоносовского института».

Почти полностью прекратился приток иностранных книг в БАН. Целый ряд ценных книжных коллекций, закупленных за рубежом на славянских территориях, оказался под угрозой потери. Та же участь постигла и корпус редких изданий, представленных Библиотекой ИАН на Международной Лейпцигской выставке и оставленных, по выражению А. А. Шахматова, «на хранении в чужих руках»[494]. Резко сократилось поступление коллекций в Геологический и Минералогический музей из-за сокращения экспедиций и трудностей с пересылкой собранного материала. Музей антропологии и этнографии не получил собранные для него коллекции из Цейлона, США, Южной Америки и Швеции. Многие проекты оказались свернуты, а исследования прекратились из-за мобилизации в армию или привлечения к оборонным проектам сотрудников Особой зоологической лаборатории (энтомолог А. А. Любищев и малаколог В. М. Шиц), Физиологической лаборатории (Г. П. Зелёный), Константиновской магнитной и метеорологической обсерватории (Н. Н. Калитин, И. Ф. Табаков).

[491] Отчет о деятельности ИАН. 1914. С. 8–9.

[492] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Д. 162. Л. 196 об; Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 102–103. § 233.

[493] Летопись РАН. Т. IV. С. 288.

[494] Отчет о деятельности ИАН. 1914. С. 9.

Однако Академия наук старалась уменьшить негативные последствия войны и, опираясь на опыт предшествующих лет и накопленный материал, стремилась не только компенсировать издержки военного времени, но и по мере сил и возможностей способствовать победе отечества. Как подчеркивалось в Отчетном докладе и. о. непременного секретаря ИАН академика А. А. Шахматова, традиционно прочитанном 29 декабря 1914 г., но не в Большом конференц-зале, отведенном под госпиталь, а в Малом: «<...> жертвы не остановили нормального хода жизни великой страны. Всюду и везде продолжается работа на пользу духовных и материальных интересов родины. Служение им на поле брани и поприще мирного труда достигает сильного напряжения. И Академия наук <...> продолжала порученное ей просветительное дело»[495]. В качестве успехов на этом поприще он называл пополнение Рукописного и Славянского отделов БАН, создание Архива войны, начало издания «Трудов радиевой экспедиции», «Инструкций для минералогических и геологических исследований», «Геофизического сборника», пополнения академических музеев палеонтологическими, зоологическими, ботаническими и археологическими коллекциями, армянскими и мусульманскими рукописями, малайскими коллекциями, а Физической лаборатории — усовершенствованными сейсмографическими приборами, совершенствование сейсмической сети и т. д.

Перечисление всех этих достижений — скорее свидетельство того, что Академия наук не желала существенно менять свои планы в связи с войной, чем ее готовности пожертвовать ими во имя создания мобилизационной науки. Как бы отвечая на возможные упреки, докладчик подчеркнул, что главная цель Академии наук в первый год войны заключалась в том, чтобы «широкой постановкой задач и привлечением к их разрешению всех ученых сил родной страны стать естественным средоточием научных работ в России»[496]. Воплощение этой цели, по мнению А. А. Шахматова, позволит ИАН «<...> быть достойной исполнительницей задач, возлагаемых на нее могущественным ростом нашей Родины»[497]. Укрепление позиций науки в государстве путем интеграции ученых разных исследовательских и образовательных учреждений и обществ, а также выстраивание сложных социально-экономических сетей взаимодействия с властными и общественно-политическими структурами, промышленностью, армией и флотом стали стратегией поведения научного сообщества в годы войны. Мобилизация науки шла не только и не столько ради интересов государства, сколько для реализации корпоративных планов.

Ученые продолжали настойчиво искать пути создания новых институтов, способных решать масштабные задачи, в том числе и военно-стратегического порядка, но соответствующих прежде всего их корпоративным интересам и довоенным планам.

---

[495] Отчет о деятельности ИАН. 1914. С. 5.

[496] Там же. С. 15–16.

[497] Там же. С. 16.

6.3. Война и изучение Севера

Одной из немногих успешных попыток в этом направлении стала Полярная комиссия, созданная по инициативе большого энтузиаста в исследовании Крайнего Севера, геолога и палеонтолога И. П. Толмачева. Историю ее создания и деятельности детально изучила О. А. Красникова, показав, как непросто шло ее утверждение как комплексной, вневедомственной структуры[498]. К 8 октября 1914 г. было получено согласие вел. кн. Константина Константиновича возглавить Русскую полярную комиссию. К тому времени в ее состав согласились войти О. О. Баклунд, К. И. Богданович, Л. Л. Брейтфус, А. М. Бухтеев, А. А. Бялыницкий-Бируля, И. И. Померанцев, И. П. Толмачев, О. Э. фон Штубендорф, Н. М. Книпович, М. Е. Жданко, П. В. Виттенбург, В. Е. Фус и Ю. М. Шокальский[499].

Организационное собрание прошло 1 декабря 1914 г. под председательством президента ИАН[500]. На нем были заслушаны доклады И. П. Толмачева «Об учреждении Постоянной полярной комиссии» и В. И. Вернадского «К вопросу о задачах Комиссии»[501]. Оба докладчика трактовали функции новой комиссии очень широко, если не сказать глобально. Ее главная цель заключалась в координации арктических исследований, проводимых различными ведомствами, в выработке правовых норм международного сотрудничества, в разработке комплексного плана исследований, его последовательной и систематической реализации с учетом сделанного и в публикации результатов. Таким образом в сферу интересов Комиссии должны были войти проблемы топографии и географии, гидрографии и климатологии, геологии и палеонтологии, зоологии и ботаники, этнографии и демографии, экономики и статистики, филологии и истории. Фактически она должна была стать некоей Академией наук, занимающейся полярными странами вообще и русским Севером в частности. Предполагалось, что и финансирование ее будет вестись разными ведомствами, а Академии наук отводилась лишь функция координации и контроля. Заместителем председателя Комиссии избрали Б. Б. Голицына, а секретарем — И. П. Толмачева. Войти в состав Комиссии были приглашены также геофизик Э. В. Штеллинг из Иркутска, путешественник и зоолог А. А. Бунге из Петрограда, путешественник, полный генерал по Адмиралтейству К. И. Михайлов, путешественник, эколог, охотовед Б. М. Жидков из Московского университета и др.

О состоявшемся учредительном заседании академик Б. Б. Голицын доложил ОФМН 7 января 1915 г.[502] Тогда же было решено ходатайствовать о статусе

---

[498] *Красникова О. А.* Полярная комиссия Академии наук (1914–1936) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX вв. / Отв. ред. Ю. М. Батурин; сост. Г. И. Смагина, Э. А. Тропп. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 383–449.

[499] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 247. § 621.

[500] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 8. § 18.

[501] *Толмачев И. П.* Записка об учреждении Постоянной полярной комиссии. Приложение I к протоколу I заседания ОФМН ИАН 7 января 1915 г. (к § 18) // Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 15–20; *Вернадский В. И.* К вопросу о задачах Полярной Комиссии. Приложение II к протоколу I заседания ОФМН ИАН 7 января 1915 г. (к § 18) // Там же. С. 20–23.

[502] Летопись РАН. Т. IV. С. 256.

Постоянной полярной комиссии как «Высочайше утвержденной при Императорской Академии наук». Это давало бы ей особые полномочия как находившейся под Верховным управлением. До этого таким статусом обладала Комиссия по градусному измерению на островах Шпицбергена и Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции. Однако МНП отказалось утверждать комиссию с таким названием, указав, что для испрошения «Высочайшего соизволения» на учреждение такой комиссии нужны веские соображения, насколько ей необходимы особые полномочия, превышающие пределы других учреждений ИАН[503]. Первоначально С. Ф. Ольденбург попытался ссылаться на опыт утверждения предшествующих комиссий по Арктике, но это только затянуло официальное утверждение Полярной комиссии[504]. В сентябре МНП еще раз сообщило, что «затрудняется входить с представлением об учреждении в порядке Верховного управления Постоянной полярной комиссии, так как состав, задачи и права комиссии остаются недостаточно выясненными», и вновь предложило учредить Комиссию «в обычном для таких организаций порядке» — как структуру ИАН[505].

Это решение, объявленное на заседании ОФМН 16 сентября 1915 г., считается официальным утверждением Постоянной полярной комиссии, которую первоначально возглавил президент ИАН вел. кн. Константин Константинович, затем в течение года сменились еще два ее председателя — Б. Б. Голицын и П. В. Никитин, а 16 октября 1916 г. Комиссию возглавил и. о. вице-президента ИАН геолог А. П. Карпинский. Основную организационную работу вели ученый секретарь Полярной комиссии И. П. Толмачев и временами замещавший его гидрограф генерал М. Е. Жданко. Помимо академиков и сотрудников ИАН в ее состав вошли представители университетов, разных правительственных и военных ведомств, в том числе и адмирал А. В. Колчак. И здесь удачно складывалась совместная работа ученых разных специальностей с военными и предпринимателями, заинтересованными в эксплуатации природных богатств Арктики, особенно морских ресурсов. В то же время недостаточное финансирование за счет академических субсидий (всего 8180 руб. за 1916 г.)[506] не позволило развернуть крупномасштабную работу по изучению Севера. В первый год своей работы Полярная комиссия провела четыре заседания[507]. Ей удалось добиться перевода в ведение Морского министерства предназначавшейся к закрытию радиостанции на острове Диксон, которая была не только расконсервирована, но и переоборудована в исследовательский пункт. Были установлены метеорологические приборы, а личный состав обучен ведению гидрометеорологических наблюдений. Сотрудником Главного гидрографического управления был назначен помощник заведующего гидрометеорологической частью ГГУ И. К. Тихомиров[508]. Оставшиеся на зимовку

[503] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Д. 162. Л. 201 об.; Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 110. § 252.

[504] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 250. § 252.

[505] Там же. С. 171. § 431.

[506] Летопись РАН. Т. IV. С. 285.

[507] Отчет о деятельности ИАН. 1916. Пг.: Тип. ИАН, 1916. С. 380–381.

[508] *Шабалина О. В.* Из истории организации метеорологических и гидрологических наблюдений на о. Диксон в 1916 г. (по материалам Музея-Архива истории изучения и освоения

восемь человек во главе с П. Г. Кушаковым вели наблюдения за состоянием разных слоев атмосферы при помощи шаров-пилотов и подъемов воздушных змеев с метеорографами. Результаты гидрометеорологических наблюдений ежедневно передавались радиотелеграфом в Петроград и использовались при составлении секретных синоптических карт, имевших военное значение[509]. В них была заинтересована и Николаевская главная физическая обсерватория для прогнозов погоды в военное время.

25 января 1916 г. на заседании Полярной комиссии Б. Б. Голицын подчеркнул особое значение радиостанции на острове Диксон не только для прогноза погоды, но и для изучения состояния льдов в Арктике во время навигации[510]. Потребности армии и военно-морского флота в значительной степени удовлетворялись морскими перевозками на Севере через реконструированный Архангельский порт и срочно возведенный незамерзающий Мурманский порт. Германия стремилась нарушить эти стратегически важные коммуникации стран Антанты, превратив Северный Ледовитый океан в театр военных действий, где обычным делом стала установка германских мин и атаки подводных лодок на суда и транспорты союзников. Морской штаб надеялся на помощь Полярной комиссии в обеспечении безопасности северных коммуникаций[511].

Полярная комиссия подняла также вопрос о разработке законодательных норм для полярных экспедиций, об обеспечении их безопасности и об издании «Известий Полярной комиссии». В следующем году Комиссия не смогла вести серьезную работу из-за отсутствия устойчивого финансирования и утвержденных штатов[512].

Условия военного времени не позволили Полярной комиссии приступить к полномасштабной реализации намеченных ее создателями задач. Она не начала полевых исследований и вскоре оказалась оторванной от оккупированного Севера — области экспедиционной деятельности. Тем не менее ее планы предусматривали исследования, предполагавшие мобилизацию ресурсов комплекса геолого-географических, биологических и гуманитарных наук для решения оборонных проблем и обеспечения технико-экономической независимости страны.

Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН) // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. № 7 (27). С. 76–90.

[509] *Красникова О. А.* Полярная комиссия Академии наук и Первая мировая война // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы междунар. науч. конф. (Архангельск, 21–25 июня 2014 г.) / Общ. ред. Т. И. Трошиной. Архангельск: Изд-во САФУ, 2014. С. 267–272; *Судариков А. М., Басангова К. М.* Первая мировая война и ведущие ученые Полярной комиссии Российской академии наук // Общество. Среда. Религия. 2015. № 1. С. 22–28.

[510] СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 13. (Протоколы заседаний Полярной комиссии). 1916. Л. 2–7.

[511] *Литвиненко С. В., Судариков А. М.* Первая мировая война и ведущие ученые Полярной комиссии Российской академии наук. С. 153.

[512] Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1917 г., составленный Непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1917 г. Пг.: Тип. РАН, 1917. С. 304–305 (далее: Отчет о деятельности РАН. 1917).

Для Полярной комиссии был характерен комплексный подход к изучению Севера России, который обеспечивался наличием в ее составе крупных ученых, представлявших различные отрасли науки и техники. Важно было и установление ее руководством личных контактов с Военным и Морским ведомствами, позволяющее оперативно решать проблемы, имевшие оборонное значение.

6.4. Проект «Наука в России»

Способом мобилизации науки должен был стать проект, инициаторами которого также явились ученые Академии наук, Петроградского университета и журнала «Природа». О содержании проекта историки В. Н. Бенешевич и А. А. Шахматов и минералоги В. И. Вернадский и А. Е. Ферсман докладывали 5 декабря 1916 г. на ОС ИАН. Проект предусматривал издание в 1917 г. справочной книги «Наука в России» в двух частях. Одна часть должна была дать сведения о состоянии отдельных отраслей знания, научных учреждениях, высших учебных заведениях, вторая — о российских ученых. Этот проект рассматривался как важный путь к мобилизации научных сил России, имеющей особое значение в свете происходящих изменений в системе международных связей. Как подчеркивали докладчики: «Польза и необходимость подобной регистрации давно и широко осознана в различных странах Западной Европы, но интересы России и в этом отношении обслуживались почти исключительно Германией»[513]. Теперь же России самой нужно точно знать свои научные силы, чтобы освободиться от посредничества Германии и более планомерно использовать науку, интегрируя ученых разных отраслей знания и ведомственной принадлежности, работавших и в Петрограде, и в Москве.

Первыми к этой работе приступили ученые во главе с чл.-корр. ИАН зоологом Н. К. Кольцовым и профессором Императорского Московского университета, учеником В. И. Вернадского, минералогом А. Е. Ферсманом. Уже в 1916 г. они начали составление указателей: «а) ученых учреждений и обществ и высших учебных заведений и б) всех отдельных лиц, работающих для науки в составе ли разного рода учреждений или самостоятельно»[514]. Но московские ученые намеревались ограничиться только естествознанием и математикой. Для подготовки же полного указателя-справочника ИАН бралась подготовить книгу «Наука в России», охватывающую гуманитарные науки. Далее обе книги должны были объединиться в одно целое. Книга задумывалась как важный шаг по пути установления более тесных научных контактов с союзными странами. Ответственными за ее издание были назначены С. Ф. Ольденбург и В. Н. Бенешевич.

Характерно, что оба проекта выходили за рамки ведомственных интересов. Академическая и университетская наука здесь выступали единым фронтом.

[513] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 199. § 297.

[514] Там же.

6.5. Мобилизация истории науки

Заботясь о повышении статуса науки в русском обществе, академическое сообщество уже в предвоенные годы усиленно культивировало интерес к интеллектуальной отечественной истории[515]. Так, например, для подготовки и празднования 200-летнего юбилея со дня рождения М. В. Ломоносова была создана специальная комиссия, в которой активно участвовал В. И. Вернадский, опубликовавший серию статей об истории геологии в России и внесший свой вклад в формирование мифа о Ломоносове как о великом ученом, на десятилетие опередившем современников во многих отраслях естественных наук. Характерно, что юбилейные торжества руководство Академии наук использовало для того, чтобы убедить императора и власти столицы в необходимости создания специального Ломоносовского института и постройки нового здания для академической библиотеки. В 1912 г. академическое сообщество возобновило организованное изучение своего прошлого, прерванное в начале века в связи со смертью М. И. Сухомлинова.

Поводом к исследованию новейшего периода (1889–1914) в жизни Академии стало двадцатипятилетие деятельности президента АН вел. кн. Константина Константиновича. Тогда же было задумано четырехтомное издание «Императорская Академия наук (1889–1914)». К началу войны частично были готовы только два тома, содержащие исторические очерки о научных и административных учреждениях Академии. В конечном счете только они и вышли, став важнейшим источником знаний об АН, особенно благодаря помещенным в них 93 биографиям и автобиографиям академиков[516]. В условиях нараставшего экономического и социально-политического кризиса, завершившегося революцией и крахом Российской империи, это издание по академической истории, как и все предыдущие, не было окончено.

Война стимулировала первые попытки организационно оформить исследования по истории науки[517]. В обстановке патриотического подъема, связанного с началом Первой мировой войны, учреждается Комиссия по истории Академии наук, в которую вошли Л. С. Берг, А. А. Борисяк, В. И. Вернадский, А. Н. Крылов и др. 7 марта 1915 г. было принято решение приступить к изданию полного систематического указателя всех сочинений и статей, опубликованных ИАН за время ее существования с 1724 по 1914 г. на русском и иностранных языках, используя при этом указатели В. П. Шемиота, опубликованные в 1870–1880-х гг., а также материалы для их продолжения, составленные Шемиотом и охватывавшие издания до 1893 г.[518] Для решения этого вопроса была организована Комиссия во главе с А. А. Шахматовым, в которую также вошли В. И. Вернадский, К. Г. Залеман и В. Н. Перетц.

---

[515] *Колчинский Э. И.* История науки в городе на Неве // ВИЕТ. 2003. № 3. С. 14–15.

[516] Материалы для истории Академических учреждений. Ч. 1. Пг.: Тип. РАН, 1917 [1918]; Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Ч. 2: М–Я. Пг.: Тип. РАН, 1915 [1918].

[517] *Есаков В. Д.* Неосуществленный проект Академии наук. С. 1129–1139.

[518] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 35. § 59.

В 1915 г. Вернадский сдал в печать очерк «Академия наук в первое столетие своей истории», который был отпечатан, но так и остался в гранках. В обстановке поиска новых форм организации науки закономерным было и формирование Комиссии по изданию сочинений книг и писем М. М. Сперанского, касающихся прежде всего его деятельности по реформе государственного управления в России[519]. Под руководством А. С. Лаппо-Данилевского за два года Комиссия собрала большой объем созданных Сперанским записок и проектов по подготовке реформ в сфере крестьянства, финансов, местного управления, судопроизводства и т. д., хранящихся ныне в специальном фонде Российской национальной библиотеки. Однако из-за резкого сокращения издательской деятельности ИАН в 1916 г. был опубликован единственный выпуск трудов Комиссии, в который вошла опись бумаг Сперанского, составленная во время его высылки из столицы в 1812 г.

Под влиянием вышедшей в Париже в 1915 г. коллективной монографии «Французская наука» в декабре 1916 г. Академия наук создает специальную комиссию по подготовке издания[520], в котором следовало «показать, как много мысли, упорного труда и забот положено русскими людьми на создание тех народных духовных сокровищ, которые в виде книг, библиотек, музеев, лабораторий, опытных станций становятся доступными всё более и более широкому кругу лиц <...>»[521]. У истоков этого проекта стояли ученые ИАН и Петроградского университета В. Н. Бенешевич, В. И. Вернадский, М. А. Дьяконов и А. С. Лаппо-Данилевский, на квартире которого и было принято решение о начале подготовки статей для сборника[522]. Комиссию «Русская наука», как она именовалась в документах, первоначально возглавлял профессор Петроградского университета, академик А. С. Лаппо-Данилевский.

Повышение интереса к отечественной истории было связано с поиском национальной самоидентификации академического сообщества и становлением национально-государственной науки, история которой должна была стать одним из способов воспитания патриотизма, пробуждая чувство гордости за мировые достижения российских ученых[523].

---

[519] *Хартанович М. Ф.* Археографическая комиссия в начале XX в. // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках. С. 313.

[520] *Тункина И. В.* К истории сборника «Русская наука»; Судьба проекта «Русская наука».

[521] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 8.

[522] *Тункина И. В.* К истории сборника «Русская наука». С. 640.

[523] В целом это отражало стремление пересмотреть ценности интернациональной науки в пользу национально-государственной, охватившее в те годы все воюющие страны, но особенно сильно сказавшееся в Германии. См.: *Вольф Ш.* Физики в «войне умов»: возражения Вильгельма Вина против «аглицизма» // Наука, техника и общество во время Первой мировой войны. С. 79–93. В послевоенные десятилетия это стало причиной возникновения «арийской физики» в Германии, «пролетарской» или «советской биологии» в СССР, а позднее и пресловутой борьбы с космополитизмом.

6.6. Мобилизация метеорологии, гидрографии и геофизики

Особо впечатляющие успехи в адаптации фундаментальной науки к нуждам времени демонстрировала Николаевская главная физическая обсерватория, возглавляемая с 1913 г. академиком кн. Б. Б. Голицыным, крупнейшим сейсмологом мира[524]. Война застала его в разгар реализации ряда крупномасштабных проектов, связанных с организацией системы сейсмических исследований в России, с завершением строительства Центральной сейсмической станции при Пулковской обсерватории, с подготовкой в качестве президента Международного сейсмического конгресса в Петербурге, со снаряжением трех экспедиций в окрестности Риги (имение Икскюль), в Киевскую губернию (в Смелу) и в Феодосию для физических наблюдений во время солнечного затмения 8 (21) августа, с чтением лекций в Женском педагогическом институте, а также с активной деятельностью в Российском морском союзе и на Русско-Балтийском заводе, где по его инициативе успешно осваивалось строительство аэропланов, и т. д.[525]

Выпускник Морского кадетского корпуса и Николаевской морской академии, Голицын хорошо понимал значение метеорологии для армии и флота и сумел быстро обратить на нужды войны научный потенциал не только возглавляемого им учреждения, имевшего филиалы в Павловске, Тифлисе, Екатеринбурге, Иркутске и Владивостоке, но и всей огромной геофизической сети, насчитывавшей к тому времени около 3 тыс. станций. Традиционное сотрудничество ИАН с Морским министерством, особенно в области метеорологии, способствовало успеху проведенной им реорганизации метеорологических наблюдений в России с целью приспособления их к потребностям войны и повышения эффективности прогнозов, несмотря на резкое сокращение личного состава ГФО ввиду мобилизации, а также добровольного ухода многих сотрудников на фронт, утраты станций внутри страны и сокращения первичной метеорологической информации из европейских стран[526].

По соглашению с Главным управлением Генерального штаба и Морским генеральным штабом, ГФО отныне основное внимание стало уделять изучению климатических факторов погоды в тех районах, которые были важны для планирования военных действий не только высшим руководством, но и штабами армий и флотов[527]. Для этого пришлось отказаться от плановых научных исследований,

---

[524] *Оноприенко В. И.* Борис Борисович Голицын. 1862–1916. М.: Наука, 2002.

[525] *Рыкачёв М. А.* Памяти князя Б. Б. Приложение I к протоколу V заседания ОС ИАН 9 мая 1916 г. (к § 100) // Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 87–88.

[526] *Смирнов В. Г.* 1) Сотрудничество Академии наук и Морского министерства в области метеорологии во второй половине XIX века // Комиссии Академии наук в XVIII–XIX веках. С. 601–635; 2) Метеорология на защите Отечества в годы Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 30–35.

[527] *Пасецкий В. М.* Метеорологический центр России. История становления и развития. Л.: Гидрометеоиздат, 1978. С. 232; *Прямицын В. Н.* Гидрометеорологическое обеспечение отечественных вооруженных сил в годы Первой мировой войны // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сб. статей. Вып. 3 / Отв. ред. А. Ю. Павлов, А. В. Бодров, А. А. Малыгина. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. С. 270–280.

сосредоточившись на обеспечении военных климатической, аэрологической и гидрографической информацией и долгосрочными прогнозами. Была введена ночная служба погоды в ГФО, открыто Синоптическое бюро близ Варшавы и Тифлиса, использовались данные шаропилотных и змейковых наблюдений, было увеличено ежедневное количество телеграмм с прогнозами и т. д. Фактически ГФО руководило метеорологическими подразделениями в войсках и по просьбе военного командования с ноября 1915 г., опираясь на многолетние наблюдения в районах боевых действий, организовало на правах рукописи ежемесячные выпуски «Климатических условий» сначала для Северного, а затем также для Западного и Южного фронтов. В первом выпуске было 8 глав, посвященных температуре воздуха, температуре почвы, замерзанию рек и озер, облачности, осадкам, снежному покрову, ветрам и метелям. Как отмечал Голицын, в составлении бюллетеня в основном участвовали в сверхурочное время сотрудники Обсерватории, выполнив всю работу по подготовке текста в четыре печатных листа за 10 дней[528].

Существенно расширилась и материальная база метеорологических наблюдений. Несмотря на трудности военного времени, удалось надстроить четвертый этаж главного здания обсерватории на 23-й линии Васильевского острова[529]. Это позволило оборудовать небольшую физическую лабораторию для экспериментальной работы физиков, а также специальное стеклодувное отделение для новой мастерской. Расширение механических мастерских ГФО позволило начать массовое изготовление приборов, импортируемых до того из-за границы[530]. В созданных к 1916 г. Объединенных мастерских ГФО трудились более 250 человек, выпускающих термометры, тахометры, компасы, барометры, теодолиты, аэронавигационные приборы, метеорологические и аэрологические самописцы и т. д. Как подчеркнула Б. П. Кароль, «благодаря энергии и административному таланту Б. Б. Голицына в России было положено начало планомерному отечественному приборостроению в метеорологии и геофизике»[531]. Это один из очевидных примеров мобилизационной науки, свидетельствующий о быстром ответе естественнонаучного знания на запросы военного времени.

При этом всё время работа велась в тесном контакте с властными органами и военными структурами. 9 октября 1914 г. морской министр адмирал И. К. Григорович обратился в ИАН с предложением создать на побережье Северного Ледовитого океана и на арктических островах новые станции для сбора гидрометеорологических данных, важных «не только для составления мореходных карт, руководств для плавания и ежегодников приливов, но, особенно, и для целей Государственной обороны: минного дела, подводного плавания и гидроавиации»[532]. В добавление к существовавшим 38 станциям, включая 14 наблюдавших за ледовым покровом, и 4 гидрографическим экспедициям, действовавшим на Белом море, на Северном Ледовитом и Восточном (Тихом) океанах предлагалось в первую очередь учре-

[528] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 212–214. § 541.

[529] Там же. С. 212. § 540.

[530] *Рыкачёв М. А.* Памяти князя Б.Б. С. 88.

[531] *Кароль Б. П.* Академик Б. Б. Голицын и метеорология. Л.: Гидрометеоиздат, 1982. С. 41.

[532] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 262. § 641.

дить гидрометеорологические наблюдения в Югорском шаре, в Карских воротах и Маре-Сале, в Анадырской губе и на мысе Дежнева, а Академию наук просить о содействии в этих мероприятиях.

В ответном письме от 3 декабря 1914 г. ИАН выразила уверенность, что при выделении достаточных средств Главное гидрографическое управление могло бы не только расширить, но и усовершенствовать работу гидрометеорологических станций, а также сосредоточить в своих руках обработку и публикацию как полученных на них данных, так и результатов всех наблюдений, производимых на российских морских судах и на морских побережьях[533]. Такое суждение понравилось морскому министру. Ссылаясь на пожелания Государственной думы, И. К. Григорович 12 декабря 1914 г. просил Николаевскую главную физическую обсерваторию разработать подробный план организации метеорологических наблюдений и заверил, что согласованная работа академических учреждений и гидрометеорологических исследований в Морском министерстве «послужат на пользу отечественной климатологии, океанографии и, особенно, делу предсказания погоды, удовлетворяя вместе с тем и всем требованиям, выдвигаемым настоящими нуждами торгового мореплавания и портостроительства»[534]. По его мнению, следовало все морские гидрологические исследования сосредоточить при Главном гидрографическом управлении Морского ведомства.

По решению ОФМН, Б. Б. Голицын с января 1915 г. был привлечен к подготовке Государственной думой законопроекта о реорганизации метеорологических наблюдений в России[535]. В декабре 1915 г. под руководством Голицына создали Главное военно-метеорологическое управление (ГВМУ), передав в его ведение всю военную метеорологию, а при штабах армии отделения ГВМУ, что позволяло делать прогнозы для зон боевых действий, составляя подробные синоптические карты для каждой из них, быстро внося в нее коррективы. Сам Голицын неоднократно выезжал в Ставку Верховного главнокомандующего и к начальнику Авиационной части. В ГВМУ было сформировано и отправлено на фронт более 40 станций для обеспечения армейских, корпусных, истребительных и крепостных авиаотрядов, авиационных парков и дивизионов[536]. Для подготовки кадров военных метеорологов привлекались и преподаватели высшей школы, в частности приват-доцент Императорского Московского университета, будущий крупный геофизик В. Ф. Бончковский, возглавивший Военно-метеорологическую службу Юго-Западного фронта. Ученый-метеоролог М. А. Рыкачёв организовал метеорологическое обеспечение эскадры самолетов «Илья Муромец»[537]. В составе Главного гидрографического управления ВМФ

[533] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 3. § 5.

[534] Там же.

[535] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Д. 162. Л. 147.

[536] *Прямицын В. Н.* Гидрометеорологическое обеспечение отечественных вооруженных сил в годы Первой мировой войны. С. 274.

[537] *Прямицын В. Н.* Метеорологическое обеспечение первого соединения тяжелых бомбардировщиков России. URL: http://cpvrb.ru/istoria/meteorologicheskoe_obespechenie_pervogo_soedineniya_tyazhyolyh_bombardirovwikov_rossii/ (дата обращения: 09.10.2017).

России работала гидрометеорологическая часть, возглавляемая известным зоологом и полярным исследователем Л. Л. Брейтфусом, принявшим в 1912 г. русское подданство[538]. В его ве́дении находилась сеть гидрометеорологических станций, маяков, экспедиций и составление лоций.

Бывший сотрудник Аэрологической обсерватории в Павловске, гениальный математик и геофизик, автор концепции расширяющейся Вселенной, физик прапорщик А. А. Фридман по предложению Голицына возглавил Центральную аэронавигационную станцию в Киеве[539]. Вступив добровольцем в авиационный отряд, А. А. Фридман во время службы в авиации проявил себя и как блестящий ученый-практик. Он разработал новый метод бомбометания вместе с расчетными таблицами, что превратило мирные аэропланы в оружие «дальнего прицела», читал лекции в Военной школе летчиков-наблюдателей, руководил работами по аэронавигации и аэрологическому обслуживанию авиации[540]. При этом Фридман проявил личное мужество в военных действиях русской авиации, будучи и летчиком-наблюдателем и бомбардиром, участвовал в разведывательных операциях и был награжден Георгиевским крестом за храбрость[541]. Считается, что Фридман впервые использовал самолет для метеорологических наблюдений, а находясь в армии, не только опубликовал несколько важных работ, но и стал приват-доцентом в Университете св. Владимира. Под его началом проводил метеорологические и геофизические наблюдения будущий крупный немецкий астроном Э. А. Пален.

В значительной степени благодаря Фридману и аэрологические наблюдения в авиционных частях получили признание. Он разработал и представил в штаб авиации план организации специальной аэрологической службы и лично участвовал в организации аэрологической службы на Северном и других фронтах, в снабжении станций необходимыми приборами и материалами, в подготовке специалистов. Осознав необходимость создания отечественного авиаприборостроения, Фридман в июне 1917 г. создал завод «Авиаприбор» в Москве и стал его первым директором, продемонстрировав еще раз, что приверженность фундаментальной науке отнюдь не препятствие успехам в организации производства.

Точность прогнозов о силе и направлении ветров стала особенно важна в связи с применением химического оружия. Метеорологические службы начали создаваться не только при штабах армии, но и в дивизиях и полках с целью определить время возможной химической атаки и успеть подготовиться к газовой обороне. С начала 1917 г. в войсках появились метеорологи, ответственные за обеспечение химической войны. Сотрудник ГФО Д. А. Смирнов, секретарь Межведомственной магнитной комиссии, служивший в Химической роте, подготовил брошюру

---

538 *Лайус Ю. А.* Брейтфус Леонид (Людвиг) Львович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 70–71.

539 *Тропп Э. А., Френкель В. Я., Чернин А. Д.* Александр Александрович Фридман (математик и геофизик. 1888–1925): Жизнь и деятельность. Л.: Наука, 1988.

540 *Фридман А. А.* Конспект лекций по аэронавигации. Киев: [Б. и.], 1916.

541 *Френкель В. Я.* Александр Александрович Фридман // Успехи физических наук. 1988. Т. 155. Вып. 3. С. 481–516.

об основах газовой борьбы, которая, возможно, спасла жизнь многим солдатам и офицерам[542].

С момента своего создания под руководством академика М. А. Рыкачёва Межведомственная магнитная комиссия (ММК) при ИАН действовала в тесном контакте с Военным и Морским министерствами. Во время войны эти связи укрепились, особенно с Военно-топографическим отделом Генерального штаба и Главным гидрографическим управлением Морского министерства, предоставившим Комиссии необходимые для магнитных съемок хронометры, инструменты и карты[543].

При Константиновской магнитной и метеорологической обсерватории в Павловске под руководством Н. В. Роде, ставшего вскоре знаменитым гидрологом, геомагнитологом, полярным исследователем, шла подготовка наблюдателей, которые обучались методам астрономических и магнитных наблюдений с помощью походных приборов, а также навыкам обращения с абсолютным магнитным теодолитом для измерения малых значений магнитных индукций. Подготовку к магнитным наблюдениям прошли и слушательницы Высших (Бестужевских) женских курсов[544]. Из-за обстановки в Бессарабии и Прибалтийских губерниях, а также вследствие недостатка средств в 1915–1916 гг. многие запланированные съемки не были выполнены. К тому же на передний план выдвинулись работы по заказам военного ведомства, а предусмотренные ранее съемки откладывались. Тем не менее намеченные в 1914 г. полевые работы и маршрутные съемки в Новгородской, Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерниях и в Западной Сибири состоялись, и главным образом благодаря профессорам и студентам университетов: Э. Е. Лейсту, В. Ф. Бончковскому и В. И. Виткевичу (Московский университет); Н. А. Булгакову и Я. С. Безиковичу (Петроградский университет); Б. П. Вейнбергу (Томский университет).

***

Далеко не всегда Академия наук поддерживала инициативы, вызванные чрезвычайными обстоятельствами военного времени. 4 марта 1915 г. на заседании ОФМН подверглось обсуждению предложение академика А. М. Ляпунова о принятии чрезвычайных мер для предотвращения различного рода эпидемий из-за непогребенных трупов в районах боевых действий[545]. Академик предлагал последовать примеру западных союзников, сжигавших трупы павших на полях сражения и тем самым быстро и радикально уничтожавших рассадники возможных

---

[542] *Смирнов Д. А.* Метеорологические основы газовой борьбы (обзор внешних атмосферных и топографических условий в деле газовой борьбы). Пг.: Газовый отд. Петрогр. ком. воен.-техн. помощи объединенных науч. и техн. организаций, 1917.

[543] *Смирнов В. Г.* 1) Академик М. А. Рыкачёв и развитие геофизики в России. СПб: Нестор-История, 2014; 2) К истории геофизики в России: деятельность Магнитной комиссии Академии наук (1908–1922) // Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII — первой половине XIX в. / Отв. ред. Ю. М. Батурин; ред.-сост. Г. И. Смагина. СПб.: Росток, 2016. С. 302–306.

[544] *Селезнева Е. С.* Первые женщины геофизики и метеорологи. Л.: Гидрометеоиздат, 1989.

[545] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 74. § 163.

эпидемий. По мнению Ляпунова, с подобным предложением следовало обратиться к Верховному начальнику Главного санитарно-эвакуационного управления принцу А. П. Ольденбургскому, а возможно, и к Верховному Главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу. ОФМН решилось поддержать своего коллегу и передало вопрос на рассмотрение ОС, которое отклонило предложение математика на заседании 7 марта 1915 г.[546] Скорее всего, оно показалось академикам радикальным, затрагивающим вековые традиции и религиозные национальные чувства.

[546] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 33. § 56.

Глава 7
«СРАЖАЮЩИЕСЯ УНИВЕРСИТЕТЫ»

«Сражающимися университетами» было принято называть высшие учебные заведения Третьего Рейха, преподаватели и студенты которых в массовом порядке уходили на фронт, а все учебные программы и планы научно-исследовательской работы были нацелены на обеспечение потребностей военного времени и достижение победы[547]. Как и университеты СССР, немецкие университеты в годы Второй мировой войны явили миру пример подлинной мобилизации науки и образования. Но если немецкие университеты во время Второй мировой войны в значительной степени опирались на опыт Первой мировой войны, то на сегодняшний день не совсем ясно, насколько могли воспользоваться подобным опытом советские университеты.

Считается, что первым к этой теме обратился юрист, философ, общественный деятель П. И. Новгородцев. Оказавшись в Чехословакии после Гражданской войны, он вместе с Д. М. Одинцом подготовил книгу «Русская школа и университеты в Мировой войне»[548], которая вышла в США и в Англии в 1929 г., уже после смерти Новгородцева, в русской серии «Экономическая и социальная история Мировой войны», основанной академиком П. Г. Виноградовым. Предисловие к ней написал бывший глава МНП граф П. Н. Игнатьев[549].

Вместе с тем необходимо отметить, что задолго до П. И. Новгородцева тема мобилизации высшей школы обсуждалась в печати. В научно-популярном журнале «Вестник воспитания» говорилось, что в первый год великой войны академическая жизнь в высшей школе «продолжалась и даже требовала большего напряжения в смысле мобилизации научных сил в целях войны»[550]. Особенно отмечалась эвакуация вузов Варшавы, Риги, Юрьева и Киева и некий спор ряда губерний за право их приема, организация помощи раненым путем рентгеновских исследований, участие профессоров и студентов в мобилизации врачебных учреждений и промышленности для военных целей, в изготовлении медикаментов, взрывчатых веществ и снаряжения, в выращивании лекарственных и кормовых растений, в экспертизе при различных научно-технических и производственных организациях. В этом отношении особенно впечатляющими были усилия Казанского и Московских университетов, Императорского технического училища, Коммерческого института и др.[551] 15 сентября 1915 г. под руководством помощника военного министра генерал-лейтенанта М. А. Беляева состоялось межведомственное совещание по вопросу привлечения студентов к нуждам обороны, на котором было сообщено о необходимости отмены для них отсрочки для призыва в армию, а также устройства курсов для их подготовки в качестве офицеров.

---

[547] “Kämpferische Wissenschaft”. Studien zur Universität Jena im Nationalsozialismus / Hrsg. U. Hoßfeld, Ju. John, O. Lemuth & R. Stutz. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2003.

[548] *Odinetz D. M., Novgorodtsev P. I.* Russian Schools and Universities in the World War.

[549] Ibid. P. XVII–XXV.

[550] *Поспелов И.* Из жизни высшей школы // Вестник воспитания. 1915. Т. 26. № 7. С. 98.

[551] Там же. С. 108–115.

Новгородцев впервые монографически продемонстрировал, как велики были российские усилия в деле модернизации образования в предвоенное десятилетие и в годы Первой мировой войны и как важна эта тема для понимания социальных и экономических ее аспектов. В разделе «Русские университеты и высшие технические школы во время войны», написанном Новгородцевым, также обсуждалось их состояние перед войной, в 1914 — январе 1917 и после Февральской революции 1917 г. По существу, Новгородцев впервые поднял многие вопросы мобилизации высшего образования, ставшие предметом исследований только в последние десятилетия: патриотический подъем первых месяцев; участие российской профессуры в «войне умов»; призыв студентов в армию; участие высшей школы в деятельности Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов; роль высшей школы в организации госпиталей, а также лабораторий и мастерских по выпуску медикаментов; участие профессуры в Особых совещаниях и создание при университетах и технических вузах специальных военных комитетов для оперативного решения актуальных вопросов снабжения армии и оборонной промышленности[552]. Впервые он отметил также, что, в отличие от Германии, где подавляющее большинство немецких студентов или были призваны на фронт или работали на оборонных предприятиях, в России эта цифра в 1915 г. колебалась на уровне 10–12%. Да и после постановления Совета министров от 13 февраля 1916 г. об отмене отсрочек для большинства студентов оставалось несколько категорий, не подлежащих призыву до окончания последнего курса[553]. Существенные различия были и в численности российских преподавателей высшей школы и их немецких коллег, ушедших на фронт. По оценке Новгородцева в целом во время войны студенческий контингент в отличие от других стран не слишком сократился и процент студентов среди призванных в армию был незначителен[554].

Будучи профессором Московского университета, П. И. Новгородцев основные примеры мобилизации вузовской науки приводил из его деятельности, но показал, что процесс носил всероссийский характер с участием профессуры Варшавы, Казани, Екатеринослава, Киева, Москвы, Ростова, Харькова, Одессы и др. По его мнению, поражение России в 1915 г. стимулировало профессуру, осознавшую угрозу поражения, на новые усилия в целях мобилизации науки. Особое значение он придает состоявшемуся 5 сентября 1915 г. заседанию Совета Московского университета, на котором ректор М. К. Любавский подчеркнул еще раз, что речь идет о существовании государства, и поэтому необходимо создать специальный военный комитет, который должен обратиться в Центральный военно-технический комитет (ЦВТК) с предложениями о сотрудничестве в конкретных проектах[555]. Вскоре этому призыву последовали другие научно-образовательные учреждения, создавая и студенческие комитеты для мобилизации студентов в качестве инженеров

[552] *Novgorodtsev P. I.* Universities and Higher Technical Schools // Odinetz D. M., Novgorodtsev P. I. Russian Schools and Universities in the World War. P. 154–193.

[553] Ibid. P. 178–179, 190–192.

[554] Ibid. P. 168.

[555] Ibid. P. 177–178.

и руководителей производств. Рассмотрел Новгородцев и различные социальные и экономические последствия войны для высшего образования[556].

Однако его работа надолго выпала из сферы внимания советских исследователей, занимавшихся высшей школой в годы Первой мировой войны, так как сам автор — бывший член ЦК кадетской партии, покинувший Россию с войсками Врангеля, — был активным деятелем Русской академической группы в Праге и считался нелояльным советской власти. Да и тема мобилизации профессорско-преподавательского корпуса и студенчества ради победы России была, мягко говоря, не очень популярна в СССР. Т. Маурер справедливо отметила: «Если в российской историографии Первая мировая война всегда была в тени революции, то это утверждение верно также и в отношении историографии университетов...»[557]

В немецкой литературе тема «Университеты в годы Первой мировой войны» также только относительно недавно стала предметом специальных исследований[558]. В современной отечественной историографии высшей школы, в том числе и коммеморативной, ее интенсивно обсуждают с конца 1980-х гг. С. Кассов, А. Е. Иванов[559] и гёттингенский профессор Т. Маурер[560], к которым позднее подключились

---

[556] Ibid. P. 194–220.

[557] *Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества? С. 416.

[558] *Blessing W.K.* Universität im Krieg. Erlanger Schlüsseljahre im 19. und 20. Jahrhundert // Die deutsche Universität im 20. Jahrhundert. Die Entwicklung einer Institution zwischen Tradition, Autonomie, historischen und sozialen Rahmenbedingungen / Hrsg. K. Strobel. Vierow: SH-Verl., 1994. S. 47–68; *Gätke-Heckmann U.* Die Universität Leipzig in Erste Weltkrieg // Sachsens Landesuniversität in Monarchie, Republik und Diktatur zur Geschichte. Beiträge zur Geschichte der Universität Leipzig vom Kaiserreich bis zur Auflösung des Landes Sachsen 1952 / Hrsg. U. von Hehl. Leipzig: Evang. Verl. — Anstalt, 2005. S. 145–168; *Wettmann A.* Ruhmvoll verördet? Deutsche Universitäten im Ersten Weltkrieg // Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer. S. 18–39; *Siebe D.* “Nattern am Basen”: Ausländischen Studierende an deutschen Universitäten. 1914–1918 // Ibid. S. 39–56; *Maurer T.* Universitas militans. Von der Militarisierung der deutschen Universität in späten Kaiserreich zur Rechtfertigung des Militarismus im Ersten Weltkriegr // Ibid. S. 57–74; *Маурер Т.* 1) Исключительность и интеграция: профессора и студенты в немецком обществе в годы Первой мировой войны // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 221–235; 2) «Барометры» или «маяки» общества? С. 367–499.

[559] *Kassow S.D.* Students, Professors, and the State in Tsarist Russia; *Иванов А.Е.* 1) Высшая школа России в конце XIX — начале XX века; 2) Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны». С. 108–128; 3) Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самореализации. М.: Новый хронограф, 2004; 4) Отклики Первой мировой войны в высшей школе Российской империи. С. 207–235; 5) Наука и высшая школа России в период Первой мировой войны и революций // Российская история. 2014. № 5. С. 147–164; *Иванов А.Е., Кулакова И.П.* Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // Российская история. 2013. № 2. С. 44–62.

[560] *Maurer T.* 1) Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1998; 2) Der Krieg der Professoren. S. 231–247; Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer; *Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества? С. 500–523; Университет и город в России (начало XX века) / Ред. Т. Маурер, А. Дмитриев. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

А. Ю. Андреев, Л. А. Бушуева, Е. А. Вишленкова, И. А. Гилязов, А. Н. Дмитриев, А. Ф. Кривоноженко, С. Моррисси, Е. А. Ростовцев, С. Тамул, Г. Хаусман и др.[561] В их трудах особое внимание было уделено эволюции университетов в Петрограде, Москве, Казани, Одессе, Томске, Харькове и Юрьеве в этот период.

Недавно А. Н. Дмитриев предпринял интересную попытку дать комплексный анализ структурных, социально-политических и отчасти экономических факторов эволюции университетского образования в первой трети XX в. как единого процесса, без традиционного ее деления на имперский и советский периоды[562]. При таком подходе удается привлечь внимание к тем сторонам студенческих и профессорско-преподавательских корпораций, которые или нивелируются в большинстве исследований, или даже игнорируются в угоду стандартных версий истории высшей школы как борьбы за реализацию неких общих интересов профессорско-преподавательского корпуса и студенчества. На самом деле эта эволюция в значительной степени была обусловлена внутренними противоречиями, неравенством в самом преподавательском корпусе, жесткой иерархизацией внутри него, различием системы ценностей между преподавателями и студентами и т. п. Часто в этом и были причины взрыва возмущений как выхода на поверхность внутреннего напряжения. К сожалению, этот аспект более или менее разработан только для университетов довоенного периода.

Цель данного раздела состоит в том, чтобы, опираясь прежде всего на литературные источники, а также частично на архивный материал по Казанскому, Петроградскому и Психоневрологическому университетам, ответить на вопрос, была ли на самом деле университетская наука мобилизована на нужды войны или профессорско-преподавательский корпус ограничился так называемым «академическим патриотизмом», используя верноподданнические лозунги для продвижения собственных корпоративных интересов. Второе: важно выяснить, как мобилизация студентов отразилась на учебных планах и каким образом компенсировался возникший дефицит в подготовке специалистов, требуемых военным временем (открытие новых вузов, краткосрочных курсов, снятие гендерных и национальных барьеров, продвижение профессурой новых курсов и проектов, имеющих оборонное значение). И, наконец, можно ли считать включение профессоров и преподавателей вузов в проекты Химического комитета, Комитета военно-технической

[561] *Hausmann G.* Universität und stadtische Gesellschaft in Odessa. 1865–1917: Soziale und nationale Selbstorganisation an der Peripherie des Zahrenreiches. Stuttgart: Fr. Steiner, 1998; «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. / Отв. сост. А. Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009; *Бушуева Л. А.* Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917. Казань: Центр инновационных технологий, 2012; *Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х., Ильина К. А.* Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М: Новое литературное обозрение, 2012; *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть. М.: РОССПЭН, 2017. С. 664–765.

[562] *Дмитриев А. Н.* Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4. С. 108–133.

помощи, в военно-промышленные комитеты, в КЕПС, КИПС, комиссии «Наука в России», «Русская наука», Полярную комиссию, созданные во время войны правительствами ведомствами, земством и ИАН, актами мобилизации университетской науки. При этом под мобилизацией вузовской науки подразумеваются как идеологическая и политико-пропагандистская деятельность профессоров и доцентов для оправдания войны и сплочения населения, так и исследования в сфере развития оборонной промышленности и обеспечения ее сырьем и технологиями, а также участие в организации военной промышленности, в техническом оснащении фронта, в медицинских разработках, энергетическом и транспортном обеспечении, в различных благотворительных общественных проектах и т. д. Свидетельство одного из очевидцев тех событий о том, что «студенчество и профессура ревностно служили родине в эти исторические дни»[563], в последнее время всё чаще подвергается сомнению. Одна из задач этого раздела показать, что в дискуссиях о «профессорском патриотизме» пока еще рано ставить точку, отбирая данные лишь в пользу одной из альтернативных точек зрения.

При этом нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что апелляция к оборонному значению своих исследований нередко использовалась профессорами для продвижения проектов по институционализации своих дисциплин. Так, состоявшийся 26–29 марта 1915 г. в Москве Всероссийский съезд преподавателей географии под председательством Д. Н. Анучина принял постановление о необходимости введения на университетских физико-математических факультетах самостоятельных кафедр географии, физической географии с метеорологией, антропологии и этнологии[564].

7.1. Основные векторы мобилизации высшей школы

Основными формами участия вузов в военно-экономической мобилизации стали: перестройка учебных планов в сторону приспособления их к нуждам войны; освоение и организация производства оружия, лекарств и предметов материально-технического снабжения армии и флота; разработка технологий производства новых видов оружия и военной техники; разработка фундаментальных проблем естествознания, имеющих потенциальное значение для создания новых видов оружия; санитарно-медицинское обслуживание армии и тыла. Поклявшись в верности отечеству и власти, руководство университетов, факультетов и кафедр вносило коррективы в свою деятельность в той степени, в какой они соответствовали специфике их дисциплин, а главное, имели бы реальную, а не декоративную значимость для военных нужд.

Прежде всего профессора включились в информационную войну, и первые лекции в осенний семестр они посвятили войне, создавая у слушателей впечатление неизбежности войны, имеющей огромное значение для будущего человечества.

[563] *Поспелов И.* Из жизни высшей школы. С. 98.

[564] Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1915 г. Ч. 1. [Б. м.: Б. и.], 1916. С. 353–355. URL: http://letopis.msu.ru/letopis/1915. (дата обращения: 10.01.2018) (далее — Отчет о состоянии и действиях ИМУ за 1915 г.).

Резко возросло число лекций для публики, организованных научными обществами. Тема лекций и аргументы предопределялись специальностями. Юристы говорили об аспектах международного права, историки — о вековой вражде славянских и германских народов, о целях и задачах войны, об отношениях между воюющими государствами, медики — об использовании современных достижений при лечении раненых, экономисты — о способах организации сельского хозяйства в годы войны, физики и химики — об использовании законов природы для создания новых видов вооружения. Но перестраивали свою научную деятельность прежде всего те вузы, факультеты и кафедры, которые были способны решать конкретные задачи обеспечения армии и тыла.

Наиболее часто это были задачи медико-санитарного обслуживания нужд фронта и тыла, на котором мы подробно остановимся в специальной главе[565]. Здесь же отметим, что уже с сентября 1914 г. функционировало Особое совещание из профессоров химии, медицины и фармакологии, образованное МНП: его участники подготовили перечень медикаментов, которые могли быть изготовлены вузами.

И результаты не заставили себя ждать[566]. Профессор зоологии Киевского политехнического института Н. Ф. Кащенко, возглавлявший Акклиматизационный сад, наладил выращивание лечебных трав для производства лекарств, ввозимых до этого из Германии (аспирин, новокаин, атропин и др.). В Донском политехническом институте наладили производство хлороформа, карболовой кислоты (фенола), коллодия и др. В лабораториях Технологического института в Петрограде было организовано производство лекарств и хлора[567]. Студенты изготовляли врачебные и дезинфекционные препараты для лазарета, разрабатывали методику синтетического получения сальварсана, фенацетина, веронала, салициловой кислоты.

Химики вузов дали оперативный ответ на дефицит йода. В течение двух лет было предложено несколько независимых способов получения йода в достаточном количестве из морских водорослей. Профессор Горного института в Екатеринославе Л. В. Писаржевский организовал специальную лабораторию для его изготовления из водорослей Черного моря, которые содержали его даже больше, чем водоросли Атлантического океана. Проректор и профессор химии ИПгУ, будущий академик В. Е. Тищенко совместно со своим студентом И. Л. Рабцевичем-Зубковским в самом начале войны в 1914 г. предложил способ получения йодистого метилена из морских водорослей Белого моря, который поддержали верховный начальник эвакуационной и санитарной части принц А. П. Ольденбургский, бывший министр народного просвещения А. Н. Шварц, министр финансов П. Л. Барк и семейство сахарозаводчиков-филантропов Терещенко. Под руководством Тищенко в 1915 г. была проведена экспедиция, доказавшая возможность добычи йода в промышленных масштабах, и разработана технология получения химически чистых

[565] См. также: *Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества? С. 513–518.

[566] *Novgorodtsev P. I.* Universities and Higher Technical Schools. P. 378.

[567] Санкт-Петербургский технологический институт Императора Николая I в годы Первой Мировой войны. URL: http://museum-spbti.wixsite.com/museum/pervaya-mirovaya (дата обращения: 20.05.2017).

реактивов. В августе следующего года в Архангельской губернии было начато строительство завода, управляющим которого стал Тищенко. Вступил завод в строй в январе 1918 г. И здесь, как в случае с бензолом, который будет рассмотрен ниже, скоординированные действия ученых, правительственных медицинских и финансовых ведомств и промышленников дали конечный результат, хотя планируемого ежегодного выпуска 8 т йода и 500 т калийных солей достичь не удалось.

Профессор Московского технического училища, будущий академик А. Е. Чичибабин организовал и возглавил Московский комитет содействия развитию фармацевтической промышленности, под патронажем которого была создана алкалоидная лаборатория, где разрабатывались методы производства опия, морфина, кодеина и пиридина. Начав в 1915 г. вместе с Н. Г. Пацуковым и В. М. Родионовым изготовлять морфин и кодеин из опия, конфискованного на таможнях, Чичибабин вскоре разработал технологию промышленного производства этих алкалоидов. В другой лаборатории этого же училища он разработал технологию получения аспирина, салола, салициловой кислоты и ее солей и фенацетина[568]. Создавая новые технологии для промышленного производства лекарств, Чичибабин способствовал становлению отечественной фармацевтической промышленности. Созданные им медицинские препараты спасли тысячи раненых солдат и офицеров. Он активно участвовал в деятельности Московского военно-промышленного комитета, где организовал химический отдел. По его инициативе при Московском техническом училище за счет казенных средств был учрежден образцовый завод по производству химико-фармацевтических препаратов, на базе которого в 1917 г. возник первый в России алкалоидный завод.

Снабжение медицинских учреждений рентгеновскими аппаратами стало столь же хрестоматийным примером помощи высших медицинских учебных заведений армии. Так, Московский коммерческий институт обслуживал 33 госпиталя, в большинстве из которых были раненые военнослужащие. Быстро была достигнута и независимость в их производстве. Первым шагом для этого стало налаживание ремонта и изготовления рентгеновских трубок на петроградском заводе Н. А. Федорицкого и московском заводе Ф. Д. Саксе[569]. Вскоре после начала войны изобретатель отечественных рентгеновских трубок Н. А. Федорицкий получил от принца А. П. Ольденбургского кредит на расширение их производства и военный заказ. Буквально в течение двух недель производство было спешно расширено и превратилось в Первый русский завод трубок Рентгена[570]. По инициативе бывшего начальника Императорской Военно-медицинской академии Н. А. Вельяминова, назначенного консультантом-хирургом при Ставке, вскоре были созданы мобильные рентгеновские установки для фронта, существенно облегчая деятельность военно-полевых хирургов. В продвижении этой идеи и ее реализации активно участвовал

[568] *Волков В. А.* А. Е. Чичибанин и В. Н. Ипатьев — трагические судьбы. С. 43–44.

[569] *Швецов Б.* Производство рентгеновских приборов в России // Природа. 1915. № 4. Стб 608–610.

[570] *Алексеев Т. В.* Зарождение и становление электровакуумной промышленности России в 1910–1920-е годы // Известия РГПУ. 2009. № 117. С. 9–16.

будущий академик, биофизик П. П. Лазарев[571]. А. А. Глаголева (позже Глаголева-Аркадьева) — первая в России женщина профессор-физик, работала на кафедре физики Высших женских курсов и в рентгенологическом кабинете при военном госпитале. Она изобрела рентгеностереометр — прибор для точного определения положения пуль и осколков в теле раненого[572].

Профессор Харьковского университета Н. П. Тринклер организовал производство отечественного кетгута — саморассасывающегося хирургического шовного материала, изготовляемого из очищенной соединительной ткани.

Тяжелое положение русской армии и создание Военно-промышленного комитета заставили руководство вузовской науки задуматься о более активном участии в оборонных мероприятиях. В силу особой активности создателей Московского военно-промышленного комитета этот процесс наиболее сильно проявился в Московском университете, как отмечал еще П. И. Новгородцев. 31 августа 1915 г. под председательством ректора Московского университета М. К. Любавского состоялось совещание ряда профессоров физико-математического факультета, на котором было решено, что университет «как учебное учреждение не в состоянии производить предметы обороны фабричным способом, но он может предложить общественным организациям свое сотрудничество по испытанию, проверке, изобретению, изготовлению образцов и т. п.»[573].

Через четыре дня этот вопрос был вынесен на обсуждение Совета университета, на котором было признано недостаточным далее основное внимание уделять только «врачеванию и облегчению участи больных и раненых воинов», и была постулирована необходимость задуматься о прямом участии в изготовлении военного снаряжения[574]. Совет предложил сотрудничество всех своих ученых и лабораторий правительственным и общественным учреждениям, работавшим на оборону, и призвал студентов активно участвовать в нем. Совет избрал Военную комиссию в составе 41 представителя всех факультетов, но преимущественно физико-математического и медицинского[575]. Комиссию возглавил проректор С. В. Познышев — специалист в области юридической психологии, а секретарем стал историк Ю. В. Готье. В ее состав вошли деканы всех факультетов, а также профессора, приват-доценты и ассистенты многих кафедр, в том числе механик Н. Е. Жуковский, химики В. С. Гулевич, И. А. Каблуков, Н. А. Козлов, И. В. Куликов, В. В. Лонгинов, А. М. Настюков, И. С. Плотников, Е. С. Пржевальский, А. П. Снесарев, В. В. Челинцев, Е. И. Шпитальский, геофизики Э. Е. Лейст и А. А. Сперанский, физики А. П. Сабанеев, В. А. Свентославский, А. П. Соколов, Б. В. Станкевич, К. П. Яков-

---

[571] *Лазарев П. П.* Подвижной Рентгеновский кабинет в военное и мирное время // Природа. 1914. № 11. Стб 75–83.

[572] *Храмов Ю. А.* Глаголева-Аркадьева Александра Андреевна // Физики: Биографический справочник / Ред. А. И. Ахиезер. М.: Наука, 1983. С. 86.

[573] Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1915 г. Ч. 2. [Б. м.: Б. и.], 1916. С. 227. URL: http://letopis.msu.ru/letopis/1915. (дата обращения: 10.01.2018).

[574] Там же. С. 228.

[575] Там же. С. 221–228; *Andreev A. Ju.* Die gespaltene Universität. S. 173.

лев, зоологи Н. В. Богоявленский, Г. А. Кожевников, ботаник Ф. Н. Крашенинников, палеонтолог А. П. Павлов, минералоги Н. Н. Смирнов и С. Ф. Глинка, почвовед И. П. Жолцинский, экономист И. М. Гольдштейн, филолог А. А. Грушка, правовед В. А. Краснокутский, историк Г. В. Сергиевский, психолог Г. И. Челпанов, медики Н. А. Савельев, Н. Ф. Голубов, В. А. Муратов, А. А. Маклаков, М. И. Райский, В. М. Зыков и др. Большое количество химиков и медиков в какой-то степени объяснялось тем, что проблема отравляющих веществ и защиты от газов была особенно актуальна в те дни и многие из них участвовали в Комиссии по противогазам. Все остальные должны были войти в Московский военно-промышленный комитет и в Главный комитет Всероссийского земского и городского союзов и выступить там с конкретными предложениями.

12 сентября 1915 г. Совет университета, заслушав доклад С. В. Познышева, обратился с воззванием ко всем сотрудникам университета направлять на имя руководителей Военной комиссии и декана историко-филологического факультета А. А. Грушки конкретные предложения по участию в разработке военного оборудования, производстве медикаментов, а также в уходе за ранеными, устройстве беженцев, снабжении населения провиантом, топливом и т. д. с точным обозначением характера и условий работ, а также исполнителей[576].

22 сентября состоялось общее собрание студентов и профессоров Императорского Московского технического училища, в котором участвовали более тысячи человек[577]. Собравшиеся с энтузиазмом встретили призыв директора училища, знаменитого теплотехника В. И. Гриневецкого активно включиться в оборонные проекты ВПК. Сходные встречи проходили во всех коммерческих и технических вузах страны, обозначив как бы новую волну академического патриотизма, на сей раз более конкретного и ориентированного на практические дела. К тому времени уже всем стало ясно, что российская армия и военная промышленность страдают прежде всего из-за своей технической отсталости, нехватки вооружения, приборов, современного оборудования, грамотных специалистов. На восполнение этих недостатков и были в первую очередь направлены усилия ученых. Во всех университетах и колледжах создавались военные комитеты, призванные решать, как оптимально использовать творческий потенциал профессорско-преподавательского корпуса и студенчества для помощи фронту. Военные комитеты вузов сразу наладили сотрудничество с ВПК и сходными организациями.

Вскоре начались разного рода научные мероприятия, связанные с чтением курсов, имевших оборонное значение, выпуском брошюр и популярных статей, а также исследования по изготовлению и проверке военного оборудования, инструментов и частей к военным снарядам.

В расписании появились новые курсы, имевшие оборонное значение. По предложению профессора химии В. В. Челинцева, в сентябре в лаборатории органической и аналитической химии начали работать полуторамесячные курсы по изготовлению взрывчатых веществ. Для 20 слушателей лекции читали сам Челинцев, а также Н. А. Козлов, И. В. Куликов, В. В. Лонгинов, Е. С. Пржевальский,

[576] Отчет о состоянии и действиях ИМУ за 1915 г. Ч. 2. С. 229–230.

[577] *Novgorodtsev P. I.* Universities and Higher Technical Schools. P. 178–179.

Е. И. Шпитальский, А. П. Снесарев[578]. Для слушателей курсов и для технического персонала на заводах было издано руководство по изготовлению взрывчатых веществ[579]. Окончившие курсы работали химиками на оборонных заводах и приемщиками взрывчатых веществ в Главном артиллерийском управлении. В осеннем семестре 1915 г. профессор А. А. Сперанский прочитал курс «Метеорология в военном деле» с практическими занятиями. Часть слушателей поступили добровольцами в авиационные отряды для проведения метеорологических наблюдений[580]. С осени 1915 г. Н. Е. Жуковский читал в университете специальный курс «Внешняя баллистика и метание бомб с аэропланов» и курс воздухоплавания для военных летчиков Московского общества воздухоплавания.

Достаточно разнообразными были исследовательские и экспертные проекты. Вот перечень некоторых из них, приведенный в Летописи Московского университета, где некоторые лаборатории и кафедры с осени 1915 г. были заняты исключительно оборонными проблемами[581]. Новый стимул получили различные работы по производству лекарственных препаратов, в которое включились уже не только химики и фармацевты, но и биохимики и микробиологи. В медицинской химической лаборатории профессор биохимии В. С. Гулевич наладил изготовление лекарственных препаратов и участвовал в выставке лекарственных препаратов, устроенной в университете в декабре 1916 г. Старший ассистент этой же лаборатории А. В. Степанов производил судебно-химические анализы для нужд военного ведомства. В. И. Кедровский — директор Бактериологического института, основанного Г. Н. Габричевским, — развернул масштабное производство вакцин против столбняка, оспы, холеры, тифа, дифтерии[582], увеличив в 1916 г. их выпуск в среднем в пять раз по сравнению с 1915 г.: дифтерийной сыворотки 26 390 флаконов; дизентерийной — 5205 флаконов; столбнячной — 2350 флаконов и т. д. Особенно много было выпущено вакцин для предохранительных прививок: оспы — более чем на 1 млн чел., тифа — 3 млн, холеры — 2 млн.

Разнообразные работы под руководством В. В. Челинцева вели А. И. Анненков, Н. А. Козлов, И. В. Куликов, В. В. Лонгинов, В. А. Смирнов, А. П. Снесарев, Е. С. Пржевальский, Е. И. Шпитальский. Это: поиск разных методов получения сальварсана; создание химико-фармацевтического института для изготовления адреналина, глицерофосфатов, терпингидрата; устройство завода для сухой перегонки бука на Кавказе для получения креозота и гваякола.

В отчете Московского университета за 1916 г. отмечено, что по заданию военных ведомств ряд химических и физических лабораторий готовили письменные обзоры: «О применении распыления химических растворов в условиях газовой

[578] Отчет о состоянии и действиях ИМУ за 1915 г. Ч. 2. С. 418.

[579] Главнейшие взрывчатые вещества. Методы их получения и испытания. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1916.

[580] Отчет о состоянии и действиях ИМУ за 1915 г. Ч. 2. С. 437.

[581] Летопись Московского университета. URL: http://letopis.msu.ru (дата обращения: 11.07.2017).

[582] Отчет о состоянии и действиях ИМУ за 1916 г. Ч. 2. [Б. м.: Б. и.], 1917. С. 482–504. URL: http://letopis.msu.ru (дата обращения: 11.07.2017).

борьбы на фронте»; «Способ каталитического получения фосгена из хлора и окиси углерода в присутствии посторонних газов»; «О каталитическом действии различных сортов угля при получении фосгена и о применении угля в виде тонкого порошка»; «Записка о получении хлоратных и перхлоратных солей и взрывчатых веществ — “цементитов” и “альматритов”»; «Сильно бризантное взрывчатое вещество “бризантит” и его свойства»; «Способ устройства безогневой дымовой завесы». При этом в лаборатории неорганической и физической химии под руководством приват-доцента Е. И. Шпитальского было изготовлено около 40 пудов взрывчатых веществ: цементита (карбид железа) и альматритов (перхлорат аммония), создано новое взрывчатое вещество бризантит. Лаборатория занималась также производством ракет и сигнальных приборов. Лаборатория технической химии, возглавляемая А. М. Настюковым, также сконцентрировалась на военной тематике[583]. Особо важной оказалась созданная здесь технология производства устойчивой окраски защитного цвета, на которую был получен патент. Полезны были исследования резины для подошв, изготовление состава для пропитывания валенок в целях непромокаемости, исследование удушливой жидкости, приготовленной по способу В. А. Анри, способ изготовления газонепроницаемых материй, анализ немецких осветительных ракет и т. д.

В Кабинете прикладной механики под руководством Н. Е. Жуковского был сконструирован прибор для исследования сопротивления стрел, бросаемых с аэропланов при больших скоростях[584]. Эти работы проводились совместно с аэродинамической лабораторией Императорского Технического училища. Была также организована мастерская по изготовлению измерительных аппаратов для аэропланов и других предметов, пригодных для военных целей. Жуковский также руководил научными наблюдениями над бросанием зажигательных бомб с аэропланов. По заданию Бюро изобретений Московского ВПК в 1916 г. под руководством Жуковского и ассистента Н. Н. Бухгольца студенты сконструировали прибор для определения высоты полета аэроплана. В возглавляемых Жуковским аэродинамической лаборатории и расчетно-испытательном бюро во время войны начали работать А. А. Архангельский, В. П. Ветчинкин, А. А. Микулин, Б. С. Стечкин, А. Н. Туполев — знаменитые ученые в области аэромеханики, аэродинамики, авиастроения, ракетной техники и космонавтики.

В Физическом институте университета шли работы по созданию калибров, лекал и штангенциркулей для поверки годности выпускаемых заводами снарядов. В мастерских его физической лаборатории, руководимой проф. А. П. Соколовым, было устроено подготовительное отделение, на котором свыше 200 студентов обучались токарному, слесарному и столярному ремеслам и производили предварительные заготовки для измерительных приборов, поступавшие затем для окончательной обработки в руки мастеров. Изготовление поверочного инструмента производилось с требуемой Главным артиллерийским управлением степенью точности (до 0,001 дюйма). На эти работы Главное артиллерийское управление уже

[583] Отчет о состоянии и действиях ИМУ в 1915 г. Ч. 2. С. 423–424.

[584] Там же. С. 425.

в 1915 г. выделило 18 тыс. руб. для оборудования мастерских станками, на покупку стали и инструментов, что позволило существенно нарастить объемы выпускаемых инструментов[585]. К концу 1916 г. в Московский ВПК и в отдел снабжения армии при Московской городской управе поступило из мастерских 301 тыс. дистанционных трубочек, 1330 цилиндров, используемых при испытании взрывчатых веществ. В мастерских был создан электрооптический пирометр Ферри. Механическая мастерская Психологического института, возглавляемого Г. И. Челпановым, также работала по заданию ВПК, казенных заводов, учреждений и фирм, работавших на оборону, и изготовляла точные измерительные приборы, штангенциркули, стальные линейки, производила градуировку частей бомбометов, минометов и т. п., выполнив к концу 1916 г. оборонных заказов на сумму примерно в 13 тыс. руб.

Студенты под руководством профессора Б. В. Станкевича к октябрю 2016 г. поставили Всероссийскому союзу земств и городов более 4,5 тыс. прерывателей военно-полевых телефонов и несколько тысяч его частей разного наименования. В дальнейшем они стали обслуживать отдел связи и транспорта Всероссийского союза земств и городов ремонтом и занялись проверкой электрического оборудования автомобилей. Ассистент И. Ф. Усагин вел работы по ремонту рентгеновских трубок, ассистент Г. Ф. Комовский занимался усовершенствованием техники изготовления ламп накаливания.

Проводились разного рода и общеуниверситетские мероприятия[586]: по-прежнему функционировал общеуниверситетский лазарет, открытый в сентябре 1914 г.; собирались рождественские и пасхальные подарки солдатам, Военная комиссия вела кружечный сбор для фронтовиков и членов их семей, устраивались благотворительные концерты, читались публичные лекции в Богословской аудитории, а вырученные деньги шли на пособия пострадавшим от войны питомцам и служащим университета и т. д. По инициативе М. К. Любавского Совет создал специальную комиссию, которая должна была оказывать медицинскую, юридическую и финансовую помощь выпускникам и служащим, потерявшим работоспособность в связи с войной[587]. Для инвалидов, желавших продолжить образование, предоставлялись особые стипендии, для остальных организовывались ремесленные и сельскохозяйственные курсы. Кроме того, для всех нуждающихся студентов московских вузов в университете создали бюро помощи.

Примеру университета следовали другие вузы второй столицы, тем более что руководители обронных проектов часто были одни и те же в разных учебных заведениях. Например, Н. Е. Жуковский аналогичные исследования проводил и в университете, и в Техническом училище. Последнее, обладая прекрасно оборудованными лабораториями и мастерскими, организовало масштабное производство боеприпасов и датчиков[588]. Здесь также было создано большое количество краткосрочных курсов обучения мастеров и инструкторов для разных отраслей промышленности.

[585] Отчет о состоянии и действиях МГУ в 1915 г. Ч. 2. С. 426–429.

[586] Там же. С. 437–438; Отчет о состоянии и действиях ИМУ за 1916 г. Ч. 2. С. 500–502 и др.

[587] Академик М. К. Любавский и Московский университет / Отв. ред. А. Я. Дегтярёв, А. В. Сидоров. М.: Парад, 2005. С. 177.

[588] *Novgorodtsev P. I.* Universities and Higher Technical Schools. P. 181–182.

Их число достигало трехсот человек. Даже Коммерческое училище, технические возможности которого были ограниченны, организовало калибровку инструментов с требуемой точностью и вело поиск средств защиты от вредных газов.

В августе 1915 г. МНП выпустило циркуляр об ускоренной подготовке врачей. Медицинские институты и медицинские факультеты университетов в ускоренном темпе стали готовить врачей и медсестер. Студенты проходили обучение военной медицине по сокращенной программе и получали выпускные свидетельства без экзаменов. Ректор В. М. Бехтерев способствовал переоборудованию созданного им Психоневрологического института в военный госпиталь, в котором функционировало первоклассное нейрохирургическое отделение. Это помогло его институционализации и утверждению самого института. С 1916 г. все учебные факультеты Психоневрологического института были выделены в частный Петроградский университет со всеми правами высших правительственных учебных заведений. Оказавшись в сложном положении из-за ухода на фронт преподавателей и студентов, университет при Психоневрологическом институте сумел перестроить учебный план и выпустил в ускоренном темпе более 250 зауряд-врачей и их помощников[589]. В декабре 1915 г. был проведен первый ускоренный выпуск студентов Института инженеров путей сообщения императора Александра I (ИИПС)[590].

Шла адаптация к войне и в других вузах. Каждый университет действовал в соответствии со своей спецификой и возможностями, испытывая, как и медицинские вузы, трудности из-за сокращения числа преподавателей и студентов, призванных на военную службу. В соответствии с Временными правилами о привлечении студентов к воинской службе, опубликованными 25 ноября 1914 г., отсрочку от призыва в армию до 1 октября для поступления в вузы получали только выпускники средних школ. В Лесном институте преподаватели, служащие и студенты призывного возраста также зачислялись в армию, а студенты выпускного курса получали отсрочку лишь до 30 сентября для сдачи экзамена. Не уложившимся в эти сроки разрешали сдавать экзамены и защищать дипломы уже после войны[591]. Уже в сентябре–ноябре 1914 г. более десяти преподавателей и служащих Лесного института были призваны на службу в армию. Непрерывно шел процесс призыва студентов по достижении ими 20-летнего призывного возраста, что резко сокращало численность студентов 2-го и 3-го курсов[592].

В мобилизации науки участвовали и другие вузы Петрограда. Петербургский политехнический институт (ППИ) насчитывал около шести тысяч студентов. С началом войны сотни и тысячи его студентов были мобилизованы или добровольно ушли на фронт. И хотя потери пытались компенсировать усиленными приемами,

---

[589] *Самокиш А. В.* Естественно-исторический факультет Университета при Психоневрологическом институте В. М. Бехтерева в годы Первой мировой войны. От научного энтузиазма к политической активности // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. М.: Ленанд, 2016. С. 760.

[590] *Купайгородская А. П.* Петроградское студенчество и Октябрь // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.: Наука, 1980. С. 244.

[591] Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия. С. 269.

[592] Там же. С. 268–269.

приняв более 1700 чел. в 1916 г., к началу 1917 г. студенческий корпус составлял не более 3 тыс. чел. А всего за годы войны на фронтах Первой мировой побывали от 3000 до 3500 студентов ППИ[593]. Большинство из них становились прапорщиками после окончания четырехмесячных курсов и служили в основном в артиллерии, меньшинство — в инженерных войсках, пехоте, кавалерии и войсках связи, единицы — в авиации и флоте[594]. В санитарной дружине, занимавшейся перевозкой, переноской и регистрацией раненых в госпитале, расположенном в третьем общежитии, всё время числились около 200 студентов.

Ухудшение материального положения студентов вело к сокращению их корпуса. Уже в 1915 г. из университетов и технических учебных заведений из-за неуплаты денег за обучение было отчислено соответственно около 7 и 5% студентов[595]. Тем не менее их общее количество, включая ушедших на фронт, в вузах столицы уменьшилось всего на 10%. Относительная стабильность была обеспечена прежде всего облегчением доступа к высшему образованию женщинам, а также беженцам из зоны боевых действий, среди которых были студенты, продолжившие обучение в петроградских вузах[596]. Именно благодаря им число студентов Императорского Московского университета, сократившись к началу 1915 г. на 763 чел., т. е. примерно на 8%, за 1915 г. резко увеличилось до 11 637 по сравнению с исходной цифрой в 9129 на начало войны[597]. Советы ряда университетов, включая Казанский и Московский, ходатайствовали перед МНП о разрешении принимать женщин слушательницами на физико-математические факультеты[598].

Нехватка квалифицированных технических кадров в армии вынуждала спешить с подготовкой студентов по военным специальностям[599]. В Петроградском политехническом институте (ППИ) еще до войны шла подготовка специалистов по военному кораблестроению и авиации на Кораблестроительном отделении, а по автомобильным двигателям — на Механическом. Уже в сентябре 1914 г. открылись курсы для подготовки военных летчиков и мотористов, где обучались и офицеры, и студенты. В 1915 г. при Электротехническом отделении были созданы шестинедельные курсы для подготовки радиотелеграфных техников из студентов для работы в портах и на судах. А с ноября 1916 г. при Кораблестроительном отделении заработали четырехмесячные курсы по ускоренной подготовке прапорщиков. Преподавателей Политехнического института привлекали к рабо-

---

[593] *Смелов В.А., Панов Р.А.* Петроградский политехнический институт в годы Первой мировой войны // Санкт-Петербургский государственный политехнический университет в истории России XX — начала XXI в. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 270.

[594] *Бочаров А.А.* Студенты Петроградского политехнического института во время Первой мировой войны: некоторые проблемы изучения // Россия в глобальном мире. Альманах. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. № 6 (29). С. 124.

[595] *Лейберов А.И.* Первая мировая война и студенты Петрограда // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 146.

[596] Там же. С. 145.

[597] Академик М.К. Любавский и Московский университет. С. 178–180.

[598] Отчет о состоянии и действиях ИМУ в 1916 г. Ч. 2. С. 428.

[599] *Хозиков В.И.* Политех для России. Т. 1.

те и на краткосрочных курсах, где готовились квалифицированные рабочие и технический персонал для промышленных предприятий; авто- и авиатехники, телефонисты, специалисты по механической части корабля, электротехники. Этим занимались также Александровское техническое училище в Череповце, ремесленное училище графа Орлова-Давыдова в Симбирске, Алексеевский Донской политехнический институт и др. Подчеркивая свою причастность к военным проектам, многие профессора и преподаватели, работавшие на курсах подготовки военных специалистов, носили военную форму.

Разнообразные краткосрочные курсы были открыты в Петроградском технологическом институте[600]. Среди них были курсы по подготовке: инструкторов для обучения военных шоферов, гидротехников, химиков-инструкторов по газовому делу, военно-строительных десятников, инструкторов по термической обработке стали для снарядов. Особое место занимала школа-мастерская свинцово-паяльного дела, автогенной сварки и металлизации, которой руководил профессор Г. Ф. Депп. В ней обучались около 30 студентов, которым были предоставлены отсрочки по призыву для последующей работы на оборонных заводах. На территории Технологического института проводили также следующие занятия: военно-строительные курсы военно-строительного отдела; курсы химиков-инструкторов по газовому делу при Комитете военно-технической помощи; курсы машинистов для Общества заводчиков и фабрикантов; курсы железнодорожных десятников и др. Первая мировая война обострила проблему нехватки инженерных кадров для железнодорожного транспорта, и все выпускники направлялись в распоряжение военного ведомства, а также Министерства путей сообщения и Министерства торговли и промышленности. В годы войны неправительственная высшая школа в столице пополнилась 12 учебными заведениями, что также обусловливалось острой потребностью в специалистах для укрепления военно-промышленного комплекса Петербурга.

Из-за ухода многих студентов-мужчин на фронт особенно актуальной стала задача институционализации женского технического и медицинского образования[601]. В 1915 г. на базе Высших женских политехнических курсов создали Петроградский женский политехнический институт, который готовил инженеров, механиков, химиков, электриков, строителей и архитекторов. За два года он превратился в крупное учебное заведение, а в 1917 г. стал Женским политехническим институтом. Аналогичные процессы шли по всей стране. В том же году начал действовать Московский женский политехнический институт, а в Екатеринославе открылся частный Политехнический институт, предназначенный для девушек и юношей только иудейского вероисповедания. Одновременно в этом городе возникли еще Женские высшие курсы с медицинским и физико-математическим факультетами.

[600] *Митюгова Е. Г.* Работа мастерских Технологического института и подготовка специалистов на нужды фронта в годы Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 142.

[601] *Кацалова Н. Ф.* Становление высшего женского инженерно-промышленного образования в России в конце XIX — начале XX в. // Дискуссия (Екатеринбург). 2013. № 3 (33). С. 102–105.

В 1915 г. были основаны Саратовские высшие женские курсы санитарного общества (1915), Киевский женский медицинский институт (1916), Женский городской медицинский институт в Ростове-на-Дону (1916) и др. Для ликвидации дефицита студентов Казанский и Томский университеты добились разрешения принимать женщин на физико-математический и медицинский факультеты соответственно. В целом война способствовала ликвидации дискриминации женского образования, и в 1915–1916 гг. многие высшие женские курсы по медицине, технике, сельскому хозяйству получили право проведения выпускных экзаменов и выдачи дипломов о высшем образовании.

В 1916 г. МНП составило перспективный план университетского строительства с учетом целей и многочисленных пожеланий торгово-промышленных кругов и буржуазной общественности в разных губерниях. В существующих же университетах предлагалось открывать новые факультеты: физико-математические, медицинские, юридические, историко-филологические. В 1916 г. было основано сразу три университета: один государственный в Перми и два частных: университет им. П. И. Макушина в Томске (1916) и Нижегородский городской народный университет (1916). Как и в случае с университетом Шанявского в Москве, в них не было ограничений по гендерному признаку, вероисповеданию, национальности. Существенно расширялась география университетского образования, чему способствовала эвакуация вузов с территорий, занятых врагом или находившихся в зоне боевых действий.

С первых дней войны военный министр В. А. Сухомлинов издал приказ о вывозе в тыл коллекций, оборудования, библиотек и персонала тех вузов, которые находились в западных и юго-западных губерниях в зоне боевых действий и подвергались угрозе попасть в руки противника. Им пришлось столкнуться с реальной необходимостью коренной перестройки научного и преподавательского процесса в районах эвакуации, проводимой чаще всего в спешке и напоминавшей бегство. С лета 1915 г. начались переезды вузов вместе с преподавателями и студентами в Ростов, Новочеркасск, Харьков, Нижний Новгород, Пермь, Самару, Саратов.

Первым среди них оказался русифицированный университет в Варшаве, который, оказавшись в Ростове, уже в 1917 г. стал именоваться Донским, так как немецкие оккупанты восстановили в Варшаве польский университет без русских студентов и преподавателей[602]. Остальные бывшие польские вузы также навсегда обосновались в других городах: Варшавский политехнический институт в Нижнем Новгороде, Варшавский ветеринарный институт в Новочеркасске и т. д. Киевские вузы (Университет св. Владимира, Коммерческий институт, Высшие женские курсы, Женский Фребелевский институт) оказались в Саратове.

Летом 1915 г. началась подготовка к эвакуации Юрьевского университета, которая была неоднозначно воспринята его профессорами и преподавателями[603].

[602] *Spempin A.* Die Wiederrichtung einer polnischen Univetsität: Warschau unter Besatzung // Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer. S. 127–146.

[603] *Tamul S.* Die Bedeutung des Krieges für die Universität Juri'ev // Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer. S. 223–238; *Тамул С.* Тарту и его университеты (1905–1918 годы) // Университет и город в России (начало XX века). С. 584–702.

21 августа 1915 г. была создана эвакуационная комиссия, и часть оборудования, коллекций, рукописей и кафедр отправили в Нижний Новгород, а другую — в Пермь. Затем время и место эвакуации не раз переносилось. Она завершилась только в 1918 г. с закрытием университета немецкими оккупантами, предписавшими русским профессорам и студентам покинуть Эстонию. Местом их прибежища стал Воронеж, общественность которого давно ходатайствовала об учреждении университета. Пример Тартуского университета наглядно показывает, что судьбы высшего образования в значительной степени зависели от внешних условий и некоторым из них удавалось частично сохраниться, лишь перебазировавшись в тыловые регионы. Это вело к долгой дезорганизации учебного процесса и научных исследований.

Вместе с тем эвакуация профессоров и преподавателей солидных вузов в провинциальные города и создание в них вузов, факультетов, кафедр повышала мобильность научных кадров. На периферию, как правило, перебирались молодые и талантливые ученые, стремившиеся стать профессорами и возглавить кафедры. По выражению А. Н. Дмитриева, сюда переезжали прежде всего те, кто чувствовал себя неуютно в «геронтологической» обстановке университетов Петрограда, Москвы, Киева[604]. Вокруг них быстро формировались социальные сети с местной интеллигенцией, земством и предпринимателями. Они участвовали в пропаганде научных знаний, в деятельности местных краеведческих обществ, в чтении лекций в народных университетах, в оборонно-организационных мероприятиях, в благотворительных акциях оказания медицинской помощи, в организации музеев, садов, библиотек[605]. Расширение географии высшего образования ускоряло интеллектуализацию российской провинции и потенциально способствовало росту научного потенциала страны. В планах Государственной думы и МНП, возглавляемого с 1915 г. П. Н. Игнатьевым, в качестве первоочередной задачи значилось открытие университетов в Тифлисе, Ташкенте, Иркутске, Крыму и Владивостоке, сельскохозяйственного института в Омске, политехнических институтов в Тифлисе и Нижнем Новгороде. В июле 1916 г. Игнатьев предложил проект открытия медицинских факультетов или медицинских институтов в Вильно, Владивостоке, Воронеже, Иркутске, Минске, Перми, Тамбове, Ташкенте, Ярославле.

В 1916 г. в Государственной думе и в МНП не раз рассматривали планы расширения деятельности, увеличения ассигнований и приема студентов, например, в Политехническом, Технологическом, Электротехническом и других высших учебных заведениях и университетах[606]. И, как правило, решения были положительными, хотя не все из них удалось воплотить в жизнь из-за событий 1917 г. Уже не только ученые, но и министерства ходатайствовали перед Николаем II о расширении профессионального образования.

---

[604] *Дмитриев А. Н.* По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы // Университет и город в России (начало XX века). С. 148.

[605] *Еремеева А. Н.* «Находясь по условиям времени в провинции...» С. 33–35.

[606] *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти. С. 21–22.

Откликаясь на нужды военного времени, вузы создавали новые кафедры и вводили новые курсы. В Технологическом институте в Петрограде, хотя занятия почти прекратились, были открыты новые специальности: «Железнодорожное дело», «Аэропланы» и др.[607] В Институте инженеров путей сообщения (ИИПС) учредили кафедру «Шоссейные и грунтовые дороги» и ввели преподавание предмета «Военные дороги». Здесь же сформировался один из центров научно-инженерных исследований в области авиации, аэродинамики и автомобилестроения[608]. По воспоминаниям С. П. Тимошенко, работавшего в ИИПС с 1911 г., после увольнения из Киевского политехнического института до конца 1917 г., во время войны прекратились обсуждения «учебных планов», и всё внимание было сконцентрировано на «увеличении пропускных способностей» железных дорог и «увеличении состава поездов»[609]. Для этого необходимо было увеличить вес паровозов, а следовательно, усилить мосты и верхнее строение пути. Соответствующие расчеты провел сам Тимошенко, на базе которых затем сформулировал теорию прочности рельсов, впоследствии вошедшую в практику железнодорожного строительства в Западной Европе и США. Тогда же в ИИПС возник проект строительства железнодорожного моста через Керченский пролив, а в 1916 г. начались изыскательские работы и бурение скважин. К проведению работ и обработке результатов был привлечен академик Н. И. Андрусов, который, однако, не смог дать окончательную оценку надежности будущего моста из-за недостаточной глубины скважин[610].

В спешном порядке пытались залатать прорехи в техническом оснащении армии, что резко расширяло тематический диапазон исследований в вузах. Так, в Московском техническом училище профессор Н. Е. Жуковский разрабатывал теоретические и практические проблемы самолетостроения, воздухоплавания и динамики самолетов, а также авиационного бомбометания[611]. В Московском университете под руководством Е. И. Шпитальского была освоена технология изготовления хлоратных взрывчатых веществ, благодаря которой при производстве боеприпасов экономилась дефицитная взрывчатка. Профессор Петроградского горного института Г. О. Чечотт организовал первую в нашей стране рудоиспытательную лабораторию по обогащению полезных ископаемых, которая вместе с одноименной кафедрой в 1920 г. стала основой первого в СССР научно-исследовательского и проектного Института по обогащению полезных ископаемых (МЕХАНОБР).

Война, как уже говорилось, расширяла оборонную программу Политехнического института в Петрограде такими темами, как радиотелеграфные приборы, электрические заграждения, самолетостроение и т. д. Интенсивнее стали развиваться и исследования в фундаментальной физике. Весной 1916 г. здесь начал работать семинар А. Ф. Иоффе, в котором участвовали Я. Г. Дорфман, П. Л. Капица,

[607] *Байгильдин В. А.* Генезис науки в Технологическом институте в начале XX века // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 133.

[608] *Воронина М. М.* Учебная работа Института путей сообщения в годы Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 199–200.

[609] *Тимошенко С. П.* Воспоминания.

[610] *Еремеева А. Н.* «Находясь по условиям времени в провинции...» С. 23.

[611] *Прокофьев В. И.* Московское высшее техническое училище. М.: Машгиз, 1955.

П. И. Лукирский, М. В. Миловидова-Кирпичева, Н. Н. Семёнов, Я. И. Френкель, Я. Р. Шмидт, сыгравшие выдающуюся роль в развитии важных отделов фундаментальной физики. А. Ф. Иоффе вместе с М. В. Кирпичевой исследовал электропроводность ионных кристаллов, имеющих особое значение для понимания полупроводников — новой тогда дисциплины физики твердого тела[612]. Во время войны были начаты работы Ю. А. Круткова, завершившиеся созданием им метода адиабатических инвариантов, игравшего важную роль в развитии квантовой теории[613]. К военному времени относятся и первые работы Я. И. Френкеля, сразу же после войны выпустившего фактически первые вузовские учебники по квантовой физике и теории относительности и сыгравшего важную роль в воспитании целого поколения великолепных советских физиков — будущих создателей атомного и термоядерного оружия.

Во время войны в Петербурге организовалась блестящая когорта ученых-теоретиков, конструкторов и инженеров в области аэродинамики и самолетостроения. В их числе были профессора ППИ Г. А. Ботезат и ИИПС С. П. Тимошенко, профессор Горного института (а перед этим преподаватель ППИ) А. А. Лебедев. Выпускник ИСПбУ и профессор по кафедре теории корабля ППИ А. П. Фан-дер-Флит в годы войны возглавлял Лесной институт, но основное внимание уделял работе в Технической комиссии Управления военно-воздушного флота и в Расчетно-испытательном бюро. Деятельность этой межинститутской группы была связана, в частности, с расчетами и испытаниями новых моделей бомбардировщика «Илья Муромец» конструкции И. И. Сикорского. В проверке расчетов прочности участвовал также другой выпускник ППИ Н. Н. Поликарпов, вскоре ставший ведущим советским авиаконструктором. Совместная работа позволила повысить надежность самолета. В ППИ велись также теоретические и прикладные исследования по повышению мощности и надежности авиадвигателей (А. А. Лебедев, А. А. Бессонов).

Г. А. Ботезат с 1916 г. также входил в качестве эксперта в Техническую комиссию Управления военно-воздушного флота и в Расчетно-испытательное бюро. В годы войны он усовершенствовал свою математическую теорию устойчивости самолета, предложил вихревую теорию воздушного винта и построил «автоматически устойчивый аэроплан» с тяжелым гироскопом. В содружестве с учеными ППИ Д. П. Григорович — технический директор авиазавода С. С. Щетинина — занимался проектированием гидросамолетов, завершившимся в 1915–1916 гг. созданием летающих лодок М5 и М9, обладавших высокими летными и мореходными качествами и принятых в серийное производство[614]. Он же вместе с И. И. Голенищевым-Кутузовым сконструировал первый в мире торпедоносец ГАСН 1917 г. И. И. Сикорский и Г. А. Ботезат после революции эмигрировали в США и стали ведущими в мире авиаконструкторами, что показывает высокий уровень их исследований в России.

[612] *Дьяков Б. Б., Зитерев М. А.* Российское физическое сообщество и Первая мировая война // Россия в глобальном мире. Альманах. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. № 6 (29). С. 39–52.

[613] *Крутков Ю. А.* О теории квантов // Журнал РФХО. 1916. Т. 48. Вып. 2А. С. 43–76.

[614] *Бочинин Д. А* Д. П. Григорович — пионер отечественного гидроавиастроения // Вест. Ленингр. гос. университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 4. № 3. С. 7–14.

Существенно расширилась экспериментально-производственная база ряда инженерных институтов, практически превратившихся в руководимые профессорами и преподавателями мелкие предприятия по производству снарядов, магнето, взрывателей, телефонных аппаратов. Уже в августе 1914 г. авиационная мастерская Политехнического института ремонтировала авиационные моторы, испытывала двигатели, изготовляла магнето, выпускала запчасти. Химическая лаборатория изготовляла лекарства, включая салициловую кислоту, очищала хлороформ для госпиталей. На кораблестроительном отделении разрабатывались легкие авиационные двигатели. В различных лабораториях ППИ изготовляли полевые радиотелеграфы. Организатор первой в России лаборатории высоких напряжений профессор М. А. Шателен вступил в Военное ведомство в чине прапорщика и вместе со студентами занимался разработкой электризуемых проволочных заграждений и изготовлением портативных телефонных аппаратов. Для Северного фронта только в 1916 г. было изготовлено 4 тыс. таких аппаратов. Здесь же для фронтовых госпиталей испытывали рентгеновские аппараты. В 1916–1917 гг. Главное инженерное управление неоднократно предоставляло ППИ большие заказы на размещение омметров. Для нужд подводного флота ППИ выделил часть электроизмерительной аппаратуры, а геодезические приборы для нужд армий Северного фронта были переданы в Гидротехническую организацию, имевшую особое значение в условиях позиционной войны в болотистой местности. Она была создана сотрудником отдела земельных улучшений МЗ Г. К. Ризенкампфом, привлекшим к работе десятки студентов ППИ и ставшим вскоре профессором кафедры мелиорации этого института. В лаборатории общей химии проводились работы по созданию «зажигательных снарядов» для метания с аэропланов, а также шрапнельных пуль нового типа. ППИ стал одним из центров по разработке технологии производства снарядов с удушающими, отравляющими и слезоточивыми газами. На его территории был сооружен завод по производству хлорпикрина, выдавший в 1916 г. 6 тыс. пудов этого отравляющего вещества[615].

В лабораториях и мастерских Петроградского технологического института (ПТИ) было организовано производство взрывчатых веществ, снарядов[616]. Уже в 1914 г. добровольцам — студентам различных учебных заведений разрешили в них ремонтировать мотоциклетки для армии, а после постройки гаража и военные автомобили. Весной 1915 г. после посещения мастерских ПТИ заведующим отделением заказов Главного артиллерийского управления генерал-майором М. Н. Орловым и постоянным членом Артиллерийского комитета генерал-майором М. Ф. фон Розенбергом их объединили с мастерскими ИИПС, Горного института, Института гражданских инженеров и Училища дальнего плавания судовых механиков. Новая научно-оборонная структура получила назва-

[615] *Михайлов А. А., Шильцев Е. А.* Изобретательская и производственная деятельность в Санкт-Петербургском политехническом институте в интересах армии в годы Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 314–315.

[616] Санкт-Петербургский технологический институт Императора Николая I в годы Первой Мировой войны. URL: http://museum-spbti.wixsite.com/museum/pervaya-mirovaya (дата обращения: 20.05.2017).

ние «Объединенные мастерские петроградских высших учебных заведений»; в ней были мастерские для производства предметов вооружения и материально-технического снабжения: алюминиево-литейная, чугунолитейная, столярная, хлорная, токарная, шрапнельная, сборочно-ремонтная, инструментальная, слесарная, а также собственная котельная и электрическая станция. Некоторые разместились в специально построенных для них фахверковых домах, в которых производились составные части боеприпасов, комплектующие для траншейной артиллерии, авиационные и аэронавигационные приборы. Отныне заказы в мастерскую поступали напрямую от Военного ведомства. К концу 1916 г. их объем превысил 8 млн руб.[617]

Аналогичные процессы шли в технических вузах юга России. В первые 11 месяцев войны механические мастерские Киевского политехнического института наладили ремонт и производство электротехнического оборудования, полевых телефонов, сигнальных устройств[618]. В 1915 г. его мастерская и химическая лаборатория были использованы ВПК для производства ракет и лекарств, а с 1 сентября 1915 г. были организованы авиационные мастерские, в которых производили пропеллеры, детали летательных аппаратов, аэропланы «Альбатрос» и др. Под руководством профессоров Харьковского университета в его мастерских было организовано производство аппаратуры и инструментов, необходимых для клиник и госпиталей: термостаты, стерилизующие приборы, различного рода ванны, инструменты для изготовления протезов. Профессор математического факультета Новороссийского университета А. Д. Билибович читал курс по теории аэропланов и возглавлял механическую мастерскую университета и кабинет механики, где был создан прибор для быстрого производства картриджей для арифмометров.

Даже беглый обзор главных направлений мобилизации науки технических вузов показывает, как во время войны закладывались основы будущего военно-промышленного комплекса, предопределившего развитие отечественной высшей школы. Немалое значение имело также расширение географии высшей школы, благодаря которому обширные регионы становились полигонами использования науки в военном производстве. Поэтому трудно принять вывод Т. Маурер, что война не принесла сколь-нибудь серьезных перемен в структуре и деятельности российских университетов, так как они могли без существенных изменений продолжать свою деятельность, если не находились в зоне боевых действий или в прилегающих к ним районах[619]. Конечно, реформы МНП, когда его возглавлял П. Н. Игнатьев, не затронули ни внутреннего устройства университетов, ни их взаимодействия с правительством. Тем не менее война радикально вовлекала в оборонные исследования университетскую науку, не говоря уже о науке в технических и медицинских институтах. Впервые в истории России научно-исследовательская деятельность профессорско-преподавательского корпуса соединилась с ежедневными

[617] *Алексеев Т. В.* Участие учебных заведений России в военно-экономической мобилизации в годы Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 257.

[618] *Novgorodtsev P. I.* Universities and Higher Technical School. P. 174.

[619] *Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества? С. 416.

потребностями страны, что вело к превращению вузов из научно-образовательных центров в существенный компонент оборонного потенциала империи. И прав был П. И. Новгородцев, когда практически сто лет тому назад написал: «Во всех университетах и технических школах профессора были руководителями исследовательских оборонных проектов, а также лабораторий и мастерских, занимавшихся производством оборонно значимой продукции, или выступали в качестве консультантов различных технических и военных учреждений, помогая порой своим бывшим студентам»[620].

В то же время не стоит преувеличивать верность высшей школы правящему режиму. Не оправившись от кризиса 1911 г. и находясь в целом в оппозиции к власти, профессорско-преподавательский корпус и студенчество оставались критически настроены к царскому правительству. Если речь шла о защите родины, то большинство предпочитали делать это в тылу. Доминирующие в литературе сведения об охватившем студенчество верноподданническом патриотизме в первые месяцы войны нуждаются в серьезной проверке. Если судить по численности студенческого корпуса в первые два года войны, то массового ухода добровольцами на фронт не наблюдалось. В Петрограде, Казани, Юрьеве добровольцами становились преимущественно члены различных национальных корпораций (остзейские немцы, поляки, латыши, эстонцы, грузины), что, вероятно, свидетельствовало об их стремлении самоопределиться в развертывавшихся событиях[621]. Имеющиеся цифры по отдельным вузам скорее говорят о незначительном проценте добровольцев, да и всех участников войны от общего студенческого контингента. Так, по данным на конец 1915 г. из 7 тыс. студентов Петроградского университета 115 чел. служили в армии как офицеры запаса, 540 поступили в военные училища и еще 160 числились добровольцами[622]. Многие бывшие студенты в силу своего образования попадали не на передовую, а в различного рода вспомогательные технические и медицинские службы. В связи с большими потерями увеличилось число студентов, призванных на военную службу. В 1916 г. из 8 тыс. студентов Петроградского университета были призваны 4150 чел.[623] Юрьевский университет, насчитывавший на начало войны 2333 студента, потерял во время войны 14, в том числе пятерых умерших от болезни[624]. Активное участие в санитарно-лечебных мероприятиях в тылу и в разного рода оборонных проектах зачастую служило способом уклонения от военного призыва. Для этого большинство студентов, по воспоминаниям известного писателя и литературоведа В. Б. Шкловского (ушедшего с 1-го курса Петроградского университета на фронт добровольцем осенью 1914 г. и сменившего несколько военных специальностей до своего возвращения в Петроград в школу броневых офицеров-инструкторов в 1915 г.), шло в «гражданское»

[620] *Novgorodtsev P. I.* Universities and Higher Technical School. P. 182.

[621] *Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества? С. 598–509.

[622] Школа и война // Школа и жизнь. 1915. № 50. 14 декабря. С. 5 (стб 2016).

[623] Школа и война // Школа и жизнь. 1916. № 38–40. 5 октября. С. 11 (стб 942).

[624] *Тамул С.* Тарту и его университеты (1905–1918 годов) // Университет и город в России (начало XX века). С. 675–676.

рабство в помощь фронту в родном вузе[625]. Не случайно масштаб этой деятельности резко пошел на спад в 1916 г., когда отсрочки были сведены к минимуму[626].

Не рвались на фронт и преподаватели вузов. За исключением профессоров и приват-доцентов медицинских факультетов университетов и медицинских высших учебных заведений, служба их в боевых частях не зафиксирована[627]. Но и медики чаще всего присутствовали в ранге консультантов разных служб, периодически выезжавших в районы боевых действий. Очень редко они непосредственно участвовали в боевых действиях.

Далеко не все могли участвовать в проектах «гражданского» служения. Не у дел, как правило, оказывались представители гуманитарных профессий. Да и математики далеко не всегда могли найти применение своим знаниям. На их долю оставались разного рода комитеты благотворительности. Поэтому скорее шла не мобилизация высшей школы, а самомобилизация ее отдельных представителей. Как это происходило на деле, можно показать на судьбах практически любого высшего учебного заведения в те годы.

В качестве таких моделей нами избраны два государственных университета — столичный Петроградский и провинциальный Казанский, а также один частный университет — Психоневрологический в Петрограде. Хотелось бы отметить, что большая работа по выявлению участия профессуры в мобилизации науки выполнена в Московском университете, где организован специальный информационный портал[628]. В Интернете в электронном виде представлена летопись событий тех лет, из которой хорошо видно, сколько еще предстоит выяснить — хотя бы для того, чтобы ранжировать события по их значимости[629].

7.2. Главный университет столицы и его участие в мобилизации науки

Насколько в мобилизации отечественной науки в Первой мировой войне участвовал главный университет страны, до сих пор остается неясным. В 400-страничной летописи университета, изданной в 1999 г. к неожиданному 275-летнему юбилею его основания, объявленному, к удивлению всех, В. С. Черномырдиным, этой проблеме посвящено буквально 15 строк одного столбца, где сказано о созданном в университете военном оборудовании, размещении в его дворе пехотного полка, перестройке части лабораторий на нужды военного времени и проведении под руководством антрополога Ф. К. Волкова специальных измерений для установления типов стандартных противогазов[630]. Из 63 событий этой Летописи с июля 1914 по ноябрь 1918 г. только два можно трактовать как мобилизационные усилия

[625] *Шкловский В. Б.* Жили-были. Воспоминания, мемуарные записи, повести о времени: с конца XIX в. по 1964 г. М.: Советский писатель, 1966. С. 115–118.

[626] *Andreev A. Ju.* Die gespaltene Universität. S. 173.

[627] *Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества? С. 511–512.

[628] Московский университет в Первой мировой войне. URL: http://letopis.msu.ru/content/mgu-2014-moskovskiy-universitet-v-pervoy-mirovoy-voyne. (дата обращения: 05.07.2017).

[629] Летопись Московского университета.

[630] Санкт-Петербургский государственный университет. 275 лет. Летопись. С. 255.

профессорско-преподавательского корпуса. Это опять же создание лазарета и решение об отчислении 3% содержания профессоров и служащих на лазарет[631].

С тех пор к этому вопросу не раз обращались университетские историки, пытаясь по протоколам заседаний Совета университета, годовым отчетам за 1914–1916 гг. и другим архивным материалам выяснить, прошло ли университетское сообщество «испытание патриотизмом» и насколько их «академический патриотизм» соответствовал вызовам военного времени[632]. Уделяя основное внимание роли университетских ученых, преимущественно представителей гуманитарных и общественных наук, в «войне умов», в формировании образа врага и в подготовке проекта укрепления научных связей с союзниками, они опять же в качестве непосредственной помощи фронту называют следующие мероприятия: открытие мобилизационного пункта и лазарета для раненых в Актовом зале, размещение во дворе университета пехотного полка, отчисление профессорами 3% жалования на лазареты для раненых, проведение многочисленных «кружковых сборов» в пользу солдат и беженцев, участие отдельных профессоров и доцентов в работе различного рода благотворительных и общественных организаций и т. д.[633] При этом особо подчеркивается, что университет отказал МНП и городским властям в содействии в производстве медикаментов и учреждении медицинского факультета, отстаивая автономность и независимость и в то же время не желая заниматься прикладными проблемами в храме науки и образования «в угоду общественному мнению», подлаживаясь под требования властей и общества[634].

Подобная позиция, по мнению Е. А. Ростовцева, была порождена корпоративным духом столичного университета с его претензиями на абсолютную автономию и самоуправление при сохранении полного государственного финансирования и с политическими амбициями значительной части профессуры быть носителями передовых идей в России при бесправии приват-доцентов и младших преподавателей. Ростовцев впервые дал содержательный анализ различных попыток мобилизовать естественные и гуманитарные науки в университете на решение военно-оборонных задач, связанных со стремлением эмансипироваться от немецкой зависимости не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и в научной сфере. Особого внимания заслуживают выявленные им особенности академического или профессорского «патриотизма», своеобразие столичной профессуры

---

[631] Санкт-Петербургский государственный университет. 275 лет. Летопись. С. 278.

[632] *Rostovtsev E.A.* The Cultural University in the Time of War: Saint-Petersburg/Petrograd 1914–1917 // Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer. S. 177–188; *Morrissy S.* Politics and Patriotism // Ibid. S. 189–207; *Ростовцев Е.А.* 1) Испытание патриотизмом. С. 308–324; 2) Казус профессора фон Листа. С. 308–314; *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Академический патриотизм. С. 3–21; *Rostovtsev E.A., Barinov D.* A. Capital University and the World War: Theory and Practice of "Academic Patriotism" // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 34 (4). С. 592–604; *Ростовцев Е.А., Андреева В.В., Сидорчук И.В.* От Санкт-Петербургского университета к Петроградскому. С. 98–106.

[633] Недавно этот вопрос подробно рассмотрен в фундаментальной монографии: *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи. С. 664–765.

[634] Там же. С. 694.

в пресловутой «войне умов», роль крупных университетских химиков в создании оборонных предприятий, в разработке химического оружия и лекарств, и т. д.

Общий вывод ярких и талантливых публикаций последних лет однозначен. Профессорско-преподавательский корпус столичного университета в те годы демонстрировал не националистический, а академический патриотизм и воспринимал войну в первую очередь «как инструмент реализации определенных политических и корпоративных ценностей, важных для профессуры», сочетая к тому же «претензии на патриотизм» с «ярко выраженной оппозиционностью»[635].

Если вывод верен, то из него следует, что для самого крупного университета страны война осталась чем-то внешним, не вызвав сколь-нибудь серьезных изменений в составе профессорско-преподавательского корпуса, студентов, в учебных и научно-исследовательских планах. Вполне возможно, что университетское сообщество в силу присущего ему стремления к стабильности не было готово к радикальным изменениям, да и не желало их, так как понимало, что они внесут диссонанс в учебный и научно-исследовательский процесс. Фундаментальное знание действительно непригодно для прямого внедрения в практику при решении оборонных проблем. Для разворота его в этом направлении необходимы внешние стимулы в виде правительственных или промышленных заказов, способных стать внутренним императивом исследователя. Петроградский университет — главный вуз страны — в целом не взял на себя функцию мобилизации отечественной науки, потому что по своей природе университет не склонен к самоорганизации и мобилизации. Не желая скоропалительных перемен в угаре патриотического рвения, профессорско-преподавательский корпус, отвергнув крайности левого и крайнего радикализма, на первых порах ограничился переименованием университета из Императорского Петербургского (ИСПбУ) в Императорский Петроградский (ИПгУ), закончив на этом борьбу с новоявленными «гуннами» и «варварами», с которыми он совсем не собирался расставаться навсегда, так как знал, что все войны кончаются миром. Подобная сдержанность российских ученых в какой-то степени помогла Советской России выйти из состояния международной изоляции уже в начале 1920-х гг.

В России в то время не было реальных административных рычагов, способных принудить профессорско-преподавательский корпус и студенчество пожертвовать буквально всем во имя победы. В отличие от Германии, где 50% студентов сразу ушли на фронт, а к концу войны уже около 80% из них служили в армии, демонстрируя образцы стойкости и героизма и неся потери относительно бóльшие, чем другие социальные группы Германии[636], студенты российских университетов, имевшие отсрочку от мобилизации, как правило, не спешили сложить голову за отечество. В первый год войны количество студентов в Петроградском университете уменьшилось незначительно — до 6904 в 1915 г. по сравнению с 7442 в 1914, в 1916 г. их число в 7780 чел. превысило даже довоенный уровень, а затем

[635] *Ростовцев Е. А.* Испытание патриотизмом. С. 321.

[636] *Jarausch K. H.* Students in the First World War // Central European History. 1984. Vol. 17. S. 310–329.

в 1917 г. резко сократилось почти на четверть до 5964[637], скорее под влиянием уже социально-экономических факторов, связанных с революционными потрясениями и начавшейся разрухой, чем с отбытием на театр военных действий. Постоянство студенческого состава позволяло сохранить стабильность учебных программ, успешно обеспеченных профессорско-преподавательским корпусом, который, опять же в отличие от немецкого, не сократился, а, будучи освобожден от воинской повинности, продемонстрировал устойчивую тенденцию к росту, увеличив численность до 292 в 1916 г. по сравнению с 250 в 1914[638], т. е. почти на 17%.

Не было у столичного университета особых причин меняться из-за опасения, что его опередят какие-либо конкуренты, воспользовавшись конъюнктурой военного времени. На тот момент это был мощнейший центр интеллектуальных сил России, способный конкурировать с самыми прославленными университетами Европы в разнообразных отраслях естественных, гуманитарных и общественных наук. В отличие от малочисленной ИАН с 42 академиками, работавшими без студентов и аспирантов, ИПгУ имел возможность формировать мощные научные школы общенационального и мирового уровня. В то же время вряд ли следует говорить об университетской профессуре как о преследующей сугубо корпоративные интересы, ведь большинство ее представителей в предвоенные годы работали одновременно в разных научных и образовательных учреждениях столицы, включая ту же ИАН, в бюро и лабораториях различных министерств и даже входили в состав правительства и т. д. И часто невозможно отличить, где и когда они выступали как сотрудники университета, а где выражали интересы других институций, в том числе и правительственных ведомств.

В военные годы в университете профессорами или приват-доцентами служили[639]: математики Н. М. Гюнтер, Г. В. Колосов, А. А. Марков, К. А. Поссе, Д. Ф. Селиванов, В. А. Стеклов, Я. В. Успенский; астрономы С. П. Глазенап, А. А. Иванов; физики И. И. Боргман, Н. А. Булгаков, А. Ф. Иоффе, Д. С. Рождественский, О. Д. Хвольсон; метеорологи, климатологи и географы П. И. Броунов, А. И. Воейков, Е. С. Марков; почвоведы С. П. Кравков, П. В. Отоцкий; химики Е. В. Бирон, М. С. Вревский, В. Н. Ипатьев, С. В. Лебедев, В. Е. Тищенко, А. Е. Фаворский, Л. А. Чугаев; зоологи и ботаники Х. Я. Гоби, А. С. и В. А. Догели, В. Л. Комаров, Ю. А. Филипченко, В. Т. Шевяков, В. М. Шимкевич, П. Ю. Шмидт; физиологи и биохимики растений и животных Н. Е. Введенский, Н. Н. Иванов, С. П. Костычев, С. Д. Львов, В. И. Палладин, В. В. Половцов, А. А. Рихтер, А. А. Ухтомский; антропологи и археологи Ф. К. Волков, Б. В. Фармаковский; геологи и минералоги Н. И. Андрусов, П. А. Земятченский, А. А. Иностранцев, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг; историки Д. В. Айналов, И. М. Гревс, Б. Д. Греков, Э. Д. Гримм, Ф. Ф. Зелинский, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, Н. П. Кондаков, А. С. Лаппо-Данилевский, М. А. Островская,

[637] *Rostovtsev E. A., Barinov D. A.* Capital University... P. 592. Правда, эти цифры не отражают изменения состава студенчества.

[638] Ibid. P. 593.

[639] См. соответствующие страницы на портале: Санкт-Петербургский университет. Биографика. URL: http://bioslovhist.history.spbu.ru/ (дата обращения: 05.07.2017).

С. Ф. Платонов, Е. М. Придик, С. В. Рождественский, М. И. Ростовцев, К. В. Хилинский, А. А. Шахматов; юристы В. Н. Бенешевич, А. Х. Гольмстен, В. М. Грибовский, В. Ф. Дерюжинский, А. А. Жижиленко, И. И. Кауфман, А. Ф. Кони, В. А. Удинцев; филологи И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. А. Браун, С. А. Венгеров, С. А. Жебелёв, П. А. Лавров, И. А. Шляпкин, Д. К. Петров; востоковеды Н. Г. Адонц, В. М. Алексеев, В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, Б. Я. Владимирцев, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, А. И. Иванов, Н. Я. Марр, Б. А. Тураев, Ф. И. Щербатской; философы А. И. Введенский, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский и многие другие.

Список можно долго продолжать, но имена этих ученых действительно знала не только вся образованная Россия, но и специалисты соответствующих отраслей знания во всем мире. Их преподавательская и научно-исследовательская деятельность не ограничивалась только университетом. Каждый из них преподавал в других учебных заведениях Петрограда, многие из которых были созданы при их активном участии, как и большое количество научных обществ, которые они часто возглавляли в эти годы. Почти все члены ИАН одновременно были профессорами или приват-доцентами университета, и соответственно их вклад в рамках мобилизации ИАН должен приниматься во внимание при обсуждении вопроса о мобилизации университетского интеллекта на оборонные нужды.

Вот лишь некоторые примеры[640]. С первых дней функционирования КЕПС, созданной ИАН для мобилизации науки на изучение производительных сил России ради снабжения оборонной промышленности необходимым сырьем и энергией, для обеспечения продовольственной безопасности, а также разработки планов институционализации науки и их реализации, активно участвовали профессора и приват-доценты ИПгУ Н. А. Буш, Н. Д. Зелинский, П. А. Земятченский, А. А. Иностранцев, В. Н. Ипатьев, А. А. Кауфман, Н. М. Книпович, В. В. Ламанский, С. Ф. Ольденбург, П. В. Отоцкий, В. И. Палладин, Б. А. Попов, Д. С. Рождественский, В. Е. Тищенко, А. Е. Фаворский, Л. А. Чугаев, В. М. Шимкевич, П. Ю. Шмидт и др.[641] В качестве специальных представителей научных обществ, находящихся при университете, в КЕПС вошли: профессор К. М. Дерюгин, приват-доценты В. В. Ламанский и П. Ю. Шмидт, ассистент В. Н. Леман от Императорского Петроградского общества естествоиспытателей, а также профессора Д. С. Рождественский и А. Е. Фаворский от Русского физико-химического общества. Десятки других универсантов вошли в различные подкомиссии КЕПС, откликнувшись на призыв Б. Б. Голицына объединить усилия ученых, занятых оборонной тематикой, и придать их исследованиям стройный и плановый характер[642]. С самого начала работы КЕПС одним из важнейших ее проектов стали исследования лаборатории профессора Л. А. Чугаева, занимавшейся вопросом использования отработанных кислот для специальных военных целей, а также контактной массой, необходимой для

[640] Часть из них уже упоминалась в литературе: *Дмитриев А. Н.* Мобилизация интеллекта. С. 191–194; *Ростовцев Е. А.* 1) Испытание патриотизмом. С. 316–320; 2) Столичный университет Российской империи. С. 697–702.

[641] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 350–356; Отчет РАН. 1917. С. 290–300.

[642] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 323–324.

производства серной кислоты, поисками методов очистки платины, родия, получения чистой осмиевой кислоты и т. д.[643]

Профессор университета Н. И. Андрусов встал у истоков формирования КЕПС, вместе с академиками А. С. Фамицыным, В. И. Вернадским, кн. Б. Б. Голицыным, А. П. Карпинским и Н. С. Курнаковым выступив 21 января 1915 г. на заседании Физико-математического отделения ИАН с инициативой ее создания, а В. И. Палладина включили в состав Комиссии, которой было поручено оценить эту инициативу и сформулировать основные направления КЕПС[644]. 11 октября 1915 г. в ее Совет вошел еще один универсант, чл.-корр. ИАН Ф. Ю. Левинсон-Лессинг[645]. Если учесть, что руководители КЕПС академики А. С. Фаминцын и В. И. Вернадский окончили ИСПбУ и работали в нем, причем Фаминцын более 25 лет, то вклад университета в продвижение этого наиболее известного проекта по мобилизации российской науки, ставшего основой ее стремительного прогресса в последующие десятилетия, очевиден, хотя в истории науки не зафиксирован, так как труды по истории КЕПС обычно писали сотрудники или Академии наук, или ВСЕГЕИ.

В специальной главе мы подробно проанализируем вклад ученых в решение вопросов обеспечения армии боеприпасами и в создание целой отрасли оборонной промышленности — химической. Ключевую роль в них играли физики и химики столичного университета (В. Н. Ипатьев и С. В. Лебедев). Ученые университета участвовали в разработке технологии производства оптического стекла (В. Е. Тищенко, Д. С. Рождественский), в создании средств защиты от химического оружия (Н. Д. Зелинский), в разработке новых медикаментов и замещении ими импортных (В. Е. Тищенко). Вклад ученых-химиков в решение оборонных задач подробно проанализировал руководитель этих работ В. Н. Ипатьев, особенно в 14 главах второй части книги своих воспоминаний «Годы войны»[646]. Декан физико-математического факультета В. Е. Тищенко, как уже говорилось, активно участвовал в решении проблемы добычи и производства отечественного йода[647].

Структура университета создавала прекрасные возможности для организации комплексных исследований, в том числе химиков и биологов, для решения проблемы защиты от отравляющих газов. В Антропологическом кабинете под руководством Ф. К. Волкова были проведены специальные измерения черепов для уста-

---

[643] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 256–258.

[644] *Кольцов А. В.* Создание и деятельность КЕПС. С. 13, 15.

[645] Там же. С. 21.

[646] *Ипатьев В. Н.* Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг.: ПгО Ред.-изд. Коллегии Наркомфина, 1920; *Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф.* Химический комитет при Главном Артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Ч. 1. Пг.: Научхимтехиздат, 1921; *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика. Об этой уникальной деятельности ученого появилась возможность писать только после краха СССР, когда после долгого перерыва увидели свет первые монографии о нем: *Локтев С. М.* Академик Ипатьев — химик нового века. М.: Знание, 1991; *Кузнецов В. И., Максименко А. М.* Владимир Николаевич Ипатьев.

[647] *Чирцова М. Г.* 100 лет с начала организации добычи йода на Европейском Севере России // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 199–203.

новления трех стандартных размеров противогаза[648]. Геофизики Н. А. Булгаков и Я. С. Безикович в соответствии с планами Межведомственной магнитной комиссии при ИАН, работавшей в тесном контакте с военными ведомствами, вели магнитную съемку в Новгородской губернии[649].

Для того чтобы понять масштаб включенности сотрудников столичного университета в реальную мобилизацию науки, следует привести некоторые примеры. Особый вклад в сохранение боеспособности армии и в обеспечение ее боеприпасами, оружием и средствами химической защиты внес академик В. Н. Ипатьев, до середины 1917 г. читавший курс по термохимии и катализу на физико-математическом факультете университета[650]. В феврале 1915 г. он возглавил Комиссию по заготовке взрывчатых веществ при военном ведомстве, а в апреле 1916 г. был назначен главой Химического комитета при Главном артиллерийском управлении и главой Центральной комиссии, фактически контролировавшей всю химическую промышленность России, включая около 200 заводов и десятки лабораторий, бюро, институтов и мастерских в разных министерствах, вузах и обществах. Помимо проведения еженедельных заседаний Химического комитета он должен был каждую неделю участвовать в Особом совещании при военном министре, в заседаниях Исполнительной комиссии Особого совещания, а также в Межведомственном заседании по испрашиванию кредитов, в заседаниях Подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам, в Особых совещаниях по топливу, металлам, перевозкам Особого отдела Верховного начальника по санитарной части, КЕПС, Центрального военно-химического комитета и т. д. Не раз Ипатьеву приходилось лично делать доклады начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву и императору Николаю II. Благодаря усилиям Ипатьева было организовано отечественное производство бензола (химического реактива для получения взрывчатых веществ), серной и азотной кислот, до войны базировавшееся на импортном сырье.

В возглавляемый Ипатьевым Химический комитет вошли и другие химики, связанные с Петроградским университетом, — Н. Д. Зелинский, В. Е. Тищенко, А. Е. Фаворский, Л. А. Чугаев и др. Такой подбор высококвалифицированных экспертов обеспечил успешную и бесперебойную работу Химического комитета. Декан физико-математического факультета В. Е. Тищенко и профессор А. Е. Фаворский входили также в состав Военно-химического комитета при Русском физико-химическом обществе (РФХО) и в 1916 г. были в числе учредителей Опытного завода как промежуточного звена между лабораторными разработками и промышленным химическим производством и как центра подготовки кадров[651].

---

[648] Санкт-Петербургский государственный университет. 275 лет. Летопись. С. 255.

[649] *Смирнов В. Г.* К истории геофизики в России. С. 305.

[650] Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 51, 213, 291.

[651] *Георгиевский С. С., Мануйлова В. И.* История организации и развития науки в Российском научном центре «Прикладная химия» для нужд оборонного комплекса // Наука и военная техника. СПб.: СПбНЦ, 2001. С. 28–34; *Волков В. А, Куликова М. В.* Российская профессура. XVIII — начало XX в. Химические науки. Биографический справочник. СПб.: Изд-во РХГУ, 2004. С. 220–221, 226–227.

Помимо этого они решали оборонные проблемы в рамках других учреждений и правительственных структур. Н. Д. Зелинский был директором Центральной лаборатории Министерства финансов и одновременно профессором кафедры товароведения на экономическом факультете ППИ[652]. В 1915 г. Зелинский обеспечил химическую защиту, предложив противогаз с использованием активированного угля, а также участвовал в разработке получения толуола из нефти, повышавшего выход готового продукта в 5–6 раз. К этим исследованиям был привлечен также профессор С. В. Лебедев, который читал в университете курс химии гетероциклических соединений. В годы войны он начал работу по изучению полимеризации этиленовых углеводородов, которые вскоре стали основой промышленного получения искусственного каучука[653].

Успехи университетских химиков в реализации военных проектов порой оценивают как свидетельства эффективности «гражданской самоорганизации научного сообщества, институциональные основания для которой были заданы установками и атмосферой университетской автономии, а также либерально-патриотическими ценностями, разделяемыми подавляющим большинством российского ученого сословия»[654]. На наш взгляд, это не совсем так. Достижения в мобилизации химии на нужды обороны скорее связаны с тем, что еще до войны членами Химического отделения общества РФХО были генералы (Г. А. Забудский, В. Н. Ипатьев, И. А. Крылов и т. д.), тесно связанные с военными ведомствами и обеспечивавшие финансирование исследований общества и его предпринимательскую деятельность. Все они были профессиональными военными, монархистами по убеждению и мало походили на либералов и жильцов университетской «Башни из слоновой кости». Напротив, будучи военными по образованию и основной службе, они были приверженцами жесткой дисциплины, лояльными любой власти и тесно связанными с разнообразными правительственными ведомствами и Ставкой. Именно они после Октября легко сменили генеральские мундиры на красноармейские гимнастерки.

Как будет показано ниже, дух университетской корпорации не помог членам Физического отделения РФХО, не достигшим успеха в оборонных проектах в те годы, хотя их представители (А. П. Афанасьев, А. Ф. Иоффе и Д. С. Рождественский) также вошли в Комитет военно-технической помощи. Членам Императорского Петроградского общества естествоиспытателей, в том числе и секции геологии, имевшей не меньшую оборонную значимость, чем химия, также не удалось избежать упадка деятельности общества в годы войны и революции, хотя во главе и самого общества, и его секций стояли крупные ученые и известные общественно-политические деятели (И. П. Бородин, В. И. Вернадский, А. А. Иностранцев и т. д.).

Успех Военно-химического комитета в первую очередь был обусловлен тем, что уже к началу войны многие лидеры РФХО имели прочные связи с промышленниками, военными, правительственными чиновниками, благодаря которым они быстро интегрировались в проекты военного времени, как, например, в нала-

[652] *Зелинский А. Н.* Н. Д. Зелинский. М.: Знание, 1981; *Волков В. А., Куликова М. В.* Российская профессура. Химические науки. С. 85–86.

[653] Там же. С. 135–136.

[654] *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи. С. 702.

живание производства взрывчатых веществ, химического оружия, лекарств, сырых материалов и т. д. Немалую роль играло их сотрудничество с КЕПС и Химическим комитетом, столь тесное, что нередко одни и те же ученые (В. Н. Ипатьев, А. Е. Фаворский, А. Е. Ферсман и др.) одновременно были членами двух или даже всех трех учреждений, ставших символами мобилизационной науки. Особенно важную интегрирующую роль играл Ипатьев, объединяющий в своем лице теоретическую и прикладную химию, гражданское и военное высшее образование, академическую науку, военное ведомство и промышленность. Но вряд ли его следует считать типичным представителем университетской профессуры. Более тесно он был связан с Михайловской артиллерийской академией, Главным артиллерийским управлением, Академией наук и пр. В общем, достаточно сложно провести грань, где успех того или иного ученого связан с принадлежностью к университетской корпорации, а где обусловлен статусом в других учреждениях и правительственных ведомствах. Существуют десятки других университетских ученых, которые с не меньшим основанием ассоциируются с военными проектами, реализуемыми в столичных Политехническом и Технологическом институтах, в Институте инженеров путей сообщения и т. д.

Для обеспечения военных проектов определенное значение имели структурные преобразования на физико-математическом факультете, где профессор Е. В. Бирон в 1914 г. учредил первую в России кафедру физической химии. В 1916 г. было организовано химическое отделение, на котором было введено преподавание высшей математики, термодинамики, физической химии, значительно расширены курсы основных разделов химии. Всё это в дальнейшем послужило созданию и становлению химического факультета.

Мало исследованным остается и вопрос о том, как боевой опыт студентов ИПгУ способствовал их дальнейшей научной карьере. Легендарный изобретатель Л. С. Термен, учась одновременно в консерватории по классу виолончели и на физико-математическом факультете университета, был призван в армию и, пройдя ускоренную подготовку в Николаевском инженерном училище, прапорщиком служил в электротехническом батальоне. Вскоре после окончания войны он создал первые в мире электромузыкальные инструменты и изготовил несколько вариантов приборов беспроволочного «дальновидения»[655].

Вопрос об участии профессоров университета в различных правительственных и законодательных органах власти, а также в общественных структурах, созданных для организации помощи фронту (прежде всего в Комитете и Исполнительной комиссии петроградских высших учебных заведений), в общественных благотворительных учреждениях требует особого разговора. Вот несколько примеров. А. Ф. Кони, будучи широко известным юристом, во время войны возглавлял несколько комитетов Государственного совета; активно участвовал в работе комиссий о денежных средствах, об организации помощи беженцам и т. д. Он руководил попечительным комитетом судебного ведомства, созданным для защиты жертв войны

[655] *Галеев Б. М.* Легендарный Термен // Репрессированная наука / Общ. ред. М. Г. Ярошевский. Л.: Наука, 1991. С. 328–330.

и беженцев, а также занимался поиском средств для помощи лицам, ставшим инвалидами в ходе боевых действий[656]. Ряд преподавателей ИПгУ активно участвовали в деятельности Особого совещания по обороне, Военно-промышленного комитета[657]. В этом отношении характерен пример приват-доцента юридического факультета М. А. Сиринова, который фактически руководил информационной политикой Военно-промышленного комитета, будучи редактором его «Известий». Сразу три организации возглавлял его коллега, приват-доцент В. В. Степанов: статистическое отделение городской думы Петрограда, Особый отдел Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев и XII отдел Петроградского комитета Союза городов по оказанию помощи беженцам[658]. Профессор М. И. Ростовцев входил в комитет «Петроград — беженцам», организовал сбор средств в пользу раненых и беженцев, в том числе и на территории университета[659].

И подобную информацию можно найти по поводу практически любого профессора или приват-доцента столичного университета. Конечно, их участие в различных благотворительных мероприятиях и общественная работа ничего не говорят о вкладе университета как институции в решение задач национальной обороны. Но от университета как образовательного учреждения этого и не требовали. Да и не могли ректорат и Совет это осуществить, обязав каждого ухаживать за ранеными, разрабатывать и производить оружие, изготовлять лекарства и т. д. Но каждый из них по мере своих сил, способностей, профессии, а главное — социальных связей участвовал в решении задач военного времени. В совокупности их усилия, на мой взгляд, следует оценить как свидетельство подлинного, а не только академического патриотизма.

Для достижения единства страны на начальном периоде войны большое значение имело также существенное изменение общественного дискурса относительно столичного университета, воспринимаемого в предыдущие десятилетия как источник постоянных социальных потрясений и конфликтов, а в первые месяцы войны неожиданно превратившегося в зону стабильности. Противостояние профессорско-преподавательского корпуса, придерживавшегося в большинстве своем либеральных взглядов, и министерства и его назначенцев закончилось. Дискуссии о национальных квотах и даже о евреях отошли на второй план перед патриотической задачей единения науки и власти. Как было показано выше, либеральная профессура и приват-доценты столичного университета с энтузиазмом включились в «войну умов», внося интеллектуальный вклад в формирование «образа врага» и в обоснование святости общенациональных целей и задач войны. Вместо привычных представлений об университетах как источниках социальной напря-

[656] *Смолярчук В. И.* Анатолий Федорович Кони (1844–1927). М.: Наука, 1982.

[657] Сиринов М. А. // Санкт-Петербургский университет. Биографика. URL: http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/777-sirinov.html (дата обращения: 21.08.2017).

[658] Степанов В. В. // Там же. URL: http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/773-stepanov.html (дата обращения: 05.07.2017).

[659] *Соболев В. С.* Ученый и революция (неизвестная статья академика М. И. Ростовцева 1917 г.) // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 1. С. 9–15.

женности и оплоте радикальной оппозиции власти явился новый образ — университета как ее партнера и даже помощника. Это позволило с назначением графа П. Н. Игнатьева министром народного просвещения возобновить диалог о подготовке нового университетского Устава, что открыло следующую эпоху в отношениях МНП с университетами. Примечательно, что помимо этой «моральной» помощи фронту в прессе нашла отражение и корпоративная поддержка сражающейся армии (сбор средств). Важно, однако, и другое — доктрина внутреннего мира не требовала жертвовать академической стабильностью, и вопросы перестройки университетской жизни в целом в связи с войной даже не обсуждались, так как в этом не было необходимости.

В связи с этим трудно безоговорочно согласиться с тем, что при всех патриотических декларациях существенных изменений в университете не происходило, а реальной помощи ни тылу, ни фронту профессорско-преподавательский корпус не оказал. В какой-то степени это подтверждается годовыми отчетами ИПгУ за 1914–1916 гг., где помощью фронту обычно называли открытие госпиталей в его стенах, отчисление профессорской коллегией 3% жалования в пользу лазарета высших учебных заведений, многочисленные «кружковые сборы» в пользу солдат и беженцев и т. д.[660] Да и участие ИПгУ в оказании санитарно-медицинской помощи было меньше, чем у других университетов, так как в его составе не было медицинского факультета, а создавать его по рекомендации МНП Совет явно не был готов, так как многие профессора, в частности математик В. А. Стеклов, возражали, ссылаясь на прикладной характер медицины[661]. Но нельзя забывать и о том, что университет в Перми возник прежде всего как отделение Петроградского университета и фактически был его медицинским факультетом. Появление медицинского вуза на Урале было важнее, чем формирование еще одной лечебно-образовательной структуры в Петрограде.

Активное включение ученых в оборонные процессы далеко не всегда было следствием лишь частной инициативы. Порой они инициировались властью и были поддержаны Советом. Уже 25 августа 1914 г. в университет поступило письмо за подписью товарища министра народного просвещения В. Т. Шевякова, бывшего профессора ИПгУ, который предлагал Химической лаборатории подключиться к заготовке фармацевтических препаратов для нужд военного времени[662]. Ректор Э. Д. Гримм, проведя совещание с сотрудниками кафедры химии, доложил Совету 29 августа 1914 г., что необходимо уточнить объем, в котором предстоит наладить производство медикаментов, и наличие сырья[663].

Если же учитывать исследовательские и организационные усилия многих представителей профессорско-преподавательского корпуса ради решения насущных проблем военного времени, то участие столичного университета в мобилизации науки трудно переоценить. Поэтому при обсуждении «академического

[660] Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. № 70. Пг.: Тип. Б. М. Вольфа, 1916. С. 81–83, 109–110, 118.

[661] *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи. С. 692–697.

[662] Протоколы заседаний Совета... С. 90–93.

[663] Там же. С. 83–84.

патриотизма» университетской профессуры, в том числе и в Петрограде, важны оценки академика Б. Б. Голицына, о вкладе которого в решение насущных проблем Военного и Морского министерств говорилось выше: «Наши ученые и технические силы с величайшей охотой готовы отдать всё свое время и знания на службу военного и морского ведомства. Наша учащаяся молодежь стремится к работе и ищет только наиболее целесообразного применения своего труда, не гнушаясь никакой работой, лишь бы она была только полезной делу обороны»[664]. Не всем и не сразу удалось это сделать. Но постепенно работа налаживалась и всё больше профессоров, приват-доцентов, ассистентов и лаборантов с бóльшим или меньшим успехом втягивались в совместные проекты с различными военными организациями и оборонными предприятиями. Так добровольная и инициативная работа, зародившаяся в университете или в связанных с ним других научных и образовательных учреждениях, становилась частью общих мобилизационных усилий научного сообщества Петрограда, а порой и всей страны.

Поэтому не совсем точным представляется суждение о том, что война профессорами «воспринималась, прежде всего, как инструмент реализации определенных политических и корпоративных ценностей, важных для преподавательского корпуса»[665]. Здесь преувеличивается однородность целей, особенно политических, всего профессорско-преподавательского корпуса, значительная часть которого состояла одновременно членами ИАН, и там их «академический патриотизм» был более дифференцирован, да и спектр политических взглядов был достаточно широк даже в самом руководстве, хотя у́же, чем в профессорско-преподавательском корпусе столичного университета, где встречались даже сторонники социалистических идей.

С первого заседания военного времени, т. е. с 29 июля 1914 г., и до последних дней существования царского режима Совет университета и ректор Э. Д. Гримм подчеркнуто демонстрировали верноподданнические чувства к императору Николаю II, вел. кн. Николаю Николаевичу, председателю Государственной думы М. В. Родзянко и другим членам императорской фамилии и представителям власти. В этом ряду и находится инициатива Гримма, одобренная Советом 24 ноября 1914 г., об увековечивании памяти сотрудников университетов, удостоенных Георгиевского креста или павших на полях сражений. Их имена предполагали выгравировать на мраморных досках в Актовом зале университета[666].

7.3. Психоневрологический институт[667]

Психоневрологический институт (ПНИ) стоял особняком среди российских высших учебных заведений. «Самый вольный университет» отличался от них и структурой, и внутренними настроениями, в то же время являясь частью профессорской и студенческой корпораций. Находясь в ведомстве МНП, он всё же со-

[664] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 323.

[665] *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи. С. 702.

[666] Протоколы заседаний Совета... С. 117.

[667] Раздел подготовлен А. В. Самокиш.

хранял независимость в программных и кадровых вопросах, так как большую долю в его содержании составляли частные пожертвования и плата за обучение. Начавшаяся война не только не парализовала деятельность ПНИ, но существенно укрепила его позиции. В 1916 г., спустя почти десять лет существования, это учебное заведение получило окончательное официальное признание и статус частного петроградского университета.

Во многом этот парадокс был обусловлен идеями, заложенными еще при основании этого учреждения. Процессы, происходившие в высшем образовании в начале XX в., стремительно вырывались из плоскости государственного контроля и официальной, давно сложившейся системы. Высшее образование, как и среднее, требовало кардинального пересмотра и перестройки, но сталкивалось с жестким контролем сверху. Без определенной внутренней независимости, как в области программного творчества, так и в области структурных, организационных, кадровых вопросов, дальнейшее развитие оказывалось практически невозможным. Поэтому именно частные вузы, в меньшей степени ограниченные государственным контролем, получили возможность для шага вперед. ПНИ, возникший в начале XX в., стал наиболее ярким и успешным проявлением этой тенденции к развитию и изменениям.

Внутренняя структура этого учреждения была сложна, эклектична и непривычна для России. Внутри себя ПНИ объединял научно-исследовательское, лечебное и учебное учреждения, которые действовали, с одной стороны, вполне самостоятельно, в с другой — в тесной взаимосвязи друг с другом. Собственно, высшее учебное учреждение, о котором пойдет речь в данном разделе, являлось лишь частью Психоневрологического института, изначально — курсами для подготовки специалистов, которые смогут работать в научно-исследовательском и лечебном подразделениях, и длительное время не имела официального статуса как вуз, несмотря на свою растущую популярность.

ПНИ появился в 1907 г., и история его возникновения подробно рассмотрена М. А. Акименко и А. М. Шерешевским в «Истории Института имени В. М. Бехтерева на документальных материалах»[668]. В § 1 Устава института было обозначено: «Психоневрологический институт есть ученое и высшее учебное учреждение, имеющее целью разработку и распространение знаний в области психологии и неврологии, а также сопредельных с ними наук», в § 2 — «согласно важнейшим специальностям, которые входят в область психологии и неврологии, в Психоневрологическом институте читаются курсы: исторический, философский, психологический, анатомический, биолого-физиологический, гигиенический, педагогический, врачебно-педагогический, психопатологический (с психиатрической клиникой), невропатологический (с клиникой нервных болезней), психотерапевтический, физико-терапевтический»[669]. Таким образом, круг преподаваемых

[668] *Акименко М. А., Шерешевский А. М.* История института им. В. М. Бехтерева на документальных материалах. Ч. 1.

[669] Цит. по: *Акименко М. А., Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Карпова Э. Б.* От психоневрологии к медицинской психологии: научная система В. М. Бехтерева и В. Н. Мясищева //

дисциплин был довольно широк и, несомненно, интересен не только тем, кто планировал связать свою жизнь с работой у В. М. Бехтерева.

Свой Устав ПНИ получил непосредственно от императора Николая II, минуя МНП, что также подчеркнуло его самостоятельное положение. 3 февраля 1908 г. состоялось открытие института.

Новаторской была не только структура учреждения, но и система обучения, по которой, прежде чем перейти на специализированные факультеты, студенты были обязаны прослушать двухлетний курс «Общеобразовательного факультета». Круг предметов на этом факультете охватывал очень широкий спектр дисциплин, многие из которых преподавались в высшей школе впервые — от математики до общей социологии, от общей теории государства и права до анатомии и физиологии нервной системы человека. Даже в выборе дисциплин для изучения новое учреждение предпочитало предметы, которые государственные вузы поставить в программу не могли. Так, например, ПНИ стал первым учебным заведением, где социология была официально введена в учебный курс[670]. Несмотря на то что вопрос был дискуссионным, В. М. Бехтерев отстоял ее преподавание. Читали эти курсы М. М. Ковалевский и Е. В. де Роберти. Одним из первых студентов стал П. А. Сорокин (в 1910 г. он перешел в ИСПбУ, так как ПНИ не давал отсрочки от армейской службы). Именно невозможность отсрочки от военной службы наравне с отсутствием официального статуса как вуза служила причиной того, что многие студенты при первой же возможности переводились в другие учебные заведения. В. М. Бехтерев ходатайствовал о введении отсрочки, и на период 1910–1912 гг. ее даже удалось получить с согласия министра внутренних дел, военного министра и министра народного просвещения[671], однако при повторном ходатайстве в 1912 г. ситуация сложилась уже не в пользу ПНИ. Состав учащихся стремительно менялся от года к году. Стоит отметить, что даже при переводе многие студенты сохраняли связи со своими соучениками, и таким образом настроения ПНИ влияли и на события, происходившие в государственной высшей школе.

Курс лекций на специальных факультетах начался в 1910 г., тогда же окончательно оформилась и структура управления институтом и факультетами, важную роль в которой играли факультетские собрания (из профессоров и преподавателей факультетов), возглавляемые выборным (на 3 года) деканом. Именно эти собрания решали вопросы, связанные с программами курсов, распределением финансовых средств внутри факультетов, организацией студенческих научных кружков и т. д. Важнейшие вопросы решал Совет Института под руководством президента В. М. Бехтерева. Таким образом, можно говорить о достаточно серьезной степени автономии данного образовательного учреждения.

Медицинская психология в России: Электрон. науч. журн. 2011. № 4. URL: http:// medpsy.ru (дата обращения: 15.11.2017).

[670] *Глотов М. Б.* Первые опыты институционализации русского социологического образования // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. Вып. 2. С. 18.

[671] Например, в 1910 г. по ходатайству Совета Института была предоставлена отсрочка 112 студентам.

Начавшаяся 2 июля 1914 г. Первая мировая война застала ПНИ в непростом положении. После участия в «деле Бейлиса» В. М. Бехтерев в 1913 г. был уволен из ИВМА и Женского медицинского института и не утвержден президентом ПНИ, несмотря на все внутренние решения Совета профессоров. На повторном голосовании Бехтерев даже требовал снять свою кандидатуру с голосования, однако все участники проголосовали за него, и была составлена подробная записка, объясняющая важность роли В. М. Бехтерева для ПНИ. Исполняющим обязанности президента был назначен В. А. Вагнер. Вскоре Совет министров рассматривал на особом заседании уже вопрос о закрытии ПНИ по ходатайству из МНП[672] в связи с активным участием слушателей курсов в студенческих беспорядках, а также ввиду общей оппозиционной настроенности студенчества и профессуры. Министр народного просвещения Л. А. Кассо требовал закрытия этого «незаконного», формально не существующего, а потому находящегося вне контроля МНП высшего учебного заведения.

Тем не менее Совет министров данное требование отклонил, отметив, что расширение курсов не противоречит утвержденному лично императором Уставу (хотя он и требует дополнений), а закрытие учреждения, которое было не только известно в городе, но и содержалось в первую очередь на частные средства, стало бы причиной нежелательных волнений. Тем более что открывшийся в 1911 г. (к изучению медицинского курса студенты приступили в 1912 г., после прослушивания курса основного факультета) медицинский факультет был крайне важен в условиях серьезного недостатка кадров, имевшего место в годы Первой мировой войны. Полноценный медицинский факультет с акцентом на нейрохирургическом и психиатрическом направлении имел огромное значение с точки зрения снабжения фронта и тыла профессиональными медиками. В комплексе научно-исследовательской части уже существовала нейрохирургическая клиника им. Н. И. Пирогова. Данные клиники стали базовыми для студентов вновь созданного факультета. Поток студентов был очень велик еще и потому, что ИВМА после преобразования в 1913 г. стала работать только в рамках требований армии. А вопрос открытия медицинского факультета в ИСПбУ так и оставался нерешенным в силу внутренних разногласий, хотя и был поднят еще в 1913 г.[673]

В 1915 г. в состав ПНИ в качестве клинической базы были переданы терапевтические отделения двух больниц: больницы им. Петра Великого и Петропавловской. Вероятнее всего, это было сделано для обеспечения данных лечебных учреждений квалифицированными врачебными кадрами. В то же время передача упрочила положение ПНИ как одного из основных медицинских вузов страны.

Психоневрологический институт одним из первых ответил на запрос со стороны государства на высшее фармацевтическое образование. С самого начала 1915 г., когда тяжесть ситуации с недостатком лекарств стала очевидной, в фармацевтической печати велись дискуссии о необходимости полного высшего фармацевтического

[672] ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

[673] *Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В.* К вопросу об образовании медицинского факультета Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. № 5. С. 58.

образования. «Фармацевтический журнал» в апреле писал: «В печати промелькнуло известие, достоверность которого, кажется, безукоризненна, что Петроградский Психо-Неврологический институт получает все права правительственных высших учебных заведений. Вероятно, наши читатели помнят, что именно этот институт еще 2–3 года назад серьезно задумывался над организацией у себя специального отделения для подготовки фармацевтов. <...> При Петроградском Фармацевтическом обществе работает комиссия по вопросу образования фармацевтов. Нам думается, что хорошим почином было бы возбуждение ею ходатайства перед Психо-Неврологическим институтом, чтобы именно он сделал первый шаг, который в дальнейшем в силу самого факта его существования предопределил бы формы образовательной фармацевтической реформы, когда она в конце концов станет на очередь»[674].

В мае решение об учреждении отдельного Фармацевтичесого отделения с трехлетним курсом было уже принято. Однако выбранная институтом система не совсем соответствовала тем идеалам, что ждали увидеть представители фармацевтической общественности. Институт решил пойти более практичным и актуальным для тяжелого момента путем, предоставив возможность получения высшего образования тем, кто уже работал по профессии. Слушателями нового отделения могли стать лица, имеющие звание аптечного помощника, имевшие общее образование в размере четырех классов гимназии (в публиковавшихся «проектах» предлагалось создать «равноправное» отделение, куда могли поступать лица, окончившие полный курс гимназии, без опыта работы в аптеке).

В журнале «Жизнь фармацевта» в конце июля уже были опубликованы правила приема, хотя и с указанием, что в середине августа должны появиться уточнения по поводу необходимого стажа работы в аптеке и процентной нормы приема евреев[675]. Циркуляр министра народного просвещения о необходимости введения на физико-математических факультетах специальных химических отделений вышел 25 августа 1915 г., в этот момент на Фармацевтическое отделение ПНИ было подано уже не менее 150 прошений[676]. 22 сентября А. С. Гинзберг, руководивший созданием отделения, докладывал в Петроградском фармацевтическом обществе о работе комиссии по устройству Фармацевтического отделения и представил программу курсов, сочетавшую как узкоспециальные предметы, так и принятое в ПНИ широкое социально-гуманитарное образование. Часть курсов студенты нового отделения должны были посещать вместе со слушателями общеобразовательного и медицинского факультетов, и часть предметов предполагалось читать отдельно. Для того чтобы удовлетворить все ходатайства о приеме, было решено использовать и вечерние часы, хотя ранее в это время лекции и занятия в институте практически не проводились. В ноябре Гинзберг сообщал уже о более чем 350 подавших прошения. Предполагалось принять всех. Практически сразу появился «кружок слушателей Фармацевтического отделения», на котором обсуждались текущие дела — изначально отделение было поставлено несколько особо, вероятно, в силу

[674] Счастливая возможность // Фармацевтический журнал. 1915. № 15. С. 147–148.

[675] Фармацевтическое отделение Психо-Неврологического института // Жизнь фармацевта. 1915. № 6. С. 12.

[676] Хроника // Фармацевтический журнал. 1915. № 36. С. 348.

того, что учились на нем те, кто уже имел опыт работы, поэтому за право рассрочек и отсрочек платежей им пришлось бороться.

Пришедший на место Кассо П. Н. Игнатьев во многих проблемных областях пытался найти компромиссные решения. В плане статуса ПНИ ему это удалось. В 1915 г. была создана особая комиссия для всестороннего обследования курсов при ПНИ. В результате было признано, что он «вполне может удовлетворять тем требованиям, которые предъявляются к частным высшим учебным заведениям, желающим дать учащимся высшее образование университетского характера»[677]. Однако обсуждение и принятие нового Устава несколько затянулось, хотя, как видно из цитаты о Фармацевтическом отделении, — факт признания ПНИ как официального вуза уже считался свершившимся. Тем не менее эта задержка, например, позволила провести прием в сентябре 1915 г. еще без учета процентной нормы поступления лиц иудейского вероисповедания.

В 1916 г. учебная часть ПНИ наконец обрела статус высшего учебного заведения — «Частный Петроградский университет». Выпускники получили право сдавать выпускные экзамены в государственных комиссиях Петроградского государственного университета, а медицинский факультет имел собственную экзаменационную комиссию, во главе которой стоял лично министр народного просвещения, крупный гистолог Н. К. Кульчицкий. В составе университета были утверждены медицинский, словесно-исторический, юридический, естественно-исторический факультеты и химико-фармацевтическое отделение. Новая цель была сформулирована в уставе как «разработка и распространение гуманитарных, естественно-исторических и медицинских наук с подробным изучением психологии и неврологии»[678].

Стоит отметить, что ПНИ был не единственным частным высшим образовательным учреждением, признанным равноценным государственным вузам. Во время Первой мировой войны можно наблюдать определенный «расцвет» негосударственного высшего образования. За 1914–1917 гг. было основано или официально признано 12 вузов вне государственной системы МНП[679]. Это можно объяснить необходимостью заполнения «лакун», которые возникали в государственной высшей школе (в том числе это касалось женского образования) в условиях общей мобилизации интеллектуальных сил страны.

Что касается внутренней обстановки внутри ПНИ, то и здесь наблюдались серьезные отличия от государственных вузов, так как он изначально находился в более самостоятельном положении, нежели, например, ИСПбУ. К 1914 г. в «Университете при Психоневрологическом институте» работал блестящий профессорский состав. На медицинском факультете — хирург А. Л. Поленов, гинеколог Л. Л. Окинчиц, психиатр А. В. Гервер. Историческим факультетом руководил М. Д. Приселков (в 1917 г. он станет ректором университета). На естественном факультете

[677] *Акименко М. А., Шерешевский В. М.* История института им. В. М. Бехтерева на документальных материалах. Ч. 1. С. 189.

[678] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 205. Д. 78. Л. 1.

[679] *Каганович А. А.* Становление и развитие негосударственного высшего образования в Российской Федерации. Ульяновск: Ульян. гос. техн. ун-т, 2005. С. 28.

читали лекции Н. М. Книпович, Ю. А. Филипченко, П. П. Иванов, К. М. Дерюгин, В. Л. Комаров. Многие, как было принято в то время, совмещали работу в ПНИ и других учебных заведениях, как государственных, так и негосударственных. Некоторые из них, еще только начинавшие карьеру, даже преподавали в учебных заведениях среднего звена — частных гимназиях или коммерческих училищах.

Многие профессора сами были из «определенного противоправительственного направления». Б. Е. Райков, работавший в ПНИ с 19 ноября 1913 г. в качестве преподавателя методики зоологии (позднее он сменил В. А. Вагнера на посту заведующего кафедрой методики естествознания), так характеризовал своих коллег: «<...> Университет при Психо-неврологическом институте, насколько я помню, при общем прогрессивном направлении, не имел вполне определенного лица. Постепенно там собралось много людей разных научных и общественных взглядов, которые пользовались большой академической свободой и могли читать свои курсы в том духе и направлении, как считали нужным, без всяких административных вмешательств и коррективов»[680]. Бехтерев нередко брал на работу преподавателей, исключенных из других высших учебных заведений. Так, например, профессором математики и механики в ПНИ стал Д. Н. Зейлигер, уволенный из Казанского университета за неблагонадежные политические взгляды (являлся представителем левого крыла партии кадетов). Нельзя не упомянуть также профессора юридического факультета М. А. Рейснера, известного «красного профессора». Ю. А. Филипченко Райков посвятил небольшой очерк, где писал: «...в своих научных взглядах Ю. А. был очень принципиальным, выражал их резко и ясно, никогда не шел на компромиссы, а всяких соглашателей и любителей “обтекаемых” форм презирал до глубины души. При таких особенностях своего характера он успел за короткий срок сделать чрезвычайно много»[681].

Некоторые профессора с началом Первой мировой войны ушли на фронт: А. В. Гервер, Н. Г. Ушинский, Л. М. Пуссеп, А. С. Грибоедов, Е. В. Аничков. Р. Р. Вреден, с 1911 г. бывший в институте профессором ортопедии, стал главным хирургом Юго-Западного фронта. Другие преподаватели, продолжая работу в институте, совмещали ее с работой в госпиталях. Так, профессор ПНИ по кафедре логопедии Д. В. Фельдберг в годы войны работал врачом-консультантом и заведовал госпиталем.

В 1916 г. был создан Учебный комитет, призванный регулировать все вопросы, связаные с деятельностью преподавателей и студентов. В состав этого комитета входили деканы и секретари каждого из факультетов и отделений. Первым председателем его стал С. К. Гогель, а секретарем — Б. Е. Райков (профессор ПНИ с 1918 г.). Как писал сам Райков, он был «профессором по студенческим делам». Именно этот комитет разбирал все ситуации, связанные не с делами конкретного факультета, а общеуниверситетские, в первую очередь касающиеся приема студентов. Кроме того, именно через учебный комитет проходили все студенческие ходатайства, в том числе связанные с отсрочкой платы за обучение.

---

[680] *Райков Б. Е.* На жизненном пути. Автобиографические очерки. Т. 4. С. 58. СПбФ АРАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 4.

[681] Там же.

Состав студентов ПНИ существенно отличался от состава, например, ИСПбУ. Во-первых, среди них было довольно много женщин, выбор учебных заведений для которых был достаточно ограниченным[682]. Кроме того, для них не имела значения отсрочка от армии, которую ПНИ не предоставлял. Также Бехтерев отказался от соблюдения процентной нормы по поступлению в его «университет» лиц иудейского вероисповедания, поэтому со всей страны приезжали те, кому не удалось попасть в государственные учебные заведения по этой причине. С началом Первой мировой войны в ПНИ переводились на «старшие» курсы многие студенты, лишившиеся возможности обучения в заграничных университетах. Так, например, на юридический факультет перевелся писатель Абрам Палей, вынужденный прервать обучение в Женевском университете. Будущий физиолог А. Г. Гинецинский, поступивший в 1913 г. в университет города Галле, также был вынужден вернуться и с трудом сумел устроиться в ПНИ.

Несмотря на достаточно высокую плату за обучение, составлявшую 125 руб. в год (150 руб. в год на Медицинском факультете), студенты стремились поступать в ПНИ и учиться здесь. Многие приезжали издалека, практически без средств к существованию. Но, имея задолженности по оплате, студент не мог сдавать экзамены и двигаться дальше по программе ПНИ, переходить с курса на курс, при этом оставаясь в звании студента. К сдаче экзамена студент допускался лишь при наличии справки об отсутствии задолженности по оплате. Только в некоторых случаях у студента была возможность рассрочки или даже отсрочки платежа; решение принималось по каждому такому случаю отдельно в канцелярии Учебного комитета.

На военную службу были призваны около 300 учащихся, например будущий военный юрист А. С. Гродко, отучившийся всего один учебный год (в 1917 г. он окончил Алексеевское военное училище), и краевед и этнограф И. Н. Шухов, учившийся на естественно-историческом факультете с 1912 по 1915 г. Таким образом, количество студентов в 1914–1916 гг. только увеличилось. В 1914 г. общее количество обучавшихся составляло 3 тыс., а в 1915 г. — уже 7 тыс.

Среди студентов ПНИ был будущий писатель Исаак Бабель, который, уже окончив Киевский коммерческий институт, в 1916 г. поступил сразу на 4-й курс юридического факультета (не окончил). Студентов-«революционеров» в университете было действительно немало. Одной из любимых учениц Бехтерева была Лариса Рейснер, отец которой, М. Рейснер, преподавал общее государственное право и был известен как «красный профессор» за свои симпатии к большевикам. В 1916 г. прошение о зачислении на общеобразовательный факультет подал Моисей Фридлянд, известный впоследствии как Михаил Кольцов, будущий журналист, главный редактор журнала «Огонёк». Студент юридического факультета Е. Л. Израель, участник социал-демократического движения, член Бунда, принимал активное участие в кружках, в Первую мировую войну он занимался устройством еврейских беженцев и собирал материалы по деятельности военных властей.

[682] ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 1–3.

В университете существовали самые разнообразные организации — и легальные (только научных кружков в 1916 г. было уже 29)[683], и полулегальные (какими были «землячества», объединения взаимопомощи по географическому принципу), и нелегальные политические. Задачей Райкова было, с одной стороны, удержать студентов от активных выступлений, с другой — уберечь университет от проблем, т. е. избегать вмешательства полиции. Стоит отметить, что сам Б. Е. Райков в юности принимал активное участие в студенческом движении начала XX в., являясь участником Кассы взаимопомощи и Кассы радикалов, существовавших в ИСПбУ, поэтому не понаслышке знал все подводные камни подобной работы.

Ситуацию с землячествами (уже давно существовавшей системой объединения по принципу региона происхождения и национальности) удалось урегулировать за счет переименования их в «краеведческие общества». Традиция землячеств в Психоневрологическом институте была очень сильна, так как студенты приезжали с самых разных концов России. Часто эти связи сохранялись и после окончания университета, а сама идея объединения по национально-территориальному признаку являлась одной из самых долгоживущих. Один из студентов, Павле Кварацхелия (правда, так и не окончивший ПНИ из-за Первой мировой войны), стал основателем Грузинского землячества в США и первым его председателем[684].

Наиболее «опасными» в смысле столкновений с полицией были студенческие сходки, которые в тот момент были основным проявлением студенческой политической активности. Но «основой тогдашней этики было не играть на руку полиции, и даже консервативно настроенные профессора остерегались это делать»[685], поэтому даже сходки в ПНИ происходили довольно регулярно. Ситуация могла разрешаться, например, таким способом: заранее предупрежденный о сходке Б. Е. Райков (по договоренности со студентами) оставался в нужный день дома, и до того момента, как он мог приехать «разгонять» сходку (как университетское начальство), у студентов было не менее часа на проведение собрания. Далее разыгрывался заранее подготовленный «спектакль» с участием профессора Райкова, уважительно уговаривающего студентов разойтись, и студентов, соглашающихся с начальством. Таким образом, вмешательства полиции удавалось избегать, так как «университетскоое начальство справлялось самостоятельно». Подобные истории, судя по всему, были не редкостью. Другим профессором, освоившим данную технику, был К. Ф. Жаков, применявший ее еще до начала войны. В ЦГА СПб хранится рапорт полицейского пристава[686], в котором констатируется, что Жаков выступил против «музыкального утра» в память о революционном демократе Т. Г. Шевченко и для разгона студенческого собрания вызвал полицию.

[683] *Старовойтова Л. И.* Из истории становления профессиональной подготовки деятелей общественной и частной благотворительности в России (к. XIX — н. XX в.) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. Вып. 10. С. 79.

[684] *Эбралидзе М.* Первый председатель грузинского землячества в Америке // Тбилисская неделя. 2016. 13.09. URL: https://tbilisi.media/cultures/56741-pervyj-predsedatel-gruzinskogo-zemlyachestva-v-amerike/ (дата обращения: 11.11.2017).

[685] *Райков Б. Е.* На жизненном пути. Кн. 1. С. 545.

[686] ЦГА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 177.

С прибывшим полицейским начальством он сумел договориться, что те подождут около 15 минут, чтобы он сам попытался уладить ситуацию. В результате студенты успели провести первую часть программы, после чего мирно разошлись под уговоры уважаемого профессора.

Таким образом, состав студенчества, и до войны бывший достаточно пестрым, во время ее стал совершенно разноплановым, там «кипели страсти между большевиками и меньшевиками, марксистами и народниками, реалистами и декадентами»[687].

В феврале 1917 г. по инициативе министра народного просвещения проф. Н. К. Кульчицкого вышел указ о закрытии ПНИ и передаче его имущества Обществу нормальной и патологической физиологии при ИВМА[688]. Однако на этот раз начавшиеся революционные события помешали закрыть учебное заведение, и оно продолжило свою работу, сохранив целостность. Частный университет практически не прекращал работы в революционные дни (за исключением нескольких наиболее активных дней восстаний). Так как В. М. Бехтерев поддержал Октябрьскую революцию, финансирование ПНИ и реорганизованного во Второй Петроградский Частного университета было восстановлено. Тем не менее продолжалось это недолго. Большинство факультетов Первого и Второго Петроградских университетов дублировалось, и было решено все факультеты, кроме медицинского, во Втором ПГУ закрыть. На основе медицинского факультета был образован Государственный институт медицинских знаний (ГИМЗ)[689].

7.4. В глубоком тылу: Казанский университет в годы войны[690]

7.4.1. Организационные и благотворительные меры для помощи фронту

Чем был Императорский Казанский университет к началу Первой мировой войны? В общем контингенте студентов российских университетов удельный вес его студентов составлял немногим более 5%. В 1913 г. в нем учились 2012 студентов, в феврале 1917 г. — 1859 студентов, что давало ему по этому показателю пятое место среди российских университетов[691]. В то же время это был один из старейших университетов России и крупнейший учебный и научный центр Поволжья и Приуралья. В 1914 г. университет отметил столетний юбилей и заслуженно гордился своими научными школами и традициями. Подготовка кадров высшей квалификации проходила на четырех факультетах: медицинском, юридическом,

[687] *Новикова А.* Психология революции: «самый вольный институт» в эпоху мятежей. URL: https://newtonew.com/higher/most-free-institute. (дата обращения: 12.11.2017).

[688] *Слабинский В. Ю.* Психотерапия реактивных расстройств в Петрограде в 1900–1926 гг. // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2016. № 8 (138). С. 275.

[689] Краткая история Института: (К 40-летию со дня основания) / Сост. учен. секретарь О. С. Фридман; под ред. директора Ин-та проф. В. Н. Мясищева. Л.: Ленингр. науч.-исслед. психоневрол. ин-т им. В. М. Бехтерева, 1948.

[690] Раздел подготовлен А. И. Ермолаевым.

[691] История Казанского университета: 1804–2004. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 218.

физико-математическом и историко-филологическом. В 1914 г. профессоров в университете было 72 (49 ординарных и 23 экстраординарных)[692], те же цифры сохранились и в 1915 г.[693] Судя по годовым отчетам о состоянии Казанского университета и сводкам «Обозрения преподавания» в нем за 1914–1916 гг., на всех его факультетах шли теоретические и практические занятия по всем предметам согласно уставу 1884 г. О значительном вкладе в науку ученых Казанского университета первой четверти XX в. говорит в частности представительство их в ИАН/РАН. Во время войны ее членами-корреспондентами стали В. А. Богородицкий, Е. Ф. Будде, С. П. Шестаков, К. В. Харлампович, Н. М. Петровский[694].

Императорский Казанский университет (ИКУ) являлся также и одним из центров общественной и культурной жизни губернского города[695]. Большая часть его профессуры примкнула к Конституционно-демократической партии (кадетам)[696]. Либеральная профессура составляла подавляющее большинство и в Совете университета. Правда, среди профессоров университета были реакционно настроенные личности (К. С. Мережковский, Е. П. Головин и др.), но им не удалось создать крупную и сплоченную группу. Они были не только окружены презрением студентов, но и не пользовались уважением у большинства членов Совета[697].

Практически весь период войны ректором ИКУ был профессор римского права юридического факультета Г. Ф. Дормидонтов, которого Совет университета впервые избрал в октябре 1909 г., после того как МНП не утвердило профессора Н. П. Загоскина, переизбранного в феврале того же года на должность ректора, на новый трехлетний срок. В дальнейшем Дормидонтов дважды переизбирался, что указывало не только на его административные способности, но и на умение примирять между собой часто противоположные интересы власти и профессорской корпорации. В октябре 1915 г. Дормидонтов был в третий и, как оказалось, в последний раз переизбран ректором. Свержение самодержавия в конце февраля 1917 г., приход к власти буржуазного Временного правительства, острейшие политические кризисы весной–летом 1917 г. создали, естественно, крайне нервную, нестабильную обстановку в российских университетах, в том числе и в Казанском. В итоге Г. Ф. Дормидонтов отказался от поста ректора. По общественным симпатиям и взглядам он принадлежал к кругу классических российских консервато-

---

692 Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1914 год. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1915. С. 3.

693 Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1915 год. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1916. С. 3.

694 Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 1. С. 204–207.

695 *Бушуева Л. А.* Повседневность университетского профессора Казани: 1863–1917. Казань, 2012.

696 *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05–1929/30). Т. 2. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930. С. 258.

697 *Султанбеков Б. Ф.* Эволюция политических взглядов профессоров и преподавателей высших учебных заведений Поволжья (1905 — февр. 1917 г.) // Ученые записки Казан. пед. ин-та. 1977. Вып. 173. С. 14.

ров начала XX в.[698], и ему пришлось руководить Казанским университетом в один из сложнейших периодов его истории.

Хотя Казань и Казанская губерния не были театром военных действий, они оказались широко вовлечены во все военно-мобилизационные, военно-политические, военно-технические и другие процессы, связанные с армией и с военными действиями. В значительной мере это определялось тем, что Казань была центром одного из самых крупных военных округов — Казанского военного округа (КВО), включавшего в свой состав 10 волго-уральских губерний и две области[699]. В управлении КВО под началом быстро меняющихся командующих (все — генералы от инфантерии: барон А. Е. Зальц, П. А. Гейсман, А. Г. Сандецкий) действовали совет и штаб округа, а также 11 отделов и управлений; руководство КВО и его подразделениями осуществляли около 25 генералов, около 100 действительных и тайных советников, а также свыше 100 старших офицеров[700]. В Казанском кремле размещалось Казанское юнкерское пехотное училище, готовившее профессиональных военных. Далекая от фронта Казанская губерния стала одной из общероссийских тыловых баз. За всё время войны в действующую армию были призваны свыше 290 тыс. чел. (т. е. около 10% населения всей губернии, или 20% всего мужского населения). В общей сложности за первые полтора года войны население губернии сократилось на 22%. Только за первый год войны прошло четыре призыва нижних чинов запаса и ратников ополчения (18 июля, 20 сентября, 20 ноября и 30 декабря 1914 г.)

Казань как центр военного округа стала местом формирования целого ряда войсковых частей, в том числе 94-го и 95-го пехотных запасных полков. В дни их формирования для размещения солдат использовались городские здания и учебные заведения. Например, в Казанском первом реальном училище на Булаке разместились до 1500 чел. запасных чинов и до 800 военнообязанных; в Казанском промышленном училище на Грузинской улице — 766 нижних чинов; в Казанской Мариинской женской гимназии в Телеграфном переулке — 300 нижних чинов[701]. Это стало крупной социальной проблемой для города.

Позже еще одной этноконфессиональной и социальной проблемой для Казанской губернии стало размещение здесь значительного числа австро-венгерских и германских военнопленных и перемещенных лиц, общее число которых доходило до 20 тыс. Им необходимо было обеспечить условия для жизни: размещение, питание, медицинское обслуживание. Было принято решение об использовании

---

[698] *Смыков Ю. И.* Григорий Федорович Дормидонтов // Ректоры Казанского университета: Очерки жизни и деятельности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 205–211.

[699] В состав КВО входили Казанская, Самарская, Саратовская, Оренбургская, Астраханская, Пензенская, Уфимская, Пермская, Вятская, Симбирская губернии, а также Уральская и Тургайская области.

[700] Казанская губерния в период Первой мировой войны: Сборник документов и материалов / Общ. ред. Д. И. Ибрагимов; отв. сост. Л.В. Горохова. Казань: Главное архивное управление при Кабинете министров Республики Татарстан, 2014. С. 5.

[701] Там же. С. 6; Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 92. Оп. 2. Д. 21527. Л. 61–61 об., 91–91 об.

военнопленных на хозяйственных работах; кроме того, помощь им оказывали благотворительные организации и местные жители.

Война оказала существенное влияние на местную промышленность. Большинство фабрик и заводов переориентировалось на нужды фронта. Основная часть пороха для российской армии была произведена на крупнейшем в империи Казанском казенном пороховом заводе (лишь в 1916 г. свыше 271 тыс. пудов). В 1915–1917 гг. на его территории завершилось строительство второго завода мощностью до 168 пудов в год. Новые военные заказы получали судостроительные заводы общества «Кавказ и Меркурий», механический завод Провоторова, мастерские в Паратске и Васильевском затоне, механические заводы в Казани и др. Значительно расширили производство Торгово-промышленное общество Алафузовских фабрик и заводов, изготовлявшее обмундирование и амуницию, кожевенная фабрика Шабанова, химические производства Товарищества заводов Ушкова, Фабрично-торговое товарищество братьев Крестовниковых. В целом же по России на фронт уходило до двух третей промышленной продукции, и уже в 1916 г. в провинциях начался топливный и сырьевой голод[702].

Объявление войны вызвало в Казанской губернии, как и по всей стране, подъем патриотических настроений. Жители Казани и Казанской губернии различных сословий и религиозной принадлежности приветствовали начало мобилизации, многие изъявляли желание как можно быстрее оказаться на фронте, выпускники гимназий и студенты отправлялись в действующую армию как вольноопределяющиеся-добровольцы. С начала войны до конца 1914 г. из служащих ИКУ в армию ушли 47 чел.[703] В дальнейшем из высшей школы в 1914–1917 гг. военное ведомство черпало пополнение таявшего в боях офицерского корпуса (были отменены отсрочки от военной службы для студентов, исключая выпускников).

Университет старался помочь семьям мобилизованных сотрудников. 15 ноября 1914 г. правление университета сообщало в учебный округ, что «семьям вольнонаемных служащих университета, призванных по случаю мобилизации армии на действующую военную службу, а также и тем призванным, кои не оставили после себя семей, выданы из средств университета единовременные пособия в размере месячного содержания, получавшегося каждым из них во время призыва на военную службу, независимо от содержания, выдаваемого семьям призванных за счет военного фонда»[704].

С началом войны университет лишился части своих помещений. 5 августа 1915 г. ректор доносил попечителю Казанского учебного округа: «...для нужд военного времени предоставлены следующие помещения университетских учреждений: психиатрической клиники для сводного эвакуационного госпиталя, клиник глазной, акушерской и кожной — для больных Казанского военного госпиталя, терапевтической — для лазарета городской организации по оказанию помощи больным

[702] *Ермолаев И.П.* История Российской империи в XIX — начале XX в. (до 1917 г.). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. С. 492–493.

[703] НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 21653. Л. 49–51 об.

[704] Там же. Д. 21631. Л. 90.

и раненым воинам и, наконец, помещения в главном здании университета — кабинета судебной медицины, библиотека для практических занятий по всеобщей истории, профессорская читальня и кабинет секретаря Совета для лазарета (на 75 человек) университетского Красного Креста»[705]. Еще 13 августа 1914 г. медицинский факультет добровольно решил передать под лазареты «часть нового здания психиатрической клиники», «сохранив общее наблюдение за целостью и сохранностью здания и имущества за деканом медицинского факультета» при условии возложения расходов за «отопление, освещение и питание больных и уход за ними» на военно-санитарное ведомство[706]. Для начала занятий в обычные сроки факультет решил открыть клиники 20 августа и предоставить больным и раненым военнослужащим в общей сложности 70 кроватей[707].

Дальнейшие инициативы увеличили количество отданных под нужды войны помещений. Уже 15 ноября 1914 г. университетом для нужд военного времени были предоставлены:

«1) психиатрическая клиника для 281-го полевого запасного госпиталя (на 420 кроватей), замененная в последующее время (в октябре) 91-м сводным эвакуационным госпиталем,

2) в факультетских клиниках: нервной, терапевтической, глазной, кожно-венерической, хирургической и детской — 70 кроватей для больных и раненых воинов земской организации,

и 3) в главном здании университета помещения: а) профессорской читальни, б) библиотеки для практических занятий по всеобщей истории и в) кабинета секретаря Совета университета, с прилегающими к ним коридорами, для организованного Комитетом Красного Креста при университете госпиталя для больных и раненых воинов на 75 кроватей»[708].

Но раненым нужно было не только найти помещения. Учеными Казанского университета проводились сборы пожертвований и подписка в пользу раненых, находящихся на излечении в госпитале в зданиях Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства, которые в соответствии с разрешением губернатора от 9 сентября 1914 г. осуществлял профессор А. Е. Арбузов[709]. Для координации действий Совет университета 3 сентября 1915 г. учредил общественный Комитет для оказания помощи беженцам, в состав которого вошли профессора: А. Я. Гордягин, В. С. Груздев, А. В. Завадский, А. Н. Казем-Бек, В. К. Меньшиков, П. А. Никольский, А. А. Овчинников, В. Ф. Орловский. А. А. Пионтковский, А. И. Раммуль, А. А. Симолин, Л. Л. Фофанов, К. В. Харлампович, М. М. Хвостов[710]. Комитет выделял места для больных беженцев и их детей во всех университетских клиниках, помогал организовать отпуск лекарств беженцам со значительной скидкой (до трети стоимости), организовал вместе со студенческой дружиной больницу

[705] Там же. Д. 23547. Л. 5–5 об.

[706] НА РТ. Ф. 977. Оп. Правление. Д. 9031. Л. 57–57 об.

[707] Там же.

[708] Там же. Л. 90–90 об.

[709] Там же. Оп. Совет. Д. 12717. Л. 30.

[710] Там же. Д. 12904. Л. 121, 124–124 об.

для детей беженцев, взяв на себя оплату всех используемых в ней лекарств. На даче директора Ботанического сада профессора А. Я. Гордягина устроили приют для детей-беженцев, которые были обеспечены всем необходимым. Комитет освободил и оборудовал для жилья пять кабинетов, в которых смогли поселиться до 15 студентов, эвакуированных из университетов Западного края[711].

Решались и задачи образовательного и научного плана. Физико-математический факультет дважды (29 сентября и 18 октября 1914 г.) обсуждал вопрос о допущении женщин в университет, так как в последние годы «комплект слушателей заполнялся наполовину и уже в Казанском учебном округе ощущался дефицит лиц, имевших право преподавать математику и естественные дисциплины в средних учебных заведениях»[712]. Призыв некоторых учителей средней школы и уменьшение числа студентов, а значит квалифицированных преподавателей, должны были негативно сказаться на подготовке абитуриентов, что в свою очередь угрожало сокращением числа лиц, получавших диплом лишь через несколько лет (после четырехгодичного обучения). В условиях военного времени прием женщин на физико-математический факультет стал единственным способом восполнения недостатка в абитуриентах и соответственно преподавателей средней школы. Вскоре Совет министров разрешил физико-математическому и медицинскому факультетам принимать женщин-абитуриентов. А вот аналогичное ходатайство юридического факультета не было удовлетворено, так как подготовку юристов и гуманитариев власть не посчитала столь уж важным делом в военное время[713].

Химики, физики, медики по поручению Казанского ВПК решали прикладные научные задачи помощи фронту: изучали способы химической защиты от отравляющих газов (профессора А. Я. Богородский, А. Е. Арбузов и др.), особенности изготовления и проверки качества лекарственных средств и медикаментов (приват-доцент А. М. Васильев, чл.-корр. Академии наук профессор Ф. М. Флавицкий и др.), возможности изготовления образцов вооружения и метрологического обеспечения военного производства (приват-доцент Н. И. Порфирьев, профессор Е. А. Болотов). Их работы будут рассмотрены ниже.

ИКУ стал центром подготовки медицинского персонала для местных госпиталей. В октябре–ноябре 1914 г. ординарный профессор медицинского факультета В. Н. Тонков при участии других профессоров, приват-доцентов и врачей организовал кратковременные курсы для подготовки медицинских сестер по уходу за больными и ранеными воинами[714]. В следующем, 1915 г. анатом В. Н. Тонков был переведен из Казани в Санкт-Петербург и в 1917 г. стал первым советским президентом Военно-медицинской академии.

Если в первые годы войны большинство населения было охвачено патриотическими порывами, то уже на второй год стали нарастать вызванные войной

[711] НА РТ. Ф. 977. Оп. Правление. Д. 13242. Л. 417–419.

[712] *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05–1929/30). Т. 2. С. 272.

[713] Там же.

[714] НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 21939. Л. 5–6.

социальные противоречия. Затронули они и Казань. Уже 2 октября 1915 г. казанский губернатор П. М. Боярский жалуется на «ежедневные и многочисленные телеграммы из воинских частей о розыске бежавших (так, например, за один день, 30 сентября, поступило ко мне требование разыскать через полицию 102 нижних чина)»[715]. Увеличивается количество призываемых на войну сотрудников и студентов ИКУ, которые были нужны фронту как замена быстро таявшему в боях младшему офицерскому составу.

5 марта 1916 г. П. М. Боярский отправил «Казанскому городскому по воинской повинности присутствию» предписание о порядке призыва на военную службу студентов высших учебных заведений[716]. В нем говорилось, что в соответствии с утвержденным 31 января 1916 г. Положением Совета министров о Временных правилах привлечения в течение настоящей войны на военную службу молодых людей, пользующихся отсрочками для окончания курса высших учебных заведений, прием означенных лиц на военную службу производится постепенно, по мере выяснившейся потребности в них, в количестве и в сроки по указанию начальника Генерального штаба. В связи с этим студенты 1-го и 2-го семестров, родившиеся в 1895 г., подлежали призыву с 15 марта по 15 мая в «зависимости от времени начала занятий в намеченных для укомплектования студентами, временных военных пехотных училищах с четырехмесячным ускоренным курсом»[717]. Столь резкие изменения в отсрочках от призыва неизбежно вели к сокращению численности студентов, требовали дальнейшей корректировки учебных планов и чреваты были вспышками недовольства.

7.4.2. Образование в Казани Военно-промышленного комитета и его поворот к научно-техническим проблемам

Дезорганизация промышленности, сельского хозяйства и транспорта заставила профессорско-преподавательский корпус активнее включиться в мобилизацию науки под эгидой Казанского ВПК, созданного 15 июня 1915 г. по инициативе Казанской городской думы и превратившегося через несколько месяцев в областной.

Поначалу ВПК, возглавлявшийся городским головой В. Д. Борониным и его товарищем — представителем Биржевого комитета П. П. Набоковым, не имел никакого отношения ни к науке, ни к университету. В него вошли члены городской управы, гласные Думы, представители Биржевого комитета, военного ведомства, губернского правления, пароходных агентов, а также ремесленный голова И. Н. Кудряшев и мещанский староста М. И. Лобашев[718]. Объясняя цель создания ВПК, В. Д. Боронин подчеркнул, что прежде всего необходимо выяснить «количество сил, фабрик и заводов, могущих работать в деле снабжения и снаряжения армии»[719].

---

[715] Письмо П. М. Боярского директору Департамента полиции Р. Г. Моллову. См.: НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1139. Л. 8–9.

[716] НА РТ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1560. Л. 1–2.

[717] Там же. Л. 1.

[718] НА РТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1419. Л. 2.

[719] Там же.

Это было поручено инженеру городской управы Б. Л. Макашину. На первом заседании обсуждался и вопрос о пополнении ВПК «снабженцами» и предложено было включить в состав комитета «городских голов и старост уездных городов, кои могут доставить весьма ценные сведения, относящиеся к делу заготовления всего необходимого для армии»[720]. В заключении протокола заседания университет также упомянут, но в числе большого числа учреждений, представителей которых следует включить в состав ВПК наряду с представителями Ремесленного, Мещанского и Технического обществ, губернского земства, кассы мелкого кредита, а также всеми городскими головами и уездными старостами и членами чистопольского Биржевого комитета, которому вместе с Казанским биржевым комитетом предлагалось «обсудить вопрос о снабжении армии продовольствием и взять на себя дело заготовки для армии хлеба»[721].

Второе заседание, состоявшееся 27 июня 1915 г., дополнило президиум двумя участниками — председателем Губернской управы Н. А. Мельниковым и директором Казанского промышленного училища В. И. Нечкиным[722]. На нем также были образованы три секции: артиллерийская, вещевая и продовольственная, но ни в одной секции представители университета не упомянуты.

Третье заседание (3 июля) постановило включить в число членов комитета представителей нескольких заводов, лесного ревизора В. Ф. Василевского и других лиц. ВПК становился всё более огромным и неуправляемым. Впервые в протоколах ВПК появляется имя университетского профессора А. Я. Богородского[723], который указывал на необходимость связаться с Центральным военно-промышленным комитетом, чтобы выяснить степень потребности «в каких-либо химических продуктах» и на базе полученных сведений решить, «что можно сделать в этой области местными силами»[724]. Он отметил оскудение местного рынка обыкновенными продуктами, например сернисто-кислым натром[725], который имеет значение и как анти-хлор, и как вещество, необходимое «для регенерации йода из госпитальных отходов», т. е. из уже использованных пропитанных йодом бинтов и ваты[726].

Предложение Богородского было принято, и в повестке дня заседания ВПК от 10 июля, где среди присутствующих уже значится профессор Богородский, седьмой пункт обозначен так: «Заслушан протокол Химической подсекции от 8 июля сего года»[727], хотя самого протокола в архивах найти не удалось. Но и из докладной Богородского ректору от 10 июля 1915 г. следует, что ВПК поручил Богородскому создать специальную химическую секцию[728], а 8 июля 1915 г.

[720] НА РТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1419. Л. 3 об.

[721] Там же. Л. 4.

[722] Там же. Л. 5.

[723] Фамилия в документе указана неправильно — как Богородицкий.

[724] НА РТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1419. Л. 10 об.

[725] Сульфит натрия (Na_2SO_3) применяют для удаления следов хлора после отбеливания тканей, в производстве пестицидов, для обезвреживания сточных вод и т. д.

[726] НА РТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1419. Л. 10 об.

[727] Там же. Л. 13.

[728] Здесь есть некоторые разночтения. В бумагах университета это подразделение ВПК именовали химической секцией, а в документах ВПК в то время — подсекцией.

уже состоялось ее первое заседание[729]. Как представитель университета в правлении ВПК и его артиллерийской секции, возглавляемой П. Г. Зайцевым, 17 июля на заседании ВПК присутствовал декан физико-математического факультета ИКУ профессор Д. А. Гольдгаммер, который пообещал дать информацию о том, какие университетские станки и приборы могут быть использованы для производства оружия, и о готовности университета передать свое оборудование в распоряжение ВПК[730]. На том же заседании В. И. Нечкин высказал пожелание поместить оборудование в возглавляемом им Казанском промышленном училище и организовать там изготовление предметов вооружения, в частности шрапнели.

Вскоре артиллерийская секция осознала, что нельзя ограничить свою деятельность только увеличением производства шрапнели. 8 августа 1915 г. Казанский губернатор направляет в Казанский ВПК официальное письмо за номером 14471, в котором сообщает, что Центральный ВПК ввиду потребности Военного ведомства в увеличении производства снарядов крупного калибра предложил ему поставить перед ВПК Казанской губернии задачу определить «те фабрики и заводы, кои могли бы быть использованы для постройки в самый короткий срок большого количества станков согласно чертежей, высланных 27 минувшего июля Центральным Военно-Промышленным Комитетом Казанскому Комитету»[731]. Губернатор просил председателя Казанского ВПК известить его лично о мерах, принятых для осуществления данного предложения.

Выполняя это распоряжение, Казанский ВПК открывает курсы по подготовке рабочих высокой квалификации и 6 ноября 1915 г. обращается к казанскому губернатору на бланке Казанского военно-промышленного комитета с просьбой разрешить проводить вечерние занятия «ввиду настоятельной необходимости иметь хорошо обученных специалистов для выполнения работ по военной обороне»[732]. Поскольку деятельность ВПК начинает затрагивать всё больше народу, за ним устанавливается тайный полицейский надзор. 22 января 1916 г. казанский полицмейстер представляет губернатору рапорт под грифом «секретно». В нем он докладывает губернатору о том, что «негласное наблюдение за деятельностью этого Комитета установлено, и о всем замеченном будет донесено дополнительно»[733]. К рапорту приложен «Состав Совета Казанского Областного Военно-Промышленного Комитета, заседания которого проходили в Городской управе». В списке из 16 человек в качестве заместителей В. Д. Боронина, председателей секций и их товарищей преобладали уже инженеры, педагоги и ученые: директор Казанского промышленного училища В. И. Нечкин, инженер Ф. Л. Шклодин, И. Ф. Чибриков, П. Г. Зайцев, приват-доцент А. М. Завадский, Р. А. Прошинский, профессор И. М. Нелюбин, профессор химии А. Я. Богородский и магистр химии А. Е. Арбузов[734].

[729] НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12989. Л. 1–3.

[730] Там же. Л. 15.

[731] НА РТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1419. Л. 16.

[732] Там же. Д. 1432. Л. 108.

[733] Там же. Д. 1436. Л. 57.

[734] Там же. Л. 58–58 об.

Из списка можно судить, что химическая подсекция за прошедшие полгода выросла в в полноценную химическую секцию, представленную к тому же в большинстве своем университетскими химиками. Подтверждения этому содержатся в протоколах Совета университета, где 28 августа 1915 г. профессор кафедры неорганической химии ИКУ А. Я. Богородский доложил, что по поручению Казанского ВПК, членом которого он состоит, организовал химическую секцию, которая приступила к рассмотрению вопросов, «касающихся удушливых газов, как в смысле защиты, так и в смысле нападения»[735]. Вместе с ассистентами Богородский проводил лабораторные исследования «некоторых поглотителей для противогазовых растворов, а также исследование защитного материала для глаз вместо стекла»[736].

В артиллерийской секции также появились университетские преподаватели. О работах, выполнявшихся химиками, математиками и механиками ИКУ, будет рассказано в следующем параграфе. К сожалению, сведения, предоставленные в Совет университета, были не слишком подробны, а других данных о научных работах, выполнявшихся по проектам Казанского ВПК, в архивах нет. Например, известно, что химики работали над проблемами отравляющих веществ и борьбы с ними, однако данные об этих работах отсутствуют. Принимавший в них непосредственное участие будущий академик АН СССР А. Е. Арбузов в конце жизни активно занимался историей химии и написал несколько книг[737], в том числе по истории казанской химической школы и биографиям ее представителей. Однако ни в одном из очерков он ни словом не упомянул ни свои, ни их работы во время Первой мировой войны. Скорее всего, это связано с тем, что эти работы продолжались в советское время и были строго засекречены.

5 февраля 1916 г. в Казани заработал Снарядный завод, расположенный в мастерской Казанского промышленного училища, предоставленной комитету безвозмездно. Это было большим достижением Казанского ВПК, который известил все общественные учреждения, сделавшие пожертвования на оборудование завода, что он «пущен в ход и занят обработкой 3" гранат[738] французского образца по заказу Московского военно-промышленного комитета в количестве на первое время 1500 штук»[739]. Старший фабричный инспектор Казанской губернии А. Бадюл 23 февраля 1916 г. докладывал, что на заводе 19 токарных станков, на которых обтачиваются стаканы для 3-дюймовых французских гранат из болванок, получаемых от Сормовского завода[740]. В ближайшее время предполагался запуск отделения для обжимки стаканов и термической обработки их (закалки корпусов). В докладе отмечалось, что револьверные токарные станки были построены по чертежам

[735] НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12904. Л. 100.

[736] Там же.

[737] *Арбузов А. Е.* 1) Краткий очерк развития органической химии в России. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948; 2) Казанская школа химиков. Казань: Таткнигоиздат, 1971; 3) Избранные работы по истории химии. М.: Наука, 1975.

[738] Т. е. трехдюймовых гранат.

[739] НА РТ. Ф. 299. Оп. 1. Д. 364. Л. 12.

[740] НА РТ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 444. Л. 37.

Московского военно-промышленного комитета на местных механических заводах и что на оборудование завода израсходовано около 43 тыс. руб.[741]

Связь университета и Казанского ВПК в деле снабжения снарядного завода была довольно тесной, что подчеркивается в Отношении, датированном 13 июня 1916 г.: «Совет Казанского областного военно-промышленного комитета, обращаясь с новой просьбой к правлению университета, прежде всего, пользуется случаем принести выражения глубокой признательности и благодарности императорскому университету за его постоянную научную, моральную и материальную помощь комитету в его работах на оборону страны»[742]. Комитет благодарит правление университета за предоставленный осенью 1915 г. во временное пользование для снарядного завода центробежный вентилятор Шили из кабинета практической механики. Но, поскольку выяснилось, что вентилятор работает «не от общей трансмиссии завода, а от специального малого электромотора», снарядный завод надеется, что университет, уступивший заводу вентилятор, согласится предоставить и электромотор к нему.

Поскольку Отчет Казанского университета за 1916 г. должен был быть подготовлен и напечатан только в 1917 г., что по понятным причинам не было сделано, то нам не удалось узнать, уступил ли университет свой электромотор и как вообще он отреагировал на открытие снарядного завода. Тем не менее всё говорит о том, что связи университета и ВПК в 1916–1917 гг. были довольно тесными.

7.4.3. «Мобилизация» деятельности физико-математического факультета ИКУ

Со второго года войны (и с самого начала деятельности Казанского ВПК) физико-математический факультет Казанского университета попытался направить часть своей работы в «военное русло». 28 июля 1915 г. его декан физик Д. А. Гольдгаммер доложил ректору, что университет, не будучи техническим учебным заведением, не сможет заняться изготовлением предметов вооружения на принадлежащих университету станках и инструментальных средствах[743]. Он подчеркнул, что университет не располагает специалистами, способными организовать такое производство, но, чтобы не остаться в стороне «от содействия вооружению», следует предоставить свои станки и инструменты во временное пользование тем учреждениям, которые готовы организовать изготовление предметов вооружения. О согласии на такую передачу заявили заведующие кабинетом практической механики профессор Болотов и геометрическим кабинетом профессор Н. Н. Парфентьев, да и сам Гольдгаммер как заведующий физическим кабинетом и механической мастерской. Со своей стороны упомянутый выше В. И. Нечкин выразил готовность принять и разместить передаваемое оборудование в Казанском промышленном училище. Речь шла о токарных и фрезерных станках, гидравлическом ручном прессе, электродвигателе на 10 лошадиных сил, компрессоре на 200 атмосфер и т. д.

[741] Там же.

[742] НА РТ. Ф. 977. Оп. Правление. Д. 9114. Л. 17–17 об.

[743] Там же. Оп. Совет. Д. 12989. Л. 14–15.

Гольдгаммер предлагал также, чтобы университетский механик А. Николаев, сам «тонкий» мастер, и к тому же «имеющий в своем распоряжении средства университетского механического заведения, позволяющие выполнять тонкие работы, взял на себя производство подобного рода работ», например изготовление мелких металлических сверл[744]. Характерно, что как заслугу профессуры Гольдгаммер отмечал ее готовность терпеть «стеснение обычной деятельности механического заведения по выполнению университетских заказов» ввиду тяжелых условий переживаемого Россией времени. Видно, что профессора еще не осознали весь масштаб переживаемой страной катастрофы и готовы были пожертвовать небольшой частью оборудования учебно-вспомогательных учреждений ради сохранения возможностей для занятия наукой.

Однако вскоре выяснилось, что подобных жертв недостаточно. 28 августа 1915 г. на заседании Совета университета Гольдгаммер повторил свои соображения и дополнил их новыми[745]: сделать для промышленного училища станок, с помощью которого будут производиться винты для снаряжения; изготовлять части станков для обточки снарядов; взять на себя функции главной палаты мер и весов и организовать при Геометрическом кабинете Бюро по проверке калибров, лекал, пройм и пр. по строгим международным стандартам. Бюро организовали профессор Парфентьев и приват-доцент Порфирьев, руководившие студентами. К работе был привлечен и кабинет прикладной механики, заведующий которым, профессор кафедры теоретической и практической механики (и будущий ректор КУ) Е. А. Болотов, уступил для нужд артиллерийской секции «27 ½ фунта инструментальной стали Беллера, стоимостью около 20 руб., в которой в настоящее время в Казани ощущается острая нужда. Сталь эта по мере надобности будет выдаваться членам артиллерийской секции»[746].

С осени в мобилизацию ИКУ включились студенты физико-математического кружка. Стартом к их присоединению к работе по снаряжению армии послужили два доклада, произнесенные на Общем собрании кружка 19 сентября 1915 г. Первый из них был сделан приват-доцентом Н. И. Порфирьевым («О предложении Казанского военно-промышленного комитета студентам университета принять участие в приготовлении и выверке измерительных инструментов для нужд заводов, изготовляющих артиллерийские снаряды»), а второй — инженером Р. А. Прошинским («Порядок изготовления гранат»)[747].

В отчете университета за 1915 г. отмечено, что деятельность геометрического кабинета благодаря инициативе приват-доцента кафедры чистой математики ИКУ Н. И. Порфирьева существенно расширилась за счет привлечения студентов к работе на военные нужды. Среди его главных достижений названы[748]: учреждение метрологического бюро для поверки и изготовления калибров и лекал и измерительных инструментов, необходимых при массовом производстве заводам и мастер-

[744] НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12989. Л. 14 об.

[745] Там же. Д. 12904. Л. 116–117.

[746] Там же. Л. 117.

[747] Там же. Д. 13018. Л. 173–174.

[748] Там же. Л. 102–104.

ским, мобилизованным для нужд армии; превращение фрезерного станка в шлифовальный для юстирования стальных закаленных калибров[749] и пр. Всего на призыв участвовать в вычислительных, чертежных и калибровочных работах, в изготовлении измерительных инструментов и в научных исследованиях стали и пр. отозвались около 90 студентов. Быстро образовалась группа из 20 студентов, которые за 4 месяца юстировали 4 калибра для шрапнелей Сормовского завода. Кроме того, они исполнили примерно 50 чертежей измерительных приборов и лекал для приема трехдюймовых снарядов в ВПК. По просьбе А. М. Завадского[750] были исследованы 4 калибра ручной гранаты, а по заданию инженера Казанского губернского земства Муравьева — 6 калибров для осей повозок и коллекция в 40 калибров из мастерской Московского ВПК и т. д. Шли также микрография стали и изготовление измерительных инструментов. На станках геометрического кабинета были изготовлены нормали шрапнельных винтов, по которым в Казани для Сормовского завода разными мастерскими был исполнен заказ в 200 тыс. шт., и сконструирован прибор для массового изготовления спиральных сверл малых диаметров для Самарского трубочного завода.

В отчете отмечено также, что кабинет практической механики передал на нужды ВПК около 11 кг инструментальной стали и организовал краткосрочные курсы токарей[751].

Как и в Петрограде, Первая мировая война сильно сказалась на деятельности химиков ИКУ. Во-первых, лаборатории университета почти перестали получать приборы, посуду, реактивы и зарубежную научную литературу, поставляемые до войны в основном из Германии. Во-вторых, жизнь ставила перед химиками новые задачи. В годы войны практически весь персонал химических лабораторий переключился на проблемы оборонной тематики, многие работали на фабрично-заводских производствах.

Летом 1915 г. русская армия подверглась газовым атакам, к которым оказалась совершенно не подготовлена, и началась работа по созданию химических

---

[749] Юстировать — приводить в рабочее состояние, выверять измерительные или оптические приборы, механизмы или их части.

[750] Завадский Александр Михайлович (1879 — после 1955), сын бывшего попечителя Кавказского образовательного округа и члена Государственного совета М. Р. Завадского, был в годы революции 1905 г. эсером, а в 1907 г. даже проходил по делу организации покушения на Николая II, когда главные обвиняемые были повешены. Хотя ему удалось оправдаться (возможно, благодаря усилиям многочисленных родственников — высокопоставленных юристов и из-за уважения к заслугам отца и деда), но из Петербурга он был выслан. В ИКУ А. М. Завадский служил хранителем Зоологического музея (1902–1903; 1908–1927), а с 1913 г. был приват-доцентом. Подробнее см.: *Колчинский Э. И.* Кирилл Михайлович Завадский. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 35–41. В 1915 г. А. М. Завадский создал в ИКУ кооператив младших преподавателей «Помощь армии» (см.: НА РТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1412. Л. 1–4; *Ермолаев А. И.* Александр Михайлович Завадский и его попытки наладить в Казанском университете помощь фронту в 1915–1916 гг. // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2017. Вып. XXXIII. С. 115–116).

[751] НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13018. Л. 107.

боеприпасов[752]. 28 августа того же года Совет ИКУ создал «Комиссию по изысканию способов применения удушливых газов и борьбы с ними»[753]. В нее, а также в Химическую секцию Казанского ВПК вошли все химики университета[754]. Организатором и ведущим деятелем этой секции был А. Я. Богородский, в лаборатории которого были начаты изыскания поглотителей газов для снаряжения респираторов и заменяющих стекло материалов для защиты глаз.

Ранее, 10 июля 1915 г. А. Я. Богородский на соответствующий запрос ректора Г. Ф. Дормидонтова ответил, что работы по применению в военных целях удушливых газов и методам защиты от них никто из химиков Казанского университета не проводил и только сейчас они стали первейшими задачами в деятельности химической секции, сформированной по заданию ВПК от 3 июля 1915 г.[755] Видимо, ректор хотел детально знать реальное положение дел, так как Богородский в подробностях рассказывает о первом заседании Химической секции, состоявшемся 8 июля 1915 г.[756]

Сразу выяснилось, что точными сведениями о природе газов, примененных немецкой армией, Казанский ВПК не располагал, как не располагал и образцами защитной повязки или шлема-респиратора рационального типа. В связи с этим первоочередной задачей стало выяснение свойств применяемых газов, чтобы на базе полученных сведений приступить к выработке типа респиратора и противогазового состава. В силу предположения, что отравляющий газ связан с хлором, было решено озаботиться защитой не только дыхательных органов, но и глаз, так как воины, окруженные хлором, обречены на бездействие. Из-за отсутствия в Казани целлулоида и целлулоидных фабрик было решено искать другой прозрачный и упругий материал для защиты глаз от хлора. В числе сведений, необходимых для борьбы с отравляющими газами, важно было узнать также: приблизительную емкость сосудов с хлором, употребляемых врагом; приблизительное расстояние, на котором сосуды с газом размещаются в германских окопах, и их расположение относительно окопов российской армии; приблизительные расстояния от наших окопов, с каких немцы применяют газовую атаку. В связи со срочностью требуемых решений Химическая секция приняла меры для получения необходимых сведений от Центрального ВПК и других учреждений, а также начала исследования и испытания в университетских и заводских лабораториях. В связи с этим Богородский приказал всем своим сотрудникам, находящимся в отъезде, срочно вернуться в Казань. На секции были также обсуждены вопросы возможности обезвреживать выпускаемый противником хлор ранее того момента, когда облако газа достигнет российских окопов и о создании для российской армии оборудования для активного применения хлора. Пока же,

[752] Подробнее см. параграф 10.1.

[753] НА РТ. Ф. 977. Оп. Физ.-мат. фак. Д. 2445. Л. 1. Комиссия должна была состоять из членов физико-математического и медицинского факультетов, избрание конкретных членов комиссии Совет университета предоставил факультетам, это произошло позже — в сентябре.

[754] *Ключевич А. С. и др.* Неорганическая химия в Казанском университете. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 25–29.

[755] НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12989. Л. 1.

[756] Там же. Л. 1–4.

на первом заседании секции, был только намечен способ применения жидкого хлора и сделан приблизительный расчет района возможного заражения воздуха.

7 августа профессор Богородский вновь рапортовал Г. Ф. Дормидонтову о ходе работ в Химической секции, уверяя, что возглавляемая им лаборатория всецело сконцентрировалась на вопросах боевого использования отравляющих газов и защиты от них[757]. Основное внимание было уделено исследованию разных поглотителей для противогазовых респираторов, а также поиску защитного материала для глаз. 11 сентября 1915 г. физико-математический факультет избрал Комиссию по изысканию способов применения удушливых газов и борьбы с ними в составе профессоров Ф. М. Флавицкого, Д. А. Гольдгаммера, А. Ф. Самойлова, А. Е. Арбузова, А. Я. Богородского и А. Н. Острякова, приват-доцентов Д. М. Марко, А. Ф. Герасимова, А. М. Васильева, А. Н. Щербакова и В. П. Ищерекова, ассистентов при учебно-вспомогательных учреждениях факультета Дунина, Кыштымова, Карташёва, Вильде, Гурьянова и Евдокимова, и оставленных при университете для приготовления к профессорскому званию — Парфентьева и Иванова[758]. Поскольку газы были совершенно новым военным средством, то университет выступал и в качестве популяризатора знаний. Например, доктор медицины В. Н. Болдырев предложил прочитать платную «публичную лекцию о применяемых немцами на войне удушливых газах и о мерах борьбы с ними», а полученные средства передать в распоряжение созданной факультетом комиссии[759].

Другим важнейшим вопросом, с которым пришлось иметь дело химикам во время войны, было производство медикаментов. 25 августа 1914 г. товарищ министра народного просвещения В. Т. Шевяков предписал ректорам университетов, в том числе Казанского, наладить в вузовских лабораториях изготовление дефицитных медикаментов и привлекать для этого студентов[760]. Г. Ф. Дормидонтов сообщил об этом письме специально созданной им комиссии из числа профессоров университета[761]. Несколько позже физико-математический факультет докладывал ректору, что 12 сентября избрал в образованную Советом Комиссию для организации работ по производству в университетских лабораториях медикаментов для нужд армии следующих лиц: профессоров Ф. М. Флавицкого, А. Н. Острякова, А. Е. Арбузова, А. Я. Богородского, приват-доцентов — А. Н. Щербакова, Д. М. Марко, А. Ф. Герасимова, А. М. Васильева, В. П. Ищерекова, состоящих при учебно-вспомогательных учреждениях факультета — Д. М. Адо, В. А. Вильде, В. В. Гурьянова, А. А. Дунина, В. Л. Евдокимова, А. В. Карташёва, П. Е. Кыштымова и Н. П. Музурова[762]. Можно видеть, что состав Комиссии по медикаментам почти повторял состав Комиссии по газам. По сути, это была, видимо, одна и та же организация.

В статье Ф. М. Флавицкого «Иодная вата», опубликованной в 1915 г., предлагался способ готовить для армии вату, пропитанную смесью порошков KI и $CuSO_4$.

[757] НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12989. Л. 20.

[758] Там же. Оп. Физ.-Мат. Фак. Д. 2445. Л. 2.

[759] НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 23705. Л. 36–36 об.

[760] НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12830. Л. 1–2 об.

[761] Там же. Оп. Правление. Д. 8974. Л. 10–12.

[762] Там же. Оп. Физ.-мат. фак. Д. 2382. Л. 6.

Заведующий лабораторией физической химии, профессор А. Ф. Герасимов разработал метод получения антисептического препарата колларгола, приводивший, кстати сказать, к безукоризненным результатам. Препараты казанского колларгола распространились так широко, что требования на него поступали и с запада — из Кишинева, и с востока — из Иркутска[763].

Химик-органик А. Е. Арбузов занялся налаживанием отечественного химического производства салициловых препаратов, в частности ацетилсалициловой кислоты, или аспирина, столь нужного для военной медицины. В процессе его создания Арбузов смог совместить в себе способности химика-органика, инженера-технолога и организатора производства. Для начала он выяснил возможности производства в Казани ряда салициловых препаратов: аспирина — ацетилсалициловой кислоты, салола — фенилового эфира салициловой кислоты, салицилокислого натра, самой салициловой кислоты и т. п. Эти препараты до войны ввозились из Германии, поэтому пришлось изучать их производство с азов, т. е. с разработки лабораторных рецептов проведения соответствующих химических реакций. Позже пришлось налаживать опытный выпуск препаратов. Благодаря своей энергии Арбузов создал в Казани опытный фенолосалициловый завод внутри давно существовавшего производственного комплекса — завода братьев Крестовниковых. На местном сырье был получен аспирин отличного качества. Вскоре завод уже выпускал медикаменты как для нужд фронта, так и для тыла. При этом только аспирина и салола завод производил до 16 кг в день[764]. Производимый по методу Арбузова аспирин продавался в виде порошка в кубических картонных коробочках, этикетку для которых Арбузов рисовал лично. Ныне одна такая коробочка хранится в фондах музея Арбузовых в Казани[765].

Косвенно с производством медикаментов связан и один из новых учебных проектов, который университет пытался реализовать во время войны. «Во исполнение циркуляра Министерства Народного Просвещения от 25 августа 1915 года за № 38671 и постановления Совета Университета от 3 сего сентября» специально созданная Комиссия, состоящая из представителей двух факультетов (физико-математического и медицинского), разрабатывала учебный план для новой специальности — химико-фармацевтической, рассчитанный на три года[766]. Химико-фармацевтические курсы так никого и не успели выпустить до конца войны. Вопрос вновь был поднят в конце 1918 г., когда обсуждался проект Наркомздрава об учреждении при университетах самостоятельных химико-фармацевтических факультетов или в крайнем случае химико-фармацевтических отделений при физико-математическом факультете. 7 декабря физико-математический факультет

[763] *Корбут М. К.* Наука в Казанском университете за последние 25 лет // Ученые записки Казанского университета. 1930. № 3–4. С. 345.

[764] *Гречкин Н. П., Кузнецов В. И.* Александр Ерминингельдович Арбузов. М.: Наука, 1977. С. 183–184.

[765] В Дом-Музей превращено одноэтажное деревянное здание, в котором А. Е. Арбузов проживал с 1916 до своей смерти в 1968 г. См.: *Гайдукова Н. М., Кореева Н. С.* Дом-Музей академиков А. Е. и Б. А. Арбузовых. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003.

[766] НА РТ. Ф. 977. Оп. Физ.-мат. фак. Д. 2446. Л. 9–10 об., 21.

обратился в Совет с просьбой создать специальную химико-фармацевтическую комиссию из членов физико-математического и медицинского факультетов с целью тщательного рассмотрения предлагаемого проекта[767].

Таким образом значительная часть профессоров и студентов физико-математического факультета, прежде всего физики и химики, были вовлечены в деятельность ВПК. И это не было их частной инициативой. Вся их деятельность поощрялась, контролировалась, а в значительной степени направлялась ректором и Советом института. Местные власти также постоянно прибегали к помощи ученых университета, причем потребность в их участии и консультациях неуклонно усиливалась начиная с лета 1915 г. Хотя профессура в основном придерживалась либеральных воззрений, никому не пришло в голову во время войны будировать антиправительственные настроения.

В 1914–1916 гг. Казанский университет в целом оставался лоялен правительству, профессора и преподаватели достаточно дисциплинированно исполняли его указы и распоряжения МНП, губернатора, городского головы и т. д. Причем нельзя сказать, что они как-то старались использовать конъюнктуру военного времени для решения узкокорпоративных целей. Можно с уверенностью утверждать, что профессорско-преподавательский корпус в целом и руководство Казанского университета демонстрировали подлинный, а не «академический» патриотизм безо всяких оговорок. В основе такого поведения лежали многие причины. Прежде всего население провинции традиционно консервативнее столицы и легче контролируется местными властями. Этому способствует отдаленность от политической борьбы и социальных сетей, в которых она разворачивается.

Конечно, нет правил без исключений. Например, выше уже упоминалась история с увольнением из ИКУ профессора-историка Н. Н. Фирсова. Накануне войны, весной 1914 г., Министерство отправило его в отставку в связи «с выслугой лет», не простив ему выступлений в защиту студенчества и резкой критики самодержавия[768]. Тем не менее Совет университета продолжал бороться и, невзирая на крайне неодобрительное отношение Министерства, в октябре 1915 г. вновь избрал Фирсова для замещения должности профессора кафедры[769]. В результате в январе 1916 г. Фирсов получил возможность вернуться в Казанский университет[770] и далее работал там вплоть до самой смерти. Тем не менее можно сказать, что в годы войны профессура была более или менее лояльна правительству, в отличие от студенчества, которое в массе было весьма «революционным»[771].

Кроме того, следует учитывать, что Казанский университет был не просто центром интеллектуальной и духовной жизни большого региона, но фактически

[767] Там же. Д. 2595. Л. 6.

[768] Подробно об этой истории см.: *Ермолаев И. П., Литвин А. Л.* Профессор Николай Николаевич Фирсов. С. 53–57.

[769] НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 19421. Л. 20–21 об.

[770] Там же. Л. 45.

[771] Об антиправительственных настроениях в среде студенчества подробнее см.: *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05–1929/30). Т. 2. С. 273–279, 289–293.

единственным учреждением всей Казанской губернии, способным дать научный ответ на вызовы военного времени. Профессорско-преподавательский коллектив понимал свою ответственность и по мере сил пытался выполнить свой долг перед обществом. Еще сильнее это проявилось в деятельности преподавателей и сотрудников медицинского факультета, которые буквально в первые дни войны были мобилизованы в прямом и в переносном смысле.

7.4.4. Мобилизованная университетская медицина

Война наиболее сильно сказалась на деятельности ученых и преподавателей медицинского факультета. Многие из них ушли на фронт, а их педагогические и лечебные обязанности легли на плечи оставшихся. С началом боевых действий по распоряжению правительства в Казани был создан окружной распределительный пункт, куда вскоре начали прибывать раненые. Университетские медики активно включились в создание лазаретов, в том числе и на территории ИКУ. Помимо выделения помещений нужна была сама медицинская помощь. 9 сентября 1914 г. профессор В.С. Груздев, заведующий акушерско-гинекологической клиникой ИКУ, где было 30 кроватей, предложил «без излишней тесноты» разместить в ней до 50 больных[772]. Он полагал, что раненым воинам следовало отвести палаты, которые могут быть изолированы от остальных, а также пустующую квартиру, предназначенную для штатных ординаторов клиники, ушедших на фронт. Расходы на содержание раненых воинов штат клиники готов был оплачивать, а сам Груздев жертвовал 50% получаемого жалования (до 125 руб. в месяц). Сокращение времени занятий у студентов 5-го курса он предлагал компенсировать путем расширения занятий при приеме больных. В результате забота о раненых не причинила бы «никакого ущерба прямому назначению клиники». Факультет одобрил предложение Груздева, который 5 февраля 1915 г. сообщил, что с 30 декабря 1914 г. в возглавляемую им клинику поступили 16 тяжелораненых воинов, и для возмещения ее расходов он лично вносит 125 руб. за январь[773].

Работы было более чем достаточно для всех профессоров факультета; например, экстраординарный профессор хирург В.Л. Боголюбов был назначен главным врачом Казанской общины сестер милосердия и состоящих при ней больницы и амбулатории с 19 января 1915 г. «с оставлением в занимаемой им должности»[774]. Экстраординарный профессор А.В. Вишневский — автор знаменитой «мази Вишневского», спасшей многих во время Великой Отечественной войны, — заведовал кафедрой хирургической патологии и терапии. Кроме чтения лекций и ведения практических занятий по десмургии ему поручили заведовать госпитальной хирургической клиникой. Он состоял также старшим врачом госпиталя № 1 Казанского отдела Всероссийского земского союза, врачом-консультантом госпиталей Казанского биржевого и купеческого обществ, консультантом лазарета Казанского учебного округа[775].

---

[772] НА РТ. Ф. 977. Оп. Правление. Д. 9031. Л. 92–92 об.

[773] Там же. Л. 99.

[774] Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1915 год. Казань, 1916. С. 7–8.

[775] НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13018. Л. 225.

Не исключено, что именно перегруженность врачей и санитарных работников практической работой привела к почти полной остановке деятельности Общества ревнителей военно-санитарных наук. Оно возникло в 1909 г. как продолжатель дела Казанского военно-санитарного общества (организованного в 1886 г. для помощи в делах Казанскому военному округу) и действовало вплоть до начала Первой мировой войны, а позже прекратило свое существование[776]. Дело в том, что в военное время члены общества, военные врачи, ставили перед собой задачу — быть там, где солдат проливал кровь за свою родину, и оказывать ему медицинскую помощь.

Помимо тыловых лазаретов и госпиталей, университетские медики были необходимы на фронте, что сильно осложнило работу кафедр и клиник факультета: «С началом военных действий положение госпитальной хирургической клиники было очень тяжелое, потому что весь ассистирующий персонал клиники был призван на военную службу»[777]. По той же причине пришлось ускоренными темпами готовить студентов. 25 октября 1914 г. попечитель Казанского учебного округа получил распоряжение МНП, предписывавшее ввиду «значительного некомплекта врачей в армиях» призвать в ноябре 1914 г. «на военную службу всех студентов, имеющих зачет не менее 9 семестров, в качестве зауряд-врачей 1-го разряда»[778]. Для этого медицинский факультет вынужден был к 15 ноября 1914 г. закончить выпускной семестр, выдать выпускные свидетельства студентам и представить к означенному сроку в Главное военно-санитарное управление именные и послужные списки студентов — как прослушавших полный курс медицинского факультета, так и имевших зачет по 9 семестрам.

Для исполнения этих требований факультет изменил учебные планы 7-го, 8-го и 9-го семестров с целью ускорить подготовку студентов к будущей их врачебной деятельности: занятия начались 20 августа; продолжительность учебного года сократилась путем назначения зимних вакаций с 20 декабря по 7 января; чтение лекций на 4-м курсе шло с 1 сентября, больше внимания уделялось практическим занятиям, особенно преподаванию военно-полевой гигиены; на 5-м курсе ввели преподавание военно-полевой хирургии и военно-полевой гигиены[779]. В результате уплотнения занятий со студентами 5-го курса был обеспечен досрочный выпуск из университета медиков 9-го семестра с выдачей зачета 8 полугодий и 9-го выпускного ускоренного.

Факультету пришлось не только ускоренными темпами готовить студентов к окончанию курса, но и организовывать особые курсы для подготовки младшего медицинского персонала по уходу за больными и ранеными воинами. Впрочем, здесь у университета уже был опыт. 29 января 1904 г. при Императорском Казанском университете был открыт Комитет Красного Креста для помощи больным и раненым воинам в русско-японскую войну. 10 февраля 1904 г. Комитетом была

[776] *Абросимова М.Ю., Артемьева И.Ю., Поспелова Е.Ю.* История Казанских медицинских научных обществ и их роль в решении актуальных проблем медицины и здравоохранения // Казанский медицинский журнал. 2014. Т. 95. № 2. С. 151–157.

[777] НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13018. Л. 224.

[778] НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12803. Л. 288.

[779] Там же. Д. 13018. Л. 198–199.

избрана особая комиссия под председательством профессора М.Я. Капустина, которая организовала при университете краткосрочные курсы подготовки необходимых для этого кадров медицинских работников[780].

Такие же курсы в 1914 г. предложил ординарный профессор В.Н. Тонков, а МНП телеграммой от 29 августа 1914 г. разрешило их устройство. О результатах их работы ректор университета Г.Ф. Дормидонтов представил подробный отчет в МНП[781]. В нем сообщалось, что занятия велись в октябре и ноябре. Лекции читались в основном в аудиториях университета, а практические занятия шли в учебно-вспомогательных учреждениях и клиниках медицинского факультета, а также в городских и земских больницах. Известные профессора и опытные доктора безвозмездно читали лекции: доктор К.М. Яхонтов — анатомию с физиологией (22 часа), профессор С.С. Зимницкий — инфекционные болезни (4 часа); профессор А.В. Вишневский (8 часов) и профессор В.Л. Боголюбов (7 часов) — хирургию и уход за ранеными, приват-доцент А.А. Мелких — общую патологию (18 часов), приват-доцент В.А. Барыкин — бактериологию (14 часов), доктор Н.П. Данилов — гигиену (2 часа), приват-доцент В.В. Николаев — рецептуру и латинский язык (22 часа), приват-доцент В.В. Владимиров — асептику и антисептику (6 часов), доктор Н.А. Донсков — уход за душевнобольными (7 часов). По внутренним болезням и уходу за больными лекции читали несколько человек: приват-доцент Н.К. Горяев (7 часов), К.А. Грачев (20 часов), М.Н. Чебоксаров (7 часов), Л.Л. Фофанов (12 часов) и доктор В.А. Иванов (20 часов). Параллельно с лекциями шли практические занятия по хирургии, внутренним болезням и приготовлению лекарств. Курсы были бесплатными.

Число слушателей и слушательниц превысило две сотни, а многим желающим из-за недостатка места пришлось отказать. Значительную часть контингента слушателей составляли лица со средним образованием, несколько человек с высшим. Слушателям и слушательницам, принимавшим, по свидетельству преподавателей, участие во всех практических занятиях, были выданы удостоверения. Кроме того, по предложению комитета РОКК при ИКУ были проведены испытания на звание сестры милосердия военного времени тем слушательницам, которые пожелали его получить[782]. Экзамены состоялись в декабре по следующим предметам: анатомия с физиологией, общая патология с бактериологией, гигиена, хирургия и уход за ранеными, внутренние болезни и уход за больными, рецептура, латинский язык. Из 39 слушательниц, допущенных к экзаменам, 33 прошли испытания успешно. Многие из тех, кто прослушал курсы, позже работали в различных госпиталях г. Казани, а некоторые отбыли на фронт[783].

---

[780] *Наумова О.А., Абросимова М.Ю.* Подготовка сестер милосердия в Казанской губернии в преддверии Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7. С. 119–122.

[781] НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 21939. Л. 5–6.

[782] См.: *Наумова О.А., Абросимова М.Ю.* Подготовка сестер милосердия... С. 121.

[783] НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 21939. Л. 5–6. См. также: Отчет Комитета Российского Общества Красного Креста при Императорском Казанском университете. Казань: Центральная типография, 1915.

Можно сказать, что у медиков (даже оставшихся в тыловой Казани) была своя война, и проявили они себя на ней более чем достойно. Например, клиника нервных болезней постоянно принимала больных и раненых воинов на стационарные койки, а также приходящих с целью лечения или диагноза о пригодности к дальнейшей службе. Ввиду необходимости усиления занятий со студентами 4-го и 5-го курсов для приготовления их к досрочному выпуску из университета, заведующему клиникой и всему врачебному персоналу пришлось сосредоточиться, как сказано в официальном отчете, «на преподавании, а свои личные научные исследования отодвинуть на второй план <...> продуктивность теоретической работы клиники значительно понизилась, тем более что многие из лиц младшего преподавательского персонала оказались отозванными в действующую армию, а оставшиеся в Казани должны были часть своего времени уделять на работу в лазаретах, занятых воинами, прибывшими с фронта»[784]. Среди раненых в различных госпиталях было немало страдавших от болезней глаз. В амбулатории глазной клиники профессор с двумя ординаторами 2 раза в неделю бесплатно принимал «нуждающихся в специальной окулистической помощи всех тех воинов, которых направляли сюда из различных госпиталей»[785].

Профессора и сотрудники медицинского факультета активно участвовали также в проектах по мобилизации медицины, ботаники, фармацевтики на военные цели в рамках Казанского общества естествоиспытателей, на которых мы подробнее остановимся в 11-й главе (§ 11.2).

7.5. Нарастающий кризис и высшая школа

Война неуклонно разрушала материально-финансовую базу высшего образования. Это касалось прежде всего вузов, оказавшихся в зоне боевых действий в Польше и Прибалтике. Надолго была парализована деятельность вузов Киева и Новой Александрии. Но война сильно затронула и тыловые вузы, большинство помещений которых было занято мобилизационными и питательными пунктами, военными и ведомственными складами. Храмы науки и просвещения превращались в военные бивуаки, где не ушедших на фронт студентов учили не столько профессиональным навыкам, сколько умению оказывать первую медицинскую помощь, чинить оружие, телефонные аппараты и автомобили, обустраивать обозы, бельевые части и полевые кухни.

Инфляция быстро съедала выделяемые ассигнования. Не было средств на ремонт зданий, закупку оборудования и книг. Снижались конкурсы в высшие учебные заведения, сокращалось число студентов. Даже в столичных вузах, всегда имевших особую привлекательность для студентов, их численность уменьшилась[786]. Как уже отмечалось, за первое полугодие 1916 г. число студентов в Петроградском университете сократилось почти на четверть. Широкое распространение получила практика ускоренного обучения по сокращенной программе.

[784] НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13018. Л. 218.

[785] Там же. Л. 233.

[786] Наука в России. Вып. 1. Петроград: Данные на 1-е янв. 1918 г. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1920.

Менялся и состав студенчества. Несмотря на все ограничения, высшая школа стала всесословной. Даже в Петроградском университете выходцы из крупнопоместной знати составляли ничтожную часть[787]. По данным на 1 января 1916 г., более половины его студентов были юноши из купечества, мещан, крестьянства и казачества, большинство остальных составляли дети мелкопоместного дворянства и чиновников низших разрядов[788]. К этому времени окончательно сложился определенный социальный тип — столичный «господин студент»[789]. Поражение на фронтах, конфликты власти с представителями науки и культуры, насилие полиции, министерская чехарда, мистицизм царской четы и слухи о Григории Распутине как распорядителе судеб страны порождали у студенчества чувство национального унижения и оскорбления, побуждавшее к активным антиправительственным действиям. Росла популярность социалистических идей[790], в то время как число сторонников Союза русского народа и октябристов составляло соответственно 1 и 2,3% студентов. Но наибольшей популярностью среди студентов пользовались кадеты. Уже в сентябре–октябре 1914 г. состоялись первые революционные выступления универсантов в условиях военного времени, непрерывно усиливающиеся в последующие годы. Пользуясь введением в Петрограде осадного положения, власти со рвением очищали вузы от участников революционного движения. Их арестовывали и ссылали, мобилизовывали и отправляли на фронт в первую очередь.

В марте 1916 г. ректор Московского университета М. К. Любавский сообщал попечителю Московского учебного округа А. А. Тихомирову, что волнения, начавшиеся в Коммерческом и Сельскохозяйственном институтах, а также на Высших женских курсах, перекинулись на университет. Были выдвинуты лозунги «Долой войну!», «Долой самодержавие!», не нашедшие, правда, особого сочувствия; шла агитация за протест против осуждения трамвайных служащих и расчета рабочих Путиловского завода. По мнению Любавского, «какие-то подпольные силы во что бы то ни стало хотят поднять учащуюся молодежь, прибегая ко всяческой агитации»[791]. 18–19 октября состоялась забастовка студентов медицинского факультета против грубых действий помощника проректора А. Модестова. Нарастали противоречия между профессурой и остальным преподавательским корпусом.

Академики и университетские профессора осознавали общность своих интересов и нередко выступали единым фронтом, отстаивая идеи развития и рефор-

---

[787] *Бутягин А. С., Салтанов Ю. А.* Университетское образование в СССР. С. 30.

[788] Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петербургского университета за весеннее полугодие 1916 г. / Сост. В. В. Бартольд. Пг.: Тип. Б. М. Вольфа, 1916. С. 76.

[789] *Олесич Н.* Господин студент Императорского С.-Петербургского университета. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 99.

[790] *Лейберов И. П.* Революционное студенчество Петроградского университета накануне и в период Первой мировой войны // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 2. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 3–40; *Борисенко М. В.* Участие студенчества Петербургского университета в революционном движении в 1907 г. — феврале 1917 г. (историография вопроса) // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 5. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 136–150.

[791] Академик М. К. Любавский и Московский университет. С. 173–174.

мирования высшего образования[792]. Это наглядно показало обсуждение в Государственном совете законопроекта «О преобразовании статистических курсов в статистический институт»[793]. Для его доработки был создан специальный подкомитет, в котором слаженно работали профессора и академики. Это позволило улучшить закон, уравняв права выпускников статистического института и университетов, продлив срок обучения с трех до четырех лет и включив в программы институтов основы высшей математики и математической статистики, логику, «страховое и оценочное дело», торговое и финансовое право и т. п. 5 ноября 1916 г. академик А. Н. Крылов обратил внимание ОС ИАН на то, что при разработке проекта нового университетского устава по вопросу о трех- и четырехгодичном обучении на физико-математическом факультете мнение ОФМН не было запрошено. Он предложил попросить МНП прислать проект нового устава, чтобы «Академия могла иметь соответственное суждение о проекте»[794]. В записке, представленной математиками А. А. Марковым, А. М. Ляпуновым и В. А. Стекловым, критиковались намерения МНП сократить срок обучения до трех лет и ликвидировать многопредметность[795]. По их мнению, реализация подобных планов не позволит удовлетворительно изложить даже классические разделы математики, созданные трудами И. Ньютона, Л. Эйлера, Ж. Л. Лагранжа, О. Л. Коши, К. Ф. Гаусса и др., и совсем не оставит времени для чтения курсов по разделам, бурно развивавшимся последние 50 лет. Они протестовали против намерения убрать из действующей программы какие-либо общие предметы по математике, механике, астрономии и физике и отвергали увеличение числа лекций в неделю, так как в отличие от Западной Европы многие студенты во время учебы должны зарабатывать на жизнь и будут лишены возможности это делать в случае интенсификации занятий. Вот почему, по мнению академиков, сокращение курса до трех лет «приведет к печальным последствиям»: к плохому усвоению материала, к переутомлению студентов, к резкому уменьшению их числа. Для рассмотрения этого вопроса ОС ИАН создала Комиссию во главе с С. Ф. Ольденбургом, которой поручили связаться с МНП. В дальнейшем в Комиссию вошли от ОФМН В. И. Вернадский и В. А. Стеклов, от ОРЯС Н. П. Кондаков и А. И. Соболевский, от ОИНФ А. С. Лаппо-Данилевский и П. Г. Виноградов[796]. В начале 1917 г. состав Комиссии снова пополнился: в нее включили А. А. Шахматова, П. К. Коковцова, М. А. Дьяконова, В. Н. Перетца и В. И. Палладина[797]. Все они преподавали в ИСПгУ и не понаслышке знали

[792] *Арчегов С. Б.* Академическая группа Государственного Совета: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. С. 22–23.

[793] Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1908–1909 гг. Сессия четвертая. Заседание четырнадцатое. СПб., 1909. С. 709–714.

[794] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 183. § 262.

[795] Записка академиков А. А. Маркова, А. М. Ляпунова и В. А. Стеклова о необходимости сохранения четырехлетнего срока преподавания на физико-математическом факультете. Приложение II к протоколу XIII заседания ОС ИАН 3 декабря 1916 г. (к § 298) // Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 210–218.

[796] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 183. § 262; С. 204–205. § 316.

[797] Протоколы ОС РАН. 1917. С. 17. § 51.

нужды высшей школы, в частности целесообразность распределения университетских кафедр по факультетам.

Как и прежде, ИАН принимала активное участие в разработке планов создания новых университетов и разработке нового университетского устава. Она оказала посильную помощь в сборе книжных пособий, необходимых для учебной деятельности и научных исследований преподавателям Императорского Варшавского университета, переведенного в Ростов-на-Дону в 1915 г.[798] Год спустя ИАН старалась изыскать возможности для снабжения дублетами книг по всем отраслям знания вновь созданный Пермский университет[799] и старалась помочь налаживанию нормальной деятельности в занятом русскими войсками Львове университета и Политехнического института, не получавших финансирования от российского правительства[800]. ИАН просила МНП принять меры для сохранения вузов Львова и их профессорско-преподавательского корпуса.

Видя резкий поворот высшей школы к решению утилитарных, прикладных задач и нарастающую политизацию студенчества, всё больше ученых выступали за создание сети специализированных научно-исследовательских институтов, субсидируемых государством, но управляемых самими людьми науки. Последовательным пропагандистом этой идеи стал В. И. Вернадский, который выступал за полную свободу научного творчества, снятие всякого рода правительственных регламентаций с научной деятельности[801]. Он подчеркивал «невозможность и невыгодность постоянного соединения всей научной исследовательской работы с современной высшей школой»[802]. Подобное соединение, по его мнению, наносило ущерб прежде всего педагогическому процессу.

Нарастало разочарование профессуры ходом войны. В свое время И. П. Павлов встретил ее как государственник и патриот, всецело принявший идеалы, заявленные Россией. Военная кампания проходила под его пристальным вниманием, и теперь жесткой критике подвергалось командование и главнокомандующий — Николай II. Раздосадованный неудачами русской армии, он резко отзывался об императоре Николае II, называя его «идиотом» и «дегенератом»[803]. Тем не менее Павлов отказывался поддержать оппозиционные настроения своих коллег, входящих в партию кадетов, понимая, что революция во время войны означает гибель государства.

В 1916 г. он выступил перед педагогами с концепцией «рефлекса цели», т. е. «стремления к обладанию определенным раздражающим предметом, понимая и обладание и предмет в широком смысле слова»[804]. Тем самым обозначилась тенденция

---

[798] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 119. § 133.

[799] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 180–181. § 255.

[800] Протоколы заседаний ОФМН. 1915. С. 114–117. § 269.

[801] См. об этом: *Вернадский В. И., акад.* Очерки и речи. Т. I–II. Пг.: Научхимтехиздат, 1922.

[802] Там же. Т. I. С. 29.

[803] *Самойлов В. О.* Эволюция политических взглядов И. П. Павлова в годы советской власти // И. П. Павлов. Pro et contra. СПб.: РХГУ, 1999. С. 653; *Тодес Д.* Павлов и большевики // Там же. С. 690.

[804] И. П. Павлов. Pro et contra / Сост. Ю. П. Голиков, К. А. Ланге. СПб.: РХГУ, 1999. С. 107.

по преодолению границ прежних физиологических исследований, установленных представлениями о жестко детерминистском взаимодействии организма со средой, его гомеостазе и адаптации, и стремление осмыслить поведение человека как некое «темное, первичное, неодолимое влечение, инстинкт или рефлекс». Самоубийство он оценивал как результат торможения «рефлекса цели», которое особенно сильно сказывается у русского человека как «проклятое наследие крепостного прошлого». При явной биологизации социальных процессов Павлов огромное значение придавал возможности усиления этого рефлекса путем воспитания и обучения, что позволит проявить огромные потенции «нашей творческой силы». В том же году Павлов совместно с М. М. Губергрицем предложил понятие «рефлекс свободы»[805].

В целом научно-исследовательская деятельность вузов из-за мобилизации и призыва студентов оказалась крайне затруднена, включая работы на оборону и армию. Немалую роль здесь играл разрыв международных связей, а также обстановка неудачно идущей войны, дезорганизация промышленности, сельского хозяйства и т. д. Вместе с тем прикладные исследования, непосредственно связанные с применением физико-химических знаний к насущным военным вопросам в области производства взрывчатых веществ, химического оружия, распространения радиоволн и совершенствования радиосвязи, артиллерийской внешней и внутренней баллистики, приемов бомбардировок с воздуха, защиты от отравляющих веществ, полевой рентгеноскопии и т. д., проводились и были достаточно успешными.

[805] Там же. С. 114–118.

Глава 8

НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА И ЗАКАТ НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУКИ

До недавнего времени роль научных обществ в Первой мировой войне практически не исследовалась. Не затрагивается этот период в последних публикациях по институционализации естественнонаучного знания в России, построенных на широком применении просопографического метода, т. е. путем создания коллективных биографий с постановкой однотипных вопросов о датах рождения и смерти, о браке, семье, социальном происхождении и статусе, месте жительства, образовании, роде деятельности, религии и т. д., с целью выявления определенных группировок[806]. В них анализ заканчивался на 1913 г. Эту традицию недавно нарушила А. С. Туманова[807]. Базируясь на фундаментальной монографии Дж. Брэдли о научных обществах в дореволюционной России, изданной в США в 2009 г. и переведенной на русский язык три года спустя[808], А. С. Туманова дала содержательный анализ деятельности научных обществ в социально-политическом контексте мобилизации гражданского общества и его единения с властью ради победы в войне, воспринимаемой изначально как справедливая и оборонительная. Эта деятельность разворачивалась в рамках единого процесса включения гражданского общества, интенсивно формирующегося после революции 1905 г., в решение общенациональных и государственных задач. Война потребовала внесения коррективов в этот процесс, а в конечном счете привела часть научных обществ к конфронтации с властью и к ликвидации.

8.1. Объединения экономистов и социологов в противоречивом поле взаимодействия власти и гражданского общества

В первые месяцы войны складывалось впечатление, что союз с властью прочен, ученые встали на защиту Отечества, полагая, что война не только преследует благородные цели, но и будет способствовать укреплению гражданского общества и признанию важной роли науки в определении будущего России[809]. Такое умонастроение способствовало включению многих научных обществ в мобилизацию страны в плане взаимодействия как с правительственными учреждениями, так и с возникшими в первые дни войны Всероссийским земским союзом помощи больным и раненым (ВЗС) и Всероссийским союзом городов помощи больным и раненым (ВСГ), позднее, в 1915 г., создавшим единую организацию Земгор

---

[806] *Лягушкин И. А., Вишленкова Е. А.* Профессиональная самоорганизация русских ученых (опыт просопографического анализа зоологической секции на съездах русских естествоиспытателей и врачей второй половины XIX — начала XX века) // История и историческая память. 2013. № 7–8. С. 172–188.

[807] *Туманова А. С.* Общественные организации...; *Tumanova A. S.* Learned Societies in Russia... P. 109–135.

[808] *Bradley J.* Voluntary Association in Tsarist Russia; *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России.

[809] *Bradley J.* Associations in Times of Political Tyrmoil. P. 137–172.

(Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов), которая стала посредником в распределении государственных оборонных заказов среди предпринимателей[810].

Открывая 3 августа 1914 г. заседание Вольного экономического общества (ВЭО), видный деятель образования Г. А. Фальброк назвал войну новой отечественной, цель которой — изгнать захватчиков, и призвал слушателей во имя будущего России заботиться о матерях, женах и детях, оставшихся без кормильцев[811]. В соответствии с репутацией, ВЭО должно было сконцентрироваться на вопросах экономики, способствуя развитию промышленности и сельского хозяйства в тылу и оказывая помощь жертвам войны. На заседании Московского общества сельского хозяйства (МОСХ), состоявшемся 15 августа 1914 г., либерал князь Д. И. Шаховской — ближайший друг и единомышленник В. И. Вернадского и С. Ф. Ольденбурга со времен «Приютинского братства» — охарактеризовал начавшуюся войну как освободительную и народную[812]. Он указал, что с войной возникло четыре «нет» в экономике: нет импорта, нет экспорта, нет кредитов и нет транспорта, но уверял, что совместные усилия общества и государства позволят преодолеть экономическую разруху и улучшить ситуацию относительно экспорта и крестьянского бюджета благодаря снабжению продовольствием и фуражом фронта, ставшего громадным рынком отечественного сельского хозяйства.

Далеко не все экономисты МОСХ столь радужно описывали ситуацию. Например, С. Л. Маслов считал[813], что нынешняя война в отличие от предыдущих может дезорганизовать всё сельское хозяйство страны вследствие мобилизации рабочего и технического персонала, потери инвентаря, прекращения или невозвратности производственных операций, ухудшения условий реализации урожая. По его мнению, об улучшении сельскохозяйственного производства в нынешней ситуации не приходится думать, а важно искать меры для его сохранения путем улучшения сбыта и кредита, а также возврата к общинным методам хозяйствования. Известный московский агроном и экономист М. Н. Вонзблейн также видел путь к сохранению сельского хозяйства в условиях дефицита рабочих рук — в возрождении общинного духа, коллективизма и кооперативности[814]. Многие члены МОСХ указывали на неизбежность глубокого кризиса рыночно-капиталистических

---

[810] *Асташов А. Б.* Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // Отечественная история. 1992. № 6. С. 169–172; *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003. Обзор литературы на начало 2003 г. дан в: *Шевырин В. М.* Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор. М.: ИНИОН, 2003.

[811] Вольное экономическое общество // Русские ведомости. 1914. Экстренное приложение к № 178. 4 авг. Раздел «Петербургская хроника». С. 2.

[812] Крестьянское хозяйство, война и агрономия // Русские ведомости. 1914. № 187. 15 авг. С. 6.

[813] *Маслов С. Л.* Наше сельское хозяйство и война // Вестник сельского хозяйства. 1914. № 33. С. 14–22.

[814] *Вонзблейн М. Н.* Мысли агронома о войне // Вестник сельского хозяйства. 1914. № 33. С. 44.

отношений в условиях войны и ратовали за государственное регулирование сельскохозяйственной экономики и коллективно-кооперативное ее ведение.

Эти проекты вписывались в социальный и политический контекст мобилизации гражданского общества и его объединения с властью ради победы в оборонительной и справедливой войне. Но вскоре продовольственная проблема обострилась настолько, что правительство ввело продразверстку, построенную на принудительном изъятии продовольствия из деревни. Масштабному включению потенциала научных обществ в мобилизацию промышленности и сельского хозяйства препятствовал сохранившийся с довоенных лет патерналистский способ модернизации, который получил дополнительное обоснование в условиях военного времени, требующего максимальной централизации ресурсов страны. Сдерживая развитие гражданского общества в мирное время, в условиях поражений и нарастающего недовольства он вел к конфронтации власти и научного сообщества, искажая суть модернизации и пуская ее по крайне радикальному сценарию[815]. Эта тенденция в конечном счете четко проявилась в революционных событиях 1917 г.

Уход на фронт молодых и амбициозных ученых создавал трудности многим обществам в выдвижении и реализации инновационных проектов. Вместе с тем научные объединения, ориентированные на решение прикладных задач науки и техники, на перестройку промышленности, сельского хозяйства, транспорта, военно-санитарного и медицинского обеспечения армии, получали возможность доказать свою необходимость. Перед ними открывались перспективы получения финансирования для научно-исследовательских и образовательных проектов. Участвуя в мобилизационных кампаниях, научные общества не только дополняли усилия государственных научных учреждений и вузов, но порой быстрее, чем они, реагировали на вызовы времени, организовывая в краткие сроки высшие курсы подготовки инженеров, агрономов и врачей, связистов, летчиков и т. д. Примером служит успешная деятельность Общества изыскания средств для технического образования женщин, которому война позволила найти средства для давно разработанного проекта создания Высших женских политехнических курсов.

Однако выход обществ за установленные властями рамки деятельности и критическая оценка действий властей с их стороны жестко пресекались. Усилия ученых по мобилизации ресурсов страны в рамках общественных объединений расширяли и усложняли их вертикальные и горизонтальные связи с государственными ведомствами, земскими учреждениями, другими частными и общественными организациями, работавшими на нужды фронта и тыла. Всё это способствовало повышению социального статуса науки, расширению ее публичной сферы, укреплению связи ученых с военными, промышленниками, банкирами, государственными чиновниками и земскими деятелями, с руководителями Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов и их местными организациями, военно-промышленными комитетами и т. д. Но рост протестных настроений, чаще всего происходивший в социально-экономических и гуманитарных обществах, снова втягивал определенные группы ученых в политическое противостояние с властью.

[815] *Туманова А. С.* Рецепция европейского права в формировании законодательных основ функционирования общественных организаций в Российской империи. С. 36.

Мобилизация науки на военные нужды в дискурсе «социально-активного патриотизма» формировала «гражданскую идентичность военного времени»[816], которая, казалось, не могла раскрыть свой потенциал из-за усиливавшегося противостояния чиновничьей бюрократии с формировавшимся гражданским обществом, частью которого невольно становились и объединения ученых. Как было показано выше, мобилизация фундаментальной и прикладной науки с трудом осознавалась властью как приоритетная задача, а инициатива ученых порой вызывала у них плохо скрываемое раздражение. Нередко ее просто терпели, купируя различного рода отговорками и ссылками на нормы военного времени, как это часто происходило с попытками ученых и деятелей культуры включиться в работу по эвакуации культурных ценностей и их спасения в зонах боевых действий.

А. С. Туманова продемонстрировала, как формировалось противостояние конкретного общества с частью бюрократического аппарата, на примере старейшего российского научного общества — ВЭО. Оно с первых дней войны активно включилось в организацию помощи раненым, в учреждение лазаретов и снабжение их книгами, в оказание консультативных услуг законодательным структурам при разработке военного бюджета и поиске мер по преодолению нарастающего хаоса в экономике[817]. Видя цель своей деятельности в научном обосновании организации тыла, члены общества по существу формировали основы финансово-экономической политики, базировавшейся на мониторинге и предусматривавшей экономическую мобилизацию, реформу финансов, борьбу с безработицей, продовольственную помощь регионам, пострадавшим от войны и неурожаев, поддержку беженцев и пострадавших от погромов и насильственных эвакуаций и т. д. ВЭО создало Особую комиссию для борьбы с дезорганизацией экономики и оказания помощи жертвам войны. Ее возглавил бывший директор Санкт-Петербургского политехнического института экономист А. С. Посников, а секретарем стал А. М. Рыкачёв, погибший вскоре на Юго-Западном фронте[818]. Оба к тому времени были профессиональными политиками, как и многие другие члены Комиссии. Преподавателями и профессорами политэкономии были М. Б. Бернацкий (ПТИ) и П. Б. Струве (ИПгУ), а М. И. Фридман — профессором финансового права в ППИ.

Неизбежно возникали трения с правительственными структурами, усматривавшими в декларируемых целях и действиях ВЭО критику власти и претензии на управленческие полномочия. 30 января 1915 г. по обвинению в рассылке раненым запрещенной литературы деятельность ВЭО была приостановлена на время военного положения в Петрограде, о чем его членам сообщили на собрании, где обсуждались мероприятия по подготовке и проведению 150-летнего юбилея общества, основанного при Екатерине II и бывшего не только старейшим, но и богатейшим обществом страны. Характерно, что решение о приостановке деятельности было принято вопреки сопротивлению руководства Главного управления

[816] *Туманова А. С.* Общественные организации... С. 80.

[817] Там же. С. 137–163; *Tumanova A. S.* Learned Societies in Russia... P. 111–121.

[818] *Хайлова Н. Б.* Посников Александр Сергеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 485–486.

землеустройства и земледелия (А. В. Кривошеина и П. Н. Игнатьева), которое официально курировало его деятельность. Демонстративное закрытие общества призвано было показать остальным объединениям ученых, что́ ждет их при попытке выйти за пределы компетенции, обозначенные властью. Разработками ВЭО, конечно, с удовольствием пользовались комиссии Государственной думы в поиске мер для предотвращения резкого подорожания товаров первой необходимости или для привлечения общественных учреждений и кооперативов к воплощению принятых решений. Но данные исследований, проведенных членами ВЭО, расходились с правительственной политикой. К тому же участие в его мероприятиях оппозиционных политиков, придерживавшихся либеральных и социалистических взглядов, многие представители власти расценивали как легализацию антиправительственной пропаганды под видом свободных научных дискуссий. С тех пор деятельность ВЭО была резко ограничена. Из научных подразделений в ней фактически оставалась только Почвенная комиссия и созданная при ней Химическая лаборатория, работавшая в тесном единстве с Докучаевским почвенным комитетом, возглавляемым К. Д. Глинкой, и издававшая вместе с ним журнал «Почвоведение» под редакцией П. В. Отоцкого[819].

Аналогичным образом обстояли дела с результатами исследований МОСХ или Общества им. А. И. Чупрова для разработки общественных наук при Императорском Московском университете[820]. МОСХ также включилось в мобилизацию ресурсов страны и в разработку стратегии перестройки сельского хозяйства в связи с военными нуждами. Его члены инициировали всероссийский сбор средств для закупки семян и продуктов для сельских жителей в зоне боевых действий, для эвакуации племенного скота, для вывоза инвентаря и машин из западных губерний, для обеспечения крестьян сельскохозяйственным оборудованием, химическими удобрениями и т. д. Здесь, как и в промышленности, главной задачей признавался поиск мер по освобождению сельскохозяйственного производителя от немецкой зависимости в селекции, семеноводстве, животноводстве, агрономии, машиностроении, производстве удобрений и т. д. Эта проблема доминировала на совещаниях в мае и октябре 1915 г., в которых участвовали представители Главного управления землеустройства и земледелия, земских учреждений, обществ и капитала, обсуждая методы стимулирования развития сельского хозяйства и машиностроения[821].

Важным направлением в научной деятельности МОСХ стали исследования влияния войны на народное хозяйство (сокращение посевов, уменьшение пого-

---

[819] *Колчинский Э. И., Федотова А. А.* Докучаевский почвенный комитет // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 174–175; *Ретунская С. В.* Почвоведение // Там же. С. 390; *Fedotova A., Hakkarainen J.-P., Hallberg L.* Additions to the Biography of Pavel Vladimirovič Otockij. С. 57–61; *Самокиш А. А.* Новые документы о деятельности П. В. Отоцкого в Докучаевском Почвенном комитете // ИБИ. 1916. Т. 8. № 4. С. 112–117.

[820] *Курёнышев А. А.* Сельскохозяйственная столица России: Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). М.: АИРО-XXI, 2012.

[821] *Туманова А. С.* Общественные организации... С. 168; *Tumanova A. S.* Learned Societies in Russia... P. 121–128.

ловья скота, бюджетный дефицит, продовольственный кризис, неравномерное распределение трудовых ресурсов и т. д.). В этих исследованиях вырабатывались предложения о насильственной мобилизации трудовых ресурсов, о передвижении свободной рабочей силы в районы ее нехватки, об использовании труда пленных, военнообязанных, беженцев и прочие меры, которые будут использовать большевики несколько лет спустя[822].

Вообще эволюция кадрового состава МОСХ и разрабатываемых в нем проектов шла в духе противоречащих друг другу идеологий либерализма и социализма. Ратуя за либеральные лозунги, за правительство национального доверия и за демократическое решение аграрных проблем, часть членов МОСХ выступала за социалистические жесткие методы мобилизации сельского хозяйства, за введение всеобщего контроля и преодоления стихийности и хаотичности капиталистической системы сельскохозяйственного производства. Но они как-то не замечали этих противоречий и полагали, что главным препятствием на пути мобилизации науки ради нужд сельского хозяйства стоит самодержавно-бюрократический строй, который должен быть демонтирован[823]. Это не мешало МОСХ достаточно плотно взаимодействовать с правительственными и земскими учреждениями в адаптации сельского хозяйства России к военному времени, демонстрируя высокую практичность фундаментальной науки в финансировании прикладных исследований.

В отличие от ВЭО и МОСХ Общество имени А. И. Чупрова для разработки общественных наук при Московском университете возникло незадолго до войны. Оно не было отягощено грузом предшествующих отношений с властными структурами и никогда не претендовало на статус Императорского. В центре его интересов находились проблемы экономики и статистики, а председателем был один из основателей конституционно-демократической партии, профессор политической экономии и статистики Н. А. Каблуков, имевший опыт службы в Московской губернской земской управе и изучавший хозяйственный быт сельского населения. Его заместителем был социал-демократ экономист-аграрник П. П. Маслов, вернувшийся в Россию в 1913 г. и редактировавший во время войны журналы «Экономическое обозрение» и «Дело». Во время войны члены Общества изучали экономические последствия «сухого закона», исследовали рост инфляции и дороговизны как угрозу жизнестойкости тыла, ведущую к массовым беспорядкам («голодным бунтам»), оценивали влияние войны на крестьянские хозяйства, разрабатывали планы проведения общеимперской переписи населения и т. д.[824] Им удалось заинтересовать своими исследованиями авторитетные земские организации и вместе с ними создать Комиссию по изучению современной дороговизны, ставшую научным центром по анализу роста цен и разработке способов борьбы с дороговизной[825]. Результаты ее деятельности были признаны на Всероссийском совещании

[822] *Курёнышев А. А.* Сельскохозяйственная столица России. С. 304–306.

[823] *Туманова А. С.* Общественные организации... С. 174–175.

[824] Там же. С. 173–183; *Tumanova A. S.* Learned Societies in Russia... P. 128–135.

[825] Выработка общего плана работ по изучению современной дороговизны. М.: [Б. и.], 1915.

статистиков в марте 1914 г., в котором участвовали практически все земства и многие видные экономисты и статистики (Н. И. Астров, А. А. Мануйлов, С. Н. Прокопович, А. В. Чаянов и др.).

На этом совещании раздавалась и критика экономических мероприятий правительства. Это вызвало стремление властей перехватить инициативу путем создания в 1915 г. особых совещаний по обороне, топливу, транспорту, продовольствию как «высших государственных учреждений для руководства экономической жизнью России»[826]. Как и в случае с ВЭО и МОСХ, правительство готово было принимать мобилизационные усилия научной общественности, если ученые не претендовали на властные функции.

В целом интеллектуальный потенциал научных обществ экономистов, статистиков, социологов и аграриев играл заметную роль в консолидации тыла и способствовал интеграции профессиональных усилий специалистов в разных отраслях науки для решения проблем военной экономики. Но представители социально-экономических и гуманитарных наук, полагая, что корень решения проблем состоит в отказе от жестко административного способа управления тылом, призывали разделить властные функции между правительственными структурами и органами местного самоуправления, втягиваясь в противостояние с властями. В соответствии с политикой либеральной и социал-демократической оппозиции в обществах социально-политической направленности под патриотическими лозунгами и научными выкладками всё чаще звучала критика правительственной политики в тылу и на фронте, в промышленности и сельском хозяйстве, в торговле и транспорте, в медицине и образовании и т. д. Быстро реагируя на вызовы военного времени, ученые не просто демонстрировали возможности мобилизационной науки, но доказывали бóльшую эффективность своих действий по сравнению с государственным аппаратом. А с этим власть не желала согласиться, затягивая реализацию многих предложенных проектов, а порой и прибегая к прямым запретам и административным ограничениям. Свидетельством этого было не только прекращение собраний и изданий ВЭО, но и недоверие к практическим рекомендациям МОСХ или Общества имени А. И. Чупрова. Под подозрением властей всё чаще оказывались также технические и естественнонаучные общества, задачи и цели которых, казалось бы, были далеки от политики.

8.2. Технические и физико-химические научные общества: мобилизация и потери

8.2.1. Императорское Русское техническое общество

По мере нарастания кризисных явлений в России дистанцироваться от правительства стремились и общества, далекие от экономики и политики. Среди них было крупнейшее Императорское Русское техническое общество (ИРТО), созданное в 1866 г. для содействия отечественной науке и независимому промышленному развитию России с широким использованием мирового научно-технического

[826] *Туманова А. С.* Общественные организации... С. 181.

опыта[827]. Эти цели реализовались путем организации съездов, выставок, экспертизы, поощрений производства и изобретений, а также распространения среди населения прикладных технических знаний при помощи учреждаемых библиотек, курсов и училищ для взрослых, школ для подростков и детей рабочих, изданий журналов, книг, брошюр и т. п. У истоков ИРТО стояли инженеры, крупные промышленники, чиновники, преподаватели столичного университета. Его первым председателем стал инженер-генерал барон А. И. Дельвиг — технический руководитель и организатор строительства многих крупных инженерных сооружений в России. ИРТО находилось под патронажем императорской семьи.

К началу Первой мировой войны его почетным председателем был вел. кн. Александр Михайлович, а император Николай II числился почетным членом. С 1906 г. председателем ИРТО стал государственный и общественный деятель В. И. Ковалевский, возглавлявший до того Департамент торговли и мануфактур и состоявший в должности товарища министра финансов, а с 1909 г. — председателя правления Товарищества Петербургского вагоностроительного завода, с 1913 г. — Урало-Каспийского нефтяного общества, с 1914 г. — Общества механических заводов «Братья Бромлей» и др.[828] Казалось, Ковалевский сам олицетворял принцип единства науки, промышленности и власти, заложенный в основание ИРТО с самого начала. Во время войны в ИРТО состояли такие крупные ученые, как метеоролог М. А. Рыкачёв, кораблестроитель и математик А. Н. Крылов, металлург Д. К. Чернов, горный инженер Л. И. Лутугин, механик и инженер Н. П. Петров, электротехники М. О. Доливо-Добровольский и М. А. Шателен, аэромеханик Н. Е. Жуковский, энергетик Г. О. Графтио и многие другие. К началу войны в ИРТО было 14 отделов: химической технологии и металлургии, механики и механической технологии, инженерно-строительного и горного дела, техники военного и морского дела, фотографии и ее применения, железнодорожного дела, электротехники, воздухоплавания, технического образования, сельского хозяйства, промышленно-экономический, содействия труду, горный, техники горного и земского хозяйства. Они охватывали практически все сферы инженерно-технического знания и формы его распространения. В 1916 г. были созданы также отделы мелиорации и топлива.

Своей деятельностью ИРТО заслужило научный авторитет. Многие правительственные учреждения и министерства при решении важных проблем, связанных с большими затратами, обращались за консультацией в один из специализированных его отделов. ИРТО было подлинной кузницей кадров инженеров и популяризаторов технических знаний, играло значительную роль в развитии отечественной техники и промышленности. В финансировании работы ИРТО участвовали как

[827] *Гриценко Н. Н., Оранжереева В. Ф., Алексеев Д. Г., Сифоров В. И. и др.* Научно-технические общества СССР. Исторические очерки. М.: Профиздат, 1968; *Филиппов Н. Г.* Научно-технические общества в СССР. 1917–1941; *Туманова А. С.* Общественные организации... С. 184–192; *Иванов Б. И.* Юбилей Русского технического общества и Первая мировая война // Россия в глобальном мире. Вып. 6. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 53–61.

[828] *Семёнов А. А.* Ковалевский Владимир Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 237.

промышленные предприятия и государственные учреждения, так и частные лица, обеспокоенные недостаточными темпами индустриализации России в эпоху промышленной революции.

В разгар войны ИРТО насчитывало около 1 тыс. действительных членов, 43 почетных члена, из них 15 иностранцев, 5 членов-корреспондентов, из них 3 иностранца, 4 члена-основателя. Помимо этого у нее было 33 региональных отделения (от 17 до 2 тыс. членов в каждом, общей численностью до 10 тыс. человек), и 21 периодическое издание, в том числе 5 в столице[829]. При ИРТО состояли финансовая комиссия, постоянная библиотечная комиссия, ряд редколлегий, фотопавильон, химическая лаборатория, музей технических производств, постоянная комиссия по техническому образованию, в ве́дении которой находилось 57 училищ, включая специализированные и общеобразовательные. Бюджет ИРТО в 1915 г. (наиболее скромный) составлял 380 тыс. руб.

На протяжении всей своей деятельности ИРТО боролось против засилья иностранного сырья и товаров в России, не раз подчеркивая, что это ведет к потере стимулов развития отечественной промышленности и несет в себе угрозу безопасности страны. Первые дни войны подтвердили эти опасения. На сентябрьском собрании ИРТО было признано необходимым создать Комиссию по промышленности в связи с войной, которую возглавил сам В. И. Ковалевский, а в состав президиума вошли его заместитель, одновременно вице-президент ВЭО Л. И. Лутугин[830], а также горный инженер, экономист и промышленник П. И. Пальчинский[831]. В комиссию вошли представители всех отделов ИРТО и региональных отделений.

Сторонник государственного регулирования экономики П. И. Пальчинский на практике способствовал переориентации отечественной промышленности с импортных ресурсов на внутренние, будучи акционером ряда промышленных фирм, членом правления акционерного общества «Лысьвенский горный округ» на севере Урала, директором правления акционерного общества «Люборад», занимавшегося эксплуатацией месторождений нефти и озокерита на полуострове Челекен в Туркмении, организатором синдиката «Продуголь». После Февральской революции Пальчинский побывал товарищем министра и генерал-губернатором Петрограда, председателем Особого совещания по обороне и организатором обороны Зимнего дворца накануне его штурма большевиками. Высокую активность демонстрировал также В. И. Ковалевский, который был еще и внештатным председателем торфяного комитета Главного управления землеустройства и земледелия, а после Февральской революции возглавил Сельскохозяйственный комитет МЗ.

Высокий авторитет руководителей ИРТО обеспечивал его тесное взаимодействие со многими правительственными ведомствами и промышленниками, а также общественными организациями, включая ВЭО, МОСХ и др., которые помогали

[829] *Иванов Б. И.* Юбилей Русского технического общества и Первая мировая война. С. 54–55.

[830] *Романовский С. И.* Леонид Иванович Лутугин (1864–1915). СПб.: Наука, 1997.

[831] *Гараевская И. А.* Петр Пальчинский. Биография инженера на фоне войн и революций. М.: Россия молодая, 1996; *Грэхем Л.* Призрак казненного инженера: технология и падение Советского Союза. СПб.: Европейский Дом, 2000.

в сборе сведений о промышленных нуждах регионов, дефиците сырья, производстве медикаментов и перевязочных материалов и т. д.

Призывая к мобилизации всех духовных и материальных сил страны для преодоления зависимости экономики от импорта сырья, машин и других товаров, руководители ИРТО подчеркивали, что война создала благоприятные возможности для мощного рывка отечественной промышленности, освобожденной от гнета кабальных торговых договоров и жесткой конкуренции с зарубежными предпринимателями[832]. Журналы заседаний Комиссии по промышленности в связи с войной постоянно публиковались в качестве приложения к «Запискам ИРТО». Вопрос о мобилизации русской промышленности был поставлен на 15-м ее заседании, 2 июня 1915 г.[833] Докладчик А. И. Венцковский уверял: «Задача не в том, чтобы мобилизовать промышленность, а в том, чтобы ее организовать»[834]. Стратегической целью было названо содействие отечественному машиностроению, налаживание производства станков, двигателей, паровых турбин, генераторов, насосов, локомобилей и автомобилей, приборов и т. д., в том числе и для Военного ведомства, а также рациональная эксплуатация минеральных ископаемых (огнеупорных глин, ртути, свинца, цинка, олова). Решались и повседневные задачи: помощь жертвам войны; оборудование передвижных бань, прачечных, колодцев; оснащение санитарно-питательных отрядов; издание строительных и санитарных справочников и т. д.

В целом стратегические установки по подъему промышленности ИРТО выработало задолго до начала войны, когда В. И. Ковалевский не допустил внесения в Устав ИРТО ограничений его целей[835]. Не желая сводить их лишь к содействию прогрессу отдельных отраслей промышленности путем внедрения новейших достижений науки и техники, ИРТО жаждало участвовать как в выработке общей экономической политики, так и в решении вопросов финансовых, экономических, юридических, общего и технического просвещения, защиты и охраны труда, поддержки мелкого кустарного производства, реформы системы налогообложения, рационального использования источников. Особенно четко эти идеи прозвучали в речи Ковалевского 25 мая 1916 г. по случаю 50-летнего юбилея Общества[836], в которой он указывал на необходимость после победоносного окончания Первой мировой войны начать длительную битву за экономическую независимость России, и в этой битве ИРТО предстояло занять место в первых шеренгах[837]. Указывал он и на новое поприще в деятельности ИРТО, связанное со становлением

---

[832] *Туманова А. С.* Общественные организации... С. 185.

[833] Журнал 15-го заседания Комиссии по промышленности в связи с войной. 2-го июня 1915 г. // Труды Комиссии по промышленности в связи с войной (Приложение к «Запискам ИРТО»). Пг., 1915. Вып. 11. С. 1–5.

[834] Там же. С. 3.

[835] *Иванов Б. И.* Юбилей Русского технического общества и Первая мировая война. С. 55.

[836] *Иванов Б. И.* 50-летний юбилей Русского технического общества и Первая мировая война // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 305–306.

[837] К 50-летию Русского Технического Общества (Речь В. И. Ковалевского Общему Собранию 25 мая 1916 г.) // Записки РТО. 1917. № 2–3. С. 15–20.

кооперативной России, для которой надо создать общественную технику, столь же разнообразную, как сама кооперативная жизнь, простирающаяся от консультаций до организации производственных кооперативов. Эту речь Ковалевский произнес, когда 23 января 1916 г. официально сложил полномочия председателя ИРТО.

Но ее основные положения он озвучил 29 апреля 1915 г. в докладе «Основные нужды русской промышленности»[838]. Они были одобрены Общим собранием ИРТО, став программой его действий. По мнению Ковалевского, состояние российской промышленности является неудовлетворительным из-за того, что она не занимает подобающего ей места в системе народного хозяйства и нередко воспринимается как сила, угрожающая политическим и экономическим устоям государства, усиливая третье сословие и пролетариат. При отсутствии четкой правительственной программы по развитию промышленности нельзя рассчитывать на широкие кредиты для ее нужд и на поддержку со стороны законодательных учреждений. Для существенного изменения ситуации нужно обеспечить защиту интересов промышленности не только крупной, но также средней и мелкой. По мнению Ковалевского, это надо делать незамедлительно, так как военное время отчетливо выявило все слабости нашего торгово-промышленного оборота. Покончив с экономическим угнетением, нужно понимать, что еще долгое время не удастся обойтись без иностранных капиталов, без западной предприимчивости, без иностранных знаний и технологий, привлекая их как полезную экономическую, а не как враждебную политическую силу. Поэтому важно начинать интенсивную и организационную работу правительства, промышленности и научно-технического мира, призванную обеспечить гармоничное и прочное развитие сырьевой и обрабатывающей промышленности, которое сможет обеспечить России независимое экономическое положение в будущем.

Во втором разделе своего доклада В. И. Ковалевский остановился на проблеме правового порядка и законности как важнейших предпосылках для развития промышленности и указал на важность протекционных пошлин и автономного тарифа, ограждающих отечественное производство от иноземной конкуренции. В качестве неотложных мер для роста промышленности он называл: отмену всех стеснений, связывающих русскую промышленность; освобождение ее от сложного и затяжного порядка открытия промышленных предприятий; принятие нового закона об учреждении и деятельности акционерных обществ; внедрение промышленного кредита; профессиональную подготовку низшего технического персонала и рабочих; железнодорожное строительство, развитие водных путей, постройку шоссейных и улучшение грунтовых дорог; урегулирование синдикатных соглашений; реформу промышленного и торгового законодательства; отделение права собственности на недра от права собственности на поверхность; государственное страхование рабочих; учреждение примирительных камер, устройство бирж труда, пересмотр закона о продолжительности рабочего времени, объединение рабочих для удовлетворения их профессиональных нужд и пр.

[838] Основные нужды русской промышленности (Доклад Комиссии по промышленности В. И. Ковалевского) // Записки РТО. 1916. № 5. С. 6–12.

Такая программа выходила далеко за рамки мобилизации науки и звучала как требование коренных преобразований в области политики, экономики, права, финансов и т. д. Их проведение собрание ИРТО считало необходимым для радикального повышения уровня отечественной промышленности и благосостояния России.

Вскоре, на IX съезде представителей промышленности и торговли, проходившем 26–28 мая 1915 г. в Петрограде, видные промышленники, банкиры и купцы решили создать военно-промышленные комитеты для координации промышленной мобилизации[839]. Уже в июне ИРТО провело серию совещаний, на которых было решено участвовать в работе новой организации наряду с представителями исполнительной и законодательной власти, промышленных, общественных и научных организаций. Для сбора сведений о всех организациях, полезных для мобилизации тыла, были сформированы три секции: промышленная, транспортная и военно-техническая[840]. Комиссия ИРТО о мерах по промышленности в связи с войной 5 июня 1915 г. была преобразована в Центральный комитет военно-технической помощи (ЦКВТП) с целью координации работы военно-общественных организаций для нужд армии и обороны государства. ЦКВТП подчинялся непосредственно Военному министерству и, в свою очередь, руководил местными комитетами в Петрограде, Москве, Казани, Харькове, Одессе, Саратове и других губернских городах. Они обычно включали в свой состав химический, электротехнический, металлургический и газовый, дорожный и т. д. отделы, занимались подготовкой техников и инженеров по разным специальностям, создавали школы-мастерские, осуществляли издательскую деятельность, оказывали помощь инвалидам-воинам. Финансировался ЦКВТП Особым совещанием по обороне государства. В. И. Ковалевский, Л. И. Лутугин, П. И. Пальчинский и бывший директор Петербургского технологического института Д. С. Зернов[841] также вошли в состав Бюро Центрального военно-промышленного комитета, а инженеры-электрики Е. Я. Шульгин и А. Н. Фролов были делегированы в справочно-консультационное бюро ВПК.

8.2.2. Русское физико-химическое общество

Русское физико-химическое общество (РФХО), имевшее два автономных отделения — по физике и по химии, было создано в 1878 г. путем объединения Русского химического общества и Физического общества при ИСПбУ, незадолго до этого возникшего по инициативе профессоров столичного университета А. П. Бородина, А. А. Воскресенского, Д. И. Менделеева, Ф. Ф. Петрушевского и др. В 1914 г. РФХО возглавлял профессор химии Петроградского технологического института А. А. Яковкин, его заместителем был профессор физики Политехнического

[839] Доклад Совета съездов о мерах к развитию производительных сил России (Девятый очередной съезд представителей промышленности и торговли). Пг.: Тип. П. П. Гершунина, 1915. VI, 424 с.

[840] *Туманова А. С.* Общественные организации... С. 188–189.

[841] *Волков В. А., Куликова М. В.* Московские профессора XVIII — начала XX веков. Естественные и технические науки. М.: Янус-К, 2003. С. 94.

института А. Ф. Иоффе. Во время войны РФХО насчитывало примерно 760 членов[842], из них 535 чел. числились по Отделению химии. В состав Совета РФХО входили Д. К. Бобылёв, Н. А. Гезехус, М. М. Глаголев, Н. А. Пущин, Д. С. Рождественский, Н. А. Соковнин, В. Е. Тищенко, А. Е. Фаворский, Л. А. Чугаев, В. А. Шапошникова, П. И. Шестаков, П. С. Эренфест. Несмотря на титул «Русское» и связанные с ним претензии на национальный масштаб, Отделению физики РФХО не удалось стать общероссийским объединением в значительной степени из-за позиции ведущих московских физиков П. Н. Лебедева, Н. А. Умова, А. А. Эйхенвальда, державшихся в стороне от РФХО и издаваемого им «Журнала РФХО», физическую часть которого во время войны редактировал Ф. Я. Капустин, а химическую — будущий академик А. Е. Фаворский.

В отличие от физиков Отделение химии РФХО было признанным национальным объединением, что позволило его членам стать лидерами в инициировании и продвижении оборонных проектов. Этому в значительной степени способствовали довоенные связи многих прикладных химиков с властными структурами, военными ведомствами и промышленниками. Практически с первых дней войны среди химиков возникло движение за помощь русской химической промышленности, оказавшейся в тяжелом положении вследствие «прекращения подвоза из-за границы химических продуктов»[843]. На состоявшемся 27 августа 1914 г. заседании Отделения, проходившем под председательством профессора медицинской химии Московского университета В. С. Гулевича, было заслушано сообщение профессора Императорского московского технического училища химика-органика А. Е. Чичибабина об образовании Московского комитета по организации производства медикаментов. Было решено избрать В. С. Гулевича представителем Отделения в Комитете и предложить всем желающим активно включиться в его деятельность[844]. Вскоре Отделение химии Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии также заслушало доклад В. С. Гулевича и А. Е. Чичибабина об образовании Московского комитета по организации производства медикаментов в России[845].

4 сентября 1914 г. состоялось расширенное заседание Совета Отделения химии, на котором в связи с острой актуальностью проблемы было решено безотлагательно обсудить положение химической промышленности России. Неделю спустя под

---

[842] Отчет о деятельности Отделения химии РФХО за 1913 // Журнал РФХО. Часть химическая. 1914. Т. 46. Вып. 1. С. XVII–XLV; Отчет о деятельности Отделения химии РФХО за 1914 // Журнал РФХО. Часть химическая. 1915. Т. 47. Вып. 1. С. XVII–XLVIII; Отчет о деятельности Отделения физики РФХО за 1914 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1915. Т. 47. Вып. 1. С. XVIII–XXX.

[843] Протокол заседания Отделения химии РФХО 11 сентября 1914 // Журнал РФХО. Часть химическая. 1914. Т. 46. Вып. 5. С. 1129.

[844] Протокол 192-го заседания, происходившего 27 августа 1914 // Журнал РФХО. Часть химическая. 1914. Т. 46. Вып. 5. С. 1139.

[845] Протокол 193-го заседания отделения химии Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 24 сентября 1914 // Журнал РФХО. Часть химическая. 1914. Т. 46. Вып. 7. С. 1571.

председательством вице-президента Отделения профессора Петроградского университета Л. А. Чугаева такое обсуждение состоялось[846]. На нем присутствовали представители правительственных ведомств и промышленники, в частности товарищ министра торговли и промышленности Д. П. Коновалов и директор Тентелевского химического завода, член Совета торговли и манафактур МФ Э. Я. Вегенер. В качестве докладчика был приглашен инженер-химик В. И. Похитонов, только что вернувшийся из США после 8-летнего пребывания там и назначенный ответственным секретарем планируемого в Петербурге 9-го Международного конгресса по чистой и прикладной химии[847].

В его докладе говорилось, что РФХО необходимо раз и навсегда понять, «что, если Россия нуждается в каком-либо продукте в целях ли государственной обороны, снабжения населения и т. п., то не должно быть места соображениям неправильно понимаемой экономии. Производство такого продукта должно быть установлено и поддержано во что бы то ни стало»[848]. В связи с этим в качестве первоочередных мер Похитонов называл: правительственную поддержку производства наиболее важных химических продуктов; прекращение беспошлинного их ввоза; сохранение в действии имеющихся заводов; поиск и разработку залежей ископаемого сырья; улучшение работы транспорта для его перевозки с пересмотром транспортных тарифов и другие меры по стимуляции и защите отечественного производителя.

Доклад вызвал оживленный обмен мнениями. Среди выступавших были химики, правительственные чиновники, промышленники: Э. Я. Вегенер, В. Э. Гаген-Торн, Д. П. Коновалов, Н. С. Курнаков, И. И. Остромысленский, А. Е. Порай-Кошиц, П. И. Шестаков, А. А. Яковкин и др. Они указывали: на возрастающую рекуперацию побочных продуктов при коксовании угля в Донецком бассейне; на возможность превращения винного спирта, оказавшегося в избытке в результате введения «сухого закона», в эфир, хлороформ, уксусную кислоту, ацетон, смазочное масло, этилен, бензол и т. д.; на необходимость развивать газовую отрасль и производство суперфосфатов; на развитие химического и химико-технического образования и т. п. Подводя итоги обсуждения, Л. А. Чугаев констатировал, что «возможность оживления русской химической промышленности в ближайшем будущем вовсе не представляется безнадежной»[849]. По его мнению, для быстрого эффекта в этих усилиях «необходимо возможно тесное единение между представителями науки и промышленности»[850]. В качестве первоочередных мер он призывал начать отработку в университетских лабораториях технологий производства тех химических продуктов, в которых сейчас наиболее острая потребность, а также готовить кадры будущих руководителей для химической промышленности. Поставил он и вопрос об улучшении преподавания химии в высшей школе и особенно в университетах, где необходимо освободить будущих химиков от изучения массы

[846] Протокол заседания Отделения химии РФХО 11 сентября 1914. С. 1130–1137.

[847] *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика. Т. 1.

[848] *Похитонов В. И.* Современное состояние руссской химической промышленности // Журнал РФХО. Часть химическая. 1914. Т. 46. Вып. 7. С. 209.

[849] Протокол заседания Отделения химии РФХО 11 сентября 1914. С. 1135.

[850] Там же.

ненужных предметов. Чугаев высказал также ряд предложений по развитию отдельных отраслей химической промышленности, связанных в частности с обогащением фосфоритов.

По предложению академика Н. С. Курнакова было решено при Отделении создать Комиссию для обсуждения мер, которые Отделение могло предпринять «для того, чтобы способствовать развитию химической промышленности»[851]. В новую Комиссию были приглашены все члены Отделения. Комиссии поручили незамедлительно установить контакты с правительственными ведомствами и руководителями промышленности. Как показал ход событий, химики раньше других естествоиспытателей осознали необходимость включения в мобилизацию науки для снабжения фронта и тыла необходимым сырьем и химическими продуктами и, воспользовавшись моментом военного времени, стали добиваться институционализации своей дисциплины в высшей школе. Пути реализации этих планов были закономерно найдены в сотрудничестве науки, армии, промышленности и правительства. Обдуманная стратегия действий позволила с максимальной эффективностью решать проблемы, поставленные военным временем.

При РФХО возник кружок химиков, члены которого сотрудничали с Комиссией по заготовке взрывчатых веществ и Комиссией по удушающим средствам, возглавляемыми В. Н. Ипатьевым, а позднее в образовавшемся на их базе Химическом комитете, который кроме взрывчатых веществ ведал расширением производства серной кислоты, удушающими средствами, противогазами и огнеметами. Сам Ипатьев высоко ценил сотрудничество с РФХО, а его единоутробный брат Л. А. Чугаев был изначально постоянным членом Комиссии по удушающим средствам, исследуя вопрос о рафинации платины и приготовлении платинового катализатора для производства олеума. 2 апреля 1915 г. на заседании Отделения химии был заслушан доклад Л. А. Чугаева о химическом образовании в России и было решено добиваться учреждения химических и биологических отделений на физико-математических факультетах университетов[852]. Через три недели состоялось совместное заседание Отделений физики и химии, на котором было принято решение об учреждении при РФХО Отделения преподавания химии и физики и постоянной выставки приборов и о ходатайстве перед МНП о субсидиях на нее[853].

Летом 1915 г. ЦКВТП обратился во многие научные общества с предложением войти в его состав и принять участие в разработке программы мобилизации той или иной отрасли знания на нужды армии и флота. 11 сентября 1915 г. в ответ на обращение ЦКВТП Совет РФХО инициировал создание Военно-химического комитета, обратившись затем в Особое совещание по обороне о его финансировании и отпуске средств на создание Опытного завода, на котором можно было бы проводить лабораторные исследования и отрабатывать технологию производства

[851] Протокол заседания Отделения химии РФХО 11 сентября 1914. С. 1137.

[852] Протокол экстренного заседания Отделения химии РФХО 2 апреля 1915 // Журнал РФХО. Часть химическая. 1915. Т. 47. Вып. 3. С. 754.

[853] Протокол соединенного заседания Отделений физики и химии РФХО 23 апреля 1915 // Журнал РФХО. Часть химическая. 1915. Т. 47. Вып. 3. С. 763–764.

«для военного дела химических продуктов»[854]. 22–23 октября 1915 г. на пленарном заседании Совета Отделения химии РФХО, на котором присутствовало много иногородних членов Отделения, был сформирован Военно-химический комитет в составе 106 человек во главе с профессором Политехнического института академиком Н. С. Курнаковым. Его заместителем стал В. Е. Тищенко, а Московское отделение Комитета возглавлял П. И. Вальден. Комитет работал над решением оборонных задач (создание средств военно-химической защиты, обеспечение фронта и тыла дефицитными химическими препаратами). В 1916 г. вступил в строй Опытный завод, на котором отрабатывалась технология массового производства химических продуктов, получаемых в лабораторных условиях.

Военно-химический комитет практически сразу начал работать в тесном контакте с КЕПС, первоначально ориентированной исключительно на нужды фронта. Для этого не надо было предпринимать особых усилий, так как Н. С. Курнаков одновременно был и заместителем председателя КЕПС. В 1916 г. был избран совет нового комитета, который был подлинно междисциплинарным образованием. В него вошли практически все ведущие химики России из разных городов, научных учреждений, вузов и ведомств (С. П. Вуколов, Н. М. Витторф, А. И. Горбов, Г. Д. Елисафов, Г. А. Забудский, В. Н. Ипатьев, Н. И. Подкопаев, А. Е. Порай-Кошиц, В. Е. Тищенко, Л. А. Чугаев, П. И. Шестаков, А. А. Яковкин), а также военные (И. А. Крылов), инженеры-технологи (Б. К. Климов, П. П. Федотьев), медики, фармакологи и физиологи (Н. П. Кравков, А. А. Лихачев, Г. В. Хлопин), геологи и минералоги (А. Е. Ферсман, И. Ф. Шредер), биохимики (Л. М. Лялин, В. И. Палладин)[855]. Общее наблюдение за делами Комитета осуществлял профессор столичного университета Л. А. Чугаев, а заседания проходили в основном в здании Химической лаборатории ИПгУ или в химической лаборатории Горного института[856]. Комитет работал очень интенсивно, проведя менее чем за год 32 заседания Совета и 21 заседание Комитета[857]. Были организованы также отделения Комитета в Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Саратове, Воронеже, Казани, Томске, Юрьеве, Екатеринославе и Новочеркасске, в которых занимались химическо-технологическими проблемами, имевшими военно-оборонное значение, связанными с созданием средств защиты от химического оружия и обеспечения фронта и тыла дефицитными химическими препаратами. Производство химически чистых реактивов и химико-фармацевтических препаратов обсуждалось на Всероссийском совещании химиков, организованном в 1916 г. в Петрограде по инициативе Военно-химического комитета. В 1916 г. совместно с КЕПС было проведено заседание о природе майкопской нефти и способах ее использования для решения социальных задач.

Успех Военно-химического комитета в значительной степени обусловлен тем, что авторитет ведущих петербургских ученых в Отделении химии РФХО

[854] *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика.

[855] Список членов Совета Военно-Химического комитета (Петроград) // Труды Военно-химического комитета. 1918. Вып. 4. С. 68–69.

[856] *Ростовцев Е. А.* Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917): Дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2017. С. 289.

[857] Там же.

(П. И. Вальдена, Н. Д. Зелинского, В. Н. Ипатьева, Н. С. Курнакова, Н. А. Меншуткина, В. Е. Тищенко, А. Е. Фаворского, Л. А. Чугаева и многих других) был высок не только в России, но и во всем мире. Многие из них имели прочные связи с промышленниками, военными, правительственными чиновниками, благодаря которым просто и быстро интегрировались в проекты военного времени, такие как, например, налаживание производства взрывчатых веществ, химического оружия, лекарств, учет наличности и запаса месторождений сырых материалов и т. д. Все они тесно сотрудничали с КЕПС, где Курнаков был заместителем председателя. Особенно важную, интегрирующую роль играл В. Н. Ипатьев, возглавлявший Химический комитет. Добившись бесспорных успехов в решении самых актуальных вопросов производства боеприпасов, химического оружия и защиты от газовых атак, он наглядно показал, как надо эффективно соединять теоретическую и прикладную химию, гражданское и военное высшее образование, академическую науку, военное ведомство и промышленность.

Не забывались при этом и собственно химические задачи и корпоративные интересы, связанные с институционализацией отечественной химии, приведшей к созданию в 1919 г. на базе «Опытного завода» Государственного института прикладной химии. Но, вопреки утверждению Д. Ллойд-Джорджа в шеститомных «Военных мемуарах» (1934–1935), это ни в коей мере не помешало Химическому комитету решить свою главную задачу — «организовать на частных заводах производство взрывчатых веществ и исходных продуктов»[858]. Как конкретно это удалось сделать, будет рассказано ниже, так как РФХО и созданный им комитет в создании химической оборонной промышленности играл важную, но далеко не решающую роль.

Здесь же подчеркнем следующее. История Военно-химического комитета, возникшего из первоначально сугубо добровольной организации ученых-химиков для сотрудничества в решении оборонных задач при активном содействии военных структур, дала начало «Опытному заводу», а затем и научно-исследовательскому институту, финансируемому государством. Объединенные усилия представителей разных ведомств позволили решить важную государственную задачу. Создание подобного военно-технического центра, конечно, можно рассматривать как редкий пример удачной гражданской самоорганизации научного сообщества в условиях университетской автономии и атмосферы либерально-патриотических ценностей, широко распространенных в российском ученом сообществе[859]. Но все-таки решающую роль играло взаимодействие ученого сообщества в целом, промышленности и военного ведомства, в рамках которого подлинные лидеры науки были допущены к государственному управлению военно-химической отраслью. Не следует и преувеличивать в этой институционализации значение университетской науки,

[858] *Любищев А. А.* О русских химиках и мемуарах Ллойд-Джорджа // Химия и жизнь. 1982. № 8. С. 88–91.

[859] *Brooks N.* Munitions, The Military, and Chemistry in Russia // Frontline and Factory: Comparative Perspectives on the Chemical Industry at War, 1914–1924 / Eds. R. Macleod, J. Johnson. Dordrecht: Springer, 2006. P. 75–101; *Ростовцев Е. А.* Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России. С. 292.

так как решающую роль, конечно, играли события военного времени и структура Главного артиллерийского управления, всегда тесно связанного с учеными-химиками, о чем подробно рассказал в воспоминаниях «Жизнь химика» главный создатель русской химической промышленности академик В. Н. Ипатьев, среди многочисленных мест деятельности которого в годы войны ни университет, ни РФХО не были основными.

Физики ИФХО также пытались включиться в мобилизационные планы. Откликнувшись на призыв ЦКВТП от 5 июля 1915 г., на нескольких его заседаниях присутствовали А. П. Афанасьев, А. Ф. Иоффе и Д. С. Рождественский как представители Отделения физики Русского физико-химического общества[860], которое по своему значению и влиянию, конечно, не могло конкурировать с ИРТО.

Хотя число членов Физического отделения неуклонно росло — с 90 в 1875 г. до 174 в 1913, оно по существу оставалось столичным объединением, так как в нем около 70% составляли петербуржцы, среди которых не было в то время лидеров российской физики. В то же время первые месяцы войны показали возросшую роль физики в создании новых видов вооружения, чем, возможно, объясняется небольшой рост численности Отделения физики: в 1914 было 229, в 1916 — 234[861]. По указанию МНП с осени 1914 г. РФХО стало именоваться Русским физико-химическим обществом при Императорском Петроградском университете. Знаменательно, что в протоколе первого после начала войны заседания Отделения физики РФХО, состоявшегося 9 сентября 1914 г., в отличие от химиков, о ней не сказано ни слова[862]. Видимо, ученые-физики не знали, чем они могли помочь фронту. Месяц спустя, 14 октября, на заседании отделения было озвучено обращение газеты «Школа и жизнь» о сборе средств «пострадавшим от войны учителям»[863]. Там же был заслушан доклад О. Д. Хвольсона об изготовлении физических приборов в России. По словам докладчика, только война раскрыла властям и ученым, «в какой ужасной зависимости мы находимся от заграничной промышленности» буквально «во многих тысячах мелочей» и что мы «вдруг оказались как бы связанными по рукам и по ногам»[864]. Война создала предпосылки для преодоления этой зависимости, и первоначальным шагом, по мнению докладчика, должна стать подготовка квалифицированных кадров, в частности учреждение школы механиков и Центрального учреждения для апробации производимых приборов. Свой доклад Хвольсон завершил на высокой ноте: «“Куй железо, пока горячо”. В великой войне все должны стараться <...> способствовать

[860] Отчет о деятельности Отделения физики РФХО за 1914 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1915. Т. 47. Вып. 1. С. XVIII–XXX; 1916. Т. 48. Вып. 1. С. I–III.

[861] *Дьяков Б. Б., Зитерев М. А.* Российское физическое сообщество и Первая мировая война. С. 45; Личный состав Отделения физики // Журнал РФХО. Физический отдел. 1916. Т. 48. Вып. 1. С. XIII–XXVII.

[862] Протокол заседания Совета Отделения физики РФХО. 9 сентября 1914 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1914. Т. 46. Вып. 7. С. 313–314.

[863] Протокол заседания Совета Отделения физики РФХО. 14 октября 1914 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1914. Т. 46. Вып. 8. С. 366.

[864] Там же. С. 367.

устранению тех препон, которые лежат на пути нашей родины к светлому будущему»[865]. Вспомнил он и славное прошлое России, включая освобожение от татаро-монгольского ига, единение во время Смутного времени, победу над Наполеоном и даже нынешнее «преодоление» алкогольной зависимости.

Докладчика поддержали Б. Б. Голицын, Н. Г. Егоров, А. Ф. Иоффе, Ф. Я. Капустин, А. Н. Крылов. Было решено посвятить этому вопросу специальное экстренное заседание Отделения, которое и состоялось 28 октября 1914 г. под председательством академика А. Н. Крылова[866]. В обсуждении предложения О. Д. Хвольсона об учреждении школы механиков и центрального бюро для испытания приборов активно участвовали А. Л. Гершун, Е. Е. Коган, Н. Б. Завадский, В. В. Лермантов, Ф. Я. Капустин, А. Н. Крылов, Н. В. Попов, Н. В. Смирнов, С. Н. Соколов, А. П. Фандер-Флит. В конечном счете было решено создать две комиссии: для рассмотрения вопроса об учреждении Центрального бюро (председатель О. Д. Хвольсон) и вопроса о расширении Ремесленного училища цесаревича Николая для Школы механиков (председатель В. М. Арбузов)[867]. Было решено также координировать работу с ИРТО, которое по инициативе крупного харьковского промышленника Н. Ф. фон Дитмара собирало сведения, какие изделия изготовляются за границей, а какие в России. На последующих заседаниях Отделения физики еще не раз вставал вопрос об участии РФХО в изготовлении в России точных приборов, о создании комиссии по устройству школы механиков[868]. В связи с этим возник проект создания специального Учебного отделения для подготовки специалистов по изготовлению и поверке точных приборов[869].

4 сентября 1915 г. в связи с обращением ЦКВТП состоялся Совет Отделения, в котором участвовали Н. Н. Георгиевский, Б. Б. Голицын, Н. Г. Егоров, А. Ф. Иоффе, А. Л. Корольков, А. Н. Крылов и В. Ф. Миткевич. Было решено: «Отделение не может взять на себя организацию производства каких-либо предметов в большом масштабе»[870]. Вместе с тем отделение было готово участвовать в выполнении некоторых задач, сформулированных ИРТО. В их число входили предоставление запрашиваемых сведений и литературных данных, проведение теоретических и экспериментальных исследований относительно физических процессов, получивших то или иное применение в технике. Члены общества брались проводить точные испытания существующих приборов, участвовать в кон-

[865] Протокол заседания Совета Отделения физики РФХО. 14 октября 1914 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1914. Т. 46. Вып. 8. С. 368.

[866] Протокол экстренного заседания Отделения физики РФХО, посвященного вопросу «Об изготовлении физических приборов в России». 28 октября 1914 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1914. Т. 4. Вып. 9. С. 394–402.

[867] Там же.

[868] Протокол заседания 329-го (379-го) заседания Совета Отделения физики РФХО 13 января 1915 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1915. Т. 47. Вып. 2. С. 125–126.

[869] Протокол 330-го (386-го) заседания Совета Отделения физики РФХО 10 февраля 1915 // Там же. С. 158.

[870] Протокол 334-го (384-го) заседания Отделения физики РФХО 15 сентября 1915 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1915. Т. 47. Вып. 8. С. 549.

струировании новых приборов и инструментов на основании заданных технических характеристик.

Это решение Совета было обсуждено и принято на собрании Отделения, состоявшемся 15 сентября 1915 г. под председательством А. Ф. Иоффе[871]. Собрание постановило сообщить о нем не только ЦКВТП, но и всем заинтересованным лицам и организациям, прежде всего в Центральный военно-технический комитет, промышленным предприятиям, работавшим на армию, а также разместить соответствующую информацию в газетах. А. П. Афанасьева, А. Ф. Иоффе и Д. С. Рождественского попросили в дальнейшем быть официальными представителями Отделения физики РФХО в КВТП. Судя по всему, физики не помышляли о глобальных преобразованиях российской промышленности, а тем более о создании для ее развития благоприятных социально-политических, финансовых и юридических условий.

В конечном итоге какой-либо масштабной работы в ЦКВТП представители физиков себе не нашли. От них не поступило никаких оригинальных предложений. Спустя полгода, 8 марта 1916 г., Отделение физики, которое к тому времени возглавил Д. С. Рождественский, решило освободить А. П. Афанасьева, А. Ф. Иоффе и Д. С. Рождественского от членства в ЦКВТП, поручив помощнику редактора физического отдела «Журнала РФХО» Н. Н. Георгиевскому представлять в нем интересы физиков[872]. В то же время нельзя говорить о какой-то пассивности физиков по сравнению с химиками в мобилизации науки, называя Первую мировую войну «войной химиков» и как бы противопоставляя ее Второй мировой, во время которой беспрецедентное значение приобрела физика, прежде всего ядерная.

Было бы неправильно ограничивать положительные примеры только деятельностью Отделения химии РФХО. Во многих оборонных проектах, как, например, разработка технологии производства высококачественного оптического стекла, изначально участвовали физики — будущие академики И. В. Обреимов и Д. С. Рождественский, сыгравшие значительную роль в ее конечном решении. Именно Рождественский с 1916 г. одновременно возглавлял Отдел физики РФХО и само РФХО. Выше подробно говорилось о мобилизации науки в Главной физической обсерватории, возглавляемой действительным членом ИАН и Лондонского королевского общества Б. Б. Голицыным. Но Голицын, как и другие сотрудники его обсерватории, например Д. А. Смирнов, участвовали также в «химической» войне, разрабатывая рекомендации по применению газов и защите от них с учетом метеорологической обстановки.

Нельзя забывать и о том, что именно в годы Первой мировой войны один из лидеров Отделения физики, А. Ф. Иоффе, организовал весной 1916 г. в Политехническом институте семинар, в котором участвовали Я. Г. Дорфман, П. Л. Капица, П. И. Лукирский, Н. Н. Семёнов, Я. И. Френкель и др., вскоре ставшие мировыми лидерами в различных отраслях физики[873]. Многие физики, в том числе и члены

[871] Там же. С. 550.

[872] Протокол 334-го (390-го) заседания Отделения физики РФХО 8 марта 1916 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1916. Т. 48. Вып. 3. С. 134.

[873] *Френкель В. Я.* Пятьдесят лет Физико-техническому институту им. А. Ф. Иоффе АН СССР // Успехи физических наук. 1968. Т. 96. Вып. 3. С. 529–568.

РФХО (Д. К. Бобылёв, И. И. Боргман, П. И. Броунов, Н. Г. Егоров, В. К. Лебединский, Д. С. Рождественский и др.) успешно участвовали также в прикладных исследованиях, непосредственно связанных с приложением физических знаний к решению актуальных военных проблем (аэродинамика, распространение радиоволн и усовершенствование радиосвязи, оптика, артиллерийская внешняя и внутренняя баллистика, бомбометание, полевая рентгеноскопия, защита от отравляющих веществ, радиоактивность и т. д.)[874].

Активно работали многие общества химиков и физиков на юге России[875]. Химико-физическое общество при Киевском университете во время войны подключилось к проблеме ликвидации дефицита обезболивающих лекарств и снабжения ими госпиталей и клиник. Было организовано крупное производство хлороформа. Далее возникла потребность в сухих гальванических батареях, используемых в армии, и был сформирован специальный комитет для их производства. Общество успешно ответило на запросы авиации, которая страдала от дефицита очищенного бензина, участвовало в организации рентгеновских лабораторий, получило хорошие результаты при изготовлении увеличивающего экрана. Под руководством профессора И. И. Косогонова был создан специальный комитет из преподавателей Киевского университета и технических вузов, который исследовал способы использования рентгеновских лучей в случае ранений. Аппаратуру и приборы предоставили разные киевские вузы, и это позволило использовать рентгеновские аппараты в 10 госпиталях.

Создание ЦКВТП при ИРТО и включение в него представителей РФХО, а также вхождение В. И. Ковалевского, Д. С. Зернова, Л. И. Лутугина, П. И. Пальчинского в Центральный ВПК в качестве постоянных членов, конечно, укрепляло позиции обеих организаций и их роль в интеграции усилий по мобилизации науки, техники и промышленности. Это заставляло власти с опаской относиться к многосторонней деятельности ИРТО, приобретавшей всё большее политическое звучание. И в этом власть была права. Вскоре некоторые руководители ИРТО и близкие к ним деятели оппозиционных партий сменили чиновников в правительственных структурах. Вот почему царская бюрократия была заинтересована в том, чтобы научный потенциал инженерно-технических и естественных обществ использовался только для решения прикладных задач снабжения фронта боеприпасами, оружием, военной техникой и т. д., а также для решения сугубо технических задач в рамках комитетов и лабораторий при военном ведомстве и казенных заводах.

Нежелание властей признавать растущий авторитет ученых и их роль в обществе вело к дискредитации патриотического лозунга о единстве науки и власти у политизированной части научного сообщества. С одной стороны, властям нужна была мобилизация интеллектуальных ресурсов, которые без этого оставались бы распыленными. Общества собирали, систематизировали и обрабатывали разнообразную научную информацию, делая ее доступной как правительственным структурам, так и широким образованным слоям. С другой стороны, их инициативы пугали власть.

[874] *Дьяков Б. Б., Зитерев М. А.* Российское физическое сообщество и Первая мировая война. С. 39–52; *Волков В. А., Куликов М. В.* Российская профессура. XVIII — начало XX в. Физико-математические науки. Биографический словарь. СПб.: Мір, 2008.

[875] *Novgorodtsev P. I.* Universities and Higher Technical Schools. P. 176.

Она с подозрением относилась к демократическим процедурам принятия решений в научных обществах и особенно к политическим воззрениям их членов, многие из которых явно были для власти конкурентами, а не союзниками.

В июне 1916 г. Совет министров дал указание военным ведомствам и государственным структурам о необходимости постепенно сокращать заказы военно-промышленным комитетам, через которые шла большая часть научных внедрений на оборонные нужды. Предполагалось, что в дальнейшем приемка предметов боевого снаряжения и снабжение ими армии и флота будет происходить без участия общественных и земских организаций, что фактически означало исключение из оборонных мероприятий и научных обществ. Временное правительство провозгласило курс на поддержку научных обществ и ассоциаций. Но к тому времени деструктивные процессы в стране не позволили этим организациям продолжить работу, которая всё больше перемещалась в лаборатории, бюро, институты и т. д. В 1917 г. практически прекратился выход «Журнала РФХО»: увидело свет только 2 выпуска 49-го тома, а в 1918 г. — еще его 3–9-й выпуски. Из журнала исчезла реклама продукции рентгеновской и другой физической аппаратуры. Затем наступил длительный перерыв в выпуске журнала. Наконец, в 1930 г. РФХО прекратило существование, а журнал был передан АН СССР. Мощное Русское техническое общество, лишенное правительственных субсидий и поддержки со стороны национализированной промышленности, было упразднено еще в 1919 г.

8.3. Естественнонаучные общества и их упадок в годы войны

8.3.1. Общие векторы трансформации естественнонаучных обществ

Естественнонаучные общества и созываемые ими с 1860-х гг. Всероссийские съезды естествоиспытателей и врачей в отличие от технических, сельскохозяйственных, медицинских обществ долгое время являли сообой примеры «собрания людей, которые в общем и целом стояли в стороне от политики» и видели «свое призвание прежде всего в служении науке и государству»[876]. К началу войны таких обществ было больше сотни. Самые крупные из них (Московское общество испытателей природы — МОИП, Императорское Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей — ИСПбОЕ, Новороссийское общество естествоиспытателей — НОЕ, Казанское общество естествоиспытателей — КОЕ, Киевское общество естествоиспытателей и др.) существовали при университетах, и основным источником их бюджетов, особенно на периферии, оставались поступления от центральных и местных властей, преимущественно от губернских земств[877]. Подавляющее

[876] *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России. С. 423.

[877] Так, например, в бюджете Общества естествоиспытателей при Казанском университете за 1915 г. в размере 8327 руб. 37 коп. 5 тыс. руб. составляли субсидии правительства, а 2 тыс. руб. субсидии губернского земства, выделенные на устройство Научно-кустарного музея. В совокупности это составляло 85% всех доходов. См.: Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1915 г. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та. 1916. С. 239–241.

большинство их членов состояли на службе правительства и вряд ли считали себя представителями гражданского общества.

Причем субсидии от губернских и уездных земств всегда поступали на конкретные проекты: проведение экспедиций, организацию музеев, изучение местной флоры и фауны, анализ почв, поиск месторождений, борьбу с эпизоотиями и т. д. Бюджеты обществ естествоиспытателей были мизерны по сравнению с финансами, находящимися в распоряжении таких всероссийских обществ, как ВЭО или ИРТО, составляя от них 2–3%. При таких скромных бюджетах и источниках их пополнения ни у руководства обществ, ни у ее членов не возникало желания критиковать тех, у кого просишь деньги. Вот почему наука в обществах естествоиспытателей всегда оставалась на первом месте, что также удерживало их от вмешательства в действия государства, если они не угрожали их собственным исследованиям или отечественной науке в целом. Само положение и финансирование обществ заставляло их членов быть конформистами.

В годы Первой мировой войны они старались придерживаться той же позиции, хотя многим из них довелось пережить кадровые сокращения и испытать определенный дискомфорт в обычной научно-исследовательской, экспедиционной, научно-организационной, издательской и просветительской деятельности уже в 1914–1915 гг. Особенно это сказалось на обществах, оказавшихся в зоне боевых действий или в прифронтовых губерниях, главным образом в Царстве Польском, Прибалтике, Бессарабии, а в конечном счете и во всей Украине, оккупированных войсками Центральных держав. Уже с 1914 г. перестали выходить «Труды Варшавского общества естествоиспытателей. Протоколы общих собраний». С началом мобилизации в июле 1914 г. в некоторых губерниях было объявлено военное положение, и естествоиспытатели не смогли продолжать в них полевые исследования. Так, например, Комиссия по охране памятников природы и старины при незадолго до того созданном Крымском обществе естествоиспытателей и любителей природы вынуждена была прекратить исследования средневекового пещерного монастыря Качи-Кален.

С трудностями публикации столкнулось даже старейшее в России объединение натуралистов — Московское общество испытателей природы, которое с 1829 г. регулярно выпускало бюллетень, преимущественно на французском языке. В нем печатались труды по ботанике, зоологии, геологии, палеонтологии, а также по точным наукам. В 1915–1916 гг. годичный объем «Бюллетеня МОИП» составлял 40–50 п. л.[878] Затем наступил длительный перерыв. Бюллетень стал выходить снова только в 1921 г. Большинство статей с тех пор печаталось на русском языке с обязательным помещением иноязычного резюме.

Намного более тяжелые испытания выпали на долю естественнонаучных обществ на периферии. Вскоре после начала войны многие из них сократили или вовсе прекратили публиковать «Труды» и «Протоколы»[879]. С 1914 г. резко сокра-

[878] *Липшиц С.Ю.* Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования. С. 31–32.

[879] *Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М.* Библиография периодических изданий России: 1901–1916: В 4 т. / Общ ред. В.М. Барашенкова, О.Д. Голубевой, Н.Я. Морачевского. Л.: [ГПБ]: Т. 1. 1958; Т. 2. 1959; Т. 3. 1960.

тилось число докладов и перестали выходить «Труды» и «Протоколы» Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете, а краткие отчеты о его деятельности за 1914–1916 гг. публиковались в «Отчетах о состоянии Томского университета» и в местной прессе[880]. В том же году в Ташкенте вышел последний выпуск «Трудов и протоколов Общества испытателей и врачей Туркестанского края», а Николаевское общество любителей природы (НОЛП) прекратило выпуск журнала «Природа», на страницах которого популяризировались теоретические и прикладные естественнонаучные знания. Регулярность многих изданий оказалась сильно нарушена. Так, последний выпуск (№ 3) «Протоколов общества испытателей природы при Харьковском университете» датирован 1915-м годом, 48-й том (сдвоенный № 1–2) его «Трудов» вышел в 1915 г., следующий, 49-й том — уже в 1918 г. Раз в два года стали выходить «Записки Новороссийского общества естествоиспытателей»: сдвоенный 39–40-й том в 1914 г.; 41-й — в 1916; 42-й — в 1918 г. До 1917 г. в Одессе выходили «Записки Крымско-Кавказского горного клуба», ведущего в основном экскурсионную и просветительскую деятельность, но число его ежегодных выпусков сократилось вдвое. В том же году перестали выходить «Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы», возобновленные лишь восемь лет спустя, в 1925 г. Десять лет потребовалось Киевскому обществу естествоиспытателей, чтобы после 1917 г. возобновить, и то только на три года, издание своих «Записок». Выпуск 4-го тома «Трудов Владимирского общества любителей естествознания» растянулся на 7 лет: 1-й выпуск увидел свет в 1914; 2-й — в 1916, а 3-й — в 1920 г. И это перечисление можно продолжать долго.

8.3.2. Столичное общество естествоиспытателей

Императорское Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей (ИСПбОЕ) при Санкт-Петербургском университете, с августа 1914 г. — Императорское Петроградское (ИПгОЕ), также достаточно быстро столкнулось с финансовыми, организационными и кадровыми трудностями в реализации планов, в том числе и проектов, призванных мобилизовать науку на нужды войны, как это понимали сами естествоиспытатели. В отличие от других обществ естествоиспытателей, созданных в конце 1860-х — начале 1870-х гг. при университетах Киева, Казани, Одессы и Харькова для комплексного изучения природы своих учебных округов, ИСПбОЕ, у истоков которого стояли яркие лидеры отечественной естественной истории, и многие из них имели общеевропейскую известность (Н. П. Барбот де Марни, А. Н. Бекетов, М. Н. Богданов, Ф. Ф. Брандт, А. М. Бутлеров, Н. П. Вагнер, К. Ф. Кесслер, А. О. Ковалевский, К. Е. Мерклин, И. И. Мечников, Ф. В. Овсянников и др.), изначально воспринималось как общероссийское объединение ученых, призванное вести комплексные фаунистические, флористические и геолого-минералогические исследования

[880] Периодическая печать Сибири в годы Гражданской войны (конец мая 1918 — декабрь 1919 г.): Указатель газет и журналов / Сост. Е. Н. Косых, С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1991; *Некрылов С. А.* Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2013. С. 71–72.

в масштабе не только всей России, но и сопредельных стран. Обществом были организованы и проведены многие крупные экспедиции, среди которых особое значение для познания малоизученных областей имели Беломорская, Аральская, Каспийская, Крымская, Алтайская[881]. Почти все эти экспедиции направлялись в регионы России, не входившие в зоны его главных научных интересов, очерченных в первом параграфе первого Устава, утвержденного 21 декабря 1868 г. министром просвещения графом Д. А. Толстым, как исследование «природы России, преимущественно в полосе ее, лежащей в бассейнах Балтийского и Белого морей и Ледовитого океана»[882]. Арал, Каспий, Крым, Алтай и т. п. не входили в эту полосу, тем не менее ИСПбОЕ всё время получала значительные правительственные субсидии на исследование природы этих регионов. Это свидетельствует как об «имперских» амбициях самого общества, так и о восприятии его таковым правящими структурами, чему способствовал статус общества как Императорского, предполагавший почетное президентство кого-либо из членов царской семьи. Довольно условной была добавка «при Санкт-Петербургском университете». Подавляющее большинство членов ИСПбОЕ представляли другие научные учреждения столицы (ИАН, ИВМА, Геолком, Лесной институт, Горный институт, бюро МЗиЗ и др.), также в нем были естествоиспытатели Москвы, Варшавы, Казани, Киева, Харькова, Одессы, Юрьева, Севастополя, Тифлиса и других университетских и культурных центров России. Ежегодные съезды Общества обеспечивали регулярное общение ученых разных регионов, а проводимые им экспедиции и учреждаемые биостанции становились средоточием их совместной работы. Это был подлинный центр естественноисторических исследований в стране, по научному авторитету сравнимый с Физико-математическим отделением ИАН. На заседаниях его отделений присутствовали 50–70 чел., больше половины которых составляли гости. Состоять членом ИСПбОЕ было почетно и ответственно.

Учреждение ИСПбОЕ биологических станций (Соловецкой, Мурманской, Бородинской, Степной) стало важным этапом в развитии отечественного естествознания, создав базу для постоянных полевых и экспериментальных исследований и открыв новые перспективы для подготовки студентов-естественников. Распространению научных знаний способствовала активная издательская деятельность общества, регулярно выпускавшего с 1870 г. «Труды Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей: Протоколы заседаний» из 8 ежегодных выпусков под редакцией А. Н. Бекетова (с 1912 г. — Д. И. Дейнеки), а также «Труды Арало-Каспийской экспедиции», «Труды Бородинской пресноводной биологической станции», «Программу и наставления для наблюдения и собирания коллекций по естественной истории», «Вестник естествознания». Тем самым ИСПбОЕ в довоенный период соответствовало целям, записанным в его уставе. Оно к тому же обеспечивало комплексность изучения природы России и способ-

[881] *Полянский Ю. И.* С.-Петербургское общество естествоиспытателей (прошлое, настоящее, будущее) // Очерки по истории С.-Петербургского общества естествоиспытателей. С. 8–9; *Захарова-Шмидт М. А.* История создания и некоторые аспекты деятельности С.-Петербургского (Ленинградского) общества естествоиспытателей // Там же. С. 34–43.

[882] Устав С.-Петербургского общества естествоиспытателей // Очерки по истории С.-Петербургского общества естествоиспытателей. С. 50.

ствовало успешному развитию и распространению естественнонаучных знаний, а также активному общению ученых всей России. Ежегодно проходило 4 Общих собрания, и по 7–12 заседаний проводило каждое отделение Общества; на них заслушивалось более 80 сообщений, краткое содержание которых публиковалось в основном на русском языке в «Трудах» общества.

Формально ИСПбОЕ получало ежегодно правительственных субсидий немногим больше, чем аналогичные общества при других университетах. С 1896 г. им всем от Государственного казначейства выделялось пособие по 5 тыс. руб., а ИСПбОЕ в 1913–1916 гг. — по 6500 руб.[883] Но остальные общества могли рассчитывать на дополнительные субсидии от местных земств только на краткосрочные и относительно недорогие, как правило, частично самоокупающиеся проекты — экскурсии, музеи, популярные лекции, платные высшие курсы, в то время как ИСПбОЕ постоянно получало существенные пособия на многолетние экспедиции, биологические станции и т. д. Например, только на снаряжение Арало-Каспийской экспедиции (1870–1876) министр финансов граф М. Х. Рейтерн выделил 25 тыс. руб.[884]

В 1913 г. доход Общества составил 37 129 руб.[885]; из них членские взносы принесли всего 246 руб., а продажа «Трудов» и книг — около 800 руб. Подавляющая часть прихода была обеспечена различного рода субсидиями: так, например, на содержание Мурманской биологической станции из Государственного казначейства было получено 15 тыс. руб., а на Бородинскую станцию — 500 руб. Помимо субсидий было взято или получено как проценты с разного рода капиталов и фондов (на начало 1914 г.) 33 200 руб.

В первые два года войны финансирование оставалось на прежнем уровне. Так, в 1915 г. приход ИПгОЕ был равен 35 590 руб., из которых только 474 руб. поступили как годовые членские взносы, 24 руб. — плата за дипломы, 71 руб. — продажа «Трудов» и т. д.[886] Подавляющая же часть прихода всё так же обеспечивалась государственными субсидиями и доходами капиталов. Общество по-прежнему располагало значительными накоплениями, которые складывались из денежных фондов отделений и средств, предназначавшихся для издательской деятельности, средств для выплаты премий (весьма значительные капиталы А. Н. Бекетова, М. С. Воронина, А. Я. Герда, кн. А. Т. Гинглята, К. Ф. Кесслера в пределах от 1700 до 5100 руб.), средств специального назначения (капиталы Бородинской станции — 9700 руб., Арало-Каспийской экспедиции — 1500 и т. п.), с запасного капитала — 11 тыс. руб.[887]

---

[883] Отчет казначея Императорского Петроградского общества естествоиспытателей за 1915 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1916. Т. XLVII. № 1 (январь). С. 70 (далее — Отчет казначея... за ... г.); *Захарова-Шмидт М. А.* История создания и некоторые аспекты деятельности С.-Петербургского общества естествоиспытателей. С. 34–35.

[884] Обзор деятельности С.-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования. 1868–1893. СПб., 1893. С. 8.

[885] Отчет казначея... за 1913 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1914. Т. XLV. Вып. 5–6. С. 183–189.

[886] Отчет казначея... за 1915 г. С. 70–71.

[887] Там же. С. 78.

К началу 1916 г. капиталы, с которых ежегодно поступало около 10% накоплений, составляли 37 770 руб., что вместе с годовым приходом давало солидную сумму, около 73 тыс. руб., которая примерно на порядок превышала бюджеты других обществ естествоиспытателей и была сопоставима с бюджетами Всероссийских обществ, включая ИРТО. Тем не менее средства, которыми располагало ИПгОЕ в течение года, составляли 25–30% от бюджета ИРТО. Правда, в 1917 г. годовые субсидии ИПгОЕ уменьшились в два раза, но общая сумма капитала к началу революции составляла еще 25 тыс. руб., которые все были национализированы[888].

Численность ИСПбОЕ также была сопоставима с показателями ИРТО и РФХО. В 1913 и 1914 гг. она насчитывала около 450 чел.: из них в 1913–1914 гг. 28 почетных членов, соответственно 385 и 394 действительных члена, а членов-сотрудников — 34 и 31.[889]. Война несколько уменьшила эти цифры и на конец 1915 г. в обществе состояли 15 почетных членов, 354 действительных члена и 31 член-сотрудник[890]. Почетным председателем до марта 1917 г. был вел. кн. Александр Михайлович, а президентом в течение всей войны оставался заслуженный профессор университета, чл.-корр. ИАН А. А. Иностранцев. Три отделения (геологии и минералогии, ботаники, зоологии и физиологии) возглавляли крупнейшие российские ученые: геолог академик А. П. Карпинский, ставший в 1916 г. и. о. вице-президента ИАН; ботаник академик И. П. Бородин; гистолог чл.-корр. А. С. Догель. Один из основателей ИСПбОЕ и его почетный член И. И. Мечников в 1908 г. стал лауреатом Нобелевской премии. В военные годы общество продолжало представлять элиту отечественного естествознания, интегрируя усилия естествоиспытателей страны и объединяя в своих рядах самых выдающихся естествоиспытателей, включая членов ИАН и профессуру университетских городов. По сути дела, это было всероссийское общество естествоиспытателей.

В сохранившихся материалах не удалось обнаружить каких-то специальных деклараций и планов, связанных с войной. Отчеты ПгОЕ, его отделений и станций, а также протоколы Общих собраний Общества и его отделений, опубликованные в 45–49-м томах с материалами за 1914–1918 гг., свидетельствуют, что в первые два военных года высокую научно-исследовательскую и научную-организационную активность проявляли сотни ученых, большинство из которых уже тогда были или впоследствии стали академиками и членами-корреспондентами ИАН / РАН / АН СССР, Всеукраинской АН и академий союзных республик, директорами академических вузов, ректорами университетов, деканами биологических и геологических факультетов, основателями кафедр и лабораторий, созда-

[888] *Захарова-Шмидт М.А.* История создания и некоторые аспекты деятельности С.-Петербургского общества естествоиспытателей. С. 35.

[889] Отчет секретаря о деятельности Императорского С.-Петербургского Общества естествоиспытателей за 1913 г. // Труды ИСПбОЕ: Протоколы заседаний. 1914. Т. XLV. № 1–2. С. 2–3; Отчет секретаря о деятельности Императорского Петроградского Общества естествоиспытателей за 1914 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1915. Т. XLVI. № 2. С. 42–43.

[890] Отчет секретаря о деятельности Императорского Петроградского Общества естествоиспытателей за 1915 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1916. Т. XLVII. № 1. С. 2–3.

телями крупных научных школ. Среди них были: ботаники, физиологи растений, микробиологи, садоводы И. П. Бородин, Л. П. Бреславец, В. А. Бриллиант-Лерман, Н. А. Буш, О. А. Вальтер, А. Д. Воейков, А. Г. Генкель, Х. Я. Гоби, А. А. Еленкин, Н. Н. Иванов, С. Л. Иванов, А. П. Ильинский, В. С. Ильин, Б. Л. Исаченко, В. Л. Комаров, С. П. Костычев, А. Н. Криштофович, Н. А. Максимов, Г. А. Надсон, И. В. Новопокровский, С. Д. Львов, В. Н. Любименко, В. И. Палладин, Б. В. Перфильев, Д. Н. Прянишников, Л. Г. Раменский, А. А. Рихтер, Д. А. Сабинин, В. И. Талиев, В. А. Траншель, А. С. Фаминцын, А. П. Шенников; зоологи, анатомы, гистологи и физиологи животных В. Н. Беклемишев, Г. Ю. Верещагин, А. П. Владимирский, Д. С. Воронцов, К. Н. Давыдов, Д. И. Дейнека, К. М. Дерюгин, А. С. Догель, В. А. Догель, А. М. Дьяконов, А. А. Заварзин, В. В. Заленский, В. Д. Зеленский, С. А. Зернов, П. П. Иванов, Г. А. Клюге, А. А. Коротнев, П. С. Коссович, К. А. Сатунин, К. И. Скрябин, А. А. Любищев, Н. Ф. Мейер, А. К. Мордвилко, А. В. Немилов, М. М. Новиков, Е. Н. Павловский, Д. Д. Педашенко, Э. Ф. Поярков, В. В. Редикорцев, Н. П. Резвяков, М. Н. Римский-Корсаков, П. Г. Светлов, К. К. Сент-Илер, И. И. Соколов, А. О. Таусон, М. И. Тихий, Ф. Е. Тур, Н. А. Холодковский, В. А. Фаусек, И. Н. Филипьев, Ю. А. Филипченко, Д. М. Федотов, Б. Н. Шванвич, В. М. Шимкевич, П. Ю. Шмидт; геологи и минералоги Н. И. Андрусов, А. А. Борисяк, С. Н. Бубнов, В. Н. Вебер, В. И. Вернадский, И. И. Гинзбург, М. Д. Залесский, А. А. Иностранцев, А. П. Карпинский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Л. И. Лутугин, Я. А. Макеров, М. А. Павлов, А. А. Полканов, П. А. Православлев, В. Ф. Пчелинцев, А. Н. Рябинин, В. Н. Таганцев, В. М. Тимофеев, А. Е. Ферсман, Л. А. Ячевский и другие выдающиеся ученые, выступавшие с докладами и сообщениями на заседаниях отделений. В 1914–1915 гг. широкой оставалась география флоро-фаунистических исследований ИПгОЕ, которые проводились не только на его станциях, но и в Бухаре, в Донской и Закаспийской областях, в Крыму, в Лапландии, в Воронежской, Олонецкой, Пермской, Псковской, Тверской и Уфимской губерниях, Туркестане, на Кавказе, на Киевской Днепровской биологической станции и др.

Общество не вмешивалось в политические дискуссии. В протоколах ИПгОЕ, как и в протоколах Общего собрания и отделений ИАН, нет верноподданнических заявлений и патриотической риторики по поводу начавшейся войны, правда, отсутствует и критика властей, хотя известно, что многие его члены были скептически настроены по отношению к ним. Даже среди руководителей Общества, его отделений и станций было немало тех, за которыми числились или увлечения революционными идеями в молодости, в наказание за которые они подвергались исключению из университета, а порой и аресту (Н. Е. Введенский, Д. И. Дейнека, Ф. Е. Тур), или четко обозначенные действия в революции 1905 г. (В. И. Вернадский, И. П. Бородин). Но все в годину трагических испытаний понимали, как важно единство, и полагали, что их долг состоит прежде всего в том, чтобы с максимальной отдачей изучать биологические и минералогические ресурсы страны.

Все отделения регулярно проводили заседания: в 1914 и 1915 гг. Отделение ботаники провело соответственно 10 и 12 заседаний, Отделения зоологии и физиологии — 7 и 6, Отделения геологии и минералогии — по 6. На заседаниях секций, как прежде, присутствовали многие члены Общества и гости, хотя число докладов

сократилось на четверть (в совокупности 60 в 1915 г.), но их по-прежнему делали ученые из разных городов России[891]. Широка была география командировок и экспедиций: Кавказ, Закавказье, Крым, Киев, Лапландия, Туркестан, Урал. Начавшаяся война сначала мало сказалась на ходе летних работ на Мурманской станции, в которых под руководством опытных ученых проходили практику около 30 студентов Московского и Петроградского университетов, Политехнического института, Высших женских курсов в Москве и Петрограде и т. д., чьими трудами был собран материал для практических занятий по зоологии и коллекции пятидесяти двум учреждениям и частным лицам[892]. После короткой неразберихи в первые дни войны работа была восстановлена в прежнем объеме и продолжалась до конца августа. Вот только инструменты и часть библиотеки пришлось упаковать и сдать на хранение до следующего лета в женскую гимназию в г. Осташкове[893]. Так как до большинства адресатов не дошли посланные в 1914 г. коллекции, на следующий год было решено в дальнейшем отправлять только те, которые «увозимы лично кем-либо из работавших на станции»[894].

В феврале 1915 г. имущество Мурманской научно-промысловой экспедиции было передано в дар станции, но пользоваться им пришлось недолго. Из-за войны количество студентов, работавших на Мурманской станции, сократилось почти в 4 раза, немного приехало и зрелых ученых. В силу военного времени занятия на станции продолжались только до 2 августа[895]. В связи с обращением морского ведомства по распоряжению от августа 1915 г. ее директора В. М. Шимкевича Мурманская биологическая станция была закрыта, а ее здания передали морскому ведомству для «военных надобностей», опечатав «все помещения, в коих хранится имущество станции»[896]. Вскоре на станции остался лишь ее заведующий Г. А. Клюге с помощником-матросом. Тем не менее Клюге продолжал бороться за сохранение станции, предлагая переключить тематику ее исследований на прикладные проблемы военного времени — добывание йода из водорослей или рыбьего жира. Эти предложения обсуждались на Общем собрании КЕПС, в Химическом отделе ВПК и в Постоянной полярной комиссии РАН, которая обращалась в Военное ведомство с предложением возобновить работу станции как оборонного учреждения, ведущего прикладные исследования, актуальные в военное время[897]. Во время интервенции здания станции были сильно разрушены и разорены[898].

---

[891] Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1916. Т. XLVII. № 1. С. 3–4; № 2–3. С. 106–115; № 4. С. 132–139; № 5–6. С. 180–181.

[892] Отчет заведующего Мурманской биологической станцией за 1915 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1916. Т. XLVII. № 1. С. 9–25.

[893] Отчет секретаря... за 1915 г. С. 7.

[894] Отчет заведующего Мурманской биологической станцией за 1915 г. С. 81.

[895] Отчет заведующего Мурманской... за 1915 г. С. 86–87.

[896] Отчет заведующего Мурманской... за 1915 г. С. 87; Отчет секретаря... за 1915 г. С. 6.

[897] *Лайус Ю. А.* Международная кооперация. С. 153–154.

[898] *Танасийчук Н. П. К* 30-летию Мурманской биологической станции // Научное слово. 1930. С. 86–93.

Пресноводной (Бородинской) биологической станции на о. Селигер в Тверской губернии удалось продержаться вплоть до 1917 г. и даже регулярно издавать свои труды. Однако в 1917 г. работа прервалась и здесь из-за отсутствия средств: часть оставшегося без охраны имущества была растащена, а другая реквизирована местными властями[899].

Недолго просуществовала Степная биологическая станция им. графини С. В. Паниной, открытая 11 июня 1914 г. в имении «красной графини» — одной из первых феминисток в России, активной участницы либеральных и благотворительных начинаний, — в Вейделевской степи на пожертвованные ею средства, а также на субсидии МНП, ГУЗиЗ, Воронежской земской управы[900]. Заведование станции было поручено А. А. Рихтеру, а Комиссию для управления ее делами возглавил И. П. Бородин. В Комиссию вошли также почвовед К. Д. Глинка, ботаники Н. А. Буш, В. А. Дубянский и В. Н. Сукачёв, физиологи растений С. П. Костычев и А. А. Рихтер, энтомолог М. Н. Римский-Корсаков, гидробиолог К. М. Дерюгин[901]. После долгого и тщательного обсуждения Общее собрание утвердило временные правила станции, по которым заведующим станцией был избран И. П. Бородин. В благодарность за пожертвование имения С. В. Панина была избрана почетным членом общества. Была значительно расширена площадь существовавшего с 1908 г. частного заповедника, на территории которого в 1915 г. было решено создать Ботанический сад. В 1915 г. были высажены некоторые типичные растения из прилегающих участков степи. Далее потребовались деньги от этих же спонсоров уже на содержание станции. Но денег не было. В годы Гражданской войны Степная станция была разрушена и сожжена[902].

Несмотря на неблагоприятные условия для научно-исследовательской и научно-организационной работы, члены Общества сохраняли оптимизм и по мере сил и возможностей искали пути мобилизации науки. Консервация Мурманской биологической станции не обескуражила Г. А. Клюге, который уже в 1915 г. разработал детальный план развития этой станции с целью превращения ее из научно-вспомогательного учреждения в прекрасно оборудованный научно-исследовательский институт[903]. Эти планы он направлял и в ИПгОЕ, и в МНП. Реализовать их удалось вскоре после Гражданской войны, но в 1925 г. статус станции был изменен. Ее вывели из состава Общества и сделали самостоятельным научным учреждением.

---

[899] *Борисовская Г. М.* Бородинская станция // Очерки по истории С.-Петербургского общества естествоиспытателей. С. 138–139.

[900] Общее собрание 23 марта 1914 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1914. Т. XLV. № 7–8. С. 217–218; Заседание отделения ботаники от 30 апреля 1914 г. // Там же. С. 222, 223; Общее собрание 30 ноября 1914 г. // Труды ИПгОЕ. 1915. Т. XLVI. № 2. С. 61–62; Общее собрание 1 марта 1915 г. // Труды ИПгОЕ. 1915. Т. XLVI. № 3. С. 109–110; Общее собрание 28 ноября 1915 г. // Труды ИПгОЕ. 1916. Т. XLVII. № 2–3. С. 102–103.

[901] Отчет секретаря о деятельности Императорского Петроградского Общества естествоиспытателей за 1914 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1915. Т. XLVI. № 2. С. 48–49; Общее собрание 1914 г. // Там же. С. 56–57.

[902] *Гинецинская Т. А.* Степная станция // Очерки по истории С.-Петербургского общества естествоиспытателей. С. 140–141.

[903] Отчет заведующего Мурманской... за 1915 г. С. 88–90.

Нереализованным остался и разрабатываемый в 1915 г. проект создания Геологической станции в г. Кола, расположенном в 12 км от Мурманска. С весны 1915 г. этот старинный город бурно развивался в связи с началом строительства порта и Мурманской железной дороги, заканчивавшейся самой северной в мире на тот период железнодорожной станцией Кола, построенной в 1916 г. 7 ноября 1915 г. на заседании Отделения геологии и минералогии, проходившем под председательством А. П. Карпинского, от имени Комиссии по устройству Кольской геологической станции выступил Б. А. Попов, который сообщил, что городское управление г. Колы готово безвозмездно выделить ИПгОЕ участок для такого научного учреждения[904]. Выбор местоположения будущей станции объяснялся тем, что с геологической точки зрения Лапландия и Кольский полуостров представляют особый интерес в тектоническом и петрографическом аспектах, а также как область раннего оледенения. Близость к будущей железнодорожной станции тоже повлияла на предпочтения Комиссии. Проект получил одобрение А. П. Карпинского, В. П. Амалицкого, Н. И. Андрусова, К. И. Богдановича, А. Е. Ферсмана, а в состав Комиссии были включены В. И. Вернадский, П. А. Земятченский, А. А. Иностранцев и др. Несмотря на единодушную поддержку со стороны крупнейших геологов России, Общество осталось без геологической станции.

Осознавая необходимость интеграции научных ресурсов страны, Общее собрание ИПгОЕ 22 ноября 1915 г. положительно отреагировало на обращение ИАН к Обществу в связи с учреждением КЕПС и содержащееся в нем предложение прислать своих представителей в ее состав[905]. На самом деле обращение не несло какой-то новой информации, так как именно члены Отделения геологии и минералогии (В. И. Вернадский, Н. И. Андрусов, А. П. Карпинский) значились соавторами Записки об учреждении КЕПС, впервые оглашенной 15 января 1915 г. на заседании Отделения физико-математических наук ИАН. Сразу же и другие члены ИПгОЕ (И. П. Бородин, В. В. Заленский, Н. В. Насонов, В. И. Палладин) с энтузиазмом подключились к реализации этого предложения, к разработке программы и планов КЕПС. Ввиду важности предложения Общее собрание ИПгОЕ решило направить в КЕПС по два представителя от каждого Отделения[906]. В Отчете Общества за 1915 г. сказано, что его представителями в КЕПС от Отделения ботаники избраны биохимик растений Л. А. Иванов и физиолог растений А. А. Рихтер, а от Отделения зоологии и физиологии — гидробиолог К. М. Дерюгин и ихтиолог П. Ю. Шмидт[907]. Всего в 1916 г. среди 131 члена КЕПС[908] было около 50 биологов, геологов, минералогов и почвоведов, которые одновременно состояли в ИПгОЕ,

[904] Заседание Отделения геологии и минералогии: 7 ноября 1915 года // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1916. Т. XLVII. № 2–3. С. 100–102.

[905] Общее собрание 22 ноября 1915 г. С. 102–103.

[906] Там же. С. 103.

[907] Отчет секретаря... за 1915 г. С. 5.

[908] Отчет о деятельности Императорской Академии наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1916 г., составленный Непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1916. г. Пг.: Тип. ИАН, 1916. С. 350–356. (Далее: Отчет ИАН 1916.)

внеся решающий вклад в эту структуру, созданную для научного обоснования мобилизации природных ресурсов в годы войны. К сожалению, в современной историографии эта роль общества на начальном этапе функционирования КЕПС не получила должного освещения.

Ботаники ИПгОЕ одними из первых стали на путь создания сети национальных журналов. В конце 1914 г. они инициировали проект учреждения общероссийского журнала по ботанике[909]. После оживленной дискуссии избрали Комиссию для «выработки типа нового журнала» в составе И. П. Бородина, Н. А. Буша, С. Л. Иванова, В. Л. Комарова, С. П. Костычева, А. А. Рихтера и В. А. Траншеля. 26 мая 1915 г. состоялось экстренное заседание Отделения ботаники под председательством И. П. Бородина. На нем было доложено об инициативе киевских ботаников Е. Ф. Вотчала, С. Г. Навашина и А. В. Фомина в создании Русского ботанического общества[910]. В ее пользу единогласно высказались все ботаники Общества, указав, что главной целью Русского ботанического общества является создание нового журнала, и поручив И. П. Бородину добиваться от МНП необходимых для этого субсидий. 28 октября 1915 г. для реализации этих проектов была создана Особая комиссия по подготовке съезда во главе с И. П. Бородиным[911]. В нее вошли также Н. А. Буш, Л. А. Иванов, В. Л. Комаров, С. П. Костычев, Г. А. Надсон, А. А. Рихтер, В. Н. Сукачёв. Комиссия разослала во все университеты, общества естествоиспытателей и любителей природы, в ботанические сады, музеи, селекционные станции и т. д. бланки для участия в созываемом съезде, а также разработала проект устава предлагаемого Русского ботанического общества (РБО) и предложения по учреждению «Журнала Русского ботанического общества» (ЖРБО).

Таким образом, Отделение ботаники ИПгОЕ не только сыграло решающую роль в реализации плана создания РБО, но, в конечном счете, предложило принципиально новую форму профессионального объединения ученых под эгидой ИАН[912]. Почетным председателем Ботанического съезда, состоявшегося в Петрограде 20–22 декабря 1915 г., был избран старейший член ИПгОЕ, общепризнанный лидер российских ботаников А. С. Фаминцын; председательствовал И. П. Бородин, Н. А. Буш был одним из секретарей съезда. Итоги съезда были подведены на годичном собрании Общества в декабре 1915 г. и на заседании Отделения ботаники в январе 1916 г.[913]

---

[909] Заседание Отделения ботаники. 8 декабря 1914 // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1915. Т. XLVI. № 2. С. 60–61.

[910] Экстренное заседание Отделения ботаники. 26 мая 1915 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1915. Т. XLVI. № 7–8. С. 253–254. См. также: Циркуляр Киевского общества естествоиспытателей // Журнал Русского ботанического общества при Императорской Академии наук. 1916. Т. 1. № 1–2. С. (13)–(16).

[911] Заседание Отделения ботаники. 28 октября 1915 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1915. XLVI. № 7–8. С. 255–256.

[912] Общее собрание 22 ноября 1915 г. С. 103.

[913] Годовое собрание 28 декабря 1915 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1916. Т. XLVII. № 1. С. 4; Заседание Отделения ботаники. 27 января 1916 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1916. Т. XLVII. № 2–3. С. 106.

В Уставе, принятом Ботаническим съездом и утвержденном МНП 3 марта 1916 г., первоочередная задача была обозначена так: «способствовать развитию в России всех отраслей ботаники»[914]. На годичном и чрезвычайном собрании РБО в Москве в декабре 1916 г. А. С. Фаминцын был избран пожизненным почетным президентом, а президентом — И. П. Бородин. Ему же было поручено возглавить редакцию «ЖРБО», редколлегия которого была полностью укомплектована членами ИПгОЕ (Н. А. Буш, В. Л. Комаров, С. П. Костычев, В. Н. Сукачёв). Тем самым российские ботаники выразили признание научному авторитету и научно-организационной деятельности ИПгОЕ, созвучной требованиям времени о мобилизации науки, совпадающей со стремлением ботаников к профессиональной автономизации и самоорганизации. Центральную роль петроградских ботаников в организации РБО с удовлетворением отмечал секретарь Ф. Е. Тур в отчетном докладе, зачитанном на годовом собрании 28 декабря 1915 г.[915] Отделение зоологии и физиологии также поддержало инициативу Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии об организации Русского зоологического общества им. А. О. Ковалевского и предложило провести предварительное совещание петроградских зоологов для обсуждения его целей и задач[916].

ИПгОЕ выступило также в поддержку ряда проектов ИАН по интеграции усилий геологов по мобилизации минеральных ресурсов. Один проект предусматривал созыв в Петрограде Всероссийского геологического съезда с целью создания Союза геологов, а другой — учреждение Фонда А. П. Карпинского[917]. На обоих проектах мы подробнее остановимся далее. Здесь же отметим, что в их выдвижении и реализации ИАН и ИПгОЕ действовали не просто совместно, а буквально в унисон, так как в инициативные группы и учреждаемые с этой целью Комиссии входили одни и те же лица — А. П. Карпинский, Н. И. Андрусов, В. И. Вернадский, выполнявшие одну и ту же работу, что обеспечивало слаженность принимаемых решений и действий.

По составу, авторитету и многоаспектности деятельности ИПгОЕ играло видную роль в интеграции усилий естествоиспытателей по мобилизации науки. Этому способствовало то, что с середины 1916 г., после внезапных смертей президента ИАН вел. кн. Константина Константиновича и вице-президента П. В. Никитина, во главе ИАН стали А. П. Карпинский и И. П. Бородин. В то же время становилось очевидным, что система ежегодных субсидий от правительственных учреждений губительна для долгосрочных проектов. Уже с 1916 г. началось резкое сокращение финансирования. На 1917 г. было выделено всего 3600 руб., а полученной в 1918 г. суммы в 44 тыс. руб.[918] из-за стремительной инфляции хватило лишь на пе-

[914] Цит. по: *Манойленко К. В.* Иван Парфеньевич Бородин. С. 180.

[915] Отчет секретаря... за 1915 г. С. 3–4.

[916] Заседание Отделения зоологии // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1916. Т. XLVII. № 2–3. С. 115.

[917] Заседание Отделения геологии и минералогии. 8 февраля 1917 г. // Труды ПгОЕ: Протоколы заседаний. 1917. Т. XLVIII. № 3–8. С. 22–24; Заседание Отделения геологии и минералогии. 15 апреля 1917 г. // Труды ПгОЕ: Протоколы заседаний. 1918. Т. XLIX. № 5–8. С. 82.

[918] *Захарова-Шмидт М. А.* История создания и некоторые аспекты деятельности С.-Петербургского общества естествоиспытателей. С. 35.

чатание всех 8 ежегодных номеров в двух выпусках каждого тома: т. 48 (№ 1–2, 3–8) и т. 49 (№ 1–4, 5–8). Первый том насчитывал всего 84 страницы, а второй — 10 страниц, т. е. приходилось по 10–15 страниц на номер. И, похоже, это было вызвано не только отсутствием денег на печатание. Научная жизнь практически замерла, к большому сожалению тех ученых, кто считал научные заседания общества исключительно важными для собственного становления. Например, будущий действительный член АН СССР Н. А. Максимов, будучи арестованным в 1932 г., вспоминая о ежемесячных собраниях Отделения ботаники ПгОЕ, подчеркивал: «Это свободное научное общение всех работников данной области, без различия чинов и положений, имело огромное значение, и заседания этого общества всегда ожидались с нетерпением и усердно посещались студентами-ботаниками. В военные годы О[бщест]во Ест[ествоиспытателей] стало замирать и так и не воскресло, несмотря на попытки его возродить. А жаль, его заседания были очень полезны для научной молодежи, да и не только для нее»[919].

В 1917–1918 гг. Общие собрания не проводились. В 1917 г. Отделение зоологии и физиологии провело четыре заседания, Отделения геологии и минералогии — два, Отделение ботаники — одно[920]. Всё чаще намеченные доклады срывались, а из прочитанных 19 докладов только три были представлены для публикации[921]. В 1918 г. четыре заседания провело только Отделение зоологии и физиологии, напечатав лишь выдержки из их протоколов. Их них видно, что из 16 запланированных докладов состоялось чуть больше половины — 9, так как остальные были сорваны из-за «неприбытия» докладчиков П. П. Перфильева, В. К. Хворостухина, Н. А. Холодковского и др.[922] Нередко докладчики заявляли, что «вспыхнувшая война и последующие события не дали <...> пока возможности довести работу до желаемого конца», выражая при этом уверенность, что при первой же возможности исследования будут продолжены[923].

8.3.3. Естественнонаучные общества на периферии

Еще сложнее приходилось естественнонаучным обществам на периферии, которые только в первые годы войны получали правительственные традиционные субсидии в размере 6500 руб. и иногда незначительные средства от местных земских и городских органов власти на конкретные проекты.

В качестве характерного примера судьбы периферийного естественнонаучного общества приведем Общество естествоиспытателей при Казанском университете (КОЕ) — одно из старейших научных обществ России, созданное 5 мая 1869 г., так же как и другие естественнонаучные общества при университетах, в соответствии

[919] «Тюремная автобиография» Николая Александровича Максимова. С. 82.

[920] Труды ПгОЕ: Протоколы заседаний. 1917. Т. XLVIII. № 1–2. С. 2–10; № 3–8. С. 21–26.

[921] Указатель к «Протоколам заседаний» Петроградского общества естествоиспытателей за 1917 год // Труды ПгОЕ: Протоколы заседаний. 1917. Т. XLVIII. № 3–8. С. 83–84.

[922] Труды ПгОЕ: Протоколы заседаний. 1918. Т. XLIX. № 1–4. С. 2; № 5–8. С. 82–85.

[923] *Павлов В.* К регенерации передних сегментов у *Diopatra neapolitana delle Ch* // Труды ПгОЕ: Протоколы заседаний. 1918. Т. XLIX. № 5–8. С. 88.

с постановлением 1-го Съезда естествоиспытателей в Санкт-Петербурге в 1867 г. У истоков этого общества, объединившего зоологов, ботаников, физиологов, антропологов, медиков, геологов, географов, химиков, математиков, физиков и др., стояли выдающиеся ученые (А. М. Бутлеров, Н. П. Вагнер, А. Я. Данилевский, В. В. Заленский, А. О. Ковалевский, А. А. Остроумов, С. И. Коржинский и многие другие)[924]. Участие в его работе преподавателей и профессоров медицинского факультета расширяло предметное поле его деятельности за пределы обозначенной в Уставе главной цели — «исследования в естественноисторическом отношении восточного края России и Сибири», но хорошо соответствовало двум другим поставленным перед ним задачам: разработке комплексных проблем, требующих трудов нескольких специалистов; пропаганде в обществе естественнонаучных сведений и привлечению «наибольшего количества лиц к естественноисторическим исследованиям». КОЕ тесно взаимодействовало с рядом медицинских обществ Казани: Обществом врачей при Казанском университете, Казанским отделением Русского общества здравоохранения, Казанским военно-санитарным обществом[925]. Это обусловило особое участие многих его членов в проектах по мобилизации медицины, ботаники, фармацевтики на военные цели.

КОЕ находилось далеко от театра боевых действий, и начало Первой мировой войны существенно не сказалось на его финансах, тематике исследований, изданиях, численности, составе и т. д. Как и прежде, главная цель его деятельности состояла в изучении природы на востоке Европейской части России, на Урале, в Поволжье и Западной Сибири, но отдельные исследования проводились также в Восточной Сибири, Крыму, Туркестане, на Черноморском побережье Кавказа[926].

Практически неизменной оставалась численность общества: 1 января 1915 г. было 22 почетных члена, 120 действительных членов и 39 сотрудников; на 1 января 1916 г. Общество состояло из 18 почетных членов, 134 действительных членов и 33 сотрудников[927]. Связи с различными учеными обществами и учреждениями России даже несколько расширились, и общее число русских корреспондентов достигло 207 чел. Однако количество иностранных корреспондентов, напротив, резко сократилось[928]. Обмен внутри России принимал новые формы. Так, 1 ноября 1915 г. на заседании Общества было рассмотрено и принято предложение МНП о посылке изданий КОЕ Варшавскому университету, потерявшему библиотеку при эвакуации[929].

---

[924] *Гаранин В. И.* Зоологи — члены Общества естествоиспытателей при Казанском университете (1869–1966) // Вестник Мордовского университета. 2007. № 4. С. 4–9; 2008. № 2. С. 13–16.

[925] *Абросимова М. Ю., Артемьева И. Ю., Поспелова Е. Ю.* История Казанских медицинских научных обществ и их роль в решении актуальных проблем медицины и здравоохранения // Казанский медицинский журнал. 2014. Т. 95. № 2. С. 151–157.

[926] Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1914 г. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1916. С. 203–207; Годичный отчет... за 1915 г. С. 233–237.

[927] Годичный отчет... за 1914 г. С. 208; Годичный отчет... за 1915 г. С. 239.

[928] Годичный отчет... за 1915 г. С. 239.

[929] *Кузнецова Л. О.* Документы о деятельности Общества естествоиспытателей при Казанском университете в Национальном архиве РТ. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/print/?id=2020&type=article. (дата обращения: 23.01.2017).

В 1915 г. еще регулярно выходили выпуски 47-го тома «Трудов» общества, но затем их издания возобновилось только в 1925 г. Вышли «Протоколы заседаний» за 1914 г. Протоколы за 1915–1916 гг. частично сохранились в рукописи, а далее есть только один протокол годичного заседания Общества за 17 октября 1927 г.[930]

Поступлений в бюджет общества в 1915 г. было на 738 руб. меньше, чем в 1914 г. Но это не было следствием войны, а объяснялось тем, что в 1915 г. не читались платные публичные лекции, пользовавшиеся успехом и принесшие в 1914 г. Обществу 2225 руб., которые были направлены на организацию в Казани Высших женских естественноисторических курсов[931].

Члены КОЕ демонстрировали большую активность и предлагали оригинальные пути мобилизации и интенсификации науки в первые годы войны. Так, в сентябре 1915 г. общество добилось 2 тыс. руб. субсидий от Казанского губернского земства на организацию Научно-кустарного музея, в котором должны были быть представлены научные приборы, препараты и оборудование отечественного производства для продвижения их в научные и учебные заведения. С инициативой создания такого музея выступил старший ассистент кафедры зоологии А. М. Завадский[932]. Инициатива была поддержана КОЕ ввиду невозможности закупать требуемое оборудование за рубежом. Под председательством вице-президента Общества, крупного ботаника и биохимика В. В. Лепешкина была создана комиссия, которой поручили выяснить, какие из предметов научного оборудования могут быть сделаны в России и что надо предпринять для организации их российского производства. С этой целью комиссия произвела анкетирование фабрично-заводских предприятий. Учитывая, что новое производство нельзя организовать без достаточного спроса со стороны потребителей, Комиссия одновременно провела анкетирование среди учреждений, в ведении которых находятся различные лаборатории и кабинеты. Целям пропаганды научных приборов и оборудования местного производства должен был служить задуманный музей.

Заручившись поддержкой губернского земства, Комиссия, не дожидаясь освобождения выделенного помещения в земском здании (бывшем доме З. Ушковой), приступила к составлению списка научных приборов, которые могли бы быть произведены кустарным способом в качестве будущих экспонатов. Вскоре задуманный музей был открыт в том же здании, где с 1910 г. существовал Центральный музей мелкой промышленности и профессионального образования Казанского губернского земства (Кустарный музей), состоявший из двух отделов — учебно-показательного и торгового[933]. В январе 1917. г. Общество естествоиспытателей вновь ходатайствовало перед губернским земством о выделении еще 2 тыс. руб. на содержание Музея-склада хирургических инструментов и приборов. 7 марта 1917 г. 97-е чрезвычайное Казанское губернское земское собрание постановило: выделить эту сумму с условием, чтобы музею было придано показательное

[930] Там же.

[931] Годичный отчет... за 1914 г. С. 207–209.

[932] Годичный отчет... за 1915 г. С. 239.

[933] *Сидорова И. Б.* Земство и музеи: Казанский опыт взаимосвязи и взаимодействия // Филология и культура. 2008. № 14. С. 11–17.

значение для местных кустарей. В 1918 г. начались бесконечные реорганизации музеев, и экспонаты Кустарного музея, скорее всего, попали в созданный в декабре 1918 г. Сельскохозяйственный музей и затем исчезли.

Более удачным оказался проект президента КОЕ профессора зоологии А. А. Остроумова об организации биологической станции, одобренный собранием Общества в 1915 г.[934] Уже в следующем году Гидробиологическая станция была основана вблизи устья реки Свияги. Станция проработала два года, а в 1918 г. прекратила на несколько лет свое существование, возродившись в середине 1920-х гг. уже как Зоологическая станция Казанского университета.

В 1915 г. под председательством антрополога М. М. Хомякова была создана специальная Комиссия для определения списка трав и кореньев, полезных для медицинских целей и могущих произрастать в Казанской губернии[935]. В составленный Комиссией список вошли ромашка, белена, дурман, горицвет и др.[936]

Важно подчеркнуть, что деятельность КОЕ была коррелирована с важными инициативами ряда медицинских обществ Казани, служившей одним из основных тыловых «перевалочных пунктов» для раненых, военнопленных и беженцев и поэтому быстро ощутившей катастрофическую нехватку лекарств, перевязочных материалов, медицинских приборов и инструментов. Казанские врачи, фармацевты, ботаники первыми охарактеризовали ситуацию как «лекарственный голод» и с 1914 г. выступили с рядом предложений, вошедших в резолюцию 1-го Всероссийского съезда по улучшению отечественных лечебных местностей, проведенного в столице в начале 1915 г.[937] По предложению профессора Н. Ф. Высоцкого медицинский факультет ИКУ 20 февраля 1915 г. создал Комиссию по вопросу о возможности приготовления медицинских приборов и инструментов в России. Комиссия собрала сведения о фабриках и заводах Казани, которые могут производить лекарства и медицинские инструменты. Изучался также вопрос о возможности изготовления в Волжско-Камском крае оборудования, необходимого для преподавания медицины и для биомедицинских исследований. 26 января 1916 г. медицинский факультет ИКУ выступил с инициативой созыва в Казани Всероссийского съезда для выработки плана борьбы с «лекарственным голодом» и мобилизации отечественной химико-фармацевтической промышленности. Этот проект получил поддержку Казанского ВПК и Санитарного отдела Центрального ВПК. Съезд состоялся 10–16 августа 1917 г., когда в стране уже нарастал хаос и угроза военного мятежа.

Таким образом, правильно выстроенная Казанским обществом естествоиспытателей стратегия, ориентированная на сотрудничество с губернским земством и городской управой, позволила его членам ставить реальные цели и достигать суще-

[934] Годичный отчет... за 1915 г. С. 238.

[935] Там же.

[936] *Кузнецова Л. О.* Документы о деятельности Общества естествоиспытателей.

[937] *Алексеев И. Е.* «Лекарственный голод» при «новом строе» (1-й Всероссийский съезд по борьбе с лекарственным голодом в Казани) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / Отв. ред. А. Б. Николаев. СПб.: ЭлекСис, 2014. С. 17–33. Расширенный вариант этой статьи: http://ruskline.ru/analitika/2014/11/22/lekarstvennyj_golod_pri_novom_stroe. (дата обращения: 29.08.2017).

ственных результатов в мобилизации науки. Но октябрьская революция 1917 г. разорвала десятилетиями складывавшиеся связи ученых с земством, а в августе–сентябре 1918 г. Казань стала ареной ожесточенных боев частей Красной армии и Народной армии Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (КОМУЧа). Подавляющее большинство профессорско-преподавательского корпуса было настроено против советской власти. 16 августа 1918 г. члены Совета Казанского университета почти единогласно приняли резолюцию в поддержку КОМУЧа, а после возвращения Красной армии примерно половина из них покинула город. К 15 октября 1918 г. в Казани осталось только 42 из 81 человека профессорско-преподавательского состава университета[938]. КОЕ также лишилось многих активных членов (А. М. Завадского, В. В. Лепешкина, Б. К. Поленова, М. М. Хомякова и др.).

8.3.4. Борьба за выживание естественнонаучных обществ Украины и Крыма

Немало невзгод выпало на долю естественнонаучных обществ на юге Российской империи, которые уже весной 1917 г. оказались отрезаны и от центральной власти, и от научных учреждений России. Это: Новороссийское общество естествоиспытателей (НОЕ), Крымский (Крымско-Кавказский) горный клуб (ККГК), Екатеринославское научное общество (ЕНО), Бессарабское общество естествоиспытателей и любителей природы (БОЕиЛП), Николаевское общество любителей природы (НОЛП), Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы (КрОЕиЛП), Киевское общество естествоиспытателей и др. Уже в первый год войны резко, порой в несколько раз, сократилась их численность в связи с мобилизацией многих членов. В 1914 г. ККГК из пяти своих территориальных отделений потерял два (Бакинское и Рижское)[939]. К 1916 г. практически все общества прекратили научно-экспедиционную деятельность[940], а деньги, заработанные от лекций, они обычно перечисляли на счет российских военнопленных в Германии.

События 1917 г. стали для многих обществ на Юге России настоящей катастрофой, от которой большинство из них уже не смогло оправиться. Одни прекратили свое существование (БОЕиЛП), другие (НОЛП, ЕНО, ККГК) резко снизили активность и численность, третьи (НОЕ, КрОЕиЛП) сохранились и даже освоили новые формы деятельности, но так и не достигли довоенного уровня, а «год великого перелома» (1929) оказался для них последним[941].

Это было связано с тем, что уже в 1917 г. они оказались изолированы от правительственных структур, лишились их финансовой поддержки, а после окончания Гражданской войны рассматривались властями как угроза проявления самостоятельности и национализма в условиях устанавливающегося жесткого

---

[938] *Литвин А. Л.* Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е — начало 1920-х годов: Материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 125–126.

[939] *Савчук В. С.* Естественнонаучные общества юга Российской империи. С. 45.

[940] Там же. С. 209.

[941] *Пилипчук О. Я.* Киевское общество естествоиспытателей: 1869–1919: Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М.: ИИЕТ, 1992.

административного контроля над учеными через управляемые бюрократические структуры в самой науке. Автономия, демократия, самоуправляемость и инициативность научных обществ автоматически ставили их вне рамок централизованно-планового управления наукой, а тем более идеологического надзора якобы в интересах пролетарского интернационализма.

Тем не менее в условиях всеобщего хаоса и развала последних лет Первой мировой войны и начавшейся уже в 1917 г. Гражданской войны именно эта форма организации научных сил оказалась устойчивой в ряде регионов России. Накопленный за десятилетия опыт научно-организационной, издательской и просветительской деятельности по зову сердца, а не по указанию свыше оказался полезным в условиях массового исхода ученых и студентов из Центральных губерний на Юг России, способствуя сбережению и умножению интеллектуального потенциала страны даже при сохранении минимальных контактов с зарубежными учеными. В условиях потери связи с научными обществами и учреждениями Центра первоначально задачу демократического объединения естествоиспытателей Юга Российской империи взяло на себя Новороссийское общество естествоиспытателей, инициировавшее во время установившегося уже в первой половине 1917 г. безвластия и анархии совместные усилия ученых и образованных слоев для сохранения единственного в Европе зоопарка с целинным участком степи в имении Аскания-Нова. Для этого НОЕ вместе с хозяином имения Ф. Э. Фальц-Фейном сначала добилось от местных властей временной охраны заповедника, а затем вместе с БОЕиЛП, ККГК и Южно-Русским энтомологическим обществом обратилось ко многим российским обществам испытателей природы, естественнонаучным учреждениям, МНП и МЗ с призывом встать на защиту природных памятников Юга России, в том числе заповедника «Аскания-Нова»[942]. Их призыв нашел широкую поддержку. Временное правительство для его охраны назначило комиссаром ботаника И. К. Пачоского, а в декабре 1917 г. его сменил известный путешественник П. К. Козлов. В итоге ни одна из властей, сменявших друг друга, как в калейдоскопе, не осмелилась проигнорировать требование общественности спасти и сохранить уникальный заповедник. Члены НОЕ нередко входили в другие общества, аккумулируя в какой-то степени научные и организационные усилия ученых разных специальностей и регионов[943].

Функцию объединения естественнонаучных сил Украины попыталось взять на себя Украинское научное общество[944], созвавшее 2–6 августа 1918 г. в Киеве 1-й Съезд естествоиспытателей Украины. Но съезд пришлось считать предварительным совещанием, так как из запланированных 250 делегатов прибыли только 26[945], представлявших 32 научных общества и учреждения, преимущественно

[942] Отчет о деятельности общества естествоиспытателей при Новороссийском университете за 1917 год // Записки НОЕ. 1948. Т. 42. С. 4–5.

[943] *Савчук В. С.* Естественнонаучные общества юга Российской империи. С. 210–211.

[944] *Щербань Т. О.* До історії діяльності Українського наукового товариства (1907–1921) // Архіви України. 1991. № 5–6. С. 34–38; *Савчук В. С.* Научные общества и культурная революция на Украине (1917–1931) // ВИЕТ. 1995. № 1. С. 81–91.

[945] *Оноприенко В. И.* Павел Аполлонович Тутковский. М.: Наука, 1987. С. 70–72; *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 241.

киевские. В Украинской державе П. П. Скоропадского, оккупированной немецкими и австро-венгерскими войсками и раздираемой Гражданской войной, подавляющее большинство крупных ученых из других регионов не смогли приехать. Главная цель съезда была отражена в названии доклада академика В. И. Вернадского: «Объединение и организация естествоиспытателей Украины», которым открылся съезд. Вернадский, проживавший в те годы на Украине, предлагал, несмотря на сложность политической обстановки, без промедлений не только приступить к объединению естествоиспытателей Украины, но и создать масштабный союз всех украинских научных обществ. В докладе харьковского ботаника В. И. Талиева «Значение земств, обществ естествоиспытателей и любителей природы в деле изучения природы Украины» подчеркивалась необходимость правительственной поддержки деятельности научных обществ и создания единого печатного органа, координирующего работу отдельных обществ. На съезде были рассмотрены и другие вопросы, важные для науки на Украине в условиях продолжающейся войны и оформления новой государственности: организация музейной работы, создание украинской научной терминологии, развитие сети украинских университетов и вузов, популяризация естественнонаучных знаний и т. п.[946]

Практически впервые были разработаны комплексные программы естественнонаучных исследований в Украине, а также организационные принципы объединения столь крупного региона бывшей Российской империи по национальному и территориальному признаку. Доказательством эффективности усилий ученых Украины по мобилизации науки стало учреждение 27 ноября 1918 г. правительством гетмана П. П. Скоропадского Украинской академии наук. Ее первым президентом стал В. И. Вернадский, под руководством которого с мая 1918 г. шла большая научно-организационная работа по разработке устава, структуры будущей академии, по созданию институтов, научно-исследовательских кафедр, комиссий, зоологического кабинета, библиотеки, по подбору первых членов новой академии (среди которых помимо самого В. И. Вернадского были и другие члены РАН — В. И. Палладин, Н. Ф. Сумцов). Стратегию своих действий в Киеве В. И. Вернадский точно выразил в письме к своему ученику А. Е. Ферсману от 8 февраля 1918 г.: «Надо употребить все силы, чтобы не прервалась и усилилась научная (и всякая культурная) работа в России...»[947] Он спокойно воспринимал новые формы государственного устройства и призывал вести исследовательскую и организационную работу, не обращая внимания на бушующую вокруг стихию разновекторных политических сил, амбиций и устремлений. Но в калейдоскопе событий и правительств многие якобы создаваемые научные структуры оставались на бумаге.

В условиях быстро менявшейся политической обстановки и раскола страны на противоборствующие лагеря организационная практика научной общественности неизбежно приобретала региональный характер, и реализация планов ученых зависела от местных властей максимум в рамках прежних губерний, а то и городов

[946] *Савчук В. С.* Научные общества и культурная революция на Украине. С. 84.

[947] Александр Евгеньевич Ферсман. Жизнь и деятельность: 1883–1945 / Ред.-сост. Я. Б. Коган. М.: Наука, 1965. С. 419.

и уездов. А они, как правило, не готовы были субсидировать научные исследования, не сулящие быстрого экономического или политического эффекта в условиях ожесточенной Гражданской войны всех против всех, всеобщего хаоса и разрухи. Так, безрезультатно окончились попытки НОЕ получить в 1917–1918 гг. субсидии от властей на ежегодные расходы и палеонтологические раскопки, несмотря на ходатайства В. И. Вернадского и Г. И. Танфильева[948].

В этом отношении уникальный пример превращения научных обществ в центры мобилизации и реорганизации науки демонстрировали объединения ученых в Крыму. По свидетельству В. И. Вернадского, научная жизнь в Крыму в 1917–1921 гг. не прерывалась, а временами приобретала даже необычайную интенсивность[949]. Это также было связано с мощным приливом людей интеллектуальных занятий, в том числе и видных ученых, переселившихся с севера в Крым, несмотря на многочисленную смену властей. В значительной степени благодаря авторитетным «мигрантам» из Петрограда, Москвы, Киева ранее существовавшие научные структуры Крыма, включая Никитский ботанический сад, Салгирскую областную плодоводческую опытную станцию, Севастопольскую и Карадагскую биологические станции, Обсерваторию в Симеизе, музеи Керчи, Феодосии, Севастополя, Ялты — не только сохранились, но продолжали исследовательскую и издательскую деятельность до конца 1920-х гг. вопреки перебоям в финансировании, реквизициям, грабежам и погромам.

Важную роль в научно-организационной деятельности в Крыму играли члены КрОЕиЛП и Ялтинского отделения ККГК, которые пользовались поддержкой главы Таврического губернского земства, ученого-агронома и филантропа С. С. Крыма — депутата Государственной думы, назначенного по указу Временного правительства в мае 1917 г. Комиссаром по управлению сельскохозяйственными предприятиями бывшего удельного ведомства (в том числе и в Крыму)[950]. 26 мая 1917 г. в докладе Чрезвычайному губернскому земскому собранию он предложил проект Комитета объединенных научных обществ и учреждений Крыма, который должен был выработать пути и формы совместной деятельности научных обществ[951]. Так была создана Таврическая научная ассоциация, уже в 1918 г. объединившая более 30 научных учреждений и обществ в пределах целой губернии. Ассоциацию сначала возглавил президент КрОЕиЛП энтомолог С. А. Мокржецкий, а затем ботанико-географ Н. И. Кузнецов. В течение трех с половиной лет Ассоциация провела 7 съездов, последний из них состоялся буквально за неделю до эвакуации Белой армии из Крыма в ноябре 1920 г. Ассоциация занималась организацией помощи ученым Крыма, заботилась о сохранении и умножении научного наследия,

---

[948] *Савчук В. С.* Естественнонаучные общества юга Российской империи. С. 214–215.

[949] *Вернадский В. И.* О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг. // Наука и ее работники. 1921. № 4. С. 3–12.

[950] *Кизилов М. Б.* Караим Соломон Крым: жизнь и судьба // Историческое наследие Крыма. 2005. № 10. С. 86–96.

[951] *Непомнящий А. А., Синичкин А. В.* Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы и развитие исторического краеведения Крыма // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 210–216.

занималась трансформацией и созданием высших курсов, музеев, научных учреждений, биологических станций, заповедников. Так, в 1918 г. под Алуштой был организован первый в Крыму заповедник на территории созданного в 1913 г. Заказника императорских охот.

Летом 1920 г. при КрОЕиЛП была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил Крыма под председательством В. И. Вернадского, в которую вошли представители Таврического университета и Таврической научной ассоциации. Ее деятельность финансировалась кооперативами и властями Крыма, надеявшимися, что инвентаризация и мобилизация наличных природных ресурсов полуострова поможет правительству Юга России, возглавляемому А. В. Кривошеиным, и главнокомандующему Вооруженными силами Юга России генералу П. Н. Врангелю удержать власть в Крыму. Благодаря огромному опыту В. И. Вернадского новая Комиссия в короткий срок создала объемный труд о природных ресурсах Крыма, его органическом мире и минеральных ископаемых, представлявший, по оценке современников, подлинную энциклопедию Крыма. Комиссия планировала открыть в Севастополе институт для изучения свойств строительных минералов, создать общество для изучения Евпаторийского края. Приступила она и к созданию Крымского отделения Украинского научного общества.

Активно действовали и другие научные организации. Ялтинское отделение ККГК добилось в эти годы преобразования своего музея в самостоятельное научное учреждение с двумя отделениями: естественноисторическим и крымоведческим[952]. Его сотрудники вели геологическую съемку окрестностей Ялты, изучали геологию кряжа Таврических гор, стоянки первобытного человека в Крыму, памятники неолита и т. д. В Керчи был открыт Боспорский университет, существовавший на средства кооперативов и города и занимавшийся изучением археологии и истории искусств. Юридический университет был открыт в Севастополе. Во многих городах Крыма функционировали высшие курсы для повышения образовательного уровня всех желающих. Профессора В. М. Гордон, Б. Д. Греков, Б. В. Попов, А. А. Раевский, С. Е. Сабинин, И. П. Четвериков в Симферополе организовали кружок лекторов. С этой же целью предполагалось также открыть высшие общеобразовательные курсы, издавать брошюры, оказывать юридическую помощь населению. В Ялтинском народном университете ставилась задача организовывать краеведческие экскурсии.

Естественнонаучные общества Украины и Крыма сыграли огромную роль в организации и открытии в Ливадии 11 мая 1918 г. Таврического университета как филиала Киевского университета во главе с крупным математиком Д. А. Граве. В июле 1918 г. председателем и членом Попечительского совета был назначен С. С. Крым, который еще в 1916 г. разработал законопроект о его учреждении, поддержанный примерно 30 членами Государственного совета, включая В. И. Вернадского. Во время немецкой оккупации университет перевели в Симферополь, где 14 октября 1918 г. состоялось его торжественное открытие. Затем власть в Симферополе менялась несколько раз. Тем не менее университет, учрежденный губернским

[952] Ялтинский естественно-исторический музей // Наука и ее работники. 1922. № 3. С. 38–39.

земством, не только выжил, но год спустя правительство А. И. Деникина признало его первым государственным университетом, учрежденным в России после февраля 1917 г. Его профессорско-преподавательскому корпусу позавидовал бы любой знаменитый университет мира. Здесь работали светила мировой науки: математики Н. С. Кошляков, Н. М. Крылов, В. И. Смирнов, М. А. Тихомандритский; биологи Е. В. Вульф, А. Г. Гурвич, Н. И. Кузнецов, С. И. Метальников, В. И. Палладин, П. П. Сушкин; геологи Н. И. Андрусов, В. А. Обручев, Д. И. Щербаков; физики А. Ф. Иоффе, И. Е. Тамм, Я. И. Френкель; историк Г. В. Вернадский; философ, богослов и экономист С. Н. Булгаков; философ-экзистенциалист Л. И. Шестов; юрист-правовед П. И. Новгородцев и др. С сентября 1920 по февраль 1921 г. ректором университета был В. И. Вернадский.

Таким образом, многие естественнонаучные общества Крыма показали огромный мобилизационный потенциал добровольных объединений ученых на демократических началах в условиях распада центральной власти и отсутствия устойчивого управления на местах. Являясь организационно притягательными центрами для ученых и студенчества и будучи тесно связаны с земскими органами управления, предпринимателями, купцами, военными, общества в лице их руководителей небезуспешно решали вопросы финансирования и безопасности в самых, казалось бы, неблагоприятных условиях. Важно, что им удавалось привлечь на свою сторону региональные власти. На примере их деятельности в губерниях, охваченных Гражданской войной, отчетливо видна их роль в сохранении и мобилизации интеллектуального богатства страны. Именно общества Юга России и Украины создавали необходимые условия для дальнейшей интеллектуальной деятельности, выступая интегрирующим и мобилизационным ядром науки, умело используя меняющиеся власти для выполнения научных планов и повышения образования населения. Успех их деятельности во многом заключается в том, что они старались сотрудничать со всеми властями, оставляя за пределами диалога идеолого-политические и этические разногласия с ними.

Тем не менее относительная самостоятельность естественнонаучных обществ, особенно внеуниверситетских, как показал дальнейший ход событий, продолжала нести определенную опасность их существованию в условиях отсутствия сложившегося гражданского общества. Из создавшегося тупика было два пути. Первый из них состоял в том, чтобы, укрепляя свою автономность и независимость, искать надежные источники финансирования вне правительственных структур или продолжать диалог с ними о формах взаимодействия с постоянной угрозой жесткой конфронтации. Второй предполагал поиск своего места в структуре организуемой властью науки.

8.4. Академия наук и общероссийские естественнонаучные общества

Одна часть ученых, прежде всего биологи, пыталась упрочить патерналистские отношения с властью и шла по пути организации российских обществ при ИАН, стремясь тем самым доказать свою лояльность, законопослушность и готовность включиться в систему МНП. Кроме того, это была оптимальная форма самоорга-

низации ученых, стремящихся к академической карьере, что совпадало с целями создания национальной науки, обозначенными Н. К. Кольцовым и М. И. Ростовцевым[953]. Вот почему многие видные естествоиспытатели ИАН активно включились в организацию объединений, охватывающих ученых той или иной отрасли знаний уже в масштабах всей страны. Поскольку инициатива шла снизу, то были опробованы разные модели взаимодействия новых объединений с ИАН, в том числе попытка их создания при ИАН. Соответствующее решение на этот счет было принято ОС 28 ноября 1915 г.[954]

8.4.1. Русское ботаническое общество

Как было показано выше, начало созданию всероссийских обществ при ИАН положили ботаники[955]. С инициативой проведения учредительного съезда Русского ботанического общества (РБО) в Петрограде выступили профессора Императорского университета св. Владимира в Киеве и Киевского политехнического института С. Г. Навашин, А. В. Фомин и Е. Ф. Вотчал, поддержанные академиками А. С. Фаминцыным и И. П. Бородиным[956]. С согласия ОС ИАН от 2 мая 1915 г. Ботанический музей ИАН разослал подготовленную Киевским обществом естествоиспытателей анкету о целесообразности созыва учредительного съезда и получил 78 «сочувственных заявлений» из 87[957]. Отделение ботаники ИПгОЕ избрало Комиссию во главе с И. П. Бородиным, которая разработала проект Устава и положение о журнале. Первоначально планировалось созвать съезд 28–29 мая 1915 г., но в конечном счете он состоялся 20–21 декабря 1915 г.[958]

На первом заседании присутствовали 26 чел. (И. П. Бородин, Н. А. Буш, В. К. Варлих, Х. Я. Гоби, Л. А. Иванов, Б. Л. Исаченко, В. Л. Комаров, С. П. Костычев, В. Н. Любименко, Н. А. Наумов, Г. А. Надсон, Р. Э. Регель, А. А. Рихтер, В. Н. Сукачёв и др.)[959]. Общий список участников съезда насчитывал 37 чел.[960] Помимо крупнейших ботаников Петрограда в нем участвовали авторитетные представители ботанических и сельскохозяйственных учреждений Москвы (Д. Н. Прянишников, С. И. Ростовцев), Батуми (А. Г. Генкель), Варшавы (В. Ф. Хмелевский), Воронежа (Б. А. Келлер), Киева (Е. Ф. Вотчал, А. В. Фомин), Новой Александрии (Н. В. Цингер), Риги (Ф. В. Бухгольц), Казани (В. В. Лепёшкин), Томска

[953] *Кольцов Н. К.* Национальная организация науки. Стб 1017; *Ростовцев М. И.* Международное научное общение. С. 80.

[954] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 163. § 231.

[955] *Саксонов С. В., Сенатор С. А.* Русское ботаническое общество. Истоки (1915–1921). Тольятти: Кассандра, 2016.

[956] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 76. § 90.

[957] Протоколы заседаний съезда представителей русских ботанических учреждений, созванного при Императорской Академии наук 20–21 декабря 1915 г. // Журнал Русского ботанического общества при Императорской Академии наук. 1916. Т. 1. № 1–2. С. (8).

[958] Там же. С. (7)–(11).

[959] Там же. С. (7).

[960] Список членов Съезда представителей русских ботанических учреждений 20–21 декабря 1915 в Петрограде // Там же. С. (12)–(13).

(В. В. Сапожников), Харькова (В. И. Талиев), Новороссийска (Б. Б. Гриневицкий), Новочеркасска (В. М. Арциховский), Тбилиси (П. И. Мищенко). По разным причинам не смогли приехать В. М. Арнольди из Харькова, М. И. Голенкин и Л. И. Курсанов из Москвы, В. К. Залесский из Харькова, В. В. Маркович из Сухуми, Н. П. Попов из Юрьева.

Съезд открыл И. П. Бородин как официальный представитель ИАН[961]. По его предложению, почетным председателем был избран А. С. Фаминцын. Затем, с подачи профессора Петроградского университета Х. Я. Гоби, председателем съезда был избран И. П. Бородин, секретарями Н. А. Буш и В. Н. Сукачёв. По предложению Бородина, было решено послать приветственную телеграмму инициатору съезда С. Г. Навашину. На первом же заседании был утвержден устав[962]. Возникла лишь дискуссия по поводу названия. Некоторые участники предлагали назвать общество всероссийским[963]. При этом временному бюро было указано внести в отдельные пункты устава изменения по требованию ИАН и МНП[964]. Подобная готовность к компромиссу дала плоды. И. П. Бородин был избран председателем Временного бюро Общества, которое обратилось к ИАН с просьбой принять его под свой патронаж и разрешить отразить это в Уставе. Это предложение было принято Общим собранием ИАН 9 января 1916 г.[965] 6 февраля 1916 г. ОС ИАН утвердило устав Русского ботанического общества[966], направив его на регистрацию в МНП. 3 марта 1916 г. устав был утвержден П. Н. Игнатьевым[967].

Как правило, все участники съезда имели опыт организационной работы в других научных обществах, где были секции и комиссии по изучению и практическому использованию растительности (ВЭО, Императорское российское общество садоводов, Русское географическое общество, Лесное общество и другие многочисленные естественнонаучные, медицинские и сельскохозяйственные общества), и понимали, как важно объединиться под эгидой ИАН с целью содействия развитию в России всех отраслей ботаники, распространению ботанических знаний и исследованию флоры и растительности России. Для осуществления этих целей Общество планировало большую научно-организационную и издательскую деятельность: снаряжать и поддерживать экспедиции и экскурсии; устраивать ботанические станции, лаборатории, музеи, библиотеки; выпускать периодические и разовые издания; оказывать помощь отдельным ученым; проводить конкурсы и учреждать медали, премии и т. д.[968] На съезде было решено издавать «Журнал

[961] Протоколы заседаний съезда представителей русских ботанических учреждений, созванного при Императорской Академии наук 20–21 декабря 1915 г. // Там же. С. (7).

[962] Там же. С. (8); Устав Русского Ботанического общества // Журнал Русского ботанического общества при Императорской Академии наук. 1916. Т. 1. № 1–2. С. (1)–(6).

[963] Протоколы заседаний съезда представителей русских ботанических учреждений. С. (8).

[964] Там же. С. (9).

[965] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 6. § 18.

[966] Там же. С. 33. § 42.

[967] Устав Русского ботанического общества. С. (6).

[968] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 15–16. Приложение III (к § 18).

Русского ботанического общества» под редакцией И. П. Бородина. На его издание удалось получить от МНП 3 тыс. руб. субсидий. 10 декабря 1916 г. вышел в свет первый сдвоенный номер журнала.

На состоявшемся 16–19 декабря 1916 г. годичном собрании нового общества его председателем был избран И. П. Бородин, а почетным председателем А. С. Фаминцын[969]. Была реализована и большая научная программа, в рамках которой с докладами выступили И. П. Бородин, Н. А. Буш, Н. И. Вавилов, А. Г. Генкель, Б. А. Келлер, В. Н. Любименко, Д. Н. Прянишников, М. С. Цвет и др. Тогда же было положено начало формированию постоянных комиссий РБО: Постоянной флористической комиссии во главе с систематиком, флористом и биогеографом Н. А. Бушем, работавшим в Ботаническом музее ИАН, и Комиссии по стационарному изучению растительности России во главе с геоботаником и лесоводом В. Н. Сукачёвым — профессором Лесного института и младшим ботаником Ботанического музея ИАН. Ввиду научной и государственной важности ботанико-географических исследований территорий, занятых русскими войсками в Персии и на Кавказе, съезд согласился с мнением тифлисских ботаников о необходимости учреждения специального органа для изучения флоры Кавказа и сопредельных стран — Кавказской подкомиссии при Постоянной флористической комисии[970]. Тогда же по инициативе Л. М. Кречетовича было принято решение учредить Постоянную комиссию по собиранию материала для истории ботаники в России[971]. Три года спустя к ним добавилась Микологическая секция, созданная по инициативе А. А. Ячевского, возглавлявшего Отдел микологии и фитопатологии при Сельскохозяйственном ученом комитете (СХУК) Наркомзема РСФСР, и миколога В. А. Траншеля — ученого-хранителя Ботанического музея ИАН. Несмотря на крайне неблагоприятную остановку, РБО успешно развивалось. Менее чем за год вышло восемь номеров журнала. К октябрю 1917 г. в нем состояли уже более 300 чел., работавших не только во всех университетских городах России, но и в ботанических и сельскохозяйственных учреждениях по всей России (это города Батуми, Воронеж, Новочеркасск, Ново-Александрия, Саратов, Ташкент, Тифлис, Ялта и др.)[972]. Уже к концу 1916 г. были созданы региональные центры, включающие не менее 5 членов общества: Москва (более 70), Киев (25), Харьков (16), Тифлис (11), Новочеркасск (6), Одесса (6), Томск (5)[973]. Вскоре во многих из них начали создаваться

[969] Хроника // Журнал Русского ботанического общества при Императорской Академии наук. 1916. Т. 1. № 3–4. С. 231. Характерны были альтернативные кандидатуры. Так, в почетные председатели баллотировался К. А. Тимирязев, а на пост президента — С. Г. Навашин. Но оба они получили по одному голосу. См.: Годичное собрание в Москве Русского ботанического общества в 1916 г. // Журнал Русского ботанического общества при Императорской Академии наук. 1916. Т. 1. № 3–4. С. (25).

[970] Там же. С. (27), (29)–(30).

[971] Там же. С. (27).

[972] *Котлов Ю. В., Федотова А. А.* Русское ботаническое общество // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 419.

[973] Годичное собрание в Москве Русского ботанического общества в 1916 г. // Журнал Русского ботанического общества при Императорской Академии наук. 1916. Т. 1. № 3–4. С. (26).

отделения РБО, а порой и собственные ботанические общества, которые позднее вошли в состав РБО, как, например, Юго-Восточное ботаническое общество, созданное в октябре 1917 г. в Саратове растениеводом и генетиком Н. И. Вавиловым, анатомом и морфологом растений В. Р. Заленским и геоботаником Д. Э. Янишевским. Об успехах РБО в мобилизации науки свидетельствует проведенный им в сентябре 1921 г. 1-й Всероссийский съезд ботаники, на котором было заслушано 115 докладов, в том числе В. Л. Комарова об энергетической функции в прогрессивной эволюции растительного покрова и Б. М. Козо-Полянского о гипотезе симбиогенеза, которые фактически предсказали формирование будущих фундаментальных разделов эволюционной теории, связанных с изучением эволюции биосферы и симбиогенеза как важнейшего пути мегаэволюции. Уже на следующем съезде количество участников и докладов увеличилось почти в 4 раза.

8.4.2. Русское физиологическое общество

Создание общества, объединяющего всех физиологов России, и общероссийского физиологического журнала проходило не столь быстро и гладко, хотя многие члены РАН активно в нем участвовали[974]. Правда, вопрос об организации в России самостоятельного Физиологического общества и созыва для этого специального съезда физиологов, как и в случае с ботаниками, впервые был поставлен не членами ИАН. Инициаторами на этот раз, в апреле 1910 г. на XI Съезде русских врачей в память Н. И. Пирогова, выступили директор Женского медицинского института биохимик С. С. Салазкин и профессор этого же института физиолог В. И. Вартанов. Для реализации этой цели была создана Комиссия во главе с С. С. Салазкиным, который вскоре был снят с должности за поддержку студенческого движения и выслан из столицы, а Комиссия фактически так и не приступила к работе[975]. На XII Съезде русских врачей, проходившем в мае–июне 1913 г., биологическая группа подтвердила решение созвать съезд русских физиологов, посвященный памяти И. М. Сеченова, и поручила В. И. Вартанову и фармакологу и токсикологу А. А. Лихачёву собрать осенью 1913 г. физиологов Санкт-Петербурга для обсуждения конкретных шагов в этом направлении.

Встреча состоялась, однако, лишь спустя полтора года, в ноябре 1914 г. Председательствовал на ней видный ученый-эпидемиолог, крупный организатор науки

[974] *Дионесов С. В.* К истории организации Общества российских физиологов им. И. М. Сеченова // Физиологический журнал СССР. 1950. Т. 36. № 2. С. 249–256; *Ноздрачев А. Д., Поляков Е. Л.* Двадцать российских и всесоюзных физиологических съездов в хронологии их проведения // Успехи физиологических наук. 2010. Т. 41. № 2. С. 90–95; *Ноздрачев А. Д., Поляков Е. Л., Вовенко Е. П., Есауленко И. Э.* Столетний юбилей Физиологического общества имени И. П. Павлова Российской академии наук. М.: Научная книга. 2017; *Островский М. А.* Настало время думать «физиологически» К 100-летию Физиологического общества имени И. П. Павлова // Вестник РАН. 2017. Т. 87. № 2. С. 158–165.

[975] *Агаджян Н. А., Голиков Ю. П., Грекова Т. И., Костюк П. Г., Ланге К. А., Логинов Б. В., Макаров В. А., Светайло Э. Н., Соколова Л. В., Фарбер Д. А., Хрипкова А. Г., Чеснокова С. А., Ярошевский М. Г.* Физиологические науки в СССР. Становление, развитие, перспективы. Л.: Наука, 1988. С. 100–112.

и государственный деятель С. М. Лукьянов, уволенный к тому времени с должности обер-прокурора Святейшего Синода из-за резко отрицательного отношения к Г. Е. Распутину, но «согласно прошению» и с «оставлением членом Государственного совета и сенатором», сохранив тем самым большое влияние в правительственных структурах и в научном сообществе, так как он никогда не прекращал исследовательскую, преподавательскую и научно-организационную деятельность в качестве профессора Императорского училища правоведения и председателя Попечительского совета Еленинского Клинического института[976]. На встрече был представлен почти весь цвет столичных физиологов, биохимиков и фармакологов, включая академиков и членов-корреспондентов РАН, в том числе и будущих, И. П. Павлова, В. И. Палладина, Л. А. Орбели, А. А. Ухтомского, Н. Е. Введенского и Н. П. Кравкова. Видимо, не случайно отсутствовал известный нейрофизиолог, невропатолог и психиатр В. М. Бехтерев — организатор и директор Психоневрологического института, академик ИВМА. Собравшиеся обсудили представленные В. И. Вартановым и А. А. Лихачевым материалы, которые затем разослали ведущим физиологам и биологам с целью получить и учесть замечания. Но работа шла не споро, возможно, из-за общей обстановки того времени, когда многие физиологи привлекались для решения проблем военной медицины, а самому С. М. Лукьянову именным приказом было предписано состоять при Верховном начальнике санитарной и эвакуационной части А. П. Ольденбургском «с возложением заведования делами по улучшению отечественных лечебных местностей»[977].

Наконец, практически одновременно с образованием РБО, 6 января 1916 г. в Петрограде под председательством И. П. Павлова состоялось собрание физиологов, избравшее комиссию в составе И. П. Павлова, В. И. Вартанова, Н. Е. Введенского, А. А. Лихачева для редакции проекта устава Русского физиологического общества (РФО), который 8 марта был подан на утверждение министру внутренних дел с просьбой о выделении средств на него и на издание журнала, который предполагали печатать не только на русском, но также на французском и английском языках. 1 июня 1916 г. МВД послало требуемые документы в МНП, которому в свою очередь потребовалось еще четыре месяца, чтобы представить вопрос «Об учреждении Общества российских физиологов имени И. М. Сеченова» на рассмотрение Совета министров. В историко-научной среде бытует мнение, что столь медленное прохождение документов связано с тем, что учредители намеревались назвать РФО именем И. М. Сеченова, известного своими материалистическими воззрениями. Однако вряд ли оно справедливо. Напротив, в представлении МНП подчеркивалось патриотическое звучание предложения об увековечении памяти «знаменитого основателя русской экспериментальной физиологии», выдвинутого группой ученых во главе с И. П. Павловым и поддержанного представителями всех высших медицинских школ империи. По мнению МНП, учреждение РФО позволит использовать имеющиеся благоприятные условия «для развития в России

[976] *Голиков Ю. П.* Лукьянов Сергей Михайлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 286.

[977] *Анненкова Э. А., Голиков Ю. П.* Принцы Ольденбургские в Петербурге. СПб.: Росток, 2004. С. 420.

физиологии как важнейшей при современном состоянии знаний биологической науки и вместе с тем одного из главных оснований теоретической медицины»[978]. 4 ноября 1916 г. Совет министров рассмотрел представление МНП и уполномочил министра народного просвещения П. Н. Игнатьева утвердить проект устава, что было сделано 16 ноября 1916 г., т. е. через восемь месяцев после начала хождения прошения и устава по бюрократическим коридорам власти. Далее последовала долгая переписка с МВД о дате проведения съезда, который в условиях военного времени должен был проходить в соответствии с Временными правилами о собраниях, с предоставлением градоначальнику тезисов на просмотр.

В итоге первый съезд РФО состоялся 6–9 апреля 1917 г., после Февральской революции, когда были сняты все ограничения МВД. Из-за болезни И. П. Павлов не смог присутствовать на съезде и обратился к нему с письмом, в котором подчеркивал важную роль будущего Общества в мобилизации биомедицинского знания уже не для победы над врагом, а для процветания самой науки в новой свободной России и для признания ее достижений зарубежными коллегами[979]. «Рассыпанные и разъединенные, мы собираемся и соединяемся ныне в общество, у которого будут общие интересы и общая задача — держать отечественную физиологию на возможном для нас высоком уровне»[980]. По его мнению, «новое общение в виде регулярных докладов со всей родины, обмена мыслей, демонстрирования опытов и приборов и целых <...> физиологических хозяйств, лабораторий и отсюда возникающие взаимное возбуждение и взаимная помощь не могут не усилить нашей обычной работы. Этому нашему частному подъему должно прибавить многое и теперешнее исключительное состояние России»[981].

Съезд решил временно сохранить Устав, утвержденный, по словам И. П. Павлова, в «мрачные и гнетущие времена», и с небольшими изменениями принял положение о «Русском физиологическом журнале им. И. М. Сеченова», на издание которого еще прежнее МВД выделило 10 тыс. руб. Председателем Совета РФО был избран И. П. Павлов, а секретарями Л. А. Орбели и И. С. Цитович. Помимо петроградских ученых (В. И. Вартанова, Н. Е. Введенского, Н. В. Весёлкина, П. А. Глаголева, В. Г. Коренчевского, Н. П. Кравкова, А. А. Лихачева, В. В. Савича, Б. И. Словцева) кандидатами в члены правления были избраны представители Москвы (В. С. Гулевич, А. В. Леонтович, М. Н. Шатерников), Казани (Д. В. Полумордвинов, А. Ф. Самойлов), Киева (В. Ю. Чаговец), Одессы (Б. П. Бабкин, Я. И. Менделеев), Харькова (В. И. Палладин), Томска (П. П. Авроров, А. А. Кулябко).

И. П. Павлов стал также почетным редактором учрежденного «Русского физиологического журнала им. И. М. Сеченова», его ответственным редактором был на-

---

[978] Цит. по: *Ноздрачев А.Д. и др.* Столетний юбилей Физиологического общества имени И. П. Павлова Российской академии наук. С. 17.

[979] *Павлов И.П.* Приветственное письмо председателя Организационного комитета I Съезда физиологов им. И. М. Сеченова при открытии съезда 6 апреля 1917 г. // Павлов И. П. Избранные труды / Общ. ред. Ю. В. Наточин, М. А. Пальцев, А. М. Сточик. М.: Медицина, 1999. С. 36–37.

[980] Там же. С. 36.

[981] Там же.

значен биохимик Б. И. Словцев, а членами редколлегии — А. А. Лихачев и Л. А. Орбели. В качестве соредакторов из других городов были избраны члены правления Б. П. Бабкин, В. Я. Данилевский, А. А. Кулябко, В. Ю. Чаговец, М. Н. Шатерников, а также Д. М. Лавров (Юрьев), Н. А. Миславский (Казань), И. А. Чуевский (Саратов). В первом номере журнала были опубликованы полностью или в виде тезисов почти все доклады и сообщения, прозвучавшие на съезде. Из-за финансовых трудностей только часть тиража этого номера вышла в 1917 г., а другая часть появилась позже и датирована 1918 г. За три года удалось выпустить всего три сдвоенных номера. Физиологи не сумели сохранить обретенное единство в условиях разгоревшейся Гражданской войны, голода, холода, разрухи, а также непростых отношений между лидерами различных школ. Избранное правление вскоре перестало существовать, и в 1918–1926 гг. вместо РФО формировались региональные сообщества физиологов, как, например, регулярные Петроградские физиологические беседы в бывшей столице в 1920-х гг., которые проходили в ПгУ, в ИВМА, в ИЭМ, в Петроградском научном институте им. П. Ф. Лесгафта[982]. В конечном счете эти беседы подготовили такое объединение физиологов — сначала в Петрограде, а затем и в масштабах всей страны, — как Всесоюзная ассоциация физиологов им. И. М. Сеченова при Наркомздраве, которое в 1932 г. было передано АН СССР под названием «Всесоюзное общество физиологов, биохимиков и фармакологов».

8.4.3. Русское палеонтологическое общество

Торжественное публичное открытие Русского палеонтологического общества (РПО) состоялось 22 апреля 1916 г. в помещении Императорского минералогического общества в Горном институте императрицы Екатерины II. Идея его создания давно вынашивалась российскими палеонтологами, но ее реализация непосредственно обусловлена Первой мировой войной, потребовавшей ускоренной институционализации отечественной науки. Главная цель РПО заключалась в содействии развитию палеонтологических исследований на территории России[983]. Инициатором выступил петроградский палеонтолог и палеоботаник М. Д. Залесский, работавший в Геологическом комитете вместе с первым председателем Совета РПО палеозоологом Н. Н. Яковлевым. Оба стали членами-корреспондентами РАН. Среди учредителей РПО (51 человек) помимо палеонтологов были геологи, зоологи, ботаники (Н. И. Андрусов, В. П. Амалицкий, А. А. Борисяк, А. Н. Криштофович, М. А. Мензбир, А. П. Павлов, М. В. Павлова, А. Н. Рябинин, Д. Н. Соболев, В. Н. Сукачёв, П. П. Сушкин, Н. Н. Яковлев, М. Э. Янишевский и др.). Почти все они были или впоследствии стали академиками или членами-корреспондентами

[982] *Уфлянд Ю. М., Ланге К. А.* Очерк развития физиологической науки в СССР. По материалам съездов Всесоюзного физиологического общества им. И. П. Павлова. Л.: Наука, 1978. С. 11–12.

[983] *Жамойда А. И., Рожнов С. В., Алексеев А. С., Розанов А. Ю., Суяркова А. А.* Столетие Палеонтологического общества России. Исторический очерк // ИБИ. 2016. Т. 8. № 2. С. 83–107; *Синельникова Е. Ф.* Русское палеонтологическое общество и власть в 1916–1920-е гг. // ИБИ. 2017. Т. 9. № 1. С. 7–28.

РАН. Исполняющим обязанности вице-президента ИАН был первый почетный член РПО, знаменитый геолог А. П. Карпинский.

Больше половины учредителей общества (26 человек) работали в различных учреждениях Петрограда, остальные в Москве, Харькове, Одессе, Нижнем Новгороде и Ростове-на-Дону. РПО учредило «Ежегодник РПО» (1917), редакторами которого стали А. А. Борисяк и М. Д. Залесский. Но путь РПО в Академию наук растянулся на несколько десятилетий, и только в 1973 г. его окончательно передали АН СССР.

8.4.4. Ячейки гражданского общества или государственных структур

Петроградские геологи также выступили с инициативой создать «особую организацию для осуществления объединения геологов при помощи устройства периодических съездов, совместных геологических экскурсий, кооперации в научных работах геологов, содействия в научной работе провинциальных организаций»[984]. Такое объединение должно было стать важной формой мобилизации науки для мощного индустриального рывка, который был невозможен без использования богатств российских недр, а значит ускоренного развития геологии. Не случайно инициаторами созыва такого съезда были те же лица, что и создатели КЕПС, о которой речь пойдет подробнее в следующей главе. Впервые об учреждении Союза геологов заговорили на собрании 21 марта 1916 г., проходившем в помещении Геологического комитета и созванном А. Н. Криштофовичем[985]. Об этом проекте А. П. Карпинский доложил на заседании ОФМН 5 ноября 1916 г. и получил поддержку коллег. Съезд русских геологов предлагалось провести в Петрограде, также при Академии наук. В целом проект был поддержан, и сформированному оргкомитету в составе А. П. Карпинского, Н. И. Андрусова и А. П. Павлова поручили проконсультироваться по созыву съезда с геологами Москвы, Киева и т. д. Геологи из Киева предложили созвать съезд в Петрограде.

25 февраля 1917 г. совещание петроградских геологов под председательством чл.-корр. Ф. Ю. Левинсона-Лессинга рассмотрело и одобрило заявление киевских геологов. Об этом Н. И. Андрусов от своего имени, а также от имени А. П. Карпинского и В. И. Вернадского сообщил на заседании ОФМН 1 марта 1917 г., т. е. буквально накануне отречения Николая II от престола. Было решено возбудить соответствующее ходатайство перед МНП[986]. Разрешение на проведение съезда 25–27 апреля 1917 г., видимо, было получено быстро, так как уже в апреле начались выборы делегатов на учредительный съезд. От Отделения геологии и минералогии ПгОЕ, руководители которого и были главными инициаторами создания Союза геологов, 15 апреля 1917 г. были выдвинуты Б. А. Попов и П. А. Православлев[987]. Своих

[984] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1916. Д. 163. Л. 263 об.–264 об.

[985] Заседание Отделения геологии и минералогии. 19 марта 1916 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1916. Т. XLVII. № 4. С. 136.

[986] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1917. Д. 164. Л. 229.

[987] Заседание Отделения геологии и минералогии. 15 апреля 1917 г. // Труды ПгОЕ: Протоколы заседаний. 1918. Т. XLIX. № 5–8. С. 82.

делегатов решила послать АН, поручив определить их ОФМН[988]. Однако бурные события 1917 г. и вспыхнувшая Гражданская война, видимо, не позволили реализоваться этим планам, и Первый съезд геологов под председательством А. П. Карпинского состоялся в Петрограде только 1–13 июня 1922 г.[989] Но на нем уже решались вопросы не столько самоорганизации и автономизации сообщества профессиональных геологов, сколько их мобилизации ради ускоренной модернизации и индустриализации страны в эпоху построения социализма.

Вновь создаваемые всероссийские профессиональные общества стремились обрести покровительство ИАН, надеясь облегчить регистрацию и признание со стороны властей. Действующие с марта 1906 г. Временные правила об общественных организациях распространялись на научные общества. Те по-прежнему должны были проходить сложную процедуру регистрации в местных органах, которая порой затягивалась на годы, отчитываться перед ними, в том числе перед начальником местной полиции, о всех сторонах своей деятельности и о составе правления, а в случае усмотренной угрозы общественной безопасности могли быть закрыты министром внутренних дел, губернатором, градоначальником[990]. И здесь сохранялась возможность возникновения надуманного противостояния науки и властей из-за некомпетентности последних. Академический статус сразу делал их подотчетными МНП, где обычно с пониманием относились к планам ученых, в том числе и к объединениям их в масштабах всей империи.

Дальнейшие события подтвердили правильность стратегии, изначально выбранной ботаниками, — создания профессионального самоорганизующегося и автономного научного сообщества при Академии наук. Это хорошо видно на судьбе РФО. Даже РПО, созданному как бы при правительственном Геолкоме, пришлось пережить немало пертурбаций за свою столетнюю историю. Были и неудачные попытки создать общероссийские общества, минуя Академию наук. Так, члены Санкт-Петербургского лесного общества выступили инициаторами создания Всероссийского союза лесоводов. 28 апреля — 1 мая 1917 г. в Петрограде был созван Всероссийский съезд лесоводов и лесных техников, на котором был принят устав и выбран его временный совет. Его председатель Г. Ф. Морозов призвал всех лесников служить делу под лозунгом: «Берегите лес!» В сентябре состоялся учредительный съезд, еще один съезд был проведен в июне 1918 г. в Москве. Затем собрались вновь только в 1921 г., сведя всю последующую деятельность к докладам и публикациям сборников и в конечном счете вместе со всеми другими лесными и лесопромышленными обществами лесники исчезли в недрах Всесоюзного научного инженерно-технического общества лесной промышленности и лесного хозяйства[991].

В рамках же Академии наук никто не покушался на их автономию, так как инициаторы и руководители обществ обычно или сами были членами академического

[988] Протоколы ОС АН. 1917. § 108. С. 104.

[989] *Тучкова С.* Так всё начиналось... // Российские недра. 2008. № 17–18 (75–76). 24 окт. С. 4.

[990] *Синельникова Е. Ф.* Власть и научные общества Петрограда–Ленинграда в 1920-е годы. С. 17.

[991] *Федотова А. А.* Лесное общество в Санкт-Петербурге // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 276.

истеблишмента, или стремились привлечь их в качестве учредителей, почетных председателей, президентов, членов и т. д. В то же время принадлежность к Академии наук избавляла общества от чрезмерной регламентации их действий и повседневного контроля со стороны полиции и местных властей. Научные общества оказались оптимальной формой объединения для тех, кто стремился к научной карьере без содействия властных структур. Они не только обеспечивали профессиональную автономизацию и самоорганизацию науки, но и создавали благоприятные условия своим членам, особенно на периферии, для быстрого включения в научные сети в рамках целых областей знания и были прекрасным средством организации периодических встреч с коллегами на регулярных форумах. В этом отношении особенно удачным оказался опять же опыт ботаников, сыгравших важную роль в отстаивании свободы научных исследований. Достаточно вспомнить, что именно Всесоюзное ботаническое общество, возглавляемое одним из его создателей — В. Н. Сукачёвым, в 1950-х гг. стало штабом борьбы с лысенковщиной[992].

[992] *Колчинский Э. И., Конашев М. Б.* 1) Как и почему «Правда» учила «Ботанический журнал»? // ВИЕТ. 2003. № 4. С. 49–74; 2) ЦК, «Ботанический журнал» и другие. Архивные документы о борьбе с лысенковщиной // Нестор. 2005. № 9. На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX вв. С. 33–58.

Глава 9

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ НАУКИ

9.1. Правительственные и общественные органы мобилизационной науки

Все воюющие страны быстро убедились, что мобилизационные запасы и работа военной промышленности не могут обеспечить потребностей армии при интенсивных и продолжительных боевых действиях. Как участники тех событий, так и современные историки единодушно отмечают, что уже с первых месяцев войны стали очевидны огромные просчеты в оценках военными ведомствами необходимых мобилизационных запасов[993]. Правительства и военное командование стран, несущих основные тяготы войны, исходили из ожиданий кратковременной победоносной войны, и их расчеты оказались катастрофически заниженными. Первые месяцы войны показали, что для победы необходима мобилизация всех отраслей государственной и общественной жизни, а также промышленности, сельского хозяйства, природных ресурсов страны. Требовался быстрый перевод промышленности на рельсы военной экономики.

Успешнее всего в этом направлении действовала Германия, обладавшая наиболее сильной химической и металлургической промышленностью. К тому же в эпоху интенсивной подготовки к войне она при участии ученых накопила богатый опыт координации рыночной экономики с государственными интересами. Этому должны были в условиях военного времени учиться и страны Антанты. В Англии был создан комитет для производства химических препаратов и лекарств, ввозимых из Германии или производимых по германским лицензиям, действие которых было приостановлено. Это калийные соли, формалин, салоп, фенацетин, антипирин, сульфонал, веронал, ванилин. Ставились вопросы о производстве стекла для оптических инструментов, о подъеме рыбных промыслов. Практически во всех научных обществах Великобритании, включая Королевское, Физическое, Химическое и Инженерное, с первых месяцев войны создавались комиссии, чтобы выяснить, какую помощь может оказать наука военному производству. В них ученые и промышленники совместно искали пути приложения научного знания.

Из великих держав, участвовавших в войне с первых дней, в наиболее тяжелом положении оказалась Россия, где не было организаций, координировавших интересы научного сообщества, государства и предпринимателей из-за фактического отсутствия отраслей промышленности и даже крупных оборонных предприятий, независимых от зарубежных поставок оборудования, технологий и даже сырья. Приходилось срочно искать пути освобождения от импортной зависимости и создавать новые отрасли производства, прежде всего в горнодобывающей, химической

[993] По предварительной оценке военного министра А. А. Поливанова, война должна была продолжаться от двух до шести месяцев, самое большее год, так как больше ни одна экономика выдержать не сможет, а для ведения боевых действий достаточно будет боеприпасов из мобилизационных запасов.

и металлургической промышленности, без которых было невозможно ни полноценное снабжение армии и флота оружием и боеприпасами в нужных количествах, ни создание новых типов вооружения и боевой техники. Например, до войны в Россию ввозилось 5 тыс. пудов слюды, как правило из стран, не имевших собственных ее месторождений. Лишенная немецкого импорта, Россия была вынуждена искать собственные месторождения для добычи слюды, необходимой для производства электроприборов, военной техники и очков, защищавших от ядовитых газов.

Первоначально мобилизацию экономики страны предполагали вести путем законодательных актов, расширявших полномочия военных властей и дававших государству возможность вмешиваться в хозяйственную жизнь, опираясь на административно-командные способы регулирования экономики (замораживание цен, введение «сухого закона», предписание предприятиям первоочередного исполнения военных заказов, запрет вывоза за границу нефтепродуктов, установление контроля морского министерства над сталелитейными и судостроительными заводами и др.)[994]. Однако вскоре потребовались специальные органы с чрезвычайными полномочиями для обеспечения потребностей армии и флота путем мобилизации всей экономики страны, включая частные предприятия[995].

Экстренные меры для наращивания военного производства оказались неэффективными не только в силу зависимости российской промышленности в целом и оборонной в частности от Германии и других западных стран, но и из-за отсутствия органа, который учитывал бы ее развитие, обладал бы точными сведениями о развитии производительных сил страны и определял стратегию будущего развития. Как позднее писал академик В. Н. Ипатьев, перед войной в Российской империи «не было такого органа, который направлял бы развитие различных отраслей промышленности сообразно нарастающим потребностям страны»[996]. Были и другие, не менее принципиальные сложности. В недавних публикациях В. В. Поликарпова было показано, что командную докапиталистическую военную экономику России трудно было как-то интегрировать с рыночными и частными сферами, тем более в короткие сроки, диктуемые нуждой военного времени и «снарядным голодом», обозначившимся уже в сентябре 1914 г.[997]

В условиях отсутствия военной экономии как однородной совокупности предприятий и системы правительственных заказов трудно было создать эффективные

---

[994] *Белов С. И.* Мобилизация российской промышленности в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. 2014. № 1. С. 59–68.

[995] *Фомичев А. В., Фомичева Л. С.* 1) Особые совещания и военно-промышленные комитеты в системе органов военно-экономического регулирования в годы Первой мировой войны // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 244–255; 2) Чрезвычайные органы военно-экономической мобилизации в годы Первой мировой войны // Россия в глобальном мире. Альманах. 2015. № 6 (29). С. 93–107.

[996] *Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф.* Химический комитет при Главном артиллерийском управлении... С. 4.

[997] *Поликарпов В.* В. Военная промышленность начала XX века в историческом разрезе. С. 182–213.

механизмы ее регулирования. Владельцы частных заводов не желали вкладывать свои средства в расширение производства снарядов и оружия, а старались ограничиться авансами по заказам, а также субсидиями на постройку оборудования. В этом мог лично убедиться военный министр В. А. Сухомлинов, собравший 9 сентября 1914 г. представителей фирм, связанных с военным производством. Фактически предприниматели впервые услышали о реальной нужде в снарядах, но ответили готовностью нарастить объемы их производства в столь незначительных размерах, что присутствовавший на совещании исполняющий должность начальника Генерального штаба Н. Н. Янушкевич, ссылаясь на последнюю телеграмму из Ставки Верховного главнокомандующего, «стал чуть ли не кричать с пафосом и негодованием на мизерность предполагаемых поставок по сравнению с требованиями армии»[998].

18 сентября 1914 г. Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич распорядился дать максимально «срочный заказ русским металлургическим заводам» и привлечь к его исполнению частные заводы «хотя бы реквизиционным порядком». Однако реквизиций и других административно-командных способов управления было явно недостаточно. Для управления военно-экономической мобилизацией, проводимой в те годы всеми великими державами, создавались чрезвычайные органы, обладавшие полномочиями: привлекать к работе на войну предприятия всех форм собственности; регулировать распределение ресурсов, обеспечивавших функционирование национальной экономики; координировать военно-экономическую и внешнеполитическую деятельность. Всё это требовало усилить роль государства в экономике страны с применением мер прямого административного воздействия на хозяйственную жизнь, призванного в конечном счете создать мощный военно-промышленный комплекс, невозможный без разработки и внедрения новейших технологий. И здесь особую роль обретала наука, без которой было невозможно создать мобилизационную экономику и которая, интегрируясь в различные чрезвычайные органы управления, сама становилась не только мобилизационной, но и мобилизующей.

В самом начале 1915 г. была создана Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части во главе с генералом от артиллерии вел. кн. Сергеем Михайловичем, ставшим год спустя генералом-инспектором артиллерии при Верховном главнокомандующем. Его заместителем был назначен энергичный и компетентный генерал-лейтенант артиллерии А. А. Маниковский, игравший ключевую роль в радикальном решении проблемы производства боеприпасов в размерах, удовлетворяющих потребности русской армии. 10 января 1915 г. Положение о Комиссии было рассмотрено Военным советом, а 15 января утверждено Николаем II. Уже через два дня Главное артиллерийское управление (ГАУ) и Военный совет одобрили подготовленные Ипатьевым и его сотрудниками документы, включавшие чертежи, смету и контракт, который был подписан 21 февраля.

13 мая 1915 г. было создано Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения государства (с августа 1915 г. Особое совещание по обороне), которое возглавлял военный министр: сначала В. А. Сухомлинов, а затем сменивший

[998] Там же. С. 182.

его А. А. Поливанов[999]. В круг его задач входило развитие поставок снарядов, орудий, патронов и ружей с предоставлением прав «привлечения к работе всех частных заводов до реквизиции их запасов и станков включительно», «испрошения и незамедлительного открытия кредитов», а в случае «необходимости, отпуска безвозвратных ссуд на оборудование новых мастерских и заводов»[1000]. Это предполагало военно-экономическую мобилизацию всей промышленности России, так как главная задача нового органа состояла в организации военной экономики. Решения председателя Особого совещания, имевшего право привлекать к исполнению военных заказов предприятия всех форм собственности, финансировать их деятельность, контролировать выполнение заданий, применять секвестр и реквизиции, подлежали неукоснительному выполнению. Осуществляя «высший надзор» за оборонными промышленными предприятиями и координируя их деятельность, Особое совещание должно было распределять военные заказы на отечественных и зарубежных предприятиях в Англии, США и Японии, а также содействовать строительству новых оборонных заводов. Вместе с военными в его работе участвовали представители других министерств и ведомств, промышленников, Государственного совета и Государственной думы. С самого начала работы Особого совещания непременный секретарь ИАН С. Ф. Ольденбург присутствовал практически на каждом его заседании.

Уже 5 июня 1915 г. был создан Центральный комитет военно-технической помощи (ЦКВТП) («Техпомощь») с целью координации работы военно-общественных организаций для нужд армии и обороны государства[1001]. Финансировался он Особым совещанием по обороне, а подчинялся Военному министерству. Центральный КВТП руководил местными территориальными комитетами: Московским, Петроградским, Харьковским, Одесским, Саратовским, Казанским и др., состоявшими из химического, дорожного, электротехнического, металлургического и газового отделов. Задачи Комитета заключались в объединении и направлении деятельности местных комитетов, которые занимались подготовкой кадров техников-специалистов по разным отраслям, созданием школ-мастерских, издательской деятельностью, оказанием помощи воинам-инвалидам.

ЦКВТП представлял собой консультативно-вспомогательную организацию ученых и техников, координировавшую оборонную деятельность специалистов различных отраслей знания[1002]. Его ядром стало Императорское Русское тех-

---

[999] Журналы Особых совещаний для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 2–8 / Сост.: Т. Д. Крупина, Л. Я. Сает, В. В. Шелохаев. М.: Институт истории АН СССР, 1975–1979; *Алексеев Т. В.* Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб.: Лема, 2015.

[1000] Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 1. 1915 год. М.: Институт истории АН СССР, 1975. С. 537.

[1001] Центральный комитет военно-технической помощи объединенных научных и технических организаций (1915–1918). URL: http://libinfo.org/index/index.php?id=4302. (дата обращения: 03.05.2017).

[1002] *Сорокина О.* Первая мировая война и Россия. URL: http://his.1september.ru/article.php? ID=200201506 (дата обращения: 03.05.2017).

ническое общество, создавшее в сентябре 1914 г. Комиссию по промышленности, которая затем путем слияния с комиссиями военно-технической и санитарно-технической помощи и с девятнадцатью другими общественными организациями инженерно-технического характера и стала ЦКВТП, осуществлявшим инструкторскую деятельность. ЦКВТП организовывал курсы: авиационно-наблюдательные, военно-строительных техников, автомобильных механиков и шоферов, фототехников, электротехников, химиков-браковщиков по пороху, инструкторов по термохимической обработке стали и газовому делу. Он стал одним из посредников между учеными и промышленниками, мобилизуя их на оказание помощи государству в организации экономического тыла страны.

Вскоре после создания Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства стало ясно, что оно по существу дублирует Особую распорядительную комиссию, которую в то время возглавлял А. А. Маниковский вместо отбывшего на юг для лечения вел. кн. Сергея Михайловича. В конце июня Комиссия была ликвидирована, а работа по снабжению армии оружием была сосредоточена в ГАУ, которое с 27 мая 1915 г. также возглавил А. А. Маниковский, несмотря на его протесты против подобного назначения, ведь он должен был сменить непопулярного Д. Д. Кузьмина-Караваева, которого, как и В. А. Сухомлинова, в то время обвиняли во всяческих грехах, сделав их виновными в страшном поражении войск на Западе. Назначение Маниковского было с одобрением встречено разными слоями российского общества, которое надеялось, что новый глава ГАУ сможет наладить сплоченную работу генералов, ученых, инженеров и промышленников. В целом так и оказалось. Этому содействовали личные качества нового главы ГАУ — блестящие организаторские способности, открытость, доброжелательность к людям, трудолюбие, развитое чувство долга. К тому времени в ГАУ работала большая группа первоклассных ученых, физиков и химиков, возглавляемых В. Н. Ипатьевым.

В августе 1915 г. были учреждены другие особые совещания: по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны; по продовольственному делу; по перевозке топлива, продовольствия и военных грузов; по устройству беженцев. Каждое совещание возглавлялось членом правительства, который отчитывался непосредственно императору.

Особые совещания имели региональные подразделения, так называемые заводские совещания, в которых участвовали чиновники и представители местной буржуазной общественности. Они работали в тесном контакте с местными военно-промышленными комитетами (ВПК), созданными по всей стране с целью координации оборонных усилий власти, земства и промышленности[1003]. Для координации деятельности всех подразделений по снабжению армии и флота и организации тыла летом 1916 г. при председателе Совета министров было создано и работало Особое совещание министров, которому формально подчинялись все отраслевые совещания. Оно просуществовало до конца 1916 г. Особые совещания являлись

[1003] *Кюнг П. А.* Судьба архивных фондов военно-промышленных комитетов. С. 31–35.

высшими государственными учреждениями и создавались как инструмент согласования межведомственного управления.

С самого начала совещания не могли функционировать без специалистов, умевших оперировать точными данными, систематизировать их и рационально анализировать, составлять таблицы и графики, готовить обзоры и разрабатывать планы. Это могли делать только ученые и привлекаемые ими студенты. Вот почему с первых дней Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны или имеющих особо важное значение (ОСОТОП), созданного 17 августа 1915 г. и возглавляемого министром торговли и промышленности В. Н. Шаховским, ключевые посты в нем заняли представители научного сообщества. Заместителем председателя и руководителем технической секции был назначен профессор Московского технического института К. В. Кирш. Московским уполномоченным ОСОТОПа стал бывший директор Московского коммерческого института, профессор П. И. Новгородцев, который исполнял также обязанности председателя дровяной секции и каждую неделю ездил в Петроград для участия в заседаниях ОСОТОПа, поражая всех своей собранностью и деловитостью. В качестве заведующего отделом статистики в Московском управлении уполномоченного по топливу Новгородцев взял сотрудника Московского коммерческого института, молодого экономиста Л. Б. Кафенгауза. В состав ОСОТОПа от Государственной думы входили также член-корреспондент ИАН, историк Е. Е. Замысловский и инженер В. А. Степанов. Так шло врастание научного мира в административное управление. Аналогичная картина наблюдалась повсюду.

В целом Особые совещания сыграли важную роль в консолидации усилий разных слоев общества, в том числе научной и технической интеллигенции, приложенных к мобилизации промышленности и укреплению военного потенциала страны[1004]. Именно в наукоемких отраслях были достигнуты значимые успехи. Классическим примером служит химическая промышленность, созданная усилиями выдающегося ученого, действительного члена ИАН, профессора Михайловской академии и Петроградского университета В. Н. Ипатьева, деятельность которого мы уже не раз затрагивали, но подробно она будет рассмотрена ниже. Существенные успехи были достигнуты в автомобильной промышленности, где был поддержан проект строительства пяти частных и одного казенного автозаводов. Электротехническая промышленность переживала региональную диверсификацию в связи со строительством предприятий вне Петроградского промышленного района. Бурно развивалось также станкостроение, подшипникостроение, резиновое и оптическое производства. Эффективно решались проблемы обеспечения промышленности необходимыми природными, сырьевыми и трудовыми ресурсами. При Особом совещании были созданы специальные структуры, отвечавшие за определенные направления: Комитет по металлургической промышленности,

[1004] *Алексеев Т. В.* Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны. 2014. С. 213–214.

Реквизиционная комиссия, Комиссия по учету и распределению иностранной валюты, Комитет по заготовлению в Америке предметов боевого и материального снабжения армии и другие заграничные заготовительные органы. Особое совещание контролировало также импортные поставки, воздействуя тем самым на развитие военной промышленности в условиях дефицита на мировом рынке оборудования, сырья и материалов.

Одновременно с формированием системы особых совещаний как правительственных учреждений шло создание в центре и на местах особых органов общественного содействия мобилизации экономики — военно-промышленных комитетов (ВПК). Идею их создания предложил крупный предприниматель и банкир П. П. Рябушинский на состоявшемся в мае 1915 г. IX Съезде представителей промышленности и торговли, на котором активно обсуждалась задача мобилизации частной промышленности для нужд фронта. Его призыв взять инициативу мобилизации частной экономики в руки общественных комитетов предпринимателей, ученых, инженеров и политиков, как это было сделано в Англии, Франции и Германии, получил поддержку присутствующих и был быстро воплощен в жизнь. 25–27 июля 1915 г. состоялся 1-й Всероссийский съезд ВПК, и уже месяц спустя, 27 августа 1915 г., были приняты правительственные «Положение о военно-промышленных комитетах» и «Наказ о порядке образования и действия военно-промышленных комитетов и съездов». ВПК считались общественными организациями, не преследовавшими коммерческих целей. Наряду с Центральным формировалась система местных ВПК: областных и городских. В начале 1916 г. действовало 226 областных и местных ВПК[1005]. Крупнейший из них, в Петрограде, возглавил нефтепромышленник и инженер Э. Л. Нобель — племянник А. Нобеля, учредившего знаменитую премию за высшие достижения в науке. Семейными нитями с научным миром был связан глава московского ВПК П. П. Рябушинский. Один из его братьев, Д. П. Рябушинский, был известен как крупнейший специалист в области теории воздухоплавания, а другой брат, Ф. П. Рябушинский — как меценат и организатор экспедиции на Камчатку. Идея бескорыстной помощи правительству в мобилизации ресурсов для поддержки фронта оказалась привлекательной для широких слоев российского общества.

Треть членов ВПК составляли предприниматели и финансисты, которые обычно и руководили комитетами, но около 20% — представители научно-технической интеллигенции: ученые, инженеры, техники, агрономы и др. Среди них были крупные ученые — профессора В. И. Гриневецкий, Н. Е. Жуковский, А. М. Завадский, И. А. Каблуков, А. М. Настюков, Е. О. Патон, А. Е. Чичибабин, а также известные инженеры П. И. Пальчинский, Л. Б. Красин и др. В Совет Центрального ВПК, возглавляемый вначале Н. С. Авдаковым, а после его смерти А. И. Гучковым, изначально вошли пять представителей КВТП. Активно участвовали в местных ВПК профессора и доценты, учителя, врачи, юристы и другие представители интеллигенции, а также политики, военные, рабочие и т. п.

[1005] *Леонова С.Л.* Военно-промышленные комитеты в годы I Мировой войны. URL: history.mirea.ru/files/Leonova_vok.doc. (дата обращения: 09.10.2017).

Научно-техническая деятельность местных ВПК определялась наличием образованного контингента, географическим и хозяйственным профилем региона. Так, например, Закавказский ВПК специализировался на исследовании полезных ископаемых в горных районах, а ВПК Финляндии поставлял в Россию продукцию деревообрабатывающей промышленности и т. д. Обычно численность комитета была прямо пропорциональна многопрофильности его деятельности. Киевский ВПК не ограничивался деятельностью по исполнению военных заказов, а выполнял большую научно-исследовательскую работу по производству химических материалов. В Пермском ВПК была открыта Археологическая секция и активно развивалось историческое краеведение. Особенно многообразной была деятельность Центрального и Московского ВПК. В петроградском ВПК был 21 отдел, в том числе автомобильно-авиационный, военно-санитарный, механический, металлургический, электротехнический, юридический и др. Каждый из них имел еще подотделы и секции, например, химический отдел подразделялся на коксовальную, нефтяную и кислотную секции. В Московском ВПК было 25 отделов и секций, включая льняной, снарядный, справочный, хлопчатобумажный, шерстяной, шелковый, юридический и др. Почти при каждом ВПК успешно функционировали отделы изобретений. В Москве такой отдел возглавлял чл.-корр. ИАН Н. Е. Жуковский.

По существу, ВПК становились центрами объединения самых динамичных представителей бизнеса и интеллигенции, способствуя быстрой мобилизации науки для решения конкретных задач. Центральный ВПК находился в Петрограде, и в его задачи входили объединение, направление и координация работы местных комитетов, которые представляли собой принципиально новый способ взаимодействия общества и власти в решении проблем снабжения воюющей армии за счет включения частных предприятий в производство вооружения, боеприпасов и снаряжения. Организуя собственное производство, финансируемое казной, и взаимодействуя с региональными заводскими совещаниями, местные ВПК представляли собой такую форму интеграции государственных, общественных и частных интересов, при которой достижение конкретных военно-экономических и военно-технических задач было невозможно без ученых, инженеров, конструкторов.

Эта тенденция проявилась с первых дней организации, объединившей Общеземский и Общегородский союзы, — Земгора, возникшего в августе 1915 г., при котором сразу был создан военно-технический отдел с рудной подсекцией. В нее вошли все геологи и минералоги Москвы. В совет Центрального ВПК также включили 5 представителей Комитета военно-технической помощи, а в его бюро состояли люди, тесно связанные с наукой и инженерным делом. Назовем только некоторые фамилии. Товарищ председателя Центрального ВПК с 1915 г., его последний председатель в октябре 1917 — феврале 1918 г., М. С. Маргулиес, был доктором медицины, невропатологом, юристом и предпринимателем. Талантливый инженер-путеец Н. Н. Изнар, возглавивший Центральный ВПК в мае 1917 г, — один из разработчиков технологии изготовления и укладки асфальтовых покрытий для железнодорожных станций и участник постройки ряда железнодорожных линий, член Особого совещания по обороне. Ученик Д. И. Менделеева Н. Ф. фон Дитмар также был известным горным и железнодорожным инженером, председателем Совета Съезда

горнопромышленников Юга России, членом Государственного совета и Особого совещания по обороне. Профессор механики Д. С. Зернов — председатель Общества технологов в Петербурге и Всероссийской ассоциации инженеров, крупный предприниматель, а М. М. Фёдоров — известный экономист. Все они являли собой образец единства власти, науки и предпринимательства. Тесные связи с техническими и научно-техническими кругами всегда поддерживали заместитель председателя центрального ВПК А. И. Коновалов, ставший в марте 1917 г. министром торговли и промышленности, а затем и заместителем председателя последнего Временного правительства. Инженер-путеец А. А. Бубликов был комиссаром Временного комитета Государственной думы по Министерству путей сообщения.

К сожалению, вопрос о деятельности ученых в ВПК остается до сих пор практически не исследованным, хотя по архивным материалам, с которыми приходилось сталкиваться при изучении биографий ученых того времени, например доцента Казанского университета А. М. Завадского, видно, насколько она была важна и продуктивна[1006]. Стартом для их работы послужило изучение экономической ситуации в регионах и выяснение потенциальных возможностей местной промышленности. Сбор технической документации проводили справочные бюро при ВПК, ставшие центрами хранения информации о промышленных предприятиях, что позволило упорядочить их работу в рамках общей программы. Уже к августу 1915 г. Петроградский ВПК привлек к работе на оборону 405 гражданских предприятий, а заказы Киевского ВПК выполняли 120 местных заводов и фабрик[1007]. С деятельностью ВПК оживилась кустарная промышленность во всех регионах. Не менее активными союзниками ВПК в исполнении военных заказов были местные учебные заведения. Учащиеся реальных и технических училищ, а также студенты многих вузов были вовлечены в производство гранат, бомбометов, снарядов, мортир и т. д.

Уже в 1915 г. ВПК выступали инициаторами и организаторами многих съездов и совещаний, посвященных обсуждению актуальных вопросов: нехватки дров (сентябрь 1915 г.), неразвитости кожевенной промышленности (декабрь 1915 г.), нехватки вагонов (октябрь 1915 г.). В 1916 г. были проведены совещание Центрального района по вопросам железнодорожного строительства (октябрь 1916 г.), Всероссийский съезд по вопросам изобретений (октябрь 1916 г.). Центральный ВПК стал организатором Съезда по вопросам о лекарственном голоде в Петрограде 24–29 сентября 1916 г., но за несколько дней до его открытия съезд был запрещен[1008].

Из-за неготовности государственных структур делиться властью с одной стороны и политических амбиций лидеров ВПК с другой, потенциал совместных усилий в регулировании военной экономики был реализован далеко не полностью. Оппозиционные выступления ВПК и срывы принятых ими к исполнению заказов вызвали ответные правительственные меры и в конечном счете привели к прекращению

[1006] Труды [1-го] съезда представителей ВПК. Пг.: Тип. П. П. Гершунина, 1915; Труды Второго съезда представителей ВПК. Вып. 2. Пг., 1916. С. 280–663; Сводные данные о деятельности военно-промышленных комитетов. Пг.: Новая Россия, 1917.

[1007] *Леонова С. Л.* Военно-промышленные комитеты...

[1008] *Алексеев И. Е.* «Лекарственный голод» при «новом строе».

в конце 1916 г. новых заказов, распределяемых через комитеты. Тем не менее достигнутые успехи были впечатляющими, особенно в создании химической оборонной промышленности благодаря слаженной работе генералов, промышленников и ученых, на которой мы подробно остановимся позже. Здесь оказалась особенно продуктивной слаженная работа А. А. Маниковского, В. С. Михайлова и В. Н. Ипатьева, содружество которых сложилось еще до войны, так как все трое были воспитанниками и представителями военного ведомства и говорили практически на одном языке и в рамках единого этоса.

В целом новые организационные структуры взаимодействия между государством и обществом, включая академическое сообщество, способствовали укреплению военно-промышленного потенциала России. К концу 1916 г. из 2290 предприятий 1800 (81%) были преимущественно ориентированы на выпуск военной продукции. Из 2,4 млн рабочих, занятых в промышленности, 2 млн (86%) работали на производствах, обслуживавших нужды фронта[1009]. Милитаризация экономики быстро дала плоды, резко увеличился выпуск военной продукции. Например, в августе 1916 г. винтовок было изготовлено на 1100% больше, чем годом раньше; производство пушек (76-мм и горных) с января 1916 по январь 1917 г. увеличилось более чем на 1000%, а 76-мм снарядов — даже на 2000%. Выработка пороха и взрывчатых веществ возросла на 250–300%. Вместе с тем преимущество германских войск в артиллерии, особенно тяжелой, не было преодолено, что вело к огромным потерям в живой силе русской армии[1010]. Увеличивалось отставание в авиастроении, «как количественно, так и качественно»[1011].

Очевиднее становилась необходимость решать проблему не столько организационными мерами, сколько активной разработкой и внедрением новых технологий. В этом направлении энергично действовал Московский военно-промышленный комитет, по инициативе которого 16 июля 1916 г. прошло совещание представителей общественных организаций, ученых и научных учреждений, а также высших учебных заведений Москвы. На нем обсуждался вопрос о проведении в Москве 1–3 октября 1916 г. Первого всероссийского съезда по вопросам изобретений. Инициаторы съезда подчеркивали необходимость «широкого развития дела русских изобретений в связи с требованиями обороны в переживаемую войну и в интересах развития производительных сил и ее технического прогресса в мирное время»[1012]. На съезде была принята резолюция о необходимости «сохранить на прежних основаниях деятельность общественных организаций, успешно обслуживающих во время войны дело военных изобретений, расширив эту деятельность путем устройства — при существующих отделах изобретений военно-промышлен-

[1009] *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Госполитиздат, 1957. С. 19.

[1010] *Кюнг П. А.* 1) Военно-промышленные комитеты в России в годы Первой мировой войны: историко-архивное исследование: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2007. С. 12; 2) Мобилизация экономики и частный бизнес России в годы Первой мировой войны.

[1011] *Кузьмин Ю. В.* Самолетостроение в России в количественных показателях: первые годы // Вихревая динамика развития науки и техники. Т. 1. С. 100.

[1012] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 132. § 168.

ных комитетов — мастерских и лабораторий и обеспечив эти учреждения необходимыми средствами»[1013]. В связи с этим отделы изобретений разработали ряд мероприятий для расширения своей деятельности и обратились с ходатайствами о финансировании с целью построения лабораторий для изготовления образцов изобретения.

За прошедшие два года войны академическое сообщество убедилось, что для победы необходимо мобилизовать производительные и интеллектуальные силы страны и прежде всего «организовать весь наш технический опыт и научную изобретательскую мысль»[1014]. Стало очевидным, что Россия уступает Германии организованностью в технических науках и в производстве, и поэтому повышение организованности должно стать «залогом наших успехов в военное и в мирное время». Внедрение планомерности и организованности в «область научной мысли и практической техники» организаторы совещания считали самой насущной задачей страны. ОС ИАН поддержало решения совещания и поручило академику П. И. Вальдену быть ее представителем в организационном комитете[1015].

9.2. Организация КЕПС

К реализации этого проекта наиболее подготовленными оказались ученые, организовавшие десятки геологических экспедиций, которые, как правило, проводились вместе с представителями Геолкома, университетов и политехнических институтов. Так, летом 1914 г. в Радиевой экспедиции в Нерчинский горный округ участвовали более 30 чел.[1016] В мобилизацию ресурсов ИАН на поиск необходимого сырья и минералов изначально активно включился В. И. Вернадский. 17 сентября 1914 г. он представил к публикации статью своего ученика П. П. Орлова «О нахождении радиоактивных веществ в Сибири», 12 ноября — статью О. О. Баклунда «О нордомарките с реки Чу», 26 ноября — геохимика Л. А. Стрекаловой «О кристаллах берита из окрестностей Феодосии», биогеохимика Я. В. Самойлова и геохимика Н. И. Червякова «Об аллофане из деревни Барановики Скопинского уезда Разанской области и абсорбционных материалах», 7 января 1915 г. — статью своего ближайшего ученика, минералога А. Е. Ферсмана «Цеолиты русских месторождений» и т. д.[1017]

29 октября 1914 г., когда прошло более трех месяцев с начала войны, В. И. Вернадский на заседании ОФМН зачитал общий отчет об экспедиционных исследованиях радиоактивных месторождений. Он отметил, что «неожиданно разразившаяся война в общем не могла не отразиться на ходе дела», так как часть сотрудников была мобилизована, а другие должны были вернуться в Европейскую

[1013] Ходатайство Московского военно-промышленного комитета перед Особым совещанием по обороне об ассигновании средств на конструкторское бюро. URL: http://istmat.info/node/26437. (дата обращения: 08.10.2017).

[1014] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 132. § 168.

[1015] Там же. С. 133. § 168.

[1016] Летопись РАН. Т. IV. С. 247.

[1017] Там же. С. 249, 252, 256.

часть России[1018]. Тем не менее всё это «отразилось в малой степени на результатах, и в общем работа была завершена», так как исполнена в «общем полностью и без всяких местных нарушений ее в самых разнообразных местах России»[1019]. В заключение Вернадский выражал надежду, что, несмотря на требование военного времени и сокращение кредитов, «они все-таки останутся в таком размере, что работа сможет неуклонно продолжаться, хотя и не в том темпе, на какой она была рассчитана»[1020].

Вскоре, однако, стал ясен чрезмерный оптимизм подобных надежд. Для финансирования поиска сырья и минералов, необходимых стране, требовались принципиально новые формы организации работы, интегрирующей усилия различных научных и образовательных учреждений. Так возникла идея создать под эгидой ИАН специальную межведомственную Комиссию по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), история которой на материалах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН была монографически изучена выдающимся историком науки А. В. Кольцовым в рамках проекта «Наука и кризисы»[1021], а К. В. Манойленко подробно рассмотрела роль А. С. Фаминцына в ее создании[1022]. Далее рассматриваются лишь ключевые моменты, сыгравшие особую роль в становлении КЕПС, как наиболее успешный пример мобилизационной науки[1023].

Впервые вопрос о создании КЕПС был официально поднят 21 января 1915 г. В. И. Вернадским, зачитавшим на заседании ОФМН записку с обоснованием необходимости ее организации. Соавторами этой записки были геологи Н. И. Андрусов и А. П. Карпинский, физик Б. Б. Голицын и химик Н. С. Курнаков. В ней говорилось, что усилия ИАН, как и всей страны, должны быть направлены на достижение единой цели: «...к развитию и поддержанию силы и могущества Родины, необходимых как для успешной борьбы с вооруженным врагом, так и для возможного облегчения тяжести войны, как сейчас, в ее разгаре, так и после ее окончания»[1024]. В записке подчеркивалось, что развитие производительных сил России без развития отечественной промышленности и сельского хозяйства приведет к полной зависимости от зарубежных стран, особенно от Германии. Для ликвидации этой угрозы авторы записки считали необходимым организовать тщательный учет естественных производительных сил, ответственность за который должна взять на себя ИАН. Для этого надо создать постоянную комиссию, в задачи которой входила бы подготовка научной сводки всего того, что известно о природных ресурсах и какие

[1018] *Вернадский В. И.* Краткий отчет о ходе исследования радиоактивных месторождений Российской империи летом 1914 года // Известия Императорской Академии наук. Сер. VI. 1914. Т. VIII. № 18. С. 1353–1384.

[1019] Там же. С. 1354.

[1020] Там же. С. 1384.

[1021] *Кольцов А. В.* Создание и деятельность КЕПС.

[1022] *Манойленко К. В.* Андрей Сергеевич Фаминцын. С. 161–163.

[1023] *Груздева Е. Н.* Академия наук в годы Первой мировой войны // Актуальное прошлое. Взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. С. 889–890.

[1024] Цит. по: *Кольцов А. В.* Создание и деятельность КЕПС. С. 13.

исследования должны быть организованы в первую очередь для надежной оценки имеющихся знаний. Для этих исследований планировалось создать специальные научные институты, в частности до войны Ломоносовский институт, а также Биологический опытный институт, Государственную химическую лабораторию. По существу, это были всё те же довоенные планы, навеянные опытом создания институтов в Обществе Кайзера Вильгельма. Как и в Германии, предполагалась реализация этих планов при сотрудничестве Академии наук, правительства и общества. Соответственно в ее состав должны были войти не только академики, но и представители правительственных ведомств, в том числе военные, сотрудники неакадемических научных учреждений, университетов.

4 февраля 1915 г. ОФМН рассмотрело проект создания КЕПС, утвердило ее статус как постоянной комиссии и кандидатуру председателя. Первоначально КЕПС возглавил А. С. Фаминцын. В нее вошли также члены ОФМН, геологи, биологи и физиологи, химики и физики (Н. И. Андрусов, И. П. Бородин, П. И. Вальден, В. И. Вернадский, Б. Б. Голицын, В. В. Заленский, А. П. Карпинский, Н. С. Курнаков, Н. В. Насонов, В. И. Палладин). Им было поручено определить учреждения и круг лиц, которым будет предложено войти в состав КЕПС, а также самостоятельно кооптировать в ее состав работников академических учреждений. О работе КЕПС постоянно информировалось ОС ИАН, где докладчиком обычно был В. И. Вернадский, с самого начала игравший ключевую роль в КЕПС. В результате работа КЕПС первоначально концентрировалась вокруг проблем геологии, минералогии и геохимии[1025].

18 марта 1915 г. ОФМН рассматривало вопросы о поиске и изучении месторождений висмута, алюминиевых руд и йода на территории России. На заседании были оглашены записки: В. И. Вернадского об организации исследований месторождений висмута[1026], а также В. И. Вернадского и А. Е. Ферсмана о поисках месторождений алюминия и плавикового шпата[1027]. Последняя записка была подготовлена в связи с насущной задачей, поставленной перед Химическим отделением Императорского Русского технического общества, о добыче алюминия из отечественных руд. Авторы записки полагали, что полевые исследования и обработка данных позволят в течение нескольких месяцев выяснить районы, наиболее перспективные для практического использования. Они указали ряд таких районов в Рязанской, Екатеринославской, Елизаветопольской и Херсонской губерниях и на Южном Урале — для изыскания алюминия, а районы Тверской, Московской, Смоленской, Новгородской и Калужской губерний для изыскания плавикового шпата, а также назвали ряд молодых ученых, наиболее подготовленных к подобным исследованиям. Доводы Вернадского и Ферсмана члены ИРТО и ОФМН

[1025] Летопись РАН. Т. IV. С. 255–295.

[1026] Записка академика В. И. Вернадского. Приложение I к протоколу VI заседания ОФМН ИАН 18 марта 1915 г. (к § 195) // Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 92–94.

[1027] *Вернадский В. И., Ферсман А. Е.* Записка о необходимости исследования месторождений алюминия и плавикового шпата в пределах России. Приложение II к протоколу VI заседания ОФМН ИАН 18 марта 1915 г. (к § 196) // Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 95–96.

признали убедительными и обратились с просьбой о финансировании экспедиций в районы возможных месторождений висмутовых и алюминиевых руд к военному министру В. А. Сухомлинову и к управляющему Министерством торговли и промышленности кн. В. Н. Шаховскому[1028]. От Сухомлинова ответа академики не дождались, а Шаховской отреагировал быстро, сообщив уже 5 апреля 1915 г., что в связи с войной «не представляется возможным ассигновать в распоряжение Академии наук какую-либо сумму для проектируемого исследования висмутовых руд в России»[1029].

В подобных случаях академикам не оставалось ничего иного, как вместо организации новых экспедиций представлять к публикациям работы, чаще всего выполненные в других ведомствах. На том же заседании, 18 марта 1915 г., Вернадский представил статьи геолога О. О. Баклунда и радиохимика В. Г. Хлопина «Новая находка самородного никелистого железа», радиогеолога Е. С. Буксера «Об определении радиоактивности грязей и горных пород» и др.[1030] На следующем заседании 8 апреля 1915 г. Вернадский представлял работу минералога и петрографа В. И. Лучицкого «Исследования в области известковых контактов хребта Киргизата» в Фергане.

На ОФМН и ОС постоянно рассматривались просьбы о командировании членов ИАН для геологического обследования разных регионов Украины, Крыма, Сибири, Урала, Средней Азии, Кавказа, Дальнего Востока и т. д. Практически на каждом заседании утверждалось несколько экспедиций. Только 8 марта 1915 г. было принято и одобрено 14 ходатайств на подобные командировки в полевой сезон[1031]. В условиях военного времени это означало не только дать добро на финансирование исследований, но и добиться разрешения на их проведение от губернаторов и глав земских управлений в районах изысканий. И то, и другое было очень непросто.

8 апреля 1915 г. ОФМН заслушал записку А. С. Фаминцына и статью В. И. Вернадского[1032], изданные вскоре небольшим тиражом в виде отдельных брошюр на правах рукописи[1033]. В них было дано подробное обоснование необходимости КЕПС. В первой записке Фаминцын, один из старейших академиков, формулировал общие задачи и цели КЕПС и доказывал ее актуальность с целью более тесной интеграции интересов государства, науки и общества. Фаминцын отметил, что война показала необходимость срочной ликвидации «вопиющей экономической отсталости», и поэтому следует «немедленно приступить к систематизированной регистрации имеющихся сведений о естественных производительных силах России, природных ее богатствах с тем, чтобы сделать возможным, по изгнании врага

[1028] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 87. § 196.

[1029] Там же. С. 98. § 213.

[1030] Там же. С. 84. § 187; С. 85. § 190.

[1031] Там же. С. 87–89. § 199–202.

[1032] Там же. С. 99. § 219.

[1033] Записка акад. А. С. Фаминцына; *Вернадский В. И.* Об изучении естественных производительных сил России. Пг.: Тип. ИАН, 1915. (Отдельный оттиск из: Известия Императорской Академии наук. Пг., 1915).

из пределов нашего Отечества, приступить к их разработке»[1034]. Он также говорил о важности сотрудничества в Комиссии ученых не только АН, но и высших учебных заведений, а также научных обществ. «Предпринимаемая задача, — подчеркивал Фаминцын, — настолько громадна, что может быть совершена лишь при ближайшем участии ведомств, университетов и высших технических школ, в которых, кроме личной деятельности профессорского персонала, ежегодно формируются кадры молодых ученых, крайне полезных и желательных пособников в научных разысканиях»[1035]. Как справедливо подчеркивает К. В. Манойленко, записка патриарха академической науки ориентировала ученых на решение стратегических задач с прицелом на дальнюю перспективу[1036]. Он писал об использовании собранных данных не только в военное время, но и в рамках будущего союза науки и практики, без которого, по его мнению, Россия как великое государство существовать не может.

Программой для КЕПС стала и статья В. И. Вернадского. Она отражала его сциентический подход к глобальным проблемам человечества и к определению стратегии развития России. С его точки зрения, наука призвана обеспечить поступательное развитие человечества, и, соответственно, задача КЕПС — стать орудием в укреплении экономического потенциала страны и рациональной эксплуатации ее природных ресурсов. В записке Вернадский сформулировал основные направления работы КЕПС и обосновал комплексный подход к исследованию природы. По его мнению, подъем труда и творчества народа в этом направлении является насущной задачей времени. Ее решение необходимо, чтобы страна могла не только быстро «залечить раны, нанесенные ей великой, переживаемой нами войной, но и достигнуть того расцвета и той культурной мощи, какие соответствуют как природным богатствам, нам принадлежащим, так и тем неисчерпаемым живым силам, какие таятся в глубинах нашего народа». С реализацией этой сциентической мечты Вернадский предлагал не медлить, чтобы результаты работы КЕПС могли сказаться к концу войны[1037].

Ближайшую задачу он видел в издании очерков, статей, записок, посвященных отдельным вопросам производительных сил. В принципе КЕПС ставила целью лишь сбор воедино сведений, их первичную обработку, классификацию и каталогизацию, сокращая тем самым стоимость доступа к полезному знанию и уменьшая время его поиска. Претендуя на создание нового центра по производству и распространению больших массивов научной информации, ее инициаторы обладали необходимыми для этого качествами: общественной активностью, способностью к планированию действий, к координации работ разных коллективов и к их организации ради единой цели. Вместе с научными учреждениями различных ведомств и форм собственности, университетов, научных обществ КЕПС ИАН способствовала бы росту интеллектуального потенциала и мобилизации людских ресурсов. Задуманные издания прежде всего должны были ответить на вызовы военного

[1034] Записка акад. А. С. Фаминцына. С. 2–3.

[1035] Там же. С. 2.

[1036] *Манойленко К. В.* Андрей Сергеевич Фаминцын. С. 161.

[1037] *Вернадский В. И.* Об изучении естественных производительных сил России. С. 3.

времени и дать сведения о месторождениях ископаемых, которые ввозились ранее из-за рубежа. Очерки предполагали готовить быстро, но тщательно и исчерпывающе. По мнению Вернадского, в работе КЕПС и в проводимых ею исследованиях должны были участвовать естествоиспытатели, физики и химики. Но в обобщающем труде в первую очередь предполагалось обсудить задачи, связанные с поиском, учетом и изучением месторождений горючих и благородных газов, калиевых солей, содовых и борных озер, йода, бора, бария, руд стронция, олова, тантала, молибдена, свинца, марганца, платины, висмута и т. д. Для этого были необходимы экспедиции, лаборатории, опытные станции. Кроме того, КЕПС должна была заняться поисками источников экономического процветания, разработкой и внедрением новых производств, максимальным использованием имеющихся ресурсов. При этом работа комиссии «должна быть публична, открыта критике всех, как всякая научная работа»[1038]. Она должна быть абсолютно свободной в инициативах, а также в исследованиях, обсуждениях и публикациях.

Вернадский также ставил задачу создать к концу войны систему научно-исследовательских институтов и предлагал не жалеть на них средств, которые, как он наивно полагал, окупятся за несколько месяцев. Ссылаясь на открытия натуралистов за первые полвека истории Императорской Академии наук и художеств, Вернадский показал, как они способствовали промышленному развитию страны и ее продовольственному обеспечению. По его мнению, тысячи рублей, затраченные на первые академические экспедиции в Поволжье, Сибирь, на Урал, Дальний Восток и т. д., в конечном счете обернулись миллиардными прибылями.

Из опыта общения с государственными структурами Вернадский знал, что на щедрость государства вряд ли приходится рассчитывать, и считал важным пропагандировать в широких кругах цели КЕПС, чтобы привлечь на ее проекты деньги не столько правительственных ведомств, сколько частных лиц, промышленников и купцов, а также земских и общественных организаций. На состоявшемся 2 мая 1915 г. организационном заседании КЕПС ее председателем был избран А. С. Фаминцын, а его заместителем В. И. Вернадский. Был подвергнут обсуждению также список учреждений и научных обществ, которые планировалось привлечь к работе Комиссии.

15 мая 1915 г. было создано Бюро академической КЕПС, в которое помимо Фаминцына и Вернадского вошел Б. Б. Голицын как еще один заместитель Фаминцына, в качестве члена — П. И. Вальден, секретарей — химик и металлограф С. Ф. Жемчужный и минералог А. Е. Ферсман. Несколько месяцев ушло на решение разного рода организационных вопросов, в том числе и на убеждение скептиков. Даже некоторые геологи и минералоги оценивали программу инициаторов КЕПС скорее как «лоббирование» интересов научного сообщества под разговоры о необходимости мобилизовать науку для спасения страны. Среди тех, кто считал, что создание КЕПС продиктовано не столько стремлением помочь отечеству во время войны, сколько желанием использовать сложившуюся обстановку для развития самой науки, был и знаменитый кристаллограф, профессор Горного ин-

[1038] *Вернадский В. И.* Очерки и речи. Т. I. С. 16.

ститута Е. С. Фёдоров, ранее, в 1901–1905 гг., адъюнкт ИАН. По его мнению, было недопустимо в военной обстановке тратить огромные финансовые и материальные ресурсы на проекты, отдача от которых возможна лишь через несколько десятилетий. «В настоящую минуту, — призывал он, — нужно думать не о затратах для науки, а напрягать все силы помочь армии и бедствующей части населения»[1039]. В качестве таких проблем он называл поиск средств для избавления армии от насекомых, защиты от отравляющих газов, расширение арсенала используемых растений и т. д. Свою записку Фёдоров завершил призывом: «Пройдет военная гроза, тогда примемся и за расширение науки и техники в нашем отечестве...»[1040]

Но ИАН не хотела ждать. Отвечая на подобные возражения, Фаминцын подчеркнул, что академическая комиссия не преследует цель, о которой говорит Фёдоров, и не затрагивает вопросы, непосредственно касающиеся военных потребителей. «Задача ее совершенно иная: содействовать, по мере сил, поднятию экономического уровня России при посредстве строго научного изучения ее богатств»[1041]. Таким образом, ИАН не желала брать на себя конкретные обязательства по практическому внедрению своих рекомендаций, не относящемуся к ее компетенции. Хотя академическое сообщество не согласилось с Е. С. Фёдоровым, а сам он к тому времени уже не был членом ИАН, ОФМН, заслушав его письмо, постановило 16 сентября 1915 г. опубликовать его не только как приложение к «Протоколам заседаний ОФМН», печатаемым на правах рукописи для служебного пользования, но и в «Известиях ИАН», чтобы сделать выдвинутые Фёдоровым возражения предметом общественного обсуждения[1042].

Тревожные вести с фронтов и из Петрограда заставляли инициаторов КЕПС действовать активно. В письме к А. С. Фаминцыну от 7 июля 1915 г. В. И. Вернадский писал: «С осени надо будет двинуть нашу Комиссию. Но сейчас стали другие более тяжелые события, которые выдвигают работу еще более неотложную, и для меня не вполне ясно, как на всё это должна отозваться Академия наук»[1043]. Он собирается подробно обсудить с С. Ф. Ольденбургом, что должна «сделать Академия наук в момент столь большой важности», а также границы ее возможных действий[1044].

На заседании Бюро академической КЕПС, состоявшемся 18 августа 1915 г., совместными усилиями были выработаны записки о ее ближайших задачах и утверждено издание очерков, суммирующих собранные сведения[1045]. Ввиду

[1039] Мнение проф. Е. Фёдорова о записке гг. академиков об изучении естественных производительных сил России. Приложение к протоколу XI заседания ОФМН ИАН от 16 сентября 1915 г. (к § 447) // Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 179.

[1040] Там же. С. 180.

[1041] Записка акад. А. С. Фаминцына. С. 9.

[1042] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 174. § 447; Мнение проф. Е. Фёдорова о записке гг. академиков об изучении естественных производительных сил России // Известия ИАН. Сер. VI. 1915. № 16. С. 1679–1680.

[1043] СПбФ АРАН. Ф. 39. Оп. 1. Д. 54. Л. 199.

[1044] Там же.

[1045] Записка, выработанная Бюро Академической Комиссии по исследованию производительных сил России. Приложение к протоколу X заседания ОФМН ИАН от 2 сентября

невыполнимости первоначального замысла — представить в одном сборнике все сведения о производительных силах России, — было решено приступить к составлению и изданию отдельных очерков, охватывающих «вопросы ископаемых богатств, богатства животного, растительного мира, использования механических сил природы и т. п.» и содержащих в то же время материал для будущего капитального труда[1046]. Бюро согласилось, что в первую очередь нужно ставить вопросы, «возбуждаемые потребностями войны и мобилизацией для этой цели общественных сил»[1047]. Для этой цели надо доступно и просто излагать сведения о природных ресурсах России и о путях их практического использования. В. И. Вернадскому и А. Е. Ферсману поручили подготовить программу ближайших выпусков и представить ее на заседаниях КЕПС и ОФМН. В нее попали очерки о месторождениях различных ископаемых, а также по запасам рыб и лечебным травам. Были названы и их возможные авторы, которые подготовили бы их на базе своего предшествующего опыта и обзора литературы. Среди предполагаемых авторов были как маститые ученые, так и те, кто недавно стал известен научному сообществу. Во всех случаях приоритетом служила компетентность в конкретных вопросах.

Подобная программа была призвана компенсировать сокращение экспедиций и других полевых исследований, нацеливая КЕПС преимущественно на обзорно-литературную и просветительскую деятельность, не претендуя при этом на получение новых данных и знаний. Но инициаторы КЕПС были уверены, что запланированные очерки, изданные большими тиражами и широко распространяемые, изначально придадут ее работе социально-значимый характер, так как могут ответить на запросы, связанные «с организацией нашей промышленности для войны»[1048].

Эти записки А. С. Фаминцын 2 сентября 1915 г. зачитал на заседании ОФМН, подчеркнув, что главная задача КЕПС — «устранение нашей вопиющей экономической отсталости»[1049]. Увы, на выполнение этой благородной цели ОФМН смогло выделить новой Комиссии только 400 рублей на делопроизводство и подготовку изданий[1050]. Тем не менее, направляя усилия ученых на насущные нужды страны и говоря с властью на понятном ей патриотическом языке, учредители КЕПС способствовали повышению профессиональной репутации ученых в глазах власти и общества, что оказалось важным в грядущих катастрофах. Без особых затрат этот проект сулил общественно-политические дивиденды всем его участникам.

Успеху проекта КЕПС способствовала также хорошо организованная кампания по его продвижению в обществе. С самого начала его обсуждения в ИАН на страницах столичных газет «Биржевые ведомости», «Голос Руси», «Петроградские ведомости», «Современное слово» и др., пропагандировавших разные политические и экономические воззрения, публиковалась информация об организации

1915 г. (к § 401) // Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 167; Записка об издании очерков «К познанию естественных производительных сил России» // Там же. С. 168.

[1046] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 168.

[1047] Там же.

[1048] Там же. С. 167.

[1049] Записка акад. А. С. Фаминцына. С. 1.

[1050] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 159. § 401.

КЕПС, ее целях и задачах. Так, в мае 1915 г. либеральные «Биржевые ведомости» сочувственно процитировали слова А. С. Фаминцына, что Мировая война показала необходимость экономической и научной независимости России и заставила «более внимательно отнестись к самой России. Россия богата и может обойтись без зависимости от других стран»[1051].

Уже к началу сентября многие научные и образовательные учреждения и общества согласились участвовать в работе КЕПС, направив в нее авторитетных представителей и видных ученых[1052]. Так, от МНП был назначен председатель Ученого комитета астроном Г. В. Левицкий, от ГУЗиЗ — садовод и огородник А. А. Шульц, животновод Е. Ф. Лискун и растениевод Р. Э. Регель, лесничий Н. Д. Суходский, от Департамента земледелия — почвовед К. Д. Глинка, от Русского металлургического общества — В. Н. Липин, от ИРТО — горный инженер Д. Л. Иванов, от ВЭО — геолог Н. Ф. Погребов, от общества содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х. С. Леденцова — инженер-механик С. А. Фёдоров и физико-химик И. А. Каблуков, от Императорского Ботанического сада — систематик, биогеограф и эволюционист В. Л. Комаров и т. д. Характерно, что особый интерес к работе КЕПС проявили ученые и инженеры, так или иначе связанные с науками о Земле, а также с прикладной биологией. Так, например, от Горного ученого комитета официально в КЕПС был направлен горный инженер, тайный советник А. О. Иванов, но помимо него войти в ее состав пожелал также кристаллограф Е. С. Фёдоров. Среди лиц, изначально присоединившихся к КЕПС, были выдающиеся географы Д. Н. Анучин и Л. С. Берг, известный государственный деятель агроном В. И. Ковалевский, палеобиогеохимик Я. В. Самойлов, флорист и ботанико-географ Н. А. Буш и др. Это придало Комиссии вид авторитетного форума, занимавшегося стратегией развития науки в масштабах всей страны и объединявшего ученых разных отраслей академического естествознания и прикладных дисциплин, а также научных учреждений и обществ различной ведомственной принадлежности и собственности.

9.3. Первые итоги деятельности КЕПС

По существу, КЕПС стремилась стать центром консолидации интересов ученых без разделения их на академических и университетских, теоретиков и практиков, столичных и провинциальных, государственных и общественных и т. д. Все ее члены занимали прочные позиции в обществе, пользовались влиянием в своих отраслях знания; их голос звучал авторитетно не только для коллег, но и для властей и во многих влиятельных кругах. Активная деятельность в КЕПС стала для многих ученых среднего поколения важной ступенькой в их административной и научной карьере, как, например, для будущего президента АН СССР В. Л. Комарова или будущего вице-президента РАН А. Е. Ферсмана. Немало будущих академиков и членов-корреспондентов РАН и АН СССР было среди активных членов КЕПС, где они становились известны широким кругам научного сообщества.

[1051] СПбФ АРАН. Р. V. 1-ф. Д. 1. Л. 59.

[1052] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 174. § 447.

Выбранная стратегия оправдала себя. Не беря на себя никаких конкретных обязательств, ученые путем активной пропаганды знаний демонстрировали свою значимость в решении острых вопросов военного времени, подсказывая, где, что и как можно найти как можно быстрее. Им удалось максимально эффективно использовать прессу. Благодаря связям ученых-либералов с редакторами и журналистами массовых газет программа КЕПС была широко разрекламирована. Установку инициаторов КЕПС поддержала научная общественность, выразителем мнения которой стала редакция научно-популярного журнала «Природа», опубликовавшая специальное обращение по вопросу изучения и использования природных богатств России[1053]. В нем подчеркивалось, что четверть века тому назад аналогичные задачи были поставлены в США, и там их решение шло путем нахождения и изучения необходимых месторождений, освоения недр и подчинения богатых ресурсов природы потребностям развивающейся промышленности. В результате планомерной работы создавались регистрирующие бюро природных богатств, систематизировались разнообразные данные о производительных силах страны. КЕПС, по мнению редакции, должна была стать для России подобным центром, координирующим сбор этих сведений и способным давать ответы на «запросы быстро развивающейся жизни». Планомерное использование систематизированных знаний о природных богатствах, по мнению редакции, обеспечит «улучшение материального положения страны и увеличение на его основе благосостояния всего народа». Таким образом, программа КЕПС была нацелена не столько на нужды военного времени, сколько на будущее процветание страны и народа, которое, по мнению ученых, и было главной целью науки. В журнале был создан особый отдел под руководством профессора Московского университета, геохимика и минералога А. Е. Ферсмана — ближайшего ученика и соратника В. И. Вернадского, ставшего к тому времени одним из идеологов КЕПС.

По мнению Ферсмана, КЕПС должна была стать чем-то вроде справочного бюро в области геологии и горной промышленности, призванного преодолеть отчужденность науки от практики, выработать язык изложения знаний, понятный практикам — промышленникам, военным и политикам. Давая четкие ответы на их запросы, КЕПС сможет реально помочь промышленности. Ее задача, по его словам, состоит в том, чтобы «осветить научно и более широко те проблемы, которые стоят на очереди перед жизнью, и этой деятельностью прийти на помощь промышленности в использовании природных сил России»[1054]. При этом он отмечал сложность и грандиозность поставленной задачи и также уклонялся от того, чтобы брать какие-то конкретные обязательства.

К тому времени выяснилось, что болезнь не позволяет Фаминцыну активно исполнять обязанности председателя КЕПС. 16 сентября его на этом посту сменил В. И. Вернадский, а полноправным председателем он был избран на первом расши-

---

[1053] От редакции. К вопросу об использовании природных богатств России // Природа. 1915. № 9. Стб 1198–1199.

[1054] *Ферсман А. Е.* Справочное бюро по горной промышленности и по геологии // Природа. 1915. № 11. Стб 1440.

ренном заседании КЕПС, состоявшемся 11 октября 1915 г. в присутствии 53 чел.[1055] Это было удачное решение, способствовавшее лучшей узнаваемости комиссии в правительственных ведомствах и в оппозиционных структурах. Комиссия, возглавляемая членом Государственного совета и ЦК партии кадетов, заставляла более внимательно прислушиваться к своим проектам. Не случайно Вернадский бессменно возглавлял комиссию в течение 15 лет, оставаясь во главе ее и во время своего долгого отсутствия сначала на юге страны (1917–1921), а затем, после относительно кратковременного пребывания в Петрограде, — во Франции (1922–1926). Его заместителями тогда же были избраны Б. Б. Голицын и Н. С. Курнаков. Бюро было выбрано в основном в прежнем составе, пополнившись петрографом Ф. Ю. Левинсоном-Лессингом и знаменитым ихтиологом В. К. Бражниковым, заведовавшим всем российским рыболовством и охотой. На этом заседании были обсуждены и одобрены проекты Д. Н. Анучина, Л. С. Берга, М. А. Рыкачёва и В. П. Семёнова-Тян-Шанского, связанные с изучением возобновляемых источников энергии (таких как ветер, реки и водопады).

Далеко не все согласились с целевыми оценками и установками программных записок А. С. Фаминцына, В. И. Вернадского и А. Е. Ферсмана. Директор Геолкома К. И. Богданович подчеркнул, что отечественной промышленности сейчас нужны не справочники и очерки, а рекомендации специалистов «в работе, организации и осуществлении иных предприятий», для чего КЕПС не имеет «ни определенного персонала, ни средств»[1056]. Он выразил опасение, что КЕПС может стать неким штабом, указывающим новые задачи и пытающимся командовать другими научными структурами. Поддерживая создание комиссии с целью координации деятельности отдельных ученых и учреждений, работавших над оборонными заданиями, Б. Б. Голицын предлагал спросить у военного и морского министров, в чем состоит наибольшая нужда и для решения каких вопросов требуются научные знания. Это предложение было поддержано, и, чтобы еще раз подчеркнуть нацеленность КЕПС на решение оборонных проблем, постановили «организовать при Комиссии военно-морскую подкомиссию»[1057], которой и поручили установить контакт с Военным и Морским ведомствами с целью выяснения их потребностей в производительных силах России. Об этом решении КЕПС ИАН сообщила 19 октября 1915 г. за № 1951 Военному министерству.

Ответ последовал незамедлительно. Уже 23 октября 1915 г. председатель Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, новый военный министр А. А. Поливанов писал о поддержке инициативы ИАН: «Вполне разделяя мнение Императорской Академии наук о необходимости энергичной разработки неисчерпаемых естественных богатств России с целью положить конец нашей экономической зависимости от иностранных рынков и дать нашей армии необходимые материальные и технические средства для достижения победы над врагом, искренно приветствую решение Академии наук направить

[1055] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 201. § 511.

[1056] Цит. по: *Кольцов А. В.* Создание и деятельность КЕПС. С. 20–22.

[1057] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 201. § 511.

на служение нуждам армии и флота лучшие силы русской науки, объединив их в “Комиссию по изучению естественных производительных сил России”»[1058]. Министр также сообщил: ввиду выраженного КЕПС намерения незамедлительно приступить к работам, «связанным с интересами государственной обороны, мною сделано распоряжение о скорейшей сводке сведений о тех материалах и продуктах, в которых в настоящее время ощущается наиболее острая нужда»[1059]. Скорость реакции и содержание показывает, что инициаторы КЕПС правильно оценили момент для продвижения интересов науки, удачно выстроили стратегию действий — и получили поддержку в высшей инстанции.

В. И. Вернадский 4 ноября 1915 г. подал в ОФМН смету на выделение КЕПС для покрытия хотя бы канцелярских расходов на печатание срочных очерков в 1915 г. 4575 руб. и на аналогичные расходы в 1916 г. — 10 008 руб.[1060] Ввиду «необходимости безотлагательного приведения в исполнение заданий Комиссии, тесно связанных с требованиями обороны и положением промышленности»[1061], он просит о срочном заимствовании из средств ИАН. ОФМН поддерживает Вернадского, отправляя смету и просьбу о займе вверх по инстанциям. В тот же день Вернадский в письме Я. В. Самойлову сообщил: идея сборника одобрена «в военных кругах, и нам обещают немедля выделить нужные деньги»[1062]. В. Н. Ипатьев после соответствующих переговоров с руководителями Особого совещания, в которое он входил, рекомендовал КЕПС обратиться к ним с соответствующим ходатайством, и было решено просить уже 70 тыс. руб. на подготовку и издание сборника «Материалы для изучения естественных производительных сил России» объемом в 143 п. л.[1063]

Первоначально в Комиссии состояли 56 чел., а в 1916 г. в ней уже числился 131[1064]. К тому времени в КЕПС вошли ученые, представлявшие почти все ведущие отрасли естественных, технических и гуманитарных наук, крупные научные общества, а также высокопоставленные чиновники различных ведомств, руководители оборонных предприятий. Помимо названных ранее ведомств, учреждений и обществ, а также институтов, музеев и обсерваторий ИАН, здесь были представители: а) правительственных ведомств: Военного министерства (Артиллерийская академия, Военно-техническое управление, Военно-топографический отдел, Центральная научно-техническая лаборатория), Морского министерства (Мор-

[1058] Там же. С. 208. § 524.

[1059] Там же.

[1060] Смета расходов на 1915 г. КЕПС. Приложение I к протоколу XIV заседания ОФМН ИАН 4 ноября 1915 года (к § 542) // Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 219–220.

[1061] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 214. § 542.

[1062] Страницы автобиографии В. И. Вернадского / Сост. Н. В. Филиппова. М.: Наука, 1981. С. 276.

[1063] *Кольцов А. В.* Создание и деятельность КЕПС. С. 24–25. 70 тыс. руб. на издание материалов КЕПС означали большие средства, если учесть, что на содержание всей академической типографии в бюджете на 1917 г. было выделено 125 630 руб. См.: *Тункина И. В.* На переломе: Академия наук в 1917 г. // Труды Отделения историко-филологических наук РАН 2017. М.: Культура — НАУКА — Книга, 2018. С. 44.

[1064] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 350–356.

ская академия, Главное адмиралтейство, Главное гидрографическое управление и Главное управление кораблестроения), Министерства финансов, Министерства торговли и промышленности (Отдел промышленности), Главного управления землеустройства и земледелия (Департамента земледелия, Лесного корпуса, Департамента государственных имуществ, Гидрологического комитета), Министерства путей сообщения (Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог, Комитет управления), Министерства двора и уделов (Комитет его величества, Кабинет его императорского величества, Земельно-заводской отдел); б) Петроградского и Московского университетов, петроградских Политехнического и Технологического институтов, Психоневрологического, Лесного и Горного институтов в Петрограде, Воронежского и Московского сельскохозяйственных институтов; в) обществ: Центрального ВПК, РФХО, Минералогического общества, ПгОЕ, РГО, МОИП, Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии[1065]. Особенно ярко были представлены геология, геохимия, минералогия, горное дело, география. Были и представители отдельных предприятий.

В КЕПС вошли будущие президенты РАН / АН СССР А. П. Карпинский и АН СССР В. Л. Комаров, а также будущие члены Академии наук А. Д. Архангельский, А. А. Байков, Л. С. Берг, А. А. Борисяк, К. Д. Глинка, В. Г. Глушков, П. А. Земятченский, И. А. Каблуков, Н. Н. Качалов, Н. М. Книпович, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, В. Н. Любименко, М. А. Мензбир, В. А. Обручев, Д. Н. Прянишников, П. И. Степанов, В. Н. Сукачёв, П. Б. Струве, В. Е. Тищенко, А. Е. Фаворский, А. Е. Ферсман, А. Е. Чичибабин, А. А. Чупров, В. М. Шимкевич, Ю. М. Шокальский и др.[1066] Благодаря им, а также созданным ими учреждениям и научным школам в историю отечественной науки были вписаны яркие страницы. Перефразируя сакраментальное выражение о гоголевской «Шинели», можно сказать, что отечественное естествознание периода 1920–1940-х гг. вышло из КЕПС.

Важно, что на стадии выработки стратегии КЕПС критические, а порой и нелицеприятные замечания К. И. Богдановича, Б. Б. Голицына, Е. С. Фёдорова и др. были восприняты позитивно и учтены. К первоочередным задачам военного времени были отнесены очерки о наличии в России соединений титана, молибдена и бария, руд вольфрама, никеля, лития и олова, о получении толуола и бензола из кокса и нефти, о добыче морской капусты в Тихом океане, о месторождениях слюды, талька, наждака, солей магния, минералов лития, о замене сурьмы мышьяком в некоторых сплавах, о минеральных водах и т. д.[1067]

Редакционный комитет по изданию очерков «Материалы для изучения естественных производительных сил России» подразделялся на подкомиссии: по битумам; по глинам и огнеупорным материалам; по микроскопии; по платине; по почвам; по исследованию Севера; по солям. С самого начала тираж отдельных выпусков предполагался в 10 тыс. экземпляров. Однако ОС ИАН в 10 раз уменьшило тираж,

---

[1065] *Ферсман А. Е.* Природные богатства России // Природа. 2015. № 11. Стб 1571; Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 185–186. § 480; С. 199–200. § 505.

[1066] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 186. § 480.

[1067] *Ферсман А. Е.* Природные богатства России. Стб 1572.

запрашиваемый ОФМН, и постановило печатать очерки «К познанию естественных производительных сил России» в количестве 1 тыс. экземпляров[1068]. Первые 4 выпуска «Отчетов КЕПС», где помещены протоколы ее заседаний, отдельные записки, ответы на запросы лиц и учреждений, работавших на «оборону и мобилизованную промышленность», были напечатаны в 500 экземплярах, которые быстро разошлись. По предложению В. И. Вернадского, ОС ИАН 8 октября 1916 г. разрешило дальнейшие выпуски печатать в 750–1000 экземплярах[1069]. Но ввиду большой популярности трудов КЕПС уже 8 декабря 1916 г. было утверждено постановление ОФМН о десятитысячном тираже «Материалов Комиссии по изучению естественных производительных сил России»[1070].

К концу 1916 г. был разработан предварительный план многотомного издания «Естественные производительные силы России» и назначены его руководители: т. 1 — «Ветер, как двигательная сила» (рук. М. А. Рыкачёв); т. 2 — «Белый уголь» (рук. В. И. Вернадский); т. 3 — «Артезианские воды» (рук. Н. И. Андрусов); т. 4 — «Полезные ископаемые» (рук. К. И. Богданович); т. 5 — «Растительный мир» (рук. И. П. Бородин); т. 6 — «Животный мир» (рук. В. К. Бражников и Е. Ф. Лискун)[1071]. Как видно из перечня тем, предполагалось охватить широкий круг вопросов, а список будущих авторов свидетельствует, что на предстоящую работу удалось мобилизовать ведущих специалистов из разных отраслей прикладного естествознания и естественной истории.

В первоначальные планы Комиссии входила разработка проектов, связанных с вопросами обороны по заданию Военного и Морского министерств, Министерства финансов и Верховного начальника санитарной и эвакуационной части. Наряду с этим с первых месяцев ее работы был в общих чертах намечен круг вопросов для преварительного обсуждения: о толуоле; об источниках магния и меди; об огнеупорных материалах, необходимых для стекла и технического фарфора; о месторождениях соли в районе Кара-Богаз-Гол; о парафиновой нефти; о горючих ископаемых бокхедах и сапропелях; о географии и статистике России[1072].

Достаточно быстро круг задач и проектов существенно расширился. Особенно активны были химики[1073]. В 1916 г. в адрес Особого совещания по обороне государства при военном министре по инициативе химика С. Ф. Жемчужного — ученика и помощника Н. С. Курнакова, — на базе экспериментальных данных была составлена записка об использовании для военной техники некоторых веществ, шедших до этого в отходы. На средства, выделенные Особым совещанием Военно-химическому комитету, члены КЕПС С. Ф. Жемчужный, В. П. Ильинский, Л. А. Чугаев стали выполнять оборонные исследования. Жемчужный возглавил работы по производству ферросплавов, начатые по заказу Военного министерства. Лаборатория Л. А. Чугаева в Петроградском университете занималась вопросом

[1068] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 137. § 177.

[1069] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 157. § 217.

[1070] Там же. С. 198. § 296.

[1071] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 327–335.

[1072] Отчет о деятельности ИАН. 1915. С. 300.

[1073] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 326.

использования для военных целей некоторых отработанных кислот. По предложению Н. С. Курнакова В. П. Ильинский принялся за сооружение опытной заводской установки для промышленного производства металлического магния.

По поручению управляющего делами Особого совещания КЕПС в химической лаборатории Горного института под руководством его директора физико-химика И. Ф. Шредера были организованы специальные исследования сапропелита (элатерита) Балхаша[1074].

КЕПС занялась также геолого-поисковой работой, касающейся обеспечения фронта и тыла стратегическим сырьем. Ученые выезжали в различные районы страны для проведения разведок и геологических съемок. Пристальное внимание обращали на решение вопросов, связанных со снабжением страны продовольствием. Результаты исследований обобщались в серийных изданиях КЕПС: «Естественные производительные силы России», «Богатства России», «Отчеты о деятельности КЕПС» и др. Практически на каждом заседании ОФМН и ОС ИАН В. И. Вернадский или Н. И. Андрусов представляли статьи, выполненные по тематике КЕПС для публикации в изданиях ИАН. Например, 15 ноября 1916 г. Вернадский представил статьи сотрудников КЕПС Е. В. Ереминой («Плавиковый шпат в России») и И. И. Гинзбурга («Слюда, ее свойства, применение и нахождение в России»)[1075]. На том же заседании Н. И. Андрусов доложил о статье крупного палеоботаника М. Д. Залесского «О сапропелите силурийского возраста, образованном сине-зелеными водорослями», также очень важной для преодоления дефицита топлива.

КЕПС развивалась как новая форма организации комплексных научных исследований, финансируемых разными правительственными учреждениями. Большая часть средств поступала от министерств и ведомств, заказы которых выполняла Комиссия. Так, 11 мая 1916 г. помощник военного министра Н. П. Гарин на заседании ОФМН сообщил, что Особое совещание для обсуждения мероприятий по обороне государства выделило КЕПС 14 тыс. рублей на предварительные полевые работы по изысканию огнеупорных материалов для нужд обороны[1076]. Именно этой проблеме был посвящен первый выпуск «Материалов КЕПС», подготовленный А. Е. Ферсманом и выдержавший три издания в течение трех лет[1077], а также первая книга П. А. Земятченского о руских глинах[1078]. Перспективам поиска руд алюминия в России посвятил свою книжку В. В. Аршинов[1079]. Во все губернские и уездные земские управы были разосланы циркулярные письма с просьбой прислать сведения о глинах в их районах. Благодаря этой анкете был собран богатый материал, требовавший обобщения и систематизации[1080]. Резко возросла интенсивность экспедиционной деятельности. Вскоре для исследования огнеупорных глин

[1074] Там же. С. 340–341.

[1075] Летопись РАН. Т. IV. С. 287.

[1076] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1916. Д. 163. Л. 223 об.

[1077] *Ферсман А. Е.* Русские месторождения сукновальных глин и близких к ним веществ (с аналитическими данными Ф. А. Николаевского). Пг.: КЕПС, 1915.

[1078] *Земятченский П. А.* Поглотительные свойства русских глин. Пг.: КЕПС, 1916.

[1079] *Аршинов В. В.* Алюминиевые руды и возможности их нахождения. Пг.: КЕПС, 1916.

[1080] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 337–338.

КЕПС командировала П. А. Земятченского в Воронежскую губернию, И. И. Гинзбурга — в Полоцкую и Олонецкую, В. И. Искюля — в Новгородскую губернию, а А. А. Твалчрелидзе — в Закавказье[1081]. В районе д. Рудная Горка Тихвинского уезда В. И. Искюль обнаружил ряд горизонтов глин, богатых титаном[1082]. В связи с необходимостью отыскания месторождений для производства алюминия сотрудник Геолкома М. В. Баярунас был командирован на Тамань, И. И. Гинзбург — в Кривой Рог, В. И. Вернадский и А. Е. Ферсман — в Томскую губернию. В связи с огромным значением глиняного дела металлург В. Е. Грум-Гржимайло предложил создать школу техников по глиноведению[1083], а А. М. Соколов, П. А. Земятченский и А. Е. Ферсман подготовили проект создания специального научно-технического института — испытательной станции по глиняным материалам[1084].

Только летом 1916 г. на поиски стратегического сырья были командированы: В. И. Вернадский и М. Г. Богословский в Ферганскую область для изучения радиоактивных материалов, Е. Е. Костылева в Пермскую губернию для исследования тальковых месторождений, приват-доцент П. Эскола в Олонецкую губернию для минералогических исследований, Э. А. Эштебер на Кавказ для исследования месторождений бора и йода, И. П. Толмачев для геологических исследований в Семиреченскую область и др. Совет КЕПС и подкомиссия по солям организовали исследования запасов глауберовой соли в заливе Кара-Богаз-Гол. Их промышленному значению был посвящен специальный выпуск «Материалов КЕПС»[1085]. 15 ноября 1916 г. В. И. Вернадский доложил совету КЕПС о переговорах с Нижегородским биржевым комитетом о финансировании этих исследований. Для сбора необходимого материала по сапропелитам в целях проверки на содержание в них бензола и толуола в район о. Бологое был командирован доцент Петроградского университета В. Н. Таганцев[1086].

Всего в 1916 г. КЕПС организовала 14 экспедиций[1087], охватывавших практически все регионы страны. Тематика экспедиций была разнообразной: изучение глин, огнеупорных материалов и руд алюминия; битумы, сапропели и майкопская нефть; соляные озера; платина; животноводство; рыбный промысел и др. Благодаря Ильменскому отряду Радиевой экспедиции была произведена разработка новых копей, расчищены молибденовые копи, открыто месторождение пирохлора, обнаружен чевкинит. Была составлена петрографическая карта Ильменских гор и список обнаруженных в них минералов. В тесном сотрудничестве с КЕПС работал Геологический комитет, который также вел поиски стратегического сырья (вольфрам, молибден, висмут, олово и др.)[1088]. Были выпущены брошюры о нахождении лития

[1081] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1916. Д. 163. Л. 229.

[1082] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 338.

[1083] Отчеты о деятельности Комиссии. 1916. № 3. С. 59–62.

[1084] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 339–340.

[1085] *Андрусов Н. И., Лебединцев А. А., Курнаков Н. С., Подкопаев Н. И., Шпиндлер И. Б.* Карабугаз и его промышленное значение. Пг.: КЕПС, 1916.

[1086] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 341.

[1087] *Кольцов А. В.* Создание и деятельность КЕПС. С. 108.

[1088] ВСЕГЕИ в развитии геологической науки и минерально-сырьевой базы страны. 1882–1982. Л.: Недра, 1982. С. 56; Летопись РАН. Т. IV. С. 261.

в российских минералах, о соединениях бария, серного колчедана, вольфрамовых и оловянных руд и т. д.[1089] В печать были сданы выпуски, посвященные молибдену (И. А. Преображенский), исландскому шпату (Е. Д. Ревуцкая), слюде (И. И. Гинзбург), платине (С. Ф. Жемчужный), месторождениям редких химических элементов в Финляндии (Э. Мэкинен), но из-за начавшейся революции далеко не все они увидели свет[1090]. Характерно, что в подготовке всех этих брошюр совместно работали не только представители разных учреждений, но и ученые разных специальностей (геологи, геохимики, минералоги, химики).

Порой приходилось вспоминать о прежних, заброшенных и даже давно забытых месторождениях и рудниках. Так получилось с залежами слюды (мусковита) в Восточной Сибири в Мамско-Чуйской тайге и на реке Кана. Их интенсивно разрабатывали в течение XVIII столетия, но затем забросили по экономическим соображениям[1091]. В начале XX в. золотопромышленники П. П. Гаряев и А. Л. Томчик проявили интерес к возобновлению добычи мусковита для нужд электротехнической промышленности. Работавшие на них старатели первоначально совмещали добычу слюды с промыслом пушнины в Мамской тайге. Война потребовала резкого увеличения объемов добываемой слюды. Если за 1913–1914 гг. очищенной слюды было добыто 3,8 т, то в 1916 г. — 5 т, в 1917 г. — 21,6 т, т. е. почти в 10 раз больше, чем накануне войны. Превращение промысла слюды в промышленное производство произошло во второй половине 1920-х гг.

Резко возросшая потребность в никеле привела к возрождению интереса к уральскому никелю, чему способствовало открытие залежей никеленосной глины в Сергино-Уфалейском горном округе на Урале[1092]. В 1916 г. был предложен проект постройки никелевого завода в Верхнем Уфалее. Однако в те годы проект остался неосуществленным, так как сырьевая база была изучена слабо и возникли опасения, что для успешной работы богатой руды будет недостаточно.

На заседании КЕПС 12 декабря 1915 г. В. П. Семёнов-Тян-Шанский поставил вопрос о правильной организации топографической съемки России и государственной статистики. О соответствующем решении КЕПС В. И. Вернадский доложил ОС ИАН 6 февраля 1916 г. Он подчеркнул, что незавершенная топографическая

[1089] *Еремина Е. В., Малышева В. С., Добрынина М. И.* Соединения бария в России. Пг.: КЕПС, 1916; *Еремина Е. В.* Нахождения плавикового шпата в России. Пг.: КЕПС, 1917; *Самойлов Я. В.* Месторождения серного колчедана в России. Пг.: КЕПС, 1916; *Сущинский П. П.* Очерки месторождения вольфрамовых и оловянных руд в России. Пг.: КЕПС, 1916; *Хлопин В. Г.* Литий и его соединения, их техническое применение и нахождение в русских минералах. Пг.: Тип. ИАН, 1916.

[1090] *Ревуцкая Е. Д.* Русские месторождения исландского шпата. Пг.: КЕПС, 1917; *Жемчужный С. Ф.* Получение чистой платины и ее свойства. Электропроводность сплавов платины с металлами платиновой группы. Пг.: КЕПС, 1917.

[1091] *Гинзбург И. И.* Слюда, ее свойства, применение и распространение в России. Пг.: 2-я Гос. тип., 1919.

[1092] *Сапоговская Л. В.* Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. (к характеристике процессов монополизации). 2-е изд. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007.

съемка всей территории России и неудовлетворительное состояние отечественной статистики не только затрудняют работу КЕПС, но и мешают решению глобальных государственных проблем, обострившихся в ходе войны. Для этого необходимо объединить усилия ряда учреждений ИАН с РГО и ВЭО в Петрограде, а также со Статистическим обществом имени А. И. Чупрова в Москве. ОС ИАН в принципе согласилось с предложением КЕПС[1093]. Для выяснения вопроса о правильной организации топографической съемки Российской империи ИАН создала Комиссию во главе с С. Ф. Ольденбургом, в которую должны были войти члены ОФМН, избранные по разрядам: минералогия, геология, ботаника и зоология, а из ОРЯС и ОИНФ члены Комиссии по географической номенклатуре. Вопрос об организации статистики передали в ОИНФ.

КЕПС активно обсуждала и вопросы транспортного обеспечения доставки военной продукции. Интенсивнее шло строительство новых железнодорожных линий. Стала функционировать главная линия: Екатеринбург–Тюмень–Омск (составленная из нескольких ранее сооруженных участков) с боковой ветвью: Синарская–Щадринск. Главная ветвь тогда же вошла в состав огромной магистрали: Петроград–Пермь–Омск, разгрузившей Транссибирскую магистраль. Новые линии строились во многих европейских губерниях, в Средней Азии, Малороссии и даже в оккупированной Галиции.

По мере роста объема задач всё очевиднее становилась архаичность организации научных исследований и их ведомственная разобщенность. КЕПС ощущала себя ответственной за судьбы всей отечественной науки. На заседаниях совета и общих собраниях КЕПС регулярно обсуждались вопросы институционализации науки. 16 декабря 1916 г. В. И. Вернадский предложил создать в России разветвленную сеть государственных научно-исследовательских институтов[1094]. Были разработаны программы деятельности Института физико-химического анализа (1917), Института по изучению платины и других благородных металлов (1917), Кавказского историко-археологического института (1917), Гидрологического института (1917) и др. План основывался на уже прошедших обсуждение проектах. 4 апреля 1916 г. был заслушан доклад Л. А. Чугаева о рациональном использовании платиновых руд и создании для этой цели специального научного учреждения. 10 декабря 1916 г. на заседании КЕПС Н. С. Курнаков выступил с замечаниями о создании Института физико-химического анализа[1095]. 28 сентября 1916 г. на заседании ОФМН была создана комиссия под председательством А. П. Карпинского для рассмотрения вопроса о создании Биологического института путем объединения Физиологической и Особой зоологической лаборатории, а также Лаборатории по анатомии и физиологии растений[1096]. В комиссию вошли также И. П. Бородин, В. В. Заленский, Н. В. Насонов, С. Ф. Ольденбург, И. П. Павлов, В. И. Палладин. Подкомиссия по глинам предложила организовать центральную испытательную

[1093] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 34–35. § 47.

[1094] Отчет о деятельности Комиссии. 1917. № 8. С. 148.

[1095] *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский. С. 20; Летопись РАН. Т. IV. С. 289.

[1096] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1916. Д. 163. Л. 245–246.

станцию по огнеупорным и глиняным материалам, которая позднее стала воплощаться в проекте учреждения Керамического института.

КЕПС не раз обращалась к вопросу об улучшении координации работ с другими ведомствами и провинциальными учреждениями. Об этом говорили В. И. Вернадский и Н. С. Курнаков на общем собрании КЕПС 18 декабря 1916 г. По предложению А. Е. Ферсмана было принято обращение КЕПС «к провинциальным научным учреждениям и лицам» с просьбой принять участие в работе комиссии[1097]. На том же собрании заместителем председателя КЕПС (вместо умершего Б. Б. Голицына) был избран А. Н. Крылов. В КЕПС дополнительно вошли также академики И. П. Бородин, В. В. Заленский, А. П. Карпинский и М. А. Рыкачёв. Тем самым она становилась подлинным центром координации усилий по мобилизации науки.

Если брать в расчет только сиюминутную отдачу от науки, то поставленный Е. С. Фёдоровым вопрос явно не имеет однозначного ответа и требует детальных исследований использования науки в разных отраслях военной промышленности в 1914–1916 гг. Известно, что за военный период значительный рост промышленного производства был достигнут в основном в отраслях металлообработки, машиностроения и электротехники, чаще всего за счет сокращения мирной продукции, позволившего увеличить выпуск аэропланов в 7,1 раз, авиационных моторов в 12 раз, электромоторов и трансформаторов — в 1,7, радиоаппаратуры — почти в 7,5 раз[1098]. Благодаря преобразованию внутренней структуры и внедрению новых технологий металлообрабатывающая промышленность вышла из войны обогащенной более мощным оборудованием и новым техническим опытом. Но именно эта отрасль имела наиболее прочные традиции и большой удельный вес в промышленности России, насчитывая сотни заводов в Европейской части России и на Урале, с лабораториями, высококвалифицированными кадрами и специализированными высшими учебными заведениями. Более убедительны успехи химической науки, созданной в военные годы практически с нуля.

9.4. Фонд А. П. Карпинского

Насколько известно, в историографии науки полностью забыт другой уникальный проект, выдвинутый в годы войны для мобилизации геологических наук ради изучения и использования минеральных ресурсов России. Это проект учреждения специального Фонда А. П. Карпинского, формирующегося за счет привлечения средств промышленников, кооперативов и частных лиц. Инициаторами проекта были ведущие российские геологи, минералоги и палеонтологи (Н. И. Андрусов, А. А. Борисяк, В. И. Вернадский, А. П. Герасимов, Б. А. Попов, Н. Н. Яковлев) из пяти центральных учреждений, связанных с исследованиями в области геологии, минералогии и палеонтологии (ИАН, Геологический комитет, Горный институт, Императорское минералогическое общество и Отделение геологии

[1097] Летопись РАН. Т. IV. С. 289.

[1098] *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России. С. 187–188.

и минералогии ИПгОЕ)[1099]. Осенью 1916 г. они образовали кружок с целью сбора средств для учреждения Фонда А. П. Карпинского в ознаменование его научной деятельности в день 70-летнего юбилея. На проценты с собранных средств предполагалось финансировать исследования в области научных интересов А. П. Карпинского, т. е. минералогии, петрографии, стратиграфии, динамической геологии и палеонтологии[1100].

Достаточно быстро удалось собрать солидную сумму в 23 589 руб. 65 коп. для главного фонда, который, по замыслу членов кружка, должен был состоять при ИАН и управляться комитетом из 10 лиц, по 2 представителя от каждой организации-учредителя. 18 января 1917 г. В. И. Вернадский от своего имени, а также от имени академика Н. И. Андрусова попросил ИАН принять Фонд на обозначенных жертвователями условиях. В них предусматривалось, что 90% ежегодно тратится на выдачу пособий для экспедиций, заграничных командировок, работы в музеях и лабораториях, приобретение приборов и книг, издание трудов и т. д., а оставшиеся 10% — на прирост капитала. Причем приобретенные приборы и книги считались бы собственностью Фонда, но находились бы в распоряжении получившего грант до тех пор, пока это ему нужно. Комитет фонда пожизненно возглавлял сам А. П. Карпинский, но решение о выделении пособий принималось коллегиально, а принятое решение должно было печататься в ежегодных отчетах ИАН. По сути дела, это была одна из первых в России попыток создать фонд, реально независимый от своих учредителей и действующий на принципах профессиональной компетентности, коллегиальности и демократии. ИАН приняла предложение инициаторов Фонда и поручила Н. И. Андрусову и В. И. Вернадскому представлять ее интересы в Комитете Фонда А. П. Карпинского. 27 января 1917 г. непременный секретарь ИАН академик С. Ф. Ольденбург и правитель Канцелярии Руднев обратились с письмом за № 317 ко всем организациям-учредителям о том, что Академия принимает Фонд «на поставленных жертвователями условиях» и просит адресатов также направить по два представителя в его Комитет. От Отделения геологии и минералогии ИПгОЕ в него 4 февраля 1917 г. были направлены Б. А. Попов и П. А. Православлев[1101]. Но вряд ли Фонд успел выдать хотя бы одно пособие, так как в конце 1917 г. все капиталы ИАН, ее премиальные и исследовательские фонды были национализированы. И только спустя 75 лет уже в новой России была предпринята попытка возродить финансирование научно-исследовательской, издательской и экспедиционной деятельности внешне на тех же принципах, что и задумывали учредители Фонда А. П. Карпинского. Однако при сохранявшемся исключительно государственном финансировании это оказалось невыполнимым.

[1099] Приложение к протоколу // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1917. Т. XLVIII. № 3–8. С. 22–24.

[1100] Там же. С. 23.

[1101] Заседание Отделения геологии и минералогии 4 февраля 1917 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1917. Т. XLVIII. № 3–8. С. 22.

Глава 10

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ НАУКА И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

10.1. Возникновение химической оборонной промышленности

Химическая промышленность России, ориентированная, как и другие сферы индустрии, на тесные экономические связи с Германией, была развита слабо. В то же время имелся мощный научный потенциал в этой области знания и десятки выдающихся химиков, в том числе с опытом прикладных работ. Именно они ярко продемонстрировали возможности мобилизационной науки в России и сумели в короткий срок во много раз увеличить производство азотной и серной кислот, бензола, толуола и химических реактивов, столь необходимых для удовлетворения растущих потребностей фронта в порохах и взрывчатых веществах. С 1916 г. координирующую роль в мобилизации науки играл Химический комитет Главного артиллерийского управления (ГАУ), который стал предметом тщательного анализа в мемуарной и историко-научной литературе вскоре после Первой мировой войны. Особый интерес представляют труды и воспоминания создателя и руководителя Химического комитета, выдающегося химика, академика ИАН и генерал-лейтенанта В. Н. Ипатьева, а также его ученика — начальника 2-го отдела технических артиллерийских заведений ГАУ генерал-майора В. С. Михайлова, ведавшего военно-химическими заводами[1102]. Однако по разным причинам с конца 1920-х гг. их труды на многие годы выпали из научного оборота и стали доступны отечественным исследователям лишь в последние десятилетия, породив вспышку уже современных исследований о роли химиков в годы Первой мировой войны незадолго до ее 100-летнего юбилея[1103]. Правда, в них основное внимание уделено налаживанию производства бензола и толуола из углей и значительно меньше говорится об аналогичном производстве из нефти, а также об обеспечении армии отравляющими и зажигательными веществами, об организации промышленного изготовления азотной и серной кислот, об участии химиков в разработке стекла и т. д. Далее, опираясь на книги участников этих событий, а также на недавние исследования И. С. Дмитриева, Е. В. Трофимовой и др., остановимся на наиболее важных достижениях в решении этих проблем.

Перед войной химическая промышленность в России находилась в «начальной стадии своего развития», так как не было ни достоверной статистики

[1102] *Ипатьев В. Н.* 1) Работа химической промышленности на оборону во время войны; 2) Жизнь одного химика. Т. 1; *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русский армии в 1914–1918 гг. Ч. 1–3. М.: Высший военный редакционный совет, 1920–1923; *Михайлов В. С.* Очерки по истории военной промышленности. М., 1928; Генерал В. С. Михайлов, 1875–1929.

[1103] *Трофимова Е. В.* Создание и деятельность Химического комитета...; *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М.: Модест Колеров, 2003; *Дмитриев И. С.* Бензольное кольцо Российской империи. Создание коксобензольной промышленности на юге России в годы Первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2005; *Лазар И. В.* Химико-технологические аспекты «снарядного голода» русской армии в годы Первой мировой войны // Известия РГПУ. 2008. № 74. С. 274–278.

о производстве, ни планов строительства нужных государству заводов и фабрик[1104]. Отсутствие до войны спроса на бензол и его гомологи, необходимые для изготовления взрывчатых веществ, по мнению И. С. Дмитриева, было главной причиной слабого развития коксобензольной промышленности, дававшей всего 3% требуемого бензола и к тому же находившейся в полной зависимости от иностранных, особенно немецких фирм, так как почти вся она работала на привозном сырье[1105]. В какой-то степени это было связано с тем, что к началу войны технология улавливания бензола и других легких ароматических веществ при коксовании каменного угля не получила должного развития даже в США и Западной Европе. А в России лишь 20% печей могло производить рекуперацию, т. е. многократное повторение операции, при коксовании. На союзников рассчитывать не приходилось, так как они сами нуждались в бензоле и толуоле и так же просчитались, хоть и не столь сильно, как российские военные, в оценке требуемых запасов взрывчатых веществ и объема их расходов в боевых действиях. К тому же России не следовало попадать в зависимость от союзнических поставок, так как это было бы чревато неприятностями после победоносного окончания войны, когда вчерашние товарищи по оружию в мгновение ока могли превратиться в соперников и даже во врагов. Всё это заставляло в авральных условиях создавать оборонную химическую промышленность и прежде всего искать пути быстрого наращивания производственных мощностей, что было невозможно без максимального синтеза бензола и толуола.

Сокрушительные поражения первых двух месяцев войны заставляли Главное артиллерийское управление (ГАУ), которое возглавлял генерал-лейтенант Д. Д. Кузьмин-Караваев, действовать быстро, без обычных бюрократических проволочек. Однако это было несвойственно неторопливому характеру главы ГАУ, который явно не обладал организаторскими способностями, необходимыми в критических ситуациях. Вскоре его обвинили в ошибках и нерасторопности, приведших к снарядному голоду весной 1915 г. и к тяжелому поражению, и даже намеревались привлечь к суду. Сначала ГАУ направило на Донбасс комиссию в составе известного химика, совещательного члена Артиллерийского комитета при ГАУ, заведующего отделом Центральной научно-технической лаборатории Военного министерства, профессора химии в Михайловской артиллерийской академии и ряда других высших учебных заведений, генерал-майора А. В. Сапожникова[1106] и специалиста по взрывчатым веществам капитана М. М. Костевича — младшего делопроизводителя Артиллерийского комитета. Им было поручено разведать запасы сырого бензола и выяснить пути организации в кратчайшие сроки производства этого простейшего ароматического углеводорода и его простейшего гомолога толуола.

[1104] *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика.

[1105] *Дмитриев И. С.* Бензольное кольцо Российской империи (Создание коксобензольной промышленности на юге России в годы Первой мировой войны) // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 423–424.

[1106] Сапожников был вхож в придворные круги. В 1896–1898 гг. он преподавал химию вел. кн. Андрею Владимировичу, а в 1897–1899 гг. — вел. кн. Михаилу Александровичу и считался специалистом по химии взрывчатых веществ и технике безопасности при их производстве. Особую известность имела разработанная им теория нитрующих смесей.

Отрицательные выводы комиссии, полученные путем сбора информации от администрации рудников и заводов Донбасса, не удовлетворили ГАУ. Срочно была создана вторая комиссия, которую также возглавил профессор органической химии Михайловской артиллерийской академии, генерал-майор В. Н. Ипатьев. Ему удалось, обойдя все подводные камни, в течение месяца добиться включения в комиссию нужных ему энергичных и знающих людей. Среди них был помощник заведующего Центральной научно-технической лабораторией военного ведомства капитан О. Г. Филиппов, инженер-технолог В. Ю. Шуман — представитель Министерства торговли и промышленности, а также преподаватель Технологического института, инженер-технолог Л. Ф. Фокин. 17 ноября 1914 г. Комиссия отбыла на Донбасс, а через 12 дней Ипатьев был избран членом-корреспондентом ИАН, что способствовало росту его статуса. Комиссия обследовала 11 из 12 коксовых заводов, имевших рекуперационное оборудование, и разделила все их на три группы: заводы с полной рекуперацией; заводы с неполной рекуперацией, но способные после реконструкции резко повысить выход сырого бензола; заводы без рекуперации.

Комиссия предложила различный подход к каждой группе заводов. Заводы первой группы должны быть поставлены под контроль военных и внести определенные изменения в технологию промышленного превращения бензола в фенол. На заводах второй группы предлагалось установить на печах простейшее рекуперационное оборудование для улавливания сырого бензола, который в дальнейшем перерабатывался бы на крупном ректификационном заводе. Стоимость его строительства Комиссия оценила в 1 млн руб. И, наконец, Ипатьев предлагал немедленно приступить к постройке сооружений для улавливания бензола на тех заводах, где для этого требовалось бы 5–6 месяцев, а в случае отказа частных заводов от подобных приспособлений сделать их на большом казенном заводе в Кадиевке[1107].

Эти рекомендации Ипатьев изложил 19 декабря 1914 г. в Центральной научно-технической лаборатории. В совещании участвовали помощник министра генерал-лейтенант А. П. Вернардер, вскоре ставший членом Государственного совета, начальник канцелярии Военного министерства генерал-лейтенант А. С. Лукомский, начальник Хозяйственного отдела генерал-лейтенант ГАУ Е. К. Смысловский и др. Как позднее с возмущением вспоминал В. Н. Ипатьев, они не спешили утвердить предлагаемые меры, полагая, видимо, что за краткий срок осуществить грандиозный план не получится, а к моменту его реализации война благополучно закончится и необходимое сырье вновь можно будет закупать за рубежом. К тому же владельцы частных заводов не были уверены, что есть перспективы развития отечественных отраслей промышленности, потребляющих бензол, толуол, нафталин и другие ароматические углеводороды, и не жаждали реконструировать свои предприятия. Не желая прибегать к реквизиционным мерам, Ипатьев убедил бельгийского подданного Пирона — главного инженера фирмы О. Пьетта, владевшей коксовым заводом, построить завод для улавливания сырого бензола, а также завод для фракционирования и ректификации ароматических углеводородов не только

[1107] *Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф.* Химический комитет при Главном артиллерийском управлении... С. 15.

с Макеевского, но и с других заводов. Характерно, что казне за переработку одного пуда сырого бензола пришлось бы платить только 50 коп., тогда как за такую же операцию в Петрограде Тентелевскому химзаводу казна платила 9 рублей за пуд. В конечном счете казне пуд очищенных ароматических углеводородов обходился в 3 руб. 60 коп, что с учетом таможенных сборов в мирное время было на 30 коп. ниже стоимости бензола и толуола, ввозимого из рубежа[1108].

15 июня 1915 г. бензольный завод в Макеевке был запущен. Так благодаря мобилизации химических технологий в экстраординарной ситуации удалось, по образному выражению И. С. Дмитриева, разорвать «бензольное кольцо Российской империи», в котором оказалась отечественная химическая промышленность[1109]. С одной стороны, производство красителей, медикаментов и взрывчатых веществ из-за отсутствия своего сырья работало на импортном (бензоле, толуоле и др.). А с другой стороны, производители сырья не желали наращивать его производство из-за отсутствия сбыта. Угроза национальной катастрофы позволила науке по поручению власти коренным образом изменить ситуацию, хотя обе комиссии получили с 6 февраля 1915 г. лишь совещательно-консультативный статус при ГАУ. Тем не менее Комиссия, возглавляемая Ипатьевым, приняла межведомственный характер, включая представителей различных учреждений, в том числе и химиков, заинтересованных в увеличении производства взрывчатых веществ. Не имея собственного делопроизводства и располагая ничтожным бюджетом, Комиссия ежедневно собиралась на квартире Ипатьева и в итоге разработала программу учреждения бензоловых заводов и приступила к ее реализации, мобилизуя для этого как казенную, так и частную промышленность и создавая десятки новых предприятий по изготовлению взрывчатых веществ и боеприпасов.

Решение комплекса химико-технологических проблем стало возможным благодаря тому, что Ипатьеву удалось наладить плодотворное сотрудничество военных с широким кругом химиков и промышленников. Так, например, к разработкам технологии производства бензола и толуола были привлечены выдающиеся ученые Н. Д. Зелинский, С. В. Лебедев, С. С. Намёткин, А. Е. Порай-Кошиц. С осени 1915 г. в Комиссии по заготовке взрывчатых веществ, а затем и в Химическом комитете секретарем работал мобилизованный после окончания университета А. А. Любищев, который оставил интересные воспоминания о самоотверженной работе химиков ради решения проблем взрывчатых веществ, химического оружия и защиты от него[1110].

Благодаря энергичным мерам по созданию собственной химической промышленности Комиссии удалось в течение года (с февраля 1915 по февраль 1916 г.) почти в 15 раз увеличить производство взрывчатки и на 14 вновь созданных заводах наладить отечественное производство бензола, а в течение следующего года построить еще 10 заводов, нарастив в полтора раза объемы выпускаемой продукции[1111].

[1108] *Трофимова Е. В.* Создание и деятельность Химического комитета... С. 67.

[1109] *Дмитриев И. С.* Бензольное кольцо Российской империи. 2007. С. 432.

[1110] *Любищев А. А.* О русских химиках и мемуарах Ллойд-Джорджа. С. 88–91.

[1111] *Трофимова Е. В.* Создание и деятельность Химического комитета... С. 232–233.

Рост коксобензольной промышленности активизировался с июня 1915 г. прежде всего за счет создания частных заводов, «производительность которых возросла чуть ли не в 50 раз, в то время как казенные заводы увеличили производительность к сентябрю 1915 г. только в два раза»[1112]. К тому же рост производства сырого бензола шел неравномерно из-за недостаточного обеспечения коксовых печей углем, вагонами и из-за нехватки рабочей силы и т. п. Поставщики угля не выполняли договоры, ссылаясь на сокращение угледобычи и необходимость обеспечивать углем железные дороги и флот, забыв при этом, что коксовый уголь портит топки и, следовательно, вреден для паровозов и кораблей. В итоге в декабре 1915 г. не удалось выйти на расчетную выработку бензола. Однако сдвиги были существенные, что совпадало с общими сдвигами в российской оборонной промышленности, тщательно проанализированными помощником начальника Главного управления военной промышленности ВСХН В. С. Михайловым в книге «Очерки по истории военной промышленности» (1928), изданной Главным военно-промышленным управлением ВСНХ для военно-научных и служебных целей и оставшейся исключенной из научного оборота из-за практически одновременного ареста автора и его расстрела в 1929 г. В книге детально рассмотрено развитие сотен оборонных заводов, особенно связанных с производством пороха и других взрывчатых веществ. В специальной главе «Мобилизация химической промышленности» автор подробно прослеживает создание коксобензольной промышленности на юге России в результате деятельности своего учителя В. Н. Ипатьева и подчеркивает, что помимо Донецкого завода производство бензола было налажено также в Сибири и в Кузбассе. В итоге благодаря усилиям Комиссии по заготовкам взрывчатых веществ и ее председателя В. Н. Ипатьева в России уже к концу 1915 г. в короткий срок была создана совершенно новая отрасль промышленности по производству бензола и особенно толуола, поступавших до этого только через Германию. Тем самым Комиссия не только решила свою главную задачу по снабжению армии взрывчатыми веществами, но и способствовала освобождению российской, прежде всего химической промышленности от зарубежной зависимости. Постепенно Комиссия втягивалась в решение всего комплекса задач ГАУ, связанных с производством взрывчатых веществ, химического оружия, с разработкой средств защиты от него, с производством азотной и серной кислот и т. д.

Производство каменноугольного толуола не могло покрывать оборонные потребности. Комиссия взрывчатых веществ занималась поисками других источников получения толуола, в том числе и из бензинов с большим процентом его содержания. И хотя конечный продукт здесь был значительно дороже, уже к середине 1915 г. стало ясно, что из требуемых 3 млн пудов сырого бензола один миллион придется получать из пирогенетического разложения нефти[1113]. В противном случае было бы необходимо, чтобы все коксовальные печи Донбасса работали на полную мощность и полностью улавливали бензол[1114]. По свидетельству В. С. Михайлова, важные

[1112] *Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф.* Химический комитет при Главном артиллерийском управлении... С. 21.

[1113] Там же. С. 28–30.

[1114] *Тихвинский М. М.* Ароматизация нефти // Вестник прикладной химии и химической технологии. 1916. Т. 1. № 5. С. 304.

работы в этом направлении выполнил химик Центральной научно-технической лаборатории И. И. Андреев[1115]. Вначале планировалось добывать толуол из галицийской нефти, но стремительное отступление русских войск из Галиции в 1915 г. потребовало переключиться на бензины из нефти Майкопских и Грозненских месторождений. Построенный в Екатеринодаре завод для извлечения толуола из бензинов Майкопских нефтеперегонных заводов в 1916 г. давал до 2 тыс. пудов в месяц монотринитротолуола, который отправлялся для донитрования на Самарский завод взрывчатых веществ. На ряде заводов Грозного были сооружены ректификационные установки, дававшие ежемесячно около 4 тыс. пудов толуола из лигроина. Начало производства пришлось на первые месяцы 1917 г.

С начала 1915 г. проводились также опыты по разложению нефти при высоких температурах по методам А. Н. Никифорова. Опыты проводили профессора М. М. Тихвинский[1116] и Н. Д. Зелинский, а также сотрудники Центральной научно-технической лаборатории. К концу 1915 г. имелось достаточно материалов для организации заводского производства, которое впервые было налажено на газовом заводе казанской городской управы с производительностью примерно около 1 тыс. пудов углеводородов в месяц. Наряду с Комиссией Ипатьева получением толуола из нефти пирогенетическим путем занимался также Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК), а Бакинский ВПК построил для этой цели завод, в проектировании которого участвовал будущий академик А. Е. Порай-Кошиц. В итоге завод, рассчитанный на производство 4 тыс. пудов, к осени 1916 г. начал давать продукцию. Одновременно бакинским ВПК была начата постройка трех заводов для получения ароматических углеводородов из нефти на заводах фирм братьев Нобелей, Бенкендорфа и Нефтегаза. Всего во время войны было получено около 150 тыс. пудов пирогенетического толуола. Тем самым, как подчеркивал Михайлов, была создана новая отрасль химической промышленности.

Схожие по объему и сложности проблемы решались с организацией производства серной и азотной кислот, селитры, аммиака и других составляющих производства боеприпасов и боевых отравляющих веществ. Основы российской азотной промышленности заложил заместитель начальника Центральной научно-технической лаборатории военного ведомства И. И. Андреев, возглавлявший исследования по неорганической и физической химии. Накануне войны он защитил магистерскую диссертацию и выпустил книгу по синтетическому каучуку. Война резко изменила направление его исследований. С приходом в лабораторию военного ведомства Андреев занялся опытами по окислению аммиака кислородом из воздуха и увлекся идеей получения калийной селитры как основного компонента черного дымного пороха[1117], для чего требовалась азотная кислота. До войны ее получа-

[1115] *Михайлов В. С.* Очерки по истории военной промышленности.

[1116] В 1914 г. М. М. Тихвинский впервые извлек нефть из скважин при помощи сжатого воздуха — газлифта. См.: *Мир-Бабаев М. Ф.* Краткая история азербайджанской нефти. Баку: Азернешр, 2009.

[1117] *Колосов А. К.* Контактное производство азотной кислоты. История постройки и эксплуатации первого русского азотного завода / С предисл. В. Н. Ипатьева. Пг.: Научхимтехиздат, 1923. (Труды Комиссии по связанному азоту при ВСНХ).

ли при помощи серной кислоты, воздействующей на чилийскую селитру, доставляемую в Россию через Германию. Естественно, селитра также стала недоступной для отечественной промышленности взрывчатых веществ, ориентированной исключительно на импортное сырье. Более того, военно-морской флот Германии блокировал доступ к месторождениям чилийской селитры. Андреев предложил использовать аммиачную воду, получаемую при коксовании каменного угля, для производства азотной кислоты. Одновременно он пытался получить азотную кислоту путем окисления аммиака в присутствии катализатора. По поручению Комиссии по взрывчатым веществам И. И. Андреев провел интенсивные исследования по окислению аммиака коксового производства в азотную кислоту. Придя к выводу, что наиболее подходящей контактной массой для самого полного окисления аммиака может быть платина, а также ее сплавы с металлами платиновой группы, Андреев на коксохимическом заводе в Макеевке спроектировал в 1915 г. опытно-промышленную установку для нового способа производства азотной кислоты. Наряду с созданием новых заводов принимались меры по разработке отечественных месторождений серного колчедана, свинца, серы, селитры.

С началом войны стали приниматься меры по наращиванию мощностей по производству тротила, в частности на Охтинском заводе в Петербурге. Для усиления пропускной способности тротилового отдела возводились всё новые и новые здания без соблюдения мер безопасности, что в конечном счете привело к грандиозному взрыву вечером 16 апреля 1915 г., снесшему половину завода и весь его тротилово-снаряжательный отдел[1118]. Погибли 110 и были ранены 220 человек. Проведенное расследование не обнаружило злого умысла, а причиной взрыва посчитали нарушения в технологии плавки тротила. Было принято решение о восстановлении завода, к чему приступили незамедлительно. Для этого было выделено более полумиллиона рублей. Уже к началу 1916 г. возобновились работы по изготовлению взрывчатого вещества, но вместо тротила из-за нехватки толуола выпускали тринитроксилол[1119]. Для утилизации отработанных кислот на заводе была построена первая в России мастерская для изготовления суперфосфата как удобрительного тука. Всего за годы войны завод изготовил 22,5 тыс. пудов тротила, а также снарядов среднего калибра от 76 до 152 мм и более — 3,46 млн шт., ручных гранат — около 6 млн шт., взрывателей различных марок — почти 8,5 млн шт.[1120] По мнению А. М. Сударикова, решение о развитии производства тротила на заводах Санкт-Петербурга в годы Первой мировой войны «оказалось абсолютно верным»[1121]. В создании российской технологии производства тротила важную роль сыграли отечественные военные инженеры В. И. Рдултовский и В. С. Михайлов,

[1118] Генерал В. С. Михайлов (1875–1929). С. 278; *Ипатьев В. Н.* Работа химической промышленности на оборону во время войны.

[1119] Открытое акционерное общество «Научно-производственное предприятие “Краснознаменец”». Первое капсюльное предприятие России. 170 лет: создание, становление и деятельность / Ред.-сост. В. И. Вареница и др. СПб.: Компьютербург, 2013. С. 51.

[1120] Там же. С. 51.

[1121] *Судариков А. М.* Развитие производства тротила на заводах Санкт-Петербурга накануне и в годы Первой мировой войны. С. 46–53.

а также технологи и рабочие Охтинского и Шлиссельбургского заводов. Внедренная ими технология производства тринитротолуола оказалась пригодной для усовершенствования уже в советское время.

Применение французами, а затем и немцами химического оружия на полях сражений потребовало коренного изменения отношения российского правительства и общества к развитию химического производства. Первая атака жидким хлором под Ипром показала убийственную силу нового оружия, уничтожившего сразу 5 тыс. французских солдат и офицеров и отравившего еще 10 тыс. Германцы в газовых масках заняли французские позиции, продвинувшись на 800 ярдов. Правда, стратегических успехов с помощью химического оружия достичь не удалось ни на Западном, ни на Восточном фронтах, а его эффективность снижалась по мере совершенствования средств химзащиты. Тем не менее становилась очевидной необходимость разработки и собственного химического оружия, и способов его нейтрализации.

С весны 1915 г. в России начинается мощное движение за мобилизацию химического производства для отечественных отравляющих газов. 2 июня 1915 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич приказал начать работу по созданию химических боеприпасов и снабжению ими войск[1122]. Уже в августе 1915 г был реализован выпуск промышленного хлора, а в октябре началось производство фосгена[1123].

В конце 1915 г. при ГАУ создали Комиссию по заготовлению удушающих и зажигательных средств, которую возглавил начальник Центральной научно-технической лаборатории профессор, генерал-лейтенант Г. А. Забудский. Комиссии поручили всю научную и производственную разработку химического оружия и зажигательных средств борьбы. К началу 1916 г. вопросами химической промышленности занимались также Особые совещания по обороне государства, Военно-химический комитет РФХО, ЦКВТП ИРТО, химический отдел Центрального ВПК, химический отдел Союза земель и городов, химические отделы территориальных отделений ВПК и отдельная часть в управлении верховного начальника санитарной и эвакуационной части. Вскоре стала очевидной необходимость существования учреждения, возглавляющего и координирующего всю работу химической промышленности страны.

22 апреля 1916 г. при ГАУ был образован Химический комитет по изысканию и заготовлению взрывчатых веществ, удушающих и зажигательных средств. Хотя Комитет не был непосредственным структурным элементом Особого совещания по обороне, тем не менее он в полной мере опирался на авторитет совещания, а сам В. Н. Ипатьев по сути дела стал уполномоченным его председателя по вопросам химического производства[1124]. Он стал личным докладчиком Николая II по вопросам науки и кавалером высших российских орденов. В 1916 г. его избрали ординарным академиком.

[1122] *Фёдоров Л. А.* Химическое оружие в России. История, экология, политика. М.: Центр экологической политики России, 1994.

[1123] *Шугалей И. В., Илюшин М. А., Судариков А. М.* Химическое оружие. От создания к уничтожению. С. 291.

[1124] *Алексеев Т. В.* Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны. 2014. С. 213.

В состав комитета в качестве отдела взрывчатых средств вошла возглавляемая Ипатьевым Комиссия. В Химический комитет, руководителем которого был также назначен Ипатьев, входило еще четыре отдела: удушающих средств, зажигательных средств и огнеметов, противогазовый, кислотный. Химический комитет, в ведении которого оказалась вся химическая военная промышленность, был не только наделен большими полномочиями — в его обязанности было включено производство взрывчатых веществ и поиск исходного сырья для их выработки, изобретение и производство противогазов и обучение войск противогазовым действиям, разработка отравляющих газов, способов их применения, снабжение ими войск, строительство новых химических заводов и т. д.[1125] В комитете работал также академик Н. С. Курнаков и будущие члены АН СССР В. Е. Тищенко, А. Е. Фаворский, А. Е. Чичибабин, А. А. Яковкин и др.

И на этом направлении были достигнуты быстрые успехи. В феврале 1916 г. было организовано производство синильной кислоты в Томском университете. К осени 1916 г. потребности армии в артиллерийских снарядах удовлетворялись полностью, так как ежемесячно поступало 15 тыс. снарядов, начиненных ядовитыми веществами. С весны 1917 г. стали поступать химические боеприпасы для минометов и ручные химические гранаты. 76-миллиметровые снаряды, начиненные веществами удушающего (хлорпикрин) и ядовитого (фосген) действия, широко использованы русской армией летом 1916 г. во время Брусиловского прорыва.

Возглавив Химический комитет, Ипатьев сразу оценил достоинства угольного противогаза Н. Д. Зелинского и наладил производство средств защиты от газовых атак, первоначально называемых противогазом Кумманта–Зелинского–Авалова[1126]. Ключевая оригинальная идея принадлежала Зелинскому, предложившему использовать активированный березовый уголь, который поглощал все посторонние примеси. Технолог Э. Л. Куммант, работавший на заводе «Треугольник», предложил использовать изобретенную им резиновую маску, к которой крепился противогаз, а конструктор И. Д. Авалов изобрел клапан для выдыхания, в то время как вдох осуществлялся только через противогаз. В 1916 г. противогаз прошел испытания на Западном фронте, был принят на вооружение и внедрен в производство. В результате на вооружение русских войск поступило более 10 млн мокрых и сухих противогазов. В отличие от Зелинского, его «соавторы» запатентовали свои изобретения и получили миллионы рублей прибыли. Зелинский же предоставил свое изобретение военному ведомству безвозмездно. Ипатьев пытался исправить ситуацию и, по словам А. А. Любищева, провел через Химический комитет ходатайство о вознаграждении Зелинского, но Февральская революция перечеркнула эти планы[1127].

Уже к 1917 г. в подчинении Химического комитета работало около 200 заводов, производивших не только различные виды взрывчатки, но и отравляющие

[1125] *Ипатьев В. Н.* Работа химической промышленности на оборону во время войны.

[1126] *Супотницкий М. В.* От «шлема Гипо» — к защите Зелинского. Как совершенствовались противогазы в годы Первой мировой войны // Офицеры. 2011. № 1 (51). С. 50–55.

[1127] *Любищев А. А.* О русских химиках и мемуарах Ллойд-Джорджа. С. 91.

вещества — хлор, фосген, хлорпикрин как для газобаллонных атак, так и для снарядов[1128]. Всего за годы войны было создано 70 новых химических заводов, а валовая продукция всей химической промышленности возросла на 64%, прежде всего за счет прироста выпуска взрывчатых веществ[1129]. Обеспеченность армии боеприпасами возросла в разы в кратчайшие сроки. Если в первые месяцы 1915 г. армия истратила 311 тыс. снарядов, то в 1916 г. за тот же период — уже 2229 тыс. К началу 1917 г. ежемесячное производство снарядов достигло 3,5 млн при запасе 3 тыс. и 3,5 тыс. снарядов соответственно на трехдюймовое полевое и трехдюймовое горное орудия[1130].

Как уже говорилось, академики В. Н. Ипатьев и Н. С. Курнаков входили в число учредителей Опытного завода Военно-химического комитета при РФХО. Завод был создан в 1916 г. и сразу стал полигоном для отработки технологий массового производства химических продуктов оборонного значения, полученных в лаборатории[1131]. Завод сыграл важную роль не только для обороны, но и для подготовки инженеров и химиков. Позднее сам Военно-химический комитет был преобразован в Российский институт прикладной химии, а Опытный завод при институте стал центром, где собиралось всё наиболее интересное для химического производства в заводском масштабе, созданное в 12 научных отделах, охватывавших практически все области химической технологии. Во главе этих отделов стояли выдающиеся химики и инженеры-технологи И. И. Андреев, В. П. Ильинский, Б. К. Климов, А. Е. Порай-Кошиц, В. Е. Тищенко, А. Е. Фаворский, Л. А. Чугаев, А. А. Яковкин и др. По их разработкам создавались производства фосфора, фосфорного ангидрида, фосфорной кислоты, бертолетовой соли, минеральных и органических красок, чистых реактивов и т. д.

10.2. Создание оптического оружия

Совместных усилий химиков, физиков, инженеров, технологов и предпринимателей потребовало также решение проблемы снабжения армии и флота оптическим оружием. Недостаток оптических приборов (биноклей, подзорных труб, перископов, прицелов и т. п.) стал очевиден к концу 1914 г. Восполнить их потери в боях было невозможно, так как для изготовления требовалось высококачественное оптическое стекло, импортируемое из Западной Европы. Россия не только его не производила, но и не знала технологии изготовления. Пришлось срочно организовать производство оптического стекла, базой которого был выбран Императорский Петроградский фарфоровый завод[1132].

[1128] *Де-Лазари А. Н.* Химическое оружие на фронтах мировой войны. 1914–1918. Краткий исторический очерк. М.: Госвоениздат, 1935.

[1129] *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России. С. 189–192.

[1130] *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию [1907–1917]. М.: Модест Колеров и изд-во «Три квадрата», 2003. С. 181.

[1131] *Георгиевский С. С., Мануйлова В. И.* История организации и развития науки в Российском научном центре «Прикладная химия» для нужд оборонного комплекса. С. 28.

[1132] *Петровский Г. Т.* История оптического стеклоделия в России // Наука и военная техника. СПб.: СПбНЦ РАН, 2001. С. 157–158; *Груздева Е. Н.* Из истории первых опытов произ-

Угроза остаться без высококачественного стекла была раньше всех оценена руководством ГАУ, которое уже 30 июля 1914 г. привлекло профессора физики и электротехники Михайловской артиллерийской академии генерал-лейтенанта А. Л. Королькова к анализу сложившейся ситуации и к выработке предложения об «импортозамещении» оптического стекла. Под его руководством была создана Комиссия по изысканию способов изготовления оптического стекла, ставшая еще одним примером комплексного решения актуальной проблемы с участием представителей разных наук и учреждений. В нее вошли проректор, а с 1915 г. декан физико-математического факультета Императорского Петроградского университета, будущий академик В. Е. Тищенко, технический руководитель Петроградского фарфорового завода Н. Н. Качалов, а также физик-оптик А. Л. Гершун, инженер-металлург А. Д. Лебедев и техник-стекольщик Э. А. Крангальс. В 1915 г. князь А. Г. Гагарин — ученый-механик и первый директор Политехнического института — был назначен постоянным членом Технического артиллерийского комитета, в котором он заведовал отделом оптики.

Первоначально шло изучение оптических и физических свойств, состава стекол на рижских заводах Цейса и Герца, реквизированных в начале войны, и сравнение полученных данных с каталогами оптических заводов Германии. Затем проводились исследования в химических лабораториях вузов, и шло экспериментальное оптическое стекловарение на заводе, не давшее обнадеживающих результатов. Большую активность в поиске технологии производства оптического стекла проявлял Н. Н. Качалов, руководивший экспериментальными исследованиями о влиянии химического состава стекла на его оптические свойства, а также сравнением полученных образцов с зарубежными аналогами. Создание оптического стекла приборного качества для полевых биноклей, дальномеров, прицелов, стереотруб, перископов, т. е. сугубо военных изделий, а также микроскопов, телескопов, спектрографов и многих других приборов оказалось далеко не простым делом.

Осенью 1915 г. были выделены дополнительные ассигнования. В качестве консультантов к опытам на Императорских Фарфоровом и Стеклянном заводах были привлечены химики и физики с большим опытом прикладных исследований: А. Г. Гагарин, академик Н. С. Курнаков, будущие академики Д. С. Рождественский и И. В. Обреимов, работавшие в ИПгУ, И. В. Гребенщиков и профессор Н. А. Пушин из Петроградского электротехнического института, профессор Г. Ю. Жуковский из Петроградского технологического института и преподаватель А. И. Тудоровский из ППИ. Два года напряженных исследований не дали результатов. Пришлось за большие деньги — 600 тыс. руб. золотом — просить «помощи» у союзников. За такую сумму руководитель технологической группы Фарфорового завода Н. Н. Качанов приобрел у владельцев Бирмингемского завода оптического стекла технологическую документацию, чертежи и инструкции, позволившие приступить к строительству Опытного цеха, в котором в 1916 г. была апробирована

водства отечественного оптического стекла (1914–1918) // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2016. Вып. XXXII. С. 180–182; *Груздева Е. Н.* Академия наук в годы Первой мировой войны. С. 862–863.

технология производства высококачественного стекла, изученная И. В. Гребенщиковым с группой рабочих в Англии. В мае 1916 г. состоялся первый выпуск почти бессвильного (т. е. однородного) оптического стекла в количестве 1,5 пуда. В январе 1917 — 30 пудов. В результате 1916 г. в Петрограде удалось освоить производство некоторых сортов и марок оптического стекла, пригодных для изготовления приборов, и было сделано немало интересных изобретений. В 1916 г. по проекту В. Е. Грум-Гржимайло был построен газгольдер для стекловаренных печей. Одновременно в стенах Физического института Петроградского университета Д. С. Рождественский изучал пути совершенствования однородности оптического стекла, а также методов измерения оптических постоянных. Особое значение имела работа И. В. Обреимова, позволившая измерять коэффициент преломления стекла для внесения корректив в химический состав.

19 марта 1917 г. КЕПС организовало совещание по изготовлению микроскопов в России. По предложению Д. С. Рождественного АН обратилась к Временному правительству с ходатайством поддержать созданную на бывшем императорском заводе организацию для изготовления научных приборов и соответствующего этому стекла[1133].

В 1917 г. на Фарфоровом заводе изготовили 130 кг стекла, переданного в оптическое производство Обуховского завода, но достичь промышленных объемов его изготовления так и не удалось. В условиях разразившейся революции и выхода России из войны развертывание стекольного производства оказалось экономически невыгодным. В 1920 г. оптический цех был законсервирован и пущен снова только в 1923 г. Но, учитывая, что ранее оптическое стекло в России не варилось, то и здесь мобилизация совместных усилий физиков, прикладных химиков и технологов привела в конечном счете к созданию новой отрасли промышленности. Правда, для этого потребовались многолетние усилия высококвалифицированных специалистов из разных отраслей фундаментальных и прикладных наук, чтобы только освоить новое высокотехнологичное производство.

10.3. Симбиоз науки, власти, армии и промышленности

Именно благодаря успехам химической науки в военных проблемах стал устанавливаться прочный симбиоз академической науки с властью. Химический комитет работал в тесном сотрудничестве с Военно-химическим комитетом РФХО и особенно с КЕПС. Н. С. Курнаков вскоре стал заместителем ее председателя, а в период пребывания В. И. Вернадского на юге во время Гражданской войны возглавлял КЕПС.

Деятельность химиков для многих членов академического сообщества была веским доказательством того, что именно ученые способны обеспечить ускоренный поиск многих проблем, преодолеть бюрократическую косность чиновников и найти понятные для промышленников аргументы об экономической выгоде от скорейшего внедрения новых технологий, важных для обороны страны. При этом далеко

[1133] Протоколы ОС АН. 1917. С. 107. § 119.

не всегда ясно, насколько эта деятельность была бескорыстна и не лоббировали ли ученые, выступая как научные консультанты военных ведомств, интересы тех или иных компаний, как это, например, было с немецким создателем химического оружия ("Vater des Gaskrieg") Ф. Хабером[1134]. В любом случае Ипатьев, Зелинский, Курнаков, Тищенко, Чичибабин и др. в годы Мировой войны впервые в России показали, что академики могут быть высокоэффективными организаторами промышленного производства. В целом химическая промышленность занимала второе место по масштабам и темпам преобразований. Этому способствовало то, что еще до войны на личностном уровне было налажено эффективное взаимодействие ученых и генералов — начальника ГАУ А. А. Маниковского и особенно начальника 2-го отдела технических артиллерийских заведений ГАУ полковника В. С. Михайлова, ведавшего военно-химическими заводами. На эту должность он был назначен в 1916 г. при содействии своего учителя В. Н. Ипатьева, рекомендовавшего его годом раньше в качестве руководителя восстановительных работ на Охтинском заводе взрывчатых веществ после пожара.

Таким образом, в созданной в 1914 г. Центральной научно-технической лаборатории с первых дней войны было налажено плодотворное сотрудничество ученых и военных, которые нередко были неразличимы. В дальнейшем возникла целая сеть комитетов, лабораторий, заводов, благодаря которой было быстро налажено производство новых сортов пороха и других взрывчатых веществ, а затем и отравляющих газов, противогазов, начинок для гранат, производство азотной кислоты, изготовление гранат, заполненных хлором и фосгеном, производство оптического стекла и т. д. При военном ведомстве велись оригинальные работы по созданию зажигательной противоаэропланной пули, аэробомбы, дымовых завес и т. д. В 1917 г. был создан отдел тепловых двигателей, где разрабатывались различные виды жидкого и газообразного топлива.

Вопрос о причинах успеха химической промышленности в годы войны требует дальнейшего изучения. Ясно одно: катастрофическая ситуация со снабжением армии и флота снарядами, сложившаяся в первые месяцы войны, требовала от властей экстраординарных мер и прежде всего внимательного и экстренного рассмотрения предложений В. Н. Ипатьева, поддержанного сообществом химиков, а в конечном счете ГАУ, военным руководством и промышленниками. Эта поддержка усиливалась по мере того, как надежды на возможность приобретения чего-то за рубежом становились всё призрачнее, как и вера в быстрое завершение военного противостояния. Немаловажное значение имел тот факт, что в большинстве случаев требовалось организовать производство таких веществ, технология которых уже была отработана и на которые в мирное время имелся устойчивый спрос. Последнее было важно для предпринимателей, которые учитывали также относительно невысокую стоимость создаваемых предприятий. Огромную роль в быстром развитии отечественной химической промышленности сыграли личностные качества В. Н. Ипатьева: его умение подбирать компетентных и инициативных

[1134] Эта сторона деятельности Хабера подробно освещена в работе: *Szöllösi-Janze M.* Fritz Haber. 1868–1934: eine Biographie. S. 256–488.

исполнителей, способных к сбору, систематизации и анализу обширной и достоверной научно-технической и экономической информации, а также убеждать собеседников в выгоде реализации проектов и концентрировать интеллектуальные, материальные и экономические ресурсы на главных направлениях.

Всё это стало залогом того, что химическая промышленность России смогла не только нарастить общий объем производства, измеряемый в миллионах довоенных рублей, за первые три года войны — с 337,7 в 1914 до 853,5 в 1916 г., но и в 1917 г. оставаться на уровне, превышающем довоенный более чем в 1,5 раза (564,1)[1135]. Сходных результатов удалось добиться металлообрабатывающей промышленности: соответственно в 1914 г. — 709, в 1916 г. — 1888,4, в 1917 г. — 1212,9[1136]. Все остальные отрасли уже в 1916 г. показывали существенное снижение объема производства, а некоторые после относительного роста в 1915–1916 гг. в 1917 г. пережили подлинную катастрофу. Это хорошо видно по показателям (тыс. т) добывающей и обрабатывающей промышленности: добыча железной руды — в 1914 г. 7660, в 1917 г. 5330; выплавка чугуна соответственно 4641 и 2964; выплавка стали — 4466 и 3080; добыча каменного угля — 36050 и 31300[1137]. Справедливости ради надо сказать, что аналогичные тенденции наблюдались практически во всех странах, а в некоторых, как, например, во Франции, спад производства был намного существеннее, порой в несколько раз.

Важно отметить, что это снижение в абсолютных цифрах не сказалось на обеспечении армии боеприпасами, оружием и техникой. Вот некоторые показатели: в августе 1914 г. в России было 6 млн легких снарядов, а в ноябре 1918 г. 20 млн; тяжелых артиллерийских орудий соответственно — 795 и 2560, станковых пулеметов — 4152 и 23888; боевых самолетов — 150 и 1000. С началом войны были приняты экстренные меры по форсированному наращиванию производства боевых самолетов, промышленное производство которых началось в России лишь в 1910 г. и достигло максимума в 1916 г. (1476), а затем наметился спад: в 1917 г. — 1408, в 1918 г. — 477[1138]. Разрабатывались и образцы новой боевой техники. В январе 1915 г. был принят на вооружение отечественный истребитель РБВЗ-16, а в августе 1917 г. поднялся в воздух первый в мире торпедоносец. Был освоен выпуск броневиков, появился первый отечественный 3-тонный бронированный автомобиль, вооруженный 76-миллиметровой пушкой и пулеметами и сконструированный техническим руководителем Артиллерийской технической конторы Путиловского завода Ф. Ф. Лендером[1139]. Еще раньше, в 1915 г., изготовили и отправили на фронт его первые образцы русской зенитной артиллерии.

[1135] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение Росси в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. С. 350.

[1136] Там же.

[1137] *Stubbs K. D.* Race to the Front. The Material Foundations of Coalition Strategy in the Great War. Westport: Praeger, 2002. P. 104–108.

[1138] *Кузьмин Ю.* СССР и Россия: самолетостроение в числах // Авиация и космонавтика (вчера, сегодня, завтра). 2014. № 8. С. 1–2. URL: http://www.rulit.me/books/aviaciya-i-kosmonavtika-2014–08-read-371125–35.html. (дата обращения: 08.10.2017).

[1139] *Лосик А. В., Щерба А. Н.* Военно-технический прогресс России в годы Первой мировой войны. С. 260.

Недавно была предложена методика комплексной оценки динамики научно-технической хронографии Первой мировой войны, построенная на учете нескольких рубрик важных «первичных событий» (научные публикации, открывавшие новые научные направления; первые испытания военной техники, принятые на вооружение; первый опыт их боевого применения; организационные решения), каждая из которых разделена на подрубрики — фортификация, военно-инженерное дело, связь, стрелковое оружие, артиллерия, ракеты, бронетехника, флот, авиация[1140]. Такой подход позволяет показать, как в 1905–1918 гг. распределялись военно-технические проекты. Оказывается, максимальное количество их было в 1916 г., что служит еще одним свидетельством, что война стимулировала отечественных ученых и изобретателей на поиск и внедрение нового вооружения[1141].

Но по всем показателям вооружения Россия уступала Германии по крайней мере в 10 раз. И виной сохраняющегося разрыва была не технологическая отсталость или отсутствие талантливых инженеров, изобретателей, технологов, промышленников. Не было механизма быстрой трансляции военного заказа в проектирование и разработку технологии производства из-за отсутствия устоявшихся связей науки, инженерии, промышленности и армии как на персональном уровне, так и на уровне управленческих структур. Тем не менее непреходящее значение для разного рода грандиозных проектов имеют слова В. Н. Ипатьева: «...всякое дело только тогда будет иметь успех, когда оно начато с малого и развивается по мере возникающей потребности и приобретения надлежащего опыта и навыка»[1142].

Вот почему удачный опыт симбиоза ученых, наделенных властными полномочиями, промышленников и военных стал основой для создания мобилизационной науки в СССР, где ученые не только возглавляли научные советы в наркоматах (министерствах) и ведомствах, но и становились заместителями наркомов (министров) и даже министрами, как, например, будущий лауреат Нобелевской премии П. Л. Капица[1143].

[1140] *Батурин Ю. М.* Научно-техническая хронография Первой мировой войны. С. 15–22.

[1141] *Батурин Ю. М.* Подготовка к Первой мировой войне. С. 84–85.

[1142] *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика.

[1143] О мобилизационной модели советской науки см.: *Grunden W., Kawamura Yu., Kolchinsky E., Maier H., Yamazaki M.* Laying the Foundation for Wartime Research: A Comparative Overview of Science Mobilization in National Socialist Germany, Japan, and the Soviet Union // Osiris. 2005. Vol. 20. P. 98–104; *Kolchinsky E.* Science Mobilization in the Soviet Union // Historia Scientiarum. 2006. Vol. 16. No 1. P. 15–28; *Батурин Ю. М., Колчинский Э. И.* Мобилизация науки в годы Великой Отечественной войны.

Глава 11

САНИТАРНО-МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЙНЫ

В первую же неделю боев стало ясно, что Россия к войне не готова, и состояние военно-медицинской службы стало быстро приближаться к катастрофическому. Здесь готовились к будущей войне, исходя из опыта русско-японской кампании, и полагали, что российский Красный Крест в России встретит новую войну подготовленным для «помощи больным и раненым воинам»[1144]. На самом деле всё оказалось совсем не так. Запасы медикаментов, дезинфекционных средств, перевязочных материалов и хирургических инструментов, рассчитанные на четыре месяца боевых действий, стали быстро иссякать, в том числе йод, применяемый в виде мазей, настоек, сиропов, пилюль, йодистого кальция, бария, искусственных йодистых минеральных вод и т. п. Необходимо было принять срочные меры для отечественного производства хотя бы медицинского йода, который тоже производился за рубежом[1145]. И науке пришлось давать быстрый ответ на эти вызовы военного времени. Но прежде всего надо было оперативно довести до сведения широкой, в том числе и научной общественности, что лишь при ее активном участии возможно решение обозначившихся проблем. Эту функцию взяла на себя периодическая пресса в первые дни войны.

11.1. Благотворительность и дискурс периодической печати в первые дни войны[1146]

Выше уже не раз говорилось, что после объявления Германией войны России власть и поддерживающая ее пресса старались укрепить в обществе патриотический настрой, вселить ощущение особой миссии России, общей для всех цели, устремленности к победе. Однако только стилистических средств выразительности при описании официальной печатью бодрости народного духа во время войны людям недостаточно. Мирное население, оказавшееся в стороне от непосредственных боевых действий и, как правило, всегда искренне готовое помочь пострадавшим, ищет любую возможность это сделать. Для населения втянутой в войну страны позитивная информация о конкретных гуманитарных действиях может оказаться важнее абстрактных метафор. Интересную картину представляет собой организация благотворительной медицинской помощи в первые недели Первой мировой войны и широкое одобрительное освещение этой помощи в официальной печати. Прежде всего эта тенденция может быть прослежена в материалах старейшей военной газеты «Русский инвалид»[1147], а также в газетах «Санкт-Петербургские ве-

---

[1144] *Аранович А. В.* Система военно-врачебных заведений и обеспечение их интендантским довольствием накануне и в годы Первой мировой войны. С. 346–347.

[1145] *Чирцова М. Г.* 100 лет с начала организации добычи йода на Европейском Севере России. С. 199–203.

[1146] Этот раздел подготовлен С. И. Зенкевич.

[1147] Газета «Русский инвалид» была основана П. П. Пезаровиусом с благотворительной целью еще в 1813 г.

домости», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Свет», появившемся в 1914 г. «Голосе Руси» и др. Публицистический аспект благотворительности как способ мобилизации медицины и населения, насколько нам известно, до сих пор не становился предметом специального анализа.

Особая государственная помощь раненым (инвалидный капитал) возникла еще в правление Александра I. Начало Первой мировой войны совпало со столетием основания «Комитета, высочайше утвержденного в восемнадцатый день августа 1814 г.». (с 1877 г., в честь Александра I, он получил название Александровского комитета о раненых). Газета «Русский инвалид», доход от которой еще за сто лет до описываемых событий стал главным вкладом в инвалидный капитал, в первые же дни войны от имени Комитета обратилась к читателям с призывом о содействии воинам, пострадавшим в ходе военных действий, и их семействам. «Всякое пожертвование будет принято с благодарностью», — говорилось в обращении[1148]. Один пункт сбора был организован по адресу редакции газеты: Литейный пр., д. 21. Другой (о нем писала газета «Свет») — в канцелярии Александровского комитета (Кирочная ул., д. 4)[1149].

Сразу после объявления войны свою миссию начало Российское общество Красного Креста (РОКК). Только для отправки своих учреждений на театр военных действий, как сообщал «Русский инвалид», РОКК потратил несколько миллионов рублей. «Тут нужна помощь всего народа», — призывала газета[1150]. В Петербурге[1151] пожертвования деньгами принимались при Главном управлении РОКК (Инженерная ул., д. 9), вещами — на Главном складе общества за Московской заставой (Корпусное шоссе[1152], д. 1) и в помещении Главной гимнастическо-фехтовальной офицерской школы (Инженерная ул., д. 10-2). Сотрудничать с РОКК для помощи раненым постепенно начинали и те организации, которые в мирное время находились вне его ве́дения.

С 23 июля (5 августа) в Зимнем дворце[1153], а с 29 июля (11 августа) при доме военного министра на Мойке, д. 67[1154] были открыты склады императрицы Александры Федоровны для сбора пожертвований и работ для раненых и солдат. В основном работа сводилась к шитью белья и подготовке перевязочных средств, чем, как известно,

---

[1148] От Александровского комитета о раненых // Русский инвалид. 1914. № 161. 25 июля (7 авг.). С. 1.

[1149] От Александровского комитета о раненых // Свет. 1914. № 190. 23 июля (5 авг.). С. 2.

[1150] От Российского Общества «Красного Креста» // Русский инвалид. 1914. № 162. 26 июля (8 авг.). С. 1.

[1151] Вскоре после объявления Германией войны России Санкт-Петербург был переименован в Петроград. Но в данном разделе, касающемся первых дней войны, употребляется только исконное название города — в частности, также и потому, что речь в нем идет о целом ряде столичных организаций и учреждений, в наименованиях которых относительное прилагательное «Санкт-Петербургский» сохранялось более долгое время.

[1152] Ныне на этом месте проходит Новоизмайловский проспект.

[1153] См., например: Помощь раненым // Новое время. 1914. № 13787. 31 июля (13 авг.). С. 5.

[1154] См.: Помощь раненым // Новое время. 1914. № 13782. 26 июля (8 авг.). С. 14; а также: [Анонс] // Русский инвалид. 1914. № 164. 29 июля (11 авг). С. 1.

занимались и сама императрица, и великие княжны. Работу можно было выполнять на месте или дома, предварительно получив соответствующие материалы. Подобная деятельность разворачивалась и на «высочайшем» уровне, и камерным образом. Например, в том же номере «Нового времени», на 14-й странице которого анонсируется открытие склада императрицы, на первой странице дано следующее объявление: «Начальница женской гимназии, учр[ежденной] А. И. Болсуновой (Пет[роградская] ст[орона], Большой пр., 29), просит всех бывших и настоящих воспитанниц гимназии собраться в 12 часов дня 28-го июля в помещении гимназии для совместного обсуждения возможных мер помощи раненым и семьям запасных»[1155]. Соседство на газетных столбцах «августейшей» и частной благотворительной инициативы позволяло почувствовать некое военное равенство, общность патриотических устремлений во всех сферах общества, причем без лишних громких слов.

В начале войны пришлось в экстренном порядке решать проблему нехватки больничных мест, ведь первые раненые начали поступать уже в начале августа. Медицинские учреждения требовалось переоборудовать на военный лад. Например, госпиталь для раненых и больных солдат и офицеров был развернут в столице в клиниках Женского медицинского института[1156], а с октября 1915 вплоть до октябрьских событий 1917 г. в Зимнем дворце функционировал дворцовый госпиталь имени цесаревича Алексея[1157].

Между тем в начале войны принять раненых были готовы и церковь, и светские учреждения, и частные лица.

По сообщению «Русского инвалида», члены Святейшего Синода и служащие центральных учреждений духовного ведомства выразили желание учредить на время военных действий в принадлежащем им доме 62 по Литейному проспекту лазарет на 50 кроватей для больных и раненых воинов. При этом как устройство, так и содержание лазарета относилось на их личные средства, а также на деньги, поступающие от церковных сборов в Петербурге. Инициаторы ходатайствовали о командировании в этот лазарет нескольких сестер милосердия знаменитой Крестовоздвиженской общины, созданной великой княгиней Еленой Павловной в сотрудничестве с основоположником отечественной военно-полевой хирургии Н. И. Пироговым в Крымскую войну (наряду с другими общинами она перешла в ведение РОКК). Эта помощь нужна была для руководства по уходу за ранеными и больными воинами, проводимому совместно с инокинями и послушницами, вызванными по распоряжению Св. Синода[1158].

С инициативой по организации дополнительных мест для раненых на частных площадках выступил активизировавшийся на волне патриотических настроений Всероссийский национальный клуб[1159]. Он предпринял попытку — как своими си-

[1155] [Анонс] // Новое время. 1914. № 13782. 26 июля (8 авг.). С. 1.

[1156] *Грекова Т. И., Голиков Ю. П.* Медицинский Петербург. СПб.: Фолио-пресс, 2001. С. 110.

[1157] Там же. С. 297–300.

[1158] Лазарет Св. Синода // Русский инвалид. 1914. № 169. 5 (18) авг. Раздел «Внутренние известия». С. 3.

[1159] Всероссийский национальный клуб был учрежден в Петербурге в ноябре 1909 г. как объединение умеренно правых партий и русских националистов.

лами, так и через сотрудничество с медицинским департаментом — централизовать благотворительную помощь. В «Новом времени» появилось такое письмо (с сопроводительной просьбой перепечатать его в других газетах): «...в военное время обычно лазареты затрудняются не тяжелыми больными, а выздоравливающими. Для того чтобы разгрузить в этом смысле лазареты и госпитали, Всероссийский национальный клуб предлагает всем желающим заявить, кто и сколько мог бы принять в свою квартиру или имение раненых офицеров или нижних чинов. Заявления о желании принять больных просят адресовать: СПб., Французская наб.[1160], 8, Всероссийский национальный клуб, каковой всем заявлениям будет делать сводку и сообщать в Главное санитарное управление, регулирующее передвижение раненых и больных воинов»[1161].

Санкт-Петербургское телеграфное агентство с первых дней войны стало получать известия об организации содействия в губернских и уездных городах России, включавшего в себя не только сбор средств, но и устройство стационарных и передвижных госпиталей. Газеты подробно сообщали об участии в этом процессе общин, дворянских и земских собраний, постановлениями которых места под лазареты выделялись в городских и земских больницах. Примечательно, что новые больницы в экстренном порядке возникали не только в западных районах России, но и на тех территориях, которые были далеки от театра военных действий. Огромный массив сообщений в центральных газетах опять-таки являл собой доказательство единства патриотических устремлений у представителей разных народов Российской империи и поддерживал общественный настрой. Так, в Вильне, например, госпиталь для раненых воинов на 100 кроватей устроило Польское общество попечения о бедных[1162]. Даже самая небольшая лепта получала официальную поддержку в печати.

Люди активно предоставляли раненым частные дома. Газета «Русский инвалид» переполнена такого рода сообщениями, причем с обнародованием имен. Например, в г. Игумене Минской губернии некий помещик Булгак выделил Красному Кресту для размещения раненых три дома в 24 комнаты, приняв на себя содержание трех офицеров и десяти нижних чинов[1163]. А помещик Дараган из Бобруйска предоставил в своем имении Крынка для размещения раненых три дома на 140 кроватей[1164]. Официальные источники одобряли и поощряли подобные инициативы не только из-за вызванного войной дефицита государственного

[1160] Ныне набережная Кутузова.

[1161] [Письмо в редакцию] // Новое время. 1914. № 13784. 28 июля (10 авг.). С. 5.

[1162] Организация общественной помощи раненым и больным воинам и семьям призванных под знамена // Русский инвалид. 1914. № 169. 5 (18) авг. Раздел «Общественная жизнь». С. 3.

[1163] Организация общественной помощи раненым и больным воинам и семьям призванных под знамена // Русский инвалид. 1914. № 171. 8 (21) авг. Раздел «Общественная жизнь». С. 2.

[1164] Организация общественной помощи раненым и больным воинам и семьям призванных под знамена // Русский инвалид. 1914. № 174. 12 (25) авг. Раздел «Общественная жизнь». С. 3.

бюджета, но и по идеологическим причинам. Щедро предоставляемая информация о благотворительной помощи в известной степени переключала внимание от событий мировой войны и вестей с фронта в сферу компетенции самых обычных людей и придавала уверенность в возможности справиться с бедой, обрушившейся на страну.

В городах повсеместно начали работать интенсивные женские курсы по уходу за ранеными, причем количество желающих многократно превышало «комплект». По словам газеты «Свет», запросы на поступление в сестры милосердия постоянно поступают в редакции, тысячи писем приходят в общины, однако для служения раненым нужно иметь образование не менее шести классов гимназии, поэтому многим желающим приходится отказывать. В газете было даже высказано предложение с учетом особых «военных» обстоятельств пересмотреть это существенное ограничение[1165]. А в газету «Русский инвалид» из Эстляндской губернии поступила такая информация: Крестовоздвиженская община в середине августа открыла в Ревеле (Таллин) курсы для запасных сестер милосердия. На эти курсы из огромного числа желающих были приняты 60 слушательниц с оконченным средним образованием. Там же открылся приют для призрения детей воинских чинов, призванных на военную службу, и при нем ясли для младенцев[1166].

Вне газетного внимания не оставались и крупные пожертвования. В первые дни войны Товарищество русско-американской резиновой мануфактуры под фирмой «Треугольник» уведомило главное управление РОКК, что совет и правление постановили просить оборудовать госпиталь на 200 кроватей, на первоначальное устройство которого предоставили 40 тыс. руб. и обязались ежемесячно вносить в течение полугода 14 500 руб. на его содержание. Постановив также оборудовать на собственные средства в помещении завода хирургический госпиталь на 50 кроватей, товарищество обратилось в главное управление РОКК с просьбой принять этот госпиталь под свое покровительство, как сообщал «Русский инвалид»[1167].

Товарищество Санкт-Петербургского механического производства обуви «Скороход» постановило просить главное управление Красного Креста организовать этапный лазарет на 50 кроватей и предоставило 14 тыс. руб. на его оборудование, обязуясь в течение шести месяцев вносить по 4 350 руб. на его содержание. Кроме того, компания, как и в предыдущем случае, решила учредить своими средствами хирургический госпиталь для раненых на 30 кроватей в помещении завода, также под крылом РОКК[1168]. Промышленные предприятия словно вступили друг с другом в соревнование, освещаемое печатью.

[1165] Сестры милосердия // Свет. 1914. № 190. 23 июля (5 авг.). С. 2, без подписи.

[1166] Организация общественной помощи раненым и больным воинам и семьям призванных под знамена // Русский инвалид. 1914. № 171. 8 (21) авг. Раздел «Общественная жизнь». С. 2.

[1167] Крупные пожертвования // Русский инвалид. 1914. № 173. 10 (23) авг. Раздел «Общественная жизнь». С. 3.

[1168] Там же.

А в это время в Одессе еврейские благотворительные учреждения на соединенном собрании постановили приобрести санитарный поезд для перевозки раненых. Заказ был сдан железнодорожным мастерским и обошелся в 50 тыс. руб.[1169]

Газеты незамедлительно публикуют слова признательности двора за помощь в создании и содержании полевых госпиталей. Покровительница РОКК, вдовствующая императрица Мария Федоровна благодарила и частных жертвователей, принявших на себя снаряжение и содержание полевых госпиталей (поименно), и крупные предприятия, и общественные организации. Помимо уже названных товариществ, это Санкт-Петербургское купеческое общество, Совет съездов Бакинских нефтепромышленников, Санкт-Петербургская еврейская община, Французское благотворительное общество в Санкт-Петербурге, Александро-Невская лавра и десятки других[1170].

12 (25) августа 1914 г. в столице был проведен день помощи воинам и их семействам. Петербургский городской комитет по сбору пожертвований на нужды, вызываемые военным временем, при содействии комитета, работавшего с 1911 г. в пользу туберкулезных больных общества «Белый цветок»[1171], анонсировал[1172] и провел однодневный «кружечный сбор» в пределах столицы и ее пригородов. Как сообщали газеты, заготовленных 4 тыс. кружек оказалось недостаточно. Особенно популярны сборщики были в рабочих районах. Там проводились также и отчисления из дневного заработка. По данным петербургских газет, в сборе приняли участие даже обитатели ночлежек[1173], что в очередной раз подтвердило: в акции задействованы все слои общества.

Начало войны вызвало всплеск благотворительной деятельности — и в невоенное время, безусловно, почетной — в самых разнообразных формах. В этом сказались и отзывчивость людей в критический момент, и опыт знаменитых предшественников. Медицина — это сфера, исключительно подходящая для помощи, которую мирное население может оказать во время войны.

В первые недели после вступления России в Первую мировую войну произошла своеобразная, вполне логичная и научно обоснованная перестройка в структуре официальной печати — ощутимо изменился жанр газетных публикаций, не касающихся вестей с фронта. От пышных описаний особой миссии России в тяжелый час и не всегда обоснованных уверений в бодрости духа каждого гражданина великой страны газеты перешли к обнародованию историй конкретной помощи, оказываемой как крупными организациями и учреждениями, так и отдельными людьми, причем без учета «табели о рангах», и к адресной благодарности за эту помощь.

Вместе с тем в масштабном преподнесении периодической печатью в первые дни войны информации о благотворительных действиях в пользу раненых

[1169] Там же.

[1170] От «Красного Креста» // Русский инвалид. 1914. № 178. 17 (30) августа. Раздел «Общественная жизнь». С. 3.

[1171] Ныне, через сто лет, эта благотворительная традиция с успехом возрождена.

[1172] [Анонс] // Русский инвалид. 1914. № 173. 10 (23) авг. С. 3.

[1173] См.: Сбор в пользу раненых // Голос Руси. 1914. № 217. 13 (26) авг. С. 4; День помощи воинам и их семействам // Русский инвалид. 1914. № 176. 14 (27) авг. С. 3.

прослеживается очевидная тенденция. В газетах шло активное формирование определенного общественного мнения. Цель этих публикаций в конечном счете заключалась в том, чтобы не просто поддержать в людях чувство единения и патриотизма, но и дать им уверенность в открытости власти, в том, что помогать армии по силам каждому, и в том, что любая такая помощь будет замечена и по достоинству оценена. И этот призыв был услышан обществом в целом, в том числе сотрудниками научных учреждений и высшей школы.

11.2. Участие ученых в создании и деятельности лазаретов и военно-санитарных поездов

О проблемах военно-санитарной деятельности в годы Первой мировой войны написано немало[1174]. Создание лазаретов и госпиталей для содержания и лечения раненых и больных воинов приобрело всеобщий характер. Их учредителями выступали военная администрация, РОКК, Всероссийский земский союз (ВЗС), Всероссийский союз городов (ВСГ), общественные организации. 30 июля 1914 г. на съезде, подготовленном московским земством и с участием земских представителей от всей России, был создан «Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам» во главе с кн. Г. Е. Львовым, сотрудничавшим со многими представителями либеральной части научного сообщества еще с 1904 г. После утверждения 11 августа 1914 г. положения о Комитете ее императорского высочества вел. кн. Елизаветы Федоровны Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам состоял под ее покровительством. В сентябре 1914 г. решением Совета министров было организовано Особое межведомственное совещание при Военном ведомстве, координирующее государственное финансирование ВСГ и ВЗС для эвакуации раненых воинов и их лечения в районах, удаленных от боевых действий. Через них шло выделение средств общественным и частным организациям, зани-

[1174] *Асташов А. Б.* Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну. С. 169–172; *Галанина Н.* Госпиталь Зимнего дворца: Записки сестры милосердия / Публ. В. Ф. Маришкиной // Наше наследие. 1993. № 28. С. 69–79; *Урусова В.* Мои воспоминания о войне Великой и войне гражданской // Наше наследие. 1996. № 38. С. 54–73; *Ованесов Б. Т.* Медики Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России. Ставрополь, 1997. С. 108–119; *Романова Т. Н.* Сестры милосердия // Держава. М., 1997. № 2. С. 28–31; *Ерошенко А. П., Черкасов А. А.* Россия в Первой мировой войне (1914–1918 гг.): военно-санитарная деятельность Российского общества Красного Креста // История и историки в контексте времени. Сочи, 2010. Вып. 7. С. 60–72; *Селиванов В. И., Селиванов Е. Ф.* Некоторые военно-медицинские аспекты Первой мировой войны (1914–1918) // Вестн. истории военной медицины. 1998. Вып. 2. С. 53–61; *Будко А. А., Селиванов Е. Ф., Чигарева Н. Г.* «В известные моменты на войне не медицина, не наука, не операция играют самую важную роль, а организация работы...»: Военная медицина России в годы Первой мировой войны // Воен.-ист. журн. 2004. № 8. С. 57–62; *Будко А. А., Селиванов Е. Ф., Чигарева Н. Г.* Преодолевая страх и опасность, российские медики с честью выполняли свой долг // Воен.-ист. журн. М., 2004. № 9. С. 42–48; Августейшие сестры милосердия / Сост. Н. К. Зверева. М.: Вече, 2008; *Будко А. А.* История медицины Санкт-Петербурга XIX–XX вв. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 227–240.

мавшимся эвакуацией и лечением раненых. В течение первых пяти месяцев войны в столице возникло много разных стационаров для лечения раненых и больных воинов. Под них были отведены помещения в Зимнем и Аничковом дворцах, в Ведомстве императрицы Марии, в домах князей А. А. Оболенского и Ф. Ф. Юсупова, в Министерстве финансов, в гимназиях, в гвардейских полках и т. д. Покровительство над всеми лазаретами Царского села взяла на себя императрица Александра Федоровна. В Петрограде для приема санитарных поездов с фронта были определены Варшавский и Финляндский вокзалы, где были оборудованы распределительные пункты. В день поступало несколько поездов с ранеными, которым надо было оказать помощь, рассортировать по тяжести ранений и развезти по госпиталям и лазаретам.

С самого начала студенты и преподаватели, которые раньше обычного вернулись в свои вузы как для того, чтобы быть поближе к информации, так и с целью оказать содействие в организации помощи, были вовлечены в эти процессы. Возникли специальные студенческие организации, объединявшие студентов всех вузов в том или ином городе. Такая студенческая организация, координировавшая свою деятельность с городским комитетом помощи больным и раненым военным, была создана в Москве, куда каждый день санитарные поезда привозили сотни раненых[1175]. Вскоре в ней состояли уже около 1500 студентов, разделенных на группы по 50–60 чел., которые, получив информацию о прибытии санитарного поезда, организовывали эвакуацию раненых к автомобилям и трамваям. Помимо них существовала группа численностью в 150 чел., сопровождавших раненых на трамвае от станции до госпиталя. Каждая группа имела избранного собственного руководителя, а также лидеров ячеек по 10 человек. Был избран общий совет всей организации и общий президент, который по воскресеньям проводил совещания с остальными руководителями. За короткий срок студенты отработали эффективную систему координации действий по приему, регистрации и распределению раненых.

Максимума студенческая госпитальная организация в Москве достигла к концу 1914 г. К тому времени город стал организовывать столовые, строительные отряды и автомобильные колонны вблизи фронта, и студенты перемещались туда же. Часть из них ушли добровольцами на фронт. С весны деятельность студенческого госпитального союза стала сворачиваться, и его функции начали переходить к учащимся средней школы. Но окончательно он перестал существовать весной 1916 г., когда отменили все отсрочки студентам и начался их поголовный призыв в армию. К этому времени государство и общественные организации приобрели опыт, улучшили систему обслуживания раненых и уже могли всю работу выполнять сами, создав сеть полевых госпиталей со столовыми, в обслуживании которых также участвовали студенты. Сходная картина наблюдалась и в городах, где существовали университеты и другие высшие учебные заведения.

Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам с годовым бюджетом в 600 млн руб. стал основной организацией, занимавшейся оборудованием госпиталей и санитарных поездов, поставками одежды и обуви для армии. В его

[1175] *Novgorodtsev P. I.* Universities and Higher Technical Schools. P. 160–162.

ве́дении находилось 75 поездов и 3 тыс. лазаретов, в которых получили лечение свыше 2,5 млн больных и раненых солдат и офицеров. Значительная часть работы была перенесена ближе к фронту, и студентам пришлось действовать уже в рамках общих мероприятий. К тому времени многие ушли добровольцами в армию. В Петрограде городской комитет ВСГ создавал «городские лазареты», которые носили названия, данные учредителями. К 1 июня 1915 г. Городской комитет ВСГ организовал 223 лазарета на 24 150 коек, РОКК — 259 лазаретов на 12 тыс. коек, ВЗС — 27 лазаретов на 1 200 коек, Военное ведомство — 57 лазаретов на 7 990 коек[1176]. Таким образом, из 566 лазаретов, действовавших в Петрограде в середине 1915 г., чуть меньше 90% было создано на общественных началах. До 1 октября 1915 г. только Петроградский городской комитет ВСГ израсходовал на содержание лазаретов 5 892 тыс. руб., а на их оборудование и постройку — 3 591 тыс. руб.

К тому времени Г. Е. Львов возглавил объединенный комитет ВЗС и ВСГ (Земгор). На съезде земских деятелей в сентябре 1915 г. он заявил, что столь желанное всей стране мощное сочетание правительственной деятельности с общественностью не состоялось из-за нежелания власти признать необходимость реформ системы управления.

В сложившейся ситуации в обеспечение лазаретами и госпиталями включились ученые. Трудно найти какое-нибудь крупное научное учреждение, высшее учебное заведение и даже научное общество, которое бы не участвовало в военно-медицинской деятельности. Призрение раненых и больных стало для них насущной проблемой, так как и военное ведомство, и РОКК оказались совершенно не готовы к обслуживанию огромного количества раненых. В соответствии с разработанным в августе 1914 г. Военным министерством временным положением об эвакуации раненых и больных был создан особый фонд для организации трудовой помощи раненым низшим чинам, в который служащим государственных, а также частных учреждений предлагалось добровольно сдавать пожертвования по подписке, а остальному населению — участвовать путем организации кружечного сбора губернскими и окружными кабинетами.

В эти мероприятия были вовлечены все слои общества по всей России и прежде всего жители и различные учреждения столицы. В монографиях А. А. Будко, Ю. П. Голикова, Т. И. Грековой и других приведены данные о специализированных столичных госпиталях, открытых во время войны, и частично о научных исследованиях, способствовавших развитию военной медицины[1177]. Далее мы приведем некоторые примеры военно-медицинской мобилизации в вузах и научных учреждениях столицы.

С первых дней войны академическое сообщество включилось в мероприятия по оказанию финансовой помощи военной медицине. По поручению ОС ИАН

[1176] Лазареты, открытые в период I Мировой войны. URL: http://www.encspb.ru/object/2853566439?lc=ru. (дата обращения: 24.05.2017).

[1177] *Грекова Т. И., Голиков Ю. П.* Медицинский Петербург; *Будко А. А.* История медицины Санкт-Петербурга XIX–XX вв. С. 235–240; *Никитин Е. А., Яремко В. И.* 1-й Военно-морской госпиталь (к 300-летию со дня основания). СПб.: [Б. и.], 2015.

казначей завел подписной лист для этой цели. По распоряжению МНП в ИАН распространяли также настенные календари, изданные Особым Петроградским комитетом вел. кн. Ольги Николаевны в целях увеличения средств для оказания благотворительной помощи семьям мобилизованных[1178]. Как и вся страна, ИАН включилась в оказание помощи раненым солдатам и офицерам. В конце июля 1914 г. был создан лазарет, который с середины 1915 г. стал называться «Лазаретом имени вел. кн. Константина Константиновича для раненых воинов, находящихся под покровительством вел. кн. Елизаветы Маврикиевны» (супруга президента ИАН)[1179]. Первые раненые поступили в лазарет 16 октября 1914 г., и только в первый год здесь на лечении находились 243 солдата и офицера. Лазарет финансировался за счет частных пожертвований вел. кн. Константина Константиновича и других членов императорской фамилии (великих князей Николая Михайловича и Георгия Михайловича, принца А. П. Ольденбургского и его супруги принцессы Е. М. Ольденбургской), почетных членов ИАН Д. Н. Анучина, И. А. Зиновьева, Н. С. Мальцова, И. И. Толстого, а также добровольных ежемесячных отчислений в размере 5% от окладов и пенсий академиков, 2% отчислений для остальных сотрудников ИАН. Существенными были ежемесячные взносы Петроградского Караимского общества. За первый год было собрано 48 489 руб. 68 коп., благодаря чему к концу 1915 г. общее количество коек было доведено до 50. Из них 15 коек носили имя Петроградского Караимского общества, имелись также койка имени вел. кн. Николая Николаевича и койка имени академика И. И. Янжула (на содержание последней жертвовали его друзья).

Управлялся лазарет специальным комитетом во главе с вице-президентом П. В. Никитиным, а после его кончины — академиком И. П. Бородиным. Академические дамы образовали академический кружок для оказания помощи раненым и их семьям, а также для снабжения теплым бельем выписывавшихся из лазарета. Устроено было обучение грамоте и разным ремеслам (плетение, резьба по дереву, вязание и др.). Жены академиков и жертвователей дежурили в столовой лазарета. При лазарете была организована библиотека, насчитывавшая более 1 тыс. пожертвованных книг. Располагался лазарет в Большом конференц-зале главного здания Академии наук, в части помещений антропологического отделения Музея антропологии и этнографии, Славянского отделения БАН, библиотеки Сейсмической комиссии, в приемной комнате врача и в нескольких квартирах. Под нужды военного госпиталя было отдано здание, построенное для Библиотеки ИАН.

Академический лазарет функционировал чуть более двух лет. За это время в нем находились на излечении 290 раненых и 6 больных, но к 14 декабря 1916 г. осталось только 9 чел. Ввиду нецелесообразности расходования средств было решено оставшихся перевести в лазарет им. Л. Н. Толстого, организованный Толстовским музеем на Васильевском острове в общежитии императора

[1178] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 152. § 202.

[1179] Отчет о деятельности ИАН. 1915. С. 306–308; Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 376–379; Лазарет для раненых воинов. Предварительный отчет. Пг.: Тип. ИАН, 1915. Вып. 1. С. 9; 1916. Вып. 2.

Александра II[1180]. 26 мая 1917 г. было решено лазарет закрыть, а на оставшиеся суммы пожертвований образовать капитал вел. кн. Константина Константиновича и купить облигации Займа свободы, выдавая проценты с капитала на содержание действующих госпиталей. Но они к концу 1917 г. прекратили свое существование[1181].

Начиная с 29 декабря 1914 г. и вплоть до закрытия лазарета в мае 1917 г. ежегодные собрания ИАН, на которых зачитывались ее отчеты, проходили в Малом конференц-зале.

Императорский Ботанический сад предоставил каменный корпус и отдельные помещения в саду под устройство лазарета для раненых солдат и офицеров[1182]. Б. А. Фишер — сын директора сада А. А. Фишера фон Вальдгейма, — вместе с супругой О. Л. Фишер за свой счет открыли недалеко от сада лазарет и работали там. Им помогали ухаживать за ранеными его мать и сестры.

Лазареты разместились также в актовом зале и коридоре Петроградского университета, в помещениях других вузов столицы и крупнейших городов России. Многие профессора и преподаватели делали регулярные отчисления на их содержание, постоянно осуществлялся сбор средств в помощь жертвам войны. В благотворительной деятельности активно участвовали студенты, которые организовывали подписку в пользу создаваемых лазаретов, кормили раненых, ухаживали за ними как санитары, изготовляли врачебные и дезинфекционные препараты. Посильную помощь оказывали также жены преподавателей и служащих, объединявшиеся в дамские комитеты, которые занимались закупкой материалов, оборудования, пошивом белья и т. д.

Порой ради организации масштабной помощи приходилось менять учебные планы и освобождать учебные и лабораторные помещения вузов. В Технологическом институте 21 сентября 1914 г. в помещениях новой инженерной лаборатории был открыт лазарет на 150 кроватей, на оборудование которого было собрано около 4 тыс. рублей. Лазаретом управлял комитет, возглавляемый А. А. Вороновым. Вскоре институт попросили выделить еще часть учебных помещений под дополнительные 100 коек[1183]. Одним из самых больших лазаретов стал Петроградский госпиталь № 1 имени императрицы Марии Федоровны, расположенный в зданиях общежития ППИ. Сюда первая партия раненых поступила 1 октября 1914 г., а 5 октября состоялось официальное открытие госпиталя. Со временем число коек в нем достигло 1100, а за время своего существования он принял свыше 4 тыс. раненых. В нем на общественных началах трудилась санитарная дружина студентов. Раненых обучали также сапожному и корзинному мастерству, работали курсы счетоводов, телефонисток, телеграфистов.

[1180] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 379.

[1181] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 318–319.

[1182] *Фассман Е. В.* Последний директор Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада А. А. Фишер фон Вальдгейм // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. / Отв. ред. Т. А. Шрадер. Вып. 8. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 198.

[1183] *Щербинина О. В.* Участие Технологического института в создании медицинских лазаретов в годы Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 147.

Ликвидация недостатка полевых и крепостных госпиталей и особенно военно-санитарных поездов стала одной из важнейших задач, так как оказалось, что наличие раненых в действующей армии не только снижает ее активность, но и оказывает деморализующее воздействие на личный состав. С большими трудностями и сбоями шла эвакуация раненых. С первым потоком раненых, которых надо было с передовой эвакуировать в тыл, обнаружилось отсутствие продуманной системы вывоза раненых с головных эвакуационных пунктов. При большом наплыве раненые скапливались здесь тысячами, сутками ожидая отправления или прихода поезда. По свидетельству хирурга действующей армии В. А. Оппеля, не только ощущалась нехватка поездов для эвакуации, но и шли они без всякого расписания, длительно простаивая в пути, и т. д.[1184]

Учитывая складывающуюся ситуацию, совет Женского медицинского института постановил отправить на фронт отряд с лазаретом имени Петроградских высших учебных заведений на 50 кроватей, на которые собирались пожертвования от 2 до 3% от зарплат преподавателей и служащих[1185]. Более 11 тыс. руб. было собрано в самом институте. Такая подписка на подвижной госпиталь шла и в других вузах.

В литературе нечасто пишут об участии ученых разных специальностей в медико-санитарном обеспечении фронта и тыла, во внедрении новых методов лечения раненых и об их службе в госпиталях и санитарных поездах. Чаще всего эти вопросы затрагиваются вскользь при написании истории того или иного научного учреждения, общества, вуза или в биографиях ученых. Например, выдающийся путешественник и зоолог А. А. Бунге — автор «Проекта статей Морского устава санитарной службы во флоте» — встретил Первую мировую войну в отставке и возглавил два частных лазарета в Петрограде.

В дело помощи раненым включались ученые, далекие от медицины. Известный искусствовед барон Н. Н. Врангель, работавший в Государственном Эрмитаже и в Институте истории искусств графа В. П. Зубова, добровольно вступил в Красный Крест и с санитарным поездом отбыл на фронт. Фронтовые впечатления были ужасны, тем более ценны сообщаемые им сведения. «Кошмар, который я видел сегодня, превосходит всё, что можно себе вообразить. Здесь в лазаретах на 200 человек помещается 2500 стонущих, кричащих, плачущих и бредящих несчастных. В душных комнатах, еле освещенных огарками свечей, в грязной соломе валяются на полу полумертвые люди. Узнав, что явилась возможность уехать из этого ада, все способные хоть кое-как двигаться, — часто безрукие, безногие, полуживые, — ползком, волоча свои тела, добрались до станции. Вопли и мольбы наполняли воздух ужасом и смертью. Этой картины, — писал эстет, — я никогда не позабуду, сколько бы мне ни пришлось прожить»[1186].

[1184] Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг. Сб. документов / Сост.: Е. С. Назин, Е. Д. Ефимова, З. М. Новикова. Куйбышев: Куйб. воен.-мед. акад. Кр. Армии, 1942. С. 20.

[1185] *Щербинина О. В.* Участие Технологического института... С. 146.

[1186] Цит. по: Врангель Николай Николаевич (1880–1915). URL: http://funeral-spb.narod.ru/necropols/nikolskoe/tombs/vrangel/vrangel.html. (дата обращения: 14.10.2016).

В апреле 1915 г. главноуполномоченный Северного района РОКК поручил Врангелю вместе с его другом С. Л. Бертенсоном обследовать краснокрестные учреждения в северо-западных регионах и написать популярную книгу-отчет об их состоянии и деятельности в этом регионе, которую нельзя было публиковать в условиях войны. После внезапной кончины Врангеля 19 июня 1915 г. этот дневник «Год войны» его мать, баронесса М. Д. Врангель передала в ИАН для хранения до того времени, как появится возможность опубликовать рукопись, а прилегающую к ней статью издать не ранее 1935 г.[1187]. Конечно, об издании в это время сочинений младшего брата П. Н. Врангеля, главнокомандующего Русской армией в Крыму, не приходилось и думать.

11.3. Фронтовой опыт медицины

Можно привести сотни, если не тысячи фамилий преподавателей высшей школы, мобилизованных или ушедших добровольно на фронт, а также включившихся в лечение раненых воинов. Знаменитый дефектолог и психиатр Г. Я. Трошин — создатель «школы-лечебницы для аномальных детей» в Петербурге и бывший преподаватель Казанского университета, в годы войны служил в военном госпитале в Петрограде и написал серию работ о травматическом неврозе[1188]. Курсы сестер милосердия в 1914 г. в Харькове организовал другой крупный психолог и психиатр П. П. Тутышкин, попытавшийся в годы войны объяснить патриотизм с психоаналитических позиций[1189].

Многие будущие крупные отечественные медики и психологи имели фронтовой опыт, уйдя в армию из учебных аудиторий и исследовательских лабораторий, отложив успешно начатую научную карьеру[1190]. М. Я. Басов, будучи студентом Психоневрологического института, активно занимался экспериментальной работой в Психологической лаборатории под руководством В. М. Бехтерева и А. Ф. Лазурского, опубликовал статью в «Вестнике психологии», сделал доклад на II Всероссийском съезде по экспериментальной педагогике в 1914 г. Прервав занятия наукой, он в течение двух лет служил рядовым в пехоте. Опыт экспериментальных исследований под руководством Г. И. Челпанова в Психологическом институте Московского университета имел А. А. Смирнов, который после получения диплома в 1916 г. более года прослужил в кавалерии. «Психологический практикум» Г. И. Челпанова посещал Б. М. Теплов, который с третьего курса Московского университета был призван в армию и, окончив школу прапорщиков, участвовал в боях на Западном фронте. Профессор кафедры психиатрии в Юрьевском университе-

[1187] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 148–149. § 201.

[1188] Нервнобольные воины. Извлечение из первого годичного отчета Амбулатории нервных болезней для лазаретов Петроградской стороны / Ред. Г. Трошин. Пг.: [Б. и.], 1915.

[1189] *Тутышкин П. П.* Духовная оборона личности и Родины. М.: Тип. В. И. Воронова, 1916.

[1190] Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Ред. А. В. Брушлинский. М.: Ин-т психологии РАН, 1997; Российская психология: Антология / Авт.-сост. А. Н. Ждан. М.: Альма Матер, 2009; *Москвитина О. А.* Русские психологи во время Первой мировой войны. С. 78–82.

те В. Ф. Чиж, несмотря на солидный возраст (60 лет), с 1915 до 1917 г. находился на фронте[1191].

В эти годы обслуживание душевнобольных вошло в арсенал помощи раненым наряду с традиционными видами лечения[1192]. При Главном управлении РОКК была создана специальная комиссия для призрения и эвауации из армии душевнобольных. В комиссию, возглавляемую главным врачебным инспектором Л. Н. Малиновским, вошли представители различных ведомств и высших учебных и лечебных заведений В. М. Бехтерев (ПНИ), В. М. Нарбут (Николаевский военный госпиталь, ПНИ, ИСПбУ) В. Н. Сиротинин (ИВМА), Б. М. Шапиров (РОКК, лейб-медик двора) и др. В ИВМА и и ПНИ были созданы курсы для санитаров, чтобы привить им хотя бы элементарные навыки ухода за психически больными. 13 июля 1915 г. в Петрограде был открыт центральный госпиталь для душевнобольных воинов. Трудности диагноза невротиков и особенности лечения травматического невроза в российской армии относительно недавно исследовала И. Е. Сироткина[1193].

В налаживание санитарно-медицинского обеспечения действующей армии прежде всего включились сотрудники Императорского Института экспериментальной медицины (ИИЭМ), а также преподаватели медицинских вузов[1194]. С началом войны основатель и попечитель ИИЭМ принц А. П. Ольденбургский стал верховным начальником санитарной и эвакуационной части при главнокомандующем и проявил себя исключительно умелым организатором, искренне болеющим душой за порученное дело и много сделавшим для санитарно-медицинского обеспечения армии[1195]. Немалое значение имела его продуманная кадровая политика. Он расставил на ключевые позиции в армейской медицине фактически всех ведущих сотрудников ИИЭМ, которых знал не только как видных ученых, но и как умелых адмнистраторов[1196]. Директор ИИЭМ и руководитель отдела гигиены С.-Л. К. Дзержговский стал заведующим походной лабораторией начальника управления. В качестве помощника и консультанта принц Ольденбургский привлек В. К. фон Анрепа, которого также знал как первого директора Женского медицинского института. Члену Госсовета С. М. Лукьянову — бывшему директору ИИЭМ и обер-прокурору Синода — в марте 1915 г. именным высочайшим указом было предписано состоять при принце А. П. Ольденбургском и заведовать «делами

[1191] Чиж Владимир Федорович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 08.22.2016).

[1192] *Будко А. А.* История медицины Санкт-Петербурга XIX–XX вв. С. 235–236.

[1193] *Сироткина И. Е.* Российские психиатры на Первой мировой войне // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 336–342.

[1194] *Голиков Ю. П.* Первая мировая война и сотрудники Императорского института экспериментальной медлицины // Там же. С. 290–309.

[1195] *Голиков Ю. П., Сапронов Н. С.* Попечитель Императорского института экспериментальной медицины принц Александр Петрович Ольденбургский. СПб.: Росток, 2010. С. 198–211.

[1196] *Голиков Ю. П.* Первая мировая война и сотрудники... С. 292–294; *Анненкова Э. А., Голиков Ю. П.* Принцы Ольденбургские в Петербурге. С. 451; *Голиков Ю. П., Сапронов Н. С.* Попечитель Императорского института экспериментальной медицины... С. 189–196.

по улучшению отечественных лечебных местностей»[1197]. Заведующий отделом эпизоотии А. А. Владимиров с 1914 г. был назначен начальником военно-санитарного отряда Петроградского железнодорожного узла, а с 1915 г. главным эпидемиологом армии стал заведующий лабораторией сифилидологии Д. К. Заболотный, который сумел организовать эпидемиологическую и санитарно-гигиеническую службу на всех фронтах. Он же провел два совещания бактериологов в Москве и в Киеве, где обсуждались меры по борьбе с заразными заболеваниями в условиях военного времени.

Практическое применение нашли методические рекомендации сотрудников ИИЭМ по предотвращению эпидемий и эпизоотий, что спасло десятки тысяч солдат и офицеров[1198]. Вакцины, сыворотки и другие препараты против инфекционных заболеваний, изготовленные в Лаборатории Особой комиссии для предупреждения чумы ИИЭМ на форте Александра I (Чумной форт), поступали в распоряжение фронтовых и армейских госпиталей, санитарных поездов и ветеринарных лазаретов. Это позволило приостановить несколько холерных эпидемий на фронте, эпидемию холеры в Петрограде в 1918 г., эпидемии холеры, сыпного и возвратного тифа 1919–1922 гг. в Одессе[1199]. Уже в первые месяцы войны штат Особой лаборатории возрос в несколько раз (с 4 сотрудников до 60), а на форте разместили 500 лошадей для производства сывороточных препаратов в необходимых для военного времени количествах[1200]. Принц Ольденбургский постоянно требовал от руководства лаборатории производства новых доз вакцины и сывороток. Военные эпидемиологи и инфекционисты, как правило, проходили подготовку в Чумном форте. С сентября 1914 г. здесь работали курсы военных дезинфекторов, и за год их окончили 1 550 санитаров-дезинфекторов[1201], которыми руководил директор ИИЭМ С.-Л. К. Дзержговский. Сотрудники ИИЭМ трудились и на фронтах. Заведующий патологическим кабинетом ИИЭМ биохимик Е. С. Лондон в первые годы войны служил в бактериологических лабораториях на Западном фронте, а затем в особой лаборатории Чумного форта, а после ее расформирования в 1917 г. возглавил отдел общей патологии ИЭМ.

Первая мировая война, изменив привычный уклад научно-исследовательской работы, внесла свои коррективы в развитие многих отраслей биологии, которые в ущерб фундаментальным проблемам должны были приблизиться к нуждам военного времени. Многие микробиологи, эпидемиологи, иммунологи, биохимики, патологоанатомы в разных учреждениях решали задачи, связанные с обеспечением медико-санитарного обслуживания нужд фронта и тыла. Бактериологи университетов также трудились на фронтах. Сотрудница Бактериологического института Московского университета и заведующая кафедрой бактериологии Высших жен-

[1197] *Анненкова Э. А., Голиков Ю. П.* Принцы Ольденбургские в Петербурге. С. 420.

[1198] Первый в России исследовательский центр в области биологии и медицины. С. 25–28.

[1199] *Анненкова Э. А., Голиков Ю. П.* Принцы Ольденбургские в Петербурге. С. 448–451.

[1200] *Голиков Ю. П., Андрюшкевич Т. В.* Особая лаборатория Императорского института экспериментальной медицины (1901-1918). К столетию со дня создания. СПб.: ИЭМ, 2001. С. 13.

[1201] *Голиков Ю. П.* Первая мировая война и сотрудники... С. 301.

ских курсов, ученица И. И. Мечникова П. В. Циклинская, первая в России женщина — профессор бактериологии, организовывала бактериологические лаборатории на фронте.

28–30 декабря 1914 г. в Москве состоялось экстренное совещание бактериологов и представителей врачебно-санитарных организаций, посвященное борьбе с эпидемиями в военное время и инициированное руководством Пироговского общества[1202]. В нем участвовали ведущие микробиологи, эпидемиологи и иммунологи В. М. Богуцкий, Д. К. Заболотный, Е. И. Марциновский, Л. А. Тарасевич. К тому времени затянувшаяся война сделала реальной угрозу эпидемий. В качестве практических рекомендаций было решено организовывать наблюдательные отделения при эвакуационных пунктах, увеличить число дезинфекционных камер, а также коек для заразных больных (не менее 5–10% от общего числа больных и раненых воинов), провести вакцинацию против брюшного тифа и отчасти против холеры, обеспечить строгое соблюдение санитарных норм, борьбу с насекомыми-паразитами. Обсуждались различные способы проведения дезинфекций в условиях полевого быта. Особенно была отмечена угроза эпидемий среди обнищавшего населения в районах боевых действий в Галиции и в Закавказье. В частности, указывалось, что в Константинополе не переводится холера, в Закавказье — лихорадка, в Персии — пендинская язва. Совещание приняло постановление, в котором подчеркивалось: противоэпидемические мероприятия имеют огромное оборонное значение, так как в прежние времена потери от болезней во много раз превышали число убитых и раненых.

Особую роль в развертывании противоэпидемических мероприятий в армии и тылу сыграл Л. А. Тарасевич — профессор кафедры бактериологии на Московских высших женских курсах. Его становление как ученого шло под руководством И. И. Мечникова, у которого он три года работал в Институте Пастера в Париже. За три года до Первой мировой войны Тарасевич вместе с Мечниковым изучал причины распространения туберкулеза в Калмыцких степях и стал убежденным сторонником вакцинации как важнейшего способа предотвращения всяких эпидемий. В 1915 г. он организовал на своей кафедре первую в России станцию по контролю над используемыми вакцинами. Став главным военно-полевым санитарным инспектором армии, Тарасевич инициировал вакцинацию военных беженцев и военнослужащих от холеры и брюшного тифа, а также новорожденных детей от туберкулеза. Во время войны он вел интенсивную научно-исследовательскую и образовательную деятельность: завершил трехтомное руководство по медицинской микробиологии для врачей и студентов и опубликовал в 1915 г. монографию о тифе, оспе и желудочно-кишечных заболеваниях, а через год переиздал ее, дополнив разделами о раневых инфекциях, дезинсекциях и прививках[1203].

[1202] *Дьяконов П. П.* Совещание бактериологов и представителей врачебно-санитарных организаций по вопросам о борьбе с заразными болезнями в связи с военным временем // Природа. 1915. № 1. Стб 153–166.

[1203] *Тарасевич Л. А.* 1) Медицинская микробиология. Руководство для врачей и студентов: В 3 т. Пг.; Киев: Сотрудник, 1912–1915; 2) Заразные болезни. Сыпной и возвратный тифы, дезинсекция, оспа, желудочно-кишечные инфекции, прививки, раневые инфекции. 2-е изд., доп. М.: Природа, 1916.

Проблемам реабилитации больных в условиях военного времени особое внимание уделялось на Съезде по улучшению отечественных лечебных местностей (7–10 января 1915 г., Петроград), санитарии и дезинфекции — на Совещании по санитарно-техническим вопросам (31 января — 3 февраля 1915 г., Варшава).

11.4. Наука — фронтовой медицине

В первых рядах мобилизованных медиков были ведущие специалисты и прежде всего хирурги Императорской Военно-медицинской академии (ИВМА). Ее бывший начальник Н. А. Вельяминов имел огромный опыт полевой хирургии, будучи главным уполномоченным РОКК по оказанию помощи больным и раненым на Дальнем Востоке в 1900 г.[1204] Он организовывал тогда подвижные и эвакуационные лазареты, военно-санитарные поезда. Основатель и бессменный редактор первого в России хирургического журнала, Вельяминов с начала войны участвовал в деятельности Главного управления РОКК, а затем служил хирургом-консультантом при Ставке Главнокомандующего, работал в госпиталях действующей армии. В годы войны им опубликовано несколько небольших книг об обеззараживании огнестрельных ран, о сортировке и эвакуации раненых, о защите людей и лошадей от удушливых и отравляющих газов и др.[1205]

Главным хирургом Юго-Западного фронта был Р. Р. Вреден — основатель Ортопедического института, работавший в годы войны в Психоневрологическом институте. Он участвовал в русско-японской войне в качестве главного полевого хирурга Маньчжурской армии. Был тяжело контужен. По опыту войны Вреден в 1911 г. издал руководство по военно-полевой хирургии, которое долгое время использовалось военными врачами. Из 30 хирургических методов, носящих его имя, значительная часть возникла из военно-полевого опыта. Во время Первой мировой войны Р. Р. Вреден выдвинул положения о хирургической деятельности при ранениях черепа и позвоночника и использовал шинирование при переломах челюсти. Эти методы были обобщены им в специальной книге по ортопедии, выдержавшей несколько изданий[1206].

Большой вклад в развитие военно-полевой хирургии внес Г. И. Турнер — профессор и заведующий кафедрой десмургии и механургии ИВМА[1207]. Он установил антисептический эффект гипсовой повязки, способной впитывать выделения из ран, и разработал методику ее наложения при лечении открытых и огнестрельных переломов[1208]. Турнер предложил также использовать шины для транспортной иммобилизации и носилки для выноса больных. Он автор популярного краткого учебника по военно-полевой хирургии (1932).

Заведующий кафедрой хирургической патологии и терапии ИВМА В. А. Оппель готовил докторскую диссертацию в лабораториях Р. Вирхова и И. И. Мечни-

[1204] *Корнеев В. М.* Николай Александрович Вельяминов: 1855–1920. Л.: Медгиз, 1962.

[1205] *Вельяминов Н. А.* Основные правила лечения ран, сортировки и эвакуации раненых при обстановке военного времени в передовом районе. Пг.: П. П. Сойкин, 1916.

[1206] *Вреден Р. Р.* Практическое руководство по ортопедии. Л.: Госиздат, 1925.

[1207] *Ткаченко С. С.* Генрих Иванович Турнер. Л.: ВМА, 1976.

[1208] *Турнер Г. И.* Руководство к перевязке ран. СПб.: Изд. М. П. Фроловой, 1914.

кова и в клиниках хирургов Э. Бергмана, Э. Кохера, Я. Микулича-Радецкого[1209]. Во время Первой мировой войны он служил хирургом-консультантом Главного управления РОКК на Юго-Западном фронте, заведующим медицинской частью на Кавказском фронте, начальником санитарной части Северного флота, выполнив лично тысячи операций. За проявленное мужество он был награжден знаком «За отличие под огнем неприятеля». Снискав себе славу крупнейшего в России после Н. И. Пирогова теоретика и организатора военно-полевой хирургии, В. А. Оппель в 1917 г. несколько месяцев был президентом ВМА.

Военно-медицинская доктрина Генерального штаба строилась на обязательной эвакуации в тыл основного контингента раненых без оказания первичной помощи на поле боя. Такой подход оказался неэффективным в условиях Первой мировой войны, сопровождался большим числом потерь и противоречил основным задачам медицинской службы, которые можно было бы обозначить как стремление к трем максимумам: 1) возвращение в строй максимального числа раненых в минимальные сроки; 2) максимальное снижение инвалидности и восстановление работоспособности раненых; 3) максимальное сохранение жизни. Следуя этим принципам и обобщая собственный фронтовой опыт, В. А. Оппель в 1915 г. организовал этапное лечение раненых и больных, построенное на расширении хирургической деятельности в районах, максимально приближенных к боевым действиям, и предусматривающее эвакуацию раненых тогда, когда это позволяет их состояние[1210]. По его мнению, поэтапная сортировка раненых на лечебных и эвакуационных пунктах должна была стать основой организации хирургической помощи, от полковых перевязочных пунктов и лазаретов дивизий до полевых госпиталей и головных эвакуационных пунктов. В результате раненый получал необходимую помощь на таком расстоянии от линии боя, которое было оптимальным для оперативных вмешательств при огнестрельных рваных ранах с раздробленными переломами костей конечностей. Ранняя обработка подобных ран позволяла избегать многих осложнений в виде инфекций и гангрены. Разработанная Оппелем концепция поэтапного лечения в годы Первой мировой войны была внедрена в практику там, где он служил, — на Юго-Западном и Северо-Западном фронтах, а также была успешно использована во время Великой Отечественной войны, позволив вернуть в строй 70% раненых и 80% больных[1211].

Будущий главный хирург Красной Армии и первый Президент АМН СССР Н. Н. Бурденко до войны был профессором кафедры оперативной хирургии Юрьевского университета, а затем служил хирургом-консультантом на разных фронтах[1212]. Он также занимался сортировкой раненых и их скорейшей отправкой в те лечебные заведения, где они могли получить квалифицированную помощь.

[1209] *Долинин В. А., Леонов И. Т.* Владимир Андреевич Оппель. Л.: ВМА, 1973; *Трунин М. А., Елизаров В. А.* В. А. Оппель. М.: Медицина, 1973.

[1210] *Оппель В. А.* Организационные вопросы передового хирургического пояса действующей армии. Пг.: Гос. тип., 1917.

[1211] *Будко А. А., Грибовская Г. А.* Зарождение принципов этапного лечения раненых в Первую мировую войну // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 123.

[1212] *Мирский М. Б.* Главный хирург Н. Н. Бурденко. М.: Воениздат, 1973.

Ввиду высокой смертности раненых Бурденко стал организовывать оперирование раненных в живот, в легкие и в голову в лечебных учреждениях, максимально приближенных к зоне боевых действий, создавая в них специальные подразделения. Он первым в полевой хирургии использовал первичную обработку раны и шов при повреждениях черепа. Одновременно Бурденко активно занимался организацией санитарной и противоэпидемической службы, военной гигиеной, защитой от удушающих и отравляющих газов, профилактикой венерических заболеваний и т. д.[1213] Опыт организации и практики полевой хирургии в годы Первой мировой и Гражданской войн Н. Н. Бурденко воплотил в «Положении о военно-санитарной службе Красной Армии», а также в серии статей и книг, которые принесли ему признание как основоположника советской военно-полевой хирургии[1214].

П. А. Куприянов — вице-президент АМН СССР и главный хирург Северо-Западного и Ленинградского фронтов в годы Великой Отечественной войны — также приобрел навыки военно-полевой хирургии в 1915–1917 гг., когда служил зауряд-врачом[1215]. Опыт военной хирургии был использован в научных исследованиях многими лучшими специалистами как ИВМА, так и других медицинских вузов и лечебных заведений России (С. П. Фёдоров, С. Р. Миротворцев, Н. И. Напалков, В. Н. Шевкуненко и др.). Хирурги не только помогали спасти максимальное количество раненых, но и, работая в экстремальных условиях, получали возможность быстрого профессионального роста и апробации новых методов оперирования, позволявших спасать и возвращать к полноценной жизни раненых, ранее считавшихся безнадежными.

11.5. Медицинские журналы Петрограда[1216]

Немалую роль в решении проблем по улучшению медицинского обеспечения российской армии сыграла научная, прежде всего медицинская печать, в первую очередь роль эта — просветительская.

Всего в 1914–1917 гг. в Петрограде выходило 49 наименований медицинских периодических изданий. Во время войны продолжали активно работать такие старейшие медицинские журналы, как: «Военно-медицинский журнал», «Морской врач», «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины», «Общественный врач», «Практическая медицина», «Русский врач» и др. Появились и новые медицинские издания, такие журналы, как: «Известия Комитета служащих Петроградской сети по оказанию помощи больным и раненым воинам» (1914–1915), «Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов» (1914–1916), «Известия

[1213] *Бурденко Н. Н.* К вопросу об устройстве управления в военно-санитарном ведомстве. Пг.: Сенат. тип., 1917.

[1214] Материалы по военно-полевой хирургии (статьи и очерки по данным Империалистической войны 1914–1917 гг. и Гражданской войны) / Ред. Н. Н. Бурденко, А. В. Мельников, А. Л. Слободский. М.; Л.: Медгиз, 1940.

[1215] *Дягилев В. Я.* Хирург Куприянов: Очерк. Л.: Лениздат, 1961.

[1216] Этот раздел подготовлен С. В. Ретунской.

Красного Креста» (1917–1918); как правило, период их деятельности был ограничен 1914–1917 гг. Эти издания выполняли функцию привлечения населения к сбору средств для военнослужащих, пострадавших в военных действиях, и членов их семей и внесли заметный вклад в дело благотворительности.

Анализ публикаций в медицинских журналах, издававшихся в Петрограде с 1914 по 1917 г., показал, что существовало несколько основных проблем и вопросов, которые поднимались на их страницах.

С первых дней войны остро встал вопрос правильной организации медицинского обеспечения. Еще Н. И. Пирогов писал: «...не медицина, а администрация играет главную роль в деле помощи раненым и больным на театре войны»[1217]. В октябре 1915 г. в «Военно-медицинском журнале» была напечатана статья профессора Военно-медицинской академии В. А. Оппеля «Основания сортировки раненых с лечебной точки зрения на театре военных действий». В своей статье он отмечал: «Если бы интересы эвакуации брали верх над интересами лечения, то от этого проиграло бы здоровье раненых, если бы, наоборот, интересы лечения брали верх над интересами эвакуации, то проиграла бы действующая армия»[1218]. Как неоднократно отмечалось на страницах журнала, потери российской армии из-за плохой организации медицинского обеспечения и отсутствия разработанной тактики медицинской службы были колоссальны.

Еще одна проблема, которая остро встала в первые же месяцы войны и активно обсуждалась на страницах медицинских изданий, — это членовредительство. С началом Первой мировой войны произошло значительное увеличение количества случаев членовредительства и симуляции. Это было вызвано как массовой мобилизацией, так и нежеланием погибать «за Веру, Царя и Отечество». Свою роль сыграло и увеличение доли «преступного элемента» в армии. Широкое распространение членовредительства сразу ощутили военные врачи как в призывных комиссиях, так и на фронте. Появилось множество статей по данной тематике[1219]. Членовредители наносили себе всевозможные раны: резаные, колотые, огнестрельные, ушибленные. Кроме того, они симулировали болезни внутренних органов (бронхит, туберкулез, язву желудка, катар кишок, нефрит, цистит, уретрит, диабет, желтуху, болезни сердца), нервные болезни (чаще всего падучую), болезни глаз (конъюнктивит, лейкому, язву роговицы, катаракту) и уха (прободение барабанной перепонки, катар слухового прохода). Наконец, «подделывали» здоровые корни зубов под больные, спиливали зубы. Широко распространился «комбинированный подход», когда не-

---

[1217] *Оппель В. А.* Основания сортировки раненых с лечебной точки зрения на театре военных действий // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. CCXLIV. Сентябрь. С. 151.

[1218] Там же. С. 153.

[1219] *Дьяконов П. П.* Случаи членовредительства с целью уклонения от военной службы // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1916. № 9. С. 1080–1082; *Зороастров А. В.* К вопросу о симуляции с целью освобождения от военной службы // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. CCXLIII. Июль. С. 473–475; *Свионтецкий И. О.* Х-образные раны ладони как признак членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. CCXLII. Март. С. 450–454; *Кудряшов А. И.* Симулянты и членовредители // Врачебная газета. 1916. № 9. С. 131–133.

сколько «искусственных» болезней сочетались с симуляцией еще нескольких других. Возник даже такой метод нанесения вреда своему здоровью с целью уклонения от военной службы, как специальное заражение себя венерическими болезнями. Армия столкнулась с массовой практикой членовредительства, что требовало особой организации врачебной экспертизы, которая и могла бы стать доказательной базой в военно-полевых судах над симулянтами. Но российские реалии войны были таковы: нехватка врачебно-экспертного персонала на фронте, плохая материально-техническая база, отсутствие специальной литературы, а также особая позиция значительной части медицинского персонала. Даже в случае доказательства симуляции и членовредительства виновный всего лишь возвращался в часть для дальнейшего прохождения службы с назначением наказания командиром (несколько месяцев тюрьмы после войны). В статьях, посвященных этой злободневной проблеме, авторы делились опытом и писали о срочной необходимости создавать особые комиссии для рассмотрения таких случаев.

Большое внимание на страницах медицинских журналов уделялось организации быта военнослужащих. В военное время армия несет большие потери не только вследствие ранений и увечий военнослужащих, но и из-за болезней, эпидемий, плохих санитарных условий. В частности, в «Военно-медицинском журнале» появляется целый ряд статей по организации военно-полевых бань. В. И. Барбарин в статье «К вопросу о банях на передовых позициях» замечает: «Насколько сильна потребность в банях в армии — известно каждому, и устройство бань в каждом полку есть не роскошь, а настоятельная необходимость»[1220], далее предлагая различные способы устройства бань в полевых условиях. В статье В. А. Бринка дается подробное описание организации «банного процесса» в санитарно-гигиеническом отряде № 20 18-го армейского корпуса, при котором была оборудована не только баня, но и парикмахерское отделение, оснащенное специальным американским оборудованием для стрижки и собирателями для волос[1221].

В целом ряде статей поднимается вопрос о срочной организации зубоврачебной помощи в войсках и о профилактике заболеваний полости рта. Врач И. И. Алапин в статье «Зубоврачебная помощь для позиций» отмечает, что «дело это еще новое, еще не окончательно разработанное и не вышедшее из сферы эксперимента»[1222]. Старший врач Псковского кадетского корпуса Н. С. Ждан-Пушкин в своей статье о деятельности Псковского дивизионного врачебного кабинета пишет: «Никакая канализация, вентиляция и стерилизация не дадут гарантий от всякой инфекции, пока рот культурного человека будет представлять собой клоаку, кишащую микробами»[1223]. Сравнивая организацию зубоврачебной помощи в евро-

[1220] *Барбарин В. И.* К вопросу о банях на передовых позициях // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. CCXLIV. Ноябрь. С. 434.

[1221] *Бринк В. А.* Организация бани в санитарно-гигиеническом отряде № 20 18 армейского корпуса // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. CCXLIV. Ноябрь. С. 440–449.

[1222] *Алапин И. И.* Зубоврачебная помощь для позиций // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. CCXLIV. Ноябрь. С. 452.

[1223] *Ждан-Пушкин Н. С.* Организация Псковского дивизионного врачебного кабинета // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. CCXLII. Март. С. 376–382.

пейских армиях с российской, он приходит к выводу, что положение удручающее: 90% военнослужащих нижних чинов нуждаются в лечении. Описывая опыт работы Псковского дивизионного врачебного кабинета, он призывает к следующим мерам: «...проводить периодические, не менее 2 раз в год поголовные осмотры нижних чинов»[1224], организовывать профилактические популярные беседы с нижними чинами о гигиене полости рта, обеспечить военнослужащих всеми необходимыми гигиеническими средствами.

В журнале «Природа» в разделе «Медицина и гигиена» практически в каждом номере один из двух главных редакторов журнала профессор Л. А. Тарасевич описывал профилактические меры, в том числе и весьма экзотические, для борьбы с насекомыми — переносчиками заболеваний.

Мы осветили только небольшую, но наиболее злободневную часть вопросов и проблем, которые обсуждались на страницах медицинских журналов в период 1914–1917 гг. Все они были вызваны реалиями войны, поэтому обмен опытом и различными мнениями был остро необходим медикам для правильной и своевременной организации медицинской помощи в войсках с целью сохранения жизни и здоровья военнослужащих.

[1224] Там же. С. 381.

Глава 12
БИОЛОГИЯ И МОБИЛИЗАЦИЯ БИОРЕСУРСОВ

В историографии биологии культивируется миф, что успех Лысенко у партийного руководства связан с тем, что ученые старой формации были далеки от практических задач, тяготели к фундаментальным исследованиям и поэтому не смогли вписаться в новые социальные реалии, когда от них потребовали участия в социалистическом строительстве. На самом деле всё обстояло с точностью до наоборот. С первых шагов биологических исследований в России перед ними была поставлена конкретная задача — изучение биологических ресурсов империи с целью использования их в лесоводстве, рыболовстве, виноделии, сельском хозяйстве, медицине и т. д. Практическая направленность биологии резко усилилась с проведением реформ во второй половине XIX в. и бурным развитием капитализма. Уже тогда ярко обозначилась междисциплинарность отечественных биологических исследований и их ориентация на запросы «реальной жизни», прежде всего в научном лесоводстве, прикладной энтомологии, геоботанике, почвоведении, микробиологии[1225]. Из-за необъятности данной темы назовем лишь некоторые примеры.

Весьма перспективной оказалась идея сочетания государственных ассигнований с привлечением общественных, прежде всего земских капиталов, заложенная в программу организации опытного дела в России, которую разработали ученые и агрономы: В. В. Винер, В. В. Докучаев, А. Г. Доренко, А. С. Ермолов, Д. Н. Прянишников, И. А. Стебут, В. В. Таланов, А. С. Фаминцын[1226]. Программу организации опытного дела, родившуюся в земской среде и поддержанную МЗ и Госдумой, Николай II утвердил в 1912 г. Она предполагала централизованное сельскохозяйственное районирование территории России, порайонное устройство опытных учреждений и объединение их в единую государственную сеть. Программа не предусматривала какого-либо разделения между научной деятельностью и ее практическим применением. Более того, на базе опытных станций планировали в дальнейшем создать «институты опытной агрономии», призванные разрабатывать проблемы общенаучного и методологического характера[1227].

Нередко в стремлении соединить фундаментальные исследования с практикой отечественные исследователи даже опережали западные страны на 15–25 лет. Пионером массового применения искусственного осеменения в животноводстве стал И. И. Иванов. Несмотря на сопротивление практиков-специалистов в области зоотехники и культивирования домашних животных, он преуспел во внедрении столь «неестественного способа» размножения. До Первой мировой войны благодаря искусственному осеменению появилось около 7 тыс. лошадей, на юге проводились массовые опыты на овцах, а также в заповеднике «Аскания-Нова» были получены межвидовые гибриды животных и птиц, не скрещивающихся ни в природе,

---

[1225] *Лоскутова М. В., Федотова А. А.* Становление биологических исследований в России. Взаимодействие науки и практики в XIX — начале XIX в. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 5.

[1226] *Елина О. Ю.* Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг. С. 27–85.

[1227] Труды Совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России... С. 327–328.

ни в неволе[1228]. По мнению К. О. Россиянова, успеху в столь необычном деле способствовал не только талант животновода, заручившегося поддержкой многих крупных ученых, включая А. О. Ковалевского, В. Ф. Нагорского, М. В. Ненцкого, В. М. Шимкевича и др., но и желание части правящей элиты (П. А. Столыпина) в короткий срок догнать развитые страны Запада, «действуя при этом “сверху” и опираясь в том числе и на достижения науки и техники»[1229].

Война внесла существенные изменения в эти планы, как из-за многочисленных потерь среди молодых талантливых исследователей, так из-за остановки ряда перспективных исследований. Большинство биологов с первых дней войны не поддались ультрапатриотической риторике, понимая, что война будет тяжелой и непредсказуемой. 20 июля 1914 г. ботаник и физиолог растений В. Н. Любименко из Ялты писал свой супруге Инне Ивановне — дочери И. П. Бородина: «Объявление войны Германией здесь произвело ошеломляющее впечатление, близкое к панике. По-видимому, нам придется пережить тяжелые времена»[1230]. На протяжении всей войны биогеохимик В. И. Вернадский не раз подчеркивал: «Мировая война <...> требует напряжения всех наших сил. Она может быть доведена до конца без большого потрясения нашего государства только при подъеме творческой, производительной работы, необходимой как для залечивания наносимых войною в экономической жизни нашей страны ударов, так и для изыскания новых источников силы»[1231]. Но в реалиях войны подобные призывы оставались утопическими прежде всего из-за массового призыва молодых научных сотрудников в армию.

12.1. Кадровая динамика

Многие академические проекты оказались свернуты, а исследования прекратились из-за мобилизации в армию или привлечения к оборонным проектам сотрудников Особой зоологической лаборатории (А. А. Любищева), Физиологической лаборатории (Г. П. Зелёного) в ИАН. Не только молодые ученые, но и их старшие коллеги в первые месяцы войны были мобилизованы. Многие из них ушли на фронт, некоторые погибли, другие оказались в конечном счете за рубежом. Ушли на фронт или были мобилизованы на военную службу патофизиолог П. П. Авроров, энтомолог А. А. Любищев, малаколог В. М. Шиц, протозоолог А. В. Белицер, физиологи Г. В. фон Анреп, В. Н. Болдырев и Г. П. Зелёный, лихенолог В. П. Савич, лесоводы Н. В. Третьяков, С. М. Токмачев, С. И. Погольский и Б. А. Шустов, селекционер П. И. Лисицын, сотрудники Бюро по прикладной ботанике Н. И. Вавилов, А. К. Гольбек, Н. Д. Ефимов, М. К. Кузьмин, В. К. Омельченко, Ф. И. Пунсон, И. Ф. Тарасевич, Н. Г. Трауцкий, Е. И. Швадченко, географ и биогеохимик В. Н. Таганцев и др. Их служба во время войны и последующая судьба

[1228] *Россиянов К. О.* Опасные связи. И. И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // ВИЕТ. 2006. № 1. С. 3–51.

[1229] Там же. С. 7.

[1230] Цит. по: *Манойленко К. В.* В. Н. Любименко: эволюционные, эколого-физиологические, историко-научные аспекты деятельности. СПб.: Наука, 1996. С. 26.

[1231] *Вернадский В. И.* Очерки и речи. Т. I. С. 4.

заслуживают специальных исследований. Отбывание воинской повинности у многих так или иначе было связано с их специальностью или протекало в ведомствах и местностях, удаленных от боевых действий.

Но были и те, кто участвовал в боях и пожертвовал жизнью на полях сражений. Вопрос о кадровых изменениях русской биологии в годы Первой мировой по существу еще не изучался. Подобные исследования выполнили А. А. Федотова относительно ботаников и географо-ботаников в рамках проекта «Наука, техника и общество Германии и России в годы Первой мировой войны»[1232] и Н. В. Слепкова применительно к сотрудникам Зоологического музея[1233]. Большая работа проделана также историками лесоведения[1234]. Но и здесь разыскания еще не окончены, и приходится буквально по крупицам из биографий ученых и истории учреждений собирать сведения о биологах — участниках войны и о ее влиянии на судьбы ученых. Ограничимся некоторыми примерами.

В. А. Ротерт — ботаник и физиолог растений, профессор Краковского университета, встретил войну в Норвегии и как российский подданный не смог вернуться в свой университет[1235]. Он вынужден был переехать в Россию и, совершив экспедиции в Среднюю Азию, в Финляндию и на Кавказ, несколько месяцев работал в Киеве у С. Г. Навашина. В 1915 г. под угрозой занятия немцами оказался уже Киев, и Ротерту пришлось вновь обустраиваться — теперь в Петрограде в лаборатории физиологии растений А. С. Фаминцына. Волнения, переезды и интенсивная работа подорвали здоровье ученого, и декабрьская простуда оказалась для него смертельной. Он скончался от воспаления легких в начале 1916 г., 3 января[1236].

Обстановка военного времени ускорила уход из жизни других биологов, геоботаников, лесоведов, почвоведов, агрономов. Одним из первых оказался ботанико-географ, директор Батумского ботанического сада А. Н. Краснов, умерший в 1914 г. В том же году ушел из жизни старший препаратор Зоологического музея К. И. Функсон. За ними последовали член-корреспондент ИАН, основатель русской биологической станции на Средиземном море (Виллафранка) А. А. Коротнев (1915), младший зоолог Зоологического музея Н. В. Куделин (1915), старший специалист Департамента земледелия по прикладной зоологии и охоте К. А. Сатунин (1915), профессор Рижского политехнического института Б. Б. Понсет де Сандом (1915), заведующий Бюро по земледелию и почвоведению ГУЗиЗ П. С. Коссович (1915), ординарный профессор по кафедре анатомии и физиологии растений Университета св. Владимира в Киеве К. А. Пуриевич (1916), профессор ботаники МСХИ С. И. Ростовцев (1916), заведующий Бюро по энтомологии МЗ И. А. Порчинский (1916), председатель Ученого совета МЗ академик Б. Б. Голицын (1916),

[1232] О потерях российских ботаников см. подробнее: *Федотова А. А.* Российские ботаники-географы в годы «второй отечественной» // Наука, техника, общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 369–370.

[1233] *Слепкова Н. В.* Развитие Зоологического музея...

[1234] Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия. С. 258–305.

[1235] *Манойленко К. В.* Владислав Адольфович Ротерт. Л.: Наука, 1978. С. 120–123.

[1236] Личные известия // Журнал Русского ботанического общества при Императорской Академии наук. 1916. Т. 1. № 1–2. С. 128.

лауреат Нобелевской премии и почетный член ИАН И. И. Мечников (1916), профессор Лесного института П. Н. Вереха (1917), вице-директор Лесного департамента МЗ С. П. Троицкий (1916), бывший глава МЗиЗ А. С. Ермолов (1917), энтомолог Н. Н. Аделунг (1917) и многие другие выдающиеся биологи, агрономы, экологи, охотоведы, смерть которых, по мнению современников, была связана с условиями военного времени.

Череда смертей приняла трагический оттенок со второй половины 1917 г., когда всё чаще стали случаться самоубийства: 23 сентября 1918 г. застрелился помощник лесничего Лисинского учебного лесничества В. С. Баран, а 7 октября 1918 г. покончил с собой лисинский лесничий Д. М. Кравчинский.

26 октября 1918 г. в Севастополе, занятом немецкими оккупантами, ушел из жизни старейший российский зоолог, академик В. В. Заленский. Символична смерть другого старейшины российских биологов, ботаника А. С. Фаминцына 8 декабря 1918 г., т. е. практически сразу после завершения Первой мировой войны. Как один из инициаторов и создателей КЕПС он сделал много для мобилизации отечественной биологии во имя победы. Нарастающий хаос в стране делал опасным повседневный труд ученых. Новые коллекции нередко добывались на территориях, население которых было враждебно настроено к русским.

На полях Первой мировой войны погибли многие молодые ученые-лесоводы и выпускники Лесного института. Некрологи на погибших (С. С. Грузова, А. И. Гуртьева, М. И. Данилова, В. Н. Дилло, В. И. Журавлёва, Е. И. Корнева, И. А. Кублицкого, Н. К. Левальд-Езерского, В. Н. Миротворского, В. Н. Николаевского, А. М. Сергина, П. Н. Сулханова, В. Г. Шенберга и др.) часто писал Г. Ф. Морозов[1237]. Дань памяти им отдавал и совет института на своих заседаниях.

Флорист М. Ф. Короткий служил в Сибири геоботаником и почвоведом Переселенческого управления МЗ[1238]. О начале войны он узнал, когда направлялся в экспедицию в Забайкалье и, будучи участником русско-японской войны и подпоручиком запаса, сразу вернулся и явился на призывной пункт. До апреля 1915 г. он служил в полевой почте, а затем перешел на передовую и в первом же бою в окрестностях г. Шавли 14 апреля погиб на поле боя. Его учитель В. Н. Сукачёв высоко ценил М. Ф. Короткого, который за шесть лет оставил заметный след в науке[1239]. Его имя носят четыре вида растений. Среди молодых ботаников, погибших в Первую мировую войну на фронте, называют также анатома растений В. С. Левицкого, геоботаника А. А. Горбовского, почвоведа Д. А. Драницына[1240].

А. И. Звегинцев — путешественник и автор ряда статей по сельскому хозяйству, в том числе по яичному и куриному промыслам — войну встретил членом Госдумы, работая в ее сельскохозяйственном комитете[1241]. Будучи ротмистром в отставке,

[1237] Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия. С. 298.

[1238] *Гуков Г. В.* Чье имя ты носишь, растение? Сто пятьдесят кратких биографий (Из истории ботанических исследований на Дальнем Востоке). 2-е изд., испр. и доп. Владивосток: Дальнаука, 2001.

[1239] *Сукачёв В. Н.* М. Ф. Короткий // Вестник русской флоры. 1917. Т. 3. Вып. 2/3. С. 185–199.

[1240] *Федотова А. А.* Российские ботанико-географы... С. 369–370.

[1241] Звегинцев Александр Иванович. URL: http://www.rulex.ru/01080195.htm. (дата обращения: 05.12.2017).

он сразу ушел добровольцем на фронт и вскоре стал начальником разведки 3-й армии в чине подполковника. Погиб в ноябре 1915 г., выполняя воздушную разведку.

А. Г. Генкель, работавший в СПбГУ, к началу войны был признанным в мире альгологом, а также талантливым популяризатором и переводчиком научной литературы с немецкого и латинского языков. Многократно переиздавались его переводы и комментарии к двухтомной «Жизни растений» А. Й. Кёрнера фон Марилауна, «Естественной истории мировоззрения» Э. Геккеля, «Городу солнца» Т. Кампанеллы. Популярностью пользовался его учебник «Ботаника» (1903), брошюры о сущности жизни, о путешествиях и т. д. В 1914 г. вышел его перевод книги В. Готана «Ископаемые растения». Летом 1915 г. Генкель выезжал на фронт от ВСГ в качестве заведующего питательным пунктом для окопных работ, а в 1917 г. командовал санитарным транспортом[1242]. В 1916 г. он основал и возглавил кафедру морфологии и систематики растений в Пермском университете.

За полтора года до начала войны физиолог Г. В. фон Анреп был отчислен из ИВМА «за неподчинение приказу военного министра об отдаче воинской чести студентами, наряду с рядовыми армии», но в 1914–1916 гг. был на фронте в качестве врача полевого госпиталя[1243]. Демобилизовавшись после ранения, он работал на кафедре физиологии у И. П. Павлова в ИВМА и ИИЭМ, а затем служил в армии А. И. Деникина. Эмигрировав в Англию, Анреп работал в Лондонском университете и в Кембридже и стал одним из немногих русских биологов, избранных членами Лондонского королевского общества[1244]. Позднее этой чести были удостоены еще два эмигранта — Б. П. Бабкин и Б. П. Уваров.

В. Н. Таганцев — сын почетного академика и сенатора Н. С. Таганцева — начинал блестящую карьеру после окончания столичного университета. Он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию: изучал ледники Азии и пустынное выветривание, составил карту почвенных зон Кокандского уезда Ферганской области. В армии он был назначен начальником вьючного транспорта Кавказского фронта, умудряясь продолжать исследования в туркестанском хребте, за что и был награжден в 1915 г. малой серебряной медалью РГО[1245].

Ученик А. А. Еленкина, крупнейший лихенолог В. П. Савич был призван в армию в 1913 г. и в чине прапорщика участвовал в боях с австрийцами в 1914 г., был ранен в первых же столкновениях[1246]. Вернувшись с фронта, он числился в Петро-

---

[1242] Генкель Александр Германович. URL: http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/133-genkel.html. (дата обращения: 03.09.2017).

[1243] *Голиков Ю. П.* Анреп Глеб Васильевич фон // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 36.

[1244] *Kolchinsky E., Hoßfeld U., Levit G.* Russian scientists and the Royal Society of London: 350 years of scientific collaboration // Notes and Records of the Royal Society. 2018. Vol. 72. No 3. P. 359.

[1245] Репрессированные геологи (Биографические данные) / Отв. ред. С. А. Руденко, сост. Л. П. Беляков, Е. М. Заболоцкий, Л. В. Никольская, Ф. Ф. Перчёнок. СПб.: [Б. и.], 1992. С. 127–128.

[1246] Савич Всеволод Петрович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/1%87. (дата обращения: 03.09.2017); http://forum.vgd.ru/post/1361/46906/p1835643.htm. (дата обращения: 24.11.2017).

граде при военном ведомстве, продолжая публиковаться по специальности. После революции стремительно делал научную и административную карьеру и уже в 1920 г. был ученым секретарем Ботанического сада, а в 1932–1937 гг. — заместителем директора Ботанического института АН СССР и главным редактором журнала «Советская ботаника», преподавал в ЛГУ[1247]. Ученик В. В. Алёхина С. С. Левицкий был мобилизован в армию в 1916 г., но вскоре по болезни был освобожден и в 1920 г. вернулся в Московский университет[1248].

Удавалось совмещать воинскую службу с научной работой ученику И. П. Павлова — физиологу Г. П. Зелёному, работавшему до войны в ИЭМ и Физиологической лаборатории ИАН. Будучи призван на военную службу в качестве врача в 1914 г., он не всё время был в действующей армии, а частично пребывал в Петрограде, работая в военном госпитале в клинике М. В. Яновского. В свободное время Зелёный успешно продолжал эксперименты по выработке условных рефлексов у мышей[1249]. После возвращения с фронта он организовал в Ветеринарном институте кафедру физиологии, которую возглавлял более 30 лет.

С сентября 1914 г. в действующей армии числился будущий крупный лесовод, ассистент кафедры лесоводства Н. В. Третьяков, что также не мешало ему продолжать научные занятия, а в октябре 1916 г. защитить докторскую диссертацию и пройти избрание на должность профессора лесоустройства и лесной таксации Лесного института[1250]. Впоследствии Третьяков долгое время работал в нем деканом лесохозяйственного факультета и проректором.

После возвращения из армии успешно трудился в Лесном отделе СХУК Министерства земледелия С. М. Токмачев. Ассистент кафедры лесного устройства и лесной таксации в Лесном институте Б. А. Шустов[1251], призванный вместе с другими сотрудниками Лесного института в армию в сентябре 1914 г., в 1917 г. был избран профессором Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства, переведенного в Харьков. К тому времени его освободили от воинской повинности и он оставался заведующим кафедрой лесной таксации и деканом лесохозяйственного факультета Харьковского сельскохозяйственного института до ареста в 1929 г. Ассистенты кафедры частного лесоводства А. В. Фомичёв и кафедры лесоводства В. В. Гуман служили в военных организациях и были освобождены от призыва в действующую армию, что позволяло им работать по совместительству в Лесном институте, где В. В. Гуман сразу после революции стал профессором[1252].

[1247] *Гимельбрант Д. Е., Кузнецова Е. С., Степанчикова И. С.* Лихенология на кафедре ботаники Санкт-Петербургского университета // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 3. 2013. Вып. 3. С. 148–151.

[1248] *Сошнина В. П.* С. С. Левицкий. URL: http://zapoved-kursk.ru/o-zapovednike/biografii/s.s. — levickij.html (дата обращения: 23.08.2017).

[1249] Отчет о деятельности ИАН. 1914. С. 142; Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 105.

[1250] Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия. С. 275.

[1251] Жизнеописание выдающихся деятелей лесной науки России. URL: http://www.lesnyk.ru/vek20_14.html (дата обращения: 25.08.2017).

[1252] Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия. С. 269.

К началу войны ботаник-эволюционист Б. М. Козо-Полянский служил в Ботаническом саду Московского университета под руководством М. И. Голенкина. В конце 1914 г. Б. А. Келлер пригласил его в Воронежский сельскохозяйственный институт, откуда в 1916 г. он в качестве ратника ополчения ушел на фронт и вернулся к научной деятельности уже только в 1918 г.[1253]

В плане продолжения занятий наукой во время войны меньше повезло А. А. Любищеву, который с кафедры гистологии в университете и из Особой зоологической лаборатории в армии попал в распоряжение химика В. Н. Ипатьева — сначала в Комиссию по заготовке взрывчатых веществ, а затем в Химический комитет, где в канцелярии ведал отделом перевозок и распределения металлов. По оценке Ипатьева, «это был неоценимый правитель канцелярии и делопроизводитель Химического комитета. Высокообразованный, спокойный, трудоспособный и замечательно исполнительный А. А. Любищев своим обхождением и знанием своего дела снискал к себе сердечное отношение всех служащих Химического комитета»[1254]. Работая у Ипатьева, под Новый 1916 год Любищев дал обет вести ежедневный учет времени, что и делал потом неуклонно в течение 56 лет до самой смерти.

К началу Первой мировой войны работавший в Томске патофизиолог П. П. Авроров был в расцвете творческих сил и имел мировую известность[1255]. С 1915 г. он в составе РОКК находился на Западном фронте, где заведовал бактериологической лабораторией в 12-й армии. За добросовестную и самоотверженную службу был награжден орденом св. Владимира IV степени и в 1917 г. снова активно включился в деятельность Томского университета.

Благополучно вернулся с фронта один из основателей ветеринарной протозоологии А. В. Белицер, работавший после войны в Москве.

П. И. Лисицын — руководитель отдела селекции на Шатиловской станции — был призван в армию 14 августа 1914 г. как адъютант командира 186 запасного батальона, расквартированного в Рославле, что позволяло получать редкие увольнительные на станцию[1256]. Как правило, растениеводам шли навстречу и позволяли посещать институты и опытные станции на короткий срок примерно два раза в год. Лисицын был в курсе ведущейся там работы по селекции клевера, ржи и овса, которая легла на плечи его жены Александры Германовны. В 1916 г. его перевели в Петроград в научно-техническую лабораторию Военного министерства для изучения дрожжей, используемых при выпечке хлеба, но он по-прежнему не терял контакта со станцией.

Война застала будущего создателя и президента ВАСХНИЛ Н. И. Вавилова в Германии, в лаборатории Эрнста Геккеля в Йене. Пришлось возвращаться

[1253] *Агафонов В. А., Негробов В. В.* Борис Михайлович Козо-Полянский: к 120-летию со дня рождения (20.01.1890–21.04.1957) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: География. Геоэкология. 2010. № 2. С. 163.

[1254] *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика.

[1255] Авроров Павел Петрович. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php. (дата обращения: 24.08.2017).

[1256] *Елина О. Ю.* У истоков российской селекции и семеноводства. Петр Иванович Лисицын на Шатиловской опытной станции в Госсемкультуре. М.: Наука, 2016. С. 226–235.

в Россию окружным путем через Норвегию, Швецию и Финляндию. Багаж, отправленный ранее из Англии вместе с книгами, коллекциями, дневниковыми записями и другими результатами долгой работы, погиб, так как грузовой пароход подорвался на мине. В отличие от своего брата С. И. Вавилова — будущего президента АН СССР, — Н. И. Вавилов не подлежал призыву на военную службу из-за дефекта зрения. Год спустя из-за огромных потерь на фронте многие ограничения для призыва по состоянию здоровья были сняты, и он стал «ограниченно годным», что означало возможность быть мобилизованным в любой момент для службы в военном ведомстве[1257]. Хотя освобождение от призыва было вскоре восстановлено, весной 1916 г. МЗ командировало Н. И. Вавилова на Кавказский фронт, чтобы разобраться в массовой болезни, похожей на опьянение, в российских оккупационных войсках, размещенных в северных провинциях Персии[1258]. Болезнь сопровождалась судорогами и потерей сознания, а порой заканчивалась смертью. Исследуя сортовой состав пшениц, завезенных в основном из европейской части России, Вавилов установил, что местные посевы сильно засорены ядовитым опьяняющим плевелом, а также местным фузариозом. Горячий хлеб, приготовленный из подобной смеси, ведет к опьянению («пьяный хлеб»). По рекомендации юного ученого был введен запрет на использование местного хлеба для обеспечения армии.

Выполнив задание МЗ, Вавилов решил воспользоваться случаем и обследовать сортовое разнообразие пшеницы Персии, а затем и других культурных зерновых растений Памира и их диких сородичей[1259]. За короткий период были обнаружены десятки новых разновидностей мягкой пшеницы, дикого ячменя, диких эгилопсов, дикой ржи, дикой чечевицы и т. д. и установлена важная роль горных районов Юго-Запада в увеличении биоразнообразия. Как отмечает академик РАН Н. П. Гончаров, собранные тогда Вавиловым «коллекции семян возделываемых растений» определили всю его последующую деятельность[1260]. Война невольно дала старт начинающему путешественнику, обследовавшему вскоре «пять континентов» и собравшему уникальную коллекцию культурных и диких растений, ставшую основой концепции центров происхождения культурных растений, а позднее и «зеленой революции».

Уникально сложилась судьба студента Лесного института А. В. Белякова, призванного в армию в 1916 и окончившего в 1917 г. Александровское пехотное училище, а после Гражданской войны — авиационную школу[1261]. Он был преподавателем, а затем начальником кафедры Военно-воздушной академии им. проф. Н. Е. Жуковского. Всемирную славу ему принесли беспосадочные перелеты из Москвы на о. Удд (1936) и из Москвы через Северный полюс в США (1937). Будучи

[1257] *Резник С. Е.* Эта короткая жизнь. Николай Вавилов и его время. М.: Захаров, 2017. С. 178.

[1258] *Вавилов Н. И.* Пять континентов // Вавилов Н. И. Пять континентов. Краснов А. Н. Под тропиками Азии. М.: Мысль, 1987. С. 24.

[1259] Там же. С. 26–27, 33–35; *Гончаров Н. П.* Николай Иванович Вавилов. Новосибирск: Академ. изд-во «Гео», 2017. С. 74–79.

[1260] *Гончаров Н. П.* Николай Иванович Вавилов. С. 79.

[1261] *Беляков А. В.* В полет сквозь годы. М.: Воениздат, 1982.

штурманом экипажа В. П. Чкалова, он был удостоен звания Героя Советского Союза (1938) и впоследствии стал доктором географических наук, профессором, генерал-лейтенантом авиации.

Более трагичным оказался жизненный путь другого бывшего студента Лесного института Р. П. Эйдемана, получившего военное образование в Киевском военном училище в 1916 г. и начавшего военную карьеру командиром батальона 16-го Сибирского строительного запасного полка царской России[1262]. В Гражданскую войну он стал одним из главных полководцев Красной армии и в 1924–1925 гг. командовал войсками Сибирского военного округа, дослужился до комкора, был репрессирован и погиб в 1937 г.

В то же время тотальный просмотр личных дел Зоологического музея ИАН показал, что научные исследования страдали не столько от мобилизации научных и научно-технических сотрудников, которые все остались на местах, сколько от поголовного призыва технического персонала. Приходилось специально ходатайствовать, чтобы оставили хоть кого-то из старых служителей, которым можно было бы доверить отправку бесценных коллекций[1263]. В связи с тем, что в Уставе о воинской повинности 1915 г. в число сотрудников государственных учреждений не попали штатные младшие зоологи и препараторы, возникла угроза для хранения зоологических коллекций. По этой причине директор Зоологического музея В. В. Заленский поставил вопрос о том, чтобы ходатайствовать о предоставлении сотрудникам музея отсрочки от призыва, так как оставление без присмотра может гибельно сказаться на коллекциях, особенно «чучел и шкур, требующих в большинстве случаев препарировки»[1264]. Заведующий Бюро по прикладной ботанике МЗ Р. Э. Регель, ссылаясь на производственную необходимость, также пытался оградить часть сотрудников, особенно «белобилетников», от призыва на воинскую службу[1265].

Особый вопрос о том, как война повлияла на миграцию биологов, тоже почти не затронут в литературе. Тем не менее путь из России для многих начинался именно тогда. Ученик И. П. Павлова В. Н. Болдырев во время Первой мировой войны являлся консультантом РОКК по вопросам защиты от отравляющих газов и в 1915 г. был командирован в Англию и Францию по этим вопросам[1266]. Вернувшись ненадолго в Россию в 1917 г., он вскоре эмигрировал в Японию, а затем в США, где сделал успешную карьеру. В эмиграции в Китае оказался в конечном счете старший специалист Департамента земледелия садовод А. Д. Воейков, который служил уполномоченным Верховного начальника санитарной эвакуационной части по заготовке лекарственных растений в Симбирской и Оренбургской губер-

[1262] *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941. Биографический словарь. М.: Кучково поле, 2012. С. 125–126.

[1263] *Слепкова Н. В.* Развитие Зоологического музея... С. 164.

[1264] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 184. § 264.

[1265] Бюро по прикладной ботанике в годы Первой мировой войны. С. 199–201.

[1266] *Голиков Ю. П.* Болдырев Василий Николаевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 61.

ниях[1267]. В последний год войны он переехал на Дальний Восток, а впоследствии эмигрировал в Китай. В конце 1917 г. уехали за границу бывший директор Лесного института А. П. Фан-дер-Флит, один из основоположников лесной типологии в России А. А. Крюденер[1268] и бывший товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием профессор Б. Е. Иваницкий, занимавший во время Первой мировой войны пост товарища председателя Главного управления РОКК[1269]. Н. В. Грудистов — директор Лесного департамента и товарищ министра земледелия — покинул Петроград в 1918 г., 1920 г. эмигрировал в Англию, а затем во Францию. В Первую мировую войну и вызванную ею разруху уходят корнями причины эмиграции других крупных биологов в 1919–1921 гг.: энтомологов С. А. Мокржецкого и Б. П. Уварова, физиологов Г. В. фон Анрепа, Б. П. Бабкина и С. И. Метальникова, палеонтолога Н. И. Андрусова и др. В конечном счете они оказали влияние на судьбы российских ученых и после Второй мировой войны[1270].

Всемирно известный физиолог и биохимик растений Николай Алексеевич Безсонов начинал карьеру корнетом лейб-гвардии Конно-гвардейского полка и зарекомендовал себя блестящим наездником, награжденным на скачках императорским призом. Перед Первой мировой войной он увлекся химией, стал студентом физико-математического факультета ИСПбУ, выполнил ряд интересных работ под руководством В. И. Палладина в Лаборатории физиологии и биохимии растений ИАН и в Бюро по микологии и фитопатологии ГУЗиЗ. По рекомендации В. И. Палладина, С. П. Костычева и А. А. Рихтера незадолго до начала войны, 28 декабря 1913 г., он был принят в члены ИСПбОЕ[1271]. Во время боев Безсонов попал в плен и оказался на лечении в Норвегии. Там после выздоровления возобновил научную работу, а затем переехал в Париж. Сначала он работал в Институте Пастера, а затем в специально созданной для него лаборатории в окрестностях Парижа в Коломбе, в университете Страсбурга, в университете короля Фарука в Египте. Исследуя химию витаминов, Безсонов первым предложил технологию производства витамина С, успешно участвовал в работах по агрономической химии, в создании методики культуры растений в отсутствие солнечного света. Его пионерская монография «Витамины» (1929, 1931) дважды издавалась в СССР.

Многие крупные ученые были вынуждены надолго прервать научные исследования из-за эвакуации учреждений, в которых они работали. Уже в 1915 г. Варшаву навсегда покинули палеонтолог В. П. Амалицкий, биохимик С. Л. Иванов, физиолог растений и микробиолог Д. И. Ивановский, ботаник В. Ф. Хмелевский,

---

[1267] *Громова Т. А.* Александр Дмитриевич Воейков. URL: http://uonb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=503: voejkov&catid= (дата обращения: 25.08.2017).

[1268] *Мерзленко М. Д.* Памяти А. А. Крюденера (1869–1951) // Лесной вестник. 2001. № 1. С. 85–87.

[1269] Государственный совет Российской империи: 1906–1917. М.: РОССПЭН, 2008. С. 102.

[1270] *Ульянкина Т. И.* «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М.: РОССПЭН, 2010.

[1271] Заседание Отделения ботаники. 28 декабря 1913 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1914. Т. XLV. № 7–8. С. 217.

физиолог и биохимик М. С. Цвет. В итоге все они оказались в разных городах, не раз переезжая вместе со своими учреждениями и каждый раз пытаясь хоть как-то наладить исследования на новом месте.

Оставшиеся в тылу отмечали всё ухудшающиеся условия работы. Вот свидетельство физиолога растений академика Н. А. Максимова — соратника Н. И. Вавилова и одного из первых критиков Т. Д. Лысенко, уехавшего накануне войны в Тифлис, чтобы возглавить созданную для него лабораторию в местном ботаническом саду. В только что опубликованных воспоминаниях, которые он писал в тюрьме в 1929 г., арестованный по сфабрикованному делу Трудовой крестьянской партии, Максимов с горечью отмечал: «...эти почти идеальные в первые два-три года условия работы стали быстро и резко ухудшаться. Всё затягивавшаяся Мировая война <...> отрезала нас от регулярного получения новой иностранной литературы и совершенно прекратила доступ издаваемых в Германии и Австрии книг. Вскоре затем начались всё усиливающиеся с каждым годом затруднения в получении новых приборов, посуды и реактивов, и круг доступных для разработки тем становился всё у́же и у́же. Печатание своих работ стало затруднительным, и мне в 1916 г. с большим трудом удалось напечатать в качестве одного из выпусков Трудов Тифл[исского] Бот[анического] Сада первый сборник работ лаборатории, оказавшийся и последним»[1272].

В унисон с ним звучат строки из письма приват-доцента Петроградского университета К. М. Дерюгина к Л. С. Бергу в ноябре 1914 г.: «Научная работа идет нынче вяло. Известия с театра военных действий поглощают много времени и лишают необходимого спокойствия»[1273].

К середине 1917 г. по нарастающей шло ухудшение условий работы и в центральных учреждениях, что заставляло биологов Москвы и Петрограда искать более благоприятные условия для жизни в провинции, особенно на юге. К концу 1917 г. туда переместилась значительная часть профессорско-академического сообщества, в том числе академики: палеонтолог Н. И. Андрусов, биогеохимик В. И. Вернадский, зоологи В. В. Заленский и Н. В. Насонов, физиолог и биохимик растений В. И. Палладин, а также профессора: ботаники Е. В. Вульф, Н. И. Кузнецов, В. Ф. Хмелевский, А. А. Фишер фон Вальдгейм, гидробиолог К. М. Дерюгин, гистолог А. Г. Гурвич, физиологи Б. П. Бабкин и С. И. Метальников, зоологи Н. В. Насонов и П. П. Сушкин и др. Начиналась новая волна эмиграции. Одним из первых за границей остался выдающийся рыбовед, заместитель председателя КЕПС В. К. Бражников.

Первая мировая война особенно сильно сказалась на тех отраслях биологии, которые связаны с медициной и эксплуатацией биологических ресурсов, — в частности микробиологии, ботанике, эпидемиологии и т. д.[1274] Требования военного

[1272] «Тюремная автобиография» Николая Александровича Максимова. С. 92.

[1273] Цит. по: *Фокин С. И.* Неизвестный Константин Михайлович Дерюгин // ИБИ. 2010. Т. 2. № 2. С. 56.

[1274] Первый в России исследовательский центр в области биологии и медицины. С. 25–28; *Федотова А. А.* Российские ботанико-географы в Первую мировую войну... С. 208–223; *Лайус Ю. А.* Развитие рыбохозяйственных исследований Баренцева моря в конце XIX — пер-

времени были суровы и заставляли искать быстрые и простые решения в условиях нестабильности и нарастающего хаоса.

12.2. Институциональные изменения

Война принесла немало трудностей для биологических исследований, и требовалось всё больше усилий со стороны биологов, чтобы сохранить исследования на должном уровне в условиях эвакуации. Перебазирования целых университетов и институтов не приносили процветания ни одной отрасли знания, нарушая налаженный быт и работу, отрывая ученых от библиотек, коллекций, оборудования, общения с коллегами и учениками. Но в силу специфики своей деятельности биологи страдали сильнее других. Прерывание стационарных исследований, идущих десятки лет, нередко означало потерю перспектив на дальнейшую работу.

С преобразованиями институций биологи столкнулись буквально в первые дни войны, когда сотрудники Севастопольской биологической станции должны были принять меры для сохранения научных приборов, инвентаря, коллекций и аквариума[1275]. Как выше уже говорилось, нападение 16 октября 1914 г. немецкого броненосца «Гебен» на Севастополь не застало сотрудников станции врасплох, но была повреждена ее стеклянная крыша. Поскольку средств для отправки упакованных приборов и коллекций не было, а вероятность повторного прорыва немецко-турецкого флота к Севастополю была невысока, книги и приборы были складированы в нижних этажах здания. Далее в работе станции наступил «мертвый период», так как в условиях военного времени нельзя было и думать об интенсивных гидробиологических исследованиях на Черном море[1276]. Из-за обстрелов и угрозы возможных пожаров и затоплений Севастопольская опытная станция практически первой из академических учреждений прекратила свою деятельность. До конца 1917 г. ее не могли возобновить из-за запрета со стороны военных властей сбора и ловли животных в бухте и въезда в Севастополь ряду ученых, желавших работать на станции. Оставшиеся научные сотрудники П. С. Гальцов и Л. И. Якубова довольствовались сбором планктона в районе Артиллерийской бухты и прибрежных животных со скал и из песка[1277]. Военные события отразились и на деятельности аквариума. Уже в первый год войны количество платных посетителей сократилось на 3 тыс. чел., а в 1917 г. их было всего 1793 чел., а между тем аквариум требовал всё бóльших расходов из-за подорожания электричества, корма рыбам и т. д.[1278]

В 1915 г. началась эвакуация целых научных и научно-образовательных комплексов из городов, оставляемых врагу. Ученым Варшавы, Киева, Юрьева, Ново-Александрии приходилось спешно оставлять оборудование, коллекции,

---

вой трети XX века: взаимоотношения науки и практики: Дис. ... канд. ист. наук. М.: ИИЕТ, 2004; Бюро по прикладной ботанике в годы Первой мировой войны. С. 267.

[1275] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 267. § 656.

[1276] *Виноградов К. А.* Очерки по истории отечественных гидробиологических исследований на Черном море. С. 47.

[1277] Отчет о деятельности РАН... 1917. С. 221.

[1278] Отчет о деятельности ИАН... 1914. С. 338; Отчет о деятельности РАН... 1917. С. 227–228.

библиотеки и отправляться за тысячи километров, чтобы основать новые лаборатории и кафедры. Вскоре дошла очередь и до, казалось бы, глубоко тыловых учреждений, например Мурманской биологической станции Петроградского университета. В феврале 1915 г. ей было передано в дар имущество Мурманской научно-промысловой экспедиции, но пользоваться им пришлось недолго. Из-за войны количество студентов, работавших на Мурманской станции, сократилось почти в 4 раза, немного приехало и зрелых ученых[1279]. В связи с обращением Морского министерства станцию закрыли, а ее здания передали для «военных надобностей», опечатав «все помещения, в коих хранится имущество станции»[1280]. Вскоре на станции остался лишь заведующий Г. А. Клюге с помощником-матросом[1281]. Консервация станции не обескуражила Клюге, который в 1915 г. разработал детальный план развития Мурманской биологической станции с целью превращения ее из научно-вспомогательного учреждения в прекрасно оборудованный научно-исследовательский институт[1282]. Эти планы он направлял в ИПгОЕ, в МНП, в Химический отдел ВПК, в Полярную комиссию ИАН, но реализовать их удалось после Гражданской войны, а во время интервенции здания станции были сильно разрушены и разорены[1283].

Пресноводной (Бородинской) биологической станции в Тверской губернии удалось продержаться до 1917 г. Здесь работа прервалась из-за отсутствия средств: часть оставшегося без охраны имущества была растащена, а другая реквизирована местными властями[1284]. По той же причине недолго просуществовала Степная биологическая станция им. графини С. В. Паниной, открытая буквально накануне войны, 11 июня 1914 г.[1285] Заведовал станцией академик И. П. Бородин, а в состав правления вошли почвовед К. Д. Глинка, ботаники Н. А. Буш, В. А. Дубянский и В. Н. Сукачёв, физиологи растений С. П. Костычев и А. А. Рихтер, энтомолог М. Н. Римский-Корсаков, гидробиолог К. М. Дерюгин[1286]. В 1915 г. стали создавать Ботанический сад и высаживать типичные растения из прилегающих участков степи. Далее кончились деньги, и в годы Гражданской войны Степная станция была разрушена и сожжена[1287].

[1279] Отчет заведующего Мурманской биологической станцией за 1915 г. С. 86–87.

[1280] Там же. С. 87; Отчет секретаря... за 1915 г. С. 6.

[1281] *Танасийчук Н. П.* К 30-летию Мурманской биологической станции. С. 86–93.

[1282] Отчет заведующего Мурманской биологической станцией за 1915 г. С. 88–90.

[1283] Отчет о деятельности РАН... 1917. С. 304; *Лайус Ю. А.* Международная кооперация. С. 153–154.

[1284] *Борисовская Г. М.* Бородинская станция. С. 138–139.

[1285] Общее собрание 23 марта 1914 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1914. Т. XLV. № 7–8. С. 217–218; Заседание отделения ботаники от 30 апреля 1914 г. // Там же. С. 222, 223; Общее собрание 30 ноября 1914 г. // Труды ИПгОЕ. 1915. Т. XLVI. № 2. С. 61–62; Общее собрание 1 марта 1915 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1915. Т. XLVI. № 3. С. 109–110; Общее собрание 28 ноября 1915 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1916. Т. XLVII. № 2–3. С. 102–103.

[1286] Отчет секретаря о деятельности Императорского Петроградского Общества естествоиспытателей за 1914 г. // Труды ИПгОЕ: Протоколы заседаний. 1915. Т. XLVI. № 2. С. 48–49; Общее собрание 1914 г. // Там же. С. 56–57.

[1287] *Гинецинская Т. А.* Степная станция. С. 140–141.

Два года просуществовала Гидробиологическая станция Казанского университета, основанная в 1916 г. вблизи устья реки Свияги[1288]. Выступая 12 декабря 1916 г. в Бюджетном комитете Госдумы, Р. Э. Регель подчеркнул, что за два года войны «масса опытных учреждений в России закрылась» из-за недостаточного финансирования и ухода на фронт младшего научного персонала[1289]. Из 27 сотрудников мужского персонала в возглавляемом им Бюро по прикладной ботанике МЗ на фронт ушло 19. Почти половину своего состава потеряло и Метеорологическое бюро МЗ. А оставшиеся, как и их академические коллеги из ГФО, сконцентрировались на обслуживании армии и флота и не могли давать прогнозы, имевшие значение для сельского хозяйства.

Выше уже не раз говорилось, что Первая мировая война дала мощный толчок к освобождению российской науки от доминирующего немецкого влияния и ускорила процесс оформления национальных научных сообществ по отраслям знания, создания сети научных журналов на русском языке, построения системы научно-исследовательских институций, охватывавших всю территорию России. Лидеры отечественной биологии И. П. Бородин, В. И. Вернадский, А. С. Догель, Н. К. Кольцов, И. П. Павлов, А. Н. Северцов, А. С. Фаминцын и др. оказались во главе движения за создание суверенной национально-государственной науки. Они были уверены в том, что русская наука должна стать независимой от науки других стран.

Важным шагом для ликвидации отставания отечественной биологии от мировой Н. К. Кольцов считал создание материальной базы для издания научных книг и специализированных журналов на русском языке и пропаганду их достижений за рубежом. Война, закрыв привычные каналы для печатания русских работ за рубежом, ускорила создание сети журналов на русском языке. В течение двух-трех лет возникло несколько первоклассных журналов: «Журнал микробиологии» (1914) под редакцией Г. А. Надсона, «Вестник русской флоры» (1915) под редакцией Н. И. Кузнецова, «Материалы микологии и фитопатологии в России» (1915) под редакцией А. А. Ячевского, «Русский архив анатомии, гистологии и эмбриологии» (1916) под редакцией А. С. Догеля, «Журнал Русского ботанического общества» (1916) под редакцией И. П. Бородина, «Русский зоологический журнал» (1916) под редакцией А. Н. Северцова, «Зоологический вестник» (1916) под редакцией В. М. Шимкевича и В. А. Догеля, «Ежегодник Русского палеонтологического общества» (1916) под редакцией А. А. Борисяка и М. Д. Залесского, «Русский физиологический журнал им. И. М. Сеченова» (1917) под редакцией Б. И. Словцева и др. Появлялись новые ведомственные журналы, например «Известия Министерства земледелия» (1915–1917) или «Сельское хозяйство и лесоводство» (1915–1918). На примере «Журнала микробиологии», который выходил с 1914 г., видно, сколь своевременным оказалось это начинание, продиктованное желанием облегчить русским ученым знакомство с трудами собственных коллег и сузить зависимость их публикаций от зарубежных изданий. Как отмечала редакция в первом номере, «зависимость эта неприятная вообще с точки зрения национального сознания

[1288] Годичный отчет... за 1915 г. С. 238.

[1289] Бюро по прикладной ботанике в годы Первой мировой войны. С. 204–205.

и в практическом отношении может оказаться тягостной»[1290]. Рецензируя первые пять выпусков нового журнала, профессор Лесного института, ботаник и физиолог растений Л. А. Иванов отмечал, что актуальность задач, поставленных редакцией нового журнала, с началом войны стала очевидной и для представителей других отраслей. Реальный объем журнала намного превысил первоначально планируемый (26 вместо 15 п. л.), а статьи охватывали широкий круг проблем, включая исторические исследования и обзоры современной литературы. По мнению Иванова, для российских зоологов и ботаников «иметь научный журнал на родном русском языке значит не только осуществить свое право, но и исполнять свой долг»[1291]. По мнению А. А. Заварзина, наличие журнала «Русский архив анатомии, гистологии и эмбриологии» приучит иностранцев уважительно относиться к русской науке[1292].

Начавшийся экономический кризис сделал невозможным регулярный выпуск многих журналов, но в целом независимая национальная издательская база для публикации отечественных работ была создана. Биологи нашли способ централизованно демонстрировать уровень развития науки в России.

Разрыв связей с немецкими коллегами ускорил процесс национального объединения биологов России путем создания общенациональных профессиональных обществ при ИАН. Первое решение подобного рода было принято ОС ИАН 26 ноября 1915[1293]. В течение нескольких месяцев были созданы три общества: Русское ботаническое общество (декабрь 1915) во главе с И. П. Бородиным, Русское палеонтологическое общество (январь 1916) во главе с Н. Н. Яковлевым и Русское физиологическое общество им. И. М. Сеченова (1917) во главе с И. П. Павловым. Всем им пришлось пережить драматические события в своей истории, познать годы и бурного расцвета, и упадка, но, преодолев на протяжении десятилетий все трудности и невзгоды, они сохранили важнейшую интегрирующую функцию российской науки и отпраздновали в 2015–2016 гг. свои столетние юбилеи. Создавая российские общества при ИАН, биологи как бы демонстрировали свою лояльность, законопослушность и готовность действовать под надзором МНП. Это оказалось оптимальной формой самоорганизации ученых, обозначенной Н. К. Кольцовым и М. И. Ростовцевым[1294], и трамплином для целого ряда провинциальных ученых в их академической карьере. Вот почему многие видные естествоиспытатели ИАН активно включились в организацию объединений, охватывающих ученых той или иной отрасли знания уже в масштабах всей страны и повышающих их общенациональное значение.

Предполагалось, что ученые станут действовать в рамках самодостаточных научных сообществ в большинстве дисциплин. Для создания самодостаточных сообществ требовалось время и определенная социально-психологическая среда, в которую были бы погружены ученые, а также постоянная читательская аудитория

[1290] Цит. по: *Иванов Л. А.* Журнал микробиологии, издаваемый под редакцией проф. Г. А. Надсона. Стб 483.

[1291] Там же. Стб 484.

[1292] Академик Алексей Алексеевич Заварзин.

[1293] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 163–164. § 231.

[1294] *Кольцов Н. К.* Национальная организация науки. Стб. 1017–1926.

коллег и учеников. Нужны были усилия всех ученых на государственном уровне, их координация и исключение конкуренции за ресурсы между вновь создаваемыми журналами и обществами, что всегда выглядит утопично, и для формирования устойчивого равновесия в этой сфере другим странам потребовались столетия. Отечественные биологи рассчитывали, что все проблемы могут быть решены на очередном съезде естествоиспытателей и врачей, хотя вряд ли это было возможно. И приходилось прибегать к высокой патетике.

Уповая на новое восприятие соотношения транснационального и национального в науке, Н. К. Кольцов заклинал: «Великая национальная задача <...> выполнима лишь при единодушном сочувствии со стороны всех русских ученых. Настало время объединиться на этой далекой от узкого шовинизма задаче: поднять научную производительность нашей богатой природными силами страны и тем способствовать процветанию мировой науки»[1295]. Но построение суверенной науки требовало серьезных финансовых затрат, в том числе на выписывание новых русских журналов, в то время как многие по-прежнему предпочитали тратить деньги на иностранную подписку, а отечественные журналы при этом желали получать бесплатно. Да и с деньгами в условиях беспрерывных поражений, ухудшения продовольственного снабжения, усиления инфляции и т. д. становилось всё хуже. По мнению Кольцова, все российские научные и образовательные учреждения «должны поставить на первый план правильную поддержку организованной русской научной издательской деятельности», а «национальную организацию русской науки» он считал «делом самой высокой важности», способным искупить великие потери в войне и обеспечить подъем русской культуры. При этом оставалось не совсем ясно, кто будет обеспечивать эту правильную организацию и вообще кому будет дано право отделить правильную организацию от неправильной. Тем не менее война способствовала становлению государственно-национальной науки и развитию русского научного языка. Отсутствие контактов с научными сообществами других стран способствовало формированию национального сознания молодого поколения биологов с высоким уровнем национальной самоидентификации и ощущением независимости от мирового научного сообщества. Разрыв связей с немецкими коллегами ускорил процесс национального объединения биологов России. Даже сложившиеся биологи, печатавшиеся до войны на немецком языке, как, например, Н. К. Кольцов и И. И. Шмальгаузен, неизбежно были вынуждены переходить на отечественные журналы. Складывавшаяся автаркия вела к падению уровня владения иностранными языками, что чревато было трудностями общения с иностранными коллегами в будущем. В то же время это способствовало унификации русского биологического языка, уточнению терминологии и позволяло знакомиться с работой российских коллег не через иностранные журналы.

Биологи одними из первых осознали необходимость интеграции интеллектуальных ресурсов страны. С самого начала в состав Русской Полярной комиссии, созданной по инициативе геолога и палеонтолога И. П. Толмачева и возглавляемой вел. кн. Константином Константиновичем, вошли зоологи Л. Л. Брейтфус,

[1295] Там же. Стб 1040.

А. А. Бялыницкий-Бируля, Н. М. Книпович[1296], а в обсуждении программы активно участвовал В. И. Вернадский (в статье «К вопросу о задачах Комиссии»)[1297]. В сферу ее интересов должны были войти в том числе проблемы палеонтологии, зоологии и ботаники. Фактически она должна была стать некоей академией, занимающейся полярными странами вообще и Русским Севером в частности. Предполагалось, что финансировать ее будут разные ведомства. Позднее в комиссию были приглашены известные путешественники — зоолог А. А. Бунге и эколог-охотовед Б. М. Жидков. Недостаточное финансирование не позволило развернуть крупномасштабную работу по изучению Севера, в том числе и намечаемые зоогеографические и гидробиологические исследования[1298], так как основное внимание было уделено обеспечению потребностей армии и военно-морского флота. Тем не менее в эти годы биологи внесли посильный вклад в разработку программы комплексных геолого-географических, биологических и гуманитарных исследований Севера, которая была успешно реализована позже.

Биологи активно участвовали и в другом проекте ИАН «Русская наука», в котором предполагалось отразить и вклад естествоиспытателей в изучение биологических ресурсов страны. Из 107 участников этого проекта около трети составляли ученые, связанные с изучением живого, в том числе агроном Н. М. Тулайков, анатом В. Н. Тонков, антропологи Д. Н. Анучин и Ф. К. Волков, биогеохимик В. И. Вернадский, биофизик П. П. Лазарев, ботаники И. П. Бородин и В. Н. Сукачёв, гистолог А. А. Максимов, зоологи Л. С. Берг, К. Н. Давыдов, В. В. Заленский, Н. В. Насонов, В. П. Поспелов, А. Н. Северцов, М. П. Сомов и Н. А. Холодковский, животновод Е. Ф. Лискун, микробиологи С. И. Златогоров и В. Л. Омелянский, палеонтологи Н. И. Андрусов, А. А. Борисяк, М. Д. Залесский, патолог С. М. Лукьянов, почвовед К. Д. Глинка, садовод Д. Д. Арцыбашев, физиологи Л. А. Орбели и В. П. Осипов и др.[1299] Правда, подготовили они только четыре очерка. Это «География» Л. С. Берга, «Палеоботаника» М. Д. Залесского, «Палеозоология» А. А. Борисяка и «Почвоведение» К. Д. Глинки.

Как уже говорилось, трудно переоценить вклад биологов в создание и развитие КЕПС — главного проекта российской науки в годы Первой мировой войны. Лидеры отечественной биологии были в числе ее инициаторов: ботаник А. С. Фаминцын стал первым председателем КЕПС, биогеохимик В. И. Вернадский — его заместителем, а вскоре и преемником[1300]. Ими были разработаны программные документы КЕПС. В первоначальном составе КЕПС, утвержденном 4 февраля 1915 г. ОФМН, биологи явно преобладали. В нее вошли палеонтолог Н. И. Андрусов, ботаник И. П. Бородин, зоологи В. В. Заленский и Н. В. Насонов, биохимик В. И. Палладин. В записке А. С. Фаминцын, выступавший на ОФМН 8 апреля 1915 г., сфор-

[1296] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 247. § 621.

[1297] *Вернадский В. И.* К вопросу о задачах Полярной Комиссии. Приложение I к протоколу I заседания ОФМН ИАН 7 января 1915 г. (к § 18). С. 20–23.

[1298] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 380–381.

[1299] Судьба проекта «Русская наука». С. 115–137.

[1300] *Кольцов А. В.* Создание и деятельность КЕПС. С. 18; *Манойленко К. В.* Андрей Сергеевич Фаминцын. С. 161–164.

мулировал общие задачи КЕПС и доказывал ее актуальность с целью более тесной интеграции интересов государства, науки и общества[1301]. Он отметил необходимость начать систематическую регистрацию сведений о естественных производительных силах России и ее природных богатствах, включая биологические ресурсы, с тем чтобы «приступить к их разработке»[1302]. Для реализации этих замыслов В. И. Вернадский предлагал к концу войны создать систему научно-исследовательских институтов и не жалеть на них средств, которые, по его мнению, окупятся за несколько месяцев[1303]. В запланированной серии очерков предполагалось осветить и вопросы «богатства животного и растительного мира». Направляя усилия ученых на насущные нужды страны и говоря с властью на понятном ей патриотическом языке, учредители КЕПС способствовали повышению репутации ученых в глазах власти и общества, что способствовало институционализации биологии. Без особых затрат проект именно в этой области сулил наиболее высокие общественно-политические дивиденды ученым, так как живую природу любили тогда все.

Вот почему научные и образовательные учреждения и общества, связанные с биологическими и сельскохозяйственными науками, согласились участвовать в работе КЕПС, направили в нее в качестве своих представителей видных ученых[1304]: от Ученого комитета ГУЗиЗ — садовода и огородника А. А. Шульца, животновода Е. Ф. Лискуна и растениевода Р. Э. Регеля, от Отдела земельных улучшений ГУЗиЗ — мелиораторов Е. Л. Кёнига, С. П. Максимова и Г. К. Ризенкампфа, от Лесного департамена ГУЗиЗ — лесничего Н. Д. Суходского, от Департамента земледелия ГУЗиЗ — почвоведа К. Д. Глинку, от Императорского Ботанического сада — флориста и ботанико-географа Б. А. Федченко, биогеографа и эволюциониста В. Л. Комарова и физиолога В. Н. Любименко, от Геологического комитета — палеонтологов А. А. Борисяка, А. Н. Рябинина, М. Э. Янишевского, от МОИП — палеонтолога А. П. Павлова, от Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — энтомолога А. П. Семёнова-Тян-Шанского, от Императорского РГО — В. П. Семёнова-Тян-Шанского и т. д.[1305] Среди лиц, присоединившихся к КЕПС, были ихтиологи и рыбохозяйственники Л. С. Берг, В. К. Бражников, В. И. Мейснер, А. С. Скориков и П. Ю. Шмидт, географ В. В. Ламанский, гидробиологи К. М. Дерюгин и Н. М. Книпович, агроном В. И. Ковалевский, палеобиогеохимик Я. В. Самойлов, флорист и ботанико-географ Н. А. Буш.

На первом расширенном заседании КЕПС, состоявшемся 11 октября 1915 г., был избран состав его Совета. Из 9 членов Совета трое были тесно связаны с биологией: биогеохимик В. И. Вернадский, ботаник А. С. Фаминцын и вице-директор Департамента земледелия МЗ ихтиолог В. К. Бражников[1306]. На том же заседании

[1301] Записка акад. А. С. Фаминцына.

[1302] Там же. С. 3.

[1303] *Вернадский В. И.* Об изучении естественных производительных сил России.

[1304] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 174. § 447.

[1305] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 360–362.

[1306] Отчет о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Российской Академии наук. Пг.: Тип. ИАН, 1915. № 1. С. 5–7 (далее: Отчет о деятельности Комиссии).

другой вице-президент Департамента земледелия животновод Е. Ф. Лискун предложил включить в план подготовку очерков о сельскохозяйственных и охотничьих промыслах, а почвовед К. Д. Глинка — о почвах. В приложенных к Отчетам КЕПС за 1915 г. запискам Л. С. Берга, С. Ф. Ольденбурга и А. П. Семёнова-Тян-Шанского подчеркивалась необходимость комплексного изучения биологических ресурсов России вместе с Императорским РГО. По мнению Л. С. Берга, КЕПС должна была возродить практику экспедиций И. А. Гильденштедта, И. И. Лепёхина, Н. Я. Озерецковского, П. С. Палласа[1307].

В 1916 г. был создан Редакционный комитет по изданию сборника «Естественные производительные силы России», в которой были ботанические и зоологические подкомиссии. Ботаническую подкомиссию возглавил И. П. Бородин, ему активно помогал В. Н. Любименко. В нее входили также академик А. С. Фаминцын, старший ботаник Ботанического музея ИАН Н. А. Буш, профессор Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсов агроном-растениевод П. В. Будрин, профессор Московского сельскохозяйственного института луговод А. М. Дмитриев, профессора Лесного института садовод и помолог А. С. Гребницкий-Докторович, лесоводы Г. Ф. Морозов и В. Н. Сукачёв, ботаник Л. А. Иванов, профессор ПгУ почвовед С. П. Кравков, товарищ директора Докучаевского комитета МЗ почвовед П. В. Отоцкий, специалист по садоводству МЗ В. В. Пашкевич, заведующий Бюро по прикладной ботанике Р. Э. Регель, а также сотрудники Императорского Ботанического сада В. Н. Любименко, Н. А. Монтеверде, Б. А. Федченко и др.[1308] Не менее представительной была Зоологическая комиссия, которую возглавлял В. И. Вернадский. В нее входили ихтиологи и рыбоводы В. К. Бражников, В. И. Мейснер и М. П. Сомов, зоологи разных специальностей и гидробиологи А. А. Бялыницкий-Бируля, В. В. Заленский, Н. М. Книпович, Н. В. Насонов, Н. А. Холодковский и В. М. Шимкевич, охотоведы Г. Г. Доппельмаир, А. А. Силантьев и А. С. Скориков, животновод Е. Ф. Лискун и др.[1309] К тому времени в состав Совета КЕПС вошли также И. П. Бородин, В. В. Заленский, А. П. Карпинский и общее количество биологов и палеонтологов в нем составляло 50%.

С самого начала, 22 ноября 1915 г., наиболее авторитетное в то время объединение биологов в Императорском ПгОЕ положительно отреагировало на инициативу КЕПС интегрировать научные ресурсы страны[1310]. Представителями в КЕПС от отделения ботаники были избраны биохимик растений Л. А. Иванов и физиолог растений А. А. Рихтер, а от отделения зоологии и физиологии — гидробиолог К. М. Дерюгин и ихтиолог П. Ю. Шмидт[1311].

К концу Первой мировой войны КЕПС стала самым крупным учреждением РАН. В ее состав входили подразделения биологического профиля — отделы: почвенный, животноводства, использования дикорастущей флоры, бюро по евгенике, а также отделы, затрагивающие и эту тематику: по исследованию Севера, Тур-

[1307] Отчет о деятельности Комиссии. 1915. С. 11.

[1308] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 358.

[1309] Там же. С. 359.

[1310] Общее собрание ИПгОЕ от 22 ноября 1915 г. С. 102–103.

[1311] Отчет секретаря... за 1915 г. С. 5.

кестанский[1312]. К тому времени возникло Московское отделение КЕПС во главе с биофизиком П. П. Лазаревым. Членами его Совета были биофизик В. А. Анри, зоологи Н. К. Кольцов и Н. М. Кулагин, палеонтолог А. П. Павлов, агрохимик Д. Н. Прянишников, палеобиогеохимик Я. В. Самойлов и др.[1313] В нем изначально доминировала биологическая и сельскохозяйственная тематика — отделы удобрений, птицеводства, энтомологии, пчеловодства, пушного зверя. Вскоре в составе КЕПС появился Почвенный институт им. В. В. Докучаева и сапропелевый отдел, а в ее Московском отделении — отделы генетический, химии русских лекарственных растений, русского пушного промысла, лаборатория русских лекарственных растений и Аникинская опытная станция в Звенигородском уезде[1314]. Планировалось также создать Институт по использованию дикорастущей флоры во главе с В. Н. Любименко, но эта идея не была реализована, так как предполагаемые исследования велись в созданном в 1918 г. Российском пищевом научно-техническом институте[1315].

Поддержка научной общественности позволила КЕПС претендовать на разработку общей стратегии институционализации биологии и координировать биологические исследования в масштабах всей страны. КЕПС становилась центром консолидации интересов ученых без их разделения по ведомственным и профессиональным интересам и со стиранием граней между столичной и региональной наукой. Ее инициаторы пользовались влиянием в своих отраслях знания, но их мнение было авторитетно и за их пределами. Для младших коллег деятельность в КЕПС ускоряла рост их авторитета в научном сообществе. Среди активных членов КЕПС было немало ученых, связанных с изучением живого и ставших вскоре академиками и членами-корреспондентами РАН и АН СССР. Это Л. С. Берг, А. А. Борисяк, К. Д. Глинка, Н. М. Книпович, В. Н. Любименко, М. А. Мензбир, Д. Н. Прянишников, В. Н. Сукачёв, В. М. Шимкевич и др.[1316]

Выбранная стратегия оправдала себя. Как уже говорилось, не беря на себя никаких конкретных обязательств, ученые активной пропагандой уже имеющихся знаний демонстрировали свою значимость в решении острых вопросов военного времени. Установку инициаторов КЕПС поддержала научная общественность, а рупором ее стал журнал «Природа», одним из редакторов которого был биолог Н. К. Кольцов. Благодаря им, а также созданным ими учреждениям и научным школам были вписаны яркие страницы в послереволюционную историю отечественной биологии.

28 сентября 1916 г. на заседании ОФМН была создана Комиссия под председательством А. П. Карпинского для рассмотрения вопроса о создании Биологического института путем объединения Физиологической и Особой зоологической

[1312] Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 219–306.

[1313] Там же. С. 288.

[1314] Академия наук СССР: ее задачи, разделение и состав. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 26–33.

[1315] Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925): Сб. документов. Кн. 1. Л.: Наука, 1968. С. 283–288.

[1316] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 185–186. § 480.

лаборатории, а также Лаборатории по анатомии и физиологии растений[1317]. В Комиссию вошли также И. П. Бородин, В. В. Заленский, Н. В. Насонов, С. Ф. Ольденбург, И. П. Павлов, В. И. Палладин. Другим нереализованным проектом стало создание Лаборатории экспериментальной биологии во главе с Н. В. Насоновым.

30 марта 1916 г. была создана Комиссия ИАН по изучению озера Байкал во главе с академиком Н. В. Насоновым, ознаменовавшая начало систематического и комплексного изучения флоры и фауны уникального водоема[1318]. На заседаниях вновь созданной Комиссии 21 и 27 апреля были сформулированы рекомендации отправлявшейся на Байкал экспедиции о выборе места постройки проектируемой станции и сформулирован предварительный план ее исследований. В том же году на средства, полученные от иркутского миллионера-мецената Н. А. Второва, ассистент Московского университета В. Ч. Дорогостайский построил в дер. Большие Коты Байкальскую станцию и исследовательское судно «Чайка» и провел рекогносцировочные исследования[1319]. По их результатам, изложенным в докладах В. Ч. Дорогостайского «О распределении животных организмов на озере Байкал» и И. Д. Кузнецова «О гидрологических исследованиях на озере Байкал» на заседаниях Комиссии, были разработаны программы гидробиологических и научно-промысловых исследований и сделаны заказы необходимого оборудования[1320].

В январе–марте 1917 г. на заседаниях Комиссии по изучению озера Байкал был утвержден состав большой экспедиции во главе с ихтиологом И. Д. Кузнецовым — бывшим заведующим Псковско-промыслово-научной экспедицией и редактором «Вестника рыбопромышленности», издаваемого Императорским Российским обществом рыбоводства и рыболовства. Это назначение определяло приоритеты экспедиции, преследовавшей не столько научные, сколько хозяйственно-промысловые цели. В Комиссию были определены также директор Зоологического музея Московского университета Г. А. Кожевников, профессор Харьковского университета ботаник В. М. Арнольди и профессор МСХИ гидробиолог С. А. Зернов. Среди их помощников были такие будущие звезды отечественной гидробиологии и океанологии, как академик Л. А. Зенкевич, И. И. Месяцев, Л. Л. Россолимо. В. Ч. Дорогостайскому было поручено заведовать судном «Чайка».

К лету 1917 г. стало ясно, что отсутствие большинства заказанных приборов и общая ситуация в стране не позволяют реализовать намеченную программу, и было решено перенести финансирование экспедиции на следующий год. Комиссия в 1917 г. продолжала совершенствовать программу в трех направлениях исследований: гидробиологическом (Н. В. Насонов), научно-промысловом (И. Д. Кузнецов) и геологическом (Н. И. Андрусов). К концу года в Комиссии состояли более 60 чел.[1321] В начале 1918 г. станция была разграблена, судно конфисковано, день-

[1317] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а–1916. Д. 163. Л. 245–246.

[1318] Отчет о деятельности ИАН 1916 г. С. 380.

[1319] *Дурнев Ю. А., Попов В. В., Сирохина Т. А.* Виталий Чеславович Дорогостайский как орнитолог (к 130-летию со дня рождения) // Байкальский зоологический журнал. 2010. № 1 (4). С. 122.

[1320] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 305–306.

[1321] Там же. С. 307.

ги обесценились, и все планы были надолго похоронены, несмотря на героические усилия В. Ч. Дорогостайского хоть что-то спасти. Тем не менее число членов Комиссии по изучению озера Байкал достигло к концу Первой мировой войны 69 чел.[1322] В отсутствие Н. В. Насонова ее возглавил И. П. Бородин, а секретарем был молодой гидробиолог В. М. Рылов. Комиссия издавала «Труды», в которых печатались А. В. Вознесенский, В. Ч. Дорогостайский, Г. А. Кожевников, И. И. Месяцев, Л. Л. Россолимо, Л. А. Зенкевич и др.

В 1916 г. были созданы два соболиных заповедника: Баргузинский в Забайкальской области и Саянский с Казыр-Сукским промыслово-охотничьим хозяйством в Енисейской губернии, на судьбе которых мы остановимся ниже. Здесь же отметим, что только Баргузинскому заповеднику, ставшему 29 декабря 1916 г. первым государственным заповедником России[1323], удалось пережить наступившее вскоре лихолетье. Два остальных учреждения даже не успели обрести статус государственных, перестав существовать уже в 1919 г. Судьба других лоббируемых биологами, минералогами и промысловиками проектов заповедников на Южном Урале, Кавказе, в Нижнем Поволжье и т. д. решалась уже после окончания Первой мировой войны, в 1919 г.[1324]

Работавшая всю войну при ИАН Высочайше утвержденная Межведомственная комиссия по выработке мер к охранению кавказского зубра, возглавляемая вел. кн. Сергеем Михайловичем, также не добилась значимых успехов[1325], хотя всем было понятно, что предложению Х. Г. Шапошникова — лесничего Белореченского лесничества войска Кубанского — о создании Государственного кавказского заповедника для сохранения истребляемого вида нет альтернативы[1326]. В 1915 г. удалось провести оценку отчуждаемых земель и выработать «Положение о Кавказском государственном заповеднике», которое после рассмотрения в Совете министров было отправлено на дополнительное обсуждение в Комиссию с привлечением представителей Министерства торговли и промышленности, Государственной канцелярии, Военного министерства и Министерства земледелия для устранения «встреченных разномыслий: относительно размера Заповедника, эксплуатации в его пределах леса, а также принципа обмена земель казенных на казачьи»[1327]. К концу 1916 г. Военное министерство и Министерство земледелия пришли к согласию об отводе под Государственный кавказский заповедник территории свыше 230 тыс. десятин в нагорной полосе Кубанской области с предоставлением компенсации Кубанскому воинству[1328]. Но после Февральской революции Комиссия

[1322] Отчет о деятельности РАН 1918 г. 1919. С. 307.

[1323] *Черникин Е. М.* Баргузинский заповедник // Заповедники России. Заповедники Сибири. Т. 1. М.: Логата, 1999. С. 171–188.

[1324] *Вайнер Д.* Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М.: Прогресс, 1991. С. 50–55.

[1325] Отчет о деятельности ИАН. 1914. С. 381.

[1326] *Шапошников Г. Х.* Всего себя — природе, науке и людям // Заповедный вестник. 2000. № 12. С. 7–8.

[1327] Отчет о деятельности ИАН. 1915. С. 301.

[1328] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 374.

осталась без председателя, вопрос пришлось решать заново, и только 12 мая 1924 г. был учрежден Кавказский зубровый заповедник, но сохранившиеся к тому времени 10–15 особей были уничтожены в ближайшие два года[1329].

В последние годы войны пример самоорганизации биологического сообщества демонстрировали ученые в Крыму, находящемся с мая 1918 г. под немецкой, а затем под французской оккупациями. По свидетельству В. И. Вернадского, научная жизнь в Крыму в 1917 г. приобрела необычайную интенсивность[1330], что было обусловлено мощным приливом интеллектуалов с севера. Благодаря авторитету ученых, переселившихся из Петрограда, Москвы, Киева, ранее существовавшие биологические институции, включая Никитский ботанический сад, Салгирскую областную плодоводческую опытную станцию, Севастопольскую и Карадагскую биологические станции, сохранились, а некоторые даже расширили исследовательскую и издательскую деятельность в начавшейся чехарде властей с реквизициями, грабежами и погромами. Важную роль в расширении исследовательской деятельности в Крыму играли члены КОЕиЛП и Ялтинского отделения ККГК, заручившиеся поддержкой главы Таврического губернского земства ученого-агронома и филантропа С. С. Крыма[1331]. 26 мая 1917 г. в докладе чрезвычайному губернскому земскому собранию он предложил создать Таврическую научную ассоциацию[1332], уже в 1918 г. объединившую более 30 научных учреждений и обществ в пределах целой губернии. До 1920 г. ее возглавлял главный губернский энтомолог С. А. Мокржецкий.

В конце войны в главных университетских центрах страны стали появляться биологи, способные не только формировать перспективные программы и вести исследования, но и находить средства на их проведение. Классическими примерами служат член-корреспондент РАН Н. К. Кольцов и академик П. П. Лазарев, сумевшие в 1917 г. найти спонсоров для учреждаемых ими институтов[1333]. Позднее им удалось убедить главу Наркомздрава Н. А. Семашко в нужности своих исследований и добиться финансирования соответственно для Института экспериментальной биологии и Института физики и биофизики в Москве. Они стали центрами создания новейших отраслей биологии в России. В Петрограде в 1918 г. Н. А. Морозов на базе Биологической лаборатории организовал Петроградский научный инсти-

---

[1329] *Башкиров И. С.* Кавказский зубр (монографический очерк) // Кавказский зубр / Ред. Н. М. Кулагин. М.: [Б. и.], 1939 (1940). С. 3–72.

[1330] *Вернадский В. И.* О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг. С. 3–12.

[1331] *Кизилов М. Б.* Караим Соломон Крым: жизнь и судьба. С. 86–96. С 15 ноября 1918 по 15 апреля 1919 г. С. С. Крым был премьер-министром и министром земледелия Крымского краевого правительства.

[1332] *Непомнящий А. А., Синичкин А. В.* Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы и развитие исторического краеведения Крыма // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 210–216.

[1333] *Adams M.* Science, Ideology and Structure: The Kolt'tsov Institute, 1900–1970 // Social Context of Soviet Science. Boulder; Colorado. 1980. P. 173–204; *Дерягин Б. В.* Петр Петрович Лазарев (К столетию со дня рождения) // Успехи физических наук. 1978. Т. 125. Вып. 1. С. 11–18.

тут им. П. Ф. Лесгафта, финансируемый Наркомпросом во главе с А. В. Луначарским[1334]. Благодаря этому К. Н. Давыдов, А. А. Заварзин, В. С. Ильин, Л. А. Орбели, И. П. Павлов, И. Д. Стрельников, А. А. Ухтомский могли реализовать свои планы. В том же году в Государственном рентгенологическом и радиологическом институте был создан мощный медико-биологический отдел, где трудились А. А. Заварзин, Е. С. Лондон, Г. А. Надсон, Г. С. Филиппов. Формирование сети небольших институтов, комиссий, бюро и лабораторий обеспечивало быстрое развитие науки благодаря множественным источникам финансирования. Большевики покровительствовали прикладным исследованиям в зравохранении и сельском хозяйстве, которые они забирали из ведения политизированных вузов и университетов и реорганизовывали под наблюдением Наркомздрава и Наркомпроса. Особенно интенсивно шла реорганизация сельскохозяйственной науки под эгидой Наркомзема, продолжая цепь непрерывных изменений предшествующих десятилетий.

12.3. Первая мировая война и реформы сельскохозяйственных наук

До недавнего времени было принято считать, что создание ВАСХНИЛ в 1929 г. — результат бурной институционализации прикладных биологических исследований в первые годы советской власти. В последнее время было показано, что учреждение ВАСХНИЛ в год «великого перелома» лишь завершило длительную историю формирования этого центра биологических и сельскохозяйственных исследований[1335]. Ее истоки восходят к созданию Министерства государственных имуществ (МГИ) в 1837 г.[1336] Оно занималось внедрением на казенных землях новых способов обработки пашни, популяризацией агрономических знаний, разработкой методов борьбы с сельскохозяйственными вредителями и обучением им земледельцев, рациональной охраной и эксплуатацией природных ресурсов и т. д. При МГИ создавали ученые комитеты и различного рода комиссии, в которые

[1334] *Колчинский Э. И.* Биологическая лаборатория // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 55.

[1335] *Елина О. Ю.* От царских садов до советских полей: История сельскохозяйственных опытных учреждений. XVIII — 20-е годы XX в.: В 2 т. М.: Эгмонт-Россия, 2008. Т. 2; *Колчинский Э. И.* 1) Предисловие // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 4–16; 2) Министерство земледелия. С. 310–311; *Гончаров Н. П.* 1) Государственная организация аграрной науки в России (К 175-летию РАСХН) // ИБИ. 2012. Т. 4. № 3. С. 10–33; 2) Заметки к несостоявшемуся юбилею РАСХН (ВАСХНИЛ) // ИБИ. 2015. Т. 7. № 3. С. 58–78; *Воронов И. И.* Министерство земледелия Российской империи.

[1336] Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. 1–5. СПб.: Паровая скоропечатня Яблонской и Перрот, 1888; Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерство земледелия и государственных имуществ) в царствование Имп. Александра III. 1881–1894 гг. СПб.: [Б. и.], 1901; Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.) / Сост. Г. К. Гинс, П. А. Шафранов. Пг.: Канцелярия Главноуправляющего землеустройством и земледелием, 1914; *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968.

входили агрономы, животноводы, ихтиологи, охотоведы, почвоведы, энтомологи и другие специалисты.

В 1894 г. МГИ преобразовали в Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ), возглавляемое А. С. Ермоловым. Отныне Ученый комитет определял основные направления научных исследований в области сельскохозяйственных наук, рыболовства, охотоведения и лесоводства, создавал и реформировал научные и учебные учреждения в этих областях знания, оборудовал сельскохозяйственные лаборатории и опытные поля, разрабатывал и утверждал программы их работ[1337]. До 1904 г. им руководил И. А. Стебут — инициатор первых съездов по опытному делу, названных стебутовскими. Ученому комитету МЗиГИ подчинили Сельскохозяйственную бактериологическую лабораторию, созданную С. С. Мережковским в 1891 г. Вынашивались и планы учреждения Центрального агрономического института с отделениями земледелия, почвенным, химическим, ботаники, зоологическим, сельскохозяйственной механики, метеорологии, с химической лабораторией, ботаническим и зоологическим кабинетами. Но институт не создали, а его исследовательские и административные задачи разделили между несколькими бюро — Бюро по энтомологии (с 1894 г., зав. И. А. Порчинский), Бюро по прикладной ботанике (с 1894 г., первый зав. — А. Ф. Баталин), Бюро (справочное) по зоотехнике (1894 г.), Бюро по почвоведению (1895 г., зав. Н. М. Сибирцев, объединено в 1900 г. с созданным П. С. Коссовичем в 1897 г. Бюро по агрономии и названо Бюро по земледелию и почвоведению), Бюро по метеорологии (с 1897 г., зав. П. И. Броунов), Бюро по промысловой зоологии и рыболовству (с 1899 г., зав. О. А. Гримм). В 1901 г. при Ученом комитете была создана Ученая комиссия, ведавшая организацией сельскохозяйственных научных заведений, разработкой их программ, а также опытными сельскохозяйственными и семеноводческими работами.

В 1905 г. Сельскохозяйственное ведомство подверглось реформированию, и было создано Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ)[1338]. Ученый комитет ГУЗиЗ возглавил академик кн. Б. Б. Голицын, благодаря усилиям которого бюджетные ассигнования увеличились, а деятельность различных бюро активизировалась. В 1907 г. благодаря Е. Ф. Лискуну было преобразовано Бюро по зоотехнике, превратившееся в первое научно-исследовательское животноводческое учреждение в стране с Музеем по зоотехнии и Краниологическим музеем, с физиологической, гистологической и химической лабораториями. В том же году было создано Бюро по микологии и фитопатологии (зав. А. А. Ячевский), Бюро

[1337] *Елина О. Ю.* От царских садов до советских полей. Т. 2. С. 78–100; *Колчинский Э. И., Федотова А. А.* Министерство земледелия и государственных имуществ // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 311–312; *Воронов И. И.* Министерство земледелия Российской империи. С. 246–259.

[1338] Россия. Главные управления землеустройства и земледелия. Итоги работы за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб.: Тип. «Сельский вестник», 1914; *Емельянова Т. В.* Главное управление землеустройства и земледелия России в 1905–1914 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбАУ, 1999; *Колчинский Э. И., Федотова А. А.* Министерство земледелия и государственных имуществ. С. 311–312; *Воронов И. И.* Министерство земледелия Российской империи. С. 266–283.

по сельскохозяйственной механике (зав. Д. Д. Арцыбашев), а в 1911 г. Бюро частного растениеводства во главе с Н. К. Недокучаевым. При Ученом комитете работала также Учебная комиссия (Учебное бюро), ведавшая сельскохозяйственными учебными заведениями, и Комиссия по сельскохозяйственному опытному делу.

Начало войны ускорило преобразования. На второй план оказались отодвинуты прежние задачи ведомства — управление сельским хозяйством и государственным имуществом, землеустройство и содействие столыпинской аграрной реформе. Главными задачами ГУЗиЗ стали преодоление «лекарственного голода» и обеспечение продовольственного снабжения армии, а потом и всей страны. 1 августа 1914 г. были учреждены Отдел заготовок продовольствия и фуража для армии и Канцелярия главноуправляющего по закупке хлеба для армии, 23 августа — Гидротехническая организация для надобностей действующей армии[1339]. Под руководством вице-директора Департамента земледелия агронома А. И. Шахназарова была создана группа по изучению сбора и обработки в России лекарственных растений для обеспечения армии лекарственным сырьем. В ее состав были включены ботаники Б. А. Андреев, А. Д. Воейков, В. В. Пашкевич, Ф. А. Сацыперов, каждый из которых был ответственным за закрепленную за ним территорию. Так, например, помолог В. В. Пашкевич руководил работой по заготовке лекарственного сырья в северо-западных регионах, в Белоруссии и Украине, участвовал также в организации Могилёвской плантации лекарственных растений[1340]. В 1918 г. он был командирован в Крым для устройства опытных станций. Позднее Шахназаров возглавил также Организацию по сбору и культуре лекарственных растений (Лекарственная организация), созданную при Управлении верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А. П. Ольденбургского, а районными уполномоченными были назначены Д. В. Антонов, Е. М. Вальнев, А. Д. Воейков, В. В. Пашкевич, В. Г. Ротмистров, К. И. Шашковский, А. И. Щербаков.

Однако нарастающие трудности с продовольствием потребовали создания 17 августа 1915 г. Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу под председательством главноуправляющего ГУЗиЗ А. В. Кривошеина. В состав Особого совещания по продовольствию, признанного высшим государственным учреждением, вошли: по семь членов от Госсовета и Госдумы; по одному от Министерств внутренних дел, военного, финансов, путей сообщения, торговли и промышленности и Государственного контроля; три от ГУЗиЗ, по одному от ВЗС и ВСГ[1341]. Новый орган власти учреждался на базе сельскохозяйственного ведомства, которое было превращено в его центральный аппарат с более широкими полномочиями. В заседаниях председателя мог заменять только товарищ главноуправляющего ГУЗиЗ. На первом заседании Особого совещания по продовольствию, состоявшемся 31 августа 1915 г., А. В. Кривошеин

[1339] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1802–1917. Т. 3 / Отв. сост. Д. И. Раскин. СПб.: Наука, 2001. С. 72–73.

[1340] URL: http://www.gazetasadovod.ru/novosti/437-vasilij-vasilevich-pashkevich-o-glavnom-sadovode.html. (дата обращения: 24.11.2017).

[1341] *Воронов И. И.* Министерство земледелия Российской империи. С. 322.

сформулировал две главные задачи: обеспечение продовольствием армии и населения и борьба с повышением цен на продовольствие в столицах и крупных промышленных центрах. Были учреждены следующие комиссии: 1) по снабжению армии и флота, а также сельского и городского населения хлебом и зерновым фуражом; 2) по снабжению армии и флота, а также городского населения мясом, маслом и сеном; 3) по мерам борьбы с дороговизной предметов первой необходимости; 4) по установлению твердых цен на овес; 5) по сокращению потребления мяса; 6) по учету скота[1342].

Перечень комиссий в целом отражал основные стратегические задачи нового органа с широкими полномочиями, управление делами которого было возложено на одного из чиновников ГУЗиЗ. 26 сентября 1915 г. ГУЗиЗ было преобразовано в Министерство земледелия (МЗ). Правда, официальное сообщение об этом было напечатано месяц спустя, уже после отставки А. В. Кривошеина[1343]. Преобразование ГУЗиЗ в МЗ в условиях нараставшего дефицита продовольствия и сырья было продиктовано прежде всего необходимостью централизации продовольственного дела в стране. Централизованный характер был придан и процессам мобилизации сельскохозяйственных наук. Как и ГУЗиЗ, МЗ координировало деятельность различных отраслей сельского хозяйства, лесоводства и промыслов. Оно по-прежнему должно было заниматься землеустройством, руководством учебными и научными учреждениями, разработкой законодательства в области сельского хозяйства и планов его развития. Эти функции были распределены между Советом министра, Сельскохозяйственным советом, Ученым комитетом, Сельскохозяйственным и Лесным департаментами. Ученый комитет МЗ руководил научными исследованиями, проводимыми в различного рода бюро, лабораториях, садах и на опытных станциях, разрабатывал учебные планы и программы для подведомственных учебных заведений, занимался патентной деятельностью, организовывал конкурсы учебников. Одной из приоритетных задач деятельности МЗ стало налаживание выращивания и сбора лекарственных растений, которая решалась вместе с Управлением Верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А. П. Ольденбургского. В подведомственном МЗ Императорском Ботаническом саду был создан Отдел лекарственных растений. Много внимания уделялось рациональной эксплуатации фауны.

Большой объем работ по научному обеспечению развития земледелия, животноводства, садоводства, огородничества, рыбных и охотничьих промыслов выполнял Сельскохозяйственный департамент, обеспечивая агрономическую помощь, приучая крестьян использовать минеральные удобрения, внедряя новые сельскохозяйственные машины и орудия труда, а также новые технологии в производство. Сельскохозяйственный департамент ведал также казенными тюленьим и звериным промыслами. Входящий в его состав Рыбный отдел управлял казенными рыбными заводами, осуществлял рыбопромысловый надзор, организовывал научно-промысловые экспедиции по изучению рыбных запасов, принимал меры

[1342] *Воронов И. И.* Министерство земледелия Российской империи. С. 323–324.

[1343] *Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин. 1857–1921. Его значение в истории России начала XX века. Париж: [Б. и.], 1973. С. 272.

по регулированию лова рыбы. В МЗ входил Департамент государственного земельного имущества, управлявший казенными имениями, землями, лесами, выдававший разрешения на разведку и добычу нефти на казенных землях; Переселенческое управление МЗ ведало всеми аспектами переселенческого движения, включая поземельное устройство крестьян в Азиатской России и на Кавказе, устройство переселенцев на новых местах, снабжение их сельскохозяйственными орудиями, семенами, удобрениями, организацию медицинской и ветеринарной помощи, строительство железнодорожных веток, гидротехнические работы и межевание земель.

В условиях нараставшего топливного кризиса Лесному департаменту было поручено обеспечить поставки лесоматериалов армии и флоту, а также увеличить заготовку дров для железной дороги, промышленности и городов. Находившийся при Лесном департаменте Лесной специальный комитет решал вопросы развития лесного хозяйства, проекты учреждения лесопромышленных обществ и товариществ.

Отдел сельской экономии и сельскохозяйственной статистики занимался вопросами переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции, ее перевозкой, мобилизацией кустарной промышленности в интересах снабжения армии. Отдел земельных улучшений оказывал научную, практическую и финансовую помощь местным властям при проведении мелиоративных работ, осушении болот, торфодобыче, проводил экономическую экспертизу этих мероприятий, издавал соответствующие карты и планы. В составе отдела был Гидрологический комитет, рассматривавший научно-технические, технические и юридические вопросы сохранения и использования водных ресурсов страны.

При МЗ состояли межведомственные комитеты: по виноградарству и виноделию, по овцеводству, рыбный, льняной, торфяной и центральный хлопковый. В учреждениях Ученого комитета МЗ работали ведущие прикладные ботаники, лесоведы, почвоведы, селекционеры, агрономы, прикладные энтомологи, животноводы (К. К. Гедройц, К. Д. Глинка, А. А. Шульц, Е. Ф. Лискун, Н. И. Кузнецов, Е. В. Вульф, Р. Э. Регель, Н. А. Монтеверде, В. Н. Любименко, Н. Д. Суходский, В. Л. Комаров, И. А. Порчинский, В. П. Поспелов, Б. А. Федченко и др.). Их научная продукция печаталась в органах МЗ: «Известия Министерства земледелия» (1915–1917) и «Сельское хозяйство и лесоводство» (1915–1918). Многие из ученых одновременно работали в ИАН, Петроградском университете, на различных курсах и в частных институтах. Например, Е. Ф. Лискун в годы войны помимо заведования Бюро по зоотехнии одновременно был членом Ученого совета МЗ, вице-директором Департамента земледелия, заведующим зоотехнической лабораторией Петрограда, профессором Политехнического и Лесного институтов, директором Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсов и т. д.[1344] Во многих учреждениях протекала и деятельность председателя Ученого совета МЗ, товарища председателя КЕПС Б. Б. Голицына, возглавлявшего Главную физическую обсерваторию ИАН, Главное военно-метеорологическое управление, Экспедицию заготовления государственных бумаг и читавшего лекции во многих вузах столицы[1345].

[1344] *Колчинский Э. И., Федотова А. А.* Лискун Ефим Федотович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 281.

[1345] *Оноприенко В. И.* Борис Борисович Голицын.

Служба в разных учреждениях и ведомствах интегрировала биологов в единое неформальное сообщество с четко осознаваемыми интересами. На территориях, занятых русскими войсками, МЗ интенсивно исследовало природные ресурсы. Особую известность получила экспедиция профессора Томского университета В. В. Сапожникова, организованная Переселенческим управлением в 1916 г. для изучения растительности Турецкой Армении. Были описаны степи Армянского нагорья, луга, солончаки и редкие лесные насаждения[1346]. Сотрудники научных учреждений МЗ активно участвовали в ликвидации «лекарственного голода», в борьбе с эпизоотическими заболеваниями, в поиске полезных диких растений для введения их в хозяйственный оборот, в обследовании звериных и рыбных промыслов с целью выделения заповедных территорий и разработки правил охоты и ловли рыбы. Многие чиновники считали, что научные учреждения МЗ функционируют неэффективно, и предлагали их сократить на время войны ради экономии средств, и приходилось снова и снова доказывать властям свою необходимость[1347].

МЗ создавалось и функционировало в наиболее критический период в истории России. За два года сменились 7 министров, из них 3 еще до Февральской революции: А. Н. Наумов (1915–1916); гр. А. А. Бобринский (1916); А. А. Риттих (1916–1917). После революции чехарда министров продолжалась. Со 2 марта по 24 октября 1917 г. министрами МЗ успели побывать А. И. Шингарёв, В. М. Чернов, П. А. Вихляев, С. Л. Маслов, а преобразование структуры и функций МЗ пошло еще быстрее. Приступивший 4 марта 1917 г. к исполнению своих обязанностей А. И. Шингарёв сразу принялся за реформы[1348]. Уже 10 марта в составе МЗ был создан Отдел статистики для проведения Всероссийской сельскохозяйственной поземельной переписи и сбора текущих статистических сведений, а Отдел сельской экономии и сельскохозяйственной статистики был преобразован в Отдел сельской экономии и политики[1349]. 14 апреля было упразднено Удельное ведомство, 30 мая — Совет министра земледелия. 28 марта были учреждены три отдела (по обеспечению сельского хозяйства металлом, орудиями производства, удобрениями и по сельскому строительству; по учету посевной площади; по обеспечению сельского хозяйства трудом и кредитами). 5 мая они вошли во вновь созданное Министерство продовольствия (которому 19 июля было передано заведование продовольственным делом, изъятое из МЗ с 1 июля). 14 апреля был учрежден отдел по управлению национальными предприятиями бывшего Удельного ведомства, 30 мая — отдел кустарной промышленности, 26 июня — отдел животноводства, 19 сентября — отдел рыболовства и охоты. 19 июля был упразднен Департамент государственных земельных имуществ, при Главным земельном комитете было организовано Управление делами Главного земельного комитета, а при МЗ — Управление государственным земельным фондом. Скоро главной задачей последующих

[1346] *Сапожников В. В.* Растительность Турецкой Армении. Исследование 1916 г. Томск: Пересел. упр-е МЗ, 1916.

[1347] Бюро по прикладной ботанике в годы Первой мировой войны. С. 204–205.

[1348] *Шепелёв Л. Е.* Чиновный мир России. XVII — начало XX века. СПб.: Искусство–СПб., 1999. С. 112.

[1349] *Воронов И. И.* Министерство земледелия Российской империи. С. 335–336.

министров земледелия стало стремление предотвратить черный передел земли крестьянами и регулировать сложный процесс смены собственников и реформирования земельных отношений.

О дезорганизующем влиянии войны на сельскохозяйственные науки свидетельствуют недавно опубликованные документы Бюро по прикладной ботанике Министерства земледелия[1350]. Вместе с тем наряду с негативными моментами (гибель части опытных участков Бюро прикладной ботаники, срыв плана ряда экспедиций и стационарных исследований, сокращение финансирования фундаментальных исследований, мобилизация на фронт молодых научных сотрудников, ослабление связей ботаников с местными властями и земледельцами и т. д.) были и положительные моменты, и прежде всего усиление связей научных исследований с задачами центральных властей. Эта динамика сказывалась в выполнении проектов, ориентированных на нужды военного времени (сбор и культивирование лекарственных и технических растений, заготовка дубильных веществ, повышение ботанического образования фармацевтов, садовников, агрономов, развитие флористических и ботанико-географических исследований). Бюро прикладной ботаники, руководимое Р. Э. Регелем, занималось вопросами мобилизации растительных ресурсов, рационализацией сельского хозяйства в обезлюдевшей деревне и сокращением зависимости России от импорта сельскохозяйственных продуктов[1351]. Уже с осени 1914 г. Бюро прикладной ботаники стало испытывать затруднения из-за сложностей с получением кредитов и в связи с мобилизацией молодых сотрудников, а к декабрю 1916 г. возникла угроза резкого сокращения работ в наступающем году, если финансирование исследований не будет усилено[1352]. К тому времени Бюро уже резко сократило площади опытных посевов и сбор коллекций, сосредоточившись на обработке собранного материала и публикациях.

После Февральской революции Ученый комитет был реорганизован, на его базе был создан Сельскохозяйственный ученый комитет (СХУК), возглавляемый В. И. Вернадским, заместителями которого стали Д. Д. Арцыбашев, Н. М. Тулайков, А. А. Ячевский. В комитет вошли также И. П. Бородин, П. И. Броунов, Д. Н. Прянишников, К. А. Тимирязев, Н. П. Чирвинский и др. Его основной задачей стала организация научной работы в области земледелия и смежных с ним отраслей знания. С этой целью ранее существовавшие при Ученом комитете Бюро по прикладной ботанике, по энтомологии, по микологии и фитопатологии и др. были переименованы в отделы: 1) земледелия и почвоведения; 2) машиноведения; 3) метеорологии; 4) бактериологии; 5) прикладной ботаники; 6) частного растениеводства; 7) садоводства и огородничества (А. А. Шульц, зав. подотделом декоративного садоводства В. Л. Комаров); 8) микологии и фитопатологии; 9) зоотехнии; 10) рыбоводства, рыболовства и промысловых животных; 11) прикладной зоологии и энтомологии; 12) организации опытного дела; 13) статистико-экономический; 14) лесной; 15) пчеловодства и шелководства; 16) сельскохозяйственное

[1350] Бюро по прикладной ботанике в годы Первой мировой войны. С. 162–166.

[1351] Там же. С. 154–161.

[1352] Там же. С. 204.

учебное бюро[1353]. Позднее они стали научно-исследовательскими институтами сельскохозяйственного профиля. Под председательством В. И. Вернадского СХУК обсуждал пути интенсификации сельскохозяйственного производства путем внедрения научного знания и новых технологий, связывая решения агротехнических задач с глубокими политическими и социально-экономическими реформами. Для организации будущего научно-исследовательского центра Вернадский планировал получить Гатчинский дворец, парк, угодья царской охоты и прилегающие к ним леса. Но этим планам не суждено было осуществиться. Деревня не желала модернизироваться, и еще до прихода большевиков к власти процесс разрушения зачатков науки в сельском хозяйстве интенсивно шел у российского сельхозпроизводителя, совершавшего, по оценке В. И. Вернадского, «разгром самого себя». Со слов Д. Д. Арцыбашева он записал: «...разорение Тульской губернии полное: уничтожена вся культурная сельскохозяйственная работа — плодовые сады, племенные питомники, семенные хозяйства. Восстановить — годы»[1354]. 26 октября 1917 г. МЗ было упразднено, а его структурные части, в том числе и учреждения СХУК, перешли в ведение Наркомзема РСФСР. После отъезда В. И. Вернадского в Украину в 1918–1920 гг. Комитет возглавлял выдающийся агроном Н. М. Тулайков.

В 1922 г. СХУК был преобразован в многоотраслевой Государственный институт опытной агрономии (ГИОА), директором которого стал Н. И. Вавилов. На его базе в 1929 г. была создана ВАСХНИЛ, первым президентом которой также был Н. И. Вавилов. Таким образом, сложившаяся в годы Первой мировой войны в МЗ система научных учреждений стала основой организации сельскохозяйственной науки в СССР. Структуры дореволюционных учреждений стали базовыми для новых институтов — Всесоюзного института растениеводства, Института лесного хозяйства, Государственного научно-исследовательского института озерного и речного рыбного хозяйства — или вошли в них в качестве лабораторий, бюро, отделов, опытных и селекционных станций и т. д. Во многих из этих учреждений велись и фундаментальные исследования.

Несмотря на все структурные реорганизации, сельскохозяйственная наука в годы войны не смогла решить проблемы нехватки продовольствия и предотвратить падение в первые два года войны общего объема сельскохозяйственной продукции, измеряемой в тысячах тонн выращивания основных культур: пшеница, рожь, овес, ячмень — 44 776,37 в 1914 г. и 37 472,53 в 1916; картофель соответственно 26 566,89 и 18 527,42; фураж — 22 697,77 и 21 567[1355]. Административные методы (введение твердых цен, продразверстка и т. д.) только ухудшали ситуацию и порождали недовольство как у производителей, так и у потребителей. Недостаток пищи, как и лекарств, пытались решить за счет природных биологических ресурсов.

[1353] Наука в России. Вып. 1; Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 80–82.

[1354] *Вернадский В. И.* Дневники. 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 50.

[1355] *Antsyferov A. N., Bilimovich A. D., Batshev M. O., Ivantsov D. N.* Russian Agriculture during the War Rural Economy. New Haven: Yale University Press, 1930. P. 183.

Постараемся очертить некоторые тенденции мобилизации биологии по следующим направлениям: восполнение дефицита лекарственных растений и продовольствия за счет доместицированных и диких видов растений и животных, борьба с инвазиями и болезнями, рационализация охотничьего и рыбного промыслов, создание национальных парков и широкое использование биолитов.

12.4. Мобилизация растительных ресурсов

С началом войны обнаружился вопиющий дефицит не только оружия, боеприпасов, химических продуктов, минерального сырья, но и таких исконно «русских» товаров, как «сноповязальный шпагат и мешковина», которые также закупались на Западе[1356]. Отсутствие этих «мелочей» оказывало не менее губительное воздействие на боеспособность армии, чем дефицит взрывчатых материалов. Выше уже говорилось о вкладе химиков, фармацевтов и биохимиков в решение проблемы лекарственного голода, которое не могло быть найдено без ботаников и их знаний о лечебных свойствах диких и культурных растений. Эти знания оказались востребованными в условиях острого дефицита импортных лекарств, угрожающего боеспособности армии, несущей из-за этого большие потери, а также здоровью всего населения России во время войны. При этом быстро выяснилось, что подавляющая часть лекарственных растений, собираемых в России, например яснотка белая, березовые листья, цветы подсолнуха, мать-и-мачеха, полевой мак и др., до войны шла на экспорт, а потом после соответствующей обработки составляла примерно половину лекарственных средств, импортируемых из Германии[1357]. Эта ситуация была охарактеризована как «лекарственный голод», и ее решению была посвящена значительная часть исторической литературы о вкладе биологии в мобилизацию науки в Первую мировую войну[1358].

Организующую роль взял на себя Департамент земледелия ГУЗиЗ, который в первой половине 1915 г. провел Межведомственное совещание по вопросу об улучшении производства в России лекарственных растений (14–16 марта) и Совещание представителей научных, земских и общественных организаций (20–22 мая), на котором обсуждались и вопросы участия ботаников в мобилизации лекарственных растительных ресурсов России. В совещаниях участвовали многие видные ботаники: профессор ИВМА В.К. Варлих, заведующий гербарием Императорского Ботанического сада и заведующий ботаническими исследованиями Переселенческого управления Б.А. Федченко, будущий президент АН СССР В.Л. Комаров и др. Варлих за два года до начала войны выпустил третье издание фундаментального труда по отечественным лекарственным растениям и не стал

[1356] *Елина О.Ю.* Мир, война и «туковый вопрос». С. 3–36.

[1357] Лекарственные растения // Большая медицинская энциклопедия. Т. XV. М.: Сов. энциклопедия, 1930. Стб 648.

[1358] *Ивашин Д.С., Богорад Д.С., Бабич А.М.* Украинская зональная опытная станция лекарственных растений // Лекарственное растениеводство в условиях Украины. М.: ВИРЛ, 1985. С. 5–16; *Алексеев И.Е.* «Лекарственный голод» при «новом строе».

возвращаться к этой проблеме[1359]. С 1913 г. Федченко выпускал серию изданий «Флора Азиатской России» (1913–1920), и в годы войны у него вышло 11 томов из 15, в которых отмечались и лечебные свойства некоторых растений. Он также опубликовал краткий отчет о командировке в Южный Туркестан по поиску лекарственных растений[1360]. В рамках Туркестанского отдела КЕПС Б. А. Федченко готовил историю исследования растительности Средней Азии, ее ботанико-географическую характеристику и сведения о главных способах изучения растений[1361].

В. Л. Комаров сразу отреагировал на запрос времени и опубликовал справочник о сборе и культивировании лекарственных растений, выдержавший за два года три издания, каждый раз в существенно дополненном и расширенном виде[1362]. Книга была снабжена большой библиографией, также постоянно увеличивающейся. В том же году Комаров выпустил брошюру, в которой подвел итоги работ по культивированию лекарственных растений за 1915 г., напечатанную в новой серии «Материалы для изучения естественных производительных сил России». Он подчеркивал важность налаживания производства отечественных лекарств из переработанного сырья в виде столь же «изящных и удобных таблеток», как их производят за рубежом, ибо в противном случае они будут неконкурентны даже при подлинной равноценности[1363].

Активно участвовал в сборе лекарственных растений и в разработке стандартов на лекарственное растительное сырье Ф. А. Сацыперов — старший специалист по лекарственным растениям Департамента земледелия МЗ. Он сначала, в 1916 г., выпустил брошюру, а два года спустя — солидную книгу о лекарственных растениях России, изданную в той же серии, что и брошюра В. Л. Комарова[1364].

На запрос военного времени отреагировал старейшина российских ботаников — первый председатель КЕПС А. С. Фаминцын[1365]. Мысль об опоре на собственную флору в решении проблемы дефицита лекарств всецело соответствовала его программе о недопустимости зависимости России от других стран, особенно в военное время. Он привлек к работе по решению проблемы лекарственного голода многих учеников и коллег из ГУЗиЗ, Императорского ботанического сада,

---

[1359] *Варлих В. К.* Русские лекарственные растения. Атлас и ботаническое описание с указанием на врачебное применение, действие, собирание и культуру этих растений. СПб.: А. В. Девриен, 1912.

[1360] *Федченко Б. А.* Изучение лекарственных растений Южного Туркестана. Пг.: Типолит. А. Э. Винеке, 1917.

[1361] Отчет о деятельности РАН... за 1918 г. 1919. С. 278.

[1362] *Комаров В. Л.* Сбор, сушка и разведение лекарственных растений в России. Пг.: Тип. бр. В. и И. Линник, 1915; 1916; 1917.

[1363] *Комаров В. Л.* Что сделано в России в 1915 г. по культуре лекарственных растений. Пг.: Тип. ИАН, 1915.

[1364] *Сацыперов Ф. А.* 1) Краткие сведения о современном положении сбора, культуры и переработки лекарственных растений в России. Пг.: Тип. бр. В. и И. Линник, 1916; 2) Лекарственные растения в России. Материалы для изучения естественных производительных сил России. Пг.: Тип. РАН, 1918.

[1365] *Манойленко К. В.* Андрей Сергеевич Фаминцын. С. 163–164.

Ботанического музея ИАН, ИПгУ (Б. А. Федченко, Н. А. Буша, В. Н. Любименко, Н. А. Монтеверде, Р. Э. Регеля, К. А. Фляксбергера и др.) для сбора и систематизации сведений о полезных растениях, которые были опубликованы в изданиях КЕПС. Ученик А. С. Фаминцына, главный ботаник Императорского Ботанического сада, входящего в систему ГУЗиЗ, Н. А. Монтеверде с первых месяцев войны активно включился в исследования и организацию заготовки пищевых и лекарственных растений[1366]. В 1915 г. он создал и возглавил отдел лекарственных растений в Императорском Ботаническом саду, где его помощником был Н. Н. Монтеверде, отличавшийся высокой публикационной активностью[1367].

К работе в Бюро лекарственных растений Н. А. Монтеверде привлек также и своего многолетнего друга В. Н. Любименко, который буквально накануне войны, в январе 1914 г., был принят на должность старшего консерватора[1368].

С первых дней работы КЕПС под руководством В. Н. Любименко был организован учет сырья лекарственных растений в Европейской части России, в Средней Азии и на Кавказе, разработаны инструкции по их сбору и способам предварительной обработки растений[1369]. В. Н. Любименко представлял Императорский Ботанический сад на заседании Организационного комитета съезда по борьбе с лекарственным голодом и по мобилизации отечественной химико-фармацевтической промышленности, которое проходило 5 июня 1916 г. в Петрограде под руководством председателя санитарного отдела Центрального ВПК М. С. Маргулиеса.

Другие сотрудники Императорского Ботанического сада также активно участвовали в консультациях частных лиц и учреждений и в снабжении их посевным и посадочным материалом, часто выезжая для этого в другие регионы. Несмотря на преклонный возраст, директор А. А. Фишер фон Вальдгейм посетил многие центральные губернии, Украину, Черноморское побережье Кавказа, где порекомендовал специалистам Сочинской опытной станции обратить внимание на гору Аибга как неисчерпаемый ресурс валерианы для всей России[1370].

[1366] *Монтеверде Н. А.* Порайонный обзор лекарственных растений Европейской России, Кавказа и Туркестана. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1915; *Федотова А. А.* Монтеверде Николай Августинович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 315.

[1367] *Монтеверде Н. Н.* 1) Развитие и современное состояние промысла, сбора и культуры лекарственных растений в Полтавской губернии. Пг.: КЕПС, 1916; 2) Исследование лекарственной флоры Среднего и Нижнего Поволжья. Пг.: А. Винеке, 1916; 3) Обследования лекарственной флоры Среднего и Нижнего Поволжья и Уральской области. Пг.: Строитель, 1916; 4) К вопросу о приобретении семян лекарственных растений. Пг.: Тип. Н. П. Зандман, 1916 и др.

[1368] *Манойленко К. В.* В. Н. Любименко. С. 24.

[1369] Там же. С. 27–28.

[1370] *Фассман Е. В.* Последний директор Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада А. А. Фишер фон Вальдгейм. URL: http://kunstkamera.ru/files/lib/978–5–88431–248–7/978–5–88431–248–7_20.pdf (дата обращения: 05.09.2017); *Еремеева А. Н.* И взрывчатку сами сделаем, и цветы свои вырастим. URL: https://rg.ru/2017/05/17/rodina-importozameshcheniem.html. (дата обращения: 05.09.2017).

Сам Фаминцын планировал составить обзор лекарственных растений. Создавая КЕПС, он обратился к В.Л. Комарову с просьбой как можно скорее встретиться «для переговоров касательно работ, производимых в настоящее время над лекарственными растениями». Мотивируя свою просьбу, Фаминцын пояснял: «Мне это крайне важно ввиду того, что Совет Комиссии по изучению естественных производительных сил России поручил мне представить обзор работ, производимых по этому предмету. Дело это спешное»[1371].

В том же году во многих регионах были проведены обсуждения мер по развитию культуры лекарственных растений, активизировалась работа по учету природных ресурсов лекарственных растений и использованию их как заменителей импортного сырья. Когда химики и фармацевты создавали лаборатории и фабрики для получения йода из водорослей Черного и Белого морей, а также других лекарственных препаратов, ботаники закладывали образцовые питомники для лекарственных растений в Петрограде, Москве, Батуми, Казани, Киеве, Сочи, Харькове, Юрьеве и т. п., активизировали ресурсоведческие исследования, составляли порайонные списки растений, интенсивно публиковали научные труды и научно-популярные брошюры, организовывали различные курсы для сборщиков растений, участвовали в пересмотре номенклатуры и объемов заготовок требуемого сырья. В средние учебные заведения из учебных округов поступали инструкции об организации сборов и выращивании на пришкольных участках лекарственных растений. Профессор Женского медицинского института в Петрограде и приват-доцент ИВМА А.С. Гинзберг сообщал, что дважды посещал Черноморское побережье Кавказа для изучения лекрственных и других полезных растений, обследовав район до Батуми, и намеревается далее изучать Зачорохский край и Трапезунд[1372].

Особо активную роль играли ботаники Департамента земледелия, где была создана группа во главе с вице-президентом А.И. Шахназаровым и были назначены по районам ответственные за сбор научной информации, а затем — и за организацию заготовки сырья. Исследования в Казанской губернии, например, показали, что здесь произрастают и могут быть культивированы примерно сто двадцать лекарственных растений из двухсот, включенных в российскую фармакопею. Многие из этих растений выращивались в огородах и садах при Казанской окружной лечебнице для душевнобольных, что побудило попытаться организовать работы на опытном участке лекарственных растений, но возникли проблемы с частной собственностью на требуемые участки[1373].

Департамент Земледелия ГЗиЗ поддерживал инициативы местных организаций и научных обществ. Так, финансовая помощь была оказана Лубенскому обществу сельского хозяйства на создание первой в России станции для изучения культурных и диких лекарственных растений. Был заложен маточный рассадник и опытное поле, основали фитохимическую лабораторию и завод для пе-

---

[1371] АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1484. Л. 1.

[1372] *Еремеева А.Н.* «Находясь по условиям времени в провинции...» С. 30.

[1373] *Насыбуллина Н.М.* От фирмы Грахе до объединения «Татхимфармпрепараты». URL: http://www.steclub.ru/forum/43–340–1 (дата обращения: 29.08.2017).

реработки лекарственного сырья. При Полтавской губернской земской управе было созвано совещание, на котором решили использовать опыт сборов и выращивания лекарственных растений в восьми уездах, называемых «Лубенским лекарственным районом», поставлявшим за границу тысячи пудов лекарственного сырья[1374]. Будущий академик АН УССР Н. Ф. Кащенко предложил создать при Киевском университете центр по выращиванию лекарственных растений, а также бесплатные курсы для их изучения[1375]. В заложенной им плантации лекарственных растений были получены холодостойкие формы валерианы, лаванды, мака.

Но в целом картина была достаточно печальной. Собранные сведения о лекарственных растениях в разных регионах и о их рынке показали, что культивирование лекарственных растений, как правило, не ведется, сбор дикорастущих видов не организован, а цены на сырье весьма произвольны. 22–28 февраля 1916 г. под руководством принца А. П. Ольденбургского прошло Особое совещание по вопросу о культуре и сборе лекарственных растений и организации их использования и сбыта[1376], в котором участвовали профессора ИВМА и университетов, ботаники ИАН, МЗ, руководители ботанических садов и опытных станций, представители земств и фармацевтических служб[1377]. Совещание способствовало дальнейшей координации исследований ботаников.

К 1916 г. ситуация со сбором дикорастущих лекарственных растений и их искусственным выращиванием относительно стабилизировалась. Как отмечалось в отчете Петроградского фармацевтического общества, в 1916 г. были произведены крупные посевы клещевины, арахиса и т. д., а также было получено более тысячи пудов сухого опия[1378]. А. Д. Воейков как уполномоченный по заготовке лекарственных растений в Симбирской и Оренбургской губерниях только в 1915 г. организовал сбор 5 тыс. пудов красного перца, 500 пудов горчицы черной, 150 пудов мяты перечной, 7 тыс. пудов хрена, 25 пудов наперстянки крупноцветковой. Как опытные образцы он собрал также небольшое количество водяного перца, аистника цикутного, горца змеиного и других трав[1379]. Группа А. И. Шахназарова в МЗ, куда входил и А. Д. Воейков, выпустила в 1916 г. сборник о положении в России с промыслом лекарственных растений и их обработкой, правда, построенный на анализе

[1374] *Гармаш Т. П.* Опытная станция лекарственных растений УААН (1916–1924) // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 107–108.

[1375] *Рудая С. П.* Работы Н. Ф. Кащенко по выращиванию лекарственных растений // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 113–114.

[1376] Бюро по прикладной ботанике в годы Первой мировой войны. С. 54.

[1377] Труды Особого совещания, созванного по повелению его императорского высочества принца А. П. Ольденбургского по вопросу о культуре и сборе лекарственных растений и организации их использования и сбыта. 22–26 февраля 1916 г. Стенографический отчет, журналы Совещания и материалы / Сост. под ред. А. И. Шахназарова Б. А. Андреевым, А. Д. Будогосским и Ф. А. Сацыперовым. Пг.: Тип. А. Бенке, 1917.

[1378] *Свирловский Э.* Годовой отчет о деятельности Петроградского фармацевтического общества // Фармацевтический журнал. 1917. № 9–11. С. 97.

[1379] *Громова Т. А.* Александр Дмитриевич Воейков.

анкет 1905 г.[1380] В 1915–1916 гг. В. В. Пашкевич выпустил 3-е и 4-е издание своей книги о лекарственных растениях, которое по сравнению с предыдущими изданиями увеличилось почти в два раза[1381]. В 1916 г. вышла его работа об организации выращивания лекарственных растений в столице[1382].

Особое внимание было уделено лекарственным растениям Кавказа и Крыма, которым посвятили свои труды Н. А. Буш, Е. В. Вульф, В. И. Гомилевский, Н. И. Кузнецов и др.[1383] Большую активность проявлял в этом направлении В. Н. Любименко, который несколько лет до войны проработал в Императорском (Никитском) Ботаническом саду и прекрасно знал крымскую флору. В 1915 г. он опубликовал статью о культурных лекарственных растениях Крыма, а затем еще не раз возвращался к этой тематике[1384]. В 1916 г. Любименко совершил длительную экспедицию по горным районам Крыма и собрал ценные данные о дикорастущих лекарственных многолетниках, описал их ареалы, составил их гербарий, опубликовал краткий отчет[1385]. Особое внимание он уделил валериане и крымской белладонне. В 1916 г. Любименко опубликовал небольшую монографию о табаке и табачной промышленности[1386]. Приведенные примеры наглядно свидельствуют, как ботаники разных учреждений старались раскрыть перед промышленниками, фармацевтами и обществом богатство растительных ресурсов страны и пути их мобилизации.

Гораздо хуже обстояло дело с решением проблемы лекарственного голода в целом. Вот почему проходивший с 10 по 15 августа 1917 г. в Казани при областном

[1380] *Шахназаров А. И., Андреев Б. А., Воейков А. Д., Пашкевич В. В., Сацыперов Ф. А.* Современное положение в России промысла, сбора, культуры и обработки лекарственных растений по данным анкеты Департамента Земледелия, произведенной в 1915 году. Пг.: Тип. бр. В. и И. Линника, 1916.

[1381] *Пашкевич В. В.* Культура лекарственных растений и душистых. 3-е изд., испр. и знач. доп. Пг.: А. Ф. Девриен, 1915.

[1382] *Пашкевич В. В.* Соображения об организации культуры лекарственных растений под г. Петроградом. Пг.: Гор. тип., 1916.

[1383] *Буш Н. А.* 1) Ценные деревья Кавказа. Пг.: КЕПС, 1917; 2) Определитель растений Крыма и Кавказа. Тифлис: Тифлис. Ботанич. сад, 1919; *Вульф Е. В.* К культуре лекарственных растений в Крыму. Симферополь: Тип. Тавр. губ. зем., 1916; *Вульф Е. В., Пигулевский Г. В., Альбрехт Э. А.* Культура растений, дающих эфирные масла, на Южном берегу Крыма / Общ. ред. Н. И. Кузнецов. Ялта: Имп. Никитск. бот. сад, 1916; *Кузнецов Н. И.* Ближайшие задачи культуры и сбора лекарственных растений на Южном Берегу Крыма. Ялта: Имп. Никитск. бот. сад, 1917; *Гомилевский В. И.* Лекарственные растения, особенно выгодные для культуры в южных губерниях. Симферополь: Изд. Симф. отд. Имп. Рос. о-ва садоводства, 1918.

[1384] *Любименко В. Н.* 1) К вопросу о культуре лекарственных растений на Южном берегу Крыма // Вестник русской флоры. 1915. № 3. С. 144–150; 2) Обследование возможности развития промысла сбора и культуры лекарственных растений в Таврической губ.: предварительный отчет о командировке 1916 г. Пг.: Типо-лит. А. Э. Винеке, 1917; 3) Лекарственные и дубильные растения Таврической губернии. Пг.: КЕПС, 1918.

[1385] *Манойленко К. В.* В. Н. Любименко. С. 27–28.

[1386] *Любименко В. Н.* 1) Опыты по табаководству // Записки Никитского сада. 1916. Вып. 7. С. 1–13; 2) Табачная промышленность в России. Пг.: КЕПС, 1918; 3) Чай и его культура в Россси. Пг.: КЕПС, 1919.

ВПК 1-й Всероссийский съезд для выработки плана борьбы с лекарственным голодом занимался главным образом проблемами фармацевтики, технологиями производства лекарств и создания их промышленных предприятий, хотя первым пунктом стояли как раз вопросы об имевшемся в России лекарственном, растительном и минеральном сырье, его местонахождении, способах добычи[1387]. На съезде преобладали химики, фармацевты и медики, в основном из Казани. Представителем Департамента земледелия МЗ был ботаник А. Д. Воейков, входящий в группу А. И. Шахназарова и ответственный за сбор лекарственных растений на территории Симбирской и Пензенской губерний. На съезде были представлены РОКК, ВЗС, ВСГ, Управление санитарной части флота, Союз химиков и десятки региональных организаций.

Для решения проблемы кормов профессор МСХИ В. Р. Вильямс в 1914 г. создал Высшие курсы луговодства, а позднее — станцию по изучению кормовых растений и кормовой площади[1388].

К концу Первой мировой войны наиболее актуальной стала задача борьбы с голодом. Продовольственные трудности побудили к введению в рацион армии и мирного населения большого числа культурных (кормовых) травянистых, кустарниковых и древесных растений и диких видов, которые обычно мало или совсем не используются в пищу[1389]. Исследования по программе КЕПС были призваны показать, какие части этих растений могут войти в пищу без всякой предварительной обработки в виде салатов, основы для супов, приправы, а какие требуют специальной обработки в виде предварительного аутолиза, высушивания или сбраживания при помощи соответствующих микроорганизмов. Эти исследования, на которые Министерство продовольствия выделило 4 тыс. руб., проводили А. Ф. Сулима-Самойло и М. П. Дубянская в пищевом отделе Центральной научно-технической лаборатории Военного министерства при участии Н. А. Монтеверде и В. Н. Любименко. Их итогом стали несколько брошюр, содержащих рекомендации по практическому использованию разного рода заменителей обычного питания[1390]. В них предлагалось изготавливать муку из соломы, кофе из свеклы, хлеб из чилима, чай из дикорастущих ягод и т. д. и указывалось также на необходимость более широкого использования растений в борьбе с цингой. Для пропаганды знаний и в области растениеводства Государственный сельскохозяйственный музей выпускал специальную серию брошюр[1391].

[1387] 1-й Всероссийский съезд для выработки плана борьбы с лекарственным голодом // Вестник Временного правительства. 1917. № 103 (149). 13 июля. С. 3.

[1388] *Вильямс В. Р.* Основы земледелия. Ч. 2. Естественнонаучные основы луговодства и луговедения. М.: Новая деревня, 1922.

[1389] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 260–261.

[1390] *Сулима-Самойло А. Ф.* Съедобная ботва огородных растений северной полосы России. Пг.: Научтехиздат, 1918; *Любименко В. Н., Монтеверде Н. А., Сулима-Самойло А. Ф.* Съедобные дикорастущие растения северной полосы России. Вып. 1–2. Пг.: Тип. Э. Ф. Мекс, 1918; *Дубянская М. П., Свидерский Л. Ф., Сулима-Самойло А. Ф.* Суррогаты чая. Пг.: Научтехиздат, 1918; и др.

[1391] *Будрин П. В.* Масличные растения. Рапс, сурепица, горчица, мак, подсолнух и др. Пг.: Гос. с.-х. музей, 1919.

Для ознакомления населения с этими рекомендациями была создана подкомиссия из представителей Министерства продовольствия, Технического комитета Главного интендантского управления, Главного военно-санитарного управления, продовольственного отдела Центрального ВПК. Эти исследования были широко использованы в повседневной практике потребления пищевых продуктов питания, дополняя усилия государства восполнить нарастающий дефицит продовольственного рынка различного рода суррогатами обычного питания[1392]. 1 апреля 1916 г. на Общем собрании КЕПС были заслушаны и рекомендованы к публикации в «Материалах для изучения производительных сил России» статьи Р. Э. Регеля «К вопросу о грибном промысле» и «О значении гладкостенных ячменей для кормления лошадей»[1393]. К вопросу о грибах Регель вернулся позднее, издав под эгидой уже Наркомзема трехстраничное руководство «Как собирать грибы» (М.; Пг.; Киев, 1919). В 1916 г. во втором номере «Отчетов КЕПС» увидела свет публикация Регеля о лекарственных растениях — ромашке и клещевине[1394]. В 1917 г. К. А. Фляксбергер опубликовал несколько небольших книг по пщенице, в том числе в материалах КЕПС[1395]. 1 апреля 1916 г. Общее собрание КЕПС заслушало доклад В. И. Бузникова о добыче лесотехнических продуктов в Вологодской и Архангельской губерниях, но в виде отдельной брошюры он увидел свет спустя шесть лет[1396]. В 1918 г. Отдел использования дикорастущей флоры России вел сбор материала для ботанических и химических анализов дубильных, душистых и съедобных дикорастущих растений Севера России[1397]. Общее количество собранных и приготовленных к анализу видов равнялось 70. Специальному анализу были подвергнуты только клубни чистяка *Ranunculus ficaria* с целью определить его пригодность для питания и добычи сахара. В дальнейшем эти исследования шли на средства Российского пищевого научно-технического института. В 1918 г. А. П. Шенников был командирован КЕПС в Вологодскую губернию для ботанического хозяйственного изучения лугов[1398].

В решении продовольственной проблемы активно участвовали и крупнейшие садоводы, плодоводы и овощеводы России Н. И. Кичунов, В. В. Пашкевич, М. В. Рытов и др. В годы Первой мировой войны Корачановский земский питомник, основанный Н. И. Кичуновым в Курской губернии, обеспечивал армию сушеными фруктами. Сам автор в эти годы, работая в Московском губернском управлении

[1392] *Никитинский Я. Я.* Суррогаты и необычные в России источники пищевых средств растительного и животного происхождения. М.: 1-я тип. МСНХ, 1921.

[1393] Отчеты о деятельности Комиссии... 1916. № 4. С. 72–75; *Регель Р. Э.* К вопросу об упорядоченности сбора грибов // Труды по прикладной ботанике. 1917. Т. X. № 2. С. 248–250.

[1394] *Регель Р. Э.* К вопросу о сборе ромашки и культуре клещевина в России (из письма А. С. Фаминцину) // Отчеты о деятельности Комиссии... 1916. № 2. С. 31–36.

[1395] *Фляксбергер К. А.* Пшеницы России. Пг.: КЕПС, 1917.

[1396] *Бузнинков В. И.* Добыча лесо-технических продуктов в Вологодской и Архангельской губерниях // Отчеты о деятельности Комиссии... 1916. № 4. С. 69–72; *Бузников В. И.* Лесотехнические продуты. Пг.: М. и С. Сабашниковы, 1922.

[1397] Отчет о деятельности РАН... 1918 г. 1919.. С. 273.

[1398] Там же. С. 221.

земледелия, активно публиковал как обширные труды, так и популярные брошюры, призванные помочь крестьянам получать максимальные урожаи различных плодовых культур (сельдерея, брокколи, цветной капусты, листового салата), издаваемые вначале Департаментом земледелия, а затем Наркомземом[1399]. Пропагандировал он и разведение шампиньонов[1400]. Популяризацией научных основ разведения огородных овощей в северной России занимался также сотрудник Департамента земледелия В. В. Пашкевич[1401]. Активно в распространение своего опыта включился чл.-корр. Ученого совета МЗ, преподаватель Горе-Горецкого земледельческого училища М. В. Рытов, основавший в 1880 г. ботанический питомник для апробации разрабатываемых им приемов агротехники. Уже в первый год войны он издал три фундаментальных труда, в том числе и за свой счет, а потом еще несколько многократно переиздаваемых брошюр и книг, включая фундаментальный двухтомник о выращивании лекарственных растений и приготовлении из них препаратов[1402].

КЕПС издала также перевод книги польского инженера Э. Ю. Заленского о культивировании сахарной свеклы в Западной России и Польше[1403]. Серию брошюр и книг о выращивании и использовании картофеля, конопли, кормовых трав и т. д. опубликовал в те годы Д. Н. Прянишников[1404].

Но все эти труды не удалось реализовать в рамках единой программы. Монографии, предназначенные для четвертого тома «Естественные производительные силы России», программа которых разрабатывалась под руководством И. П. Бородина, частично вышли после окончания Гражданской войны в разгар НЭПа, да и вряд ли они могли оказать серьезное влияние на мобилизацию растительных ресурсов в годы Первой мировой войны[1405]. В них по существу были отражены

[1399] *Кичунов Н. И.* 1) Культура дичков и подвоев для плодовых деревьев. Пг.: П. П. Сойкин, 1915; 2) К вопросу о ежегодно-максимальных урожаях в плодовом саду. М.: Изд. Наркомзем, 1919; 3) Огородничество. Общедоступные наставления к разведению огородных овощей в открытом грунте. Преимущественно для северной и средней России. Пг.: А. Деврие́н, 1918; 4) Краткое популярное руководство к разведению огородных овощей. Пособие для крестьян и начинающих любителей. М.: Знание — сила, 1919.

[1400] *Кичунов Н. И.* Культура шампиньонов у русских огородников. Практические указания для садоводов, огородников и сельских хозяев. М.: Госиздат, 1921.

[1401] *Пашкевич В. В.* Разведение огородных овощей в северной половине России. Пг.: Рос. о-во плодоводства, 1918.

[1402] *Рытов М. В.* 1) Огородничество в защищенном грунте. Пг.: Изд. П. П. Сойкина, 1914; 2) Русское огородничество. СПб.: Изд. П. П. Сойкина, 1914; 3) Русские яблоки: Описание 80 наиболее распространенных сортов в их типах и уклонениях. Горки: Изд. автора, 1914; 4) Томат в северной полосе огородничества. Пг.: Изд. П. П. Сойкина, 1916; 5) Русские лекарственные растения: В 2 т. Пг.: Изд. П. П. Сойкина, 1916. Т. I: Дикорастущие и возделываемые лекарственные растения; Т. 2: Препараты; и др.

[1403] *Заленский Э. Ю.* Исторический обзор и селекция сахарной свеклы. Пг.: 1-я Гос. тип., 1919.

[1404] *Прянишников Д. Н.* Растения полевой культуры. Вып. 1–4. М.: Кооп. изд-во, 1919–1920.

[1405] *Буш Н. А.* 1) Европейская Россия. Пг., 1923; 2) Кавказ. Пг., 1923; *Комаров В. Л.* Растительность Сибири. Л.: Тип. Печ. двор, 1924; *Шулов И. С.* Прядильные растения в России. Пг.: Гос. трест «Петропечать», 1922.

материалы по двум главам: «Ботанико-географический очерк Российского государства» и «Полеводство». Все остальные главы: «Огородничество и бахчеводство», «Плодоводство», «Садоводство», «Лесоводство», «Болота и культура их», «Специальные культуры», «Грибной и ягодный промыслы» и «Водоросли»[1406] — так и не были написаны в рамках задуманной программы КЕПС. В дальнейшем многие из этих проблем разрабатывались уже в рамках ГИОА и ВАСХНИЛ.

В то же время брошюры и небольшие книги, издаваемые большими тиражами и доступные по цене всем образованным слоям общества, повышали ботаническую грамотность населения и пользовались популярностью. Этому способствовала продуманная система распространения изданий. Часть тиража книг серии «Материалы КЕПС» рассылалась бесплатно членам КЕПС и ее подкомиссий, всем научным обществам, а также общественным и правительственным организациям, включая Госсовет и Госдуму, министерства, ВПК и т. д.[1407]

12.5. Воздействие войны на фауну и попытки ее мобилизации

Начиная с 10-го номера за 1914 г. в журнале «Природа» регулярно печатались материалы, имеющие значение для использования новейших достижений в разных отраслях биологии и медицины применительно к военным условиям[1408]. Отмечалось, что война, приводящая к контактам громадного количества людей разных стран, национальностей и культур, резко повышает не только угрозу инфекционных заболеваний, но и инвазию новых видов растений и насекомых[1409]. Так, например, во время франко-прусской войны 1870-х гг. в окрестностях Парижа было обнаружено около 270 новых видов, угрожавших стабильности сложившихся сообществ.

Сейчас зоологи также фиксировали изменение ареалов животных[1410]. Они отмечали, что в холмистой местности Галиции и даже в окрестностях Кракова и Тарнова появились волки и медведи, которые до этого обитали исключительно в горных лесах. Здесь же появились в большом количестве горные куропатки, орлы. Во время боев пострадал ряд заповедников в Восточной Пруссии, содержащих лосей, оленей, кабанов. Военные действия имели катастрофические последствия для обитателей белорусских лесов, где к концу 1917 г. из 700 беловежских зубров оставалось только 200, а 12 апреля 1919 г. браконьером был уничтожен последний дикий зубр в Беловежской пуще[1411]. Через несколько лет та же участь постигла кавказского зубра.

[1406] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 282–283.

[1407] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 367–370; Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 367–372.

[1408] *Дьяконов П.П.* 1) Ложная артериальная аневризма как результат огнестрельного ранения // Природа. 1914. № 10. Стб 1234–1259; 2) Значение биологических агентов в борьбе с заразными началами // Природа. 1915. № 4. Стб 558–568; *Игнатьев В.Е.* Сыпной и возвратный тиф и борьба с ними // Природа. 1914. № 11. Стб 1321–1339; и др.

[1409] *Л.Т.* Война и занесение новых болезней и новых растительных видов // Природа. 1915. № 1. Стб 143–144.

[1410] *Григорьев С.* Географические известия России // Природа. 1915. № 9. Стб 1194.

[1411] *Вайнер Д.* Экология в Советской России. С. 31.

Программа КЕПС по изучению биологических ресурсов нашла отклик у многих обществ любителей природы, которые были готовы собирать сведения о существующих в их областях промыслах животных и растений. В частности, Гатчинское общество любителей природы опубликовало обращение ко всем родственным организациям с призывом собирать сведения об охотничьих хозяйствах, разведении промысловых животных, условиях добычи животных, в том числе и с любительской целью, о разведении промысловой птицы, о промыслах продуктов животноводства (пух, перо, кожа и т. д.), о разведении культурных, технических и лекарственных растений, о питомниках, опытных станциях и т. д.[1412]

КЕПС также подключилась к вопросам, связанным с эксплуатацией биоресурсов и решением продовольственной проблемы. В те годы особую актуальность приобрела проблема рыбных запасов и регулирования рыболовства. Все попытки принять рыбное законодательство, ущемлявшее интересы рыбопромышленников, заводчиков и местных бюрократов, заканчивались провалом, несмотря на активные выступления авторитетных ихтиологов Н. А. Бородина, Г. Л. Гадда, О. А. Гримма, И. Д. Кузнецова, И. Н. Фалеева и др. не только в специализированных журналах, но и в популярных газетах «Биржевые ведомости», «Московские ведомости», «Русские ведомости» и др. Эти вопросы активно обсуждали на заседаниях Российского общества рыболовства и рыбоводства и на Всероссийских съездах рыбопромышленников. В марте 1914 г. в Киеве состоялась Вторая всероссийская выставка по охране природы, на которой демонстрировали исчезающие виды (вырезуб, лосось, стерлядь и др.). Месяцем позже там же на охотничьей выставке был представлен раздел по охране хищных птиц. В разгар войны харьковский ихтиолог Г. Л. Гадд браконьерство называл в числе главных причин истощения рыбных запасов и призывал к охране нерестилищ, учреждению заказников и искусственного рыборазведения[1413].

Но в условиях нарастающего дефицита продуктов никто не хотел задумываться о рачительном отношении к рыбным ресурсам. По официальным данным, половина из 65,1 млн пудов улова рыбы в 1916 г. приходилась на Каспийское море и на Волгу — 32,6. Далее следовали дальневосточные моря — 8,4, озера и малые реки азиатской части России — 8,0, Балтийское море — 7,9, Азовское и Черное моря — 3,1 млн пудов, Аральское море и среднеазиатские реки — 2,1, Белое море — 1,3, сибирские реки — 1,7[1414]. Доход России от рыбы превышал американские показатели в 3 раза. Высокая прибыль достигалась путем хищнической эксплуатации рыбных ресурсов.

1 апреля 1916 г. на Общем собрании КЕПС был заслушан доклад заместителя председателя КЕПС, вице-директора Департамента земледелия и заведующего отделом рыболовства и охоты МЗ В. К. Бражникова — видного ихтиолога и крупнейшего специалиста в рыбном хозяйстве России[1415]. По его мнению, «вопросы

[1412] Гатчинское общество любителей природы // Природа. 1914. № 11. Стб 1442–1443.

[1413] *Гадд Г.* Об охране рыбного населения наших водоемов // Бюллетени Харьковского общества любителей природы. 1916. № 3–4. С. 43–54.

[1414] Вестник рыбопромышленности. 1917. № 4–5. С. 160.

[1415] Отчет о деятельности Комиссии... 1916. № 4. С. 66–69.

продовольствия страны» приобрели особое значение в военное время, и важно выработать научное представление о состоянии природных ресурсов и о возможностях за счет их удовлетворять продовольственные потребности без угрозы нанесения им невосполнимого урона. Он дал исчерпывающую характеристику состояния рыбной промышленности России, привел статистические сведения по рыболовству и о рыбных запасах страны и призвал к бережному отношению к ним. Докладчика поддержали выступившие в прениях ботаник И. П. Бородин, гидробиолог К. М. Дерюгин, экономист А. А. Кауфман и ихтиолог П. Ю. Шмидт. Все они отмечали необходимость перехода к рациональному ведению рыбного хозяйства и к организации системы охраны рыбных промыслов. П. Ю. Шмидт связывал это с проведением широких зоологических исследований в стране[1416]. В постановлении, принятом Общим собранием КЕПС по итогам обсуждения доклада В. К. Бражникова, говорилось, что охрана природных богатств страны должна оставаться на первом месте и их ни в коем случае нельзя разрушать ради преодоления трудностей военного времени[1417].

Это обращение КЕПС к проблеме охраны рыбных ресурсов было связано с тем, что в условиях нехватки продовольствия участились ходатайства рыбопромышленников в Министерство торговли и промышленности о продлении сроков рыболовства. Сам Бражников настаивал на регулировании рыболовства, введении в широкую практику искусственного рыборазведения, создании прудовых хозяйств и пропаганде рационального рыбоведения[1418]. Эту программу научных основ рыбоведения Бражников намеревался реализовать в созданном им в 1917 г. Отделе рыбоводства и научно-промысловых исследований при СХУК МЗ, который должен был разрабатывать научные основы рыбного хозяйства. Но октябрь 1917 г. он встретил в Японии и уже не вернулся в Россию[1419].

В работе КЕПС активно участвовал и другой крупный ихтиолог, В. И. Мейснер — старший специалист по рыбным и морским промыслам в Департаменте земледелия ГУЗиЗ, занимавшийся в основном рыбоводством в Волжско-Каспийском бассейне. В 1912 г. он провел крупную экспедицию по обследованию сельдяного промысла на Кавказском побережье, материалы которой были изданы в 1914 г. В том же году объектом его экспедиционных исследований было рыболовство в дельте Волги — подробный отчет он опубликовал в «Материалах к познанию русского рыболовства»[1420]. В последующие годы увидели свет еще несколько брошюр о рыболовстве в Семиречье и на Каспии[1421]. После революции он сделал быструю

[1416] Отчет о деятельности Комиссии... 1916. С. 63–64.

[1417] Там же. № 4. С. 64.

[1418] *Бражников В. К.* Опыт программы курса экономики рыбного промысла на Отделении рыбоведения. Пг.: Типолит. М. П. Фроловой, 1915.

[1419] *Лайус Ю. А.* Бражников Владимир Константинович // Биология в Санкт-Петербурге: Энциклопедический словарь. С. 69.

[1420] *Мейснер В. И.* Общий обзор работ экспедиции и описание района. Пг.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1915.

[1421] *Мейснер В. И.* 1) Рыбный промысел в Семиречье и его возможное будущее. Пг.: КЕПС, 1916; 2) Каспийские кильки и их возможное промысловое значение. Пг.: 2-я Гос. тип.,

карьеру. В 1921 г. Мейснер создал и возглавил Научрыббюро, которое на следующий год преобразовал в НИИ рыболовства. Позднее в ранге наркома он возглавил ведомство «Главрыба» (1936).

Очерки по промысловым рыбам вышли в качестве специального выпуска 6-го тома «Животный мир» в сборнике «Естественные производительные силы России», изданном КЕПС в 1920 г.[1422] А книгу о рыболовстве в этом томе написал ученый специалист по рыболовству при СХУК М. П. Сомов, работавший ранее с В. К. Бражниковым[1423]. В ней охарактеризованы природные условия рыбопромышленной деятельности в России, дан статистический обзор рыбных промыслов по районам и показано значение рыбного промысла как источника дохода, требующего научных исследований, специального образования и законодательства. Первый выпуск этого тома был посвящен диким позвоночным (млекопитающие, птицы, рыбы) и насекомым, не имеющим прямого хозяйственного значения[1424]. Описывая животных, авторы давали общую характеристику их полезного или вредного воздействия на сельское хозяйство и экономического значения для страны с указанием ареалов видов, их биологии и количественных оценок. Еще два выпуска рассказывали о крупном рогатом скоте и домашней птице[1425]. В 1921 г. вышла также брошюра Е. Ф. Лискуна о животноводстве[1426].

Как и у ботаников, план подготовки и издания фундаментального труда о животном мире России как производительной силе был реализован лишь отчасти. Из 70 запланированных печатных листов увидело свет меньше трети. Остались неосвещенными такие вопросы, как охотничий промысел, его связь с сельским хозяйством и лесоводством, меры упорядочивания охоты и организации охотничьих хозяйств, создание заказников и т. д. Не был создан и обобщающий труд об использовании доместицированных животных, включая скотоводство, кролиководство, собаководство, оленеводство, птицеводство, пчеловодство. И скорее всего, это связано не с неблагоприятными внешними условиями, а с трудностями в рамках единой программы, разрабатываемой В. К. Бражниковым, В. В. Заленским и Е. Ф. Лискуном, изложить столь разные сферы эксплуатации фауны России[1427].

1919; 3) Искусственное рыборазведение, его смысл, значение для человека и приемы. СПб.: Госиздат, 1920.

[1422] Естественные производительные силы России. Т. VI. Животный мир. 2. Рыбы. Отдел III. Систематический обзор представителей животного царства, имеющих хозяйственное значение. Пг.: 2-я Гос. тип., 1920.

[1423] *Сомов М. П.* Рыбоводство. Пг.: 1-я Гос. тип., 1922. (Естественные производительные силы России. Т. VI. Животный мир. Отдел III. Использование культурных животных).

[1424] Систематический обзор представителей животного царства, имеющих хозяйственное значение (за исключением культурных животных). Пг.: 1-я Гос. тип., 1919. (Естественные производительные силы России. Т. VI. Животный мир. 1. Позвоночные. Отдел III).

[1425] *Иванов С. А.* Крупный рогатый скот. Пг.: 1-я Гос. тип., 1922. (Естественные производительные силы России. Т. VI. Животный мир. Отдел III. Использование культурных животных); *Дьяков М. И.* Домашняя птица. Пг.: 2-я Гос. тип., 1922. (Естественные производительные силы России. Т. VI. Животный мир. Отдел III. Использование культурных животных).

[1426] *Лискун Е. Ф.* Животноводство. Пг.: КЕПС, 1921.

[1427] Отчет о деятельности Комиссии... 1916. № 5. С. 83, 100–105.

В продолжение продовольственной проблемы 4 апреля 1916 г. на Совете КЕПС был заслушан доклад вице-директора Департамента земледелия и заведующего зоотехнической лабораторией Петрограда Е. Ф. Лискуна о путях решения проблемы дефицита мяса, о чем он же позднее подробно рассказал в серии брошюр[1428]. Как показали прения, в которых участвовали животновод С. А. Иванов, экономист А. А. Кауфман, растениевод Р. Э. Регель и др., речь шла о необходимости комплексного решения вопроса о развитии скотоводства в России[1429]. Совет КЕПС высказался за продолжение исследований скотоводства, начатых в XIX в. академиком А. Ф. Миддендорфом[1430]. Выступление Р. Э. Регеля в этой дискуссии, по предложению В. И. Вернадского, было напечатано[1431].

В КЕПС обсуждались и вопросы оленеводства. Ученый секретарь Полярной комиссии, большой знаток Севера, геолог и палеонтолог И. П. Толмачев сделал сообщение о резервах оленеводства[1432]. Об оленеводстве и мерах по его развитию говорил также зооветеринар и оленевод С. В. Керцелли[1433]. Позднее он напечатал две брошюры на эту тему под эгидой Наркомзема[1434].

По данным 1916 г., в Отделе животноводства, возглавляемом Е. Ф. Лискуном, агрономы А. М. Зиновьев, Е. П. Краснокутская и Л. А. Молчанов готовили общую сводку о состоянии животноводства в России[1435]. В ней предполагалось выяснить отношения посевных площадей к количеству лошадей, крупного и мелкого скота, их возрастному составу и т. д. с целью составления картограмм животноводства и его зависимости от физико-географических и социально-экономических условий регионов.

27 мая 1916 г. на Общем собрании КЕПС был заслушан доклад С. П. Максимова «Водное хозяйство в России», в котором предлагалось создать Институт водного хозяйства[1436]. Это предложение было поддержано П. Ю. Шмидтом, который высказался за учреждение Центрального бюро (или Комиссии) по изучению вод и водных богатств, где особое внимание будет уделено вопросам рыбного хозяй-

---

[1428] *Лискун Е. Ф.* 1) Выращивайте побольше телят. Пг.: Тип. «Якорь», 1916; 2) Кормите животных по весу и увеличивайте их число. Пг.: Тип. «Якорь», 1916; 3) О мясном вопросе в России в современной экономической обстановке. Пг.: КЕПС, 1917; 4) Вопросы мясного питания и животноводства. М.: Наркомзем, 1919; 5) Животноводство Севера и его возможное будущее. Пг.: Госиздат, 1920; 6) Как восстановить животноводство в России. Пг.: Новая деревня, 1922; 7) Кормление и разведение сельскохозяйственных животных. Пг.: Госиздат, 1922; и др.

[1429] Отчет о деятельности Комиссии... 1916. № 5. С. 100–104.

[1430] Там же. С. 83, 100–105.

[1431] *Регель Р. Э.* К вопросу об урегулировании пастьбы. По поводу доклада Е. Ф. Лискуна «О мясном вопросе» // Труды по прикладной ботанике. 1917. Т. X. № 2. С. 250–252.

[1432] Отчет о деятельности Комиссии... 1916. № 4. С. 79–82.

[1433] Там же. № 5. С. 87.

[1434] *Керцелли С. В.* 1) Избенное оленеводство и его значение в сельском хозяйстве. Пг.: Наркомзем, 1919; 2) Оленеводство. Пг.: Наркомзем, 1919.

[1435] Отчет о деятельности РАН... 1918 г. 1919. С. 269–272.

[1436] Отчет о деятельности КЕПС. 1917. № 7. С. 125.

ства в экономике России[1437]. По мнению ихтиолога, необходимость правильной организации исследования растительности и животного мира водоемов после войны станет еще более актуальной. Имея опыт ряда промысловых экспедиций[1438], он указывал на отсутствие координации исследований, неорганизованность и большие сроки камеральных обработок.

3 мая 1918 г. совет КЕПС обсудил доклад В. Г. Глушкова и в июне создал Гидрологический отдел КЕПС, который в 1919 г. был преобразован в институт в системе Наркомпроса[1439]. Первоначально отделом руководил палеонтолог Н. И. Андрусов, а затем В. Г. Глушков, который и стал первым директором института. До начала 1930-х гг. в институте велись интенсивные гидробиологические исследования. В рамках Туркестанского отдела КЕПС исследовались проблемы земельных мелиораций, перспективы орошения новых рек и создания «Нового Туркестана» для освобождения хлопчатобумажной промышленности от иностранной зависимости[1440]. Одновременно В. И. Юферов изучал возможности улучшения хлопководства в Туркестане[1441].

Вскоре всё ухудшающаяся обстановка с продовольствием заставила центральные и региональные власти уделить большое внимание рыбным промыслам Севера[1442]. В марте 1917 г. в МЗ под председательством Н. М. Книповича состоялось совещание о рациональном использовании рыбных промыслов Баренцева и Белого морей[1443]. Весной 1918 г. КЕПС организовало Мурманскую разведывательную промысловую экспедицию во главе с П. Ю. Шмидтом для подготовки научно-промышленного обследования рыболовных промыслов[1444]. На заседании Отдела по исследованию Севера КЕПС Шмидт доложил основные результаты рекогносцировки и обосновал необходимость новой комплексной экспедиции для изучения рыбных богатств и промыслов Мурмана[1445]. Однако всё это не могло предотвратить падение рыбного промысла, сократившегося за годы войны втрое, а начавшаяся вскоре англо-французская интервенция и Гражданская война надолго сделали невозможными любые научные исследования в этом районе.

[1437] Там же. С. 134–136.

[1438] *Шмидт П. Ю.* Проект Восточной промысловой экспедиции. СПб.: Паровая скоропечатня Г. П. Пожарова, 1906.

[1439] Отчет о деятельности РАН... 1918 г. 1919. С. 262–264.

[1440] Там же. С. 278.

[1441] Там же. С. 279; *Юферов В. И.* Труд в хлопковом хозяйстве Туркестана. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1914.

[1442] *Лайус Ю. А.* Международная кооперация. С. 152–156.

[1443] *Шрадер Т. А.* Русско-норвежские связи на Севере в период Первой мировой войны (по материалам РГИА и РГАВМФ) // Скандинавские чтения 2005 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: Кунсткамера, 2005. С. 44–56.

[1444] Отчет о деятельности РАН... 1918 г. 1919. С. 221; *Лайус Ю. А.* Научно-промысловые исследования на «красном» и «белом» Севере, 1918–1920 гг. // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная науч. конф. М., 2002. С. 430–432.

[1445] Отчет о деятельности РАН... 1918 г. 1919. С. 277.

Интенсивно работали биологическо-сельскохозяйственные комиссии КЕПС, нацеленные на решение прикладных проблем. Отдел птицеводства, возглавляемый Н. К. Кольцовым, занялся разведением и генетическим исследованием русских пород кур[1446]. Конечной целью было вывести высокопродуктивную породу, приспособленную к местным условиям. Для получения новых мутаций использовалось рентгеновское облучение. Однако тяжелые условия и недостаток фуража препятствовали этой работе. Возглавляемые Н. М. Кулагиным отделы энтомологии, пчеловодства и пушных зверей свою основную задачу видели в сборе и распространении сведений о вредных насекомых, измерении крыльев у пчел и статистических данных о промысловых животных и выделке мехов[1447]. Однако отсутствие штатных единиц не позволило вести эту работу масштабно и на должном уровне.

12.6. Охрана природы и рациональная эксплуатация биоресурсов

На годы Первой мировой войны пришлась активизация природоохранной деятельности зоологов, ботаников, географов, выступавших с сильно различавшимися программами, которые американский историк биологии Д. Вайнер разделил на культурно-эстетико-этические, научные и утилитарные[1448]. Понимая условность любой классификации, следует признать, что накануне войны культурно-эстетико-этическая программа наиболее ярко была воплощена в брошюре академика И. П. Бородина, изданной ИРГО в феврале 1914 г.[1449] Незадолго до этого Бородин был избран товарищем председателя созданной при ИРГО Постоянной природоохранной комиссии с участием правительственных ведомств, научных и образовательных учреждений ГУЗиЗ, Главного управления уделов, ИАН, ВЭО, ИСПбОЕ и др. В нее вошли известные деятели природоохранного движения Н. А. Буш, А. И. Воейков, Г. А. Кожевников, Н. И. Кузнецов, Г. Ф. Морозов, Н. В. Насонов, А. П. Семёнов-Тян-Шанский, В. Н. Сукачёв, Ю. М. Шокальский, а возглавил Комиссию член Государственного совета, бывший министр земледелия и государственных имуществ, агроном и агрохимик А. С. Ермолов. Всё это придавало Комиссии вес и значимость в обществе и во властных коридорах, что способствовало мобилизации ученых и образованных слоев на охрану биологических ресурсов и создание системы заповедников и памятников природы[1450].

В упомянутой брошюре И. П. Бородин проанализировал историю создания национальных парков и заповедников США и Западной Европы, доказывал значение выделения национальных парков в России и перечислил некоторые первоочередные шаги в этом направлении: создание заповедников в степи, в Беловежской пуще, в Майкопском уезде Кубанской области, в Лагодехском ущелье, на острове Морицгольм и др. По его мнению, по сравнению с Западной Европой Россия

[1446] Отчет о деятельности РАН... 1918 г. 1919. С. 290–293.

[1447] Там же. С. 293–296.

[1448] *Вайнер Д.* Экология в Советской России. С. 24–33.

[1449] *Бородин И. П.* Охрана памятников природы. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1914.

[1450] *Манойленко К. В.* Иван Парфеньевич Бородин. С. 162–163.

«находится в особых условиях, частью более, частью менее благоприятных»[1451]. К числу первых он отнес обширность территории, разнообразие физико-географических условий, многообразие флоры и фауны, редкость населения во многих регионах, мало затронутых культурой, принадлежность будущих заповедных территорий казне и монастырям, отмечая при этом и положительный пример некоторых частных инициатив, типа деятельности Ф. Э. Фальц-Фейна в заповеднике «Аскания-Нова». Это позволяет говорить о создании обширных национальных парков, как в США. Неблагоприятными условиями Бородин считал опять же «огромные расстояния, а в особенности малую культурность населения и нашу бедность как умственными силами, так и <...> просто деньгами»[1452].

Незадолго до начала Второй отечественной войны лидер отечественных ботаников указывал на патриотический смысл природоохранной деятельности, подчеркивая, что беречь природные сообщества животных и растений — «нравственный долг перед родиною, человечеством и наукою <...> важнейшими из них являются остатки той природы, среди которой когда-то складывалась наша государственная мощь, жили и действовали наши отдаленные предки. Растерять эти остатки было бы преступлением»[1453]. Отмечал он огромное научно-образовательное значение заповедников, которые должны стать крупными интеллектуальными центрами. С аналогичными призывами в то время активно выступали многие биологи и почвоведы, но у них у всех шла речь об охране небольших участков биосферы, связанных с каким-либо уникальным сообществом или видом. Такую территорию в конце XIX в. Г. Н. Высоцкий создал на Велико-Андольском участке степи.

Сторонники научного подхода к охране природы, взгляды которых наиболее последовательно излагал Г. А. Кожевников, настаивали на необходимости сохранения разнообразной девственной природы как эталона экологической гармонии, целесообразности и продуктивности. Если мы сейчас их уничтожим, говорил ученый, то лишимся возможности узнать механизмы их формирования и функционирования, а значит, и создавать такие экосистемы в будущем. Для него были недопустимы любые вмешательства в природные экосистемы с целью регулирования численности полезных и вредных видов и создания заповедников типа охотничьих угодий на Кавказе, в Крыму и в Беловежской пуще[1454]. Аналогичных взглядов придерживались лесовод Г. Ф. Морозов, ботаники М. И. Голенкин, Н. И. Кузнецов, И. В. Новопокровский, В. М. Савич, В. Н. Сукачёв, В. И. Талиев, Г. И. Танфильев, зоолог А. П. Семёнов-Тян-Шанский, почвовед П. В. Отоцкий и др.[1455] В декабре 1914 г.

[1451] *Бородин И. П.* Охрана памятников природы. С. 20.

[1452] Там же. С. 21.

[1453] Там же.

[1454] *Кожевников Г. А.* О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Труды Всероссийского юбилейного Акклиматизационного съезда. Вып. 1. М., 1909. С. 18–30.

[1455] *Семёнов-Тян-Шанский А. П.* К вопросу о заповедниках нашей природы // Новое время. 1914. № 13686. 20 апр. (3 мая). С. 5; *Сукачёв В. Н.* Об охране природы Жигулей // Записки Симбирского областного естественно-исторического музея. 1914. № 2. С. 33–41; *Талиев В. И.* Охраняйте природу. Харьков: Харьк. о-во любителей природы, 1914.

в Постоянную природоохранную комиссию поступил проект закона о создании центрального правительственного ведомства, доложенный товарищем обер-прокурора Правительствующего Сената С. В. Завадским, который попытался учесть научные и юридические аспекты отчуждаемых под заповедники земель, находившихся в чьей-то собственности[1456]. Заповедники наделялись статусом государственного имущества, которым распоряжалось бы РГО. Предусматривались и меры наказания за самовольное произведение каких-либо горных и лесных работ в заповедной зоне. В апреле 1916 г. Комиссия ходатайствовала перед министром земледелия А. Н. Наумовым о выделении в пустыне Каракумы, в Мервском уезде Закаспийской области, участков для сохранения саксаулового леса и типичных стадий развития песков с процессами саморазвития специфическими флорами и фаунами. В том же году под охрану были взяты ковыльные степи в Воронежской губернии[1457].

В условиях всё возрастающих потребностей в биологических ресурсах научный подход не пользовался популярностью в правительственных кругах и в обществе. Превалировали утилитарные установки, выраженные охотоведами, которым удалось сделать реальные шаги в создании крупных охраняемых территорий и убедить и коллег, и власти в их необходимости, несмотря на неблагоприятное военное время.

Ведущую роль в мобилизации животных ресурсов в военные годы играло МЗ, особенно профессор Лесного института, старший специалист ДЗ по прикладной зоологии и промысловой охоте А. А. Силантьев[1458] и его сподвижники Г. Г. Доппельмаир, Д. К. Соловьёв и др.[1459] По инициативе Силантьева в 1914 г. были организованы две экспедиции для обследования соболиных промысловых районов: на Байкале под руководством Доппельмаира, в Саянах под руководством Соловьёва, и в 1916 г. — третья экспедиция на Камчатку под руководством С. В. Керцелли. В разработке программ экспедиций участвовали также сотрудник того же Департамента охотовед Н. А. Смирнов и сотрудник Зоологического музея ИАН А. А. Бялыницкий-Бируля. Несмотря на начавшуюся войну, участники экспедиции собрали уникальный материал о состоянии промысла не только соболей, но и других животных, а также о побочных промыслах местного населения (мараловодство, рыболовство, кедровый промысел и др.)[1460].

В 1915 г. А. А. Силантьев публикует небольшую, но ярко написанную книгу, в которой доказывает, что охрана полезных животных имеет не столько эстетическое, сколько экономическое значение[1461]. При этом он настаивал на необходимости

[1456] СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 499. Л. 4–14.

[1457] *Манойленко К. В.* Иван Парфеньевич Бородин. С. 168.

[1458] Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 177, 440, 451.

[1459] *Богданов-Катьков Н. Н.* Анатолий Алексеевич Силантьев (18 марта 1868 — 21 марта 1918). Пг.: Воен. тип., 1918.

[1460] Соболиный промысел на Северо-восточном побережье Байкала. Материалы Баргузинской экспедиции Г. Г. Доппельмаира. Верхнеудинск; Л.: Госплан БМАССР, 1926; *Соловьёв Д. К.* Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем. Отчет Саянской экспедиции 1914–1915. Пг.: Госиздат, 1921.

[1461] *Силантьев А. А.* Охрана зверей и птиц, полезных в сельском хозяйстве. Пг.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1915.

разных форм охраны птиц и зверей, обеспечивающих их воспроизводство, но не исключающих добычу в больших количествах мяса, пушнины, перьев и т. д.[1462] 17 мая 1916 г. иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев постановил организовать Баргузинский соболиный заповедник на территории приблизительно в 200 тыс. десятин. Осенью 1916 г. Правительствующий Сенат принял акт «Об установлении правил об охотничьих заповедниках»[1463], а 29 декабря 1916 г. последовало решение Сената об учреждении Баргузинского заповедника в Забайкальской области, директором которого назначили Г. Г. Доппельмаира. При заповеднике были созданы соболиный питомник и экспериментальное промыслово-охотничье хозяйство. В 1915 г. распоряжением Л. М. Князева была определена еще бóльшая территория, около 600 тыс. десятин, под Саянский заповедник, а МЗ в 1917 г. выделило средства на его содержание и назначило заведующим А. Г. Леппа — участника экспедиции Д. К. Соловьёва[1464]. Но в 1918 г. заповедник прекратил свое существование, не дождавшись правительственного утверждения. Чуть дольше продержалось Казыр-Сукское охотничье-промысловое хозяйство, созданное в 1917 г. в Минусинском уезде Енисейской губернии во главе с В. И. Белоусовым — другим участником экспедиции Д. К. Соловьёва. После Февральской революции А. А. Силантьев стал главой Отдела охоты в Лесном департаменте МЗ.

Под его руководством шла национализация Императорской охоты в Гатчине и подготовка к учреждению Кавказского заповедника. 30 сентября 1917 г. на заседании «Комиссии по переустройству охотничьего хозяйства России в связи с предстоящей аграрной реформой» при МЗ А. А. Силантьев показал разные формы природоохранной деятельности путем создания: заповедников — памятников природы, охотничьих угодий, охраняемых мест зимовок и гнездования, путей перелетов и т. д. В качестве первых шагов было предложено начать с учреждения таких заповедных мест для гнездования водоплавающих птиц на Каспийском и Аральском морях, в устьях рек Волги и Урала. После внезапной кончины Силантьева в марте 1918 г. его программу охраны природы и мобилизации ресурсов животного мира развивал Д. К. Соловьёв, который, как и Силантьев, доказывал невозможность абсолютной заповедности и указывал три типа охраняемых территорий: заповедники, хозяйства и научные станции[1465].

Сначала 1917-й год, казалось, сулил прекрасные перспективы природоохранному движению, энтузиасты которого собрались с 30 октября по 2 ноября в Петрограде на конференцию, созванную РГО[1466]. Незадолго до этого было создано Московское общество охраны природы. На нем был рассмотрен проект закона о создании центрального правительственного ведомства, доложенный

[1462] *Силантьев А. А.* Как организовать в России охрану полезных для сельского хозяйства животных. Пг.: [Б. и.], 1916.

[1463] Собрание узаконений и распоряжений Правительства. № 304 от 30 октября 1916 г.

[1464] *Громов К. И.* Саянский заповедник // Заповедники СССР. Т. 2. М.: Географгиз, 1951. С. 175–200.

[1465] *Соловьёв Д. К.* Типы организаций, способствующих охране природы. Пг.: 9-я Гос. тип., 1918. 45 с.

[1466] *Вайнер Д.* Экология в Советской России. С. 42–43.

С. В. Завадским. Одновременно В. П. Семёнов-Тян-Шанский разработал план создания в России сети государственных заповедников во всех географических зонах России. До этого временное правительство назначило зоолога МЗ В. Э. Мартино комиссар-директором Императорского охотничьего заказника в Крымских горах для преобразования его в национальный парк, что удалось сделать в марте 1919 г. декретом Крымского правительства, отбив атаки многочисленных браконьеров — от немецкого генерала до банд «зеленых».

В последние годы Первой мировой войны более актуальной стала задача сохранить прежние, а не создать новые биологические станции, питомники, заповедники, музеи. В связи с их погромами в регионах в середине 1917 г. посыпались обращения местных обществ любителей природы к центральной власти, которая сама была бессильна перед самоуправством местных властей и откровенными грабежами. Немногочисленные заповедники постоянно находились под угрозой уничтожения со стороны местного населения, не желавшего понимать их научное значение для человечества. В этом отношении характерны были ситуации со Степной, Бородинской, Мурманской биологическими станциями. Тем не менее ученые старалась спасти научные объекты и памятники природы и обращались за поддержкой во все научные учреждения страны и властные структуры.

В мае 1917 г. забило тревогу Кавказское общество акклиматизации животных в связи с угрозой уничтожения уникального зоопарка и дендрологического парка в имении барона Ф. Э. Фальц-Фейна «Аскания-Нова», расположенного в засушливых степях Таврической губернии и служащего базой полевых исследований более 250 видов животных и экспериментальных работ по отдаленной гибридизации. На их призыв откликнулась газета «Русское слово», опубликовав 18 мая 1917 г. статью о гримасах революции, уничтожающей памятники истории и культуры, а теперь угрожающей уникальному парку, созданному упорным многолетним трудом «среди запорожского “Дикого поля” в “глухой степи”». Комиссия ученых учреждений и предприятий при МНП, возглавляемая В. И. Вернадским, переслала в РАН обращение натуралистов юга России и переписку с ними о принятии мер для охраны. ОФМН попросило А. П. Карпинского и И. П. Бородина посетить министра земледелия В. М. Чернова с просьбой подключить возглавляемое им ведомство к сохранению уникального исследовательского центра и памятника природы[1467]. К тому времени сам владелец парка покинул имение, помня о разгроме, учиненном местными жителями в 1905 г. В. И. Вернадский был одновременно председателем СХУК в МЗ, и товарищ министра П. А. Вихляев без промедления обратился с соответствующей просьбой в МВД. 15 сентября на заседании ОФМН было сообщено, что для охраны заповедника «Аскания-Нова» назначен особый комиссар Временного правительства — энтомолог Херсонской губернии и заведующий музеем в Херсоне И. К. Пачоский, а в декабре 1917 г. его сменил путешественник генерал-майор П. К. Козлов. Было обещано, что о положении дел в заповеднике будет сообщаться в РАН. В лихолетье Гражданской войны парк оказался в зоне непрекращающихся боевых действий, и большинство ценнейших животных было уничтожено.

[1467] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а–1917. Д. 164. Л. 262 об.

13 сентября 1917 г. Временное правительство направило в РАН документ, в котором говорилось о необходимости приступить к созданию заповедных участков и национальных парков в местах, «не затронутых или мало затронутых культурой», с целью сохранения их «в неприкосновенном виде»[1468]. Директорам академических музеев, включая Зоологический и Ботанический, предлагалось заполнить анкету о памятниках природы, которые в первую очередь должны быть взяты под охрану. О необходимости сохранить лес шла речь и на Всероссийском съезде лесоводов и лесных техников, который открылся 28 апреля в Петрограде в Лесном институте. Почетный председатель съезда Г. Ф. Морозов призывал «сберечь леса» как государственное достояние.

Разгулявшаяся к тому времени революционная стихия, ведущая к варварскому уничтожению парков, садов, лесов и их обитателей, делала невозможной не только консервацию природных систем, но и рациональное природопользование с целью долгой эксплуатации биологического ресурса. Задачи первых российских заповедников, созданных охотоведами ради воспроизводства охотничьей фауны и сохранения промысла, отчетливо противопоставлялись задачам сохранения природных экосистем и их изучению. В условиях войны такой подход имел шансы на правительственную поддержку, но и он скоро стал неприемлемым для населения в деревнях, готового смести всех, кто, по словам В. И. Талиева, «печется о памятниках природы»[1469].

12.7. Коллекционная деятельность

В годы войны одной из первых пострадала многотомная серия «Фауна России и сопредельных стран». 20 сентября 1914 г. до особого распоряжения был задержан трехгодичный кредит на ее издание[1470]. Потом, правда, издание было продолжено. Отклонены были многие проекты на продолжение экспедиционных исследований, в том числе и просьбы ИАН о выделении ежегодных средств В. П. Амалицкому для продолжения знаменитых раскопок звероящеров на Северной Двине[1471]. В этих условиях особое внимание уделялось сохранению зоологических коллекций и гербариев как важных документов о прошлом и современном разнообразии биосферы. Как уже говорилось, коллекция В. П. Амалицкого оказалась в Варшаве к началу войны, и с первых дней начались хлопоты о ее эвакуации из зоны боевых действий, сначала в Москву, а затем в Геологический и Минералогический музей ИАН[1472]. За годы войны на хранение в ИАН поступили коллекции президента Русского энтомологического общества А. П. Семёнова-Тян-Шанского, путешественника и энтомолога Д. К. Глазунова, малаколога К. О. Милашевича, энтомолога Н. Р. Кокуева, орнитолога В. Н. Шнитникова, маммологов К. А. Сатунина и В. Э. Мартино,

[1468] СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 499. Л. 95 об.

[1469] *Талиев В. И.* Охрана природы // Природа. 1917. № 11–12. Стб 1151.

[1470] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 244. § 602.

[1471] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 198. § 294.

[1472] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 159. § 400.

паразитолога К. И. Скрябина, герпетолога П. В. Нестерова, ботаника И. И. Шираевского, натуралистов А. Грубауэра, А. Н. Петунникова, зоолога В. Я. Лаздина и др. (на этих коллекциях мы подробнее остановимся ниже).

Первый год войны практически не сказался на росте коллекций Зоологического музея и гербариев Ботанического музея, что обеспечивалось увеличением нагрузки на оставшихся научных сотрудников при поголовной мобилизации технического персонала, а также расширением практики совместительства. Зоологическому музею удалось в первый год расширить штат научных сотрудников, пригласив П. Ю. Шмидта заведовать отделом ихтиологии и герпетологии, А. К. Кириченко — отделом полужесткокрылых насекомых, Г. Ю. Верещагина — отделом ракообразных и В. Л. Лингольма — отделом пресноводных и морских моллюсков[1473].

Оба биологических музея отмечали в 1914 г. даже значительный рост коллекций[1474]. В 1915 г. в Отчете Зоологического музея, правда, мимоходом сказано, что прирост коллекций обеспечивался в основном дарами уже обработанных коллекций[1475]. Из-за недостатка средств шло сокращение направлений и регионов исследований. В Отчете ИАН за 1916 г. впервые признано, что большинство коллекций, поступивших в Зоологический музей, получено в дар, так как «поступление сборов из различных областей в необработанном виде <...> значительно сократилось», что объяснялось «неблагоприятными условиями переживаемого» времени[1476]. В 1917 г. эта мысль проходит рефреном по всему отчету Зоологического музея, в котором не раз отмечалось, что поступлений в различные Отделения, например Герпетологическое или Орнитологическое, было «сравнительно очень мало» и коллекции «крайне скудны и не представляют большой ценности ни в научном, ни в музейном отношении»[1477]. По данным Н. В. Слепковой, в 1914 г. поступления в Зоологический музей составили 210 тыс. экземпляров, а в 1917 г. их число сократилось в 2,8 раза[1478]. В последний год войны новые поступления исчислялись буквально единицами. Аналогичная ситуация была с гербариями. В 1917 г. было отмечено: «Сравнительно невелики были поступления новых коллекций по всем отделам гербария»[1479]. Пострадала просветительско-образовательная деятельность Зоологического музея, численность посетителей которого в 1914 г. составила 94 тыс., в 1917 — 81 тыс. чел., а на следующий год только 3 383 чел.[1480]

[1473] Отчет о деятельности ИАН. 1914. С. 108.

[1474] Там же. С. 96, 107.

[1475] Отчет о деятельности ИАН. 1915. С. 87.

[1476] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 87.

[1477] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 87.

[1478] Отчет о деятельности ИАН. 1914. С. 107; *Слепкова Н. В.* 1) Развитие Зоологического музея... С. 163; 2) Зоологический музей Академии наук в Петрограде в Первую мировую войну и в Революцию (1914–1923) // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2011. Вып. XXVII. С. 135.

[1479] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 77.

[1480] Отчет о деятельности ИАН. 1914. С. 107; *Слепкова Н. В.* Зоологический музей Академии наук... С. 134–136.

В октябре 1917 г., когда обсуждался вопрос о сдаче Петрограда немцам, на ряде экстренных заседаний Совета Зоологического музея говорили об эвакуации коллекций. В конечном счете было решено провести лишь частичную эвакуацию наиболее важных в научном отношении коллекций и экспонатов музея[1481]. Однако все материалы остались на месте, чему способствовала не столько военная обстановка, сколько начавшийся революционный хаос[1482].

Распад страны и Гражданская война отрезали музеи от Сибири, Кавказа и Средней Азии, откуда поступал наиболее интересный материал и куда ежегодно отправлялись экспедиции. Резко сократились и объемы поступлений по почте. Почти прекратились запросы о справках. А поступление гербариев и коллекций практически было сведено на нет[1483].

12.8. Мобилизация почвенных и палеобиогеохимических ресурсов: почвы и биолиты

Первая мировая война ознаменовалась резкой интенсификацией почвенных и биогеохимических исследований, связанных не только с дефицитом импортных минеральных удобрений, но и с резким уменьшением вносимого на поля навоза из-за массового забоя скота и реквизиции лошадей для армии[1484]. Предлагались различные пути выхода из сложившейся ситуации, в том числе и за счет усовершенствования системы севооборота путем внедрения и применения бобовых для этой цели. Агрономы выступали за внедрение посевов люпина не только на легких, но и на тяжелых дерново-подзолистых почвах[1485].

В те годы агроном-почвовед В. Р. Вильямс опубликовал первые два выпуска своего фундаментального труда об эволюции почв, в котором попытался синтезировать накопленные к тому времени теоретические соображения о биологических агентах почвообразовательного процесса и их роли в его эволюции[1486]. Сущность почвообразовательного процесса, по Вильямсу, заключается в циклическом создании и разложении органических соединений. Особое значение он придавал их накоплению в почвах, что изменяло режимы минерального и водного питания растений и вызывало в итоге смену растительных формаций. Вильямс полагал, что почва должна обладать способностью удерживать и концентрировать элементы зольного питания. Особенно важным он считал малый биологический круговорот зольной и азотной пищи растений, в который включены процессы синтеза и деструкции органического вещества. Вильямс рассматривал эволюцию почв как составную часть

[1481] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1917–1а. Д. 164. Л. 277.

[1482] *Слепкова Н. В.* Зоологическая коллекция Академии наук в войнах и катаклизмах XX века // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 116.

[1483] Отчет о деятельности РАН... 1918 г. 1919. С. 67–68, 78–79.

[1484] *Елина О. Ю.* От царских садов до советских полей. Т.II. С. 132.

[1485] *Будрин П. В.* 1) Бобовые зеленые растения. Культура гороха, конских бобов, чечевицы, фасоли, люпинов и других растений. Пг.: 6-я гос. тип, 1918; 2) Полевое травосеяние. Пг.: Тип. «Рассвет», 1918.

[1486] *Вильямс В. Р.* Почвоведение. Ч. 1–2. М.: МСХИ, 1914–1916.

единого почвообразовательного процесса, как проявление одного общего динамического процесса, во время которого происходят взаимосвязанные и взаимообусловленные эволюционные преобразования не только органического мира, но и рельефа, водных бассейнов, климата и т. д.[1487]

Эта концепция В. Р. Вильямса была противопоставлена концепции повышения урожайности за счет внесения минеральных удобрений, разработанной его коллегой по МСХИ Д. Н. Прянишниковым на стыке биохимии, физиологии растений и агрохимии. В годы войны он завершил разработку методики внесения аммиачных, нитратных и суперфосфатных удобрений, основанной на изучении механизмов усвоения растениями азота и фосфора[1488]. В 1917 г. он был одним из инициаторов создания Научного института по удобрениям, в котором директором стал Я. В. Самойлов. Прянишников возглавил Агрономический отдел, а через несколько лет и сам институт.

Вопрос производства собственных суперфосфатных удобрений подробно был рассмотрен в серии работ О. Ю. Елиной[1489]. Далее остановимся на значении палеобиогеохимических исследований ученика и крестника В. И. Вернадского Я. В. Самойлова, которые в какой-то степени служили естественнонаучной основой для решения этого вопроса[1490]. Интерес Самойлова к проблеме участия организмов в образовании минералов и горных пород, в том числе фосфоритов, был выражен уже в докторской диссертации. Ссылаясь на работы С. Н. Виноградского, Н. И. Андрусова и Г. А. Надсона, он полагал, что «путем исследования свойств минералов можно определять не только все физико-химические свойства той среды, в которой происходило осадкообразование, но в известных пределах и живые организмы фауны и флоры среды»[1491]. Согласно Самойлову, концентрация в осадочных породах редких металлов, скорее всего, обусловлена жизнедеятельностью морских организмов, способных накапливать эти металлы. Эта идея получила дальнейшее обоснование и развитие в последующих публикациях Самойлова[1492]. Он полагал, что для понимания роли живого в образовании минеральных ископаемых необходимо знать точный химический состав организмов, и прежде всего их скелетных

[1487] О судьбе этой концепции в СССР см. подробнее: *Колчинский Э. И.* Эволюция биосферы. Л.: Наука, 1990. С. 141–145.

[1488] *Прянишников Д. Н.* 1) Химия растений. Вып. 2. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1914; 2) Аммиак как альфа и омега обмена азотистых веществ в растении. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев, 1916; 3) Недосевы, минеральные удобрения и военные нужды. М.: Тип. О. Л. Сомовой, 1916; 4) Люпин, фосфорит и зола в безнавозном хозяйстве. М.: ПСХА, 1919; 5) Непризнанный Стассфурт. Зола как удобрение. М.: Тип. Н. Л. Сазоновой, 1919.

[1489] *Елина О. Ю.* 1) Мир, война и «туковый вопрос». С. 3–36; 2) От царских садов до советских полей. Т. II. С. 142–155.

[1490] *Колчинский Э. И.* Эволюция биосферы. С. 96–104; *Оноприенко В. И.* Яков Владимирович Самойлов. Киев: Информ.-аналитич. агентство, 2015. С. 155–164.

[1491] *Самойлов Я. В.* Минералогия жильных месторождений Нагольного кряжа (Донецкий бассейн) // Материалы для геологии России. 1906. Т. 23. Вып. 1. С. 1–260.

[1492] Работы Самойлова последующих лет цитируются по сборнику: *Самойлов Я. В.* Биолиты. М.: Научхимтехиздат, 1929.

образований. К сожалению, систематические исследования этих признаков еще только начинались.

Это побудило Самойлова начать собственные исследования, перекинув, образно говоря, мост от минералогии к физиологии, выясняя механизм превращения остатков организмов в минеральные и горные породы. В 1910 г. Самойлов обратил внимание на то, что крупные запасы барита, как правило, приурочены к ярусам верхней юры. Это навело его на мысль, что в отдельных регионах биосферы того периода существовали организмы, содержащие в своих раковинах барий и способствовавшие тем самым аккумуляции стойких соединений бария (его сульфатов). В 1912 г. при изучении генезиса месторождений целестита (сульфат стронция), приуроченных к верхнемеловым и нижнетретичным отложениям, и сопоставляя полученные данные с данными О. Бючли о нахождении сульфата стронция у радиолярий, Самойлов предположил, что «существованию таких стронцийсодержащих организмов обязаны меловые отложения своим относительным богатством» щелочноземельными металлами[1493]. В том же году он четко формулирует гипотезу, согласно которой крупные месторождения металлов, содержащихся в морской воде в ничтожных количествах, могли создаваться только в результате осуществления концентрационных функций. Он считал неправильным при изучении ископаемых ограничиваться лишь морфологическими признаками. Необходимо выявлять и особенности физиологических процессов, а следовательно, и эволюцию химических соединений, участвующих в этих процессах. Он поставил вопрос о том, всегда ли в биосфере существовали те же соотношения между животными, содержащими в крови гемоглобин или гемоцианин, как и в современной биосфере. Если в прошлом эти соотношения были иными, то не в них ли кроются причины образования мощных месторождений меди в пермских отложениях? Подобные месторождения могли быть созданы доминировавшими в перми организмами, у которых функцию переноса кислорода в крови выполняли молекулы гемоцианина, содержащего медь вместо железа. И наличие ванадия в крови у асцидий Самойлов также использовал для объяснения повышенного содержания этого элемента в ряде осадочных пород.

Опираясь на эти данные и предположения, Самойлов уже в 1912 г. формулирует вывод, важный для понимания роли организмов в формировании биолитов. Он писал: «Если мы примем, что различные организмы с указанными характерными своеобразными особенностями, являющиеся в настоящее время относительно более редкими, в отдаленные периоды истории Земли количественно преобладали, представляли собой обычные, распространенные группы животных, тогда будет ясно, какое значение может иметь детальное изучение всех этих соотношений в деле правильного объяснения генезиса различных минералов, заключенных в осадочных породах»[1494].

В 1910 г. Самойлов вместе с Д. Н. Прянишниковым проводил эксперименты, касающиеся усвоения растениями некоторых жизненно необходимых элементов прямо из минералов. В вегетационных опытах с пшеницей, гречихой, просом

[1493] *Самойлов Я. В.* Биолиты. С. 49.

[1494] Там же. С. 51.

и викой было показано, что максимальное количество калия растения усваивают из биотита, несколько меньше из цеолитов, а менее всего подвижен калий полевых шпатов. Вегетационные опыты Самойлов проводил также на природных фосфоритах и в результате привел новые данные в пользу гипотезы о биогенном происхождении фосфоритов, выдвинутой французским геохимиком Л. Кайё.

В годы войны Самойлов публикует ряд статей, в которых далее углубляет вывод о ведущей роли организмов в генезисе биолитов и подкрепляет его новыми доказательствами. Так, широкое распространение плавикового шпата в известняках московского яруса карбона он объяснял наличием в это время фторсодержащих организмов, подобных некоторым современным видам плеченогих, пресноводных и морских моллюсков, у которых К. Андре, И. Андерсон, А. Куффер, А. Мюнтц, А. Хатин и др. установили наличие фтора в раковинах. Приуроченность фтора к фосфоритам метасоматического типа, по мнению Самойлова, могла быть вызвана сильным развитием в соответствующий геологический период животных с повышенным содержанием фтора, как это установлено у роговых губок (Spongidae) и кораллов (*Gorgonia carolinii*). Высокое содержание в известняках сульфата кальция связано с распространением тех групп беспозвоночных, у которых Ф. Кларк установил следующее процентное содержание $CaSO_4$: у брахиопод *Lingula anatina* — 4,18% и *Discinisea lamellosa* — 8,35%; у кораллов (альционарии) *Gorgonia acerosa* — 4,08%; у *Paramuricea borealis* — 4,69 и *Gorgonia suffruticosa* — 5,43%; у иглокожих *Mellita sexiesperferatus* — 2,53 и *Ohiomyxa flaccida* — 4,17%. Среди брахиопод, сходных по морфологическим признакам, существуют две группы, резко отличающиеся по химическому составу. У замковых брахиопод скелет составлен из $CaCO_3$ (карбонатный), а у беззамковых — из $Ca_3(PO_4)_2$ (фосфатный). Значительные колебания наблюдаются в содержании карбоната магния ($MgCO_3$) у брахиопод — от 1 до 8,63%, у альционарии — от 6,18 до 15,73%, у иглокожих — от 11,56 до 14,95%. Иногда в пределах одного семейства или даже рода животные образовывали раковины совершенно разного химического состава. Всё это побуждало искать связь преобразований морфологических и биохимических признаков и выяснять адаптивное значение различий в химическом составе скелетов близкородственных организмов. В целом было ясно, что «если бы качественно и количественно химический состав скелетов был бы во все геологические времена одинаков, то и первоначальный химический состав осадочных пород — биолитов, откладывающихся в одинаковых физико-географических условиях в течение всей истории Земли, был бы неизменным»[1495]. В первоначальном составе биолитов неизбежно отражалось количественное соотношение организмов со скелетами различного химического состава. Всё это давало важный ключ к поиску месторождений минералов, используемых для производства удобрений.

Уже в 1917 г. Самойлов доказал необходимость создания новой науки — «палеофизиологии», т. е. палеобиогеохимии. В ее задачи должно было войти изучение особенностей биогеохимической деятельности организмов в прошедшие геологические эпохи. К идее о создании такой науки Самойлов пришел в ходе исследований месторождений барита, целестина, фосфоритов, кремнистых пород, железо-

[1495] *Самойлов Я. В.* Биолиты. С. 128.

марганцевых и медных руд, которые, по его мнению, могли образоваться только при активном участии организмов. Вопреки доминирующим тогда представлениям об образовании этих минералов и горных пород абиогенным путем, Самойлов считал, что их месторождения созданы в результате жизнедеятельности организмов. Генезис морских осадочных отложений, по его мнению, можно понять лишь при учете биохимических и физиологических особенностей ископаемых организмов, которые были способны концентрировать их в больших количествах. Самойлов развивал биогеохимические представления не на уровне биосферы, а применительно к генезису минералов, горных пород и месторождений полезных ископаемых. Для объяснения их происхождения он и начал изучать роль «организмов в геохимических и геологических процессах земной коры»[1496]. Но объективно значение его работ оказалось гораздо шире. В них содержится ряд обобщений, имеющих прямое отношение к мобилизации науки в военных целях.

Подлинной программой исследования роли организмов в эволюции минералов стала классическая статья Самойлова «Биолиты», опубликованная в 1921 г. В ней систематизированы все ранее приводимые данные и гипотезы об эволюции минералообразования в связи с эволюцией химического состава организмов. Для изучения этого процесса было необходимо: во-первых, искать ископаемые организмы со специфическим химическим составом и специфическими биогеохимическими функциями, не встречающиеся в современной биосфере; во-вторых, выяснить количественные соотношения в прошлых биосферах групп организмов с различным химическим составом и изучать изменения этих соотношений в ходе органической эволюции. Самойлов обосновал важную мысль о том, что при отсутствии фоссилизированных остатков изучение химического состава биолитов и закономерностей их образования является надежным способом для реконструкции геохимических функций вымерших организмов. Различия в химическом составе биолитов, образовавшиеся в разные геологические эпохи, служат показателями количественных соотношений организмов со скелетами различного химического состава. В этой статье Самойлов вновь ссылается на ранее высказанные предположения о биогенном происхождении целестина, барита, фосфоритов, кремнистых пород. Годом позже в статье, опубликованной на немецком языке, Самойлов приводит данные исследований железо-марганцевых конкреций со дна Черного, Балтийского и Баренцева морей. Образования этих пород, по мнению Самойлова, могли происходить в результате деятельности бактерий. Разбирая работы Р. Ланге, И. Помпеску и других авторов о содержании меди в германском медистом сланце, Самойлов вновь возвращается к гипотезе о доминирующем положении в морских сообществах перми организмов (например моллюсков), у которых функцию переноса кислорода выполняют молекулы гемоцианина.

Идеи об органическом происхождении биолитов Самойлов особенно активно использовал при изучении фосфоритов. В 1914 г. он опубликовал отчет исследования залежей фосфоритов с картой их размещения на территории России[1497].

[1496] *Вернадский В. И., Ферсман А. Е.* Предисловие // Самойлов Я. В. Биолиты. С. 3.

[1497] *Самойлов Я. В.* Результаты работ по геологическому исследованию фосфоритов 1913 г. // Отчет по геологическому исследованию фосфоритных залежей. Т. 6. М.: Типо-лит. В. Ф. Рихтер, 1914. С. 1–29.

Он привел результаты изучения фосфоритов типа «курского самородa» верхнемелового возраста и фосфоритизированных песчаников на границе юрско-меловых отложений. Далее он изучал минералогический состав и генезис фосфоритов Кролевецкого месторождения в Украине. Вместе с А. Д. Архангельским он в 4-м томе «Естественных производительных сил России» опубликовал очерк о минералогии и генезисе русских фосфоритов[1498]. Общие запасы русских фосфоритов они оценили в 334 114 млн пудов. Как известно, природные фосфорные соединения (апатиты и фосфориты) содержат фосфор в виде трудноусвояемого нерастворимого соедиения — трикальцийфосфата. Поэтому важно, что Самойлов в годы войны опубликовал книгу о месторождениях серного колчедана. Из него производят серную кислоту, необходимую для получения кислых растворимых солей дикальцийфосфата и монокальцийфосфата[1499]. Потенциальные запасы фосфоритов, по мнению Самойлова, могли обеспечить отечественное сельское хозяйство фосфоритами в количестве сотен миллионов пудов в год.

Вместе со студентом МСХИ В. П. Кочетковым, показавшим, что русские фосфориты могут быть легко переработаны в суперфосфатные удобрения, которые до этого в основном ввозились из Центральных держав и использовались в западных губерниях, Д. Н. Прянишников и Я. В. Самойлов выступили с инициативой налаживания производства собственных суперфосфатных удобрений. Первым крупным предприятием по производству суперфосфатов стал открывшийся 27 сентября 1916 г. вблизи богатых залежей фосфоритов Пермский земский сернокислотный и суперфосфатный завод, рассчитанный на производство 400 тыс. пудов суперфосфата в год. Их сбыт в ближайшие земства Вятки и Урала не представлял особых трудностей, так как завод располагался на судоходной р. Каме, связанной удобными путями доставки со многими районами Волго-Уральского бассейна. В целом в годы войны потребителям отечественные удобрения обходились в 4 раза дешевле, чем, например, жителям Риги[1500].

С возникновением Московского отделения КЕПС Я. В. Самойлов при участии В. А. Анри, Э. В. Брицке и Д. Н. Прянишникова создал отдел удобрений с лабораторией во главе с Н. И. Червяковым. 12 сентября 1919 г. лаборатория была преобразована в Научный институт по удобрениям. В его задачи входила химизация сельского хозяйства, включая агрономически эффективное применение минеральных удобрений и обеспечение сырьевыми ресурсами предприятий по их производству. Одним из первых трудов нового института стало издание сборника об известковании почв в связи с использованием минеральных удобрений[1501]. В нем участвовали 14 ведущих агрономов, почвоведов, агрохимиков, биохимиков и физиологов растений: Э. В. Брицке, К. Д. Глинка, В. П. Кочетков, Д. Н. Прянишников, А. И. Стебут

[1498] *Самойлов Я. В., Архангельский А. Д.* Очерк фосфоритных месторождений России. Пг.: КЕПС, 1920.

[1499] *Самойлов Я. В.* Месторождения серного колчедана в России.

[1500] *Герценштейн А. М.* Суперфосфатная промышленность в России // Природа. 1915. № 4. Стб 588–594.

[1501] Известкование почвы в связи с внесением удобрений / Ред. Я. В. Самойлов. М.: Русские ведомости, 1919.

и др. Это был важный шаг по пути объединения разных школ и направлений для решения глобальной задачи повышения плодородия земли.

С 1917 г. вопросы мобилизации почвенных ресурсов были включены в сферу интересов КЕПС. До этого координацию научно-исследовательских и прикладных работ в области почвоведения выполнял Докучаевский почвенный комитет, созданный в 1912 г. и финансируемый в основном Департаментом земледелия и Переселенческого управления, земствами, а также за счет членских взносов. Его заседания часто проводились вместе с Почвенной комиссией Императорского ВЭО, но в связи с прекращением его деятельности в состав Докучаевского комитета вошли члены и структуры комиссии, в том числе и журнал «Почвоведение», издаваемый П. В. Отоцким с 1910 г. Председателем Почвенного комитета был К. Д. Глинка, заместителями — П. В. Отоцкий и К. К. Гедройц, секретарем — С. С. Неуструев; в правление входили Л. И. Прасолов, И. П. Бородин, В. И. Вернадский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. В 1917 г. под эгидой КЕПС прошло совещание о роли почвоведения в земельном вопросе, на котором обсуждалась необходимость сводок по всем картографическим почвенным материалам и объединения усилий разных почвенных организаций в проведении земельной реформы[1502].

8 мая 1918 г. на Совете КЕПС было рассмотрено обращение Отдела земледелия и почвоведения СХУК и Докучаевского почвенного комитета о создании при КЕПС Почвенного отдела с целью объединения усилий всех почвенных организаций, включая Московский почвенный комитет и Почвенную комиссию ВЭО, для составления почвенной карты России. В отдел вошли также Почвенный музей и лаборатория Докучаевского почвенного комитета. Председателем Отдела был избран Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. В его состав также вошли В. В. Геммерлинг, Н. А. Димо, П. А. Земятченский, С. С. Неуструев, А. М. Панков, Н. Ф. Погребов, Л. И. Прасолов, Н. И. Прохоров и Н. М. Тулайков[1503]. В июле 1918 г. в Москве состоялось совещание почвоведов, на котором было решено создать новую почвенную карту, дополненную исследованиями окраинных районов под единой редакцией К. Д. Глинки[1504]. П. В. Отоцкий был командирован в Западную Европу для приобретения литературы и музейных образцов по картографии. Карта должна была изготавливаться в масштабе 1:1 000 000 в сотрудничестве с РГО и Военно-топографическим отделом Наркомвоена. К. К. Гедройц руководил регистрацией всех образцов почв и их критической сводкой. Сразу же был поставлен вопрос о преобразовании нового отдела в Почвенный институт РАН. На заседаниях отдела выступили с докладами Л. И. Прасолов («Современное почвоведение, его практическое применение и вопрос организации») и Н. М. Тулайков («Почвоведение в земледелии»).

По признанию В. И. Вернадского, именно в годы войны он «подошел в геологии к новому» для него «и для других и тогда забытому пониманию природы — к геохимическому и биогеохимическому, охватывающему и косную и живую природу с одной и той же точки зрения»[1505]. С лета 1916 г. он начал «систематически

[1502] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 268.

[1503] Отчет о деятельности РАН... 1918 г. 1919. С. 266.

[1504] Там же. С. 267–298.

[1505] *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. С. 145.

знакомиться с биологической литературой на химической и химико-геологической основе и вырабатывать основные принципы биологии»[1506]. «С тех пор с работой этой я никогда не расставался и веду ее всё время»[1507], — признавался Вернадский. Особенно плодотворными, насыщенными интенсивными экспериментальными и теоретическими исследованиями «живого вещества» для него стали летние месяцы 1916 и 1917 гг., проведенные в Украине, когда он задумал большую книгу «Живое вещество», опубликованную только в 1978 г. В те же дни формируются первые представления о роли живого вещества в формировании земной коры, педосферы, гидросферы и атмосферы, ставшие основой его будущих знаменитых книг: «Очерков геохимиии», изданных в Париже в 1924 г., и «Биосферы» (1926). Впоследствии он не раз обращался к опыту Первой мировой войны, подчеркивая, что именно тогда к нему пришло осознание планетарного значения научной мысли как закономерного этапа развития живого, так как война оказала столь мощное воздействие на весь мир, что ее отныне необходимо было исследовать «как большой земной *геологический*, а не только *исторический процесс*»[1508]. Оценивая деятельность КЕПС, В. И. Вернадский подчеркивал, что она сыграла «заметную роль в критическое время Первой мировой войны»[1509].

Российские биологи внесли свой вклад в мобилизацию природных ресурсов, в поиск новых источников растительного и минерального сырья, в расширение продовольственного ассортимента. Не менее важным было то, что это способствовало осознанию не только учеными, но и властью огромной роли естественных знаний.

[1506] Страницы автобиографии В. И. Вернадского... С. 281.

[1507] *Вернадский В. И.* Биогеохимические очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 7.

[1508] *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. С. 145.

[1509] Там же.

Глава 13
СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Свой вклад в победу над врагом старались внести и гуманитарии, доказывавшие в книгах, статьях и лекциях отечественный характер войны и необходимость разгрома вечных агрессоров — «немецких варваров» (примеры этого уже рассматривались в разделе об участии ученых в «войне умов»). Их усилия были созвучны целям официальных пропагандистских структур, пытавшихся убедить народ в необходимости и неизбежности войны, защищавшей коренные национальные интересы, и т. д., и т. п.

Здесь ученые-гуманитарии шли проторенными путями, играя на патриотизме, шовинизме, национальных чувствах, традициях и предрассудках. Провозглашая цели своего правительства благородными и справедливыми, они на первом этапе войны способствовали усилению психологии «свой–чужой» вплоть до «неприятия иной культуры, носителем которой является враг»[1510]. Включившись по сути дела в первую в истории России масштабную пропагандистскую кампанию, ученые уверяли соотечественников в том, что «именно на их страну напал враг», что «их страна — невинная жертва агрессии»[1511]. Однако эта пропаганда с самого начала не доходила до основного населения, не понимавшего, что такое «славянское единство», «братья-сербы» и «коварный немец». Как вспоминал А. А. Брусилов, «солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей матушке России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомство со своим Отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине?!»[1512]

На фоне неудач на полях сражений подобная пропагандистская кампания лишь усиливала непопулярность войны в народе и неприятие ее основных задач и целей широкими слоями населения. Это требовало изменения тематики пропаганды[1513]. На смену дискурсу войны как борьбы за национальные интересы и против варварства формируется «образ врага» и борьба с «немецким засильем». Идея «внутреннего мира», объединявшая многих ученых и профессоров в первые месяцы войны, так же быстро исчерпала себя, и начался поиск внутренних врагов. Итог оказался предсказуемым, но нежелательным — взрыв народного недовольства, свержение правящей династии, затем крах самого государства. Вряд ли подобную мобилизацию науки следует признать эффективной. Не так просто обстоят дела с успехами мобилизованной гуманитарной науки на других направлениях.

В последние десятилетия в ряде работ затрагивался вопрос о роли ИАН в сохранении культурного и исторического наследия не только России, но и других стран[1514]. Однако до сих пор остается неясным объем реально сделанного в этом

[1510] *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века. С. 62.

[1511] Первая мировая / Сост. С. Н. Семанов. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 9.

[1512] *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М.: Воениздат. 1963. С. 83.

[1513] *Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В.* Академический патриотизм. С. 3–21.

[1514] *Соболев В. С.* Для будущего России. С. 53–57; *Басаргина Е. Ю.* 1) Русский Археологический институт в Константинополе. С. 132–140; 2) Императорская Академия наук

направлении. Не ограничилось ли дело составлением разного рода комитетов и комиссий по сохранению исторических, археологических и научных памятников, написанием разного рода петиций в правительственные органы и командировками уполномоченных ИАН на различные участки фронта, где их отнюдь не всегда приветливо встречали военные власти, рассматривая часто как помеху в проведении эвакуации людей и ценностей из районов отступления?

Опираясь на протоколы ОС ИАН в годы войны и ее отчеты за 1914–1917 гг., постараемся создать более или менее целостную картину деятельности академического сообщества в этом направлении.

13.1. Умножение культурного наследия и сохранение памяти о войне

Умножение, сохранение и изучение рукописных и печатных памятников истории и культуры России ИАН всегда считала своей первоочередной задачей. Ее Библиотека, включая рукописный отдел, и музеи ИАН по-прежнему принимали приобретаемые в казну книги, архивы и коллекции, в том числе и вещи, конфискованные при арестах, как это произошло с рукописями и печатными материалами штаб-ротмистра Чертова, 22 сентября 1914 г. переданными полицией на хранение в рукописный отдел 1-го отделения Библиотеки[1515]. В рукописный отдел БАН, Архив Канцелярии и Пушкинский Дом был передан архив вел. кн. Николая Николаевича, включая его переписку с вице-президентом ИАН Л. Н. Майковым, а также книжные собрания и рукописи других скончавшихся членов Академии, подаренные и завещанные разными лицами библиотеке, письма, дневники, портреты и некоторые вещи, имеющие историческую ценность, научные коллекции и т. д.

В октябре 1914 г. президент Русского энтомологического общества А. П. Семёнов-Тян-Шанский подарил Зоологическому музею уникальную коллекцию жесткокрылых насекомых. В нее вошли сборы не только самого ученого, но и его отца, знаменитого путешественника и естествоиспытателя П. П. Семёнова-Тян-Шанского, а также результаты многих экспедиций, руководимых Н. М. Пржевальским, Г. Н. Потаниным, Г. Е. Грумм-Гржимайло, П. К. Козловым, В. И. Роборовским, Л. С. Бергом и др., в Китай, Тибет, Монголию, Среднюю Азию, Персию, на Алтай, Памир и т. д.[1516] Эта коллекция, как и другие дарения, была принята с благодарностью, а для ее научной обработки ОФМН попросило у МНП выделить еще одну ставку младшего зоолога. Вскоре в дар поступила также коллекция жуков, преиму-

---

на рубеже двух веков. С. 488–495; Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Ред. Э. И. Колчинский, Д. Байрау; ред.-сост. Ю. А. Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007; *Колчинский Э. И.* Первая мировая война и мобилизационная модель организации академической науки. С. 263–264; Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Vol. 3. Book. 1. P. XII; *Басаргина Е. Ю.* Международные связи Академии наук в годы Первой мировой войны. С. 911–919.

[1515] Протоколы ОС ИАН. 1914. С. 145. § 178.

[1516] Заявление А. П. Семёнова-Тян-Шанского. Приложение к протоколу XII заседания ОФМН ИАН 8 октября 1914 г. (к § 624) // Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 256–258.

щественно палеоарктических *Carabidae* (жужелицы), собранных путешественником и энтомологом Д. К. Глазуновым[1517]. Особую ценность представляли его сборы в Средней Азии, Алжире и Пиренеях, а также экземпляры, полученные в порядке обмена от западноевропейских коллег. Не отказывалась ИАН и от коллекций не столь знаменитых ученых, как в случае с коллекцией средиземноморских и черноморских моллюсков, собранной малакологом, геологом и педагогом К. О. Милашевичем и подаренной его дочерью Севастопольской биологической станции, а также собраний энтомолога Н. Р. Кокуева, герпетолога П. В. Нестерова, ботаника И. И. Шираевского, натуралиста и этнолога А. Грубауэра, археолога И. Т. Савенкова, зоолога В. Я. Лаздина и др. Надо сказать, что все эти материалы добывались в тяжелейших полевых условиях, нередко в местностях, населенных народами, враждебно настроенными к русским и взбунтовавшимися в 1916 г. Так, трагически закончилась экспедиция зоолога Высших женских курсов В. Я. Лаздина на Памир. Он и его спутник-студент Н. В. Просвиров были предательски убиты киргизами-проводниками и сброшены в реку Балянд-Куль недалеко от оз. Кара-куль[1518].

В ИАН постоянно поступали собрания книг, рукописей, портреты, фотографии, статуэтки, отдельные предметы повседневного обихода К. Э. фон Бэра, К. С. Веселовского, Н. Н. Врангеля, Б. Б. Голицына, Я. К. Грота, Д. Г. фон Дервиза, Г. Р. Державина, В. Г. Дружинина, К. Г. Залемана, М. М. Ковалевского, А. А. Краузе ван дер Коп, И. Ф. Крузенштерна, П. В. Никитина, Ф. М. Плюшкина, А. Н. Пыпина, В. Р. Розена, К. А. Скальковского, И. М. Трегубова, П. Л. Чебышева и др. Каждый раз именно ОС ИАН определяло будущее местонахождение подаренного — в Библиотеке, в Архиве, в Пушкинском Доме и т. д. — и назначало ответственных за контакты. Академическое сообщество продемонстрировало глубокую озабоченность возвращением на Родину дневников вел. кн. Константина Константиновича, изъятых у него немецкими властями в начале войны, заставшей его на отдыхе в Германии. На Общем собрании не раз вставал вопрос об этом и о предпринимаемых для его решения мерах. Академия стремилась изыскать деньги на приобретение особо ценных коллекций, если наследники не желали передавать их в дар. Со временем средств становилось всё меньше и каждый раз всё сложнее было добиться испрашиваемых субсидий. В 1916 г. стали закрываться некоторые организации, созданные для увековечивания памяти героев войны, помощи раненым, устройства школ для сирот воинов и т. д. Некоторые из них передавали в ИАН собранные ими материалы и деньги.

В конце 1916 г. ИАН обеспокоилась положением с премиями, число которых постоянно увеличивалось, в то время как количество сочинений, достойных их, отнюдь не возрастало. Всё чаще приходилось тратить много времени на рецензирование заведомо слабых работ, которые тем не менее удостаивались наград. Этот вопрос был поставлен перед ОС математиком А. А. Марковым, и Комиссии по пересмотру правил о премиях было поручено ужесточить требования к рецензентам и при сообщениях о присуждаемых премиях указывать имена проголосовавших за и против[1519].

[1517] Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1914. С. 265. § 654.

[1518] *Дерюгин К. М.* Памяти В. Я. Лаздина и Н. В. Просвирова. С. 495–501.

[1519] Протоколы ОС РАН. 1917. С. 11–12. § 35.

Создание осенью 1914 г. в рукописном отделении БАН нового отдела «Архив войны» было прямо связано с задачами мобилизационной науки[1520]. В нем концентрировались: воззвания и объявления на всех языках, изданные правительственными органами, общественными организациями, временными комитетами, партиями; циркуляры, распоряжения и воззвания противников; газеты и журналы, издаваемые в занятых русскими войсками населенных пунктах, а также в оккупированных российских городах. Важными источниками для изучения военного времени должны были стать предметы обихода и разного рода печатные, рукописные и устные свидетельства военного времени: открытки с изображением военных действий; портреты их участников; изображения различных моментов боев, отправки войск, манифестаций, завоеванных городов и местностей, полей сражений; лубочные и иные печатные и рисованные картины и изображения; письма из действующей армии, из-за рубежа, из тыла, из оккупированных областей; записки и дневники военного времени; записи рассказов раненых, пленных и других очевидцев военных событий. Сбору подлежали также записи басен, стихов, сатирических произведений, поговорок, связанных с войной и обращавшихся в устной речи и в печати. Туда посылались также финансируемые ИАН сборы обрядовых причитаний при проводах на войну, при похоронах погибших, молитвы и заговоры солдат и т. д. Предполагался также сбор сведений о том, как война отразилась на хозяйственной жизни различных регионов, отраслях промышленности, сельском хозяйстве, торговле.

Эта грандиозная программа «Архив», нацеленная на сбор максимального количества сведений и данных для последующего комплексного изучения духовных и экономических аспектов войны, была опубликована во многих периодических изданиях с подробным перечислением собираемых материалов, а также разослана в целый ряд правительственных и общественных учреждений и даже некоторым частным лицам. Общество живо отреагировало на призыв собирать свидетельства войны. Уже за первые три месяца сборов в «Архив войны» поступило так много полезных для будущих историков и библиографов материалов, что их обработку и предоставление «в общее пользование решено отложить по крайней мере до окончания войны»[1521].

Еще больше «ценных и любопытных документов» в «Архиве войны», по словам С. Ф. Ольденбурга, скопилось к концу 1915 г.[1522] Среди них были обширные тематические коллекции, собранные и подаренные отдельными лицами: плакаты, выпускаемые различными общественными организациями; русские и иностранные лубки, в том числе японские; иностранные иллюстрированные издания; английские плакаты с призывом новобранцев; немецкие и английские периодические издания и т. д.[1523] Более разнообразными были коллекции, сформировавшиеся благодаря поступлениям отдельных предметов и изданий от правительственных и земских учреждений, военных ведомств, включая штабы армий, общественных

[1520] Отчет о деятельности ИАН. 1914. С. 10, 51.

[1521] Там же. С. 52.

[1522] Отчет о деятельности ИАН. 1915. С. 13.

[1523] Там же. С. 42–44.

организаций и комитетов, издательств, редакций газет и журналов, музеев, частных лиц или путем закупок. Таковыми были обширные коллекции значков, медалей, благотворительных марок, открыток, писем с войны солдат, офицеров, врачей, а также подборки российских, немецких и польских книг и брошюр и т. д. В 1916 г. к ним прибавилась собранная С. И. Потоцким коллекция фотографий русских солдат, бежавших из плена. В годовых отчетах Академии наук за 1915–1917 гг. перечислены более сотни людей и организаций, мобилизованных Академией на сбор материалов для дальнейшего изучения и реконструкции войны. Среди них ученые, военные, политики, дипломаты, деятели культуры: Л. С. Багров, П. Е. Безруких, В. Д. Бонч-Бруевич, В. И. Вернадский, А. М. Ландезен, Н. П. Лихачёв, Б. Л. Модзалевский, С. Ф. Ольденбург, Б. И. и В. И. Срезневские, Н. К. фон Эссен и др.

С 24 июня по 8 сентября 1915 г. Императорское общество ревнителей истории успешно провело выставку, посвященную войне, и предложило на ее основе организовать постоянный музей с отделом «Школа и народное образование». В ответ на просьбу предоставить для этого предметы об «отражении войны в учебном деле» было решено послать отчеты ИАН за 1914 и 1915 гг.[1524] Но и об этом музее никаких сведений не сохранилось. Историки-академики участвовали также в деятельности Военно-исторического общества, занимавшегося сбором материалов и книг о войне с целью устройства Особого музея. Это мероприятие также закончилось безрезультатно.

13.2. Экстренные меры по охране исторических и культурных ценностей в первые месяцы войны

Своеобразной формой мобилизации науки и укрепления национальной самоидентификации стали усилия ИАН заняться охраной исторических памятников науки и культуры, оказавшихся под угрозой уничтожения и конфискации в зоне боевых действий или во враждебных странах уже в первые месяцы войны.

Глава Отделения русского языка и словесности ИАН академик А. А. Шахматов был в отпуске в Саратовской губернии, но сразу оценил масштаб надвигавшегося бедствия. На следующий день после объявления войны он обратился к президенту ИАН с письмом, в котором предлагал просить Николая II распорядиться перевести в безопасные места «книжные и рукописные собрания» из вероятной зоны боевых действий в Западной Украине и в Польше[1525]. Среди них Шахматов называет книжные и рукописные собрания Свято-Почаевского монастыря на Тернопольщине, Волынского епархиального архива, архива и библиотеки Луцкого католического собора, Музея Свято-Богородицкого Холмского братства, Архива Свято-Симеоновского собора в Бресте. Вел. кн. Константин Константинович откликнулся на это обращение и «написал Николаше письмо с просьбой распорядиться, чтобы в ответ на возмутительные действия против наших войск партии украинцев в Галиции, присоединившихся к австрийским войскам, мы пощадили книги, документы

[1524] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 2. § 2.

[1525] *Соболев В. С.* Для будущего России. С. 53.

и рукописи в библиотеках, школах, церквах и монастырских архивах, представлявшие большую ценность для истории культуры»[1526].

В бедственном положении в связи с войной оказались Севастопольская биологическая станция, Русский археологический институт в Стамбуле, Русский отдел Международной выставки в Лейпциге и т. д. Но и здесь вначале казалось, что война продлится недолго, и на возникшие проблемы смотрели как на временные трудности, не способные всерьез помешать научной работе. Так, на первом Общем собрании ИАН, состоявшемся после начала Первой мировой войны 13 сентября 1914 г., было заслушано сообщение о письме Генерального комиссара Русского отдела Международной выставки печатного дела и графики в Лейпциге, открывшейся 4 мая 1917 г., на имя министра народного просвещения Л. А. Кассо, в котором сообщалось, что выставку пришлось срочно закрыть. В результате переговоров с председателем выставочного комитета Л. Фолькманом было решено, что экспонаты исторического отдела, где размещались книги и графика, принадлежащие ИАН и Императорской публичной библиотеке, будут упакованы и сданы на хранение в Музей книги до конца войны[1527]. Было решено передать эту информацию директорам отделений библиотеки и заведующим архивом и книжным складом.

Вскоре поступило известие о закрытии Русского археологического института в Стамбуле. Устав и штат этого старейшего зарубежного общества были утверждены императором Александром III 23 мая 1894 г., а торжественное открытие состоялось 26 февраля следующего года[1528]. За двадцать лет своего существования Институт, созданный по инициативе выдающегося византиниста Ф. И. Успенского, который стал и его бессменным директором, проделал огромную работу по изучению истории, археологии и искусства христианского Востока в Оттоманской империи[1529]. Вокруг института быстро сформировался кружок молодых энтузиастов (Я. И. Смирнов, О. Ф. Вульф, Б. А. Панченко и др.), силами которых шло собирание книг, составление каталогов, ознакомление с древностями и памятниками Константинополя, его окрестностей и ряда прибрежных регионов (Трапезунд, Керасунт, Самсун, Синоп, монастыри на горе Афон). Институт проводил раскопки по всей территории исторической Византии, причем половина находок поступала в его распоряжение. Кроме того, изучалась древняя география и топография, описывались рукописи, исследовались архитектура и монументальные памятники искусства, развивались нумизматика и эпиграфика. Результаты исследований были опубликованы в ряде монографий Ф. И. Успенского, а также в 16 томах «Известий Археологического института в Константинополе». Развитие всех разнообразных исследований шло по нарастающей. Незадолго до начала войны президент ИАН вел. кн. Константин Константинович, посетив Русский археологический институт в апреле 1914 г., ходатайствовал перед Николаем II о выделении Ф. И. Успенско-

[1526] Дневник великого князя Константина Константиновича. С. 364.

[1527] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1914. Д. 161. Л. 78; Протоколы ОС АН. 1914. С. 135. § 162.

[1528] *Успенский Ф. И.* Основание Русского Археологического института в Константинополе // Басаргина Е. Ю. Русский Археологический институт в Константинополе. С. 191–192.

[1529] *Басаргина Е. Ю.* Русский Археологический институт в Константинополе. С. 72–127.

му дополнительных ассигнований в размере 5 тыс. руб. для археологических исследований территорий, перешедших под контроль сербов в результате Балканских войн в 1912–1913 гг. Необходимость этих исследований он мотивировал их исключительным значением для понимания «истории христианского искусства»[1530]. Систематическое обследование христианских памятников должно было идти преимущественно в пределах сербского царства XIII–XIV вв., а также построек сербских царей в Студенице, Грачанице, Раванице, Жиче. Николай II поддержал просьбу Успенского и 11 апреля распорядился выделить запрашиваемую сумму в виде «скромной помощи» в течение трех лет. Но начавшаяся война положила конец этим планам.

Еще летом 1914 г. ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе Б. А. Панченко перенес наиболее ценные вещи, книги, рукописи, а также деньги, инвентарные книги и список членов института в Императорское российское посольство[1531]. По словам Ф. И. Успенского, это в какой-то степени шло вразрез с рекомендациями посла России в Турции М. Н. Гирса, который старался не дать турецкому правительству, готовящемуся вступить в войну на стороне Центральных держав, формальный повод для разрыва дипломатических отношений с Россией. Поэтому было не рекомендовано в открытую заниматься упаковкой вещей и отправкой их в Россию. Тем не менее, по совету того же посольства, деятельность института к середине сентября была заморожена, секретарям дали отпуск, а членов семей сотрудников стали отправлять на родину. В связи с этим 24 сентября 1914 г. Отделение исторических наук и филологии (ОИНФ) постановило временно прикомандировать к ИАН в Петрограде ученого секретаря Института, историка искусств Н. Л. Окунева для продолжения научных занятий[1532]. Одновременно, по предложению Постоянной исторической комиссии, было решено командировать ученого корреспондента Е. Ф. Шмурло в Рим для продолжения работы в Ватиканском архиве, в архиве Конгрегации пропаганды веры, в городском архиве, в частных и государственных библиотеках и т. д. Благодаря этому в 1915 г. был издан третий том «Россия и Италия» и подготовлен первый том «Памятников культурных и дипломатических сношений России и Италии», увидевший свет в 1925 г. В 1915 г. увидел свет и третий том научного наследия крупнейшего византиниста академика В. Г. Васильевского.

Вскоре российское посольство покинуло столицу Турции, и 16 октября 1914 г. институт был закрыт. Персонал института должен был спешно эвакуироваться в Россию, оставив уникальную библиотеку, музей и дорогую обстановку. Директор института Ф. И. Успенский был назначен первым редактором «Византийского временника»[1533]. Всё институтское имущество было конфисковано, а уникальные библиотека, коллекции музея, архив были или расхищены, или переданы в Оттоманский музей. Официальная ликвидация Института состоялась только в мае

[1530] *Соболев В. С.* Для будущего России. С. 52–53.

[1531] *Басаргина Е. Ю.* Русский Археологический институт в Константинополе. С. 133.

[1532] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 161. Л. 449.

[1533] Там же. Оп. 1а-1914. Д. 161. Л. 461 об.

1920 г. К тому времени книги, рукописи и экспонаты, включая и переправленные Б. А. Панченко летом 1914 г. в российское посольство, оказались потеряны для отечественной науки навсегда.

13.3. Комиссия об охранении исторических памятников и научных коллекций в районах военных действий

Вскоре, однако, стало вырисовываться огромное геополитическое значение охраны исторических памятников, собраний книг и рукописей, шедевров архитектуры и живописи, научных коллекций в районе военных действий, особенно в районах, оккупированных русскими войсками. Ведь в информационной войне, которую страны Антанты провозгласили битвой цивилизованных народов против тевтонских варваров и современных гуннов, большое значение имели не только победы русского оружия, но и облик России как цивилизованной страны и ее армии как спасительницы мировой культуры. Поэтому в областях, где шли ожесточенные боевые действия (Польша и Прибалтика), власти организовали военные структуры с целью сохранения культурного наследия на оккупированных территориях[1534].

Заказ времени был быстро воспринят научным сообществом, видевшим в его выполнении не только патриотический долг, но и возможность решать корпоративные задачи сугубо научного плана. 29 ноября 1914 г., по поручению ряда академиков, исполняющий обязанности непременного секретаря академик А. А. Шахматов внес на рассмотрение Общего собрания предложение создать Комиссию об охранении исторических памятников и научных коллекций в районе военных действий[1535]. В представленной записке отмечалось, что военные действия происходят на территории, где сосредоточено большое количество памятников, коллекций и учреждений, представляющих огромную культурную, историческую и естественнонаучную ценность. В их числе назывались исторические памятники, архивы, музеи, опытные поля и т. д. Для сохранения и спасения ценных для науки памятников от расхищения и уничтожения предлагалось в районы боевых действий как на Западном, так и на Восточном фронтах направлять уполномоченных Академией лиц, которые в соответствии с разработанными академиками инструкциями осуществляли бы охранные мероприятия. Для этого было необходимо заручиться соответствующими распоряжениями верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и кавказского наместника главнокомандающего Кавказской армией И. И. Воронцова-Дашкова. Понимая, что в условиях войны трудно рассчитывать на получение дополнительного финансирования для проведения охранных мероприятий, предлагалось средства для командировок заимствовать из капитала Ахматовской премии[1536]. В Комиссию наряду с историками и филологами М. А. Дьяконовым, Н. П. Кондаковым, А. С. Лаппо-Данилевским, В. М. Истриным,

[1534] *Соболев В. С.* Для будущего России. С. 54.

[1535] СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37-1914. Л. 28; Протоколы ОС ИАН. 1914. С. 158. § 208.

[1536] Последнее предложение, однако, было заблокировано Министерством народного просвещения как не соответствующее законодательству о порядке изменения духовного завещания. См.: Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 16. § 24.

Ф. И. Успенским и А. А. Шахматовым вошли также ботаник И. П. Бородин, геохимик В. И. Вернадский, зоолог Н. В. Насонов. Участие естествоиспытателей в работе этой Комиссии подчеркивало притязания ИАН стать общенациональным центром по сохранению культуры и науки, подвергшихся угрозе.

На следующем заседании, 20 декабря 1914 г., А. А. Шахматов представил проект инструкции, выработанной Комиссией об охранении исторических памятников и научных коллекций в районе военных действий для уполномоченных Академией лиц и предложил в качестве такового назначить чл.-корр. ИАН историка и археолога Е. Ф. Шмурло[1537]. Против самой идеи охраны памятников выступил математик А. А. Марков, поддержанный коллегой В. А. Стекловым. По их мнению, польза от вмешательства Академии в охрану памятников в районах боевых действий весьма сомнительна, а конкретные действия могут вызвать нарекания военных властей и к тому же связаны с дополнительными расходами. И хотя их возражения были отклонены, в принятую резолюцию внесли существенные дополнения о том, что уполномоченное лицо должно принимать целесообразные меры «с разрешения и одобрения надлежащих властей», не нарушая при этом права собственности владельцев на охраняемое ими имущество и информируя Академию наук о всех принимаемых мерах. Своим уполномоченным по охране памятников в Галиции, Буковине и Западной Польше ИАН избрала Шмурло.

На этом же заседании было решено просить президента ИАН ходатайствовать перед верховным главнокомандующим о мерах по охране исторических памятников и научных коллекций. В обращении подчеркивалось, что подобные меры «должны быть принимаемы не только в пределах нашего государства, но также в занимаемых нами частях неприятельской территории: и там и здесь население покидает на произвол судьбы святыни, драгоценные памятники, книги, рукописи, картины, естественноисторические коллекции и т. п. Своевременная охрана оставленных сокровищ науки и искусств, по возможности на местах, а в случае необходимости вывоз их на время в безопасные местности могут спасти многие драгоценнейшие произведения человеческой культуры. Само собой разумеется, что осуществление подобных мер возможно только с разрешения и при просвещенном содействии военных властей, указание же на подлежащие охране или вывозу предметы желательно было бы представить компетентному ученому»[1538], который мог бы обращаться непосредственно в Штаб верховного главнокомандующего. Как видно, Академия желала оставить за собой решающую роль в определении того, что и как спасать, и к тому же желала согласовывать свои намерения на высшем уровне армейского командования, игнорируя порой при этом соображения святости собственности. Здесь вставал и извечный вопрос о праве победителя на ценности, в данном случае ценности исторические, культурные и научные, принадлежащие побежденным.

Вскоре Шмурло отбыл в зону боевых действий, регулярно информируя президента и ОС о результатах осмотра архивов и библиотек в Галиции, Буковине и Польше. Первоначально его деятельность развивалась, видимо, успешно. Об этом можно судить по пометкам президента ИАН на отчете Шмурло, о которых Шахматов

[1537] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161 Л. 91–92 об; Протоколы ОС ИАН. 1914. С. 164. § 222.
[1538] Протоколы ОС ИАН. 1914. С. 166–167. § 222.

сообщил ОС в марте 1915 г.[1539] Вел. кн. Константин Константинович отметил слова о том, что миссии Шмурло способствовало живое содействие со стороны военных и гражданских властей, и поддержал его предложение о благодарности верховному главнокомандующему и командующему Юго-Западным фронтом генералу от артиллерии Н. И. Иванову за оказанную военными помощь. По мнению В. С. Соболева, об успешной деятельности Шмурло свидетельствует телеграмма с благодарностью, направленная Н. И. Иванову неделю спустя[1540]. Президент одобрил также инициативу Шмурло включить в сферу его действия Угорскую Русь и другие районы Венгрии, внеся соответствующие изменения в соглашение с командованием российской армии[1541]. Это предложение было принято верховным главнокомандующим, о чем он сообщил в письме от 26 марта 1915 г. на имя президента ИАН[1542].

Увы, вскоре его разрешение оказалось ненужным, а планам ИАН не было суждено воплотиться в жизнь на Западном фронте. Уже 20 июня 1915 г. русская армия должна была оставить Львов и приступить к эвакуации всей Галиции. По мнению Е. Ю. Басаргиной, особых результатов деятельность уполномоченного на Юго-Западном фронте не дала из-за «галицийской катастрофы и отступления русских войск»[1543]. Мне кажется, вообще трудно было ожидать, что даже самоотверженная работа одного компетентного человека могла обеспечить реальное сохранение памятников на столь большой территории, где велись ожесточенные боевые действия с массовым применением артиллерии, не говоря уже о традиционном мародерстве военного времени. В лучшем случае дело бы ограничилось составлением списков, описанием и лишь изредка реальным спасением отдельных уникальных предметов, произведений искусства, книг, рукописей и т. д. Так, 26 мая Е. Ф. Шмурло сдал под расписку митру с драгоценными камнями[1544].

23 февраля 1915 г. состоялось экстраординарное ОС ИАН. Поводом для его созыва послужила докладная записка Общества охраны древностей Варшавы, поступившая из МНП. В ней сообщалось, что в результате боев пострадали многие древние колокольни, костелы, придорожные часовни, городские ворота, ратуши и другие исторические здания, а также ценные предметы и произведения искусства, которые в них находились[1545]. Общество составило список поврежденных исторических памятников, но из-за недостатка средств ничего реально сделать не могло и просило прислать компетентных специалистов для руководства защитой от окончательной гибели поврежденных зданий, а также реставрацией книг, произведений искусства и т. д. Письмо содержало и просьбу о денежной помощи. По традиции была создана Комиссия в составе А. П. Карпинского, В. В. Латышева, А. С. Лаппо-Данилевского, Ф. И. Успенского, М. А. Дьяконова, В. И. Вернадского, В. М. Истрина, Н. Я. Марра, которой было поручено рассмотреть возможные меры

[1539] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 34. § 57.

[1540] *Соболев В. С.* Для будущего России. С. 53–54.

[1541] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 34. § 57.

[1542] Там же. С. 56. § 66.

[1543] *Басаргина Е. Ю.* Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. С. 489.

[1544] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 123. § 145.

[1545] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Д. 162. Л. 27; Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 26. § 43.

«по спасению древних польских произведений искусства и культуры от разрушительных последствий войны»[1546].

22 июля 1915 г. Варшава была оставлена, и далеко не все памятники старины и произведения искусства были эвакуированы, а за судьбой мебели и картин из Варшавского замка и Лазенок, якобы отправленных на хранение в Кремлевский и Александринский (Нескучный) дворцы, председатель Общества охраны древностей Варшавы Э. Красницкий просил проследить ИАН. С просьбой назвать местонахождение вывезенных коллекций ИАН обращалась к министрам народного просвещения, внутренних дел, военному министру и министру двора[1547]. Только полгода спустя был получен ответ генерал-лейтенанта А. А. Мосолова, который от имени министра Императорского двора графа В. Б. Фредерикса сообщал, что вещи из Варшавских дворцов доставлены в Московское дворцовое управление и находятся в Кремлевском и Нескучном дворцах в упакованном виде в ящиках и нет оснований о них беспокоиься[1548].

2 октября 1915 г. Комиссия по вопросу об охране памятников в районах военных действий решила снова командировать Е. Ф. Шмурло для наблюдений и вывоза исторических и научных ценностей из местностей, которым угрожали боевые действия[1549]. Предполагалось совместно с Императорской Археологической комиссией, Археологическими институтами в Петрограде и Москве, Обществом любителей древней письменности и Историческим обществом созвать в конце октября Особое совещание для обсуждения наиболее целесообразных мер по охране памятников[1550]. К 16 октября 1915 г. было получено согласие начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М. В. Алексеева на приезд Шмурло в район отступления армии. Правда, было добавлено, что действовать Шмурло должен в контакте с соответствующими военными и гражданскими учреждениями, занимающимися передвижением военных грузов, но так как ответственные за их эвакуацию до сих пор не назначены, то и его командировка откладывается[1551].

Наконец, М. В. Алексеев в письме от 28 ноября 1916 г. за № 20 606 сообщил А. П. Карпинскому, что у него нет возражений против решения ОС ИАН принять меры по «охране находящихся в сфере военных действий исторических памятников, научных коллекций, святынь, книг, рукописей и пр.»[1552]. Он также разрешил приступить к запланированным охранным мероприятиям в Подолии и Волыни, занятым русскими войсками, статскому советнику П. П. Покрышкину, инженеру В. Г. Леонтовичу, художнику-живописцу А. П. Хотулеву, представителям Варшавского общества охраны древностей графу Грохольскому, прапорщику С. А. Боравскому и ученику при Императорской Академии художеств Н. П. Удаленкову. Им обеспечивался

[1546] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Д. 162. Л. 27 об.

[1547] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 122. § 141.

[1548] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 2. § 3; С. 30. § 35.

[1549] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 142. Приложение I к протоколу IX заседания ОС.

[1550] Там же. С. 157. Протокол заседания Комиссии по охране памятников.

[1551] Там же. С. 147. § 196.

[1552] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 194. § 286.

проезд по железным дорогам, но предписывалось каждый раз заранее согласовывать поездку со штабом соответствующего фронта.

Летом 1916 г. в Польше возобновились бои. Правление Варшавского отделения Общества охранения древностей вновь обратилось к ИАН с просьбой помочь в спасении памятников польской старины. Оно предложило ОС выступить с инициативой создать при штабах главнокомандующих армиями постоянные комиссии, включающие представителей Академии, Археологической комиссии и общества, которые бы взяли «на себя заботу об охранении памятников старины, находящихся в сфере военных действий», а «военные власти в случае надобности предоставляли в распоряжение Комиссии военную охрану для оберегания ценных предметов старины и искусство от порчи и расхищения»[1553]. Памятуя, однако, что главнокомандующий не раз отказывал ИАН в подобных просьбах, ОС предпочло на этот раз не посылать письма военным властям, а передать просьбу польских коллег в Комиссию по охране памятников для рассмотрения и ответа.

ИАН не смогла оказать реальную помощь Еврейскому историко-этнографическому обществу, встревоженному разграблением и уничтожением старинных предметов иудаизма, еврейских рукописных и старинных печатных книг в Ковенской и Курляндской губерниях в связи с поголовным выселением евреев[1554]. Единственное, что Академия могла со своей стороны сделать, так это проинформировать о происходящем Е. Ф. Шмурло, тем самым как бы еще расширив зону его ответственности. Но и это оказалось неисполнимым решением, так как с конца апреля его деятельность была практически приостановлена в связи с катастрофическим развитием ситуации на Юго-Западном и Западном фронтах. В конце 1916 г. вновь был поднят вопрос о посылке экспедиции для охраны памятников древности и искусств на Западный фронт, которую должны были финансировать МНП и Военное ведомство[1555]. Председатель Комитета Еврейского историко-этнографического общества М. М. Винавер в письме от 21 декабря 1916 г. снова просил ИАН включить в инструкцию по охране памятников специальные пункты о памятниках еврейской старины, так как многие из них — «синагоги, библиотеки, свитки торы и другие ценные предметы религиозного и научного характера погибли единственно вследствие пренебрежения к охране таковых памятников»[1556]. Под этой формулировкой скрывались многочисленные факты мародерства и разграбления, в том числе при прямом попустительстве высшего военного командования.

Со вступлением Турции в войну встал вопрос об охране археологических памятников, книжных и рукописных сокровищ в Константинополе и его окрестностях, более важных в геополитическом отношении в связи с претензиями России на эти территории, считающиеся исконным центром православия. Мнение Комиссии по вопросу сохранения исторических памятников и научных коллекций изложил ОС 7 марта 1915 г. А. А. Шахматов[1557]. Он предложил ходатайствовать перед верхов-

[1553] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 135. § 176.

[1554] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 102. § 108.

[1555] Протоколы ОС РАН. 1917. С. 2–3. § 5.

[1556] Там же. С. 5. § 11.

[1557] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 33–34. § 57.

ным главнокомандующим о разрешении уполномоченному ИАН присутствовать в районе боевых действий и принимать меры по охране памятников, а в случае необходимости и их эвакуации. В качестве такового уполномоченного Комиссия предлагала Ф. И. Успенского, оказавшегося не у дел после закрытия Русского археологического института. Одновременно у МНП испрашивались дополнительные средства на командировочные расходы и на охрану памятников в размере 3 400 руб.

Вряд ли объем запрашиваемых средств и действия самого Ф. И. Успенского могли решить эту проблему. Тем не менее 16 марта 1915 г. Николай II утвердил положение Совета министров о выделении ИАН из средств Государственного казначейства сверхсметного кредита в 6 тыс. руб. на расходы по охране исторических памятников, библиотек и коллекций в местностях военных действий[1558]. 28 ноября 1916 г. было выделено еще 6 тыс. руб. на эти цели, что свидетельствовало о заинтересованности властей в предлагаемых ИАН мероприятиях[1559]. Но далеко не сразу удалось приступить к их реализации. Хотя Верховный главнокомандующий в письме на имя президента ИАН от 26 марта 1915 г. не возражал против назначения Ф. И. Успенского в качестве уполномоченного ИАН на Кавказском фронте, он счел его поездку преждевременной из-за незначительности территории, занятой русскими войсками[1560]. Он сомневался, что в ее пределах могут быть найдены какие-либо культурные или научные ценности. Товарищ министра народного просвещения чл.-корр. ИАН В. Т. Шевяков также посчитал преждевременной командировку Ф. И. Успенского на турецкий фронт для сохранения древностей в европейской части Оттоманской империи[1561].

Занятие русскими войсками Западной Армении побудило ОИНФ командировать хранителя археологического отдела Кавказского музея ИАН С. В. Тер-Аветисяна для регистрации и спасения памятников армянской культуры. Командировка прошла успешно, но вскоре выяснилось, что для изучения памятников в районах процветания разнообразных культур требуются усилия нескольких специалистов. В связи с этим ОИНФ 24 февраля 1916 г. обратилось к вел. кн. Николаю Николаевичу (младшему), исполнявшему с 23 августа 1915 г. обязанности наместника его императорского величества на Кавказе, с просьбой разрешить Тер-Аветисяну и Н. Я. Марру выехать в район военных действий для регистрации древностей восточных, а Ф. И. Успенскому с двумя-тремя помощниками — византийских и греко-римских памятников[1562]. По поручению министра народного просвещения Успенский должен был также обследовать Трапезунд по плану Императорского Русского археологического общества.

Позднее в помощь Тер-Аветисяну ИАН командировала приват-доцента Петроградского университета П. А. Фалева для регистрации «турецких рукописей и вообще туркологических материалов»[1563]. В письме от 8 марта 1916 г. за № 37 всё

[1558] Там же. С. 72. § 77.

[1559] Протоколы ОС РАН. 1917. С. 2–3. § 5.

[1560] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 56–57. § 66.

[1561] Там же. С. 72. § 78.

[1562] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 58. § 79.

[1563] Там же. С. 81. § 117.

того же генерала Н. Н. Янушкевича, состоящего теперь военным помощником вел. кн. Николая Николаевича, вновь подчеркнуто, что постоянное пребывание археологов при штабах крупных соединений в зоне боевых действий невозможно и что войскам уже дан приказ «всемерно оберегать старину»[1564]. Вместе с тем, желая «облегчить задачу охранения и сбора историко-археологических памятников в Малой Азии, Главнокомандующий разрешил, чтобы особо рекомендованные лица могли быть направлены в тот или иной пункт и каждый, с ведома согласия командира корпуса <...> обращался к ближайшему коменданту этапа для оказания возможного содействия»[1565]. Контроль над работой командированных и отправкой собранного материала в Тифлис для описания и сортировки возлагался на директора Кавказского музея полковника А. Н. Казнакова.

Археологическая экспедиция в Трапезунд сразу приобрела не только научный, но и геополитический характер, так как была частью событий русско-турецкой войны, призванных закрепить культурный контроль над оккупированной территорией[1566]. В то же время она стала классическим ярким примером умелого использования российскими учеными военно-политической ситуации для продвижения своих целей и задач, в частности для развития византинистики. Конечно, главной задачей участников этой экспедиции, руководимой Ф. И. Успенским, оставался Константинополь как центр культуры и научной деятельности православия. Тем не менее после занятия Трапезунда русскими войсками 16 апреля 1916 г. Успенский готовил П. Н. Игнатьеву докладную записку о срочном направлении специальной археологической экспедиции с участием Академии наук и Археологического общества для посылки в этот город[1567]. Из нее следует, что возглавляемый им Русский археологический институт столкнулся с препятствиями для включения в эти исследования, наносящими ущерб глобальным политическим интересам России. Позднее в наброске доклада «Задачи русской археологии в Трапезунде», сделанного Успенским в Московском обществе археологов 27 января 1917 г., он подчеркивал, что с занятием Трапезунда Россия вступила в контакт «с самой дисциплинированной политической силой, которой принадлежит бесспорное влияние по всей береговой полосе Анатолии <...> и овладела столицей империи, имевшей важные политические задачи и обширную миссию»[1568]. Видимо, Успенский был посвящен в один из планов раздела Турции, предполагавший создание независимого греческого государства со столицей в Трапезунде.

Всего в Ване, Битлисе, Муше, Басене, Эрзруме, Трапезунде было спасено от уничтожения около 4 тыс. рукописей и урартских клинописей, переправленных в книгохранилище Эчмиадзинского католикосата в г. Вагаршапат, в Азиатский и Кавказский музеи ИАН. В 1916 г. в археологических раскопках в окрестностях озера Ван участвовал будущий академик и директор Эрмитажа И. А. Орбели. Глав-

[1564] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 57. § 79.

[1565] Там же.

[1566] *Старостин Д. Н.* Трапезундская экспедиция 1916–1917 гг. // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 283–291.

[1567] Там же. С. 285–286.

[1568] Там же. С. 286.

ным их итогом стало изучение надписи урартского царя Сардура II (VIII в. до н. э.). В то же время, как свидетельствуют многочисленные донесения, во время позиционной войны одни и те же местности не раз переходили из рук в руки, что сопровождалось многократным разграблением и гибелью уникальных памятников археологии, истории, рукописей и книг[1569]. Для дальнейшей институционализации этой работы ОИНФ поручило академику Н. Я. Марру от имени ИАН обратиться к наместнику его величества с проектом учреждения в Тифлисе Кавказского Историко-археологического института[1570]. Параллельно Комиссия по учреждению Института во главе с С. Ф. Ольденбургом рассматривала проект его устава и штата. О проделанной работе было доложено 26 октября 1916 г. на заседании ОИНФ[1571]. Сам проект был реализован в 1917 г.

Экспедиции не только расширяли источниковую базу, свидетельствующую об истории и культуре народов на захваченных территориях, но и становились орудием государственной политики по их освоению и ассимиляции.

13.4. История и археология как орудие геополитики

Мобилизация гуманитарной науки проявлялась и в разработке проектов, призванных поддержать геополитические притязания России в послевоенном мире. Эти проекты разрабатывались в связи с успехами наших войск на турецком направлении, обозначившими реальность занятия и аннексии Россией турецкой столицы, которая в случае победоносной войны должна была отойти к России. Своеобразным гуманитарным подкреплением российской экспансии должно было стать учреждение историко-археологических институтов в Стамбуле или Палестине. 3 мая 1915 г. во время чаепития с Николаем Вторым в Мраморном дворце вел. кн. Константин Константинович по просьбе Ф. И. Успенского получил императорское согласие, чтобы последнему была поручена охрана «цареградских исторических памятников в случае овладения» столицей Турции[1572]. При этом, однако, возникал «большой, щекотливый и весьма трудно разрешимый вопрос о том, какое положение прийдется занять Вселенскому патриарху»[1573].

Считая, что ИАН изначально должна быть подключена к процессу перехода монументальных, исторических и научных памятников в этих регионах под российский контроль, Ф. И. Успенский подготовил «Проект положения о Высочайшем учреждении Комитета по описанию, охране и поддержанию археологических памятников Царьграда и его окрестностей»[1574]. Согласно проекту, Комитет

[1569] Записка академика Н. Я. Марра о регистрации как вывезенных, так и брошенных на месте на произвол судьбы рукописей и древностей занятой нами части Турецкой Армении // Известия ИАН. VI сер. 1915. № 16. С. 1711–1719.

[1570] Протоколы Отделения исторических наук и филологии ИАН. IX заседание, 18 мая 1916 г. С. 97. § 183.

[1571] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1916. Д. 163. Л. 460 об., 464–465 об.

[1572] Дневник великого князя Константина Константиновича. С. 396.

[1573] Там же.

[1574] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 110–111. Приложение к § 105.

должен был возглавить президент АН вел. кн. Константин Константинович, который принял Успенского 2 июня, буквально за несколько часов до своей смерти. Понимая геополитическое значение предлагаемых мероприятий, призванных не допустить разграбления исторических и культурных памятников, перехода их в частные руки и даже захвата союзниками, президент не только одобрил проект, дав согласие возглавить Комитет, но и распорядился провести 9 июня экстраординарное ОС. На нем Успенский доложил основные положения проекта, подчеркнув, что по богатству исторических памятников с Константинополем может равняться только Рим, уступая, однако, ему по значению для России в силу исторических преданий и религиозных связей[1575]. Он считал, что после Гроба Господня в Иерусалиме святыням Константинополя принадлежит первостепенное место в православном мире. ОС постановило в случае одобрения проекта просить Н. П. Кондакова и Ф. И. Успенского представлять в Комитете интересы ИАН. Однако этим планам не суждено было сбыться, так как турки отстояли свою столицу.

Безрезультатно закончились и долгие дискуссии о создании в Иерусалиме Русского археологического института для научного изучения Палестины и прилегающих к ней Сирии, Финикии, Синая, а также об учреждении Палестинского комитета в Петрограде для публикации его трудов[1576]. Созданная в мае 1915 г. Комиссия из представителей трех Отделений, в которую наряду с историками и филологами П. К. Коковцовым, Н. П. Кондаковым, Н. Я. Марром, В. В. Латышевым, П. В. Никитиным и Ф. И. Успенским вошли геологи Н. И. Андрусов и В. И. Вернадский, лишь к марту 1917 г. подготовила «Проект положения о Палестинском комитете при Академии наук», утвержденный ОС 4 марта 1917 г., уже после отречения Николая II от престола[1577]. После этого он был забыт навсегда, и его не вспоминали даже при обсуждении планов открытия русских научных институтов в других странах в 1920-х гг.[1578]

13.5. Нереализованные планы по охране культурных и исторических памятников

Провал проектов по спасению культурных и исторических памятников в зоне боевых действий, в том числе и институционализации усилий в этом направлении, понятен с учетом изменчивости военно-политической фортуны. Более удивительны, на первый взгляд, неудачи усилий по охране памятников русской православной культуры в тылу, оказавшихся под угрозой из-за строительства объектов, важных в оборонном или экономическом отношении. Тем не менее ученым не раз приходилось включаться в охрану памятников, расположенных вдали от боевых действий, но даже до Февраля 1917 г. их усилия и здесь не всегда увенчивались успехами.

[1575] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 98–100. § 105.

[1576] Приложение I к протоколу V заседания ОС ИАН 2 мая 1915 г. (к § 81) // Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 80–91.

[1577] Протоколы ОС ИАН. 1915. С. 73. § 81; Протоколы ОС РАН. 1917. С. 70. § 82; Приложение I к протоколу III заседания ОС АН 4 марта 1914 (к § 82) // Протоколы ОС РАН. 1917. С. 74–76.

[1578] *Басаргина Е. Ю.* Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. С. 495.

Так было со строительством железной дороги, которая должна была пройти вблизи древних архитектурных памятников в Новгороде и его окрестностях. Обеспокоенная Императорская Академия художеств образовала в сентябре 1916 г. Комиссию для выработки мер к сохранению памятников Древней Руси во главе с академиком Н. П. Кондаковым. В ее состав вошли художник П. И. Нерадовский и архитекторы Г. И. Котов и П. Ю. Сюзор. К участию в работе были также приглашены: художник Н. А. Околович, архитекторы П. П. Покрышкин и К. К. Романов, имевшие опыт реставрационных работ. 3 сентября 1916 г. Н. П. Кондаков уже на ОС ИАН поставил вопрос о необходимости принять меры к охране древних памятников, которым грозит гибель от железной дороги Орёл–Петроград, планируемой через Нередицкий холм, на котором находится древний могильник. Возникала угроза разрушения церкви Спаса Преображения на Нередице, датируемой концом XII в. Н. П. Кондакову и А. С. Лаппо-Данилевскому было поручено составить записку на «благовоззрение императора» и посетить товарища министра путей сообщения И. Н. Борисова «по вопросу о направлении новой дороги у Новгорода»[1579]. Прежде всего Комиссия попыталась из первых рук получить точную информацию о принятом решении.

На следующем ОС ИАН, состоявшемся 8 октября 1916 г., Н. П. Кондаков доложил, что никто не может изменить утвержденное императором направление строительства новой железной дороги, выбранное по стратегическим соображениям[1580]. Но им обещали, что насыпь будет строиться на расстоянии не менее 120 саженей (примерно 250 м) от церкви. По мнению специалистов, это не гарантировало сохранности одного из древнейших памятников Руси, известного всему миру уникальными фресковыми росписями. В связи с этим ОС создает еще одну Комиссию в составе В. В. Латышева, Н. П. Кондакова, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. И. Андрусова и А. Н. Крылова для принятия необходимых мер, а Н. П. Кондакову предложено вместе с Комиссией из Императорской Академии художеств выехать на место для оценки ситуации и выработки плана действий. Для выяснения реального положения дел Комиссия в полном составе выезжала в Новгород, а также обратилась к И. Н. Борисову, который одновременно был председателем Межведомственной комиссии по выработке плана сети новых железных дорог Российской империи, подлежащих сооружению по окончании войны, за разъяснениями, какое же решение принято о строительстве железной дороги через древний центр. 11 октября 1916 г. министр путей сообщения А. Ф. Трепов в письме за № 18 483 известил Комиссию, что направление железной дороги через район древних памятников выбрано «ввиду веских соображений», но «не исключается возможность, по минованию чрезвычайных, переживаемых ныне обстоятельств, приступить к ближайшим изысканиям по северному варианту в целях выяснения вопроса о перенесении в этом направлении железнодорожной линии»[1581]. Министр выразил готовность принять другие меры, которые могли бы быстро исправить ситуацию, и просил их назвать.

[1579] Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 138. § 186.

[1580] Там же. С. 159. § 223.

[1581] Там же. С. 195. § 287.

Однако Комиссия посчитала предложения министра недостаточными и потребовала остановить уничтожение не только Нередицкого, но Ситецкого монастыря, в котором сохранялись остатки каменной церкви во имя Андрея Юродивого. Был разработан также план мероприятий для изучения памятников, их зарисовки и фотографирования.

К сожалению, все эти планы не удалось реализовать, и построенная в 1916–1917 гг. железная дорога, как мы теперь знаем, нанесла огромный ущерб уникальному археологическому памятнику — Нередицкому холму, где находились могильники еще до постройки Спасо-Преображенской церкви, которая была разрушена во время Второй мировой войны.

Всё это подтверждает старый тезис о молчании муз, когда говорят пушки. Многочисленные попытки ученых спасти и сохранить памятники архитектуры, истории, культуры в зоне боевых действий практически изначально были обречены на неудачу. Прежде всего двое-трое уполномоченных со скудным финансированием на фронте протяженностью в несколько тысяч километров априори ничего существенного и не могли сделать. К тому же в своей деятельности они всецело зависели от военного командования, а оно при вежливом тоне и неизменных заверениях в уважении отнюдь не горело желанием пускать неподвластных им уполномоченных на контролируемые армией территории. Тем более на западных фронтах ситуация обычно менялась столь стремительно и не в пользу русской армии, что у военных действительно не было ни времени, ни средств на реальную деятельность в этом направлении.

И чаще всего Академия наук и ее представители получали отказы на свои обращения, смягченные ссылками на стратегическую целесообразность и складывавшуюся на фронтах обстановку. Тем более что со смертью вел. кн. Константина Константиновича Академия наук лишалась возможности апеллировать напрямую к высшей власти, а должна была свои требования направлять через МНП, получая чаще всего ответы, что вопрос уже решен «Высочайшим повелением».

ЧАСТЬ 3
РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И НАУКА

Глава 14
ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

14.1. Наука и вузы накануне свержения самодержавия

Война неуклонно разрушала материально-финансовую базу научных исследований и высшего образования. Это касалось прежде всего учреждений, оказавшихся в зоне боевых действий в Прибалтике. Надолго была парализована деятельность вузов Варшавы, Киева, Новой Александрии. В тыловых вузах большинство помещений было занято мобилизационными пунктами, военными и ведомственными складами, питательными пунктами. Храмы науки и просвещения превращались в военные бивуаки, где не ушедшие на фронт студенты обучались оказывать первую медицинскую помощь, чинить оружие, телефонные аппараты и автомобили, обустраивать обозы, бельевые части и полевые кухни.

Инфляция быстро съедала выделяемые ассигнования. Не было средств на ремонт зданий, закупку оборудования и книг. Снижались конкурсы в высшие учебные заведения, сокращалось число студентов. Как уже говорилось выше, даже в столичных вузах, всегда имевших особую привлекательность для студентов, их численность уменьшилась в среднем в два-три раза[1582]. Широкое распространение получила практика ускоренного обучения по сокращенной программе, которую в 1914–1917 гг. прошли 127 тыс. студентов[1583]. Несмотря на все правительственные ограничения, высшая школа стала всесословной. Даже в столичном университете выходцы из крупнопоместной знати составляли ничтожную часть[1584]. По данным на 1 января 1916 г., в главном вузе страны более половины студентов были юноши из купечества, мещан, крестьянства и казачества, большинство остальных составляли дети мелкопоместного дворянства и чиновников низших разрядов[1585].

Непрерывные поражения русской армии усиливали оппозиционные настроения среди академиков и профессоров, чьи сыновья гибли на фронтах войны, защищая ненавистное правительство. Ухудшалось и материальное положение. К началу 1917 г. во всех воюющих странах назрела усталость от войны. Огромные потери и экономические трудности притушили патриотический порыв первых месяцев. Требовалась своего рода ремобилизация всех сфер жизни, которая в России была

[1582] Наука в России. Вып. 1.

[1583] СССР в цифрах в 1979 г. Краткий статистический сборник. М.: Статистика, 1980. С. 215.

[1584] *Бутягин А. С., Салтанов Ю. А.* Университетское образование в СССР. С. 30.

[1585] Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петербургского университета за весеннее полугодие 1916 г. Пг.: Г. Шахт, 1916. С. 76.

затруднена из-за отсутствия отлаженных механизмов взаимодействия правительства и разных слоев общества[1586].

Наибольшей популярностью среди студентов пользовались кадеты, социал-демократы и эсеры. Уже в октябре 1914 г. состоялись первые антиправительственные выступления университантов в условиях военного времени, непрерывно усиливавшиеся в последующие годы. Пользуясь введением в Петрограде осадного положения, власти со рвением принялись очищать вузы от участников революционного движения. Их арестовывали и ссылали, мобилизовывали и отправляли на фронт в первую очередь. Так в 1914 г. начинался очередной «великий крестный путь русского народа и распятие русской интеллигенции»[1587], приведшие к трагическим событиям 1917–1937 гг.

Нарастание напряженности в студенческой среде подробно описано в советской литературе[1588]. Так, например, отмечалось, что общественно-политическая жизнь студенчества Казани в период 1915–1917 гг. характеризовалась значительным оживлением подпольной деятельности революционных кружков. Со второй половины 1915 г. начались открытые антиправительственные выступления, спровоцированные роспуском Государственной Думы. На акцию протеста по этому поводу в вестибюле университета 9 сентября 1915 г. собрались около 200 студентов. 19 октября появились прокламации в связи с десятилетием революции 1905 г., призывавшие на сходку, которая состоялась на другой день в вестибюле главного входа в присутствии 200–250 чел. Всё чаще на этих сходках звучали антивоенные призывы. К началу 1917 г. обстановка окончательно накалилась. Казанский губернатор П. М. Боярский в своем отношении в Департамент полиции МВД от 17 января 1917 г. констатировал, что «чуть ли не все слои населения открыто осуждают правительство», а общее «нервное настроение подогревается дороговизной жизни, отсутствием муки, толками о грядущей возможности голода <...> Все ждут лозунга “К оружию”, чтобы, как говорит молва, совершить великое дело»[1589]. Аналогичная ситуация наблюдалась во многих университетских городах.

Это было связано с ухудшением материального положения населения, в том числе и работников высшей школы, а механизмов к диалогу оппозиции с властью не было создано. Отсутствовали они и в сфере науки, хотя ученых всё чаще привлекали в правительственные структуры на посты министров, товарищей министров, попечителей учебных округов, руководителей департаментов, комитетов и иных государственных учреждений, в том числе в Госсовете и в Госдуме[1590]. Они активно сотрудничали с царским правительством в решении важнейших экономических и оборонных вопросов. Всё больше членов научной элиты включались

[1586] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. С. 378–381.

[1587] *Князев Г. А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. // Русское прошлое. 1991. Кн. 2. СПб.: Свелен, 1991. С. 101.

[1588] *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05–1929/30). Т. 2. С. 271–279.

[1589] История Татарской АССР. Казань: Таткнигоиздат, 1968. С. 316.

[1590] *Левин А.* Наука в России на пути к формированию гражданского общества // Философские исследования. 1993. № 4. С. 451–460.

в высшие слои государственной бюрократии. Накануне революции 1917 г. доля академиков, профессоров, деканов и ректоров среди чинов третьего класса уже составляла 10%. Немало их было и в правительственных структурах. В годы Первой мировой войны профессор химии Д. П. Коновалов был товарищем министра торговли и промышленности, чл.-корр. ИАН протозоолог В. Т. Шевяков — товарищем министра народного просвещения, академик А. Н. Крылов — председателем Морского технического комитета и главным инспектором судостроения, профессор К. И. Богданович — директором Геологического комитета, профессор ботаники П. А. Костычев — директором Департамента земледелия, академик Б. Б. Голицын — управляющим Экспедицией заготовления государственных бумаг и председателем Ученого комитета МЗ и т. п. Выдающиеся ученые занимали важные посты в последнем царском правительстве. Так, например, министром путей сообщения был прекрасный инженер Э. Б. Кригер-Войновский, министром народного просвещения — профессор, великолепный эмбриолог и гистолог Н. К. Кульчицкий, министром иностранных дел — крупный экономист Н. Н. Покровский и т. д.

Занимая посты в структуре государственного управления, ученые неизбежно действовали как служащие, что было для них вполне привычно, так как, будучи академиками и профессорами, они всегда находились именно на государственной службе, на что им не раз указывало МНП в конфликтных ситуациях. В то же время пребывание ученых на высоких государственных должностях создавало для академическо-профессорской корпорации возможность неформально воздействовать на государственные и общественно-политические решения по созданию организационных структур, готовых интегрировать усилия как власти, так и ученых для решения важных задач. Химический комитет ГАУ, Военно-технические комитеты, КЕПС, Геолком и др. служили примерами удачного объединения усилий ученых, инженеров, промышленников, военных для решения важных оборонных задач. Но правительство не забывало об оппозиционной настроенности значительной части профессорско-преподавательского корпуса и академического сообщества. Оно по-прежнему всегда находило десятки миллионов рублей на запросы военных ведомств, но из-за недостатка средств отказывало научным учреждениям и вузам в тысячах не только на новые проекты, но порой и на самые неотложные нужды.

Ученые были представлены в законодательных органах власти, где всё громче звучали слова о неразрывности науки и демократии. Ученое сообщество призывалось к освобождению от недемократического правительства и к прекращению работы на войну, стихией которой якобы является «ложь», в то время как наука неотделима от «истины»[1591]. Неуступчивость правительства по отношению к либералам, возрастающая нетерпимость к любым реформам и усиление влияния на царскую политику Григория Распутина заставили ученых-либералов в законодательных органах власти забыть о «внутреннем мире» и объединиться с другими центристскими оппозиционными группами в Госдуме и в Госсовете в так называемый Прогрессивный блок, лидеры которого уже вскоре стали разрабатывать планы отрешения

[1591] Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Отв. ред. В. С. Дякин. Л.: Наука, 1984. С. 563–564.

от власти императора с целью предотвращения революции снизу[1592]. Оценивая ситуацию летом 1915 г., В. А. Стеклов был возмущен ничтожностью всех политических деятелей, за разговорами и поступками которых «прячутся обман, предательство и разбой, либо невежество и тугодумие», в результате чего мы «несемся в пропасть, к явной гибели»[1593]. 1 ноября 1916 г. лидер кадетов профессор истории П. Н. Милюков бросил публичное обвинение в адрес правительства. В речи с трибуны Госдумы рефреном звучал вопрос «Глупость или измена?» по поводу политики правительства. Два дня спустя его фактически поддержал националист и монархист В. В. Шульгин, сомневавшийся в способности правительства привести Россию к победе и призвавший бороться с властью «до тех пор, пока она не уйдет».

Разъедавшие страну коррупция и спекуляция, паралич власти, интриги германофильских кругов вызывали негодование даже в высших эшелонах университетской науки. 26 ноября 1916 г. консерватор-октябрист ректор Императорского Московского университета М. К. Любавский резко раскритиковал положение в стране и предложил Совету университета послать телеграмму председателю Госдумы М. В. Родзянко с пожеланиями победы «в борьбе с темными силами» и в защите «национального достоинства России»[1594]. Еще сильнее настроения этого считавшегося промонархически настроенным ректора отражены в его письме к С. Ф. Платонову, где он пишет о нежелании ехать в столицу к «хану», так как ждет, «не перемелет ли Бог Орду»[1595].

Правые выражали недовольство правительством, требуя: жесткой борьбы с инфляцией и дороговизной путем обуздания спекулятивного капитала, национализации промышленных и финансовых сфер; государственных гарантий пенсионного обеспечения раненым и семьям погибших; увеличения заработной платы рабочим и служащим; ограничения свободы слова и деятельности либеральных и социалистических партий; укрепления государственной власти во всех сферах жизни вплоть до установления жесткой диктатуры[1596]. Однако им не удалось в противовес Прогрессивному блоку создать консервативный «Черный» блок[1597].

Их программные заявления, базировавшиеся на радикальном национализме, шовинизме и антисемитизме, не могли найти широкой поддержки ни в обществе, ни при дворе, а тем более в академических кругах и в профессорско-преподавательском корпусе. Хотя некоторые из правых имели научные публикации, и даже звания и степени (А. А. Бобринский, Т. И. Буткевич, В. И. Герье, Н. А. Гредескул, А. Н. Деревицкий, Д. И. Иловайский, С. В. Левашёв, С. М. Лукьянов, Б. Ф. Николь-

---

[1592] *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 217.

[1593] *Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками. С. 229.

[1594] *Карев Д. В.* Академик М. К. Любавский: вехи судьбы и творчества // Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Минск: Беларуская наука, 2012. С. 27.

[1595] *Мандрик М. В.* На службе Клио: академики М. К. Любавский и Ю. В. Готье // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 48–49.

[1596] Первая мировая война в оценке современников. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2014. С. 22–27.

[1597] *Иванов А. А.* Черный блок: неудавшаяся попытка консолидации правых парламентских групп в 1915 г. // Известия РГПУ. 2009. № 99. С. 9–17.

ский, И. А. Сикорский, А. И. Соболевский и др.), их лидерами в отличие от кадетов, как правило, были профессиональные политики и публицисты. За исключением А. А. Бобринского, С. В. Левашёва и И. А. Сикорского они не имели высокой профессиональной репутации и не могли существенно влиять на настроение научного сообщества.

Напрасно президент Императорского археографического общества и бывший председатель ВЭО граф А. А. Бобринский в Госсовете призывал отложить до победы пререкания и междоусобицу партий, перестать упрекать правительство за прошлые ошибки и «домогаться новых прав или изменения существующего внутреннего положения»[1598]. Ему вторил в Государственной думе бывший ректор Новороссийского университета профессор медицины С. В. Левашёв, подчеркивая всё снова и снова «необходимость самого тесного сплочения и самого крайнего напряжения наших сил для того, чтобы дать отпор дерзкому врагу»[1599]. Но всё меньше было тех, кто готов был к ним прислушиваться, когда критика правительства со стороны лидеров Прогрессивного блока становилась всё популярнее в образованных кругах.

К тому времени либералы взяли под свой контроль десятки организаций, включая Главный комитет по снабжению армии Всероссийских земского и городского союзов (Земгор) и военно-промышленные комитеты, которые, существуя на деньги правительства, быстро политизировались и превращались в антиправительственные организации. В условиях нарастающего недовольства их популярность среди студентов и других образованных слоев общества была велика[1600]. К концу 1916 г. студенчество было охвачено антиправительственными и антимилитаристскими настроениями, а лозунги о превращении империалистической войны в гражданскую становились всё более популярными[1601]. Но в российских университетах, по точному замечанию активного участника революционных событий в феврале 1917 г. М. И. Воронкова, причудливым образом уживались настроения «нежных гимнов родине и проклятий войне»[1602]. В условиях третьего года войны, требовавшей мобилизации всех ресурсов страны, научные учреждения и университеты продолжали придерживаться размеренного распорядка академической жизни, в какой-то мере даже более спокойного и автономного, чем в эпоху противостояния с МНП, возглавляемого Л. А. Кассо. Фронда студентов власти и антиимпериалистической войне в целом не мешала занятиям, власть выслушивала антиправительственные речи, а потом по возможности выделяла дополнительные субсидии на проекты,

---

[1598] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XII. Пг., 1916. Стб 51.

[1599] Государственная дума. Созыв IV. Сессия VI. Заседание 18. Стб 1260.

[1600] *Мартынова А. Ю.* Российское студенчество и Февральская революция // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13). URL: http://www.nivestnik.ru/2005_2/9.shtml. (дата обращения: 26.11.2017).

[1601] *Novgorotsev P. J.* Russian Universities and Higher Technical Schools... 1929. P. 217–218; *Шалагинова Л. М.* Студенческое движение накануне и в дни Февральской революции // Вопросы истории КПСС. 1967. № 2. С. 102–106.

[1602] *Воронков М. И.* Из жизни дореволюционного студенчества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1947. С. 32.

важные для обороны. Поэтому научное сословие достаточно уверенно смотрело на надвигавшиеся перемены.

Ведущую роль в стане оппозиции играли кадеты, среди которых было много академиков, профессоров и преподавателей высшей школы. Депутаты от Академической курии составляли ядро левой оппозиции и в Госсовете. В нее также входили его либеральные члены от земств, отдельные члены от торговли и промышленности и даже от дворянских обществ. В годы войны группа была небольшой, но активной и оказывала заметное влияние на обсуждение многих законопроектов. Участвуя в обсуждении тех или иных вопросов, академики и университетские профессора (Д. И. Багалей, А. В. Васильев, В. И. Вернадский, Д. Д. Гримм, М. А. Дьяконов, М. М. Ковалевский, И. Х. Озеров, С. Ф. Ольденбург) нередко склоняли большинство Государственного совета в свою пользу, реализуя через дискуссии и аргументы свои цели и программы[1603].

Важно почеркнуть, что все они придерживались либеральных взглядов, а пятеро из шести членов Государственного совета, избранных от Академической группы, накануне Февральской революции были членами ЦК партии кадетов[1604]. Совсем иное распределение было среди остальных ученых, попавших в Государственный совет по назначению или избранных от других групп: Т. И. Буткевич, А. Н. Деревицкий, Н. А. Зверев, С. М. Лукьянов, А. И. Соболевский и др. за исключением Н. С. Таганцева и А. Ф. Кони, придерживавшихся центристских взглядов, и октябриста В. И. Герье, были сторонниками крайне правых партий, а многие были их идеологами и лидерами. Всё это говорит о том, что профессорско-преподавательский корпус, да и ИАН в начале 1917 г. не были политически однородны[1605].

Тем не менее от Академической курии традиционно выбирали либеральных академиков и профессоров столичных вузов, что объясняется как их высоким профессиональным авторитетом, так и усиливавшейся независимостью академического сообщества и профессорско-преподавательского корпуса, забывшего уже про резкие антигерманские выпады, характерные для 1914–1915 гг., и уделявшего всё больше внимания критике правительства и поиску внутренних врагов. В этой обстановке уже странно выглядело «психофизиологическое» исследование В. М. Бехтерева о том, что германский император Вильгельм II — дегенерат, так как обладает неуравновешенным характером, склонен к ненормальным психическим проявлениям и воплощает в себе безумие всей немецкой нации, охваченной припадком милитаризма и манией господства[1606]. На смену критике Германии шла резкая критика правительства, не способного создать великое государство и осуществить многовековую национальную мечту об освобождении Константинополя

[1603] *Знаменский О. Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917 г.). Л.: Наука, 1988. С. 47; *Арчегов С. Б.* Академическая группа Государственного Совета (1906–1917 гг.): историко-правовое исследование: Дис. ... канд. юр. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 15.

[1604] *Арчегов С. Б.* Академическая группа Государственного Совета: Дис. ... канд. юр. наук. С. 240–242.

[1605] Там же. С. 250–253.

[1606] *Бехтерев В. М.* Вильгельм — дегенерат Нероновского типа. М.: Наша жизнь, 1916.

от турецкого владычества[1607]. Ученым, как и ближайшему окружению императора и его генералам, было ясно, что монархия является главным препятствием для успешного продолжения войны. Здесь крылось серьезное непонимание академиками и профессорско-преподавательским корпусом позиции студенчества, которое, в отличие от их патриотических настроений, к тому времени было сильно заражено радикализмом и пацифизмом, став важнейшей движущей силой Февральской революции[1608].

Военное время всё сильнее сказывалось на деятельности вузов и Академии наук, что приводило к появлению новых поводов для недовольства действиями правительства. Одним из них стал введенный Советом министров с 1 января 1917 г. запрет на посылку частным лицам и научным обществам всяких печатных изданий за границу, в том в числе в страны союзников — Англию, Италию, Францию и Японию. Тем самым ученые союзных и нейтральных стран как бы приравнивались к ученым Центральных держав. И хотя оставался официальный путь отсылки научных трудов, было ясно, что усиление контроля и цензуры в почтовых отправлениях не только затруднит обмен научной информацией между учеными России и их иностранными коллегами из дружественных стран (особенно США) и нарушит имеющиеся международные контакты, но и приведет к усилению изоляции отечественной науки. Это вопрос был поднят на ОС ИАН 14 января 1917 г. В. И. Вернадским. Тот предложил немедленно и энергично предупредить правительство о «гибельных последствиях принятой меры для научного общения с союзными и нейтральными странами», так как она «только усиливает нашу зависимость от германского научного посредничества и влияния»[1609]. В связи с этим было решено обсудить этот вопрос в возглавляемой А. П. Карпинским Комиссии по вопросу об установлении более тесных научных связей с союзниками.

В то время академический корпус не сомневался в благоприятном исходе войны и считал необходимым начать изучение ее воздействия на национальный состав областей по обе стороны российской границы как в Азии, так и в Европе. Как сообщил 4 февраля 1917 г. на ОС С. Ф. Ольденбург, правительство, в первую очередь МИД, заинтересовано в этнографическом обследовании этих территорий, но не привлекает к ним Академию наук. Академики озаботились тем, что власть «черпает свои сведения часто из ненадежных источников», и вняли советам докладчика «не ждать призыва, который может и не последовать, а пойти самим навстречу необходимости организовывать научные силы страны» на изучение

[1607] *Устрялов Н. В.* К вопросу о русском милитаризме // Проблемы Великой России. 1916. № 15. 15 (28) октября. С. 1.

[1608] *Лейберов И. П.* Патриотические настроения, их проявление и участие в годы Первой мировой войны // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: Сб. статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьёва. СПб.: СПбИИ, 1999. С. 19–31; *Лимонов Ю. А.* Первая мировая война и ментальность петербуржца // Первая мировая война. История и психология. Материалы Российской научной конференции. 29–30 ноября 1999 г., г. Санкт-Петербург. СПб.: Нестор, 1999. С. 48; *Ростовцев Е. А.* Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России. С. 312–314.

[1609] Протоколы ОС ИАН. 1917. С. 12–13. § 37.

племенного состава тех областей России, которые «соприкасаются с землями наших противников»[1610]. Исследование предлагалось вести как по уже имевшимся данным, так и с экспедиционными поездками. Патриотический порыв ученых подкрепляла уверенность их непременного секретаря в том, что правительство обязательно даст средства на «эту необходимую в настоящее время работу»[1611]. Под его председательством была создана Особая комиссия для исследования племенного состава областей, прилегающих к границам России (КИПС), в которую вошли также А. А. Шахматов, М. А. Дьяконов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, В. Н. Перетц, Е. Ф. Карский. Ольденбург убеждал коллег в ее необходимости и для обороны страны: «В настоящее время всё яснее и яснее обрисовывается необходимость стать во всеоружии науки на страже интересов нашей родины и в смысле правильного учета последствий войны»[1612]. Это была четкая заявка на особую роль науки в определении устройства послевоенного мира. За несколько дней до Февральской революции 21 февраля 1917 г. С. Ф. Ольденбург писал главе МИД Н. Н. Покровскому, что прежде всего необходимо собрать и проверить большой, но чрезвычайно противоречивый материал относительно Литвы, Польши, Галиции, Буковины, а также Азербайджана и Северной Персии[1613]. КИПС брала на себя обязательства в течение шести месяцев подготовить этнографические карты этих районов с пояснительными записками.

В таком же духе разрабатывались и планы КЕПС. За две недели до начала Февральской революции А. Е. Ферсман докладывал Общему собранию КЕПС о предстоящих планах организации экспедиций для изучения производительных сил на территориях Турции и Персии, пограничных с Россией[1614]. Важность таких исследований обосновывалась не только их особым политико-экономическим значением после окончания войны, но и общим направлением ближневосточной политики России. Особое внимание было уделено поиску полезных ископаемых, необходимых для нужд обороны (медь, алюминий, серный колчедан, сера, мышьяк, бура). Просьба КЕПС о выделении 160 тыс. руб. для проведения подобных исследований была поддержана МИД и МНП. Была начата детальная проработка плана и подбор исполнителей. Но события Февраля, а затем продолжительная болезнь А. Е. Ферсмана остановили налаженную работу.

Об умонастроениях академического сообщества свидетельствует записка академика А. А. Шахматова в связи с докладом на ОС председателя Постоянной библиотечной комиссии М. А. Дьяконова о «возможных улучшениях в постановке библиотечного дела»[1615]. Если Комиссия ограничилась предложениями о незначительных изменениях в информации о получаемых по обмену периодических

[1610] Протоколы ОС ИАН. 1917. С. 48. § 64.

[1611] Там же.

[1612] Там же.

[1613] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 312.

[1614] *Ферсман А. Е.* О необходимости обследования естественных производительных сил пограничных с Россией областей Малой Азии и Персии (Доклад Общему собранию Комиссии. 11 февраля 1917 г.). Пг.: КЕПС, 1917.

[1615] Протоколы ОС ИАН. 1917. С. 13–14. § 38.

изданиях, то Шахматов ставил вопрос о реорганизации управления Библиотекой. По его мнению, Библиотеку должен возглавлять не чиновник, не библиограф и даже не профессор, а академик, так как «нахождение во главе Библиотеки лица без известного общественного и научного ценза может быть для Библиотеки вредным, а такому цензу удовлетворяют прежде всего академики»[1616]. К тому же именно академик-директор будет способствовать наибольшему сближению интересов ОС и Библиотеки, а также большей ее независимости от власти[1617].

Академиков беспокоило, что из-за дороговизны рабочих рук и материалов сокращается издательская деятельность академической типографии. Буквально за десять дней до начала революционных событий в столице они решили ходатайствовать о дополнительных ассигнованиях на печать отдельных изданий Академии в частных типографиях, а также о дополнительных кредитах на содержание академических учреждений[1618]. Эти просьбы возникали на фоне всё увеличивавшегося числа и непрерывного роста объемов периодических изданий как самой Академии наук, так и научных обществ и университетов по всей стране, учреждавших всё новые и новые периодические издания в условиях растущего спроса на научную и научно-педагогическую литературу. Несмотря на трудности военного времени, только ИАН выпустила свыше 1200 печатных книг и журналов, а продажа и рассылка академических изданий превысила нормы прежних лет, хотя объемы заграничных продаж и рассылок уменьшились в десятки раз[1619].

Правительство шло навстречу проектам институционализации науки и накануне революции. Об этом подробно говорилось в годичном отчете С. Ф. Ольденбурга в публичном заседании ИАН 29 декабря 1916 г. Свой доклад он начал с пафосного заявления, что война «уносит жертвы не только на поле битвы», но также требуется напряжение, «проникающее жизнь каждого работника, у какого бы дела он ни стоял»[1620]. На 445 страницах подробно было рассказано об интенсивной работе в военные годы, когда самой Академией или ее членами были созданы Химический комитет, Военно-химический комитет, лазареты, эвакуационные госпитали, КЕПС, КИПС, Палестинская комиссия, Постоянная полярная комиссия, Комиссия по изучению Байкала, десятки опытных заводов и мастерских, достаточно успешно решавших задачи мобилизационной науки, а также целые отрасли промышленности. Властные структуры, армия, флот и разные слои общества в целом с уважением относились к планам ученых. По восходящей шло финансирование работы КЕПС и ее изданий. Положительно был воспринят проект учреждения Кавказского историко-археологического института, поддержанный наместником на Кавказе вел. кн. Николаем Николаевичем и министром народного просвещения гр. П. Н. Игнатьевым. МНП обещало также финансировать исследования в рамках будущего Ломоносовского института.

[1616] Протоколы заседаний ОС АН. 1917. Приложение II к протоколу I заседания ОС ИАН. 14 января 1917 г. (к § 38). С. 27.

[1617] Там же. С. 24–29.

[1618] Протоколы ОС ИАН. 1917. С. 49–50. § 67.

[1619] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 15.

[1620] Там же. С. 5.

10 января 1917 г. на совместном заседании КЕПС и Военно-химического комитета при Отделении химии РФХО на основе доклада В. И. Вернадского о государственной сети научно-исследовательских институтов и доклада Н. С. Курнакова об организации Физико-химического института рассматривались также проекты создания институтов: платины, золота и других благородных металлов (Л. А. Чугаев), общей и прикладной химии (А. П. Поспелов), для исследования эфирных масел и лекарственных растений (А. Е. Фаворский), а также Центральной испытательной станции по огнеупорным и глиняным материалам (А. Е. Ферсман)[1621]. Для создания Глиняно-керамического института была создана подкомиссия, в состав которой вошли В. И. Вернадский, Н. С. Курнаков, П. А. Земятченский. Так план институционализации науки стал воплощаться в жизнь.

Внушительно вырос общий научно-образовательный потенциал России. К февралю 1917 г. высшая школа Российской империи объединяла уже 124 учебных заведения (65 правительственных и 59 общественно-частных): 11 университетов и 40 школ университетского типа, включая юридические, медицинские, востоковедческие, исторические, а также «академические отделения» народных университетов; 9 педагогических институтов и высших курсов; 9 учебных заведений музыкально-театрального и изобразительного искусства; 7 духовных учебных заведений, 19 инженерных, 15 сельскохозяйственных, 6 коммерческих институтов; 8 военных и военно-морских академий и высших училищ. В них обучались свыше 135 тыс. чел. (мужчин и женщин)[1622], большинство из которых исповедовали либерально-демократические и социалистические идеи, с неизбежностью оказывая воздействие на поведение профессорско-преподавательского корпуса. И хотя многие ученые сознавали, что «в громадном напряжении страны» «победят те, у кого напряжение сможет быть длительным»[1623], всё меньше оставалось тех, кто готов был ждать. Нетерпение и жажда быстрых изменений охватили всю страну.

В условиях нарастающего недовольства и усиливающегося противостояния с властью всё бóльшая часть ученых и преподавателей вузов будущее развитие науки и образования вновь связывала с заменой царского режима конституционной монархией. Послевоенное устройство им грезилось как союз европейских стран, базирующийся на всеобщем разоружении и высоких этических нормах. Экономическое и правовое устройство России должно было обеспечиваться всесторонним использованием научного знания. Для них победа была связана с таким возрождением России, «в котором науке будет принадлежать почетное место», и они искренне верили, «что русские ученые своей неустанной творческой работой смогут завоевать русской науке право на это почетное место»[1624]. С этими наивными буржуазно-демократическими мечтаниями либералы-ученые вошли в эпоху крупных социально-экономических потрясений, поставивших под сомнение само существование России и ее науки.

[1621] Отчет о деятельности КЕПС. 1918. № 8. С. 156–196.

[1622] *Иванов А. Е.* Студенчество России конца XIX — начала XX в. М.: РОССПЭН, 1999. С. 5.

[1623] Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 16.

[1624] Там же.

14.2. Первая реакция: лояльность и сдержанность

С начала февраля 1917 г. во многих городах проходили многочисленные студенческие сходки. Забастовки прошли в университетах Казани, Саратова и Харькова[1625]. Не остались в стороне студенты Петрограда, включая университет, Политехнический и Психоневрологический институты, Высшие (Бестужевские) женские курсы. 15 февраля 1917 г. в столичном университете была сорвана лекция о текущей войне профессора финансового права П. П. Мигулина, считавшегося октябристом. В ответ на это полиция ввела в университет войска. 24 февраля студенты присоединились к антиправительственным демонстрациям рабочих: их всецело захватила начавшаяся на следующий день всеобщая политическая стачка. Они тысячами вливались в ряды демонстрантов, создавали боевые дружины, санитарные отряды, лазареты, студенческую милицию, органы студенческого самоуправления типа «Студенческий дом» в Московском университете. Вузы были превращены в базы вооруженного восстания. Сюда же приводили арестованных офицеров и полицейских. Занятия были прерваны. Среди студентов были убитые и раненые[1626]. Студент с красным бантом стал одним из символов революции, и учебный процесс в высшей школе оказался парализованным[1627].

Вопреки доминирующему мнению, далеко не все академики с ликованием встретили весть о падении царизма. Как все представители образованных кругов, ученые, в том числе и те, кто пережил революционные увлечения в молодости, первоначально воздерживались от участия в происходящих событиях и в силовом противостоянии с властью. Многие из них были согласны с Нобелевским лауреатом И. П. Павловым, который считал преступлением насильственное свержение власти во время «тяжкой войны» и, по воспоминаниям его жены С. В. Павловой, всегда резко прерывал разговоры на эти темы: «Ведь это к добру не приведет!. Нет, никогда я не приму участие в погибели Родины! <...> При истощенном государстве, при незаконченной тяжкой войне, что можете вы создать новое? Дай бог всё успокоить и привести к благополучному концу!»[1628]

Другие не только сознавали губительность подобных волнений во время войны, но и воспринимали их как провокацию, предполагая, что выступления будут жестко подавлены, а участие в них интеллигенции власть использует «для новых репрессалий»[1629]. И. П. Бородин в те дни писал дочери в Париж: «Время очень

[1625] *Мартынова А. Ю.* Российское студенчество и Февральская революция.

[1626] *Знаменский О. Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября. С. 47.

[1627] *Мартынова А. Ю.* Российское студенчество и Февральская революция. С. 137–139; *Марголис Ю.* Как свергали царя (студенты университета в 1917 г.) // Ленинградский университет. 1965. 12 марта. С. 3.

[1628] *Павлова С. В.* Из воспоминаний // И. П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России. Т. 2. Павлов без ретуши. Мемуары С. В. Павловой, А. Ф. Павлова, М. К. Петровой / Сост. и авт. коммент. А. Д. Ноздрачев, Е. Л. Поляков, Э. А. Космачевская, Л. И. Громова, К. Н. Зеленин. СПб.: Гуманистика, 2004. С. 255.

[1629] *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о мартовской революции 1917 г. Стокгольм; Берлин: Нейе Цейт, 1921. С. 18.

тревожное... Что будет? Поживем — увидим, но на душе не весело»[1630]. Чувства ученых в первые дни волнений хорошо выразил в своем дневнике выдающийся инженер, создатель первых отечественных тепловозов Ю. В. Ломоносов, считавший, что революция пагубна для победоносной войны и «сейчас надо воевать и на провокации не идти»[1631]. Тем не менее он, как и многие другие представители научной и технической интеллигенции, ощущал, что «несмотря на всё безрассудство этих вооруженных столкновений, какое-то радостное чувство колышется в груди»[1632]. Революция вновь представлялась неким могучим потоком, который смоет всё старое и отжившее и вынесет Россию в светлое и счастливое будущее. Но она вновь обернулась не такой, какой ожидали ее либералы, жаждавшие увидеть прекрасную даму в белоснежных одеждах и с ужасом взиравшие на безликую толпу «с широко раскрывавшимися ртами», склонную к пьянству, грабежам и насилию и явно занимавшую позицию «левее здравого смысла»[1633]. Так писал известный химик-технолог, будущий академик АН УССР Е. И. Орлов.

История оставила много свидетельств разгулявшейся народной стихии. Красочное описание хаоса, царящего в «штабе» революции, дал бывший председатель совета министров В. Н. Коковцов, доставленный туда в качестве арестанта. «Что творилось в это время в помещении Таврического дворца, — этого не может воспроизвести самое пылкое воображение. Солдаты, матросы, студенты, студентки, множество всякого сброда, какие-то депутации, неизвестно кому представлявшиеся, какие-то ораторы на столах и стульях, выкрикивающие что-то совершено непонятное <...>, снующие “френчи”, вестовые и неведомые люди, передающие кому-то какие-то приказания, несмолкаемый гул голосов, грязь и сутолока, в которых бродят какие-то сконфуженные тени недавно еще горделивых членов Государственной думы, собиравшихся разом показать всему миру волшебный переворот, совершившийся “без пролития крови” в России...»[1634] Ему вторит один из главных творцов этой «бескровной революции» В. В. Шульгин, 15 февраля 1917 г. в Государственной думе назвавший императора Николая II противником всего, «что, как воздух, необходимо стране». Позднее он уверял, что с первого мгновения отвращение залило его душу и он «чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя <...> Увы, этот зверь был <...> его величество русский народ»[1635]. По своему происхождению, воспитанию, культуре и образованию ученые, конечно, принадлежали к тем кругам, где с ужасом взирали на «освобожденный» народ. Но некоторые продолжали грезить о какой-то будущей стране,

[1630] СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 19.

[1631] *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о мартовской революции 1917 г.

[1632] Там же.

[1633] Интуитивное предвидение Егора Ивановича Орлова (Накануне и в первый год после Великой Октябрьской) [фрагменты дневников акад. Е. И. Орлова] // Природа. 1994. № 2. С. 92–105.

[1634] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М.: Наука, 1992. С. 343.

[1635] *Шульгин В. В.* Дни. 1920. М.: Современник, 1989. С. 181–182.

где умный, просвещенный, законопослушный, воспитанный народ будет их лелеять, холить и слушаться.

В дни Февральской революции непременный секретарь С. Ф. Ольденбург фактически был единственным полноправным руководителем ИАН и умело воздействовал на «первенствующее ученое сословие России» с целью выработки консолидированных решений даже при существенных разногласиях. Это оказало огромное влияние на корпоративное поведение академиков в 1917 г. Более того, сам Ольденбург был причастен к ключевым событиям Февральской революции. Вместе с В. И. Вернадским он оказался в числе членов Государственного совета, подписавших телеграмму Родзянко от 27 февраля 1917 г. Николаю II с предложением отречься от престола[1636]. Телеграмму Родзянко напечатали во всех газетах наряду с другими ликующими репортажами о «бескровной победе» свободы и демократии при поддержке всех слоев общества. В тот день Государственный совет заседал последний раз, а В. И. Вернадский и С. Ф. Ольденбург, возможно, последний раз дружески общались со своим университетским другом, юристом С. Е. Крыжановским, занимавшим в то время должности государственного секретаря и статс-секретаря императорского величества. Вскоре Крыжановский будет арестован, и хотя его через некоторое время освободили, Ольденбургу как члену Чрезвычайной следственной комиссии придется встретиться с ним уже на допросах. Так либерально-демократическая революция с первых дней не только разводила бывших друзей по разным сторонам баррикад, но и делила их на обвинителей и обвиняемых.

В произошедшей после Февраля дифференциации политических сил подавляющее большинство академического и профессорско-преподавательского корпуса оказалось на стороне тех, кого А. И. Деникин причислял к «либерально-охранительному» направлению, пытавшемуся сохранить государство и довести войну до победного конца[1637]. Обычно в литературе указывают, что научное сообщество с ликованием встретило Февральскую революцию, нацепив все как один красные банты. Про банты, возможно, и правда. Но на самом деле нет оснований переоценивать единство мнений о свершившемся свержении монархии. Мемуары, письма и дневники ученых, введенные в оборот в 1990–2010-х гг., позволяют выполнить дифференцированный анализ особенностей реакции академиков, политические взгляды которых колебались от крайне правых до либеральных. К тому же важно учитывать эволюцию установок и поведения как руководителей Академии, так и остальных ее членов, и специфику реакции в зависимости от политических убеждений и профессиональных интересов того или иного ученого.

С первых дней революции ее оценки со стороны представителей академического сообщества и профессорско-преподавательского корпуса порой были прямо противоположными. Будущий знаменитый социолог П. А. Сорокин, близкий к эсерам, с радостью характеризовал первый день Февральской революции как

[1636] *Аксёнов Г.* Вернадский. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 205.

[1637] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 99.

долгожданный и закономерный: «Вот он и наступил, наконец, этот день»[1638]. Правда, он не клеймил, как другие, свергнутое правительство, члены которого были для него благородными идеалистами, не знавшими «азбуки государственного управления» и не ведавшими, «чего хотят, а если бы и знали, то всё равно не смогли бы этого добиться»[1639]. Примерно так же рассуждал В. И. Вернадский, вспоминая события 20-летней давности: «Если бы царское правительство — в сущности царь и его жена — были умнее, было бы просв[ещение]. Это вполне было возможно»[1640].

Среди ученых было немало тех, кто в обстановке всеобщей эйфории негативно оценивал происходящие события и задавался вопросом, что они сулят России. Это «начало ее возрождения или гибели?» — вопрошал будущий директор академического архива Г. А. Князев[1641]. Однозначный ответ на этот вопрос дал профессор Петроградского университета Н. О. Лосский, состоявший ранее в партии кадетов. Вспоминая события 1905 г., он оценивает любую революцию как бедствие для народа. Февраль 1917 г. вызывал у него ощущение ужаса: «У меня было мистическое восприятие исчезновения государственной организующей силы, социальной пустоты на ее месте»[1642]. По воспоминаниям многолетней любовницы и сотрудницы И. П. Павлова М. К. Петровой, встретившей его в первые дни революции на Каменноостровском проспекте, он «смотрел на всё в высшей степени пессимистически, не разделяя наших надежд на лучшую будущую жизнь»[1643]. Позднее на ее ликование по поводу происходящего Павлов сказал: «А я не радуюсь; я предвижу впереди много горя и страданий»[1644]. Еще резче высказывался профессор университета, академик, авторитетный математик В. А. Стеклов. По его мнению, столичная масса, впрочем, как и провинциальные обыватели, «совершенно <...> рассудок утратила. Достаточно того, что такого шута и мелочь, как Керенский, возвела чуть ли не в национального героя. Омерзительно было смотреть на всё это»[1645].

Тем не менее именно от А. Ф. Керенского 3 марта 1917 г. в Академию наук поступило первое распоряжение новой власти: в подписанном им приказе № 1 Министерства юстиции академику Н. А. Котляревскому поручалось вывезти из Департамента полиции все бумаги и документы и «поместить их в Академию наук»[1646]. В письме министра-председателя и министра внутренних дел Г. Е. Львова

[1638] *Сорокин П. А.* Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: Шылас, 1991. С. 83.

[1639] Там же. С. 92.

[1640] *Савина Г. А.* Чистые линии (В. И. Вернадский о Н. И. Вавилове) // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 10.

[1641] *Князев Г. А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922. С. 132.

[1642] *Лосский Н. О.* Воспоминания: жизнь и философский путь. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 220.

[1643] *Петрова М. К.* И. П. Павлов // И. П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России. Т. 2. С. 529.

[1644] Там же.

[1645] *Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками. С. 284.

[1646] Летопись РАН. Т. IV. С. 295.

от 11 марта за № 5931 Академии было предложено: «1) принять на вечное хранение Архив бывшего III Отделения Собственной Его Величества канцелярии и Архив Департамента полиции по 1905 г. включительно; 2) озаботиться приведением этих архивов в порядок и 3) открыть их в возможно близком будущем для общего пользования на условиях, какие Академии наук покажутся целесообразными». Для ускорения процедуры принятия и размещения документов Академии наук предписывалось воспользоваться шкафами, в которых эти бумаги хранились[1647]. 24 мая 1917 г. распоряжением товарища министра юстиции в РАН на хранение был передан формуляр старшего адъютанта штаба Отдельного корпуса жандармов А. Ф. Львова, сочинившего музыку на гимн «Боже царя храни» (1833) во время службы в этом ведомстве[1648].

Сам факт передачи подобного рода документов, особенно присовокупленных к ним бумаг архивов Охранного отделения и Жандармского губернского управления[1649], занимавшихся политическим сыском, несомненно, свидетельствует о доверии Г. Е. Львова лично к С. Ф. Ольденбургу и к Академии наук в целом. Ведь бумаги легко могли быть использованы в разгоравшейся политической борьбе, в том числе для дискредитации противников. Понимало значение этого акта и ОС Академии наук, не забыв, правда, испросить у правительства 1 тыс. руб. «на расходы по перевозке и размещению дел Архивов в новом помещении»[1650], которое было выделено в новом здании академической Библиотеки. Конечно, тогда никто не мог предположить, что через 12 лет в вину Академии наук будет постановлено как раз профессиональное исполнение долга честного хранителя исторической памяти о грандиозных событиях в истории России и наличие документальных свидетельств о них посчитают поводом для организации «Академического дела», для арестов академиков Н. П. Лихачёва, М. К. Любавского, С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле и десятков сотрудников АН, а также для отстранения от должности непременного секретаря С. Ф. Ольденбурга[1651]. Сейчас же академическое собрание, не предвидя, что передаваемым архивам предстоит сыграть роль троянского коня в судьбе самой Академии наук, благодарило Б. Л. Модзалевского, А. С. Полякова, А. А. Шилова и Л. К. Ильинского за содействие в их сохранении и передаче[1652]. Вскоре стало ясно, что для описания переданных архивов, а также для

[1647] Протоколы ОС АН. 1917. С. 92. § 95.

[1648] Там же. С. 220. § 184.

[1649] *Леонов В. П.* Судьба Библиотеки в России: Роман-исследование. СПб.: Библиотека РАН, 2000. С. 246.

[1650] Протоколы ОС АН. 1917. С. 92. § 95.

[1651] Летопись РАН. Т. IV. С. 685–695; *Вознесенский И.* (*Перчёнок Ф. Ф.*) Имена и судьбы (над юбилейным списком Академии наук) // Память. Исторический сборник. Вып. 1. New York: Chalidze Publ., 1978. С. 353–410; *Брачев В. С.* Дело академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117–129; Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1–2 / Отв. ред. В. П. Леонов. СПб.: БАН, 1993–1998; *Есаков В. Д.* (*сост.*) Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1952. М.: РОССПЭН, 2000. С. 69–92.

[1652] Протоколы ОС АН. 1917. С. 92. § 95.

выполнения поступающих на них запросов и справок требуется несколько опытных архивистов, что заставило ОС обратиться в МНП с просьбой о дополнительных ежегодных субсидиях в размере 25 500 руб.[1653]

Первым на смену власти отреагировал Совет Петроградского университета, единогласно приняв уже 3 марта заявление о том, что он предоставляет себя в распоряжение «Временного правительства, опирающегося на полную поддержку народа и армии, чьими героическими усилиями навсегда опрокинут старый порядок», и приложит «все свои силы, дабы способствовать прочному насаждению нового порядка»[1654]. В заявлении была подчеркнута необходимость вернуть в университет профессоров, отстраненных прежним МНП от преподавания. Такая поспешность профессуры столичного университета вполне понятна. К власти пришли однозначно свои в политико-идеологическом и социально-культурном отношении люди. Выдающийся гистолог и эмбриолог Н. К. Кульчицкий, возглавлявший МНП с 27 декабря 1916 г., а до того являвшийся попечителем Казанского (1912–1914) и Петроградского (1915–1916) учебных округов, был уволен как монархист и член «Союза русского народа»[1655]. Его сменил член ЦК кадетской партии экономист А. А. Мануйлов, изгнанный Л. А. Кассо в 1911 г. из Московского университета. Его заместителем стал также бывший ректор Петроградского университета юрист Д. Д. Гримм, уволенный в том же 1911 г. тем же Кассо с поста ректора, а в 1913 г. — и со службы за отказ ехать профессором в Харьковский университет. Гримм сменил на посту товарища министра народного просвещения своего коллегу, декана юридического факультета Петроградского университета, считавшегося правым, В. А. Удинцева, которого вскоре уволили из университета. Подобные кадровые изменения в МНП не вызывали тревоги у ректора Петроградского университета Э. Д. Гримма (родного брата Д. Д. Гримма) и у его либеральной профессуры, полагавшей, что их политическим и корпоративным интересам ничто не угрожает. К тому же Временное правительство, желая покончить с волнениями и анархией среди студентов, практически сразу распорядилось восстановить работу всех учреждений, а служащим приступить к исполнению своих обязанностей.

Петроградский университет инициировал диалог с новой властью о скорейшем проведении демократических реформ в высшей школе. Э. Д. Гримм предложил руководству вузов столицы 8 марта собраться на совместное совещание в Петроградском университете, чтобы обсудить неотложные меры для скорейшей нормализации жизнедеятельности вузов Петрограда[1656]. В выработанных предложениях, отправленных Г. Е. Львову 10 марта 1917 г., подчеркивалась необходимость освобождения помещений некоторых вузов города от революционных войск, прибывших в столицу, а также от разного рода пунктов общественного питания и медицинской

[1653] Протоколы ОС АН. 1917. С. 182. § 158.

[1654] *Ростовцев Е. А.* Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России. С. 726–727.

[1655] *Колчинский Э. И.* Кульчицкий Николай Константинович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 259.

[1656] *Кривоноженко А. Ф.* Петроградский университет в 1917–1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 32–33.

помощи. В решениях Совета университета первых дней содержались также просьбы о выделении для массовых собраний обширных помещений вне стен вузов, о либерализации цензуры и возвращении свободы печати, о восстановлении в правах профессоров университета М. Я. Пергамента, И. А. Покровского, Д. Д. Гримма и И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, уволенных во времена Л. А. Кассо.

Более осторожно вела себя Академия наук, хотя ее руководители — вр. и. о. вице-президента А. П. Карпинский и непременный секретарь С. Ф. Ольденбург — 4 марта 1917 г. направили обращение к Временному правительству, в котором также приветствовали объединение России в «могучий и свободный народ, способный отстаивать свою культуру и оберегать ее от внутренней разрухи и от внешнего врага». «Россия, — говорилось в обращении, — под верховным руководительством Государственной думы, вступила на истинный путь победы — объединения Русского народа, его армии и правительства». Далее отмечено: «В первом своем собрании после совершившихся событий Академия наук единогласно постановила предоставить Правительству, пользующемуся доверием народа, те знания и средства, какими она может служить России»[1657]. Судя по прессе, обращение действительно было составлено на ОС ИАН, состоявшемся в тот же день[1658]. Удивительно, но в протоколе ОС от 4 марта нет ни слова о смене власти[1659], а само обращение, написанное рукой С. Ф. Ольденбурга, не только не занесено в протокол, но даже и не упоминается в нем. Не было оно одобрено и три недели спустя, точнее 24 марта, на экстраординарном ОС, а только «принято к сведению»[1660], после чего и появилось в печати[1661]. Тогда же был принят к сведению и указ Временного правительства от 3 марта об отречении Николая II[1662]. Академики, собравшиеся в первый день новой власти, явно не пожелали официально обсуждать «свершившиеся события», так как в их рядах высказывались разные их оценки. Так, например, когда либералы ликовали, лингвист и палеограф А. И. Соболевский, придерживавшийся крайне правых взглядов, тяжело переживал происходящие события и, как и многие его коллеги, редко появлялся на Общих собраниях после Февраля 1917 г. Да и на последующих собраниях с кворумом было напряженно. Нередко более половины академиков предпочитали оставаться в дни заседаний дома. На том же ОС 4 марта 1917 г. присутствовали 22 из 39 академиков, проходило оно так, как будто ничего особенного не произошло: только из названия Академии наук исчезло слово «Императорская»[1663].

[1657] Протоколы ОС АН. 1917. С. 92. § 94.

[1658] Хроника. В учебных заведениях // Новое время. 1917. № 14721. 8 (21) марта. С. 6, без подписи.

[1659] Протоколы ОС АН. 1917. С. 68–73. § 75–92.

[1660] Там же. С. 92. § 94.

[1661] Извлечение из протоколов заседаний Академии наук. Общее собрание. Экстраординарное IV заседание, 24 марта 1917 г. // Известия Академии наук. 1917. № 11. С. 739.

[1662] Протоколы ОС АН. 1917. С 92. § 93.

[1663] С 4 марта до 9 августа в протоколах ОС не указывалась принадлежность Академии наук. Лишь после указа Временного правительства от 11 июля она стала Российской. Почему-то этот факт игнорируется во всех трудах, связанных с эволюцией названий Академии, где сказано о превращении ИАН в РАН.

Обращение никак не отражало гаммы умонастроений академиков, в том числе и тех, кто на протяжении многих лет выступал с критикой научной политики царского правительства, но понимал, какими бедами чревата любая, а тем более насильственная смена власти во время войны. Одним из них был президент РБО академик И. П. Бородин, который буквально на следующий день, в письме к дочери от 5 марта 1917 г., с болью оценивал произошедшее в Пскове отречение Николая II: «Мог ли я думать, что доживу до падения монархии у нас, да еще такого позорного!»[1664] Его прогнозы в тот день были крайне осторожными и довольно пессимистическими: «Если всё кончится теперь и временно установившемуся правительству удастся удержаться, то, разумеется, это будет величайшая из революций, стоившая сравнительно очень малой крови <...> Стойких защитников у монарха не оказалось нигде <...> Но что будет дальше? Надо быть большим оптимистом, чтобы смотреть в глаза даже ближайшему будущему <...> Теперь каждый день стоит года».

Академики, присутствовавшие на ОС, понимали, что молниеносное развитие событий, покончивших за несколько дней с многовековой монархией, показало всё несоответствие самодержавной власти реалиям XX в. Но им было неясно будущее государственное устройство страны и само ее дальнейшее существование. Легитимность Временного правительства, взявшего на себя одновременно функции законодательной и исполнительной власти, заменившего императора, Госсовет, Госдуму и подчинившего себе Сенат и Синод во имя свободного народа, не была очевидной. А что интеллигенции ждать от народа, освобожденного от страха перед властью, академики узнали еще в 1905 г.

Вот почему, официально не обсуждая складывавшуюся политическую ситуацию, они сконцентрировались на рутинных вопросах — утверждении «Проекта положения о Палестинском комитете», избрании представителей ИАН в Особое совещание о культурном сближении России с дружественными странами, избрании ординарного академика, дарениях Пушкинскому Дому, составе Комиссии по изучению племенного состава пограничных областей (КИПС), выдаче академических изданий и т. д.[1665]

Собравшиеся, среди которых было немало лиц, тесно связанных с министрами нового правительства, скорее всего, осознавали неустойчивость ситуации в стране, что прорывалось в некоторых формулировках принимаемых решений, например, в постановлении на обращение В. Т. Шевякова как председателя Особого совещания о культурном сближении России с дружественными странами выделить в его состав представителей Академии наук. К тому времени иностранные посольства уже назначили таковых, и, понимая, что «вследствие перемены правительства» судьба новой структуры остается не вполне ясной, академики всё-таки решили не откладывать ответ и избрали в формируемый орган А. П. Карпинского и профессора Оксфордского университета историка-медиевиста П. Г. Виноградова, а также представителей отделений — В. И. Вернадского

[1664] СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 20 об.–21.

[1665] Протоколы ОС АН. 1917. С. 68–73. § 75–92.

и А. С. Лаппо-Данилевского[1666]. С. Ф. Ольденбургу было поручено в случае необходимости замещать в Особом совещании А. П. Карпинского.

На этот раз не стали тянуть с утверждением Палестинского комитета при Академии наук, проект которого рассматривался более двух лет. ОС заслушало Ф. И. Успенского об итогах обсуждения этого проекта 6 февраля 1917 г. на совместном заседании академической Комиссии по исследованию Палестины и членов Частного совещания по вопросу о русских научных интересах в Палестине с участием Н. И. Андрусова, В. В. Бартольда, В. Н. Бенешевича, В. И. Вернадского, А. А. Дмитриевского, Е. П. Ковалевского, И. Ю. Крачковского, Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга, М. И. Ростовцева, И. И. Соколова и Ф. И. Успенского[1667]. Было решено учредить Палестинский комитет при Академии наук со следующими целями: оживления в России интереса к палестиноведению; поддержки русских ученых в исследованиях Палестины; создания Историко-археологического института; изыскания средств для организации и расширения «русских предприятий в Палестине и связанных с ними работ вне ее»[1668]. Принятое решение имело четкую геополитическую направленность на продолжение войны до победного конца. Ратуя за создание академического Палестинского института, академики, видимо, не сомневались в близкой победе, и планируемое учреждение должно было не только дать научное обоснование российской экспансии на Ближнем Востоке, еще контролируемом Турцией, но и опять же подключить Академию к устройству послевоенного мира.

Можно твердо сказать, что большинство академиков не приветствовали свержение самодержавия, случившееся не желали называть революцией, а 4 марта начали вести специальное дело Канцелярии Конференции АН с характерным названием «О вопросах, возникших в связи с государственным переворотом»[1669]. И в дальнейшем многие, видимо, надеялись, что все эти беспорядки когда-нибудь закончатся, и только 13 января 1923 г. было завершено последнее дело с таким названием[1670].

На следующий день состоялось заседание Совета Московского университета, на котором ректор — историк М. К. Любавский, октябрист, глубоко переживавший происходящее, — нашел в себе мужество сказать, что свергнутая монархия «в прошлом оказала великие услуги русскому народу», объединив его силы, создав государственность и привив европейскую культуру[1671]. В то же время он признал Февральскую революцию закономерным событием, так как со временем абсолютистская монархия из объединяющего и организующего фактора «превратилась в фактор разложения и гибели русского государства, пока не скончалась

[1666] Протоколы ОС АН. 1917. § 80. С. 69.

[1667] Там же. Приложение I к протоколу III заседания ОС АН. 4 марта 1917 г. (к § 82). С. 74–76.

[1668] Там же. С. 76.

[1669] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Д. 40.

[1670] *Тункина И. В.* На переломе: Академия наук в 1917 г. С. 46.

[1671] *Ермолаев Ю. Н.* Ректор Московского университета М. К. Любавский // Академик М. К. Любавский и Московский университет. С. 185.

<...> Русскому народу предстоит теперь выработать новую форму правления»[1672]. Поддерживая стремление к установлению в России подлинной интеллектуальной и политической свободы, Любавский предупреждает, что это будет нелегко, так как свобода предполагает прежде всего жесткую дисциплину и самоограничение, что особенно важно в условиях острой борьбы и конкуренции с Западом.

В итоге Совет Московского университета 5 марта 1917 г. послал приветственные телеграммы председателю Временного правительства Г. Е. Львову и министру народного просвещения А. А. Мануйлову. Было также принято ходатайство к МНП о возвращении в университет бывших ректора А. А. Мануйлова и его проректоров М. А. Мензбира и П. А. Минакова, уволенных в 1911 г. за отказ выполнять распоряжения Л. А. Кассо, противоречащие Уставу университета. Единогласно было также принято приглашение вернуться в университет профессорам и преподавателям, покинувшим его в знак солидарности со своим ректоратом. Ученый совет озаботился установлениием контактов с новыми региональными властями, направив М. К. Любавского и его заместителя юриста и психолога С. В. Познышева делегатами в Исполком Московской городской думы[1673].

Буквально на следующий день М. К. Любавский вынужден был телеграфировать А. А. Мануйлову о том, что невозможно возобновить занятия, так как многие помещения захвачены отрядами так называемой студенческой милиции, которая не только устраивает в них митинги, но и реквизирует приборы и имущество университета[1674]. Убедившись, что челобитные Госдуме и МНП о содействии в освобождении аудиторий и лабораторий от разного рода «организаций и сборищ» ничем не помогут, ректорат пошел на совместные действия с Исполнительным комитетом общественных организаций по вопросу охраны помещений и имущества университета и с Советом студенческих депутатов, которые были менее радикальны, чем контролируемый большевиками и левыми эсерами «Студенческий дом». Было решено создать «коалиционный комитет» профессоров, младших преподавателей и студентов, которому поручили часть традиционных управленческих функций[1675]. Однако первые же совещания Комитета выявили расхождение позиций даже среди преподавателей и профессуры в формулировке условий мира, отношений к собраниям и митингам в университете, принципам обновления кадров и т. д.

Сильнее разногласия проявились в провинции. Например, ликовало студенчество Казанского университета, восприняв Февральскую революцию как праздник. Гораздо сдержаннее была реакция на происходящее у их преподавателей и профессоров. Телеграмму с выражением «полного доверия» Совет Казанского университета направил Временному правительству только 22 апреля 1917 г.[1676] К тому времени прошло уже полтора месяца после обращения 6 марта Временного правительства с воззванием к народу, в котором оно известило всех о рождении новой

[1672] *Ермолаев Ю. Н.* Ректор Московского университета... С. 185.

[1673] Там же. С. 186–187.

[1674] Очерки по истории Московского университета / Ред. И. Д. Удальцов и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1940 (Ученые записки Моск. ун-та. Вып. 50). С. 54–55.

[1675] *Ермолаев Ю. Н.* Ректор Московского университета... С. 188–189.

[1676] История Казанского университета. С. 255.

России как завершения долгой борьбы с прежним строем; о верности прежним союзам и договорам; о торжестве законности, равенства и безопасности, «дабы предоставить всем гражданам свободно проявлять свои духовные силы в созидательной работе на благо Родины»[1677]. В марте был издан ряд законов демократического характера, за которые давно выступала значительная часть ученых и которые были связаны с отказом от авторитарных способов управления: запрещена смертная казнь; объявлена политическая амнистия; отменена цензура; провозглашены политические права и свободы; сняты религиозные, национальные и гендерные ограничения в образовании; и т. д. Тем не менее провинциальная профессура даже либерального Казанского университета не спешила разделить восторг правительства, которое не очень задумывалось о преемственности государственности, уверовав, что будет «творить волю народную и что весь народ поддержит его в честном стремлении обеспечить счастье России». Заявив сначала о войне «до победного конца» во имя спасения свободной России, а в середине мая о мире «без аннексий и контрибуций», но при выполнении всех союзнических обязательств, Временное правительство думало, что сумеет ремобилизовать массы на войну с прежним врагом, не отвечая при этом на их насущные требования о мире, земле и хлебе[1678].

Либеральные столичные ученые, веря во всепобеждающую силу науки в обновленной России, хотя и переживали бессмысленность кровопролития на фронтах, были согласны с новой властью в необходимости продолжать войну до победного конца ради спасения революции и демократии. Из воззвания, подписанного членами ОФМН Н. И. Андрусовым, И. П. Бородиным, В. И. Вернадским, А. Н. Крыловым, П. П. Лазаревым, А. А. Марковым, И. П. Павловым, В. А. Стекловым, А. С. Фаминцыным и Е. С. Фёдоровым, видно, что авторитетные математики, физики, геологи и биологи верили: Февральская революция прокладывает путь к широким реформам в Академии наук, к расцвету науки и образования в России[1679]. Среди авторов воззвания были Бородин, Павлов и Стеклов, которые совсем недавно осуждали выступления против правительства и охлаждали пыл своих родных и близких по поводу перспектив свободной России. Теперь же Павлов, приветствуя участников I Съезда физиологов им. И. М. Сеченова, буквально ликует, что «мы расстались с мрачным, гнетущим временем»[1680], и ожидает «при новом строе нашей жизни чрезвычайного усиления средств всякого рода для научной деятельности»[1681]. В кратком приветствии Павлова целый абзац символично посвящен А. Л. Лавуазье и «великому греху» Великой французской революции, не давшей ему отсрочки от казни для завершения важных химических опытов, так как «республика не нуждается в ученых и их опытах». Как бы отгоняя нехорошие предчувствия, Павлов уверял коллег,

---

[1677] Обращение Временного правительства к населению России 6 марта 1917 г. URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600–1918/5209 (дата обращения: 12.02.2017).

[1678] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. С. 380.

[1679] *Манойленко К. В.* Андрей Сергеевич Фаминцын. С. 169–170.

[1680] *Павлов И. П.* Приветственное письмо председателя Организационного комитета I съезда физиологов им. И. М. Сеченова при открытии съезда 6 апреля 1917 г. // Павлов И. П. Избранные труды / Сост. Н. А. Григорян. М.: Медицина, 1999. С. 36.

[1681] Там же. С. 37.

а может, и себя: «...протекшее столетие произвело решительный переворот и в этом отношении в человеческих умах, и теперь нельзя бояться такой демократии, которая бы забыла про вечно царственную роль науки в человеческой жизни»[1682]. В унисон с ним звучат и слова в письме А. А. Шахматова к профессору славистики в Новороссийском университете И. А. Линниченко: «Я предвижу много лишений и неудач для нашей страны, но твердо верю и в близкое торжество правого порядка»[1683].

О подлинных чаяниях народа и принципах устройства нового государства ученое сословие не слишком беспокоилось, хотя, конечно, не могло не знать, насколько различны представления о счастливом будущем в огромном государстве, десятилетиями раздираемом национальными, сословными, классовыми и конфессиональными противоречиями. Февральские события ускорили центробежные тенденции в национальных образованиях. Уже 4 марта 1917 г., когда шло первое постреволюционное ОС АН, в Киеве была сформирована Центральная Рада, избравшая через три дня своим главой известного историка М. С. Грушевского — либерального демократа, отбывавшего ссылку в Москве. Прибыв в Киев 14 марта 1917 г., Грушевский немедленно стал добиваться национально-территориальной автономии Украины с последующей договорной федерацией с Россией[1684]. Начало распада «единой и неделимой» повергло в шок петроградских коллег Грушевского, и прежде всего А. А. Шахматова, много сделавшего для смягчения наказания самого историка и для успеха его трудов в России как феномена «общей» русско-украинской исторической науки. Он с болью писал А. Ф. Кони: «Как и Вы, я с особенным ужасом останавливаюсь перед предательством украинцев во главе с Грушевским. Это самый тяжелый удар по России...»[1685] Разговор даже о федерации казался странным ученым, которые полагали, что демократические реформы увеличат тяготение окраин к центру и достойно завершат великое дело собирания земель России, и вдруг самый близкий по языку и культуре славянский народ сразу устремился на выход из славянского демократического братства.

14.3. «Медовый месяц»: «демократизация» Академии наук и высшей школы

К середине марта стало ясно, что вся страна, ее правящие структуры, центральные и земские, военное руководство, церковь, подавляющее большинство партий и союзов, а также союзники признали новую власть. Армия и флот присягнули Временному правительству. Ученые видели в этом прежде всего заслугу Государственной думы, обеспечившей смену строя малой кровью. Как писал И. П. Бородин

[1682] *Павлов И. П.* Приветственное письмо...

[1683] Цит. по: *Магомедов М. Б., Лахитов П. М.* Летописец Шахматов: Творческий путь // Системные технологии. 2014. № 10. С. 100.

[1684] *Верстюк В. Ф.* М. С. Грушевский у перший період діяльності Центральної Ради // Український історичний журнал. 1996. № 5. С. 28–37.

[1685] Цит. по: Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения) / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. (ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 14. Ед. хр. 1. Л. 203).

через три дня после краха монархии: «Огромная заслуга Думы и, в частности, Родзянко, спасших страну от возможной анархии»[1686]. При этом не проходило чувство сохраняющейся опасности: «Крайние левые, особенно с.-д., могут испортить всё. Соглашение держится с ними на волоске». В обстановке всеобщего воодушевления, царящего в Петрограде в мартовские дни, Бородин, наблюдая за толпами манифестантов в городе, с некоторой уязвленностью и горечью констатировал: «Весь Николаевский мост запружен процессиями с красными флагами, всюду марсельеза (своего гимна свободы у нас так и нет), но на душе не весело... Назревают, быть может грозные события внутри страны»[1687]. И, как всегда, больше горьких дум о будущей, чем о разворачивавшейся на глазах трагедии: «Выдержит ли тяжелое испытание здравый смысл русского народа?»[1688] Разделяя всеобщую обеспокоенность сограждан будущим России, Бородин не разделял их «радости по поводу феерически совершившегося у нас переворота»[1689]. Натренированный глаз полевого исследователя фиксировал приметы надвигающегося коллапса: «...почти забыл, как ездят в трамваях, — всё хожу пешком»[1690], отмечая и положительные стороны — для здоровья и для воспоминаний о студенческих годах, ежедневного пути вдоль Невы от «Дома академиков» на углу Николаевской набережной, д. 1, и 7-й линии В. О. до Ботанического музея в Таможенном пер., 2.

Ученые, убедившись во всенародной поддержке нового правительства, были склонны с максимальной эффективностью использовать складывавшуюся ситуацию, полагаясь на тесную связь с ведущими министрами нового правительства, и сконцентрировали свои усилия на решении корпоративных задач реформирования и развития науки и образования в стране, резонно видя в их успехе залог государственного процветания. Многие полагали, что Февральская революция снимает всяческие препятствия к развитию научных связей с союзниками. Ученые с энтузиазмом восприняли оценку перспектив англо-русских отношений, данную английским послом Дж. Бьюкененом в марте 1917 г. По его мнению, никогда эти отношения не были столь сердечными и крепкими, как после прихода к власти либеральных сил. Союз Англии с императорской Россией, по словам посла, базировался на общности интересов и братстве по оружию, но в туманном Альбионе никто и никогда не симпатизировал господствующему в России строю, воспринимая его как режим произвола и реакции. Февральская же революция, по утверждению посла, сняла последние препятствия к сердечному взаимопониманию обеих стран. Непременный секретарь Комитета по укреплению духовных связей между союзными странами Артур Мэкьюари, информируя С. Ф. Ольденбурга 17 и 19 апреля 1917 г. о деятельности Комитета в Лондонском королевском обществе по литературе, выразил «надежды на взаимную поддержку в дальнейшем»[1691].

[1686] СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 20 об.

[1687] Там же.

[1688] Там же. Л. 22.

[1689] Там же. Л. 23.

[1690] Там же.

[1691] Протоколы ОС АН. 1917. С. 221. § 188.

Большую заинтересованность в научном сотрудничестве с Россий проявили также Франция и особенно США, объявившие 24 марта (6 апреля по н. ст.) 1917 г. войну Германии. Об этом говорилось в обращении государственного секретаря США, зачитанном на экстраординарном ОС АН, состоявшемся 29 марта 1917 г. В нем подчеркивалось, что вступление США в войну на стороне Антанты открывает перспективы для широкого сотрудничества ученых двух стран ради успеха общего дела, отмечалась особая роль созданного В. Вильсоном Национального исследовательского совета в мобилизации научных ресурсов для решения военных и промышленных проблем[1692]. Отметив вклад Академии наук в оборону, ОС АН приветствовало вступление США в ряды союзников, но никаких конкретных организационных мер по укреплению научного сотрудничества не стало предпринимать. Аналогичная реакция последовала и на обращение президента Национальной академии наук США и председателя Военного комитета Национального исследовательского совета палеонтолога Ч. Уолкотта, и на адрес с приветствием России от «ученых и деятелей на поприще литературы, искусства и науки», зачитанные на 11-м экстраординарном ОС РАН 9 августа 1917 г.[1693]

Правительственные органы Великобритании, США и Франции в 1917 г. еще не раз обращались к руководству РАН с призывами активизировать усилия по укреплению научных контактов, но ситуация не менялась. Возможно, это связано с тем, что в то время в самой России рост антивоенных настроений сопровождался усилением негативного отношения к союзникам, заставлявшим Россию продолжать войну, цели которой были неприемлемы для революционных масс. К тому же ученые в первую очередь старались решить свои внутренние проблемы, связанные с введением автономности и выборности президента и вице-президента, отказом от обязательного присутствия академиков в Петрограде, созданием сети исследовательских институтов и всероссийской ассоциации научных сотрудников, устранением сословных, национальных и конфессиональных ограничений для образования и научной работы и т. д.[1694]

Вопросы демократизации самой Академии наук были рассмотрены на втором послереволюционном ОС, состоявшемся 24 марта 1917 г. как экстраординарное. К тому времени ощущение происшедшей катастрофы отошло на второй план. В заседании участвовали 22 чел., т. е. опять чуть больше половины списочного состава из 39 академиков. На нем, как уже говорилось, было решено «принять к сведению» указы Временного правительства об отречении Николая II от престола и об отказе вел. кн. Михаила Александровича взять на себя верховную власть «впредь до установления в Учредительном собрании образа правления»[1695]. На тот раз специальным пунктом повестки дня записали информацию об обращении руководителей Академии наук к Временному правительству от 4 марта 1917 г., но никакой оценки ОС происшедших событий по-прежнему не было, хотя оптимистические резо-

[1692] Протоколы ОС АН. 1917. С. 104. § 107.

[1693] Там же. С. 235. § 217.

[1694] *Есаков В.Д.* От Императорской к Российской. С. 120–132.

[1695] Протоколы ОС АН. 1917. С. 92. § 93.

люции к тому времени принимались во всех вузах, научных учреждениях и обществах. Научное сообщество спешило заверить новую власть в своей лояльности и, стараясь не фиксировать внимание на реальной ситуации и настроениях масс, продолжало ратовать за решительное продолжение войны. В противном случае, по мнению ученых, России грозит немецкое иго, национальное унижение, распад страны как единого целого и стыд перед преданными союзниками и славянскими народами, доверившимися нам[1696]. К тому же многие полагали, что победоносная война позволит воплотить в жизнь все прежние планы о развитии науки как главного гаранта экономического и социального процветания страны.

Для подобных настроений, казалось, были веские основания. Ведь бóльшая часть нового правительства была связана с теми же политическими кругами и земством, с которыми давно тесно сотрудничали ведущие академики и профессора Петроградского и Московского университета. Все члены правительства имели высшее образование, четверо имели опыт преподавания в университетах (А. А. Мануйлов, П. Н. Милюков, Н. В. Некрасов, А. И. Шингарёв) и были сторонниками кадетов, а трое последних входили в ЦК кадетской партии, как и ряд академиков, включая В. И. Вернадского и С. Ф. Ольденбурга, игравших ключевую роль в Академии наук в то время. Они с 1904 г. тесно сотрудничали с главой Временного правительства кн. Г. Е. Львовым в «Союзе освобождения». В этой нелегальной политической организации участвовал новый министр народного просвещения А. А. Мануйлов, которому напрямую подчинялись Академия и университеты. Бывший ректор Московского университета и член Государственного совета, Мануйлов был известен как сторонник автономии высших учебных заведений и демократизации научных и образовательных учреждений, на чем настаивали академики и профессора, не подозревая, что у студентов и младшего состава преподавателей и сотрудников Академии могут быть свои представления на этот счет. Именно на ускорение этих процессов были направлены первоначальные устремления ученых[1697].

Уже 24 марта 1917 г. академики решили внести на рассмотрение Временного правительства предложения об изменении своего Устава, в том числе пункта о выборности президента[1698]. По сути дела, он касался легитимности руководства Академии, так как после смерти вел. кн. Николая Николаевича в 1915 г. и П. В. Никитина в 1916 г. ее возглавлял временно исполняющий обе должности А. П. Карпинский. По старому уставу президента назначал император из «особ первых четырех классов». Отныне его должны были избирать академики, а Временное правительство утверждало избранного президента указом Правительствующему Сенату. Избираемый президент отныне освобождался от обязанности отчитываться перед верховной властью о состоянии дел, проводимых исследованиях, экспедициях, итогах выборов, а представлял бы ей лишь те постановления Общего собрания, которые необходимы для указов и распоряжений правительства.

[1696] *Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В.* Академический патриотизм. С. 18–20.

[1697] Протоколы ОС АН. 1917. С. 93. § 97.

[1698] Там же. Приложение I к протоколу IV Экстраординарного заседания ОС ИАН. 24 марта 1917 г. (к § 97). С. 96–97.

Разногласия вызвал пункт о сроке полномочий президента. Большинство проголосовали за их ограничение пятью годами и за исключение ряда пунктов, по которым президент мог единолично решать вопросы без ОС[1699]. Проект, напротив, предполагал расширение полномочий ОС, отделений, учреждений и музеев АН, определял обязанности вице-президента и т. д.

В духе закрепления руководящей роли академиков в деятельности Библиотеки Академии наук были приняты основные положения доклада Постоянной библиотечной комиссии о реорганизации управления БАН, сделанного ее председателем М. А. Дьяконовым[1700]. Было решено, что не только БАН, но и оба его отделения должны возглавлять академики-директора, главная функция которых состояла бы в руководстве собранием библиотекарей, проектирующим число и виды отделов (книжных, журнальных, рукописных и т. д.), занимающимся закупкой книг и кадровыми вопросами, составляющим отчеты и т. д. Внешне всё выглядело вполне демократично, но директорам принадлежало решающее слово при разногласиях с собранием библиотекарей. К тому же главная руководящая роль в управлении БАН оставалась за Постоянной библиотечной комиссией, в которой 8 чел. были академиками и только трое — библиотекарями. В реальности это была демократия не для профессионалов, а для академиков, т. е. своего рода академическая олигархия.

А вот вопрос о реформе секретариата Академии по предложению С. Ф. Ольденбурга был отложен до осени «ввиду сложности обстоятельств настоящего времени»[1701]. К тому же выяснилось, что остальные сотрудники РАН не желают, чтобы без них решались вопросы реорганизации академических учреждений, и избрали Комиссию по вопросу о разработке устава и штатов Академии. Руководители Комиссии (председатель физиолог Г. П. Зелёный, товарищ председателя востоковед В. М. Алексеев, секретарь геолог О. О. Баклунд и др.) 14 марта 1917 г. выразили желание «участвовать во всех совещаниях Конференции», где будут обсуждаться эти вопросы[1702]. Такая демократия, возможно, была не очень нужна «либеральным» академикам, которые поручили Комиссии директоров, возглавлявшуюся И. П. Бородиным, пригласить на заседание по одному представителю от каждого учреждения. Такое заседание состоялось 14 мая 1917 г. На нем были выработаны положения о том, что все лаборатории, музеи и Библиотека управляются советами, в которые входят штатные научные сотрудники, академики по соответствующей специальности, а возглавляет их директор[1703]. 15 мая 1917 г. ОС согласилось с принятым решением.

ОС приняло к сведению решение ОРЯС о том, что писатель М. Горький, избранный еще 25 февраля 1902 г., но не утвержденный Николаем II, считается по-

[1699] Протоколы ОС АН. 1917. С. 93. § 97.

[1700] Там же. С. 94. § 102; Приложение II к протоколу IV Экстраординарного заседания ОС ИАН 24 марта 1917 г. (к § 102). С. 100–101.

[1701] Там же. С. 93.

[1702] Там же. С. 115. § 132.

[1703] Приложение к протоколу VIII Экстраординарного заседания ОС АН. 15 мая 1917 г. (к § 176). С. 215.

четным академиком по разряду изящной словесности[1704]. Это было не только восстановление исторической справедливости, но и акт доброй воли по отношению к оппозиционному писателю, который критиковал правительство за политику продолжения войны и ратовал за объединение вокруг советов всех революционных и демократических сил, прежде всего деятелей науки и культуры, для удержания демократических завоеваний Февраля. В опубликованном позже официальном заявлении РАН говорилось, что напечатанное в «Правительственном вестнике» от 11 марта 1902 г. сообщение о признании недействительными выборов почетного академика Максима Горького было сделано без ведома ИАН. Оно не имеет юридической силы, так как «не исходило ни от отделения русского языка и словесности, ни от Президента академии, ни от какого-либо органа академии» и появилось «по словесному повелению бывшего императора Николая II, данному министру народного просвещения П. Ванновскому»[1705]. Ввиду конфиденциальности распоряжения Академия не могла тогда протестовать, но теперь признаёт А. М. Пешкова почетным академиком по разряду изящной словесности.

Позднее академики обеспокоились восстановлением справедливости относительно профессоров Ф. И. Кнауэра и И. Э. А. Лециуса, уволенных и депортированных в разные губернии по ложным обвинениям. 15 мая 1917 г. ОС приняло обращение к МНП, зачитанное В. Н. Перетцем. В нем, ссылаясь на стремление МНП «загладить грехи недавнего прошлого и несправедливости по отношению к опальным профессорам», напоминалось «о печальной участи профессора Кнауэра и профессора Лециуса» и предлагалось вернуть «их на места и должности, которые они вынуждены были оставить под давлением политики старой власти»[1706]. Достоверной информации о том, была ли какая-либо реакция на это обращение, нет[1707]. Скорее всего, ее не было и быть не могло, так как обоих профессоров уволили из учреждений на территории Украины, где уже правила Центральная рада. РАН столь же безуспешно пыталась добиться перевода военного штабс-капитана австрийской армии Р. Юбербахера — профессора Сельскохозяйственного института — в Казань для научной работы[1708].

29 марта 1917 г. на экстраординарном заседании было решено ходатайствовать перед правительством о дальнейшем наименовании Академии наук «Российской академией наук» — “Académie des Science de Russie”[1709]. 11 июля Временное правительство удовлетворило эту просьбу[1710].

[1704] Протоколы ОС АН. 1917. С. 93–94. § 99.

[1705] От Академии наук // Вестник Временного правительства. 1917. № 21 (76). 31 марта. С. 4.

[1706] Протоколы ОС АН. 1917. С. 213–214. § 177.

[1707] *Моцияка П. П.* И. Э. А. Лециус — репрессированный директор института князя Безбородко (1913–1914 гг.) // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук. Сборник научных статей по материалам Междунар. науч. конф. 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург. СПб.: Нестор-История. 2013. С. 231–237.

[1708] Протоколы ОС РАН. 1917. С. 239. § 224.

[1709] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1917. Д. 164. Л. 57.

[1710] Протоколы ОС РАН. 1917. С. 218. § 209.

Другие предложения были приняты еще раньше, и в «Вестнике Временного правительства» были опубликованы в новой редакции параграфы Устава РАН, предусматривавшие демократизацию внутренней жизни, устранение сословных и национальных привилегий[1711]. О них было сообщено 27 мая 1917 г. на экстраординарном ОС. В новой редакции предусматривалось избрание президента и вице-президента тайным голосованием на пять лет при наличии кворума не менее 2/3 от общего числа ординарных академиков с последующим их утверждением указом Временного правительства Правительствующему Сенату. Избранным считался кандидат, получивший не менее 2/3 голосов всех присутствующих на собрании и более половины от числа всех ординарных академиков. Президент должен был представлять интересы Академии в правительстве, в случае необходимости добиваться утверждения правительством постановлений ОС, а также созывать ОС. Общие собрания могли также созываться по письменному заявлению не менее чем 10 академиков, но должны были заниматься обсуждением только научных проблем и не касаться вопросов управления и финансов. Вместе с тем распределение обязанностей между президентом и вице-президентом осуществлялось на основе инструкции, утверждаемой ОС, которое должно определить и число корреспондентов. Одновременно было опубликовано постановление правительства о назначении оклада президенту дополнительно к деньгам, выплачиваемым ему как ординарному академику, а также порядок избрания почетных академиков по разряду изящной словесности ОРЯС.

15 мая 1917 г. состоялось экстраординарное собрание, на котором у Академии наук появился первый избранный президент — А. П. Карпинский[1712], утвержденный правительством 19 июля 1917 г. сроком на 5 лет[1713]. Он был избран коллегами единогласно. Из-за отсутствия кворума в 2/3 академиков не удалось провести полноценные выборы вице-президента, академик А. А. Марков не стал участвовать в голосовании и покинул ОС. Здесь явно была интрига, связанная с тем, что математики хотели видеть на этом посту В. А. Стеклова, который по каким-то причинам не выдвигал своей кандидатуры. Вместо выборов была произведена баллотировка, и исполняющим обязанности вице-президента стал И. П. Бородин, получивший при баллотировке 22 голоса, три голоса было подано за А. С. Лаппо-Данилевского и один за В. И. Вернадского[1714]. В течение двух лет, в самое тяжелое время, Бородин продолжал действовать с приставкой вр. и. о., и благодаря своей настойчивости, авторитету и мужеству много сделал для спасения РАН[1715].

Академическое сообщество проявляло повышенную активность в первые месяцы после Февральской революции, проводя не только ординарные, но и экстраординарные собрания, порой с зазором всего в несколько дней, а 15 мая 1917 г.

[1711] Постановления Временного правительства: О новой редакции § § 36, 40, 42, 43, 44, 84, 92 и 94 действующего устава Академии наук; Приложение к протоколу Экстраординарного IX заседания ОС АН. 27 мая 1917 г. (к § 181). С. 229–230.

[1712] Протоколы ОС АН. 1917. С. 212. § 173.

[1713] Там же. С. 234. § 213.

[1714] Там же. С. 212. § 173.

[1715] *Манойленко К. В.* Иван Парфеньевич Бородин. С. 181–194.

состоялось даже два заседания. Почти во всех заседаниях участвовали чуть больше половины списочного состава действительных членов, а на последнем весеннем экстраординарном собрании, состоявшемся 27 мая 1917 г., присутствовали всего 17 академиков из 42. Как правило, на собрание являлись одни и те же люди, искренне заинтересованные в развитии Академии наук и желавшие эффективно использовать идеолого-политическую близость с ведущими членами Временного правительства, в то время как значительная часть академиков, чуть меньше половины, скорее всего, предпочитала не тратить время на общественно-политическую и организационную деятельность, покидая уже с середины мая Петроград в поисках более спокойных и сытых регионов.

«Свободные» академики интенсивно занимались пополнением своих рядов. За два месяца были заполнены все вакантные позиции ординарных академиков. Первым академиком «свободной» АН по ОФМН был избран 4 марта 1917 г. профессор Московского высшего технического училища физик П. П. Лазарев[1716], один из создателей Общества Московского научного института, задуманного как аналог института Карнеги, и редактор журнала «Архив физических наук». Представление на него подписали А. Н. Крылов, В. А. Стеклов, В. И. Вернадский, В. Н. Ипатьев, Н. С. Курнаков и М. А. Рыкачёв[1717]. Они представили его как талантливого исследователя в области фотохимии и биофизики, блестящего преподавателя и организатора науки, создателя собственной научной школы, любимого и почтительного ученика выдающегося физика П. Н. Лебедева. Из мимолетного упоминания об уходе Лазарева в 1911 г. из Московского университета в университет им. Шанявского следовало, что он не только придерживается либерально-демократических взглядов, но и не желает терпеть правительственный произвол. В конечном счете это сказалось и на его судьбе в дальнейшем, хотя он много сделал для развития советской физики и биофизики, их институционализации, а также для решения ряда важных проблем для экономики, обороны и здравоохранения страны. В 1929 г. его арестовали, сослали ненадолго на Урал, но и после возращения в столицу в 1932 г. до конца жизни подвергали гонениям за «лженаучные» теории.

15 апреля и 15 мая 1917 г. прошли выборы четырех ординарных академиков по ОИНФ и ОРЯС. Представление на членов-корреспондентов А. В. Никитского и М. И. Ростовцева подписали В. В. Латышев, Н. Я. Марр, П. К. Коковцов, М. А. Дьяконов, П. Г. Виноградов[1718]. Близким к либералам был также член Ученого совета МНП профессор Историко-филологического факультета Московского университета филолог и археолог А. В. Никитский, ставший вскоре членом общественно-политической организации «Лига русской культуры». Пережив все тяготы Гражданской войны, Никитский скончался в Петрограде в 1921 г. Тремя годами раньше ушел из жизни доцент Петроградского университета и старший хранитель Эрмитажа археолог Я. И. Смирнов, представление на которого подал

[1716] Протоколы ОС АН. 1917. С. 72. § 88.

[1717] Там же. Приложение III к протоколу II заседания ОС ИАН. 4 февраля 1917 г. (к § 71). С. 60–66.

[1718] Протоколы ОС АН. 1917 г. С. 122–123. § 144–145; С. 186–187. § 168–169.

Н. П. Кондаков. В конце XIX столетия Смирнов участвовал в антиправительственных протестах, но впоследствии особой политической активности не проявлял — в отличие от профессора политэкономии Политехнического института историка и публициста П. Б. Струве, который проделал сложный путь от легального марксизма к жесткому неприятию попыток реализации его на практике. Он вместе с С. Ф. Ольденбургом и В. И. Вернадским был одним из организаторов «Союза освобождения», а затем одним из основателей и членов ЦК партии кадетов. В конце 1917 г. Струве покинул Петроград, во время Гражданской войны активно участвовал в Белом движении, был членом правительств А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, а после их поражения эмигрировал и вплоть до начала 1930-х гг. продолжал активную политическую деятельность.

Кадровыми вопросами занялись и ведущие университеты страны, стремясь не только адаптировать профессорско-преподавательский корпус к требованиям революционных дней, но и ликвидировать последствия кризиса 1911 г. Здесь «демократическое» обновление кадров шло намного сложнее, так как ряд кафедр занимали профессора, назначенные постановлениями министра просвещения Л. А. Кассо, что противоречило «Временным правилам» от 27 августа 1905 г. Нередко такие «назначенцы» придерживались консервативных взглядов и не пользовались популярностью у студентов.

Особенно сложная ситуация была в Петроградском и Московском университетах — традиционных центрах противостояния власти, а среди революционного студенчества многие были приверженцами социалистических партий. Да и профессорско-преподавательский корпус, особенно младшие преподаватели, был сильно дифференцирован по политическим пристрастиям. Практически сразу после Февральской революции ректор Московского университета М. К. Любавский призвал вернуться в университет профессоров и преподавателей, ушедших в феврале 1911 г. На это предложение откликнулись крупные ученые: И. П. Алексинский, П. А. Минаков, Ф. А. Рейн, В. П. Сербский (медицинский факультет); В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, М. А. Мензбир, Б. К. Млодзеевский, К. А. Тимирязев, С. А. Чаплыгин, А. А. Эйхенвальд (физико-математический факультет); Н. Д. Виноградов, Д. Н. Егоров, А. А. Кизеветтер, Д. М. Петрушевский, П. Н. Сакулин, А. И. Яковлев (историко-филологический факультет); А. А. Мануйлов, П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой, В. М. Хвостов (юридический факультет)[1719]. В Петроградский университет были возвращены И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, Д. Д. Гримм, М. Я. Пергамент, И. А. Покровский.

Для некоторых из них это возвращение скорее было символичным, так как они уже давно жили и работали в других городах. Д. Д. Гримм в то время был товарищем министра народного просвещения, а с 16 марта был назначен Комиссаром Временного правительства над Государственной канцелярией и Канцелярией по принятию прошений. И. А. Покровский, вернувшийся в Петроград из Москвы, присутствовал лишь на одном заседании юридического факультета Петроградского

[1719] Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1917, 1918, 1919 гг. М.: Литография, 1920. С. 148.

университета, а затем опять переехал в Москву и до конца жизни был профессором Московского университета. М. Я. Пергамент вскоре был назначен сенатором, также с сохранением в должности профессора Петроградского университета. Недолго в этой должности оставался И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, уехавший вскоре в независимую Польшу. В. И. Вернадского также восстановили в должности ординарного профессора по кафедре минералогии и геологии Московского университета с оставлением ординарным академиком РАН[1720].

Первое совместное заседание Совета Московского университета с уволенными состоялось 22 марта 1917 г. Во вступительном слове ректор заверил вернувшихся в искреннем уважении к мотивам их действий шестью годами ранее, выразил сочувствие тем, кто пережил из-за этого лишения, и призвал к дружной совместной работе, так как «первому в России университету более чем когда-либо потребны сильные духом и умудренные политическим опытом деятели, которые должны помочь ему в новой России, при новых условиях, занять достойное место, соответствующее его высоким задачам и целям»[1721]. С ответным благодарственным словом выступил биолог М. А. Мензбир. Более резок был правовед и философ Е. Н. Трубецкой, изящно давший понять, что считает всех оставшихся тогда в университете «хамами», позволявшими властям обращаться с собой без должного уважения.

После этого заседания Совета университета активизировалась деятельность «коалиционного комитета» по определению его состава, компетенций, расширению списка средних учебных заведений, выпускники которых могли поступать в университеты, отмене «остаточного» принципа для приема женщин и т. д. Камнем преткновения стал вопрос о «моральном очищении университета» от скомпрометировавших себя преподавателей и профессоров и о составлении некоего «проскрипционного листа», в который могли попасть неугодные по политическим взглядам. В целом было решено доверить решение подобных вопросов президиуму Совета, состоящему из ректора и двух проректоров. Но до единения и дружной работы было далеко. Как писал М. К. Любавский С. Ф. Платонову, профессора, приглашенные вернуться, выдвинули ультиматум, чтобы их восстановили на прежних демонстративно покинутых ими должностях без баллотировки, а всех назначенных после их ухода выгнали[1722].

Под давлением МНП их ультиматум был принят. По распоряжению МНП за № 2388 от 14 марта 1917 г. из штата Московского университета вывели 23 профессоров и преподавателей, назначенных Л. А. Кассо[1723]. Среди них было немало талантливых и порядочных ученых: будущий чл.-корр. АН СССР В. В. Челинцев, высококвалифицированные физики А. А. Сперанский и Б. В. Станкевич, которые внезапно оказались на улице без средств к существованию. Профессор И. С. Плотников — ученик Нобелевского лауреата В. Оствальда, создатель

[1720] Протоколы ОС АН. 1917. С. 112–113. § 126.

[1721] *Ермолаев Ю. Н.* Ректор Московского университета... С. 190–191.

[1722] *Мандрик М. В.* На службе Клио. С. 49–50.

[1723] Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1917, 1918, 1919 гг. М., 1920. С. 5; *Ермолаев Ю. Н.* Ректор Московского университета... С. 190–191.

первой в России лаборатории по фотохимии и первого учебника в этой области знаний, — после увольнения и заключения Брестского мира уехал сначала в Берлин, где несколько лет возглавлял лабораторию, а затем основал и возглавил Институт физики и физической химии в Загребском университете[1724]. Эта была одна из первых потерь российской науки, нанесенная демократической властью. Вряд ли подобные решения шли на пользу самому правительству, хотя Московский университет воспользовался правом переизбрать назначенцев на вакантные профессорские должности, и 13 намеченных на изгнание, в том числе два историка: чл.-корр. РАН А. А. Кизеветтер и будущий академик М. М. Богословский — остались на своих кафедрах.

Иначе повело себя руководство столичного университета. Из одиннадцати отстраненных назначенцев юридического факультета Совет университетва переизбрал только декана юридического факультета кадета Н. Н. Розина, а также переутвердил чл.-корр. РАН филолога Г. Ф. Церетели, переведенного в 1914 г. из Юрьевского университета по инициативе самого историко-филологического факультета[1725]. В итоге профессорские должности в Петроградском университете потеряли В. М. Грибовский, С. П. Никонов, А. А. Жилин, А. А. Пиленко, А. С. Ященко, В. А. Удинцев, П. П. Мигулин, И. И. Чистяков, И. Н. Трепицын. Не все в Петроградском университете согласились с решениями МНП и коллег. В защиту назначенцев выступил А. А. Шахматов, который, не найдя понимания у коллег, обратился с письмом к Временному правительству, указывая на беззаконность и аморальность произведенного массового исключения из профессоров. Протестовали и сами уволенные, взывая к профессиональной солидарности и человечности, так как потеря должности в таких условиях грозила безработицей и голодом[1726]. На самом же деле многие из них смогли сразу вернуться в университет как приват-доценты. А другие перешли в другие вузы, правда, не все в столичные[1727].

Неясно было будущее самому М. К. Любавскому, занявшему в 1911 г. пост уволенного ректора А. А. Мануйлова, который после Февральской рефолюции стал министром просвещения Временного правительства. И к грустным мыслям о судьбах Родины примешивалась тревога за семью, за материальное благополучие, «о пристанище и хлебе насущном». Об этом он прямо говорит в письме 31 марта 1917 г. к С. Ф. Платонову: «...искать какого-либо другого заработка по нынешним временам очень трудно, почти невозможно: дух автономии, своеволия и анархии глубоко охватил школу, общественные и государственные учреждения, и везде всякому

[1724] *Капитонов Е. Н., Капитонов И. Е.* Профессор И. С. Плотников: начало фотохимии в России // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2009. Т. 15. № 1. С. 234–238.

[1725] *Ростовцев Е. А.* Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России. С. 316.

[1726] *Петров Д. К.* А. А. Шахматов как университетский деятель // Известия ОРЯС. 1920. Пг., 1922. Т. XXV. С. 149.

[1727] *Беляева О. М.* Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете: академическое сообщество позднеимперского периода: Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 204.

начальству приходится поджариваться, как живой рыбе на сковородке. Поэтому ни в какое "начальство" теперь не приходится идти, да и не возьмут как "слугу старого режима"»[1728]. Вспоминая эти события спустя четыре года, профессор Московского университета, будущий академик, историк Ю. В. Готье так характеризовал вернувшихся профессоров-кадетов — «самовлюбленные, презиравшие всё и всех, ничего не забывшие и ничему не научившиеся»[1729].

Столкнувшись с разного рода обвинениями в пособничестве свергнутому режиму, М. К. Любавский свою кандидатуру на пост ректора не выдвигал, и на безальтернативной основе 29 марта 1917 г. был избран известный орнитолог-дарвинист М. А. Мензбир[1730], которого 15 мая в этой должности утвердило Временное правительство. Вступая в должность, он еще раз выразил благодарность Любавскому за инициативу стереть различия между профессорами, невольно разделенными событиями 1911 г., и пообещал преемственность в управлении, построенном на принципах автономности, аполитичности высшей школы и возвращения студенчества в обычную академическую жизнь[1731]. И слово свое Мензбир сдержал: Любавский не только остался в университете, но с 1919 г. стал заслуженным ординарным профессором. В конце 1917 г. его избрали членом-корреспондентом РАН, а в 1929 г. — академиком АН СССР. В 1930 г. Любавского арестовали по «Академическому делу»; год спустя ОГПУ лишило его звания профессора и академика, и сослало в Уфу на пять лет, где он умер в 1936 г. вскоре после окончания ссылки. Его сына расстреляли в 1931 г.

Свержение самодержавия и приход к власти буржуазного Временного правительства создали крайне нервную, нестабильную обстановку во всех российских университетах. 15 апреля 1917 г. проректор Казанского университета, профессор статистики А. А. Овчинников, пользовавшийся большим авторитетом среди профессорско-преподавательского корпуса, попросил об отставке, мотивируя ее тем, что не может по состоянию здоровья сочетать проректорскую работу с усиленными занятиями по своему предмету.

Тем не менее у основной части академической и профессорско-преподавательской корпорации, несмотря на все сложности первых революционных месяцев, были основания с оптимизмом смотреть в будущее. Казалось, впервые за всю историю существования науки власть не просто прислушивается к ученым, но готова отвечать на просьбы и проекты, инициированные ими. Естественно, грех было не воспользоваться сложившейся социально-политической конъюнктурой и не попытаться реализовать проекты глобального реформирования науки, разработку которых традиционно взяла на себя РАН.

[1728] *Мандрик М. В.* На службе Клио. С. 50.

[1729] Там же.

[1730] *Росина Н. Я.* Михаил Александрович Мензбир. Л.: Наука, 1985; Ректоры Московского университета. Биографический словарь / Сост. В. В. Ремарчук. М.: МАЛП, 1996. С. 147–151.

[1731] *Ермолаев Ю. Н.* Ректор Московского университета... С. 191.

14.4. От мобилизации науки к ее глобальной реорганизации

Временное правительство в лице МНП на повестку дня поставило задачу не столько мобилизации, сколько коренной реорганизации науки и высшей школы. Видя ее резкий поворот к решению утилитарных, прикладных задач и нарастающую политизацию студенчества, всё большее количество ученых выступали за создание сети специализированных научно-исследовательских институтов (типа Общества кайзера Вильгельма в Германии или Института Карнеги в США), субсидируемых государством, но управляемых самими учеными. Наиболее последовательным пропагандистом этой идеи оставался В. И. Вернадский.

По инициативе Всероссийского учительского совета при МНП в конце марта был создан Государственный комитет по народному образованию. В него вошли представители различных партий, ЦК Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов, Исполкома Совета крестьянских депутатов и др., горевшие желанием поскорее разрушить прежнюю систему образования и учредившие с этой целью ряд комиссий по реформе высшего, среднего, низшего и внешкольного образования, по учреждению новых вузов, по реформе фармацевтического образования и т. д.[1732] 21 марта 1917 г. была создана Комиссия по реформе высших учебных заведений во главе с профессором Московского университета М. М. Новиковым, который, будучи депутатом IV Государственной думы, как раз готовил реформы высшей школы[1733]. Его заместителем стал профессор Петроградского университета историк и краевед И. М. Гревс. В комиссию помимо академиков В. И. Вернадского, Н. Я. Марра и С. Ф. Ольденбурга вошли в основном профессора Петроградского и Московского университетов: А. А. Васильев, В. Э. Грабарь, Э. Д. и Д. Д. Гримм, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, М. Я. Пергамент, М. И. Ростовцев, С. С. Салазкин, К. В. Хилинский, В. М. Шимкевич, П. К. Янковский, а также представители Департамента народного просвещения, Департамента профессионального образования, Учебного отдела МНП.

Фактически перед ними была поставлена задача реанимировать реформы высшего образования, задуманные графом П. Н. Игнатьевым в 1916 г. Дальнейшая задержка с ними, по мнению членов Комиссии, была бы проявлением слабости правительства и чревата «нежелательными последствиями»[1734]. В качестве первоочередных были названы: реформа уставов вузов; развитие сети университетов; предоставление студентам права создавать общества и клубы в зданиях университетов в свободное от занятий время. Однако далеко не всех этих целей в конечном счете удалось достичь, хотя Комиссия работала активно и целеустремленно.

Для ускорения реформ было решено не создавать новый университетский Устав, а удалить из действующего «все одиозные пункты, противоречащие принципу университетской автономии»[1735]. По мнению членов комиссии, особенно важно было устранить опеку попечителей учебных округов над вузами, закрепить проце-

[1732] Вестник Временного правительства. 1917. 23 марта.

[1733] *Ульянкина Т. И.* Михаил Михайлович Новиков. С. 74–78.

[1734] *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти. С. 25.

[1735] *Новиков М. М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 209–210.

дуру самоуправления, расширив участие в нем младших преподавателей, законодательно закрепить за студенчеством право на самоорганизацию, на создание студенческих союзов и обществ. Законы, изданные для университетов, распространялись и на технические учебные заведения. Были разработаны правила поступления слушателей в университеты в 1917–1918 гг.

Наиболее последовательно Комиссия вела себя в вопросе о демократизации приема в университеты путем расширения социального состава абитуриентов. В подготовленных проектах были учтены предложения о демократизации состава вузов, об открытии их дверей для выпускников реальных и коммерческих училищ, учительских семинарий, сельскохозяйственных и земледельческих училищ и женских средних учебных заведений, о полном уравнивании прав женщин и мужчин в обучении и занятии должностей, о снятии ограничений на прием по сословным, политическим, национальным и религиозным соображениям, об изменении ведомственной принадлежности части вузов с целью приближения их к насущным задачам практики и т. д. Правда, поступать в вузы по этому проекту могли выпускники только тех средних учебных заведений, чьи программы будут признаны МНП достаточными для поступления в вузы.

Для научных сотрудников предполагалось создать материальные условия, благоприятные для их научной и преподавательской деятельности, и улучшить нормы оплаты труда профессоров и младших преподавателей. В университетах была учреждена должность доцента, а звание приват-доцента присуждалось после защиты диссертации. Был расширен круг лиц, допускаемых к занятию профессорских должностей в университетах. Реализация части этих предложений дала кратковременный позитивный эффект. Был дан ход проекту «Об учреждении университетов нового типа», позволивший открывать факультеты по прикладным специальностям. Закрыты или преобразованы были некоторые привилегированные высшие учебные заведения типа Училища правоведения, Александровского и Катковского лицеев.

Комиссия немало сделала для разработки планов по расширению сети университетов (в Ростове-на-Дону, Иркутске, Тифлисе, Ташкенте) и других высших учебных заведений (Киевский географический институт, Омский сельскохозяйственный институт, Польские философско-религиозные курсы в Петрограде, Екатеринославские высшие женские курсы). Были реформированы педагогические институты в Москве, Петрограде и Самаре, в ряде университетов (в Перми и Саратове) планировались новые факультеты и кафедры и т. д. Для многих из действовавших вузов были выработаны новые положения. В случае необходимости тщательного обсуждения вопроса, требовавшего согласования преподавателей, местных организаций и органов самоуправления, создавались разного рода подкомиссии, как, например, для учреждения медицинского факультета в Петроградском университете или реформы фармацевтического образования.

Сам М. М. Новиков высоко оценил работу возглавляемой им Комиссии, полагая, что она явила «образец того, как во время революционного строительства может быть создан орган, по внешности как бы бюрократический, но по своему составу и характеру работы так глубоко проникнутый общественными настроениями,

что вся деятельность его протекает в полном согласии с настроением широких общественных кругов»[1736].

Объявленная Временным правительством реформа высшего образования на демократических принципах стимулировала формирование в столице межвузовской представительной организации в виде Союза деятелей высшей школы Петрограда[1737]. 26 марта 1917 г. в Технологическом институте состоялось учредительное собрание Союза, на котором присутствовали 55 делегатов из 21 вуза столицы. В состав союза могли входить академики, профессора, младшие преподаватели и лаборанты. Тем не менее вопрос демократизации высшей школы оказался сложным, так как профессора, приват-доценты и студенты по-разному понимали и демократию, и автономность. Добиваясь автономности от МНП и попечительских округов, многие профессора, как, например, декан восточного факультета столичного университета академик Н. Я. Марр, не желали допускать приват-доцентов к управлению университетом. Другие, вроде историков Н. И. Кареева и И. М. Гревса, возражали против допуска в Совет университета студентов, оставляя им лишь участие в распределении пособий. В свою очередь в Министерстве считали, что не требуется существенного расширения университетской автономии по сравнению с «Временными правилами управления университетами» от 27 августа 1905 г., в то время как ректор Петроградского университета Э. Д. Гримм требовал для университета расширения прав во внутреннем самоуправлении.

Вскоре после Февральской революции академик А. А. Шахматов составил проект Союза научных учреждений, рассмотренный МНП в мае 1917 г.[1738] Предлагалось сгруппировать научные учреждения страны (музеи, общества, институты) и отдельные группы ученых по функциональному признаку, образуя союзы гуманитарных, естественнонаучных, научно-прикладных и т. д. исследований. В свою очередь, они образуют «союз союзов» во главе с Комитетом, председатель которого имеет право прямо обращаться в Совет министров. При этом Союз, собрав под своей крышей все научные учреждения страны, не должен был их контролировать. Его задача заключалась лишь в обеспечении государственного финансирования проводимых ими научных исследований. И сам он не должен был подчиняться какому-либо ведомству, а самостоятельно определял свою деятельность, основополагающим принципом которой была автономия каждого коллектива и исследователя. Реформа должна была проводиться на основе и с сохранением существовавших институтов, в том числе и Академии наук.

Были предприняты первые шаги для реализации этого проекта, хотя бы в масштабах столицы. В апреле 1917 г. в Петрограде начало функционировать постоянное Совещание представителей научных учреждений и вузов, председателем которого стал А. П. Карпинский[1739].

[1736] *Новиков М. М.* От Москвы до Нью-Йорка. С. 210.

[1737] *Кривоноженко А. Ф.* Петроградский университет... С. 34–35.

[1738] *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки. С. 99–108.

[1739] *Иванова Л. В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). М.: Наука, 1980. С. 210–211.

12 апреля 1917 г. под председательством В. И. Вернадского при МНП была создана Комиссия по ученым учреждениям и научным предприятиям, в которую также вошли Д. Д. Гримм, Н. С. Курнаков, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, Д. С. Рождественский, А. Е. Ферсман и др.[1740] Они наметили обширную программу: созыв съезда представителей научных учреждений и обществ России с целью учреждения Свободной ассоциации для развития и распространения знаний, для упорядочения финансирования научных предприятий, для преобразования старых и создания новых научных учреждений, для объединения их в единую государственную сеть. Под председательством В. И. Вернадского Комиссия обсуждала вопросы штатов в научных учреждениях и обществах, обеспечение потребностей в их комплектовании и размещении, а также ходатайства отдельных ученых о пособиях на исследования[1741]. Ученые ратовали за создание системы государственных исследовательских институтов и расширение академических учреждений как исторически оправдавшей себя в России формы взаимоотношений науки и государства, а также предлагали создать академии в Грузии, в Сибири, на Украине.

Важная попытка организации новых научных учреждений была предпринята рядом академиков-естествоиспытателей (это Н. И. Андрусов, И. П. Бородин, В. И. Вернадский, А. Н. Крылов, Н. С. Курнаков, П. П. Лазарев, А. А. Марков, И. П. Павлов, В. А. Стеклов, А. С. Фаминцын, Е. С. Фёдоров) и профессоров (Н. Е. Введенский, Д. К. Заболотный, Н. М. Книпович, В. Л. Комаров, С. П. Костычев, А. Е. Фаворский, В. Л. Омельяновский, Д. С. Рождественский, К. А. Тимирязев, Л. А. Чугаев, А. Е. Ферсман, Ю. А. Филипченко, Ю. М. Шокальский) вместе с М. Горьким, И. А. Буниным, Л. Б. Красиным, В. Г. Короленко, Г. В. Плехановым[1742]. По их инициативе 28 марта 1917 г. в помещении Женского медицинского института было принято решение создать «Свободную ассоциацию для развития и распространения положительных наук». Ее задачей было привлечь внимание общественности и правительства к перспективам развития науки, а в конечном итоге — отыскать средства на создание новых научных институтов. Предполагался поиск практического применения достижений науки и систематическое распространение научных знаний в народе. Это решение было поддержано рядом научно-просветительских обществ и учреждений Петрограда и Москвы, а также представителями исполнительной и законодательной власти.

На состоявшихся в апреле–мае собраниях Ассоциации выступали министры Временного правительства (А. Ф. Керенский, П. Н. Милюков, А. И. Шингарёв), член Исполкома Петросовета Н.Н. Суханов представитель Государственной думы (И. Н. Ефремов), члены Петроградского и Московского советов рабочих

[1740] Организация науки в первые годы советской власти. С. 115.

[1741] АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 54–66, 69–75, 87–89, 94–95.

[1742] *Менделевич Г.А.* Из истории Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук // Вторая научная конференция аспирантов и младших научных сотрудников Института истории естествознания и техники. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 53–54; *Конашев М.Б.* К истории создания Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XIV. СПб., 1998. С. 154–155.

и солдатских депутатов. На учредительном собрании, проходившем 26 мая в Петроградском университете, в совет были выбраны 50 чел. (в том числе 11 академиков и 26 профессоров). Его председателем стал академик В. А. Стеклов, заместителями — М. Горький и будущий академик Д. К. Заболотный, секретарями — В. А. Догель и А. А. Петровский. Исполнительный орган Ассоциации возглавил астроном А. А. Иванов, его заместителем стал гидробиолог Н. М. Книпович, а секретарем — генетик Ю. А. Филипченко. В обращении к гражданам России М. Горький от имени ассоциации писал: «Нам необходимо немедленно приступить к созданию новой России, — начнем же эту работу <...> с фундамента, будем развивать и распространять спасительную силу знания»[1743]. Без этого Горький считал невозможным преодолеть вопиющую техническую, экономическую и культурную отсталость страны, превратившейся в сырьевой придаток промышленно-культурных стран, которые смотрят «на Россию как на Африку, на колонию, куда можно дорого сбыть всякий товар и откуда дешево можно вывозить сырые продукты, которые мы, по невежеству и лени нашей, не умеем обрабатывать сами. Вот почему в глазах Европы мы — дикари, бестолковые люди, грабить которых, так же как негров, не считается зазорным»[1744]. В качестве доказательств он приводил нищету крестьянства, высокую смертность, при которой половина детей умирает до пятилетнего возраста, низкую производительность сельскохозяйственного производства, уступающую зарубежным аналогам в 4–5 раз, и т. д. Как и многие ученые, Горький был уверен, что гражданин демократического будущего должен быть вооружен точными знаниями, и поэтому необходимо ему «привить уважение к разуму, развить в себе любовь к нему, почувствовать его универсальную силу»[1745]. Призывая российское общество поддержать материально и морально «Свободную ассоциацию ученых», Горький на одном из ее организационных собраний в апреле 1917 г. пафосно говорил: «Источник наших несчастий — наша малограмотность»[1746]. Неразрывность науки и демократии подчеркивал во всех своих выступлениях знаменитый физиолог растений и дарвинист профессор Московского университета К. А. Тимирязев. Для многих тогда ближайшее будущее рисовалось неким светлым царством разума, демократии и науки.

Задуманное прежде всего как ассоциация точных наук, новое объединение ученых предполагало создать Институт положительных наук с хорошо оборудованными лабораториями, библиотеками, музеями, аудиториями. Планировалось привлечь к будущей научной работе талантливую молодежь, обеспечив ее «надлежащим образом» материально. Но жизнь не дала возможности проверить реализуемость задуманного синтеза науки и общества, внедрить научные достижения в практику и образование. Создатели Ассоциации не зря подчеркивали, что задуманные планы могут осуществиться лишь в случае сохранения и укрепления демо-

[1743] *Горький М.* Свободная ассоциация положительных наук // Новая жизнь. 1917. № 35. 30 мая. С. 1.

[1744] Там же.

[1745] *Горький М.* Наука и демократия // Летопись. 1917. № 5–6. Цит. по: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/90227/4/Vestnik_Znaniya_%28N5_1928%29.html. (дата обращения: 20.09.2017).

[1746] *Горький М.* Речь для «Свободной ассоциации развития наук», апрель 1917 г. // http://www.aif.ru/society/40689. (дата обращения: 24.11.2017).

кратии в России. Свержение Временного правительства и захват власти большевиками в октябре 1917 г. похоронили эти надежды. Некоторые из задуманных планов нашли воплощение в системах институтов уже в Советской России.

Масса идей об организации новых институтов возникала и у представителей гуманитарных наук. Инициатором многих их них был М. Горький и его близкое окружение. 16 марта на квартире М. Горького обсуждался вопрос о создании Общества «Дом-музей памяти борцов за свободу» — некоего института социальных наук и гражданского воспитания. Участники этого заседания (М. Горький, В.Л. Бурцев, Л.П. Куприянова, В.Н. Фигнер и др.) обратились с заявлением в АН, которое зачитал А.А. Шахматов на экстраординарном ОС АН, состоявшемся 29 марта 1917 г. В нем граждан свободной России призывали включиться в работу по созданию Дома-музея «погибшим борцам за свободу», который должен был раскрывать «великий смысл совершившегося переворота»[1747]. В обращении подчеркивалось, что такой музей необходим для «духовного возрождения» страны, для воспитания «юношества в духе свободы и справедливости» и для прививания им «гражданского мужества». Авторы заявления просили Академию наук «временно собирать и хранить все документы и литературу по истории общественного и политического движения, которые будут поступать из разных концов России для Дома-Музея». Согласившись на эту просьбу, Академия включилась в пропаганду целей и задач Февральской революции[1748]. 22 мая в Академии наук состоялось учредительное собрание общества «Дом-музей памяти борцов за свободу», на котором со вступительным словом выступил Горький, определивший его цель как «воспитание юношества в духе гражданственности»[1749]. В избранный совет общества вошел С.Ф. Ольденбург[1750]. Общество просуществовало до сентября 1919 г., когда возобладали совсем иные представления и о свободе, и о гражданственности, и о борцах за них.

При активном участии Горького создается Лига социального воспитания (4 июня), которая должна была заложить основы новой системы воспитания детей путем формирования единства научного и художественного знания, интеграции знания старой интеллигенции с силами молодой рабоче-крестьянской интеллигенции, для чего он считал необходимым направить главные усилия на напряженную культурную работу. По глубокому убеждению Горького, для свободного «высококультурного будущего» и для «созидания новой народной и общей школы» важен «организованный почин частных обществ; руководимые специалистами и лицами, высоко держащими знамя демократии, они должны напоминать правительству и нашему революционному парламенту о заданиях демократии в этой области, о наиболее целесообразном плане строительства, о новых мехах, в которые вольется вино демократического воспитания подрастающего поколения»[1751]. «Лига социального

[1747] Приложение к протоколу V Экстраординарного заседания ОС АН. 29 марта 1917 г. (к § 117). С. 109–110.

[1748] Протоколы ОС АН. 1917. С. 106. § 117.

[1749] Культурное строительство // Новая жизнь. 1917. № 31. 25 мая (7 июня). С. 3.

[1750] Там же.

[1751] О новой школе (По поводу «Лиги социального воспитания») // Новая жизнь. 1917. № 62. 30 июня (13 июля). С. 4.

воспитания», созданная по инициативе Максима Горького, имела в виду «разработку типов и планов новой социальной школы и посильное проведение в жизнь этих планов»[1752].

Было немало и других проектов создания научных институтов гуманитарного профиля. А. С. Лаппо-Данилевский предложил учредить Институт социальных наук. В апреле 1917 г. историки Петроградского университета во главе с А. Е. Пресняковым учредили «Общество изучения Революции». В нем действовала «Комиссия опросов Таврического дворца»[1753]. Организованная молодым профессором унивеситета М. А. Полиевктовым, Комиссия провела серию интервью с основными участниками событий Февральской революции, что оценивается как один из первых проектов «устной истории»[1754].

15 апреля 1917 г. С. Ф. Ольденбург сообщил ОС РАН, что МНП считает целесообразным вместе с РАН как с «первенствующим ученым учреждением в государстве» провести съезд представителей всех ученых учреждений и научных обществ России и предлагает РАН созвать такой съезд[1755]. Предложение было принято с условием, что на съезде сама РАН будет представлена в полном составе, а в Комиссию по созыву съезда включат по два человека от каждого отделения. Месяц спустя МНП было сообщено, что в Комиссию по созыву планируемого съезда избраны: от ОФМН И. П. Бородин и В. В. Заленский, от ОРЯС Е. Ф. Карский и А. А. Шахматов, от ОИНФ А. С. Лаппо-Данилевский и В. В. Бартольд[1756]. Позднее, 24 мая, товарищ министра народного просвещения Д. Д. Гримм обратился к университетам и высшим учебным заведениям всех ведомств с просьбой выделить представителей для обсуждения вопросов их управления, постановки в них учебной части, хозяйственно-финансового положения и т. д. К участию в обсуждении приглашалась и РАН, которая делегировала А. С. Лаппо-Данилевского[1757]. Планируемые совещания состоялись. 7–10 июня в Москве проходил Всероссийский академический съезд, а 12–16 июня в Петрограде — Совещание представителей высших учебных заведений России, посвященное ее реформированию и примирению различных общественно-политических течений в них и уравниванию в правах всего профессорско-преподавательского корпуса. Впервые в истории российской высшей школы в обсуждении предложенных реформ на равных участвовали профессора, приват-доценты и ассистенты. Петроградский университет был представлен ассистентом А. П. Афанасьевым и заслуженным ординарным профессором А. И. Введенским. От РАН в ней участвовали также академики В. В. Бартольд, В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург. По воспоминаниям М. М. Новикова, принятые законодательные новшества были без проволочки проведены через «пра-

[1752] О новой школе. С. 4.

[1753] *Ростовцев Е. А.* Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России. С. 319.

[1754] *Lyandres S.* The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 15–50.

[1755] Протоколы ОС АН. 1917. С. 112. § 125.

[1756] Там же. С. 187. § 171.

[1757] Там же. С. 219. § 182.

вительственные инстанции и живительным потоком влились в академический обиход», сплотив профессорско-преподавательский корпус и обеспечив его доверительные отношения со студентами в течение всех лет Гражданской войны[1758].

Этот оптимистичный вывод разделяют многие современные историки, но он явно нуждается в уточнении. Ведь основная масса студентов была настроена антимилитаристически, в то время как профессура придерживалась позиции «надклассового патриотизма»[1759]. Профессура оказалась не готова обсуждать на равных с доцентами и ассистентами дела университета и факультетов[1760]. Совещание также постановило, что заседания советов вузов и факультетов остаются закрытыми для студенчества. Вместо этого рекомендовалось создавать некие совещательные комиссии, включающие студентов и представителей профессорско-преподавательского состава. Однако и это ни к чему не обязывающее решение в большинстве вузов было проигнорировано, и студентов, которые сыграли видную роль в революции, по-прежнему собирались привлекать лишь к решению вопросов о распределении пособий, стипендий и т. д. Напрасно МНП рекомендовало советам вузов придерживаться принятых на Совещании решений — профессорско-преподавательский корпус не желал демократизировать свои отношения со студенчеством. Возражали они и против чрезмерной демократизации приема в университеты, в частности против допуска к занятиям выпускников технических училищ, а от окончивших женские гимназии требовали сдачи экзаменов в мужской гимназии по латинскому, русскому и иностранным языкам, математике и физике[1761]. И речь шла отнюдь не об осторожности профессорского корпуса, как полагают современные историки университетского образования, а о его консервативности и нежелании встретиться в аудиториях с незнакомым поколением студентов, отдающим приоритет более актуальным проблемам естествознания и живым языкам, а не зубрежке латыни как прежнему символу учености.

Результаты совещаний были учтены в серии постановлений Временного правительства, опубликованных в июне–июле 1917 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» (ЖМНП). В соответствии с постановлением «Об изменении некоторых узаконений, касающихся состава собраний факультетов и Совета российских государственных университетов», опубликованным 24 июня 1917 г.[1762], в органы управления учебными заведениями избирались не только профессора, но и доценты, прозекторы, ассистенты. Однако три последние категории в советах университетов имели лишь совещательный голос, а доценты решающий — на факультетском уровне. О допуске студентов к обсуждению вопросов внутриуниверситетской жизни не упоминалось.

[1758] *Новиков М.М.* Временное правительство и высшая школа // Российская школа за рубежом (Прага). 1927/28. Кн. 27. С. 373.

[1759] *Ростовцев Е.А.* Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России. С. 319–320.

[1760] *Кривоноженко А.Ф.* Петроградский университет... С. 35–36; *Беляева О.М.* Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете. С. 189, 249–253.

[1761] *Кривоноженко А.Ф.* Петроградский университет... С. 51–52.

[1762] Об изменении некоторых узаконений, касающихся состава факультетов и совета Российских государственных университетов // ЖМНП. 1917. № 10. С. 76.

Напротив, в тот же день вышло постановление Временного правительства, практически лишавшее студентов всяких прав на участие во внутриуниверситетской жизни. Совет университета мог ходатайствовать о прекращении учебных занятий в случае возникновения волнений, а студентам было запрещено создавать организации и проводить собрания без разрешения университетского руководства[1763]. Всё это вызвало недовольство студентов, посчитавших себя обманутыми преподавательским корпусом. Не удовлетворены были и притязания на равноправие младших преподавателей, что создавало в целом неустойчивую конфигурацию в вузах. Потенциально студенты могли объединиться с приват-доцентами и ассистентами для борьбы против консерватизма профессуры и диктата руководства. В любом случае демократическая реформа Временного правительства не только не привлекла на свою сторону студенчество, но скорее способствовала его дальнейшей радикализации, хотя и решала «вечные вопросы» российского высшего образования — «еврейский» и «женский»[1764].

По итогам совещания 13 июня 1917 г. было опубликовано положение о приеме студентов в университеты[1765]. Позже появились распоряжения о порядке замещения профессорских должностей, о введении штатных должностей доцентов (на историко-филологическом факультете 11 единиц, на физико-математическом — 14, на медицинском — 9, на юридическом — 8, на восточном — 10) и др.[1766] Укреплению самостоятельности университетов способствовало также решение Временного правительства от 1 июля 1917 г., согласно которому университеты были выведены из подчинения попечителя учебного округа и подчинены непосредственно МНП.

Но академические традиции в провинциальных университетах были столь сильны, что, как казалось на первый взгляд, ничто не в состоянии было поколебать правила, устои и традиции, сложившиеся в их стенах. Самые безобидные попытки реформ встречали неприятие и непонимание со стороны администрации и профессуры многих университетов, даже если они исходили от принимаемого и идейно-политически близкого Временного правительства. В ответ на предложение Комиссии МНП расширить студенческий контингент за счет лиц, не имеющих классического образования, и женщин все факультеты Казанского университета (кроме физико-математического), формально согласившись с предложениями, сохранили обязательное вступительное испытание по латинскому языку. Историко-филологический факультет открыто заявил при этом о приоритетном принятии

[1763] *Купайгородская А.П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти. С. 27.

[1764] *Вахромеева О.Б.* Духовное пространство университета: Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: исследование и материалы. СПб.: Тандем, 2003. С. 101.

[1765] О приеме студентов в университеты // ЖМНП. 1917. № 7–8. С. 69–73.

[1766] О порядке замещения вакантных должностей профессоров высших учебных заведений // ЖМНП. 1917. № 9. С. 23–27; Об отмене некоторых статей уставов учреждений и учебных заведений ведомства народного просвещения // ЖМНП. 1917. № 10. С. 70–71; Об учреждении в российских университетах должности доцентов // ЖМНП. 1917. № 10. С. 73–75; Об изменении некоторых узаконений, касающихся российских университетов // ЖМНП. 1917. № 10. С. 75–76.

в число студентов лиц мужского пола («женщин же только на оставшиеся вакансии»), что и было узаконено в правилах приема студентов на 1917/18 учебный год и не просто декларировалось, но свято соблюдалось. Несколько позднее это правило было распространено и на медицинский факультет[1767].

В результате важные для высшей школы постановления не дали требуемого эффекта на фоне разразившихся в Петрограде в июле 1917 г. событий. Из-за своей половинчатости они обострили социальные противоречия в университете, разведя по разным сторонам три основные социальные группы: студенчество, жаждавшее нового устава, в котором было бы признано их право на участие в управлении вузов; неудовлетворенный младший преподавательский корпус, претендовавший также на участие в управлении и независимость от профессуры; консервативную профессуру, страдавшую от ухудшения своего финансового положения, но не готовую поступиться своими исключительными правами и привилегиями. Все жаждали свободы, но, как всегда, только для себя. В итоге проведенная реформа не только не решила, а резко обострила проблемы высшей школы, которая прежде выглядела более или менее единой в противостоянии с царским правительством.

К тому времени конфликт между МНП и Государственным комитетом по народному образованию (ГК) по вопросу об их статусе и функциях шел по нарастающей. Лидеры ГК — известные педагоги Я. Я. Гуревич и В. И. Чарнолуский — склонны были считать министерство своим исполнительным органом, тогда как министр А. А. Мануйлов отводил ГК сугубо совещательные функции. 1 июля 1917 г. ГК в знак протеста против политики МНП прервал свои заседания до 20 июля, возобновив их уже при новом главе МНП — академике С. Ф. Ольденбурге. Но споры продолжались и далее вплоть до того, как пришедшие к власти большевики 20 ноября 1917 г. упразднили Комитет, пообещав превратить его в Государственный институт по подготовке законопроектов, но вместо этого 22 ноября создали Государственную комиссию по просвещению. Бюро Государственного комитета по народному образованию, не признавшее новую структуру, просуществовало до роспуска Учредительного собрания. Споры в основном шли по вопросу о соотношении выборного начала с назначением при формировании руководства и штатов факультетов и университетов[1768].

Продовольственный кризис стал одной из главных причин Февральской революции, поэтому неудивительно, что к МЗ и его Ученому комитету было приковано особое внимание Временного правительства. Регулярно выходили его печатные органы — журналы «Известия Министерства земледелия» и «Сельское хозяйство и лесоводство». За короткий срок, со 2 марта по 24 октября 1917 г., министрами земледелия успели побывать политики (кадет А. И. Шингарев, эсер В. М. Чернов) и ученые-аграрники (П. А. Вихляев, С. Л. Маслов), и каждый внес свою лепту в преобразование его структур и функций, в том числе связанных с развитием сельскохозяйственных наук, статистикой и экономикой сельского хозяйства[1769].

[1767] История Казанского университета: 1804–2004. С. 255–256.

[1768] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 14.

[1769] *Колчинский Э. И.* Министерство земледелия. С. 310–311.

Уже 10 марта в составе МЗ создается отдел статистики для проведения Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи и сбора текущих статистических сведений, а отдел сельской экономии и сельскохозяйственной статистики преобразуется в отдел сельской экономии и политики. 30 мая был упразднен Совет министра земледелия. 28 марта учреждены три отдела (по обеспечению сельского хозяйства металлом, орудиями производства, удобрениями и по сельскому строительству; по учету посевной площади; по обеспечению сельского хозяйства трудом и кредитами). Уже 5 мая они вошли во вновь созданное Министерство продовольствия, которому 19 июля передали заведование продовольственным делом, изъятое 1 июля у МЗ. 30 мая учреждается отдел кустарной промышленности, 26 июня — отдел животноводства, 19 сентября — отдел рыболовства и охоты. 19 июля упраздняется Департамент государственных земельных имуществ, при Главном земельном комитете организуется Управление делами Главного земельного комитета, а при МЗ — Управление государственным земельным фондом.

6 июня было принято положение о Сельскохозяйственном ученом комитете, призванном заменить бывший Ученый комитет МЗ, возглавляемый до мая 1916 г. академиком Б. Б. Голицыным, а также реорганизовать его бюро, научно-опытные и специальные отделы. Вопреки нараставшему финансовому кризису реформаторы-ученые старались увеличить бюджетные ассигнования на сельскохозяйственную науку и активизировать научно-исследовательскую деятельность различных бюро. Учебная комиссия (Учебного бюро), ведавшая сельскохозяйственными учебными заведениями, и Комиссия по сельскохозяйственному опытному делу рассматривали вопросы организации, финансирования и исследовательской политики опытных учреждений, включая разработку основных положений и законов, регламентировавших деятельность опытных учреждений. 10 июня 1917 г. В. И. Вернадский был единогласно избран на пост председателя Сельскохозяйственного ученого комитета (СХУК). Накануне избрания он писал А. Е. Ферсману: «В Ученом комитете <...> должна быть развернута большая государственная организация исследовательского дела, и эта работа в связи с общим планом должна быть принята во внимание при проведении реформы»[1770]. Именно эти соображения побудили Вернадского принять пост, остававшийся вакантным с мая 1916 г. Но в этой должности его утверждал 19 июля уже не его однопартиец Шингарёв, а новый министр земледелия эсер В. М. Чернов. Сам Вернадский исполнял обязанности председателя до ноября 1917 г., когда, по его собственному выражению, «изгнался [как] тов[арищ] мин[истра] нар[одного] просв[ещения]»[1771]. В состав СХУК вошли также выдающиеся представители сельскохозяйственной науки И. П. Бородин, П. И. Броунов, Е. Ф. Лискун, М. Г. Тартаковский, К. А. Тимирязев, Д. Н. Прянишников, Р. Э. Регель, И. А. Стебут, Н. П. Чирвинский и др. Заместителями В. И. Вернадского стали Д. Д. Арцыбашев, Н. М. Тулайков, А. А. Ячевский. Фактически это был орган управления сельскохозяйственной наукой и исследованиями, проводимыми в различного рода бюро, лабораториях, садах, на опытных

[1770] Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману. 1897–1944. М.: Наука, 1995. С. 91.

[1771] Цит. по: *Савина Г. А.* Чистые линии. С. 10.

станциях, также призванный разрабатывать учебные планы и программы для подведомственных учебных заведений, заниматься патентной деятельностью, организовывать конкурсы учебной литературы и присуждать награды за заслуги в области сельского хозяйства.

С целью приоритетного развития научной работы в области земледелия, животноводства, лесоводства и смежных с ними отраслей знания существовавшие при Ученом комитете многочисленные бюро (по энтомологии, по прикладной ботанике, по зоотехнии, по земледелию и почвоведению, по промысловой зоологии и рыбоводству, по метеорологии, по микологии и фитопатологии, по сельскохозяйственной механике) были реорганизованы в соответствующие отделы, которые позднее стали научно-исследовательскими институтами сельскохозяйственного профиля. Фактически реформы 1917 г. зафиксировали десятилетиями складывающуюся при помощи ученых в Министерстве земледелия и предшествовавших ему правительственных ведомствах (Министерство государственных имуществ, Министерство земледелия и государственных имуществ, Главное управление землеустройств и земледелия) структуру организации отечественной сельскохозяйственной науки, составившей десятилетия спустя костяк ВАСХНИЛ[1772].

Для организации будущего научно-исследовательского центра, где разместились бы учреждения СХУК, КЕПС, Ботанический сад, Художественный Гатчинский музей, академический Ломоносовский институт, Геологический и минералогический музей, отделение Палаты мер и весов, Вернадский планировал получить Гатчинский дворец, парк, угодья царской охоты и прилегающие леса[1773]. Его вдохновляли «550 десятин одного парка» и «более 600 комнат» только во дворце, не считая «ряда флигелей и домов». Гатчина, по его мнению, должна стать «ученым городом-садом», и соединение за городом «разнообразных учреждений» представляется ему крайне нужным и важным.

Но этим планам не суждено было осуществиться, хотя 18 июня 1917 г. Временное правительство приняло временное положение СХУК, предусматривавшее его развитие как крупного научно-исследовательского центра с лабораториями, опытными станциями и вспомогательными учреждениями. Сам Вернадский вскоре вынужден был много времени уделять обязанностям товарища министра народного просвещения и своей концепции о геохимических аспектах живого вещества, в свете которой всё происходящее вокруг становилось для него второстепенным. В октябре перед СХУК была поставлена задача готовиться к эвакуации МЗ[1774], а 26 октября 1917 г. оно было упразднено. Учреждения СХУК, который после отъезда

[1772] *Гончаров Н.П.* «От куду есть пошла» ВАСХНИЛ, или 165 лет государственной организации аграрной науки в России // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2004. № 4. С. 119–130; *Колчинский Э.И.* 1) Предисловие // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 4–16; 2) Министерство земледелия. С. 310–311; *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей; *Колчинский Э.И., Федотова А.А.* 1) Министерство государственных имуществ // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 309–310; 2) Министерство земледелия и государственных имуществ. С. 311–312.

[1773] См.: Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М.: Наука, 1981. С. 285.

[1774] *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 22.

В. И. Вернадского на Украину недолго возглавлял Д. Д. Арцыбашев, а затем Н. М. Тулайков[1775], составили основу отечественной сельскохозяйственной науки, объединенной в ВАСХНИЛ уже Н. И. Вавиловым. Позднее В. И. Вернадский признавал, что, возглавив научные учреждения Министерства, только «познакомился с совсем новой» для него областью, и не скрывал, что при этом «учился и чрезвычайно много вынес»[1776]. Конечный успех инициированных при нем реформ объясняется тем, что на самом деле Вернадский как земский и общественный деятель в течение многих лет занимался аграрным вопросом и, будучи членом Аграрной комиссии ЦК конституционно-демократической партии, имел свой взгляд на пути его решения[1777]. К тому же он максимально использовал проект, поданный в Государственную думу осенью 1916 г. министром земледелия графом А. А. Бобринским, о преобразовании Ученого комитета МЗ в Институт опытной агрономии.

14.5. Мобилизованное время как элемент борьбы с экономическим кризисом[1778]

Трудности снабжения населения как продовольствием, так и другими товарами в немалой степени вызывались кризисным положением в энергетике. Не хватало топлива как для нужд невоенного транспорта, так и для банального освещения помещений. Для учета и распределения тех небольших мощностей, которые имелись в распоряжении правительства, в Петрограде действовало Особое совещание по топливу — так называемый ОСОТОП. Экономия электроэнергии не была основной задачей ОСОТОПа, главная же функция состояла в экономичном распределении и сохранении запасов керосина и других горючих материалов.

Сразу же после Февральской революции в деятельности ОСОТОПа появился новый элемент, который в терминах середины XX в. можно назвать принципом научной организации труда. В 1917 г. в целях борьбы с экономическим кризисом правительство впервые в истории России законодательно передвинуло стрелки часов — ввело так называемое «летнее время»[1779].

Инициатором этого законопроекта стал Я. И. Перельман, который с 18 декабря 1916 г. служил в Петроградском особом совещании по топливу в должности младшего помощника делопроизводителя отдела заготовок[1780], но был тесно связан с миром науки. В 1909 г. он окончил Императорский Лесной институт в Петрограде со званием лесовода первого разряда. Начиная с 1904 г. Перельман служил

[1775] *Гончаров Н. П.* Государственная организация аграрной науки в России. С. 13.

[1776] *Савина Г. А.* Чистые линии. С. 10.

[1777] *Вернадский В. И.* Из размышлений по аграрному вопросу // ВИЕТ. 1989. № 1. С. 63–66.

[1778] Раздел написан А. И. Ермолаевым.

[1779] *Ермолаев А. И.* 1) Перевод часовых стрелок в России как следствие войны 1914–1918 гг. и дальнейшая судьба этого начинания // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 61–67; 2) Переводы часовых стрелок в России в XX веке с точки зрения социальной истории науки // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция (2015). Т. 1. М.: Ленанд, 2015. С. 237–242.

[1780] РГИА. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1563.

в издательстве П. Сойкина ответственным корректором учебных и научных книг, а впоследствии стал знаменит как автор научно-популярных книг по многим отраслям знания, в том числе по физике, математике и астрономии[1781]. Кроме того, он состоял действительным членом Русского астрономического общества, что, собственно, и заставило его заинтересоваться идеей летнего времени.

Почти сразу же после революции, 4 марта 1917 г., Перельман подал в правительство докладную записку «О переводе часовой стрелки как мере к сбережению топлива для освещения»[1782]. Он дал следующее астрономическое разъяснение предлагаемой им меры: «Дневной свет, его нарастание и убывание распределяется симметрично по отношению к моменту полдня. Рабочий же день городских жителей несимметричен относительно полдня: мы начинаем работать в 8 часов утра, за 4 часа до полдня, и ложимся спустя 12 часов после полдня. Поэтому весной и летом остаются неиспользованные светлые часы раннего утра, взамен чего приходится по вечерам прибегать в течение лишних часов к искусственному освещению. Перевод часовой стрелки, в летнее время, на час вперед до некоторой степени исправляет это несоответствие»[1783].

Здесь необходимо сказать несколько слов о предыстории летнего времени. Во многих статьях и справочниках можно прочесть, что «летнее время» впервые было введено в 1908 г. Но это неправда. Тогда появилась не само «летнее время», а всего лишь идея о возможности такого времени.

Живший в начале XX в. лондонский бизнесмен Уильям Уиллетт летом вставал очень рано и ехал осматривать принадлежавшие ему строительные площадки. Его возмущало, что в эти прекрасные утренние часы большинство сограждан еще спит (был он, видимо, ярко выраженным «жаворонком», да только в те годы деления на «жаворонков» и «сов» еще не существовало, и некому было объяснить Уиллету, что не все люди похожи на него). В 1907 г. Уиллет придумал, что надо сделать. «Для улучшения самочувствия и жизнерадостности» лондонцев он предложил в каждое из четырех воскресений апреля переводить стрелки часов вперед на 20 минут, а в сентябре таким же образом возвращать их назад. В обоснование своей идеи он писал: «Почти на протяжении полугода Солнце каждый день освещает Землю в те часы, когда мы еще спим, и быстро приближается к горизонту, пройдя свой путь на запад, когда мы возвращаемся домой после трудового дня...»[1784] Но кроме повышения жизнерадостности это привело бы, по мнению Уиллетта, к значительному уменьшению расхода энергии на освещение: при ее стоимости 0,1 пенни в час это сэкономило бы горожанам в сумме 2,5 млн фунтов стерлингов в год.

Предложенный им законопроект о переводе часовой стрелки был внесен в английский парламент в 1908 г., депутаты всерьез обсуждали его, но всё же отвергли

[1781] См.: *Перельман Я.И.* Занимательная астрономия. 8-е изд. М.: Гостехиздат, 1956.

[1782] РГИА. Ф. 92. Оп. 1. Д. 149. Л. 4–10.

[1783] Там же. Л. 5.

[1784] Цит. по: *Хауз Д.* Гринвичское время и открытие долготы / Пер. с англ. М.: Мир, 1982. С. 169.

в третьем чтении. Повторные попытки голосования за этот билль в следующие годы тоже ни к чему не привели. Справедливости ради следует сказать, что еще до Уиллета концепцию «летнего времени» выдвинул новозеландский энтомолог Джордж Хадсон в конце XIX в.[1785], но никакого практического воплощения предложения Хадсона также не получили.

Всё изменилось с началом Первой мировой войны. Тяжелый экономический кризис в 1916 г. заставил многие европейские страны перевести стрелки часов на 1 час вперед. Ни о каком «повышении жизнерадостности» при этом никто уже не думал. Цель реформы, действовавшей с весны по сентябрь, — более полное использование дневного света для сбережения расходов топлива на освещение. На летнее время перешли сразу 10 стран: Германия, Австро-Венгрия (1 мая), Голландия, Люксембург (3 мая), Дания, Норвегия, Швеция, Англия, Италия (с 10 по 30 мая) и, наконец, Франция (14 июня). Осенью часы в этих странах снова возвратили к поясному времени, а следующей весной опять перевели вперед.

С краткого изложения этой предыстории и начинает свою докладную записку Я. И. Перельман. Он пишет: «В Англии закон о переводе стрелки принят палатами 15 мая н. ст. В воскресенье 21 мая, в 2 часа ночи стрелки часов всех публичных мест Великобритании и Ирландии были переведены на 60 минут вперед, и тем самым автоматически было введено по всей стране “летнее время”, опережающее Гринвичское на 1 час. В воскресенье 1 октября, в 2 часа ночи стрелка была вновь переведена обратно, и страна, после 4-месячного периода “летнего времени”, вновь возвращается к нормальному исчислению часов, сэкономив 130 часов действия искусственного освещения»[1786]. Экономия не столь большая, как может показаться: «Экономия, достигаемая этой мерой, получается лишь от освещения частных квартир, ресторанов и, отчасти, магазинов. (Уличное же освещение действует в течение темной части суток и, конечно, не зависит от показаний часов.) Тем не менее, ввиду остроты осветительного кризиса, не приходится пренебрегать и этой экономией»[1787].

Перельман в своей докладной записке был предельно конкретен, как и положено ученому: «В России “летнее время” могло бы охватывать период с конца февраля до начала октября. Нижеследующие беглые предварительные расчеты имеют в виду период с 1 марта до 1 октября. Они дают приблизительное представление о том, какая доля расходов топлива на освещение могла бы быть сбережена от введения реформы. При этом за начало действия искусственного освещения в частных квартирах принимался момент захода солнца, а за конец — полночь, что приблизительно и отвечает практике»[1788].

Данными таблиц, представленных в докладной записке, Перельман проиллюстрировал результаты своих расчетов для разных широт.

[1785] *Hudson G. V.* On seasonal time // Transactions and Proceedings of the New Zealand Institute. 1898. Vol. 31. P. 577–588.

[1786] РГИА. Ф. 92. Оп. 1. Д. 149. Л. 4–5.

[1787] Там же. Л. 6.

[1788] Там же.

В частности, для 60-й параллели (Петроград):

«Всего с 1 марта до 1 октября искусственное освещение действует на 60-й параллели 870 часов. Экономия — 210 часов — составляет около 24%»;

для 56-й параллели (Москва — 55° 45'): «За весь период — 945 часов. Экономия 210/945 = 22%»;

Киев (50° 27'): «За весь период — 997 час. горения. Экономия 210/997 = 21%»;

Одесса (46° 29'): «Экономия 210/1057 = 20%».

«Мы видим, — писал Перельман, — что сбережение от введения реформы времени колеблется от 20 до 24%, т. е. составляет от 1/5 до 1/4 расхода энергии на все роды освещения городских квартир в период времени с марта по сентябрь»[1789]. Таким образом, Перельман провел предварительные расчеты эффективности перевода стрелок. Экономия касалась не столько электроэнергии, но и керосина, и прочих горючих материалов: «В настоящее время, ввиду остро ощущаемого недостатка топлива для освещения, представлялось бы целесообразным подвергнуть вопрос о переводе стрелки новому рассмотрению, и притом — в самом непродолжительном времени, так как лишь при введении этой меры ранней весной она может дать ощутительные результаты»[1790].

Кстати, эту идею Перельман пропагандировал и в своих публичных выступлениях. Так, четвертым пунктом программы 76-го общего собрания Русского общества любителей мироздания (21 марта 1917 г.) значился его доклад «О переводе часовой стрелки ("летнее время") на Западе и о возможности применять эту меру в России»[1791], а 31 июня 1917 г. в вечернем выпуске газеты «Русская воля» вышла статья исследователя «Остановись, Солнце».

Члены Временного правительства отнеслись к поступившему из ОСОТОП предложению очень серьезно, хотя и несколько медлили. 19 апреля 1917 г. министр иностранных дел П. Н. Милюков доложил министру-председателю Г. Е. Львову: «Великобританское Посольство препроводило мне тексты законодательных актов о переводе летнего времени на один час вперед и документы, разъясняющие цели этого закона, и результаты, достигнутые его применением в 1916 году. Считая, что в интересах обороны было бы крайне полезно принять в России подобную же меру, препровождаю Вам эти материалы»[1792].

Проект имел как сторонников, так и противников. 29 мая товарищ министра почт и телеграфов И. В. Чернышёв писал комиссару Временного правительства Д. Д. Гримму: «Многоуважаемый Давид Давидович! У меня и у И. Г. Церетели очень большие сомнения по поводу проекта о переводе часов. Из иностранной литературы видно, что рабочие недовольны повсеместно этой мерой. Проект проводится без всякого сношения с рабочими организациями. Это, наверно, вызовет осложнения. <...> Поэтому от своего имени и от имени И. Г. Церетели я возражаю против этого проекта на 1917 год»[1793].

[1789] Там же. Л. 7–10.

[1790] Там же. Л. 4.

[1791] Там же. Л. 11.

[1792] РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 462. Л. 1.

[1793] Там же. Л. 20.

Лишь 27 июня 1917 г. (когда значительная часть экономической выгоды была уже упущена) Временное правительство решило: «Перевести повсеместно в России, в период времени с 11 часов ночи 30 июня по 12 часов ночи 31 августа 1917 года, исчисление летнего времени на один час вперед, с тем, чтобы мера эта в 1918 году была осуществлена с 1 марта по 1 сентября»[1794].

Согласно этому документу действие летнего времени должно было закончиться 31 августа, однако Перельман считал, что оно будет экономически выгодным вплоть до конца сентября. Поэтому в начале июля 1917 г. на стол товарищу министра торговли и промышленности П. И. Пальчинскому ложится «Докладная записка члена Русского Астрономического о-ва Я. И. Перельмана» под названием «Желательные поправки к постановлению о переводе часовой стрелки»[1795]. В ней он предлагает три поправки к принятому законопроекту:

1. Просит указывать в документах час с пометкой «по условному “летнему времени”».
2. Считает, что обратный перевод стрелки желательно приурочить не к 11 или 12 часам ночи, а по примеру Англии — к 2 часам ночи, когда ночное движение на улицах уже прекращено.
3. Говорит, что целесообразно продлить действие летнего времени не до 31 августа, а до 30 сентября, как и предлагалось им вначале.

В конце концов 17 августа летнее время продлили до 1 октября: «В изменение постановления Временного правительства от 27 июня 1917 года о переводе исчисления времени на один час вперед, постановить: Обратный переход к нормальному исчислению времени осуществить в 1917 году в ночь на 1 октября в 2 часа»[1796]. Еще через месяц, 16 сентября было принято очень неожиданное решение вновь продлить летнее время, «впредь до особого распоряжения Правительства»[1797]. Эффективность применения летнего времени зимой противоречит расчетам Перельмана, ведь в это время года световой день настолько короток, что освещать помещения пришлось бы всё равно — не вечером, так утром. Но, возможно, в условиях кризиса власть не хотела упускать ни одного, даже самого призрачного, шанса на экономию энергоносителей. С другой стороны, не исключено, что определяющей явилась не финансовая, а социальная сторона кризиса, и правительство посчитало, что в условиях взрывоопасной революционной ситуации не стоит лишний раз провоцировать народ еще и переводом стрелок[1798].

[1794] Постановление Временного правительства от 27 июня 1917 года «Об исчислении летнего времени на один час вперед» // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый. Вып. 183. Пг., 1917. № 1043.

[1795] РГИА. Ф. 92. Оп. 1. Д. 149. Л. 13–16, 17.

[1796] Постановление от 17 августа 1917 года «Об изменении постановления о переводе исчисления времени на один час вперед» // Собрание узаконений... Вып. 210. № 1345.

[1797] Постановление от 16 сентября 1917 года «О продлении действия постановления о переводе исчисления времени на один час вперед» // Там же. Вып. 236. № 1638.

[1798] Переписка относительно этого последнего постановления нами в архивах не найдена, поэтому о причинах его судить сложно.

Таким образом, в Октябрьскую революцию 1917 г. страна вступила, пребывая в искусственном летнем времени. Возврат к нормальному времени произошел только в конце года. Декрет, подписанный 22 декабря председателем Совнаркома (СНК) РСФСР В. И. Лениным, гласил: «Декретом Коалиционного Правительства было сделано распоряжение о введении с 1 июля летнего счета времени путем перевода часовой стрелки на один час вперед. Настоящим декретом предписывается вернуться к обычному счету времени. В определенный момент, именно 27 декабря 1917 г. в 12 ч. ночи <...> показания всех часов, одновременно по всей России, исправляются переводом часовой стрелки на один час назад»[1799].

В первые годы советской власти для экономии энергии стрелки часов также периодически «передвигали», и страна временами жила то на один, то на два (порой и на три) часа впереди астрономического времени, причем не только летом, но иногда и зимой. Но после окончательного перехода на международную систему часовых поясов (1924 г.) катавасия с переводом стрелок завершилась, и до конца 1920-х страна жила четко по поясному времени, пока эпоха индустриализации не заставила вновь вспомнить о методе экономии энергии путем перевода стрелок[1800].

Не надо забывать, что параллельно с переходом с нормального времени на «летнее» и обратно перед правительством России стояла намного более важная цель — приведение российской календарной системы в соответствие с международной. 24 марта 1917 г. штабс-капитан Пангирев, служивший при штабе военного генерал-губернатора областей Турции, занятых по праву войны, обратился с письмом к председателю Временного правительства и министру внутренних дел Г. Е. Львову о необходимости ввести «новый стиль в обновленной России, ибо старый невольно напоминает о старом режиме»[1801]. К тому же, продолжал автор, по новому стилю уже давно живут «все другие цивилизованные страны», и желательно «также повсеместно в России ввести 24-часовое исчисление времени». Это письмо МВД переслало в РАН, где оно было принято к сведению ОС 15 апреля 1917 г.

24 сентября 1917 г. Совет Ассоциации русских естествоиспытателей и врачей признал «скорейшее введение нового стиля неотлагательной нуждой не только ученого мира, но и нуждой всей страны» и обратился по этому поводу к Временному правительству, Церковному собору и Академии наук, на что последняя ответила: «Комиссия по реформе календаря закрыта»[1802].

Известно, что каждая крупная революция не обходится без реформы летоисчисления и календаря, так как ее вожди пытаются представить совершённый ими захват власти как начало новой эры в истории человечества. Французская революция явила наиболее яркий пример такого рода в новой истории, введя декретом Национального конвента от 5 октября 1793 г. Французский республиканский календарь, означавший отказ от традиций, «дехристианизацию» и введение естественной

[1799] Декрет о переводе стрелки часов // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. Пг., 1918. Вып. 9. Ст. 142.

[1800] Подробнее см.: *Ермолаев А. И.* Государственное регулирование суточного времени в России в XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 161–173.

[1801] Протоколы ОС АН. 1917. С. 113. § 128.

[1802] Там же. § 284. С. 277.

религии. Притязания новой либеральной власти в России были скромнее. Она стремилась к модернизации России путем включения ее в ряды развитых стран, живущих по григорианскому календарю.

Для понимания отказа Временного правительства от этой реформы важно опять обратиться к предыстории вопроса. Когда католическая церковь в 1582 г. заменила юлианский календарь более точным с астрономической точки зрения григорианским, православный мир не принял этого нововведения. Константинопольский собор православной церкви в 1583 г. (созванный специально по поводу введения нового григорианского календаря на Западе) назвал реформу «вредным новшеством» римской церкви, «латинской ересью». Константинопольский собор признал неправильность в старом времяисчислении, но не принял нового календаря. Основным мотивом отказа стало то, что по григорианской системе нарушается канонический ход пасхальных праздников (ввиду нарушения последовательного хода дней недели) и становятся возможными совпадения христианской и иудейской Пасхи в один день[1803].

Судьбоносный указ о реформе календаря в России, изданный Петром I вскоре после возвращения его из поездки в Западную Европу (19 декабря 7208 г. «от сотворения мира» или 1699 г. «от рождества Христова»), затронул два вопроса — перенос новогодия с 1 сентября на 1 января и изменение летоисчисления (календарной эры). Но Петр не ввел григорианский (уже широко распространенный во многих европейских странах того времени) календарь, а оставил юлианский. По-видимому, здесь сказалось его нежелание вступать в конфликт с официальной восточной церковью.

Попытки перейти на григорианский календарь предпринимались несколько раз в XIX в. В конце 1820-х гг. этим вопросом занималась комиссия, созданная в Академии наук, которая пришла к выводу о необходимости введения в России григорианского календаря. Предложения академической комиссии не были проведены в жизнь ввиду решительной отрицательной позиции министра народного просвещения князя К. А. Ливена, который утверждал, что вследствие «невежественности народных масс» неудобства, сопряженные с реформой календаря, далеко превосходят ожидаемые выгоды[1804].

В 1860 г. к российскому правительству обратилось Берлинское астрономическое общество с призывом принять григорианский календарь, а в 1863 г. в пользу введения григорианского календаря в России высказался Международный статистический конгресс. В России по этому поводу началась дискуссия, в ходе которой прозвучали критические высказывания не только против юлианского, но и против григорианского календаря. Так, профессор Дерптского университета астроном И. Г. фон Медлер, выступая за календарную реформу, вместе с тем отмечал и неточности самого григорианского счета. Он предложил принять новый, улучшенный им календарь, который был близок григорианскому, но отличался от него по системе високоса и был более точным в астрономическом отношении. Проект

[1803] Подробнее см.: *Ермолаев И. П., Ермолаев А. И.* Историческая хронология. 2-е изд., перераб. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 158.

[1804] См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1895. Т. 7, п/т. 14. С. 18.

Медлера с научными обоснованиями был опубликован в его статье «О реформе календаря», напечатанной в 1864 г.[1805] Однако и на этот раз против нового варианта реформы выступили известные ученые: профессор Московского университета О. М. Бодянский, профессор Львовского университета Я. Ф. Головацкий, профессор Харьковского университета Н. Ф. Сумцов и др.[1806] Выступления против реформы были поддержаны и официальной церковью. В результате проект Медлера, как и сама реформа, были сняты с рассмотрения.

В 1899 г. Русское астрономическое общество образовало комиссию для изучения проблемы введения в России календаря, соответствующего тропическому году. Активную роль в этой комиссии играл выдающийся химик Д. И. Менделеев. Он высказался за обсуждение проекта Медлера. Но реформа вновь не была проведена[1807]. Работа комиссии Русского астрономического общества была парализована действиями Академии наук, которая, опираясь на мнение обер-прокурора Святейшего Синода, заявила о несвоевременности введения нового календаря.

Новый толчок борьбе за введение григорианского календаря в некатолических (в том числе православных) странах дала Первая мировая война, способствовавшая «глобализации мира»: в Болгарии его ввели в 1916 г., в Сербии и Румынии — в 1919 г. После окончания войны его приняли Греция (1924 г.) и Турция (1925 г.).

В России юлианский календарь продолжал употребляться до Октябрьской революции 1917 г. и был реформирован одним из первых декретов молодого советского правительства. Через три недели после свершения революции в Петрограде, 16-го (по новому стилю 29-го) ноября 1917 г., Совет народных комиссаров принял решение о подготовке календарной реформы в Советской республике. Проект реформы разрабатывался два с половиной месяца (в основу были положены предложения комиссии Русского астрономического общества), и 24 января (6 февраля) 1918 г. был принят декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря»[1808].

Тогда же правительство разрабатывало закон о полном переходе республики на систему международного поясного времени[1809]. Соответствующий декрет был обнародован 14 февраля 1919 г., однако уже в марте правительство отсрочило его введение в жизнь «ввиду технических затруднений». Окончательно на систему часовых поясов страна перешла только в 1924 г.: постановлением СНК СССР от 17 января 1924 г. поясное время было введено повсеместно на всей территории Советского Союза.

Это было прямым последствием мобилизации времени, вызванной Первой мировой войной.

[1805] *Медлер И. Г.* 1) О реформе календаря // ЖМНП. 1864. Ч. 121. Отд. 6. С. 9–21; 2) Еще о реформе календаря // ЖМНП. 1864. Ч. 121. Отд. 6. С. 125–129.

[1806] *Селешников С. И.* История календаря и хронология. М.: Наука, 1977. С. 77–79; *Ермолаев И. П., Ермолаев А. И.* Историческая хронология. С. 178–179.

[1807] Постановления Комиссии по вопросу о реформе календаря в России. СПб.: Русское астрономическое общество, 1900. С. 1–34; приложения: с. 1–54.

[1808] См.: Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 404–405 (№ 272).

[1809] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-2306. Оп. 13. Д. 15.

14.6. Демобилизация мобилизованной науки

14.6.1. Демобилизация тематики научных исследований КЕПС и КИПС

Время потребовало внесения изменений в научные планы, нацеленные уже не на победоносную войну, а на сохранение науки и на ее использование в послевоенном устройстве мира. Одними из первых задачу своеобразной демобилизации науки выразили В. Н. Ипатьев и В. И. Вернадский, явившие как раз наиболее удачные образцы ее мобилизации в предшествующие годы.

Уже со второй половины 1916 г. центральное место в деятельности Химического комитета занимали вопросы, связанные с переходом химической промышленности России к мирному развитию. В составе Комитета создали Центральную подготовительную комиссию (председатель В. Н. Ипатьев, товарищ председателя П. И. Вальден), членами комиссии были Н. С. Курнаков, А. Е. Ферсман и др. Основную задачу комиссии В. Н. Ипатьев видел в том, чтобы обеспечить переход химической промышленности на рельсы мирного строительства. В первые дни революции появились различные предложения о реорганизации Химического комитета в Главное химическое управление. Для их рассмотрения были созданы две комиссии, возглавляемые академиком Н. С. Курнаковым и полковником А. А. Дзержковичем, которые пришли к выводу о несвоевременности коренных изменений, и «Химический Комитет вплоть до самого конца своего существования продолжал работать фактически на тех же основаниях, какие имели место и до революции», а В. Н. Ипатьеву было сделано несколько замечаний «за то, что некоторые срочные заказы были даны без спроса надлежащих учреждений»[1810]. Деятельность же химических заводов сокращалась из-за недостатка сырья, расстройства транспорта и резкого падения производительности труда вследствие падения дисциплины. Под руководством Ипатьева члены Химического комитета прилагали большие усилия, чтобы, используя многолетние контакты и доверительные отношения с инженерно-техническим персоналом и рабочими организациями, сохранить химическое производство и обеспечить его перевод на выпуск мирной продукции.

В первой половине 1917 г. КЕПС продолжала выполнять задания, которые с конца 1915 г. получила из различных ведомств и организаций Военного и Морского министерств. Химическая лаборатория Петроградского университета, возглавляемая Л. А. Чугаевым, исследовала возможности использования отработанных кислот в военных целях. Там же разрабатывались методы получения чистой платины, очистки родия от иридия, переработки осмистого иридия на чистый иридий и др. В Химической лаборатории ИАН С. Ф. Жемчужный занимался методами получения некоторых специальных ферросплавов, а на опытном заводе Военно-химического комитета РФХО В. П. Ильинский создавал технологию электролитического получения металлического магния для целей обороны.

Обстоятельства заставили отказаться почти от всех полевых исследований, в том числе от обследования месторождений прозрачного шпата, используемого в оптических приборах, и пришлось ограничиться сбором литературных сведений

[1810] *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика.

о его природных источниках. Тем не менее некоторые экспедиции состоялись. По поручению Управляющего Особого совещания по обороне Химическая лаборатория Горного института под руководством И. Ф. Шредера проводила обследование сапропелита озера Балхаш на содержание в нем бензола и толуола. Для получения солей магния КЕПС по предложению Артиллерийского управления обследовала Крымские озера и обнаружила там соединения калия, являвшиеся ценным удобрением, которое до войны доставляли из Германии. Под руководством Н. С. Курнакова его получением занимались в Химических лабораториях РАН и Политехнического института, найдя тем самым возможность перехода от оборонной тематики к проектам мирного времени.

Прекращение военных действий делало неизбежным переход от оборонной тематики к вопросам, непосредственно связанным с разработкой «естественных производительных сил России». Без их использования стране грозило «полное экономическое рабство» ввиду реальной угрозы поражения в войне с Германией[1811]. Так характеризовал стратегию КЕПС С. Ф. Ольденбург в отчете РАН за 1917 г.

Интенсивно шли работы над глинами, их огнеупорностью и адсорбирующей способностью, изучались русские каолины для нужд бумажной промышленности, а также способы добычи из них алюминия[1812]. Материал полевых исследований огнеупорных ископаемых Северо-Запада и Юга России, собранный в 1916 г. И. И. Гинзбургом, П. А. Земятченским и В. И. Искюлем, обрабатывался и готовился к печати. В Тихвинском уезде впервые были найдены бокситы, перспективные для промышленной эксплуатации. Это установила специально созданная Комиссия по изысканию алюминиевых руд при Геолкоме, которая финансировалась из военного фонда. Крупнейшие химики были привлечены к разработке промышленных технологий извлечения алюминия из глин. Для испытания огнеупорности глин в Минералогической лаборатории Л. С. Коловрат-Червинский устроил электрическую печь, удобную в обращении и дающую температуру до 2000 °С и выше. И. И. Гинзбург подготовил сводку по уральским и южным глинам с указанием их пригодности для использования в бумажной промышленности. А. А. Твалчрелидзе в районе Апшеронского полуострова открыл богатые месторождения сукновальных глин, и некоторые из них стали разрабатываться для очистки нефти.

От Министерства торговли и промышленности удалось добиться поддержки проектов создания оптико-механического завода, который должен был заняться не только выпуском военных оптических инструментов, но и разработать технологию их промышленного производства, как и массового производства разных типов микроскопов для биологов, петрографов, металлургов, а также поляризационных инструментов и теодолитов[1813].

Выше уже говорилось, что продовольственные трудности побудили к введению в рацион армии и мирного населения большего числа культурных (кормовых) травянистых, кустарниковых и древесных растений и диких видов, которые

[1811] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 10.

[1812] Там же. С. 258–260.

[1813] Там же. С. 262–274.

обычно мало или совсем не используются в пищу[1814]. Исследования были призваны показать, какие части этих растений могут войти в пищу без всякой предварительной обработки в виде салатов, основы для супов, приправы, а какие требуют специальной обработки в виде предварительного аутолиза, высушивания или сбраживания при помощи соответствующих микроорганизмов. Эти исследования проводили А. Ф. Сулима-Самойло и М. П. Дубянская в пищевом отделе Центральной научно-технической лаборатории Военного министерства при участии сотрудников Ботанического сада (В. Н. Любименко и др.). Итогом работы стало несколько брошюр, содержащих рекомендации по практическому использованию разного рода заменителей обычного питания, о которых мы говорили в 11-й главе. В них предлагалось изготавливать муку из соломы, кофе из свеклы, хлеб из чилима, чай из дикорастущих ягод и т. д. Для ознакомления населения с этими рекомендациями была создана подкомиссия из представителей Министерства продовольствия, технического комитета Главного интендантского управления, Главного военно-санитарного управления, продовольственного отдела Центрального военно-промышленного комитета. Эти исследования призваны были восполнить всё нарастающий дефицит продовольственного рынка различного рода суррогатами[1815].

Предпринимались шаги по институционализации перспективных направлений в области прикладной химии и металловедения[1816]. На рассмотрение Временного правительства были внесены разработанные в январе 1917 г. проекты создания Института физико-химического анализа, Института для изучения платины и других благородных металлов, Глиняно-керамического института. КЕПС организовала серию совещаний, посвященных: роли почвоведения в земельном вопросе; использованию естественных производительных сил Русского Севера; соляным озерам России, русской платине и т. д.[1817]

О переориентации интересов КЕПС на мирную тематику свидетельствовала продолжающаяся серия брошюр под общим названием «Материалы для изучения естественных производительных сил России». Несмотря на трудности с бумагой и типографские сложности, в 1917 г. увидели свет брошюры: «Русские месторождения исландского шпата» Е. Д. Ревуцкой, «Месторождения плавикового шпата в России» Е. В. Ереминой, а также брошюры Н. А. Буша, Е. Ф. Лискуна и К. А. Фляксбергера, о которых мы говорили в разделе о мобилизации биологических ресурсов. Вышли также № 6–9 «Отчетов о деятельности КЕПС», освещавшие деятельность Совета и Общих собраний КЕПС с кратким изложением обсуждаемых там вопросов. К печати была подготовлена также серия книг геологов, минералогов и геохимиков (И. И. Гинзбурга, П. А. Земятченского, А. Е. Ферсмана, В. Г. Хлопина и др.), которые увидели свет два года спустя[1818].

[1814] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 260–261.

[1815] *Никитинский Я. Я.* Суррогаты и необычные в России источники пищевых средств растительного и животного происхождения.

[1816] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 264–265.

[1817] Там же. С. 267–269.

[1818] *Гинзбург И. И.* Слюда, ее свойства, применение и распространение в России; *Ефремов Н. Н., Уразов Г. Г., Ферсман А. Е.* К исследованию озер юга России, Пг.: КЕПС, 1919;

КЕПС по-прежнему выступала в качестве интегратора усилий многих правительственных и научных организаций[1819]. Ее главными партнерами в 1917 г. были Министерство торговли и промышленности, Особое совещание по обороне, Геологический комитет, Центральный военно-промышленный комитет, Комитет военно-технической помощи, Военно-химический комитет, Управление Верховного начальника санитарной части, Химический комитет ГАУ, Бюро по организации химического обслуживания армии, СХУК, Полярная комиссия, различные лаборатории Петроградского университета, Горного и Политехнического институтов и др. Кроме того КЕПС интенсивно завязывала контакты с региональными научными обществами, стремясь ввести естественнонаучные исследования губерний и уездов в рамки общего проекта по природным производительным силам России. Научные связи были установлены с рядом правительственных и научных учреждений Англии, США, Франции.

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, КЕПС продолжала увеличиваться в численности и обрастать всё бóльшим числом разных подкомиссий, которых к концу 1917 г. уже было 14. Десять из них возглавлял сам В. И. Вернадский (по битумам, по глинам и огнеупорным материалам, по микроскопии, по платине, по почвам, по исследованию Севера, по солям, по изданию сборника «Естественные производительные силы России», по зоологии, по «белому углю»). Редакционный комитет по изданию очерков для материалов возглавлял А. П. Карпинский, Ботаническую подкомиссию — И. П. Бородин, Подкомиссию по артезианским водам — Н. И. Андрусов, Подкомиссию по использованию силы ветра — М. А. Рыкачёв. Во главе Совета Комиссии стоял В. И. Вернадский. Его заместители — А. Н. Крылов и Н. С. Курнаков, а секретари — С. Ф. Жемчужный и А. Е. Ферсман, члены Комиссии: Н. И. Андрусов, И. П. Бородин, В. К. Бражников, П. И. Вальден, В. В. Заленский, А. П. Карпинский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Е. Ф. Лискун, А. К. Мейстер, М. А. Рыкачёв, А. С. Фаминцын. Всего КЕПС насчитывала 135 членов, помимо них в подкомиссиях состояли несколько сот ученых[1820].

Изменение конъюнктуры отразилось и на незадолго до того учрежденной Особой комиссии для исследования племенного состава пограничных областей России (КИПС). 1 апреля 1917 г., когда стал актуален вопрос о национальном размежевании на территории самой России, собралась инициативная группа во главе с С. Ф. Ольденбургом для учреждения уже Комиссии по изучению племенного состава населения России. Собравшиеся обратились к Временному правительству, указывая, что создание такой Комиссии обусловлено необходимостью иметь «строго объективные научные данные по определению племенного состава и границ племенных групп населяющих Россию народов»[1821]. Учреждаемая Комиссия

Земятченский П. А. Поглотительные свойства русских глин. Часть экспериментальная. Вып. 1–2. Пг.: 1-я Гос. тип., 1919; *Хлопин В. Г.* Бор и его соединения, их свойства, техническое применение и нахождение в пределах России и прилегающих к ней областях. Пг.: 2-я Гос. тип., 1919; *Чирвинский В. Н.* О фосфоритах Украины. Пг.: КЕПС. 1919; и др.

[1819] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 270–272.

[1820] Там же. С. 290–300.

[1821] Приложение II к протоколу VI заседания ОС АН 15 апреля 1917 (к § 138) // Протоколы ОС РАН. 1917. С. 127–128.

была готова взять на себя эту задачу и провести определение и картографию народов, проживавших в России. В обращении ничего не говорилось о политических целях предлагаемой работы, но было очевидно, что они диктуются предстоящими спорами о разграничении территорий внутри России по национальностям в связи с предстоящим созывом Учредительного собрания и новым государственным строительством. В итоге Комиссия по изучению племенного состава пограничных областей преобразовалась в Комиссию по изучению племенного состава населения России[1822]. В качестве важнейшего национального признака был объявлен язык, а вспомогательным показателем — вероисповедание. Культура, национальное самосознание и национальная самоидентификация, антропологические и этнографические особенности признавались вторичными данными, не подлежащими отражению на будущих картах. Это инициатива была одобрена на экстраординарном ОС 15 апреля 1917 г.[1823]

КИПС смогла приступить к работе только в начале сентября. Д. А. Золотарёву, С. К. Патканову, С. И. Руденко, А. А. Шахматову и Л. Я. Штернбергу поручили разработать инструкцию по составлению племенных карт и пояснительных записок в виде этнологических очерков. В них предполагалось на базе однородных статистических и картографических материалов обрисовать численные и территориальные соотношения между различными этносами. Вся территория России была разделена из несколько областей, состоящих из нескольких губерний: 1) Северная, Поволжская и Центральная области, населенные преимущественно русскими; 2) Латышско-литовская; 3) Белорусская; 4) Украинская; 5) Приуральская; 6) Крым и Прикаспийская область; 7) Бессарабская; 8) Кавказ и Закавказская область; 9) Средняя Азия и Туркестан; 10) Сибирь[1824]. Столь трудно соизмеримые территории предполагалось отобразить на картах разного масштаба. В качестве источников были определены перепись 1897 г., материалы сельскохозяйственной переписи 1916 и 1917 гг., труды научных экспедиций, полевые исследования и т. д. Всего в КИПС входили 26 чел., в том числе академики В. В. Бартольд, В. И. Вернадский, М. А. Дьяконов, Е. Ф. Карский, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, В. Н. Перетц, М. И. Ростовцев, А. А. Шахматов, профессора и доценты Петроградского университета Н. Г. Адонц, В. Н. Бенешевич, Л. С. Берг, Ф. К. Волков, И. А. Орбели, С. И. Руденко, А. Д. Руднев, А. Н. Самойлович, Л. В. Щерба и др.[1825]

Надвигавшаяся разруха всё чаще вмешивалась в планы научных исследований и публикацию их результатов.

14.6.2. История науки и науковедение

Революционные события сделали особенно актуальной работу над коллективным трудом по истории отечественной науки. Для продвижения интересов науки в обществе, расставшемся с авторитарным правлением и декларировавшем демо-

[1822] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 311–312.

[1823] Протоколы ОС РАН. 1917. С. 117. § 138.

[1824] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 313–314.

[1825] Там же. С. 315–316.

кратические цели, особенно важно было иметь труд, в котором в общедоступной и яркой форме, но на высоком научном уровне было бы показано, как в течение двух столетий шло развитие русской науки. Учитывая, что этому уникальному проекту недавно была посвящено специальное фундаментальное исследование[1826], остановимся только на том, как революция 1917 г. изменила его целевые установки. Об этом откровенно говорил С. Ф. Ольденбург 29 декабря 1917 г. в годовом отчете РАН[1827]. Первоначально работа задумывалась как средство общения с союзниками с целью лучшего понимания ими двухвековой истории российской науки и ее «вклада в сокровищницу человеческих знаний»[1828]. В связи с этим планировалась публикация сборника одновременно на русском и французском языках. В этом аспекте и шла подготовка проекта, идейным вдохновителем которого стал академик и профессор Петроградского университета А. С. Лаппо-Данилевский, разработавший теоретическое обоснование предстоящего исследования, его цели и задачи, методологию отбора и подачи материала, предварительную структуру и т. д. Характерно, что на фоне развития мировой науки предполагалось осветить не только когнитивную историю отечественной науки, но и ее институциональные, социальные и антропологические аспекты. Эти плодотворные идеи Лаппо-Данилевский сформулировал в «Заметках о развитии русской и европейской науки» и в «Плане работы о зарождении научной мысли в России»[1829].

Детальное обсуждение проекта и подготовки к изданию сборника проходило на совещании в Малом конференц-зале 25 февраля 1917 г., когда в Петрограде уже начались волнения. Накануне ОИНФ ассигновало 2 тыс. руб. на подготовку сборника к изданию. В совещании участвовали 25 чел. А. С. Лаппо-Данилевский доложил о характере и общем плане издания, который одобрили присутствующие, между которыми и была распределена значительная часть из 59 намечаемых глав. В условиях войны и борьбы за самостоятельность российской науки неизбежно возникали вопросы о том, как отражать роль иностранных, прежде всего немецких ученых в развитии отечественной науки. По мнению А. С. Лаппо-Данилевского, обязательного упоминания заслуживали те, кто был в числе ее творцов и жил в России, основав научные направления, также ставшие ее «необходимыми звеньями»[1830]. Он не видел «нужды называть» лиц, отнесенных им к категории наставников, под которыми, видимо, подразумевались зарубежные ученые, не работавшие в России.

Из-за революционных событий экстраординарное ОС АН только 27 мая рассмотрело план предполагаемого издания в двух томах в объеме 99,5 п. л.[1831], построенный по дисциплинарному принципу. План был напечатан в 50 экземплярах и разослан для обсуждения. К тому времени в его реализции собирались участвовать не только академики (Н. И. Андрусов, В. В. Бартольд, А. А. Белопольский,

[1826] Судьба проекта «Русская наука».

[1827] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 8–9.

[1828] Судьба проекта «Русская наука». С. 162.

[1829] Там же. С. 163–166.

[1830] Там же. С. 33.

[1831] Протоколы ОС РАН. 1917. С. 222. § 191.

И. П. Бородин, П. И. Вальден, В. И. Вернадский, П. Г. Виноградов, В. В. Заленский, В. М. Истрин, Н. П. Кондаков, П. П. Лазарев, Н. Я. Марр, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. В. Насонов, М. И. Ростовцев, С. Ф. Ольденбург, П. Б. Струве, Ф. И. Успенский, А. А. Шахматов), но также профессора и доценты вузов Петрограда, Москвы и других университетских городов (Ф. Д. Батюшков, Л. С. Берг, В. Н. Бенешевич, А. А. Борисяк, Ф. А. Браун, В. П. Бузескул, С. К. Булич, А. В. Васильев, Ф. К. Волков, В. М. Гессен, К. Д. Глинка, Н. Н. Глубоковский, В. Э. Грабарь, И. М. Гревс, С. А. Жебелёв, А. А. Жижиленко, В. В. Заленский, Н. И. Кареев, А. А. Кауфман, Н. П. Кравков, Н. О. Лосский, А. А. Максимов, А. И. Малеин, П. И. Новгородцев, Л. А. Орбели, М. Я. Пергамент, Д. К. Петров, Н. М. Петровский, И. А. Покровский, В. Н. Тонков, Б. А. Тураев, Н. А. Холодковский, В. Ф. Шишмарев, Л. Я. Штернберг, Н. В. Ястребов)[1832].

К тому времени проект стал центром усилий практически всей интеллектуальной элиты России, заинтересованной в продвижении корпоративных интересов научного сообщества. Это связано с тем, что не столько укрепление контактов с гражданскими обществами стран-союзников, сколько лоббирование своих интересов внутри страны придавало «гораздо большее еще значение для знакомства и понимания русской науки и культуры со стороны населения самой России»[1833]. Необходимо было объяснять и новым властям, и революционным массам, что российская наука глубокими корнями уходит в прошлое, в котором «лежит громадная работа длинного ряда поколений сознательных работников на великое дело просвещения»[1834]. Предполагалось, что книга будет укреплять «самосознание народное», останавливать «легкомысленные и пагубные шаги к разрыву с прошлым, предпринимаемые из-за невежественного смешения прошлого политического с прошлым настоящим». Книга «Русская наука» должна была показать, «как много мысли, упорного труда и забот положено русскими людьми на создание тех народных духовных сокровищ, которые в виде книг, библиотек, музеев, опытных станций становятся доступными всё более и более широкому кругу лиц, по мере того как в них самих усиливается желание знать и понимать окружающую их жизнь человека и природы»[1835]. Ольденбург уверял, что история науки свидетельствует о ее надклассовом характере и политической нейтральности, так как она домогается «истины для всего человечества и для каждого человека, кто бы ни был этот человек»[1836]. Вновь было подчеркнуто патриотическое значение истории отечественной науки, создаваемой вначале трудами иностранцев и перешедшей «постепенно в руки русских ученых»[1837]. Военная разруха не позволила завершить задуманный коллективный труд, в котором намеревались участвовать свыше 100 чел. и который после смерти А. С. Лаппо-Данилевского курировал С. Ф. Ольденбург[1838]. На публичном

[1832] Судьба проекта «Русская наука». С. 168–172.

[1833] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 8.

[1834] Там же.

[1835] Там же.

[1836] Там же.

[1837] Там же.

[1838] Судьба проекта «Русская наука». С. 115–137.

заседании Академии наук 29 декабря 1919 г. он подтвердил еще раз, что главная цель проекта — дать «картину того крупного научного подвига, который внесен русскими учеными в мировую сокровищницу науки»[1839]. К тому времени было написано всего 17 очерков, которые все увидели свет лишь спустя 100 лет, но Ольденбург, осознавший первостепенное значение истории науки в продвижении корпоративных интересов ученых, уже говорил о расширении задач проекта «Русская наука» и о необходимости издать труды классиков математики Н. И. Лобачевского, М. В. Остроградского, Е. И. Золотарёва.

Затормозилась работа и над проектом «Наука в России», задуманным совместно с журналом «Природа» и Петроградским университетом и призванным дать точные сведения о всех научных учреждениях и обществах. По утвержденному ОС в декабре 1916 г. плану, в 1917 г. должны были быть изданы две части справочника, содержащего сведения о ведущихся в стране исследованиях, их институциональной базе и о самих ученых. Первоначально этот проект рассматривался как важный путь к мобилизации научных сил России и эффективного их использования, интегрируя ученых разных отраслей знания и ведомственной принадлежности, работавших в Петрограде и Москве. Несмотря на трудности, работа шла достаточно успешно, и к осени в Петрограде были собраны важные сведения о гуманитарных науках, а в Москве — о математических и естественных. Это позволяло лучше представить научный потенциал страны в виде сотен научных обществ, лабораторий, бюро, институтов, библиотек, опытных и селекционных станций, работавших чаще всего разрозненно. Октябрьский переворот обрушил финансирование проекта, но придал ему особую ценность в диалоге с новыми властями. РАН выступала в роли объединяющего центра, способного интегрировать усилия разных учреждений страны в целях более «интенсивной научной, исследовательской работы»[1840]. С. Ф. Ольденбург и В. Н. Бенешевич, ответственные за издание справочника, не только не смогли обеспечить его выход в свет в 1917 г., но фактически возобновили работу лишь в феврале 1918 г., используя проект в переговорах с новой властью как важное средство к учету науки и ее планированию[1841]. Итоги же работы РАН в 1917 г. были подведены в первом выпуске «Наука в России», содержащем подробные сведения о научных учреждениях и обществах Петрограда на 1 января 1918 г.[1842] Их оказалось около 300, в том числе 24 в РАН, а также 51 академическая комиссия и 3 учреждения при Академии наук[1843]. Был подготовлен подобный справочник по Москве, вышедший два года спустя[1844]. Обе книги сыграли важную роль в учете интеллектуальных сил страны и послужили началом длительной систематической работы в области науковедения.

[1839] Отчет о деятельности РАН 1919. 1920. С. 4.

[1840] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 9.

[1841] *Соболев В. С.* Нести священное бремя прошедшего. С. 341–343.

[1842] Наука в России. Вып. 1.

[1843] Там же. С. 1–12.

[1844] Наука в России. Вып. 2.

14.6.3. Спасение культурного наследия в новых условиях

Разрушительная стихия революции практически сразу поставила вопрос об охране исторических и культурных памятников на государственном уровне. Уже 4 марта 1917 г. возникает Комиссия по делам искусств при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, а 13 марта 1917 г. создается Художественное совещание при комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов. 16 марта 1917 г. они объединяются в Особое совещание по делам искусств при комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов. В его задачи входила охрана памятников старины и художественных ценностей в учреждениях придворного ведомства, а об остальной собственности должны были заботиться их владельцы и общество. Да и само Особое совещание просуществовало только до 19 апреля 1917 г. 7 августа 1917 г. комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора Ф. А. Головин предложил представителям РАН войти в состав Особой комиссии по приемке имущества Петроградского дворцового управления, возглавляемой библиографом и историком искусства В. А. Верещагиным[1845]. Было решено направить в Комиссию академиков А. С. Лаппо-Данилевского и М. И. Ростовцева.

Как и в прежние годы, Академия наук продолжала снаряжать экспедиции с целью учета и по возможности сохранения археологических и исторических памятников на Юго-Западном и Кавказском фронтах. Эта работа велась в районах расположения армий и после прекращения военных действий, что позволяло сберечь от мародерства разнообразные произведения искусства, книги, рукописи.

Революционные события в какой-то степени изменили отношение правительственных ведомств и армейских властей к деятельности ученых. Власти охотнее шли на контакты с учеными, так как понимали, что в условиях начинавшегося хаоса надо действовать безотлагательно, чтобы сохранить памятники. Так, 15 апреля 1917 г. на ОС было заслушано сообщение от 29 марта 1917 г., в котором археолог Управления военного генерал-губернатора областей Турции, занятых по праву войны, уведомлял о действиях ученой военно-археологической комиссии в завоеванных областях Турции и о принимаемых мерах по охране памятников[1846]. Информация была передана в Комиссию по охране памятников старины в районе военных действий.

Это обращение было вызвано тем, что с крахом самодержавия встал вопрос о бюрократически правильном оформлении археологических исследований в оккупированных районах Турции, которые раньше осуществлялись благодаря личным связям авторитетных академиков с правящей элитой. Уже в начале марта 1917 г. известный спелеолог-археолог И. Я. Стеллецкий возглавил Археологический отдел при генерал-губернаторе областей Турции, занятых по праву войны, и в мае 1917 г. подал отчет о проделанной работе, в котором настаивал «на организации именно военно-археологической экспедиции», которая могла бы проводить неотложное археологическое обследование района, прежде всего передовых позиций. Отмечая необходимость охраны памятников архитектуры, рукописей, документов и соб-

[1845] Протоколы ОС АН. 1917. С. 219. § 214.

[1846] Там же. С. 113. § 214.

ственно археологических памятников, нередко хранящихся в пещерах, Стеллецкий особо подчеркивал: «...турецкие архивы представляют ново-открытые собрания архивных документов, с регистрацией и изучением коих необходимо поспешить, определив с местных мулл и софи основной характер их содержания (церковное или светское) <...> подвергнуть, если не все, то более ценные по древности и сохранности экземпляры хотя бы беглому палеографическому описанию»[1847].

Однако и при новой власти сохранение культурного наследия в зонах боевых действий оказалось невозможным. В отчете Ф. И. Успенского за 1917 г. сказано, что он два года занимается в Трапезунде и его окрестностях археологическими памятниками с целью их регистрации и охраны, «насколько это допускает военное положение в стране и поскольку военные интересы не преобладают над требованиями археологии». При этом он сетовал, что постоянно сталкивается с трудностями сохранения произведений искусства, рукописей и книг от порчи, расхищения и перепродажи. И видно, что никакие запоры, решетки и двери не могли воспрепятствовать находчивым и настойчивым расхитителям. Начавшаяся анархия перечеркнула и это направление мобилизационной науки. От деятельности комиссии в этот период осталось немного материалов, в основном планы и обмеры церквей, копии росписей на стенах, фотографии Трапезунда и его достопримечательностей. В экспедиции участвовали харьковский археолог Ф. И. Шмит и профессор Петроградского университета ориенталист А. Е. Крымский, основное внимание которых было сосредоточено на церквах св. Софии, св. Евгении и Богородицы Златоглавой. Там были найдены усыпальница трапезундского императора, а также фрески, мозаики, запечатленные в планах, рисунках, фотографиях. В храме Богородицы Златоглавой был организован археологический музей.

Доцент Петроградского университета И. Ю. Крачковский, приглашенный для регистрации и разбора более чем тысячи арабских рукописей, занимался главным образом Ванской коллекцией, собранной С. В. Тер-Аветисяном еще в 1916 г. В том же году поступила в Азиатский музей коллекция коранов, привезенная из Трапезунда Ф. И. Успенским[1848]. Рукописи и документы, о сохранении которых так заботились Ф. И. Успенский и И. Я. Стеллецкий в 1917 г., до РАН не дошли. Из-за нехватки средств вынужден был свернуть деятельность в Галиции уполномоченный Комиссии по охране памятников в районе боевых действий академик архитектуры П. П. Покрышкин[1849]. Литературовед А. В. Багрий телеграфировал 2 июля 1917 г., что в районе Буковины удалось спасти Черновицкие культурные ценности, тогда как остатки Кимполунгского музея разгромлены, а Сучавицкий монастырь разграблен проходящими частями[1850].

Тем не менее, несмотря на отсутствие значимых результатов в сохранении культурных и исторических памятников, РАН старалась выполнить свое призвание, выстраивая взаимоотношения между самими исследователями, а также властными структурами в условиях начинавшегося хаоса.

[1847] Цит. по: *Старостин Д. Н.* Трапезундская экспедиция 1916–1917 гг. С. 289.

[1848] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 111–112.

[1849] Протоколы ОС АН. 1917. С. 221. § 189.

[1850] Там же. С. 242. § 238.

Однако более грозным бедствием, чем война, для произведений искусств, а также памятников старины и природы становились учащавшиеся погромы помещичьих усадьб взбунтовавшимися крестьянами и просто бандитами. Как с горечью говорилось в отчете РАН за 1917 г., «трудно теперь даже учесть те народные, национальные сокровища, которые погибли жертвою народной темноты и безрассудного подстрекательства»[1851].

В этих условиях РАН зачастую оказывалась более бессильной, чем в районах боевых действий, где она все-таки опиралась на некоторые властные структуры, имевшие хоть какое-то представление о значении исторических памятников. Относительно погромов в сельской местности оставалось только взывать к центральной власти, которая сама не контролировала местное руководство, также бессильное перед лицом анархии и самоуправства. Немногочисленные заповедники постоянно находились под угрозой уничтожения местным населением, не желавшим понимать их значение. В этом отношении характерны ситуации со Степной, Бородинской, Мурманской биологическими станциями, заповедником «Аскания-Нова» и др., о которых мы говорили. Тем не менее Академия наук старалась спасти гибнущие памятники культуры и природы, призывая местные и центральные власти вмешаться, апеллируя к их долгу перед страной и будущими поколениями.

Риск погромов, грабежей или конфискаций, а затем и сдачи Петрограда немцам по-новому поставил задачу спасения культурных ценностей. Под угрозой оказалась двухвековая работа многих поколений российских ученых по формированию коллекций и библиотек. Как отмечал В. И. Вернадский, вследствие паники за бесценок раскупались научные библиотеки, в связи с чем «у многих тяжелые переживания, близкие к отчаянию»[1852]. Поэтому РАН по мере сил пыталась организовать охрану уникальных коллекций и библиотек. Много частных владельцев и учреждений стремились отдать свои культурные сокровища на вечное хранение в РАН, что вызвало бурный рост рукописного отдела Библиотеки и Пушкинского Дома. Сбор материалов в «Архив войны» слился с собиранием революционных листовок, периодических партийных изданий первых дней революций[1853]. К сожалению, все они исчезли в ходе дальнейших бурных событий, и следов их до сих пор найти не удалось[1854]. Собрание книг русской заграничной печати и подпольных изданий получило огромное пополнение из Архива Департамента полиции, Охранного отделения, Жандармского губернского управления. В них хранилась великолепная подборка запрещенных книг, периодических изданий, партийных листков, прокламаций.

В 1917 г. РАН пополнилась собраниями бумаг графа И. И. Шувалова и Ф. И. Голицына, переданных почетным академиком вел. кн. Николаем Михайловичем; письмами академика П. С. Палласа; обширным собранием литературных и исторических материалов известного коллекционера и библиофила В. И. Яковлева; бумагами и книгами графов Степана С. и Сергея С. Ланских; библиотекой Э. Калужняцкого; рукописями Н. И. Пирогова; рисунками А. П. Хотулева; картоте-

[1851] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 14.

[1852] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 27.

[1853] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 45.

[1854] История Библиотеки АН СССР. 1714–1964. М.; Л.: Наука, 1965. С. 265.

кой для «Словаря русских портретов» Н. Н. Врангеля; библиотекой из сгоревшего замка Штоксмансгофа в Латвии и, наконец, уникальной библиотекой вел. княгини Елены Павловны, содержащей 8 тыс. научных книг XVIII в.[1855] Академия мгновенно отреагировала на письмо принцессы Е. Г. Саксен-Альтенбургской от 21 августа 1917 г. о намерении передать в дар РАН эту библиотеку. На совещании с участием А. П. Карпинского, С. Ф. Ольденбурга, И. П. Бородина, М. А. Дьяконова и Н. А. Котляревского было решено как можно быстрее вывезти книги из Каменноостровского дворца, поскольку «в настоящее тревожное время частный дом уже не может обеспечить подобные культурные ценности от разорения»[1856].

Будучи товарищем министра просвещения, В. И. Вернадский добился также положительного решения об усилении поста милиции для охраны библиотеки и музея чл.-корр. РАН Н. П. Лихачёва. Причем начальник Петроградской городской милиции заверил РАН, что в случае необходимости охрана дома Лихачёва «будет усилена»[1857]. Узнав о том, что под угрозой усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», РАН также обратилась за помощью в МВД.

Вскоре после Февральской революции по инициативе начальника Морского архива А. И. Лебедева был создан Союз Российских архивных деятелей с целью неотложного спасения архивов упраздняемых учреждений, частных усадебных архивов и архивов прифронтовой зоны. Начавшиеся разгромы помещичьих усадеб, полицейских и жандармских учреждений, судов, прокуратуры и т. д. заставляли действовать решительно и незамедлительно приступить к разработке планомерного вывоза наиболее важных и ценных документов из столичных архивов на хранение в Академию наук. 8 апреля 1917 г. председателем Союза был избран академик РАН А. С. Лаппо-Данилевский. В ответ на обращение многих организаций, обеспокоенных состоянием архивного дела в революционной России, на экстраординарном ОС АН 27 мая 1917 г. было решено образовать при Академии Межведомственное совещание во главе с А. С. Лаппо-Данилевским для обсуждения положений о губернских ученых архивных комиссиях[1858]. В результате этого совещания был разработан устав Союза российских архивных деятелей, утвержденный министром народного просвещения Временного правительства 16 июня 1917 г. Это позволило объединить «разрозненных до того деятелей архивного дела в России, на попечении которых находятся исторические документы первостепенной важности»[1859].

Начавшийся распад Российского государства создавал новую ситуацию в сохранении культурных ценностей. Становящиеся самостоятельными национальные окраины начинали требовать возвращения когда-то вывезенных в столицу своих библиотек, архивов и других культурных объектов. Первой возникла проблема с Ликвидационной комиссией по делам Царства Польского, созданной Временным правительством 15 марта 1917 г. во главе с бывшим кадетом А. Р. Ледницким.

[1855] См. об этом книжном собрании: *Кульматова Т. В.* Библиотека великой княгини Елены Павловны // Великая княгиня Елена Павловна. СПб.: Лики России, 2011. С. 300–304.

[1856] Протоколы ОС АН. 1917. С. 243. § 239.

[1857] Там же. С. 256. § 261.

[1858] Там же. С. 225. § 201.

[1859] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 15.

9 июня 1917 г. Ликвидационная комиссия запросила в Академическом архиве сведения об архивных фондах, в целом или частично переданных из собраний, принадлежавших ранее государственным, общественным, церковным или частным хранилищам Царства Польского, и об их описях. Академию наук попросили также разрешить представителям комиссии ознакомиться с самими фондами и документами об их передаче в Академический архив. Со ссылкой на летние отпуска сначала было сказано, что до осени архив закрыт. 2 сентября ОС РАН ответило, «что все учреждения Академии теперь открыты и доступны для общего пользования»[1860], но было уже не до них.

Практически сразу на повестке дня оказался давний вопрос о реформе русского правописания с целью его упрощения. Еще 14 февраля 1904 г. на заседании ОРЯС была создана Особая орфографическая комиссия по вопросу о русском правописании во главе с императором Николаем II[1861]. Его заместителем стал Ф. Ф. Фортунатов. В комиссию вошли также А. А. Голенищев-Кутузов, А. Ф. Кони, Ф. Е. Корш, А. И. Соболевский и А. А. Шахматов. 10 апреля 1904 г. на заседании ОРЯС Ф. Ф. Фортунатов доложил президенту ИАН о плане работы Комиссии по подготовке конкретных предложений к реформе правописания[1862]. Подготовленные предложения показались вел. кн. Константину Константиновичу слишком радикальными, и проект был отложен на долгие годы, хотя перед началом войны многие педагогические съезды и курсы, включая 1-й Всероссийский съезд по вопросам народного образования, принимали резолюции о необходимости реформы русского правописания. Тогда была создана Орфографическая подкомиссия, но и ее предложения многих не удовлетворили. С 27 декабря 1916 по 4 января 1917 г. в Москве проходил 1-й Всероссийский съезд преподавателей русского языка, в котором участвовали 2090 педагогов, единодушно высказавшихся за скорейшую реформу и обратившихся к ИАН, «чтобы состоящая при ней Орфографическая комиссия без замедления завершила начатую работу»[1863]. Тяжелое время, по мнению собравшихся, не может служить отговоркой для бездействия, а, напротив, требует энергичного устранения всего того, что мешает народному образованию.

Академики услышали учителей и создали Комиссию в составе А. А. Шахматова, С. Ф. Ольденбурга, А. И. Соболевского, В. Н. Перетца, Е. Ф. Карского и Н. К. Никольского для выработки возможных мер в этом направлении. 25 апреля 1917 г. Комиссия собралась под председательством А. А. Шахматова и совместно с Отделением ОРЯС рассмотрела все проекты реформ, подготовленные Орфографической комиссией (1904) и Орфографической подкомиссией (1912)[1864]. Решения, принятые по каждому пункту голосованием, были еще раз обсуждены 11 мая 1917 г. на Совещании по вопросу об упрощении русского правописания. В нем помимо членов Комиссии участвовали члены Орфографической комиссии 1904 г., представители ряда высших учебных заведений, а также МНП, Министерства торгов-

[1860] Протоколы ОС АН. 1917. С. 241. § 234.

[1861] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1904. Д. 218. Л. 28.

[1862] Там же. Л. 73–74.

[1863] Протоколы ОС АН. 1917. С. 115. § 133.

[1864] Там же. С. 183–185. § 161.

ли и промышленности, Синода, Всероссийского педагогического союза, Главного управления военно-учебных заведений, Комиссии по народному образованию Петрограда[1865]. Председательствовал А. А. Шахматов, который подробно рассказал историю затянувшихся реформ, глубоко волнующих общество, особенно ученых, педагогов, писателей, журналистов, и подчеркнул еще раз, что речь может идти только об изменении правописания, а язык должен оставаться в «полной неприкосновенности» и развиваться дальше по собственным законам, «которыми определяется жизнь». После оживленных дебатов, в которых участвовали Н. И. Андрусов, И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, С. К. Булич, О. П. Герасимов, Е. Ф. Карский, Н. К. Кульман, П. Н. Сакулин и др., было решено представить согласованное предложение на утверждение ОС, намеченное на 13 мая 1917 г.

Осторожные академики постановили «иметь суждение осенью», но предложения были переданы в МНП[1866], где необходимую научную работу по реформе русского правописания посчитали завершенной. А. А. Мануйлов поддержал проект реформы русского правописания и уже 17 мая 1917 г. выпустил циркуляр, содержащий основные правила нового, упрощенного правописания и предписывавший попечителям округов немедленно провести реформу русского правописания. Еще один циркуляр вышел 22 июня 1917 г. Но через 10 дней Мануйлов ушел в отставку, и правила стали обязательными уже после прихода к власти большевиков. 23 декабря 1917 г. вышел приказ за подписью А. В. Луначарского, предписывающий «всем правительственным и государственным изданиям» с 1 января (ст. ст.) 1918 г. «печататься согласно новому правописанию»[1867]. Но и тогда у власти не хватило воли, и на территории, контролируемой большевиками, на новую орфографию перешли только 15 октября 1918 г. Повсеместно же это произошло уже после окончания Гражданской войны.

В РАН на протяжении всего 1917 г. поступали обращения губернских съездов педагогов о том, что «промедление с реформой русского правописания может сильно тормозить развитие народных масс»[1868]. Именно такой аргумент был приведен в телеграмме Совета Тверского губернского учительского союза от 18 мая. Того же требовали председатель учительского союза г. Глухова, инспектор Елеонского высшего начального училища, Совет учителей Чухломы и многие, многие другие.

14.7. От реорганизации науки к ее эвакуации: разочарование и поиски выхода

Апрельский политический кризис вызвал уход в отставку первого Временного правительства и быструю поляризацию политических сил с резким полевением народных масс, а вслед за ними и правительства. Первым вынужден был его покинуть

[1865] Приложение I к протоколу VII заседания ОС АН 13 мая 1917 г. (к § 161) // Протоколы ОС АН. 1917. С. 189–207.

[1866] Протоколы ОС АН. 1917. С. 185. § 161.

[1867] Декрет о введении нового правописания // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 40. 23 декабря. С. 1.

[1868] Протоколы ОС АН. 1917. С. 220. § 185.

лидер кадетов министр иностранных дел П. Н. Милюков, который пообещал союзникам выполнить долг до победного конца, но не смог заставить народ продолжать воевать. Энтузиазм первых дней у молодых исследователей проходил. Это хорошо описал Н. И. Вавилов в письме к своей сотруднице А. Ю. Тупиковой, в котором сообщает, что на митинге в МСХИ было принято решение: институт закрыть, а всем студентам и молодым преподавателям поступить в распоряжение революционной власти вплоть до окончательной победы[1869]. Но уже два дня спустя все смотрели друг на друга с изумлением, не понимая, «как была вынесена та резолюция», в каком-то «почти бредовом состоянии». В мае 1917 г. членами ЦК партии кадетов, по-прежнему доминировавшей во Временном правительстве, были избраны академики В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург и А. А. Шахматов[1870]. Но прежнего оптимизма у них уже не было. Своему ученику А. Е. Ферсману, находившемуся в Симферополе, В. И. Вернадский пишет 9 июня 1917 г.: «В общем, здесь нехорошо. Мы быстро идем к какой-то катастрофе»[1871]. Правда, он все-таки не теряет надежды выйти «из нее не очень пострадавшим» и надеется в ближайшее время уехать из Петрограда на Полтавщину и заняться биогеохимическими исследованиями.

Предчувствие не обмануло опытного политика. После провала июньского наступления и расстрела июльского восстания в Петрограде разразился правительственный кризис. В результате длительных дискуссий руководство партии кадетов, не приняв соглашение с Центральной радой о федерализме с Россией, призвало своих сторонников покинуть коалиционное правительство. Среди них был и министр А. А. Мануйлов, возглавивший кафедру политической экономии и статистики в Московском университете. 7 июля 1917 г. ушел в отставку министр внутренних дел и председатель Временного правительства Г. Е. Львов, многолетний соратник В. И. Вернадского, С. Ф. Ольденбурга, П. Б. Струве и других ученых-кадетов по «Союзу освобождения» и земским съездам. Новое коалиционное правительство возглавил военный и морской министр А. Ф. Керенский, что само по себе вызвало отрицательную реакцию в научном сообществе.

В благополучный исход революционных событий всё меньше верил И. П. Павлов, наблюдая за ростом активности масс, за их выступлениями против Временного правительства и за столкновениями между большевиками с одной стороны и эсерами и меньшевиками с другой[1872]. Когда же во главе коалиционного правительства, состоявшего в основном из представителей левых, социалистических партий, встал Керенский, негодованию Павлова не было предела[1873]. Великий физиолог знал будущего премьера раньше благодаря прокурору судебной палаты С. В. Карчевскому — своему шурину. По воспоминаниям Л. А. Орбели, Павлов

[1869] Цит. по: *Резник С.* Эта короткая жизнь. С. 178–179.

[1870] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 658.

[1871] Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману. С. 80.

[1872] *Мозжухин А. С., Самойлов В. О.* И. П. Павлов в Петербурге–Ленинграде. Л.: Лениздат, 1977. С. 213.

[1873] *Самойлов В. О.* Эволюция политических взглядов И. П. Павлова в годы советской власти. С. 653.

возмущался в те дни: «О, паршивый адвокатишка, такая сопля во главе государства — он же загубит всё!»[1874]

Приближение катастрофы ощущали и представители гуманитарных наук, воспринявшие и отступление войск, и уход кадетов из правительства как оправданный акт, обусловленный невозможностью мириться с признанием поражения страны и началом ее распада. Многих особенно потрясли уступки Центральной раде, расцененные как предательство единой и неделимой России и готовность пойти на сепаратный мир.

Начавшийся распад единого русскоязычного научного пространства, инициированный Центральной радой во главе с кадетом-историком М. С. Грушевским, произвел крайне гнетущее впечатление на А. А. Шахматова. 19 июля 1917 г. он пишет академику В. М. Истрину: «Россия пропала — это ясно! Совершенно не вижу выхода и возможности спасения! <...> Неужели можно пережить позор и унижение родины с легким сердцем?»[1875]

И академики, и профессора в равной мере убеждались, что революция, которую они ждали десятилетиями как начало созидания и демократических реформ, не только не оправдывала их надежд, но и несла хаос и разрушение, угрозу всем планам и чаяниям. В Петрограде по существу не прекращалась ожесточенная политическая борьба, при которой наука оказывалась никому не нужной. С горечью отмечал И. П. Бородин: «Положение интеллигенции теперь вообще самое печальное. Но еще печальнее положение несчастной России»[1876]. «Феерический переворот» в феврале 1917 г. обернулся беспорядками и трагедиями, резким ухудшением жизни для всех слоев населения, и научной интеллигенции в первую очередь. Начинается рефлексия по поводу несбывшихся надежд. Бородин сделал неожиданный вывод о преждевременности демократических преобразований: «Слишком мало подготовлен народ, понимающий свободу только как анархию и возможность никому не подчиняться»[1877].

В то же время шла актуализация «веховских» идей с дрейфом многих видных ученых на правый фланг общественной и политической жизни. Июльские события и расстрел июльской демонстрации в Петрограде были оценены многими людьми науки как открытие «русско-русского фронта», т. е. как начало гражданской войны, которое заставляло их задумываться об альтернативе либеральной парадигме.

Свидетельством поправения интеллектуальной элиты стала Лига русской культуры, пытавшаяся объединить в мае–октябре 1917 г. обширный спектр русской научной и творческой интеллигенции от монархистов и националистов-славянофилов до октябристов и кадетов[1878]. Идейным вдохновителем

[1874] *Орбели Л. А.* Воспоминания. М.; Л.: Наука, 1966. С. 83–84.

[1875] *Жуков А. Е.* А. А. Шахматов и В. М. Истрин // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. С. 144. Цит. по: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. С. 22.

[1876] СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 32 об.

[1877] Там же. Л. 28 об.

[1878] *Знаменский О. Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября. С. 219–221; *Жердева Ю. А.* «Рожденные» в 1917-м: общественно-политическое движение «Лига русской

и инициатором этой национально-патриотической организации стал профессор Петроградского Политехнического института П. Б. Струве, незадолго до того избранный академиком по кафедре политической экономии и статистики. 29 мая 1917 г. на «подготовительном собрании» Лиги в помещении редакций «Русской мысли» и «Русской свободы» он выступил с программной речью о тесной связи патриотизма и культуры с национальной идеей, воплощенной в политическом строе государства. В прошлом Струве был убежденным марксистом, участником Лондонского конгресса II Интернационала (1896), редактором первых в России марксистских газет и журналов «Новое слово» (1897) и «Начало» (1899), автором «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии» (1898), а затем редактором либерального журнала «Освобождение», одним из основателей либеральных «Союза освобождения» (1905) и кадетской партии (1905), членом которой он состоял до 1915 г.[1879] Теперь он ратовал за возрождение «здорового патриотизма», звал на борьбу с «антигосударственной стихией» и «бесовской трагедией национально-государственного отступничества».

Струве фактически возглавлял Временный совет Лиги, избранный на ее собрании 7 июня 1917 г., где М. В. Родзянко стал почетным председателем. Новая организация носила элитарный характер; вступавшие в нее должны были иметь годовой доход не менее 3–4 тыс. руб. в месяц. Среди ее основателей было много политических деятелей, включая профессоров и академиков (это Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. В. Карташёв, С. А. Котляревский, С. Ф. Ольденбург, С. Ф. Платонов, С. Л. Франк). Вскоре к ним присоединились И. П. Бородин, М. А. Дьяконов, Ф. Ф. Зелинский, С. А. Жебелёв, Е. Ф. Карский, Н. П. Кондаков, Н. А. Котляревский, А. С. Лаппо-Данилевский, В. В. Латышев, А. В. Никитский, Н. К. Никольский, М. И. Ростовцев, Е. Н. Трубецкой, Б. А. Тураев, которых, видимо, не шокировала близость с крайне правыми, монархистами и националистами.

Более того, политический плюрализм объединения подчеркивался в его программной декларации, ставящей цель приступить в «единении с пробужденным и отрезвленным народом» в «освобожденной России», переживающей период «великого разброда и распада», к созидательной работе «укрепления русской культуры и государственности в их благородно-национальной форме, предуказанной всей нашей историей»[1880]. Эта декларация отражала умонастроение элиты отечественной гуманитарной науки, пришедшей к выводу, что только творческой работой на ниве культуры, пронизанной глубоким национальным чувством, можно избежать «духовного распада и нравственного одичания» населения. Упор на национализм явно разводил создателей Лиги русской культуры с усилиями ученых-естественников из круга М. Горького, делавших упор на пропаганду достижений интернациональной науки. Призывая к перевоспитанию народа и интеллигенции в духе патриотизма и национализма, они уповали на перестройку формировавших-

культуры» // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования / Отв. ред. М. В. Друзин и др. СПб.; Киев; Минск: Нестор-История, 2008. С. 532–543.

[1879] *Pipes R.* Struve, Liberal on the Right, 1905–1944. Cambridge: Harvard University Press, 1980.

[1880] К русским гражданам // Русская свобода. 1917. № 9. С. 20.

ся веками сознания и психологии масс. Они смутно представляли реальные потребности и устремления взбудораженного революцией народа. Лига прекратила свое существование накануне Октябрьской революции, не оставив никаких следов в сохранении ни национальной культуры в целом, ни ее отдельных памятников. Лозунги о возрождении «культуры и государственности» были заглушены «призывами к справедливости и перераспределению собственности», показав в очередной раз бессилие изощренного разума перед «пробужденным», но явно «не отрезвленным» народом[1881]. Национально-патриотические устремления и культ «исторических традиций русской государственности» не мог вдохновить русских либеральных интеллектуалов, не говоря о национальной интеллигенции окраин, жаждущих независимости. И здесь были бесполезны усилия профессора Петроградского университета историка И. М. Гревса, уверявшего, что Лига является «надпартийной, надклассовой и надплеменной» организацией, призванной объединить в общерусской культуре культуру всех национальностей России[1882].

В прежнем патриотическом хоре профессорско-преподавательского состава стали отчетливо слышны заявления о необходимости быстрейшего замирения с Германией без аннексий и контрибуций и отказа от планов национал-либералов прибрать к рукам Константинополь и проливы[1883]. Так писал бывший доцент Московского университета историк Н. А. Рожков, занимавший в течение непродолжительного времени пост министра почт и телеграфов во Временном правительстве. Намного радикальнее высказывался приват-доцент Петроградского университета историк и юрист М. А. Рейснер, отец Ларисы Рейснер, ставшей прообразом Комиссара из пьесы Вс. В. Вишневского «Оптимистическая трагедия». По его мнению, три года войны вскрыли всю фальшь ультрапатриотических заявлений о возвышенных духовных целях России, борьбе за национальные интересы, за освобождение славян и за сокрушение тевтонских варваров[1884]. Он допускал ведение свободной Россией только оборонительных войн. После провала июньского наступления и развала фронта о «мире без аннексий и контрибуций» заговорил министр иностранных дел М. И. Терещенко, а военный министр генерал-майор А. И. Верховский настаивал, что армия воевать больше не может. Комментируя их споры, В. И. Вернадский 11 октября 1917 г. записывает в дневнике: «М[ожет] б[ыть], правильна постановка на обсуждение вопроса о мире»[1885]. К тому времени угроза оставления Петрограда стала совершенно реальной, что плохо понимал Вернадский. Буквально накануне вооруженного восстания в Петрограде он расценил требования Верховского о мире как большевистскую пропаганду и задается вопросом: «Всюду толки о мире — но что из себя представляет сейчас “мир”. Насколько он возможен и что значит?»[1886] В то же время он признаёт, что в сущности Верховский прав, так как армия драться не может, а мир необходим для того,

[1881] *Жердева Ю. А.* «Рожденные» в 1917-м. С. 542.

[1882] *Гревс И. М.* Лига русской культуры // Речь. 1917. № 195. 20 авг. С. 6.

[1883] *Рожнов Н. А.* Нужны ли нам проливы? М.: Грядущее, 1917.

[1884] *Рейснер М. А.* Война и демократия. Пг.: Изд-во И. Р. Белопольского, 1917.

[1885] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 14.

[1886] Там же. С. 27.

чтобы завоевать ее симпатию и повернуть против большевиков. Сторонником широкой коалиции с социалистическими партиями был А. А. Мануйлов, оставивший пост министра народного просвещения и отошедший от активной политической деятельности. Создавалось впечатление, что он, как и многие другие сторонники реформы науки и образования, разуверившись в возможности их реализовать в условиях острейшего политического кризиса, с облегчением покинул государственную ниву и вернулся к привычной научно-преподавательской деятельности. Во имя спасения науки многие ученые были готовы отказаться и от ее реформирования, и от сотрудничества с властью, которая с провалом «февральской демократии» казалась им обреченной[1887]. Они понимали, что речь идет уже не о мобилизации науки во время войны, а о ее спасении.

Иначе на это смотрели С. Ф. Ольденбург и отчасти В. И. Вернадский, которые по-прежнему считали, что ученые должны участвовать в общественно-политической жизни и взаимодействовать с правительством в лоббировании планов научного сообщества. 25 июля 1917 г. С. Ф. Ольденбург вошел в состав Временного правительства А. Ф. Керенского как представитель партии кадетов. Незадолго до этого, 17 июля 1917 г., А. А. Блок сделал запись о разговоре с Ольденбургом, который собрался идти на фронт солдатом, так как полагал, что там важнее, чем в тылу, а «Керенский его отговаривает»[1888].

При всей парадоксальности ситуации, когда премьер-министр уговаривает 55-летнего непременного секретаря РАН и кандидата на пост министра не идти на фронт простым солдатом, она хорошо отражает чувство разочарования ученых, осознавших, что народ в бой идти не желает, и понимавших всю пагубность сепаратного мира. Об этом можно судить по письму от 25 июля 1917 г. В. И. Вернадского к Г. В. Вернадскому, — профессору Пермского университета. Отец указывает сыну на нецелесообразность его решения «идти в армию», так как «профессора и определенные группы учителей и ученых» «ввиду важности их функций для государства» «идут на военную службу лишь в последней крайности»[1889]. По мнению В. И. Вернадского, в военное время ученые обязаны не только интенсивно заниматься своей основной работой, — «они должны самым энергичным образом участвовать и в организации тыла. И я не знаю, что сейчас важнее: тыл или фронт»[1890].

Буквальные совпадения дневника А. А. Блока и письма В. И. Вернадского в суждениях о тыле и фронте вряд ли случайны. С. Ф. Ольденбург сам хорошо понимал, что для страны и российской науки важнее, чтобы он занялся организационной работой в тылу, чем отправился на фронт солдатом. Итогом уговоров премьер-министра стал пост министра народного просвещения, принятие которого, судя по дневнику Блока, сам Ольденбург воспринимал как сакральную жертву во имя науки. Вскоре он предложил В. И. Вернадскому, уехавшему 5 июля из Петрограда

[1887] Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. С. 232–241.

[1888] *Блок А. А.* Записные книжки. 1901–1920. М.: Художественная литература, 1965. С. 378.

[1889] В. И. Вернадский. Pro et contra. Антология литературы о В. И. Вернадском за 100 лет (1898–1998) / Сост. А. В. Лапо; отв. ред. А. Л. Яншин. СПб.: РХГИ, 2000. С. 138.

[1890] Там же.

в Украину, стать товарищем министра и возглавить отдел высшей школы и организации научных учреждений.

Это предложение явно нарушало планы В. И. Вернадского, разочаровавшегося к тому времени в политической деятельности и жаждавшего вернуться к научной работе[1891]. Но, с другой стороны, у него не было сил отказаться, так как со студенческих лет они вместе с С. Ф. Ольденбургом были уверены, что только просвещение и наука могут обеспечить развитие России, а здесь им предоставлялась возможность на практике проверить свои убеждения. Хотя он чувствовал «всю непрочность положения дел», но всё-таки надеялся «что что-нибудь можно будет сделать»[1892]. Как вспоминал Вернадский в 1930-х гг., он принял предложение Ольденбурга не только из-за того, что не хватило «мужества отказаться, т[ак] к[ак] сознавал свой долг не оставлять людей, партию в общем деле», но и потому, что «вопросы правильной организации научной и учебной работы» его всегда «глубоко интересовали»[1893]. И в дальнейшем Вернадский никогда не жалел ни о том, что принял предложение Ольденбурга и 1 августа был назначен на пост товарища министра народного просвещения, ни о том, что остался на этом посту тогда, когда 31 августа 1917 г. подал в отставку уже сам С. Ф. Ольденбург, а главой МНП с 4 сентября стал бывший директор Женского медицинского института и лидер «Демократического блока» С. С. Салазкин.

К тому времени влиятельные члены академического сообщества отчетливо ощущали трагизм происходящего и скептически оценивали участие своих коллег в деятельности Временного правительства, быстро терявшего авторитет в стране. Так, например, 24 августа 1917 г. В. А. Стеклов писал А. П. Карпинскому из Кисловодска, что очень сожалеет по поводу согласия С. Ф. Ольденбурга занять министерский пост[1894]. Его утешало только то, что в министерской чехарде, за короткое время превзошедшей чехарду правительств и министров при царизме, у Ольденбурга мало шансов удержаться в правительстве долго, и Академия вновь сможет использовать блестящие административные способности своего непременного секретаря. И в этом он не ошибся, как и в том, что краткое отсутствие Ольденбурга сразу сказалось на делопроизводстве ОС АН. Так, судя по дошедшим протоколам, 9 августа 1917 г. состоялось два экстраординарных ОС — десятое и одиннадцатое, на обоих присутствовали одни и те же 12 академиков из 42, но повестка дня, особенно количество вопросов, существенно отличаются: например, в 1-м протоколе значатся параграфы от 207 до 217, а во втором от 210 до 219[1895].

Практически с первых дней пребывания на новой должности Ольденбург столкнулся с проблемой так называемых «плехановских надбавок», введенных 5 августа 1917 г. Временным правительством для улучшения материального положения младших служащих правительственных учреждений, в том числе РАН и государственных вузов. По закону, их должны были платить с 1 апреля 1917 г., когда

[1891] *Аксёнов Г.* Вернадский. С. 211.

[1892] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1920. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 209.

[1893] Там же.

[1894] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 558. Л. 1–1 об.

[1895] Протоколы ОС АН. 1917. С. 217–220, 233–235.

В. Г. Плеханов вернулся в Россию. Но популистская мера не была финансово обеспечена, что привело к недовольству, волнениям и забастовкам. Обещанные прибавки «можно было получить только путем угроз! Этим самым организуют людей и вносят беспорядок»[1896].

Неполные полтора месяца пребывания Ольденбурга на посту министра были ознаменованы рядом важных событий. В системе РАН появился первый научно-исследовательский институт — Кавказский историко-научный, учрежденный в Тифлисе постановлением Временного правительства от 1 июля 1917 г.[1897] Институт создавался на базе Кавказского музея, а его научным руководителем был назначен академик Н. Я. Марр с правом передачи обязанностей директора на время отсутствия местному историку Е. С. Такаишвили, который не раз обращался к ОС с ходатайствами об увеличении ассигнований на Кавказский музей в 1918 г., в том числе и с учетом предстоящих изменений статуса и штатов. Практически сразу, вступив в должность министра, С. Ф. Ольденбург 27 июля 1917 г. дал ход обращению Такаишвили, о чем и сообщил на ОС 2 сентября[1898]. 6 сентября 1917 г. ОС РАН утвердило устав и программу института[1899]. Тогда же Ольденбург сообщил, что для ускорения открытия нового Института он приказал перевести в распоряжение Н. Я. Марра 10 тыс. руб., а Марр сделал доклад о подготовительной деятельности по открытию Кавказского историко-археологического института[1900]. Создания такого института для изучения языков, культуры и истории народов Кавказа и современных и вымерших народов Ирана, Месопотамии и Малой Азии РАН добивалась много лет. Правда, вскоре институт оказался отрезан от Петрограда на долгий срок, а его сотрудники на несколько лет остались без финансирования. Только в 1921 г. юрисдикция РАН над институтом была восстановлена. К тому времени Е. С. Такаишвили эмигрировал со многими коллекциями.

В конце августа были сделаны два важных шага по расширению государственной сети научно-исследовательских институтов. Граф В. П. Зубов, создавший в 1912 г. в семейном доме на Исаакиевской площади знаменитый частный Институт истории искусств, решил подключить к его финансированию государство. В июне 1960 г. он вспоминал: «При Временном правительстве через проф. Ольденбурга я вошел в контакт с Министерством (вероятно — народного просвещения. — *Э. К.*), т[ак] к[ак] я уже не мог покрывать все расходы»[1901]. 30 сентября 1917 г. от имени министра народного просвещения В. И. Вернадский направил в РАН письмо В. П. Зубова с измененным пунктом 36 Устава института, позволявшим передачу его в собственность РАН в случае прекращения деятельности. 7 октября ОС

[1896] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1920. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 22.

[1897] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 232–234.

[1898] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1917а. Д. 164. Л. 124; Протоколы ОС РАН. 1917. С. 239–240. § 226–228.

[1899] Известия РАН. 1917. С. 955.

[1900] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1917а. Д. 164. Л. 448–449 об.

[1901] Проект «Акмеизм» (Беседа с графом Валентином Платоновичем Зубовым. Париж, 1960 год) // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/akmeiz.html. (дата обращения: 22.09.2017).

согласилось с предлагаемым изменением устава, чем был сделан важный шаг в деле превращения частного института в государственный[1902].

20–24 августа в Москве состоялся организационный съезд Объединения (Ассоциации) русских естествоиспытателей и врачей, на котором работали секции: физико-химическая, биологическая, геолого-географическая и педагогическая[1903]. Решение о создании Ассоциации было принято еще в 1902 г., но только спустя 15 лет проект при поддержке В. И. Вернадского был реанимирован, преимущественно московскими учеными — Д. Н. Анучиным, Н. К. Кольцовым, П. П. Лазаревым, А. П. Павловым и Н. А. Савельевым. На съезде центральное место заняли вопросы о влиянии войны на развитие естествознания и медицины: воздействие отравляющих газов на флору и фауну; воздействие различных ранений на физиологические, психологические и поведенческие функции; разработка проблем акустики, метеорологии, рентгенологии. В ряде докладов рассматривались успехи в связи с решением военных задач, требовавших изготовления термометров, анероидов, актинометров, оптических стекол. Одно из заседаний было посвящено проблеме охраны природы; на нем с докладами выступили признанные специалисты в этой области: профессора Г. А. Кожевников, Н. М. Кулагин, В. И. Талиев и др. В принятой резолюции говорилось, что охрана природы является общенациональной задачей и правительство обязано выделить большие средства на создание комиссии по заповедникам, организовать сеть «охранных комиссаров» и внести в Учредительное собрание проект закона об охране природы, а пока принять срочные меры для охраны заповедника «Аскания-Нова», Крымского заповедника и др. Съезд состоялся в дни активной подготовки и начала Корниловского мятежа и остался практически незамеченным, хотя в нем участвовали сотни ученых. Правда, 10 октября 1917 г. министр земледелия С. Л. Маслов утвердил «Временные правила об охране лесов от их рубки», по которым защита лесов возлагалась на местные земельные комитеты. Через два дня с просьбой защитить сады от революционного разгула к Временному правительству обратился уже Всероссийский съезд садоводов.

В конце августа состоялось заседание Военно-химического комитета РФХО, на котором были сформулированы планы создания Института прикладной химии и Института чистых реактивов. Разрешение на их создание было подписано еще 19 декабря 1916 г. Николаем II. Председателем оргкомитета был избран В. Н. Ипатьев, заместителем — П. И. Вальден[1904]. С. Ф. Ольденбург добился также выделения 40 тыс. руб. в качестве субсидий на расходы Ломоносовскому комитету, что позволило М. А. Рыкачёву, В. И. Вернадскому, Н. С. Курнакову, В. Н. Ипатьеву, А. Н. Крылову и П. П. Лазареву приступить к разработке положения о его полномочиях и к формированию штата[1905]. В целом продолжали укрепляться связи РАН с военной наукой. В сентябре академики Н. С. Курнаков

[1902] Протоколы ОС РАН. 1917. С. 256. § 260.

[1903] Объединенный съезд объединения (Ассоциации) русских естествоиспытателей и врачей. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1917.

[1904] *Страдынь Я. П., Соловьёв Ю. И.* Павел Иванович (Пауль) Вальден (1863–1957). М.: Наука, 1988. С. 99–100.

[1905] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1917а. Д. 164. Л. 281.

и В. И. Вернадский были назначены постоянными членами Центральной научно-технической лаборатории Военного ведомства, а А. Е. Ферсман — ее членом с совещательным голосом[1906].

В. И. Вернадский рассматривал проблему реорганизации науки и высшего образования как единую задачу, которую можно решить лишь при активном содействии государства. При его участии была подготовлена программная записка о создании университетов нового типа и о предоставлении им права открывать факультеты и отделения по прикладным наукам[1907]. В ней подчеркивалось, что по количеству студентов на 10 тыс. населения Россия занимает последнее место среди ведущих стран Европы. Следствием этого является острый недостаток лиц с высшим образованием (врачей, инженеров, агрономов, учителей и др.), что мешает экономическому и культурному развитию страны. Для быстрого исправления создавшегося положения предлагалось создавать высшие учебные заведения нового типа, совмещающие задачи чисто научного и профессионального образования. Предварительный план предусматривал возникновение таких вузов в Воронеже, Иркутске, Казани, Одессе, Перми, Самаре. Активно обсуждались проекты создания археологических институтов в Казани, Киеве, Москве, Петрограде. Буквально накануне свержения Временного правительства рассматривались вопросы об открытии рыбацких институтов и о подготовке инженеров-авиаторов. Продолжались оживленные дискуссии об открытии университетов в Симферополе, Нижнем Новгороде, а также о соотношении принципов выборности и назначения с представителями Советов Петроградского и Московского университетов, о переходе Сухумского ботанического сада и Петровской академии в ведение МНП, о судьбе «ЖМНП».

За время краткого пребывания С. С. Салазкина во главе МНП в правительство поданы проекты об учреждении в Саратовском университете физико-математического и историко-филологического факультетов, о преобразовании Демидовского юридического лицея в Ярославле в университет, об открытии в Тифлисе частного Грузинского института и Кавказского университета, об учреждении Туркестанского университета в Ташкенте. В это время разрабатывались законопроекты о предоставлении автономии не только высшим, но и средним учебным заведениям, о введении всеобщего бесплатного образования. В то же время по-прежнему отрицалось участие студентов в реформе и управлении высшей школы.

Дополнительный импульс получили дискуссии о создании международной сети институтов и о «желательности большего сближения научных кругов с французскими»[1908]. С послом Франции Ж. Нулансом обсуждался план реорганизации Французского института в Петрограде и создания аналогичного Русского института в Париже, а также о выезде во Францию делегации русских ученых для обсуждения этих планов. Проект был поддержан правительством Франции, а роль организатора такого института была возложена на Петроградский университет. Об этих планах М. А. Дьяконов сообщил на ОС РАН 7 октября 1917 г., ссылаясь на письмо министра народного просвещения С. С. Салазкина на имя президента РАН. Ми-

[1906] Летопись РАН. Т. IV. С. 304.

[1907] *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский. С. 219.

[1908] Протоколы ОС АН. 1917. С. 257. § 267.

нистр просил РАН избрать представителя на созываемое Министерством собрание, на котором предлагалось обсудить доклады об учреждаемом институте и задачи делегации русских ученых в Париж для обсуждения вопроса на месте. Общее собрание поручило быть представителями на этом заседании А. С. Лаппо-Данилевскому, С. Ф. Ольденбургу и М. И. Ростовцеву как уже принимавшим участие «в подготовительной по этому делу работе, с тем, однако, чтобы при голосовании право голоса имел старейший по избранию из этих академиков, о чем уведомить этих академиков и Министерство народного просвещения»[1909]. На том же заседании была оглашена записка директора Французского института в Петрограде Ж. Патуйе, который сообщил, что считает важным издание будущего сборника не только на русском, но и на французском языке и готов со своими сотрудниками обеспечить «перевод статей, посвященных литературе, археологии, литературоведению, филологии, философии, истории, географии, экономическим наукам», в то время как служащие французской военной миссии «охотно возьмут на себя науки о религии и юридический раздел»[1910]. По свидетельству М. И. Ростовцева, который вместе с Н. И. Кареевым и М. Я. Пергаментом представлял интересы Петроградского университета, делегация должна была прояснить и вопрос о перспективах Русского института в Лондоне[1911]. До последних дней существования Временного правительства МНП обсуждало вопрос об учреждении Русско-Итальянского института в Риме[1912]. Массовый отъезд академиков из Петрограда поставил крест на этих планах, так как было невозможно писать историю развития отдельных отраслей науки вдали от библиотек и архивов[1913].

Всем этим планам не суждено было сбыться, хотя в различном формате они поднимались вплоть до 1922 г. Столь разнообразная деятельность производила на многих коллег впечатление лихорадочно-спешного учредительства. Например, академик М. И. Ростовцев обвинял Салазкина и Вернадского в грюндерстве[1914]. Непрерывно ухудшающаяся политическая и экономическая обстановка заставляла откладывать конкретные действия по реализации планов развития науки и высшего образования во благо России. Уже в августе стала актуальной задача не мобилизации и даже не реорганизации науки, а ее спасения в условиях реальной угрозы оккупации Петрограда немцами. Дневниковые записи В. И. Вернадского в октябре 1917 г. наполнены соображениями об эвакуации Университета и Ветеринарного института в Юрьеве, учреждений и коллекций РАН, Петроградского университета.

И здесь стратегические ошибки допустили либеральные реформаторы, не оценив реальную ситуацию после ареста Л. Г. Корнилова, поддержав Временное правительство, потерявшее к тому времени доверие не только населения

[1909] Там же. С. 258.

[1910] Цит. по: Судьба проекта «Русская наука». С. 175; Сообщение директора Французского института в Петрограде. Приложение I к протоколу XIII заседания ОС РАН. 7 октября 1917 г. (к § 270) // Протоколы ОС АН. 1917. С. 264–265.

[1911] Скифский роман. С. 465.

[1912] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1920. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 22.

[1913] *Есаков В. Д.* Неосуществленный проект Академии наук. С. 1136.

[1914] *Вернадский В. И.* Дневники. 1917–1920. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 23.

Петрограда, но и всей страны, включая армию и флот. До последних часов его министрами оставались профессор, доктор медицины, видный биохимик С. С. Салазкин, приват-доцент петроградских Политехнического и Технологического институтов экономист М. В. Бернацкий, приват-доцент Высших женских курсов, председатель Религиозно-философского общества в Петрограде историк А. В. Карташёв[1915]. Среди министров последнего состава Временного правительства были также известные экономисты и статистики С. Н. Прокопович и С. Л. Маслов, крупный инженер-путеец А. В. Ливеровский, впоследствии профессор и доктор технических наук[1916]. За исключением К. А. Гвоздева, все министры имели высшее образование, а некоторые успели окончить два-три вуза, в том числе и зарубежные.

Многие ученые участвовали в других исполнительных и законодательных структурах этого времени. Приват-доцент Петроградского университета Н. И. Лазаревский возглавлял Юридическое совещание при Временном правительстве, готовившее важнейшие законодательные проекты, включая конституцию. Академик С. Ф. Ольденбург, профессор Юрьевского и Петроградского университетов Е. В. Тарле, пушкинист П. Е. Щёголев — члены Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных действий высших должностных лиц старого режима. С. Ф. Ольденбург, С. С. Салазкин, М. А. Дьяконов, А. С. Лаппо-Данилевский, М. И. Ростовцев, Е. В. Тарле и другие участвовали 12–15 августа в Государственном совещании в Москве. С. Ф. Ольденбург и Э. Д. Гримм были членами Временного совета Российской республики от Академии наук и высших учебных заведений, хотя понимали, что он не имеет никакого политического будущего[1917]. В то же время всё большее число ученых осознавали, что Временное правительство ведет страну к краху. Скептически наблюдая за попытками Временного правительства обуздать ход событий, ведущих к новой революции, многие из них полагали, что судорожные усилия спасти буржуазную республику помогут как «мертвому припарки». Ученые понимали, что правительство не контролирует события и разваливается, и не все были согласны с решением Ольденбурга и Салазкина держать-

---

[1915] *Мейендорф И.* А. В. Карташёв — общественный деятель и церковный историк // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 169–173; *Владимирский М. В.* М. В. Бернацкий — министр финансов в правительствах Керенского, Деникина, Врангеля // Отечественная история. 2007. № 1. С. 160–170; *Колчинский Э. И.* Салазкин Сергей Сергеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 425.

[1916] *Короткевич В. И.* Состав и судьба членов последнего Временного правительства // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 3. С. 138–168.

[1917] Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1–7. М.; Л.: Госиздат, 1924–1927; *Романов А. Ф.* Император Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной Следственной Комиссии) // Русская летопись. Кн. 2. Париж: Русский очаг, 1922. С. 1–38; *Руднева С. Е.* Предпарламент: октябрь 1917 г.: опыт исторической реконструкции. М.: Наука, 2006. С. 76; *Каганович Б. С.* 1) Сергей Федорович Ольденбург. С. 67, 73–74; 2) Евгений Викторович Тарле. С. 85; *Климов И. П.* К вопросу о двоевластии в России после Февральской революции 1917 года // Академический вестник. 2009. № 2. С. 144; *Вернадский В. И.* Дневники. 1917–1920. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 26; СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Д. 40. Л. 26; и др.

ся за Керенского «за неимением лучшего»[1918]. Начался поиск контактов с крайними левыми. В октябре 1917 г. академик Н. Я. Марр, до того не проявлявший никаких политических или административных амбиций, неожиданно для всех стал членом Петроградского совета, возглавляемого Л. Д. Троцким и готовящего вооруженное восстание. Там он неизбежно познакомился с видными большевиками, включая Н. И. Седову-Троцкую, с которой потом был очень дружен. По мнению Б. С. Илизарова, на сближение с большевиками Марр пошел не по собственной инициативе, а подталкиваемый руководителями РАН, которые надеялись через него завязать хоть какие-то личные контакты с рвущимися к власти большевиками[1919]. Многих, как, например, Вернадского, раздражали нерешительность и метания правительства, бесконечные разговоры и поиски компромиссов. Демократия в период гибели казалась непозволительной роскошью. Ратуя за возвращение в РАН авторитарных конструкций, Вернадский пояснял: «Революция научила»[1920]. В то же время он считал долгом оставаться на посту товарища министра, используя любую возможность для лоббирования интересов научного сообщества.

Ему была неприятна «трусость математиков», которые уже «удрали или удирают» из Петрограда[1921]. К тому времени в Одессу перебрался А. М. Ляпунов, в Зарайск Рязанской губернии — А. А. Марков, в Хвалынск Саратовской губернии — К. А. Поссе. На заседании ОС РАН 7 октября В. А. Стеклов сообщил о необходимости эвакуации в Москву Физической лаборатории и академиков В. А. Стеклова, Н. С. Курнакова, А. Н. Крылова, П. П. Лазарева сроком на один год[1922]. При этом указывалось, что нормальная научная работа в Петрограде стала невозможной, так как идет распыление научных сил по разным регионам страны, при котором невыполнимы ученые работы, имеющие «общественное и государственное значение для данного момента»[1923]. Длительная командировка в Москву представителей математики, механики, физики и химии, по мнению авторов заявления, позволит продолжить исследования, имевшие первостепенное значение «для обороны страны (изготовление точных измерительных приборов, авиационное дело, взрывчатые вещества и т. д.)». Для эвакуируемой лаборатории уже было найдено помещение со штатом служащих, готовых к исследованиям по оборонной тематике. Было решено передать вопрос на рассмотрение ОФМН, которое три дня спустя поручило А. Н. Крылову и В. Н. Ипатьеву взять на себя «все исполнения по настоящему вопросу»[1924].

В тот же день В. И. Вернадский резко и язвительно прокомментировал принятое решение: «Стеклов считает, что его деятельность может считаться военной (!) и потому он должен быть эвакуирован, Марков и Ляпунов уже уехали. В общем,

---

[1918] *Вернадский В. И.* Дневники. 1917–1920. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 13.

[1919] *Илизаров Б. С.* Почетный академик Сталин и академик Марр. URL: https://history.wikireading.ru/319233 (дата обращения: 27.11.2018).

[1920] *Вернадский В. И.* Дневники. 1917–1920. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 15.

[1921] Там же. С. 13.

[1922] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1917а. Д. 164. Л. 134 об.

[1923] Протоколы ОС АН. 1917. С. 260. § 272.

[1924] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1917а. Д. 164. Л. 282.

характеры все очень мелкие»[1925]. Характерно, что он при этом не упомянул физика П. П. Лазарева, с которым дружил и придерживался близких политических взглядов. «Охота к перемене мест» овладела не только математиками. На казавшийся сытым и теплым юг потянулись академики других специальностей, желавшие пережить смутное время в провинции ввиду надвигавшейся угрозы сдачи столицы немцам и усиливавшихся трудностей с продовольствием. Не желая дать повод для обвинений со стороны коллег в трусости и дезертирстве, академики выискивали благородные доводы для длительных отъездов. Ссылаясь на невозможность проводить эксперименты в условиях недостатка света в осенние и зимние месяцы, физиолог и биохимик растений В. И. Палладин попросил командировку в Одессу на полгода[1926]. В длительную командировку с научной целью для работы в рукописных собраниях Москвы, Казани, Саратова и Самары отправился филолог и литературовед В. Н. Перетц[1927]. 14 октября уехал на юг историк и археолог Н. П. Кондаков, который жил до сентября 1918 г. в Одессе, а затем переехал в Ялту[1928]. Не вернулся из Севастополя В. В. Заленский, где он более 10 лет номинально числился директором биологической станции. К тому же многие академики и раньше большую часть времени проводили в Москве, Риге, Лондоне и т. д.

В итоге массовых «командировок» академиков и эвакуации проблема кворума для ОС Академии стала практически неразрешимой. На ОС РАН 9 августа присутствовали всего 12 академиков, а 2 сентября — 17[1929]. 20 июля на экстраординарном собрании православных академиков присутствовали только 11 человек, и в результате пришлось перенести выборы представителя РАН на Предсоборное присутствие на 2 сентября, когда был избран Н. К. Никольский[1930]. Из-за невозможности собрать 2/3 академиков, проживавших в Петрограде, РАН так и не смогла провести выборы вице-президента РАН и вынуждена была обратиться к правительству «о допущении академика И. П. Бородина к временному исполнению обязанностей Вице-президента» сроком на 2 года, считая с 7 октября[1931].

Возникали трудности с финансированием учреждений, с печатанием трудов, с подготовкой к эвакуации музейных коллекций, библиотеки, научных приборов. С начала сентября эти вопросы заняли центральное место в заседаниях Общего собрания и отделений. Возвышенные планы, авторы которых в первые революционные месяцы грезили о демократической и процветающей России, уступили место прозе повседневных дел, поскольку события шли в совершенно другом, далеком от оптимистических ожиданий направлении.

2 сентября 1917 г. ОС РАН по предложению А. П. Карпинского создало Комиссию из директоров Музеев и членов конференции по вопросу об эвакуации ака-

[1925] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1920. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 14.

[1926] Протоколы ОС РАН. 1917. С. 244–245. § 245.

[1927] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1917а. Д. 164. Л. 326 об.

[1928] Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив. СПб.: Palace editions; Наука, 2001. С. 19.

[1929] Протоколы ОС АН. 1917. С. 233, 237.

[1930] Там же. С. 249–250. § 254.

[1931] Там же. С. 262. § 275.

демических учреждений Петрограда в связи с ухудшающейся военной и политической обстановкой[1932]. Далеко не все академики согласились с такими планами. По мнению служащих Музея антропологии и этнографии, озвученному на ОС ее директором В. В. Радловым, эвакуация коллекций крайне нежелательна, так как их отправка связана с риском при упаковке и передвижении. Персонал предлагал принять все необходимые меры для охраны и безопасности музея с «непременным условием, чтобы все служащие оставались при вверенных им отделах»[1933].

27 сентября 1917 г. академик Н. В. Насонов на заседании ОФМН сообщил, что «при обсуждении вопроса об эвакуации Зоологического музея признано возможным сделать частичную эвакуацию наиболее ценных в научном отношении и имеющих особую рыночную ценность предметов»[1934]. Для оперативного решения вопросов была создана Комиссия, в которую вошли сам Насонов, его заместитель и три зоолога: А. А. Бялыницкий-Бируля, Г. Ю. Верещагин и Г. Г. Якобсон.

Такой стратегии последовали и другие музеи РАН. 9 октября 1917 г. в Саратовский университет были эвакуированы рукописи, старопечатные книги и почти все издания XVIII в., хранящиеся в Библиотеке РАН, рукописи Библиотеки, Архива Конференции, Архива ОРЯС, Азиатского музея, которые благополучно прибыли 21 октября[1935]. Вместе с академическими собраниями в Саратов поступили рукописи Петроградского университета и Археографической комиссии. Сопровождали вагоны с книгами и рукописями библиотекарь Ф. И. Покровский и служители Д. И. Виноградов и И. Д. Грузнов, а особо ценные рукописи в специальном купе вез чл.-корр. РАН В. И. Срезневский. РАН приняла участие в упаковке предметов «большой художественной ценности, находящихся в Петровской галерее», принадлежащей Эрмитажу, но расположенной в Кунсткамере[1936]. Октябрьская революция сделала невозможной безопасную эвакуацию остальных сокровищ. Обстрел Московского Кремля, где были размещены коллекции многих учреждений, и погромы в ряде тыловых городов подтвердили правильность осторожной позиции РАН. Тем не менее в РАН продолжали разрабатывать планы эвакуации коллекций, составлялись их описи, паковались экспонаты, книги, рукописи, списки эвакуируемых и членов их семей. Ответственным за эвакуацию от РАН был назначен А. А. Шахматов[1937]. Так мобилизация академической науки превращалась в ее эвакуацию.

К эвакуации из Петрограда начинает готовиться и университет. «Настроение и высказывания университетской элиты приобретают уже самые мрачные черты», — подчеркивает Е. А. Ростовцев, приводя высказывание своего однофамильца М. И. Ростовцева о том, что научно работать становится труднее с каждым днем[1938]. Профессорско-преподавательский корпус начал понимать, что надежное

[1932] Там же. С. 243. § 240.

[1933] Там же. С. 244. § 243.

[1934] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1917а. Д. 164. Л. 277.

[1935] Отчет РАН. 1917. С. 38, 107, 229; Протоколы заседаний ОС АН. 1917. С. 282. § 297.

[1936] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1917а. Д. 164. Л. 507 об.

[1937] Протоколы ОС АН. 1917. С. 262. § 273.

[1938] *Ростовцев Е. А.* Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России. С. 321.

финансирование гораздо важнее, чем искомая академическая свобода и университетская автономия. К тому же выяснилось, что студенчество в целом отнюдь не разделяет их политические воззрения и не склонно следовать лозунгу «надклассового патриотизма». Значительная часть студентов были недовольны тем, что демократия была введена только для профессуры, и считали себя обманутыми своими учителями. Спрятаться за университетскими стенами от происходящего в стране было невозможно. Политическая борьба пришла в университеты, студенты которых, не желая идти на фронт, всё активнее поддерживали лозунг «Долой войну!»[1939].

Вместо поиска социального согласия в университетах Временное правительство пошло на поводу у профессуры и занялось борьбой со студентами, не желавшими воевать до победного конца и требовавшими немедленных социально-политических и экономических преобразований. В высшей школе снова стало очень неспокойно. Предложенный в сентябре 1917 г. проект нового устава высших учебных заведений давал ректорам право принимать меры «для поддержания порядка и спокойствия в университете, хотя бы меры сии и превышали принадлежащую ему власть»[1940]. Под предлогами продовольственной и жилищной нужды Временное правительство затягивало начало учебных занятий в вузах Петрограда, тем самым фактически их закрыв. Десятки тысяч студентов были выбиты из колеи нормальной жизни и обучения. Это вызвало протесты среди них и осуждение правительства в либеральной и социалистической прессе[1941].

Ситуация в вузах однозначно оценивалась современниками в газетах как развал высшей школы. Многие считали, что правительство не желает допустить студентов в Петроград и начать нормальные занятия, опасаясь их оппозиционного настроения и готовности к революционным действиям. Неспокойно было и в периферийных университетах. Так, например, ректор Казанского университета Г. Ф. Дормидонтов как убежденный сторонник законности и порядка отказался по собственной воле от поста ректора в последние недели работы Временного правительства. Произошедшие в России крупные политические перемены просто требовали времени для размышлений, некоей дистанцированности от должности, на которой так или иначе пришлось бы высказать свое отношение к происходящему[1942]. Впоследствии А. А. Овчинников возглавил Казанский университет в самые трудные годы и являлся его ректором в 1921–1922 гг., а позже был выслан на одном из «философских пароходов».

К осени 1917 г. обозначилась угроза распада единой русскоязычной науки, так как курс на отделение от России взяли многие общественно-политические движения Польши, Финляндии, Украины, Прибалтики, Закавказья, Туркестана, включавшие немало деятелей науки и образования. Автономистские и националистические тенденции набирали силу в казачьих областях, в Поволжье и Сибири,

[1939] Казанская губерния в период Первой мировой войны.

[1940] Цит. по: *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти. С. 27–28.

[1941] Там же. С. 28.

[1942] *Малышева С. Ю.* Александр Александрович Овчинников // Ректоры Казанского университета: Очерки жизни и деятельности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 225–233.

на Северном Кавказе и Урале. Даже устное общение с коллегами в столичных городах, всё чаще сталкивавшимися с вопросами не мобилизации, а спасения науки и личного выживания, становилось всё более «затруднительным», а с октября 1917 г. и вовсе «невозможным». Как вспоминал Н. А. Максимов, «последние два года пребывания в Тифлисе, до отъезда моего оттуда в 1919 г., наша небольшая семья ботаников-физиологов чувствовала себя вроде как в тюрьме или на необитаемом острове, принужденной вариться в собственном соку и довольствоваться давно уже прочитанными книгами. Само собой разумеется, что в этих условиях научная работа могла продолжаться только по инерции и постепенно всё больше и больше замирала»[1943].

Академики, близкие к правительству, прекрасно осознавали, что обстановка в стране достигла какого-то максимума напряжения и в политической атмосфере ощущается быстро приближающаяся гражданская война. Многие, включая В. И. Вернадского, понимали, что военный министр А. И. Верховский прав: «...армия не может драться и мир необходим, чтобы ею овладеть и направить ее на организацию порядка, против большевиков»[1944]. Признавая, что «в большевизме есть идейная сторона», он считал ее дикой и чуждой «сознательно действенным силам»[1945], которая и «чувствуется ими только как дикая разрушительная сила», и в то же время боялся, что «вместо внешней войны будем иметь внутреннюю»[1946]. Смириться с этой мыслью было нелегко. Вот почему день 24 октября 1917 г. даже для него «неожиданно оказался днем кризиса»[1947].

[1943] «Тюремная автобиография» Николая Александровича Максимова. С. 94.

[1944] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 27.

[1945] Там же. С. 25.

[1946] Там же. С. 27.

[1947] Там же. С. 28.

Глава 15

ОТ НЕПРИЯТИЯ ВЛАСТИ К ДИАЛОГУ И АДАПТАЦИИ

15.1. Неприятие Октябрьской революции и расхождение позиций

В течение долгого времени прогресс науки для большинства российских ученых был немыслим вне демократии, и захват власти большевиками некоторые из них, по словам В. И. Вернадского, восприняли как «небывалую в истории катастрофу»[1948]. Их первой реакцией было резкое неприятие такого поворота событий. Академики одобрили С. Ф. Ольденбурга, который заявил, что не признаёт Военно-революционный комитет (ВРК), когда от имени последнего к нему явился лингвист, приват-доцент Петроградского университета Е. Д. Поливанов. На многочисленных заседаниях, происходивших на квартирах ученых, обсуждалась идея профессора Политехнического института В. М. Гессена об обращении к нации ее духовных вождей. Как выражался Ольденбург, строители жизни должны выступить против ее разрушителей. Тем не менее от каких-то официальных заявлений и действий Общее собрание РАН воздерживалось достаточно долго.

Состоявшееся 4 ноября 1917 г. ОС РАН происходило как обычно. На нем присутствовали чуть больше половины академиков — 23, из них 15 были представителями гуманитарных наук. Кроме президента А. П. Карпинского и вр. и. о. вице-президента И. П. Бородина, на заседание пришли М. А. Рыкачёв, А. А. Белопольский, И. П. Павлов, В. А. Стеклов, Н. И. Андрусов и А. Н. Крылов. Однако, как и на первом после Февральской революции ОС, 4 марта, никто не поднял вопрос о происходящих событиях, хотя к тому времени в Москве и Петрограде прошли ожесточенные бои, погибли тысячи юнкеров. Более того, на ОС рассматривались и принимались к сведению распоряжения министров и комиссаров Временного правительства о порядке эвакуации, о составлении списков российских ученых, оказавшихся в австрийском плену, о введении нового стиля, о предстоящих юбилеях ученых учреждений и высших учебных заведений, о распределении премий и т. д.[1949] Из 27 пунктов весьма насыщенной повестки ни разу не был поднят вопрос о произошедшей смене власти. Многие полагали, что Учредительное собрание, выборы в которое большевики обещали провести, всё расставит по своим местам.

Большинству ученых захват власти радикалами в Петрограде казался авантюрой, они в первое время даже не представляли, насколько это «всерьез и надолго». Позднее, вспоминая настроения интеллигенции в те дни, редактор главной кадетской газеты «Речь» И. В. Гессен писал: «Я не видел человека, который сомневался бы непосредственно в предстоящем свержении большевиков. Вопрос сводился именно лишь к тому, когда и как, но объективных данных для ответа не находилось»[1950]. С ним полностью был согласен другой член ЦК кадетов А. С. Изгоев: «На большевиков в октябрьские дни смотрели как на захватчиков-авантюристов,

---

[1948] Там же.

[1949] Протоколы ОС АН. 1917. С. 276–285. § 279–305.

[1950] *Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный отчет. Берлин: [Б. и.], 1937. С. 382. (Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 22).

царствие которых будут считать если не неделями, то месяцами. Пожалуй, так думало и большинство самих захватчиков, с тоской смотревших на себя как на обреченных людей»[1951].

Предшествующий режим погиб при всеобщем к нему отвращении, и у многих создавалось впечатление, что некоторых из главных большевиков массы чуть ли не силой заставили войти в правительство. В их числе называли Г. Е. Зиновьева, ставшего вскоре председателем Совета комиссаров Петрокоммуны, точнее, полновластным диктатором Петрограда; Л. Б. Каменева, А. В. Луначарского, А. И. Рыкова. Но вскоре интеллигенция убедилась, что победители отнюдь не беспомощны. Беспощадно расстреливая пьяных и мародеров, уничтожая склады водки и вина и обеспечив подвоз хлеба, они добились того, что «октябрьские события вначале не сопровождались в городе какими-либо чрезвычайными бесчинствами, грабежами и убийствами»[1952]. В то же время расстрелы захваченных на месте преступления дали либерально-демократической интеллигенции повод говорить о том, что власть попала в руки авантюристов, соединивших «в себе утопистов по теории и бандитов по действиям»[1953].

Тем не менее часть из них вскоре стала выражать неприятие такого поворота событий. 8 ноября 1917 г. делегация профессоров, в которую входили А. В. Васильев, Н. Н. Кутлер, С. Ф. Ольденбург и А. А. Шахматов, требовавшая освободить арестованных министров Временного правительства, была принята на вечернем заседании ВРК; в тот же вечер с ними якобы беседовал В. И. Ленин[1954]. ЦК партии кадетов стал неким координирующим органом акций сопротивления, предостерегая ученых от всяческих контактов с руководителями Наркомпроса А. В. Луначарским и М. Н. Покровским, которых через несколько лет Вернадский охарактеризует как «прямое продолжение Делянова и Кассо»[1955], на посту министров народного просвещения проводивших политику ликвидации автономии университетов. Тем не менее он продолжал верить, что прикладной науке принадлежит «великое будущее» и что «этим путем власть получит ту власть в жизни, которая сейчас необходима»[1956]. В связи с этим он позитивно оценивал научную политику большевиков, уверяя своих бывших политических единомышленников: «Научная работа в России не погибла, а наоборот, развивается <...> Научная работа в России спасена и живет большой жизнью благодаря сознательному волевому акту»[1957].

[1951] *Изгоев А. С.* Пять лет в Советской России (Обрывки воспоминаний и заметки) // Жизнь в Ленинской России / Сост. М. Геллер. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1991. С. 24 (1-е изд.: Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. 1923. Т. 10).

[1952] Там же. С. 38.

[1953] *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля.

[1954] Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы / Отв. ред. Д. А. Чугаев. Т. 2. М.: Наука, 1966. С. 230, 238. Сведения о встрече академиков с В. И. Лениным, опубликованные в канун 50-летия Октябрьской революции, сейчас часто ставятся под сомнение.

[1955] «Я верю в силу свободной мысли». Письма В. И. Вернадского к И. И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12. С. 213.

[1956] Там же. С. 206.

[1957] Там же.

В первые же дни после Октябрьской революции в поисках «центра» сопротивления большевикам активно участвовали Н. И. Андрусов, В. М. Гессен, Д. И. Шаховской, А. А. Шахматов, А. Е. Ферсман и др. 16 ноября во всех либерально-демократических и социалистических газетах было опубликовано воззвание членов Временного правительства к гражданам защитить Учредительное собрание[1958]. В тот же день в газете «Русские ведомости» появилась статья без подписи, в которой сообщалось, что С. Ф. Ольденбург посетил в Петропавловской крепости арестованных членов Временного правительства и от имени всех русских граждан обратился к большевикам с призывом: «Перестаньте быть тюремщиками невинных людей, которым вы можете поставить в вину лишь то, что они — ваши политические противники. Томление этих людей в крепостном каземате не к вашему благу и не к вашей чести. Освободите их и не медлите с освобождением!»[1959] Он заявлял: «Нельзя позволить дальнейшего глумления большевиков над свободой невинных людей. Надо, чтобы не знающие границ лицемерие и лживость Троцких и Лениных в этом вопросе наткнулись на непреодолимое препятствие общественного мнения, требующего освобождения тех, за кем <...> и сами насильники не знают никакой вины и в ком видят только своих политических противников».

В ответ правительство отдало приказ об аресте «подписантов» заявления от имени Временного правительства, среди которых был и Вернадский, и отправке их в Кронштадт[1960]. Опасаясь неизбежного ареста и обвинения в «контрреволюционном заговоре», Вернадский вынужден был перейти на нелегальное положение и уехал на юг, где отошел от политики, занявшись научно-организационными делами[1961].

Вот тогда ученые перешли к разнообразным легальным способам давления на новое правительство — к принятию резолюций, коллективным заявлениям в печати о непризнании новой власти, письмам-протестам. В активной интеллектуальной оппозиции по отношению к правительству прежде всего оказались те, кто ежедневно сталкивался с представителями новой власти и радикально настроенными солдатами, рабочими, студентами, стремящимися немедленно «демократизировать» старорежимные учреждения. В гуще этих событий были профессора, доценты, администрация вузов, чиновники из Министерства народного просвещения, врачи, инженеры, военные специалисты из оборонных ведомств[1962].

Академия наук была ограждена от этих событий. Только спустя три недели после прихода к власти большевиков, 18 ноября 1917 г., состоялось экстраординарное заседание Общего собрания РАН, на котором А. П. Карпинский заявил, что «происходящие события угрожают гибелью стране и необходимо, чтобы Академия наук

[1958] *Мочалов И. И.* «...Ко всем гражданам Российской республики» // Огонёк. 1991. № 22. С. 10–13.

[1959] Заключенные и свободные министры // Русские ведомости. 1917. № 251. 16 нояб. С. 3.

[1960] Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 3. М.: Наука, 1967. С. 175.

[1961] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1920. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 47–52.

[1962] См. подробнее: *Федюкин С. А.* Советская власть и специалисты. М.: Мысль, 1965; а также классическую книгу К. Бэйлса: *Bailes K.* Technology and Society under Lenin and Stalin (Origin of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941). Princeton; New York: Princeton University Press, 1978.

не молчала в такое исключительное время»[1963]. Против обращения к интеллигенции резко выступил В. А. Стеклов, которого поддержал И. П. Бородин. Обозначилась тенденция к расколу научного сообщества: к сотрудничеству с большевиками были готовы математики, представители технических и естественных наук, тогда как гуманитарии выступали против. Но Н. Я. Марр уже заседал с новой властью в Петросовете, а славист А. И. Соболевский в пику либералам, погубившим Россию, голосовал на выборах в Учредительное собрание за список большевиков и уговаривал так же поступить всех своих близких, братьев и сестер. Свой выбор он объяснял тем, что его теперешние любимцы-большевики «уж больно здорово <...> расправляются с либеральной слякотью»[1964]. Многие правые в те дни воспринимали октябрьский переворот как уникальную возможность ускорить реставрацию самодержавного режима.

В комиссию, созданную для составления обращения, вошли преимущественно кадеты: М. А. Дьяконов, Н. С. Курнаков, А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Ольденбург, М. И. Ростовцев, А. А. Шахматов.

Через три дня состоялось следующее экстраординарное Общее собрание РАН, на котором А. С. Лаппо-Данилевский зачитал обращение к ученым. В нем говорилось: «Великое бедствие постигло Россию; под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства; он продает свою душу и ценою постыдного и непрочного сепаратного мира готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов. Что готовят России те, которые забывают о ее культурном призвании и о чести народной? — внутреннюю слабость, жестокое разочарование и презрение к ней со стороны союзников и врагов»[1965]. Общее собрание отказывалось сотрудничать с «самозваным» правительством, осудило Октябрьскую революцию и поддержало Учредительное собрание. Академики подчеркивали, что классовый террор приведет к нарушению преемственности в развитии науки. Взывая к национальной гордости россиян, ученые еще не знали, насколько их чувства не соответствуют настроениям масс. Тем более они не предполагали, что само существование Академии наук, являвшейся около двух веков атрибутом Российской империи, находится под угрозой и становится предметом торга с новыми властями.

Это обращение нашло отклик у университетской профессуры, которая встретила Октябрьскую революцию настороженно. Пять дней спустя с аналогичным обращением выступил на экстренном заседании Совет Петроградского университета, также уповавший на решения будущего Учредительного собрания[1966]. Перед началом заседания ректор Э. Д. Гримм предложил почтить вставанием бывших студентов университета, погибших во время боев в Павловском и Владимирском юнкерских училищах. Еще ранее, 20 ноября 1917 г., состоялось известное обращение Совета Харьковского университета, в котором клеймилась «группа фанатиков

[1963] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1917. Д. 164. Л. 148. § 306.

[1964] *Степанов С.* Черная сотня. 2-е изд. М.: Эксмо; Яуза, 2005. С. 462.

[1965] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1917. Д. 164. Л. 148. § 307.

[1966] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 111.

и темных дельцов», захвативших власть «накануне Учредительного собрания с помощью обманутой ею вооруженной толпы», дерзавших говорить якобы от имени русского народа об «измене союзникам» и о «заключении предательского сепаратного мира»[1967]. Совет Казанского университета 9 декабря 1917 г. поддержал харьковских коллег[1968].

О нестабильности сложившегося положения и о явном осознании этой нестабильности свидетельствует ситуация с выборами ректора Казанского университета осенью 1917 — летом 1918 г. Во-первых, никто из избиравшихся на этот пост не хотел принимать на себя все соответствующие ему полномочия, обязанности и ответственность и соглашался лишь на статус временно «исполняющего дела» ректора. Во-вторых, за указанный короткий промежуток времени в этой должности успели побывать: Г. Ф. Дормидонтов, Д. А. Гольдгаммер, В. В. Ивановский, Н. А. Миславский и вновь Д. А. Гольдгаммер.

Как ни странно, столь резкое по тону заявление РАН осталось практически единственным коллективным выступлением самой академической корпорации против нового строя. Как отметил В. С. Соболев, вся совокупность архивных документов, не считая персонального происхождения, свидетельствует о том, что в дальнейшем РАН не только избегала открытой конфронтации с властями, но и всячески демонстрировала готовность к диалогу и сотрудничеству[1969]. Возможно, это связано с тем, что в тот же день, когда состоялось оглашение на Общем собрании РАН письма к ученым, первым комиссаром РАН, а с 8 декабря и комиссаром отдела Наркомпроса по научным и учебным заведениям был назначен историк И. В. Егоров — выпускник историко-филологического факультета, готовивший до войны магистерскую диссертацию под руководством крупного палеографа, профессора И. А. Шляпкина[1970]. Егоров с уважением относился к ученым. Он не посягал на автономию и самоуправление академиков и старался им помочь, взяв на себя функцию их защитника от революционных масс в дни их разгула. Так было в случае с А. А. Шахматовым, которого наряжали на ночные дежурства во дворе Академии в качестве подсобного рабочего, а сторожа еще поговаривали, что «надо бы попросту передушить или перерезать лодырей-ученых, “разных академиков и профессоров”, только зря хлеб переводят, не работая»[1971]. Назначением Егорова правительство, с одной стороны, подавало знак доброй воли, ограждая ученых от ежедневных столкновений с пришедшими во власть радикалами, а с другой — демонстрировало, что лучше забыть о претензиях на независимость и озаботиться сохранением Академии.

Сигнал был понят. Беспокойство о будущем — лейтмотив пафосной речи С. Ф. Ольденбурга на годичном собрании РАН в декабре 1917 г. Он реально оценивал ситуацию и признавал, что «русский народ не выдержал великого исторического

[1967] *Еремеева А. Н.* «Находясь по условиям времени в провинции...» С. 57.

[1968] История Казанского университета. С. 256.

[1969] *Соболев В. С.* Нести священное бремя прошедшего. С. 111–112.

[1970] *Егоров И. В.* От монархии к Октябрю. Л.: Лениздат, 1980.

[1971] *Гаврилова О. А., Петров В. В.* «Надо уделить первостепенное внимание изучению прошлого университета...»: Петроградский / Ленинградский университет 1918–1931 гг. в воспоминаниях И. В. Егорова // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 232.

испытания и не устоял в великой мировой борьбе: темные, невежественные массы поддались обманчивому соблазну легкомысленных и преступных обещаний, и Россия стала на край гибели»[1972]. Тем не менее он заверял собравшихся, что в «такой страшный час» сотрудники РАН «работали, продолжают работать и будут работать для родины и науки»[1973]. Причины этого он видел в нормах и ценностях научного сообщества: «<...> люди науки не могут не осознавать, что без их работы немыслимы просвещение и культура, а без этих последних никакое достойное человеческое существование»[1974]. Но в ответ ученые слышали призывы уничтожить академию — пережиток старого строя. В объяснительной записке к проекту, подготовленному заведующим Отделом высших учебных заведений Наркомпроса, заслуженным профессором Московского университета астрономом П. К. Штернбергом, говорилось прямо: «Коммунистическая наука мыслима лишь как общенародное, коллективное, трудовое жизненное дело, а не как волхвование в недоступных святилищах, ведущее к синекурам, развитию классовой психологии жречества и сознательного или добросовестного шарлатанства»[1975]. Участь Парижской академии наук, ликвидированной во время Великой Французской революции и потерявшей половину своих членов на гильотине, была известна руководителям РАН. Они осознавали, что Академия может не уцелеть, а значит, игнорировать жесты дружелюбия со стороны властей предержащих — неразумно.

Не приняв Октябрьскую революцию, академики оказались восприимчивы к призывам ее вождей включиться в государственную работу, связанную с экономическим и культурным развитием. Срабатывал веками культивируемый образ чистой науки, служащей народу и человечеству, не вовлеченной при этом в политику. Отвергая идеологию и практику большевиков, всё большее число академиков склонялись к сотрудничеству с ними при условии, что власть не станет вмешиваться в науку и в дела академии. Личные связи руководителей РАН с большевистскими лидерами, прежде всего С. Ф. Ольденбурга с В. И. Лениным, вселяли надежду, что в обмен на политическую лояльность власть не тронет академию. Члены академии были готовы, следуя советам В. А. Стеклова, «бросить раз навсегда нелепые разговоры о протестах и спокойно продолжать деловую ученую работу»[1976]. Первыми выступили против заявлений о незаконности нового режима и призывов к забастовкам те, кто был связан с решением практических задач, в том числе В. Н. Ипатьев[1977]. Позднее он скажет, что как патриот должен был остаться с родиной до конца, отдав ей все свои силы. Будучи монархистом, тем не менее он, как военный человек, не мог прекратить работу во время войны и принял предложение Л. Я. Карпова и Н. И. Подвойского способствовать развитию химической промышленности

[1972] Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 5.

[1973] Там же.

[1974] Там же.

[1975] О реформе деятельности ученых учреждений и школ высших ступеней в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике // Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. № 6–8. С. 20.

[1976] *Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками. С. 287.

[1977] *Ipatieff V. N.* The Life of a Chemist. Stanford; London: Stanford University Press, 1945. P. 260.

и переводу ее на мирные рельсы. Как многие другие генералы и адмиралы, он легко сменил мундир на красноармейскую гимнастерку.

Аналогичными соображениями руководствовались академики А. П. Карпинский, А. Н. Крылов, Н. С. Курнаков, П. П. Лазарев, А. А. Марков, С. Ф. Ольденбург, Е. С. Фёдоров, находя компромисс между своими общественно-политическими взглядами и представлениями о долге и большевистской трактовкой национальных интересов. К тому же, призывы большевиков опираться на науку при построении нового общества были созвучны их планам. С 1918 г. Академия пополнилась естествоиспытателями (А. Ф. Иоффе, В. Л. Комаров, С. Г. Навашин, А. Н. Северцов, В. М. Шимкевич) и гуманитариями (С. Ф. Платонов, Б. А. Тураев, Ф. И. Щербатской), уже сотрудничавшими с большевиками. Аналогичной позиции придерживались будущие лидеры советской физики и биологии, например братья С. И. и Н. И. Вавиловы. В 1933 г., объясняя корреспонденту парижской газеты «Пари Миди» причины, побудившие его остаться в Советской России, Н. И. Вавилов сказал: «В 1916 г. я уже был на государственной службе. <...> Я остался на службе у государства, у русского государства, у государства моей родины»[1978]. Те, кто не желал сотрудничать с большевиками, эмигрировали или жили на территориях, контролируемых антибольшевистскими силами. Среди них были академики Н. И. Андрусов, В. И. Вернадский, П. Г. Виноградов, В. В. Заленский, Н. П. Кондаков, Е. Ф. Карский, Н. В. Насонов, М. И. Ростовцев, П. Б. Струве и др. Пожалуй, из активно отвергших новую власть только лауреат Нобелевской премии И. П. Павлов остался в Петрограде и публично ее критиковал, не опасаясь репрессий. Весной 1918 г. он продолжал проклинать большевиков и последовавшие за ними массы за крах великого государства[1979]. Академик П. Б. Струве 27 декабря 1917 г. отправился на Дон, ставший оплотом сопротивления большевикам: он стоял у истоков Белого движения на юге, был членом Особого совещания у А. И. Деникина, входил в правительство П. Н. Врангеля и был заочно приговорен к расстрелу.

Смена установки «служения народу» установкой «служения государству» вела одних академиков к борьбе с большевиками как с узурпаторами и разрушителями Российской империи, а других, напротив, к сотрудничеству с ними как с силой, способной восстановить целостность страны. Самые убежденные противники Октябрьской революции среди академиков, в том числе В. И. Вернадский, наблюдая «безумные процессии победивших большевиков»[1980], уже в ноябре 1917 г. с горечью признавали, что «в сущности, массы за большевиков»[1981]

Причины происходящих событий, когда «ярко проявился анархизм русской народной массы и еврейских вождей»[1982], Вернадский видел в тысячелетнем разобщении правящих кругов и народа, в существовании розни «между интеллигенци-

---

[1978] *Вавилов Ю. Н., Рокитянский Я. Г.* Интервью в парижском такси // Вестник РАН. 1997. № 11. С. 1033.

[1979] И. П. Павлов: pro et contra. С. 119, 144.

[1980] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 30.

[1981] Там же. С. 29.

[1982] Там же. С. 32.

ей и народом»[1983]. И. П. Павлов также возлагал вину за происходящее в первую очередь на интеллигенцию. П. Б. Струве, яростно не принимая революцию, превратившую свободу в анархию, а анархию в деспотизм, усматривал ее глубинные корни в исконной двуликости русской государственности, когда один лик «обращен к свободе, а другой к принуждению»[1984]. Расстрел демонстрации в поддержку Учредительного собрания 5 января 1918 г. и разгон самого собрания показали, что в Петрограде нет силы, способной противостоять большевикам.

Отныне Общее собрание воздерживалось от резолюций с их осуждением. Дневниковые записи и письма тех лет показывают, что многие академики, по словам В. И. Вернадского, шли «по пути переоценки своих убеждений» и приходили к выводу, что только большевики способны, восстановив государство, создать условия для развития науки. Важным фактором в изменении умонастроения ученых было то, что новая власть не исчезла, как ожидалось, в короткие сроки. Пригрозив увольнением саботажников, она заставила всех задуматься о личном выживании. Уже 22 декабря 1917 г. на очередном экстраординарном Общем собрании РАН, на котором присутствовали всего 20 академиков, с беспокойством было воспринято сообщение о затруднениях, возникших при получении денег в Государственном казначействе[1985]. Большевики ставили академическое сообщество в жесткую зависимость от государства, и финансово-экономическое принуждение срабатывало сильнее, чем политическое давление. Банки были национализированы не зря: деньги становились решающим фактором, подталкивавшим ученых к диалогу с властями.

Вскоре к этому прибавилась угроза голода. 5 января 1918 г. академик А. А. Марков, уехавший из Петрограда в г. Зарайск Рязанской губернии, писал В. А. Стеклову: «Голод надвигается и на нас»[1986]. А тот в свою очередь 25 апреля 1918 г. с иронией сообщал А. М. Ляпунову: «Здесь у нас теперь сравнительно спокойно: еще живы, не убиты, не поранены, не ограблены и от истощения еще не померли»[1987]. Но и ему в Петрограде приходилось «простаивать часами в очередях перед лавками и в значительной мере недоедать»[1988]. Еще хуже приходилось тем, кому не удалось «избежать пилки, колки и таскания дров на своих плечах, заниматься расчисткой снега на улицах или выгрузкой дров и т. п.»[1989].

С. Ф. Ольденбурга, взявшего на себя неблагодарную роль посредника между РАН и властью, осуждали со всех сторон[1990]. Даже те, кто служил у большевиков, не принимали его политику компромиссов, хотя понимали, что, поставив цель спасти академию, он сделался рабом взятого на себя обязательства. Но и большевики

[1983] Там же. С. 41.

[1984] *Струве П. Б.* Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего времени в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж: YMCA-press, 1952. С. 7.

[1985] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1917. Д. 164. Л. 170.

[1986] *Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками. С. 233.

[1987] Там же. С. 130.

[1988] Там же. С. 290.

[1989] Там же.

[1990] *Каганович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург. С. 69–97.

не доверяли ему, как и его ближайшим сподвижникам: В. А. Стеклову, ставшему в 1919 г. вице-президентом РАН, и А. Е. Ферсману — ученому секретарю, а в отсутствие В. И. Вернадского фактическому руководителю КЕПС. Особую позицию в диалоге с властями занимал А. П. Карпинский, который заявил С. Ф. Ольденбургу и В. А. Стеклову, что не согласен с ними, но допускает, что они лучше понимают окружающее, и поэтому всегда готов дать «свое имя для подписи»[1991].

15.2. В поисках сотрудничества

Налаживание рабочих отношений Академии наук и советской власти шло непросто. Хотя обе стороны были заинтересованы в развитии науки, они по-разному понимали вопросы: кто должен развивать науку? какова роль ученых в определении стратегии ее развития? какие науки надо развивать в первую очередь? Однозначный ответ на первый вопрос дала власть: РАН стала первым научным учреждением, которому власть предложила диалог и сотрудничество. Выбор объяснялся ее высоким международным авторитетом. Прагматичным большевикам, нуждавшимся в международном признании, импонировало, что в ее составе были известные математики и естествоиспытатели. Восприятие науки как средства для создания материально-технической базы социализма предопределило ответ, который власть дала на третий вопрос. А вот второй вопрос, по существу, не решен до сих пор...

В январе 1918 г. в Наркомпросе была создана секция во главе с Л. Г. Шапиро, которая разработала «Предложения к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства». Визит Шапиро в РАН, о котором С. Ф. Ольденбург сообщил Общему собранию 24 января 1918 г.[1992], и присланные им 26 января тезисы продемонстрировали ученым, с кем и о чем власть будет вести переговоры. В туманных выражениях им предлагали наладить профессиональное сотрудничество. Академики попросили конкретизировать пожелания и поручили специальной комиссии подготовить ответ. Но уже 29 января 1918 г. А. В. Луначарский на коллегии Наркомпроса сообщил о готовности РАН вести переговоры не только о сотрудничестве, но и о реформах[1993], хотя в протоколах Общего собрания о них ничего не говорится. 20 февраля 1918 г. Общее собрание согласилось участвовать в решении государственных задач как координирующий центр, но, по совету А. Е. Ферсмана, не стало браться за экономические и технические исследования отдельных отраслей народного хозяйства. В постановлении говорилось: «Академия полагает, что значительная часть задач ставится самою жизнью, и Академия всегда готова, по требованию жизни и государства, приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром»[1994].

[1991] *Ольденбург Е. Г.* Из дневниковых записей (1925–1930) / Публ. и примеч. М. А. Сидорова, Ю. И. Соловьёва // Вестник РАН. 1994. № 7. С. 640.

[1992] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 23.

[1993] *Иванова Л. В.* Формирование советской научной интеллигенции. С. 37.

[1994] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 31–31 об.

Затем в течение нескольких месяцев соблюдался декорум равноправных переговоров: официальные предложения Наркомпроса, ответы Общего собрания РАН, визиты представителей Наркомпроса и Совнаркома в РАН, обмен посланиями на высшем уровне — переписка А. В. Луначарского с А. П. Карпинским и С. Ф. Ольденбургом (март–апрель 1918 г.). Академия наук направила в Наркомпрос записки КЕПС «относительно способов выполнения принимаемых на себя академической организацией задач в области народного хозяйства»[1995]. Руководители Академии наук высказались за всемерное содействие государства науке и высшей школе, обеспечение преемственности в научном творчестве[1996].

В начале апреля председатель Совнаркома В. И. Ленин, ознакомившись с планами академиков, поручил Н. П. Горбунову посетить РАН и заверить С. Ф. Ольденбурга, что «СНК считает крайне желательным возможно широкое развитие научных предприятий академии», а также просить сообщать о подобных проектах прямо в СНК «с тем, чтобы им могло быть оказано скорейшее содействие»[1997]. После одобрения 11 апреля ВЦИКом итогов переговоров Наркомпроса и Академии вопрос о ее привлечении к государственному строительству рассматривался на заседании Совнаркома 16 апреля 1918 г. Было признано необходимым финансировать РАН и «указать ей как особенно важную и неотложную задачу разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил»[1998]. Это решение, опубликованное 19 апреля 1918 г., стало первым правительственным декретом в области науки после Октябрьской революции. Фактически оно соответствовало позиции РАН: Академию включили в систему государственных учреждений, и ее контакты с правительственными ведомствами стали регулярными. Немалую роль при этом играло желание большевиков придать политическое звучание согласию «прогрессивных» академиков сотрудничать с новой властью. Об этом прямо говорил А. В. Луначарский в ВЦИКе[1999]. Большевики хотели показать миру, что они не узурпаторы, а государственные мужи, обеспокоенные будущим России и пользующиеся поддержкой научной элиты страны[2000].

Так восторжествовала технократическая модель привлечения ученых к сотрудничеству в качестве экспертов и консультантов. В РАН доминировало убеждение, что правительство признало ведущую роль науки и готово слушать ученых. В обширной записке «О задачах научного строительства», составленной Академией в июне 1918 г. по поручению В. И. Ленина, речь шла о совершенствовании организации исследований[2001]. Записка содержала план мероприятий по изучению

[1995] Организация науки в первые годы советской власти. С. 122–123.

[1996] Наука и кризисы. С. 375–385; *Соболев В. С.* Нести священное бремя прошедшего. С. 112–116.

[1997] Организация науки в первые годы советской власти. С. 124.

[1998] Там же. С. 124–125.

[1999] Летопись РАН. Т. IV. С. 321.

[2000] *Ларин Ю.* Интеллигенция и Советы: хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М.: Госиздат, 1924. С. 11–12.

[2001] Ленин и Академия наук: Сб. документов. Л.: Наука, 1969. С. 49–54.

производительных сил страны, решению задач экономико-статистического характера, исследованию различных отраслей народного хозяйства. В ней подчеркивалась неразрывность прикладного и чистого знания. В середине июля С. Ф. Ольденбург направил в Наркомпрос письмо, в котором говорилось о необходимости восстановления и расширения международных связей[2002]. РАН участвовала в совещаниях по реформе высшей школы, в Научном совете Высшего совета народного хозяйства, в Ученом медицинском совете, в Совете по делам статистики при Центральном статистическом управлении и т. д. С ноября 1918 г. А. П. Карпинский возглавлял объединенный Петроградский совет научных учреждений[2003].

Академия наук активно включилась в работу по институционализации науки. С апреля КЕПС создавала отделы, быстро превратившиеся в институты: по редким элементам и радиоактивным веществам, радиевый, платиновый, минеральных вод, Туркестанский, почвенный, по исследованию Севера и т. д. Вскоре возникли Институт физико-химического анализа, Институт по изучению платины и других благородных металлов, Государственный рентгенологический и радиологический и Государственный оптический институты. Шла большая работа по преобразованию Сельскохозяйственного комитета в Российский сельскохозяйственный институт РАН, по организации Географического, Гидрологического, Испытательного, Керамического, Физико-технического и других институтов. Было создано Московское отделение КЕПС со своими подотделами: рентгенологии, термометрии, пирометрии, фотохимии, энтомологии, пчеловодства, пушного зверя и др.

Большое внимание уделялось пропаганде достижений отечественной науки: планировались создание музея научных приборов и издание полных собраний сочинений Е. И. Золотарёва, Н. И. Лобачевского, М. В. Остроградского и избранных трудов Э. Х. Ленца, Г. Ф. Паррота, В. В. Петрова, Б. С. Якоби. Был издан декрет о реорганизации и централизации архивного дела в России и организован единый Государственный фонд. Конечно, далеко не все предложения РАН воплощались в жизнь. Не получила поддержки, в частности, идея А. С. Лаппо-Данилевского об Институте социальных наук, рассмотренная на экстраординарном Общем собрании РАН 18 (5) июня 1918 г.[2004] Большевики не собирались отдавать общественные науки в руки идеологических противников. 25 июня они создали Социалистическую академию.

Казалось, всё складывается хорошо, и академики могут работать, не опасаясь реформ и потрясений, участвуя в создании научных учреждений, рост числа которых был беспрецедентным для тогдашней мировой практики. У ученых появлялся шанс использовать государственные ресурсы для реализации дореволюционных планов и участвовать в разработке правительственных программ. Но на деле всё опять получилось иначе. 14 июня 1918 г. В. А. Стеклов отметил: «Ольденбург сообщил о своей поездке в Москву; большевики Рейснер, Штернберг, Тер-Оганесов и проч. все торопятся предпринять реформу высш[их] учеб-

[2002] Организация науки в первые годы советской власти. С. 369–370.

[2003] Летопись РАН. Т. IV. С. 344.

[2004] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 61.

н[ых] завед[ений] и АН на началах социализации. Ленин, Троцкий, Луначарский, Горбунов настаив[ают] на том, что выс[шие] уч[ебные] зав[едения], Акад[емию] трогать не следует»[2005].

В условиях Гражданской войны, голода и разрухи в Петрограде академия сильно зависела от местных радикалов. В ноябре 1918 г. Научный отдел Комиссариата по просвещению Союза коммун Северной области опубликовал записку «О реформе деятельности ученых учреждений и школ высших ступеней в Российской социалистической федеративной советской республике». В записке читаем: «Что же касается разновидности, именуемой “высшим ученым учреждением” типа Академии наук, то таковые подлежат немедленному упразднению как совершенно ненужные пережитки ложноклассической эпохи развития классового общества»[2006]. Призывы к «единству организации в направлении ученой и учебной работы» преследовали одну цель — закрыть Академию наук и создать сеть институтов, где исследовательская работа подчинялась бы задачам преподавательской деятельности. Управление ими планировалось возложить на некий Отдел трудовой науки. Ужесточение позиции Наркомпроса было обусловлено созданием Социалистической академии, которую возглавил заместитель Луначарского М. Н. Покровский.

С началом красного террора членов академии всё чаще подвергали репрессиям. Среди арестованных были академики Е. Ф. Карский, А. И. Соболевский, члены-корреспонденты Н. И. Кареев, А. А. Кизеветтер, Н. К. Кольцов. Для их защиты руководство Академии использовало личные связи с влиятельными большевиками, которых приходилось убеждать в целесообразности поручительства за освобождаемых. Но не всегда ходатайства удовлетворялись. 28 января 1919 г. в Петрограде расстреляли великих князей и почетных членов РАН — крупного историка Николая Михайловича, нумизмата Георгия Михайловича и Павла Александровича (Романовых). С осени 1918 г. ученые в полной мере испытывали и иные тяготы времени, помимо преследования властей: холод, болезни, острый недостаток в продовольствии, одежде, обуви. В последний год Первой мировой войны РАН потеряла еще пятерых академиков — В. В. Заленского, А. М. Ляпунова, В. В. Радлова, Я. И. Смирнова, А. С. Фаминцына (12% списочного состава), и трех почетных членов — К. И. Михайлова, С. Д. Шереметева, О. Э. Штубендорфа.

С сентября 1918 г. руководители Академии наук прилагали титанические усилия ради спасения ученых. Сохранились многочисленные письма А. П. Карпинского, В. А. Стеклова и С. Ф. Ольденбурга в Совнарком, Наркомпрос, Петросовет и другие органы власти, в которых содержалось требование обеспечить элементарные условия для деятельности ученых. В письме от 25 сентября 1918 г. Карпинский и Ольденбург указывали, что «в настоящее время люди умственного труда находятся в особо тяжелом положении <...> в их среде наблюдается, по заключению врачей, особо сильное истощение, и ряды их тают с чрезвычайной быстротой вследствие болезней, многочисленных смертей и отъездов за границу»[2007].

[2005] АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 172. Л. 27 об.

[2006] О реформе деятельности ученых учреждений... С. 20.

[2007] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 93 об.–94.

Много сил и времени отнимало противостояние радикалам-реформаторам. Об этом свидетельствует запись в протоколе экстраординарного заседания Общего собрания, состоявшегося 26 (13) ноября 1918 г.: «Непременный секретарь по поводу созыва экстраодинарного общего собрания доложил, что из бесед членов академии с представителями научного отдела Комиссариата народного просвещения выяснилось, что Комиссариат предполагает ряд мер по реформе Академии, считая, что академией ничего в этом отношении не предпринято»[2008]. С. Ф. Ольденбург назвал это мнение ошибочным. По его предложению образовали Комиссию «для пересмотра Устава и положений об учреждениях в академии в видах выяснения того, какие в них могут быть внесены изменения»[2009]. Негативное отношение академиков к реформам извне нашло отражение в письме А. П. Карпинского к А. В. Луначарскому от 27 января 1919 г.: «Академия, как учреждение научное и потому по существу своему чрезвычайно сложное, должна была отнестись к предпринимаемым реформам с большим вниманием и большою осторожностью, дабы эти реформы либо не явились чисто бумажными, а потому нежизнеспособными, либо не оказались разрушительными, вместо того, чтобы быть созидательными»[2010]. Об отрицательном отношении ученых к планируемым реформам А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов, А. Е. Ферсман и др. неоднократно информировали А. В. Луначарского в ходе личных бесед с ним. В свою очередь о положении дел в Академии наук нарком беседовал с В. И. Лениным, который предостерег Наркомпрос от попыток ее коренной реорганизации.

Гражданская война на время сняла этот вопрос с повестки дня. К тому времени произошел переход к силовым методам управления наукой на основе Декрета СНК от 19 декабря 1918 г. «Об учете и мобилизации технических сил республики» с введением всеобщей трудовой повинности и милитаризации труда. Да и академикам было уже не до дискуссий о взаимодействии с властью. Началась подлинная борьба за выживание.

В период революционных потрясений академическое сообщество быстро осознало, сколь недальновидно втягиваться в политическое противостояние с новой властью. Прагматичных большевиков-технократов в то время мало интересовало отношение к ним ученых. Им необходимы были внешняя лояльность и квалифицированная экспертиза по вопросам запасов минеральных ресурсов и их разработки, химического оружия, авиа- и автомобилестроения и т. д. Финансировались и развивались те учреждения, которые могли принести практическую пользу. Понимая заинтересованность властей в их деятельности, ученые требовали равноправия, уважительного отношения, свободы научного творчества, демократизации науки. В письме, адресованном в Совнарком 17 апреля 1918 г., Карпинский просил сохранить за АН право «обращаться в особо важных случаях непосредственно к высшему органу власти»[2011].

[2008] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 119 об.–120.

[2009] Там же. Л. 120.

[2010] Документы по истории Академии наук СССР. Л.: Наука, 1986. С. 116.

[2011] Организация науки в первые годы советской власти. С. 127.

Ученые не могли себе позволить длительную конфронтацию с большевистской властью и выстраивали свои приоритеты в соответствии с ее интересами. Чтобы увеличить ассигнования, они в ущерб профессиональным интересам брались разрабатывать проекты, призванные сохранить и упрочить положение науки в новых условиях. Часть членов академии с энтузиазмом включились в работу правительственных ведомств, надеясь с их помощью реализовать также собственные планы и научные замыслы. Сотрудничество с правительством, первоначально воспринимавшимся как банда насильников, они оправдывали национальными интересами и необходимостью сохранить отечественную науку. От академиков еще не требовали отказа от прежних убеждений и клятв в преданности советской власти, и им казалось, что, участвуя в разработке научно-технических планов правительства, они без труда смогут найти оптимум между «желаниями большевиков и своими представлениями о том, чем должна заниматься наука»[2012]. Академики при этом указывали на необходимость охранять существующие рассадники знаний путем поддержки их деятельности и защищать ученых «от всякого рода посягательств на их свободный труд и формы внутренней организации»[2013].

В целом выход из кризиса, по мнению А. П. Карпинского, С. Ф. Ольденбурга и А. Е. Ферсмана, направлявших в правительство весной 1918 г. письма и записки об организации научных исследований в новых условиях, заключался в обеспечении преемственности в развитии науки и в подведении «прочного научного фундамента» под экономическую и социальную политику. Таков был вывод, сделанный отечественной наукой из опыта Первой мировой войны и Великой русской революции. Гражданская война не дала ни РАН, ни правительству возможности им воспользоваться.

Свой путь в поисках сотрудничества с советской властью прошли и университеты, о чем недавно писал Е. А. Ростовцев в фундаментальном труде о Санкт-Петербургском университете[2014]. Особенно непростым он был у Казанского университета. После занятия Казани войсками Народной армии Самарского Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧа), университетская профессура практически единодушно поддержала КОМУЧ; открыто выступил в его поддержку и Совет Казанского университета, заявив об этом в принятой без прений на заседании от 16 августа 1918 г. резолюции, предложенной профессором, анатомом Н. Д. Бушмакиным. В ней говорилось, что «Совет университета приветствует образовавшееся новое правительство» и «готов принести все силы, средства и самую жизнь своих членов на пользу строительства нашей истерзанной родины», объявляя о подписке в университете «на добровольное единовременное денежное пожертвование для нужд народной армии»[2015]. За резолюцию проголосовали 35 членов Ученого совета, при одном воздержавшемся (профессор-механик Е. А. Болотов)[2016]. Это способствовало

[2012] *Романовский С. И.* Российская академия наук в годы Гражданской войны // Часовой. 1997. № 5. С. 121.

[2013] Ленин и Академия наук. С. 54.

[2014] *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи. С. 735–754.

[2015] НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 2. Л. 205.

[2016] *Литвин А. Л.* Ученые Казанского университета во время смены политических режимов. С. 125.

активному проявлению внимания Самарского правительства к проблемам образования и науки. В сентябре 1918 г. в Казани состоялся съезд по вопросам высшего образования Ведомства народного просвещения, проведенный «в целях скорейшего и всестороннего разрешения вопросов, выдвинутых на очередь в области образования свержением советской власти»[2017]. От Казанского университета в его работе участвовал профессор, историк М. М. Хвостов. Особоуполномоченным комитетом членов Всероссийского учредительного собрания 30 августа 1918 г. по г. Казани и Казанской губернии был издан специальный приказ № 96. В нем говорилось, что университету в своей деятельности следует руководствоваться законами и постановлениями, изданными до 24 октября 1917 г., и обращаться по всем делам в Управление ведомства просвещения при Комитете членов Всероссийского учредительного собрания в Самаре.

10 сентября 1918 г. в Казани снова установилась советская власть и выяснилось, что город опустел. Многие его покинули раньше армейских соединений. По словам М. К. Корбута, «с белой армией ушла значительная часть профессуры, еще большее количество преподавателей и подавляющее большинство студентов»[2018]. Университет потерял более сотни человек из профессорско-преподавательского и административно-управленческого состава. Нехватка их ощущалась впоследствии весьма остро. Председатель ЧК Восточного фронта М. И. Лацис уже 11 сентября вызвал на допрос членов Совета университета и приказал каждому финансировавшему мобилизацию казанцев в Народную армию сдать сумму на нужды Красной армии, десятикратно превышавшую пожертвованную ими ранее. Но арестован был только и. о. ректора Д. А. Гольдгаммер как председатель Совета, однако и его 13 октября выпустили. Несколько профессоров (историк Н. Н. Фирсов, химик А. Я. Богородский) выступили в печати с покаянием и признанием власти большевиков[2019].

В октябре 1918 г. Совет обратился в Казанский комиссариат просвещения с просьбой «гарантировать» свободу возвращения преподавателей, покинувших университет в сентябре, «без всяких для них неблагоприятных последствий»[2020]. Действительно, ряд преподавателей вернулись в течение 1919–1920 гг. М. К. Корбут называл 1918/19 учебный год «самым нежизненным» годом в университете: «Посредственный, средний, неактивный в политическом отношении элемент из среды профессоров и преподавателей и разнокалиберная молодежь на первом курсе — вот приблизительная физиономия казанских вузов в первый год после чехо-словаков. Цепь старой школы прервалась...»[2021]

В связи с острейшим экономическим кризисом университет почти прекратил выпуск научных периодических изданий (так в 1918 г. прекращается выход «Уче-

[2017] НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 2. Л. 218.

[2018] *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05–1929/30). Т. 2. С. 303.

[2019] *Литвин А. Л.* Ученые Казанского университета во время смены политических режимов. С. 125–136.

[2020] НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 4. Л. 249.

[2021] *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05–1929/30). Т. 2. С. 303–304.

ных записок Казанского университета»). Полностью прерываются научные связи не только с зарубежными исследовательскими центрами, но и с другими городами России. Научная библиотека практически не пополняется новой литературой. С 1917 по 1923 г. библиотека университета не получила ни одного зарубежного издания. Как с горечью писал в 1922 г. профессор Казанского университета философ-психоаналитик К. И. Сотонин, «приходится прийти к печальному заключению», что научная работа после 1917 г. «всё время шла на убыль» и в конечном итоге «свелась почти к нулю <...> О регулярной научной работе не приходится и говорить, если она производится, то урывками, как нечто весьма побочное»[2022].

Если в 1915 г в университете было 72 профессора, то в 1919 г. их количество даже выросло, но, конечно, за счет того, что профессорское звание получили почти все приват-доценты. В 1919 г. в Казанском университете было почти 100 профессоров[2023]: 23 на историко-филологическом факультете, 30 — на физико-математическом, 31 — на медицинском, 6 — на факультете общественных наук (ФОН), и 5 — на лесном факультете. Лесной факультет был совершенно новым для университета подразделением[2024], а слишком малое число профессоров на факультете общественных наук (возникшем вместо юридического) можно объяснить только тем, что большинство из них так не вернулись в Казань. Впрочем, это произошло уже после окончания Первой мировой войны: Юридический факультет был закрыт 8 января 1919 г., а ФОН открыт в апреле 1919 г.

Аналогичная ситуация была по всей стране. Первая мобилизация науки обернулась для ученых катастрофой.

[2022] История Казанского университета. С. 271.

[2023] «Личный состав Казанского университета» [Машинопись] // Фонд Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета.

[2024] Лесной факультет был открыт 30 декабря 1918 г., а с мая 1922 г. переведен в состав созданного в Казани Института сельского хозяйства и лесоводства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

В последнее время стало традиционным утверждение о том, что Великая русская революция 1917 г. со всеми ее последствиями была подготовлена прежде всего Первой мировой войной. Возникает вопрос, насколько подобное суждение справедливо для отечественной науки. И здесь ответ будет далеко не однозначным, так как необходимо уточнить, о какой стороне науки идет речь: о ее организации или институционализации; о системе знаний или методологии их получения; о фундаментальных или прикладных аспектах; о гуманитарных, естественнонаучных или технических отраслях знания и т. д. В свою очередь, каждый аспект дробится на многие и многие более частные вопросы, на большинство из которых до сих пор не найдены ответы. Это подтверждает наша попытка реконструировать противоречивую картину переплетения сложных факторов и мотивов, побуждавших ученых провозглашать необходимость создавать мобилизационную науку и совершать порой удачные, но чаще всего безрезультатные усилия в этом направлении. И здесь многое зависело не только от уровня готовности той или иной отрасли знания внести свой вклад в победу над врагом, сколько от наличия в ней лидера, сочетавшего в себе талант исследователя, признанного в своей дисциплине и в научном сообществе в целом, а также блестящие организаторские способности и навыки политика, умеющего договариваться с разными общественными кругами и представителями властей, предпринимателями, военными и т. д.

Главная цель книги состояла в том, чтобы показать пути адаптации академического сообщества к социально-политическим реалиям, порожденным Первой мировой войной и русскими революциями 1917 г. Мы старались выяснить, как шли изменения во взаимодействии науки и власти и как они преломлялись сквозь призму академических интересов, системы личностных и профессиональных, институциональных и коммуникативных связей с другими научными организациями и высшими учебными заведениями. Кроме того, на примере Академии наук, Петроградского и Казанского университетов, Психоневрологического института, ряда естественнонаучных обществ мы старались проследить, как события 1914–1918 гг. сказались на составе академическо-профессорского корпуса, стратегиях его поведения, планах, установках, ценностях и даже на его этосе.

Первая мировая война и связанные с нею две революции, произошедшие в России в 1917 г., оказали огромное влияние на отечественную науку, в том числе и на «первенствующее научное сословие», как определялась в Уставе 1836 г. Императорская Академия наук. Именно она находилась в центре нашего исследования на протяжении всей книги с привлечением всего массива архивного материала, опубликованых документов и источников личного характера. Оставаясь наиболее авторитетным научным учреждением России, Академия в меру своих сил старалась помочь стране преодолеть роковой ход событий, в оценке которых в историко-научном сообществе до сих пор нет консенсуса. До недавнего времени вопрос

о влиянии Февральской революции на Академию наук почти не исследовался, а ее отношения с Временным правительством почему-то оценивались как безоговорочная поддержка. На самом деле Общее собрание Академии как высший орган ее управления никогда об этом не заявляло. Преувеличивалась и степень конфронтации академического сообщества с властью после 25 октября 1917 г. При рассмотрении преобразований, произошедших в Академии после Октябрьской революции, акцент делался либо на положительные эффекты сотрудничества с советским правительством, либо, напротив, на его пагубность, поскольку оно было связано с потерей автономии и в конечном счете перспектив развития, репрессиями и международной изоляцией. На протяжении последних 15 лет я принадлежал к числу тех немногочисленных авторов, которые пытались выйти за пределы этой дилеммы путем комплексного анализа преобразований в российской системе науки, общества и власти в первой четверти XX в. При этом основное внимание уделялось процессу трансформации Императорской Академии наук в Российскую академию наук, совершавшемуся как поиск академическим сообществом общего языка с правительственными структурами в условиях глубокого социально-политического и экономического кризиса, требующего новой самоидентификации академической науки, определения ее места и роли при новом строе.

В данном исследовании сделана попытка рассмотреть мобилизацию всей отечественной науки, используя главным образом архивные и опубликованные источники тех лет, связанные с Академией наук, а также исследования последних десятилетий, посвященные вкладу отдельных отраслей знания, научных учреждений, обществ и вузов. Основой исследования оставалась методология сравнительного анализа науки в условиях острых политико-идеологических и социально-экономических кризисов, разработанная и использованная при написании книг «Наука и кризисы» (2003) и «Биология Германии и России» (2007). Только в данном случае сравнивались различные сферы российского научного сообщества, а не разные страны.

Хотя от событий тех дней нас отделяет столетие, остается неясным, что́ происходящие тогда трансформации в Академии наук, университетах, ведомственных научных учреждениях и научных обществах означали для российской науки в целом. Стали ли они прелюдией к «укрощению строптивого», склонного к оппозиции сообщества ученых или, напротив, открыли путь к их более тесному симбиозу с властью? Если верно первое, то почему не столько ученые выполняли установки власти, сколько власть реализовывала их планы? Если же это был симбиоз, то насколько соизмерима выгода от него для ученых в свете увеличения зависимости от государственных структур и связанного с этим ограничения самостоятельности, раскола в научном сообществе, ухудшения материально-финансовой базы исследований, издательской и просветительской деятельности, а затем и международной изоляции, начинавшихся в конце Первой мировой войны и по мере разгоравшейся Гражданской войны усугубившихся репрессий и преждевременных смертей многих выдающихся ученых или их эмиграции? Наконец, была ли тогда, и если да, то когда именно, пройдена граница между обычным административным управлением наукой и навязыванием ей политических идеологем, ставших основой для будущего тотального контроля и возникновения псевдонаук?

К Февралю 1917 г. российская наука считалась престижной сферой российского общества, тесно связанной с двором, министерствами и ведомствами, армией и флотом, губернскими и уездными земскими органами, городскими думами, политическими партиями, промышленностью, сельским хозяйством и т. п. Она функционировала в виде сложно структурированной и быстро перестраивавшейся сети разного рода социально-экономических и личностных связей, объединяющих государственные, частные и кооперативные высшие учебные заведения (университеты, институты, курсы), научные учреждения (институты, лаборатории, станции, комиссии, комитеты, фонды), общества, музеи, журналы, библиотеки, госпитали и т. д. Главным научным учреждением страны по-прежнему считалась Императорская Академия наук, но в ней к тому времени концентрировалась небольшая часть научного сообщества. Всё большее значение приобретали университеты, а также некоторые технические, медицинские и сельскохозяйственные вузы. Тем не менее на содержание ИАН в бюджете 1917 г. предусматривалось около 37% средств, выделенных на все научные учреждения Империи. Академия с конца XIX в. представляла отечественную науку в международных ассоциациях и обществах. В годы Первой мировой войны академики и члены-корреспонденты возглавляли разного рода комиссии, комитеты и особые совещания, которые были созданы для координации усилий научных учреждений и высшего образования, направленных на решение задач развития науки мобилизационного типа, охраны культурных ценностей, укрепления научных связей со странами Антанты. Многие из них занимали ведущие позиции в столичных высших учебных заведениях и практически все входили в профессорско-преподавательский корпус ИСПбУ. Это интегрировало научное сообщество и давало ему возможность консолидированно выступать при обсуждении вопросов, касающихся судьбы российской науки и перспектив ее развития.

В горниле великой русской революции Академии наук удалось сохранить статус главного научного учреждения страны и некоторые принципы дореволюционной организации, функционирования и этоса, более того, адаптируясь к новым социально-экономическим и идеолого-политическим условиям, с максимальной эффективностью использовать их для развития национальной науки. Важную роль в этом сыграла активность многих членов академического сообщества (Н. И. Андрусова, В. И. Вернадского, И. П. Бородина, Б. Б. Голицына, В. Н. Ипатьева, А. П. Карпинского, А. Н. Крылова, Н. С. Курнакова, П. П. Лазарева и др.), во время Первой мировой войны доказавших на практике, что фундаментальная наука имеет огромное прикладное значение. Вот почему трансформация ИАН под влиянием вызовов военного времени стала типичным примером формирования мобилизационной модели организации науки и связанной с ней перестройки системы взаимоотношений ученых с властью и обществом.

Составляя элиту отечественной науки, далеко не все академики и профессора столичного университета отличались лояльностью к правительству. Многие из них во время революции 1905–1907 гг. входили в Академический союз, призывавший к конституционным реформам и критиковавший правительственную политику в области науки и образования. Они полагали, что власть оказалась неспособной провести модернизацию, и именно это впоследствии предопределило неуда-

чи в Первой мировой войне. Подобные настроения сказались на пополнении ИАН во время войны, когда академиками были избраны химик В. Н. Ипатьев, математик А. Н. Крылов, геолог А. П. Павлов, ботаник В. И. Палладин, филолог-славист и этнограф Е. Ф. Карский, литературовед Н. К. Никольский, историк-славист И. С. Пальмов. Почти все они исповедовали принцип служения народу, а не власти.

Тем не менее ученые в 1914–1917 гг. участвовали в решении проблем снабжения армии необходимым вооружением, техническими средствами связи и защиты, продовольствием и медикаментами, в ликвидации сырьевой зависимости оборонной промышленности от импорта, в охране культурных ценностей в районах боевых действий и в так называемой «войне умов» (И. П. Бородин, Б. Б. Голицын, В. И. Вернадский, Н. К. Кольцов, С. Ф. Ольденбург, М. И. Ростовцев, Ф. И. Успенский, А. С. Фаминцын и др.). Они играли важную роль в деятельности правительственных Особых совещаний и комиссий Государственного совета, а также в повседневной работе военно-промышленных комитетов, Химического комитета, Главного комитета по снабжению армии, Главного артиллерийского управления, Всероссийских земских и городских собраний. Некоторые академики (В. Н. Ипатьев, А. Н. Крылов, Н. С. Курнаков) зарекомендовали себя умелыми организаторами и руководителями военной промышленности. Для мобилизации ресурсов и обеспечения фронта и тыла стратегическим сырьем и продовольствием много сделала Комиссия по изучению производительных сил России (КЕПС), основанная по инициативе Академии наук в 1915 г. Руководителям КЕПС удалось выдвинуть эффективную программу мобилизации науки и объединить для ее выполнения сотни ученых различных специальностей, представлявших десятки научных учреждений и обществ, университетов и образовательных институтов. В то же время шла трансформация тематической структуры науки в сторону прикладных исследований, под которыми нередко понимались общепризнанные государственно важные и полезные проекты, выполняемые по заказу правительственных и военных ведомств. Ученые начинали чутко реагировать на политическую конъюнктуру в области научно-технического поиска, изыскивая источники финансирования и демонстрируя преданность интересам страны.

Комплексное рассмотрение научно-технической динамики Первой мировой войны с учетом нескольких рубрик важных «первичных событий» (научные публикации, открывавшие новые научные направления; первые испытания военной техники, принятой на вооружение; первый опыт их боевого применения; организационные решения) в разных сферах военного дела показало, что пик их пришелся на 1916 г. Это однозначно свидетельствует о том, что война стимулировала отечественных ученых и изобретателей на поиск и внедрение нового вооружения[2025]. Но при этом по основным показателям вооружения Россия уступала Германии по крайней мере в 10 раз. И виной сохраняющегося разрыва была не технологическая отсталость или отсутствие талантливых инженеров, изобретателей, технологов, промышленников. Отсутствовал механизм быстрой трансляции военного заказа в проектирование и разработку технологии производства из-за отсутствия

[2025] *Батурин Ю. М.* Подготовка к Первой мировой войне. С. 84.

устоявшихся связей науки, инженерии, промышленности и армии как на персональном уровне, так и на уровне управленческих структур.

Задачи мобилизации науки на решение актуальных задач военного времени ученые воспринимали не столько в соответствии с императивами власти, оказавшейся не в состоянии организовать тотальную мобилизацию экономики и населения, сколько через призму запросов гражданского общества и собственных идеолого-политических и корпоративных интересов, не разделенных еще соображениями так называемых академической, университетской и отраслевой науки. Единство научного сообщества с наибольшей силой проявило себя в учебных и научных учреждениях Петрограда. Практически каждый крупный ученый, вовлеченный в мобилизацию науки (например А. П. Карпинский, И. П. Бородин, В. И. Вернадский, Б. Б. Голицын, Н. Д. Зелинский, В. Н. Ипатьев, А. Н. Крылов, Н. С. Курнаков, П. П. Лазарев, И. П. Павлов, М. И. Ростовцев, М. А. Рыкачёв и многие другие), работая одновременно в разных вузах, учреждениях, ведомствах и обществах, одновременно воплощали в своем лице единство фундаментальной и прикладной, гражданской и военной, теоретической и экспериментальной науки. Это позволило научному сообществу сыграть заметную, хотя далеко не решающую роль в трагических событиях 1914–1918 гг. Благодаря высокому авторитету выдающихся естествоиспытателей, математиков и конструкторов, выступавших как единое целое, ученое сообщество смогло устоять и наладить продуктивный диалог с меняющимися властями, сохраняя и приумножая интеллектуальное наследие и традиции отечественной науки даже в тяжелых социально-политических, экономических и нравственно-этических условиях.

В какой-то степени тогда закладывался фундамент будущей советской науки и основные черты ее этоса. Но в этот период шло формирование лишь предпосылок для фундаментальных изменений во взаимоотношениях российского научного сообщества и государства в годы войны. Химический комитет, КЕПС, КИПС, Полярная комиссия, разнообразные планы реформ науки и образования в 1917 г. были попытками установить новые механизмы взаимодействия между наукой и властью, а не коренной их трансформацией. В большинстве случаев инициаторами таких изменений были сами ученые, которые апеллировали к властным структурам на уровне ведомств и министерств, пытаясь заручиться финансовой поддержкой. В этих инициативах, конечно, можно было увидеть лоббирование корпоративных интересов под лозунгом удовлетворения насущных потребностей военной промышленности, армии и флота, в чем явно преуспели организаторы КЕПС, объединив сотни сотрудников ИАН, университетов, различных вузов, научных учреждений и обществ, бюро и лабораторий, обсерваторий и станций, министерств и департаментов и т. д. Интегрируя интересы ученых, преподавателей, финансистов, транспортников, промышленников, военных и правительственных чиновников, Комиссия с самого начала имела общенациональное значение. В дальнейшем КЕПС стала основой создания сети государственных научно-исследовательских институтов, академий, университетов и вузов.

Между тем в отличие от мобилизации науки в ведущих промышленных странах в России она не означала ни существенных преобразований в организации науки,

ни кардинальных изменений социального статуса ученых и их места в государстве и обществе. Как правило, здесь не было существенной трансформации профессионального пространства ученого. Его научно-образовательные составляющие оставались главными, а разнообразные функции как экспертов, технологов и организаторов оборонной промышленности играли второстепенную роль. При изменении тематики исследований профессиональная мобильность оставалась примерно на том же уровне, хотя в национальном масштабе возникала возможность перехода из одной институциональной структуры к другой, но обычно ученый к многочисленным своим служебным обязанностям добавлял новые, нередко в новых для него сферах деятельности и по заказу других правительственных ведомств.

В то же время нельзя согласиться с выводами некоторых исследователей последних лет о том, что война не принесла сколь-нибудь серьезных перемен в структуре и деятельности российских университетов и вузов, если они без существенных изменений продолжали свою деятельность, не находясь в зоне боевых действий или в прилегающих к ним районах. Обзор главных направлений мобилизации науки в высшей школе показывает, как во время войны закладывались основы будущего военно-промышленного комплекса, предопределившего ее дальнейшее развитие. Немалое значение имело также расширение географии высшей школы, благодаря которому обширные регионы становились сферой использования науки в военном производстве. Конечно, реформы высшей школы, проведенные в первые два года войны, не затронули ни внутреннего устройства университетов, ни их взаимодействия с правительством. Тем не менее война в больших масштабах вовлекала в оборонные исследования университетскую науку, не говоря уже о науке в технических и медицинских институтах. Впервые в истории России научно-исследовательская деятельность значительной части профессорско-преподавательского корпуса соединилась с ежедневными потребностями страны, что вело к превращению вузов из научно-образовательных центров в существенный компонент оборонного потенциала, когда профессора становились руководителями не только исследовательских оборонных проектов, но также лабораторий и мастерских, занимавшихся производством значимой для обороны продукции, или выступали в качестве консультантов различных технических и военных учреждений и экспертами Госсовета, Госдумы, Особых совещаний, министерств. И, наконец, все реформы высшей школы в 1917–1918 гг. не только были следствием Первой мировой войны, но и являлись ее неотъемлемой частью, так как до марта 1918 г. Россия официально находилась в состоянии войны с Центральными державами, а затем значительные части ее территории были оккупированы как их войсками, так и армиями недавних союзников по Антанте (Англией и Францией на юге и на севере, а США и Японией на Дальнем Востоке).

Россия больше, чем другие экономически развитые страны, испытала влияние «войны умов» и краха «научного интернационала», вынужденная искать самоидентификацию в условиях резкой конкуренции профессиональных групп, изолированных друг от друга в пределах своих социумов. В силу исторических традиций и последующих социальных катаклизмов российская наука более других почувствовала негативные последствия изоляции. И хотя ученые приобрели важный опыт совместной работы с правительственными и общественными структурами,

с военными и с предпринимателями и сформировали новые когнитивно-институциональные структуры, им не удалось компенсировать потери от разрыва многовековых связей с наукой немецкоязычных стран путем налаживания новых форм научных взаимодействий с союзниками. Война покончила с практикой подготовки студентов за границей. Более того, государство стало главным организатором науки, и, осознав зависимость от нее в области обороны и научно-технического развития, выбрала путь тотального контроля и управления. О «науке ради науки» ученым в России пришлось забыть раз и навсегда. И в этом отношении особый интерес представляет сравнительный анализ российского опыта с тем, что произошло с другими ведущими научными державами.

В Германии, США, Англии, Франции более интенсивно, чем в России, формировались новые социальные сети и связи между научным сообществом, государством, армией, флотом и промышленностью[2026]. Одним из наиболее впечатляющих оказался опыт Германии, которая за несколько лет до войны встала на путь создания государственной сети научно-исследовательских институтов. До этого немецкая наука преимущественно развивалась в университетах, где исследовательский талант издавна был главным критерием при формировании профессорско-преподавательского корпуса. Вместе с тем университеты организовывали сотрудничество с промышленными лабораториями в наукоемких областях производства, что обеспечило надежное финансирование из частных источников. На судьбе немецкой науки во время войны сильно сказалось создание в стране в 1911 г. мощной общегерманской организации — Общества содействия развитию научных исследований имени кайзера Вильгельма. Главная цель Общества состояла в мобилизации промышленного и финансового капитала на нужды науки. Инициатором его создания был А. Гарнак — непременный секретарь Академии наук в Берлине, связанный дружескими отношениями со многими членами правительства и банкирами.

Благодаря влиянию в правительственных и финансово-промышленных кругах ему удалось в короткий срок собрать значительные средства для создания Общества, объединяющего институты и лаборатории, во главе которых стояли известные ученые, как правило, свободные от преподавания, самостоятельно распределявшие средства, выделяемые институтам[2027]. Обществу были под силу крупномасштабные, дорогостоящие научные предприятия, создание институтов, лабораторий. Полученные в ходе исследований результаты Общество передавало другим организациям для дальнейшей разработки и практического приложения. Хотя его основной целью были фундаментальные исследования, они часто лежали в области, представляющей интерес для немецкого государства и промышленности. Общество старалось получить финансирование из различных источников — от государства,

[2026] Наука и кризисы. С. 245–246, 254, 343–345, 553–555 и др.; *Колчинский Э. И.* Биология Германии и России–СССР... С. 83–87, 93–95.

[2027] *Harnack A.* Erinnerungen an die Gründungszeit der Kaiser Wilhelm-Gesellschaft // Naturwissenschaftliche Rundschau. 1963. Bd. 16. Hf. 11. S. 435–438; Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft.

от отдельных немецких земель и городов и от заинтересованных промышленников — для того чтобы не зависеть полностью от какого-то одного спонсора. В канун Первой мировой войны под именем «институтов кайзера Вильгельма» были открыты (или по крайней мере санкционированы) институты биологии, химии, угольной промышленности, экспериментальной медицины, физиологии труда и физической химии.

В то время немецкая наука воспринималась (особенно самими немцами) как доминирующая и лучшая в мире. Общество кайзера Вильгельма и его институты предоставляли возможность заниматься наукой вне университетов, в немецкой промышленности укрепилась традиция прогрессивных и продуктивно работающих научно-исследовательских лабораторий. Тем не менее в начале «Великой войны» академическая наука фактически не была задействована. Немецкое военное руководство сначала игнорировало высказывания, что наука и промышленность должны сыграть важную роль в войне, надеясь на очевидное немецкое военное преимущество и план А. фон Шлиффена, предполагавший молниеносную войну и окончательную победу. Когда же война на Западе переросла в бесконечные окопные бои, стало ясно, что без помощи науки Германия быстро проиграет. Наукоемкая индустрия обеспечивала Германию синтетическими материалами для фронта и синтетическими продуктами для тыла. Конечно, Германия в итоге всё равно проиграла войну, но без мобилизации науки она потерпела бы поражение гораздо раньше.

Вместе с тем немалых усилий потребовала от ученых и промышленников-предпринимателей, таких как Ф. Хабер и В. Ратенау, задача убедить немецкое военное руководство в необходимости сначала просто выслушать, а впоследствии поддержать их предложения использовать науку на пользу войне. Ратенау защищал синтетическое производство азота для изготовления снарядов, без которых немецкие военные усилия оказались бы тщетными уже на раннем этапе войны, когда блокада союзников перекрыла ввоз в Германию натуральных источников азота. Хабер же продвигал идею развития химического оружия, в особенности отравляющих газов, ставших самым ужасным примером вклада немецкой науки в Первую мировую войну. Именно Институт физической химии Ф. Хабера сразу был полностью переориентирован на военные нужды и стал одним из первых примеров научного учреждения, созданного для фундаментальных исследований, но вынужденного вместо этого заниматься прикладными разысканиями на обеспечение военных нужд[2028]. Хабер предоставил институт в распоряжение правительства и превратил его в Центр исследования и разработки химического оружия. Несколько молодых перспективных немецких ученых (и среди них будущие Нобелевские лауреаты О. Ган и физик Дж. Франк) работали на Хабера в этой области. Персонал института возрос до 1500 чел., включая 150 научных работников, и бюджет увеличился вдвое. Вскоре институт стал напоминать промышленную лабораторию, в нем разрабатывались новые отравляющие газы, противогазы и другие средства защиты,

[2028] *Stoltzenberg D.* Fritz Haber. Chemiker, Nobelpreisträger, Deutscher, Jude: eine Biographie; *Szöllösi-Janze M.* Fritz Haber. 1868–1934: eine Biographie.

газовые снаряды и другие средства поражения, а также эффективные стратегии использования химического оружия. Отравляющие газы, которые разрабатывались в институте, не стали основным оружием во время Первой мировой войны, но они терроризировали солдат обеих сторон и создали угрожающий прецедент использования науки в военных целях. Немецкие ученые и инженеры были также мобилизованы на работы, связанные с разработкой и производством самолетов, развитием самолетостроения[2029]. Хотя это и не успело принести особых результатов до конца войны, огромное количество денег было инвестировано в междисциплинарные исследовательские центры, тесно связанные с промышленностью. После поражения в войне, позорного Версальского договора и бойкота со стороны стран Антанты Германия была вынуждена не только изменить государственный строй, но и забыть о безусловном лидерстве в науке. Вместе с тем ее инновации в организации науки и во взаимодействиях ученых с властью и капиталом не только остались, но и бурно развивались, реализуясь в создании новых институтов Общества кайзера Вильгельма. По сути дела, по схожей модели шло становление государственной сети исследовательских институтов, начавшееся в конце Первой мировой войны и получившее бурное развитие уже в Советской России.

Еще дальше в сращивании науки с государством пошли США, позже всех вступившие в мировую войну и сумевшие заранее к ней подготовиться с учетом ошибок остальных стран и обладая целой плеядой знаменитых изобретателей (Т. Эдисон, О. Райт, Ф. У. Тэйлор и др.). Наблюдая из-за океана за вызовами военного времени, с которыми столкнулись их коллеги в Германии и России, Национальная академия наук США убедила свое правительство заранее обеспокоиться эффективным использованием услуг ученых для военных целей при помощи специального органа управления, концентрирующего и координирующего научную деятельность в стране в военное время. Таким органом стал учрежденный 16 июня 1916 г. В. Вильсоном Национальный исследовательский совет с функцией совещательного органа при правительстве. Эту структуру создала Национальная академия наук США вместе с Смитсоновским институтом с целью координации научных работ по заданию армии и флота в тесном сотрудничестве с Советом по национальной безопасности. Национальный исследовательский совет обладал полномочиями использовать научные силы США для решения задач военного времени: например для разработки мер борьбы с немецкими подводными лодками, создания и усовершенствования аэрофотосъемки, технологии промышленного производства оптического стекла. На военные нужды были полностью переключены многие университетские лаборатории, включая физическую лабораторию Гарвардского университета. Академия выполняла поручения военного, морского и других ведомств, а также проводила важнейшие теоретические исследования. Национальный исследовательский совет стал своего рода «рукой» Академии.

С окончанием войны деятельность Национального совета была переориентирована на сбор информации об американских исследованиях и научных разработках.

[2029] *Trischler H.* Luft- und Raumfahrtforschung in Deutschland 1900–1970: politische Geschichte einer Wissenschaft. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1992. S. 89–108.

В какой-то степени он стал выполнять функции информационного центра, собирая сведения и составляя каталоги исследовательских и промышленных лабораторий США, проводимых в них работ, научного персонала, а также сведения о научных и технических обществах и т. д. Начиная с 1920 г. эти сведения публиковались в специальном Бюллетене Национального исследовательского совета, в чем-то похожем на издаваемые справочники «Наука в России». Приобретенный ученым сообществом США опыт координации науки был успешно использован во время Великой депрессии, а затем и в годы Второй мировой войны[2030]. Оказал он большое влияние и на формирование милитаризированной науки в СССР и на создание системы государственных органов руководства наукой.

В целом мобилизация российской науки в годы Первой мировой войны соответствовала общемировому тренду перестройки взаимодействия науки, власти и общества в сторону усиления государственного регулирования практики исследований, которое становилось неизбежным в связи с многократным увеличением их стоимости. Части российских ученых, потерявших свободу действий в профессиональной сфере и вынужденных сотрудничать с правительством, не принимая его иделогию и практику, их новое положение казалось катастрофическим. Но ненамного лучше чувствовали себя немецкие ученые, которых политики обвиняли в том, что наука не обеспечила победу Германии, и не желали в условиях глобального экономического кризиса финансировать исследования[2031].

Нельзя игнорировать и положительные изменения для российской науки. Первая мировая война дала мощный толчок к ее освобождению от доминирующего немецкого влияния, ускорила процессы: образования национальных научных сообществ по отраслям знания; создания сети научных журналов на русском языке; построения сети научно-исследовательских институтов, охватывавших всю территорию России. Одним из оснований для действий в этих направлениях был тезис о том, что Западная Европа в кризисе, ее ученые ожесточены друг против друга, и Россия должна выбирать свой путь, сконцентрировавшись на задачах, имеющих государственное значение. Война подвергла серьезному испытанию идеалы бескорыстного и нейтрального научного исследования по ту сторону всех национальных и классовых границ, как и веру в возможность обеспечить международное право и справедливость в науке. Подорвана была вера даже в гипотетическую реализацию идеала интернационального научного сообщества в связи с коренной реконструкцией всей системы международных научных организаций и мероприятий, что с неизбежностью сказалось и на уровне и на характере международного сотрудничества. В ходе войны изменилась сама суть связи научных исследований

[2030] Наука и кризисы. С. 568–576, 684–686.

[2031] *Forman P.* Weimar Culture, Causality and Quantum Theory, 1918–1927: Adaptation by German Physicists and Mathematicians to a Hostile Intellectual Environment // Historical Studies in the Physical Sciences. 1971. Vol. 3. P. 1–115; *Harwood J.* Weimar Culture and Biological Theory: A Study of Richard Woltereck (1877–1944) // History of Science. 1996. Vol. 34. P. 347–377; *Уолкер М.* Наука в Веймарской Германии // Науковедение. 2000. № 2. С. 143–157; *Колчинский Э. И.* Биология Германии и России–СССР... С. 300–316.

с политическим и социальным развитием, а значит, и с национально-государственными факторами. Беспорядочность сменилась институционализацией, случайность консультаций — регулярностью и постоянными запросами, а зависимость от прометеевских открытий — безостановочными улучшениями существующих технологий. Технологический прорыв Первой мировой войны был не чисто техническим, а институциональным и организационным.

Конечно, столкновения интересов, борьба за научную гегемонию и национально окрашенное соперничество (особенно в германо-французских и англо-французских отношениях) встречались и раньше. Но война разделила всю мировую науку на враждующие лагеря, и Россия не оказалась ни в лагере победителей, ни в лагере побежденных, что требовало коренного изменения собственных представлений о национальном и интернациональном в науке. Политизация международных научных отношений не позволила представителям РАН полноценно участвовать в заседаниях Международного академического союза. Этому способствовали и некоторые академики-эмигранты, пытавшиеся убедить приютивших их ученых Англии и Франции, что с советскими учеными не стоит иметь дело, так как они находятся на службе преступного режима. Находящийся в командировке в Англии востоковед академик Ф. И. Щербатской, работавший по заданию советской дипломатической миссии с путешественником и государственным деятелем лордом Дж. Керзоном по вопросам буддийской философии, сообщил в начале 1922 г. С. Ф. Ольденбургу о том, что он с помощью советского представителя Л. Б. Красина внес членский взнос за Россию за два года, однако вследствие антисоветской и «антисоглашательской» позиции М. И. Ростовцева (и выбора академика историка П. Г. Виноградова, ставшего в 1918 г. подданным Британии, в пользу представительства английской науки) вопрос об участии России в Международном академическом союзе фактически более не поднимался[2032]. Российское научное сообщество, как и немецкоязычная наука, фактически оказалось в международной изоляции.

Тем не менее оставшиеся в России лидеры отечественной науки старались помочь стране выйти из режима изоляции, мобилизуя традиционные связи с коллегами и учителями. Выступив после недолгих колебаний за сотрудничество с новой властью, они старались найти компромисс между своими общественно-политическими взглядами, представлениями о долге и большевистской трактовкой национальных интересов. Замена установки «служения народу» установкой «служения государству», произошедшая в значительной степени во время Первой мировой войны у активных участников мобилизационной науки, помогла многим из них увидеть в новом режиме силу, способную восстановить целостность страны и сохранить науку. Им удалось убедить новую власть, что только наука обеспечит мо-

[2032] См. письмо Ф. И. Щербатского С. Ф. Ольденбургу от 17 мая 1921 г. из Берлина: «По-видимому, французы совсем неспособны, так же как и наши эмигранты, видеть науку вне политики, а их антинемецкая и полонофильская политика доходит до таких геркулесовых столбов, что нам с ними совсем не по пути» (Дмитриев. От академического интернационализма... С. 40).

дернизацию страны. Тем самым они по существу использовали правительство большевиков в корпоративных интересах для реализации своих планов по институционализации, автономизации и реформированию науки. Удачный опыт симбиоза ученых, наделенных властными полномочиями, промышленников и военных стал основой создания мобилизационной науки в СССР, где ученые не только были экспертами, но и возглавляли разного рода научные советы в наркоматах и ведомствах, а порой и целые отрасли промышленности, как В. Н. Ипатьев. Деятельность ученых в годы Первой мировой войны способствовала превращению науки в важнейший приоритет государственной политики, а в конечном счете, становлению в России «Большой науки», утверждению образа науки как фабрики знания, преобразованию соотношения прикладного и фундаментального знаний. Именно тогда в Академии наук были разработаны планы формирования сети научно-исследовательских институтов, которые были восприняты советским правительством, потребовавшим за предоставление огромных финансово-материальных и людских ресурсов от научного сообщества централизованного планирования и жесткого административного подчинения. Война сыграла важную роль в самоидентификации академического сообщества России как под влиянием изменения роли науки в государстве, так и в связи с крахом «интернационала ученых» и перестройкой традиционной системы международных связей. В полной мере мобилизационная модель организации науки заработала в СССР в 1930-е гг., а особенно во время Второй мировой и «холодной» войн, когда академическое сообщество играло важную, а порой и ведущую роль в мобилизации ресурсов и обеспечении фронта и тыла стратегическим сырьем, в разработке нового оружия и военных технологий, в научно-техническом и организационном содействии оборонным заказам, в создании новых отраслей оборонной промышленности[2033].

Опыт мобилизации науки, приобретенный российским научным сообществом в Первую мировую войну, оказался особенно востребован во время Великой Отечественной войны. В 1941–1945 гг. широкое хождение имела и риторика тех дней: «Всё во имя победы»; «Защищая Отечество», «Война до победного конца», «Разгромим немецких гуннов-варваров» и т. д., однако при этом не вспоминали о ее исторических предшественниках. Как Первая мировая война предопределила дальнейшее развитие России, так и советская модель организации науки в значительной степени формировалась в 1914–1917 гг.

[2033] *Батурин Ю. М., Колчинский Э. И.* Мобилизация науки в годы Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

Абросимова М.Ю., Артемьева И.Ю., Поспелова Е.Ю. История Казанских медицинских научных обществ и их роль в решении актуальных проблем медицины и здравоохранения // Казанский медицинский журнал. 2014. Т. 95. № 2. С. 151–157.

Августейшие сестры милосердия / Сост. Н.К. Зверева. М.: Вече, 2008. 463 с.

Авроров Павел Петрович. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php. (дата обращения: 24.08.2017).

Авруцкая Т.Б. (*авт.-сост.*). Вавилов Н.И. Студенческие рукописи и письма. «Я всегда хотел идти вперед». М.: Акварель, 2014. 64 с.

Автобиография профессора В.А. Костицына // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 82–100.

Агаджян Н.А., Голиков Ю.П., Грекова Т.И., Костюк П.Г., Ланге К.А., Логинов Б.В., Макаров В.А., Светайло Э.Н., Соколова Л.В., Фарбер Д.А., Хрипкова А.Г., Чеснокова С.А., Ярошевский М.Г. Физиологические науки в СССР. Становление, развитие, перспективы. Л.: Наука, 1988. 479 с.

Агафонов В.А., Негробов В.В. Борис Михайлович Козо-Полянский: к 120-летию со дня рождения (20.01.1890–21.04.1957) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: География. Геоэкология. 2010. № 2. С. 163–167.

Адрианов С., проф. Пророчества Ф.М. Достоевского // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14354. 5 (18) сент. С. 2.

Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию [1907–1917]. М.: Модест Колеров и изд-во «Три квадрата», 2003. 255 с.

Академик Алексей Алексеевич Заварзин / Отв. ред. В.Я. Бродский; сост. А.А. Заварзин. В.А. Отеллин. М.: Ин-т биологии развития РАН, 1994. 157 с.

Академик В.Н. Ипатьев: В 2 кн. / Ред. В.Д. Кальнер. М.: Кальвис, 2011.

Академик М.К. Любавский и Московский университет / Отв. ред. А.Я. Дегтярев, А.В. Сидоров. М.: Парад, 2005. 276 с.

Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения) / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. 1040 с.

Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках / Ред.-сост. Э.И. Колчинский, Э.А. Тропп; отв. ред. Ж.И. Алфёров. СПб.: Наука, 2003. 604 с.

Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1–2 / Отв. ред. В.П. Леонов. СПб.: БАН, 1993–1998.

Академия наук СССР: ее задачи, разделение и состав. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. IV, 90 с.

Акименко М.А., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Карпова Э.Б. От психоневрологии к медицинской психологии: научная система В.М. Бехтерева и В.Н. Мясищева // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 4 (9). URL:

http:// medpsy.ru/mpri/archiv_global/2011_4_9/nomer/nomer12.php (дата обращения: 23.01.2019).

Акименко М.А., Шерешевский А.М. История института им. В.М. Бехтерева на документальных материалах. Ч. 1. СПб.: [Б. и.], 1999. 200 с.

Акименко М.А., Шерешевский А.М. История института им. В.М. Бехтерева на документальных материалах. Ч. 2. СПб.: [Б. и.], 2000. 296 с.

Аксёнов Г. Вернадский. М.: Молодая гвардия, 2010. 565 с.

Актуальное прошлое. Взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории: В 2 кн. / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. 1345 с. (Серия "Ad Fontes". Материалы и исследования по истории науки. Вып. 9).

Алапин И.И. Зубоврачебная помощь для позиций // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. CCXLIV. Ноябрь. С. 448–453.

Александр Евгеньевич Ферсман. Жизнь и деятельность: 1883–1945 / Ред.-сост. Я.Б. Коган. М.: Наука, 1965. 478 с.

Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 3–24.

Алексеев И.Е. «Лекарственный голод» при «новом строе». URL: http://ruskline.ru/analitika/2014/11/22/lekarstvennyj_golod_pri_novom_stroe. (дата обращения: 23.01.2017).

Алексеев И.Е. «Лекарственный голод» при «новом строе» (1-й Всероссийский съезд по борьбе с лекарственным голодом в Казани) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб.: ЭлекСис, 2014. С. 17–33.

Алексеев Т.В. Зарождение и становление электровакуумной промышленности России в 1910–1920-е годы // Известия РГПУ. 2009. № 117. С. 9–16.

Алексеев Т.В. Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 208–218[2034].

Алексеев Т.В. Участие учебных заведений России в военно-экономической мобилизации в годы Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 257–258.

Алексеев Т.В. Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб.: Лема, 2015. 767 с.

Алексеева С.И. Военные заказы Ремесленного училища цесаревича Николая // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 218–222.

Андрамонова Н.А., Байрамова Л.К. В.А. Богородицкий. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. 88 с.

[2034] В этом и в аналогичных случаях, когда та или иная статья опубликована в сборнике, общее название которого приводится нами в настоящем списке литературы отдельным пунктом, мы даем не полное библиографическое описание, а только название сборника, том (если это необходимо) и страницы.

Андрусов Н.И., Курнаков Н.С., Лебединцев А.А., Подкопаев Н.И., Шпиндлер И.Б. Карабугаз и его промышленное значение. Пг.: КЕПС, 1916. 2, 69 с.

Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Принцы Ольденбургские в Петербурге. СПб.: Росток, 2004. 477 с.

[Анонс] // Новое время. 1914. № 13782. 26 июля (8 авг.). С. 1.

[Анонс] // Русский инвалид. 1914. № 173. 10 (23) авг. С. 3.

Аранович А.В. Система военно-врачебных заведений и обеспечение их интендантским довольствием накануне и в годы Первой мировой войны // Наука, технология и общество во время Первой мировой войны: Медицина. С. 342–358.

Арбузов А.Е. Краткий очерк развития органической химии в России. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 224 с.

Арбузов А.Е. Казанская школа химиков. Казань: Таткнигоиздат, 1971. 200 с.

Арбузов А.Е. Избранные работы по истории химии. М.: Наука, 1975. 266 с.

Арчегов С.Б. Академическая группа Государственного совета (1906–1917 гг.): историко-правовое исследование. Дис. ... канд. юр. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. 194 с.

Аршинов В.В. Алюминиевые руды и возможности их нахождения. Пг.: КЕПС, 1916. 2, 29 с.

Асаул А.Н. Экономическая программа КЕПС и ее значение для возрождения экономики России и Украины. СПб.: Ред. журн. «Экономическое возрождение России», 2005. 56 с.

Асратян Э.А. Иван Петрович Павлов. М.: Наука, 1981. 438 с.

Астахов М. Радикальные Митрофаны // Московские ведомости. 1914. № 240. 16 (29) окт. С. 2.

Асташов А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // Отечественная история. 1992. № 6. С. 169–172.

Байгильдин В.А. Генезис науки в Технологическом институте в начале XX века // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 132–133.

Барбарин В.И. К вопросу о банях на передовых позициях // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. CCXLIV. Ноябрь. С. 430–440.

Баришпол И.Ф., Ларина В.Г. У природы друзей миллионы. М.: Лесная промышленность, 1984. 159 с.

Барсуков Е.З. Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.: Штаб РККА, 1928. 230 с.

Басаргина Е.Ю. Русский Археологический институт в Константинополе. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 245 с.

Басаргина Е.Ю. Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. СПб.: Нестор-История, 2004. 467 с.

Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. Очерки истории. М.: Индрик, 2008. 655 с.

Басаргина Е.Ю. Международные связи Академии наук в годы Первой мировой войны // Актуальное прошлое. Взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Кн. 2. С. 896–940.

Басаргина Е.Ю. Общественно-политическая деятельность А.А. Шахматова. URL: http://ranar.spb.ru/files/visual/Shakhmatov%204.pdf. (дата обращения: 24.09.2017).

Басаргина Е.Ю., Кирикова О.А. Противостояние Академии наук и власти в 1905 г. // Актуальное прошлое. Взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Кн. 2. С. 707–727.

Бастракова М.С. Становление советской системы организации науки. 1917–1922. М.: Наука, 1973. 294 с.

Батурин Ю.М. Научно-техническая хронография Первой мировой войны // Наука и техника. Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 15–22.

Батурин Ю.М. Подготовка к Первой мировой войне // Вихревая динамика развития науки и техники. Т. I. С. 78–87.

Батурин Ю.М., Колчинский Э.И. Мобилизация науки в годы Великой Отечественной войны // Вихревая динамика развития науки и техники. Т. II. С. 176–232.

Башкиров И.С. Кавказский зубр (монографический очерк) // Кавказский зубр / Ред. Н.М. Кулагин. М.: [Б. и.], 1939 (1940). С. 3–72.

Бейлин И.Г. Очерки по истории лесных обществ дореволюционной России. М.: Гослесбумиздат, 1962. 158 с.

Белов С.И. Мобилизация российской промышленности в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. 2014. № 1. С. 59–68.

Беляков А.В. В полет сквозь годы. М.: Воениздат, 1982. 350 с.

Беляев Е.А., Пышкова Н.С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР: Исторический очерк. М.: Наука, 1979. 245 с.

Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М. Библиография периодических изданий России: 1901–1916. В 4 т. / Общ ред. В.М. Барашенков, О.Д. Голубева, Н.Я. Морачевский. Л.: [ГПБ]: Т. 1. 1958. 663 с.; Т. 2. 1959. 715 с.; Т. 3. 1960. 687 с.

Беляева О.М. Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете: академическое сообщество познеимперского периода. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2011. 326 с.

Бердинских В. История русской поэзии. Модернизм и авангард. М.: Ломоносовъ, 2013. 480 с.

Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Тип. В.Л. Саблина. 1909. С. 5–26.

Бердяев Н. Война и возрождение // Утро России. 1914. № 192. 17 авг. С. 2.

Бердяев Н. Империализм священный и империализм буржуазный // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14476. 5 (18) нояб. С. 2.

Бердяев Н.А. Эпигонам славянофильства // Биржевые ведомости. 1915. № 14678. 18 февр. (3 марта). С. 2.

Бехтерев В.М. Моральные итоги великой мировой войны. Пг.: Тип. Кюгельген, Глич и К°, 1915. 20 с.

Бехтерев В.М. Вильгельм — дегенерат Нероновского типа. М.: Наша жизнь, 1916. 44 с.

Биккулова И.А. Феномен русской культуры Серебряного века. М.: Флинта, 2010. 232 с.

Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. 1703–2008 / Отв. ред. Э. И. Колчинский; сост. Э. И. Колчинский, А. А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011. 567 с.

Бисько И. А. Отражение событий Первой мировой войны в литературных произведениях современников // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 296–299.

Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. М.: Художественная литература, 1965. 686 с.

Боборыкин П. Д. Высококультурная орда // Русское слово. 1914. № 297. 25 дек. (7 янв. 1915 г.). С. 3.

Богданов-Катьков Н. Н. Анатолий Алексеевич Силантьев (18 марта 1868–21 марта 1918). Пг.: Военная типография, 1918. 34 с.

Борисенко М. В. Участие студенчества Петербургского университета в революционном движении в 1907 г. — феврале 1917 г. (историография вопроса) // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 5. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 136–150.

Борисовская Г. М. Бородинская станция // Очерки по истории С.-Петербургского общества естествоиспытателей. 125 лет со дня основания / Ред. Т. А. Гинецинская. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 135–140.

Бородин И. П. Охрана памятников природы. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевич, 1914. 31 с.

Бочаров А. А. Студенты Петроградского политехнического института во время Первой мировой войны: некоторые проблемы изучения // Россия в глобальном мире. Альманах. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. № 6 (29). С. 123–128.

Бражников В. К. Опыт программы курса экономики рыбного промысла на Отделении рыбоведения. Пг.: Типолит. М. П. Фроловой, 1915. 18 с.

Брачев В. С. Дело академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117–129.

Бредли (Брэдли) Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77–89.

Бринк В. А. Организация бани в санитарно-гигиеническом отряде № 2018 армейского корпуса // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. CCXLIV. Ноябрь. С. 440–449.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1963. 287 с.

Брэдли Дж. Добровольные общества в Советской России. 1917–1932 гг. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1994. № 4. С. 34–44.

Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

Будко А. А. История медицины Санкт-Петербурга XIX–XX в. СПб.: Нестор-История, 2010. 399 с.

Будко А. А., Грибовская Г. А. Зарождение принципов этапного лечения раненых в Первую мировую войну // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 122–123.

Будко А.А., Селиванов Е.Ф., Чигарева Н.Г. «В известные моменты на войне не медицина, не наука, не операция играют самую важную роль, а организация работы...»: Военная медицина России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 57–62.

Будко А.А., Селиванов Е.Ф., Чигарева Н.Г. Преодолевая страх и опасность, российские медики с честью выполняли свой долг // Военно-исторический журнал. 2004. № 9. С. 42–48.

Будрин П.В. Бобовые зеленые растения. Культура гороха, конских бобов, чечевицы, фасоли, люпинов и других растений. Пг.: 6-я гос. тип, 1918. 68 с.

Будрин П.В. Масличные растения. Рапс, сурепица, горчица, мак, подсолнечник и др. Пг.: Гос. с.-х. музей, 1919. 44 с.

Будрин П.В. Полевое травосеяние. Пг.: Тип. «Рассвет», 1918. 40 с.

Букалова С.В. Помощь больным и раненым воинам в Орловской губернии в годы Первой мировой войны // Наука, техника и общество во время Первой мировой войны: Медицина. С. 342–358.

Булацель П.Ф. Борьба за правду / Сост., предисл., комм. Д.И. Стогова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 704 с.

Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Тип. В.Л. Саблина, 1909. С. 27–73.

Булгаков С.Н. Философия хозяйства / Отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. 464 с.

Бурденко Н.Н. К вопросу об устройстве управления в военно-санитарном ведомстве. Пг.: Сенат. тип., 1917. 32 с.

Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 296 с.

Буш Н.А. Ценные деревья Кавказа. Пг.: КЕПС, 1917. 2, 18 с.

Буш Н.А. Определитель растений Крыма и Кавказа. Тифлис: Тифлис. ботанич. сад, 1919. 2, 76 с.

Буш Н.А. Европейская Россия. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1923. 89 с. (КЕПС при РАН. Естественные производительные силы России. Т.V. Растительный мир. Отдел I. Ботанико-географический очерк России).

Буш Н.А. Кавказ. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1923. 25 с. (КЕПС при РАН. Естественные производительные силы России. Т.V. Растительный мир. Отдел I. Ботанико-географический очерк России).

Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 288 с.

Бюро по прикладной ботанике в годы Первой мировой войны (Сборник документов) / Подг., авт. вступ. статьи и коммент. А.А. Федотова, Н.П. Гончаров; отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Нестор-История, 2014. 266 с.

«Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. / Отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. 335 с.

Вавилов Н.И. Пять континентов // Вавилов Н.И. Пять континентов. Краснов А.Н. Под тропиками Азии. М.: Мысль, 1987. 348 с.

Вавилов С.И. Собр. соч. Т. III. Работы по философии и истории естествознания. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 871 с.

Вавилов Ю.Н., Рокитянский Я.Г. Интервью в парижском такси // Вестник РАН. 1997. № 11. С. 1032–1034.

Вайнер Д. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М.: Прогресс, 1991. 398 с.

Варлих В.К. Русские лекарственные растения. Атлас и ботаническое описание с указанием на врачебное применение, действие, собирание и культуру этих растений. СПб.: А.В. Девриен, 1912. XVI, 528 с.

Вахромеева О.Б. Духовное пространство университета: Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918 гг.: исследование и материалы. СПб.: Тандем, 2003. 252 с.

Великий час (С.-Петербург, 15 июля) // Свет. 1914. № 183. 16 июля. С. 1.

Вельяминов Н.А. Основные правила лечения ран, сортировки и эвакуации раненых при обстановке военного времени в передовом районе. Пг.: П.П. Сойкин, 1916. 30 с.

Вернадский В.И. Краткий отчет о ходе исследований радиоактивных месторождений Российской империи летом 1914 г. // Известия Императорской Академии наук. Сер. VI. 1914. Т. VIII. С. 1353–1384.

Вернадский В.И. Война и прогресс науки // Чего ждет Россия от войны. Пг.: Прометей, 1915. С. 63–76.

Вернадский В.И. К вопросу о задачах Полярной Комиссии. Приложение I к протоколу I заседания ОФМН ИАН 7 января 1915 г. (к § 18) // Протоколы заседаний ОФМН РАН. 1915. С. 20–23.

Вернадский В.И. Об изучении естественных производительных сил России. Пг.: Тип. ИАН, 1915. 22 с. (Отдельный оттиск из: Известия Императорской Академии наук. Пг., 1915).

Вернадский В.И. О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг. // Наука и ее работники. 1921. № 4. С. 3–12.

Вернадский В.И., акад. Очерки и речи. Т.I. Пг.: Научхимтехиздат, 1922. 158 с.

Вернадский В.И., акад. Очерки и речи. Т. II. Пг.: Научхимтехиздат, 1922. 123 с.

Вернадский В.И. Биогеохимические очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 248 с.

Вернадский В.И. О Ломоносовском институте Императорской Академии наук // Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989. С. 226–241.

Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989. 702 с.

Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 262 с.

Вернадский В.И. Из размышлений по аграрному вопросу // ВИЕТ. 1989. № 1. С. 63–66.

Вернадский В.И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920 / Сост. М.Ю. Сорокина, С.Н. Киржаев, А.В. Мемелов, В.С. Неаполитанская. Киев: Наукова думка, 1994. 271 с.

Вернадский В.И. Дневники 1921–1925 / Отв. ред., сост. В.П. Волков. М.: Наука, 1998. 215 с.

В.И. Вернадский. Pro et contra. Антология литературы о В.И. Вернадском за 100 лет (1898–1998) / Сост. А.В. Лапо; отв. ред. А.Л. Яншин. СПб.: РХГИ, 2000. 871 с.

Вернадский В.И., Ферсман А.Е. Записка о необходимости исследования месторождений алюминия и плавикового шпата в пределах России. Приложение II к протоколу VI заседания ОФМН ИАН 18 марта 1914 г. (к § 196) // Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 95–96.

Вернадский В.И., Ферсман А.Е. Предисловие // Самойлов Я.В. Биолиты. М.: Научхимтехиздат, 1929. С. 3.

Верстюк В.Ф. М.С. Грушевский у перший період діяльності Центральної Рады // Український історичний журнал. 1996. № 5. С. 28–37.

Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Тип. В.Л. Саблина, 1909. 211 с.

Вильямс В.Р. Почвоведение. Ч. 1–2. М.: МСХИ, 1914–1916. 230 с.

Вильямс В.Р. Основы земледелия. Ч. 2. Естественнонаучные основы луговодства и луговедения. М.: Новая деревня, 1922. 298 с.

Виноградов В.Н. Еще раз о новых подходах к истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 65–74.

Виноградов К.А. Очерки по истории отечественных гидробиологических исследований на Черном море. Киев: Изд-во АН УССР, 1958. 154 с.

Виноградов Ю.А. Германские ученые — члены Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге и Первая мировая война // Петербургская Академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции / Отв. ред. Э.А. Тропп. Т. III. СПб.: СПбНЦ РАН, 1999. С. 40–55.

Виноградов Ю.А. Немцы Императорской Академии наук в годы «великой войны» // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 167–184.

Виппер Р.Ю. Гибель европейской культуры: Сб. статей и публичных лекций. 1914–1918 гг. М.: Знание — сила, 1918. 105 с.

Вихревая динамика развития науки и техники. Россия / СССР. Первая половина XX века. Коллективная монография: В 2 т. / Отв. ред. Ю.М. Батурин. М.: ИИЕТ РАН; Саратов: Амирит, 2018. Т. 1: Турбулентная история науки и техники. 658 с.; Т. 2: Экстремальный режим развития науки и техники. 780 с.

Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М: Новое литературное обозрение, 2012. 650 с.

Вишнякова М.А. Друг, партнер, жена (Е.Н. Сахарова и Н.И. Вавилов) // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2012. Т. 16. № 3. С. 605–626.

Владимирский М.В. М.В. Бернацкий — министр финансов в правительствах Керенского, Деникина, Врангеля // Отечественная история. 2007. № 1. С. 160–170.

Власов В.А. Народный университет имени Шанявского // Известия Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 527–532.

Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917) / Ред. Р. Ш. Ганелин. М.: Новый хронограф, 2004. 830 с.

Вознесенский И. (*Перчёнок Ф. Ф.*) Имена и судьбы (над юбилейным списком Академии наук) // Память. Исторический сборник. Вып. 1. New York: Chalidze Publ., 1978. С. 353–410.

Война и мир. Первая мировая война и ее влияние на развитие общественного порядка и демократии / Под ред. В. С. Дубиной. М.: РОССПЭН, 2015. 118 с.

Волков В. А., Куликова М. В. Московские профессора XVIII — начала XX веков. Естественные и технические науки. М.: Янус-К, 2003. 293 с.

Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура XVIII — начала XX в. Химические науки. Биографический словарь. СПб.: РХГИ, 2004. 274 с.

Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура XVIII — начала XX в. Физико-математические науки. Биографический словарь. СПб.: Мір, 2008. 359 с.

Волков В. А. А. Е. Чичибабин и В. Н. Ипатьев — трагические судьбы // Российские ученые в эмиграции / Ред. В. П. Борисов. М.: Наука, 1993. С. 40–71.

Волошинова И. В., Гончар-Быш Н. Н., Фролов П. М. Программа колонизации Севера Европейской России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 104–108.

Вольное экономическое общество // Русские ведомости. 1914. Экстренное приложение к № 178. 4 авг. Раздел «Петербургская хроника». С. 1–2.

Вольф Ш. Л. Физики в «войне умов». Возражения Вильгельма Виена против «аглицизма» // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 79–93.

Вонзблейн М. Н. Мысли агронома о войне // Вестник сельского хозяйства. 1914. № 33. С. 6–7; № 34. С. 11–13.

Воронина М. М. Учебная работа Института путей сообщения в годы Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 199–200.

Воронков М. И. Из жизни дореволюционного студенчества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1947. 64 с.

Воронов И. И. Министерство земледелия Российской империи: XIX — начало XX в. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. 462 с.

Врангель Николай Николаевич (1880–1915). URL: http://funeral-spb.narod.ru/necropols/nikolskoe/tombs/vrangel/vrangel.html (дата обращения: 14.10.2016).

Вреден Р. Р. Практическое руководство по ортопедии. Л.: Госиздат, 1925. 120 с.

ВСЕГЕИ в развитии геологической науки и минерально-сырьевой базы страны. 1882–1982. Л.: Недра, 1982. 284 с.

В тылу. Литературно-художественный альманах. Пг.: Книгоизд-во М. В. Попова, 1915. 227, [3] с.

Вульф Е. В. К культуре лекарственных растений в Крыму. Симферополь: Тип. Тавр. губ. зем., 1916. VI, 32 с.

Вульф Е. В., Пигулевский Г. В., Альбрехт Э. А. Культура растений, дающих эфирные масла, на Южном берегу Крыма / Общ. ред. Н. И. Кузнецов. Ялта: Имп. Никитск. бот. сад, 1916. 45 с.

Выработка общего плана работ по изучению современной дороговизны. М.: [Б. и.], 1915. 16 с.

Высшее образование в СССР. Статистический сборник. М.: ЦСУ при Совете Министров СССР, 1961. 289 с.

Гаврилова О.А., Петров В.В. «Надо уделить первостепенное внимание изучению прошлого университета...» // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 227–256.

Гадд Г. Об охране рыбного населения наших водоемов // Бюллетень Харьковского общества любителей природы. 1916. № 3–4. С. 43–54.

Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.

Гайдукова Н.М., Кореева Н.С. Дом-музей академиков А. Е. и Б.А. Арбузовых. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 24 с.

Галанина Н. Госпиталь Зимнего дворца: Записки сестры милосердия / Публ. В.Ф. Маришкиной // Наше наследие. 1993. № 28. С. 69–79.

Галеев Б.М. Легендарный Термен // Репрессированная наука / Общ. ред. М.Г. Ярошевский. Л.: Наука, 1991. С. 327–334.

Ганелин Р.Ш. Петербургский университет и правительственная политика // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. VI. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 112–119.

Ганелин Р.Ш. Февральские события 1899 г. в Петербургском университете и студенческое движение в Тарту // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Вып. VII. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. С. 146–162.

Гараевская И.А. Петр Пальчинский. Биография инженера на фоне войн и революций. М.: Россия молодая, 1996. 183 с.

Гаранин В.И. Зоологи — члены Общества естествоиспытателей при Казанском университете (1869–1966) // Вестник Мордовского университета. 2007. № 4. С. 4–9; 2008. № 2. С. 13–16.

Гармаш Т.П. Опытная станция лекарственных растений УААН (1916–1924) // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 107–108.

Гатчинское общество любителей природы // Природа. 1914. № 11. Стб 1442–1443.

Генерал В.С. Михайлов. 1875–1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности / Сост.: Ю.В. Ильин, Л.Я. Сает, Н.В. Ильина. М.: РОССПЭН, 2007. 424 с.

Генкель Александр Германович. URL: http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/133-genkel.html (дата обращения: 03.09.2017).

Георгиевский С.С., Мануйлова В.И. История организации и развития науки в Российском научном центре «Прикладная химия» для нужд оборонного комплекса // Наука и военная техника / Ред. Б.И. Иванов, Е.А. Иванова, Э.А. Тропп. СПб.: СПбНЦ, 2001. С. 28–34.

Герасимова И.Ф. Художественно-философское осмысление Первой мировой войны в русской поэзии 1914–1918 гг. в историко-культурном контексте эпохи. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013. 47 с.

Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Тип. В.Л. Саблина, 1909. С. 74–100.

Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Т. 22. Берлин, 1937. 417 с.

Гимельбрант Д.Е., Кузнецова Е.С., Степанчикова И.С. Лихенология на кафедре ботаники Санкт-Петербургского университета // Вестник СПбГУ. Сер. 3. 2013. Вып. 3. С. 148–166.

Гинецинская Т.А. Степная станция // Очерки по истории С.-Петербургского общества естествоиспытателей. С. 140–141.

Гинзбург И.И. Слюда, ее свойства, применение и распространение в России. Пг.: 2-я Гос. тип., 1919. 128 с.

Главнейшие взрывчатые вещества. Методы их получения и испытания. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1916. 68 с.

Глотов М.Б. Первые опыты институционализации русского социологического образования // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. Вып. 2. С. 9–26.

Глыбочко П.В., Николенко В.И., Кочеткова Т.В. Судьбоносный выбор российской университетской науки (150-летию со дня рождения В.И. Разумовского посвящается) // Саратовский научно-медицинский журнал. 2007. Т. 3. № 1. С. 109–111.

Годичное собрание в Москве Русского Ботанического общества в 1916 г. // Журнал Русского ботанического общества при Императорской Академии наук. 1916. Т. 1. № 3–4. С. (20)–(34).

Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1914 г. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1915. 216, 84, 44 с.

Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1915 г. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1916. 248, 67, 55 с.

Голиков Ю.П. Первая мировая война и сотрудники Императорского института экспериментальной медицины // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 290–309.

Голиков Ю.П. Анреп Глеб Васильевич фон // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 36.

Голиков Ю.П. Болдырев Василий Николаевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 61.

Голиков Ю.П. Лукьянов Сергей Михайлович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 286.

Голиков Ю.П., Андрюшкевич Т.В. Особая лаборатория Императорского Института экспериментальной медицины (1901–1918). К столетию со дня создания. СПб.: ИЭМ, 2001. 55 с.

Голиков Ю.П., Сапронов Н.С. Попечитель Императорского института экспериментальной медицины принц Александр Петрович Ольденбургский. СПб.: Росток, 2010. 237, [2] с.

Голицын Б.Б. Предварительный отчет о трех географических экспедициях, организованных Николаевской Физической обсерваторией для наблюдений во время полного солнечного затмения 8/21 августа 1914 г. // Известия ИАН. Сер. VI. 1914. № 14. С. 979–988.

Гомилевский В.И. Лекарственные растения. Особенно выгодные для культуры в южных губерниях. Симферополь: Изд. Симф. отд. Имп. рос. о-ва садоводства, 1918. 62 с.

Гончаров Н.П. «От куду есть пошла» ВАСХНИЛ, или 165 лет государственной организации аграрной науки в России // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2004. № 4. С. 119–130.

Гончаров Н.П. Государственная организация аграрной науки в России (К 175-летию РАСХН) // ИБИ. 2012. Т. 4. № 3. С. 10–33.

Гончаров Н.П. Заметки к несостоявшемуся юбилею РАСХН (ВАСХНИЛ) // ИБИ. 2015. Т. 7. № 3. С. 58–78.

Гончаров Н.П. Николай Иванович Вавилов. Новосибирск: Академ. изд-во «Гео», 2017. 467 с.

Горбачев И.А. Хозяйство и финансы военно-промышленных комитетов. М.: Тип. т-ва Рябушинских, 1919. 40 с.

Горький М. Свободная ассоциация положительных наук // Новая жизнь. 1917. № 35. 30 мая. С. 1.

Государственная дума Российской империи: 1906–1917. М.: РОССПЭН, 2008. 736 с.

Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия тринадцатая. Заседание первое. СПб.: Гос. тип., 1916. 68 стб.

Грекова Т.И., Голиков Ю.П. Медицинский Петербург. СПб.: Фолио-пресс, 2001. 416 с.

Гречкин Н.П., Кузнецов В.И. Александр Ерминингельдович Арбузов. 1877–1968. М.: Наука, 1977. 232 с.

Григорьев С. Географические известия Россия // Природа. 1915. № . 9. Стб 1194.

Гримм Э.Д. Пьяные илоты. Немецкие бесчинства и европейская культура // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 79–93.

Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М.: Всерос. центр. союз потреб. о-в, 1919. 210 с.

Гриценко Н.Н., Оранжереева В.Ф., Алексеев Д.Г., Сифоров В.И. и др. Научно-технические общества СССР. Исторические очерки. М.: Профиздат, 1968. 455 с.

Громов К.И. Саянский заповедник // Заповедники СССР. Т. 2. М.: Географгиз, 1951. С. 175–200.

Громова Т.А. Александр Дмитриевич Воейков. URL: http://uonb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=503: voejkov&catid= (дата обращения: 25.08.2017).

Груздева Е.Н. Из истории первых опытов производства отечественного оптического стекла (1914–1918) // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXXVII Международной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (21–25 ноября 2016 г.) / Ред.-сост. Э.И. Колчинский; отв. ред. Н.А. Ащеулова. Вып. XXXII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2016. С. 180–182.

Груздева Е.Н. Академия наук в годы Первой мировой войны // Актуальное прошлое. Взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Кн. 2. С. 856–895.

Грэхем Л. Призрак казненного инженера: технология и падение Советского Союза. СПб.: Европейский Дом, 2000. 186 с.

Гуков Г.В. Чье имя ты носишь, растение? Сто пятьдесят кратких биографий (Из истории ботанических исследований на Дальнем Востоке). 2-е изд., испр. и доп. Владивосток: Дальнаука, 2001. 398 с.

Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России. М.: Мысль, 1971. 264 с.

Д. [*А.А. Дьяконов*]. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. Сходки и митинги (хроника). Совет старост (очерк). [Б. м.]: И. Балашова, 1907. 151 с.

Декрет о введении нового правописания // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 40. 23 дек. С. 1.

Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. XII, 626 с.

Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны. 1914–1918. Краткий исторический очерк. М.: Госвоениздат, 1935. 144 с.

Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 98–121.

День помощи воинам и их семействам // Русский инвалид. 1914. № 176. 14 (27) авг. С. 3.

Дерюгин К.М. Памяти В.Я. Лаздина и Н.В. Просвирова // Известия Академии наук. 1918. С. 495–501.

Дерягин Б.В. Петр Петрович Лазарев (К столетию со дня рождения) // Успехи физических наук. 1978. Т. 125. Вып. 1. С. 11–18.

Дионесов С.М. К истории организации Общества российских физиологов им. И.М. Сеченова // Физиологический журнал СССР. 1950. Т. 36. № 2. С. 249–256.

Дмитриев А.Н. Мобилизация интеллекта: Международное научное сообщество и Первая мировая война // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности / Отв. ред. Д.А. Сдвижков. М.: ИВИ, 2001. С. 296–335.

Дмитриев А.Н. От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 32–56.

Дмитриев А.Н. Академия наук, «малороссийский вопрос» и украинская интеллектуальная традиция в конце XIX — начале XX века // Академия наук в истории культуры России в XVIII — начале XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 423–453.

Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы // Университет и город в России (начало XX века) / Ред. Т. Маурер, А. Дмитриев. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 105–204.

Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4. С. 108–133.

Дмитриев И. С. Бензольное кольцо Российской империи. Создание коксобензольной промышленности на юге России в годы Первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2005. 62 с.

Дмитриев И. С. Бензольное кольцо Российской империи (Создание коксобензольной промышленности на юге России в годы Первой мировой войны) // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 412–440.

Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.). 1911–1916 / Отв. ред. и сост. В. М. Хрусталев. М.: Прозаик, 2013. 621 с.

Добро пожаловать! (С.-Петербург, 6 июля) // Свет. 1914. № 174. 7 июля. С. 1.

Доклад Совета съездов о мерах к развитию производительных сил России (Девятый очередной съезд представителей промышленности и торговли). Пг.: Тип. П. П. Гершунина, 1915. VI, 424 с.

Документы по истории Академии наук СССР. Л.: Наука, 1986. 384 с.

Долгова Е. А. Ученый в эпоху перемен: Н. И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы. М.: РОССПЭН, 2015. 512 с.

Долинин В. А., Леонов И. Т. Владимир Андреевич Оппель. Л.: ВМА, 1973. 68 с.

Дубянская М. П., Свидерский Л. Ф., Сулима-Самойло А. Ф. Суррогаты чая. Пг.: Научтехиздат, 1918. 52 с.

Дурнев Ю. А., Попов В. В., Сирохина Т. А. Виталий Чеславович Дорогостайский как орнитолог (к 130-летию со дня рождения) // Байкальский зоологический журнал. 2010. № 1 (4). С. 121–128.

Дьяков Б. Б., Зитерев М. А. Российское физическое сообщество и Первая мировая война // Россия в глобальном мире. Альманах. № 6 (29). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 39–52.

Дьяков М. И. Домашняя птица. Пг.: 2-я Гос. тип. 1922. 28 с. (Естественные производительные силы России. Т. VI. Животный мир. Отдел III. Использование культурных животных).

Дьяконов П. П. Совещание бактериологов и представителей врачебно-санитарных организаций по вопросам о борьбе с заразными болезнями в связи с военным временем // Природа. 1915. № 1. Стб 153–166.

Дьяконов П. П. Случаи членовредительства с целью уклонения от военной службы // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1916. № 9. С. 1078–1089.

Дьяконов П. П. Ложная артериальная аневризма как результат огнестрельного ранения // Природа. 1914. № 10. Стб 1234–1259.

Дьяконов П. П. Значение биологических агентов в борьбе с заразными началами // Природа. 1915. № 4. Стб 558–568.

Дьячков В. Л., Протасов Л. Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринизации и восприятия // Россия и Первая мировая война. С. 58–67.

Дягилев В. Я. Хирург Куприянов: Очерк. Л.: Лениздат, 1961. 82 с.

Евтеева П. М. А. Е. Чичибабин // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 18: История химических наук. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 206–256.

Егоров И. В. От монархии к Октябрю. Л.: Лениздат, 1980. 272 с.

Елина О.Ю. Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг.: Советский вариант реформы // На переломе: Советская биология в 20-х — 30-х годах. Вып. 1. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. С. 27–85.

Елина О.Ю. Мир, война и «туковый вопрос» (из истории производства минеральных удобрений в России, 1900–1920-е гг.) // ВИЕТ. 2001. № 3. С. 3–36.

Елина О.Ю. От царских садов до советских полей: История сельскохозяйственных опытных учреждений. XVIII — 20-е годы XX в.: В 2 т. М.: Эгмонт-Россия, 2008. Т. 1. 479 с.; Т. 2. 487 с.

Елина О.Ю. У истоков российской селекции и семеноводства. Петр Иванович Лисицын на Шатиловской опытной станции в Госсемкультуре. М.: Наука, 2016. 358 с.

Емельянов А.Ю. Вячеслав Евгеньевич Тищенко. Очерк жизни и деятельности. СПб.: Культ.-просвет. т-во, 2016. 280 с.

Емельянова И.А. Юридический факультет Казанского государственного университета, 1805–1917 гг.: Очерки. Казань: Унипресс, 1998. 149 с.

Емельянова Т.В. Главное управление землеустройства и земледелия России в 1905–1914 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбАУ, 1999. 233 с.

Еремеева А.Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Издатель И. Платов, 2017. 208 с.

Еремеева А.Н. И взрывчатку сами сделаем, и цветы свои вырастим. URL: https://rg.ru/2017/05/17/rodina-importozameshcheniem.html (дата обращения: 05.09.2017).

Еремина Е.В., Малышева В.С., Добрынина М.И. Соединения бария в России. Пг.: КЕПС, 1916. 2, 60 с.

Еремина Е.В. Нахождения плавикового шпата в России. Пг.: КЕПС, 1917. 2, 39 с.

Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М.: Наука, 1966. 373 с.

Ермолаев А.И. Перевод часовых стрелок в России как следствие войны 1914–1918 гг. и дальнейшая судьба этого начинания // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 61–67.

Ермолаев А.И. Государственное регулирование суточного времени в России в XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 161–173.

Ермолаев А.И. Александр Михайлович Завадский и его попытки наладить в Казанском университете помощь фронту в 1915–1916 гг. // Наука и техника. Вопросы истории и теории. Материалы XXXVIII Международной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (30 октября — 3 ноября ноября 2017 г.) / Ред.-сост. Б.И. Иванов; отв. ред. Н.А. Ащеулова. Вып. XXXIII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2017. С. 115–116.

Ермолаев И.П. Полный университетский курс лекций по истории России. Т. 4: История Российской империи в XIX — начале XX в. (до 1917 г.). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 618 с.

Ермолаев И.П., Ермолаев А.И. Историческая хронология. 2-е изд., перераб. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 310 с.

Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов: Очерк жизни и деятельности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. 102 с.

Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет. С. 120–241. Примечания к главе — с. 255–276.

Ерошенко А.П., Черкасов А.А. Россия в Первой мировой войне (1914–1918 гг.): военно-санитарная деятельность Российского общества Красного Креста // История и историки в контексте времени. Сочи, 2010. Вып. 7. С. 60–72.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.

Есаков В.Д. От Императорской к Российской: Академия наук в 1917 году // Отечественная история. 1994. № 6. С. 120–132.

Есаков В.Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 12. С. 1129–1139.

Есаков В.Д. (*сост.*). Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1952. М.: РОССПЭН, 2000. 591 с.

Есипов Владимир, проф. Германская жестокость // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14354. 5 (18) сент. С. 1–2.

Ефремов Н.Н., Уразов Г.Г., Ферсман А.Е. К исследованию озер юга России. Пг.: КЕПС, 1919. 78 с.

Жамойда А.И., Рожнов С.В., Алексеев А.С., Розанов А.Ю., Суяркова А.А. Столетие Палеонтологического общества России. Исторический очерк // ИБИ. 2016. Т. 8. № 2. С. 83–107.

Ждан-Пушкин Н.С. Организация Псковского дивизионного врачебного кабинета // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. CCXLII. Март. С. 376–382.

Желобов А.П. Издержки «почвенничества»: германский и русский этос в войне 1914 года глазами неославянинов // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 67–70.

Жемчужный С.Ф. Получение чистой платины и ее свойства. Электропроводность сплавов платины с металлами платиновой группы. Пг.: КЕПС, 1917. 2, 18 с.

Жердева Ю.А. «Рожденные» в 1917-м: общественно-политическое движение «Лига русской культуры» // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования / Отв. ред. М.В. Друзин и др. СПб.; Киев; Минск: Нестор-История, 2008. С. 532–543.

Жизнеописание выдающихся деятелей лесной науки России. URL: http://www.lesnyk.ru/vek20_14.html. (дата обращения: 25.08.2017).

Жуков А.Е. А.А. Шахматов и В.М. Истомин // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 130–149.

Журнал 15-го заседания Комиссии по промышленности в связи с войной. 2-го июня 1915 г. // Труды Комиссии по промышленности в связи с войной (Приложение к «Запискам ИРТО»). Пг., 1915. Вып. 11. С. 1–5.

Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915–1918. Кн. 1–8 / Гл. ред. Л.Г. Бескровный. М.: Изд-во АН СССР, 1975–1979.

Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918: В 3 т. / Сост. А. П. Корелин, А. С. Грузинов, М. К. Шацилло. М.: РОССПЭН, 2013.

За «железным занавесом». Мифы и реалии Советской науки / Ред. М. Хайнеманн, Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 517 с.

Заключенные и свободные министры // Русские ведомости. 1917. № 251. 16 ноября. С. 3.

Заленский Э. Ю. Исторический обзор и селекция сахарной свеклы. Пг.: 1-я Гос. тип., 1919. 2, 104 с.

Записка академика В. И. Вернадского. Приложение I к протоколу VI заседания ОФМН ИАН 18 марта 1914 г. (к § 195) // Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 92–94.

Записка акад. А. С. Фаминцына. Постоянная комиссия по изучению естественных производительных сил России, состоящая при Императорской Академии наук. Пг.: Тип. ИАН, 1915. 14 с.

Записка академика Н. Я. Марра о регистрации как вывезенных, так брошенных на месте на произвол судьбы рукописей и древностей в занятой нами части Турецкой Армении // Известия ИАН. 1915. Т. 6. № 16. С. 1711–1719.

Захарова Т. Н. Помощь раненым воинам в лазарете РУЦН в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 235–239.

Захарова-Шмидт М. А. История создания и некоторые аспекты деятельности С.-Петербургского (Ленинградского) общества естествоиспытателей // Очерки по истории С.-Петербургского общества естествоиспытателей. С. 13–45.

Зелинский А. Н. Н. Д. Зелинский. М., 1981. 62 с.

Земятченский П. А. Поглотительные свойства русских глин. Пг.: КЕПС, 1916. 2, 35 с.

Земятченский П. А. Поглотительные свойства русских глин. Часть экспериментальная. Вып. 1–2. Пг.: 1-я Гос. тип, 1919. 68 с.

Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. Л.: Наука, 1988. 352 с.

Зороастров А. В. К вопросу о симуляции с целью освобождения от военной службы // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. CCXLIII. Июль. С. 470–477.

Иванов А. А. «Черный блок»: неудавшаяся попытка консолидации правых парламентских групп в 1915 г. // Известия РГПУ. 2009. № 99. С. 9–17.

Иванов А. А. «В своих предсказаниях правые оказались пророками». Русские монархисты о войне с Германией, перспективах либерализма и революции // Вестник Моск. гос. областного ун-та. Сер.: История и политические науки. 2009. № 2. С. 12–20.

Иванов А. Е. Первая русская революция и профессура высших учебных заведений. Всероссийский Академический союз: идеология, политическая деятельность // Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России. Вып. 48. М.: [Б. и.], 1977. С. 102–126.

Иванов А.Е. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX — начала XX века: общественно-политический облик // История СССР. 1990. № 5. С. 60–77.

Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М.: Ин-т истории СССР, 1991. 392 с.

Иванов А.Е. Российское научное сословие в годы Второй Отечественной войны (очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 108–127.

Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX в. Социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.

Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов. Материалы Международного научного коллоквиума / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 202–212.

Иванов А.Е. Отклики Первой мировой войны в высшей школе Российской империи // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 207–220.

Иванов А.Е. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М.: Новый хронограф, 2007. 436 с.

Иванов А.Е. Наука и высшая школа России в период Первой мировой войны и революций // Российская история. 2014. № 5. С. 147–164.

Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской империи. XVIII — начало XX века. М.: Новый хронограф, 2017. 649 с.

Иванов А.Е., Кулакова И.П. Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // Российская история. 2013. № 2. С. 44–62.

Иванов А.И. Первая мировая война и русская литература 1914–1918 гг.: этические и эстетические аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: ИМЛИ им. М. Горького, 2005. 42 с.

Иванов Б.И. 50-летний юбилей Русского технического общества и Первая мировая война // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 305–306.

Иванов Б.И. Юбилей Русского технического общества и Первая мировая война // Россия в глобальном мире. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. Вып. 6. С. 53–61.

Иванов Л.А. Журнал микробиологии, издаваемый под редакцией проф. Г.А. Надсона // Журнал микробиологии. 1914. Т. 1. № 1–5. Стб 483.

Иванов С.А. Крупный рогатый скот. Пг.: 1-я Гос. тип. 1922. 114 с. (Естественные производительные силы России. Т. VI. Животный мир. Отдел III. Использование культурных животных).

Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). М.: Наука, 1980. 392 с.

Ивашин Д.С., Богорад Д.С., Бабич А.М. Украинская зональная опытная станция лекарственных растений // Лекарственное растениеводство в условиях Украины. М.: ВИРЛ, 1985. С. 5–16.

Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль–октябрь 1917). М.: Наука, 1966. 400 с.

Игнатьев В. Е. Сыпной и возвратный тиф и борьба с ними // Природа. 1914. № 11. Стб 1321–1339.

Из Хвалынска в Петроград. Письма К. А. Поссе к Н. С. Таганцеву и В. А. Стеклову (1917–1918) // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1992. С. 378–395.

Известкование почвы в связи с внесением удобрений / Ред. Я. В. Самойлов. М.: Русские ведомости, 1919. 4, 178 с.

Извлечение из протоколов заседаний Академии наук. Общее собрание. Экстраординарное IV заседание, 24 марта 1917 г. // Известия Академии наук. 1917. № 11. С. 739–747.

Изгоев А. С. Пять лет в Советской России (Обрывки воспоминаний и заметки) // Жизнь в Ленинской России / Сост. М. Геллер. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1991. С. 9–98 (1-е изд. Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 10. 1923).

Измозик В. С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война С. 160–170.

Измозик В. С., Павлов Б. В. Научные и инженерно-технические общества в условиях новой экономической политики // Россия нэповская: политика, экономика, культура. Новосибирск: [Б. и.], 1991. С. 244–247.

Илизаров Б. С. Почетный академик Сталин и академик Марр. URL: https://history.wikireading.ru/319233 (дата обращения: 27.11.2018).

Ильин И. А. Духовный смысл войны. М.: Тов. И. Д. Сытина, 1915. 48 с.

[*Иловайский Д. И.*] Великая освободительная война и задачи внешней политики // Кремль Иловайского. 1914. 30 декабря. № 56–58. С. 1–2.

Интуитивное предвидение Егора Ивановича Орлова (Накануне и в первый год после Великой Октябрьской) // Природа. 1994. № 2. С. 92–105.

Иоффе Я. Блокада и народное хозяйство в мировую войну. М.; Л.: Госиздат, 1929. 224 с.

И. П. Павлов: pro et contra / Сост. Ю. П. Голиков, К. А. Ланге. СПб.: Изд-во РХГУ, 1999. 800 с.

Ипатьев В. Н. Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг.: Наркомфин, 1920. 48 с.

Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика. Т. 1: 1867–1917. Нью-Йорк, 1945. URL: http://coollib.com/b/267705/read 9. (дата обращения: 24.05.2017).

Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф. Химический комитет при Главном Артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Ч. 1. Пг.: Научхимтехиздат, 1921. 79 с.

Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. 1–5. СПб.: Паровая скоропечатня Яблонской и Перрот, 1888.

История Академии наук СССР. Т. II. (1803–1917). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. 772 с.

История Казанского университета: 1804–2004 / Ред. И. П. Ермолаев, М. Х. Салахов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 654 с.

История Ленинградского университета. 1819–1969. Очерки. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 663 с.

История Татарской АССР. Казань: Таткнигоиздат, 1968. 719 с.

К 50-летию Русского технического общества (Речь В. И. Ковалевского Общему Собранию 25 мая 1916 г.) // Записки РТО. 1917. № 2–3. С. 15–20.

Каганович А. А. Становление и развитие негосударственного высшего образования в Российской федерации. Ульяновск: Ульян. гос. тех ун-т, 2005. 189 с.

Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006. 251 с.

Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле: Историк и время. СПб.: Европейский университет, 2014. 357 с.

Казанская губерния в период Первой мировой войны: Сборник документов и материалов / Общ. ред. Д. И. Ибрагимов; отв. сост. Л. В. Горохова. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2014. 208 с.

Капитонов Е. Н., Капитонов И. Е. Профессор И. С. Плотников: начало фотохимии в России // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2009. Т. 15. № 1. С. 234–238.

Карев Д. В. Академик М. К. Любавский: вехи судьбы и творчества // Матвей Кузьмич Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Минск: Беларуская наука, 2012. С. 6–86.

Кареев Н. Пять недель в германском плену // В немецком плену. М.: Наши дни, 1915. С. 11–20.

Кареев Н. И. Мысли о русской науке по поводу теперешней войны // Чего ждет Россия от войны. Пг.: Прометей, 1915. С. 77–93.

Кароль Б. П. Академик Б. Б. Голицын и метеорология. Л.: Гидрометеоиздат, 1982. 48 с.

Кацалова Н. Ф. Становление высшего женского инженерно-промышленного образования в России в конце XIX — начале XX в. // Дискуссия (Екатеринбург). 2013. № 3 (33). С. 102–105.

Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. М.: Эпифания, 1994. 848 с.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. URL: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kerenskij-aleksandr-fedorovich/rossiya-na-istoricheskom-povorote-memuari. (дата обращения: 26.09.2017).

Керцелли С. В. Избенное оленеводство и его значение в сельском хозяйстве. Пг.: Наркомзем, 1919. 16 с.

Керцелли С. В. Оленеводство. Пг.: Наркомзем, 1919. 12 с.

Кизилов М. Б. Караим Соломон Крым: жизнь и судьба // Историческое наследие Крыма. 2005. № 10. С. 86–96.

Кичунов Н. И. Культура дичков и подвоев для плодовых деревьев. Пг.: П. П. Сойкин, 1915. 120 с.

Кичунов Н.И. К вопросу о ежегодно-максимальных урожаях в плодовом саду. М.: Наркомзем, 1919. 16 с.

Кичунов Н.И. Огородничество. Общедоступные наставления к разведению огородных овощей в открытом грунте. Преимущественно для северной и средней России. Пг.: А.Е. Девриен, 1918. VIII, 88 с.

Кичунов Н.И. Краткое популярное руководство к разведению огородных овощей. Пособие для крестьян и начинающих любителей. М.: Знание — сила, 1919. 32 с.

Кичунов Н.И. Культура шампиньонов у русских огородников. Практические указания для садоводов, огородников и сельских хозяев. М.: Госиздат, 1921. 84 с.

Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917). Л.: Наука, 1985. 384 с.

К культурному миру (воззвание немецких ученых в защиту Германии). Пг.: Тип. Б.М. Вольфа, 1914. 3 с.

Ключевич А.С., Захаров А.В., Девятов Ф.В., Сальников Ю.И. Неорганическая химия в Казанском университете. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 100 с.

Книга памяти: к 100-летию со дня основания СПбГТУ / Сост. С.А. Сироткина, Е.Ф. Тарасова. СПб.: СПбГТУ, 2000. 89 с.

Князев Г.А. Порицание академикам за участие в «Записке 342 ученых» // Вестник АН СССР. 1931. № 4. С. 14–22.

Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Кн. 2. СПб.: Свелен, 1991. С. 97–199.

Ковалева А.С. О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны // Первая мировая война: История и психология. СПб.: Нестор, 1999. С. 101–108.

Ковалевский М. В плену // Невский альманах. Жертвам войны — писатели и художники. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. С. 82–86.

Ковалевский П.И. Немцы (психологический очерк) // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / Отв. ред. А.В. Репников. М.: РОССПЭН, 2014. С. 249–264.

Кожевников Г.А. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Труды Всероссийского юбилейного Акклиматизационного съезда. Вып. 1. М., 1909. С. 18–30.

Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27.

Козлов В.В. Очерки истории химических обществ. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 610 с.

Козлов В.В. Всесоюзное химическое общество им. Д.И. Менделеева: 1868–1968. М.: Наука, 1971. 563 с.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М.: Наука, 1992. 457 с.

Колоницкий Б.И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. С. 271–288.

Колосов А.К. Контактное производство азотной кислоты. История постройки и эксплуатации первого русского азотного завода / С предисл. В.Н. Ипатьева. Пг.: Научхимтехиздат, 1923. 60, 2 с. (Труды Комиссии по связанному азоту при ВСНХ).

Колотовкина С.С. Англо-русские общественные связи в годы Первой мировой войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 19 с.

Колчинский Э.И. Эволюция биосферы. Л.: Наука, 1990. 236 с.

Колчинский Э.И. История науки в городе на Неве // ВИЕТ. 2003. № 3. С. 3–45.

Колчинский Э.И. Борьба за выживание: Академия наук и Гражданская война // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XIX веках. С. 361–398.

Колчинский Э.И. Наука и гражданская война в России // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. С. 357–449.

Колчинский Э.И. Академия наук и становление естественной истории в России // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. С. 83–116.

Колчинский Э.И. Наука и эмиграция: судьбы и цифры // Зарубежная Россия. Кн. 2. 1917–1939. СПб.: Лики России, 2003. С. 165–169.

Колчинский Э.И. Первая мировая война и некоторые векторы трансформации науки в Германии и России // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 9–24.

Колчинский Э.И. Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.

Колчинский Э.И. Предисловие // Летопись Российской Академии наук. Т. IV / Отв. ред. Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина. СПб.: Наука, 2007. С. 14–32.

Колчинский Э.И. Предисловие // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 4–16.

Колчинский Э.И. Биологическая лаборатория // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 55.

Колчинский Э.И. Кульчицкий Николай Константинович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 259.

Колчинский Э.И. Министерство земледелия // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 310–311.

Колчинский Э.И. Салазкин Сергей Сергеевич // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 425.

Колчинский Э.И. Кирилл Михайлович Завадский (1910–1977). СПб.: Нестор-История, 2012. 300 с.

Колчинский Э.И. Первая мировая война и мобилизационная модель организации академической науки // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 3. С. 261–268.

Колчинский Э.И. Академия наук и русские революции 1917 года // Вестник РАН. 2017. Т. 87. № 2. С. 166–176.

Колчинский. Э. И Академия наук в годы крупных потрясений // Вихревая динамика развития науки и техники. Т. 1. С. 102–169.

Колчинский Э.И. Зенкевич С.И. Рецензия на кн.: Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории. СПб.: Реноме, 2018: В 2 кн. Кн. I. 704 с. Кн. II. 642 с.

(Серия «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки». Вып. 9) // Вестник РАН. 2019. Т. 89 (в печати).

Колчинский Э.И., Козулина А.В. Бремя выбора. Почему В.И. Вернадский вернулся в Советскую Россию? // ВИЕТ. 1998. № 3. С. 3–25.

Колчинский Э.И., Кольцов А.В. Российская наука и революционные кризисы в начале XX века // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. С. 291–334.

Колчинский Э.И., Конашев М.Б. Как и почему «Правда» учила «Ботанический журнал»? // ВИЕТ. 2003. № 4. С. 49–74.

Колчинский Э.И., Конашев М.Б. ЦК, «Ботанический журнал» и другие. Архивные документы о борьбе с лысенковщиной // Нестор. № 9. На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX вв. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 33–58.

Колчинский Э.И., Федотова А.А. Докучаевский почвенный комитет // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 174–175.

Колчинский Э.И., Федотова А.А. Лискун Ефим Федотович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 281.

Колчинский Э.И., Федотова А.А. Министерство государственных имуществ // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 309–310.

Колчинский Э.И., Федотова А.А. Министерство земледелия и государственных имуществ // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 311–312.

Кольцов А.В. Становление и развитие АН СССР как высшего научного учреждения страны (1917–1932 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л.: ЛГУ, 1975. 31 с.

Кольцов А.В. Академия наук в первое десятилетие Великого Октября // ВИЕТ. 1987. № 4. С. 3–10.

Кольцов А.В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. СПб.: Наука, 1999. 181 с.

Кольцов Н.К. Отражение войны в научно-популярных журналах Англии и Америки // Природа. 1915. № 1. Стб 155–164.

Кольцов Н.К. Национальная организация науки // Природа. 1915. № 7–8. Стб 1018–1040.

Комаров В.Л. Что сделано в России в 1915 г. по культуре лекарственных растений. Пг.: Тип. ИАН, 1915. 12 с.

Комаров В.Л. Сбор, сушка и разведение лекарственных растений в России. Пг.: Тип. бр. В. и И. Линник, 1915. 88 с.; 1916. 128 с.; 1917. 136 с.

Комаров В.Л. Растительность Сибири. Л.: Тип. Печ. двор, 1924. 32 с. (КЕПС при РАН. Естественные производительные силы России. Т.V. Растительный мир. Отдел I. Ботанико-географический очерк России).

Комиссия по истории знаний / Сост. В.М. Орёл, Г.И. Смагина. СПб.: Наука, 2003. 768 с.

Конашев М.Б. К истории создания Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук // Наука и техника. Вопросы истории и теории. Тезисы XIX Международной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (23–28 ноября 1998 г.) / Ред.-сост. С.А. Орлов; отв. ред. Э.И. Колчинский. Вып. XIV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1998. С. 154–155.

Кононенко С.В. Исторические аспекты развития парашютизма в России (1910–1940 гг.) // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 127–134.

Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. 221 с.

Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05–1929/30). Т. 2. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930. 385 с.

Корбут М.К. Наука в Казанском университете за последние 25 лет // Ученые записки Казанского университета. 1930. № 3–4. С. 313–391.

Коржихина Т.П. Общественные организации СССР в 1917–1937 гг. Учебное пособие. М.: МГИАИ, 1984. 98 с.

Коржихина Т.П. Общественные организации СССР. Материалы к источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1992. 178 с.

Корнеев В.М. Николай Александрович Вельяминов: 1855–1920. Л.: Медгиз, 1962. 180 с.

Корнилов С.В. Первая мировая война и обоснование патриотизма в русской философии // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 70–74.

Короткевич В.И. Состав и судьба членов последнего Временного правительства // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 3. С. 138–168.

Костомаров В.М. Из деятельности Русского технического общества в области машиностроения. М.: Машгиз, 1957. 179 с.

Котлов Ю.В., Федотова А.А. Русское ботаническое общество // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 419.

Котляревский Нестор. Кончина властной идеи? // Биржевые ведомости. 1914. № 14470. 2 (15) нояб. С. 3.

Красникова О.А. Полярная комиссия Академии наук (1914–1936) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX вв. / Отв. ред. Ю.М. Батурин; сост. Г.И. Смагина, Э.А. Тропп. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 383–449.

Красникова О.А. Полярная комиссия Академии наук и Первая мировая война // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы междунар. науч. конф. (Архангельск, 21–25 июня 2014 г.) / Под общ. ред. Т.И. Трошиной. Архангельск: Изд-во САФУ, 2014. С. 267–272.

Крестьянское хозяйство, война и агрономия // Русские ведомости. 1914. № 187. 15 авг. С. 6.

Кривоноженко А.Ф. Петроградский университет в 1917–1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2014. 262 с.

Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин. 1857–1921. Его значение в истории России начала XX века. Париж: [Б. и.], 1973. 350 с.

Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Отв. ред. В.С. Дякин. Л.: Наука, 1984. 664 с.

Крупные пожертвования // Русский инвалид. 1914. № 173. 10 (23) авг. Раздел «Общественная жизнь». С. 3.

Крутков Ю.А. О теории квантов // Журнал РФХО. 1916. Т. 48. Вып. 2А. С. 43–76.

Крылов А.Н. Мои воспоминания. СПб.: Политехника, 2003. 510 с.

Кудряшов А.И. Симулянты и членовредители // Врачебная газета. 1916. № 9. С. 131–133.

Кузьмин Ю.В. СССР и Россия: самолетостроение в числах // Авиация и космонавтика (вчера, сегодня, завтра). 2014. № 8. С. 35. URL: http://www.rulit.me/books/aviaciya-i-kosmonavtika-2014–08-read-371125–35.html. (дата обращения: 08.10.2017).

Кузьмин Ю.В. Самолетостроение в России в количественных показателях: первые годы // Вихревая динамика развития науки и техники. Т. 1. С. 87–101.

Кузнецов В.И., Максименко А.М. Владимир Николаевич Ипатьев. М.: Наука, 1992. 190 с.

Кузнецов Н.И. Ближайшие задачи культуры и сбора лекарственных растений на Южном берегу Крыма. Ялта: Имп. Никитск. бот. сад, 1917. 30 с.

Кузнецова Л.О. Документы о деятельности Общества естествоиспытателей при Казанском университете в Национальном архиве РТ. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/print/?id=2020&type=article. (дата обращения: 23.01.2017).

Кузнецова О.Н. Общественные инициативы в условиях Первой мировой войны и дороговизны // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 74–78.

Кулакова И.П. Спор о первородстве: 275 лет Санкт-Петербургскому университету? // ВИЕТ. 1999. № 3. С57–92.

Кульматова Т.В. Библиотека великой княгини Елены Павловны // Великая княгиня Елена Павловна. СПб.: Лики России, 2011. С. 300–304.

Культурное строительство // Новая жизнь. 1917. № 31. 25 мая (7 июня). С. 3.

Купайгородская А.П. Петроградское студенчество и Октябрь // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.: Наука, 1980. С. 241–248.

Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти. Л.: Наука, 1984. 197 с.

Купайгородская А.П., Лебина Н.Б. Добровольные общества Петрограда–Ленинграда в 1917–1937 гг. (тенденции развития) // Добровольные общества Петрограда–Ленинграда в 1917–1937 гг. / Отв. ред. А.П. Купайгородская. Л.: Наука. 1989. С. 5–16.

Курёнышев А.А. Сельскохозяйственная столица России: Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). М.: АИРО–XXI, 2012. 404 с.

Курёнышев А.А. Московское общество сельского хозяйства и проблемы развития аграрного сектора экономики России в годы Великой войны (1914–1917 гг.) // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 135–138.

Кюнг П.А. Военно-промышленные комитеты в России в годы Первой мировой войны: историко-архивное исследование. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2007. 24 с.

Кюнг П.А. Судьба архивных фондов военно-промышленных комитетов // Отечественные архивы. 2007. № 2. С. 31–35.

Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М.: РГГУ, 2012. 237 с.

Лазар И.В. Химико-технологические аспекты «снарядного голода» русской армии в годы Первой мировой войны // Известия РГПУ. 2008. № 74. С. 274–278.

Лазарев П.П. Подвижной Рентгеновский кабинет в военное и мирное время // Природа. 1914. № 11. Стб 75–83.

Лазарет для раненых воинов. Предварительный отчет. Пг.: Тип. ИАН, 1915. Вып. 1. 9 с.; 1916. Вып 2. 11 с.

Лазареты, открытые в период I Мировой войны. URL: http://www.encspb.ru/object/2853566439?lc=ru. (дата обращения: 24.05.2017).

Лазарет Св. Синода // Русский инвалид. 1914. № 169. 5 (18) авг. С. 3.

Ларин Ю. Интеллигенция и Советы: хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М.: Госиздат, 1924. 91 с.

Ларина В.Г. Всероссийское общество охраны природы. 1924–1941. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 230 с.

Лайус Ю.А. Научно-промысловые исследования на «красном» и «белом» Севере, 1918–1920 гг. // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная науч. конф. М., 2002. С. 430–432.

Лайус Ю.А. Развитие рыбохозяйственных исследований Баренцева моря в конце XIX — первой трети XX века: взаимоотношения науки и практики. Дис. ... канд. ист. наук. М.: ИИЕТ, 2004. 310 с.

Лайус Ю.А. Международная кооперация, рыбные ресурсы и развитие рыбохозяйственной науки в России накануне, во время и после Первой мировой войны // Наука, техника, общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 136–156.

Лайус Ю.А. Брейтфус Леонид (Людвиг) Львович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 70–71.

Левин А. Наука в России на пути к формированию гражданского общества // Философские исследования. 1993. № 4. С. 451–460.

Левит Г.О. История энергетических обществ СССР. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1957. 176 с.

Левицкий С.С. URL: http://zapoved-kursk.ru/o-zapovednike/biografii/s.s. — levickij.html. (дата обращения: 23.08.2017).

Лейберов А.И. Первая мировая война и студенты Петрограда // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 144–148.

Лейберов И.П. Революционное студенчество Петроградского университета накануне и в период Первой мировой войны // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 2. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 3–40.

Лейберов И.П. Патриотические настроения, их проявление и участие в годы Первой мировой войны // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. Сб. статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьёва. СПб.: СПбИИ, 1999. С. 19–31.

Лейкина-Свирская В.С. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М.: Мысль, 1985. 285 с.

Лекарственные растения // Большая медицинская энциклопедия. Т. XV. М.: Сов. энциклопедия, 1930. Стб 648.

Ленин и Академия наук: Сб. документов. Л.: Наука, 1969. 342 с.

Ленинградский горный институт им. Г.В. Плеханова. 1773–1973. М.: Высшая школа, 1973. 319 с.

Ленинградский ордена Ленина Институт инженеров железнодорожного транспорта им. академика В. Н. Образцова. 1809–1959. М.: Трансжелдориздат, 1960. 388 с.

Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени инженерно-строительный институт (ЛИСИ). 1832–1982. Л.: Стройиздат, 1982. 232 с.

Леонов В. П. Судьба Библиотеки в России: Роман-исследование. СПб.: Библиотека РАН, 2000. 415 с.

Леонова С. Л. Военно-промышленные комитеты в годы I Мировой войны. URL: http://history.mirea.ru/files/Leonova_vok.doc. (дата обращения: 09.03.2017).

Летопись Московского университета. URL: http://letopis.msu.ru/letopis. (дата обращения: 05.07.2017).

Летопись РАН. Т. IV / Отв. ред. Э. И. Колчинский, Г. И. Смагина. СПб.: Наука, 2007. 1052 с.

Лимонов Ю. А. Первая мировая война и ментальность петербуржца // Первая мировая война: история и психология. Материалы Российской научной конференции 29–30 ноября 1999 г., г. Санкт-Петербург / Ред. В. И. Старцев, С. Н. Полторак, Л. Б. Борисковская [и др.]. СПб.: Нестор, 1999. С. 47–48.

Липшиц С. Ю. Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования. Исторический очерк. М.: МОИП, 1940. 136 с.

Лискун Е. Ф. Кормите животных по весу и увеличивайте их число. Пг.: Тип. «Якорь», 1916. 31 с.

Лискун Е. Ф. Выращивайте побольше телят. Пг.: Тип. «Якорь», 1916. 22 с.

Лискун Е. Ф. О мясном вопросе в России в современной экономической обстановке. Пг.: КЕПС, 1917. 2, 23 с.

Лискун Е. Ф. Вопросы мясного питания и животноводства. М.: Наркомзем, 1919. 20 с.

Лискун Е. Ф. Животноводство Севера и его возможное будущее. Пг.: Госиздат, 1920. 100 с.

Лискун Е. Ф. Как восстановить животноводство в России. Пг.: Новая деревня. 1922. 32 с.

Лискун Е. Ф. Кормление и разведение сельскохозяйственных животных. Пг.: Госиздат, 1922. 31 с.

Л. Т. Война и занесение новых болезней и новых растительных видов // Природа. 1915. № 1. Стб 143–144.

Литвин А. Л. Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов: Материалы Международного научного коллоквиума / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 124–132.

Литвиненко С. В., Судариков А. М. Первая мировая война и ведущие ученые Полярной комиссии Российской академии наук // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 148–155.

Личные известия // Журнал Русского ботанического общества при Императорской Академии наук. 1916. Т. 1. № 1–2. С. 128.

Личный состав Отделения физики // Журнал РФХО. Физический отдел. 1916. Т. 48. Вып. 1. С. XIII–XXVII.

Локтев С.М. Академик Ипатьев — химик нового века. М.: Знание, 1991. 32 с.

Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 г. Стокгольм; Берлин: Тип. Нейе Цейт, 1921. 86 с.

Лосик А.В., Щерба А.Н. Военно-технический прогресс России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 259–261.

Лоскутова М.В., Федотова А.А. Становление биологических исследований в России. Взаимодействие науки и практики в XIX — начале XIX в. СПб.: Нестор-История, 2014. 195 с.

Лосский Н.О. Воспоминания: жизнь и философский путь. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. 350 с.

Любименко В.Н. К вопросу о культуре лекарственных растений на Южном берегу Крыма // Вестник русской флоры. 1915. № 3. С. 144–150.

Любименко В.Н. Обследование возможности развития промысла сбора и культуры лекарственных растений в Таврической губ.: предварительный отчет о командировке 1916 г. Пг.: Типо-литогр. А.Э. Винеке, 1917. 7 с.

Любименко В.Н. Опыты по табаководству // Записки Никитского сада. 1916. Вып. 7. С. 1–13.

Любименко В.Н. Лекарственные и дубильные растения Таврической губернии. Пг.: КЕПС, 1918. 2, 43 с.

Любименко В.Н. Табачная промышленность в России. Пг.: КЕПС, 1918. 88 с.

Любименко В.Н. Чай и его культура в России. Пг.: КЕПС, 1919. 77, 2 с.

Любименко В.Н., Монтеверде Н.А., Сулима-Самойло А.Ф. Съедобные дикорастущие растения северной полосы России. Вып. 1–2. Пг.: Тип. Э.Ф. Мекс, 1918.

Любищев А.А. О русских химиках и мемуарах Ллойд-Джорджа // Химия и жизнь. 1982. № 8. С. 88–91.

Лягушкин И.А., Вишленкова Е.А. Профессиональная самоорганизация русских ученых (опыт просопографического анализа зоологической секции на съездах русских естествоиспытателей и врачей второй половины XIX — начала XX века) // История и историческая память. 2013. № 7–8. С. 172–188.

Магомедов М.Б., Лахитов П.М. Летописец Шахматов: Творческий путь // Системные технологии. 2014. № 10. С. 94–102.

Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Госполитиздат, 1957. 390 с.

Мандрик М.В. На службе Клио: академики М.К. Любавский и Ю.В. Готье // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 45–65.

Мандрик М.В. Академия наук и российская пресса в период Первой мировой войны // Актуальное прошлое. Взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. С. 941–948.

Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. Ч. 1–3. М.: Высший военный редакционный совет, 1920–1923.

Манифест 93 ученых, Манифест германских университетов // Две культуры (К философии нынешней войны). Пг., 1916. С. 122–133.

Манойленко К.В. Владислав Адольфович Ротерт. Л.: Наука, 1978. 141 с.

Манойленко К.В. В.Н. Любименко: эволюционные, эколого-физиологические, историко-научные аспекты деятельности. СПб.: Наука, 1996. 168 с.

Манойленко К.В. Иван Парфеньевич Бородин / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Наука, 2005. 274 с.

Манойленко К.В. Андрей Сергеевич Фаминцын / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Нестор-История, 2016. 283 с.

Марголис Ю. Как свергали царя (студенты университета в 1917 г.) // Ленинградский университет. 1965. 12 марта. С. 3.

Мартынова А.Ю. Российское студенчество и Февральская революция // Новый исторический вестник. 2005. № 2(13). URL: http://www.nivestnik.ru/2005_2/9.shtml. (дата обращения: 26.11.2017).

Маслов С.Л. Наше сельское хозяйство и война // Вестник сельского хозяйства. 1914. № 33. С. 14–22.

Материалы для истории Академических учреждений. Ч. 1. Пг.: Тип. РАН, 1917 [1918]. IV, 631, [2] с.

Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Ч. 2. М–Я. Пг.: Тип. РАН, 1915 [1918]. 341 с.

Материалы по военно-полевой хирургии (статьи и очерки по данным Империалистической войны 1914–1917 гг. и Гражданской войны) / Ред. Н.Н. Бурденко, А.В. Мельников, А.Л. Слободский. М.; Л.: Медгиз, 1940. 760 с.

Материалы по истории студенческого движения в России. Вып. 1. Лондон; СПб.: Свободная мысль, 1906. 136 с.

Маурер Т. «Война умов» и общность европейцев. Размышления по поводу отклика русских ученых на воззвание их германских коллег // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 57–78.

Маурер Т. Исключительность и интеграция: профессора и студенты в немецком обществе в годы Первой мировой войны // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 221–235.

Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М.: РОССПЭН, 2015. 527 с.

Медлер И.Г. О реформе календаря // ЖМНП. 1864. Январь. Ч. 121. Отд. 6. С. 9–21.

Медлер И.Г. Еще о реформе календаря // ЖМНП. 1864. Март. Ч. 121. Отд. 6. С. 125–129.

Мейендорф И. А.В. Карташёв — общественный деятель и церковный историк // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 169–173.

Мейснер В.И. Общий обзор работ экспедиции и описание района. Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1915. 60 с.

Мейснер В.И. Рыбный промысел в Семиречье и его возможное будущее. Пг.: КЕПС, 1916. 2, 20 с.

Мейснер В.И. Каспийские кильки и их возможное промысловое значение. Пг.: 2-я Гос. тип., 1919. 12 с.

Мейснер В.И. Искусственное рыборазведение, его смысл, значение для человека и приемы. СПб.: Госиздат, 1920. 39 с.

Менделевич Г.А. Из истории Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук // Вторая научная конференция аспирантов и младших научных сотрудников Института истории естествознания и техники. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 53–54.

Мерзленко М.Д. Памяти А. А. Крюденера (1869–1951) // Лесной вестник. 2001. № 1. С. 85–87.

Милюков П.Н. Германская интеллигенция и война // Речь. 1914. № 283 (2952). 20 окт. (2 нояб.). Раздел «Литературная неделя». С. 3.

Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. 397 с.

Минина М.В., Митько А.В., Митько В.Б. Действия военно-морского флота России в Первой мировой войне и зарождение морских информационных технологий // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 36–46.

Мир-Бабаев М.Ф. Краткая история азербайджанской нефти. Баку: Азернешр, 2009. 376 с.

Мирский М.Б. Главный хирург Н. Н. Бурденко. М.: Воениздат, 1973. 160 с.

Мительман М.И., Глебов Б.Д., Ульянский А.Г. История Путиловского завода: 1800–1917. М.; Л.: Соцэкгиз, 1939. 756 с.

Митюгова Е.Г. Работа мастерских Технологического института и подготовка специалистов на нужды фронта в годы Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 142–143.

Михайлов А.А., Шильцев Е.А. Изобретательская и производственная деятельность в Санкт-Петербургском политехническом институте в интересах армии в годы Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 314–315.

Мнение проф. Е. Фёдорова о записке гг. академиков об изучении естественных производительных сил России. Приложение к протоколу XI заседания ОФМН ИАН от 16 сентября 1915 г. (к § 4470) // Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 179.

Мозжухин А.С., Самойлов В.О. И. П. Павлов в Петербурге–Ленинграде. Л.: Лениздат, 1977. 288 с.

Монтеверде Н.А. Порайонный обзор лекарственных растений Европейской России, Кавказа и Туркестана. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1915. 64 с.

Монтеверде Н.Н. Исследование лекарственной флоры Среднего и Нижнего Поволжья. Пг.: А. Винеке, 1916. 10 с.

Монтеверде Н.Н. К вопросу о приобретении семян лекарственных растений. Пг.: Тип. Н. П. Зандман, 1916. 19 с.

Монтеверде Н.Н. Обследования лекарственной флоры Среднего и Нижнего Поволжья и Уральской области. Пг.: Строитель, 1916. 2, 62 с.

Монтеверде Н.Н. Развитие и современное состояние промысла сбора и культуры лекарственных растений в Полтавской губернии. Пг.: КЕПС. 1916. 2, 76 с.

Морозова В.В. Полифонические иллюзии российского прогресса: Великая война // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 155–158.

Моррисси С. Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война С. 288–302.

Москвитина О.А. Русские психологи во время Первой мировой войны // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 78–82.

Московский университет в Первой мировой войне. URL: http://letopis.msu.ru/content/mgu-2014-moskovskiy-universitet-v-pervoy-mirovoy-voyne. (дата обращения: 05.07.2017).

Мочалов И.И. В.И. Вернадский (1863–1945). М.: Наука, 1982. 486 с.

Мочалов И.И. «...Ко всем гражданам Российской республики» // Огонёк. 1991. № 22. С. 10–13.

Моцияка П.П. И. Э.А. Лециус — репрессированный директор института князя Безбородко (1913–1914 гг.) // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук. Сб. науч. статей по материалам Междунар. науч. конф. 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 231–237.

Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с.

Насыбуллина Н.М. От фирмы Грахе до объединения «Татхимфармпрепараты». URL: http://www.steclub.ru/forum/43–340–1. (дата обращения: 29.08.2017).

Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. 1. Петроград: Данные на 1-е янв. 1918 г. Пг.: Рос. гос. акад. тип, 1920. 146 с.

Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. 2. Москва. Данные на 1-е янв. 1918 г. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1917–1922. 63 с.

Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Отв. ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1130 с.

Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Отв. ред. Э.И. Колчинский, Д. Байрау; ред.-сост. Ю.А. Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007. 504 с.

Наука, технология и общество во время Первой мировой войны: Медицина / Ред. Л.А. Булгакова. СПб.: Нестор-История, 2011. 488 с.

Наука и техника. Вопросы истории и теории. Материалы XXXV Международной научной конференции Санкт-Петербургского отделения российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Наука и техника в Первую мировую войну» (24–28 ноября 2014 г.) / Ред.-сост. Б.И. Иванов; отв. ред. Э.И. Колчинский. Вып. XXX. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2014. 339 с.

Наумова О.А., Абросимова М.Ю. Подготовка сестер милосердия в Казанской губернии в преддверии Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7. С. 119–122.

Научно-технические общества СССР. Исторический очерк. М.: Профиздат, 1968. 455 с.

Н.В.П. Академик А.Е. Чичибабин // Новый журнал. 1946. № 12. С. 281–286.

Непомнящий А.А., Синичкин А.В. Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы и развитие исторического краеведения Крыма // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 210–216.

Немцы в России. Вып. 1–14. СПб., 1997–2015.

Некрылов С.А. Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2013. С. 71–72.

Нервнобольные воины. Извлечение из первого годичного отчета Амбулатории нервных болезней для лазаретов Петроградской стороны / Ред. Г. Трошин. Пг.: [Б. и.] 1915. 32 с.

Никитин Е.А., Яремко В.И. 1-й Военно-морской госпиталь (к 300-летию со дня основания). СПб.: [Б. и.], 2015. 143 с.

Никитинский Я.Я. Суррогаты и необычные в России источники пищевых средств растительного и животного происхождения. М.: 1-я тип. МСНХ, 1921. 136 с.

Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив. СПб.: Palace editions, 2001. 168 с.

Николаи Г.Ф. Биология войны. (Мысли естествоведа). Л.: Переводчик, 1926. 244 с.

Новиков М.М. Бючли и его научная работа. Пг.: Научхимтехиздат, 1922. 23 с.

Новиков М.М. Временное правительство и высшая школа // Российская школа за рубежом (Прага). 1927/28. Кн. 27. С. 373–377.

Ноздрачев А.Д., Поляков Е.Л. Двадцать российских и всесоюзных физиологических съездов в хронологии их проведения // Успехи физиологических наук. 2010. Т. 41. № 2. С. 90–111.

Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 320 с.

Ноздрачев А.Д., Поляков Е.Л., Вовенко Е.П., Есауленко И.Э. Столетний юбилей Физиологического общества имени И.П. Павлова Российской академии наук. М.: Научная книга, 2017. 332 с.

Носков В.В. «Война, в которую мы верим»: начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России // Россия и Первая мировая война. С. 326–339.

Носков В.В. Первая мировая война и русская идея // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 25/2. С. 50–87.

Н.С. Dura lex, sed lex! (К вопросу о германских зверствах) // Утро России. 1914. № 217. 11 сент. С. 1.

Нужды просвещения (Записка 342 ученых) // Наша жизнь. 1905. № 65. 20 янв. (2 февр.). С. 5.

О новой школе (По поводу «Лиги социального воспитания») // Новая жизнь. 1917. № 62. 30 июня (13 июля). С. 4.

О реформе деятельности ученых учреждений и школ высших ступеней в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике // Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. № 6–8. С. 17–22.

Обзор деятельности С.-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования. 1868–1893. СПб., 1893. VIII, 228, CXXVII с.

Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерство земледелия и государственных имуществ) в царствование Имп. Александра III. 1881–1894 гг. СПб., 1901. 295 с.

Обращение Временного правительства к населению России 6 марта 1917 г. URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600–1918/5209/ (дата обращения: 12.02.2017).

Общества естествоиспытателей при университетах дореволюционной России. К 125-летию начала деятельности (препринт) / Отв. ред. Е. В. Соболева. Л.: ЛО ИИЕТ, 1990. 34 с.

Объединенный съезд объединения (Ассоциации) русских естествоиспытателей и врачей. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1917. 4 с.

Ованесов Б. Т. Медики Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России. Ставрополь, 1997. С. 108–119.

Ольденбург С. Ф. Ленин и наука // Научный работник. 1926. № 1. С. 3–7.

Олесич Н. Господин студент Императорского С.-Петербургского университета. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 208 с.

Ольденбург С. Ф. Памяти В. А. Стеклова: Речь С. Ф. Ольденбурга на торжественном собрании Академии наук 17 декабря 1926 г. // Научный работник. 1927. № 1. Раздел “Personalia”. С. 123–129.

Ольденбург Е. Г. Из дневниковых записей (1925–1930) / Публ. и примеч. М. А. Сидорова, Ю. И. Соловьёва // Вестник РАН. 1994. № 7. С. 638–649.

Ольховский Е. Р. Студенческое движение на рубеже XIX–XX вв. Зарождение большевистской организации в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. VI. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 75–111.

Ольховский Е. Р. Тайный арест академика Фаминцына (из истории изучения в 1878–1879 гг. причин волнений среди учащейся молодежи) // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Вып. VII. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. С. 132–145.

Оноприенко В. И. Павел Аполлонович Тутковский. М.: Наука, 1987. 160 с.

Оноприенко В. И. Борис Борисович Голицын. 1862–1916. М.: Наука, 2002. 333 с.

Оноприенко В. И. Владимир Иванович Лучицкий. М.: Наука, 2004. 250 с.

Оноприенко В. И. Яков Владимирович Самойлов. Киев: Информ.-аналитич. агентство, 2015. 333 с.

Оппель В. А. Основания сортировки раненых с лечебной точки зрения на театре военных действий // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. CCXLIV. Сентябрь. С. 148–157.

Оппель В. А. Организационные вопросы передового хирургического пояса действующей армии. Пг.: Гос. тип., 1917. 130 с.

Орбели Л. А. Воспоминания. М.; Л.: Наука, 1966. 132 с.

Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925): Сб. документов. Кн. 1. Л.: Наука, 1968. 419 с.

Организация общественной помощи раненым и больным воинам и семьям призванных под знамена // Русский инвалид. 1914. № 169. 5 (18) авг. Раздел «Общественная жизнь». С. 3.

Организация общественной помощи раненым и больным воинам и семьям призванных под знамена // Русский инвалид. 1914. № 171. 8 (21) авг. Раздел «Общественная жизнь». С. 2.

Организация общественной помощи раненым и больным воинам и семьям призванных под знамена // Русский инвалид. 1914. № 174. 12 (25) авг. Раздел «Общественная жизнь». С. 3.

Осипов Ю. С. Российской Академии наук — 275 лет: Речь на торжественном заседании в Государственном Кремлевском дворце 4 июня 1999 г. // Российская Академия наук. 1724–1999: Материалы юбилейных торжеств. М.: Наука, 1999. С. 9–18.

Основные нужды русской промышленности / Доклад комиссии по промышленности В. И. Ковалевского // Записки РТО. 1916. № 5. С. 6–12.

Островский М. А. Настало время думать «физиологически». К 100-летию Физиологического общества имени И. П. Павлова // Вестник РАН. 2017. Т. 87. № 2. С. 158–165.

От Академии наук // Вестник Временного правительства. 1917. № 21 (67). 31 марта. С. 4.

От Александровского комитета о раненых // Русский инвалид. 1914. № 161. 25 июля (7 авг.). С. 1.

От Александровского комитета о раненых // Свет. 1914. № 190. 23 июля (5 авг.). С. 2.

От «Красного Креста» // Русский инвалид. 1914. № 178. 17 (30) августа. Раздел «Общественная жизнь». С. 3.

От писателей, художников и артистов // Вестник воспитания. 1914. № 7 (октябрь). Хроника. С. 120–124.

От редакции. К вопросу об использовании природных богатств России // Природа. 1915. № 9. Стб 1198–1199.

От Российского Общества «Красного Креста» // Русский инвалид. 1914. № 162. 26 июля (8 авг.). С. 1.

От русских педагогов // Юрьевский вестник. 1914. № 37. 20 декабря. С. 1.

Ответ германским ученым // День. 1914. № 347 (789). 21 декабря. С. 3.

Ответ германским ученым. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1915. 2 с.

Ответ на воззвание «к культурному миру» представителей германской науки и искусства (От конференции Императорской военно-медицинской академии) // Речь. 1915. № 28. 29 янв. (11 февр.). С. 5.

Ответ профессоров и преподавателей Университета св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям», опубликованное 93 германскими учеными и писателями по поводу настоящей войны. Киев: Тип. 2 Артели, 1915. 8 с.

Открытое акционерное общество «Научно-производственное предприятие “Краснознаменец”». Первое капсюльное предприятие России. 170 лет: создание, становление и деятельность / Ред.-сост. В. И. Вареница и др. СПб.: Компьютербург, 2013. 335 с.

Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1914–1916 гг. [Б. м.: Б. и.], 1915–1917.

Отчет о деятельности Общества сближения с Англией. 1-й год. 22 мая 1915 — 1 ноября 1916 г. М., 1917. 33 с.

Отчет о деятельности Отделения физики РФХО за 1914 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1915. Т. 47. Вып. 1. С. I–XXX.

Отчет о деятельности Отделения физики РФХО за 1915 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1916. Т. 48. Вып. 1. С. I–XXX.

Отчет о деятельности Отделения химии РФХО за 1913 // Журнал РФХО. Часть химическая. 1914. Т. 46. Вып. 1. С. I–XLV.

Отчет о деятельности Отделения химии РФХО за 1914 // Журнал РФХО. Часть химическая. 1915. Т. 47. Вып. 1. С. II–XLVIII.

Отчет о деятельности Российской Академии наук по Отделению физико-математических наук и Отделению исторических наук и филологии за 1914 год, составленный и. о. Непременного секретаря академиком А. А. Шахматовым и читанный в публичном заседании 29 декабря 1914 г. Пг.: Тип. ИАН, 1914. 460 с.

Отчет о деятельности Российской Академии наук по Отделению физико-математических наук и Отделению исторических наук и филологии за 1915 год, составленный Непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1915 г. Пг.: Тип. ИАН, 1915. 362 с.

Отчет о деятельности Российской Академии наук по Отделению физико-математических наук и Отделению исторических наук и филологии за 1916 год, составленный Непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1916 г. Пг.: Тип. ИАН, 1916. 447, 16 с.

Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям Физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1917 год, составленный непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1917 г. Пг.: Тип. РАН, 1917. 437 с.

Отчет о деятельности РАН по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1918 год, составленный непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1918 г. Пг.: Тип. РАН, 1919. 400 с.

Отчет о деятельности РАН по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1919 год, составленный непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1919 г. Пг.: Тип. РАН, 1920. 380 с.

Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петербургского университета за весеннее полугодие 1916 г. Пг.: Г. Шахт, 1916. 2, 235 с.

Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Российской Академии наук. Пг.: Тип. ИАН, 1915–1918. № 1–15.

Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Российской Академии наук. 1919: Материалы к проекту учреждения Российского гидрологического института. Пг.: Тип. РАН, 1919. 191 с.

Очерки по истории Московского университета / Ред. И. Д. Удальцов и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1940. 92 с. (Ученые записки Моск. ун-та. Вып. 50).

Очерки по истории С.-Петербургского общества естествоиспытателей. 125 лет со дня основания / Ред. Т. А. Гинецинская. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. 199 с. (Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 91. Вып. 1).

Павлов И. П. Полн. собр. соч.: Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 596 с.

Павлов И. П. Приветственное письмо председателя Организационного комитета I съезда физиологов им. И. М. Сеченова при открытии съезда 6 апреля 1917 г. // Павлов И. П. Избранные труды / Сост. Н. А. Григорян. М.: Медицина, 1999. С. 36–37.

Павлова С. В. Из воспоминаний // И. П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России. Т. 2. Павлов без ретуши. Мемуары С. В. Павловой, А. Ф. Павлова, М. К. Петровой / Сост. и коммент. А. Д. Ноздрачев, Е. Л. Поляков, Э. А. Космачевская, Л. И. Громова, К. Н. Зеленин. СПб.: Гуманистика, 2004. С. 15–344.

Павловский Е. Н. Военно-медицинская академия Красной армии им. С. М. Кирова за 140 лет (1798–1938). Краткий исторический очерк. Л.: Воен.-мед. акад. Красной Армии, 1940. 102 с.

Памятная книжка Императорской Академии наук на 1914 г. Выпущена 20 марта 1914 г. СПб.: Тип. ИАН, 1914. 245 с.

Пасецкий В. М. Метеорологический центр России. История становления и развития. Л.: Гидрометеоиздат, 1978. 262 с.

Пашкевич В. В. Культура лекарственных растений и душистых. Пг.: А. Ф. Девриен, 1915. XIV, 226 с.

Пашкевич В. В. Соображения об организации культуры лекарственных растений г. Петроградом. Пг.: Гор. тип., 1916. 60 с.

Первая мировая / Сост. С. Н. Семанов. М.: Молодая гвардия, 1989. 611 с.

Первая мировая война. Библиографический указатель / Сост. Е. А. Волкова; ред. Н. А. Егорова, А. Д. Зорина, Т. П. Митрофанова. М.: [Б. и.], 2016. 259 с.

Первая мировая война, Версальская система и современность: Сб. статей. Вып. 3 / Отв. ред. А. Ю. Павлов, А. В. Бодров, А. А. Малыгина. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. 396 с.

Первая мировая война: Указатель литературы. 1914–1993 гг. / Сост. В. Н. Бабенко, Т. М. Демина; отв. ред. В. А. Виноградов. М.: ИНИОН РАН, 1994. 112 с.

Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / Отв. ред. А. В. Репников. М.: РОССПЭН, 2014. 656 с.

Первая мировая война и проблемы российского общества. Материалы междунар. науч. конф. 20–21 ноября 2014 г. / Отв. ред. А. С. Скаридов. СПб.: Изд-во ГПА, 2014. 328 с.

Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Ред. Л. С. Белоусов, А. С. Маныкин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. 816 с.

Первая мировая война на страницах дореволюционных журналов из фонда ЛОУНБ: ретроспективный библиографический указатель статей 1914–1918 / Авт.-сост. Е. Г. Богданова; ред. Л. А. Васильева, Т. Н. Белова; отв. ред. Л. К. Блюдова. СПб.: [б. и.], 2014. 260 с.

Первая мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В. Л. Мальков. М.: Наука, 1998. 639 с.

Первая мировая война — пролог XX века: Материалы междунар. науч. конф. Москва, ИВИ РАН — МГУ им. М. В. Ломоносова — МГПУ, 8–10 сентября 2014 г. Ч. 1 / Отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2014. 383 с.

Первая мировая война. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М.: Весь мир, 2014. 480 с.

Первые женщины-инженеры. Л.: Лениздат, 1967. 230 с.

Первый в России исследовательский центр в области биологии и медицины: К 100-летию Института экспериментальной медицины. 1890–1990. Л.: Наука, 1990. 373 с.

Первый электротехнический. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2011. 484 с.

Перельман А. И. А. Е. Ферсман. 1883–1945. М.: Наука, 1983. 272 с.

Перельман Я. И. Занимательная астрономия. 8-е изд. М.: Гостехиздат, 1956. 212 с.

Периодическая печать Сибири в годы гражданской войны (конец мая 1918 — декабрь 1919 г.): Указатель газет и журналов / Сост. Е. Н. Косых, С. Ф. Фоминых. Томск: Томский гос. ун-т, 1991. 54 с.

Перчёнок Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР / Отв. ред. В. А. Куманёв. М.: Наука, 1995. С. 201–235.

Петров Д. К. А. А. Шахматов как университетский деятель (1908–1920 гг.) // Известия ОРЯС. 1920. Пг., 1922. Т. XXV. С. 141–150.

Петрова М. К. И. П. Павлов // И. П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России: В 3 т. СПб.: Гуманистика, 2004. Т. 2. С. 485–764.

Петровский Г. Т. История оптического стеклоделия в России // Наука и военная техника. СПб.: СПбНЦ РАН, 2001. С. 156–162.

Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы / Отв. ред. Д. А. Чугаев. Т. 2. М.: Наука, 1966. 565 с.

Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы / Отв. ред. Д. А. Чугаев. Т. 3. М.: Наука, 1967. 749 с.

Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания. Берлин: Speer & Schmid, 1934. 467 с. (Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 21. 1934).

Пилипчук О. Я. Киевское общество естествоиспытателей: 1869–1919: Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М.: ИИЕТ, 1992. 40 с.

Писарев Ю. А. Новые подходы к изучению истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 46–57.

Писаржевский О. Н. Прянишников (1865–1948). М.: Молодая гвардия, 1963. 239 с.

Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману. 1897–1944. М.: Наука, 1985. 272 с.

Письма Е. В. Тарле к В. Э. Грабарю (1918–1934) / Публ. Б. С. Кагановича // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 23. 1998. С. 263–294.

[Письмо в редакцию] // Новое время. 1914. № 13784. 28 июля (10 авг.). С. 5.

Погребинский А. П. Военно-промышленные комитеты // Исторические записки. Т. 11. М., 1941. С. 160–200.

Погодин А. Воспитание великих душ // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14420. 8 (21) окт. С. 2–3.

Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индрик, 2008. 552 с.

Поликарпов В.В. Военная промышленность начала XX века в историческом разрезе // Политическая концептология. 2014. № 2. С. 182–213.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXI. 1781–1783 гг. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1070 с.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XXXIX. Отд. Первое. 1864. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е.И. В. Канцелярии, 1867. 970 с.

Полянский Ю.И. С.-Петербургское общество естествоиспытателей (прошлое, настоящее, будущее) // Очерки по истории С.-Петербургского общества естествоиспытателей. С. 6–12.

Помощь раненым // Новое время. 1914. № 13782. 26 июля (8 авг.). С. 14.

Помощь раненым // Новое время. 1914. № 13787. 31 июля (13 авг.). С. 5.

Поспелов И. Из жизни высшей школы // Вестник воспитания. 1915. Т. 26. № 7. С. 98–123.

Постановления Комиссии по вопросу о реформе календаря в России. СПб.: Рус. астрон. о-во, 1900. С. 1–34; приложения: с. 1–54.

Посудин Ю.И. Биофизик С.С. Чахотин. Киев: Изд-во нац. аграрн. ун-та, 1995. 93 с.

Похитонов В.И. Современное состояние русской химической промышленности // Журнал РФХО. Часть химическая. 1914. Т. 46. Вып. 7. С. 201–209.

Предтеченский А.В., Кольцов А.В. Из истории Академии наук в период революции 1905–1907 годов // Вестник АН СССР. 1955. № 3. С. 82–89.

Приложение I. Академики и записка «Нужды просвещения» (Записка 342 ученых) / Публ. О.А. Кириковой // Актуальное прошлое. Взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. С. 737–768.

Программа конституционно-демократической партии. URL: http://www.yabloko.ru/Themes/History/kdprogr.html. (дата обращения: 24.09.2017).

Проект «Акмеизм» (Беседа с графом Валентином Платоновичем Зубовым. Париж, 1960 год) // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/akmeiz.html. (дата обращения: 22.09.2017).

Прокофьев В.И. Московское Высшее техническое училище. М.: Машгиз, 1955. 475 с.

Протест представителей русской науки против неправомерного ведения войны Германиею и Австро-Венгрией // Новое время. 1914. № 13900. 21 нояб. (4 дек.). С. 3.

Протест Университета // Вестник Европы. 1914. № 12. Раздел «Хроника. Вопросы внутренней жизни». С. 376–378.

Протокол 192-го заседания, происходившего 27 августа 1914 // Журнал РФХО. Часть химическая. 1914. Т. 46. Вып. 7. С. 1139.

Протокол 193-го заседания отделения химии Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 24 сентября 1914 // Журнал РФХО. Часть химическая. 1914. Т. 46. Вып. 7. С. 1571–1572.

Протокол заседания 330 (380-го) Отделения физики РФХО. 10 февраля 1915 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1915. Т. 47. Вып. 3. 156–160.

Протокол заседания 334 (384-го) Отделения физики РФХО. 15 сентября 1915 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1915. Т. 47. Вып. 8. С. 549–562.

Протокол 334-го (390-го) заседания Отделения физики РФХО. 8 марта 1916 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1916. Т. 48. Вып. 3. С. 133–134.

Протокол заседания 329 (379-го) Совета Отделения физики РФХО. 13 января 1915 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1915. Т. 47. Вып. 2. С. 124–126.

Протокол заседания Отделения химии РФХО 11 сентября 1914 // Журнал РФХО. Часть химическая. 1914. Т. 46. Вып. 7. С. 1129–1138.

Протокол заседания Совета Отделения физики РФХО. 9 сентября 1914 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1914. Т. 46. Вып. 7. С. 313–314.

Протокол заседания Совета Отделения физики РФХО. 14 октября 1914 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1914. Т. 46. Вып. 8. С. 365–369.

Протокол соединенного заседания Отделений физики и химии РФХО. 22 апреля 1915 // Журнал РФХО. Часть химическая. 1915. Т. 47. Вып. 3. С. 763–764.

Протокол экстренного заседания Отделения физики РФХО, посвященного вопросу «Об изготовлении физических приборов в России». 28 октября 1914 // Журнал РФХО. Физический отдел. 1914. Т. 46. Вып. 9. С. 394–402.

Протокол экстренного заседания Отделения химии РФХО. 2 апреля 1915 // Журнал РФХО. Часть химическая. 1915. Т. 47. Вып. 3. С. 752–755.

Протокол экстренного заседания Совета Императорского Казанского университета. Июля 28 дня 1914 года // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1915. Кн. 6–7. С. 283–288.

Протоколы заседаний Общего собрания Императорской Академии наук. 1914. С приложением алфавитного указателя. 167 с. (печатано как рукопись) (Сектор Библиотеки РАН при СПбФ ИИЕТ).

Протоколы заседаний Общего собрания Императорской Академии наук. 1915. С приложением перечня заседаний и алфавитного указателя. 210 с. (печатано как рукопись) (Сектор Библиотеки РАН при СПбФ ИИЕТ).

Протоколы заседаний Общего собрания Императорской Академии наук. 1916. С приложением перечня заседаний и алфавитного указателя. 222 с. (печатано как рукопись) (Сектор Библиотеки РАН при СПбФ ИИЕТ).

Протоколы заседаний Общего собрания Императорской Академии наук. 1917. С приложением перечня заседаний и алфавитного указателя. 216 с. (печатано как рукопись) (Сектор Библиотеки РАН при СПбФ ИИЕТ).

Протоколы заседаний Отделения физико-математических наук Императорской Академии наук за 1914 г. 317 с. (печатано как рукопись) (Сектор Библиотеки РАН при СПбФ ИИЕТ).

Протоколы заседаний Отделения физико-математических наук Императорской Академии наук за 1915 г. 280 с. (печатано как рукопись) (Сектор Библиотеки РАН при СПбФ ИИЕТ).

Протоколы заседаний Отделения физико-математических наук Императорской Академии наук за 1916 г. (печатано как рукопись) (Сектор Библиотеки РАН при СПбФ ИИЕТ).

Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914. № 70. Пг.: Тип. Б. М. Вольфа, 1916. 135 с.

Протоколы заседаний съезда представителей русских ботанических учреждений, созванного при Императорской Академии наук 20–21 декабря 1915 г. // Журнал Русского ботанического общества при Императорской Академии наук. 1916. Т. 1. № 1–2. С. (7)–(11).

Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии, 1798–1998. СПб.: Наука, 1998. 316 с.

Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ВМА, 2008. 616 с.

Прямицын В. Н. Гидрометеорологическое обеспечение отечественных вооруженных сил в годы Первой мировой войны // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. Вып. 3 / Отв. ред. А. Ю. Павлов, А. В. Бодров, А. А. Малыгина. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. С. 270–280.

Прямицын В. Н. Метеорологическое обеспечение первого соединения тяжелых бомбардировщиков России. URL: http://cpvrb.ru/istoria/meteorologicheskoe_obespechenie_pervogo_soedineniya_tyazhyolyh_bombardirovwikov_rossii/ (дата обращения: 09.10.2017).

Прянишников Д. Н. Химия растений. Вып. 2. М.: Типо-литогр. В. Рихтер, 1914. 4, 161 с.

Прянишников Д. Н. Аммиак как альфа и омега обмена азотистых веществ в растении. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев, 1916. 24 с.

Прянишников Д. Н. Недосевы, минеральные удобрения и военные нужды. М.: Тип. О. Л. Сомовой, 1916. 2, 30 с.

Прянишников Д. Н. Люпин, фосфорит и зола в безнавозном хозяйстве. М.: ПСХА, 1919. 18 с.

Прянишников Д. Н. Непризнанный Стассфурт. Зола как удобрение. М.: Тип. Н. Л. Сазоновой, 1919. 14 с.

Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Ред. А. В. Брушлинский. М.: Ин-т психологии РАН, 1997. 576 с.

Райков Б. Е. На жизненном пути. Автобиографические очерки. Кн. 1. СПб.: Коло, 2011. 848 с.

Ревуцкая Е. Д. Русские месторождения исландского шпата. Пг.: КЕПС, 1917. 2, 17 с.

Регель Р. Э. К вопросу об упорядоченности сбора грибов // Труды по прикладной ботанике. 1917. Т. X. № 2. С. 248–250.

Резанов А. С. Немецкие зверства. Книга, составленная по словам потерпевших и очевидцев, а также по официальным документам. Пг.; М.: А. Суворин, 1914. XXIV, 220 с.

Резанов А. С. «Немецкая армия... может конкурировать с воинами каннибалов» / Коммент. А. В. Пронина // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 21–31.

Резник С. Е. Эта короткая жизнь. Николай Вавилов и его время. М.: Захаров, 2017. 1055 с.

Рейснер М. А. Война и демократия. Пг.: Изд-во И. Р. Белопольского, 1917. 32 с.

Ректоры Московского университета. Биографический словарь / Сост. В. В. Ремарчук. М.: МАЛП, 1996. С. 147–151.

Репрессированные геологи (Биографические данные) / Отв. ред. С. А. Руденко; сост. Л. П. Беляков, Е. М. Заболоцкий, Л. В. Никольская, Ф. Ф. Перчёнок. СПб.: [Б. и.], 1992. 152 с.

Ретунская С. В. «Почвоведение» // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 390.

Речь ректора [Казанского университета на собрании студентов 19 октября] // Казанский телеграф. 1914. № 6416. 21 окт. (3 нояб.). Раздел «В университете». С. 4.

Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 430 с.

Рожнов Н. А. Нужны ли нам проливы? М.: Грядущее, 1917. 16 с.

Розанов В. В. Война 1914 г. и русское возрождение. СПб.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1914. 4, 234 с.

Романов А. Ф. Император Николай II и его правительство: (По данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. Кн. 2. Париж: Русский очаг, 1922. С. 1–38.

Романова Е. В., Фомин А. М. Международная конференция «Первая мировая война — пролог XX века». URL: http://oaji.net/articles/2016/2690–1459038917.pdf. (дата обращения: 28.10.2016).

Романова Т. Н. Сестры милосердия // Держава. 1997. № 2. С. 28–31.

Романовский С. И. Александр Петрович Карпинский: 1849–1936. Л.: Наука, 1981. 484 с.

Романовский С. И. Леонид Иванович Лутугин (1864–1915). СПб.: Наука, 1997. 189 с.

Романовский С. И. Российская Академия наук в годы Гражданской войны // Часовой. 1997. № 5. С. 113–127.

Росина Н. Я. Михаил Александрович Мензбир. Л.: Наука, 1985. 221 с.

Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 1: 1724–1917. М.: Наука, 2009. 561 с.

Российская психология: Антология / Авт.-сост. А. Н. Ждан. М.: Альма Матер, 2009. 1276 с.

Россия в Первой мировой войне: Указатель литературы 1992–2011 гг. (Препринт) / Отв. ред. О. В. Большакова, сост. А. И. Слива. М.: ИНИОН РАН, 2013. 98 с.

Россия. Главное управление землеустройства и земледелия. Итоги работы за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб.: Тип. «Сельский вестник», 1914. 44 с.

Россия и Первая мировая война / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 563 с.

Россиянов К. О. Опасные связи. И. И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // ВИЕТ. 2006. № 1. С. 8–11.

Россиянов К. О. Метафора войны и проблема целостности в трудах И. И. Мечникова // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 310–325.

Россолимо Г. И. О крепких нервах и победе // Русские ведомости. 1915. № 111. 16 мая. С. 5.

Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом: Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. Вып. 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. М.: Красанд, 2009. С. 308–324.

Ростовцев Е.А. Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // Уроки истории — уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская; отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 308–314.

Ростовцев Е.А. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Санкт-Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 473–507.

Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917). Дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. 426 с.

Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.

Ростовцев Е.А., Андреева В.В. Кризис 1911 г. в Петербургском университете в зеркале российской прессы // Клио. 2013. № 10. С. 77–88.

Ростовцев Е.А., Андреева В.В. Петербургский университет 1905 г. в зеркале периодической печати // Клио. 2014. № 10. С. 3–14.

Ростовцев Е.А., Андреева В.В. Кривое зеркало: университетская жизнь сентября–октября 1905 г. // Клио. 2015. № 7. С. 71–88.

Ростовцев Е.А., Андреева В.В., Сидорчук И.В. От Санкт-Петербургского университета к Петроградскому: столичная университетская корпорация в фокусе прессы (июль–сентябрь 1914 г.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6. Ч. 2. С. 97–106.

Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Академический патриотизм: пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы в годы Первой мировой войны // ВИЕТ. 2014. № 3. С. 3–21.

Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. К вопросу об образовании медицинского факультета Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. № 5. С. 57–60.

Ростовцев М.И. Международное научное общение // Русская мысль. 1916. Т. 34. Март. С. 74–81.

Рудая С.П. Работы Н.Ф. Кащенко по выращиванию лекарственных растений // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 113–114.

Руднева С.Е. Предпарламент: октябрь 1917 г.: опыт исторической реконструкции. М.: Наука, 2006. 279 с.

Рудой Я. Государственный капитализм в России во время империалистической войны. Л.: Прибой, 1925. 95 с.

Русско-немецкие связи в биологии и медицине. Вып. 1–4 / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб., 2000–2003.

Рыкачёв М.А. Памяти князя Б. Б. Приложение I к протоколу V заседания ОС ИАН 9 мая 1916 г. (к § 100) // Протоколы ОС ИАН. 1916. С. 87–88.

Рытов М.В. Огородничество в защищенном грунте. Пг.: П. П. Сойкин, 1914. 300 с.

Рытов М.В. Русское огородничество. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1914. 292 с.

Рытов М.В. Русские яблоки: Описание 80 наиболее распространенных сортов в их типах и уклонениях. Горки: Изд. автора, 1914. 2, 236, IV, 68 с.

Рытов М.В. Томат в северной полосе огородничества. Пг.: П. П. Сойкин, 1916. 36 с.

Рытов М.В. Русские лекарственные растения. В 2 т. Пг.: П. П. Сойкин, 1916. Т. I. Дикорастущие и возделываемые лекарственные растения. 223 с.; Т. 2. Препараты. 160 с.

Савина Г.А. Чистые линии (В. И. Вернадский о Н. И. Вавилове) // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР / Отв. ред. В. А. Куманёв. М.: Наука, 1995. С. 7–45.

Савчук В.С. Естественнонаучные общества юга Российской империи; вторая половина XIX — начало XX в. Дніпропетровск: Вид-во ДДУ, 1994. 231 с.

Савчук В.С. Научные общества и культурная революция на Украине (1917–1931) // ВИЕТ. 1995. № 1. С. 81–91.

Саксонов С.В., Сенатор С.А. Русское ботаническое общество. Истоки (1915–1921). Тольятти: Кассандра, 2016. 100 с.

Самойлов В.О. Эволюция политических взглядов И. П. Павлова в годы советской власти // И. П. Павлов. Pro et contra. С. 649–685.

Самойлов Я.В. Минералогия жильных месторождений Нагольного кряжа (Донецкий бассейн) // Материалы для геологии России. 1906. Т. 23. Вып. 1. С. 1–260.

Самойлов Я.В. Результаты работ по геологическому исследованию фосфоритов 1913 г. // Отчет по геологическому исследованию фосфорных залежей. Т. 6. М.: Типо-лит. В. Ф. Рихтер, 1914. С. 1–29.

Самойлов Я.В. Месторождения серного колчедана в России. Пг.: КЕПС, 1916. 2, 96 с.

Самойлов Я.В. Биолиты. Посмертный сборник статей. М.: Научхимтехиздат, 1929. 140 с.

Самойлов Я.В., Архангельский А.Д. Очерк фосфоритных месторождений России. Пг.: КЕПС, 1920. 43 с.

Самокиш А.В. Естественно-исторический факультет Университета при Психоневрологическом институте В. М. Бехтерева в годы Первой мировой войны. От научного энтузиазма к политической активности // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция 2016. М.: Ленанд, 2016. С. 761–764.

Самокиш А.В. Новые документы о деятельности П. В. Отоцкого в Докучаевском почвенном комитете // ИБИ. 2016. Т. 8. Т. 4. С. 112–117.

Самохина Г.А. «Империалистическая» или «вторая отечественная»? Отечественные историки о характере Первой мировой войны для России // Вестник Тамбовск. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (131). С. 145–150.

Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг. Сб. документов / Сост. Е. С. Назин, Е. Д. Ефимова, З. М. Новикова. Куйбышев: Куйб. воен.-мед. акад. Кр. армии, 1942. 464 с.

Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия. Страницы истории. СПб.: Хромис, 2003. 814 с.

Санкт-Петербургский государственный технический университет. СПб.: СПбГТУ, 1998. 47 с.

Санкт-Петербургский университет. Биографика. URL: http://bioslovhist.history.spbu.ru/ (дата обращения: 05.07.2017).

Санкт-Петербургский государственный университет. 275 лет. Летопись 1724–1999 / Ред. Л. А. Вербицкая. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 422 с.

Санкт-Петербургский технологический институт Императора Николая I в годы Первой Мировой войны. URL: http://museum-spbti.wixsite.com/museum/pervaya-mirovaya (дата обращения: 20.05.2017).

Сапоговская Л. В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. (к характеристике процессов монополизации). 2-е изд. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. 192 с.

Сапожников В. В. Растительность Турецкой Армении. Исследование 1916 г. Томск; Пересел. упр-ние МЗ, 1916. 2, IV, 72 с.

Сацыперов Ф. А. Краткие сведения о современном положении сбора, культуры и переработки лекарственных растений в России. Пг.: Тип. бр. В. и И. Линник, 1916. 19 с.

Сацыперов Ф. А. Лекарственные растения в России. Материалы для изучения естественных производительных сил России. Пг.: Тип. РАН, 1918. 2, 116 с.

Сбор в пользу раненых // Голос Руси. 1914. № 217. 13 (26) авг. С. 4.

Свионтецкий И. О. Х-образные раны ладони как признак членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1915. Т. CCXLII. Март. С. 450–454.

Свирловский Э. Годовой отчет о деятельности Петроградского фармацевтического общества // Фармацевтический журнал. 1917. № 9–11. С. 96–98.

Сводные данные о деятельности военно-промышленных комитетов. Пг.: Новая Россия, 1917. 49 с.

Селезнева Е. С. Первые женщины геофизики и метеорологи. Л.: Гидрометеоиздат, 1989. 182 с.

Селешников С. И. История календаря и хронология. М.: Наука, 1977. 222 с.

Селиванов В. И., Селиванов Е. Ф. Некоторые военно-медицинские аспекты Первой мировой войны (1914–1918) // Вестник истории военной медицины. 1998. Вып. 2. С. 53–61.

Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.) / Сост. Г. К. Гинс, П. А. Шафранов. Пг.: Канцелярия Главноуправляющего землеустройством и земледелием, 1914. 474 с.

Семёнов А. А. Ковалевский Владимир Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 237.

Семенов-Тян-Шанский А. П. К вопросу о заповедниках нашей природы // Новое время. 1914. № 13686. 20 апр. (3 мая). С. 5.

Сенявская Е.С. «Образ врага» в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 140–156.

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М.: [Б. и.], 1996. 141 с.

Сергей Иванович Вавилов. Дневники. 1909–1951. В 2 кн. / Научное наследие. Т. 35. / Отв. ред. В.М. Орёл, сост. В.В. Вавилова, ред.-сост. Ю.И. Кривоносов. Кн. 1. М.: Наука, 2016. 689 с.

Сестры милосердия // Свет. 1914. № 190. 23 июля (5 авг.). С. 2.

Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 654 с.

Сидорова И.Б. Земство и музеи: Казанский опыт взаимосвязи и взаимодействия // Филология и культура. 2008. № 14. С. 11–17.

Сикорский И.А. Современная всесветная война 1914 года. Причины войны и устранение их. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1914. 28 с.

Силантьев А.А. Охрана зверей и птиц, полезных в сельском хозяйстве. Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1915. 79 с.

Силантьев А.А. Как организовать в России охрану полезных для сельского хозяйства животных. Пг.: [Б. и.], 1916. 21 с.

Синельникова Е.Ф. Власть и научные общества Петрограда–Ленинграда в 1920-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбИИ РАН, 2013. 26 с.

Синельникова Е.Ф. Русское палеонтологическое общество и власть в 1916–1920-е гг. // ИБИ. 2017. Т. 9. № 1. С. 7–28.

Синельникова Е.Ф. Власть и научные общества Ленинграда на рубеже 1920–1930-х годов // Вихревая динамика развития науки и техники. Т. 1. С. 345–368.

Сироткина И.Е. Психопатология и политика: становление идей и практики психогигиены в России // ВИЕТ. 2000. № 1. С. 154–177.

Сироткина И.Е. Российские психиатры на Первой мировой войне // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 326–344.

Систематический обзор представителей животного царства, имеющих хозяйственное значение (за исключением культурных животных). Пг.: 1-я Гос. тип., 1919. 102 с. (Естественные производительные силы России. Т. VI. Животный мир. 1. Позвоночные. Отдел III).

Скифский роман / Ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: РОССПЭН, 1997. 624 с.

Слабинский В.Ю. Психотерапия реактивных расстройств в Петрограде в 1900–1926 гг. // Ученые записки университета им. Лесгафта. 2016. № 8 (138). С. 273–278.

Слепкова Н.В. Развитие Зоологического музея Академии наук как центра исследований по систематике (1883–1932 гг.). Дис. ... канд. биол. наук. М.: ИИЕТ РАН, 2006. 335 с.

Слепкова Н.В. Зоологический музей Академии наук в Петрограде в Первую мировую войну и в революцию (1914–1923) // Наука и техника. Вопросы истории и теории. Материалы XXXII Международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения российского национального комитета по истории и филосо-

фии науки и техники РАН (28 ноября — 2 декабря 2011 г.) / Ред.-сост. Б. И. Иванов; отв. ред. Э. И. Колчинский. Вып. XXVII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2011. С. 134–136.

Слепкова Н. В. Зоологическая коллекция Академии наук в войнах и катаклизмах XX века // Наука и техника. Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 116–117.

Смелов В. А., Панов Р. А. Петроградский политехнический институт в годы Первой мировой войны // Санкт-Петербургский государственный политехнический университет в истории России XX — начала XXI в.: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (30 окт. 2012 г., СПбГПУ). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 262–270.

Смирнов В. Г. Сотрудничество Академии наук и Морского Министерства в области метеорологии во второй половине XIX века // Комиссии Академии наук в XVIII–XIX веках / Отв. ред. Ю. М. Батурин; ред.-сост. Г. И. Смагина, Э. А. Тропп. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 601–635.

Смирнов В. Г. Академик М. А. Рыкачёв и развитие геофизики в России. СПб.: Нестор-История, 2014. 608 с.

Смирнов В. Г. Метеорология на защите Отечества в годы Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 30–35.

Смирнов В. Г. К истории геофизики в России: деятельность Магнитной комиссии Академии наук (1908–1922) // Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII — первой половине XIX в. / Отв. ред. Ю. М. Батурин; ред.-сост. Г. И. Смагина. СПб.: Росток, 2016. С. 278–323.

Смирнов Д. А. Метеорологические основы газовой борьбы (обзор внешних атмосферных и топографических условий в деле газовой борьбы). Пг.: Газовый отдел Петрогр. Воен.-тех. помощи объед. науч. и тех. организаций, 1917. 64 с.

Смирнов Н. Н. Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война. 1999. С. 257–270.

Смолярчук В. И. Анатолий Федорович Кони (1844–1927). М.: Наука, 1982. 222 с.

Смыков Ю. И. Григорий Федорович Дормидонтов // Ректоры Казанского университета: Очерки жизни и деятельности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 205–211.

Соболев В. С. Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук (1889–1915). СПб.: Искусство-СПб., 1993. 180 с.

Соболев В. С. Для будущего России. СПб.: Наука, 1999. 192 с.

Соболев В. С. Нести священное бремя прошедшего: Российская академия наук. Национальное и культурное наследие. 1880–1930 гг. СПб.: Нестор-История, 2012. 378 с.

Соболев В. С. Ученый и революция (неизвестная статья академика М. И. Ростовцева 1917 г.) // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 1. С. 9–15.

Соболиный промысел на Северо-Восточном побережье Байкала. Материалы Баргузинской экспедиции Г. Г. Доппельмаира. Верхнеудинск; Л.: Госплан БМ АССР, 1926. 4, 272 с.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый. Пг., 1917.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Пг., 1918.

Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб.: Наука, 2001. 368 с.

Соловьёв Д. К. Типы организаций, способствующих охране природы. Пг.: 9-я Гос. тип., 1918 г. 45 с.

Соловьёв Д. К. Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем. Отчет Саянской экспедиции 1914–1915. Пг.: Госиздат, 1921. 458 с.

Соловьёв Ю. И. Николай Семенович Курнаков. 1860–1941. М.: Наука, 1986. 272 с.

Соловьёв Ю. И. Невозвращенец. Трагическая судьба академика А. Е. Чичибабина // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 3. С. 516–523.

Сомов М. П. Рыбоводство. Пг.: 1-я Гос. тип. 1922. 71 с. (Естественные производительные силы России. Т. VI. Животный мир. Отдел III. Использование культурных животных).

Сорокин П. А. Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар: Шылас, 1991. 304 с.

Сорокина М. Ю. «В Каноссу», или Как Сергей Чахотин вернулся на Родину // Природа. 2007. № 3. С. 69–77.

Сорокина О. Первая мировая война и Россия. URL: http://his.1september.ru/article.php? ID=200201506 (дата обращения: 03.05.2017).

Спиридонова В. А. Образы войны: Первая мировая в поэзии Серебряного века // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 306–313.

Список членов Совета Военно-химического комитета (Петроград) // Труды Военно-химического комитета. 1918. Вып. 4. С. 68–69.

Список членов Съезда представителей русских ботанических учреждений 20–21 декабря 1915 в Петрограде // Журнал Русского ботанического общества при Императорской Академии наук. 1916. Т. 1. № 1–2. С. (12)–(13).

СССР в цифрах в 1979 г. Краткий статистический сборник. М.: Статистика, 1980. 224 с.

Старовойтова Л. И. Из истории становления профессиональной подготовки деятелей общественной и частной благотворительности в России (к. XIX — н. XX в.) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. Вып. 10. С. 77–81.

Старостин Д. Н. Трапезундская экспедиция 1916–1917 гг. // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 283–291.

Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания / Сост. Е. П. Ожигова. СПб.: Наука, 1991. 374 с.

Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1–7. М.; Л.: Госиздат, 1924–1927.

Степанов С. Черная сотня. 2-е изд. М.: Эксмо; Яуза, 2005. 544 с.

100 лет ЛЭТИ. История Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина): Сб. статей. Л.: Лениздат, 1985. 214 с.

150 лет Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени технологического института им. Ленсовета. Л.: Химия, 1978. 280 с.

Страницы автобиографии В. И. Вернадского / Сост. Н. В. Филиппова. М.: Наука, 1981. 350 с.

Строгонов Б. П. Андрей Сергеевич Фаминцын. 1835–1918. М.: Наука, 1996. 176 с.

Страдынь Я. П., Соловьёв Ю. И. Павел Иванович (Пауль) Вальден (1863–1957). М.: Наука, 1988. 287 с.

Струве П. Б. Суд истории // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14352. 4 (17) сент. С. 1.

Струве П. Б. Славянское призвание России и Запад // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14374. 15 (28) сент. С. 1.

Струве П. Б. Состояние умов в Германии // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14396. 26 сент. (9 окт.). С. 3.

Струве П. Б. Национальное начало в либерализме // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. № 14540. 7 (20) дек. С. 2.

Струве П. Б. Нравственный смысл войны // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. № 14684. 21 февр. (6 марта). С. 3.

Струве П. Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего времени в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж: YMCA press, 1952. XV, 386 с.

Струмилин С. Г. Из пережитого. 1897–1917 гг. М.: Госполитиздат, 1957. 288 с.

Судариков А. М. Развитие производства тротила на заводах Санкт-Петербурга накануне и в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 46–53.

Судариков А. М., Басангова К. М. Первая мировая война и ведущие ученые Полярной комиссии Российской академии наук // Общество. Среда. Религия. 2015. № 1. С. 22–28.

Судьба проекта «Русская наука» / Отв. ред. Ю. М. Батурин; ред.-сост. Г. И. Смагина, В. М. Орёл. М.; СПб.: Перо, 2016. 846 с.

Сукачёв В. Н. Об охране природы Жигулей // Записки Симбирского областного естественно-исторического музея. 1914. № 2. С. 33–41.

Сукачёв В. Н. М. Ф. Короткий // Вестник русской флоры. 1917. Т. 3. Вып. 2/3. С. 185–199.

Сулима-Самойло А. Ф. Съедобная ботва огородных растений северной полосы России. Пг.: Научтехиздат, 1918. 32 с.

Султанбеков Б. Ф. Эволюция политических взглядов профессоров и преподавателей высших учебных заведений Поволжья (1905 — февр. 1917 г.) // Ученые записки Казан. пед. ин-та. 1977. Вып. 173. С. 3–26.

Сумцов Н. Ф., проф. О германском национальном научном высокомерии // Южный край. 1914. № 12424. 7 дек. С. 8.

Супотницкий М. В. От «шлема Гипо» — к защите Зелинского. Как совершенствовались противогазы в годы Первой мировой войны // Офицеры. 2011. № 1. С. 50–55.

Сущинский П.П. Очерки месторождения вольфрамовых и оловянных руд в России. Пг.: КЕПС, 1916. 2, 45 с.

Счастливая возможность // Фармацевтический журнал. 1915. № 15. С. 147–148.

Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2000. 830 с.

Талиев В.И. Охраняйте природу. Харьков: Харьк. о-во любителей природы, 1914. 21 с.

Талиев В.И. Охрана природы // Природа. 1917. № 11–12. С. 1161.

Тамул С. Тарту и его университеты (1905–1918 годы) // Университет и город в России (начало XX века). С. 584–702.

Танасийчук Н.П. К 30-летию Мурманской биологической станции // Научное слово. 1930. С. 86–93.

Тарасевич Л.А. Медицинская микробиология. Руководство для врачей и студентов: В 3 т. Пг.; Киев: Сотрудник, 1912–1915.

Тарасевич Л.А. Заразные болезни. Сыпной и возвратный тифы, дезинсекция, оспа, желудочно-кишечные инфекции, прививки, раневые инфекции. Изд. 2-е, доп. М.: Природа, 1916. 94 с.

[Телеграмма от профессоров Новороссийского университета] // Новое время. 1905. № 10401. 18 февр. (3 марта). Раздел «С.-Петербург, 17 февраля». С. 2.

Тимирязев К.А. Наука и демократия. Сборник статей. 1904–1919 гг. М.: Госиздат, 1920. 478 с.

Тимошенко С.П. Воспоминания. URL: http://detectivebooks.ru/book/44610085/?page= (дата обращения: 02.07.2017).

Тимошенко С.П. Инженерное образование в России. Люберцы: ПИК ВИНИТИ, 1996. 84 с.

Тихвинский М.М. Ароматизация нефти // Вестник прикладной химии и химической технологии. 1916. Т. 1. № 5. С. 300–305.

Ткаченко С.С. Генрих Иванович Турнер. Л.: ВМА, 1976. 40 с.

Тодес Д. Павлов и большевики // И.П. Павлов. Pro et contra. С. 686–735.

Тосты мира (С.-Петербург, 8 июля) // Свет. 1914. № 176. 9 июля. С. 1.

Тропп Э.А., Френкель В.Я., Чернин А.Д. Александр Александрович Фридман (математик и геофизик. 1888–1925): Жизнь и деятельность. Л.: Наука, 1988. 392 с.

Трофимова Е.В. Создание и деятельность Химического комитета при Главном артиллерийском управлении в годы Первой мировой войны. М.: Компания Спутник, 2002. 233 с.

Трубецкой Евгений, князь. Смысл войны // Русские ведомости. 1914. № 181. 8 авг. С. 2–3.

Трубецкой Е. Что с ними сделалось? // Русские ведомости. 1914. № 277. 2 (15) дек. С. 3.

Трубецкой Е.Н. Смысл войны. Вып. 1. М.: Путь, 1914. 46 с.

Трубецкой Е.Н. Отечественная война и ее духовный смысл. М.: Тип. Т-во И.Д. Сытина, 1915. 32 с.

Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России. М.: Тип. Т-во И.Д. Сытина, 1915. 23 с.

Труды [Первого] съезда представителей Военно-промышленного комитета. Пг.: Тип. П. П. Гершунина, 1915. 288 с.

Труды Второго съезда представителей Военно-промышленного комитета. Вып. 2. Пг., 1916. С. 280–663.

Труды Императорского Петроградского общества естествоиспытателей: Протоколы заседаний. 1915–1916. Т. XLVI–XLVII.

Труды Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей: Протоколы заседаний. 1914. Т. XLV. № 1–6.

Труды Комиссии по промышленности в связи с войной (Приложение к «Запискам ИРТО»). Пг., 1915. Вып. 11. 8 с.

Труды Особого совещания, созванного по повелению его императорского высочества принца А. П. Ольденбургского по вопросу о культуре и сборе лекарственных растений и организации их использования и сбыта. 22–26 февраля 1916 г. Стенографический отчет, журналы Совещания и материалы / Сост. под ред. А. И. Шахназарова Б. А. Андреев, А. Д. Будогосский, Ф. А. Сацыперов. Пг.: Тип. А. Бенке, 1917. VIII, 334, [2] с.

Труды Петроградского общества естествоиспытателей: Протоколы заседаний. 1917–1918. Т. XLVIII–XLIX.

Труды Совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России, происходящего при Главном управлении землеустройства и земледелия с 14 по 20 ноября 1908 г. СПб.: ГУЗиЗ; Деп. земледелия, 1909. XV, 407 с.

Трунин М. А., Елизаров В. А. В. А. Оппель. М.: Медицина, 1973. 55 с.

Туманова А. С. Пироговские съезды врачей о «недугах» социального развития России в начале XX века // Наука, техника и общество во время Первой мировой войны: Медицина. С. 339–337.

Туманова А. С. Рецепция европейского права в формировании законодательных основ функционирования общественных организаций в Российской империи // Гражданское право в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 32–36.

Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2014. 327 с.

Тункина И. В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний / Сост. В. М. Орёл, Г. И. Смагина. СПб.: Наука, 2003. С. 637–659.

Тункина И. В. На переломе: Академия наук в 1917 г. // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2017. М.: Культура–Наука–Книга, 2018. С. 43–60.

Турнер Г. И. Руководство к перевязке ран. СПб.: М. П. Фроловой, 1914. XII, 200 с.

Тутышкин П. П. Духовная оборона личности и Родины. М.: Тип. В. И. Воронова, 1916. 31 с.

Тучкова С. Так всё начиналось... // Рос. недра. 2008. № 17–18 (75–76). 24 окт. С. 4–5.

«Тюремная автобиография» Николая Александровича Максимова / Публ., предисл. и коммент. О. В. Максимовой // ИБИ. 2017. Т. 9. № 1. С. 68–104.

Убийство 3-х министров, тайного советника Боголепова, егермейстера Сипягина, статс-секретаря фон Плеве. СПб.: И. Балашов, 1906. 48 с.

Ульянкина Т. И. «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М.: РОССПЭН, 2010. 639 с

Ульянкина Т. И. Михаил Михайлович Новиков. М.: Наука, 2015. 567 с.

Университет и город в России (начало XX века) / Ред. Т. Маурер, А. Дмитриев. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 784 с.

Уолкер М. Наука в Веймарской Германии // Науковедение. 2000. № 2. С. 143–157.

Урусова В. Мои воспоминания о войне Великой и войне гражданской // Наше наследие. 1996. № 38. С. 54–73.

Успенский Ф.И. Основание Русского Археологического института в Константинополе // Басаргина Е.Ю. Русский Археологический институт в Константинополе. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 191–192.

Устав Русского Ботанического общества // Журнал Русского Ботанического общества при Императорской Академии наук. 1916. Т. 1. № 1–2. С. (1)–(6).

Устав С.-Петербургского общества естествоиспытателей // Очерки по истории С.-Петербургского общества естествоиспытателей. С. 46–59.

Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1974. 208 с.

Устрялов Н.В. К вопросу о русском милитаризме // Проблемы Великой России. 1916. 15 (28) октября. № 15. С. 1–5.

Уфлянд Ю.М. Очерк развития физиологической науки в СССР. По материалам съездов Всесоюзного физиологического общества им. И.П. Павлова. Л.: Наука, 1978. 195 с.

Фандо Р.А. Университет им. А.Л. Шанявского на фоне смены эпох / Под общ. ред. Е.Б. Музруковой. М.: Акварель, 2018. 324 с.

Фармацевтическое отделение Психо-неврологического института // Жизнь фармацевта. 1915. № 6. С. 12.

Фассман Е.В. Последний директор Императорского Санкт-Петербургского Ботанического сада А.А. Фишер фон Вальдгейм // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. / Отв. ред. Т.А. Шрадер. Вып. 8. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 195–200.

Фассман Е.В. Последний директор Императорского Санкт-Петербургского Ботанического сада А.А. Фишер фон Вальдгейм. URL: http://kunstkamera.ru/files/lib/978–5–88431–248–7/978–5–88431–248–7_20.pdf. (дата обращения: 05.09.2017).

Фёдоров Л.А. Химическое оружие в России. История, экология, политика. М.: Центр экологической политики России, 1994. 220 с.

Федотова А.А. Российские ботанико-географы в годы «второй отечественной» // Наука, техника, общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 364–390.

Федотова А.А. Лесное общество в Санкт-Петербурге // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 276.

Федотова А.А. Монтеверде Николай Августинович // Биология в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь. С. 315.

Федотова А.А., Гончаров Н.П. Роберт Регель: Отдел прикладной ботаники, 1917–1918 гг. // ИБИ. 2015. Т. 7. № 4. С. 90–123.

Федулов С.В., Лосик А.В. Военно-техническое сотрудничество Российской империи и Великобритании в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 281–286.

Федченко Б.А. Изучение лекарственных растений Южного Туркестана. Пг.: Типо-лит. А.Э. Винеке, 1917. 10 с.

Федюкин С.А. Советская власть и специалисты. М.: Мысль, 1965. 253 с.

Фельдман М.А. Военно-технический уровень армии России в годы Первой мировой войны в трудах В.В. Поликарпова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 4. С. 41–47.

Ферсман А.Е. Справочное бюро по горной промышленности и по геологии // Природа. 1915. № 11. Стб 1440.

Ферсман А.Е. Русские месторождения сукновальных глин и близких к ним веществ (с аналитическими данными Ф.А. Николаевского). Пг.: КЕПС, 1915. С. 2, 25.

Ферсман А.Е. О необходимости обследования естественных производительных сил пограничных с Россией областей Малой Азии и Персии (Доклад Общему Собранию Комиссии. 11 февраля 1917 г.) Пг.: КЕПС, 1917. 24 с.

Филиппов Н.Г. Научно-технические общества в СССР. 1917–1941: Учебное пособие. М.: [Б. и.], 1977. 83 с.

Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). СПб.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 207 с.

Флаксбергер К.А. Пшеницы России. Пг.: КЕПС, 1917. 2, 62 с.

Фокин С.И. Неизвестный Константин Михайлович Дерюгин // ИБИ. 2010. Т. 2. № 2. С. 43–66.

Фомичев А.В., Фомичева Л.С. Особые совещания и военно-промышленные комитеты в системе органов военно-экономического регулирования в годы Первой мировой войны // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 244–255.

Фомичев А.В., Фомичева Л.С. Чрезвычайные органы военно-экономической мобилизации в годы Первой мировой войны // Россия в глобальном мире. Альманах. 2015. № 6 (29). С. 93–107.

Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. Кн. 12. [Раздел 2]. С. 125–132.

Френкель В.Я. Пятьдесят лет Физико-техническому институту им. А.Ф. Иоффе АН СССР // Успехи физических наук. 1968. Т. 96. Вып. 3. С. 529–568.

Френкель В.Я. Александр Александрович Фридман // Успехи физических наук. 1988. Т. 155. Вып. 3. С. 481–516.

Фридман А.А. Конспект лекций по аэронавигации. Киев: [Б. и.], 1916. 43 с.

Хайлова Н.Б. Посников Александр Сергеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. С. 485–486.

Хайлова Н.Б. «Борец, чуждый ненависти и презрения»: штрихи к портрету А.М. Рыкачёва. URL: http://rusliberal.ru/books/RIKACHEV_A_M_statya_N_B_Hajlovoj_v_VOPROSAH_ISTORII.pdf. (дата обращения: 23.01.2017).

Хайрулин К.Ш., Махоткина Е.Л. Создание главного военно-метеорологического управления при Главной физической обсерватории. Первая мировая война // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 193–196.

Хартанович М.Ф. Археографическая комиссия в начале XX в. // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках / Отв. ред. Ю.М. Батурин; ред.-сост. Г.И. Смагина, Э.А. Тропп. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 309–322.

Хауз Д. Гринвичское время и открытие долготы / Пер. с англ. М.: Мир, 1982. 240 с.

Хлопин В.Г. Литий и его соединения, их техническое применение и нахождение в русских минералах. Пг.: Тип. ИАН, 1916. 2, 38 с.

Хлопин В.Г. Бор и его соединения, их свойства, техническое применение и нахождение в пределах России и прилегающих к ней областях. Пг.: 2-я Гос. тип., 1919. 2, 86 с.

Ходатайство Московского Военно-промышленного комитета перед Особым совещанием по обороне об ассигновании средств на конструкторское бюро. URL: http://istmat.info/node/26437. (дата обращения: 08.10.2017).

Хозиков В.И. Политех для России Т. 1. Первые 50 лет Санкт-Петербургского государственного технического университета (1898–1949). СПб.: СПбГТУ, 1999. 349 с.

Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1915–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. С. 83–101.

Храмов Ю.А. Глаголева-Аркадьева Александра Андреевна // Физики: Биографический справочник / Ред. А.И. Ахиезер. М.: Наука, 1983. С. 86.

Хроника // Журнал Русского ботанического общества при Императорской Академии наук. 1916. Т. 1. № 3–4. С. 231.

Хроника // Фармацевтический журнал. 1915. № 36. С. 348.

Хроника. В учебных заведениях // Новое время. 1917. № 14721. 8 (21) марта. С. 6.

Черникин Е.М. Баргузинский заповедник // Заповедники России. Заповедники Сибири. Т. 1. М.: Логата. 1999. С. 171–188.

Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941. Биографический словарь. М.: Кучково поле, 2012. 496 с.

Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1: Надвигающаяся буря. М.: ТЕРРА; Книжная лавка — РТР, 1997. 336 с.

Чиж Владимир Федорович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 08.22.2016).

Чирвинский В.Н. О фосфоритах Украины. Пг.: КЕПС, 1919. 52 с.

Чирцова М.Г. 100 лет с начала организации добычи йода на Европейском Севере России // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 199–203.

Центральный комитет военно-технической помощи объединенных научных и технических организаций (1915–1918). URL: http://libinfo.org/index/index.php?id=4302. (дата обращения: 03.05.2017).

Циркуляр Киевского общества естествоиспытателей // Журнал Русского ботанического общества при Императорской Академии наук. 1916. Т. 1. № 1–2. С. (13)–(16).

Шабалина О.В. Из истории организации метеорологических и гидрологических наблюдений на о. Диксон в 1916 г. (по материалам Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН) // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. № 1 (27). С. 76–90.

Шалагинова Л.М. Студенческое движение накануне и в дни Февральской революции // Вопросы истории КПСС. 1967. № 2. С. 102–106.

Шапошников Г.Х. Всего себя — природе, науке и людям // Заповедный вестник. 2000. № 12. С. 7–8.

Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны. 1914–1918 гг. М.: Госиздат, 1925. 174 с.

Шахназаров А.И., Андреев Б.А., Воейков А.Д., Пашкевич В.В., Сацыперов Ф.А. Современное положение в России промысла сбора, культуры и обработки лекарственных растений по данным анкеты Департамента Земледелия, произведенной в 1915 году. Пг.: Тип. бр. В. и И. Линник, 1916. 344 с.

Швецов Б. Производство рентгеновских приборов в России // Природа. 1915. № 4. Стб 608–610.

Шелохаев В.В., Соловьёв К.А. Российские либералы о Первой мировой войне // Новейшая история. 2014. № 3. С. 184–196.

Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVII — начало XX века. СПб.: Искусство-СПб., 1999. 479 с.

Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). М.: Воениздат, 1956. 332 с.

Шипилов А.В. Зарплата российского профессора в ее настоящем, прошлом и будущем // ALMA MATER. Вестник высшей школы. 2003. № 4. С. 38–39.

Шингарёв А.И. Финансы России во время войны. Пг.: Свобода, 1917. 27 с.

Шкловский В.Б. Жили-были. Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени. С конца XIX по 1964 г. М.: Советский писатель, 1966. 651 с.

Школа и война // Школа и жизнь. 1915. № 50. 14 декабря. С. 5 (стб 2016).

Школа и война // Школа и жизнь. 1916. № 38–40. 5 октября. С. 11 (стб 942).

Шмидт П.Ю. Проект Восточной промысловой экспедиции. СПб.: Паровая скоропечатня Г.П. Пожарова, 1906. 14 с.

Шрадер Т.А. Русско-норежские связи на Севере в период Первой мировой войны (по материалам РГИА и РГАВМФ) // Скандинавские чтения 2005 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 44–56.

Шугалей И.В., Илюшин М.А., Судариков А.М. Химическое оружие. От создания к уничтожению // Первая мировая война и проблемы российского общества. С. 286–292.

Шулов И.С. Прядильные растения в России. Пг.: Гос. трест «Петропечать», 1922. 23 с. (КЕПС при РАН. Естественные производительные силы России. Т.V. Растительный мир. Отдел 2. Полеводство).

Шульгин В.В. Дни. 1920. М.: Современник, 1989. 559 с.

Щербань Т.О. До історії діяльності Українського наукового товариства (1907–1921) // Архіви України. 1991. № 5–6. С. 34–38.

Щербинина О.В. Участие Технологического института в создании медицинских лазаретов в годы Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 146–147.

Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М.: Наука, 1993. 270 с.

Эрн В.Ф. Меч и крест. Статьи о современных событиях. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1915. 104 с.

Эрн В.Ф. Время славянофильства. Война, Германия, Европа, Россия. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1915. 48 с.

Юферов В.И. Труд в хлопковом хозяйстве Туркестана. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1914. 60 с.

«Я верю в силу свободной мысли». Письма В.И. Вернадского к И.И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12. С. 204–221.

Яблоновский А. Отравленная душа // Киевская мысль. 1914. № 340. 10 декабря. С. 3.

Ялтинский естественно-исторический музей // Наука и ее работники. 1922. № 3. С. 38–39.

Ястребов Н.В. Великая Сербия как разрешение южно-славянского вопроса в великой войне 1914–1915 гг. // Вопросы Мировой войны / Ред. М.И. Туган-Барановский. Пг.: Право, 1915. С. 135–178.

Adams M. Science, Ideology and Structure: The Kol'tsov Institute, 1900–1970 // Social Context of Soviet Science. Boulder; Colorado, 1980. P. 173–204.

Academia in Upheaval. Origins, Transfers, and Transformations of the Communist Academic Regime and East Central Europe / Eds. M. David-Fox, G. Péteri. Westpott; Connecticut; London: Bergin & Darvey, 2000. XI, 334 p.

Andreev A.Ju. Die gespaltene Universitäten. Die Moskaurer Gelehrten 1911–1917 // Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer: Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. T. Maurer. Stuttgart: Franz Steiner, 2006. S. 159–176.

Antsyferov A.N., Bilimovich A.D., Batshev M.O., Ivantsov D.N. Russian Agriculture during the War. New Haven: Yale University Press, 1930. XVIII, 394 p.

Bailes K. Technology and Society under Lenin and Stalin (Origin of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941). Princeton; New York: Princeton University Press, 1978. XIII, 472 p.

Bailes K. Sciences and Russian Culture in an Age of Revolutions. Vol. I. Vernadsky and His Scientific School, 1863–1945. Bloomington: Indiana University Press, 1990. XIV, 238 p.

Badash L. British and American views of the German Menace in the World War // Notes and Records of the Royal Society of London. 1979. Vol. 34. No 1. P. 91–121.

Bischoff J. Die letzte Front. Geschichte der Eiserner Division in Baltikum 1919. Berlin: Buch- und Tiefdr. Ges., 1935. 270 S.

Blessing W.K. Universität im Krieg. Erlanger Schlüsseljahre im 19. und 20. Jahrhundert // Die deutsche Universität im 20. Jahrhundert. Die Entwicklung einer Institution zwischen Tradition, Autonomie, historischen und sozialen Rahmenbedingungen / Hrsg. K. Strobel. Vierow: SH-Verl., 1994. S. 47–68.

Bradley J. Voluntary Association in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2009. XIV, 366 p.

Bradley J. Associations in Times of Political Tyrmoil: Science Societies and the Bolshevik Regime, 1917–22 // Russia's Great War and Revolution. Vol. 3. Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Book 2. The Experience of War and Revolution / Eds. A. Lindenmeyr, Cr. Read, P. Waldron. Bloomington: Slavica Publishers, 2016. P. 137–172.

Braun H. Ostpreußen Chronik. Kriegsbilder aus den beiden Russen-Entällen 1914/1915. München; Leipzig: Nemrich, 1918. VII, 311 S.

Brooks N. Munitions, The Military, and Chemistry in Russia // Frontline and Factory: Comparative Perspectives on the Chemical Industry at War, 1914–1924 / Eds. R. Macleod, Je. Johnson. Dordrecht: Springer, 2006. P. 75–101.

Bud R. Biotechnology in the Twentieth Century // Social Studies of Science. 1991. Vol. 2. P. 415–457.

Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Vol. 1. London; New York; Toronto; Melbourn: Cassell, 1923. XV, 253 p.

Connelly J. Captive Universiy: The Sovetization of East German, Czech, and Polish Higher Education, 1945–1956. Chaptel Hill; London: University of North Carolina Press, 2000. XVIII, 432 p.

Crawford E. The Universe of International Science, 1880–1939 // Solomon's House Revisited: The Organisation and Institutialisation of Science / Ed. T. Frängsmyr. Canton: Science History Publ., 1990. P. 251–269.

Crosland M. Science and Franco-Prussian War // Social Studies Science. 1976. Vol. 6. No 2. May. P. 185–214.

Deutsche im Zarenreich und Russen in Deutschland: Naturforscher, Gelehrte, Ärzte und Wissenschaftler im 18. und 19. Jahrhundert / Hrsg. D. von Engelhardt & I. Käsnter. Bde. 1–12. Aachen: Shaker, 1993–2005.

Die Preuβische Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1914–1945 / Hrsg. W. Fischer. Berlin, 2000. XI, 594 S.

Dwinger E.E. Die letzter Reiter. Jena: Diederichs, 1935. 450 S.

Dittmann L. Ostfront. Ein Denkmal des deutschen Kampfes in Bildern und Tagebuchblättern. Berlin: Deutsch. Verl., 1938. 168 S.

Dmitriev A.N. La mobilisation intellectuelle (La communauté académique internationale et la Première Guerre mondiale) // Cahiers du Monde Russe, Sovietique et Post-Sovietique. 2002. Vol. 43. No 4. Octobre–décembre. P. 617–644.

Fedotova A., Hakkarainen J.-P., Hallberg L. Additions to the Biography of Pavel Vladimirovič Otockij (Based on Archival Materials from Prague and Stockholm) // ИБИ. 2014. Т. 6. No 2. С. 57–61.

Forman P. Scientific Internationalism and the Weimar Physicists: The Ideology and Its Manipulation in Germany after World War I // Isis. 1973. Vol. 64. P. 151–180.

Forman P. Weimar Culture, Causality and Quantum Theory, 1918–1927: Adaptation by German Physicists and Mathematicians to a Hostile Intellectual Environment // Historical Studies in the Physical Sciences. 1971. Vol. 3. P. 1–115.

Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft. Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm / Max-Planck-Gesellschaft / Hrsg. R. Vierhaus & B. v. Brocke. Stuttgart: Dt. Verl.–Anstalt, 1990. XII, 1010 S.

Gätke-Heckmann U. Die Universität Leipzig in Erste Weltkrieg // Sachsens Landesuniversität in Monarchie, Republik und Diktatur zur Geschichte. Beiträge zur Geschichte der Universität Leipzig vom Kaiserreich bis zur Auflösung des Landes Sachsen 1952 / Hrsg. U. von Hehl. Leipzig: Evang. Verl. — Anstalt, 2005. S. 145–168.

Geyer M. Militarization of Europe: 1914–1945 // The Militarization of the Western World / Ed. J. R. Gillis. New Brunswick: Rutgers University Press. 1989. P. 75–80.

G*raham L.* The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party: 1927–1932. New York; Princeton: Princeton University Press, 1967. XV, 255 p.

Graham L. Science in Russia and the Soviet Union. A Short History. New York, 1993. 321 p.

Grau C. Die Preußische Akademie und die Wiederanknüpfung internationalen Wissenschaftskontakte nach 1918 // Die Preußische Akademie der Wissenschaft zu Berlin 1914–1945 / Hrsg. W. Fischer. Berlin, 2000. S. 279–315.

Grunden W., Kawamura Yu., Kolchinsky E., Maier H., Yamazaki M. Laying the Foundation for Wartime Research: A Comparative Overview of Science Mobilization in National Socialist Germany, Japan, and the Soviet Union // Osiris. 2005. Vol. 20. P. 98–104.

Haeckel E. Weltkrieg und Naturgeschichte // Nord und Süd. 1914. Bd. 151. Hf. 481. S. 140–147.

Haeckel E. Englands Blutschuld am Weltkriege // Das monistliche Jahrhundert. 1914. Bd. III. S. 538–548.

Haeckel E. Ewigkeit. Weltkriegsgedanken über Leben und Tod, Religion und Entwicklungslehre. Berlin: G. Reimer, 1917. 128 S.

Harnack A. Erinnerungen an die Gründungszeit der KaiserWilhelm-Gesellschaft // Naturwissenschaftliche Rundschau. 1963. Bd. 16. Hf. 11. S. 435–438.

Harwood J. Styles of Scientific Thought. The German Genetic Community. 1900–1933. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1993. XII, 423 p.

Harwood J. Weimar Culture and Biological Theory: A Study of Richard Woltereck (1877–1944) // History of Science. 1996. Vol. 34. P. 347–377.

Hase A. Über technische Biologie. Ihre Aufgabe und Ziele, ihre prinzpiele und wirtschaftliche Bedeutung // Zs für technische Biologie. 1920. No 8. S. 23–45.

Hausmann G. Universität und stadtische Gesellschaft in Odessa. 1865–1917: Soziale und nationale Selbstorganisation an der Peripherie des Zarenreiches. Stuttgart: Fr. Steiner, 1998. 699 S.

Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. 392 p.

Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russian's Continium of Crisis: 1914–1921. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2002. IX, 359 p.

Hudson G. V. On seasonal time // Transactions and Proceedings of the New Zealand Institute. 1898. Vol. 31. P. 577–588.

Iaria A., Waldinger F. International Knowledge Flows: Evidence from the Collapse of International Science in the Wake of WWI. July 8, 2015. URL: http://econ.as.nyu.edu/docs/IO/41100/waldinger2015.pdf (дата обращения: 01.02.2017).

Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / Hrsg. D. Beyrau. Goettingen: Vandenhoeck & Puprecht, 2000. 399 S.

Ipatieff V.N. The Life of a Chemist. Stanford; London: Stanford University Press, 1946. XV, 658 p.

Jansen S. “Schädlinge”. Geschichte eines wissenschaftlichen und politischen Konstrukts 1840–1920. Frankfurt am Main; New York, 2003. 434 S.

Jarausch K.H. Students in the First World War // Central European History. 1984. Vol. 17. S. 310–329.

Jünger E. Die totale Mobilmachtung // Krieg und Krieger / Hrsg. E. Jünger. Berlin: Junker & Dünnhaupt, 1930. S. 10–30.

Kagaku no Sanbô Honbu: Rosia / Sovieto Kagaku Akademî nikansuru Kokusai Kyôdô Kenkyû («Генштаб науки: Международное совместное исследование по Российской / Советской Академии наук»). Саппоро: Изд-во Университета Хоккайдо, 2016. 523 с. (на япон. яз.).

“Kämpferische Wissenschaft”. Studien zur Universität Jena im Nationalsozialismus / Hrsg U. Hoßfeld, Ju. John. O. Lemuth & R. Stutz. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2003. 1160 S.

Kassow S.D. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley: University of California Press, 1989. XII, 438 p.

Kellermann H. Der Krieg der Geister. Dresden; Weimar, 1915. 495 S.

Koenen G. Der Russland Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900 bis 1945. München: Beck, 2005. 528 S.

Kojevnikov A.B. The Great War, the Russian Civil War, and the Invention of Big Science // Science in Contex. 2002. Vol. 15. P. 239–275.

Kolchinsky E. Science Mobilization in the Soviet Union // Historia Scientiarum. 2006. Vol. 16. No 1. P. 15–28.

Kolchinsky E.I. World War I and Transformation of the Imperial Academy of Sciences // Russia’s Great War and Revolution Vol. 3. Russia’s Home Front in War and Revolution, 1914–1922. Book 2. Russian Revolution in Regional Perspective. P. 173–200.

Kolchinsky E.I. Russian editions of E. Haeckel’s works and evolution of their perception // Theory in Biosciences. 2019 (in print).

Kolchinsky E., Hoßfeld U., Levit G. Russian scientists and the Royal Society of London: 350 years of sientific collaboration // Notes and Records of the Royal Society. 2018. Vol. 72. No 3. P. 343–363.

Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer: europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. T. Maurer. Stuttgart: Franz Steiner, 2006. 376 S.

Lapo Danilevsky A.S. The development of science and learning in Russia // Russian realities and problems / Ed. J.D. Duff. Cambridge: Cambridge University Press, 1917. P. 135–229.

Lenard Ph. England und Deutschland zur Zeit des Grossen Krieges. Heidelberg: Winter, 1914. 16 S.

Lenz F. Zur Erneurung der Ethik // Deutschland Erneurung. 1917. Bd. 1. S. 35–56.

Liulevicius V.G. Kriegsland im Osten. Erorberung Koloniesirung und Militärherrschsft im Ersten Weltkrieg. Hamburg: Hamburger, 2002. 373 S.

Liulevicius V.G. Der Osten als apokaltptischer Raum. Deutsche Frontfahrung im und nach dem Ersten Weltkrieg // Traumland Osten. Deutsche Bilder vom östlichen Europa im 20. Jahrhundert / Hrsg. G. Thum. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. S. 47–65.

Lotsy J.P. Renunciation of Honorary Degrees // Nature. 1914. Vol. 94. No 2344. P. 88.

Lyandres S. The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2013. XIX, 322 p.

Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1998. XI, 959 S.

Maurer T. Der Krieg der Professoren. Russische Reaktionen auf deutschen "Aufruf an die Kulturwelt" // Jb. für Wirtschaftsgeschichte. 2001. No 1. S. 231–247.

Maurer T. Universitas militans. Von der Militarisierung der deutschen Universität in späten Kaiserreich zur Rechtfertigung des Militarismus im Ersten Weltkriegr // Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer. S. 57–74.

Maurenbrecher M. Das neue Europa und die neue Kultur // Das monistliche Jahrhundert. 1914. Bd. III. No 40–41. S. 792–798.

Metzler G. Internationale Wissenschaft und nationale Kultur. Deutsche Physiker in der internationalen Comminity, 1900–1960. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. 304 S.

Morrissey S.K. Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. New York: Oxford University Press, 1998. VIII, 288 p.

Morrissy S. Politics and Patriotism // Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer. S. 189–207.

Nature and Empire. Science and Colonial Enterprice / Ed. R. MacLeod. Chicago: University of Chicago Press. 2001. 323 p. (Osiris. Vol. 15).

Naturwissenschaft als Kommunikationsraum zwischen Deutschland und Russland im 19. Jahrhundert. International Tagung, Leipzig; 29.9.–1.10.2010 / Hrsg. O. Riha, M. Fischer. Aachen: Shaker, 2011. 572 S.

Novgorodtsev P.I. Universities and Higher Technical Schools // Odinetz D.M., Novgorodtsev P.J. Russian Schools and Universities in the World War. New Haven: Yale University Press, 1929. P. 131–239.

Odinetz D.M., Novgorodtsev P.J. Russian Schools and Universities in the World War. New Haven: Yale University Press, 1929. 239 p.

Paléologue M. La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre. T. I. 20 Juillet 1914 — 2 Juin 1915. Paris: Plon, 1921. 377 p.

Paul H. The Sorcerer's Apprentice. The French Scientist's Image of German Science, 1840–1919. Gainesville: University of Florida Press, 1972. VII, 86 p.

Paul H. From Knowledge to Power. The Rise of Scientific Empire in France, 1860–1939. Berkley: California University Press, 1985. 428 p.

Pipes R. Struve, Liberal on the Right, 1905–1944. Cambridge: Harvard University Press, 1980. XIX, 526 p.

Plate L. Kurze Selbstbiographie // Archiv für Rassen-Gesellschaftsbiologie. 1935. Bd. 29. No 1. S. 86–87.

Ramsay W. Germany's Aims and Ambitions // Nature. 1914. Vol. 94. No 2346. P. 137–139.

Politics and Science in Wartime. Compatative International Perspectives on the Kaiser Wilhelm Institute / Eds. C. Sachse and M. Walker. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 288 p. (Osiris. Vol. 20).

Rostovtsev E.A. The Cultural University in the Time of War: Saint Petersburg / Petrograd 1914–1917 // Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer. S. 177–188.

Rostovtsev E.A., Barinov D.A. Capital University and the World War: Theory and Practice of "Academic Patriotism" // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 34 (4). С. 592–604;

Russia's Great War and Revolution. Vol. 1. Russian Culture in War and Revolution, 1914–22: Book 1. Popular Culture, the Arts, and Institutions / Eds. M. Frame, B. Kolonitskii, S.G. Marks, M.K. Stockdale. Bloomington: Slavica Publishers, 2014. 426 p.

Russia's Great War and Revolution. Vol. 1: Russian Culture in War and Revolution, 1914–22: Book 2. Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory / Eds. M. Frame, B. Kolonitskii, S.G. Marks, M.K. Stockdale. Bloomington: Slavica Publishers, 2014. 370 p.

Russia's Great War and Revolution. Vol. 2. The Empire and Nationalism at War / Eds. E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. von Hagen. Bloomington: Slavica Publishers, 2014. XIII, 288 p.

Russia's Great War and and Revolution. Vol. 3. Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Book 1. Russia Revolution in Regional Perspective / Eds. S. Badrock, L.G. Novikova, A.B. Retish. Bloomington: Slavica Publishers, 2015. XX, 404 p.

Russia's Great War and and Revolution. Vol. 3. Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Book. 2. The Experience of War and Revolution / Eds. A. Lindenmeyr, Cr. Read, P. Waldron. Bloomington: Slavica Publishers, 2016. 511 p.

Saltzman M.B. Is science a brotherhood? The case of Siegried Ruhemann // Bull. Hist. Chem. 2000. Vol. 25. No 2. P. 116–121.

Schmiechen-Ackermann D. Diktaturen im Vergleich. Darmstadt: Wiss. Buchges., 2002. VIII, 174 S.

Science and Ideology. Comparative History / Ed. M. Walker. London; New York: Routledge, 2003. XV, 267 p.

Science and the Pacific War: Science and Survival in the Pacific, 1939–1945 / Ed. R. MacLeod. Dordrecht: Cluwer, 2000. XIII, 320 p.

Siebe D. "Nattern am Basen": Ausländischen Studierende an deutschen Universitäten. 1914–1918 // Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer. S. 39–56.

Spempin A. Die Wiederrichtung einer polnischen Univetsität: Warschau unter Besatzung // Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer. S. 127–146.

Stoltzenberg D. Fritz Haber. Chemiker, Nobelpreisträger, Deutscher, Jude: eine Biographie.Weinheim u. a.: Willey-VCH, 1994. 669 S.

Stubbs K.D. Race to the Front. The Material Foundations of Coalition Strategy in the Great War. Westport: Praeger, 2002. XIV, 375 p.

Szöllösi-Janze M. Fritz Haber. 1868–1934: eine Biographie. München: Beck, 1998. 928 S.

Tamul S. Die Bedeutung des Krieges für die Universität Juri'ev // Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer. S. 223–238.

Todes D.P. Biological Psychology and the Tsarist Censor: The Dilemma of Scientific Development // Bulletin of the History of Medicine. 1984. Vol. 58. P. 529–544.

Todes D. Ivan Pavlov. A Russian Life in Science. Oxford: Oxford University Press, 2014. 855 p.

Trischler H. Luft- und Raumfahrtforschung in Deutschland. 1900–1970. Frankfurt am Main: Campus, 1992. 542 S.

Tumanova A. S. Learned Societies in Russia during World War I: Creating a “Home Front” // Russia’s Home Front in War and Revolution, 1914–22. Vol. 3. Book 2. P. 109–135.

Ungern-Sternberg J. und W. Der Aufruf “An die Kulturwelt!” das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg. Stuttgart: Steiner, 1996. 247 S.

Wettmann A. Ruhmvoll verördet? Deutsche Universitäten im Ersten Weltkrieg // Kollegen, Kommilitonen, Kämpfer. S. 18–39.

Winter E. Georg Friedrich Nicolai: Ein Kämpfer gegen Krieg // Forschen und Wirken. Festschrift zur 150. Jahr-Feier der Humboldt Universität zu Berlin. Berlin, 1960. Bd. 1. S. 461–466.

Wissenschaft, Krieg und die Berliner Akademie der Wissenschaften // Die Preußische Akademie der Wissenschaften zu Belin. 1914–1945/ Hrsg. W. Fischer. Berlin: Akademie Verlag, 2000. XI, 594 S.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРАН — Архив РАН
БОЕиЛП — Бессарабское общество естествоиспытателей и любителей природы
ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина
ВИЕТ — Вопросы истории естествознания и техники (журнал)
ВПК — Военно-промышленный комитет
ВСГ — Всероссийский союз городов
ВЗС — Всероссийский земский союз
ВЭО — см. ИВЭО
ГАУ — Главное артиллерийское управление
Геолком — Геологический комитет
ГВМУ — Главное военно-метеорологическое управление
ГИОА — Государственный институт опытной агрономии
ГУЗиЗ — Главное управление землепользования и земледелия
ГПА — Государственная полярная академия
ЕНО — Екатеринославское научное общество
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЖРБО — Журнал Русского ботанического общества
Земгор — Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов
ИАН — Императорская Академия наук
ИБИ — Историко-биологические исследования (журнал)
ИВМА — Императорская военно-медицинская академия
ИВЭО — Императорское Вольное экономическое общество
ИМУ — Императорский Московский университет
ИИЭМ — Императорский институт экспериментальной медицины
ИПгУ — Императорский Петроградский университет
ИРТО — Императорское Русское техническое общество
ИСПбУ — Императорский Санкт-Петербургский университет
ИПгОЕ — Императорское Петроградское общество естествоиспытателей
ИСПбОЕ — Императорское Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей
КВО — Казанский военный округ
КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил России
ККГК — Крымско-Кавказский горный клуб
КОЕ — Общество естествоиспытателей при Казанском университете (Казанское общество естествоиспытателей)
КрОЕиЛП — Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы
ИКУ — Императорский Казанский университет
МЗ — Министерство земледелия
МЗиЗ — Министерство землепользования и земледелия

МИД — Министерство иностранных дел
МНП — Министерство народного просвещения
МОИП — Московское общество испытателей природы
МОСХ — Московское общество сельского хозяйства
МСХИ — Московский сельскохозяйственный институт
НА РТ — Научный архив Республики Татарстан
НОЕ — Новороссийское общество естествоиспытателей
НОЛП — Николаевское общество любителей природы
ОИНФ — Отделение исторических наук и филологии
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности
ОС — Общее собрание Академии наук
ОСОТОП — Особое совещание по топливу
ОФМН — Отделение физико-математических наук
ПгОЕ — Петроградское общество естествоиспытателей
ПНИ — Психоневрологический институт
ПСХА — Петровская сельскохозяйственная академия
РБО — Русское ботаническое общество
РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГО — Русское географическое общество
РГПУ — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
РОКК — Российское общество Красного Креста
РПО — Русское палеонтологическое общество
РФО — Русское физиологическое общество
РФХО — Русское физико-химическое общество
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
СХУК — Сельскохозяйственный ученый комитет
ЦВПК — Центральный военно-промышленный комитет
ЦГА — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦВТК — Центральный военно-технический комитет
ЦКВТП — Центральный комитет военно-технической помощи

Именной указатель*

Абрамов В. С., геофизик — 91
Абрамов Сергей Семёнович, бактериолог — 91
Абросимова Марина Юрьевна, современный историк медицины — 229, 230, 270, 546, 576
Авалов Иосиф Давидович, химик и конструктор — 327
Авдаков Николай Степанович, горный инженер и предприниматель — 295
Авроров Павел Петрович, патофизиолог — 91, 284, 357, 362, 546
Авруцкая Татьяна Борисовна, современный биолог и историк науки — 136, 546
Агаджян Николай Александрович, современный физиолог — 282, 546
Агафонов Владимир Александрович, современный ботаник — 362, 546
Аделунг Николай Николаевич, энтомолог — 359
Адлер Бруно Фридрихович (Федорович), географ и этнограф — 126
Адо Д. М. — 225
Адонц Николай Георгиевич, востоковед — 195, 492
Адрианов Сергей Александрович, литературовед, историк, критик — 109, 546
Азукюль Иоганн (Иван) Петрович, редактор газеты «Свет» — 81
Айналов Дмитрий Власьевич, историк искусства — 150, 194
Айрапетов Олег Рудольфович, современный историк — 319, 328, 546
Акименко Марина Алексеевна, современный историк медицины — 64, 203, 207, 546, 547
Аксёнов Геннадий Петрович, современный историк науки — 447, 507, 547
Алапин И. И., зубной врач — 354, 547
Александр I, император — 51, 181, 335, 348
Александр II, император — 44, 75, 344
Александр III, император — 44, 379, 422
Александр Михайлович, великий князь — 243, 262
Александра Фёдоровна, императрица — 335, 341
Александров Даниил Александрович, современный историк науки и социолог — 56, 547
Алексеев Алексей Сергеевич, современный палеонтолог — 285, 561
Алексеев Василий Михайлович, востоковед — 195, 460
Алексеев Виссарион Григорьевич, математик — 85
Алексеев Д. Г. — 243, 557
Алексеев Игорь Евгеньевич, современный историк — 272, 297, 387, 547
Алексеев Михаил Васильевич, генерал, начальник Штаба — 197, 427
Алексеев Тимофей Владимирович, современный историк науки — 21, 175, 189, 292, 294, 326, 547
Алексеева Светлана Ивановна, современный историк — 21, 547
Алексей, цесаревич — 336

* В Указателе по возможности раскрыты имена персонажей книги и область науки, в которой они работали. Для иностранных авторов, упомянутых в сносках латиницей, дополнительная информация приведена только в тех случаях, если фамилия учёного повторена в тексте книги в русском написании. «Современными исследователями» мы считали любого ученого, который продолжал публиковать новые работы в XXI веке.

Алексинский Иван Павлович, медик — 464
Алёхин Василий Васильевич, геоботаник — 361
Алфёров Жорес Иванович, современный физик — 546
Альберт I, король Бельгии — 134
Альбрехт Эдуард Андреевич, садовод — 392, 554
Амалицкий Владимир Прохорович, палеонтолог — 152, 266, 285, 365, 407
Андерсон Иохан, малаколог — 412
Андрамонова Наталия Алексеевна, историк науки — 547
Андре Карл, немецкий геолог — 412
Андреев Андрей Юрьевич (Andreev A. Ju.), современный историк — 83, 87, 172, 176, 191, 551, 600
Андреев Б. А., ботаник — 381, 391, 392, 595, 599
Андреев Иван Иванович, химик военного ведомства — 324, 325, 328
Андреев Леонид Николаевич, писатель — 99
Андреев Михаил Степанович, иранист — 60
Андреев Н. П., геофизик — 91
Андреева Виктория Валерьевна, современный историк — 52, 69, 70, 192, 587
Андрей Владимирович, великий князь — 320
Андронаки В. И., селекционер — 91
Андрусов Николай Иванович, геолог, палеонтолог — 30, 58, 119, 130, 133, 146, 149, 152, 186, 194, 196, 263, 266, 268, 278, 285, 286, 300, 301, 312–314, 317, 318, 365, 366, 372, 376, 401, 410, 432, 433, 453, 455, 471, 491, 493, 501, 518, 520, 524, 536, 548
Андрюшкевич Татьяна Владимировна, современный историк науки — 348, 556
Аничков Евгений Васильевич — 208
Анненков А. И., химик — 178
Анненкова Эмма Александровна, современный историк — 283, 347, 348, 548
Анреп Василий Константинович, фон, физиолог, врач, организатор науки — 347
Анреп Глеб Васильевич, фон, физиолог — 91, 357, 360, 365, 556
Анри Виктор Алексеевич, биофизик — 179, 375, 414
Антонов Г. И., химик-лаборант — 151
Антонов Д. В., уполномоченный по сбору лекарственных растений — 381
Анучин Дмитрий Николаевич, зоолог, антрополог, археолог — 43, 73, 173, 307, 309, 343, 372, 509
Аранович Алексей Владимирович, современный историк — 28, 334, 548
Арбузов Александр Ерминингельдович, химик — 215, 216, 219, 220, 225, 226, 548, 555, 557
Арбузов Борис Александрович, химик — 226, 555
Арбузов Валентин Михайлович, механик — 254
Арнольди Владимир Митрофанович, ботаник — 280, 376
Артемьева Ирина Ювенальевна, современный историк медицины — 229, 270, 546
Архангельский Александр Александрович, авиаконструктор — 179
Архангельский Андрей Дмитриевич, геолог — 311, 414, 588
Арциховский Владимир Мартынович, ботаник — 280
Арцыбашев Дмитрий Дмитриевич, механик, садовод, цветовод — 372, 381, 385, 386, 478, 480
Арчегов Сослан Батразович, современный историк права — 56, 146, 233, 440, 548

Аршинов Василий Фёдорович, купец и меценат — 73
Аршинов Владимир Васильевич, петрограф, — 73, 313, 548
Асаул Анатолий Николаевич, современный экономист — 24, 548
Асратян Эзрас Асратович, нейрофизиолог — 77, 548
Астахов М., журналист — 109, 548
Асташов Александр Борисович, современный историк — 237, 340, 548
Астров Николай Иванович, экономист, общественный деятель — 242
Афанасьев Апполон Павлович, физик — 198, 253, 255, 474
Ахиезер Александр Ильич, физик — 176, 598
Ахматова Анна Андреевна, поэт — 99, 100, 424

Бабель Исаак Эммануилович, писатель — 209
Бабенко Валентина Николаевна, современный библиограф — 29, 581
Бабкин Борис Петрович, физиолог — 284, 285, 360, 365, 366
Багаева Елена Феликсовна, учительница — 64
Багалей Дмитрий Иванович, историк, краевед, общественный деятель — 440
Багрий Александр Васильевич, литературовед — 497
Багров Лев Соломонович, путешественник, историк картографии — 421
Бадюл Антон Гаврилович, фабричный инспектор — 220
Базанов Иван Александрович, попечитель Казанского учебного округа — 84
Байгильдин Вадим Азаматович, современный химик — 186, 548
Байер (von Baeyer) Адольф, фон, немецкий химик–органик — 105, 129
Байков Александр Александрович, металлург — 311
Байрамова Луиза Каримовна, современный филолог — 547
Байрау (Beyrau D.) Дитрих, современный немецкий историк — 19, 26, 418, 576, 602
Баклунд Олег Оскарович, геолог — 157, 299, 302, 460
Баклунд Оскар Андреевич, астроном — 132,136, 146, 148, 149
Бальмонт Константин Дмитриевич, поэт — 99
Баран В. С., помощник лесничего — 359
Барашенков Виктор Михайлович, историк, библиограф — 258, 549
Барбарин В. И., врач — 354, 548
Барбот де Марни Николай Павлович, горный инженер — 259
Баришпол Иван Федотович, современный эколог — 31, 548
Барк Петр Львович, министр финансов — 174
Барсуков Евгений Захарович, генерал-майор артиллерии, историк — 16, 548
Бартольд Василий Владимирович, востоковед — 58, 59, 124, 146, 195, 232, 442, 453, 474, 492, 493
Барыкин Владимир Александрович, микробиолог, эпидемиолог — 230
Басангова Кермен Маратовна, современный историк — 159, 593
Басаргина Екатерина Юрьевна, современный историк науки — 26–28, 46, 47, 55, 107, 131, 136, 147, 417, 418, 422, 423, 426, 432, 548, 549, 596
Басов Михаил Яковлевич, психолог — 346
Бастракова Майя Семеновна, современный историк науки — 72, 470, 549
Баталин Александр Фёдорович, ботаник — 380

Батурин Юрий Михайлович, современный историк науки — 22, 30, 142, 157, 167, 333, 537, 545, 549, 553, 569, 591, 593, 598
Батюшков Фёдор Дмитриевич, филолог — 494
Бахрушин Алексей Александрович, меценат — 72, 146
Башкиров Иван Сергеевич, зоолог, зубровед — 378, 549
Баярунас Михаил Викентьевич, геолог — 314
Бедный Демьян (Ефим Алексеевич Придворов), поэт — 99
Безбородко Александр Андреевич, князь, дипломат — 135, 461, 576
Безикович Яков Самуилович, геофизик, математик — 167, 197
Безруких Павел Елисеевич (Ефимович), студент, публицист — 421
Безсонов Николай Алексеевич, физиолог и биохимик растений — 91, 365
Бейлин Исаак Григорьевич, фитопатолог — 31, 549
Бейлис Мендель Тевьевич, киевский мещанин — 71, 96, 205
Бейльштейн Фёдор Фёдорович (Фридрих Конрад), химик — 46
Бекетов Андрей Николаевич, ботаник — 43, 259–261
Бекетов Николай Николаевич, химик — 43, 46, 49
Беклемишев Владимир Николаевич, зоолог, паразитолог — 263
Белицер Александр Васильевич, протозоолог, ветеринар — 43, 46, 49
Белов Георг, фон, немецкий историк — 114
Белов Сергей Игоревич, современный историк — 290, 549
Белова Т. Н., современный библиограф — 29, 581
Белопольский Аристарх Аполлонович, астроном — 146, 493, 518
Белоусов В. И., охотовед — 405
Белоусов Лев Семёнович, современный историк — 20, 581
Бельгард Алексей Валерианович, сенатор — 127
Беляев Евгений Алексеевич, историк науки — 63, 66, 73, 549
Беляев Михаил Алексеевич, генерал-лейтенант — 169
Беляева Люсия Никитична, библиограф — 258, 549
Беляева Оксана Михайловна, современный историк — 466, 475, 549
Беляков Александр Васильевич, авиатор, географ, генерал-лейтенант — 363, 549
Беляков Л. П. — 360, 586
Бенешевич Владимир Николаевич, историк, византинист, юрист — 120, 160, 162, 195, 453, 492, 494, 495
Беньямин Вальтер, немецкий философ — 114
Берг Аксель Иванович, радиотехник, кибернетик — 90
Берг Лев Семёнович, географ, зоолог, историк науки — 68, 161, 307, 309, 311, 366, 372–375, 418, 492, 494
Бергманн Эрнст, фон, немецкий хирург — 351
Бердинских Виктор Аркадьевич, современный историк — 100, 549
Бердяев Николай Александрович, философ — 58, 94, 95, 504, 549
Беринг Эмиль Адольф, фон, немецкий микробиолог — 105
Бернацкий Михаил Владимирович, экономист, государственный деятель — 239, 512, 553
Бертенсон Сергей Львович, библиограф, историк литературы — 346

Бессонов Анатолий Алексеевич, ученый-механик, конструктор авиадвигателей — 187
Бехтерев Владимир Михайлович, психиатр, организатор науки — 54, 64, 67, 76, 89, 96, 181, 203–205, 207–209, 211, 283, 346, 347, 440, 546, 547, 549, 588
Биккулова Ирина Анатольевна, современный литературовед — 100, 549
Билибович Антон Дмитриевич, математик — 189
Бирон Евгений Владиславович, физико-химик — 194, 199
Бисько Ирина Александровна, современный филолог — 100, 550
Блок Александр Александрович, поэт — 506, 550
Блох Эрнст Симон, немецкий философ, социолог — 114
Блюдова Людмила Константинова, директор библиотеки — 29, 581
Боборыкин Пётр Дмитриевич, писатель — 110, 550
Бобринский Александр Александрович, граф, археолог, политический и государственный деятель — 384, 438, 439, 480
Бобылёв Дмитрий Константинович, физик — 248, 256
Бовери Теодор, немецкий цитолог — 130
Богданов Модест Николаевич, зоолог, путешественник — 259
Богданов-Катьков Николай Николаевич, энтомолог — 404, 550
Богданова Е. Г., современный библиограф — 29, 581
Богданович Карл Иванович, путешественник, геолог, этнограф — 157, 266, 309, 311, 312, 437
Боголепов Николай Павлович, правовед, государственный деятель — 51, 595
Боголюбов Виктор Леонидович, хирург — 228, 230
Богораз Владимир Германович, этнограф — 60
Богородицкий Василий Алексеевич, филолог, языковед — 150, 212, 547
Богородский Алексей Яковлевич, химик — 216, 218–220, 224, 225, 532
Богословский М. Г., физик — 314
Богословский Михаил Михаилович, историк — 466
Богоявленский Николай Васильевич, эмбриолог, зоолог — 177
Богуцкий Викентий Мечиславович, эпидемиолог — 349
Бодров Андрей Владимирович, современный историк — 20, 163, 581, 585
Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович, языковед-славист — 195, 451, 464, 465, 501
Бодянский Осип Максимович, филолог, историк — 487
Болдырев Василий Николаевич, физиолог — 91, 225, 357, 364, 556
Болотов Евгений Александрович, математик, механик — 216, 221, 222, 531
Болсунова А. И., учредительница женской гимназии — 336
Большакова О. В., современный библиограф — 28, 586
Бонгард-Левин Григорий Максимович, историк, востоковед — 138, 590
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич, этнограф, государственный деятель — 421
Бончковский Вячеслав Францович, геофизик — 91, 165, 167
Боравский С. А., прапорщик — 427
Боргман Иван Иванович, физик — 57, 194, 256
Борисенко Михаил Васильевич, историк — 232, 550

Борисковская Любовь Борисовна, современный историк — 572
Борисов Василий Петрович, историк науки — 24, 554
Борисов Иван Николаевич, инженер-железнодорожник — 433
Борисовская Г. М., ботаник — 265, 368, 550
Борисяк Алексей Алексеевич, геолог, палеонтолог, — 161, 263, 285, 286, 311, 317, 369, 372, 373, 375, 494
Бородин Александр Порфирьевич, химик, медик, композитор — 247
Бородин Иван Парфеньевич, ботаник, организатор науки — 27, 30, 43, 46, 47, 55, 61, 88, 119, 128, 129, 146, 152, 198, 262–268, 279–281, 301, 312, 316, 317, 343, 357, 368–370, 372, 374, 376, 377, 385, 395, 398, 402–404, 406, 415, 425, 445, 452, 455–457, 460, 462, 471, 474, 478, 491, 494, 498, 503, 504, 514, 518, 521, 536–538, 550, 574
Бородин Николай Андреевич, ихтиолог — 397
Боронин Василий Дементьевич, казанский городской голова — 217, 219
Ботезат Георгий Александрович, авиаконструктор — 187
Бочаров А. А., современный историк — 182, 550
Боярский Пётр Михайлович, казанский губернатор — 217, 436
Бражников Владимир Константинович, ихтиолог — 309, 312, 366, 373, 374, 397–399, 491, 550
Бранд Александр Андреевич, ученый-механик — 53
Брандт Фёдор Фёдорович, зоолог, палеонтолог — 259
Браун Фёдор (Фридрих) Александрович, историк, филолог-романист — 90, 93, 195, 494
Брачев Виктор Степанович, современный историк — 449, 550
Бредли (Брэдли) Дж., современный американский историк — 31, 32, 64, 73, 74, 236, 257, 550, 601
Брейтфус Леонид (Людвиг) Львович, зоолог, полярный исследователь — 157, 166, 371, 571
Бреславец Лидия Петровна, цитолог, цитогенетик — 263
Бриллиант-Лерман Варвара Александровна, физиолог растений — 263
Бринк В. А. — 354, 550
Брицке Эргард Викторович, химик — 414
Бродский Всеволод Яковлевич, биолог — 120, 546
Броунов Пётр Иванович, географ, геофизик, метеоролог — 150, 194, 256, 380, 385, 478
Бруни Николай Александрович, авиатор, художник, поэт — 99
Брусилов Алексей Алексеевич, генерал от кавалерии — 417, 550
Брушлинский Андрей Владимирович, психолог — 346, 585
Брэдли Дж. — см. Бредли Дж.
Брюсов Валерий Яковлевич, писатель — 99
Бубликов Александр Александрович, инженер-путеец — 297
Бубнов Сергей Николаевич, немецкий геолог, геотектоник — 263
Буд Роберт (Bud R.), современный английский биолог — 25, 601
Будде Евгений Фёдорович, филолог-славист — 150, 212
Будилович Антон Семёнович, филолог — 47
Будко Анатолий Андреевич, современный историк медицины — 340, 342, 347, 351, 550, 551
Будогосский А. Д. — 391, 595

Будрин Пётр Васильевич, агроном-растениевод — 374, 393, 409, 551
Бузескул Владислав Петрович, историк античности, историограф — 110, 494
Бузников Владимир Ионович, лесовод — 394
Букалова Светлана Владимировна, современный историк — 28, 551
Буксер Е. С., геолог — 302
Булацель Павел Федорович, юрист, писатель, общественный деятель — 139, 551
Булгак, помещик Минской губернии — 337
Булгаков Николай Александрович, физик — 167, 194, 197,
Булгаков Сергей Николаевич, философ, богослов — 57, 95, 96, 278, 504, 551
Булгакова Людмила Алексеевна, современный историк — 28, 576
Булич Сергей Константинович, лингвист, этнограф — 494, 501
Бунге Александр Андреевич, фон, путешественник, зоолог — 157, 345, 372
Бунин Иван Алексеевич, поэт и писатель — 471
Буняковский Виктор Яковлевич, математик — 43
Бурденко Николай Нилович, хирург — 351, 352, 552, 574, 575
Бурцев Владимир Львович, журналист — 473
Буткевич Тимофей Иванович, богослов, публицист — 438, 440
Бутлеров Александр Михайлович, химик — 43, 259, 270
Бутягин Алексей Сергеевич, математик, историк образования — 76, 232, 435, 551
Бухгольц Николай Николаевич, ученый-механик — 179
Бухгольц Фёдор Владимирович, миколог — 279
Бухнер Эдуард, немецкий химик, биохимик — 103
Бухтеев Афанасий Михайлович, гидрограф, генерал-майор — 157
Буш Николай Адольфович, ботаник-географ — 195, 263, 265, 267, 268, 279–281, 307, 368, 373, 374, 389, 392, 395, 402, 490, 551
Бушмакин Николай Дмитриевич, анатом — 531
Бушуева Людмила Александровна, современный историк — 172, 212, 551
Бьюкенен Джордж Уильям, британский посол — 139–141, 457
Бэр Карл Эрнст (Карл Максимович), фон, естествоиспытатель — 43, 419
Бюлов Георг, фон, немецкий историк права и экономики — 93
Бючли Отто, немецкий зоолог — 114, 411, 577
Бялыницкий-Бируля Алексей Андреевич, зоолог — 157, 372, 374, 404, 515

Вавилов Иван Ильич, купец — 137
Вавилов Николай Иванович, генетик, селекционер, путешественник, организатор науки — 38, 136, 137, 281, 282, 357, 362, 363, 366, 386, 448, 480, 502, 524, 546, 552, 553, 557, 585, 588
Вавилов Сергей Иванович, физик, организатор науки — 64, 78, 90, 181, 363, 401, 480, 524, 552, 571, 588, 590
Вавилов Юрий Николаевич, современный физик — 524, 552
Вавилова В. В., современный автор — 90, 590
Вавилова (Сахарова) Екатерина Николаевна, агроном — 137, 553
Вагнер Владимир Александрович, зоопсихолог, педагог — 205, 208
Вагнер Николай Петрович, зоолог-морфолог, фаунист, писатель — 259, 270

Вайнер Дуглас, современный американский историк науки — 377, 396, 402, 405, 552
Валентин Вейт Рудольф, немецкий историк — 114
Валк Сигизмунд Натанович, историк — 90, 91
Валуев Пётр Александрович, государственный деятель — 52
Вальдейер-Гартц Генрих Вильгельм Готфрид, фон, немецкий анатом — 104, 105
Вальден Павел (Пауль) Иванович, химик-технолог — 58, 109, 140, 141, 146, 148, 153, 155, 251, 252, 299, 301, 304, 488, 491, 494, 509, 593
Вальнев Е. М., ботаник — 381
Вальтер Оскар Антонович, ботаник — 263
Ванновский Пётр Семёнович, военный и государственный деятель — 461
Варбург Отто Генрих, немецкий биохимик — 103
Вареница В. И., современный автор — 325, 579
Варлих Владимир Карлович, ботаник — 279, 387, 388, 552
Вартанов Вартан Иванович, физиолог — 282–284
Василевский В. Ф., лесной ревизор — 218
Васильев Александр Александрович, историк, арабист — 468
Васильев Александр Васильевич, математик, общественный деятель — 440, 494, 519
Васильев Алексей Михайлович, химик — 216, 225
Васильева Любовь Алексеевна, библиограф — 29, 581
Васильевский Василий Григорьевич, историк — 423
Вассерман Август, фон, немецкий микробиолог — 105
Вассерман Людвиг Иосифович, современный психолог и психофизиолог — 203, 546
Вахромеева Оксана Борисовна, современный историк — 476, 552
Введенский Александр Иванович, философ, психолог — 85, 195, 474
Введенский Николай Евгеньевич, физиолог — 194, 263, 283, 284, 471
Вебер Валериан Николаевич, геолог, минералог — 263
Вег М., немецкий издатель — 127
Вегенер Э. Я., директор химического завода — 249
Вейнберг Борис Петрович, физик — 167
Вельяминов Николай Александрович, академик медицины — 175, 350, 552, 569
Венгеров Семён Афанасьевич, литературовед, библиограф — 195
Венцковский Александр Иванович, инженер общественный деятель — 245
Вербицкая Людмила Алексеевна, современный филолог — 66, 589
Вереха Петр Николаевич, лесовод — 359
Верещагин Василий Андреевич, библиограф, историк искусства — 496
Верещагин Глеб Юрьевич, географ, лимнолог, гидробиолог — 263, 408, 515
Вернадский Владимир Иванович (Vernadsky V. I.), геолог, минералог, геохимик, организатор науки — 15, 27, 30, 36, 38, 53–58, 60, 61, 65, 67, 69, 73, 77, 88, 100, 101, 130, 133, 135, 142, 143, 145, 146, 149, 152, 154, 155, 157, 160–162, 196, 198, 233, 234, 237, 263, 266, 268, 274–278, 286, 299–318, 330, 357, 366, 369, 372–374, 378, 385, 386, 400, 406, 410, 415, 416, 421, 425, 426, 432,

440, 441, 444, 447, 448, 452, 453, 455, 459, 462–465, 468, 471, 474, 477–480, 488, 491, 492, 494, 498, 499, 502, 505–514, 517–520, 524–526, 536–538, 547, 552, 562, 568, 576, 582, 588, 593, 600
Вернадский Георгий Владимирович, историк — 90, 278, 506
Вернардер Александр Петрович, инженер-генерал, военный деятель — 321
Верстюк Владислав Федорович, современный украинский историк — 456, 553
Верховский Александр Иванович, генерал-майор, военный деятель — 505, 517
Весёлкин Николай Васильевич, физиолог — 284
Веселовский Александр Николаевич, филолог — 46, 49, 55
Веселовский Константин Степанович, экономист и географ – 43, 419
Веселовский Николай Иванович, востоковед, археолог, историк — 150, 195
Ветчинкин Владимир Петрович, механик — 179
Викторов Д. В. — 93
Вильгельм II, германский император — 97, 128, 440
Вильде Владимир Альбертович, химик — 225
Вильсон Вудро, президент США — 458, 542
Вильштеттер Рихард Мартин, немецкий биохимик — 105
Вильямс Василий Робертович, агроном-почвовед — 393, 409, 410, 553
Вин Вильгельм, немецкий физик — 105, 106, 162
Винавер Моисей Моисеевич, юрист, общественный деятель — 428
Виндельбанд Вильгельм, немецкий философ — 105
Винер Владимир Владимирович, агроном-опытник — 76, 356
Виноградов Владилен Николаевич, историк — 17, 553
Виноградов Владимир Алексеевич, историк экономики — 29, 581
Виноградов Дмитрий Иванович, служитель и курьер БАН — 515
Виноградов Константин Александрович, гидробиолог — 154, 367, 553
Виноградов Николай Дмитриевич, филолог, психолог — 464
Виноградов Павел Гаврилович, историк-медиевист — 58, 59, 117, 138, 140–142, 146, 150, 169, 233, 452, 463, 494, 524, 544
Виноградов Юрий Абрамович, историк науки — 28, 107, 111, 124, 133, 553
Виноградский Сергей Николаевич, микробиолог — 126, 410
Виппер Роберт Юрьевич, историк — 110, 553
Вирхов Рудольф, немецкий патологоанатом, гистолог, общественный деятель — 350
Виткевич Витольд Игнатьевич, геофизик, метеоролог — 167
Витте Сергей Юльевич, граф, государственный деятель — 45, 49, 148
Виттенбург Павел Владимирович, геолог, полярник — 153, 157
Витторф Николай Михайлович, химик, металлограф — 251
Вихляев Пантелеймон Алексеевич, статистик-аграрник — 384, 406, 477
Вишленкова Елена Анатольевна, современный историк, — 172, 236, 553, 573
Вишневски Эдвард, современный польский историк — 19
Вишневский Александр Васильевич, хирург — 228, 230

Вишнякова Маргарита Афанасьева, современный генетик, историк науки — 137, 553
Владимиров Александр Александрович, эпидемиолог — 348
Владимиров Владимир Владимирович, гинеколог — 230
Владимирский Александр Петрович, зоолог, генетик — 263
Владимирский М. В., современный историк — 512, 553
Владимирский-Буданов Михаил Флегонтович, историк русского права — 148
Владимирцев Борис Яковлевич, востоковед, монголовед — 195
Власов Вячеслав Алексеевич, современный историк — 64, 553
Вовенко Е. П., современный автор — 282, 577
Воейков Александр Дмитриевич, ботаник — 263, 364, 365, 381, 391–393, 557, 599
Воейков Александр Иванович, географ — 109, 148, 194, 402
Вознесенский Аркадий Викторович, геофизик, климатолог — 377
Вознесенский И. — см. Перчёнок Ф. Ф.
Волков Владимир Акимович, современный историк науки, архивист — 24, 67, 175, 197, 198, 247, 256, 554
Волков Владислав Павлович, геохимик, историк науки — 57, 553
Волков Фёдор Кондратьевич, антрополог — 191, 194, 196, 372, 492, 494
Волкова Е. А., современный библиограф — 29, 581
Волошин Максимилиан Александрович, литератор, художник — 99
Волошинова Ирина Валерьевна, современный историк — 21, 554
Вольф Штефан, современный немецкий историк науки — 106, 162, 554
Вонзблейн Михаил Николаевич, агроном, экономист — 237, 554
Воронин Михаил Степанович, миколог — 261
Воронина Маргарита Михайловна, современный историк науки — 186, 554
Воронков Михаил Иванович, педагог, политический деятель — 439, 554
Воронов Александр Александрович, электротехник — 344
Воронов Иван Иванович, современный историк — 36, 379–382, 384, 554
Воронцов Даниил Семёнович, украинский электрофизиолог — 263
Воронцов-Дашков Илларион Иванович, граф, военный и государственный деятель — 424
Воскресенский Александр Абрамович, химик — 247
Вотчал Евгений Филиппович, украинский ботаник — 267, 279
Врангель Мария Дмитриевна, баронесса — 346
Врангель Николай Николаевич, барон, искусствовед, — 345, 419, 499, 554
Врангель Пётр Николаевич, генерал-лейтенант, военный и государственный деятель — 171, 277, 346, 464, 512, 524, 553
Вревский Михаил Степанович, химик — 194
Вреден Роман Романович, хирург-ортопед — 208, 350, 554
Второв Николай Александрович, предприниматель, банкир, меценат — 376
Вуколов Семён Петрович, химик — 251
Вульф Георгий Викторович, кристаллограф — 53
Вульф Евгений Владимирович, ботаник — 278, 366, 383, 392, 554
Вульф Оскар Фридрихович, филолог и историк искусств — 422

Вундт Вильгельм, немецкий врач, физиолог, психолог, философ — 93, 105, 111
Высоцкий Георгий Николаевич, лесовед, почвовед, географ, геоботаник — 403
Высоцкий Николай Фёдорович, эпидемиолог, краевед, общественный деятель — 272
Вышеславцев Борис Петрович, религиозный мыслитель — 122

Габричевский Георгий Норбертович, бактериолог — 178
Гаврилова Ольга Александровна, современный историк — 522, 555
Гагарин Андрей Григорьевич, князь, ученый-механик — 62, 329
Гаген-Торн Виктор Эдуардович, химик — 249
Гадд Г. Л., ихтиолог — 397, 555
Гайда Фёдор Александрович, современный историк — 237, 555
Гайдукова Надежда Михайловна, современный химик — 226, 555
Галанина Нина Валериановна, сестра милосердия — 340, 555
Галеев Булат Махмудович, современный философ — 199, 555
Галиуллина Руфия Хазибовна, современный историк — 172, 553
Гальцов Павел Семёнович, гидробиолог — 367
Ган Отто, немецкий химик — 103, 541
Ганелин Рафаил Шоломович, современный историк — 22, 52, 554, 555
Гараевская Ирина Алексеевна, современный историк — 244, 555
Гаранин Валериан Иванович, современный зоолог — 270, 555
Гарин Николай Павлович, чиновник, сенатор — 313
Гармаш Татьяна Петровна, современный украинский историк науки — 391, 555
Гарнак Адольф, фон, немецкий теолог — 41, 540
Гаровиц О., немецкий издатель — 127
Гаряев П. П., золотопромышленник — 315
Гаусс Карл Фридрих, немецкий математик — 233
Гвоздев Кузьма Антонович, политический и государственный деятель — 512
Гедройц Константин Константинович, почвовед — 383, 415
Гезехус Николай Александрович, физик — 248
Гейсман Платон Александрович, генерал от инфантерии, военный историк — 213
Геккель Эрнст (Haeckel E.), немецкий зоолог-эволюционист, общественный деятель — 104, 105, 112, 113, 360, 362, 602, 603
Геккер Август Оскар Эрнст, немецкий геофизик и сейсмолог — 132
Геллер Михаил Яковлевич, историк, публицист, диссидент, эмигрант — 519, 564
Гельмерсен Григорий Петрович, фон, геолог — 43
Геммерлинг Владимир Васильевич, почвовед — 415
Генкель Александр Германович, ботаник, альголог — 91, 263, 279, 281, 360, 555
Георг V, король Великобритании — 139
Георгиевский Николай Николаевич, физик — 254, 255
Георгиевский С. С., современный историк науки — 197, 328, 555
Георгий Михайлович, великий князь — 343, 529

Герасимов Александр Павлович, геолог, минералог — 317
Герасимов Алексей Фёдорович, физико-химик — 225, 226
Герасимов Осип Петрович, историк, филолог, педагог — 501
Герасимова Ирина Фёдоровна, современный литературовед — 100, 555
Гервер Александр Владимирович, невропатолог, психиатр — 207, 208
Герд Александр Яковлевич, педагог, методист — 261
Герц Густав Людвиг, немецкий физик — 103, 329, 414
Гершель Джон Фридрих Уильям, английский астроном — 130
Гершензон Михаил Осипович, историк культуры, публицист — 58, 556
Гершун Александр Львович, физик-оптик — 254, 329
Герье Владимир Иванович, историк, общественный и политический деятель — 438, 440
Гессен Владимир Михайлович, юрист, государственный и общественный деятель — 494, 518, 520
Гессен Иосиф Владимирович, юрист, публицист, общественный и политический деятель — 53, 518, 519, 556, 564, 582
Гильберт Давид, немецкий математик — 105, 113
Гильденштед Иоганн, естествоиспытатель и путешественник — 374
Гилязов Искандер Аязович, современный историк — 172
Гимельбрант Дмитрий Евгеньевич, современный лихенолог — 361, 556
Гинглят А. Т., князь — 261
Гинденбург Пауль, фон, генерал-фельдмаршал — 97
Гинецинская Татьяна Александровна, зоолог — 32, 265, 368, 550, 556, 581
Гинецинский Александр Григорьевич, физиолог — 209
Гинзберг Александр Семёнович, химик, фармацевт — 206, 390
Гинзбург Илья Ильич, геолог, геохимик — 263, 313–315, 489, 490, 556
Гинс Георгий Константинович, юрист, чиновник, политический деятель — 379, 589
Гиппиус Зинаида Николаевна, поэт, писатель — 99
Гирс Михаил Николаевич, дипломат — 423
Глаголев М. М., химик — 248
Глаголев П. А., физиолог — 284
Глаголева (Глаголева-Аркадьева) Александра Андреевна, физик — 176, 598
Глазенап Сергей Павлович, астроном — 194
Глазунов Дмитрий Константинович, энтомолог, путешественник — 407, 419
Глебов Борис Дмитриевич, поэт и писатель — 575
Глинка Константин Дмитриевич, почвовед, геолог, минералог — 240, 265, 307, 311, 368, 372–375, 383, 414, 415, 494
Глинка Сергей Фёдорович, минералог, кристаллограф — 177
Глотов Михаил Борисович, современный социолог — 204, 556
Глубоковский Николай Никанорович, богослов, историк церкви — 494
Глушков Виктор Григорьевич, гидролог — 311, 401
Глыбочко Пётр Васильевич, современный врач-уролог — 63, 556
Гоби Христофор Яковлевич, ботаник — 194, 263, 279, 280
Гобино Жозеф Артюр, де, французский писатель-романист — 112
Гогель Сергей Константинович, юрист — 208

Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич, поэт, прозаик, публицист, обер-гофмейстер — 500
Голенищев-Кутузов Иван Иванович, конструктор — 187
Голенкин Михаил Ильич, ботаник — 280, 362, 403
Голиков Юрий Павлович, современный физиолог, историк медицины — 234, 282, 283, 336, 342, 347, 348, 360, 364, 546, 548, 556, 557, 564
Голицын Борис Борисович, князь, физик — 30, 55, 59, 60, 101, 135, 146, 148, 149, 155, 157–159, 163–166, 195, 196, 202, 254, 255, 300, 301, 304, 309, 311, 317, 358, 380, 383, 419, 437, 478, 536–538, 556, 565, 578
Голицын Владимир Михайлович, князь, камергер, государственный деятель — 137
Голицын Фёдор Иванович, поэт-любитель, генерал-майор — 498
Головацкий Яков Фёдорович, поэт, писатель, учёный-фольклорист — 487
Головин Евгений Петрович, зоолог — 212
Головин Фёдор Александрович, государственный и земской деятель — 496
Голубева Ольга Дмитриевна, библиограф — 258, 549
Голубов Николай Фёдорович, терапевт — 177
Гольбек Андрей Карлович, агроном — 357
Гольдгаммер Дмитрий Александрович, физик — 84, 219, 221, 222, 225, 522, 532
Гольдштейн Иосиф Маркович, экономист — 177
Гольмстен Адольф Христианович, юрист — 195
Гомилевский Василий Иеремиевич, специалист лесного и сельского хозяйства — 392, 557
Гончар-Быш Н.Н., современный автор — 21, 554
Гончаров Николай Петрович, современный генетик, растениевод, историк науки — 24, 363, 379, 479, 480, 551, 557, 596
Горбачев Иван Андрианович — 16, 557
Горбов Александр Иванович, химик — 251
Горбовский А. А., геоботаник — 359
Горбунов Николай Петрович, химик, общественный и государственный деятель — 527, 529
Гордон Владимир Михайлович, правовед — 277
Гордягин Андрей Яковлевич, геоботаник — 215, 216
Городецкий Сергей Митрофанович, поэт, переводчик, педагог — 99
Горохова Людмила Васильевна, современный архивист — 213, 565
Горький Максим (Алексей Максимович Пешков), писатель, общественный деятель — 100, 460, 461, 471–474, 504, 557, 563
Горяев Николай Константинович, терапевт — 230
Готан Вальтер, немецкий палеоботаник — 360
Готье Юрий Владимирович, историк — 176, 438, 467, 573
Грабарь Владимир Эммануилович, юрист, историк права, публицист — 468, 494
Грабарь Игорь Эммануилович, искусствовед, художник — 93
Граве Дмитрий Александрович, математик — 277
Графтио Генрих Осипович, энергетик — 243
Грачев Константин Аврамиевич, терапевт — 230

Гребенщиков Илья Васильевич, химик-технолог — 329, 330
Гребницкий-Докторович А.С., садовод и помолог — 374
Гревс Иван Михайлович, историк — 53, 109, 194, 468, 470, 494, 505
Гредескул Николай Андреевич, юрист, политик — 438
Греков Борис Дмитриевич, историк — 194, 277
Грекова Татьяна Ивановна, современный патофизиолог, историк медицины — 282, 336, 342, 546, 557
Грёнвалл Э., шведский книготорговец — 135
Гречкин Николай Павлович, химик, историк науки — 226, 557
Грибовская Г. А., современный историк медицины — 351, 550
Грибовский Вячеслав Михайлович, историк права — 195, 466
Грибоедов Адриан Сергеевич, психиатр, невролог, педолог — 208
Григорович Дмитрий Павлович, авиаконструктор — 187
Григорович Иван Константинович, адмирал, государственный деятель — 164, 165
Григорьев Сергей Григорьевич, географ, путешественник, публицист — 557
Григорян (Григорьян) Норавард Андреевна, современный историк науки — 455, 581
Гримм Давид Давидович, правовед, организатор науки, государственный деятель — 57, 70, 440, 450, 451, 464, 468, 471, 474, 483
Гримм Оскар Андреевич, зоолог — 380, 397
Гримм Эрвин Давидович, историк, организатор науки — 71, 85, 89, 92–94, 108, 122, 134, 194, 201, 202, 450, 466, 468, 470, 475, 512, 521, 549, 557
Гриневецкий Василий Игнатьевич, теплотехник — 16, 177, 295, 557
Гриневицкий Болеслав Болеславович, ботаник — 280
Гриценко Н. Н., историк научных обществ — 243, 557
Гродко Арон Самуилович, юрист — 209
Громов Константин Иванович, геолог — 405, 557
Громова Людмира Ивановна, историк науки — 445, 581
Громова Татьяна Алексеевна, современный краевед — 365, 391, 557
Грот Яков Карлович, филолог — 132, 419
Грохольский, граф — 427
Грубауэр Альберт, немецкий натуралист, фотограф — 408, 419
Грудистов Николай Владимирович, лесовод — 365
Груздев Викторин Сергеевич, гинеколог — 215, 228
Груздева Елена Николаевна, современный историк науки, архивист — 300, 328, 329, 557, 558
Грузинов Алексей Станиславович, современный историк — 15, 562
Грузнов Илья Даниилович, сотрудник БАН — 515
Грузов С. С., лесовод — 359
Грум-Гржимайло Владимир Ефимович, металлург — 314, 330
Грумм-Гржимайло Григорий Ефимович, путешественник, географ, зоолог — 418
Грушевский Михаил Сергеевич, украинский историк, общественный и политический деятель — 456, 503, 553
Грушка Аполлон Аполлонович, филолог-классик — 177
Грэхем (Грэм) Лорен (Graham L.), современный американский историк науки — 78, 244, 558, 602

Губергриц Макс Моисеевич, медик — 235
Гуков Геннадий Викторович, лесовод и педагог — 359, 558
Гулевич Владимир Сергеевич, биохимик — 176, 178, 248, 284
Гуман Владимир Васильевич, лесовод — 361
Гумилёв Николай Степанович, поэт — 60, 99
Гурвич Александр Гаврилович, биолог — 278, 366
Гуревич Яков Яковлевич, педагог — 477
Гуртьев А. И., лесовод — 359
Гурьянов В. В., ассистент — 225
Гусятников П. С., историк — 52, 558
Гучков Александр Иванович, политик и государственный деятель — 36, 101, 295
Гюнтер Николай Максимович, математик — 194

Давыдов Константин Николаевич, зоолог — 263, 372, 379
Давыдов Николай Васильевич, юрист — 137
Данилевский Александр Яковлевич, физиолог — 270
Данилевский Василий Яковлевич — 285
Данилов М. И., лесовод — 359
Данилов Николай Петрович, доктор медицины — 230
Дараган, помещик из Бобруйска — 337
Дарвин Чарлз Роберт, английский натуралист и эволюционист — 112
Дашкевич Николай Павлович, историк — 58
Дворниченко Андрей Юрьевич, современный историк — 69, 108, 587
Де Грот Иоганн Якобус, немецкий этнограф — 105
Де Роберти Евгений Валентинович, социолог, философ — 204
Де-Лазари Александр Николаевич, химик, генерал-майор — 328, 558
Девятов Фёдор Владимирович, современный химик — 566
Дегтярев Александр Якимович, современный историк — 546
Дейнека Дмитрий Иванович, гистолог — 65, 260, 263
Дельвиг Андрей Иванович, барон, инженер-генерал — 243
Делянов Иван Давыдович, государственный деятель — 519
Демина Т. М., современный библиограф — 29, 581
Деникин Антон Иванович, генерал-лейтенант, государственный деятель — 278, 360, 447, 464, 512, 524, 553, 558
Депп Георгий Филиппович, инженер-технолог — 183
Дервиз Дмитрий Григорьевич, фон — 419
Деревицкий Алексей Николаевич, филолог, государственный деятель — 92, 438, 440
Державин Гавриил Романович, поэт, государственный деятель — 419
Дерюгин Константин Михайлович, гидробиолог, зоолог — 65, 195, 208, 263, 265, 266, 366, 368, 373, 374, 398, 419, 558, 597
Дерюжинский Владимир Фёдорович, юрист, публицист — 195
Дерягин Борис Васильевич, физик — 378, 558
Дживелегов Алексей Карпович, историк, политический деятель — 137
Джунк В., немецкий издатель — 127
Дзержговский Симон-Леонард Конрадович (Семён Кондратьевич), гигиенист, химик-технолог, микробиолог — 347, 348

Дзержкович Андрей Андреевич, химик, полковник — 488
Дилло В. Н., лесовод — 359
Дильс Герман Александр, филолог-классик, историк античности — 104
Димо Николай Александрович, почвовед — 415
Дионесов Семён Максимилианович, физиолог — 282, 558
Дитмар Николай Фёдорович, фон, промышленник, общественный и политический деятель — 254, 296
Дмитриев Александр Николаевич (Dmitriev A.N.), современный историк — 28, 71, 105, 107, 117, 171, 172, 185, 195, 544, 558, 596, 601
Дмитриев Андрей Михайлович, луговод — 374
Дмитриев Игорь Сергеевич, современный историк науки — 28, 319, 320, 322, 559
Дмитриевский Александр Александрович, археолог — 453
Добрынина Маргарита Ивановна, петрограф — 315, 560
Догель Александр Степанович, гистолог — 91, 92, 108, 119, 120, 134, 194, 262, 263, 369
Догель Валентин Александрович, зоолог — 119, 194, 263, 369, 472
Докучаев Василий Васильевич, почвовед — 43, 76, 356, 375
Долгова Евгения Андреевна, современный историк — 27, 559
Доливо-Добровольский Михаил Осипович, электротехник — 243
Долинин Валентин Алексеевич, хирург, генерал-лейтенант — 351, 559
Домагк Герхард Йоханнес Пауль, немецкий патолог, бактериолог — 103
Донсков Николай Александрович, психиатр — 230
Доппельмаир Георгий Георгиевич, охотовед — 374, 404, 405, 591
Доренко Алексей Григорьевич, растениевод, агрофизик, агрохимик. — 76, 356
Дормидонтов Григорий Федорович, правовед — 84, 212, 213, 224, 225, 230, 516, 522, 591
Дорогостайский Виталий Чеславович, зоолог, охотовед — 376, 377, 559
Дорфман Яков Григорьевич, физик, историк науки — 186, 255
Досс Бруно Карлович (Bruno Doss), геолог — 133
Достоевский Фёдор Михайлович, писатель — 109, 546
Драницын Дмитрий Алексеевич, почвовед — 359
Дружинин Василий Григорьевич, археолог, палеограф — 419
Друзин Михаил Викторович, современный историк — 504, 561
Дубина Вера Сергеевна, современный историк — 20, 554
Дубянская Мария Павловна, гигиенист — 393, 490, 559
Дубянский Владимир Андреевич, геоботаник — 265, 368
Дунин А. А., ассистент — 225
Дурнев Юрий Анатольевич, современный орнитолог — 376, 559
Дурново Пётр Николаевич, государственный деятель — 81
Дьяков Борис Борисович, современный историк физики — 187, 253, 256, 559
Дьяков Михаил Иудович, зоотехник — 399, 559
Дьяконов Александр Александрович, историк — 52, 558
Дьяконов Александр Михайлович, зоолог — 263
Дьяконов Михаил Александрович, историк, юрист — 55, 58, 59, 126, 130, 143, 162, 233, 424, 426, 440, 442, 460, 463, 492, 499, 504, 510, 512, 521

Дьяконов Пётр Петрович, врач — 349, 353, 396, 559
Дьячков Владимир Львович, современный историк — 18, 99, 123, 559
Дюгем Пьер, французский физик — 110
Дюн Фридрих, фон, немецкий археолог — 105
Дюрер Альбрехт, художник — 93
Дягилев Владимир Яковлевич, прозаик, публицист, журналист — 352, 559
Дякин Валентин Семенович, историк — 437, 441, 569, 571

Евдокимов Владимир Леонтьевич, химик — 225
Евсеев Иван Евсеевич, филолог-славист — 150
Евтеева П. М., историк химии — 67, 559
Егоров Дмитрий Николаевич, историк — 464
Егоров Иван Васильевич, историк, комиссар РАН — 522, 559
Егоров Николай Григорьевич, физик — 254, 256
Егорова Н. А., современный библиограф — 29, 581
Екатерина II, императрица — 73, 239, 285
Елена Павловна, великая княгиня — 336, 499, 570
Еленкин Александр Александрович, ботаник — 263, 360
Елизавета Маврикиевна, великая княгиня — 343
Елизавета Фёдоровна, великая княгиня — 340
Елизаров Владимир Алексеевич, медик, популяризатор медицины — 351, 595
Елина Ольга Юрьевна, современный историк науки, — 24, 28, 76, 356, 362, 379, 380, 387, 409, 410, 479, 560
Елисафов Г. Д., химик — 251
Емельянов Алексей Юрьевич, современный автор — 90, 560
Емельянова Ирина Ардалионовна, современный историк — 71, 560
Емельянова Татьяна Викторовна, современный историк — 380, 560
Еремеева Анна Натановна, современный историк — 71, 185, 186, 389, 390, 522, 560
Еремина Елизавета Владимировна, петрограф — 313, 315, 490, 560
Ерман Лев Константинович, историк — 52, 560
Ермолаев Андрей Игоревич, современный историк науки — 211, 223, 480, 485–487, 560
Ермолаев Игорь Петрович, современный историк — 71, 72, 214, 227, 486, 487, 560, 565
Ермолаев Юрий Николаевич, современный историк науки — 453, 454, 465, 467, 561
Ермолов Алексей Сергеевич, агроном, агрохимик, государственный деятель — 76, 356, 359, 380, 402
Ерошенко А. П., современный историк — 340, 561
Ерошкин Николай Петрович, историк — 379, 561
Есаков Владимир Дмитриевич, историк — 26, 142, 161, 449, 458, 511, 561
Есауленко Игорь Эдуардович, современный физиолог — 282, 577
Есенин Сергей Александрович, поэт — 99
Есипов Владимир Владимирович, историк права, публицист — 109, 561
Ефимов Николай Дмитриевич, растениевод — 357
Ефимова Е. Д. — 345, 589
Ефремов Иван Николаевич, политический и государственный деятель — 471

Ефремов Николай Николаевич, химик — 490, 561

Жаков Каллистрат Фалалеевич, философ, этнограф, писатель — 210
Жамойда Александр Иванович, современный палеонтолог — 285, 561
Ждан-Пушкин Николай Степанович, медик — 354, 561
Жданко Михаил Ефимович, гидрограф-геодезист, генерал — 157, 158
Жебелёв Сергей Александрович, историк-эллинист, археолог, филолог — 150, 195, 494, 504
Железнов Николай Иванович, ботаник — 43
Желобов Андрей Петрович, современный философ — 21, 561
Жемчужный Сергей Фёдорович, химик и металлограф — 304, 312, 315, 488, 491, 561
Жердева Юлия Александровна, современный историк — 503, 505, 561
Жидков Борис Михайлович, путешественник, зоолог, охотовед — 157, 372
Жижиленко Александр Александрович, правовед, юрист-криминолог — 109, 195, 494
Жилин Александр Алексеевич, правовед — 466
Жолцинский Иван Петрович, почвовед — 177
Жуков Артём Евгеньевич, современный историк — 503, 561
Жуковская Татьяна Николаевна, современный историк — 108, 587
Жуковский Валентин Алексеевич, востоковед-иранист — 195
Жуковский Григорий Юльевич, химик — 329
Жуковский Николай Егорович, аэромеханик — 43, 73, 176, 178–180, 186, 243, 295, 296, 363
Журавлёв В. И., лесовод — 359

Заболотный Даниил Кириллович, эпидемиолог, бактериолог — 348, 349, 471, 472
Заболоцкий Евгений Михайлович, современный историк — 360, 586
Забудский Григорий Александрович, химик, технолог, генерал-лейтенант артиллерии — 198, 251, 326
Завадский Александр Владимирович, правовед — 215
Завадский Александр Михайлович, зоолог — 219, 223, 271, 273, 295, 297, 560
Завадский Кирилл Михайлович, биолог-эволюционист — 223, 567
Завадский Михаил Ромулович, педагог — 223
Завадский Норберт Болеславович, физик — 254
Завадский Сергей Владиславович, юрист, государственный деятель — 404, 406
Заварзин Алексей Алексеевич, цитолог, гистолог — 120, 263, 370, 379, 546
Загоскин Николай Павлович, историк и правовед — 71, 212
Зайцев П. Г., председатель артиллерийской секции — 219
Залеман Карл Германович, филолог-иранист — 46, 49, 55, 59, 124, 126, 130–132, 143, 148, 161, 195, 419
Заленский Владимир Владимирович, зоолог — 43, 46, 47, 49, 60, 152, 154, 263, 266, 270, 301, 316, 317, 359, 364, 366, 372, 374, 376, 399, 474, 491, 494, 514, 524, 529
Заленский Вячеслав Рафаилович, ботаник, геолог — 282
Заленский Э. Ю., польский инженер — 395, 562
Залесский Вячеслав Константинович, биохимик — 280

Залесский Михаил Дмитриевич, палеоботаник — 263, 285, 286, 313, 369, 372
Зальц Антон Егорович, барон, генерал от инфантерии — 213
Замысловский Егор Егорович, историк — 294
Захаров Алексей Васильевич, современный химик — 566
Захарова Татьяна Николаевна, современный историк — 21, 562
Захарова-Шмидт М.А., современный историк — 260–262, 268, 562
Звегинцев Александр Иванович, путешественник и специалист по сельскому хозяйству — 359
Зверев Николай Андреевич, юрист, политик, общественный деятель — 440
Зверева Нина Карповна, современный историк, сестра милосердия — 340, 546
Зеебер Рейнгольд, немецкий теолог —105
Зейлигер Дмитрий Николаевич, ученый-механик — 71, 208
Зеленин Кирилл Николаевич, современный химик, историк науки — 445, 581
Зеленский Владимир Данилович, зоолог — 263
Зелёный Георгий Павлович, физиолог — 155, 357, 361, 460
Зелинский Андрей Николаевич, историк, археолог, филолог — 198, 562
Зелинский Николай Дмитриевич, химик — 67, 69, 73, 195, 196, 197, 198, 252, 322, 324, 327, 331, 464, 538, 562, 593
Зелинский Фаддей Францевич, историк — 150, 194, 504
Земятченский Пётр Андреевич, геолог и почвовед — 194, 195, 266, 311, 313, 314, 415, 444, 489–491, 562
Зенкевич Лев Александрович, гидробиолог — 376, 377
Зенкевич Михаил Александрович, поэт, прозаик, переводчик — 99
Зенкевич Светлана Игоревна, современный филолог — 28, 334, 567
Зернов Дмитрий Степанович, ученый-механик, технолог — 53, 247, 256, 297
Зернов Сергей Алексеевич, гидробиолог — 154, 263, 376
Зимницкий Семён Семёнович, терапевт — 230
Зинин Николай Николаевич, химик — 43
Зиновьев А. М., земский агроном — 400
Зиновьев Григорий Евсеевич, революционер и государственный деятель — 519
Зиновьев Иван Александрович, дипломат, писатель — 343
Зиновьева Мария Константиновна, библиограф — 258, 549
Зитерев Максим Александрович, современный историк науки — 187, 253, 256, 559
Златогоров Семён Иванович, микробиолог — 372
Знаменский Олег Николаевич, историк — 440, 445, 503, 562
Золотарёв Давид Алексеевич, антрополог, этнограф — 492
Золотарёв Егор Иванович, математик — 495, 528
Зоммерфельд Арнольд, немецкий физик-теоретик — 114
Зорина А. Д., современный библиограф — 29, 581
Зороастров Анатолий Всеволодович, хирург — 353, 562
Зубов Валентин Платонович, граф — 345, 508, 583
Зыков В. М., медик — 177

Ибрагимов Даниил Исмагилович, начальник архивного управления — 213, 565

Иваницкий Борис Евгеньевич, государственный деятель, юрист — 365
Иванов, профессорский стипендиат — 225
Иванов Александр Александрович, астроном — 194, 472
Иванов Александр Орестович, горный инженер, тайный советник — 307
Иванов Алексей Иванович, востоковед, синолог — 195
Иванов Анатолий Евгеньевич, современный историк — 25, 28, 46, 52–54, 62, 63, 77, 79, 80, 93, 107, 135, 171, 444, 562, 563
Иванов Анатолий Иванович, современный филолог, литературовед — 99, 563
Иванов Андрей Александрович, современный историк — 82, 438, 562
Иванов Борис Ильич, современный историк науки — 21, 243, 244, 245, 555, 560, 563, 576, 591
Иванов В. А., медик — 230
Иванов Георгий Владимирович, поэт — 99
Иванов Дмитрий Львович, горный инженер — 307
Иванов Илья Иванович, биолог-животновод — 356, 357, 586
Иванов Леонид Александрович, физиолог растений — 120, 266, 267, 279, 370, 374, 563
Иванов Николай Иудович, военный деятель, генерал от артиллерии — 426
Иванов Николай Николаевич, биохимик растений — 194, 263
Иванов Пётр Павлович, эмбриолог — 65, 208, 263
Иванов Сергей Алексеевич, животновод — 399, 400, 563
Иванов Сергей Леонидович биохимик растений — 263, 267, 365
Иванова Елена Александровна, современный историк и социолог науки — 555
Иванова Л. В., историк науки — 470, 526, 563
Ивановский Виктор Викторович, правовед — 71, 522
Ивановский Дмитрий Иосифович, микробиолог — 365
Игнатьев А. В., историк — 139, 564
Игнатьев В. Е., медик — 396, 564
Игнатьев Павел Николаевич, граф, государственный деятель — 14, 87, 128, 132, 139, 140, 144, 147, 169, 185, 189, 201, 207, 240, 280, 284, 430, 443, 468
Изгоев Александр Соломонович, публицист, социолог и общественный деятель — 518, 519, 564
Измозик Владлен Семёнович, современный историк — 31, 98, 564
Изнар Николай Николаевич, инженер-путеец — 296
Израель Е. Л., общественный и политический деятель — 209
Иконников Владимир Степанович, филолог — 58, 59
Илизаров Борис Семёнович, современный историк — 513, 564
Иловайский Дмитрий Иванович, историк — 96, 438, 564
Ильин Василий Сергеевич, физиолог растений — 263
Ильин Виталий Сергеевич, биохимик — 379
Ильин Иван Александрович, философ, писатель, публицист — 83, 564
Ильин Юрий Васильевич, современный военный историк — 555
Ильина Кира Андреевна, современный историк — 172, 553
Ильина Н. В., современный исследователь — 555
Ильинский Алексей Порфирьевич, геоботаник — 263

Ильинский Владимир Петрович, химик — 312, 313, 328, 488
Ильинский Леонид Константинович, книговед, литературовед — 449
Илюшин Михаил Алексеевич, современный химик — 21, 326, 599
Иностранцев Александр Александрович, геолог — 194, 195, 198, 262, 263, 266
Иовлев Борис Вениаминович, современный медицинский психолог — 203, 546
Иоффе Абрам Фёдорович, физик, организатор науки — 186, 187, 194, 198, 248, 253, 254, 255, 278, 524, 597
Иоффе Яков Абрамович, экономист — 16, 564
Ипатьев Владимир Николаевич (Ipatieff V.N.), химик, генерал-лейтенант — 24, 30, 36, 67, 68, 146, 148, 149, 151, 153, 155, 175, 194–199, 249–253, 290, 291, 293, 294, 298, 310, 319–328, 331, 333, 362, 463, 488, 509, 513, 523, 536–538, 545, 546, 554, 564, 567, 570, 573, 603
Исаченко Борис Лаврентьевич, ботаник, микробиолог — 263, 279,
Искюль Владимир Иванович, минералог, почвовед. — 314
Истрин Василий Михайлович, историк литературы, славист, языковед — 58, 59, 146, 149, 424, 426, 494, 503
Ищереков Виктор Петрович, агрохимик — 225

Каблуков Иван Алексеевич, физикохимик — 73, 176, 295, 307, 311
Каблуков Николай Алексеевич, политэконом, статистик — 241
Каганович Андрей Александрович, современный теоретик и историк педагогики — 207, 565
Каганович Борис Соломонович, современный историк — 27, 512, 515, 565, 582
Казем-Бек Алексей Николаевич, терапевт — 215
Казнаков Александр Николаевич, путешественник, зоолог, ботаник, полковник — 430
Кайё Люсьен, французский геолог — 412
Калитин Николай Николаевич, геофизик, метеоролог — 155
Калужняцкий Эмиль, филолог — 498
Кальнер Вениамин Давыдович, химик-металлург — 24, 546
Каменев Лев Борисович, революционер и государственный деятель — 519
Каминка Август Исаакович, юрист — 53
Кампанелла Томмазо, философ, писатель — 360
Капитонов Евгений Николаевич, современный автор — 466, 565
Капитонов Игорь Евгеньевич, современный автор — 466, 565
Капица Пётр Леонидович, физик, организатор науки — 90, 186, 255, 333
Капустин Михаил Яковлевич, гигиенист — 230
Капустин Фёдор Яковлевич, физик — 248, 254
Карев Дмитрий Владимирович, современный историк — 438, 565
Кареев Николай Иванович, историк, философ, социолог — 27, 67, 90, 110, 115, 194, 470, 494, 511, 529, 559, 565
Кароль Берта Петровна, историк науки — 164, 565
Карпинский Александр Петрович, геолог, организатор науки — 30, 40, 43, 60, 67, 92, 130, 133, 141, 143, 146–149, 152, 155, 158, 196, 262, 263, 266, 268, 286, 287, 300, 301, 311, 316–318, 374, 375, 406, 426, 427, 441, 451–453, 459, 462, 470, 491, 499, 507, 514, 518, 520, 524, 526–531, 536, 538, 586,

Карпов Лев Яковлевич, химик-технолог, политический и государственный деятель — 523
Карпова Эльвира Борисовна, современный медицинский психолог — 203, 546
Карский Евфимий Фёдорович, филолог-славист, языковед, этнограф — 59, 149, 150, 442, 474, 492, 500, 501, 504, 524, 529, 537,
Карташев (Карташёв) Антон Владимирович, богослов — 504, 512, 574
Карташов (Карташёв) Александр Васильевич, химик — 225
Карчевский Сергей Васильевич, прокурор — 502
Кассо Лев Аристидович, юрист, государственный деятель — 56, 65, 68–72, 83, 97, 205, 207, 422, 439, 450, 451, 454, 464, 465, 519
Кассов Самуил (Kassow S. D.), современный американский историк образования — 45, 171, 603
Кауфман Александр Аркадьевич, экономист, статистик, публицист — 195, 398, 400, 494
Кауфман Илларион Игнатьевич, экономист — 195
Кафенгауз Лев Борисович, экономист, политический деятель — 22, 294, 317, 328, 565
Кацалова Наталья Фёдоровна, современный историк педагогики — 183, 565
Качалов Николай Николаевич, химик-технолог — 311, 329
Кащенко Николай Феофанович, зоолог — 174, 391, 587
Кварацхелия Павле, грузинский и американский педагог и общественный деятель — 210
Кедровский Василий Иванович, бактериолог — 178
Келлер Борис Александрович, ботаник, эколог — 279, 281, 362
Кёниг Евгений Леонидович, гидротехник, мелиоратор — 373
Кеплер Иоганн, немецкий астроном — 132
Керенский Александр Фёдорович, государственный деятель — 83, 91, 448, 471, 502, 506, 512, 513, 553, 565
Керзон Джордж, лорд, министр иностранных дел Великобритании — 544
Кёрнер (Кёрнер фон Марилаун) Антон Йозеф, австрийский ботаник — 360
Керцелли Сергей Васильевич, ветеринар, зоолог, оленевод — 400, 404, 565
Кёсслер Карл Фёдорович, зоолог — 43
Кизеветтер Алексаендр Александрович, историк — 69, 90, 464, 466, 529
Кизилов Михаил Борисович, современный историк — 276, 378, 565
Киржаев Сергей Николаевич, современный историк-архивист — 552
Кирикова Ольга Александровна, современный архивист, филолог, историк науки — 46, 49, 549, 583
Кириченко А. К., зоолог — 408
Кирпичева Милита Владимировна, физик — 187
Кирш Карл Васильевич, теплотехник — 294
Китанина Таисия Михайловна, историк — 36, 566
Кичунов Николай Иванович, растениевод — 394, 395, 565, 566
Кларк Франк Уиглсуорт, американский геохимик — 412
Клеменц Дмитрий Александрович, этнограф, археолог, географ — 55
Климов Б. К., инженер-технолог — 251, 328, 512
Клюге Г. А., зоолог — 263–265, 368
Клюев Николай Алексеевич, поэт — 99

Ключевич Александр Соломонович, химик, историк химии — 224, 566
Ключевский Василий Осипович, историк — 43, 46
Кляйн (Клейн) Феликс Христиан, немецкий математик — 105
Кнауэр Фёдор (Фридрих) Иванович, языковед-индолог — 132, 133, 135, 461
Книпович Николай Михайлович, океанограф — 65, 68, 157, 208, 311, 372, 373, 374, 375, 401, 471, 472,
Князев Георгий Алексеевич, архивист, историк науки — 46, 436, 448, 566
Князев Леонид Михайлович, государственный деятель — 405
Кобеко Дмитрий Фомич, историк — 50
Ковалева А. С., современный историк — 139, 566
Ковалевский Александр Онуфриевич, зоолог, эмбриолог — 43, 126, 259, 268, 270, 357
Ковалевский Владимир Иванович, агроном, экономист, общественный деятель — 243–247, 256, 307, 373, 565, 579, 589
Ковалевский Владимир Онуфриевич, палеонтолог — 43, 126
Ковалевский Ефграф Петрович (младший), юрист — 453
Ковалевский Иосиф (Осип) Михайлович, востоковед — 43
Ковалевский Максим Максимович, историк, социолог — 58, 115, 137, 146, 148, 194, 204, 419, 440, 566
Ковалевский Павел Иванович, психиатр — 97, 111, 566
Ковтун-Шелепина Валентина Петровна, сестра милосердия — 28
Коган Е. Е., физик — 254
Коган Я. Б. — 275, 547
Кожевников Алексей Борисович (Kojevnikov A. B.), современный историк — 26, 28, 603
Кожевников Григорий Александрович, энтомолог, зоолог, географ, охотовед, эколог — 177, 376, 377, 402, 403, 509, 566
Козенко Борис Дмитриевич, современный историк, историограф — 17, 566
Козлов Владимир Вениаминович, химик — 31, 566
Козлов Н. А., химик — 176–178
Козлов Пётр Кузьмич, путешественник, генерал-майор — 60, 274, 406, 418
Козо-Полянский Борис Михайлович, ботаник — 91, 282, 362, 546
Козулина Анна Викентьевна, современный юрист, философ — 568
Коковцов Владимир Николаевич, государственный деятель — 446, 566
Коковцов Павел Константинович, востоковед, семитолог — 58, 59, 126, 233, 432, 463
Кокуев Никита Рафаилович, энтомолог — 407, 419
Кокшаров Николай Иванович, минералог — 43
Коловрат-Червинский Лев Станиславович, минералог — 489
Колоницкий Борис Иванович (Kolonitskii B.), современный историк — 18, 139, 566, 605
Колосов Александр Константинович, инженер-строитель — 324, 567
Колосов Гурий Васильевич, математик и механик — 194
Колотовкина Светлана Сергеевна, современный историк — 137, 567
Колчак Александр Васильевич, военачальник, общественный деятель, океанограф — 158
Колчинский Эдуард Израилевич (Kolchinsky E. I.), современный историк науки — 16, 19, 21, 24, 26–28, 30, 36, 38, 46, 96, 104, 124, 125, 161, 223,

240, 288, 333, 360, 379, 380, 383, 410, 418, 450, 477, 479, 512, 540, 543, 545, 546, 549–551, 557, 562, 567, 568, 572, 574, 576, 587, 591, 592, 602, 603
Кольцов Анатолий Васильевич, историк науки — 15, 46, 49, 196, 300, 309, 310, 314, 372, 568, 583
Кольцов Михаил Ефимович (настоящее имя Моисей Фридлянд), писатель, журналист — 209
Кольцов Николай Константинович, зоолог и цитолог, организатор науки — 38, 53, 61, 65, 69, 72, 93, 94, 114, 116, 119, 121, 122, 150, 160, 279, 369–371, 375, 378, 402, 509, 529, 537, 568
Комаров Виссарион Виссарионович, издатель, журналист — 81
Комаров Владимир Леонтьевич, ботаник, организатор науки — 65, 150, 194, 208, 263, 267, 268, 279, 282, 307, 311, 373, 383, 385, 387, 388, 390, 395, 471, 524, 568
Комовский Григорий Фёдорович, физик, химик — 180
Конашев Михаил Борисович, современный историк науки — 288, 471, 568
Кон-Винер Эрнст, немецкий историк искусства — 93
Кондаков Никодим Павлович, историк, археолог — 43, 55, 86, 140–142, 149, 150, 194, 233, 424, 432, 433, 464, 494, 504, 514, 524, 577
Кони Анатолий Фёдорович, юрист — 195, 199, 200, 440, 456, 500, 591
Коновалов Александр Иванович, предприниматель, политический деятель — 137, 297
Коновалов Дмитрий Петрович, химик, физик, государственный деятель — 153, 249, 437
Кононенко Сергей Викторович, преподаватель военного авиационного училища — 21, 569
Константин Константинович, великий князь, президент Академии наук — 27, 47, 49, 55, 58, 69, 85, 86, 90, 128, 132, 141, 147, 148, 157, 158, 161, 268, 343, 344, 371, 419, 421, 422, 426, 431, 432, 434, 500, 559, 591
Копелевич Юдифь Хаимовна, историк науки — 125, 569
Корбут Михаил Ксаверьевич, историк — 212, 216, 226, 227, 436, 532, 569
Кореева Наталья Сергеевна, современный историк — 226, 555
Корелин Авенир Павлович, современный историк — 15, 562
Коренчевский Владимир Георгиевич, патолог, геронтолог, фармаколог, бактериолог — 284
Коржинский Сергей Иванович, ботаник — 270
Коржихина Татьяна Петровна, современный историк — 31, 32, 569
Корнев Е. И., лесовод — 359
Корнеев Василий Михайлович, историк медицины — 350, 569
Корнилов Лавр Георгиевич, военачальник, генерал от инфантерии — 511
Корнилов Сергей Владимирович, современный философ — 21, 569
Короленко Владимир Галактионович, писатель — 99, 471
Корольков Алексей Львович, физик, электротехник, генерал-лейтенант — 254, 329
Короткевич В. И., историк — 512, 569
Короткий М. Ф., геоботаник — 91, 359, 593
Коротнев Алексей Алексеевич, эмбриолог — 148, 263, 358
Корш Фёдор Евгеньевич, филолог — 124, 129, 148, 500
Космачевская Эмма Андреевна, физиолог — 445, 581

Косогонов Иосиф Иосифович, химик, физик — 256
Коссович Пётр Самсонович, физиолог растений — 263, 358, 380
Костевич Михаил Михайлович, офицер-артиллерист — 320
Костинский Сергей Константинович, астроном — 150
Костицын Владимир Александрович, математик, астрофизик, эколог — 27, 546
Костомаров Вадим Михайлович, историк — 31, 569
Костомаров Николай Иванович, историк — 43
Костылева Екатерина Евтехнеевна, геолог — 314
Костычев Павел Андреевич, агроном, почвовед — 76, 437
Костычев Сергей Павлович, физиолог — 194, 263, 265, 267, 268, 279, 365, 368, 471
Костюк Платон Григорьевич, украинский физиолог — 282, 546
Косых Евгений Николаевич, современный историк — 259, 582
Котлов Юрий Владиславович, современный ботаник — 281, 569
Котляревский Нестор Александрович, литературовед — 58, 59, 109, 130, 141, 146, 149, 150, 448, 499, 504, 569
Котляревский Сергей Андреевич, историк, писатель — 123, 504
Котов Борис Сергеевич, современный историк — 82
Котов Григорий Иванович, архитектор, реставратор — 433
Кохер Эмиль Теодор, швейцарский хирург — 351
Кочетков Вячеслав Петрович, агрохимик — 414
Кочеткова Татьяна Васильевна, современный филолог — 63, 556
Коши Огюстен Луи, французский математик и механик — 233
Кошляков Николай Сергеевич, математик — 278
Кравков Николай Павлович, фармаколог — 251, 283, 284, 494
Кравков Сергей Павлович, почвовед — 194, 374
Крангальс Эрнест Александрович, химик, техник-стекольщик — 329
Красин Леонид Борисович, инженер, государственный деятель — 295, 471, 544
Красникова Ольга Алексеевна, современный историк — 157, 159, 569
Красницкий Э., председатель Общества охраны древностей Варшавы — 427
Краснов Андрей Николаевич, ботанико-географ — 358, 363, 552
Краснокутская Екатерина Петровна, агроном — 400
Краснокутский Василий Александрович, правовед — 177
Краузе Фридрих Оскарович, врач — 28
Краузе ван дер Коп Анна Арнольдовна, филолог — 419
Крачковский Игнатий Юлианович, арабист — 453, 497
Крашенинников Фёдор Николаевич, ботаник, физиолог растений — 177
Кречетович Лев Мельхиседекович, ботаник — 281
Кривоноженко Александр Фёдорович, современный историк — 172, 450, 470, 475, 569
Кривоносов Юрий Иванович, современный историк науки — 90, 590
Кривошеин Александр Васильевич, государственный деятель — 84, 240, 277, 381, 382, 569
Кривошеин Кирилл Александрович, эмигрант, историк — 382, 569

Кригер-Войновский Эдуард Брониславович, инженер, государственный деятель — 437
Криштофович Африкан Николаевич, ботаник, палеоботаник — 263, 285, 286
Кропоткин Пётр Алексеевич, натуралист, идеолог анархизма — 137
Крузенштерн Иван Фёдорович, мореплаватель, географ — 419
Крутков Юрий Александрович, физик — 187, 569
Крыжановский Сергей Ефимович, юрист, государственный деятель — 447
Крылов Алексей Николаевич, математик, механик, кораблестроитель, генерал флота — 30, 60, 67, 146, 149, 155, 161, 233, 243, 254, 317, 433, 437, 455, 463, 471, 491, 509, 513, 518, 524, 536–538, 569
Крылов Иван Александрович, химик, генерал-лейтенант — 151, 198, 251
Крылов Николай Митрофанович, математик — 278
Крылова Ольга Николаевна, современный филолог — 456, 546
Крым Соломон Самойлович, агроном, филантроп, политический деятель — 276, 277, 378, 565
Крымский Агафангел (Агатангел) Ефимович, украинский ориенталист, историк, переводчик — 497
Крюденер Артур Артурович, лесовод — 365, 575
Крюков Фёдор Дмитриевич, писатель — 99
Кублицкий И. А., лесовод — 359
Куделин Н. В., зоолог — 358
Кудряшев И. Н., ремесленный голова — 217
Кудряшов Александр Иванович — 353, 570
Кузнецов Владимир Иванович, историк химии — 24, 67, 196, 226, 557, 570
Кузнецов Иннокентий Дмитриевич, ихтиолог — 376, 397
Кузнецов Николай Иванович, ботаник — 119, 276, 278, 366, 369, 383, 392, 402, 403, 554, 570
Кузнецов Николай Яковлевич, зоолог — 126
Кузнецова Екатерина Сергеевна, современный ботаник — 361, 556
Кузнецова Людмила Олеговна, современный историк — 270, 272, 570
Кузнецова Ольга Николаевна, современный историк — 21, 570
Кузьмин Михаил Кузьмич, растениевод — 357
Кузьмин Юрий Викторович, современный историк авиастроения — 298, 332, 570
Кузьмин-Караваев Дмитрий Дмитриевич, генерал, военный деятель — 293, 320
Кулагин Николай Михайлович, энтомолог — 72, 73, 375, 378, 402, 509, 549
Кулакова Ирина Павловна, современный историк — 51, 171, 563, 570
Куликов И. В., химик — 176–178
Куликова Марина Владимировна, современный историк науки — 197, 198, 247, 256, 554
Кульман Николай Карлович, филолог — 501
Кульматова Татьяна Васильевна, современный исследователь — 499, 570
Кульчицкий Николай Константинович, гистолог, государственный деятель — 85, 207, 211, 437, 450, 567
Кулябко Алексей Александрович, физиолог — 284, 285
Куманёв Виктор Александрович, историк — 582, 588
Куммант Эдмунд, технолог — 327
Кун Рихард, немецкий химик, биохимик — 103

Купайгородская Анджелина Павловна, историк — 31, 68, 181, 468, 476, 516, 570
Куприянов Пётр Андреевич, хирург — 352, 559
Куприянова Лидия Петровна, литератор и политический деятель — 473
Курёнышев Андрей Александрович, современный историк — 21, 240, 241, 570
Курнаков Николай Семенович, химик, технолог, организатор науки — 15, 24, 30, 58, 63, 146, 148, 149, 153, 155, 196, 249–252, 300, 301, 309, 312–314, 316, 317, 327, 328–331, 444, 463, 471, 488, 489, 491, 509, 513, 521, 524, 536–538, 548, 592
Курсанов Лев Иванович, ботаник, альголог, миколог — 280
Кутлер Николай Николаевич, государственный деятель, публицист — 519
Куффер А., немецкий геолог — 412
Кушаков Павел Георгиевич, метеоролог — 159
Кыштымов Пётр Евгеньевич, химик — 225
Кювье Жорж, французский зоолог — 130
Кюнг Павел Алексеевич, современный историк — 15, 293, 298, 570

Лавров Давид Мелитонович, фармаколог — 285
Лавров Пётр Алексеевич, филолог-славист — 195
Лавуазье Антуан Лоран, французский химик — 455
Лагранж Жозеф Луи, французский математик — 233
Лазар (Хайми) Ирина Викторовна, современный историк науки — 319, 570
Лазарев Пётр Петрович, физик — 30, 65, 69, 72, 73, 176, 372, 375, 378, 455, 463, 471, 494, 509, 513, 514, 524, 536, 538, 558, 571,
Лазаревский Николай Иванович, юрист — 512
Лаздин Владимир Яковлевич, зоолог — 408, 419, 558
Лазурский Александр Фёдорович, врач, психолог — 346
Лайус Юлия Александровна, современный историк биологии — 26, 28, 117, 166, 264, 366, 368, 398, 401, 418, 571, 576
Ламанский Владимир Владимирович, геолог и географ — 195, 373
Ламанский Владимир Иванович, филолог — 148
Лампрехт Карл, немецкий историк — 105
Ланге Кирилл Александрович, историк физиологии — 234, 282, 285, 546, 564
Ланге Р. — 413
Лангемак Георгий Эрихович, инженер — 90
Ландау Георгий Александрович, писатель — 99
Ландезен А. М. — 421
Лансберг Григорий Самуилович, физик — 90
Ланской Сергей Степанович, граф, государственный деятель — 498
Ланской Степан Сергеевич, граф — 498
Лаплас Пьер Симон, французский математик и астроном — 130
Лапо Андрей Витальевич, современный биогеохимик — 506, 553
Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (Lappo-Danilevsky A.S.), историк — 46, 49, 50, 55, 59, 86, 90, 130, 138, 141–143, 146, 162, 194, 233, 424, 426,

433, 453, 462, 474, 493, 494, 496, 499, 504, 511, 512, 521, 528,
Лапшин Иван Иванович, философ — 109, 195
Ларин Юрий (настоящее имя Михаил Александрович Лурье), публицист, политический и государственный деятель — 527, 571
Ларина Вера Геннадьевна, современный архивист — 31, 548, 571
Латышев Василий Васильевич, филолог — 55, 426, 432, 433, 463, 504
Лахитова Патимат Магомедовна, современный автор — 456, 573
Лацис Мартын Иванович, чекист — 532
Лебедев Александр Иванович, архивист — 499
Лебедев Алексей Александрович, специалист по авиационным двигателям — 187
Лебедев А. Д., инженер-металлург — 329
Лебедев Пётр Николаевич, физик — 67, 69, 73, 76, 248, 463
Лебедев Сергей Васильевич, химик — 194, 196, 198, 322
Лебединский Владимир Константинович, физик и радиотехник — 256
Лебединцев А. А., химик — 314, 548
Лебина Наталия Борисовна, современный историк — 31, 570
Левальд-Езерский Н. К., лесовод — 359
Левашёв Сергей Васильевич, терапевт — 438, 439
Левин А., современный американский автор — 436, 571
Левинсон-Лессинг Франц Юльевич, геолог, петрограф — 53, 133, 150, 194, 196, 263, 286, 309, 311, 415, 468, 491
Левит Григорий Осипович, историк — 31, 571
Левицкий Владимир С., анатом растений — 359
Левицкий Григорий Васильевич, астроном — 307
Левицкий Сергей Сергеевич, ботаник — 361, 571
Леденцов Христофор Семёнович, купец и меценат — 73, 307
Ледницкий Александр Робертович, адвокат, политический деятель — 499
Лейберов Андрей Игоревич, современный историк — 182, 571
Лейберов Игорь Павлович, современный историк — 232, 441, 571
Лейбниц Готфрид Вильгельм, немецкий математик и философ — 103
Лейкина-Свирская Вера Романовна, историк — 52, 571
Лейст Эрнест Егорович, геофизик и метеоролог — 167, 176
Леман В. Н. — 195
Ленард Филипп (Lenard Ph.), немецкий физик — 105, 106, 603
Лендер Франц Францевич, инженер-конструктор — 332
Ленин В. И. — см. Ульянов-Ленин В. И.
Ленц Максимилиан, немецкий историк — 105
Ленц Роберт Эмильевич, физик, географ — 43
Ленц Фриц (Lenz F.), фон, немецкий гигиенист — 112, 603
Ленц Эмиль Христианович, физик — 528
Леонов Валерий Павлович, современный историк науки, библиотечный деятель — 449, 546, 572
Леонов Игорь Тихонович, военный медик — 351, 559
Леонова С. Л. — 295, 297, 572
Леонтович Александр Васильевич, физиолог — 284

Леонтович Владимир Григорьевич, инженер-строитель — 427
Лепёхин Иван Иванович, натуралист и путешественник — 374
Лепёшкин Владимир Васильевич, биохимик — 279
Лепп Август Гансович, охотовед — 405
Лермантов Владимир Владимирович, физик-экспериметатор и педагог — 254
Лесгафт Пётр Францевич, анатом — 64, 211, 285, 379, 590
Лециус Иосиф-Эрнест Андреевич, филолог — 135, 461, 576
Либих В., немецкий книготорговец — 127
Ливен Карл Андреевич, князь, генерал от инфантерии — 486
Ливеровский Александр Васильевич, инженер — 512
Лимонов Ю. А., современный исследователь — 441, 572
Лингольм В. Л., зоолог — 408
Линниченко Иван Андреевич, историк-славист — 456
Липин Вячеслав Николаевич, ученый-металлург — 307
Липшиц Сергей Юльевич, ботанико-географ, историк ботаники — 31, 258, 572
Лисицын Петр Иванович, селекционер — 357, 362, 560
Лисицына Александра Германовна — 362
Лискун Ефимий (Ефим) Федотович, ученый-животновод, зоотехник — 307, 312, 372–374, 380, 383, 399, 400, 478, 490, 491, 568, 572
Лист Франц, фон, австрийский и немецкий юрист — 108, 133, 134, 192, 587
Литвин Альтер Львович, современный историк — 72, 227, 273, 531, 532, 560, 572
Литвиненко Сергей Викторович, современный историк — 21, 159, 572
Лифшиц Бенедикт, поэт, переводчик — 99
Лихачёв Алексей Алексеевич, фармаколог и токсиколог — 282
Лихачёв Николай Петрович, историк — 421, 449, 499
Ллойд-Джордж Дэвид, британский государственный деятель — 252, 322, 327, 573
Лобачевский Николай Иванович, математик — 495, 528
Лобашев М. И., мещанский староста — 217
Логинов Б.В. — 282, 546
Локтев Сергей Минович, химик — 196, 573
Ломоносов Михаил Васильевич, естествоиспытатель, историк, филолог, поэт — 19, 61, 161, 582
Ломоносов Юрий Владимирович, инженер — 445, 446, 573
Лонгинов Виталий Витальевич, химик — 176–178
Лондон Ефим Семёнович, биохимик, патофизиолог — 348, 379
Лосик Александр Витальевич, современный историк — 21, 332, 573, 596
Лоскутова Марина Викторовна, современный историк — 356, 573
Лосский Николай Онуфриевич, философ — 195, 448, 494, 573
Лотси Ян Паулус (Lotsy J. P.), голландский ботаник и генетик — 116, 604
Лофтер Джеймс, британский политик — 136
Лукач Дьёрдь, венгерский философ, государственный деятель — 114
Лукирский Пётр Иванович, физик — 187, 255
Лукомский Александр Сергеевич, генерал-лейтенант — 321

Лукьянов Сергей Михайлович, врач-эпидемиолог, патолог, государственный деятель — 283, 347, 372, 438, 440, 556
Луначарский Анатолий Васильевич, государственный деятель — 379, 501, 519, 526, 527, 529, 530
Лутугин Леонид Иванович, геолог — 243, 244, 247, 256, 263, 586
Лучицкий Владимир Иванович, геолог — 92, 302, 578
Лысенко Трофим Денисович, агробиолог — 356, 366
Львов Алексей Фёдорович, композитор, военный и государственный деятель — 449
Львов Георгий Евгеньевич, князь, государственный деятель — 83, 340, 342, 448–450, 454, 459, 483, 485, 502
Львов Сергей Дмитриевич, физиолог растений — 194, 263
Любавский Матвей Кузьмич, историк, славяновед, архивист — 83, 170, 176, 180, 182, 232, 438, 449, 453, 454, 464–467, 546, 561, 565, 573
Любименко Владимир Николаевич, ботаник, физиолог растений — 263, 279, 281, 311, 357, 373–375, 383, 389, 392, 393, 490, 573, 574
Любименко Инна Ивановна, историк, архивист — 357
Любищев Александр Александрович, энтомолог, философ — 91, 155, 252, 263, 322, 327, 357, 362, 573
Любомиров Павел Григорьевич, историк — 90
Лягушкин Иван Александрович, современный автор — 236, 573
Лялин Леонид Михайлович, биохимик — 251
Ляпунов Александр Михайлович, математик и механик — 46, 49, 54, 86, 129, 146, 149, 167, 168, 233, 513, 525, 529
Магомедов Магомед Баширович, современный историк права — 456, 573
Маевский Иван Васильевич, ученый-экономист — 298, 573
Майков Леонид Николаевич, филолог — 418
Макаров Вячеслав Александрович, физиолог — 282, 546
Макаров Николай Павлович, экономист — 137
Макашин Б. Л., инженер — 218
Макеров Яков Антонович, геолог — 263
Маклаков Алексей Алексеевич, офтальмолог — 177
Маклаков Николай Алексеевич, государственный деятель — 88
Максименко Анатолий Макарович, современный историк науки — 24, 67, 196, 570
Максимов Александр Александрович, гистолог, эмбриолог — 372, 494
Максимов Николай Александрович, ботаник, физиолог — 49, 58, 263, 269, 366, 517, 595
Максимов С. П., мелиоратор — 373, 400
Максимова Ольга Викторовна, современный биолог — 49, 595
Максимович Карл Иванович, ботаник — 43
Макушин П. И. — 184
Малеин Александр Иустинович, филолог-классик, библиограф, книговед — 150, 494
Малиновский Леонид Николаевич, организатор здравоохранения — 347
Мальков Виктор Леонидович, современный историк — 17, 581
Мальмберг Владимир Константинович, искусствовед — 93
Мальцов Н. С. — 343

Малыгина Анастасия Александровна, современный политолог — 20, 163, 581, 585
Малышева В. С., петрограф — 315, 560
Малышева Светлана Юрьевна, современный историк — 516
Мамонтов Савва Иванович, предприниматель и меценат — 72
Мандельштам Осип Эмильевич, поэт — 99
Мандрик Мария Вячеславовна, современный историк-архивист — 130, 438, 465, 467, 573
Маниковский Алексей Алексеевич, генерал от артиллерии — 291, 293, 298, 319, 331, 573
Манойленко Ксения Викторовна, современный историк биологии — 27, 51, 268, 300, 303, 357, 358, 372, 388, 389, 392, 402, 404, 455, 462, 574
Мануйлов Александр Аполлонович, экономист, политический деятель — 56, 57, 68, 83, 137, 242, 450, 454, 459, 464, 466, 477, 501, 502, 506
Мануйлова В. И. — 197, 328, 555
Маныкин Александр Серафимович, современный историк — 20, 581
Марголис Юрий Давидович, историк — 108, 445, 574, 587
Маргулиес Мануил Сергеевич, невропатолог, юрист, политический деятель — 296, 389
Маришкина В. Ф., современный искусствовед — 340, 555
Мария Фёдоровна, вдовствующая императрица — 81, 339, 341, 344
Марко Дмитрий Мильтиадович, химик — 225
Марков Андрей Андреевич, математик — 46, 47, 55, 69, 93, 129, 130, 146, 147, 194, 233, 419, 425, 455, 462, 471, 513, 524, 525
Марков Евгений Сергеевич, географ — 194
Марков Николай Евгеньевич, публицист, политический деятель — 81
Маркович Василий Васильевич, ботаник, географ — 280
Марр Николай Яковлевич, востоковед, филолог, археолог — 58, 146, 195, 426, 429, 431, 432, 442, 453, 463, 468, 470, 471, 492, 494, 508, 513, 521, 562, 564
Мартино Владимир Эммануилович, зоолог — 406, 407
Мартынова Анастасия Юрьевна, современный автор — 439, 445, 574
Марциновский Евгений Иванович, микробиолог, эпидемиолог — 349
Маслов Пётр Павлович, экономист-аграрник — 241
Маслов Семён Леонтьевич, экономист-аграрник, политический деятель — 237, 384, 477, 509, 512, 574
Мауренбрехер М. (Maurenbrecher M.), немецкий пастор, публицист и политик — 113, 604
Маурер Труде (Maurer T.), современный немецкий историк — 26, 28, 92, 107, 115, 171, 174, 189—191, 558, 574, 596, 600, 603, 604
Махоткина Елена Львовна, современный геофизик — 21, 597
Медлер Иоганн Генрих, фон, немецкий астроном — 486, 487, 574
Мейендорф Иоанн, современный церковный историк — 512, 574
Мейер Николай Фёдорович, энтомолог — 263
Мейер Эдуард, немецкий историк — 105
Мейер Эдуард Карлович (Андреевич), зоолог — 71
Мейергоф Отто Фриц, немецкий биохимик — 103
Мейснер Валериан Иванович, гидробиолог — 373, 374, 398, 399, 574

Мейстер Александр Карлович, геолог, минералог — 491
Мелких Александр Александрович, эпидемиолог — 230
Мёллер Герман Джозеф, американский генетик — 38
Мельников Александр Васильевич, хирург — 352, 574
Мельников Николай Александрович, председатель Казанской губернской управы — 218
Мемелов Александр Вениаминович, историк-архивист — 27, 552
Менделеев Дмитрий Иванович, химик, государственный деятель — 31, 43, 47, 67, 247, 296, 487, 566
Менделеев Я. И., физиолог — 284
Менделевич Г. А., историк науки — 471, 575
Мензбир Михаил Александрович, зоолог, орнитолог — 65, 68, 285, 311, 375, 454, 464, 465, 467, 586
Меншуткин Николай Александрович, химик — 252
Меньшиков Виктор Константинович, педиатр — 215
Мережковский Дмитрий Сергеевич, литератор, философ — 99
Мережковский Константин Сергеевич, ботаник и зоолог — 212
Мережковский Сергей Сергеевич, бактериолог — 380
Мерзленко Михаил Дмитриевич, современный историк лесоводства — 365, 575
Мерклин Карл Евгеньевич, фон, ботаник — 259
Месяцев Иван Илларионович, гидробиолог — 376, 377
Метальников Сергей Иванович, зоолог, микробиолог — 278, 365, 366
Мечников Илья Ильич, зоолог, эмбриолог, иммунолог — 43, 61, 93, 126, 148, 259, 262, 349, 350, 359, 586
Мигулин Пётр Петрович, экономист, государственный деятель — 445, 466
Миддендорф Александр Фёдорович, зоолог, путешественник — 43, 400
Микулич-Радецкий Ян (Йоханн), польско-австрийский хирург — 351
Милашевич Константин Осипович, геолог и палеонтолог — 407, 419
Миллер Всеволод Фёдорович, филолог — 58
Миловидова-Кирпичева Милита Владимировна — см. Кирпичева М. В.
Милюков Павел Николаевич, историк, публицист, политический деятель — 82, 94, 107–109, 137, 138, 438, 459, 471, 483, 502, 575
Минаков Пётр Андреевич, анатом и судебный медик — 68, 454, 464
Минина Марина Виссарионовна, современный эколог — 21, 575
Мир-Бабаев Мир-Юсиф Фазил Оглы, современный химик — 324, 575
Миротворский В. Н., лесовод — 359
Миротворцев Сергей Романович, хирург — 352
Мирский Марк Борисович, современный историк медицины — 351, 575
Миславский Николай Александрович, физиолог — 285, 522
Мительман Матвей (Мордух) Израилевич, писатель, историк — 575
Миткевич Владимир Фёдорович, физик-электротехник — 254
Митрофанова Т. П., современный исследователь — 29, 581
Митько Арсений Валерьевич, современный геофизик — 21, 575
Митько Валерий Брониславович, современный геофизик — 21, 575
Митюгова Е. Г., современный историк науки — 183, 575
Михаил Александрович, великий князь — 320, 458

Михайлов А. А., современный химик — 188, 575
Михайлов Вадим Сергеевич, генерал, военный инженер — 22, 23, 298, 319, 323–325, 331, 555
Михайлов Константин Иванович, путешественник, генерал — 157, 529
Мищенко Павел Иванович, ботаник — 280
Млодзеевский Борис Константинович, математик — 464
Модестов А., помощник проректора Московского университета — 232
Модзалевский Борис Львович, библиограф, историк — 421, 449
Мозжухин Александр Сергеевич, физиолог — 502, 575
Мокржецкий Сигизмунд Александрович, энтомолог — 276, 365, 378
Молас Л. П., деятель просвещения — 64
Молчанов Л. А., агроном — 400
Монтеверде Николай Августинович, ботаник, физиолог растений — 374, 383, 389, 393, 573, 575, 596
Монтеверде Николай Николаевич, ботаник — 389, 575
Морачевский Николай Яковлевич, библиограф — 258, 549
Мордвилко Александр Константинович, зоолог — 263
Морозов Георгий Фёдорович, геоботаник, лесовод — 287, 359, 374, 402, 403, 407
Морозов Николай Александрович, химик и астроном — 378
Морозова В. В., современный исследователь — 21, 575
Моррисси Сьюзен (Morrissey S. K.), современный американский историк — 18, 25, 89, 172, 192, 575, 604
Морф Генрих, немецкий филолог — 105
Москвитина Ольга Александровна, современный психолог — 21, 346, 576
Мосолов Александр Александрович, дипломат, военачальник — 427
Мочалов Инар Иванович, современный историк науки — 15, 57, 69, 316, 510, 520, 765
Моцияка Пётр Петрович, современный украинский историк — 461, 576
Мужель Виктор Васильевич, писатель — 99
Музрукова Елена Борисовна, современный историк науки — 64, 596
Музуров Николай Петрович, химик — 225
Муравьев Михаил Алексеевич, инженер казанского земства — 223
Муратов Владимир Александрович, психиатр, невропатолог — 177
Муромцев Сергей Андреевич, правовед, политический деятель — 70
Мэкинен Э., геолог — 315
Мэкьюари Артур, британский дипломат — 457
Мюнтц А. — 412
Мясищев Владимир Николаевич, психиатр, психолог — 203, 211, 596

Набоков Пётр Петрович, член Биржевого комитета — 217
Навашин Сергей Гаврилович, ботаник, цитолог — 267, 279–281, 358, 524
Нагорский Валентин Федосеевич, эпизоотолог — 357
Надсон Георгий Адамович, микробиолог, радиобиолог — 119, 120, 263, 267, 279, 369, 370, 379, 410, 563
Назин Е. С. — 345, 589
Намёткин Сергей Семёнович, химик-органик — 322
Напалков Николай Иванович, хирург, организатор здравоохранения — 352

Нарбут Василий Михайлович, психиатр — 347
Нарбут Владимир Иванович, поэт — 99
Насонов Николай Викторович, зоолог — 58, 60, 146, 152, 266, 301, 316, 366, 372, 374, 376, 377, 402, 425, 494, 515, 524
Настюков Александр Михайлович, химик — 176, 179, 295
Насыбуллина Н. М., современный автор — 390, 576
Наумов Александр Николаевич, общественный и государственный деятель — 384, 404
Наумов Николай Александрович, ботаник-миколог — 279
Наумова Оксана Александровна, современный историк медицины — 230, 576
Неаполитанская Валентина Сергеевна, историк науки — 27, 552
Негробов Владимир Викторович, современный эколог — 362, 546
Недович Дмитрий Саввич, филолог, искусствовед — 93
Недокучаев Николай Квинтилианович, растениевод — 381
Некрасов Николай Виссарионович, инженер, политический деятель — 459
Некрылов Сергей Александрович, современный историк — 259, 577
Нелюбин И. М., профессор — 219
Немилов Антон Витальевич, гистолог и физиолог — 263
Ненцкий Марцелий Вильгельмович, биохимик, бактериолог — 357
Непомнящий Андрей Анатольевич, современный историк — 276, 378, 576
Нерадовский Пётр Иванович, художник, историк искусства — 433
Нерст Вальтер Герман, немецкий физик — 103, 105, 129
Нестеров Пётр Владимирович, зоолог, географ — 408, 419
Неуструев Сергей Семёнович, почвовед, географ — 415
Нечкин Василий Иванович, инженер-технолог — 218, 219, 221
Никитин Евгений Александрович, современный историк медицины — 342, 577
Никитин Пётр Васильевич, филолог, организатор науки — 27, 49, 55, 59, 86, 87, 89, 107, 128, 131, 132, 141, 147, 148, 152, 158, 268, 343, 419, 432, 459, 548
Никитинский Яков Яковлевич, химик-технолог — 394, 490, 577
Никитский Александр Васильевич, филолог-классик, археолог — 463, 504
Никифоров Александр Никифорович, инженер-технолог — 324
Никифоров Михаил Михайлович, библиограф — 258, 549
Николаев Алексей Сергевич, университетский механик — 222
Николаев Владимир Васильевич, фармаколог — 230
Николаевский В. Н., лесовод — 359
Николаевский Фёдор А., минералог — 313, 597
Николаи Георг Фридрих (G. F. Nicolai), немецкий физиолог — 114, 577, 606
Николай I, император — 43, 90, 174, 188, 589
Николай II, император — 15, 50, 53, 77, 80, 82, 87, 127, 130, 134, 139, 147, 185, 197, 202, 204, 223, 234, 243, 286, 291, 326, 356, 421–423, 429, 431, 432, 446, 447, 451, 452, 458, 460, 461, 500, 509, 512, 586
Николай Михайлович, великий князь, историк — 343, 498, 529
Николай Николаевич (младший), великий князь, верховный главнокомандующий, сын Николая Николаевича

(ст.) — 82, 86, 87, 134, 168, 202, 291, 343, 418, 424, 429, 430, 443, 459
Николай Николаевич (старший), великий князь, сын Николая I — 21, 87, 254, 547
Николенко В. И. — 63
Никольская Л. В., современный автор — 360, 586
Никольский Б. Ф. — 438
Никольский Николай Константинович, языковед — 59, 149, 150, 500, 504, 514, 537
Никольский Пётр Андреевич, экономист — 215
Никонов Сергей Павлович, правовед — 466
Нобель Альфред, шведский химик, инженер и предприниматель — 295
Нобель Эммануил Людвигович, нефтепромышленник, инженер — 295
Новгородцев Павел Иванович (Novgorodtsev P. I.), юрист, философ, историк, общественный деятель — 14, 53, 123, 137, 169–171, 174, 176, 177, 180, 189, 190, 256, 278, 294, 341, 464, 494, 604
Новиков Михаил Михайлович, зоолог, организатор науки — 114, 137, 263, 468–470, 474, 475, 577, 595
Новикова З. М. — 211, 345, 589
Новопокровский Иван Васильевич, ботаник — 263, 403
Ноздрачев Александр Данилович, современный физиолог — 282, 284, 445, 577, 581
Носков Владимир Витальевич, современный историк — 18, 25, 123, 577
Нуланс Жозеф, французский политический деятель и дипломат — 510
Ньютон Исаак, английский математик и физик — 233

Оболенский А. А., князь — 341
Образцов Владимир Николаевич, инженер-железнодорожник — 66, 572
Обреимов Иван Васильевич, физик — 255, 329, 330
Обручев Владимир Афанасьевич, геолог — 278, 311
Ованесов Борис Теватросович, современный хирург, краевед, историк медицины — 340, 578
Овсянников Филипп Васильевич, физиолог, зоолог — 43, 46, 48, 259
Овчинников Александр Александрович, профессор статистики — 215, 467, 516
Одинец Дмитрий Михайлович (Odinetz D. M.), историк, политический деятель — 14, 169, 170, 604
Ожигова Елена Петровна, историк науки — 27, 592
Озерецковский Николай Яковлевич, натуралист и путешественник — 374
Озеров Иван Христофорович, ученый-экономист и финансист — 440
Ойкен (Эйкен) Рудольф, немецкий философ — 104
Окинчиц Людвиг Людвигович, акушер-гинеколог — 207
Околович Николай Андреевич, реставратор, художник — 433
Окунев Николай Львович, искусствовед — 423
Окунь Яков Маркович, писатель и журналист — 99
Олесич Нинэль Яковлевна, современный историк — 232, 578
Ольга Николаевна, великая княгиня — 343
Ольденбург Елена Григорьевна, жена С. Ф. Ольденбурга — 526, 578
Ольденбург Сергей Фёдорович, востоковед-индолог, археолог, организатор науки — 27, 40, 46, 49, 50, 53–55, 57, 59–61, 69, 86, 124, 126, 136, 140, 141,

146, 148, 151, 158–160, 195, 233, 237, 266, 292, 305, 316, 318, 374, 376, 420, 421, 431, 440–443, 447, 449, 451, 453, 457, 459, 460, 464, 468, 471, 473, 474, 477, 489, 491–495, 499, 500, 502, 504, 506–509, 511, 512, 518–531, 537, 544, 565, 578, 580
Ольденбургская Евгения Максимилиановна, принцесса — 343
Ольденбургский Александр Петрович, принц, государственный деятель, организатор науки — 168, 174, 175, 283, 343, 347, 348, 381, 382, 391, 556, 595
Ольховский Евгений Романович, современный историк — 51, 578
Омельченко Василий Калистратович, агроном — 357
Омелянский Василий Леонидович, химик, микробиолог — 150, 372
Оноприенко Владимир Иванович, современный историк науки — 92, 162, 274, 383, 410, 578
Оппель Владимир Андреевич, хирург, эндокринолог — 89, 345, 350, 351, 353, 559, 578, 595
Оппель Владимир Владимирович, биохимик — 89
Оранжереева В. Ф. — 243, 557
Орбели Иосиф Абгарович, востоковед — 430, 492
Орбели Леон Абгарович, физиолог, организатор науки — 283–285, 372, 379, 494, 502, 503, 578
Орёл Владимир Михайлович, современный историк науки — 90, 142, 568, 590, 593, 595
Орлов Егор Иванович, химик-технолог — 446, 564
Орлов Михаил Николаевич, генерал-майор — 188
Орлов Пётр Павлович, минералог — 299
Орлов-Давыдов Владимир Владимирович, граф, Симбирский губернатор — 183
Орловский Витольд Францевич, терапевт — 215
Осипов Виктор Петрович, психиатр, невропатолог — 372
Осипов Юрий Сергеевич, современный математик, организатор науки — 78, 579
Оствальд Вильгельм Фридрих, немецкий физико-химик — 105, 465
Остен-Сакен Фёдор Романович, барон, путешественник — 148
Островская Мария Андреевна, историк — 194, 282
Островский Михаил Аркадьевич, современный биохимик и физиолог — 579
Остроградский Михаил Васильевич, математик — 495, 528
Остромысленский Иван Иванович, химик — 249
Остроумов Алексей Александрович, зоолог — 270, 272
Остряков Александр Николаевич, агрохимик — 225
Отеллин Владимир Александрович, современный нейрофизиолог — 120, 546
Отоцкий Павел Владимирович (Otockij P. V.), гидрогеолог, почвовед — 119, 121, 194, 195, 240, 374, 403, 415, 588, 601

Павел Александрович, великий князь — 529
Павлов Александр Фёдорович — 445
Павлов Алексей Петрович, геолог, палеонтолог — 67, 149, 177, 285, 286, 373, 375, 509, 537
Павлов Андрей Юрьевич, современный историк — 20, 163, 581, 585
Павлов Б. В., современный историк — 31, 564
Павлов В., зоолог – 269

Павлов Владимир Иванович, сын И. П. Павлова — 88
Павлов Всеволод Иванович, сын И. П. Павлова — 88
Павлов Иван Петрович (Pavlov I.), физиолог — 38, 43, 53, 58, 61, 67, 73, 76, 77, 88, 93, 97, 126, 130, 146, 234, 235, 282–285, 316, 360, 361, 364, 369, 370, 376, 379, 445, 448, 455, 456, 471, 502, 518, 524, 525, 538, 548, 564, 575, 577, 579, 581, 582, 588, 594, 596, 605
Павлов Михаил Алексеевич, геолог — 263
Павлова Мария Васильевна, палеонтолог — 285
Павлова (Карчевская) Серафима Васильевна, жена И. П. Павлова — 445, 581
Павловский Евгений Никанорович, зоолог, паразитолог — 66, 263, 581
Палей Абрам, писатель — 209
Пален Эмануэль Анатольевич, фон дер, русско-немецкий астроном — 166
Палладин Владимир Иванович, биохимик, физилог растений — 49, 61, 194–196, 233, 251, 263, 266, 275, 278, 283, 284, 301, 316, 365, 366, 372, 376, 514, 537
Паллас Петер Симон, естествоиспытатель и путешественник — 374, 498
Пальмов Иван Саввич, историк — 149, 150, 537
Пальчинский Пётр Иоакимович, инженер и экономист — 73, 244, 247, 256, 295, 484, 555
Пангирев, штабс-капитан — 485
Панина Софья Владимировна, графиня, общественный деятель — 265, 368
Панков Александр Матвеевич, почвовед — 415
Панов Р. А., современный исследователь — 182, 591
Панченко Борис Амфианович, историк-византинист — 422–424
Паррот Георг Фридрих (Егор Иванович), физик — 528
Парфентьев Николай Николаевич, математик и механик — 221, 222, 225
Пасецкий Василий Михайлович, историк науки — 163, 581
Пастер Луи, французский микробиолог — 93, 349, 365
Патканов Серафим Керопович (Патканян Серовбе), экономист и этнограф — 492
Патон Евгений Оскарович, инженер и механик — 295
Патуйе Жюль, французский филолог-славист — 138, 511
Пацуков Николай Григорьевич, химик — 175
Пачоский Иосиф (Юзеф) Конрадович, польский ботаник — 274, 406
Пашкевич Василий Васильевич, ботаник, помолог — 374, 381, 392, 394, 395, 581, 599
Педашенко Дмитрий Дмитриевич, зоолог — 263
Пезаровиус Павел Павлович, масон и филантроп — 334
Пекарский Петр Петрович, историк — 43
Пергамент Михаил Яковлевич, юрист, правовед — 451, 464, 465, 468, 494, 511
Перельман Александр Ильич, почвовед и геохимик — 15, 582
Перельман Яков (Соломон-Яков) Исидорович, популяризатор науки — 480–484, 582
Перетц Владимир Николаевич, историк литературы, источниковед — 58, 59, 130, 143, 150, 161, 233, 442, 461, 492, 500, 514
Перфильев Борис Васильевич, микробиолог — 263

Перфильев Петр Павлович, паразитолог, историк биологии — 269
Перчёнок Феликс Фёдорович (псевдонимы — И. Вознесенский и др.), историк — 360, 449, 554, 582, 586
Петр I Великий, император — 62, 205, 486
Петров Василий Владимирович, физик — 528
Петров Владимир Владимирович, современный историк — 522, 555
Петров Дмитрий Константинович, филолог-романист, историк литературы, арабист — 195, 466, 494, 582
Петров Николай Иванович, историк литературы — 150
Петров Николай Павлович, ученый-механик и инженер — 243
Петрова Мария Капитоновна, физиолог — 445, 448, 581, 582
Петровский Алексей А., секретарь Свободной ассоциации — 472
Петровский Гурий Тимофеевич, современный физико-химик — 328, 582
Петровский Нестор Мемнонович, филолог-славист, историограф, библиограф — 212, 494
Петрункевич Иван Ильич, юрист, общественный деятель — 53, 519, 582, 600
Петрушевский Дмитрий Моисеевич, историк-медиевист — 69, 93, 464
Петрушевский Фёдор Фомич, физик — 247
Петунников Алексей Николаевич, ботаник, флорист — 408
Петухов Евгений Вячеславович, литературовед, славист — 150
Пигулевский Г. В. — 392, 554
Пиленко Александр Александрович, правовед — 466
Пилипчук Олег Ярославович, украинский историк науки — 273, 582
Пионтковский Андрей Антонович, правовед — 215
Пирогов Николай Иванович, хирург, анатом, организатор науки — 135, 205, 282, 336, 351, 353, 498
Пирон Г., инженер, химик-технолог — 321
Писарев Юрий Алексеевич, историк — 17, 582
Писаржевский Лев Владимирович, химик — 174
Писаржевский Олег Николаевич, писатель и журналист — 68, 582
Планк Макс (Planck M.), немецкий физик-теоретик — 17, 25, 41, 42, 105, 113, 131, 601
Плате Людвиг (Plate L.), немецкий палеонтолог — 111, 112, 604
Платонов Олег Анатольевич, современный экономист — 96, 550, 551
Платонов Сергей Фёдорович, историк, источниковед — 67, 85, 90, 195, 438, 449, 465, 466, 504, 524, 550
Плеве Вячеслав Константинович, фон, сенатор и государственный деятель — 51, 595
Плеханов Георгий Валентинович, философ, политический деятель — 66, 83, 471, 508, 571
Плотников Иван Степанович, химик — 176, 465, 466, 565
Плюшкин Фёдор Михайлович, предприниматель, коллекционер — 419
Погодин Александр Львович, филолог-славист — 109, 582
Погольский С. И., лесовод — 357
Погребинский Александр Петрович, историк-экономист — 15, 582
Погребов Николай Фёдорович, геолог — 307, 415
Подвойский Николай Ильич, партийный и государственный деятель — 523
Подкопаев Николай Иванович, химик — 251, 314, 548

Познышев (Позднышев) Сергей Викторович, юрист и психолог — 176, 177, 454
Покровский Василий Иванович, экономист, статистик — 148
Покровский Иосиф Алексеевич, юрист, правовед — 451, 464, 494
Покровский Михаил Николаевич, историк, партийный деятель — 519, 529
Покровский Николай Николаевич, экономист, государственный деятель — 437, 442
Покровский Фёдор Иванович, филолог, палеограф, библиотекарь — 515
Покрышкин Пётр Петрович, архитектор-реставратор — 427, 433, 497
Поленов Андрей Львович, хирург-травматолог — 65, 207
Поленов Борис Константинович, геолог — 273
Полещук Александр Артемьевич, архитектор — 155
Поливанов Алексей Андреевич, генерал от инфантерии, военный деятель — 289, 292, 309
Поливанов Евгений Дмитриевич, лингвист, языковед, литературовед — 518
Полиевктов Михаил Александрович, историк — 474
Поликарпов Владимир Васильевич, современный историк — 22, 23, 290, 583, 597
Поликарпов Николай Николаевич, авиаконструктор — 187
Полканов Александр Алексеевич, геолог, минералог, петрограф — 263
Половцов Валериан Викторович, ботаник-физиолог — 194
Полторак Сергей Николаевич, современный историк — 572
Полумордвинов Дмитрий Владимирович, физиолог — 284
Поль Гарри (Paul Harry W.), современный историк — 110, 118, 143, 604
Поляков Александр Сергеевич, библиограф, литературовед — 449
Поляков Евгений Львович, современный физиолог — 282, 445, 577, 581
Полянский Юрий Иванович, биолог-эволюционист — 260, 583
Померанцев Илиодор Иванович, астроном-геодезист — 157
Помпеску И. — 413
Понсет де Сандом Бронислав Брониславович, гидролог — 358
Попов Б. А., геолог — 195, 266, 286, 317, 318
Попов Б. В. — 277
Попов Виктор Васильевич, современный биолог и эколог — 376, 559
Попов Н. В. — 254
Попов Николай Петрович, ботаник — 280
Порай-Кошиц Александр Евгеньевич, химик-органик — 249, 251, 322, 324, 328
Порфирьев Николай Иванович, математик — 216, 222
Порхова Татьяна Михайловна, современный историк — 19
Порчинский Иосиф Алоизиевич, энтомолог — 358, 380, 383
Посников Александр Сергеевич, экономист — 239, 597
Поспелов Александр Петрович, химик — 444
Поспелов Владимир Петрович, энтомолог — 372, 383
Поспелов И. — 169, 173, 583
Поспелова Елена Юрьевна, современный историк медицины — 229, 270, 546
Поссе Константин Александрович, математик — 150, 194, 513, 564
Посудин Юрий Иванович, современный украинский биофизик — 97, 583

Потанин Григорий Николаевич, путешественник — 418
Потоцкий С. И. — 421
Похитонов Владимир Ильич, инженер-химик — 249, 583
Поярков Эраст Федорович, зоолог — 263
Православлев Павел Александрович, геолог, палеонтолог — 263, 286, 318
Прасолов Леонид Иванович, географ, почвовед — 415
Предтеченский Анатолий Васильевич, историк — 46, 49, 583
Преображенский Иван Александрович, геолог — 315
Пресняков Александр Евгеньевич, историк — 474
Пржевальский Евгений Степанович, химик — 176–178
Пржевальский Николай Михайлович, путешественник и натуралист — 418
Придик Евгений Мартынович, историк — 195
Приемышева Марина Николаевна, современный филолог, историк — 456, 546
Приселков Михаил Дмитриевич, историк — 207
Прокопович Сергей Николаевич, экономист — 242, 512
Прокофьев Василий Иванович, физик, историк техники — 186, 583
Пронин А. В. — 110, 585
Просвиров Николай Владимирович, студент-зоолог — 419, 558
Протасов Лев Григорьевич, современный историк — 18, 99, 123, 559
Прохоров Николай Иванович, почвовед — 415
Прошинский Р. А., инженер — 219, 222
Прямицын Владимир Николаевич, современный военный историк — 163, 165, 585
Прянишников Дмитрий Николаевич, агрохимик, физиолог растений — 68, 73, 76, 263, 279, 281, 311, 356, 375, 385, 395, 410, 411, 414, 478, 582, 585
Пунсон Фридрих Иванович (Янович), агроном — 357
Пуриевич Константин Адрианович, физиолог растений — 358
Пуришкевич Владимир Митрофанович, политический деятель — 81, 82
Пуссеп Людвиг Мартынович, нейрохирург — 208
Пущин Николай Антонович, химик, технолог — 248
Пчелинцев Владимир Фёдорович, палеонтолог и палеогеограф — 263
Пыпин Александр Николаевич, литературовед, этнограф — 419
Пышкова Н. С. — 63, 73, 549
Пьетт Оливье, основатель бельгийской фирмы — 321

Рабцевич-Зубковский Игнатий Людвигович, химик — 174
Радбрук Густав, немецкий правовед, социолог — 114
Радлов Василий Васильевич, востоковед и этнограф — 46, 49, 59, 60, 124, 126, 130, 146, 515, 529
Раевский Александр Андреевич, правовед — 277
Разумовский Василий Иванович, хирург — 63, 556
Райков Борис Евгеньевич, методист естествознания, историк науки — 65, 98, 208, 210, 585
Райский Михаил Иванович, судебный медик — 177
Райт Орвилл, американский изобретатель — 542
Раменский Левонтий Григорьевич, геоботаник — 263

Рамзай Уильям (Ramsay W.), английский химик — 106, 604
Раммуль Александр Иванович, гигиенист — 215
Распутин Григорий Ефимович, «старец», «царский друг» — 232, 283, 437
Ратенау Вальтер, немецкий промышленник — 541
Рачинский Александр Константинович, государственный деятель — 143
Рдултовский Владимир Иосифович, военный инженер — 325
Ревуцкая Елена Дмитриевна, геолог — 315, 490, 585
Регель Роберт Эдуардович, ботаник, организатор науки — 24, 279, 307, 364, 369, 373, 374, 383, 385, 389, 394, 400, 478, 585, 596
Регель Эдуард Людвигович, ботаник — 43
Редикорцев Владимир Васильевич, зоолог — 263
Резанов Александр Семёнович, военный юрист, контрразведчик — 110, 585
Резвяков Николай Петрович, физиолог — 263
Резник Семён Ефимович, современный писатель — 363, 502, 585
Рейн Фёдор Александрович, хирург — 464
Рейснер Лариса Михайловна, революционерка и политический деятель — 209, 505
Рейснер Михаил Андреевич, правовед, общественный деятель — 208, 209, 505, 528, 585
Рейтерн Михаил Христофорович, граф, государственный деятель — 261
Ремарчук Вячеслав Васильевич, современный востоковед — 467, 585
Ремизов Алексей Михайлович, писатель — 99
Рентген Вильгельм Конрад, немецкий физик — 105, 175, 176, 571
Репников Александр Витальевич, современный историк — 81, 566, 581
Ретунская Светлана Владимировна, современный библиограф — 240, 352, 586
Ржешотарский Альфонс Александрович, инженер-технолог — 73
Ризенкампф Георгий Константинович, гидротехник и мелиоратор — 188, 373
Римский-Корсаков Михаил Николаевич, энтомолог — 263, 265, 368
Риттих Александр Александрович, государственный деятель — 384
Рихтер Андрей Александрович, ботаник, физиолог растений — 194, 263, 265–267, 279, 365, 368, 374
Роберт К., немецкий археолог — 105
Робинсон Михаил Андреевич, современный историк — 503, 586
Роборовский Всеволод Иванович, путешественник — 418
Роде Н. В., гидролог — 167
Родзянко Михаил Владимирович, председатель Государственный думы — 134, 137, 202, 438, 447, 457, 504
Родионов Владимир Михайлович, химик-органик, технолог — 175
Родичев Фёдор Измайлович, политический деятель — 137
Рождественский Дмитрий Сергеевич, физик — 194–196, 198, 248, 253, 255, 256, 329, 330, 471
Рождественский Сергей Васильевич, историк — 85, 195
Рожков Николай Александрович, историк, политический деятель — 505
Рожнов Сергей Владимирович, современный палеонтолог — 285, 561
Розанов Алексей Юрьевич, современный палеонтолог — 285, 561

Розанов Василий Васильевич, философ — 95, 586
Розен Виктор Романович, востоковед — 55, 59, 419
Розенберг Михаил Фёдорович, фон, генерал-майор, конструктор вооружения — 188
Розин Николай Николаевич, юрист — 466
Рокитянский Яков Григорьевич, современный историк и публицист — 524, 552
Романов Александр Александрович — см. Александр III, имп.
Романов Александр Михайлович — см. Александр Михайлович, вел. кн.
Романов Александр Николаевич — см. Александр II, имп.
Романов Александр Павлович — см. Александр I, имп.
Романов Алексей Фёдорович, юрист, государственный деятель — 512, 586
Романов Андрей Владимирович — см. Андрей Владимирович, вел. кн.
Романов Георгий Михайлович — см. Георгий Михайлович, вел. кн.
Романов Константин Константинович, архитектор, реставратор — 433
Романов Константин Константинович — см. Константин Константинович, вел. кн.
Романов Михаил Александрович — см. Михаил Александрович, вел. кн.
Романов Николай Александрович — см. Николай II, имп.
Романов Николай Михайлович — см. Николай Михайлович, вел. кн.
Романов Николай Николаевич (мл.) — см. Николай Николаевич (младший), вел. кн.
Романов Николай Николаевич (ст.) — см. Николай Николаевич (старший), вел. кн.
Романов Николай Павлович — см. Николай I, имп.
Романов Павел Александрович — см. Павел Александрович, вел. кн.
Романов Петр Алексеевич — см. Петр I Великий, имп.
Романов Олег Константинович, князь, пушкинист — 90
Романов Сергей Михайлович — см. Сергей Михайлович, вел. кн.
Романова Александра Фёдоровна — см. Александра Фёдоровна, имп.
Романова Екатерина Алексеевна — см. Екатерина II, имп.
Романова Екатерина Владимировна, современный историк — 20, 586
Романова Елена Павловна — см. Елена Павловна, вел. кн.
Романова Елизавета Маврикиевна — см. Елизавета Маврикиевна, вел. кн.
Романова Елизавета Фёдоровна, — см. Елизавета Фёдоровна, вел. кн.
Романова Мария Фёдоровна — см. Мария Фёдоровна, имп.
Романова Ольга Николаевна — см. Ольга Николаевна, вел. кн.
Романова Татьяна Николаевна — см. Татьяна Николаевна, вел. кн.
Романовский Сергей Иванович, геолог, историк науки — 26, 147, 244, 531, 586
Росина Нонна Яковлевна, историк биологии — 467, 586
Россиянов Кирилл Олегович, современный историк науки — 93, 357, 586
Россолимо Григорий Иванович, невропатолог — 97, 586
Россолимо Леонид Леонидович, географ-гидролог — 376, 377
Ростовцев Евгений Анатольевич (Rostovtsev E. A.), современный историк — 26, 52, 69, 70, 87, 88, 108, 123, 133, 134, 141, 172, 192, 193–195, 198, 201, 202,

205, 251, 252, 417, 441, 450, 459, 466, 474, 475, 515, 531, 587, 605
Ростовцев Михаил Иванович, историк античности, филолог-классик, археолог, публицист — 59, 94, 101, 117, 120, 121, 138, 139, 142, 195, 200, 279, 370, 453, 463, 468, 492, 494, 496, 504, 511, 512, 515, 521, 524, 537, 538, 544, 587, 591
Ростовцев Семён Иванович, ботаник — 279, 358
Ротерт Владислав Адольфович, ботаник — 358, 574
Ротмистров Владимир Григорьевич, агроном — 381
Рубенс Генрих, немецкий физик-экспериментатор — 113
Рубнер Макс, немецкий физиолог — 105
Рудая Светлана Петровна, современный украинский историк науки — 391, 587
Руденко С. А. — 360, 586
Руденко Сергей Иванович, географ, этнограф — 492
Руднев Андрей Дмитриевич, монголовед — 318, 492
Руднева Светлана Евгеньевна, современный историк — 512, 587
Рудой Я. Б. — 16, 587
Рыкачёв Алексей Михайлович, экономист и публицист — 28, 90, 239, 597
Рыкачёв Михаил Александрович, геофизик, гидрометеоролог, генерал флота — 60, 90, 146, 149, 163–165, 167, 243, 309, 312, 317, 463, 491, 509, 518, 538, 588, 591
Рыкачёв Михаил Михайлович, инженер-аэролог, геофизик — 91
Рыков Алексей Иванович, большевик и государственный деятель — 519
Рылов Вячеслав Михайлович, гидробиолог — 377
Рытов Михаил Васильевич, агробиолог, садовод — 394, 395, 588
Рябинин Анатолий Николаевич, геолог, палеонтолог — 263, 285, 373
Рябушинский Дмитрий Павлович, физик — 295
Рябушинский Павел Павлович, банкир и государственный деятель — 295
Рябушинский Фёдор Павлович, меценат и организатор экспедиции на Камчатку — 295

Сабанеев Александр Павлович, химик — 176
Сабинин Григорий Харлампиевич, аэромеханик — 91
Сабинин Дмитрий Анатольевич, физиолог растений — 263
Сабинин Сергей Егорович, правовед — 277
Сабуров Андрей Александрович, государственный деятель — 148
Савельев Николай Александрович, терапевт — 177, 509
Савенков Иван Тимофеевич, археолог, музейный работник — 419
Савина Галина Александровна, современный архивист — 448, 478, 480, 588
Савич Владимир Васильевич, физиолог — 284
Савич Владимир Михайлович, ботаник, лесовод — 403
Савич Всеволод Павлович, ботаник, лихенолог — 91, 357, 360
Савчук Варфоломей Степанович, современный украинский историк науки — 33, 75, 273–276, 588
Сает Людмила Яковлевна, современный архивист — 292, 555
Саксен-Альтенбургская Елена Георгиевна, принцесса Саксонская, общественный деятель и благотворитель — 499

Саксонов Сергей Владимирович, современный ботаник и эколог — 279, 588
Сакулин Павел Никитич, литературовед — 464, 501
Салазкин Сергей Сергеевич, биохимик, политический деятель — 53, 70, 282, 468, 507, 510–512, 567
Салахов Мякзюм Халимуллович, современный физик — 71, 565
Салтанов Юрий Алексеевич — 76, 232, 435, 551
Сальников Юрий Иванович, современный химик — 566
Самойлов Александр Филиппович, электрофизиолог — 225, 284
Самойлов Владимир Олегович, биофизик, физиолог, историк науки — 234, 502, 575, 588
Самойлов Яков Владимирович, биогеохимик — 57, 69, 299, 307, 310, 315, 373, 375, 410–414, 553, 564, 578, 588
Самойлович Александр Николаевич, востоковед, тюрколог — 60, 492
Самокиш (Чернулич) Анна Викторовна, современный историк науки — 64, 98, 121, 181, 202, 240, 588
Самохина Галина Алексеевна, современный историк и социолог — 17, 588
Сандецкий Александр Генрихович, генерал от инфантерии — 213
Сапоговская Лариса Владимировна, современный историк — 315, 589
Сапожников Алексей Васильевич, химик — 320
Сапожников Василий Васильевич, ботаник, географ, путешественник — 280, 384, 589
Сапронов Николай Сергеевич, современный фармаколог и эндокринолог — 347, 556
Сардур (Сардури) II, царь Урарту — 431
Сатунин Константин Алексеевич, зоолог-фаунист, маммолог — 263, 358, 407
Сахарова Е. Н. — см. Вавилова Е. Н.
Сацыперов Фёдор Александрович, ботаник — 381, 388, 391, 392, 589, 595, 599
Свентославский Войцех Алоизий, физико-химик — 176
Светайло Эдуард Николаевич, современный историк физиологии — 282, 546
Светлов Павел Григорьевич, зоолог — 263
Свидерский Л. Ф., гигиенист — 393, 559
Свионтецкий Иван Осипович, врач — 353, 589
Свирловский Эдуард Иванович, фармацевт — 391, 589
Святловский Евгений Евгеньевич, экономист — 90
Сдвижков Денис Анатольевич, современный историк — 105, 558
Северцов Алексей Николаевич, зоолог-эволюционист, морфолог — 67, 119, 369, 372, 524
Северянин Игорь (Игорь Васильевич Лотарёв), поэт — 99
Седова-Троцкая Наталья Ивановна, революционерка — 513
Селезнева Евгения Семёновна, метеоролог — 167, 589
Селешников Семён Исаакович, историк, писатель — 487, 589
Селиванов В. И., современный историк медицины — 340, 589
Селиванов Дмитрий Фёдорович, математик — 194
Селиванов Евгений Филиппович, современный историк медицины — 340, 551, 589
Семанов Сергей Николаевич, современный историк и писатель — 417, 581

Семашко Николай Александрович, врач, государственный деятель — 378
Семёнов А. А., современный автор — 243, 589
Семёнов Николай Николаевич, физико-химик — 187, 255
Семёнов-Тян-Шанский Андрей Петрович, зоогеограф, энтомолог — 83, 373, 374, 402, 403, 407, 418
Семёнов-Тян-Шанский Вениамин Петрович, географ, статистик — 83, 309, 315, 373, 406
Семёнов-Тян-Шанский Пётр Петрович, географ, естествоиспытатель — 418
Сенатор Степан Александрович, современный ботаник и эколог — 279, 588
Сенкевич Генрих Иосифович, польский писатель — 43, 148
Сент-Илер Константин Карлович, зоолог — 263
Сенявская Елена Спартаковна, современный историк — 17, 417, 490
Сербский Владимир Петрович, психиатр — 464
Сергеев Евгений Юрьевич, современный историк — 19, 20, 582
Сергеев М. С. — 93
Сергеева Светлана Леонидовна, современный исследователь — 15, 590
Сергей Михайлович, великий князь, генерал от артиллерии — 291, 293, 377
Сергиевский Георгий Владимирович, историк — 177
Сергин А. М., лесовод — 359
Сеченов Иван Михайлович, физиолог, «отец русской физиологии» — 43, 119, 126, 282–285, 369, 370, 455, 558, 581
Сибирцев Николай Михайлович, почвовед — 380
Сидоров Александр Валентинович, современный историк — 180, 546
Сидоров Алексей Алексеевич, искусствовед — 93
Сидоров Аркадий Лаврович, историк — 332, 590
Сидоров М. А. современный экономист — 526, 578
Сидорова Ирина Борисовна, современный историк — 271, 590
Сидорчук Илья Викторович, современный историк — 26, 69, 122, 192, 205, 417, 459, 587
Сикорский Иван Алексеевич, психиатр — 96, 98, 439, 590
Сикорский Игорь Иванович, авиаконструктор — 187
Силантьев Анатолий Алексеевич, охотовед и орнитолог — 374, 404, 405, 550, 590
Симолин Александр Александрович, правовед — 215
Синельникова Елена Фёдоровна, современный историк науки — 31, 33, 285, 287, 590
Синичкин Андрей Владимирович, современный культуролог — 276, 378, 576
Сипягин Дмитрий Сергеевич, государственный деятель — 51, 595
Сиринов Михаил Александрович, юрист, экономист — 200
Сиротинин Василий Николаевич, терапевт — 347
Сироткина Ирина Евгеньевна, современный историк науки — 54, 347, 590
Сироткина София Андреевна, современный экономист — 62, 566
Сирохина Т. А., современный автор — 376, 559
Сифоров В. И. — 243, 557
Скальковский Константин Аполлонович, горный инженер, публицист, искусствовед — 419

Скаридов А. С., современный исследователь — 20, 581
Скориков А. С., охотовед — 373, 374
Скоропадский Павел Петрович, украинский военный и политический деятель, гетман — 275
Скрябин Константин Иванович, паразитолог — 263, 408
Слабинский Владимир Юрьевич, современный психотерапевт — 211, 590
Слепкова Надежда Валентиновна, современный зоолог и историк науки — 60, 358, 364, 408, 409, 590, 591
Слива Алексей Иванович, современный библиограф — 28, 586
Слободский А. Л. — 352, 574
Словцев Борис Иванович, биохимик — 119, 284, 285, 369
Смагина Галина Ивановна, современный историк науки — 27, 142, 157, 167, 567–569, 572, 591, 593, 595, 598
Смелов Владимир Алексеевич, современный историк науки — 182, 591
Смирнов Александр Васильевич, богослов — 71
Смирнов Анатолий Александрович, психолог — 346
Смирнов В. А., химик-органик — 178
Смирнов Валентин Георгиевич, современный историк и архивист — 163, 167, 197, 591
Смирнов Владимир Иванович, математик — 278
Смирнов Дмитрий Александрович, геофизик — 166, 167, 255, 591
Смирнов Н. А., охотовед — 404
Смирнов Н. В. — 254
Смирнов Нестор Александрович, зоолог, охотовед — 376, 559
Смирнов Николай Николаевич, минералог — 177
Смирнов Николай Николаевич, современный историк — 18, 26, 46, 89, 563, 572, 586, 591
Смирнов Яков Иванович, археолог — 422, 463, 464, 529
Смолярчук Василий Иванович, юрист, правовед — 200, 591
Смыков Юрий Ильич, современный историк — 213, 591
Смысловский Евгений Константинович, генерал-лейтенант — 321
Снесарев А. П., химик — 176, 178
Соболев Владимир Семёнович, современный историк науки — 26–28, 128, 147, 200, 417, 421, 423, 424, 426, 495, 522, 527, 591
Соболев Дмитрий Николаевич, палеонтолог — 92, 285
Соболева Елена Владимировна историк науки — 32, 578
Соболевский Алексей Иванович, филолог — 55, 141, 146, 149, 150, 233, 439, 440, 451, 500, 521, 529
Сойкин Пётр Петрович, издатель — 350, 395, 481, 552, 565, 588
Соковнин Николай Александрович — 248
Соколов А. М. — 314
Соколов Алексей Петрович, физик — 176, 179
Соколов Иван Иванович, зоолог, цитолог — 263, 453
Соколов С. Н. — 254
Соколова Людмила Владимировна, физиолог — 282, 546
Сокольская С. А., земский врач — 28
Солженицын Александр Исаевич, писатель — 29
Соловьёв Владимир Сергеевич, религиозный мыслитель — 95
Соловьёв Дмитрий Константинович, охотовед — 404, 405, 592
Соловьёв Кирилл Андреевич, современный историк — 82, 94, 599
Соловьёв Сергей Михайлович, историк — 43

Соловьёв Юрий Борисович, историк — 441, 571
Соловьёв Юрий Иванович, современный историк химии — 15, 24, 63, 509, 526, 578, 592, 593
Сологуб Федор (Фёдор Кузьмич Тетерников), поэт — 99
Сомов Михаил Павлович, ихтиолог — 372, 374, 399, 592
Сонин Николай Яковлевич, математик — 55, 129, 148
Сорокин Питирим Александрович, социолог — 204, 447, 448, 592
Сорокина Марина Юрьевна, современный историк-архивист — 27, 97, 552, 592
Сорокина Ольга, современный автор — 292, 592
Сотонин Константин Иванович, философ — 533
Сперанский Александр Афиногенович, геофизик — 176, 178, 465
Сперанский Михаил Михайлович, граф, государственный деятель — 162
Спиридонова Вера Анатольевна, современный социолог — 100, 592
Срезневский Борис Измайлович, метеоролог — 421
Срезневский Всеволод Измаилович, филолог — 421, 515
Срезневский Измаил Иванович, филолог — 43
Сталин Иосиф Виссарионович, революционер и государственный деятель — 513, 564
Станкевич Борис Вячеславович, физик — 176, 180, 465
Старовойтова Лариса Ивановна, современный историк — 210, 592
Старостин Дмитрий Николаевич, современный историк — 430, 497, 592
Старцев Виталий Иванович, историк — 572
Стебут Александр Иванович, агроном, почвовед — 414
Стебут Иван Александрович, агроном — 76, 356, 380, 478
Стеклов Владимир Андреевич, математик и механик, организатор науки — 27, 40, 53, 54, 58, 60, 61, 67, 93, 109, 129, 141, 143, 146, 149, 194, 201, 233, 425, 438, 448, 455, 462, 463, 471, 472, 507, 513, 518, 521, 523, 525, 526, 528–530, 564, 578, 592
Стеллецкий Игнатий Яковлевич, спелеолог, археолог — 496, 497
Степанов Александр Васильевич, химик-аналитик — 178
Степанов Александр Николаевич, писатель — 99
Степанов Василий Александрович, инженер, политический деятель — 294
Степанов Виктор Владимирович, юрист, экономист, статистик — 200
Степанов Павел Иванович, геолог — 311
Степанов Сергей Александрович, современный историк и писатель — 521, 592
Степанчикова Ирина Сергеевна, современный ботаник — 361, 556
Степун Фёдор Августович, писатель, философ — 99
Стечкин Борис Сергеевич, инженер-механик — 179
Стогов Дмитрий Игоревич, современный историк — 551
Столыпин Пётр Аркадьевич, государственный деятель — 45, 63, 357
Стопневич Андрей Дионисиевич, гидролог — 119, 121
Страдынь Ян Павлович, современный латвийский химик — 509, 593
Стрекалова Л. А., геохимик — 299
Стрельников Иван Дмитриевич, зоолог, анатом, физиолог — 379

Строгонов Борис Петрович, физиолог растений — 15, 593
Струве Отто Вильгельм, астроном — 43
Струве Петр Бернгардович, экономист, историк, публицист, общественный деятель — 94, 95, 123, 138, 239, 311, 464, 494, 502, 504, 524, 525, 593
Струмилин Станислав Густавович, экономист и статистик — 67, 593
Судариков Андрей Михайлович, современный историк — 21, 159, 325, 326, 572, 593, 599
Сукачёв Владимир Николаевич, географ, геоботаник, лесовед — 265, 267–281, 285, 288, 311, 359, 368, 372, 374, 375, 402, 403, 593
Сулима-Самойло Андрей Фомич, гигиенист — 393, 490, 559, 573, 593
Султанбеков Булат Файзрахманович, современный историк — 212, 593
Сулханов П. Н., лесовод — 359
Сумцов Николай Фёдорович, литературовед, историк искусства — 110, 275, 487, 593
Супотницкий Михаил Васильевич, современный историк медицины, полковник — 327, 593
Суханов Николай Николаевич, политический и общественный деятель — 471
Суходский Николай Дмитриевич, лесничий — 307, 373, 383
Сухомлинов Владимир Александрович, генерал, военный министр — 88, 184, 291, 293, 302
Сухомлинов Михаил Иванович, историк науки и литературы — 161
Сушкин Пётр Петрович, зоолог, зоогеограф — 278, 285, 366
Сущинский Пётр Петрович, геолог и минералог — 315, 594
Суяркова Анна Алексеевна, современный палеонтолог — 285, 561
Сюзор Павел Юльевич, граф, архитектор, общественный деятель — 433

Табаков И. Ф., геофизик — 155
Таганцев Владимир Николаевич, географ — 263, 314, 357, 360
Таганцев Николай Степанович, юрист, государственный деятель — 360, 440, 564
Такаишвили Евфимий Семёнович, грузинский историк — 508
Таланов Виктор Викторович, растениевод, селекционер — 76, 356
Талиев Валерий Иванович, ботаник-флорист — 263, 275, 280, 403, 407, 509, 594
Тамм Игорь Евгеньевич, физик-теоретик — 90, 278
Тамул Сирье (Tamul S.), современный эстонский историк — 85, 172, 184, 190, 594, 605
Танасийчук Николай Парфентьевич, зоолог — 264, 368, 594
Танфильев Гавриил Иванович, ботаник, географ — 276, 403
Тарасевич Иван Фёдорович, ботаник — 357
Тарасевич Лев Александрович, микробиолог — 349, 355, 594
Тарасова Е. Ф., современный автор — 62, 566
Тарле Евгений Викторович, историк — 27, 449, 512, 565, 582
Тартаковский Михаил Гаврилович, ветеринар, бактериолог — 478
Татьяна Николаевна, великая княжна — 200, 340, 586
Таубе Михаил Александрович, фон, барон, юрист, историк, государственный деятель — 129
Таусон Анастасия Оттоновна, гидробиолог — 263
Твалчрелидзе Александр Антонович, геолог — 314, 489

Теплов Б. М. — 346
Тер-Аветисян Смбат Варданович, востоковед — 429, 497
Тер-Оганесов Вартан Тигранович, астроном, политический деятель — 528
Терещенко Михаил Иванович, банкир и предприниматель — 174, 505
Термен Лев Сергеевич, физик и изобретатель — 90, 199, 555
Тимирязев Климент Аркадьевич, физиолог растений, эволюционист — 65, 69, 76, 93, 281, 385, 464, 471, 472, 478, 594
Тимофеев Владимир Максимилианович, геолог, петрограф — 263
Тимошенко Степан Прокофьевич, ученый-механик — 66, 67, 71, 186, 187, 594
Тихвинский Михаил Михайлович, химик-технолог — 323, 324, 594
Тихий Мефодий Иосифович, зоолог — 263
Тихомандритский Матвей Александрович, математик — 278
Тихомиров Александр Андреевич, зоолог — 232
Тихомиров Иннокентий Константинович, метеоролог — 158
Тихонов Виталий Витальевич, современный историк — 19
Тищенко Андрей Вячеславович, историк — 89, 91
Тищенко Владимир Вячеславович, химик — 90
Тищенко Вячеслав Евгеньевич, химик-органик — 89, 90, 174, 175, 194–197, 248, 251, 252, 311, 327–329, 331, 560
Тищенко Дмитрий Вячеславович, химик — 90
Тищенко Евгений Вячеславович, студент — 90
Тищенко И. А., химик — 119
Тищенко Николай Вячеславович — 90
Ткаченко Сергей Степанович, травматолог-ортопед — 350, 594
Тодес Даниель (Todes D.), современный американский историк науки — 45, 67, 88, 234, 594, 605
Тойбнер Бенедикт Готтхелф, основатель немецкого издательства «Тойбнер» — 127
Токмачев С. М., лесовод — 91, 357
Толль Эдуард Васильевич, барон, геолог, арктический исследователь — 60
Толмачев Иннокентий Павлович, геолог, палеонтолог — 157, 158, 314, 371, 400
Толстой Алексей Николаевич, писатель, общественный деятель — 99
Толстой Дмитрий Андреевич, граф, историк, государственный деятель — 260
Толстой Иван Иванович, нумизмат, археолог — 148, 343
Толстой Лев Николаевич, граф, писатель — 70, 343, 499
Томчик Антон Людвигович, золотопромышленник — 315
Тонков Владимир Николаевич, анатом, рентгенолог — 84, 216, 230, 372, 494
Траншель Владимир Андреевич, ботаник-миколог — 263, 267, 281
Трауцкий Николай Гаврилович, растениевод — 357
Трегубов И. М. — 419
Трепицын Иван Николаевич, правовед — 466
Трепов Александр Фёдорович, государственный деятель — 433
Третьяков Николай Васильевич, лесовод — 91, 357, 361
Тринклер Николай Петрович, хирург — 176
Троицкий С. П., вице-директор Лесного департамента — 359

Тропп Эдуард Абрамович, современный физик — 105, 157, 166, 546, 553, 555, 569, 591, 594, 598
Трофимова Елена Владимировна, современный исследователь — 15, 319, 322, 594
Троцкий Лев Давидович, политический и государственный деятель — 16, 513, 520, 529
Трошин Григорий Яковлевич, психиатр, невропатолог — 346, 577
Трошина Татьяна Игоревна, современный историк — 159, 569
Трубецкой Евгений Николаевич, князь, правовед — 94, 95, 110, 111, 123, 464, 465, 504, 594
Трубецкой Сергей Николаевич, религиозный философ, публицист, общественный деятель — 53
Трунин Михаил Александрович, медик, историк и популяризатор медицины — 351, 595
Туган-Барановский Михаил Иванович, экономист и социолог — 136, 600
Тудоровский Александр Илларионович, физик — 329
Тулайков Николай Максимович, агроном, почвовед, физиолог растений — 372, 385, 386, 415, 478, 480
Туманова Анастасия Сергеевна (Tumanova A.S.), современный юрист — 28, 31, 32, 74, 236, 238–243, 245, 247, 595, 606
Тункина Ирина Владимировна, современный историк и архивист — 27, 28, 142, 162, 310, 453, 547, 595
Тупикова А.Ю. — 502
Туполев Андрей Николаевич, авиаконструктор — 179
Тур Фёдор Евдокимович, физиолог — 263, 268
Тураев Борис Александрович, востоковед, историк-египтолог — 195, 494, 504, 524
Турнер Генрих Иванович, ортопед — 350, 594, 595
Тутковский Павел Аполлонович, украинский геолог — 274, 578
Тутышкин Пётр Петрович, психиатр — 346, 595
Тучкова Светлана, современный журналист — 287, 595
Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна, журналист, политический деятель — 142
Тэйлор Фредерик Уинслоу, американский инженер — 542

Уваров Борис Петрович, энтомолог — 360, 365
Удаленков Николай Петрович, художник — 427
Удальцов Иван Дмитриевич, юрист и экономист — 454, 580
Удинцев Всеволод Аристархович, правовед — 195, 450, 466
Уиллетт Уильям, британский бизнесмен — 481
Ульянкина Татьяна Ивановна, современный историк науки — 137, 365, 468, 595
Ульянов (Ленин) Владимир Ильич, философ и политик — 485, 519, 520, 523, 527, 529, 530, 531, 571, 578
Ульянский Антон Григорьевич (настоящее имя Свинцов Владимир Николаевич), писатель — 575
Умов Николай Алексеевич, физик — 67, 69, 72, 73, 248
Уолкер Марк (Walker M.), современный американский историк — 19, 103, 543, 596, 604, 605
Уолкотт Чарлз Дулиттл, американский палеонтолог — 458
Уразов Георгий Григорьевич, химик — 490, 561

Урусова Варвара Васильевна, княгиня, фрейлина Александры Фёдоровны — 340, 596
Усагин Иван Филиппович, физик — 180
Успенский Фёдор Иванович, историк-византинист — 59, 146, 150, 422, 423, 425, 426, 429–432, 453, 494, 497, 537, 596
Успенский Яков Викторович, математик — 194
Устрялов Николай Васильевич, правовед, политический деятель — 441, 596
Уфлянд Юлий Михайлович, физиолог — 285, 596
Ухтомский Алексей Алексеевич, физиолог, общественный деятель — 194, 283, 379
Ушинский Николай Григорьевич, патофизиолог — 208
Ушкова Зинаида Николаевна, домовладелица — 271

Фаворский Алексей Евграфович, химик-органик — 194, 195, 197, 199, 248, 252, 311, 327, 328, 444, 471
Фалев Павел Александрович, востоковед-тюрколог — 429
Фалеев И. Н., ихтиолог — 397
Фальброк Генрих Адольфович, деятель народного образования — 237
Фальц-Фейн Фридрих Эдуардович, барон, основатель заповедника Аскания-Нова — 274, 403, 406
Фаминцын Андрей Сергеевич, ботаник, физиолог, организатор науки — 15, 27, 36, 43, 46–48, 51, 55, 76, 88, 100, 101, 126, 146, 152, 196, 263, 267, 268, 279–281, 300–309, 356, 358, 359, 369, 372–374, 388–390, 455, 471, 491, 529, 537, 562, 574, 578, 593,
Фан-дер-Флит Александр Петрович, инженер и учёный-механик — 84, 187, 254, 365
Фандо Роман Алексеевич, современный историк науки — 64, 69, 76, 596
Фарадей Майкл, британский физик — 130
Фарбер Дебора Арновна, современный нейрофизиолог — 282, 546
Фармаковский Борис Владимирович, историк, археолог — 150, 194
Фарук I, король Египта — 365
Фассман Е. В., современный исследователь — 344, 389, 596
Фаусек Виктор Андреевич, энтомолог — 263
Федорицкий Николай Александрович, инженер, предприниматель — 175
Фёдоров Евграф Степанович, минералог — 305, 307, 311, 317, 455, 471, 524, 575
Фёдоров Лев Александрович, современный историк — 326, 596
Фёдоров Михаил Михайлович, экономист, государственный деятель — 297
Фёдоров Семён Андреевич, инженер-механик — 307
Фёдоров Сергей Петрович, хирург, бактериолог — 352
Федорченко Софья Захаровна, писательница — 99
Федотов Дмитрий Михайлович, зоолог — 263
Федотова Анастасия Алексеевна (Fedotova A.), современный историк науки — 24, 28, 36, 121, 240, 281, 287, 356, 358, 359, 366, 380, 383, 389, 479, 550, 551, 568, 569, 573, 596, 601
Федотьев Павел Павлович, металлург — 251
Федулов Сергей Валентинович, современный историк — 21, 596
Федченко Борис Алексеевич, ботанико-географ, систематик — 373, 374, 383, 387–389, 597
Федюкин Сергей Алексеевич, историк — 520, 597

Фельдберг Давид Владимирович, логопед — 208
Фельдман Михаил Аркадьевич, современный историк — 23, 597
Феоктистов Александр Евгеньевич, физиолог — 73
Ферсман Александр Евгеньевич, минералог, геохимик, организатор науки — 15, 65, 160, 199, 251, 263, 266, 275, 299, 301, 304, 306–309, 311, 313, 314, 317, 413, 442, 444, 471, 478, 488, 490, 491, 502, 510, 520, 526, 530, 531, 547, 553, 561, 582, 597
Фигнер Вера Николаевна, революционерка — 473
Филиппов Александр Никитич, юрист — 150
Филиппов Григорий Семёнович, генетик, рентгенолог — 379
Филиппов Николай Григорьевич, историк, архивист — 31, 243, 597
Филиппов Орест Гаврилович, химик, полковник — 321
Филиппова Надежда Владимировна, архивист — 310, 593
Филипченко Юрий Александрович, зоолог, генетик — 65, 194, 208, 263, 471, 472
Филипьев Иван Николаевич, зоолог — 263
Финке Генрих, немецкий историк — 105
Фирсов Николай Николаевич, историк — 71, 72, 227, 532, 560
Фишер Ганс Эйген, немецкий химик — 105
Фишер Густав, немецкий издатель — 127
Фишер фон Вальдгейм Александр Александрович, ботаник — 344, 366, 389, 596
Фишер фон Вальдгейм Б. А., сын А. А. Фишера фон Вальдгейма — 344
Фишер фон Вальдгейм О. Л., жена Б. А. Фишера фон Вальдгейма — 344
Флавицкий Флавиан Михайлович, химик — 216, 225
Флоринский Михаил Фёдорович, современный историк — 36, 597
Фляксбергер Константин Андреевич, ботаник, растениевод — 389, 394, 490, 597
Фогт Оскар, немецкий морфолог-невролог — 38
Фок Г., немецкий книготорговец — 127
Фокин Леонид Философович, инженер-технолог — 196, 290, 321, 323, 564
Фокин Сергей Иванович, современный зоолог и историк науки — 366, 597
Фолькман Людвиг, немецкий издатель и историк искусства — 422
Фомин Александр Васильевич, ботаник — 267, 279
Фомин Александр Михайлович, современный историк — 20, 586
Фоминых Сергей Фёдорович, современный историк — 259, 582
Фомичёв А. В., лесовод — 361
Фомичёв Александр Васильевич, современный социолог — 290, 597
Фомичёва Людмила Семёновна, современный историк — 290, 597
Фортунатов Филипп Фёдорович, языковед — 69, 148, 500
Фослер Карл, немецкий лингвист и философ — 105
Фофанов Лев Львович, терапевт — 215, 230
Франк Джеймс, немецкий физик — 541
Франк Семён Людвигович, философ — 94, 95, 504, 597
Францев Владимир Андреевич, филолог-славист — 150

Фредерикс Владимир Борисович, граф, генерал от кавалерии, государственный деятель — 427
Френкель Виктор Яковлевич, физик, историк физики — 166, 255, 594, 597
Френкель Яков Ильич, физик-теоретик — 187, 255, 278
Фридлянд Моисей — см. Кольцов М.
Фридман Александр Александрович, математик, геофизик — 90, 166, 594, 597
Фридман Михаил Исидорович, экономист и государственный деятель — 239
Фридман Овсей Соломонович, историк науки — 211
Фриндлендер Р. (Friedlander R.), немецкий книготорговец — 127
Фролов А. Н., инженер-электрик — 247
Фролов П. М., современный исследователь — 21, 554
Функсон Карл Иванович, препаратор Зоологического музея — 358
Фус Виктор Егорович, астроном — 157

Хабер Фриц (Fritz Haber), немецкий химик — 17, 24, 25, 41, 42, 105, 331, 541, 605
Хадсон Джордж (Hudson G. V.), новозеландский энтомолог — 482, 602
Хайлова Нина Борисовна, современный историк — 90, 239, 597
Хайнеманн Манфред (Heinemann M.), современный немецкий историк — 19, 562
Хайрулин Камиль Шейхович, современный геофизик — 21, 597
Хаксли Джулиан, английский эволюционист, орнитолог, этолог — 38
Хандриков Митрофан Фёдорович, астроном, геодезист — 148
Харлампович Константин Васильевич, историк — 150, 212, 215
Хартанович Маргарита Фёдоровна, современный историк — 162, 598
Хатин А. — 412
Хауз Дерек, английский историк науки — 481, 598
Хаусман Гудо (Hausmann G.), современный немецкий историк — 172, 602
Хвольсон Орест Данилович, физик — 194, 253, 254
Хворостухин В. К. — 269
Хвостов Вениамин Михайлович, историк права, философ — 464
Хвостов Михаил Михайлович, историк-античник — 215, 532
Хилинский Константин Владимирович, польский историк — 195, 468
Хирш Фрэнсин (Hirsch F.), современный американский историк — 33, 602
Хлопин Виталий Григорьевич, радиохимик — 302, 315, 490, 491, 598
Хлопин Григорий Витальевич, гигиенист — 251
Хмелевский Викентий Фердинандович, польский ботаник — 279, 375, 376
Хозиков Владимир Игоревич, современный автор — 62, 182, 598
Хойстер Андреас, немецкий филолог-медиевист — 105
Холдейн Джон Бёрдон Сандерсон, английский генетик, эволюционист — 38
Холквист Питер (Holquist P.), современный американский историк — 18, 33, 98, 598, 602
Холодковский Николай Александрович, зоолог, энтомолог, паразитолог, поэт-переводчик — 263, 269, 372, 374, 494
Хомяков Михаил Михайлович, врач, антрополог — 272, 273
Хотулев Аникита Петрович, художник-живописец — 427, 498
Храмов Юрий Алексеевич, современный украинский историк физики — 176, 598

Хрипкова Антонина Георгиевна, педагог-методист, физиолог — 282, 546
Хрусталев Владимир Михайлович, современный архивист — 27, 559

Цвет Михаил Семёнович, биохимик, физиолог растений — 281, 366
Цераский Витольд Карлович, астроном — 69, 150
Церетели Григорий Филимонович, филолог — 466
Церетели Ираклий Георгиевич, политический деятель — 483
Циклинская Прасковья Васильевна, бактериолог — 349
Цингер Николай Васильевич, ботаник — 279
Цитович Иван Сергеевич, физиолог, фармаколог — 284

Чаговец Василий Юрьевич, физиолог — 284, 285
Чаплыгин Сергей Алексеевич, математик и механик — 65, 69, 72, 76, 464
Чарнолуский Владимир Иванович, деятель народного образования — 477
Чахотин Сергей Степанович, биолог и общественный деятель — 97, 583, 592
Чаянов Александр Васильевич, экономист — 242
Чебоксаров Михаил Николаевич, терапевт — 230
Чеботаревская Анастасия Николаевна, писатель, переводчик — 99
Чебышев Пафнутий Львович, математик и механик — 43, 419
Челинцев Владимир Васильевич, химик — 176–178, 465
Челпанов Георгий Иванович, философ и психолог — 177, 180, 346
Червяков Н. И., почвовед — 299, 414
Черкасов Александр Арвелодович, современный историк — 340, 561
Черникин Евгений Михайлович, современный зоолог и эколог — 377, 598
Чернин Артур Давидович, современный астрофизик — 166, 594
Чернов Виктор Михайлович, политический и государственный деятель — 384, 406, 477, 478
Чернов Дмитрий Константинович, ученый-металлург — 73, 243
Черномырдин Виктор Степанович, современный политик — 191
Чёрный Саша (настоящее имя Александр Михайлович Гликберг), писатель — 99
Чернышёв И. В. — 483
Чернышёв Феодосий Николаевич, геолог — 46, 48, 60
Чертов, штаб-ротмистр — 418
Черушев Николай Семёнович, современный военный историк — 364, 598
Черушев Юрий Николаевич, современный автор — 364, 598
Черчилль Уинстон, британский государственный деятель — 23, 598
Чеснокова Софья Александровна, физиолог — 282, 546
Четвериков Иван Пименович, методолог психологии — 277
Чечотт Генрих Оттонович, горный инженер — 186
Чибриков И. Ф. — 219
Чигарева Наталия Григорьевна, современный историк медицины — 340, 551
Чиж Владимир Фёдорович, психиатр — 347, 598
Чирвинский Владимир Николаевич, украинский геолог и минералог — 92, 491, 598
Чирвинский Николай Петрович, ученый-зоотехник — 385, 478
Чирцова Марина Георгиевна, современный историк медицины — 196, 334, 598

Чистяков Иван Иванович, экономист — 466
Чичибабин Алексей Евгеньевич, химик — 24, 67, 175, 248, 295, 311, 327, 331, 554, 559, 576
Чкалов Валерий Павлович, летчик-испытатель — 364
Чугаев Дмитрий Аггеевич, историк — 519, 582
Чугаев Лев Александрович, химик — 73, 148, 194–197, 248–252, 312, 316, 328, 444, 471, 488
Чуевский Иван Афанасьевич, физиолог — 285
Чуковский Корней Иванович, писатель — 137
Чупров Александр Александрович, экономист, статистик — 311

Шабалина Ольга Вячеславовна, современный историк науки — 158, 599
Шаксель Юлиус Кристоф Эреготт, немецкий биолог — 38, 113
Шалагинова Любовь Мироновна, историк-архивист — 439, 599
Шанявский Альфонс Леонович, промышленник и меценат — 64, 665, 69, 76, 137, 184, 463, 553, 596
Шапиро Л. Г., политический деятель — 526
Шапиров Борис Михайлович, врач, лейб-медик двора — 347
Шапошников Георгий Христофорович, энтомолог — 377, 599
Шапошников Хачатур (Христофор) Георгиевич, биолог, деятель природоохранного движения — 377
Шапошникова В. А. — 248
Шаров П. — 16, 599
Шателен Михаил Андреевич, электрофизик — 188, 243
Шатерников Михаил Николаевич, физиолог — 284, 285
Шафранов П. А. — 379, 589
Шахматов Алексей Александрович, историк, филолог, языковед — 46–48, 50, 55, 59, 67, 109, 130, 141, 143, 146, 148, 150, 155, 156, 160, 161, 195, 233, 421, 424, 425, 428, 442, 443, 456, 466, 470, 473, 474, 492, 494, 500–503, 515, 519–522, 546, 549, 561, 573, 580, 582
Шахназаров А. И., вице-директор Департамента земледелия — 381, 390–393, 595, 599
Шаховской Всеволод Николаевич, князь, государственный деятель — 294, 302
Шаховской Дмитрий Иванович, князь, общественный и политический деятель — 237, 520
Шацилло Михаил Корнельевич, современный историк — 15, 562
Шашковский К. И., уполномоченный по сбору лекарственных растений — 381
Швадченко Емельян Исидирович, растениевод — 357
Шванвич Борис Николаевич, зоолог — 263
Шварц Александр Николаевич, филолог, государственный деятель — 174
Швецов Борис Сергеевич, фотохимик — 175, 599
Шевкуненко Виктор Николаевич, анатом, хирург — 352
Шевченко Тарас Григорьевич, украинский поэт — 210
Шевяков Владимир Тимофеевич, зоолог-протистолог, организатор науки — 62, 70, 114, 140, 143, 152, 194, 201, 225, 429, 437, 452
Шелохаев Валентин Валентинович, современный историк — 82, 94, 292, 599
Шемиот Владимир Петрович, библиограф — 161

Шенберг В. Г., лесовод — 359
Шенников Александр Петрович, геоботаник — 263, 394
Шепелев Леонид Ефимович, современный историк — 599
Шереметев Сергей Дмитриевич, землевладелец, историк, коллекционер — 529
Шерешевский А. М., современный историк медицины — 64, 203, 207, 547
Шестаков П. И. — 248, 249, 251
Шестаков Сергей Петрович, историк и филолог — 150, 212
Шестов Лев Исаакович, философ — 278
Шигалин Григорий Иванович, экономист, полковник — 16, 599
Шилов Алексей Алексеевич, историк, архивист — 449
Шильцев Е. А., современный автор — 188, 575
Шимкевич Владимир Михайлович, зоолог, эволюционист, просветитель — 68, 89, 91, 92, 93, 109, 119, 134, 194, 195, 263, 264, 311, 357, 369, 374, 375, 468, 524
Шингарёв Андрей Иванович, экономист, государственный деятель — 145, 384, 459, 471, 478, 599
Шипилов Андрей Васильевич, современный культуролог и социолог — 146, 599
Шираевский Иван, ботаник — 408, 419
Шиц Виктор Михайлович, зоолог — 155, 357
Шишмарев Владимир Фёдорович, филолог, историк — 494
Шкловский Виктор Борисович, писатель — 190, 191, 599
Шклодин Ф. Л., инженер — 219
Шлиффен Альфред, фон, немецкий генерал, теоретик «молниеносной войны» — 541
Шляпкин Илья Александрович, филолог, историк искусства — 195, 522
Шмальгаузен Иван Иванович, зоолог-эволюционист — 122, 371
Шмидт Пётр Юльевич, зоолог, ихтиолог — 194, 195, 263, 266, 373, 374, 398, 400, 401, 408, 599
Шмидт Ядвига Ричардовна, физик, поэт-переводчик — 187
Шмит Фёдор Иванович, археолог, византинист — 497
Шмурло Евгений Францевич, историк — 87, 423, 425–428
Шнитников Владимир Николаевич, зоолог — 407
Шокальский Юлий Михайлович, океанограф, генерал-лейтенант — 157, 311, 402, 471
Шолохов Михаил Александрович, писатель — 100, 290, 549, 555
Шпан Мартин, немецкий историк — 105
Шпиндлер И. Б. — 314, 548
Шпитальский Евгений Иванович, физико-химик — 176, 178, 179, 186
Шрадер Татьяна Алексеевна, современный историк — 344, 401, 596, 599
Шредер Иван Фёдорович, минералог, физико-химик — 251, 313, 489
Штарк Йоханес, немецкий физик — 42
Штеллинг Эдуард Васильевич, геофизик — 157
Штернберг Лев Яковлевич, этнограф — 55, 60, 147, 492, 494
Штернберг Павел Карлович, астроном, политический и государственный деятель — 523, 528
Штубендорф Отто Эдуардович, фон, геодезист, генерал от инфантерии — 157, 529
Шувалов Иван Иванович, граф, государственный деятель — 498
Шугалей Ирина Владимировна, современный химик — 21, 326, 599

Шулов Иван Семёнович, агроном — 395, 599
Шульгин Василий Витальевич, политический деятель — 438, 446, 599
Шульгин Евгений Яковлевич, инженер-электрик — 247
Шульц Александр Александрович, садовод и огородник, статистик — 307, 373, 383, 385
Шуман В. Ю., инженер-технолог — 321
Шустер Артур, ученый секретарь Королевского общества — 106
Шустов Борис Алексеевич, лесовод — 91, 357, 361
Шухов Иннокентий Николаевич, краевед — 209

Щегловитов Иван Григорьевич, государственный деятель — 88
Щёголев Павел Елисеевич, пушкинист — 512
Щерба Александр Николаевич, современный военный историк — 21, 332, 573
Щерба Лев Владимирович, филолог — 492
Щербаков Александр Николаевич, химик — 225
Щербаков А. И., уполномоченный по сбору лекарственных растений — 381
Щербаков Дмитрий Иванович, геолог, географ — 278
Щербань Тетяна Олександрівна, современный украинский историк — 274, 599
Щербатской Фёдор Ипполитович, востоковед — 195, 524, 544
Щербинина Ольга Викторовна, современный историк техники — 344, 345, 600
Щетинин Сергей Сергеевич, создатель перового в России авиационного завода — 187
Щукин Николай Леонидович, инженер, организатор отечественного паровозостроения — 64

Эдисон Томас Алва, американский изобретатель и бизнесмен — 542
Эйдеман Роберт Петрович, комкор — 364
Эйлер Леонард, математик и физик — 127, 233
Эймонтова Регина Генриховна, историк высшей школы — 45, 600
Эйнштейн Альберт, физик-теоретик — 25, 38, 105, 113
Эйхенвальд Александр Александрович, физик — 248, 464
Энгельгардт Василий Павлович, астроном — 148
Энглер Карл Освальд Виктор, немецкий химик — 105
Эпштейн Павел Зигмундович (Пауль Софус), физик-теоретик — 114
Эренбург Илья Григорьевич, писатель — 99
Эренфест Пауль (Павел Сигизмундович), австрийский физик-теоретик — 248
Эрлих Пауль, немецкий микробиолог — 105
Эрман Адольф, немецкий египтолог — 131
Эрн Владимир Францевич, философ — 95, 600
Эскола Пенти, финский геолог — 314
Эссен Николай Карлович, фон, полковник — 421
Эштебер Эдуард Альбертович, геолог, минералог — 314

Юбербахер Р., штабс-капитан австрийской армии — 461
Юнгер Эрнст (Jünger E.), немецкий офицер и писатель — 15, 603

Юрьев Борис Николаевич, инженер и авиатор — 91
Юсупов Феликс Феликсович, князь — 341
Юферов Вячеслав Иванович, агроном — 401, 600
Ющинский Андрей, ученик Киевского духовного училища — 71, 96

Яблоновский Александр Александрович, фельетонист и беллетрист — 110, 600
Ягич Ватрослав (Игнатий Викентьевич), хорватский филолог и историк — 129
Якоби Борис Семёнович, физик — 528
Якобсон Георгий Георгиевич, энтомолог — 515
Яковкин Александр Александрович, химик — 247, 249, 251, 327, 328
Яковлев Алексей Иванович, историк — 464
Яковлев Василий Иванович, коллекционер и библиофил — 498
Яковлев Константин Павлович, физик — 176
Яковлев Николай Николаевич, геолог, палеонтолог — 285, 317, 370
Якубова Лидия Ивановна, зоолог — 154, 367
Янжул Иван Иванович, экономист — 46, 126, 148, 343
Янишевский Дмитрий Эрастович, геоботаник — 282
Янишевский Михаил Эрастович, геолог, палеонтолог — 285, 373
Янковский П. К. — 468
Яновский Михаил Владимирович, кардиолог — 361
Янушкевич Николай Николаевич, генерал, начальник Генерального штаба — 291, 326, 430
Яншин Александр Леонидович, геолог — 506, 553
Яремко Василий Иванович, современный историк медицины — 342, 577
Ярилов Арсений Арсеньевич, агроном и почвовед — 120
Ярошевский Михаил Григорьевич, психолог и историк науки — 199, 282, 546, 555
Ястребов Николай Владимирович, филолог, историк — 136, 494, 600
Яхонтов Константин Матвеевич, анатом — 230
Ячевский Артур Артурович, ботаник, миколог — 281, 369, 380, 385, 478
Ячевский Леонард Антонович, геолог — 263
Ященко Александр Семёнович, правовед, философ — 466

Adams M. — 378, 600
Andreev A. Ju. — см. Андреев А. Ю.
Antsyferov A. N. — 386, 600

Badash L. — 128, 600
Badrock S. — 18, 605
Bailes K. — 54, 520, 600
Barinov D. A. — 192, 194, 605
Batshev M. O. — 386, 600
Beyrau D. — см. Байрау Д. —
Bilimovich A. D. — 386, 600
Bischoff J. — 16, 600
Blessing W. K. — 171, 600
Bradley J. — см. Бредли Дж.
Braun H. — 16, 601
Brocke Bernhard, vom — 17, 601
Brooks N. — 252, 601
Bud R. — см. Буд Р.
Buchanan G. — 80, 601

Connelly J. — 19, 601
Crawford E. — 119, 601
Crosland M. — 119, 601

David-Fox M. — 19, 600
Dwinger E. E. — 16, 601

Dittmann L. — 601
Dmitriev A.N. — см. Дмитриев А.Н.
Duff J.D. — 138, 603

Engelhardt, von D. — 124, 601

Fedotova A. — см. Федотова А.А.
Fischer M. — 124, 604
Fischer W. — 17, 116, 132, 601, 602, 606
Forman P. — 42, 543, 601
Frame M. — 605
Frängsmyr T. — 119, 601

Gätke-Heckmann U. — 171, 602
Geyer M. — 33, 602
Gillis J.R. — 33, 602
Graham L. — см. Грэхем Л.
Grau C. — 116, 602
Grunden W. — 333, 602

Haber Fr. — см. Хабер Ф.
Haeckel E. — см. Геккель Э.
Hagen, von M. — 605
Hakkarainen J.-P. — 121, 240, 601
Hallberg L. — 121, 240, 601
Harnack A. — 540, 602
Harwood J. — 143, 543, 602
Hase A. — 25, 602
Hausmann Guido — см. Хаусман Г.
Hehl, von U. — 171, 602
Hirsch Francine — см. Хирш Ф.
Holquist Peter — см. Холквист П.
Hoßfeld U. (Hossfeld U.) — 169, 350, 603
Hudson G.V. — см. Хадсон Дж.

Iaria A. — 117, 602
Ipatieff V.N. — см. Ипатьев В.Н.
Ivantsov D.N. — 386, 600

Jarausch K.H. — 193, 603
Jansen S. — 38, 603
John Ju. — 169, 603
Johnson Je. — 252, 601
Jünger E. — см. Юнгер Э.

Käsnter I. — 124, 601
Kassow S.D. — см. Кассов С.
Kawamura Yu. — 333, 602
Kellermann H. — 104, 603
Koenen G. — 16, 603
Kojevnikov A.B. — см. Кожевников А.Б.
Kolchinsky E.I. — см. Колчинский Э.И.
Kolonitskii B. — см. Колоницкий Б.И.

Lappo-Danilevsky A.S. — см. Лаппо-Данилевский А.С.
Lemuth O. — 169, 603
Lenard Ph. — см. Ленард Ф.
Lenz F. — см. Ленц Ф.
Levit Georg — 360, 603
Lindenmeyr A. — 19, 601, 605
Liulevicius V.G. — 16, 603
Lohr E. — 605
Lotsy J.P. — см. Лотси Я.П.
Lyandres S. — 474, 604

MacLeod R. — 19, 252, 601, 604, 605
Maier H. — 333, 602
Marks S.G. — 605
Maurer T. — см. Маурер Т.
Maurenbrecher M. — см. Мауренбрехер М.
Metzler G. — 40, 604
Morrissey S.K. — см. Моррисси С.
Morrissy S. — см. Моррисси С.

Nicolai G.F. — см. Николаи Г.Ф.
Novgorodtsev P.I. — см. Новгородцев П.И.
Novgorodtsev P.J. — см. Новгородцев П.И.
Novikova L.G. — 18, 605

Odinetz D. M. — см. Одинец Д. М.
Otockij P. V. — см. Отоцкий П. В.

Paléologue M. — 80, 604
Paul Harry W. — см. Поль Г.
Pavlov I. — см. Павлов И. П.
Péteri G. — 19, 600
Pipes R. — 504, 604
Plate L. — см. Плате Л.

Ramsay W. — см. Рамзай У.
Read Cr. — 19, 601, 605
Retish A. B. — 18, 605
Riha O. — 124, 604
Rostovtsev E. A. — см. Ростовцев А. Е.

Sachse C. — 19, 604
Saltzman M. B. — 107, 605
Schmiechen-Ackermann D. — 19, 605
Semyonov A. — 605
Siebe D. — 171, 605
Spempin A. — 184, 605
Stockdale M. K. — 605
Stoltzenberg D. — 17, 541, 605
Strobel K. — 171, 600
Stubbs K. D. — 332, 605
Stutz R. — 169, 603
Szöllösi-Janze M. — 17, 331, 541, 605

Tamul S. — см. Тамул С.
Thum Gregor — 38, 604
Todes D. — см. Тодес Д.
Tolz V. — 605
Trischler H. — 542, 606
Tumanova A. S. — см. Туманова А. С.

Ungern-Sternberg J. — 105, 606
Ungern-Sternberg W. — 105, 606

Vernadsky V. I. — см. Вернадский В. И.
Vierhaus R. — 17, 601

Waldinger F. — 117, 602
Waldron P. — 19, 601, 605
Walker M. — см. Уолкер М.
Wettmann A. — 171, 606
Winter E. — 114, 606

Yamazaki M. — 333, 602

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Э. И. Колчинский, С. И. Зенкевич, А. И. Ермолаев,
С. В. Ретунская, А. В. Самокиш

Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны

Под общей редакцией Э.И. Колчинского

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2018. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 48,75
Тираж 300 экз. Заказ № 1386

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86